ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЗА социалистическую ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

Июль 1935 7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ № 7

Стр.

Июньский пленум ЦК ВКП (б) и задачи органов юстиции — 1

О. Файнблит — Прокуратура в борьбе за уборку и заготовки с.-х. продуктов — 5

Г. Сегал — К итогам майского совещания судебно-прокурорских работников ж.-дор. транспорта — 7

С. Янский — На борьбу с авариями и простоями на водном транспорте — 10

Н. Дурманов — Усилить борьбу со взяточничеством — 13

М. Строгович — К реформе уголовно-процессуального кодекса — 18

Ф. Львов — О защите — 20

С. Голунский — О непосредственном направлении в суд уголовных дел — 22

С. Фиделев — Гарантии для обвиняемого — гарантии доброкачественности приговора — 25

Б. Маньковский — Бригада ИССП Комакадемии и Института уголовной политики в Минске — 28

Г. Свердлов — Насчет острот — 29

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза — 31

По союзным республикам — 39

Право — процесс — судоустройство в капиталистических странах — 44

Официальный отдел — 53

ЗА социалистическую ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

ИЮЛЬ 1935 г. 7

Редакция:
Москва, Б. Дмитровка, д. 15

Июньский пленум ЦК ВКП(б) и задачи органов юстиции

Июньский пленум ЦК ВКП(б) поставил перед партией и всей страной ряд чрезвычайно ответственных задач политического и хозяйственного значения. Важность этих задач видна из перечня самих вопросов, рассмотренных пленумом ЦК 5—7 июня 1935 г., — это вопросы об уборке и заготовках сельскохозяйственных продуктов, о служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза ССР и о т. Енукидзе.

Доклады тт. Чернова, Калмановича и Клейнера по первому вопросу представляли собою сжатые сообщения об итогах весеннего сева и о тех мероприятиях, какие необходимо развернуть в целях успешной реализации уборки и заготовок сельскохозяйственных продуктов.

Эти доклады затронули ряд важнейших вопросов, непосредственно пересекающихся с плоскостью работы органов юстиции и в первую очередь органов прокуратуры.

Прекрасно проведенный весенний сев, давший значительное улучшение качества при гораздо более сжатых сроках, чем это было в прошлые годы, является одним из важнейших условий хорошего урожая.

Впервые колхозы вступили в весенний сев с ростом тягловой силы на 2 млн. HP; уже на 1 мая весенний сев был выполнен больше чем наполовину, в ряде краев и областей сев был проведен раньше срока. И это не только в отношении зерновых культур, но и в отношении технических культур — сев хлопка проведен быстрее прошлого года на 10—15 дней, сахарной свеклы — на 15 дней.

Выше и качество сева: по зяби посеяно в этом году 56,2% вместо 38,3% в 1934 г.; посев яровых возрос на 47% против прошлого года, в два раза — против 1933 года и в 5½ раз — против 1931 года.

Тов. Чернов имел полное основание констатировать крупнейшие успехи весеннего сева, создавшие все предпосылки к тому, чтобы иметь хороший урожай. Тов. Чернов совершенно правильно констатировал, что причинами таких успехов является правильная политика партии, в результате которой колхозное крестьянство ответило на сталинский устав сельскохозяйственной артели огромным подъемом, решившим успех весеннего сева; огромная помощь колхозам со стороны государства (100 млн. пудов семенной и продовольственной ссуды); организация к весне 439 новых МТС; увеличение к весне тракторного парка с 150 до 225 тыс. в переводе на 15-сильные машины.

Все теперь зависит от того, как удастся собрать урожай, — это главная задача и наиболее ответственная. Как показал опыт всех прошлых лет, «успех уборки решит систематическое и правильное руководство партийных организаций уборкой, вовлечение всей массы колхозников и рабочих колхозов в активную работу по уборке, использование полностью всех машин и особенно ком-

байнов» (резолюция июньского пленума ЦК ВКП(б) 7 июня с. г.).

Пленум ЦК нашей партии особенно подчеркнул, что еще более серьезное значение для успешной уборки урожая имеют обеспечение сохранности убранного урожая, охраны его от расхищений, честное выполнение в срок планов заготовок и обеспечение семенных фондов хорошего качества.

Поэтому Центральный комитет нашей партии указал еще на такую исключительной важности задачу, как «решительная борьба с разбазариванием и расхищением убранного хлеба, представляющего общественную социалистическую собственность, ликвидация пережитков кулацко-рваческих настроений, направленных к подрыву заготовок и к ослаблению их темпов, мобилизация колхозных масс и совхозных рабочих на это дело...»

«Таковы, — добавил к этому пленум ЦК ВКП(б), — средства, обеспечивающие выполнение планов заготовок и образования семенных фондов».

Июньский пленум ЦК ВКП(б) дал конкретную оперативную программу работ и борьбы за высокий урожай этого года. В этой программе он отвел серьезное место вопросам, связанным с охраной урожая от расхищения, с борьбой за законность, социалистический порядок и социалистическую дисциплину.

Каждый судебный и прокурорский работник должен суметь построить свою работу в III квартале этого года в соответствии с мудрыми указаниями нашей партии, в соответствии с теми требованиями, какие она сейчас предъявляет ко всем работникам социалистического строительства в борьбе за высокие результаты в предстоящую хлебозаготовительную кампанию.

Мы не должны забывать, что классовый враг, хотя и разгромленный, однако, еще окончательно недобитый, будет делать неоднократные попытки использовать сложную, горячую и ответственную обстановку уборочных и заготовительных работ на советских полях для того, чтобы еще раз напакостить и навредить делу укрепления советского государства.

Каждый прокурор и каждый судья на опыте прошлых лет, на основе анализа, опирающегося на учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина о классовой борьбе и условиях роста и развития пролетарской диктатуры, должен помнить о неослабевающей ненависти последних остатков эксплоататорских классов, о все возрастающей злобе и вражде этих последышей капиталистического строя к новому социалистическому обществу, к новому коммунистическому строю.

В этом году еще безнадежнее становится положение последних остатков разбитых и разгромленных капиталистических элементов в СССР, и в силу этого еще отчаяннее будут контрреволюционные усилия этих элементов, направленные на отстаивание своих интересов.

Каждый работник суда и прокуратуры должен помнить о гениальном указании вождя нашей партии т. Сталина о возрастании силы сопротивления классового врага в тем большей степени, чем в большей степени становится безнадежным его положение.

Они должны помнить о тех указаниях т. Сталина, которые относятся к характеристике самих методов борьбы и классового сопротивления контрреволюционных элементов в СССР, пытающихся замаскироваться, приспособиться к создавшейся обстановке, попробовать обходными и искусными маневрами ударить по наиболее слабым и наименее защищенным местам и звеньям советской государственной системы.

Опыт классовой борьбы, опыт преодоления классового сопротивления эксплоататорских элементов, не стесняющихся в средствах борьбы против советской власти, не останавливающихся ни перед чем, начиная от мелкого вредительства, порчи советского имущества, истребления скота и т. д. и кончая обрезом и ножом, направленным против наиболее активных и преданных делу социалистического строительства сынов нашей великой родины, — учит нас тому, как жесток, коварен и подл наш враг в борьбе против советов.

Этот опыт требует от нас, от работников прокуратуры в первую очередь, исключительной бдительности и настороженности, исключительной преданности и самоотверженности.

Нужно уметь во-время разоблачать классового врага и его агентуру, нужно уметь искусно изобличать его воровские махинации, нужно уметь решительно, последовательно, не щадя своих сил, настигать этого врага, парализовывать каждое его движение, направленное против дела социализма и против пролетарской диктатуры, беспощадно истреблять всякие попытки враждебных нам элементов мешать успешному ходу строительства социализма в нашей стране.

Решения июньского пленума ЦК ВКП(б) еще раз напоминают о сложности и ответственности борьбы за урожай. Успех урожая, успех уборки и заготовок не придет и не может прийти самотеком.

Пленум ЦК ВКП(б) предостерегает все партийные и советские организации от недооценки трудностей уборочной и заготовительной кампании этого года, от увлечения «достигнутыми в весеннюю посевную кампанию успехами».

Пленум ЦК ВКП(б) предостерегает в своем постановлении об уборке и заготовках сельскохозяйственных продуктов все партийные и советские организации, что «их работа будет оцениваться по результатам уборочных работ и выполнению планов заготовок сельскохозяйственных продуктов».

Пленум ЦК ВКП(б) напоминает, что «план заготовок будет выполнен полностью и в срок лишь в том случае, **если будет обеспечена должная охрана убранного хлеба от разбазаривания и расхищения, если будут мобилизованы колхозные и совхозные массы на борьбу с кулацко-рваческими настроениями, направленными к подрыву дела заготовок, если будет изгнан из практики заготовок так называемый самотек, если заготовки будут организованы по-настоящему, по-большевистски»** (стр. 79).

Это напоминание непосредственно относится и к органам прокуратуры. Работники прокуратуры также должны построить свое участие в борьбе за урожай этого года, в борьбе за успешное проведение уборки и заготовок хлеба и технических культур на основе строго продуманных и взвешенных мероприятий, непосредственно вытекающих из обязанностей прокуратуры, как органа пролетарской диктатуры, призванного охранять незыблемость советского закона, призванного к укреплению социалистического правопорядка и защите интересов советского государства и трудящихся.

Главное, что стоит сейчас в этой кампании перед органами прокуратуры, это суметь быстро и оперативно реагировать на каждый случай угрозы успешному ходу уборочно-заготовительной кампании со стороны враждебных социалистическому строю элементов.

Решительно отказавшись от старых методов работы, при которых качество работы тонуло в количестве, органы прокуратуры должны так построить сейчас свою работу, чтобы не повторить старых ошибок, характеризующихся массовым привлечением к ответственности трудящихся, разменыванием уголовной репрессии на мелочи, волокитой и канцелярско-бюрократическими приемами работы, губящими любое живое дело.

Инструкция 8 мая должна быть попрежнему руководящим началом в работе органов прокуратуры. Строго продуманная, лишенная всякой торопливости и поспешности и в то же время энергичная и быстрая, не уступающая в своих темпах темпу самого социалистического строительства, умело проведенная, направленная всем своим острием против подлинных преступников и подлинного классового врага СССР работа органов прокуратуры даст и результаты, требуемые от нее в настоящее время партией и правительством.

Ни малейшего колебания в нанесении решительных и беспощадных ударов по подлинным классовым врагам — вот требование, которому должна полностью удовлетворить наша работа, требование, от которого никто и ни при каких условиях не смеет отступить ни на шаг.

Но чем решительней и беспощадней должны быть удары, бросаемые органами прокуратуры на головы изменников, предателей, бандитов и всех вообще врагов советской власти и советского строительства, тем искуснее, продуманнее и совершеннее должны быть вся система работы, все методы борьбы органов прокуратуры.

В эту сторону — на высокое качество нашей работы, на полное овладение всей

276

техникой уголовного преследования и борьбы, при помощи мер судебной репрессии, с классово враждебными элементами — и должно быть направлено сейчас все внимание наших периферийных органов.

Быстрее заканчивать расследования по преступлениям, направленным против интересов уборки и заготовок хлеба и технических культур, быстрее организовывать и проводить судебные процессы, мобилизовав на живых и конкретных примерах преступных махинаций наших врагов всю ненависть трудящихся масс против негодяев, пытающихся бороться с советским строем; обеспечивать правильное и безошибочное вынесение судебных приговоров, громящих врагов, предостерегающих колеблющихся из числа трудящихся, воспитывающих и исправляющих исправимых — вот боевая задача, над решением которой крепко должны поработать все работники нашей прокурорской системы.

Не должно быть в этом году таких явлений, какие, к сожалению, наблюдались нередко в прошлом, когда прокуратура поздно включалась в борьбу за урожай и заготовки, когда прокуратура не умела быстро и оперативно маневрировать в сложной политической обстановке того или другого района, когда органы прокуратуры в нужных случаях бывали «в нетях»; не умея справиться со своими задачами, оказывались не в состоянии оправдать то высокое доверие, которое им оказано партией и правительством, как органам, призванным к охране советского государства.

Пленум ЦК ВКП(б) 5—7 июня 1935 г. вписал новую страницу в борьбу за социалистическое строительство, за успехи строящегося нового социалистического общества.

На основе решений июньского пленума ЦК ВКП(б) органы прокуратуры должны по-боевому развернуть свою работу.

Решения июньского пленума ЦК ВКП(б) дают в руки органов прокуратуры новое оружие в борьбе с теми трудностями, с какими предстоит встретиться в надвигающуюся уборочную и заготовительную кампанию, оружие, при помощи которого эти трудности могут быть и будут полностью преодолены.

Второй вопрос, рассмотренный июньским пленумом, далеко вышел за пределы только анализа, оценки и характеристики положения в служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза ССР. Пленум ЦК ВКП(б), как известно, за бытовое и политическое разложение вывел из состава ЦК ВКП(б) и исключил из рядов партии быв. секретаря ЦИК Союза ССР т. А. Енукидзе.

Вскрытое пленумом ЦК ВКП(б) бытовое и политическое разложение Енукидзе глубоко взволновало всю партию и всю страну. Партия во главе со своим вождем т. Сталиным резко и бесстрашно вскрыла все пороки и элементы разложения А. С. Енукидзе, притупление политической бдительности которого привело к таким отрицательным явлениям, которые по справедливости вызвали глубочайшее возмущение и осуждение со стороны нашей партии. На примере с А. Енукидзе мы видим, как действует классовый враг, использующий либерально благодушные настроения потерявших партийное лицо «вельмож», оказывающихся игрушкой в руках врагов партии и советского государства.

Решение пленума ЦК по вопросу о служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза еще раз подчеркивает всю необходимость величайшей партийно-классовой бдительности, величайшей партийности в жизни и работе каждого коммуниста, предостерегая неустойчивых в этом отношении людей от ошибок, перерастающих при известных условиях в преступления.

Решение пленума ЦК по этому вопросу бьет против коммунистов, страдающих оппортунистическим благодушием, впадающих в обывательское спокойствие, теряющих чувство непримиримости к классовому врагу, сползающих на рельсы обывательщины, забывающих о том, что в условиях ожесточенной классовой борьбы каждый коммунист должен быть на-чеку, каждый должен чувствовать себя солдатом на боевом посту. Решения пленума ЦК ВКП(б) 5—7 июня мобилизуют всю партию, всех трудящихся нашей страны на дальнейшую борьбу за социалистическую дисциплину, за самоотверженное и преданное служение великим интересам нашей великой родины.

С. Файнблит

Прокуратура в борьбе за уборку и заготовки сельскохозяйственных продуктов в 1935 г.

Пленум ЦК ВКП(б) 5—7 июня 1935 г. вооружил всю партию и всех трудящихся нашего Союза ценнейшими директивными указаниями о том, как следует работать и в чем заключаются основные условия, соблюдение которых обеспечивает успех уборки и заготовки с.-х. продуктов как зерновых, так и технических. Пленум отметил, что «сокращенные сроки и лучшее по сравнению со всеми прошлыми годами качество сева в колхозах и совхозах создали все возможности получить хороший урожай».

Опубликованная 10 июня 1935 г. сводка о выполнении плана весеннего сева в текущем году подчеркивает, что план по пшенице выполнен на 105,1%, по овсу — 102,7% и полностью по хлопку, сахарной свекле, льну, подсолнуху и другим техническим культурам.

Этот успех нынешней большевистской весны обусловлен всей политикой нашей партии, направленной на организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов и на их техническое вооружение, на поднятие роста урожайности большевистских полей.

Этот успех сева обязывает, категорически требует от всех работников государственного аппарата, и от нас, работников прокуратуры, самого внимательного, самого вдумчивого, самого энергичного отношения к борьбе за реализацию сева, за уборку, за заготовки. Если пленум ЦК нашей партии говорит, что «для обеспечения образцовой уборки урожая текущего года созданы все необходимые условия», а это именно так, то настоятельно необходимо во что бы то ни стало обеспечить образцовую уборку, обеспечить, на нашем прокурорском участке, борьбу со всеми теми, кто своими преступными действиями попытается помешать, дезорганизовать, а тем более срывать предстоящую огромную работу по уборке урожая и хлебозаготовкам. Наши задачи по борьбе за урожай станут для каждого из нас более четкими, когда мы уясним себе, каковы основные особенности предстоящей уборочной и хлебозаготовительной кампании 1935 г., с каким вооружением включаемся мы, прокурорские работники, в эти важнейшие политико-хозяйственные кампании текущего года, каковы наши недочеты в прошлом. Помимо уже указанной выше первой особенности текущего года блестяще проведенного сева, второй особенностью является то, что страна наша подходит к уборке со значительно усиленным техническим вооружением, а именно: за 1933 и 1934 гг. наше сельское хозяйство получило от государства 137 тыс. тракторов, 18 тыс. комбайнов, 63 тыс. конных и тракторных сеялок, 24 тыс. молотилок, 343 тыс. разных уборочных машин и 25 тыс. грузовых автомобилей. К этому тракторно-комбайно-автопарку, как это видно из постановления июньского пленума ЦК, дополнительно входит в строй на колхозно-совхозные поля еще «21 тыс. комбайнов, 99 тыс. тракторов, в том числе 17 тыс. мощных сталинцев, 30 тыс. автомобилей и на 355 миллионов рублей остальных с.-х. машин». Третья особенность — значительный рост кадров в деревне. Уже в настоящее время сельская интеллигенция имеет в своем составе тысячи инженеров, техников, механиков машинно-тракторных станций, мелиораторов, лаборантов, электрификаторов, агрономов, ветработников, комбайнеров, учителей, медработников и т. д.

Для обслуживания нового машинного вооружения в этом году потребуется значительное увеличение технически грамотных людей, что в свою очередь облегчит проведение уборки и хлебосдачи.

Решающая особенность предстоящей борьбы за урожай, за хлебосдачу — это настоятельная необходимость надлежащего выполнения указаний т. Сталина о бережном, внимательном отношении к этим кадрам, которые включаются в работу по овладению ввезенной на село машиной, к кадрам, призванным, по выражению нашего учителя и вождя т. Сталина, «оседлать эту технику».

Четвертая особенность: колхозная деревня вооружена сталинским уставом сельскохозяйственной артели, четко разрешающим основные вопросы колхозного строительства документом, ведущим к дальнейшему организационному укреплению колхозов.

Пятая особенность—это наличие многих десятков тысяч хозяйственно-мощных колхозов, это осознание, освоение еще многими десятками миллионов крестьян всех преимуществ колхозного строя.

Вот при каких основных чрезвычайно благоприятных условиях страна подходит к уборке и загот. кампании, вот на каком фоне должна развернуться и наша прокурорская работа. Пленум ЦК ВКП(б) указывает нам на наши обязанности в этой работе, когда говорит о таких задачах как «обеспечение сохранности убранного урожая, охрана его от расхищения», «решительная борьба с разбазариванием и расхищением убранного хлеба, представляющего общественную социалистическую собственность, ликвидация пережитков кулацкорваческих настроений, направленных к подрыву заготовок и их темпов».

В борьбу за выполнение этих партийных директив работники прокуратуры должны ринуться со всей большевистской силой и энергией. Жесточайший отпор должны получить всякого рода попытки подорвать, дезорганизовать успех уборки и выполнения государственных обязательств по заготовкам с.-х. продуктов.

Борьба работников прокуратуры имеет довольно многосторонний характер: она должна быть направлена против злостного срыва прополки, против затяжки сроков уборки и об-

молота, недоброкачественного обмолота, порчи зерна. Органы прокуратуры должны крепко ударить по расхитителям социалистического урожая на всех стадиях уборки и заготовок; крепко бить за хищение на корню, в пути, в зернохранилищах; надо бороться за надлежащий ремонт с.-х. машин, против простоев, поломок, порчи, за своевременную доставку и надлежащее использование горючего, не забывая при этом необходимости борьбы с фактами варварского обращения с лошадьми и другим рабочим скотом.

Работники прокуратуры, по примеру прошлых лет, должны энергично бороться за своевременное выполнение принятых обязательств по заготовкам, за своевременную и надлежащую подготовку складских помещений (новая стройка складов, ремонт, очистка, дезинфекция складской площади и т. д.).

На всех этих участках борьбы у работников прокуратуры за прошлые годы накопился очень богатый практический опыт, преступные проделки всякого рода крупных и мелких хищников, жуликов, ротозеев, лодырей каждый практический работник прокуратуры безусловно знает. Это освоение опыта борьбы должно быть использовано в предстоящей работе, этот опыт должен работу по борьбе с преступностью облегчить и сделать эфективной.

Конкретные формы «кулацко-рваческих, антигосударственных тенденций, с которыми пленум ЦК призывает всех энергично бороться, должны в практике судебно-прокурорской работы в этом году встречать быстрый и решительный отпор; надо энергично пресекать все случаи преуменьшения показателей урожайности, затяжки выполнения плана зернопоставок, увеличения установленных норм авансирования колхозников зерном, израсходование зерна нового обмолота на внутриколхозные нужды, приемку зерна под сохранные расписки и т. д.

Органы прокуратуры должны быть на страже выполнения постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) 3 марта 1935 г. «Об обязательных поставках зерна, подсолнуха и риса государству», давая отпор попыткам давать встречные планы и принудительному изъятию зерна у хлебосдатчиков до истечения срока сдачи.

Должна быть развернута энергичная борьба со всякого рода махинациями классовых врагов, затесавшихся в аппарат заготовительных органов (конкретные виды преступлений: выдачи фиктивных квитанций, хищение зерна под видом списания потерь, повышение норм усушки, обсчет и обвешивание сдатчиков и т. д.

Почти во всех итоговых материалах о работе прокуратуры по борьбе за уборку и хлебосдачу прошлого 1934 г. отмечается один основной, коренной недостаток: слабость темпов, несвоевременность нанесения удара по врагу и дезорганизатору. В 1935 г. этот недочет обязательно должен быть изжит. Другой недочет: привлечение к уголовной ответственности и применении репрессий за незначительные преступления, за ничтожные проступки. Отсюда массовость привлечения к уголовной ответственности.

С этой практикой нужно покончить: широко должна быть использована в борьбе с мелкими упущениями по работе ст. 17 с.-х. устава и общественно-товарищеские суды.

Указание т. Сталина на бережное отношение к кадрам, — ибо «кадры решают все» — должна найти свое отражение во всей практике судебно-прокурорской работы, которая имеет дело, ведь, только с людьми. «Кадры решают все» — стало быть привлекать к ответственности, осуждать людей надо чрезвычайно осмотрительно, чрезвычайно обдуманно. «Кадры решают все» — это также означает необходимость крепче бить по преступным элементам, по злостным, враждебным делу социализма «кадрам», по классовым врагам. Во время предстоящей уборочной и хлебозаготовительной кампании уже совершенно недопустимы осужденные в прошлом воловьи темпы, нетерпима осужденная гонка за количественными показателями репрессированных, не должно иметь места игнорирование процессуальных норм, упрощенство при расследовании и рассмотрении дел.

Меткие, своевременные и организованные удары по действительным, серьезным, а не мнимым врагам — вот установка партии, которая должна быть реализована во время уборочной и хлебозаготовительной кампании в полном объеме. Своевременно вынесенный судебный приговор, надлежаще разъясненный в массах, понятый и одобренный массой—значительно поможет побороть кулацко-рваческие тенденции единоличника, саботирующего заготовки, предупредит других от преступлений на этом участке.

Пленум ЦК ВКП(б) «предостерегает партийные и советские организации от недооценки трудностей предстоящей уборочной и заготовительной кампании...» Пленум ЦК ВКП(б) напоминает, что «планы заготовок будут выполнены, если будет обеспечена должная охрана убранного хлеба от разбазаривания и расхищения, если будут мобилизованы колхозные массы и совхозные рабочие на борьбу с кулацко-рваческими настроениями, направленными к подрыву дела заготовок...» В этих директивах пленума ЦК нашей партии — целая дополнительная программа методов нашей прокурорской работы во время предстоящих кампаний. Успех нашей борьбы за урожай будет обеспечен, если мы сумеем правильно расставить свои прокурорские контрольные посты и группы содействия на местах: в бригадах, у комбайнов, на зерноскладах, мельницах, на транспорте. Успех работы органов юстиции в борьбе с преступлениями во время уборки и заготовок будет обеспечен, если весь в этом году сильно выросший актив сельской интеллигенции будет сигнализировать нам о преступных махинациях классовых врагов и их приспешников. Успех нашей работы будет обеспечен, если поступившие сигналы будут своевременно проверены, расследованы, если на нашу активность и оперативность массы ответят еще более энергичной борьбой со всякого рода злоупотреблениями. Успех нашей борьбы будет обеспечен, если в лице прокурора каждый колхозник будет видеть защитника своих интересов против всяких бюрократических извращений, если всякий рабочий

и служащий совхоза будут считать прокурора действительным борцом за своевременную выплату зарплаты и за надлежащую организацию его материально-бытовых условий. Есть еще один участок, которому органы прокуратуры должны уделить свое внимание: это борьба с ворами, обкрадывающими квартиры совхозных работников, колхозников и единоличников, работающих в поле. Во время полевых работ, когда все трудоспособные на полях, лодыриворы особенно опасны, их преступные действия особенно раздражают массы, серьезно мешают работе. Вот с этими ворами надо бороться немедленной их изоляцией и строгими мерами репрессии.

В своей исторической речи от 4 мая 1935 г. т. Сталин сказал: «Если бы на наших первоклассных заводах и фабриках, в наших совхозах и колхозах, в нашей Красной армии имелось достаточное количество кадров, способных оседлать эту технику, страна наша получила бы эффекта втрое и вчетверо больше, чем она имеет теперь». Для того чтобы наша борьба с преступностью во время предстоящих кампаний по уборке урожая и хлебосдаче «получила бы эффект втрое и вчетверо больше», нам, прокурорским работникам, нужно, следуя указаниям учителя и вождя нашей партии т. Сталина, овладеть техникой нашей работы, знать, изучать конкретную хозяйственно-политическую обстановку каждого участка работы, выявлять своевременно наиболее слабые звенья на этих участках и, опираясь на массы, смело и метко парализовать и пресекать преступления, уверенно и бодро вместе со всей партией и трудящимися массами города и деревни, под руководством нашей великой партии во главе с нашим ЦК партии и нашим великим вождем т. Сталиным итти к успешному завершению уборки и хлебозаготовок.

Г. Сегал

К итогам майского совещания судебно-прокурорских работников железнодорожного транспорта

Майское совещание прокуроров железных дорог и председателей линейных судов, прошедшее с участием Л. М. Кагановича и А. Я. Вышинского, преследовало цель критического анализа работы органов юстиции на транспорте и перестройки этой работы на основе приказа т. Л. М. Кагановича «О борьбе с крушениями и авариями», его указаний на совещании работников ж.-д. транспорта и исторической речи т. Сталина 4 мая на выпуске академиков Красной армии.

Материалы совещания, выступления его участников и заключившая совещание речь т. Кагановича с исключительной яркостью вскрыли основной порок работы органов юстиции на железнодорожном транспорте: эти органы, по своему существу являющиеся одними из наиболее революционных органов на транспорте, в значительной степени поддались влиянию формально-бюрократических методов, характеризовавших работу транспорта, борьба с которыми является по существу одной из их важнейших задач.

Наиболее ярко свое выражение этот порок работы органов юстиции нашел в области борьбы с крушениями и авариями.

Крушения и аварии являются основным злом и бичом железнодорожного транспорта, в самой острой форме отражающим слабость дисциплины и воспитания кадров транспорта. Борьба с крушениями, воспитание к дисциплине широких масс железнодорожников, создание атмосферы общественного осуждения против ее нарушителей были и остаются главной задачей суда и прокуратуры на транспорте.

Между тем эта задача выполнялась так же формально, так же бюрократически, как работали сами органы управления транспортом. Прокуроры и судьи, так же, как и командиры транспорта, считали, что все дело в применении той или иной репрессии к непосредственным виновникам крушения. Дисциплинарные взыскания и судебные приговоры, подменявшие подлинную организаторскую и воспитательную работу, стали обыденным явлением, вошли в привычку и, как всякое слишком часто применяемое средство, потеряли в значительной степени свою силу. Судебные процессы по делам о крушениях не только, как правило, не мобилизовывали массу, но и сами прокуроры и судьи перестали чувствовать подлинное возмущение против разгильдяйства, хулиганства и безответственности, приводящих к крушениям. Это нашло свое выражение и в карательной политике линейных судов по делам о крушениях: из всех осужденных только 28,5% в 1934 г. приговорено к лишению свободы; остальные к исправительно-трудовым работам, главным образом по месту службы, и к условным наказаниям. Произошло это потому, что наряду с действительными разгильдяями и хулиганами предавались суду в большом количестве люди, которые при надлежащей работе с ними могли бы быть безупречными работниками и применение к которым судебной репрессии лишь притупляет остроту такого острого революционного оружия, каким является пролетарский суд. Результат такой практики с классической яркостью охарактеризован в приказе т. Л. М. Кагановича: «Прокуроры обвиняют, суды судят, а число крушений растет».

Само собою разумеется, что эта практика требует коренного изменения. Органы юстиции на транспорте должны решительно отказаться от методов массового привлечения и сделать

оружие судебной репрессии метким и отточенным, прибегая к нему как **к последнему средству.**

Значит ли это, что работа суда и прокуратуры на транспорте в области борьбы с крушениями облегчается и делается менее напряженной? Ни в какой степени. Наоборот, она делается гораздо более сложной и ответственной.

Что нужно для того, чтобы поднять работу суда и прокуратуры на транспорте в области борьбы с крушениями на ту высоту, которой требуют партия и правительство?

Необходимо:

во-первых, детально знать обстановку на каждой дороге, на каждом участке в данный момент, знать во всех подробностях о каждом крушении и каждой сколько-нибудь значительной аварии. Совещание показало, что ряд прокуроров не обладает этим знанием, без которого работа не может итти иначе как вслепую и самотеком;

во-вторых, тщательно взвешивать при выборе объекта судебного процесса обстановку крушения, действительные его причины, качества работников, являющихся виновниками крушения; прокурору лично допрашивать каждого из них и решать вопрос о привлечении к суду, исходя из всей совокупности этих обстоятельств;

в-третьих, обеспечить такую юридическую и общественно-политическую подготовку судебных процессов, при которой каждый процесс, каждый судебный приговор воспринимался бы массой, как серьезнейший политический урок.

Практика работы последнего периода показывает, что некоторые прокуроры дорог, практиковавшие ранее массовое привлечение по делам о крушениях, вместо напряженной борьбы за усовершенствование методов применения судебной репрессии к дезорганизаторам, хулиганам и классовым врагам, вовсе выпустили его из рук (Западная, М.-Б.-Б., Курская, Сев.-кавказская, Юго-Восточная и другие ж. д.). Нечего доказывать, что это совершенно неправильно и может рассматриваться только как проявление растерянности, непонимания задач и гнилого либерализма.

В тесной связи с вопросом о применении судебной репрессии по делам о крушениях и авариях находится вопрос о привлечении командного состава и квалифицированных работников транспорта вообще за некорыстные должностные преступления производственного характера (простой подвижного состава, недоброкачественный ремонт подвижного состава и пути, халатность и т. п.). Основное требование, предъявляемое к делам этого рода, так же, как и к делам о крушениях и авариях, заключается в том, чтобы и сами следователи, прокуроры и судьи, и хозяйственные политические руководители, и окружающая масса сознавали, что привлекли за дело, что в данном случае судить необходимо, что другие средства воздействия недостаточны. При этих условиях судебный процесс политически оправдан и послужит толчком к улучшению дела.

На практике же, к сожалению, крайне нередки случаи, когда хозяйственный руководитель, который отвечает за всю постановку дела и которого никто не снимает с должности, и не подозревает в укрывательстве преступников, совершенно иначе расценивает того или иного привлекаемого работника, чем прокурор и суд, считая, что при соответствующих организационных мероприятиях он может работать с пользой для дела, и когда окружающая масса не понимает, за что судят. Такие процессы ничего, кроме возмущения, а в лучшем случае недоумения, вызвать не могут.

Отсюда конечно вовсе не вытекает, что прокуратура и суд должны плестись в хвосте у хозяйственных руководителей или у отсталой части массы. Но совершенно очевидно, что тем более обдуманно и обоснованно должны прокуроры и судьи разрешать вопросы о привлечении за некорыстные преступления производственного характера, не забывая, что суд в этих случаях — последнее средство.

Немалым уроком для работников юстиции является то обстоятельство, что железнодорожный транспорт под руководством т. Кагановича добился первых серьезных успехов и пошел в гору не на основе репрессий, которые применяются лишь как вспомогательное средство и с величайшей экономией, а на основе большевистской организаторской работы, разоблачения антигосударственной теории и практики ряда звеньев транспорта и подлинной мобилизации широких масс железнодорожного транспорта.

Особого внимания заслуживает вопрос о борьбе с самостраховочными тенденциями, которые в значительной степени проявляются многими командирами транспорта, пытающимися, вместо большевистской борьбы за преодоление трудностей, оградить себя со всех сторон различного рода документами, назначением которых является складывание с себя ответственности за успех порученного дела. Одно из главных проявлений такого рода гнилой самостраховки — обращение к прокурору в случаях, когда тот или иной хозяйственник, командир пытается найти преступников там, где их нет, а где налицо лишь его собственная безрукость и неумение организовать дело.

В практике транспортной прокуратуры были такие случаи, когда одна часть аппарата НКПС обращается с жалобой в транспортную прокуратуру на другую часть того же аппарата НКПС по поводу невыполнения последней обязанностей по снабжению и т. п., с просьбой привлечь виновных к уголовной ответственности, вместо того, чтобы поставить вопрос перед руководством НКПС. Само собой разумеется, что это делалось не спроста: все дело в том, что обращающийся в прокуратуру чувствует, что он сам проявил бесхозяйственность, которая не может не получить соответствующей оценки со стороны руководства НКПС, и пытается эту свою бесхозяйственность прикрыть ссылкой на несуществующее уголовное преступление.

Совершенно очевидно, что вмешательство прокуратуры в этих случаях в смысле заведения уголовных дел, ведения следствия и т. д. ничего, кроме вреда, принести не может.

Некоторые прокуроры вместо того, чтобы дать решительный отпор самостраховочным тенденциям плохих хозяйственников, идут по линии наименьшего сопротивления или заводят уголовные дела, которые ни к каким результатам не приводят, или пытаются вмешиваться

в хозяйственные распоряжения, в распределение разного рода фондов и т. п., не понимая, что такого рода неуместным вмешательством они лишь вносят дезорганизацию в хозяйство и помогают плохим хозяйственникам ускользать от ответственности за порученное им дело.

Работники прокуратуры, в особенности в такой централизованной и построенной на принципе строгого единоначалия отрасли народного хозяйства, как железнодорожный транспорт, должны исключительно четко понимать свои задачи как органа борьбы за социалистическую законность и за подлинное единоначалие.

Одним из проявлений влияния местнических антигосударственных тенденций, существующих в ряде звеньев ж.-д. транспорта, на аппарат прокуратуры является то обстоятельство, что железнодорожные и участковые прокуроры нередко становятся «патриотами» своей дороги, своего участка в самом отрицательном смысле этого слова и закрывают глаза на беззакония и нарушения общегосударственных интересов, имеющих место на транспорте.

В начале 1935 г. транспортная коллегия Верховного суда Союза рассматривала дело о взаимном очковтирательстве и зажиме приема вагонов между Екатерининской и Донецкой дорогами. В течение ряда месяцев работники обменных пунктов обеих дорог занимались систематическим обманом государства в выполнении регулировочных приказов и преступным образом задерживали движение поездов в целях искусственного преуменьшения своего вагонного парка к отчетному часу. Расследование этого дела показало, что эти явления вовсе не носили секретного характера: о них говорили все и считались с ними как с вполне естественным делом.

Спрашивается — где же были прокуроры Екатерининской и Донецкой дорог? Не объясняется ли их бездействие именно тем, что они в данном случае проявили себя как «патриоты» не советского государства и не социалистического транспорта в целом, а ложно и антигосударственно понимаемых интересов Донецкой и Екатерининской дорог?

Новое руководство НКПС вскрыло наличие на транспорте и даже в его руководящих органах антигосударственной теории, утверждающей, что транспорт работает «на пределе», что выполнение существующих планов перевозок невозможно без коренной реконструкции всего железнодорожного транспорта. Само собой разумеется, что эта теория являлась не только теорией, — она самым активным образом проводилась в жизнь, приводя к систематическому невыполнению транспортом планов перевозок.

Социалистический транспорт под руководством т. Л. М. Кагановича практикой своей работы вдребезги разбил эту антисоветскую теорию, доказав, что транспорт может не только выполнять, но и перевыполнять планы перевозок. Однако не подлежит никакому сомнению, что в ряде звеньев железнодорожного транспорта сохранились сторонники этой «теории», которые пытаются и будут пытаться тихой сапой отстаивать свои позиции и подрывать работу транспорта, в особенности в области ускорения оборота вагона и паровоза, в области борьбы с крушениями и авариями. Острая революционная бдительность и умение вскрыть и разоблачить махинации этих людей является важнейшей обязанностью работников прокуратуры и суда на транспорте.

Проводимые на транспорте его большевистским руководством мероприятия по оздоровлению транспорта и наведению на нем порядка встречают сопротивление и в ряде других отраслей. На мероприятия по упорядочению пассажирского движения, по ликвидации всяких проявлений «блата» в этой области классовые враги отвечают спекуляцией железнодорожными билетами, хулиганством в пассажирских поездах, издевательским отношением к пассажирам и т. п.

Железной рукой органов диктатуры пролетариата должны быть ликвидированы эти вылазки классовых врагов.

Исключительно серьезные задачи стоят перед органами юстиции на транспорте в области улучшения качества своей работы, которая до сих пор во многих случаях характеризовалась безответственным отношением к возбуждению дел и привлечению к суду, слабой юридической и технической квалификацией следствия, неумением быстро и решительно вскрывать и пресекать махинации классовых врагов и расхитителей социалистической собственности.

В своем выступлении на совещании работников транспортной юстиции т. Вышинский с особой силой подчеркивал факты, характеризующие поверхностное отношение многих прокуроров к руководству следствием, отсутствие конкретного знания дела, непонимание судьями и прокурорами огромной политической ответственности за качество судебного процесса, являющегося острейшим оружием классовой борьбы и воспитания широчайших масс, и требовал подлинной перестройки.

Глубокое знание обстановки на каждом участке транспорта и людей, острая революционная бдительность, бережное отношение к кадрам командного состава и квалифицированных рабочих транспорта, действительное овладение техникой железнодорожного транспорта, непримиримость к нарушителям социалистической законности — классовым врагам, хулиганам, ворам, саботажникам — вот те требования, которые предъявляются к работникам органов юстиции на транспорте и без выполнения которых они не могут итти в ногу с большевистским руководством, которое дали железнодорожному транспорту партия и правительство.

С. Янский

На борьбу с авариями и простоями на водном транспорте

Происходившее в период 26—30 мая с. г. совещание руководящих работников Наркомвода, созванное по предложению ЦК нашей партии, в котором принимали участие тов. Сталин и члены Политбюро и правительства, знаменует собой новый этап развития водного транспорта,

Приказ народного комиссара водного транспорта т. Пахомова о борьбе с авариями и простоями на водном транспорте является конкретной программой, вытекающей из изучения и анализа опыта, накопленного водным транспортом, и вскрытия всех недочетов, мешающих водному транспорту встать в передовые ряды строителей социализма.

Первый и важнейший вывод, которой должны сделать все, кто работает на водном транспорте и отвечает за водный транспорт, заключается в том, что впредь беспорядка, расхлябанности и разгильдяйства на водном транспорте партия и правительство терпеть не будут. Водники получили боевой приказ навести порядок на водных путях Советского союза, ликвидировать аварийность, выводящую из строя значительную часть нашего флота и увеличить оборачиваемость судов в соответствии с требованиями, предъявляемыми растущим народным хозяйством.

Второй вывод, который мы должны сделать, заключается в том, что огромнейшая аварийность судов на морском и речном бассейнах в основном является следствием разгильдяйства, распущенности, ухарства и грубейшего нарушения труддисциплины, что от людей зависит либо превратить наши суда, значительная часть из которых обновлена за последние годы, в быстрые и экономные средства перевозки товаров для рабочих и колхозников, или, просиживая на мели, заделывая пробоины, простаивая неделями и месяцами без движения, превращать их в мертвый груз.

Третий вывод — за аварийность и простои на водном транспорте отвечают не только непосредственные виновники аварий (капитаны и механики, механизаторы и грузчики), но также и очень часто в большей степени виноваты те командиры и руководители на водном транспорте, которые плохой организацией, неправильным руководством, неумелым подбором кадров, неправильной расстановкой сил создают условия, способствующие увеличению количества аварий и простоев на водном транспорте.

Приказы народного комиссара водного транспорта т. Пахомова, отражающие в себе все принципиальные установки и практические мероприятия, разработанные в комиссиях, совещаниях при ЦК, прямо ориентируют всех работников водного транспорта на то, что ликвидировать аварийность и простои мы сумеем только в том случае, если за это возьмутся не только исполнители, но и руководители и организаторы водного транспорта.

Ликвидация постоянных аварийных комиссий, на которые руководство пароходствами перекладывало фактически всю работу по изучению, выявлению причин и взысканиям за аварии, и возложение непосредственно на руководителей пароходств обязанностей изучать и принимать меры по каждым отдельным авариям, вплоть до выезда на места аварий, является практическим выражением требований, предъявляемых к руководящему составу водного транспорта, сделать борьбу с авариями своей непосредственной боевой задачей.

Опыт последних месяцев на железнодорожном транспорте показывает, что, взявшись по настоящему за дело, можно в самый короткий срок добиться решительного сдвига и создать условия для полной ликвидации аварийности и простоев на водном транспорте.

Борьба с аварийностью и простоями не может ограничиваться лишь репрессиями в отношении непосредственных виновников—явление, которое имело широкое распространение до настоящего времени. Одними репрессиями, не подкрепленными серьезными и практическими организационными и техническими выводами, изучением людей, правильной расстановкой их и большой массовой работой, мы не ликвидируем аварийности и простоев на водном транспорте. Более того, массовые репрессии, при которых каждая ошибка расценивается как преступление, когда большинство командного состава либо уже имеет судимость, либо находится под угрозой этой судимости, создают такую обстановку, при которой, вместо того, чтобы обрушиться всей тяжестью на действительных преступников, на враждебные нам элементы, на элементы переродившиеся и мобилизовать на борьбу за порядок на водном транспорте всю остальную массу, превращаются в свою противоположность. Люди «привыкают» не только к авариям, но и к массовым репрессиям, особенно к принудительным работам, которые с такой щедростью распределялись нашими судебными органами до сего времени. Это, отнюдь, не означает однако, что острейшее орудие диктатуры пролетариата — судебные репрессии не должны помочь водному транспорту вскрыть, разоблачить и изъять из водного транспорта настоящих преступников, разгильдяев, беспечно и бесшабашно относящихся к советскому добру, разрушающих водный транспорт. Главное — уметь разоблачить подлинного, настоящего преступника и таким образом организовать судебный процесс, чтобы он превратился в большое политическое мероприятие разоблачения подлинных преступников, в мероприятие, мобилизующее массы на борьбу за водный транспорт. С этой точки зрения мы должны на основе установок и указаний этого совещания и приказов народного комиссара водного транспорта перестроить и свою собст-

венную работу. Для этого необходимо разрешить ряд практических задач.

Важнейшее условие, которое может обеспечить помощь органов прокуратуры и суда в борьбе с аварийностью и простоями, заключается в том, чтобы своевременно знать и своевременно включаться в каждый отдельный, конкретный случай аварии на водном транспорте.

Наличие специальной водной прокуратуры, связанной с оперативными органами водного транспорта, дает нам полную возможность одновременно с начальниками пароходств, с начальником порта и пристани знать о каждом происшествии на водном транспорте. Обязанность прокурора—узнав о таком происшествии, в случае крупной аварии выехать немедленно на место; во всех остальных случаях своевременно получать информации от руководства пароходств, порта и пристани, чтобы разрешить вопрос о необходимости вмешательства органов прокурорского надзора.

Тот факт, что на целом ряде бассейнов прокуратура и следственные органы приходят к выводу о необходимости возбуждения уголовного дела об аварии через месяц, а иногда и позднее, свидетельствует о том, что мы еще не усвоили элементарного принципа оперативности — своевременности реагирования карательных органов.

Вторым условием является продумывание до конца вопроса о необходимости предания суду. Тот факт, что в 1935 г. мы имеем большой процент оправданных по суду лиц, привлеченных по делам аварий, сигнализирует нам о недостаточно серьезном и продуманном отношении следователей и прокуроров к самому важному моменту нашего процесса — моменту предания суду.

В качестве иллюстрации приведем один лишь пример.

В апреле этого года на Каспийском бассейне произошла авария, вследствие столкновения танкера «Коминтерн» с баржей «Балаханы», буксируемой пароходом «Профинтерн». Фактически авария произошла исключительно потому, что на регулярные морские туманные сигналы парохода «Коминтерн» шедший навстречу пароход «Профинтерн» давал речные сигналы, что и ввело в заблуждение капитана парохода «Коминтерн» т. Траутмана. Следствие и суд, вместо того чтобы вскрыть безобразнейший порядок, существовавший в Каспийском пароходстве, при котором мог случиться такой вопиющий факт, что приказ о переводе рейдового флота с речной сигнализации на морскую в течение 8 месяцев не был усвоен капитанами судов; вместо того, чтобы направить тяжесть репрессии против капитана «Профинтерна» Карпенко, игнорировавшего элементарнейшие условия безопасности, и тех работников Каспийского пароходства, которые повинны в преступно-небрежном отношении к важнейшим условиям безопасности движения — сигнализации, осудили на пять лет капитана Траутмана, найдя ряд мелких нарушений, некоторый производственный риск, допущенный капитаном Траутманом, который, попав в тяжелое положение в силу безобразного состояния сигнализации и преступного отношения к сигнализации со стороны капитана Карпенко, принял все меры к тому, чтобы смягчить последствия этой аварии.

Эта ошибка усугубляется еще и тем, что ни следствие, ни суд не изучили людей, представших перед карательными органами и не обратили внимания на то, что Траутман является одним из лучших капитанов на Каспийском пароходстве, что он один из знатных людей пароходства.

Верхсуд Союза по предложению главной водной прокуратуры прекратил дело в отношении капитана Траутмана и дал соответствующие указания каспийской прокуратуре и суду. Однако ущерб, нанесенный неправильным, необоснованным легкомысленным привлечением к ответственности одного из лучших капитанов, дергание, выведение из строя, дезорганизация одного из лучших людей на водном транспорте и в то же время смазывание столь вопиющего безобразия, умелое вскрытие и разоблачение которого могло помочь руководству Наркомвода внимательно посмотреть и проверить постановку всей сигнализации на Каспийском бассейне, со всей очевидностью показывает, к каким тяжелым последствиям приводит непродуманное до конца возбуждение уголовного преследования и правильное направление дела.

На этой ошибке должны учиться прокуроры и судьи. Прокурор обязан знать и изучить материалы по каждой отдельной аварии, но привлекать к ответственности и тем более предавать суду прокурор должен только тех виновников аварий, в действиях которых имеется явное прямое нарушение трудисциплины, ухарства, преступно-халатное отношение к советскому добру, к советскому транспорту.

Третье условие — быстрота расследования. Эффективность карательного воздействия определяется и степенью приближения момента осуждения к моменту совершения преступления. Если виновники аварий в течение долгого времени продолжают работать на том же судне, то в сознании окружающей среды уже исчезает непосредственное возмущение совершенным преступлением, и этим эффект судебного процесса значительно снижается.

Ряд дел на Черном и Каспийском морях, заслушанных зимой 1935 г., по делам об авариях, совершенных в 1934 г., несмотря на серьезность преступлений привлекаемых лиц, уже не имеет того мобилизующего значения, которое могли иметь эти процессы, если бы [illegible]едование было своевременным, когда еще [illegible]воспоминание о совершенной аварии, о [illegible]енном из строя судне. Соответствующие темпы расследования необходимы нам еще и потому, что нужно экономить время неизбежно отвлекаемых следствием ряда лиц в качестве свидетелей, экспертов и т. д.

Надо сказать, что к началу навигации 1935 г. наметился некоторый сдвиг в этой области. По данным, которые имеются в нашем распоряжении за апрель и половину мая, мы можем констатировать некоторое улучшение в этой области, особенно на речных бассейнах.

Так, прокуратура Верхневолжского бассейна из 44 дел, находившихся у них в производстве, закончила расследование до 10 дней 29 дел и до 20 дней 13 дел.

По Средней Волге из 40 дел до 10 дней — 30 дел, до 20 дней — 6 дел. На Нижней Волге из 67 дел до 10 дней — 31 дело, до 20 дней — 5 дел.

Мы можем привести ряд дел, которые в смысле темпа расследования могут служить образцами работы органов следствия и прокуратуры.

Так, авария на Днепре в результате столкновения парохода «10 лет Октября» и «Рябинин», происшедшего 6 апреля, была уже рассмотрена судом 19 того же апреля, и мы с удовлетворением могли сообщить наркому водного транспорта т. Пахомову, в ответ на его приказ от 22 апреля «о необходимости предания суду капитана парохода», что этот капитан уже осужден за три дня до издания приказа к 2 годам лишения свободы.

Следствие по делу аварии парохода «Сормовский рабочий» (Верхняя Волга) было закончено в девять дней, дело слушалось через 21 день после совершения аварии.

Следствие по делу об аварии баржи № 822 на Московско-Окском бассейне, происшедшей 17 апреля, было рассмотрено судом 28 апреля. Однако наряду с этим имеем безобразную картину по целому ряду дел об авариях, когда следствие тянется месяц и больше.

Достаточно привести данные по прокуратуре Черного моря за май. В производстве этого прокурора (прокурор т. Санин) осталось 21 дело, следствие по которым производится свыше двух месяцев.

Мы считаем позорной цифру в 16% дел из числа направленных в суд по централизованным бассейнам, следствие по которым производилось свыше месяца.

Этого дальше терпеть невозможно. Если прокуроры и следователи чувствуют себя ответственными за борьбу с аварийностью и простоями на водном транспорте, если они хотят быть в числе возглавляющих эту борьбу, а не тянуться в хвосте, то необходимо со всей пунктуальностью выполнять приказ, данный нам прокурором Союза т. Вышинским: «аварийные дела заканчивать в 15-дневный срок».

Четвертым условием, которое может обеспечить боевую работу прокуратуры в борьбе с аварийностью и простоями, является организация судебного процесса. Необходимо добиться того, чтобы в суд направлялись только такого рода дела, по которым прокурор на основе личной проверки всех материалов предварительного следствия отвечал за обоснованность и доказательство виновности тех лиц, в отношении которых дела направляются в суд.

Мы должны подчеркнуть, что высокий процент, достигающий 25 дел, отсеиваемых в распорядительных заседаниях суда, ложится позором на работу органов следствия и прокуратуры, водного транспорта.

Поверхностное утверждение обвинительных заключений и материалов следствия и дознаний направляемых в прокуратуру следователями и органами судоходного надзора, свидетельствует о том, что наши прокуроры еще не почувствовали всей ответственности перед партией за осторожное обоснованное привлечение к ответу людей, за бережное отношение к кадрам.

Нужно вопрос поставить резко. Прокуроры и следователи, которые привлекают к ответственности людей невиновных, должны сами отвечать перед советским судом. Мы не хотели бы, чтобы прокуроры и следователи учились, как работать на примере своих осужденных товарищей, мы полагаем, что и партийные документы, изданные за последнее время, и многочисленные указания Прокуратуры Союза, должны быть до конца восприняты каждым отдельным работником, чтобы каждый работник прокуратуры, следствия и суда понял до конца всю его личную ответственность при разрешении вопроса о предании суду.

По делам об авариях нужно направлять в суд только такие дела, которые требуют применения судебной репрессии как крайнего средства борьбы с виновниками аварии.

Очень часто следственные органы ограничивают свою работу выявлением самого факта преступления без того, чтобы тщательнейшим образом расследовать и все моменты, которые дают основание привлекать за это преступление, именно данное лицо.

Многочисленные дела, прошедшие через Прокуратуру Союза, показывают, что наши следственные органы и прокуроры мало интересуются выявлением личной характеристики конкретных людей, привлекаемых по делам, в то время когда правильное разрешение вопроса о необходимости предания суду того или другого капитана, механика, инженера и т. п. должно разрешаться не только в свете данного конкретного преступления, но и на основе изучения его прошлого, его производственной работы, условий, в которых он находился, и т. д.

Направляя дело в суд, прокурор должен иметь перед собой совершенно четкий облик того человека, которого он считает необходимым подвергнуть судебной репрессии.

Однако работа прокуратуры не кончается моментом предания суду.

Совершенно недопустим такой порядок, когда по большинству дел об авариях прокуроры не участвуют в процессах, забывая, что воспитательное значение каждого процесса определяется в значительной мере участием сторон, развернутым судебным следствием и привлечением широких масс к процессу.

Нужно до конца провести в жизнь указания Прокуратуры Союза об обязательстве участия в каждом процессе прокурора, а по наиболее крупным делам на бассейне личное участие прокурора бассейна.

Огромнейшее значение для правильной организации судебного процесса, особенно по делам об авариях, имеет привлечение в качестве общественных обвинителей высоко квалифицированных и авторитетных технических работников водного транспорта. Мы должны добиться такой организации процесса, при которой на суде разоблачалась бы в свете данной конкретной аварии, в свете имеющихся улик против данных конкретных виновников общая картина недостатков и недочетов, имеющихся на водном транспорте, чтобы наряду с рассмотрением следственных материалов были бы также освещены производственно-технические моменты, связанные и вытекающие из данной конкретной аварии.

Правильная организация судебного процесса и в соответствии с этим правильная организация судебной работы прокуратуры заключается еще и в том, чтобы каждый приговор, вынесенный по делу об авариях, стал бы достоянием всех водников данного порта, данной пристани, данного бассейна.

У нас кой у кого установился неправильный взгляд, что популяризация приговора есть дело политотделов, суда и отнюдь не прокуроров. Нет сомнения, что политотделы с помощью суда и прокуратуры могут и должны использовать каждый приговор для массовой политической работы. Однако никто и никогда не освобождал прокурора и следователя от этой массово-политической работы вокруг приговора. Обязательным для себя должен считать прокурор по наиболее интересным процессам, связанным с авариями и простоями, выступление на рабочих собраниях, разъяснение приговоров, увязка приговоров с имеющимися неполадками и недостатками в пароходстве, участие в печати, увязывая эту свою работу с политотделом и привлекая для этой работы свой прокурорский актив.

Наряду с этим прокуроры должны улучшить свою работу и по наблюдению за исполнением приговоров. Факты, которые имели место на водном транспорте, когда люди, приговоренные к лишению свободы, продолжали длительное время оставаться на свободе и даже на прежней работе — дискредитируют работу прокурора и судебных органов и превращают одно из острейших орудий диктатуры пролетариата — судебную репрессию — в пустышку.

Прокуроры должны усвоить, что они отвечают лично и персонально за исполнение приговоров.

И наконец завершением работы прокурора по делам об авариях и простоях должна явиться сигнализация об общих недостатках в работе водного транспорта, вытекающих из каждого конкретного дела.

Мы уже имели ряд случаев, когда прокуратура своими сигналами по конкретным делам помогла водному транспорту не только избавиться от данного конкретного виновника, которого мы карали, но изменить то или иное звено организационной системы, которая способствует и благоприятствует аварийности на водном транспорте.

Приведем один лишь пример по делу парохода «Астра» на В. Волге. Нами было установлено, что одной из причин порчи котлов этого парохода явилась система двойного крана, подающего и воду и нефть. Мы сообщили об этом конкретном случае Народному комиссариату водного транспорта, и на основе нашего сигнала было признано, что такая система кранов представляет опасность для парохода, и было дано распоряжение о немедленной реконструкции этой системы кранов.

Нужно понять, что один такой сигнал имеет большее значение для улучшения работы водного транспорта, для борьбы с аварийностью и простоями, чем многочисленные переписки и разговоры по поводу работы водного транспорта. Нужно установить такой порядок, чтобы по каждому делу прокурор сигнализировал водному транспорту о недостатках организационных, хозяйственных и др. в самой системе работы водного транспорта.

Мы конечно не исчерпали в этой статье всех условий перестройки работы органов следствия и прокуратуры на водном транспорте, которые помогли бы нам обеспечить выполнение директив партии и правительства. Товарищи, работающие на местах, могут дополнить еще целым рядом других мероприятий для улучшения наших работ.

Самое важное заключается в том, чтобы каждый работник, каждый следователь, каждый прокурор усвоил до конца, что специализированная водная прокуратура отвечает перед партией и страной за быстрейшее наведение социалистического порядка на водном транспорте.

Н. Лурманов

Усилить борьбу со взяточничеством[1]

Взяточничество в наше время представляет собою особо опасное явление. Назначение взятки — разложение отдельных звеньев советского аппарата, направление их деятельности в сторону, противоположную интересам советской власти. Взяткодателями в наиболее опасных случаях взяточничества по общему правилу являются представители классово враждебных элементов, которые пытаются подкупить данное должностное лицо с тем, чтобы использовать его в своих классовых интересах.

В. И. Ленин с первых дней Октябрьской революции неуклонно указывал на необходимость самой безпощадной репрессии в отношении взяточников и их пособников.

В известном письме в Центральный комитет партии 4 мая 1918 г. по поводу приговора трибунала, которым взяточники Глейст, Губин и другие были осуждены к 6 месяцам тюрьмы, Владимир Ильич, требуя исключения из партии судей, вынесших приговор, пишет: «Вместо расстрела взяточников выносить такие издевательские слабые и мягкие приговора есть поступок **позорный** для коммуниста и революционера[2].

В записке Д. И. Курскому он требует немедленного с демонстративной быстротой внесения законопроекта о наказаниях за взяточничество.

---

[1] Статья написана по материалам научно-исследовательского института уголовной политики.

[2] XXI Ленинский сборник, стр. 223.

В проект декрета рукой Владимира Ильича внесены чрезвычайно важные дополнения, которые особенно ярко подчеркивают классовый характер взяточничества в СССР.

В качестве усиливающих меру наказания за взятку обстоятельств В. И. указал: а) особые полномочия должностного лица, б) нарушение служащим своих обязанностей, в) вымогательство взятки.

Рукой Владимира Ильича написан пункт 5 декрета 8 мая 1918 г., который говорит: «Если лицо, виновное в даче или принятия взятки, принадлежит к имущему классу и пользуется взяткой для сохранения или приобретения привилегий, связанных с правом собственности, то оно приговаривается к наиболее тяжелым, неприятным и принудительным работам, и все его имущество подлежит конфискации» [1].

В ответ на запрос крестьянина В. И. Ленин пишет: «Советская власть не мало расстреляла уже таких должностных лиц, которые попадались, например, во взяточничестве, и борьба против подобных негодяев будет доведена до конца».

За последние годы число осужденных за дачу и получение взятки во много раз снизилось.

Если в 1924 г. удельный вес осужденных за взятку составлял 33% к общему числу осужденных за должностные преступления, то в последние 3 года этот удельный вес был таков:

1932 г. 1 половина — 1,5%.
1933 г. 1 половина — 1,6%
1934 г. 1 половина — 1,2%.
1934 г. 2 половина — 1,3%.

В несколько раз снизилось и абсолютное число осужденных за взяточничество.

Это обстоятельство дало основание прокурору Башкирской АССР т. Хазову заявить, что сейчас в Башкирии уже добились почти полного уничтожения взяточничества.

Подвергая критике это высказывание т. Хазова, т. Вышинский в докладе на I всесоюзном совещании работников юстиции [1] указал: «То сокращение числа преступлений, которое мы действительно имели и в частности в результате борьбы за охрану социалистической собственности, все-таки не дает основания так ставить вопрос, как ставит т. Хазов, говоря о почти полном уничтожении у них взяточничества, почти полном уничтожении преступлений, порождаемых пережитками родового строя и пр. Неверно это. Это не мобилизация бдительности, а это усыпление бдительности. Откуда оно идет? Оно идет из недооценки роли и значения на данном этапе новых форм классовой борьбы», а, следовательно, говорит т. Вышинский «и из недооценки роли суда и прокуратуры как органов пролетарской диктатуры».

И действительно, анализ конкретных форм взяточничества показывает, что это преступление далеко не исчезло; оно приняло новые формы, но опасность его отнюдь не уменьшилась.

На январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) т. Сталин указал, что, будучи вышибленными из колеи, «последние остатки умирающих классов — промышленники и их челядь, торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы расползлись по стране и укрылись в учреждениях, предприятиях и колхозах, накинув маску «рабочих» и «крестьян», причем кое-кто из них пролез даже в партию». Эти бывшие люди вредят как только могут, действуя тихой сапой, причем основной формой деятельности этих бывших людей является хищение социалистической собственности.

Все эти классово враждебные элементы в целях подрыва основы советского строя — общественной социалистической собственности не могут не пользоваться и старым испытанным оружием—взяткой, принявшей сейчас иной вид, за которым ее не всегда удается различить.

Особенность замаскированной взятки в настоящий момент состоит в том, что взятка нередко принимает внешне легальные формы, что она нередко официально проводится по книгам учреждения или предприятия.

Особенностью новых видов взятки сейчас является также то обстоятельство, что взятка дается уже не из личных средств взяткодателя, а из средств государства или общественных организаций и таким образом уже сама по себе является одним из видов расхищения общественной собственности.

В этих случаях государству наносится двойной вред как тем, что взятка дается из средств государства, так и тем, что получивший взятку совершает антигосударственные действия.

На первом месте среди новых форм взяточничества стоит прямой товарообмен. Антигосударственная практика прямого товарообмена приносит огромный вред, к тому же товарообмен по общему правилу соединяется с рядом других преступлений.

Совет народных комиссаров СССР в постановлении 18 октября 1931 г. (СЗ 1931 г. № 63, ст. 414) указал, что факты прямого товарообмена ведут к «срыву товарного и в частности промышленного снабжения и к подрыву нашей валюты», и представляют «грубое оппортунистическое извращение установленных партией и государством принципов хозрасчета и наносят вред интересам рабочего класса». В указанном постановлении предлагается преследовать за практику прямого товарообмена как за преступление, граничащее со взяточничеством.

В циркуляре НКЮ РСФСР № 127 1931 г., изданном в развитие постановления 18 октября 1931 г., напрасно, на наш взгляд, указано на возможность привлечения за организацию прямого товарообмена не только по ст. 117, но и по ст. 109. Судебная практика пошла по второму пути. Преступления, выражающиеся в совершении актов прямого товарообмена, проходят на 99% по ст. 109 и обезличиваются в общей массе преступлений, предусмотренных этой статьей.

Замаскированной формой взяточничества является также совместительство и премирование работников со стороны заинтересованных учреждений в целях осуществления антигосу-

[1] «За соц. законность» 1934 г. № 3, стр. 19.

дарственной практики или разбазаривания государственного имущества.

На железнодорожном и водном транспорте взяточничество в указанной форме приводит к срыву государственного плана перевозок, крушениям и т. п.

По сообщению «Правды» 7 апреля 1934 г. некто Бадзинский, состоявший в должности пом. начальника грузовой части службы эксплоатации дороги, получал от Киевского сахаротреста ежемесячно 250 руб. за оказание «услуг», в частности внеплановое предоставление вагонов. После разоблачения Бадзинского, начальник дороги ограничился арестом его на 10 суток. Дело возбуждено лишь после сигнала «Правды».

В Краснодарском отделении за 10 месяцев погружено за взятки вне плана 16 867 вагонов. Взятки получены под видом сверхурочных и «премий». Так дежурный по ст. Баканская Хомяков, погрузив вне плана 85 вагонов и недогрузив 88 вагонов по плану, получил 2000 руб. В результате Союзхлеб не получил 5720 вагонов.

Приказом Наркомснаба № 950 5 апреля 1934 г. сняты с работы и отданы под суд директор Московского дрожжевого завода Дрогин, начальник снабжения Рогачев и его заместитель Воробьев, которые в целях продвижения грузов с сахарных заводов подкупали должностных лиц Западной ж. д., в частности нач. ст. Блохино Белецкого, инженеров эксплоатационного отдела дирекции дороги Эберта, Королева, Борисова и др., оформляя подкупы заключением договоров с этими лицами и зачислением их на службу по «совместительству» с окладом до 200—250 руб. в месяц. Кроме того подкупались и должностные лица Сахаротреста. При Сахаротресте ЦЧО числилась в качестве представителя дрожжевого завода жена начальника сектора сбыта.

По сообщению «Правды» начальник финсектора Северозападного речного пароходства Писаревский получил от Экспортлеса 5000 руб. «премий» за то, что заключил с зам. управляющего Ленинградской конторой Экспортлеса Фрейдлиным соглашение о списании задолженности за простой судов в сумме 249 тыс. руб. Через месяц он же получил 1300 рублей «премий» за «успешное проведение взаимных расчетов».

Писаревский полученными суммами делился с своими помощниками. Классовое лицо этих взяточников таково. Сам Писаревский—б. штабс-капитан и б. маклер, помощник его Умов—б. дворянин, ст. экономист—б. деникинский поручик и т. д.

Иногда в практике «совместительство» и «премирование» такого рода рассматривались только как дисциплинарный проступок. Совершенно правильно директива прокурора СССР № 41-а 16 декабря 1934 г. («За соц. законность» 1935 г. № 1) квалифицирует как взяточничество случаи премирования госорганами работников других госучреждений и предприятий, выполняющих их заказы, якобы за быстроту и качество выполнения.

Наиболее распространенными являются однако взятки в форме так называемого «блата», т. е. предоставления по твердым или пониженным ценам товаров и продуктов за оказание «услуг» незаконного характера.

Борьба с этим отвратительным явлением на многих участках не развернута как надо.

К разбазариванию дефицитных товаров, к незаконной продаже их по твердым ценам надо относиться как к разновидности хищения социалистической собственности. В наказе СНК и СТО 1921 г., выработанном В. И. Лениным, вопрос 9 изложен так:

«Были ли случаи хищения и растраты (выдачи сверх плановых норм) (подчеркнуто мною — Н. Д.): а) товарообменного фонда; б) продовольственных фондов». Следовательно выдача сверх плановых норм рассматривается Владимиром Ильичом как хищение.

Между тем некоторые относятся к выдаче продуктов и товаров «по блату» как явлению или терпимому, или представляющему в худшем случае дисциплинарный поступок. К этим людям применимы в полной мере негодующие слова т. Сталина, заклеймившего в докладе на ленинградском партактиве 13 апреля 1926 г. преступно снисходительное, а зачастую и покровительственное отношение к «веселому воровству». «Заслуживает тут внимания,—говорил товарищ Сталин, указывая на случай смелого «веселого» воровства, — не столько сам вор, сколько отт факт, что окружающая публика, зная о воре, не только не боролась с ним, а наоборот, не прочь была хлопать его по плечу и хвалить его за ловкость, ввиду чего вор стал в глазах публики своего рода героем».

К сожалению, и сейчас подобное же отношение к разновидности «веселых» воров, т. е. к мастерам «блата» встречается весьма нередко.

Вот как описывает например «Легкая индустрия» снабжение чарджуйской ватной фабрики. В Москве директор фабрики держал некого Темкина, который умел доставать «по блату» все, что угодно. Заслуги Темкина были отмечены приказом директора № 78/21 11/VI 1933 г., в котором «за изыскание вне фондов токарного станка, вагона фанеры, наряда на газовые трубы, наряда на автомашины, вагона толя в Ленинграде, 700 электролампочек из Мосснабсбыта и вторичное получение 2000 кг огнеупорной краски» ему объявлена благодарность и он премирован в сумме 500 руб. 2 октября протоколом треугольника тому же Темкину за исключительные успехи, в частности за то, что «он с трудностями вырвал вагон импортного кровельного железа» и другие «заслуги» преподнесена почетная грамота и 250 руб.

С помощью «блата», с помощью взаимных услуг — «я тебе, а ты мне» совершаются гнуснейшие преступления.

Селезнев, зам. директора магазина автодеталей орса автозавода в г. Горьком, продавал детали за взятки костюмами, полушубками, деньгами и т. д., которые давались агентами различных хозяйственных организаций, нуждающихся в автодеталях.

Суд обнаружил сложную и намеренную путаницу фактур, составление подложных счетов, вздутые цены. Торговля за взятки проходила почти открыто.

Глава всех взяткодателей, организатор этого дела — Лукашевич—сын попа, пролезший было когда-то в партию, но исключенный из нее. Лукашевич закупал у засевших в магазине взяточников автодетали с таким расчетом, чтобы комплектовать целые машины. По его заданию взяточники, работавшие в магазине, крали на заводе в отделе утилизации и даже в основных цехах детали, пользуясь исключительной безалаберностью и расхлябанностью, царившей в этих цехах. Лукашевич организовал подпольный сборочный цех автомашин, накрав деталей на 6 машин, из которых одна была уже собрана в момент ареста.

Директор магазина оказался также взяточником. В этом деле характерно, что администрация завода проявила полную потерю бдительности и узнала только в последнюю очередь о том, что творилось в магазине.

Особую опасность представляют взятки такого вида на транспорте.

Так, в Ленинграде группа инженеров планово-экономического управления райуправления НКПС (РУПР), имея резерв в 45 вагонов, ежедневно предоставляла его только за взятки, выражавшиеся в отпуске продуктов и предметов производства по себестоимости. Взятки давали Мясокомбинат, артель «Аврора», Росконд, «Союзплодоовощь, Ленжет, завод «Красный треугольник» и т. д. Такие учреждения как Ленэнерго, Союзлесоснабсбыт, Главуголь облекали взятки в форму премий или путевок в санатории. Учреждения же, имевшие право на первоочередное получение вагонов, этих вагонов не имели.

Наряду с замаскированными, внешне легальными формами взятки сохранилась и взятка прежнего типа, которая также приводит к антигосударственным действиям, содействию спекулянту, разложению отдельных звеньев госаппарата.

В Ростове в краевой конторе Металлома директор Фукс, начальник сектора Чиркин и др. отпускали вне плана за крупные взятки цветной металл; за взятку в 4000 рублей представителю Макеевского металлургического завода вне плана было выписано цинка 6 тонн и тонна бронзы. За взятку 1140 руб. выписано 200 кг красной меди и 60 кг баббита Эркину, который разбазарил этот металл.

Неменьшим злом являются взятки в учреждениях, работающих по заготовкам, в особенности в элеваторах. Так Жакупов, приемщик на элеваторе ст. Караганда, принимая по зернопоставкам хлеб от единоличников, записывал за взятки в квитанции больше хлеба, чем получал.

В результате в элеваторе оказалось хлеба на 1560 пудов меньше, чем записано Жакуповым. Нарсуд приговорил Жакупова к двум годам лишения свободы. Приговор недопустимо мягок. Преступление Жакупова должно квалифицироваться по закону 7 августа 1932 г.

Приведем еще два примера преступной деятельности взяточников, перекачивавших товары спекулянтам. В известном деле о злоупотреблениях в тресте Мосбелье (Москва) обнаружено расхищение и передача спекулянтам за крупные взятки мануфактуры на 100 тыс. руб.

В Ставрополе завмаг горта № 1 Гончаров и продавец Руденко за крупные взятки доставляли мануфактуру прямо на дом спекулянтам. Покупатели же всегда уходили из магазина с пустыми руками, причем Гончаров и Руденко заявляли им: «Нет ничего. Промышленность плохо работает, государство не заботится о том, чтобы гражданам было во что одеться». В сущности это уже контрреволюционная вылазка!

Гончаров и Руденко приговорены нарсудом 1 участка Ставрополя к 2 г. лишения свободы. Из взяткодателей двое—к 2 годам лишения свободы и двое к 1 году и.-т. работам. Приговор также недопустимо мягок.

В целом ряде крупных преступлений взяточничество тесно связано с другими преступлениями.

В этом отношении характерно дело украинского треста по снабжению госпароходств: там преступники, возведя в систему хищение и взяточничество, пытались подкупать также всех лиц, которые могли бы содействовать их разоблачению.

Десятки тонн продуктов были переданы сотрудникам Укрснаба, горсовета, а также маслозаводу, Курортснабу и пр. Много продуктов попало ж.-д. работникам ст. Затишье, в виде взятки за подачу вагонов.

Всю эту организованную систему взяточничества и хищений возглавляли зам. директора Тодосюк, в прошлом осужденный в 3 годам лишения свободы, но не отбывший наказания и даже ухитрившийся остаться в партии, который и подобрал соответствующий аппарат.

При оценке таких действий, как предоставление услуг «по блату», мнимое совместительство и другие скрытые формы незаконного вознаграждения должностных лиц, надо исходить из установок, данных в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) 9 марта 1934 г. «О работе Донецкой ж. д.». Постановление подчеркивает, что невыполнение планов погрузки вагонов в ряде случаев вызывалось корыстными мотивами. Далее в постановлении резко осуждаются те из местных партийных и советских учреждений, которые оказывают давление «всеми способами, в том числе различного рода «услугами», являющимися по существу взяткой».

Таким образом указанная директива партии и правительства с предельной ясностью относит такие «услуги» к взяточничеству. Постановление, учитывая особо высокую опасность на транспорте того вида взяточничества, вследствие которого срывается выполнение государственного плана погрузки вагонов, дает указание о привлечении как дающих, так и берущих взятку по закону 7 августа как содействующих расхищению государственного имущества.

Постановление СНК СССР, развивающее постановление СНК и ЦК ВКП(б) 9 марта 1934 г., запрещает советским хозяйственным и другим организациям выдавать, а работникам ж.-д. транспорта принимать от них какие бы то ни было премии; работникам ж.-д. транспорта запрещено работать по совместительству в советских хозяйственных организациях. Премии и совместительство, полученные иначе чем в порядке, установленном вышестоящим начальником, рассматриваются как взяточничество.

Оба постановления дают принципиальные указания о борьбе с взяткой в ее новых формах во всех советских и хозяйственных учреждениях.

Особо надо остановиться на взяточничестве со стороны судебно-прокурорских работников.

Это явление не имеет массового характера, но ввиду особой опасности судебного взяточничества даже отдельные факты такого рода требуют пристального внимания.

В Киргизском главсуде раскрыта шайка взяточников, в которую входили заместитель председателя главсуда, члены главсуда, прокуроры, и пр. По делу осуждено несколько десятков человек.

Во Владивостоке раскрыто взяточничество прокурора Ким и нарсудьи Кан, которые были тесно связаны с преступными элементами спекуляции. За взятки прекращались дела и выносились оправдательные приговоры.

Судья Кан в целях вымогательства взяток заводил заведомо дутые дела, которые прекращались после получения взятки.

Главные виновники приговорены к 10 годам лишения свободы.

Верховный суд БССР признал нарсудью 3 участка г. Минска Салина виновным в оправдании за крупную взятку нескольких кулаков и тяжких преступников. Салин приговорен к 10 годам лишения свободы, один из кулаков к расстрелу.

В отношении работников суда и прокуратуры, уличенных во взяточничестве, должны применяться самые суровые меры наказания, так как получение взятки является для них основанием к укрывательству преступника или вынесению неправильного судебного приговора.

Наконец последний вид взяточничества, правда резко сократившийся за последние годы, но не добитый окончательно, это получение должностными лицами от граждан взяток за совершение законных действий.

Обычно получение взяток сопряжено здесь с вымогательством, если понимать это в широком смысле слова, а не ограничиваться, как это принято в теории, случаями требования взятки под угрозой незаконных действий в отношении отказавшегося дать взятку.

По сообщению астраханской газеты «Коммунист» член сельсовета Досимов (Володарский район) вымогал у нескольких колхозников по 100 руб.

Шайка взяточников, засевшая в Ставропольском райотделении связи, не выдавала ни одной посылки, ни одного перевода до получения взятки в 10—15 руб.

Такие виды вымогательства взятки, ущемляющие законнейшие права советских граждан, особенно нетерпимы в настоящее время, когда забота о людях должна пронизывать работу каждого советского и общественного учреждения и предприятия, каждого работника.

Между тем меры наказания в отношении этих лиц, пытающихся сейчас реализовать пословицы, созданные в эпоху господства продажного чиновничества: «Не подмажешь — не поедешь», «Сухая ложка рот дерет» и т. п., явно недостаточны.

Были приговорены в 1 половине 1934 г. по РСФСР без автономных республик и областей:

В процентах

	Лишен свободы до 3 л.	Лишен свободы 3-10 л.	Итого лишенных свободы	Испр.-раб. ты	Условные меры	Штр. ф	Остальные меры
Получение взятки (ст. 117).	9,6	16,0	25,6	64,2	7,6	1,0	1,6
Дача взятки (ст. 118) . .	10,5	9,9	20,4	54,9	12,1	8,6	4,0
Растрата (ст. 116) . .	20,7	10,4	31,1	58,2	7,5	0,5	2,7

Следовательно, меры наказания как за получение, так и за дачу взятки значительно слабее, чем за растрату, хотя и по ст. 116 репрессия недостаточна. Лишение свободы применяется почти исключительно по части 2 статьи 117 (3 года и выше).

По первой же части ст. 117, по которой проходит главная масса дел о взяточничестве, вопреки закону применяются почти исключительно исправительно-трудовые работы, причем совершенно недопустимым является массовое назначение их по месту службы, по данным Ленинградского кабинета уголовной политики достигающее 70%.

Если в отношении некоторой категории взяткодателей трудящихся, пошедших на преступление впервые и по несознательности, можно допустить применение условного осуждения, то в отношении получающих взятки применение условных исправительно-трудовых работ надо признать нецелесообразным.

Недостаточно часто применяется репрессия по ч. 2 ст. 117 УК. В общем по первой части ст. 117 осуждено около 85%, а по части 2—не более 15%. Это происходит потому, что многие суды наступление тяжелых последствий обычно не рассматривают как квалифицирующее обстоятельство.

В целях усиления борьбы со взяточничеством как одним из самых отвратительных пережитков могут быть предложены такие меры:

1. Необходимо устранить резкую разницу в санкциях статей УК союзных республик о взяточничестве.

Например дача взятки по ст. 118 УК РСФСР влечет за собой лишение свободы на срок до 5 лет, по УК БССР лишение свободы на срок не ниже 6 месяцев, а при отягчающих обстоятельствах на срок не ниже 5 лет, по ст. же 106 УК УССР дача взятки карается лишением свободы до двух лет.

Получение взятки по УК Узбекской ССР влечет при отягчающих обстоятельствах лишение свободы до 5 лет, во всех остальных республиках—до 10 лет.

За провокацию взятки предусмотрено в УК РСФСР лишение свободы до 2 лет, в УК Туркменской ССР—лишение свободы до 10 лет.

Необходимо повысить наказание за дачу взятки в УССР и за получение взятки в Узбекской ССР.

2. Исходя из установок письма В. И. Ленина к Курскому от 4 мая 1918 г., декрета 8 мая 1918 г., подписанного Лениным, и постановления СНК и ЦК ВКП(б) 9 марта 1934 г., установить в принципе одинаковую ответственность для взяточников и дающих взятку, внеся изменения в ст. 118 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик.

3. Разъяснить, что оказание всякого рода услуг материального характера работникам учреждений или предприятий социалистического сектора в связи с их служебной деятельностью в интересах лица, оказывающего услугу, или в интересах учреждения или предприятия, которое он представляет (как-то: премирование, уплата денег за совместительство, незаконное снабжение, предоставление товаров по пониженным ценам), должно квалифицироваться по ст. 118 УК РСФСР как дача взятки, а пользование этими услугами как получение взятки (ст. 117 УК РСФСР).

4. Разъяснить, что должностные лица, знавшие о факте дачи взятки и не принявшие мер к предотвращению или раскрытию взяточничества, подлежат уголовному преследованию по ст.ст. 17 и 117 УК.

5. Разъяснить, что если взятка давалась в целях совершения лицом, принявшим взятку, какого-либо преступления, то принявший взятку отвечает по совокупности по ст. 117 и по статье, предусматривающей то преступление, которое он за взятку совершил или приготовлялся совершить (в последнем случае через ст. 19).

В этом случае давшие взятку, помимо ст. 118, отвечают также и по совокупности через ст. 17 УК РСФСР по статье, предусматривающей преступление, к которому они склоняли должностное лицо, давая взятку.

6. Указать судам, что по точному смыслу ч. 2 ст. 117 УК применение ее должно иметь место не только в случаях, когда имеется прежняя судимость за взятку, но и тогда, когда должностное лицо уличено в том, что оно брало несколько раз взятки, хотя и не было судимо за них.

Разъяснить, что наступление или возможность наступления тяжелых последствий при взяточничестве должно влечь привлечение к ответственности по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

7. Разъяснить, что под вымогательством взятки надо понимать, в частности, и создание должностным лицом препятствий к быстрому и правильному удовлетворению законных требований гражданина в целях получения с него взятки.

8. Усилить в отношении злостных взяточников меры наказания, применяя по общему правилу лишение свободы. Допустить в виде исключения в отношении взяткодателей-трудящихся, совершивших впервые преступление при отсутствии отягчающих обстоятельств, применение условного осуждения.

9. Запретить применение исправительно-трудовых работ по месту службы по ст.ст. 117 и 119 УК.

М. Строгович

К реформе уголовно-процессуального кодекса

Выработанный подкомиссией уголовного процесса Правительственной комиссии по реформе кодексов проект Общесоюзного уголовно-процессуального кодекса был разослан на места для отзывов, опубликован отдельным изданием и обсужден в наших основных научно-исследовательских учреждений (ИССП) Комакадемии, Институте уголовной политики при Прокуратуре СССР и НКЮ РСФСР. Ни в одном отзыве проект не встречает принципиальных возражений. Общая его оценка — положительная. Местные работники юстиции, обсудившие проект на специальных совещаниях, отмечают актуальность и жизненность проекта, его простоту и доступность и правильность его принципиальных установок. В частности, прокурор Западносибирского края т. Барков от лица прокурорских работников края отмечает ряд достоинств проекта, наиболее существенными из которых являются такие: «проект впервые так широко ставит ставку на вовлечение трудящихся масс в непосредственное участие по расследованию дел... Проект написан чрезвычайно популярным, мы бы сказали, буквально народным, языком, и в силу этих достоинств он доступен пониманию широких трудящихся масс».

Основные принципиальные положения, из которых исходил проект и которые он проводит во всех своих частях, местными работниками приняты очень сочувственно: усиление воспитательной работы суда, демократизация процесса, расширение процессуальных прав сторон (главным образом обвиняемого), большая гибкость процессуальной формы, чем по действующему УПК, четкость и ясность формулировки, решительная ставка на борьбу с процессуальным упрощенством. Со стороны местных работников не высказано возражений против создаваемой проектом единой процессуальной формы, единого процессуального порядка для всех органов расследования и для всех судов. Действующий УПК, как известно, проводит раздвоение процессуальной формы, устанавливая на предварительном расследовании различный порядок для дознания и предварительного следствия, а на судебном рассмотрении — для производства дел в нарсуде и край(обл)суде. Против этого принципа единства процессуальной формы возражал Н. В. Крыленко, но Крыленко высказывается за двойственность процессуальной формы, предлагая на предварительном расследовании сохранить детально регламентированный порядок для отдельных категорий сложных дел, а для остальных, более мелких—установить суммарный порядок, освобожденный от таких форм, как предъявление обвинения, предъявление об

виняемому следственного производства, составление обвинительного заключения и т. п. Точно так же и для стадии судебного рассмотрения т. Крыленко предлагает предусмотреть два порядка — развернутый и сжатый (суммарный). Эта точка зрения не нашла поддержки, и как местные, так и центральные работники юстиции в основном высказались за единую процессуальную форму, которая бы, с одной стороны, была настолько гибка, что давала возможность органам следствия и суда варьировать свой подход к различным делам в зависимости от их конкретных обстоятельств, и с другой—устанавливала бы достаточно четкие и определенные процессуальные условия для производства уголовных дел и достаточные гарантии от неправильного привлечения и осуждения, соответственно предоставляя достаточно широкий круг процессуальных прав обвиняемому.

Сама система и структура кодекса возражений не вызывали, но работники Московского областного суда и Московского городского суда очень решительно возражали против чрезмерной, по их мнению, краткости проектируемого кодекса, который, по их утверждению, охватывает только отчасти узловые вопросы процесса, оставляя в стороне ряд более мелких, но для практической работы очень существенных вопросов (например, сроки, судебные издержки, гражданский иск, последовательность отдельных действий на судебном заседании и т. д.). Московские судебные работники предлагали расширить проект УПК и предостерегали против такого положения, при котором кодекс, по его выходе в свет, сразу же повлек бы необходимость дополнения его циркулярами, инструкциями и разъяснениями.

В такой постановке вопроса несомненно есть много правильного. Сейчас нет оснований особенно гнаться за сокращением количества статей УПК и вряд ли кто-нибудь будет смешивать упрощение процесса с упрощением Процессуального кодекса. Ведь ясно, что чрезмерное упрощение Процессуального кодекса означает, что ряд вопросов практической работы следствия и суда остается не регламентированным и не разрешенным, а это влечет не упрощение процесса, а, наоборот, его усложнение. Поэтому при суммировании замечаний на проект УПК и внесении в него поправок на основе этих замечаний проект УПК был дополнен и в настоящий момент его размер уже достиг 202 статей, вместо 168 статей первоначальной (опубликованной) редакции.

Подавляющее большинство отзывов, не оспаривая основных положений проекта, вносит в него ряд поправок, дает иные формулировки отдельных статей, уточняет их и т. д. Многие из этих замечаний правильны и учтены при дальнейшем редактировании проекта УПК.

В отношении Вводной части проекта замечаний почти не было. В отношении предварительного расследования замечания сводились главным образом к вопросу об уточнении взаимоотношений, полномочий и обязанностей отдельных органов расследования. Подчеркивается руководящая роль прокурора в этой стадии расследования, его право изымать из производства всех органов расследования любое дело, давать обязательные указания по существу расследования (прокуратура Рязано-Уральской жел. дороги).

Вместе с тем отмечалось, что проект недостаточно четко определяет круг дел, подведомственных следователю (Одесская Областная Прокуратура). Возражения встретили статьи проекта УПК, допускающие ведение следствия милицией и по тем делам, которые подведомственны следователю, если в данном месте следователя не оказалось. Это замечание, на котором настаивали в частности московские работники, несомненно является правильным, так как введение в жизнь этого правила (ст. ст. 26 и 27 проекта) несомненно может повлечь сужение деятельности следователя, уход в органы милиции ряда дел, расследование которых должен производить именно он, а не кто иной.

В отношении стадии предания суду предложения проекта, вытекающие из резолюции 1-го всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников, встретили одобрение мест, особенно восстановление института распорядительных заседаний, допуск на них обвиняемого. Однако это последнее предложение—допуск обвиняемого к участию в распорядительном заседании суда, когда обвиняемый возбуждает ходатайства о пополнении следствия — вызвало возражения со стороны прокуратуры Западной Сибири по тем соображениям, что этот порядок повлечет затяжку прохождения дел. Замечание — несомненно неосновательное, так как такой затяжки не будет, если следствие будет проводиться доброкачественно и все заявления и объяснения обвиняемого будут исчерпывающе проверяться на предварительном следствии. Важность же и актуальность самой этой меры никем не оспаривается. Серьезные разногласия вызывает вопрос о том, кто должен быть докладчиком на распорядительном заседании — прокурор или член суда. Судебные работники, как правило, считают, что таким докладчиком должен быть член суда. Верхсуд Абхазии, настаивая на этом, приводит между прочим те соображения, что прокурор на распорядительном заседании имеет совещательный голос, поэтому докладчиком должен быть не он, а член суда, имеющий решающий голос. Разумеется, дело не в этом, никакой связи между вопросом о докладе дела и вопросом о праве решающего голоса нет. С этой точки зрения поступившие с мест замечания не поколебали установленного проектом порядка, при котором доклад на распорядительном заседании делается прокурором, утвердившим обвинительное заключение и передавшим дело в суд.

Этим кратким обзором мы ограничим содержание настоящей статьи. Вопросам судебного рассмотрения и кассационного производства, а равно ряду специальных вопросов реформы УПК будет посвящена в дальнейшем особая статья. Отметим еще лишь то, что все отзывы на проект УПК единогласно признают необходимость скорейшей реализации реформы УПК как важнейшего средства улучшения качества работы наших судебных и следственных органов.

Е. Львов

О защите

(Заметки судьи)

На первом всесоюзном совещании работников юстиции т. Вышинский исключительно убедительно и достаточно резко говорил об абсолютной недопустимости нетерпимого отношения к защите. Это было не только правильно, не только необходимо, но и крайне своевременно, ибо совершенно четко определилось «левацкое» отношение к этому институту в отдельных звеньях судебной системы. В нашем суде, как совершенно верно утверждает проф. Строгович в своей работе «Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде», «защита выполняет почетную роль, выполняет ответственную общественную обязанность и ни о каком сужении ее участия говорить нет оснований». Наоборот, есть все основания полагать, что мы недалеко от того времени, когда участие защиты в судебной работе будет расширено.

За истекшее время после первого совещания в отношении к защите произошел коренной перелом в смысле установления нормальных взаимоотношений между работниками суда и защитой. Московская судебная практика, по крайней мере, говорит **за это**, если не считать отдельных случаев. И поэтому нам представляется **теперь** актуальным делать ударение не на том, как следует относиться к защите и ее носителям, а на самой защите, **ее кадрах, качестве ее работы.**

Тот, кто внимательно следит за нашей юридической литературой и публикуемой судебной практикой, не может не заметить, какое незначительное внимание уделяется вопросам защиты. Между тем сейчас уже и газетой «Правда» поставлен вопрос о необходимости навести порядок в коллегиях защитников. Речь идет не только об организационной или материальной стороне дела, но прежде всего о внутреннем содержании, о **качестве** самой работы. Пора устно и печатно говорить о том, **как работают** наши защитники.

«Первое требование, которое надо предъявить к защитнику,—говорил т. Вышинский в своем докладе 21 декабря 1933 года,—это высокое чувство политической ответственности, высокая политическая квалификация, высокая выучка, хорошая школа, общественная дисциплина, словом, все те качества, которые требуют от защитникока уменье отстаивать: свою точку зрения и бесстрашно выступать в борьбе за то, во что он верит, **не из интересов клиента, а из интересов социалистического строительства, из интересов нашего государства».** (Подчеркнуто нами. — Е. Л.).

Работая в судебных заседаниях, приходится слушать много защитительных речей, и как часто в них отсутствует и «высокое чувство политической ответственности», и «высокая политическая квалификация» и многое другое!.. Выходит человек на трибуну, произносит много «красивых» фраз, упоминает всех основоположников социализма и вождей революции, ссылается и на никому—и ему в том числе—неизвестных ученых (это излюбленное—«как сказал один ученый»...), а суду не помогает, массу не воспитывает, путем и искажает... И проходит это в подавляющем большинстве случаев не только безнаказанно, но и незамеченным. Руководители защиты не проверяют, как правило, своих членов коллегии на работе, на трибуне и знают о них по отдельным, часто случайным сведениям.

Судьи первой инстанции Московского городского суда, понимая, что за судебную трибуну защиты отвечает и суд, усиливают свою политическую бдительность в отношении защиты и сигнализируют коллегии о всех недопустимых случаях. Так, за последнее время Мосгорсуд возбудил ряд принципиальных дисциплинарных дел о защитниках.

Работа советского защитника очень трудна. Надо защищать клиента исходя не из обособленных интересов клиента, а из интересов нашего государства. Такое требование предъявляется **советскому** защитнику. Оно связано не только с большой культурой, но и с глубокой политической сознательностью. Однако повседневная судебная практика дает нам немало примеров обратного порядка. Фактически сплошь и рядом защитник исходит только из субъективных интересов подзащитного, не думая об интересах социалистического строительства, а так как крайне слаба борьба за **новые принципы** защиты, то даже отдельные защитники с общей высокой квалификацией все еще не перестроились. Мы были свидетелями, когда на заседании президиума Московской областной коллегии один старый, опытный защитник прямо говорил о том, как он действовал, исходя из задачи вытащить подзащитного из «беды». Общественно-политическую сторону дела и своей роли он взял за скобки. Замечательно, что такие откровенные речи не стесняются произносить даже на официальном заседании руководящего органа.

Определяя роль защиты, т. Крыленко в своей вступительной статье в книжке Вл. Громова «Предварительное расследование в советском уголовном процессе» пишет: «Материальная истина — в этом должны быть заинтересованы все судебные работники, в том числе и защита. Мы, конечно, понимаем, что разрешение на практике этого положения трудно. Требуется много времени для воспитания новых кадров защитников, которые считали бы для себя органически неприемлемым говорить суду неправду. Одним приказом тут ничего не поделаешь, но тем не менее принцип этот должен быть нами декларирован». Итак, **обязанность советского защитника** говорить только правду. Новые кадры в этом духе воспитать легче, чем перевоспитать отдельных старых работников, которые в основной своей массе не могут не быть сохранены.

Присмотритесь к работе некоторых «защитников» и вы увидите, как они из кожи лезут вон, чтобы, грубо выражаясь, втереть очки.— Облик такого «адвоката» отвратителен. Некоторые доходят до того, что «инструктируют» заново вызванного свидетеля, о чем и как говорить суду, а коллегии ведут с этим очень слабенькую борьбу. В этой связи стоит остановиться на поведении защиты в отношении других помощников суда. К ним мы относим в данном случае экспертов и представителей истца. Наш опыт говорит о том, что почти всегда, и не менее редко даже при надлежащем уровне подготовки экспертов и истцов, защитники рассматривают их буквально как своих врагов. Они всегда помогают суду в меру своих сил и знаний найти материальную истину, а защита, как правило, ведет линию на дискредитацию эксперта, истца. И если бы не власть председателя в процессе, то было бы не мало недоразумений.... Особенно остро проходит процесс тогда, когда иск представляется коллегой-защитником, хотя, казалось бы, тут не должно быть места наскокам и т. п. В чем **объективная** причина такого положения вещей? Нам думается, что мы не сделаем ошибки, если скажем, что причина кроется все там же — в нежелании и неумении некоторых ЧКЗ помочь суду отыскивать уголовно-правовую истину.

Судебная аудитория—одна из самых широчайших и самых чутких. Каждое слово, произнесенное в суде, воспринимается особенно внимательно и остро. Оно не пропадает зря, о нем думают, его критикуют. Поэтому такие высокие требования предъявляются к сторонам в процессе. Судебные речи исключительно ответственны и трудны. К их существу относится то, что сказано выше. Сейчас надо остановиться на их внешней стороне, на форме судебных речей защиты.

Вопрос о языке в литературе поставлен как один из актуальнейших. Мы стремимся к тому, чтобы наша литература не только воспитывала, была бы доступна всем трудящимся, но и культивировала здоровый, красивый язык. Требования советского читателя, его оценка— самые высокие показатели для литератора. Между тем **защитники не** обращают внимания на это. Мы знаем случаи, когда защитников не понимают, когда состав аудитории ими не учитывается, когда отсутствуют **простота и ясность речи.** Есть защитники, которые утверждают, что они говорят только для суда, а не для присутствующих. Есть защитники, которые не **понимают, что они** смешны, ко в **советском** суде, на восемнадцатом году революции, они, прибегая к ложному пафосу, бия себя в грудь и сентиментально надрываясь, произносят речи, в которых нередко трудно найти здравый политический смысл и логическую последовательность в изложении фактического материала. Вопрос о форме судебной речи советского защитника нуждается в подробной, практической разработке.

В судебном процессе надо в известном смысле различать защиту и защитников. Защитники должны в целом едино представлять **защиту**. Но, к сожалению, частенько бывает такое положение, когда в публике говорят: «Защитники между собой переругались». Это вызывает иронию, смех. Допустимо ли, чтобы над стороной в процессе смеялись, чтобы по ее адресу посылались иронические замечания? Едва ли это можно признать терпимым. А происходит «ссора» оттого, что группа защитников, выступающая в одном процессе, действует вразброд, внутри ее нет бригадира, нет организатора, общая позиция по делу не выработана, не согласована. Защиту при такой ситуации разъедают противоречия в положении обвиняемых, изолированные интересы которых довлеют над общими принципами и критериями. Коллегии не могут ограничиваться выделением, назначением защиты. По каждому процессу защита должна **организовываться.** И тот стол назначения защиты, который создан в Московской коллегии не без нажима Мосгорсуда, должен быть не только столом «распределения рабочей силы», но и таким звеном аппарата президиума, который **организует** защиту в отдельных процессах.

В последнее время все чаще и чаще говорят об обстановке судебного процесса, о том, что судебный процесс должен быть обставлен торжественно, внушая всем своим видом уважение к суду как могучему орудию диктатуры пролетариата. Не последнее место среди элементов, составляющих судебный процесс, занимают живые люди, его проводящие и в частности защитники. От поведения участников процесса во многом зависит та обстановка торжественности, которая нам нужна. И вот мы не всегда бываем довольны поведением отдельных защитников. Сильно бьющий в нос налет угодничества, гнилой сентиментальности в сочетании с какой-то, ничем не вызываемой, робостью отравляют атмосферу процесса, искажают судебное равновесие и создают неверные представления о суде, о роли обвинения и защиты.

После исторической майской речи т. Сталина вопрос о кадрах защиты надо поставить с новой силой. Здесь должна итти речь об отсеве чуждого, ненужного и негодного; следует взяться за переподготовку и идеологическую перековку тех старых кадров, которые субъективно целиком являются советскими защитниками, но не освоили по-настоящему в области своей специальности новые методы работы, и наконец со всей решительностью надо взяться за дело подготовки в наших вузах нового поколения защитников. Надо добиться, чтобы каждый год наши правовые вузы, которые готовят судей, прокурорских работников, работников исправительно-трудовых органов, выпускали бы и работников советской защиты. Кустарные мероприятия в этой области отдельных коллегий вопроса не решают и не обеспечивают соответствующего идеологического руководства.

***

Эту статью мы не случайно назвали заметками. В ней мы бегло коснулись тех вопросов, связанных с работой защиты, которые возникли перед нами из судебного опыта. Из-за судейского стола очень хорошо видны все стороны работы защиты. И обязанность каждого судьи—прямо сказать о том, что он видит, чтобы своим опытом помочь общему делу повышения качества работы всей нашей защиты.

С. Голунский

О непосредственном направлении в суд уголовных дел[1]

Ни действующее процессуальное законодательство, ни проект УПК 1934 г. не считают предварительное расследование обязательным этапом в разрешении каждого уголовного дела. Ст.ст. 96 и 233 действующего УПК РСФСР предусматривают возможность непосредственного принятия судом дела к своему производству прямо по поступившему к нему заявлению о совершенном преступлении, а прокурору та же ст. 96 УПК предоставляет выбор между направлением дела для производства предварительного расследования и направлением его непосредственно в суд.

Ст. 71 проекта УПК 1934 г. устанавливает, что дела «по которым производилось предварительное расследование и по которым может быть судом назначено лишение свободы, направляются для предания суду прокурору. Все остальные дела направляются в суд непосредственно». Под «остальными делами», очевидно, понимаются либо такие дела, по которым не может быть назначено лишение свободы, либо такие, по которым не производилось предварительного расследования.

Но нигде ни в действующем законе, ни в проекте УПК не содержится указаний на то, по каким делам предварительное расследование должно быть обязательной частью процесса, по каким можно обойтись без него. Все относящиеся к этому вопросу положения, которые имеются в действующем УПК и в проекте, касаются только определения подследственности уголовных дел, т. е. вопроса о том, как эти дела распределяются между различными органами расследования.

Анализ положений действующего УПК РСФСР по этому вопросу приводит к таким выводам:

1) безусловно обязательно производство предварительного расследования по делам, перечисленным в ст. 108 УПК;

2) обязательного дознания по остальным делам (поскольку различие между дознанием и предварительным следствием действующим УПК проводится) УПК не знает;

3) из сопоставления ст.ст. 208, 221 и 235 УПК можно сделать лишь вывод, что если по делу производилось предварительное расследование, то обвинительное заключение должно быть утверждено прокурором, но никакого вывода об обязательности предварительного расследования по какой-либо категории дел, не указанной в ст. 108 УПК, сделать нельзя.

Из ст.ст. 24—27, 71 и 84 проекта УПК можно сделать лишь тот вывод, что предварительное расследование является обязательным по делам, отнесенным к подследственности следователя, и по делам, подведомственным органам НКВД. Из ст. 26 можно было бы сделать вывод, что предварительное расследование обязательно и по всем остальным делам, если бы не указанная выше формулировка ст. 71 проекта, допускающая направление какой-то категории дел непосредственно в суд без предварительного расследования.

Эта категория дел, очевидно, может быть выделена лишь из дел, отнесенных ст. 26 проекта к подследственности органов милиции.

Общий вывод из этого анализа действующего законодательства и проекта УПК СССР таков: существует определенная категория дел, по которым предварительное расследование не обязательно, но какие дела относятся к этой категории и есть ли какие-либо процессуальные особенности при судебном рассмотрении этих дел, остается неясным.

Между тем правильное разрешение этих вопросов чрезвычайно важно. Известно, что отказ от обязательного предварительного следствия является одной из характерных черт фашистского процесса. § 12 германского указа об исключительных судах от 9 августа 1932 г. не только устраняет впредь предварительное следствие по делам, подсудным этим судам, но и предписывает все те дела такого рода, по которым к моменту издания указа производится предварительное следствие, немедленно переслать обвинительной власти при исключительном суде. Производство предварительного следствия по делам, подсудным так называемому народному суду, поставлено в зависимость от усмотрения прокуратуры. Фашистский УПК Италии расширил применение так называемого суммарного следствия, производимого прокурором, за счет формального следствия, производимого следственным судьей. Уже одна эта склонность фашистского законодательства к ограничению предварительного следствия заставляет крайне настороженно относиться к этому вопросу. Тенденции развития процесса в странах буржуазной диктатуры и в стране диктатуры пролетариата прямо противоположны.

В то время как у них, по мере все большего расшатывания старых основ господства буржуазии, все более и более ярко проявляется стремление к расширению сферы ничем не ограниченной, произвольной расправы не только с активными деятелями революционного движения, но и с любым рядовым представителем трудящихся масс, посмевшим в какой-либо форме выразить недовольство невыносимым гнетом усиливающейся эксплоатации, у нас, по мере развития невиданных успехов социалистического строительства, по мере все возрастающего укрепления советской власти, правовая норма в новом, неизвестном для эксплоататорских стран виде приобретает все большее значение как один из способов осуществления крепнущей и развивающейся пролетарской демократии. Речь т. Сталина на выпуске слушателей военных академий поставила в этом отношении перед органами юстиции новые задачи еще более внимательного и за-

[1] В порядке обсуждения. **Ред.**

ботливого отношения к человеку, возложила на них величайшую ответственность за то, чтобы ни один трудящийся нашей страны не только не был бы неправильно осужден, но чтобы и самый процесс в возможно меньшей степени нарушал нормальную жизнь затрагиваемых им лиц.

В свете этих задач поставленный выше вопрос о возможности рассмотрения в суде уголовных дел, по которым не производилось предварительного расследования, приобретает очень важное значение.

Его необходимо разрешить с абсолютной ясностью, руководствуясь при этом исключительно соображениями об обеспечении наилучшего качества процесса, такой организации процесса, которая, при гарантии наибольшей полноты и всесторонности исследования дела в наименьшей возможной степени нарушала бы нормальную жизнь затрагиваемых данным делом трудящихся.

В настоящих условиях каждый работник юстиции обязан заботиться не только о том, чтобы не привлечь кого-либо неосновательно к ответственности, но и о том, чтобы лишний раз не вызывать свидетеля на допрос, чтобы не заставлять его лишний час дожидаться и т. п. Само собой разумеется, что строгое соблюдение прав, предоставленных законом обвиняемому, самая внимательная проверка его объяснений теперь более чем когда-либо составляют безусловную обязанность каждого работника юстиции.

Исходя из этих задач, и надо решать вопрос об обязательности или необязательности предварительного расследования.

При оценке решения этого вопроса законодательством фашистских государств необходимо иметь в виду, что там ограничение предварительного следствия всегда сопровождается и ограничением объема судебного исследования дела, ограничением права защиты на суде, ограничением права обжалования и т. д. Например, цитированный выше германский указ от 9 августа 1932 г. содержит такие правила: «исключительный суд может отказаться от рассмотрения тех или других доказательств, если он придет к убеждению, что такое рассмотрение не требуется для выяснения дела» (§ 14); «занесение показаний в протокол судебного заседания не является обязательным» (§ 16); «приговоры исключительных судов не подлежат никакому обжалованию» (§ 17).

В свете этих постановлений упразднение предварительного следствия приобретает совершенно определенный смысл. Закон дает прокуратуре возможность как ей угодно подтасовать материал, так как деятельность ее при собирании этого материала никакими правовыми нормами не определяется. Затем закон лишает обвиняемого возможности разоблачить эту подтасовку на суде, так как суд в силу § 14 может отказаться от рассмотрения представленных обвиняемым доказательств и наконец тот же закон запрещает обвиняемому жаловаться на приговор, каков бы этот приговор ни был. Более откровенного использования суда для расправы с лицами, неугодными фашистскому руководству, трудно себе представить.

Но этот результат достигается не одним только фактом упразднения предварительного следствия, но и всей совокупностью указанных выше мероприятий. Совершенно иное получится, если отсутствие предварительного расследования будет уравновешено таким порядком судебного рассмотрения дела, который даст обвиняемому возможность представить суду все оправдывающие его доказательства и обеспечит тщательное рассмотрение этих доказательств.

Можно ли безоговорочно признать, что предварительное расследование во всех случаях без исключения улучшает качество процесса? Нет, такого утверждения сделать нельзя.

Во-первых, предварительное расследование неизбежно удорожает процесс и затягивает его, что не только ослабляет его политический эффект, но и всегда бывает невыгодно для обвиняемого, так как неопределенное положение подследственного и подсудимого, особенно если оно затягивается на длительный срок, неизбежно становится для него очень тягостным. Во-вторых, предварительное расследование, несомненно, увеличивает обременение свидетелей, экспертов и других, связанных с делом лиц, вынужденных являться на допрос дважды: один раз—к следователю и вторично—в суд. Наконец нельзя не признать, что, до известной степени, наличие по делу материалов предварительного расследования предрасполагает некоторых судей к меньшей тщательности в проведении судебной проверки обвинения. Это конечно не обязательное свойство предварительного расследования, но это факт, с которым нужно считаться, стремясь в то же время всеми мерами к полному изжитию такого отношения к делу со стороны суда.

Поэтому есть все основания притти к выводу, что предварительное расследование надо производить лишь тогда, когда оно необходимо, когда без него не может быть произведено исчерпывающей проверки обвинения на суде. Тов. Вышинский в своем курсе уголовного процесса говорит: «Нужно ясно представить себе отличительную и важнейшую функцию следственной власти — розыск, как бы ни казалась эта функция дисгармонирующей с тем судейским ореолом, которым окружается имя следователя».

Следовательская работа—это розыскная работа в широком смысле этого слова, хотя и представляющаяся более сложной, чем работа иных розыскных органов» («Курс уголовного процесса» 1927 г., стр. 152—153).

Розыск «в широком смысле слова» означает не только розыск неизвестного или скрывающегося преступника, но и выяснение вопроса о том, кто из работников того или иного учреждения несет ответственность за какие-либо преступные извращения в работе данного учреждения (например, выяснение причин, последствий и виновников срыва посевной кампании в колхозе или в совхозе, невыплате зарплаты на предприятии и т. п.), выяснение лиц, которые могут быть свидетелями по делу, розыск необходимых документов и т. д.

Предварительное расследование необходимо во всех случаях, когда необходим розыск в этом широком смысле слова, когда без расслe-

довательской деятельности нельзя ни установить лицо, ответственное за данное преступление, ни собрать доказательства его виновности.

В этих случаях указанные выше невыгодные последствия предварительного расследования предпочтительнее, чем необоснованное предание суду первого подвернувшегося под руку лица на основе случайных и односторонних материалов.

Но есть очень значительная категория дел, по которым в таких розыскных действиях нет надобности. Если с самого начала известно, кто должен быть обвиняемым по делу, если с самого начала известны доказательства, которые должны быть представлены в суд, если для получения этих доказательств нет надобности в каких-либо оперативных действиях вроде обысков, то все, что нужно для постановки дела на судебное рассмотрение, имеется налицо. Например протокол милиции о хулиганской выходке, приводящий данные о личности обвиняемого, о сущности его поступка и фамилии и адреса свидетелей, в большинстве случаев содержит в себе все необходимое и достаточное для судебного рассмотрения этого дела. Акт семенной инспекции НКЗема о недопустимых условиях хранения семян в колхозе, содержащий точное описание этих условий и состояния, в котором находятся семена, указывающий фамилии лиц, ответственных за хранение данных семян, и свидетелей, также может в некоторых случаях служить основанием для передачи в суд дела по ст. 111 УК РСФСР без предварительного расследования. Такое же положение может быть по очень значительному числу дел о нарушении правил уличного движения, о невыполнении заданий по хозполиткампаниям, об обмеривании и обвешивании и т. п. Можно даже представить себе случай, когда ревизионный акт о растрате какой-либо определенной суммы (не о систематических растратах с подлогами и т. п.) может служить достаточным основанием для передачи дела по ч. 1 ст. 116 УК РСФСР непосредственно в суд.

Могут возразить, что например именно по делам по ст. 61 УК РСФСР имели место в большом числе неосновательные приговоры, что кажущаяся простота этих дел не избавляла суд от грубых ошибок. Но дело в том, что причиной этих ошибок было не отсутствие предварительного расследования по этим делам, а плохое качество судебного рассмотрения, штамповка этих дел судом. Предварительное расследование по этим делам, в тех случаях, когда оно производилось, сводилось обычно к выполнению ряда трафаретных действий и лишь давало суду лишнее основание к подобному «штамповальному» подходу.

Но допущение передачи подобных дел в суд без предварительного расследования может быть допущено, как уже было сказано, лишь при условии обеспечения тщательной судебной проверки обвинения.

Для этого необходимо установить ряд особых правил о порядке направления в суд такого рода дел и о подготовке их к слушанию:

1. Непосредственное направление в суд дел по таким статьям УК, по которым грозит... «лишение свободы, должно производиться не иначе, как через прокурора, который может по каждому делу такого рода либо назначить предварительное расследование в полном объеме, либо произвести отдельные следственные действия, которые он найдет необходимыми».

2. По делам, поступившим непосредственно в суд, судья должен вызвать обвиняемого для ознакомления с делом и для выслушивания его ходатайств еще до внесения дела в судебное заседание.

Факультативный характер, приданный этому вызову ст. 256 УПК РСФСР, недостаточен. Вызов обвиняемого судьей должен быть обязателен.

В зависимости от характера ходатайств, заявленных обвиняемым, судья должен решить вопрос о возможности удовлетворения тех ходатайств, которые он признает уважительными, прямо в судебном заседании или о необходимости направления дела для производства предварительного расследования. По делам, по которым грозит лишение свободы, эти вопросы должны разрешаться в распорядительном заседании суда.

Сам обвиняемый должен иметь право просить о направлении дела для производства предварительно расследования. Отклонение этого ходатайства должно допускаться не иначе как по мотивированному определению распорядительного заседания суда.

3. Обвиняемому должна быть обеспечена возможность собрать и представить в суд доказательства, опровергающие обвинение. Для этого прежде всего должно быть установлено правило, что в случае ходатайства о том обвиняемого дело не может быть назначено к слушанию ранее 5 дней со дня ознакомления обвиняемого с делом.

Далее, обвиняемому по его просьбе должны выдаваться свидетельства на получение из различных организаций необходимых ему справок и документов, если судья или распорядительное заседание суда признает, что эти справки и документы необходимы для правильного разрешения дела. Отказ в выдаче таких свидетельств, а также в вызове свидетелей должен допускаться не иначе как по мотивированному определению распорядительного заседания суда. Удовлетворение же ходатайств обвиняемого может быть произведено единолично судьей.

4. Обвиняемому должна быть предоставлена возможность при ознакомлении с делом и заявлении ходатайств пользоваться помощью защитника.

5. Суд должен иметь право признавать обязательным поддержание прокурором обвинения на суде.

6. Порядок непосредственного направления в суд дел (помимо дел дежурных камер) не должен применяться в случаях, когда возникает необходимость в применении к обвиняемому в виде меры пресечения содержания под стражей.

Другие меры пресечения в случае их необходимости должны назначаться распорядительным заседанием суда после ознакомления обвиняемого с делом и по заслушании его ходатайств.

При соблюдении этих условий отсутствие предварительного расследования не грозит однобоким, неполным исследованием дела и ни в чем не ограничивает прав обвиняемого. Выгадываются же при этом не только расходы и время, не только то, что свидетели и другие связанные с делом лица должны будут являться для допроса один раз вместо двух, но и то, что обвиняемый не находится в тягостном положении подследственного и вопрос о нем разрешается со всей возможной быстротой.

Само собой разумеется, что по таким делам, как дела о контрреволюционных преступлениях и об особо опасных преступлениях против порядка управления, дела по законам 7 августа 1932 г. и 8 декабря 1933 г, дела об убийствах и тяжелых телесных повреждениях, дела о половых преступлениях, дела о грабежах и разбоях и, в соответственных случаях, дела о воинских преступлениях — производство предварительного расследования в полном объеме должно быть признано обязательным. Что касается дел о должностных преступлениях, то по этим делам непосредственное направление их в суд должно допускаться в исключительных случаях.

Указанный выше порядок не требует для своего осуществления изменения законодательства. Он ни в чем не противоречит действующему УПК РСФСР и УПК других союзных республик.

Но в целях ясности в этом вопросе и устранения возможности непосредственного направления дел в суд без соблюдения указанных выше необходимых гарантий желательно, чтобы указанные правила были преподаны как директива Верхсуда и Прокуратуры СССР. В проект УПК следовало бы ввести специальную главу «о непосредственном рассмотрении уголовных дел в суде».

С. Фиделев

Гарантии для обвиняемого—гарантия доброкачественности приговора

Специальная юридическая печать уже давно бьет тревогу по поводу того «упрощенства», которое на местах вносят судебные и следственные работники в свою работу. Высшие судебные органы с неослабевающей и наоборот все с возрастающей энергией борются против тех извращений и нарушений процессуальных норм, которые искажают всю перспективу дела и зачастую ведут к совершенно неправильным выводам. Совещания и обследования прокурорских и судебных работников не менее энергично проводят по этому поводу широкую разъяснительную работу. И тем не менее на этом участке судебно-следственной работы перелома еще нет, и даже не чувствуется со стороны следственных и судебных работников стремления к подобному перелому.

А между тем наши процессуальные законы в отличие от буржуазных, стремящихся лишь к соблюдению внешней формы в целях показа формального равенства при наличии ярко выраженного фактического неравенства, имеют глубокое внутреннее содержание, заключающееся в том, что с их помощью и содействием выявляется классовая сущность совершенного действия. Наши процессуальные законы по сложности и многостатейности совершеннее буржуазных законов. У нас они много короче и много проще. И в этом не недостаток, а огромное достоинство их. Но дальше сокращать уже сокращенное и упрощать уже упрощенное—это значит искажать и извращать целевую установку наших процессуальных законов.

Особо важное значение в советском уголовном процессе имеют те процессуальные нормы, которые уже давно приобрели специальное название «гарантий для обвиняемых». Имея своей целью чуткий и осторожный подход к живым людям, для осуществления которого каждому обвиняемому предоставляются реальные возможности доказывать свою невиновность, эти законы о процессуальных правах лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, способствуют правильному разрешению всякого дела, что является единственно важным в советском суде и к чему последний единственно стремится. Казалось бы, что подобная целевая установка этих «гарантийных» норм со столь важным результатом, как правильное, соответствующее конкретным обстоятельствам и потому справедливое разрешение дела, обязывает органы следствия, прокуратуры и суда к особо бдительной охране этих норм и к особо решительной борьбе за их соблюдение. Однако практика говорит как раз о совершенно противоположном и свидетельствует о том, что некоторые органы следствия, прокуратуры и суда не только не ведут борьбы за охрану и соблюдение этих норм, но наоборот именно эти органы на местах, недооценивая все значение процессуальных гарантий для обвиняемых на данном этапе диктатуры пролетариата, являются главными и основными нарушителями этих процессуальных норм. При таком положении надо ли удивляться, что за растрату, совершенную при стечении ряда случайных обстоятельств, приговаривается к расстрелу молодая, неопытная, полуграмотная дочь красных партизан, отец которой расстрелян белобандитами Шкуро, брат которой тоже расстрелян белыми, мать которой красная партизанка, ныне инвалид, а сама подсудимая всегда вела трудовой

образ жизни?[1]. И что странного в том, что при столь поверхностном отношении к личности сидящей на скамье подсудимой и к ее правам наш советский классовый суд не сумел отличить случайно ступившую на путь преступления трудящуюся от классового врага, совершающего преступления против социалистической собственности и подрывающего основные законы социалистического государства?

Или надо ли удивляться, далее, что Верхсуду пришлось во второй половине прошлого года выправлять приговор Хакасского суда, приговорившего за убийство бригадира колхоза «Заветы Ильича» к расстрелу одного из подсудимых, а второго к 10 годам лишения свободы на основе косвенных улик, причем предварительное следствие, имея в своих материалах указания на то, что пятна крови на сорочке обвиняемых принадлежали быку, которого кололи перед убийством бригадира, не удосужилось столь существенного по делу обстоятельства проверить, а судебное следствие велось столь небрежно, что в протоколе нашло отражение в такой форме: «свидетель Шушеначева перешла от показаний к чувствам»?[2]. И что странного в том, что при подобном расследовании преступления на предварительном следствии и при подобном ведении дела на суде мог избегнуть привлечения к ответственности настоящий виновник преступления, намеки на которого имеются в материалах дела, но так же не обследованные ни на предварительном следствии, ни на суде?

Процессуальных норм, охраняющих права привлекаемых к следствию и суду и одновременно гарантирующих и оберегающих приговор от извращений и перегибов, наш Уголовно-процессуальный кодекс знает немного. Но каждая из этих норм, взятая в отдельности, и все они, вместе взятые, в особенности насыщены конкретным содержанием столь существенным и важным, что не возбуждают ни малейшего сомнения в том, что двойная цель их создания и существования — гарантия для обвиняемых и гарантия доброкачественности приговора — полностью оправдывается.

Требование кодекса например об обязательном присутствии подсудимого на суде во всех случаях, когда последнему грозит лишение свободы, нашло себе яркое объяснение в постановлении президиума Верхсуда РСФСР от 3 июня 1932 г. по прот. № 18 как требование, не только охраняющее права обвиняемого, но и обеспечивающее правильный приговор. «Имея в виду, — говорит Верхсуд, — что одним из необходимых условий вынесения правильного приговора является полное и всестороннее рассмотрение всех обстоятельств дела и в особенности показаний и объяснений самого обвиняемого, признать, что рассмотрение дела в отсутствии обвиняемого на основании п. 2 ст. 265 УПК («если доказано, что подсудимый уклонился от вручения повестки о вызове в суд или скрывается от суда») может допускаться лишь в исключительных случаях, когда обстоятельства дела не вызывают никаких сомнений. В остальных случаях,—категорически устанавливает Верхсуд,—в особенности когда обвиняемому грозит применение высшей меры социальной защиты, суд, как правило, не должен слушать дела о скрывшемся обвиняемом и обязан выделить дело о нем с тем, чтобы оно было возобновлено после розыска обвиняемого».

Правила, предусмотренные ст. 276 УПК, требующие от органов следствия разъяснения права и предоставления возможности обвиняемым ознакомиться со всеми материалами по делу на предмет их дополнения указанием обстоятельств, могущих иметь существенное для судьбы дела значение, есть не что иное, как стремление обеспечить всесторонним обследованием всех обстоятельств дела правильный не только по форме, но — и это главное — по существу судебный приговор.

Вот почему для того, чтобы эта действующая статья действующего УПК не бездействовала, по выражению т. Вышинского, «приходилось брать в штыки некоторых работников», а НКЮ РСФСР своим циркуляром от 10/II 1935 г. за № 11, устанавливая особый учет с занесением в специальный список следователей и прокуроров, не соблюдающих и нарушающих во время следствия процессуальные нормы, упоминает ст. 206 УПК отдельно от ряда других нарушений и искажений УПК. Вот почему и в резолюции первого всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников и первого всесоюзного прокурорского совещания мы читаем следующую категорическую директиву: «подтвердить к обязательному исполнению требование ст. 206 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик о предъявлении, по окончании расследования, следственных материалов обвиняемому в целях последующего, по его ходатайству, дополнения следственного производства новыми материалами».

Вручение обвинительных заключений каждому обвиняемому не в выписках, а непременно полностью (постановление президиума Верхсуда РСФСР от 3/IX 1934 г.) и притом не позднее, чем за три дня до слушания дела; восстановление фактически не действовавшего порядка обжалования действий органов расследования с соблюдением правил ст.ст. 107, 112 и 120 УПК (резолюция первого всесоюзного совещания судебных и прокурорских работников); возобновление распорядительных (подготовительных) заседаний с непременным вызовом и участием обвиняемых, если по вопросам, рассматриваемым в этих заседаниях, имеются заявления обвиняемых (разъяснение 47 пленума Верхсуда Союза ССР от 7/VI 1934 г.); установленное тем же разъяснением 47 пленума Верхсуда Союза правило о передаче дел по обвинению в должностных и хозяйственных преступлениях целого ряда должностных лиц в краевые, областные, главные и верхсуды «в целях устранения возможности необоснованного осуждения руководящих работников промышленности и сельского хозяйства и обеспечения наиболее квалифицированного рассмотрения дел этой категории в суде»; всякого рода иные постановления распоряжения и разъ-

[1] «За соцзаконность» № 4 1935 г., стр. 37.
[2] «СЮ» № 9 1935 г., стр. 11.

яснения процессуальных правил и законов—все это явления одного порядка, направленные на то, чтобы за формальным действием не проглядеть живого человека и тем самым не нарушить классовый принцип нашего советского приговора.

Несмотря однако на приведенные категорические требования процессуального закона и многочисленные подтверждения крайней необходимости точного и безоговорочного их соблюдения, наши следственные и судебные органы в подавляющем большинстве случаев до сих пор не сумели проникнуться той основной мыслью, что правильного приговора без правильно проведенного следствия быть не может, а правильно проведенным будет следствие только тогда, когда наряду с исследованием обстоятельств, изобличающих обвиняемого, будут исследованы и обстоятельства, его оправдывающие или смягчающие его вину. До сих пор в наших следственных и судебных органах живы тенденции такого рода, что, мол, всякие требования и ходатайства лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, суть не что иное, как стремление затуманить, затушевать ясное, по мнению следователя, дело, а также затянуть его исследование, дабы скрыть следы преступления. И до сих пор наши следственные и судебные органы не могут (или не хотят) понять, что та совокупность мер, которая имеется в их распоряжении при расследовании каждого дела, является при правильном их применении абсолютно достаточной гарантией от тех извращений, которые в отдельных случаях могут пытаться вносить в следственное производство отдельные обвиняемые из числа классово чуждых элементов и перерожденцев. И в результате получаются случаи вроде вышеприведенного, когда только вмешательство высшей инстанции спасает жизнь молодой 22-летней женщины.

«Надо наконец понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры...». «Мы должны прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу общему делу».

Эти великие слова вождя мирового пролетариата не могут не дойти до слуха наших следственных и судебных работников. «Мы должны прежде всего научиться ценить людей». Это значит, во-первых, что каждый человек, попавший на исследование следственных и судебных органов, вправе рассчитывать на чуткое и внимательное к себе отношение, на осторожный к себе подход. Это значит, во-вторых, что каждому человеку, привлеченному к следствию и суду, должны быть предоставлены не только формальное право, но и широкие возможности реабилитировать себя всеми имеющимися у него способами и доказательствами, которые по его требованию должны быть исследованы всесторонне и до дна. Это значит, в-третьих, что каждое дело, за которым стоит живой человек, должно расследоваться так, чтобы собирались следственными органами не только доказательства его виновности, но и доказательства иного порядка, которые в своей совокупности порой могут окончательно подавить и уничтожить весь тот материал, который без них казался совершенно достаточным не только для предания суду, но даже для вынесения обвинительного приговора. Это значит, в-четвертых, что каждый обвиняемый на суде вправе требовать от лиц, определяющих его дальнейшую судьбу, беспристрастного, культурного к себе отношения, без грубостей и издевательств и без обвинительного уклона. Это значит, в-пятых, что «мы должны научиться судить за дело — это первое, кого следует — второе, судить культурно—третье, судить по закону, судить с душой — четвертое» (Каганович).

Надо наконец понять, что правильно проведенное предварительное следствие с соблюдением всех процессуальных норм и с полной охраной прав и интересов обвиняемого, проверенное в условиях советского процесса судебным следствием, гарантирует правильный, классово выдержанный и потому справедливый приговор. Тот советский приговор, который единственно может удовлетворить широкую общественность.

„Лозунг „Кадры решают—все" требует, чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к „малым" и „большим", в какой бы области они ни работали, выращивали их заботливо, помогали им, когда они нуждаются в поддержке, поощряли их, когда они показывают первые успехи, выдвигали их вперед и т. д".

(СТАЛИН)

Б. Маньковский

Бригада ИССП Комакадемии и Института уголовной политики в Минске

Поставленная т. Сталиным в его последней речи с исключительной глубиной задача — «Кадры решают все» ставит перед теоретическим фронтом вопросы огромной важности и сложности.

В частности в свете этих указаний т. Сталина приобретает особо серьезное значение вопрос о более широкой связи центральных научно-исследовательских учреждений с периферией, о более активной помощи местам в повышении теоретического уровня практических работников.

В особенности необходимо подчеркнуть важность этой задачи при разрешении вопроса о повышении квалификации работников судебно-прокурорского аппарата. Ибо в этом отношении, надо прямо сказать, правовые научно-исследовательские институты проделали еще совершенно недостаточную работу.

Выезд бригады в Минск с научными докладами выявил огромную тягу на местах к овладению марксо-ленинской теорией права, и в частности уголовного права. Кадры наши растут, они требуют квалифицированного освещения узловых проблем современной карательной политики. То большое внимание аудитории, которое было проявлено к поставленным бригадой докладам, является лучшим в этом отношении свидетельством.

Бригадой были поставлены следующие доклады, на которых присутствовали практические работники, студенчество и научные работники:

1) Волкова Г. И.—«Наказание в советском уголовном праве», 2) Шляпочникова А. С.— «Преступность в СССР за 1934 г», 3) Маньковский Б. С. — «Расовая теория уголовного права германского фашизма». Помимо того Маньковским студенчеству были еще прочтены два доклада: «Авторитарная теория уголовного права» и Социал-демократия и фашистская теория уголовного права».

Доклады были поставлены под углом речи т. Сталина, имеющей исключительное значение при анализе основных проблем советской уголовной политики.

Помимо докладов членами бригады тт. Ошеровичем и Дурмановым был изучен законодательный материал НКЮ и Верхсуда БССР и материал судебной практики для подготовки учебника по юридическому минимуму для судебно-прокурорских работников Белоруссии. Собран исключительно ценный материал, показывающий очень важные особенности уголовного законодательства БССР по сравнению с РСФСР. Несомненно крупнейшим недочетом нашего теоретического фронта является то положение, что до сих пор серьезно еще не начато изучение особенностей уголовного законодательства национальных республик. Предварительные данные, которые получены в Белоруссии, уже дают возможность поставить целый ряд новых вопросов, которые ранее не намечались. Выполнение в кратчайший срок задачи подготовки учебника по юридическому минимуму будет действительно эффективной и конкретной помощью органам юстиции Белоруссии со стороны научно-исследовательских институтов.

Бригадой был поставлен вопрос об организации в Минске группы товарищей для теоретической разработки вопросов уголовной политики во главе с т. П. В. Кузьминым. На совещании в НКЮ в этом отношении был принят ряд решений, и в частности в качестве первоочередной темы намечена разработка вопроса о должностных преступлениях, имеющего исключительное значение в свете речи т. Сталина. Принято также решение о постановке докладов минских работников в Москве, и в частности доклада т. Кузьмина о судебной политике в Белоруссии. На этом совещании т. Кузьмин сделал весьма интересное сообщение о практике органов юстиции Белоруссии в современных условиях, о формах тесной связи органов юстиции с партийными организациями (когда при отчетах секретарей райкомов например обсуждается также и вопрос о судимости в районе), что дало возможность снизить судимость по должностным преступлениям **в четыре раза.** Освещение т. Кузьминым ряда других вопросов, как например особенности современного бандитизма в Белоруссии, особенно показало совершенно недостаточное изучение нами огромной революционной работы органов юстиции, которая ими проводится в борьбе за построение бесклассового социалистического общества в национальных республиках.

Необходимо далее отметить, что бригада много получила из местного опыта и для развертывания научно-исследовательской работы. Так в этом отношении нужно отметить прекрасную организацию Института судебной экспертизы, оказывающего каждодневно практическую помощь судебным работникам. В особенности нужно подчеркнуть, что директор института т. Черваков организовал в институте крепко спаянный коллектив и добился высокой трудовой дисциплины, которой так нехватает часто во многих наших научных учреждениях.

Перед отъездом бригада была принята председателем Совнаркома т. Голодедом, который в беседе с большой ясностью и глубиной осветил очередные задачи органов юстиции. Прежде всего т. Голодед отметил огромное значение для правового теоретического фронта разработки проблем новой советской конституции. Справедливо было указано на крупные недочеты в нашей работе в этом отношении. Тов. Голодед далее отметил в качестве важнейшей задачи расширение политического и культурного горизонта работников юстиции. Он отметил, что «неграмотный юрист — либо болтун, либо администратор», что необходимо

серьезное внимание уделить историческому образованию юристов; широко образованный юрист сможет всегда четко применить советский закон в борьбе с разнообразными формами сопротивления классового врага, ибо никогда нельзя написать такие законы, которые могли бы предусматривать все случаи жизни; при поднятии теоретического уровня судебных работников нужно их **заинтересовать** весьма умелой пропагандой марксо-ленинской правовой теории, в силу чего, указывал т. Голодед, «НКЮ должен проявить также большие **и педагогические способности».** В работе суда,—говорил т. Голодед,—нужно уметь сочетать задачу принуждения и убеждения, ибо, применяя беспощадные меры расправы с классовым врагом, нельзя забывать, что суд также выполняет задачи **«социалистической педагогики»** и что **«всякий судья и прокурор является социалистическим педагогом»**; именно интересы социалистической педагогики требуют, чтобы приговор писался простым, понятным языком, иначе он теряет свою эффективность и убедительность. В качестве важнейшего недочета т. Голодед отметил совершенно недостаточную охрану судебными органами интересов личности трудящегося, и в частности **чести** трудящегося, ибо охрана последней в связи с проблемой советского патриотизма и любви к социалистическому отечеству приобретает особо актуальное значение.

Конечно в краткой заметке нельзя исчерпать освещения всех тех вопросов, которые поставил в своем выступлении т. Голодед (в частности о значении художественной литературы и театра для подъема культурного уровня судебных работников). Но эта беседа в исключительно яркой форме наметила решающие задачи органов юстиции на современном этапе. На совещании у т. Голодеда было принято решение об организации в Белоруссии юридического журнала и об издании ряда работ. Тов. Голодед также предложил единовременное ассигнование на создание для судебно-прокурорских работников библиотек по художественной литературе. В заключение т. Голодед обратил внимание на необходимость **систематической** связи и систематических выездов московских работников с теоретическими докладами.

Нужно отметить, что бригада встретила в своей работе весьма товарищескую поддержку со стороны местных работников.

Опыт поездки в Минск показал, что такие выезды для нашей теоретической работы дают богатый материал. К намеченным очередным выездам в Киев, Баку и Тифлис необходимо провести уже сейчас серьезную подготовительную работу, чтобы в максимальной мере выполнить те задачи, которые стоят сейчас перед научно-исследовательскими учреждениями в области уголовной политики в современных условиях.

Г. Свердлов

Насчет острот

(Вместо фельетона)

С каждым человеком может в конце-концов приключиться такая неприятность. Как известно, человеку при рождении выбрать себе подходящих родителей не удается. Папу и маму человек при рождении получает вместе со всеми остальными жизненными принадлежностями в совершенно готовом виде. Получает такими, какие они есть. И вполне естественно, что при этих условиях у человека может оказаться неважная фамилия.

Но все равно, как бы эта фамилия ни звучала,—пусть это будет гоголевская Яичница, или чеховский Чепчик, или даже, предположим, Гусь,—все равно человеку ставить это в упрек просто неумно.

Все это довольно элементарно, все это установлено довольно давно и спорить против этого не приходится. И если бы кто-нибудь в обращении с человеком, носящим, предположим, гусиную фамилию, позволил бы себе какую-нибудь вольность насчет, скажем, пресловутого гуся, который свинье не товарищ, или что-нибудь еще в этом роде, то мы безошибочно могли бы сказать, что этот очаровательный шутник просто свинья.

И все же нам приходится констатировать, что люди, от роду страдающие неважными фамилиями, слишком часто еще—и это конечно очень грустно—испытывают прямо ужасные страдания от этаких развеселых шутников.

Но все это в конце-концов дело частное, житейское, дело такта в обращении между гражданами, и пусть уж сами граждане как нибудь разберутся в подобных неприятностях. Пусть меняют фамилии, пусть привлекают своих обидчиков к суду, пусть не водятся наконец с людьми, лишенными вкуса и тем не менее острящими.

Но вот, представьте себе, что человека, носящего фамилию Болотовский, предают суду. Еще неизвестно, чем кончится дело, еще суровое слово судьи не произнесено, еще трудовая репутация человека не подорвана, приговор еще впереди. Но уже попросил слово прокурор. Он обличает подсудимого, он разбирает все улики, он настаивает на виновности подсудимого, он требует сурового наказания.

Все это хорошо. Прокурор убежден в виновности Болотовского, он может, он обязан требовать наказания.

Но прокурору нехватает концовки для своей пламенной речи, нехватает, как говорят, искорки, острого, запоминающегося словечка. И вот прокурор, с великолепным патетическим жестом протягивая руку в сторону подсудимого, бросает в залу изящную саркастическую шутку:

— Болотовский!.. Товарищи судьи, обратите внимание—показательная фамилия! Перед вами тот самый Болотовский, который произошел от слова болото, от знаменитых вонючих пинских болот, и нужно ли удивляться, товарищи судьи, если от Болотовского болотом воняет!

Ах, как смешно, как остроумно, как потрясающе остроумно! То есть, так и хочется от восторга покрыть горячими аплодисментами это симпатичное прокуророво лицо, так и хочется прошептать ему ласково и задушевно:

— Нельзя ли, прокурор, без выкрутасов?

Ведь от этой милой прокурорской шутки пахнет (чтобы не выражаться языком ее автора) уже не частной житейской обидой. Тут несет такой густой волной отвратительного чиновничьего чванства, барского пренебрежения к личности осужденного, от которой претит буквально на расстоянии пушечного выстрела.

Случай, о котором мы рассказываем, сейчас расследуется, и прокурорская острота, если она подтвердится, получит свою достаточно острую оценку. Но дело ведь не в этом конкретном случае. Дело, к сожалению, в том, что такие, или похожие на этот, факты не единичны.

Ах, это пристрастие прокурора, судьи, защитника снискать себе лавры человека «с острецой»! Как часто в погоне за дешевым успехом то большое ответственное дело, которое делает судебно-прокурорский работник, искажается, дискредитируется фокусничанием, гримасничанием, неумным стремлением «театрализовать» серьезное политическое действие, происходящее в суде.

Судят в Москве группу кооперативных работников. Серьезное, сложное дело, в котором много за и много против, к которому приковано внимание большого многотысячного завода, в кооперативе которого работали подсудимые. В клубе этого завода происходит показательный процесс. Рабочие слушают дело внимательно, сурово и бдительно. Но вот, в ответ на какое-то показание одного из подсудимых, судья бросает реплику, отчетливо слышную всему залу:

— Ну да, понятно... Торговали — веселились, подсчитали — прослезились...

И очень довольный своей шуткой судья смеется. А в зале гробовая тишина.

Или оценка, о которой рассказал т. Вышинский в своем недавнем докладе. Случай, когда один московский судья, после разбора какого-то дела об увечьи, послал в догонку истице напутствие, построенное в стиле крепких базарных острот:

— Иди, иди, гражданка, да смотри, как бы тебя опять не смазали по физиономии оглоблей...

Мы вовсе не хотим, чтобы с лица советского судьи исчезла улыбка или другие эмоции, столь украшающие человека. И мы вовсе не хотим, чтобы прокурор походил на бездушную счетную машину, которая невпопад скороговоркой отстукивает номера параграфов, статей и пунктов уголовных законов. Наоборот. Пора признать, что красноречие, что ораторское искусство — это тоже качество, которое прокурору прямо к лицу. Пусть будут советские Демосфены. Пусть в каждом районе будет свой, советский Плевако. Мы не против.

Но если прокурор или судья острят так, что от их легкокрылых шуток лошади шарахаются, если их шутки и красноречие дискредитируют далеко не шуточное дело, которое им доверено,—тогда лучше не надо. Обойдемся без Плевак.

„Если мы хотим изжить с успехом голод в области людей и добиться того, чтобы наша страна имела достаточное количество кадров, способных двигать вперед технику и пустить ее в действие,— мы должны прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу. Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях кадры решают все".

(СТАЛИН)

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

3 февраля 1935 г. по делу Каманова, Васильева и др., осужденных Саратовским крайсудом по статье 58⁸ УК, президиум Верхсуда РСФСР вынес постановление, содержащее ряд принципиальных положений, являющихся абсолютно неверными и способных создать лишь путаницу в практической работе судебных органов.

Верхсуд РСФСР в этом постановлении разъяснил, что тех случаях, когда обвиняемыми совершены преступления «объективно являющиеся контрреволюционными», но «формально» попадающие под статьи, предусматривающие преступления неконтрреволюционного характера (ст.ст. 136, 109 и 110 УК и т. д.), суд, рассматривающий дело, должен квалифицировать преступления обвиняемых **одновременно и по этим статьям и по ст. 58¹ УК.**

По смыслу этого разъяснения и дальнейшего изложения постановления президиума Верхсуда видно, что президиум Верхсуда имеет в виду те дела, по которым прямо не установлена контрреволюционная цель обвиняемых, но установлен объективный политический вред, причиненный их действиями.

В качестве примеров президиум Верхсуда приводит ряд действий, совершенных осужденным Саратовским крайсудом Камановым, который, будучи председателем сельсовета, «допустил вхождение в колхоз отдельных кулаков», «допускал и поощрял на почве охраны индивидуальной собственности самосуды над бедняками», «не принял мер к преданию суду кулака за убийство мальчика, залезшего к нему в огород, и т. д.

К подобного рода действиям, являющимся, по мнению Верхсуда «объективно безусловно контрреволюционными», президиум Верхсуда и предложил применять, комбинированным путем, ст. 58¹ УК и «неконтрреволюционные» статьи, предусматривающие соответствующие действия обвиняемых (ст.ст. 136, 109, 110 УК и т. д.).

Так как ст. 58¹ УК имеет однако лишь определяющий характер и не предусматривает определенной санкции, то, как разъяснил президиум Верхсуда РСФСР, наказание назначается обвиняемому по ст. УК, прямо предусматривающей совершенные им действия (ст.ст. 136, 110, 109 УК), но «политическая квалификация» этих действий дается применением ст. 58¹ УК.

Это разъяснение Верхсуда РСФСР Прокуратура Союза опротестовала по следующим основаниям:

Первое и основное требование, предъявляемое к любому судебному приговору, это определенность и четкость предъявленных осужденным обвинений.

Разъяснение Верхсуда может привести к тому, что по некоторой категории дел будут выноситься приговоры, страдающие неопределенностью и противоречивостью, ибо, с одной стороны, эти приговоры фактом применения ст. 58¹ УК будут констатировать наличность в действиях обвиняемых общих признаков контрреволюции, а с другой — назначением наказания не по статьям о контрреволюции будут признавать в этих действиях наличность признаков неконтрреволюционных преступлений.

Разъяснение Верхсуда создает, в сущности, своеобразное состояние «полуконтрреволюционности», характеризуемое тем, что суд, признавая данного человека контрреволюционером, идет на несвойственный советскому суду компромисс, «квалифицируя политически» для «очистки совести» преступления обвиняемого как контрреволюцию, в то же время карая его по статье, предусматривающей неконтрреволюционное преступление.

Разъяснение, данное президиумом Верхсуда РСФСР о порядке применения ст. 58¹ УК к действиям, «объективно являющимся контрреволюционными», но «формально подпадающими под признаки ст.ст. 136, 109 и 110 и пр. УК», принципиально и практически совершенно неправильно и противоречит основам уголовного законодательства.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев 20 мая 1935 г. протест Прокуратуры Союза, постановила:

Принимая во внимание:

1) что ст. 58¹ УК является определяющей статьей и не предусматривает никакой санкции;

2) что применение ст. 58¹ УК к преступлениям, которые не являются контрреволюционными (ст.ст. 136, 109, 110 и др. УК) приводит к тому, что преступление неконтрреволюционного характера произвольно переводится в разряд контрреволюционного преступления;

3) что постановление президиума Верхсуда РСФСР приводит к такому положению, когда к лицам, совершившим неконтрреволюционное преступление (ст.ст. 136, 110, 109 и др. УК), будет применяться без всяких оснований квалификация их действий как контрреволюционных (по ст. 58¹ УК), —

согласиться с протестом Прокуратуры Союза ССР и, находя постановление президиума Верхсуда РСФСР от 3 февраля 1935 г. неправильным и противоречащим основам уголовного законодательства, указанное постановление отменить.

Предложить председателю Верхсуда РСФСР разослать настоящее постановление для сведения всем краевым (областным) судам.

***

Водный суд Камского бассейна 26 ноября 1934 г. приговорил Иванова Ник. Сем. и Ель-

шина Илью Як. по ст. 109 УК — первого к 6 месяцам и второго к 3 месяцам и.-т. работ.

Прокуратура Союза опротестовала приговор суда за мягкостью по следующим основаниям:

Пароходы «Жемчужина» и «Ленинград», принадлежащие Камскому речному пароходству, были направлены на капитальный ремонт—первый в затон «Парижская коммуна», второй на завод им. Молотова.

Преддоговорное соглашение между КРП и затоном «Парижская коммуна» обязывало КРП поставить пароход «Жемчужина» в затон в полном вооружении.

Преддоговорным соглашением между КРП и заводом им. Молотова разоружение парохода «Ленинград» возлагалось на завод им. Молотова.

В нарушение указанных соглашений нач. МСС Камского пароходства Иванов, зам. нач. службы эксплоатации Ельшин, зам. нач. службы эксплоатации Сафронов распорядились направить пароходы «Жемчужина» и «Ленинград» в Чистопольский затон и затон им. Дзержинского (принадлежащие Камскому речному пароходству) для разоружения и уже после разоружения поставить эти суда на капитальный ремонт в затон «Парижская коммуна» и на завод им. Молотова.

Отдавая распоряжение о разоружении, Иванов и Ельшин в первой телеграмме предложили снять инвентарное имущество, в следующей телеграмме Иванов и Сафронов предложили «произвести полное разоружение», и третьей телеграммой Иванов приказал «снять все нужное могущее быть употреблено для судоремонта и других целей».

В полном соответствии с указанными выше телеграфными распоряжениями было произведено хищническое разоружение и фактически разрушение пароходов, особенно «Жемчужины». В частности с парохода «Жемчужина» были сняты инвентарь, оборудование, умывальники, унитазы, выломаны двери, вынуты рамы, оконные стекла, сорвана клеенка с мебели, клеенка со стен, линолеум, сорвана электропроводка и в довершение всего снята труба.

Материалами следствия (предварительного и судебного) полностью доказано, что работники службы эксплоатации Камского речного пароходства, руководствуясь местническими антигосударственными соображениями, распорядились произвести безобразное хищническое разоружение пароходов во вред государственным интересам, чем совершили тяжкое преступление.

Суд, совершенно не уяснив себе тяжести преступления и политическое значение дела, вынес приговор, явно не соответствующий характеру и значению преступления.

Верхсуд РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определил: приговор водного суда Камского района за мягкостью отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии судебного следствия.

**
*

Нарсуд г. Нежина 9 июня 1932 г. приговорил гр. Пискуна Макара к 10 годам лишения свободы по ст. 138 УК за подстрекательство к убийству членов своей семьи.

Киевский облсуд 25 июня 1932 г. отменил этот приговор за невыясненностью ряда существеннейших обстоятельств и передал дело на новое рассмотрение.

Однако УКК Верхсуда УССР 20 апреля 1933 г. отменила это определение облсуда и утвердила приговор нарсуда.

Прокуратура Союза, считая, что виновность Пискуна по делу не может считаться доказанной и что дело о нем подлежит прекращению, опротестовала решение УКК Верхсуда УССР по следующим основаниям:

15 марта 1932 г. вечером, в отсутствие Макара Пискуна, была убита его 12-летняя дочь Анна, тяжело ранена жена Приска и легко мать его Ульяна. Убийца был тут же опознан потерпевшими и оказался соседом Пискунов и их свояком — вторым мужем быв. жены брата Макара Пискуна гр. Петром Полевиком. Вся обстановка убийства носила характер разбойного нападения в целях овладения имуществом. На это указывает и факт ограбления трупа убитой девочки. Однако убийца при допросе дал показания в том смысле, что его мол подговорил к этому убийству Макар Пискун, посулив ему за это 500 руб. и дав в виде задатка 45 руб. По словам Полевика, Пискун поручил ему убить не только жену и дочь, но и отца и мать (живших отдельным хозяйством), пощадив лишь двух младших ребят. Сделал он это для того, чтобы избавиться таким путем от своей семьи, мешавшей ему сожительствовать с некоей Иващенко, с которой Макар за несколько дней до убийства уехал куда-то под Москву.

На основании этого показания убийцы был объявлен розыск Пискуна, но, не дожидаясь задержания последнего, Полевик был предан суду и осужден 11 апреля 1932 г. к 10 годам лишения свободы и тут же отправлен в дальние лагери. Месяц спустя после этого Пискун вернулся домой и был арестован.

Таким образом дело это было расчленено на две части: сначала судили Полевика (в отсутствие Пискуна), а затем Пискуна (в отсутствие Полевика). Расследование по обоим делам велось разновременно и обособленно, причем ни на предварительном расследовании, ни на суде очной ставки между ними устроено не было, так как Полевик после осуждения тут же был этапирован в дальние лагери.

Таким образом нарсуд при рассмотрении дела Пискуна имел лишь письменные показания Полевика.

Этих показаний имеется три. Стоит сравнить их между собою, чтобы убедиться как в их противоречивости между собой по существеннейшим моментам, так и в надуманности и неправдоподобности той версии, какая в них преподносится.

Совершенно непонятно, какие мотивы могли толкнуть Пискуна на уничтожение всей своей семьи, в том числе подростка-дочери 12 лет, и стариков родителей, которые жили отдельно и совершенно не вмешивались в его личную жизнь. Мало того, даже и в отношении его жены Приски не могло быть никаких побудительных мотивов у Макара, чтобы ее убивать. По показаниям всех свидетелей, в том числе и самой Приски, отношения между супругами были хорошие, и даже супружеская

неверность Макара, о которой Приска давно знала и с которой мирилась, не вызывала между ними ни ссор, ни недоразумений. Во всяком случае Приска ничем не мешала мужу в его любовной истории с соседкой Иващенко. Зачем же нужно было Макару Пискуну таким зверским образом истреблять свою родную дочь, своих стариков родителей и даже свою— пусть нелюбимую, но не мешавшую ни в чем— жену, мать и опекуншу тех двух маленьких ребят, которых он, по словам убийцы, приказал пощадить? Зачем ему нужно было бросать на произвол, на расхищение, без всякого присмотра, свое трудовое хозяйство, все свое имущество, да еще платить за эту «услугу» убийце 500 руб.? Бессмысленность и надуманность подобной версии совершенно очевидна, бьет в глаза.

Все поведение Пискуна также говорит против этого предположения. Уезжая из села, он делал это открыто; родные знали, что он отправляется на заработки и скоро вернется; приехав в г. Егорьевск, где он поступил на работу, он шлет письмо в свою деревню, делая распоряжения по хозяйству; обещает скоро вернуться; в начале мая он действительно возвращается домой и, узнав о случившемся и о возникших против него подозрениях, не пытается скрыться, а сам добровольно идет в милицию. Разве такое поведение свидетельствует о его причастности к этому зверскому преступлению?

Добавочные соображения УКК Верхсуда о том,что «Полевик частенько заходил в квартиру к Пискуну и выпивал с ним», во-первых, не совсем точно отражают то, что установлено по делу: заходил не «частенько», а изредка; а во-вторых, они не имеют никакого компрометирующего обвиняемого значения, так как Полевик и Пискун — соседи и свояки и кроме того, как видно из показания самой же Приски Пискун, незадолго перед убийством между ними происходил обмен зерна, что и вызвало посещение Полевиком и его женой квартиры Пискуна и женой последнего—квартиры Полевика. Связывать в какой-либо мере эти посещения с убийством нет решительно никаких оснований.

Таким образом по всему ходу дела ясно, что оговор Полевика, не подтвержденный решительно ничем, сделан был им для того, чтобы уменьшить свою собственную ответственность, чтобы таким путем избежать привлечения за разбойное нападение, грозившее ему расстрелом, а фигурировать только в роли наемного убийцы, действующего по чужой указке и под чужим руководством. Это ему удалось: судили его не по ч. 3 ст. 174 УК, как следовало бы, а по ст. 138, не за разбой, а за убийство.

И вот этого единственного, полного взаимных противоречий, по существу бессмысленного оговора, которому не поверила даже сама Приска Пискун, не поверили родители Макара, оказалось достаточным для суда, который не проверил его правильности, не видел и не слышал Полевика, а лишь читал противоречивые записи его показаний, — оказалось достаточным для того, чтобы осудить отца, мужа и сына за убийство родной дочери и покушение на убийство жены и матери. И это несмотря на то, что самая личность Макара Пискуна не давала никаких оснований к подобным предположениям: он рядовой колхозник, имевший ранее середняцкое хозяйство, последние 3 года занимавший по выборам должность председателя сельского кооператива, никогда не судившийся, ничем решительно не опороченный.

По этим основаниям приговор суда в отношении Пискуна, вынесенный на основе непроверенного и не подтвержденного материалами дела голого оговора уличенного убийцы, спасающего этим свою собственную шкуру, никак не может быть признан правильным и правосудным.

Пленум Верховного суда УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда в отношении Макара Пискуна отменить и дело о нем производством прекратить.

Одновременно пленум постановил указать нарсуду на неправильность квалификации преступления Петра Полевика, которое следовало квалифицировать по ч. 3 ст. 174 УК УССР.

***

Сельский учитель, узбек Халил Рустамов, 27 лет, был приговорен нарсудом Бауманского р-на к 7 годам лишения свободы по ст. 212 УК УзбССР за растление недостигшей половой зрелости гр. Хидаят-Ай, являющейся в настоящее время его женой.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда как явно нецелесообразный по следующим основаниям:

Хотя факт полового сношения Рустамова с несовершеннолетней Хидаят-Ай и лишение им при этом ее девственности установлен бесспорно и таким образом все признаки преступления, предусмотренного ст. 212 УК, имеются налицо, однако суд при назначени инаказания должен был учесть всю совокупность данных не только в момент совершения преступления, но и к моменту суда. Из дела видно, что указание в приговоре на то, что Рустамов, как учитель, использовал свое влияние на потерпевшую, как ученицу, неверно, так как он не являлся ее учителем. Близость между ними возникла в результате взаимного влечения и Хидаят-Ай добровольно ушла к Рустамову, чтобы стать его женой. Молодые люди и во время суда жили вместе как муж с женой, и никаких претензий потерпевшая к своему мужу не предъявляла.

При таких условиях формальный подход суда к этому случаю становится в резкое противоречие с жизнью и интересами самой потерпевшей. Правда, девушка не достигла в момент замужества половой зрелости, но из дела не видно, чтобы обвиняемый знал тогда об этом. Неопределенность ее возраста (по одним данным ей 14 лет, по другим — 16 лет) допускает возможность даже вполне добросовестного заблуждения его по этому поводу. Но даже если исходить из худшего — что он знал о недостижении ею половой зрелости, — то и в этом случае нецелесообразность столь жестокого приговора бьет в глаза.

Именно такие случаи противоречия между санкциями УК и требованиями жизни имел в виду закон, предоставляя суду право, в порядке ст. 52 УК, выходит за низшие пределы,

указанные в соответствующих статьях, несмотря на наличие состава преступления.

Надзорная коллегия Верхсуда УзбССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор нарсуда по делу обвиняемого Халил Рустамова отменить и, учтя срок пребывания обвиняемого под стражей, на основе ст. 52 УК немедленно его освободить.

**
*

Линсуд Самаро-Златоустовской ж. д. приговорил по ст. 59³в УК Гуменского Федора Дмитриевича к 2 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия приговор оставила в силе.

Гуменский был осужден за то, что, следуя с поездом № 829 со ст. Куваник до ст. Сара с толкачом в голове, в пути следования вел поезд неравномерно, делал автотормозами часто рывки, отчего получился на кривой при уклоне сход заднего ската 33-го от паровоза вагона. Это было замечено поездной бригадой, которая начала давать сигналы остановки. После сигналов об остановке машинист Гуменский неумело затормозил поезд, отчего сошли еще 3 вагона, которые были повреждены.

Комиссия, рассматривавшая происшествие, не нашла нужным предать суду Гуменского, а ограничилась снятием его с должности машиниста на 6 месяцев. Приказом ТЧ-10 констатируется, что Гуменский, будучи до этого случая командирован на ст. Куваник, образцово выполнял порученную ему работу. На транспорте он работает с 1909 г., не судился ранее.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение Транспортной коллегии.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линсуда и определение транспортной коллегии в отношении Гуменского Федора Дмитриевича отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить, с направлением на разрешение в дисциплинарном порядке.

**
*

13 апреля 1933 г. нарсуд Бауманского района г. Москвы приговорил 1) Пальцева И. Н., пом. зав. магазином № 46, по закону 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы и 2) Воронина П. Р., зав. магазином № 46, по ст. 111 УК к 3 годам лишения свободы.

КК Мосгорсуда приговор суда в отношении Пальцева оставила в силе, а в отношении Воронина изменила, определив ему меру наказания вместо лишения свободы 1 год и.-т. работ.

Прокуратура Союза опротестовала приговор суда в отношении осужденного Пальцева по следующим основаниям.

Из обстоятельств дела видно, что Пальцев 11 января 1933 г. был задержан с 5½ кило хлеба, в хищении которого он признал себя виновным.

Проверка движения хлеба по магазину № 46 за декабрь 1932 г., январь и февраль 1933 г. обнаружила недостачу 1 647 кг хлеба; это послужило основанием к обвинению Пальцева в систематических хищениях, а зав. магазином Воронина — в халатном отношении к своим обязанностям.

Недостача хлеба в магазине № 46 не могла явиться результатом хищений его одним Пальцевым. Кроме установленного случая хищения 5½ кило хлеба других случаев хищения со стороны Пальцева не выявлено. Причины недостачи такого большого количества хлеба установлены не были, в связи с этим у суда не было достаточных оснований для квалификации действий осужденного Пальцева по закону 7 августа.

Вторая коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор нарсуда Бауманского района и определение КК Мосгорсуда в отношении Пальцева изменить, переквалифицировать его действия по п. «г» ст. 162 и ст. 111 УК и в отношении меры соц. защиты ограничиться отбытым им сроком.

**
*

Линсуд ж. д. БССР 25 ноября 1932 г. приговорил по закону 7 августа к 10 годам лишения свободы гр-н: Ледохович Василия, Домократского Матвея, Ястребова Ивана и Шебеко Тита.

Все они были признаны виновными в хищении старых мостовых брусьев и шпал у полотна ж. д. Лепельской дистанции пути. Конкретно вина каждого из них выразилась в следующем.

Домократский, работая в качестве ремонтного рабочего пути и имея нужду в топливе, решил воспользоваться 8 старыми брусьями, лежавшими у полотна ж. д. Чтобы эти брусья подвести к себе домой, он обратился с просьбой к осужденному Ледоховичу дать ему лошадь. Ледохович, не доверив Домократскому свою лошадь, поехал вместе с ним за этими брусьями. По дороге у них сломалось колесо и они вынуждены были взятые брусья свалить в поле.

При обыске у осужденных во дворе было найдено: у Ястребова 9 шпал, у Шебеко 8 шпал, в поле обнаружены 6 или 8 брусьев и 4 шпалы, брошенные Ледоховичем и Домократским при поломке телеги.

Линсуд совершенно необоснованно приписал осужденным все хищения шпал и брусьев, имевшие место на указанной дистанции пути На основе добытых данных не было основания квалифицировать действия обвиняемых по закону 7 августа и подвергать их столь суровому наказанию.

Определением транспортной коллегии приговор линсуда был оставлен в силе.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: принимая во внимание незначительность хищения и первую судимость, приговор линсуда и определение транспортной коллегии отменить, переквалифицировать преступление осужденных Ледоховича Василия Евстафьевича, Домократского Матвея Антоновича, Ястребова Ивана Каллистратовича, Шебеко Тита Андреевича на п. «д» ст. 162 УК РСФСР

и определить в соответстви с этим меру наказания 2½ года лишения свободы каждому с немедленным освобождением всех из-под стражи ввиду отбытия ими указанного срока лишения свободы.

**
*

Линсуд Московско-Казанской ж. д. 13 декабря 1934 г. приговорил Силичева Ивана Ивановича по ст. 109 УК к 2 годам лишения свободы. Кроме того суд удовлетворил гражданский иск орса в сумме 11 459 р. 87 к.

Определением транспортной коллегии Верхсуда Союза ССР от 31 декабря 1934 г. приговор линсуда Московско-Казанской ж. д. был оставлен в силе, с исключением гражданского иска как нереального.

Существо дела заключается в следующем. Гр. Силичев, работавший заведующим магазином № 13 райорса на ст. Малаховка, Моск.-Казанской ж. д., в сентябре 1933 г., закупив в Москве у кустарной артели две партии хозяйственного мыла в количестве 4 094 куска, по цене 1 р. 60 к. кусок, перепродал все это мыло Лунинскому горту по цене 1 р. 90 к., причем часть мыла в количестве 2 345 кусков Силичев по книгам магазина не оприходовал и полученную таким образом разницу в цене (2 345 кусков по 30 коп. на кусок) — 703 р. 50 к. — обратил на покрытие штрафа, наложенного на агента магазина Лапцова за превышение последним конвенционных цен при покупке яиц.

Кроме того в результате неоприходования Силичевым 4 094 кусков мыла на 7 778 р. 60 к. финорганами не была сделана соответствующая бюджетная наценка и не взыскан налог с оборота для сельских местностей. Впоследствии же (через 6 мес.) фининспектурой эта операция была выявлена и на райорс были начислены по этой операции налог и наценка в сумме 9 723 р. 25 к.

Сам Силичев в своих первоначальных объяснениях на имя начальника орса, признавая неправильность своих действий, указал на то, что эту операцию он проделал для того, чтобы покрыть имевшиеся убытки по магазину в сумме 695 р. 20 к. (штраф, наложенный на агента Лапцова за превышение конвенционных цен, — 300 руб., стоимость отобранных яиц — 304 руб. и кроме того расходы по отправке капусты — 91 р. 20 к.).

Аналогичные показания были даны Силичевым и на предварительном следствии, где он указал: «зная, что этот убыток райорсом принят не будет, я решил покрыть его за счет неоприходованного мыла, что и сделал, получив 703 р. 50 к.

При вторичном допросе и показаниях на суде Силичев также признал себя виновным в нанесении убытка орсу, указав, что он сделал это не с корыстной целью, а по своей неосведомленности.

Таким образом преступление Силичева заключается в том, что он, желая, покрыть убыток по магазину в сумме 695 р. 20 к., не заприходовал часть мыла, проданного Лунинскому горту, и полученные от этого деньги в сумме 703 р. 50 к. обратил на покрытие этих убытков.

Принимая во внимание, что в действиях Силичева нет личной корысти и он денег не присвоил, так как после покрытия убытков по магазину у него осталось только 8 р. 50 к., неправильные его действия явились следствием желания его покрыть убытки по магазину, нанесенные агентом Пайковым, и что Силичев ранее не судим и имеет положительные отзывы с работы, Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила заменить Силичеву Ивану Ивановичу 2 года лишения свободы исправ.-труд. работами сроком на 1 год с вычетом 15% зарплаты.

**
*

Линсуд Московско-Казанской ж. д. приговорил гр. Лукичева Федора Потаповича по ч. 2 ст. 169 УК к 5 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

Определением транспортной коллегии Верхсуда Союза ССР от 25 января 1935 г. приговор линсуда был оставлен в силе, с исключением из приговора конфискации имущества.

Лукичев, работая в должности вагонного нарядчика на ст. Горький Московско-Казанской ж. д., 25 августа 1934 г., получив от вагонного мастера Слушаенко 29 000 руб. для выдачи зарплаты рабочим и выдав 25 августа 1934 г. часть денег, остальные деньги в сумме 4735 руб. присвоил.

Кроме того Лукичев пытался похитить продуктовые карточки и талоны, подлежащие раздаче рабочим, и скрыться, но был задержан проводницей вагонов Ефремовой и другими рабочими.

При допросе на предварительном, а также на судебном следствии Лукичев признал себя виновным лишь в халатном отношении, указав, что 25 августа 1934 г. после выдачи части денег рабочим, он встретился со своим знакомым Тимофеевым, вместе с которым он пошел в буфет обедать. Во время обеда они выпили пол-литра вина и по три кружки пива, так как он, Лукичев, боялся, чтобы у него не похитили лежавших в кармане денег, он якобы передал их Тимофееву, который с ними скрылся.

Местожительства Тимофеева Лукичев не знает, так как, по его показаниям, «он лишь иногда встречался с ним на вокзале».

Преступление Лукичева (присвоение 4 785 р.) должно быть квалифицировано по ч. 1 ст. 116 УК, а не ч. 2 ст. 169 УК.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда. Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила переквалифицировать преступление Лукичева на ст. 116 и определить ему в соответствии с этим меру наказания 3 года лишения свободы.

**
*

На перегоне Коканд—разъезд Массальский 23 января 1935 г. потерпел крушение товарный поезд № 912, вследствие которого оказались убитыми 3 человека и тяжело ранены 2 человека. От разбитых и поврежденных вагонов дорога понесла убыток 28 986 руб.

Обстоятельством, вызвавшим крушение, явилось назначение в качестве главного кондуктора малоопытного мл. кондуктора Хамдамова, вместо неявившегося на работу главного кондуктора Кодилова, который не обеспечил безопасность поезда.

Произошло это следующим образом: по сформировании состава п. № 912 нарядчик поездных бригад Позилов предложил вместо главного кондуктора поехать младшему кондуктору Хамдамову, который от этого не отказался, надеясь с этой работой справиться. Поезд вел машинист Плескач. В пути следования по перегону имелся подъем, которого Плескач не смог преодолеть. Тогда Плескач предложил главному кондуктору Хамдамову отцепить часть состава с тем, чтобы вывести состав частями, что Хамдамовым было выполнено, после чего Плескач получил сигнал и отправился. Оставленная на перегоне часть поезда закреплена не была, почему она покатилась обратно на ст. Коканд и со скоростью 40—45 км врезалась в маневровый состав.

Линсуд признал виновными в крушении и осудил следующих лиц:

1. Позилова — нарядчика кондукторских бригад к 7 годам лишения свободы за то, что он вместо того, чтобы вызвать другого главного кондуктора взамен главного кондуктора Кодилова, обязанного явиться, но не явившегося к поезду, отправил младшего кондуктора Хамдамова в роли главного кондуктора, хотя знал, что Хамдамов малоопытен в работе. Кроме того он не проинструктировал Хамдамова и не снабдил его сигналами.

2. Хамдамова — мл. кондуктора к 5 годам лишения свободы за то, что он, являясь мл. кондуктором, согласился заменить главного кондуктора п. № 912, в пути следования согласился трижды на осаживание машинистом состава, во время отцепки части состава не закрепил оставшегося на перегоне состава и не оградил его сигналами, не доложил машинисту об ограждении и укреплении состава, не выдал машинисту письменного разрешения для дальнейшего следования поезда, не отобрал у машиниста Плескача жезл и не остался сам с хвостовой частью, а поехал вместе с головной частью, чем создал условия, повлекшие за собой крушение поезда.

3. Назирова,—мл. кондуктора к 5 годам лишения свободы за то, что допустил крушение непринятием мер к сокращению хода поезда, не затормозил тормоз, на котором он следовал.

4. Плескача—машиниста к 4 годам лишения свободы за то, что он, будучи машинистом п. № 912, следуя на подъем, не мог вывести состава, стал производить осадку поезда и наконец отцепил часть поезда, с которой уехал, не убедившись в закреплении оставшейся части, увез с собой жезл, который им был без ведома гл. кондуктора взят у ДСП, и увез с собой главного кондуктора.

Кроме этих лиц осуждены были еще ст. кондуктор Бабаходжаев, ДСП Климкович и зав. кондукторской бригадой Баранчиков.

Осужденные приговор обжаловали в транспортную коллегию Верхсуда Союза, которая определением от 31 марта приговор в части Бабаходжаева отменила и дело производством в этой части прекратила, а Назирову снизила лишение свободы до 2 лет. В остальной части оставила приговор в силе без изменений.

Прокуратура Союза, считая приговор и определение транспортной коллегии неправильными в отношении Плескача, Назирова, Хамдамова и Позилова, опротестовала его по следующим основаниям:

В части Плескача. Судом осужден Плескач — машинист за несовершение им таких действий, которых он по правилам технической эксплоатации и не обязан был совершить, — за неограждение и неукрепление оставшейся части состава. Эти обязанности возложены указанными правилами на кондукторскую бригаду, в частности—на главного кондуктора. Обвинение его в увозе с собой главного кондуктора совершенно неосновательно, ибо командиром поезда являлся гл. кондуктор, а не машинист, машинист не обязан был проверять, где находится главный кондуктор. Обвинение в увозе с собой железа является правильным, но этот факт никакого отношения к крушению поезда не имеет и никак не влиял на происшедшее крушение, и за этот поступок он мог быть привлечен лишь к дисциплинарной, а не к судебной ответственности.

Предание суду машиниста Плескача и его осуждение свидетельствуют о том, что как комиссия, расследовавшая крушение, так равно и судебно-следственные органы подпали под влияние последствий крушения и потеряли необходимый объективный анализ причин, повлекших за собой крушение, и роли в этом крушении каждого из работников поездной бригады, ибо иначе Плескач не мог быть привлечен к уголовной ответственности и осужден.

В части Хамдамова приговор является слишком суровым, ибо суд бесспорно установил, что Хамдамов как гл. кондуктор случайный человек, что он малоопытен, чем и было вызвано с его стороны нарушение ПТЭ повлекшее за собой крушение.

В части Назирова приговор также слишком суров, ибо не получил распоряжение от гл. кондуктора о торможении вагонов при их отцепке.

В части Позилова приговор является правильным, но срок наказания слишком велик и не соответствует содеянному.

По своему социальному положению никто из них не является социально чуждым.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линсуда и определение транспортной коллегии в отношении Плескача Николая Павловича отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить, с направлением на разрешение в дисциплинарном порядке, имея в виду, что со стороны Плескача допущено нарушение правил технической эксплоатации — оставление у себя жезла.

Определение транспортной коллегии в отношении остальных осужденных отменить и дело передать на вторичное рассмотрение в транспортную коллегию, с представлением копии определения председателю Верхсуда Союза.

**
*

Линейный суд Октябрьской ж. д. 21 октября 1934 г. приговорил в числе других б. продавца

магазина орса 4 района Октябрьской ж. д. Кабанова Г. А. по ст. 109 УК к лишению свободы на 2 года.

Приговором установлено, что:

Кабанов и Орлов (продавец) систематически в мае—июне 1934 г. занимались обвешиванием и остатки мяса ежемесячно (8—16 кг) делили между зав. магазином Титовым, пом. зав. Красавцевым и продавцами Орловым и Кабановым.

Орлов и Кабанов 31 июля 1934 г. продали клетку свежих огурцов за 45 руб. и деньги присвоили.

Орлов и Кабанов участвовали в пьянках вместе с зав. Титовым и пом. зав. Красавцевым в помещении магазина.

Линсуд осудил всех четверых к лишению свободы на 2 года каждого.

Транспортная коллегия Верхсуда СССР приговор оставила в силе, переквалифицировав однако действия Титова и Красавцева на ст. 111 УК, признав, что в их действиях не было корыстных моментов, и определив им и.-т. работы сроком на один год с удержанием 20%.

От осужденного Кабанова поступило заявление о том, что своим участием в означенных преступлениях он преследовал лишь цель разоблачения других осужденных по данному делу. Прокуратура Союза поручила особоуполномоченному НКВД по Ленинградской области произвести по существу заявления Кабанова расследование.

Расследование установило, что Кабанов — комсомолец-активист, и что действия его действительно имели целью уличить замеченных в злоупотреблениях лиц, совместно работавших с ним в магазине. Это нашло подтверждение и в материалах следствия — показанием Красавцева, указывающего на то, что о продаже клетки свежих огурцов на 45 руб. Кабанов в тот же день сообщил Красавцеву, чтобы уличить Орлова; об этом же дал показания на суде сам Кабанов.

В связи с вновь открывшимися обстоятельствами, подтверждающими невиновность Кабанова, Прокуратура Союза опротестовала приговор.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: приговор линсуда и определение транспортной коллегии в отношении Кабанова Георгия Алексеевича отменить и дело о нем в уголовном порядке производством прекратить.

**
*

Линсуд Московско-Казанской ж. д. 13 января 1935 г. приговорил гр. Ивановского Виктора Дмитриевича по ст. 59[3]в УК к 2 годам и 6 мес. лишения свободы.

Транспортная коллегия Верхсуда Союза ССР 25 января 1935 г. приговор линсуда оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда по следующим основаниям.

13 декабря 1934 г. Ивановский В. Д., работая дежурным по ст. Реутово Московско-Курской ж. д., при уборке поезда № 57 со станционных путей, не проверив проход хвоста поезда через стрелку № 20, перевел рычаг этой стрелки под движущимся составом, в результате чего одна цистерна сошла с рельс. Последствием этого происшествия было повреждение пути на 50 метров и порча двух стрелок, чем был причинен материальный ущерб в 3 000 рублей.

При подъеме сошедшей с рельс цистерны вследствие неправильной организации подъемных работ, производившихся под руководством начальника вагонной службы управления Московско-Курской ж. д. Годовикова, цистерна эта была свалена, разбита, и бензин, находившийся в цистерне, вылился.

К уголовной ответственности был привлечен только Ивановский (материал о неправильной подъемке цистерны Годовиковым выделен) и линсуд Московско-Курской ж. д. в приговоре от 13 января 1935 г. указывает, что, хотя непосредственным виновником падения цистерны с бензином является Годовиков, но так как «подъем цистерны имеет причинную связь с происшествием, то вся сумма материального ущерба по существу значится как нанесенная от неправильных действий Ивановского (преждевременный перевод стрелки № 20). Однако из имеющихся в деле материалов, актов служебного расследования и показаний свидетелей Березовского, Абросимова и др. с полной очевидностью устанавливается, что падение цистерны с бензином произошло исключительно по вине Годовикова, который, зная о том, что в тяжеловесных цистернах находится весьма огнеопасный груз — авиационный бензин, а также то, что цистерна стоит поперек 1-го и 6-го путей, все же распорядился тащить ее паровозом, и когда один паровоз не в силах был стащить цистерну, Годовиков потребовал второй паровоз и начал тащить цистерну двойной тягой, в результате чего цистерна свалилась на бок, получилась большая пробоина и бензин вытек.

Таким образом виновником падения цистерны является не Ивановский, а Годовиков, Ивановский же виновен лишь в неправильном переводе стрелки № 20 под движущимся составом.

Принимая во внимание, что Ивановский работает на ж.-д. транспорте 10 лет, не имел административных взысканий и имеющимися в деле справками характеризуется как хороший производственник, нецелесообразно применение к нему меры социальной защиты, связанной с лишением свободы.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила заменить Ивановскому Виктору Дмитревичу лишение свободы 1 годом и.-т. работ с удержанием 10% зарплаты.

**
*

Линсуд Московско-Курской ж. д. 3 февраля 1935 г. по ст. 59[3]в УК приговорил Дубинкина Ивана Михайловича к 2 годам лишения сво-

боды и Гурьева Макара Степановича — к 1½ годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верхсуда Союза ССР 22 февраля 1935 г. приговор линсуда оставила в силе.

Сущность дела заключается в следующем.

23 декабря 1934 г. на перегоне Домодедово—Востряково Московско-Курской ж. д. поездом дальнего следования № 74 под управлением машиниста Дубинкина и пом. машиниста Гурьева были задавлены 4 рабочих строительства магистрали Москва—Донбасс, которые шли по путям, возвращаясь с работы.

Из имеющихся в деле материалов видно, что указанный случай произошел при следующих обстоятельствах.

28 декабря 1934 г. рабочие магистрали Москва—Донбасс в числе 24 человек, окончив работу, направились по полотну ж. д. на площадку Востряково для того, чтобы с первым же пригородным поездом поехать домой на пл. Ленинская.

Идя по полотну ж. д., рабочие увидели, что пригородный поезд № 127 со стороны Каширы уже подошел к площадке Востряково. Не желая опоздать к этому поезду, рабочие бросились бежать, обгоняя друг друга, дабы успеть уехать с этим поездом.

В этот момент к площадке Востряково со стороны Москвы подходил пассажирский поезд дальнего следования № 74 под управлением машиниста Дубинкина и пом. машиниста Гурьева.

Как видно из материалов дела, машинист Дубинкин при скрещении поездов дал один короткий свисток. Кроме того, по показанию ряда свидетелей (Чистякова, Вершинина), Дубинкин дал еще 2 предупредительных сигнала. Из показаний свидетелей Ярыгина, обвиняемого Гурьева видно, что видимость у машиниста была очень плохая в виду сильного парения сальников.

Осужденный Дубинкин как на предварительном, так и на судебном следствии виновным себя не признал, указав, что им были приняты все необходимые меры. Осужденный пом. машиниста Гурьев на суде подтвердил свои показания на предварительном следствии и указал, что машинист Дубинкин действительно предупреждал его, чтобы он усилил бдительность с его стороны, так как со стороны машиниста видимость была плохая. Однако, смотря в окно, Гурьев никого на путях не видел и как только заметил идущих по путям рабочих, он сразу же сказал машинисту и последний дал несколько сигналов.

Это обстоятельство было подтверждено на суде и свидетелями (Ярыгин, Першинин и др.).

Таким образом халатность со стороны машиниста Дубинкина и пом. машиниста Гурьева материалами дела не установлена.

Дубинкин работает на ж.-д. транспорте 26 лет, имеющимися в деле материалами (характеристика треугольника, утвержденная на общем собрании паровозных бригад) характеризуется как хороший работник-ударник, паровоз которого как лучший по техническому состоянию был выделен в первый всесоюзный конкурс. Гурьев работает на транспорте 10 лет, также имеет положительные отзывы и до этого случая никаких взысканий не имел.

Считая по этим основаниям применение к Дубинкину и Гурьеву лишения свободы нецелесообразным, Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линсуда.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила переквалифицировать преступление Дубинкина Ивана Михайловича и Гурьева Макара Степановича на ст. 139 и заменить лишение свободы условным осуждением на срок, определенный им линсудом, с испытанием в течение одного года каждому.

. . . „Только те кадры хороши, которые не боятся трудностей, которые не прячутся от трудностей а наоборот — идут навстречу трудностям для того, чтобы преодолеть и ликвидировать их. Только в борьбе с трудностями куются настоящие кадры".

(СТАЛИН)

По союзным республикам

РСФСР

СУДЫ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР ПРОВОДЯТ «СВОЮ» ЗАКОННОСТЬ

Строжайшее соблюдение революционной законности — одна из основных задач суда как органа пролетарской диктатуры. Проведение этой задачи требует от работников юстиции повседневной, упорной и настойчивой борьбы за качество выносимого приговора; четкого и ясного изложения обстоятельств дела, соблюдения процессуальных норм и т. д.

Наряду с этим следует подчеркнуть, что борьба за качество и соблюдение процессуальных норм не должна быть оторванной от борьбы с волокитой, бюрократизмом, невнимательным отношением к людям со стороны отдельных бюрократов, пролезших в наши советские органы и пытающихся своими действиями оказывать сопротивление социалистическому наступлению. Борьба с проявлением этого рода сопротивлений должна быть поставлена в центре внимания наших работников юстиции и особенно в аппарате самого суда.

Проводится ли эта борьба судами Бурят-Монгольской АССР? Нет ли здесь нарушений революционной законности? Сказать, что борьба проводится, что законность не нарушается — никак нельзя. Чтобы не быть голословным в своих утверждениях, я позволю себе сослаться на целый ряд фактов, имеющихся в моем распоряжении и говорящих об исключительно безобразном отношении к этому делу целого ряда судебных работников Бурят-Монголии. Например нарсудья Закаменского аймака (района) БМАССР, рассматривая дело по обвинению колхозников Цыремпилова и Дульманова по закону 7 августа 1932 г., выносит приговор, в котором дословно говорится: «Цыремпилова и Дульманова по закону 7 августа 1932 г. подвергнуть и.-т. работам на 3 месяца с отчислением 50% зарплаты в пользу государства и с испытательным сроком на 2 года. Решение окончательное и обжалованию не подлежит» (дело № 151 за 1934 г.).

По другому делу этот же нарсудья выносит приговор: Бадмаеву Цырен Доржи и Хандуеву Бадму по ст. 156 УК подвергнуть 1 месяцу и.-т. работ каждого без отрыва от колхозного производства с испытательным стажем сроком на 5 лет. Решение окончательное и обжалованию не подлежит» (дело № 152 за 1934 г.).

Сказать, что судья в данном случае руководствовался социалистическим правосознанием —никак нельзя. Ярким примером отсутствия социалистического правосознания и потери классового чутья у этого же нарсудьи является следующее. Рассматривая дело по обвинению гр. Жаргалова Д. по п. «г» ст. 162 УК (кража 560 руб. из кассы сельпо), суд выносит приговор: «Жаргалова Доржи, 17 лет, подвергнуть по п. «г» ст. 162 УК лишению свободы сроком на 10 лет, но по несовершеннолетию на основании ст. 50 УК меру соц. защиты снизить до 5 лет» (дело № 1—316 за 1934 г.). Санкция п. «г» ст. 162 УК предусматривает лишение свободы до двух лет или и.-т. работы до одного года. Но какое дело нарсудье до этого? У него «свои» законы, отличные от общих всероссийских законов. И на этом еще не кончается. Вот образец того, как этот судья искажает линию партии и правительства:

Лодоев Садбо, кулак, по ст. 192-а УК приговорен к 2 годам лишения свободы;

Роднаев Цибен, лама, по этой же статье и на этот же срок;

Жинбаев Санжа, бедняк—тоже;

Дашеев Нима, середняк—тоже;

Бургутов Цырен, бедняк—тоже.

Из приведенного примера видно, что нарсудья совершенно не обращает никакого внимания на классовую сторону обвиняемого. Будь это кулак, лама, бедняк—нарсудья подходит ко всем с одной «меркой» и «стрижет,— как говорят,—под одну гребенку».

Закаменский нарсуд не единственный в своем роде и не составляет исключений в этих художествах.

Еще факт из практики «работы» этого же нарсуда. Перед нами копия приговора нарсуда от 25 февраля 1935 г.; несмотря на его «красочное» изложение стиля, мы опускаем описательную часть его, а ограничимся приведением только резолютивной части. Суд пишет: «Старкова Г. С., русского, грамотного, холостого, 19 лет, подследственного по ст. 162 УК, лодыря колхозного производства, исключенного из колхоза, подвергнуть по ст. 74 УК 2 годам лишения свободы, по ст. 142 УК 3 годам лишения свободы и по ст. 73 УК 5 годам лишения свободы, заменив последнее мерой соцзащиты, предусмотрено мерой соцзащиты по ч. 2 ст. 74 УК и по ч. 1 ст. 142 УК, и Тюрина П. А., русского, малограмотного, беспартийного, 20 лет, холостого, колхозника, несудимого, Нарынского с/с подвергнуть по ч. 2 ст. 74 к 1 году и.-т. работ по ч. 1 ст. 142 УК к 2 годам лишения свободы, засчитать мерой, предусмотренной выше; мерой пресечения Старкову избрать содержание под стражей, Тюрина оставить на свободе до вступления приговора в законную силу» (дело № 150, нарсудья т. Бертунов).

А вот второй факт из практики «работы» нарсудьи Бертунова: «гр. Батурина К. К., 32 лет, русского, женатого, малограмотного, беспартийного, середняк-единоличник, несудимый,

урожденец с. Тарбогатай, проживающий в с. Н. Убукун и Хомуев М. М., русский, 26 лет, женат, малограмотный, беспартийный, середняк-единоличник, уроженец с. Н. Убукун, подвергнуть по ч. 2 ст. 61 УК к мере соц. защиты лишение свободы сроком на два года с конфискацией части имущества, мерой пресечения избрать под стражу» (приговор от 14 августа 1934 г.).

Аналогичные случаи нарушения законности имеют место и в других судах республики (Тарбагатайский нарсуд, Агинский, Хоринский, Кяхтинский и другие) и в городском суде, находящемся рядом с главным судом. Здесь вы всегда натолкнетесь на факты волокиты, бюрократизма, нарушения революционной законности и т. д. Этих примером имеется очень много, но, чтобы не загромождаться ими, я позволю себе сослаться только на такой факт. Городской судья т. Коротков, рассматривая дело по обвинению гр. Пентс по ст. 159 УК, выносит приговор, согласно которому Пентс приговаривается к 3 месяцам и.-т. работ при колонии массовых работ (санкция же по ст. 159 УК предусматривает всего 2 месяца и.-т. работ).

Обо всем этом главсуд Бурят-Монгольской АССР знает, но никаких мер не принимает. Больше того, главсуд сам нарушает революционную законность. Доказательством этого является следующее. Нарсудом Хоринского аймака от 12 декабря 1934 г. были осуждены: Машанов И. В. по ст.ст. 73 и 146 УК к 5 годам лишения свободы, Сотников Н. Т.—к 2 годам лишения свободы и Урбатов П. С.—к 3 годам лишения свободы. Кассжалоба осужденных поступила в главсуд 20 января 1935 г., а рассмотрена она была только 28 марта 1935 года, т. е. через два месяца и восемь дней после ее поступления. Приговор был отменен и осуждение подлежали немедленному освобождению из-под стражи, однако определение КК главсуда пролежало в столе члена главсуда 10 дней и было отправлено только 7 апреля 1935 г., и то по требованию соответствующих органов.

Осужденные нарсудом Закаменского аймака Очипов Д. и Логинов Г. 4 ноября 1934 г. по ст. 166 УК к 5 годам лишения свободы каждый подали кассжалобу в главсуд, КК которого в заседании своем от 25 декабря 1934 г. дело в уголовном порядке прекратила. Осужденные подлежали немедленному освобождению, но так как определение послано не было, то они содержались в заключении до 4 марта 1935 г.

Осужденные этим же нарсудом 12 октября 1934 г. по ч. 1 п. 3 ст. 60 УК Мандалов Л., Дымпилов Р., Цыбиков Ж. и Ласарионов С. (так написано и в определении.—**П. С.**) к 2 годам лишения свободы каждый подали кассжалобу в главсуд. КК под председательством зам. предглавсуда Мосюкова 28 ноября 1934 г. приговор отменила и дело в уголовном порядке прекратила. Эти осужденные подлежали немедленному освобождению из-под стражи, но в виду невысылки определения нарсуду они находились под стражей до 4 марта 1935 г., т. е. четыре месяца и семь дней и содержались бы дольше, если бы не вмешался ОМЗ УНКВД.

Я привел только пару примеров из целой серии случаев беззакония, которые говорят о неблагополучии в главном суде БМАССР, о которых знают пред. главсуда т. Хабаев, и его заместитель т. Мосюков, но мер никаких не принимают. Когда к ним обращаются по таким делам, они отвечают: «разберемся». Но конкретных результатов от этих разборов пока не видно. Доказательством этому является следующее. Осужденные к 10 годам лишения свободы каждый Пигучин и Дарижанов подали кассжалобу в главсуд. КК, рассмотрев жалобу, пишет начальнику ФЗИТК, что приговор такого-то нарсуда по обвинению Пичугина и Дарижанова оставлен в силе, а кассжалоба — без последствий, изложенное сообщается «для исполнения» (подписал председательствующий член КК главсуда Шепелев). Получив такое уведомление, начальник колонии осужденных отправляет в лагери, а спустя месяц приходит определение, в котором за подписью того же Шепелева было написано, что мера соц. защиты осужденным Дарижанову и Пичугину понижена—первому до 5 лет, а последнему до 1 года и.-т. работ.

Нельзя обойти молчанием и такой случай: в Улан-Удэнской ФЗИТК содержатся заключенные: Гребенщиков И. И. с 26 октября 1934 года и Дондуков Б. с 2 ноября 1934 г., дела которых находятся более 5 месяцев «на рассмотрении» у нарсудьи Тарбагатайского района. Этот нарсудья, несмотря на категорические требования начальника колонии о быстрейшем рассмотрении дел, продолжает упорно молчать. Вмешательство ОМЗ УНКВД через прокуратуру республики и председателя главсуда не дало результатов. Предглавсуда т. Хабаев и его заместитель т. Мосюков разводят руками: да, действительно безобразие, но что поделаешь с таким судьей, он и на наши приказания не обращает внимания...

Вот еще один факт, умолчать о котором нельзя. Выездной сессией главсуда 10 марта 1933 г. было осуждено по закону 7 августа несколько граждан, в числе которых был осужден гр. Перфильев В. А. к 10 годам лишения свободы. По кассжалобе осужденных дело рассматривалось в Верховном суде РСФСР. 19 мая 1933 г. приговор был отменен, дело возвращено главсуду для производства дополнительного расследования. 23 июля 1933 г. главсуд это дело направил прокурору Агинского аймака для производства дополнительного расследования, осужденных освободили из-под стражи, кроме Перфильева. Где находится это дело сейчас — никто не знает. На телеграфный запрос ОМЗ УНКВД о положении дела, расследуемого прокурором Агинского аймака, последний отношением от 16 марта 1935 г. сообщил, что дела по обвинению Перфильева в его производстве нет и не было. Принятые меры к розыску дела Перфильева результатов не дали. Дело оказалось затерянным. Поставленный перед прокуратурой республики вопрос о дальнейшем содержании под стражей Перфильева находится все еще «в стадии предварительного разрешения».

Несмотря на то, что законных оснований для содержания под стражей Перфильева нет, он содержится под стражей, и эта «история» продолжается почти 2 года.

Всякие обращения в главсуд и прокуратуру республики с требованием принятия решительных мер к устранению подобных нарушений законов остаются для них фактами, «не имеющими никакого значения». От этих работников приходится слышать одно — «примем меры, чтобы устранить нарушения». Но дальше разговоров дело не двигается.

Характерно отметить еще такой факт, когда кассжалобы осужденных, направляемые в Верховный суд РСФСР, последним рассматривались в 4—5 раз быстрее, чем кассжалобы, направляемые в главсуд БМАССР, который раньше 2 месяцев почти ни одного дела не рассматривал. Есть факты, когда отдельные дела в КК главсуда рассматривались (и сейчас рассматриваются) по 6 месяцев.

Подобных случаев волокиты, безответственного отношения к делу, нарушения революционной законности можно бы привести еще целую серию, но можно ограничиться и тем, что было приведено выше, их вполне достаточно, чтобы сказать, что это «люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. Это те самые люди, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают таким образом основы партийной и государственной дисциплины, эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы и что они могут безнаказанно нарушать решения руководящих органов. Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, их надо смещать с понижением по должности и опубликовывать об этом в печати... Это необходимо для того, чтобы сбить спесь с этих зазнавшихся вельможбюрократов и поставить их на место. Это необходимо для того, чтобы укрепить партийную и советскую дисциплину во всей нашей работе» (Сталин, Отчетный доклад XVII партсъезду, стеногр. отчет, стр. 34).

П. САФОНОВ

КАК АПШЕРОНСКАЯ ПРОКУРАТУРА УЧАСТВУЕТ В ВЫПОЛНЕНИИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ

На территории Апшеронского района, Азово-Черноморского края, расположены Апшеронский и Хадыженский нефтепромысла треста Майнефть и громадные массивы ценных пород леса.

Нефть и лес определяют лицо экономики района. Это обязывало районную прокуратуру организовать так свою работу, чтобы прокуратура помогала выполнению производственной программы. Помощь прокуратуры должна была выражаться в борьбе за качество продукции, за охрану социалистической собственности, за укрепление трудовой дисциплины, за улучшение бытовых условий рабочих и инженерно-технических работников (вопросы рабочего снабжения, общественного питания, своевременной выплаты зарплаты и др.).

Апшеронские и Хадыженские нефтепромысла в 1934 г. программу по добыче выполнили на 106,3 проц. Нефтяная промышленность района добилась всесоюзных показателей по скоростям бурения. По лесу план был выполнен по заготовке на 106,4 проц. И самой высокой наградой для работников районной прокуратуры было признание руководства нефтяной и лесной промышленности, что прокуратура имеет все права делить радость победы вместе с лучшими мастерами, бурильщиками, инженерами. Это же констатировало и бюро РК ВКП(б) в решении по отчету о работе райпрокуратуры.

Как же мы работали?

Прежде всего мы на всех предприятиях, во всех цехах, на буровых и на лесоучастках организовали свой актив. Всего райпрокуратура имеет актива 193 человека, входящих в состав 43 групп содействия прокуратуре. По партпринадлежности наш актив составляет—коммунистов 23 человека, комсомольцев 37 человек и беспартийных 133 человека.

За второе полугодие прошлого года наш актив выполнил 149 поручений райпрокуратуры. От актива было получено 38 сигналов. Силами актива самостоятельно расследовано три уголовных дела.

В числе полученных сигналов были ряд ценных сообщений о преступлениях и о нарушениях законов в отдельных цехах и предприятиях.

Так например от группы актива Хадыженских нефтепромыслов было получено сообщение о злоупотреблениях в гараже промыслов. На место был выслан народный следователь для проверки сообщенных фактов. В результате были сняты с работы заведующий гаражем и его заместитель.

Ценный сигнал был получен от актива Апшеронских нефтепромыслов. Актив установил и сигнализировал о том, что механическая мастерская в Нефтегорске систематически выпускает недоброкачественное монтажное оборудование, из-за чего часто простаивают буровые, в частности большой простой имел место на буровой № 142. Виновные привлечены были к ответственности.

Группа содействия на паротурбинной электростанции выявила, что бухгалтерия ПТЭС ведет неправильный учет среднего заработка рабочих при выплате пособий по больничным листам. Это сообщение было проверено через бухгалтерию треста,— сигнализация полностью подтвердилась, прокуратура заставила произвести перерасчет и 36 рабочих дополучили 492 руб.; за допущение таких безобразий с работы был снят и привлечен к ответственности счетовод.

Кроме актива прокуратура имеет пять соцсовместителей. Все они рабочие, один, член пленума крайкома ВКП(б) Суховеев, бурильщик Апшеронских промыслов. За вторую половину 1934 г. от соцсовместителей было получено 16 сигналов. Кроме того они выполнили 72 поручения прокуратуры. За четыре месяца 1935 г. от соцсовместителей было получено 11 сигналов, выполнено ими 47 поручений. Нужно отметить одну ценную информацию соцсовместителя Дегтерева (соцсовместитель по лесной промышленности), который сообщил о том, что начальник строительства узкоколейной железной дороги дал незаконное распоряжение разобрать детали ферм, полученных для стро-

ительства моста, по распоряжению начальника Крестникова. Разобранные фермы были израсходованы на строительство бани. По материалам соцсовместителя против начальника строительства Крестникова было возбуждено уголовное преследование по ст. 109 УК.

Актив работал неплохо, только потому, что работники прокуратуры немало поработали с самим активом. Постоянные совещания, живой инструктаж, живая связь, радиоперекличка — вот способы нашей работы с активом.

Кроме работы с активом работники прокуратуры проводили среди рабочих предприятий массовую работу. За второе полугодие 1934 г. на массовых собраниях было проведено 39 докладов и бесед. За четыре месяца 1935 г. было проведено 22 доклада и бесед. Темы бесед самые разнообразные: о задачах актива по вопросам борьбы за качество, по вопросам труддисциплины и трудового законодательства, разъяснение новых законов и наконец постоянные систематические отчеты о работе прокуратуры. Прокуратура отчитывалась за работу каждого полугодия. О работе за первое полугодие 1934 г. было сделано 9 докладов, о работе второго полугодия—12.

Имея актив, постоянно вращаясь среди рабочих цехов и предприятий, работники прокуратуры знали, что делается на каждом участке работы. Там, где можно было, применяли меры профилактического порядка, там, где имели место преступления, виновных привлекали к ответственности и судили.

По возбуждаемым делам прокуратура быстро проводила следствие, организовывала показательные процессы с выездом на места, дела широко освещались в местной печати.

Приведу несколько примеров: на узкоколейной дороге леспромкомбината участились случаи крушений и аварий с передвижным составом. За один только март 1935 г. на дороге было три крушения. В течение десяти дней провели следствие, организовали показательный процесс с выездом на дорогу, осудили прораба дороги Днепровского к двум годам лишения свободы, двух дорожных мастеров, артельного старосту, всего пять человек. Дело до рассмотрения в суде и после процесса было освещено в газете. В результате после суда на дороге был проведен ряд практических мероприятий по предотвращению крушений и аварий.

19 марта с. г. рабочий, плотник Хадыженских нефтепромыслов Лыгеза Михаил, работая по разборке вышки на буровой № 9, перелезая с десятого креста на девятый, отвязал предохранительный пояс. Соскользнув с бревна, он упал с высоты 22 метров и разбился. Расследование установило, что на Хадыженских промыслах при строительстве и разборке буровых вышек грубо нарушались требования техники безопасности. На вышках не устраивались предохранительные деревянные настилы или сетки, которые могли бы удержать упавшего рабочего. Было установлено, что в этом деле халатную бездеятельность проявил инженер по технике безопасности Иванов, который к работе по технике безопасности подходил формально, занимался только тем, что брал расписки, подписки и справки об инструктаже, рабочих и мастеров, сам на производстве не бывал и не знал, в каком состоянии находится техника безопасности. Было установлено, что начальник строительного цеха также не занимался вопросами техники безопасности. Через пять дней после окончания следствия на промыслах был проведен показательный судебный процесс. Инженер Иванов осужден к трем годам лишения свободы, начальник цеха Бредихин к полутора годам лишения свободы и бригадир Червонный к шести месяцам и.-т. работ. Кроме этого суд вынес частное определение, обязывающее дирекцию треста организовать на всех вышках предохранительные настилы или сетки. После этого процесса несчастных случаев на промыслах не было.

Апшеронский лесопромкомбинат на протяжении долгого времени систематически не выплачивал зарплату рабочим по 2—3 месяца. Руководители отдельных участков комбината заработную плату расходовали на другие цели. Начальник строительства Шраменко средства, ассигнованные на зарплату, тратил на приобретение материалов и инструментов, растратив таким путем за один только январь месяц 6 тысяч руб., при месячном фонде зарплаты в 15 тыс. руб., за февраль им из фонда зарплаты на другие цели было разбазарено 2430 руб. В течение трех дней было проведено следствие по этому делу, и через три дня суд, выехав на производство, слушал это дело показательным процессом. Шраменко был осужден к 2 годам лишения свободы. Кроме привлечения к ответственности Шраменко прокуратура приняла меры к погашению задолженности по зарплате. Зарплата выплачена.

На промыслах Майнефти на автотранспорте часто имели место аварии. За 1934 г. 27 проц. машин имели аварии. Нередко аварии выводили автомашины совершенно из строя или на продолжительный срок. Прокуратура, придавая этому виду преступления большое значение, организовала ряд показательных процессов против лиц, виновных в авариях. Показательные процессы были проведены по семи делам. Так было рассмотрено дело по обвинению шофера Лобойко, который 27 марта, перевозя на вахту рабочих, нарушая правило езды, шел со скоростью 40 километров в час, сделал неправильные виражи и опрокинул машину. В результате 7 рабочих получили ушибы. Лобойко осужден к двум годам лишения свободы. Манохин — шофер гаража № 2, будучи пьяным, нарушил правила езды, заехал в кювет и разбил машину. Манохин приговорен к году исправительно-трудовых работ на общих основаниях с оплатой всех расходов и убытков по ремонту машины и по простою. После каждого рассмотрения дела этой категории мы в гаражах, совместно с партийной и профсоюзной организациями, проводили массово-разъяснительную работу и с помощью нашего актива прорабатывали приговоры суда.

Оперативно быстро расследовали и рассмотрели дело по обвинению 8 работников гужтранспорта Апшеронских нефтепромыслов — Степаненко, Фоменко и других, обвиняемых в том, что они, работая ездовыми конюхами, один бригадиром и один ветфельдшером, варварски относились к тяглу, лошади часто выбывали из строя на большой срок из-за наносимых им побоев. Ветфельдшер Фоменко

при лечении одной лошади вырвал у нее язык. В корм попадали куски железа, гвозди, стекло. Ездовые не ухаживали за лошадьми. Следствие установило, что из привлеченных к ответственности Рожков и Негольников—кулаки, а Фоменко—б. белогвардеец. Виновные были осуждены на различные сроки лишения свободы.

Не менее интересным является дело по обвинению Шекера, зав. нефтегорской электростанцией, привлеченного к ответственности по ст. 109 УК за то, что он однажды ночью взял с конюшни пару лошадей, прикрепленных к электроцеху, выехал на них в соседнюю станицу, напился пьяный, на лошадях устроил катание, затем бросил этих лошадей без всякого присмотра и их неизвестные злоумышленники изувечили. Лошади выбыли из строя на два месяца. Шекер был приговорен к двум годам лишения свободы.

Большую работу мы провели совместно с нашим активом по реализации декрета правительства от 25 июля 1934 г. о борьбе с обмериванием и обвешиванием.

В начале августа райпрокуратура провела совещание работников кооперации, на котором был обсужден вопрос о борьбе с обмериванием и обвешиванием. После этого созвано совещание актива прокуратуры и суда, где этот вопрос также был проработан.

Помимо этой работы прокуратура возбудила ряд уголовных преследований против лиц, изобличенных в обмеривании, обвешивании, в обсчетах, и кто умышленно пользовался непригодными и неклейменными весами. Всего было возбуждено и закончено 19 дел. Виновные были приговорены к различным срокам лишения свободы.

Районная прокуратура провела ряд профилактических мероприятий.

Прокуратура проверила состояние борьбы с прогулами. На этот участок работы мало обращали внимания и только этим можно объяснить то, что на предприятиях Майнефти количество прогулов не снижалось. За 1934 г. на предприятиях Апшеронских нефтепромыслов было 227 прогулов, на Хадыженских промыслах — 102 прогула. Причем увольняемые с работы прогульщики не выселялись из заводских квартир и нередко в день увольнения принимались на работу в соседний цех. Отдел кадров треста Майнефть знал об этом, но никаких мер не принимал. Прокуратура созвала совещание хозяйственников предприятий нефтяной и лесной промышленности. На совещание были приглашены работники профорганизаций и актив прокуратуры. В результате совещания трестом был издан специальный приказ, в котором был указан ряд практических мероприятий по организации борьбы с прогулами. Уже начиная с 1935 г. количество прогулов резко снизилось. Если за первый квартал 1934 г. на промыслах было 102 прогула, то за первый квартал этого года было только 37 прогулов.

В октябре было созвано совещание хозяйственников, работников профсоюза и актива по вопросу о борьбе с производственным травматизмом. Перед совещанием работники прокуратуры провели большую работу по изучению причин травматизма, по изучению карательной политики судов по делам этой категории. Совещание констатировало, что причинами травматизма являются неправильная организация работ, работа в ненормальных условиях, отсутствие и недостаток ограждений и неумение рабочих обращаться с инструментом. Совещание установило, что отдел техники безопасности треста Майнефть не занимался организацией безопасности. Так например на Хадыженских нефтепромыслах вновь принимаемый на работу рабочий в течение 2—3 часов проходил техминимум по безопасности и после таких «курсов» допускался к самостоятельной работе. Другой пример бездеятельности отдела техники безопасности — на промыслах ощущается большая потребность в предохранительных щитах на цепи Галле, из-за отсутствия этих щитов было несколько несчастных случаев. На совещании выяснилось, что во дворе сажевого завода лежат шесть щитов с 1933 г. По этому вопросу совещание наметило ряд практических мероприятий. Специальной докладной запиской о результатах совещаний были поставлены в известность дирекция треста Майнефти и райком ВКП(б). По нашим материалам по тресту был издан специальный приказ по вопросу организации работ по технике безопасности (приказ треста № 311 от 26 ноября 1934 г.). Проверив через три месяца реальность нашего совещания, мы установили, что количество несчастных случаев по сравнению с прошлым годом снизилось на 40 проц.

Райпрокуратура совместно с райкомом ВЛКСМ проверила соблюдение норм трудового законодательства в отношении подростков, занятых на 12 предприятиях нефтепромыслов. Почти в каждом цехе были обнаружены нарушения трудового законодательства в отношении подростков. В основном эти нарушения сводились к увеличению рабочего дня, допущению несовершеннолетних к ночным работам, сверхурочным работам, нарушению закона о длительности отпусков для подростков. В большинстве предприятия и цеха не соблюдали правил прохождения медицинского осмотра при приеме на работу подростков и нарушали правила о предельных нормах для переноски тяжестей подростками.

В результате проверки было возбуждено три дисциплинарных преследования против начальников цехов, а десятник Бычков и зав. конным парком Корпенко были преданы суду по ст. 133 УК. Результаты проверки были обсуждены на бюро райкома комсомола и на бюро райкома партии. По этому же вопросу по нашим материалам трестом был издан приказ директора треста, обязывающий всех работников промыслов строго соблюдать нормы трудового законодательства в отношении подростков. Когда мы проверили выполнение соблюдения законодательства в отношении подростков после проведенных мероприятий, то оказалось, что за четыре месяца (январь—апрель 1935 г.) на всех объектах нефтепромыслов было только 7 нарушений.

Опыт нашей работы говорит о том, что прокуроры могут и должны в своей повседневной работе помогать производству. Прокурор может и должен быть активным участником и выполнении производственной программы.

А. КОНОВАЛОВ

ПРАВО—ПРОЦЕСС—СУДОУСТРОЙСТВО В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

ОЧЕРК СУДОУСТРОЙСТВА В ПОЛЬШЕ

1. Общие положения

Организация суда в Польше определяется конституцией 1921 г., положением о судоустройстве 1928 г. с изменениями 1932 г. и уголовно-процессуальным кодексом 1932 г.

В Польше действуют три категории судов:

1) суды для выполнения чисто судебных функций (уголовные и гражданские);

2) суды конституционные (государственный трибунал, верховный суд и так называемый компетенционный трибунал);

3) суды административные (административный трибунал).

Суды организованы по принципу иерархии. В административном отношении суды подчинены министру юстиции. Каждый суд подчинен в административном отношении своему председателю. Высший надзор за судами и судьями принадлежит министру юстиции и может последним осуществляться через помощника государственного секретаря или через специальных судей высших судебных инстанций.

2. Уголовный суд

Уголовный суд организован в следующем виде: 1) судья единоличный (городской и уездный суд); 2) суд коллегиальный (окружный, апелляционный и верховный). Действующий коллегиально суд состоит из постоянных судей, равно как и действующий единолично. Кроме того существует суд с участием присяжных заседателей. Суды имеются общие и специальные. Общие указаны, а к специальным следут отнести государственный трибунал, суды исключительные, суды военные, суды для несовершеннолетних и суды по трудовым делам.

Деятельность суда с участием присяжных заседателей ограничена территорией областей, входивших ранее в состав Австрийской империи. По постановлению совета министров, с утверждения президента республики участие присяжных заседателей может быть устранено временно на срок до 6 месяцев в порядке исключительного или военного положения (указы президента от 16 января и 16 марта 1928 г.)

3. Верховный суд

Верховный суд (местопребывание—Варшава) действует в составе трех членов, но в случаях сложных может быть созвано присутствие из семи членов. Уточнение правовых выводов может быть перенесено на рассмотрение пленума верховного суда. Верховный суд организован следующим образом: он имеет две палаты (уголовную и гражданскую), которые в свою очередь делятся на секции. Передача на рассмотрение этих палат иных дел, кроме уголовных и гражданских, была запрещена, но новеллою от 1 декабря 1932 г. вопросы избирательные передаются в палату по гражданским делам.

Верховный суд является кассационной инстанцией. Кроме того он уполномочен отменять в порядке надзора приговор и решения по причинам неподсудности соответствующим судам.

Верховный суд рассматривает также дела дисциплинарные. В качестве верховного дисциплинарного суда по второй инстанции он действует в составе 5 судей по делам судей и прокуроров апелляционных судов и верховного суда. При рассмотрении дел прокуроров в состав суда входят вместо двух судей два прокурора. В качестве дисциплинарного сената при верховном суде в составе трех членов-судей и двух судей-адвокатов (членов главного совета адвокатов) верховный суд рассматривает дела адвокатов, исключенных первой инстанцией из сословия.

Участие прокурора обязательно; обвинение поддерживает прокурор верховного суда.

Высшим дисциплинарным судом является коллегия из трех членов (первая инстанция) по делам судей и прокуроров апелляционных судов, по делам судей и прокуроров окружных, городских и уездных и нотариусов.

Во главе верховного суда стоит первый председатель, который выполняет общий внутренний надзор за деятельностью верхсуда, председательствует в заседаниях палат, но не управляет самими палатами. Второй председатель верховного суда управляет соответствующей палатой.

4. Специальные суды

Военные суды были организованы по постановлению совета министров от 10 мая 1920 г. одновременно с введением в действие заимствованного у Австро-Венгерской империи воинского устава у. с. от 5 апреля 1912 г.

В 1925, 1928 и 1932 гг. в этот устав были внесены изменения и дополнения.

В армии действуют районные и окружные суды; во флоте — морские суды для моряков рядового и унтер-офицерского звания и суды адмиральские — для офицеров. Кассационной инстанцией является для всех военных судов верховный военный суд в Варшаве. Районный суд действует в составе постоянного председателя — офицера судебного корпуса и двух асессоров, окружный суд — в составе двух военных судей и трех асессоров; верховный военный суд — в составе трех военных судей. Кроме того имеются исключительные суды, военно-полевые суды и эскадренные суды.

Характерной особенностью является то, что военный суд находится в подчинении у соответствующего строевого начальника (окружный суд—у командира корпуса, районный — у начальника гарнизона в районе), по приказанию которого определяется порядок про-

цесса вплоть до исполнения приговора. Во всех важных случаях военный прокурор обязан получить разрешение этого командира на производство отдельных процессуальных действий (арест подследственного, утверждение обвинительного акта, отсрочка исполнения приговора и т. д. В случае несогласия своего с предложением прокурора старший строевой командир обязан поставить немедленно вопрос на разрешение военного министра.

На практике в отношении судов исключительных и полевых это последнее правило совершенно не соблюдается.

Суд по делам несовершеннолетних может быть учрежден по распоряжению министра юстиции при любом окружном суде. Окружный суд поручает одному из своих членов исполнение обязанностей судьи по делам несовершеннолетних сроком на три года. Апелляционный суд тоже выделяет одного члена суда для исполнения этих обязанностей. Прокуратура в свою очередь выделяет помощника прокурора по делам несовершеннолетних. Суду по делам несовершеннолетних подсудны дела достигших 13—17 лет. В отношении несовершеннолетних соблюдаются особые правила судопроизводства. Необходимо тут же отметить, что ни один суд несовершеннолетних до настоящего времени не учрежден. Отбывание наказания должно происходить в специальных местах заключения для несовершеннолетних, но и этих специальных мест заключения не имеется [2].

Трудовой суд действует в составе единоличного судьи. Ему подсудны проступки, выражающиеся в нарушении правил о рабочем дне, об отпусках, о работе женщин и детей, об охране труда. Этот же суд является второй инстанцией по уголовным делам, разрешенным инспекторами труда (несложные нарушения тех же правил).

Организация трудовых судов является демагогической попыткой польских фашистов затушевать классовый характер своей судебной системы.

Исключительные суды созданы по указу президента от 19 марта 1928 г. Они трижды реорганизовывались исключительными законами. В 1921 г. исключительные суды были учреждены для «внедрения правопорядка», в 1928 г. — в качестве меры временной и «оздоровительной в обстановке чрезвычайного положения» на окраинах, а в 1931 г. деятельность их как нормального института была распространена на всю территорию Польши.

Исключительный суд состоит из трех членов окружного суда. Широкая подсудность (государственные преступления, воинские преступления и др.) и право выносить не подлежащие обжалованию смертные приговоры по делам, по которым в общих судах применяется лишение свободы, открыли широкий простор этому фашистскому органу для развития судебного террора.

Следует отметить, что подсудность исключительным судам дел, изъятых из общей подсудности, дает возможность применить смертную казнь в 92% статей особенной части польского УК.

Даже социал-фашистская печать («Работник» № 287 за 1933 г.) вынуждена была дать следующую оценку деятельности исключительных судов: «Жизнь обвиняемых отошла на задний план, на первом плане оказалась быстрота репрессий, доказательства играют второстепенную роль, правосудие носит спортивный характер».

Польский юрист доктор Виршубский констатирует: «Подземелье исключительных судов занимает в уголовной политике польской **действительности** достаточно серьезное место» [3].

Исключительные суды являются образцом фашизации государственного аппарата Польши и привели к крайнему обострению репрессий: более половины общего числа осужденных исключительными судами были приговорены к смертной казни.

Государственный трибунал (местонахождение — Варшава) организован на основании ст.ст. 51 и 59 конституции и положения 1923 г. Перед государственным трибуналом несут ответственность министры за преступления, которые связаны с их государственной деятельностью. Президент республики несет ответственность перед государственным трибуналом за измену родине, за умышленное нарушение конституции и за уголовные преступления, хотя бы и не связанные с его государственной деятельностью.

Государственный трибунал состоит из председательствующего—первого председателя верховного и 12 членов (8 избираются сеймом и 4—сенатом).

5. Суды компетенционные и административные

«Компетенционный» трибунал создан на основании ст. 86 конституции и положения 1935 г. для разрешения споров о подведомственности дел между административными властями и административными судами, с одной стороны, и общими судами — с другой.

Административный трибунал организован на основании ст. 73 конституции и специального закона и призван рассматривать вопросы о законности постановлений как органов государственного управления, так и общественного самоуправления.

6. Порядок назначения и увольнения судей

Судьями назначаются мужчины. В виде исключения допускаются женщины в качестве кандидатов на судебные должности в делах о несовершеннолетних. Присяжным заседателем женщина быть не может, хотя ей принадлежит право быть назначенной на должность городского судьи.

Кандидат в судьи должен удовлетворять следующим условиям:

---

[1] Могильницкий, Кодекс постемпованіа карнего, стр. 58.

[2] Глязер, Польский процесс карны, стр. 337.

[3] Perlstein, Kara Smierci w obowiazujacem ustawodawstwie, Wilno, 1932, l. 15.

польское подданство, с неограниченными правами гражданства, безупречность, 25-летний возраст (не моложе), знание польского языка, законченное высшее юридическое образование, предварительный кандидатский стаж или экзамен (от него освобождаются профессора и доценты юридических факультетов, офицеры судебного корпуса и адвокаты). Для занятия судебных должностей в высших судах (апелляционном, окружном и верховном) надо иметь стаж судебной или прокурорской работы: 1) для членов окружных судов—3 года службы городским или уездным судьей или помощником прокурора при окружном суде; 2) для председателей и вице-председателей окружных судов — три года службы членом окружного суда или прокурором и вице-прокурором окружного суда или 6 лет городским или уездным судьей; 3) для председателей апелляционных судов и членов верховного суда — три года председателем окружного суда, членом апелляционного суда, прокурором верховного суда или 9 лет судебной или прокурорской работы.

Председателем верховного суда может быть только член верховного суда, первый прокурор или прокурор верховного суда, председатель апелляционного суда или прокурор апелляционного суда или иной судья, который имеет 12 лет судебной или прокурорской работы.

Назначение на судебную должность входит в компетенцию президента республики (ст. 75 конституции).

Из трех кандидатов, выдвигаемых окружным и верховным судом, министр юстиции представляет одного; представление должно быть согласовано с председателем совета министров.

В отношении избрания в члены верховного суда действуют особые правила, по которым пленум верховного суда избирает тайным голосованием из намеченного списка кандидатур.

Судья может быть отстранен от должности, переведен на другую должность и уволен в отставку только по судебному приговору и в случаях, законом предусмотренных. Исключение может быть сделано только в порядке организационных мероприятий (ст. 78 конституции).

В связи с реорганизацией судов судьи могли быть переводимы и увольняемы в отставку без их на то согласия. Председатели судов могли быть перемещаемы только на высшие должности.

4 марта 1929 г. несменяемость судей была вторично нарушена новеллой, по которой можно было перемещать и увольнять членов окружного суда, судей городских и уездных в течение года со дня вступления в силу положения о судоустройстве. Несменяемость судей была в третий раз нарушена указом президента от 23 августа 1932 г. на период от 27 августа до 31 октября 1932 г. В этот период можно было переводить судей в другие суды на те же должности или уволить в отставку. Председатели и вице-председатели окружных и апелляционных судов могли быть перемещаемы на должность членов тех же судов. Между тем перевод и увольнение по закону могли иметь место только: при упразднении должности или ликвидации судебного места, при родстве между судьями и прокурорами, для блага правосудия — по постановлению соответствующего высшего суда и в порядке дисциплинарном. Во всех этих случаях приказы могли исходить от министра юстиции.

На практике простым распоряжением министра юстиции в 1932 г. было уволено 38 судей (из них 18 председателей окружных и апелляционных судов «за бездеятельность»)[1]. Уволенные были заменены другими судьями, состоявшими членами фашистской организации «Стрелец». Один из уволенных судей, Флещинский в № 3 «Голоса судей» за 1933 г. пишет: «В польском суде господствуют мертвечина, пассивность и апатия».

Судья не может быть привлечен к уголовной ответственности или лишен свободы без разрешения того суда, членом которого он является. Если судья застигнут на месте преступления, то он должен быть немедленно уволен.

7. Дисциплинарная ответственность судей

За служебные проступки и несоответствие своему назначению судья подлежит дисциплинарной ответственности. Для рассмотрения дисциплинарных дел имеются специальные дисциплинарные суды: окружный и высший (первая инстанция) в зависимости от персональной подсудности. Кассационной инстанцией для окружного суда является высший дисциплинарный суд, а для высшего — верховный дисциплинарный суд. Дисциплинарный суд выносит постановление в закрытом заседании с выслушанием заинтересованного судьи и заключением прокурора. В верховный дисциплинарный суд могут быть обжалованы только постановления, запрещающие состоять в судебных должностях или приговаривающие к лишению свободы. Копия постановления направляется министру юстиции.

8. Прокуратура

Прокуратура является органом государственной власти. Организация прокуратуры соответствует организации суда с тем расчетом, чтобы при каждом суде была прокуратура. Прокуратура построена по принципу иерархии. Главным прокурором является министр юстиции. По французскому образцу польская прокуратура едина и независима от суда. Помимо иерархического принципа прокуратура централизована и пользуется правом замены одного прокурора другим равным или высшим по должности. Право надзора и руководства нижестоящим прокурором принадлежит вышестоящему прокурору. Заместителем главного прокурора является помощник государственного секретаря. При министерстве юстиции имеется отдел прокурорского надзора. Для занятия должности прокурора надо удовлетворять тем же требованиям, которые предъявляются к судье (см. выше). Назначение прокурора имеет место по указу президента республики, за исключением помощников прокуроров при

[1] «Robotnik» № 287, 1932 г.

окружных судах, которые назначаются министром юстиции. Дисциплинарная подсудность та же, что и для судей. Суду не принадлежит право дисциплинарного надзора за прокурорами. Задача прокурора следующая: «прокурор стоит на страже законов и борется с преступлениями» (ст. 231 ПОС).

Прокурор формально не вправе принадлежать ни к какой политической партии и должен избегать выступлений, хотя бы единичных и случайных, свидетельствующих об его политических симпатиях (ст.ст. 28 и 29 положения о прокуратуре). В действительности же большинство прокуроров принадлежит к фашистской организации пилсудчиков «Стрелец».

Такова судебная тема польского фашизма.

СУДОУСТРОЙСТВО В ИТАЛИИ

Общая характеристика итальянского судоустройства дана в «Курсе уголовного процесса» А. Я. Вышинского и В. С. Ундревича в следующих словах:

«Построение судебного аппарата фашистской Италии представляет собою особый интерес как уже «нормализованная» фашистская юстиция. Первой ее особенностью является совершенно открытый политический критерий отбора судей, которые должны быть политически «кристально-чистыми», т. е. должны быть последовательными фашистами. Этот критерий приобретает в итальянской юстиции настолько решающее значение, что перед ним отступает даже классовый критерий, поскольку например для асессоров требуется не только принадлежность к командующей верхушке эксплоататоров, но и фашистское свидетельство о благонадежности. Вторым характерным моментом является авторитарность юстиции, находящая свое выражение как в широких полномочиях единоличного судьи-претора, так и в фактическом упразднении суда присяжных, ибо асессоры очень мало похожи на обычных заседателей, а являются скорее уполномоченными министерства юстиции для придания известной декоративности суду, причем самый круг «избранных», допускаемых к правосудию, показывает ставку и на тщательнейший политический отбор и на стремление к своеобразному «аристократизму» избранных судей. Фактически это является показателем растущего недоверия фашистских диктаторов к мало-мальски демократическим представителям общественности, показателем все большей потери своей социальной опоры в мелкобуржуазной массе. Открыто террористические методы сохранения буржуазной диктатуры требуют максимально проверенной и строго отобранной армии судей. И это тем более характерно для обреченности фашистской диктатуры, что к такому суду она вынуждена прибегать по общеуголовным делам. Для дел политических существует специальный суд».

**
*

Основной закон итальянского судоустройства от 30 декабря 1923 № 2786, носящий название «единого текста», изданный в самом начале прихода фашизма к власти в Италии, вскоре был признан устаревшим. Однако целиком этот законодательный акт переработан не был, а только подвергся ряду изменений в ряде последующих декретов. В 1930 г. был издан вступивший в действие с 1 июля 1931 г. уголовно-процессуальный кодекс. Кроме этого надо отметить два декрета: 1) декрет от 25 ноября 1926 г. № 2008, коим был учрежден особый трибунал для защиты государства и к которому отошли все наиболее серьезные политические дела (см. ниже) и 2) декрет от 23 марта 1931 г. № 249, который упразднил суд присяжных в Италии.

Согласно «единому тексту» от 30 декабря 1923 г. № 2786 и последующим новелам, суды и судьи Италии делятся на общие и специальные.

Общими судами и судьями являются: преторы, окружные суды, суды ассизов, апелляционные суды, кассационный суд и колониальные судьи.

Специальными судами являются: **1) сенат в качестве верховного суда, 2) особый трибунал для защиты государства, 3) военные суды и 4) судья по финансово-налоговым делам** («интенденто ди финанца» — единоличный судья, действующий на основании декрета от 7 января 1929 г. № 4).

**
*

Претор. Интересной фигурой в системе итальянской фашистской юстиции является претор. Это единоличный судья с довольно широкой юрисдикцией.

Согласно ст. 31 действующего итальянского уголовно-процессуального кодекса в компетенцию претора входят дела, за которые полагается лишение свободы до трех лет или штраф до 10 000 лир (как самостоятельное или дополнительное наказание).

Подбор преторов по существу находится в полной зависимости от министра юстиции. Претором может быть судья, не пользующийся несменяемостью, причем не только «добавочный судья» (ст. 97 «единого текста»), но и аудиторы (низшая степень судебного чиновничества, вроде прежних «кандидатов на судебные должности», назначаемые и увольняемые непосредственно приказом министра юстиции), которые после трех месяцев пребывания в должности вице-претора могут заменять претора (ст. 107 «единого текста»).

Другой характерной особенностью претора является то, что он совмещает в себе функции прокурора и судьи. Претор, как и прокурор,— орган суммарного (упрощенного) следствия. К претору стекаются все донесения, рапорты, жалобы, требования и пр. по уголовным делам. Об этих жалобах и донесениях он немедленно уведомляет королевского прокурора. Он дает им движение по делам своей компетенции, возбуждает уголовное преследование, производит следствие, направляет дело для рассмотрения по существу или прекращает уголовное пре-

следование. Все эти действия он делает, выполняя функции прокурора и находясь в полной зависимости от королевского прокурора, которому он подчинен в этой части своей работы. Если дело выходит за пределы его компетенции, он передает все документы королевскому прокурору, но в порядке неотложности собирает и обеспечивает доказательства и в случаях, предусмотренных ст.ст. 253 и 254 УПК, отдает предварительное распоряжение об аресте (ст. 231 УПК).

Он предварительно назначает дополнительные наказания и принимает меры безопасности в порядке ст. ст. 301 и 400 УПК.

Претор назначает подсудимому защитника (ст. 128 УПК), если подсудимый не выбрал защитника по соглашению. Если защитник по соглашению в каком бы то ни было отношении нарушает свои обязанности, претор заменяет его защитником по назначению.

Королевский прокурор имеет право требовать, чтобы прекращенное претором дело («сдача в архив») было возобновлено, т. е. фактически предрешает исход дела при слушании его по существу тем же претором.

Таковы прокурорские функции претора. При слушании дела по существу претор уже выступает в роли судьи. Функции прокурора или претора в судебном заседании выполняют аудиторы, вице-преторы, вице-комиссары общественной безопасности, синдаки коммуны, даже секретари и вице-секретари коммуны. При неявке их в заседание функции прокурора могут быть переданы адвокату и нотарию (ст. 80 «единого текста»).

Эти исполняющие обязанности прокурора могут приносить также апелляционные жалобы. Правом кассационного протеста пользуется однако только королевский прокурор (ст. 527 УПК).

Королевский прокурор может любое дело путем не подлежащего обжалованию распоряжения передать из ведения претора в ведение окружного суда (ст. 31 УПК). Наоборот, в силу ст. 10 нового декрета от 20 июля 1934 г. о суде для несовершеннолетних прокурор этого суда может в исключительных случаях передать дело о несовершеннолетнем на рассмотрение претора.

Таким образом огромная судебная власть вручена лицам, находящимся в полном подчинении у министра юстиции и у прокурора. Вот истинная причина, почему была так увеличена юрисдикция преторов по новому УПК.

***

Суды ассизов. Суд присяжных в Италии был упразднен законом от 23 марта 1931 г. № 249 и заменен судом с участием асессоров. Дальнейшие изменения в сторону полной фашизации суда с асессорами были произведены законом от 5 июля 1934 г. № 1162.

Реформированному суду ассизов подсудны дела о преступлениях, караемых смертной казнью, или пожизненной каторгой, или исправительным домом (реклюзионе) на срок не ниже 8 лет (ст. 29 УПК).

Суды ассизов образуют отделения апелляционного суда, являясь однако судом первой инстанции, и в округе апелляционного суда могут функционировать один или несколько судов ассизов.

Двое коронных судей и пять заседателей (асессоров) образуют единую коллегию, одинаково решающую вопросы права и факта и выносящую мотивированные приговоры. Обращено особое внимание на подбор асессоров. Асессоры не только назначаются из очень узкого круга «избранных» фашистского аппарата, но согласно декрету от 5 июля 1934 г. в обязательном порядке принадлежат к фашистской партии. Они назначаются королевским декретом по предложению министра юстиции. По предложению того же министра юстиции они во всякое время могут быть отозваны немотивированным королевским декретом (закон от 5 июля 1934 г.). Если по основному декрету список кандидатов в заседатели составлялся в конечной форме председателем апелляционного суда по согласованию с генерал-прокурором, то по новому декрету министр юстиции не только может вмешиваться в формирование списка, но может прямо подобрать «в случаях исключительной важности» состав асессоров по определенному делу. Асессоры по новому закону назначаются на 4 года и при отсутствии отвода механически продолжают оставаться в этой должности еще 4 года. Они приравниваются по званию к советникам апелляционного суда и получают определенное вознаграждение.

Асессоры являются подлинными «уполномоченными министра юстиции».

Асессоры при голосовании приговора голосуют первыми, а затем коронные судьи.

***

Окружные суды (трибуналы) и апелляционные суды. Все остальные дела, за исключением отнесенных к ведению преторов и судов ассизов, подсудны окружным судам (трибуналам) — ст. 30 УПК. Окружные суды рассматривают дела в составе трех судей, без участия заседателей (ст. 35 «единого текста»).

Окружный суд является также апелляционной инстанцией по делам, решенным претором.

В составе апелляционного суда действуют три отделения: 1) апелляционное, являющееся апелляционной инстанцией по делам, решенным окружными судами, 2) следственное, контролирующее действия следственных судей, а иногда производящее самостоятельно следствие через своего делегированного советника и 3) суд ассизов, как суд первой инстанции.

Апелляционный суд рассматривает апелляции на дела окружных судов в составе четырех судей, а следственное отделение заседает в составе трех судей.

***

Кассационный суд. Кассационный суд согласно «единому тексту» о судоустройстве (ст. 61) «учреждается для надзора за точным соблюдением закона и является одним на все королевство с местопребыванием в Риме».

Кассационный суд рассматривает дела в порядке кассационном (ст. ст. 524—552 УПК) и в порядке ревизионном (ст. ст. 553—574 УПК). В кассационном порядке кассационный суд рассматривает жалобы на приговоры судов первой инстанции, решающих дело окончательно (суды ассизов), и на приговоры апелляционных инстанций. Кроме того он разрешает жалобы на те определения, по которым уголовно-про-

цессуальный кодекс предусматривает кассационное обжалование. В ревизионном порядке кассационный суд рассматривает жалобы на приговоры, вошедшие в законную силу, в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом.

В составе кассационного суда имеется два уголовных отделения с одинаковой компетенцией. Соединенное присутствие обоих отделений рассматривает пререкания между общей и специальной юстицией о подсудности, жалобы на приговоры специальных судов, вопросы единого толкования закона и пр. (ст. 62 «единого текста»). Председатель кассационного суда может любое дело, если считает его важным, передать на рассмотрение соединенного присутствии (ст. 530 УПК). Каждое уголовное отделение касационного суда разрешает дело в составе 7 членов. Соединенное присутствие разрешает дела в составе 15 членов (ст. 65 «единого текста»).

***

Специальные суды. Из специальных судов необходимо остановиться на верховном суде сената и на особом трибунале для защиты государства.

Первый из названных судов представляет собою одновременно и судебный и политический орган. Ему подсудны дела сенаторов, в каком бы преступлении они ни обвинялись, и дела министров, обвиненных в государственной измене и преступлениях против безопасности государства, возбужденные палатой депутатов. По наиболее серьезным делам присутствие состоит не менее, чем из пятидесяти сенаторов. Обвинение поддерживает специально назначенный генерал-прокурор. По наиболее серьезным делам следствие ведет «обвинительная камера», состоящая из 12 сенаторов.

Особый трибунал для защиты государства был организован как суд временный и чрезвычайный в 1926 г., первоначально на пять лет. Этот трибунал восстанавливал в Италии смертную казнь. Смертная казнь была основным наказанием, выносимым указанным трибуналом; при маловажности деяния или смягчающих обстоятельствах смертная казнь заменялась заключением в исправительном доме на срок от 15 до 30 лет; по сравнительно второстепенным политическим преступлениями — заключением в исправительном доме от 3 до 10 лет с пожизненной потерей права на занятие государственных должностей; в отношении деяний, совершонных за границей, — потеря гражданства и конфискация всего имущества. Декретом от 4 июня 1931 г. срок его действия продлен до 31 декабря 1936 г. Вместе с тем декрет этот согласован с вышедшим тем временем уголовным кодексом; этому трибуналу таким образом подсудны преступления, предусмотренные 1-м разделом 2-й книги уголовного кодекса, т. е. наиболее серьезные политические дела. 1-й раздел 2-й книги уголовного кодекса озаглавлен: «Преступления против личности государства» [1].

В силу декрета от 4 июля 1931 г. этот трибунал, первоначально подчиненный военному министру, перешел в ведение главы правительства, т. е. Муссолини. Однако большое влияние на его деятельность оставлено за военным министром. Трибунал руководится нормами военно-уголовного кодекса о производстве по уголовным делам в военное время. Следствие по делам трибунала ведется особой следственной комиссией, действия которой не подлежат обжалованию или протесту (декрет от 13 марта 1927 г. № 313). Однако подсудимый может быть вызван непосредственно в суд без производства какого бы то ни было следствия, даже если ему угрожает смертная казнь (ст. 9 декрета от 12 декабря 1926 г. № 2062).

Трибунал состоит из председателя, избираемого из числа высших должностных лиц армии, флота, авиации и добровольной национальной милиции, из пяти членов, избираемых из должностных лиц добровольной национальной милиции, имеющих звание консула, и докладчика, избираемого из должностных лиц военной юстиции, без права решающего голоса (ст. 7 декрета от 25 ноября 1926 г.).

Приговоры трибунала окончательны. Они могут пересматриваться только в ревизионном порядке. Ревизионная инстанция была создана только декретом от 3 октября 1929 г., т. е. спустя три года с момента учреждения трибунала. Ревизионная инстанция называется «специальным советом по ревизии». Инициатива ревизии может принадлежать только военному министру, от которого зависит дать или не дать движение тем или иным жалобам и заявлениям.

Председатель трибунала может не разрешить выступления защитника из числа штатских. Во время подготовительных к суду распоряжений председатель трибунала может изъять от обозрения те или иные документы и вещественные доказательства (ст. 7 декрета от 12 декабря 1926 г.).

Единственная мера пресечения, которая обязательно должна быть принята, — содержание под стражей (ст. 10 декрета от 12 декабря 1926 г.). Смертная казнь, вынесенная трибуналом, как правило, не публична, но может быть публичной, а в колониях, как правило, публична.

Особняком стоит вновь учрежденный декретом от 20 июля 1934 г. № 1404 суд для несовершеннолетних правонарушителей. Суд этот не является специальным судом, он входит в общую систему судов. При суде состоит «автономная» камера прокурора. (Подробное описание этого суда см. «Бюллетень иностранной информации» № 2—3 за 1935 г.).

***

Следствие по итальянскому УПК делится на формальное и суммарное. Органами суммарного следствия являются прокурор и претор. Органами формального следствия являются исключительно следственный судья и делегированный советник следственного отделения апелляционного суда (ст. ст. 234, 272, 295, 296, 392 УПК). Следственный судья не является должностным лицом судебной полиции (ст.ст. 220 и 221 УПК).

[1] Ныне, как сообщает газета «Тан» от 5 марта этого года, раздаются голоса о превращении этого учреждения из временного в постоянное.

Следственный судья не является несменяемым, кто бы ни исполнял его обязанности, хотя бы несменяемый судья (ст. 32 «единого текста»).

Следственная камера может иметь кроме следственного судьи, стоящего во главе ее, еще одного или нескольких добавочных следственных судей (ст. 32, 39 и 99 «единого текста»). Следственный судья, стоящий во главе камеры, может в любой момент передать следствие целиком или в части добавочным следственным судьям.

Делегированный советник следственного отделения апелляционного суда пользуется всеми правами следственного судьи, если только в законе не содержится других указаний (ст. 297 УПК).

Генерал-прокурору принадлежит право передавать производство формального следствия по любому делу, по которому оно должно быть произведено, непосредственно делегированному советнику следственного отделения апелляционного суда (ст. 234 УПК).

Следственное отделение апелляционного суда, подобно окружному суду, апелляционному суду, суду ассизов, кассационному суду, является учреждением коллегиальным. Следственное отделение апелляционного суда состоит из пяти членов, не считая добавочных судей. Заседания происходят и определения выносятся в составе трех судей.

Следственная камера при окружных судах не является учреждением коллегиальным.

Особую фигуру представляет собою судья по надзору. Это судья больше по названию (что вынуждены признать даже фашистские правоведы — ср. Энрико Романо-Фалько «Курс уголовного процесса»). Функции его по существу чисто административные. Его назначение — покрывать действия тюремной администрации и, действуя в полном контакте с прокуратурой и политической полицией при принятии «мер безопасности», придавать им видимость законности.

***

Обращаясь к организации итальянской прокуратуры, необходимо прежде всего остановиться на роли министра юстиции, от которого чиновники фашистской прокуратуры зависят целиком. Министр юстиции воздействует не только на прокуратуру, но оказывает непосредственное влияние на назначение судей и на весь ход судебной жизни. Все судьи назначаются королевским декретом по предложению министра юстиции. Аудиторов министр юстиции назначает собственным приказом. Этого мало. Ст. 178 «единого текста» гласит: «Министр юстиции осуществляет высший надзор над всеми судами, трибуналами и судьями государства. Он может выносить им предупреждение. Он может вызвать к себе любого судью и потребовать от него объяснений. Судьи обязаны явиться в назначенный ему срок». О полученном судьей предупреждении составляется специальный протокол (ст. 184 «единого текста»). Таким образом министр юстиции имеет право налагать на судей взыскание в форме предупреждения, минуя дисциплинарные суды. Еще значительнее влияние министра юстиции, когда речь идет об асессорах суда ассизов.

Как известно, фашистское законодательство не только создало из суда орудие борьбы с рабочим классом и революционным движением, но и всячески озаботчено созданием безопасности для фашистских погромщиков, для чиновников фашистской партии и правительства, и интересна роль, отведенная в этом направлении министру юстиции. Только с согласия министра юстиции может быть возбуждено преследование против органов охраны порядка, против агентов судебной полиции и против лиц, состоящих на военной службе, призванных к охране общественного порядка, за действия, совершонные при исполнении служебных обязанностей и связанные с применением оружия или других средств принуждения (ст. 16 УПК).

Вызванный в качестве свидетеля любой фашистский чиновник может отказаться от дачи показаний, ссылаясь на государственную тайну. Если суд признает такую ссылку неосновательной, то он может только через генерал-прокурора сообщить об этом министру юстиции. Больше того, фашистского чиновника нельзя привлечь за лжесвидетельство без разрешения министра юстиции (ст. 352 УПК).

УПК 1930 г. резко выдвигает на первый план принцип «односторонности» прокурора: в суде прокурор только обвинитель и больше ничего, он прежде всего сторона, а не абстрактный блюститель закона.

Министр юстиции не только осуществляет дисциплинарную власть над прокуратурой, назначает и сменяет прокуроров; вопреки решению прокурора, ведущего дело, он может предписать, чтобы было возбуждено уголовное преследование там, где прокурор не видит для этого оснований, или чтобы было прекращено уголовное преследование там, где прокурор находит необходимым его возбудить.

Функции прокурора при кассационном суде и при апелляционном суде выполняются генерал-прокурором (при окружных судах — королевским прокурором (ст. 78 «единого текста»). Генерал-прокурор выполняет эти функции лично или через генерал-адвокатов и заместителей генерал-прокурора. Королевский прокурор действует лично или через прикомандированных королевских прокуроров и через своих заместителей.

При судах ассизов функции прокуратуры выполняет генерал-прокурор лично, или его заместитель, или генерал-адвокат. Генерал-прокурор может делегировать эти функции прокурорской камере при окружном суде, в районе которого заседает суд ассизов, или лично одному из королевских прокуроров или его заместителю (ст. 58 «единого текста»).

Функции прокурора выполняет, как мы видели, также и претор. УПК 1930 г. принцип централизации прокуратуры доводит до конца. Генерал-прокурор апелляционного суда вырастает в фигуру, облеченную особыми полномочиями и действующую в теснейшем контакте с министром юстиции. Генерал-прокурор имеет право вмешиваться решительно во все оперативные действия нижестоящих прокуроров и диктовать им свою волю. Нижестоящие прокуроры должны решительно во всех своих действиях отчитываться перед генерал-прокурором, претор — перед королевским прокуро-

ром. Что касается роли прокурора в процессе, то по УПК 1930 г. он из одного из участников процесса превратился в полного его распорядителя.

Заслуживает быть отмеченным широкое сотрудничество прокуратуры с полицией безопасности. В этом отношении особенно интересна вторая часть ст. 634 УПК, которая гласит: «когда мера безопасности может быть применена после обвинительного приговора согласно последнему абзацу ст. 205 УК, полиция общественной безопасности, если она считает осужденное лицо социально опасным, сообщает об этом королевскому прокурору, приводя доводы и доказательства, которые подтверждают эту опасность». Впрочем в тесном контакте с полицией безопасности работает не только прокуратура, но и суд, в частности «судья по надзору». Таким образом фашистский прокурор не только обладает свойствами «односторонности», но является подлинным приказчиком полицейского участка.

***

Вся судейская прокурорская лестница построена по строго иерархическому принципу и распадается на ряд последовательно проходимых рангов или званий: 1) аудиторы, 2) добавочные судьи, 3) судьи и заместители королевского прокурора, 4) советник и заместитель генерал-прокурора апелляционного суда, 5) советник или заместитель генерал-прокурора кассационного суда, 6) генерал-прокурор кассационного суда и 7) первый председатель кассационного суда.

Доступ в судейское сословие открыт итальянским гражданам, окончившим юридический факультет, находящимся в возрасте от 21 до 30 лет, обладающим «безупречной нравственностью» и «кристальной политической чистотой» и удовлетворяющим другим условиям, указанным в ст. 10 «единого текста».

Иностранцы и женщины в Италии судьями быть не могут. По достижении 30-летнего возраста назначение на судебную должность допускается только для профессоров права и практикующих адвокатов. Для получения низшего судебного звания — аудитора — необходимо выдержать испытание, которое происходит в Риме один раз в году. К экзамену не допускаются те, которые после наведенных справок не кажутся министру юстиции лицами «безупречной нравственности и поведения» (ст. 103 «единого текста»). Если кандидат не выдержит два раза подряд экзамена, то к дальнейшим экзаменам он больше не допускается. Получившие лучшие отметки на экзаменах в пределах вакансий назначаются аудиторами по распоряжению министра юстиции. Аудиторы направляются в претуру для стажа на срок не ниже 6 месяцев. После 6 месяцев при хороших отзывах они могут выполнять обязанности вице-преторов. После трех месяцев пребывания в качестве вице-преторов могут заменять преторов. Для того, чтобы стать добавочным судьей, аудитор должен выдержать новый экзамен.

Аудитор назначается добавочным судьей после по крайней мере двух лет стажа, если он выдержит успешно экзамен, который он может держать по крайней мере после 18 месяцев стажа. Экзамен производится раз в году в Риме. Кандидаты с точки зрения дальнейшего продвижения классифицируются в соответствии с результатами экзамена этого и прежнего, а также в соответствии с полученными характеристиками и отзывами. Если в течение 4 лет аудитор не держал или не выдержал экзамена, он подвергается отчислению.

Мы видим таким образом, как велики возможности отсева неугодных судей в течение уже первых лет их работы. Эта возможность отсева продолжается и во время дальнейшего продвижения по судейской лестнице. Принципом отсева служит отнюдь не одна неуспеваемость: принцип отсева по существу строго политический — отсутствие хорошей информации о «моральном» лице и поведении кандидата, так как эта информация входит основным элементом в оценку результатов испытаний.

Имеющий звание судьи и прослуживший в должности не менее 3 лет становится несменяемым. Эта несменяемость весьма призрачна, так как имеются многочисленные возможности при продвижении его по судейской лестнице к отрешению его от должности, не говоря уже об отрешении в порядке дисциплинарном. Кроме того ст. 173 «единого текста» предусматривает отрешение от должности «в силу явной непригодности или по другим основаниям», устанавливая порядок этого отрешения.

Такова система судоустройства в Италии, установленная фашистским режимом.

БИБЛИОГРАФИЯ

В. С. Гинзбург, О. Я. Липцис. В помощь секретарю народного суда. ОГИЗ. «Советское законодательство». 63 стр. Цена 45 коп.

Нормальная деятельность народного суда в значительной мере зависит от четкой работы его технического аппарата и в первую очередь секретарского состава. Говоря о протоколах судебного заседания, т. Вышинский в своем докладе на всесоюзном совещании работников юстиции указал на необходимость повышения качества нашей работы и со стороны ее техники. И следует отметить, что после совещания, исполняя его директивы, за технику судебной работы на местах взялись довольно основательно. Секретарь участка, секретарь судебного заседания становится все более заметной фигурой в жизни судов, их чаще стали собирать на производственные совещания, организуют специальные конкурсы на лучшую постановку технической работы в суде, проводят с ними специальные занятия и т. д.

Издание рецензируемой брошюры должно было восполнить имеющийся пробел по части печатного пособия секретарю. Нужда в таком пособии ощущается большая, и это обязывало к серьезной работе над темой, чего, к сожалению, нельзя сказать о брошюре Гинзбурга и Липциса.

Основной недостаток этой брошюры заключается в том, что она абсолютно неверно определяет взаимоотношения, которые должны существовать между судьей и секретарем участка. Известно, что руководящие судебные органы всегда и упорно добиваются такого положения, когда бы нарсудья сам лично руководил и управлял канцелярией суда. Мы всегда стремимся к тому, чтобы нарсудья не хуже, если не лучше, секретаря бы свою канцелярию, и технику судебного дела не отдавал бы «на откуп» секретарю участка. Прочитав брошюру Гинзбурга и Липциса, получаешь впечатление, что основной работник в суде **не нарсудья, а секретарь участка.** Он всем руководит, он всем управляет, он все делает и иногда согласовывает вопрос с нарсудьей, а то и прямо проверяет нарсудью.

Определяя круг обязанностей работников суда, авторы брошюры устанавливают: **«Секретарь участка народного суда является руководителем** всей канцелярии и ответственным за всю постановку в ней работы и распределяет работу между сотрудниками» [1]. А что остается народному судье? Неужели он может только наблюдать за тем, как секретарь руководит, распределяет и отвечает? Неужели все эти вопросы не касаются народного судьи? Мы думаем, что эти функции в первую очередь должны быть отнесены к обязанностям народного судьи.

Рассказывая, как надо организовать прием посетителей, чтобы не было обезлички, и выдавать справки и документы, тт. Гинзбург и Липцис пишут: «Секретарь обязан **согласовать** (подчеркнуто нами. — Е. Л.) с судьей вопросы о назначении дела, о разрешении свиданий с заключенными, о вызове дополнительных свидетелей, о затребовании каких-либо материалов, о назначени экспертизы и пр.» [2]. Оказывается, как видит читатель, судья без секретаря ни экспертизу назначить, ни свидетелей вызвать не может... Эти мероприятия он обязан согласовать с... секретарем... А мы-то все время считали, что секретарь в этих вопросах — лицо второстепенное, техническое. Как додумались Гинзбург и Липцис, чтобы так ограничить судью, — непонятно.

На обязанность канцелярии относят наши авторы и такую работу, как ведение учета политического и хозяйственного эффекта проведенных показательных процессов (между прочим, нас учат, что все процессы являются показательными, а в брошюре они отмечаются как самостоятельная категория), а также и материалов по предварительной подготовке их [3]. Это уж как будто совсем через край! Нечего говорить, что секретарю технически никак не учесть политического и экономического результата процесса. Но как это можно и от таких вопросов отводить в сторону **судью** и передать их **секретарю?!** Вслед за этим на полное попечение секретаря отдается вся работа по частным определениям и газетным корреспонденциям. Он лишь обязан докладывать судье об исполнении или неисполнении определений, а судья этим не занимается. Так Гинзбург и Липцис освободили судью и от так называемой профилактической работы суда, передав ее секретарю.

Чтобы не утомлять читателя большим количеством примеров, говорящих о том, как за широкую спину секретаря Гинзбург и Липцис спрятали судью, остановимся еще только на двух местах брошюры. Первая глава оканчивается разделом о борьбе «за культурное состояние канцелярии». Согласимся с авторами, что только «секретарь должен следить за чистотой, порядком и культурной обстановкой в народном суде». Не станем спорить о том, какова роль судьи в этом деле. Но почему и как один только секретарь должен «обеспечить строжайшее соблюдение государственной и трудовой дисциплины со стороны всех технических работников», не допуская подмены чуткого отношения к человеку бездушно-бюрократическими методами работы [4]. И наконец, делая «общие замечания по поводу приема дел, забывшие о судье и исказившие природу секретаря Гинзбург и Липцис дошли до того, что учат секретаря не верить судье. Они утверждают, что «секретарь участка при поступлении к нему искового заявления **с резолюцией судьи** (подчеркнуто нами. — **Е. Л.**) должен проверить это заявление с точки зрения подсудности, оплаты единой пошлиной, наличия необходимых документов и пр.». Авторы исходят, очевидно, из того, что судьи даже в своей подсудности и документах разобраться не могут... Мы о наших судьях лучшего мнения и поэтому никак не можем согласиться с тт. Гинзбургом и Липцисом.

Неправильно представляют себе авторы брошюры и общественную деятельность технических работников суда как членов коллектива государственного учреждения. Обычно всякий советский служащий принимает участие в общественной жизни либо как член профсоюза, либо как секционер совета, либо как член какой-нибудь другой общественной организации. По Гинзбургу и Липцису получается иначе. Они апеллируют к работникам канцелярии как к должностным лицам суда. «Секретарь... как общественник обязан принять непосредственное участие в составлении по заданию судьи информационных сводок о работе суда..., следить за своевременной отсылкой приговоров в редакцию газет» [5] и т. д. Согласиться с этим никак нельзя, ибо эта работа прежде всего имеет отношение к судье. Додуматься до этого Гинзбург и Липцис могли только благодаря тому, что они хотят от значительной части работы освободить судью.

Целый ряд директив партии и правительства направлен против излишней писанины и канцелярщины. Все это должно относиться и к суду. Однако Гинзбург и Липцис стоят на другой точке зрения, они повидимому считают, что чем больше изводится бумаги и чернил, тем лучше работает суд. Ничем иным нельзя объяснить то бесконечное количество папок, нарядов, книг и тетрадей, которые должен вести, по их мнению, секретарь народного суда. Они требуют, чтобы в канцелярии нарсуда одних тетрадей велось шесть штук. Почувствовав,

[1] Стр. 5.
[2] Стр. 6.
[3] Стр. 8, 9.
[4] Стр. 15.
[5] Стр. 8.

очевидно, некоторую неловкость от такой канцелярской канители, они на стр. 9 дают «рационализаторское» предложение —вместо пяти тетрадей рекомендуется завести одную общую книгу «с соответствующим подразделением по отдельным разделам». Это называется «вышли из затруднительного положения.

Эта книжка при наличии указанных дефектов не может быть рекомендована. Ее нужно коренным образом переработать под квалифицированной политической и юридической редакцией.

Е. ЛЬВОВ

Официальный ОТДЕЛ

О ЗАДАЧАХ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО УБОРКЕ И ЗАГОТОВКЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОДУКТОВ В 1935 г.

В соответствии с постановлением пленума ЦК ВКП(б) от 7/VI 1935 г. «Об уборке и заготовке сельскохозяйственных продуктов» предлагаю дать указания местным органам прокуратуры о немедленном включении в уборочную и заготовительную кампании.

В этих кампаниях. органы прокуратуры должны обеспечить своевременную, меткую, общественно-организованную и жесткую репрессию в отношении тех, кто:

1) попытается расхищать или разбазаривать сельскохозяйственные продукты;

2) проявит антигосударственные кулацко-рвацческие настроения, направленые к срыву уборки или заготовок или ослаблению их темпов (снижение показателей урожайности, затяжка сроков уборки и молотьбы урожая, невыполнение в срок плана сдачи сельскохозяйственных продуктов, увеличение установленного процента авансирования колхозников зерном и т. д.);

3) своим нарочитым или халатным и недобросовестным отношением к уборке и молотьбе урожая допустит потерю урожая;

4) допустит сдачу и прием некондиционного зерна;

5) в прямое нарушение постановления пленума ЦК ВКП(б) допустит дачу встречного заготовительного плана;

6) будет принимать зерно в счет выполнения планов зернопоставок по сохранным распискам;

7) допустит срыв подготовки складских помещений в приемке сельскохозяйственных продуктов (несвоевременный и недоброкачественный ремонт складских помещений, несвоевременная постройка складов там, где это строительство предусмотрено планом, неочистка складов и т. д.), причем особо жестко надлежит подходить к фактам небрежного хранения зерна;

8) допустит несвоевременный и недоброкачественный ремонт уборочных сельскохозяйственных машин и недоброкачественное их использование и не выполнит постановления СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 19/IV 1935 г. «О работе комбайнов и об оплате комбайнеров в совхозах и МТС» и постановления СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 2/VI 1935 г. «Об оплате машинистов и других работников на молотьбе»;

9) кто проявит преступно-бюрократическое отношение к материально-бытовым условиям рабочих совхозов и колхозников.

Органы прокуратуры должны обеспечить безоговорочное применение репрессии в отношении колхозников и единоличников, не выполняющих в сроки планов зернопоставок, руководствуясь при этом инструкцией Комитета заготовок СНК Союза, утвержденной СНК Союза 23/III 1935 г., причем в отношении единоличников, злостно не выполняющих данного им плана зернопоставок, применять уголовную репрессию (ч. 2 или 3 ст. 61 УПК).

Органы прокуратуры должны усилить борьбу со спекуляцией хлебом и подсолнухом, пресекая всякое нарушение постановления пленума ЦК ВКП(б) от 7/VI о запрещении колхозной и индивидуально-крестьянской торговли хлебом и подсолнухом, а также закупки зерна и подсолнуха потребкооперацией и Заготзерном впредь до соответствующего разрешения этой торговли по каждому краю и области соответствующим постановлением правительства.

Прокуратура Союза считает необходимым указать, что успешное выполнение задач, возлагаемых на органы прокуратуры в предстоящие уборочную и заготовительную кампании, целиком будет зависеть от того, насколько органы прокуратуры смогут правильно организовать всю работу таким образом, чтобы знать о наиболее больных местах района, края и области и, следовательно, уметь метко реагировать на эти наиболее отстающие участки.

Органы прокуратуры должны обеспечить жесткую своевременную репрессию против каждой вылазки классово враждебных элементов и их приспешников, которые попытались бы сорвать или затормозить уборку урожая и выполнение плана заготовок сельскохозяйственных продуктов.

Необходимо так применять репрессию, чтобы каждый репрессивный удар являлся средством мобилизации общественного мнения колхозных масс на лучшее выполнение уборки и заготовок и на борьбу с теми отрицательными явлениями, которые мешают уборке и заготовкам.

Так как своевременность репрессии является решающим в работе и прокуратуры и суда, Прокуратура Союза предлагает обеспечить не более, чем в пятидневный срок расследование дел, связанных с уборкой урожая и заготовками сельскохозяйственных продуктов, обеспечив в такие же сроки рассмотрение этих дел в суде, не допуская, однако, при этом какого бы то ни было упрощенства, нарушения закона и массовости репрессий.

Принятые вами на основе этого циркулярного указания мероприятия представить мне не позднее 20/VII 1935 г.

Прокурор Союза ССР

А. Вышинский

13 июня 1935 г. № 50/9

О НАРУШЕНИЯХ КРЕДИТНОЙ РЕФОРМЫ

Циркуляром прокурора Союза от 26 августа 1934 г. за № 3-а предложено было прокурорам всех союзных республик обратить особое внимание на наблюдающиеся факты нарушений кредитной реформы, которые хотя в большинстве случаев и не заключают в себе элементов личной корысти, тем не менее представляют серьезную опасность, так как подрывают кредитную систему и дают возможность предприятиям нарушать планово-финансовую дисциплину.

Ввиду этого вам поручено было дать указания органам прокуратуры на местах о том, что подобного рода нарушения кредитной реформы являются преступным деянием, подлежащим квалификации по ст. 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, что дела этого рода надо взять на особый учет и принимать меры к тому, чтобы они во избежание нарушений нормальной работы предприятий оканчивались расследованием в максимально короткие сроки и во всяком случае не позднее чем через 10 дней после возбуждения дела.

Между тем по сообщенным правлением Госбанка Союза ССР данным циркуляр этот на местах не выполняется: рассмотрение возбужденных банком дел о нарушениях кредитной и кассовой дисциплины затягивается месяцами, результаты банку не сообщаются, наблюдается большой процент прекращенных дел.

Из переданных Госбанком по Союзу ССР в 1933—1934 гг. 11 605 дел для привлечения к уголовной ответственности работников хозорганов за нарушение кредитной и кассовой дисциплины рассмотрено только 6021 дело.

Из числа рассмотренных дел вынесено обвинительных приговоров только по 3260 делам, по остальным делам либо вынесены оправдательные приговоры, либо уголовное преследование прекращено.

Так как приведенные данные свидетельствуют о явной недооценке со стороны судебно-прокурорских работников необходимости проведения энергичной борьбы с нарушениями кредитной и кассовой дисциплины, поручаю вам в месячный срок произвести проверку состояния по вашей республике возбужденных банком дел о нарушениях кредитной и кассовой дисциплины и принять меры к немедленному окончанию еще нерассмотренных дел этого рода и сообщению о результатах каждого из рассмотренных дел тому банковскому учреждению, которым дело возбуждено.

В случае, если проверкой установлено будет неправильное прекращение этих дел или неправильное оправдание судом обвиняемых в нарушении кредитной или кассовой дисциплины, соответствующие приговоры и постановления подлежат немедленному опротестованию.

Лица, виновные в волоките и несоблюдении установленных циркуляром прокурора Союза от 26 августа 1934 г .за № 3-а сроков для расследования дел о нарушениях кредитной дисциплины, подлежат дисциплинарной ответственности.

О результатах принятых вами мер и состоянии дел о нарушениях кредитной и кассовой дисциплины по вашей республике сообщите в Прокуратуру Союза не позже 10 июня 1935 г.

Зам. прокурора Союза ССР

Г. Леплевский

10 мая 1935 г.
№ 8/23

ОБ УСИЛЕНИИ НАДЗОРА ЗА КАРАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ ПО ДЕЛАМ О СПЕКУЛЯЦИИ

Проверкой Прокуратуры Союза в порядке надзора дел о спекуляции установлен ряд фактов, свидетельствующих о том, что до сих пор органы суда и прокуратуры не обеспечивают правильной карательной политики в отношении этих преступлений.

С одной стороны, несмотря на категорическое указание закона 22 августа 1932 г. о всемерной борьбе со спекуляцией, лица, изобличенные в систематической, злостной спекуляции хлебом, фуражем и другими продуктами, приговариваются к лишению свободы на сроки ниже пяти лет и к исправительно-трудовым работам, т. е. к наказаниям ниже низших пределов санкции, установленной ст. 107 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик.

Например в Молдавской АССР осуждены 2/I 1935 г. гр. Доенко (исключенный из колхоза) по ст. 127 УК СССР за неоднократную скупку хлеба в спекулятивных целях к двум годам лишения свободы; зарегистрированная спекулянтка Рыбачек осуждена за спекуляцию хлебом к трем годам лишения свободы; Бытько и Борькарь за злостную спекуляцию хлебом осуждены по ст. 127 УК к двум годам лишения свободы.

В феврале 1935 г. Тираспольским нарсудом гр-ка Чердан за систематическую спекуляцию хлебом была осуждена по ст. 127 УК УССР к **пяти годам условно.** Приговор этот опротестован был прокурором АМССР «ввиду его суровости» и в результате злостная спекулянтка гр. Чердан была осуждена к 2 годам условно.

По Днепропетровской обл. в январе—феврале 1935 г. за спекуляцию хлебом осуждено 27 чел.; из них только 9 чел. приговорены к лишению свободы на 5—6 лет, остальным наказание определено было ниже пределов, установленных ст. 127 УК УССР, причем три человека приговорены к и.-т. работам. Такие же приговоры были вынесены по Одесской, Донецкой и ряду других областей.

С другой стороны, наблюдаются случаи осуждения по закону 22 августа к пяти годам и высшим срокам лишения свободы лиц, уличенных в единичных незначительных случаях спекуляции.

Так например Тифлисский объединенный народный суд приговорил к пяти годам лишения свободы служащего кооперации Константьяна за продажу на рынке одной пары галош, несмотря на его утверждение, что в связи с тяжелым материальным положением (большая семья, низкий заработок и пр.) он вынужден был продавать принадлежащие ему вещи, в том числе и галоши.

Нарсудом 1 участка Ростовского р-на ИПО была осуждена за спекуляцию к пяти годам лишения свободы работница совхоза Федосеева, 57 лет, несмотря на то, что собственным приз-

нанием последней установлен был только единичный факт продажи ею на рынке 7 пачек махорки.

Особенно обращают на себя внимание случаи привлечения к уголовной ответственности и осуждения по закону о спекуляции мелких торговцев с рук галантереей, фруктами, сладостями и пр.

За нарушения правил торговли указанными товарами (как например за торговлю не в надлежащем месте, за несоблюдение санитарных правил) виновные подлежат ответственности по ст. 105 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик.

Обращая внимание прокуроров союзных республик на необходимость усиления с их стороны надзора за правильным применением карательной политики по делам о спекуляции, предлагаю:

1. Не допускать привлечения к уголовной ответственности за спекуляцию мелких торговцев, предметами, торговля которыми разрешена, согласно инструкции НКФ Союза от 10 июня 1934 г. за № 343; в случаях же нарушения этими торговцами правил торговли, если за такое нарушение не предусмотрена ответственность в административном порядке, привлекать виновных по ст. 105 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

2. В случаях систематической спекуляции добиваться применения без всякого послабления мер наказания, установленных законом 22 августа 1932 г. и соответствующими статьями УК союзных республик.

3. Не привлекать к уголовной ответственности как за спекуляцию в случаях продажи на рынке трудящимися лично им принадлежащих предметов.

4. В тех случаях, когда обвиняемый изобличается в единичных, случайных спекулятивных действиях, преступление квалифицировать по аналогии по ст.ст. 16 и 105 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, а в исключительных случаях ставить вопрос о прекращении уголовного преследования по маловажности совершенного преступления.

О проведенных вами во исполнение настоящего циркуляра мероприятиях сообщите в декадный срок со дня его получения.

Зам. прокурора Союза ССР

Леплевский

10 июня 1935 г.
№ 49/8.

**
*

ДИРЕКТИВНОЕ ПИСЬМО № 21 ВЕРХСУДА СОЮЗА ССР 17 мая 1935 г.

О СУДЕБНОЙ РАБОТЕ В УБОРОЧНУЮ И ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНУЮ КАМПАНИЮ

Верхсудам Союзных республик

По сведениям, получаемым с мест, весенняя сельскохозяйственная кампания текущего года как по подготовке к севу, так и самому севу проходит в условиях громадного трудового подъема и значительно лучшей организованности, чем в прошлом году Весна текущего года явится новым этапом на пути дальнейшего укрепления колхозного строя и подъема зажиточности колхозников. В связи с этим на судебную систему ложится большая задача обеспечения шестой колхозной весны от посягательства остатков разбитых классов, когда наступит время реализации урожая уборки и хлебосдачи. В этих целях Верхсуд Союза ССР считает своевременным напомнить верхсудам союзных республик опыт судебной практики прошлого года и заострить их внимание на извращениях и судебных ошибках, какие были допущены в осеннюю сельскохозяйственную кампанию прошлого года и повторяются в текущую весеннюю кампанию.

Почти во всех союзных республиках, в том числе в большинстве краев и областей РСФСР и УССР, уборка и хлебопоставки прошлого года выполнены своевременно при сравнительно с прошлым небольшом количестве осужденных. В тех же областях и краях (З.-сибирский край, Челябинская, Воронежская обл. и др.), где выполнение плана хлебопоставок прошло с большими напряжением, были допущены массовые осуждения и грубейшие извращения революционной законности. Причина этого явления, вскрытия 49 пленумом Верхсуда СССР, лежит в том, что в указанных областях органы юстиции своевременно не подготовились к уборочной и хлебозаготовительной кампаниям, не проводили никакой оргмассовой работы и проглядели вредительскую работу кулаков и других классовых врагов, пытавшихся сорвать уборку и хлебопоставки, в частности путем распускания контрреволюционных слухов о предстоящем снижении норм сдачи и пр. Когда же в ходе уборки и хлебопоставок обнаружился кулацкий саботаж, судебные органы растерялись и при нанесении удара встали на путь массовой репрессии и грубейших извращений революционной законности

Опыт судебной работы по хлебопоставкам прошлого года показал, какое огромное значение для успеха кампании имеет своевременная меткая и решительная судебная репрессия:

Судебная практика еще не освободилась от извращений и ошибок, которые отмечены в ряде директивных писем Верхсуда СССР и директивных постановлений пленумов Верхсуда СССР:

К этим извращениям относятся:

1. Применение уголовной репрессии за мелкие и бескорыстные поступки. Вопреки установкам нового сталинского устава с.-х. артели нарсуды продолжают принимать к производству и налагать уголовные наказания на колхозников «за мелкие и пичтожные проступки, за бесхозяйственное и нерадивое отношение к общественному имуществу, за недоброкачественную работу и за другие нарушения трудовой дисциплины», за которые уставом предоставлено право налагать взыскания правлению колхоза (§17).

В судебной практике новый устав с.-х. артели не нашел еще отражения. Народные суды попрежнему механически принимают все, что к ним поступает от органов расследования, главным образом от милиции, не выделяют для организации показательных процессов дел большого общественного и политического значения и не отсеивают мелких дел, которые должны быть разрешены в дисциплинарном порядке

или в общественных и производственно-товарищеских судах. С такими методами судебной работы необходимо решительно покончить. Значительная доля вины за эти извращения ложится на главные и краевые (областные) суды, которые всю тяжесть судебной борьбы перелагают на народные суды. Верхсудам необходимо добиться, чтобы главные и краевые (областные) суды в качестве судов первой инстанции сами включались в борьбу за уборку и хлебосдачу. Дела о наиболее крупных преступлениях, имеющих особенное значение для данного района (массовый падеж и абортирование жеребых маток, частые случаи отказа единоличников от хлебосдачи, саботирование использования с.-х. машин) должны рассматриваться на месте выездными сессиями главных и краевых (областных) судов, а в республиках без краевого (областного) деления — верхсудов.

На основе нового устава в с.-х. артели необходимо добиться решительного прекращения применения судебной репрессии за мелкие хозяйственные и бескорыстные проступки. На эту сторону судебной работы верхсудам необходимо обратить особенное внимание.

2. Массовое привлечение и осуждение колхозного актива. Сведения о количестве осужденных по делам, связанным с весенней сельскохозяйственной кампанией текущего года по РСФСР и УССР и об удельном весе среди осужденных председателей сельсоветов и колхозов, бригадиров, заведующих МТФ и пр. свидетельствуют о том, что и в этом вопросе в судебной практике нет перелома. С одной стороны, массовое осуждение колхозного актива связано с отмеченным механическим отношением нарсудов ко всякому обвинительному материалу, который поступает от органов расследования, а с другой—с нарушением директивных указаний 48 пленума Верхсуда СССР о порядке привлечения предколхозов к уголовной ответственности. В соответствии с директивным постановлением 50 пленума «О судебной репрессии в отношении должностных лиц на селе» верхсуды должны добиться чуткого, внимательного и осторожного подхода судей к делам о колхозном активе. При рассмотрении таких дел суды должны дать оценку всей хозяйственной работе активиста, а не только тем ошибкам и проступкам, которые вменяются ему в вину.

3. Сведения, получаемые от республик, в частности из Азово-Черноморского, Северокавказского, Сталинградского краев, из УССР и БССР, говорят о том, что в деле борьбы за лошадь у судебных органов нет единой карательной политики, что в ряде случаев судебные органы недооценивают значения этой борьбы и подменивают ее механическим массовым осуждением и ничтожными наказаниями (на несколько месяцев и.-т. работ). Абортирование жеребых маток в результате хищнического отношения к лошади, а часто прямого вредительства продолжается в совершенно недопустимых размерах. В некоторых колхозных бригадах абортирование доходит до 50% маточного состава и больше. Не выясняя действительных причин массового абортирования, не доискиваясь настоящих виновников, часто. даже не заслушав заключения эспертов, судебные органы приговаривают малоответственных, случайных и второстепенных лиц к 3, 4 и 6 месяцам и.-т. работ.

С другой стороны, наблюдается необоснованная мягкая репрессия к действительным и главным, злостным виновникам особенно из классово чуждых элементов; 2 ч. ст. 79[4] УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик и в особенности закон 7 августа 1932 г. применяются как исключение Сигнализации, как правило, не существует.

Необходимо немедленно добиться изменения этой практики, всемерно усилить внимание судов к выяснению действительных причин падежа или абортирования путем проведения более тщательного судебного следствия, в частности более частым обращением к экспертизе. Необходимо указать судебным органам на недопустимость распыления репрессии по мелочам вместо решительного, жесткого и меткого удара в порядке показательных процессов по немногим лицам, которых суд изобличит как настоящих, главных, виновников.

4. Выше уже было отмечено, что в ряде краев и областей, где в прошлую осеннюю кампанию не было проведено достаточной подготовки к уборке и хлебосдаче, судебные органы пытались наверстать свои упущения за счет грубейших нарушений процессуальных законов.

Практика прошлого года знает немало случаев, когда предварительное и судебное следствие с вынесением приговора проведено в один день; были дела, по которым вовсе не было предварительного следствия; приговоры приводились в исполнение до вступления в законную силу и т. д. По сведениям, полученным от Верхсуда РСФСР, эти извращения в ряде мест не изжиты и в текущую весеннюю кампанию. Проверка судебной практики за текущий год показала, что некоторые суды пошли еще дальше по пути упрощенства.

Так, некоторые народные суды Сталинградского края заводят одно дело на все преступления, совершенные в колхозе или совхозе разными лицами на протяжении нескольких месяцев. Единственной связью между этими преступлениями является лишь то, что они совершены в одном месте.

С нарушениями революционной законности нужно повести решительную борьбу. Судебные органы должны быть предупреждены, что всякое нарушение закона неизменно повлечет за собой дисциплинарные, а в некоторых случаях и уголовные наказания.

5. Практика прошлого года выявила ряд случаев (в особенности по Сибири), когда под влиянием кулацкой агитации о возможном пересмотре и снижении норм сдачи единоличники упорно уклонялись от хлебосдачи. Этот опыт необходимо учесть в текущем году. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3/III 1935 г. «Об обязательных поставках зерна, риса и подсолнухов государству колхозами и единоличными хозяйствами из урожая 1935 г.» оставляет нормы сдачи прошлого года, а по некоторым областям даже снижает и против прошлого года. К 15 апреля всем колхозам и единоличникам вручены обязательства по хлебосдаче, из которых видно, что обязательство выполняется с той посевной площади, которая предусмотрена планом. Не выполняются постав-

ки с посевов, произведенных сверх планов, но вместе с тем не допускается снижение сдачи из-за невыполнения плана сева.

В связи с этим как в подготовительной оргмассовой работе, так и при проведении судебных процессов необходимо внедрять в сознание колхозников и единоличников, что постановление об обязательных поставках является твердым и незыблемым законом.

6. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 апреля с. г. «О работе комбайнов и об оплате комбайнеров в совхозах и МТС» среди причин неполного и неправильного использования комбайнов отмечаются искажения и прямые извращения установленной правительством системы зарплаты в зерносовхозах.

Необходимость усиленного внимания судебных органов к борьбе за правильное использование и бережное отношение к тракторам, автотранспорту и с.-х. машинам, а также к преступлениям в области материально-бытового обслуживания рабочих совхозов, МТС и колхозных бригад отмечена в ряде директивных указаний Верхсуда СССР (№ 6 от 4/II 1934 г., № 32 от 15/XI и в директивном постановлении 50 пленума).

В связи с указанным выше постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) этот вопрос приобретает особенное значение и к нему необходимо мобилизовать исключительное внимание.

7. Судебная борьба в прошлую кампанию в основном была сконцентрирована непосредственно на хлебосдаче. Борьба за своевременную прополку, борьба с потерями и с хищениями урожая на корню и во время уборки и обмолота, а также при перевозках и хранении урожая в элеваторах в ряде месте выпала из внимания органов юстиции. Между тем уборка и в особенности хлебосдача и хранение хлеба в элеваторах в прошлом году сопровождались большим количеством хищений.

Западносибирский краевой суд счел даже необходимым вынести по этому вопросу сигнализирующее определение о том, что большое количество хищений из заготпунктов и элеваторов связано с недостаточной бдительностью при комплектовании аппаратов этих пунктов. Однако в ряде мест борьба с хищениями из заготпунктов свелась к привлечению и осуждению второстепенных работников, между тем как главные виновники, создавшие систему учета и хранения, способствующую хищениям, остались безнаказанными. Так, Челябинский облсуд по делу Фомина и др. осудил за хищения из элеватора 36 чел.; весовщиков, шоферов, выбойщиков и пр.; но никто из администрации элеватора, виновной в вопиющей бесхозяйственности, к ответственности не был привлечен.

В текущем году необходимо подготовить органы юстиции к борьбе как за своевременное проведение прополочных работ, так и со всякого рода хищениями урожая.

8. Верхсуд СССР неоднократно отмечал большую эффективность правильно организованной работы сельских общественных и производственно-товарищеских судов в борьбе с мелкими проступками и нарушениями. Это подтверждается и практикой текущей весенней кампании. Однако, как правило, общественные и товарищеские суды бездействуют, в то время как народные суды загружены мелкими делами о ничтожных проступках, связанных в основном с нарушениями трудДисциплины. Попрежнему общественные и товарищеские суды беспризорны, никем не инструктируются и не контролируются. Это отмечено в информационных сводках Верхсуда РСФСР и в материалах обследования Азово-Черноморского и Северокавказского краев, произведенного Прокуратурой Союза.

Верхсуд Союза ССР считает, что от констатации этого совершенно нетерпимого явления пора перейти к решительным мерам для оживления работы общественных и товарищеских судов.

Председатель Верхсуда Союза ССР
А. Винокуров.

***

ДИРЕКТИВНОЕ ПИСЬМО № 22 ВЕРХСУДА СОЮЗА ССР 21 мая 1935 г.

О РАЗВЕРТЫВАНИИ СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ РАБОТЫ ПО ШЕФСТВУ И СОЦСОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ

Верхсудам Союзных республик

XVII съезд ВКП(б) в своей резолюции по организационным вопросам принял директиву о том, чтобы «развернуть и качественно поднять оправдавшее себя шефство предприятий над госучреждениями и социалистическое совместительство работы на производстве с работой в госучреждениях».

Несмотря однако на директиву съезда партии, судебные органы, по имеющимся данным, уделяют еще недостаточное внимание вопросам внедрения рабочего шефства и соцсовместительства в судебную систему. За исключением отдельных случаев судебные органы явно недооценивают значение шефства и соцсовместительства.

Верхсуд СССР обращает внимание всех судебных органов на необходимость максимального усиления работы судебных органов в этой области и считает необходимым указать, что ответственность за должную организацию рабочего шефства и соцсовместительства в судебной системе ложится не только на общественные организации, но и на руководителей соответствующих судебных органов.

Верхсуд СССР предлагает учесть в этой работе следующее:

1. Председатели верховных, главных, краевых и областных судов должны под их личную ответственность заняться вплотную вопросом организации рабочего шефства и соцсовместительства в судебной системе — осуществлять систематическое оперативное руководство и контроль за постановкой этого дела в своих периферийных органах.

2. Шефствующие предприятия, МТС и совхозы должны явиться основной базой, откуда судебные органы должны привлекать соцсовместителей. Однако это не исключает возможности привлечения в число соцсовместителей рабочих других предприятий, совхозов и МТС, а в сельских районах, в частности где отсутствуют фабрично-заводские предприятия, МТС и совхозы, в число соцсовместителей могут быть привлечены лучшие передовики—колхозники-ударники.

При этом необходимо обратить особенное внимание на то, чтобы в состав соцсовместителей вошли лучшие рабочие — кадровики-ударники и передовые колхозники, политически выдержанные, не допуская включения в состав соцсовместителей случайных, ненадежных и колеблющихся элементов и проявляя максимальную бдительность в смысле недопущения в состав соцсовместителей классово чуждых и враждебных элементов, которые несомненно будут пытаться проникнуть в состав соцсовместителей.

Такая же классовая бдительность, должна быть проявлена и в отношении рабочих шефских бригад, выделенных фабриками, заводами, МТС и совхозами. Помимо этого судебные органы должны бороться с текучестью шефских бригад, добиваясь закрепления их на длительные сроки.

4. Особенное внимание необходимо обратить на создание подходящих условий для работы соцсовместителей и шефских бригад. Необходимо создать соответствующую обстановку постоянного внимания и заботливости к соцсовместителям и шефским бригадам, оказывая им всяческую помощь и содействие и беспощадно пресекая всякие попытки со стороны отдельных работников аппарата к командованию соцсовместителями и рабочими шефскими бригадами или их игнорированию.

Вместе с тем необходимо озаботиться созданием специальных кружков по овладению юрминимумом, организовав для этой цели специальные кружки.

Наряду с этим необходимо, чтобы руководящие судебные работники осуществляли постоянное руководство соцсовместителями и учили их непосредственно в процессе практической работы на деле, оперативно.

Необходимо также обеспечить соцсовместителей и шефбригады необходимой литературой (кодексы, другие законодательные материалы и пр.) и оказывать им возможную помощь по материально-бытовым вопросам (оплата средств передвижения, премирование лучших соцсовместителей и пр.).

6. Соцсовместители, допускаемые к исполнению обязанности судей, должны предварительно оформляться в порядке, установленном для лиц, назначаемых на должность судей. Как правило, эти товарищи должны предварительно пропускаться через соответствующие курсы подготовки.

7. Судебные органы должны поддерживать постоянную связь с шефствующими предприятиями, ставя на них свои доклады о работе соцсовместителей и шефских бригад и добиваясь в частности освобождения их от других общественных нагрузок.

Верхсуд РСФСР призывает все судебные органы подойти самым серьезным образом к вопросу о внедрении рабочего шефства и соцсовместительную в судебную систмеу, вовлекая шефские бригады и соцсовместителей в работу судебных органов по реализаци директив партии и правительства по важнейшим хозполитическим мероприятиям.

Верхсуды союзных республик должны довести настоящее письмо до сведения всех своих периферийных органов, проработать его на производственных совещаниях судебных работников и к 1 августа с. г. сообщить в Верхсуд СССР о проведенных ими мероприятиях во исполнение настоящего директивного письма.

Председатель Верхсуда Союза ССР
А. Винокуров

СВОДКА

важнейших постановлений правительства Союза ССР за май 1935 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1. Об организации отдела землеустройства при Наркомземе СССР — пост. СНК СССР от 25/II 1935 г. (СЗ 1935 г. № 18, ст. 139).

2. О частичном изменении структуры центрального аппарата Комиссии советского контроля при СНК Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 23, ст. 176).

3. Об упразднении Комитета по топливу при Совете труда и обороны — пост. СНК СССР от 9/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 23, ст. 186).

4. О времени созыва заседаний и совещаний в народных комиссариатах — пост. СНК СССР от 22/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 23, ст. 187).

5. Об организации в системе Народного комиссариата лесной промышленности лесозаготовительного треста «Калининлес» — пост. СНК СССР от 14/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 23, ст. 190).

6. Об упразднении института заместителей председателей районных исполнительных комитетов по заготовкам — пост. СНК СССР от 24/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 25, ст. 207).

7. Об образовании в УССР шести округов — пост. ЦИК СССР от 1/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 19, ст. 157).

8. О проведении конкурсов-соревнований советов в 1935 г. — пост. ЦИК СССР от 7/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 25, ст. 198).

9. О порядке разрешения съездов, конференций и совещаний — пост. СНК СССР от 15/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 26, ст. 209).

10. Об организации Главного управления новых лубяных культур при Народном комиссариате земледелия Союза ССР (СЗ 1935 г. № 26, ст. 212).

2. Военное и морское дело

11. О воспрещении денежных и натуральных выдач со стороны государственных органов и хозяйственных организаций частям и учреждениям РККА и НКВД в порядке шефства — пост. СНК СССР от 26/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 15, ст. 205).

3. Просвещение

12. О строительстве школ в городах — пост. СНК СССР от 22/II 1935 г. (СЗ 1935 г. № 20, ст. 162).

13. О дополнении постановления СНК СССР от 13/I 1935 г. «Об ученых степенях и званиях» (СЗ 1935 г. № 23, ст. 188).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Планирование и учет

14. О списке строительств, генеральные планы и сметы которых подлежат утверждению Совета труда и обороны, — пост. СНК СССР от 22/III 1935 г. (СЗ 1935 г. № 18, ст. 152).

15. О порядке утверждения титульных списков строительств потребительской, промысловой, рыболовецкой и интегральной кооперации и кооперации инвалидов — пост. СНК СССР от 14/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 22, ст. 175).

2. Промышленность

16. О порядке распределения местных стройматериалов — пост. СНК СССР от 17/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 23, ст. 184).

17. О планировании производства швейной промышленности и обеспечении ее тканями для переработки — пост. СНК СССР от 17/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 23, ст. 185).

3. Земля и сельское хозяйство

18. Об утверждении инструкции Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК Союза ССР по проведению в жизнь постановления СНК Союза ССР «О единоличниках, работающих в совхозах» — пост. СНК СССР от 29/III 1935 г. (СЗ 1935 г. № 18, ст. 153).

19. О плане работ машинно-тракторных станций в колхозах в 1935 г. — пост. СНК СССР от 17/IV 1935 г. (СЗ № 22, ст. 169).

20. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Северному краю — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 24, ст. 193).

21. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Ленинградской области — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 24, ст. 192).

22. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Западной области — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 24, ст. 193).

23. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Татарской АССР — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 24, ст. 194).

4. Транспорт

24. О расширении списка грузов общегосударственного значения, перевозимых речным транспортом, — пост. СНК СССР от 9/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 19, ст. 161).

25. Об освобождении железнодорожного транспорта Народного комиссариата пищевой промышленности от земельной ренты и налога со строений — пост. ЦИК и СНК СССР от 27/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 23, ст. 177).

26. О порядке составления и утверждения месячных планов водных перевозок — пост. СНК СССР от 14/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 25, ст. 202).

27. Об установлении размера процентных начислений по претензиям и искам по перевозке грузов и багажа по железным дорогам — пост. СНК СССР от 5/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 25, ст. 203).

5. Связь

28. Устав о дисциплине работников связи Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 20, ст. 163).

III. ФИНАНСЫ

29. Об освобождении от налога со строений и земельной ренты домов-общежитий начальствующего состава Рабоче-крестьянской Красной армии — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/III 1935 г. (СЗ 1935 г. № 18, ст. 144).

30. Об освобождении премий, выплачиваемых рабочим и служащим, от подоходного налога и от сбора на нужды жилищного и культурно-бытового строительства — пост. СНК СССР от 14/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 22, ст. 170).

31. О выдаче в 1935 г. ссуд местным советам и колхозам из прироста вкладов в государственные трудовые сберегательные кассы — пост. СНК СССР от 11/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 22, ст. 173).

32. О налоге с оборота на продукцию лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности — пост. СНК СССР от 9/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 23, ст. 189).

33. О государственном внутреннем займе второй пятилетки (выпуск третьего года) — пост. ЦИК и СНК СССР от 4/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 24, ст. 195).

34. Об установлении процентных отчислений от налога с оборота в бюджет союзных республик на 1935 г. — пост. ЦИК и СНК СССР от 25/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 25, ст. 176).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

35. О контрактационном договоре по свекле — пост. СНК СССР от 28/III 1935 г. (СЗ 1935 г. № 17, ст. 127).

36. Постановление Народного комиссариата земледелия Союза ССР и Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК Союза ССР от 3 апреля 1935 г. о контрактации и мероприятиях по повышению урожайности горчицы, периллы, сои, кунжута, арахиса, мака пищевого, льна-кадряша и озимого рапса в 1935 г. (СЗ 1935 г. № 17, ст. 132).

37. О разрешении рыболовецким организациям интегральной кооперации продавать излишки рыбы по выполнении квартальных планов — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/III 1935 г. (СЗ 1935 г. № 18, ст. 142).

38. Об утверждении инструкции Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК Союза ССР о порядке проведения обязательной поставки картофеля государству из урожая 1935 г. — пост. СНК СССР от 30/III 1935 г. (СЗ 1935 г. № 19, ст. 158).

39. О дополнении к инструкции Народного комиссариата пищевой промышленности «О порядке проведения обязательных поставок мяса государству в 1935 г.» (СЗ 1935 г. № 19, ст. 159).

40. О государственном плане заготовок и плане внеобластных обязательных отгрузок овощей из урожая 1935 г. (пост. СНК СССР от 31/III 1935 г. (СЗ 1935 г. № 19, ст. 160).

41. Об упорядочении сбыта автомашин и доставки их покупателям — пост. СТО от 7/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 21, ст. 167).

42. О мясопоставках — пост. СНК СССР от 20/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 22, ст. 171).

43. О порядке привлечения к мясопоставкам отдельных категорий хозяйств — пост. СНК СССР от 11/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 23, ст. 172).

44. О порядке оптового сбыта продукции широкого потребления, вырабатываемой местной промышленностью, — пост. СНК СССР от 28/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 25, ст. 204).

45. О поставках картофеля с приусадебных посевов — пост. СНК СССР от 14/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 26, ст. 211).

V. КООПЕРАЦИЯ

46. О пересмотре отпускных цен на изделия промысловой кооперации и кооперации инвалидов — пост. СНК СССР от 5/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 21, ст. 166).

VI. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

47. Об оплате труда трактористов в хлопковых колхозах, обслуживаемых машинно-тракторными станциями — пост. СНК СССР от 25/III 1935 г. (СЗ 1935 г. № 17, ст. 133).

48. Об охране труда и технике безопасности в общих артельных мастерских промысловой кооперации — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 23, ст. 178).

49. О мероприятиях, предотвращающих образование задолженности по заработной плате учителям, — пост. СНК СССР от 4/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 25, ст. 201).

50. О порядке утверждения штатов и о контроле за соблюдением установленных штатов — пост. СНК СССР от 13/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 26, ст. 208).

VII. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

51. О мерах борьбы с хулиганством — пост. ЦИК и СНК СССР от 29/III 1935 г. (СЗ 1935 г. № 18, ст. 141).

52. О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 19, ст. 155).

53. О дополнении уголовных кодексов союзных республик статьей, карающей переплавку государственной разменной монеты и использование этой монеты для производственных целей, — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 19, ст. 156).

54. О воспрещении обращать взыскание по исполнительным документам на сумму не свыше 500 руб. на банковские счета организаций обобществленного сектора — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 25, ст. 197).

Приветствия, поступившие на имя т. Вышинского

ИЖЕВСК.

Первое республиканское совещание работников юстиции Удмуртии шлет вам пламенный большевистский привет и заверяет, что в борьбе за соблюдение социалистической законности и охраны социалистической (общественной) собственности, строжайшее соблюдение советских законов, охрану интересов трудящихся, проявляя особую заботу к кадрам, мы будем стойки и непримиримы, подвергая свою работу жесточайшей большевистской самокритике.

Под руководством ленинской партии и любимого вождя нашего товарища Сталина мы будем беспощадно подавлять остатки умирающих классов.

По поручению президиума
Красильников

***

ОДЕССА.

Областное совещание работников юстиции Одессщины посылает вам, руководство советской юстиции пламенный большевистский привет.

Мы, один из отрядов диктатуры пролетариата в борьбе за осуществление социалистической законности, за охрану и укрепление общественной собственности, под нашим руководством будем добиваться образцовых показателей положения передовых органов юстиции в деле осуществления задач, поставленных перед нами партией и указаниями вождя нашей партии т. Сталина.

Президиум совещания

***

ДНЕПРОСТРОЙ.

Первая конференция товарищеских судов Днепростроя шлет вам свой большевистский привет. Конференция заверяет вас, что будет в передовых рядах борцов построения бесклассового социалистического общества.

Президиум конференции

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Ответств. редактор **А. Я. Вышинский**

Адрес изд-ва: Москва, Красная пл., здание ЦИК, пом. 28

Редколлегия: **Г. М. Лепповский, А. А. Сольц, В. В. Сорокин, Л. М. Субоцкий, А. С. Шляпочников.**

Рукопись поступила в из-во 20, 21 и 23 июня 1935 г. сдана в произв. 22 и 25 июня 1935 г.; подписана к печати 11 июля 1935 г.; 4 печ. л.; 9,2 авт. л.; в 1 бум. л. 225600 зн.; формат бум. 72 × 105. С—04п. № 390.

Техн. редактор **Холмогорова**

Уполном. Главлита Б—9630. Заказ 862 Тираж 10 000

15-я типография О. ИЗ треста «Полиграфкнига», Мал. Дмитровка, 18.

Край (обл.) прокурорам и прокуратурам республик, председателям краевых (областных) судов и председателям главсудов

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

В целях широкого обмена опытом практических работников суда и прокуратуры и в целях вовлечения в качестве новых авторских сил в работу Государственного издательства „Советское законодательство" и журналов „За социалистическую законность" и „Советская юстиция". Государственное издательство „Советское законодательство" совместно с Прокуратурой СССР и НКЮ РСФСР объявило конкурс на лучшую популярно-массовую брошюру, написанную практическими работниками суда, активом юстиции, членами товарищеских судов и секций революционной законности на основе непосредственного опыта своей работы. Темы для конкурсных брошюр (очерков) и условия конкурса объявлены в журналах „Советская юстиция" № 15 и 16 и „За социалистическую законность" № 5.

Придавая большое значение успешному проведению этого конкурса, Наркомат юстиции РСФСР и Прокуратура СССР предлагают Вам лично проследить за развертыванием конкурса, обсудить вопрос о конкурсе на ближайших совещаниях работников суда и прокуратуры, а также актива юстиции, считая включение в конкурс одной из основных форм массовой работы на ближайшее время.

О ходе проведения конкурса сообщите краткой докладной запиской в НКЮ РСФСР и в Прокуратуру СССР к 15 августа с. г.

Прокурор СССР
А. ВЫШИНСКИЙ

Нарком юстиции РСФСР
Н. КРЫЛЕНКО

15/VI—38 г.

М 5063

ЦЕНА 1 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Печатаются и в ближайшее время поступят в продажу:

Проф. СТРОГОВИЧ М. С. — **Уголовный процесс.** Учебник для правовых школ и юридических курсов. Издание второе, исправленное и дополненное.

КИСЕЛЕВ Я. Л. и МАЛКИН С. Е.—**Сборник важнейших постановлений по труду** Практическое пособие для заводских и местных комитетов, профактива и работников юстиции. Издание пятое, переработанное и дополненное до 1 апреля 1935 г.

РОЗЕНБЛЮМ Е. Е., проф. СЕРДЮКОВ М. и СМОЛЬЯНИНОВ В. М. — **Судебно-медицинская экспертиза.** Руководство для работников суда, расследования и судебно-медицинской экспертизы.

ВОЛКОВ Г. И. — **Преступление по советскому праву.** Под ред. Н. В. Крыленко. Учебное пособие для правовых вузов и юридических курсов.

КЛЕЙНМАН А. Ф. — **Гражданский процесс.** Учебник для правовых школ и юридических курсов. Издание второе, исправленное и дополненное.

ПАШУКАНИС Е. — **Очерки по международному праву.**

ЧЕКМЕНЕВ В. П. — **Законодательство о труде педагогов.**

ГЕРЦЕНЗОН А. А. — **Уголовная статистика.** Учебное пособие для правовых вузов и юридических курсов.

«ЮРМИНИМУМ» (учебное пособие по юридическому минимуму). Под редакцией Н. В. Крыленко.

Сборник постановлений и разъяснений Верховного суда СССР. Под редакцией и с предисловием пред. Верхсуда СССР А. Н. Винокурова.

Нотариальные действия. — Практическое пособие для нотариальных работников. Издание второе, исправленное и дополненное.

Проблемы уголовной политики. — Сборник научных трудов Института уголовной политики. Выпуск 1.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. С предисловием Н. В. Крыленко. С изменениями на 1 мая 1935 г.

Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. С изменениями на 1 мая 1935 г. Официальный текст с приложением постатейно-систематизированных материалов.

Кодекс законов о браке, семье и опеке. С изменениями на 15 мая 1935 г. Официальный текст, с приложением постатейно-систематизированных материалов.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ, ОТДЕЛЕНИЯХ И КИОСКАХ КОГИЗа.

Почтовые заказы направлять без задатка во все областные (краевые) отделения КОГИЗа — „Книга-почтой".

В Издательство никаких заказов НАПРАВЛЯТЬ НЕ СЛЕДУЕТ, так как оно высылки не производит.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

АВГУСТ 1935 8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ № 8

Стр

Знаменательная годовщина — 1

Г. Согал — Осенне-зимние перевозки и задачи транспортной прокуратуры — 5

А. Викторов — Вопросы общего надзора прокуратуры — 7

И. Авербах — Закон 7 апреля и преступность несовершеннолетних — 10

Л. Бендик — О работе народных судов по борьбе с несовершеннолетними преступниками в г. Москве — 15

Д. Горвиц — Задачи защиты по делам несовершеннолетних — 17

Л. Вульф — Хулиганство в Москве и борьба с ним — 18

А. Тагер — Кассационные заметки — 21

В. Чернов — Правильно организовать и провести обыск — 24

И. Краснов — Юридическая подготовка судебно-прокурорских работников — 26

К. Маслов, П. Тарасов-Родионов — Сдать юрминимум на отлично — 28

Тадевосян — Покончить с недооценкой гражданских дел — 31

Е. Львов — История одного дела — 34

В. Томский — Выше качество прокурорской работы — 35

Борьба с хищениями в органах связи — 36

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза — 43

Оперативно-произв. совещание в Союзной прокуратуре 10 июня 1935 г. — 45

Библиография — 51

Официальный отдел — 53

ЗА социалистическую ЗАКОННОСТЬ

ПРОКУРАТУРЫ СССР

АВГУСТ 1935 г. 8

Редакция:
Москва, Б. Дмитровка, д. 15

Знаменательная годовщина

Исполнилось три года со дня издания исторического декрета 7 августа об охране общественной социалистической собственности, декрета, вошедшего в историю Октябрьской революции, в историю борьбы рабочего класса за построение в СССР социалистического общества в качестве одного из наиболее знаменательных и важных документов великой эпохи строительства социализма.

Этот декрет был прямым ответом на требования миллионных масс трудящихся нашей великой родины о принятии решительных мер охраны общественной собственности, являющейся основой всего социалистического строя.

Этот декрет явился новой вехой в борьбе за общественную собственность, символизируя собой громадные успехи нового общественного строя, созданного в результате героических усилий рабочего класса и всех трудящихся, строящих в СССР под руководством нашей великой коммунистической партии, во главе с ее ЦК и великим вождем т. Сталиным, новое социалистическое общество.

Характеризуя год тому назад значение декрета 7 августа, т. Каганович подчеркнул его громадное историческое значение, сказав, что такие законы живут десятки и сотни лет. И, действительно, декрет 7 августа был вызван к жизни не той или иной сложившейся в данный момент политической конъюнктурой, временными политическими обстоятельствами.

Он был вызван к жизни всей логикой развития пролетарской революции и государства пролетарской диктатуры, опирающегося на общественную собственность, на коллективную собственность трудящихся масс, своими усилиями воздвигающих новое, невиданное до того общество трудящихся.

Декрет 7 августа явился в известном смысле слова итогом развития всей нашей пролетарской революции, итогом борьбы нашего пролетарского государства, на протяжении всего своего исторического существования неуклонно и неустанно строящего социалистическое общество.

Но значение декрета 7 августа далеко выходит и за эти сами по себе грандиозные пределы.

Это его значение достаточно характеризуется тем обстоятельством, что принцип социализма, выражающийся в господстве общественной собственности, празднует свою окончательную победу в нашей стране.

Господство общественной социалистической собственности окончательно и бесповоротно закреплено во всех областях нашего народного хозяйства.

Именно поэтому так важна и необходима всемерная охрана общественной социалистической собственности, представляющей собой основную заботу и нашей революционной законности и всей деятельности органов пролетарской диктатуры, призванных охранять интересы пролетарского государства.

«Основная забота революционной законности,—говорит т. Сталин,—в наше время состоит следовательно в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом».

В этих словах нашего вождя заключается исчерпывающая характеристика роли декрета 7 августа, поставленного на стражу общественной собственности.

В этом декрете с исключительной силой и остротой был три года назад поставлен вопрос о применении беспощадных мер наказания к врагам народа, о беспощадном разгроме всякого рода «воровских махинаций», при помощи которых последние остатки эксплоататорских классов пытаются подорвать в той или иной мере устои нашего социалистического строя, пытаются этими «воровскими махинациями», как говорил т. Сталин, вредить рабочим, колхозникам, советской власти, партии, всему пролетарскому государству.

Подводя итоги трехлетнего действия декрета 7 августа, мы можем с удовлетворением констатировать его громадное влияние на все направление нашей уголовной политики, на всю карательную деятельность судебно-прокурорских органов в борьбе с классовым врагом и его агентурой.

На основе декрета 7 августа органы прокуратуры и суда сумели, несмотря на все недостатки своей работы, нанести сокрушительный удар врагам народа, поднимающим свою преступную руку на священную и неприкосновенную общественную собственность.

На основе этого декрета органы суда и прокуратуры получили возможность активно и последовательно вести свою борьбу со всякими попытками колебать основы социалистического строя, мешать дальнейшим успехам социалистического строительства.

Декрет 7 августа вооружил органы суда и прокуратуры мощным и несокрушимым оружием беспощадной уголовной репрессии, направленной своим острием против остатков капиталистических классов, воров и расхитителей общественного и государственного достояния.

Вся практика работы советского суда и прокуратуры в области охраны общественной социалистической собственности тысячами примеров говорит о том сокрушительном ударе, который был нанесен расхитителям общественной собственности правильным и последовательным применением декрета 7 августа.

При оценке значения декрета 7 августа нужно учитывать еще и то обстоятельство, что хищение общественной собственности в нынешних условиях представляет собою одну из наиболее характерных форм проявления классового сопротивления «бывших людей», всех этих последышей капитализма, раздавленных, хотя окончательно еще и не уничтоженных, пролетарской революцией. Именно в форме разворовывания и разбазаривания общественной социалистической собственности эти осколки разгромленных эксплоататорских классов пытались и продолжают пытаться до сих пор наносить пролетарскому государству, всему народному хозяйству СССР наиболее серьезные и чувствительные удары.

Известно, какую серьезную угрозу интересам пролетарского государства представляет собою вредительство, особенно распространенное в период, непосредственно предшествовавший первой пятилетке, и в течение всей этой пятилетки в целом.

Именно при помощи вредительства «бывшие люди» пытались в свое время вести борьбу против социалистического строя, избравши эту форму своего классового сопротивления делу социализма в качестве одной из самых излюбленных форм своего нападения на советскую власть. При помощи вредительства все эти люди пытались и еще в известной мере пытаются и сейчас пакостить и вредить социалистическому строю.

Говоря о вредительстве, т. Сталин подчеркнул, что главное в антисоветской деятельности «бывших людей» в настоящее время однако заключается не во вредительстве.

«Главное в «деятельности» этих бывших людей, — говорит т. Сталин, — состоит в том, что они организуют массовое воровство и хищение государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности».

Три года действия декрета 7 августа полностью и блестящим образом подтвердили гениальное указание т. Сталина, вскрывшего основной канал движения преступности, направленной против советского строя, показавшего, что основное направление этой преступности идет в нынешних условиях по линии нападения на общественную социалистическую собственность.

Воровство и хищение общественной собственности в настоящих условиях являются наиболее распространенной формой классовой борьбы эксплоататорских элементов с советской властью.

Опасность этой формы сопротивления остатков эксплоататорских классов заключается в том, что преступная деятель-

ность расхитителей общественных ценностей в известных случаях легко прикрывается попустительством, пассивностью, безразличным отношением к этому виду преступлений со стороны отсталых слоев самих трудящихся.

В условиях еще неизжитых пережитков капитализма в сознании людей, в условиях неизжитых мелкобуржуазных предрассудков, недисциплинированности, частнособственнических навыков, индивидуалистических привычек представляется немало возможностей ворам и расхитителям общественной собственности уйти от карающего меча советского правосудия, остаться неразоблаченными и непреданными в руки органов революционной законности.

В свое время Ленин говорил об опасности «традиционной психологии» капиталистического общества, порождающей рваческие, кулацко-капиталистические настроения в отношении к общественному имуществу, к общественной собственности.

Ленин говорил, что «рабочий никогда не был отделен от старого общества китайской стеной», что «у него сохранилось много традиционной психологии капиталистического общества», что «рабочие строят новое общество, не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоят по колени еще в этой грязи» (XXIII, стр. 490).

Эта «психология» в определенных общественных условиях не может не играть на-руку классовому врагу, как не могут не сослужить классовому врагу своей службы все вообще элементы общества— «хранящие наследство капитализма», «соблюдающие традиции капитализма», «все эти лодыри, тунеядцы и казнокрады».

В своей статье «Как организовать соревнование?» т. Ленин писал о тех пришельцах в фабричную среду, «которые теперь хотели бы относиться к народной фабрике», к фабрике, перешедшей в собственность народа, попрежнему с точки зрения единственного помышления: «урвать кусок побольше и удрать» (XXII, стр. 163).

Вот эти «помышления» и создают почву, питающую хищническое отношение к общественной собственности.

Против этих-то рваческих настроений, этой «традиционной психологии» капиталистического общества и нужно повести систематическую и последовательную борьбу, мобилизуя на преодоление этого зла широчайшие круги рабочих и колхозников, — «все, что есть сознательного, честного, думающего в крестьянстве и трудящихся массах» (Ленин), встающих в этой борьбе на сторону передовых рабочих.

Именно об этом неоднократно говорил т. Сталин, ставя вопрос о необходимости создать в отношении к подобного рода преступлениям такую «моральную атмосферу», «которая исключала бы возможность воровства, которая делала бы невозможным жизнь и существование воров и расхитителей народного добра, веселых и невеселых...».

Еще в 1926 г. т. Сталин говорил о необходимости «вести систематическую борьбу с воровством, с так называемым «веселым» воровством в органах нашего государства, в кооперации, профсоюзах и т. д. Есть воровство стыдливое, скрытое; есть воровство смелое, «веселое», как говорят об этом в печати».

Вот куда направлял наше внимание уже девять лет тому назад великий вождь нашей страны и мирового пролетариата т. Сталин, требуя такой мобилизации общественного негодования к расхитителям народного достояния, которое делало бы вора в глазах всех окружающих таким же преступником, как «шпион и предатель, если не хуже».

Основная задача декрета 7 августа заключалась в органическом сочетании двух основных требований — беспощадного разгрома и подавления классового сопротивления врагов и их агентуры и мобилизации общественного внимания к задаче охраны общественной собственности, укрепления нового социалистического правосознания и новой пролетарской дисциплины. В этом смысле декрет 7 августа олицетворяет собою основные принципы всей советской уголовной политики.

Это последнее обстоятельство еще в большей степени характеризует декрет 7 августа как законодательный акт громадной принципиальной исторической силы, как ведущий закон, определяющий собой все направление советской уголовной политики.

Социалистический уклад, о котором на XVII съезде партии т. Сталин говорил как о единственно господствующей и командующей общественной силе, опирается на общественную собственность, интере-

сы охраны и укрепления которой составляют основную заботу революционной законности и всего пролетарского государства.

Вот почему перед органами советской юстиции, перед рабочим классом и всеми трудящимися массами нашей страны с такой остротой стоит задача дальнейшей борьбы, самой непримиримой и большевистски последовательной, за общественную социалистическую собственность.

На этой основе цветет и преуспевает новое социалистическое общество, на этой основе растут и крепнут величайшие возможности самого широкого и всестороннего удовлетворения потребностей трудящегося человека, на этой основе развертывается и расцветает новая социалистическая культура, подлинный человеческий прогресс и человеческая цивилизация.

Частная собственность, — эта исконная основа всякого эксплоататорского общества, — является тюрьмой человеческой свободы и человеческой культуры. Частная собственность эксплоататоров сковывает и уничтожает всякие возможности развития человека, рождая неразрешимые в рамках эксплоататорского общества противоречия, калеча и коверкая человека, отравляя и растлевая его сознание, его душу. Частная собственность делает из людей зверей, создает положение, при котором, как говорит старая римская пословица, — «человек человеку — волк».

Общественная социалистическая собственность, созданная героическими усилиями миллионов рук трудящихся, уничтожающих всякие следы эксплоатации, полностью и целиком освобождает человека от звериных инстинктов, созданных капиталистическим строем.

На основе общественной собственности вырастает не только новое социалистическое общество, но и новый социалистический человек, прекрасный в своем духовном и физическом облике, олицетворяющий собою творческий порыв к новой жизни, кующий и строящий эту новую жизнь, прекрасную и величественную, светлую и радостную для всех трудящихся.

Великие успехи социалистического хозяйства, социалистической промышленности, колхозного движения, советской культуры, науки и искусства питаются могучими соками общественной собственности, являющейся подлинной и мощной основой новой социалистической экономики.

Декрет 7 августа во весь рост, достойный гигантских успехов нашей социалистической эпохи, ставит перед всеми трудящимися боевую задачу охраны нового общества от всех и всяческих на него посягательств.

Наша задача — бороться, не покладая рук, за дальнейшее укрепление общественной социалистической собственности на основе закона 7 августа, вошедшего в историю как один из наиболее замечательных памятников нашей борьбы за бесклассовое социалистическое общество.

„Сильная и могучая диктатура пролетариата,— вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации“

(Сталин)

Г. Сегал

Осенне-зимние перевозки и задачи транспортной прокуратуры

За 4 мес., истекшие с момента назначения т. Л. М. Кагановича народным комиссаром путей сообщения, железнодорожный транспорт добился серьезных успехов: план перевозок выполняется и перевыполняется, железные дороги покрывают накопившуюся огромную задолженность перед народным хозяйством страны; четкость и конкретность выдвигаемых задач и большевистская организация их выполнения мобилизуют широкие массы железнодорожников на преодоление отставания транспорта; выкорчевываются гнилые и антигосударственные «теории», процветавшие на транспорте и являвшиеся огромным препятствием его росту.

Местные партийные организации и советы активно включились в дело улучшения железнодорожного транспорта; промышленность успешно выполняет его заказы.

Все это создает условия для дальнейшего быстрого роста транспорта и окончательной ликвидации отставания транспорта от гигантских темпов роста социалистического хозяйства нашей страны, в частности для успешного выполнения плана осенне-зимних перевозок 1935—1936 гг.

Однако совершенно очевидно, что дальнейшие успехи требуют напряженной работы по органическому оздоровлению всех без исключения звеньев ж.-д. транспорта.

Основным показателем этого органического оздоровления является ликвидация крушений и аварий, в которых концентрируются все недостатки ж.-д. транспорта. Без серьезных успехов в этой области нельзя говорить об органическом оздоровлении транспорта.

Обеспечение этого решающего условия подъема ж.-д. транспорта в немалой степени зависит от качества работы транспортных органов юстиции, являющихся важнейшим рычагом большевистского воспитания масс и мобилизации их против классовых врагов, хулиганов и разгильдяев — организаторов крушений и аварий.

Качество борьбы с крушениями и авариями является в такой же степени основным показателем работы транспортной прокуратуры и линейных судов, как и всего ж.-д. транспорта в целом. Судебная репрессия в этой области должна являться последним средством воздействия, применяемым в тех случаях, когда все другие средства исчерпаны или явно недостаточны. Но тем более отточенным и тем более метко разящим должно быть это оружие. К сожалению, надо признать, что прокуратура и суды на транспорте крайне медленно перестраиваются в сторону отказа от массовой и бестолковой репрессии по делам о крушениях даже после приказа Л. М. Кагановича о борьбе с крушениями и авариями и апрельского совещания работников ж.-д. транспорта. На некоторых дорогах (Московско-Казанская, Закавказская) апрель дал даже рост количества судебных репрессий по делам о крушениях. В мае наступил резкий перелом в количественном размахе применения этих репрессий; но вместе с тем обнаружилась другая крайность в работе органов прокуратуры, свидетельствующая о растерянности и отсутствии твердой политической линии у судебно-прокурорских работников этих дорог. Эта крайность выразилась в отказе на ряде дорог от проведения судебных процессов даже при наличии большого количества крушений. Резкое снижение количества судебных процессов в мае не сопровождалось повышением их качества и поэтому носило в значительной степени механический характер; подготовка процессов и их проведение были попрежнему неудовлетворительны, карательная политика оставалась на том же низком уровне, как и в период массового применения судебных репрессий.

Лишь в июне отмечаются первые успехи в области повышения качества судебной борьбы с крушениями: повысилась тщательность отбора объектов судебных репрессий и в соответствии с этим ее уровень; на ряде дорог были проведены неплохо подготовленные и организованные процессы, сопровождавшиеся действительной мобилизацией железнодорожников (Северокавказская, Екатерининская, Московско-Курская и др.). Эти первые успехи были достигнуты прежде всего за счет ликвидации самотека в применении судебных репрессий, обдуманного отбора людей, к которым эти репрессии применялись, и действительной помощи политотделов в деле политической подготовки процессов.

Совершенно еще недостаточны сдвиги в области повышения качества и глубины расследования дел о крушениях. Здесь особенно дает себя чувствовать слабая техническая грамотность следователей, прокуроров и судей, без ликвидации которой невозможно серьезное повышение качества работы.

Решительные успехи в деле ликвидации аварий и крушений являются важнейшим условием выполнения плана осенне-зимних перевозок. Как должны готовиться к осенне-зимним перевозкам прокуроры, следователи и судьи на транспорте? Прежде всего напряженной работой над поднятием качества следовательской, прокурорской и судебной борьбы с крушениями и авариями.

Наряду с сокращением количества судебных репрессий по делам о крушениях последние месяцы дают некоторое снижение дел о хищениях, о корыстных злоупотреблениях. Механическое перенесение принципов борьбы с корыстными должностными преступлениями и служебными упущениями на борьбу с врагами народа и жуликами явно неправильно и опасно. Непримиримая борьба с хищениями грузов, разбазариванием автотормозного и другого транспортного оборудования, с хищениями и растратами в орсах — одно из важнейших условий, создающих условия для успеха осенне-зимних перевозок. В этой области — особенно в части хищений автотормозного имущества — прокуратура и суд должны проявить макси-

мум оперативности и меткости сокрушительного удара уголовной репрессии.

Особое внимание в области борьбы за сохранность грузов должно быть уделено органами транспортной прокуратуры делу охраны перевозимого железными дорогами урожая. Необходимо отметить, что даже на южных дорогах прокуроры крайне медленно включаются в эту работу: пока мы имеем лишь отдельные проверки и обследования, а подлинная борьба с расхитителями хлебных грузов, с злостными разгильдяями, портящими и уничтожающими хлеб, отсутствует. Между тем хлебные перевозки — первый и ответственнейший экзамен ж.-д. транспорта в выполнении осенне-зимних перевозок.

Практика последних месяцев показала, что в ряде звеньев транспорта еще далеко не изжиты проявления антигосударственных тенденций в области выполнения плана погрузки и ускорения оборота вагона, принимающие формы прямого саботажа приказов и требований НКПС. На ст. Товарково Московско-Донбасской ж. д. вскрыто систематическое очковтирательство в учете простоев вагонов и незаконное зачисление в резерв рабочего парка с целью скрыть простои; на ст. Ясиноватая Екатерининской ж. д., обнаружена практика незаконной переадресовки грузов и т. п. Это показывает, что в рядах командного состава транспорта имеются саботажники, не желающие отказаться от гнилых методов работы. Если раньше транспортные прокуроры видели свою задачу в области борьбы за выполнение плана отгрузки в том, чтобы ставить судебные процессы по случаям простоя нескольких вагонов, а такого рода процессы никого не мобилизовывали, то теперь задача гораздо сложнее: надо уметь разоблачить саботажника, вскрыть его антигосударственные махинации и на него именно обрушить справедливую кару пролетарского суда.

Материалы о практике применения дисциплинарного устава к работникам ж.-д. транспорта за последнее время свидетельствуют о наличии продолжающихся в этом деле извращений двоякого рода: в ряде звеньев транспорта продолжается механическое и пачкообразное наложение взысканий (Бобринская дистанция пути Юго-Западной ж. д.); в других местах наоборот вовсе не применяют дисциплинарных взысканий в течение продолжительного времени (депо Брянск Западной ж. д.). И тот и другой вид извращений одинаково разлагают дисциплину. Приходится отметить, что за последнее время ослабело внимание органов транспортной прокуратуры к важнейшему делу надзора за правильностью применения дисциплинарных взысканий. Между тем дисциплинарная практика имеет исключительно большое значение в деле обеспечения железной дисциплины, являющейся самым главным условием ликвидации крушений и аварий и успеха перевозок.

Внедрение правильных методов руководства, бережного отношения командиров к кадрам железнодорожников, поднятие воспитательного значения дисциплинарного взыскания и поощрения имеют для подготовки к осенне-зимним перевозкам нисколько не меньшее значение, чем ремонт подвижного состава и пути. Недооценка важности надзора за дисциплинарной практикой со стороны ряда работников прокуратуры является крупнейшим недостатком, который должен быть решительно устранен.

Историческая речь тов. Сталина 4 мая о кадрах, приказ т. Кагановича о борьбе с крушениями и авариями, первые успехи железнодорожного транспорта в деле выполнения плана перевозок в огромной степени подняли в широких массах трудящихся железнодорожников и пользующихся транспортом социалистическое правосознание, чувство собственного достоинства, сознание величайшей важности своей работы в общем грандиозном деле построения социалистического общества, творимом народами Советского союза. Это в огромной степени повышает роль и ответственность органов транспортной прокуратуры. Всякое неправильное, неосновательное привлечение и тем более арест и осуждение, всякое проявление административного произвола — незаконное выселение, неправильно наложенное взыскание, неосновательное увольнение, незаконный штраф и т. п. — вызывают протест и суровое осуждение со стороны трудящихся. Отсюда понятен рост обращений в транспортную прокуратуру со всякого рода жалобами и протестами на незаконные действия. Мы должны так воспитать всех своих работников и так организовать свою работу, чтобы ни одно справедливое обращение железнодорожника, пассажира, грузоотправителя не осталось без быстрого и исчерпывающего реагирования. Необходимо, чтобы все наши работники поняли, что и на них лежит ответственность за дальнейший подъем нашего транспорта, что в частности они несут ответственность за успешность осенне-зимних перевозок, борьба за которые должна быть в данное время основной задачей судебно-прокурорских органов. Борьба с преступностью на транспорте должна явиться одним из мощных средств окончательного его оздоровления и подъема.

„Революционная законность нашего времени направлена своим острием не против крайностей военного коммунизма, которых давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности“

(Сталин)

А. Викторов

Вопросы общего надзора прокуратуры

Приказ прокурора Союза от 11 мая 1935 г. об усилении надзора за законностью постановлений и распоряжений местных органов власти и наркоматов ставит перед всеми органами прокуратуры острый и злободневный вопрос.

Как случилось, что об одной из основных функций органов прокуратуры, предусмотренной п. «а» ст. 4 Положения о Прокуратуре Союза, должен напомнить специальный приказ прокурора Союза, констатирующий при этом, что «наряду со значительным усилением работы по надзору за судом и следствием органы прокуратуры в ряде мест явно ослабили работу по надзору за законностью»?

Раздаются голоса, что этому способствовала та линия, которую за последний год вела Прокуратура Союза по усилению судебного надзора. Некоторые товарищи считают, что Всесоюзное совещание руководящих работников органов юстиции, происходившее в апреле 1934 г., также проходило под знаком переключения внимания с общего на судебный надзор.

Бесспорно, что и апрельское совещание и вся деятельность Прокуратуры Союза за последнее время действительно были направлены на усиление судебного и следственного надзора органов прокуратуры, ставшего, если можно так выразиться, «узким местом» работы органов юстиции. Но было бы крупнейшей ошибкой утверждать, что требование усиления судебно-следственного надзора, требование об улучшении качества работы следственных и судебных органов означало ослабление общего надзора за законностью. Наоборот **требования улучшения качества работы суда и следствия исходили именно из общих задач борьбы за социалистическую законность** и отнюдь ей не противопоставлялись.

Полезно будет вспомнить те общетеоретические предпосылки, которые содержались в докладах тт. Акулова и Вышинского на Всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников.

Говоря о мероприятиях по улучшению качества работы судебно-прокурорских органов, т. Вышинский указывал:

«Недооценивать роль суда и прокуратуры пролетарского государства, а следовательно и недооценивать значение высокого качества работы этих органов — это значило бы совершать грубейшую, подлинно-оппортунистическую ошибку, это значило бы недооценивать роль и значение органов советской юстиции именно как органов пролетарской диктатуры, являющихся, как это было отмечено в постановлении о революционной законности 25 июня 1932 г., важнейшими средствами укрепления пролетарского государства, защиты интересов рабочих и трудящихся крестьян и борьбы с классовыми врагами трудящихся...»

Приводя далее интересное замечание покойного Петра Ивановича Стучки, который подчеркивал, как Ленин ценил советский закон и законность, т. Вышинский напоминает знаменитое указание т. Сталина о «зазнавшихся вельможах», которые считают, что «советские законы писаны не для них, а для дураков», и конкретизируя указания Ленина и Сталина в свете задач работников юстиции, т. Вышинский говорил:

«Кто из присутствующих здесь не признает, что вся наша работа строилась до последнего времени таким образом, что наши кодексы сами по себе, а мы сами по себе, когда считалось известного рода щегольством поменьше смотреть в кодекс и поменьше обращать внимания на то, что написано в кодексе... По таким настроениям нужно решительно ударить... Нужно преодолеть недооценку роли советского права в деле социалистического строительства, нужно понять и усвоить громадную организующую творческую роль советского права как определенного метода пролетарской диктатуры, как определенной формы организации общественных отношений, как орудия борьбы рабочего класса за новые общественные отношения, за социализм... Не случайно, что за последние два года мы получили целый ряд декретов и законов, где красной нитью подчеркивается исключительная организующая гигантская роль нашего советского закона, когда советский закон объявляется и вводится в жизнь, как непреклонная, твердая, непоколебимая директива» («За перестройку и улучшение работы суда и прокуратуры» — «Советское законодательство» 1934 г., стр. 22, 25, 26 и 27).

Мы привели такую большую выдержку из доклада т. Вышинского потому, что в этих словах дается, повторяем, теоретическое обоснование требований улучшить работу суда и прокуратуры именно с правильных позиций партийного понимания значения советского закона, определяющего необходимость безоговорочного его исполнения всеми органами власти и всеми гражданами.

Вместе с тем в этих теоретических обоснованиях трудно найти даже намек на противопоставление задач судебного и общего надзора. Такого противопоставления нет и в помине и не здесь нужно искать объяснения явной недооценки общего надзора, отмечаемой за последнее время.

Думается, что объяснение такому явлению нужно искать в недостатке политической грамотности некоторых наших товарищей, в их некультурности, о чем опять-таки говорил на апрельском совещании т. Вышинский.

«К сожалению, не все умеют у нас думать. Между тем **думать** — это важнейшее условие особенно нашей работы. Каждый из нас обязан научиться думать, ибо иначе нельзя вести работы, чрезвычайно сложной, имеющей дело с весьма запутанными явлениями. Чтобы вести работу судьи или прокурора, нужно обладать большой и серьезной подготовкой, нужно обладать большой умственной культурой. Нужно преодолеть недостаток этой культуры».

Хроническим недостатком нашей работы является ставшая традиционной особенность при обнаружении недостатков на том или ином участке поворачивать на 180 градусов в сторону, исправлять недостатки при полном забвении чувства меры. Стоит, скажем, констатировать чрезмерную жесткость репрессий по

какой-либо категории дел, как реакцией на такую констатацию является противоположный крен в либерализм, граничащий с попустительством иногда весьма опасным явлениям. Только недостатком культурности, отсутствием умения видеть все общественные явления в их взаимосвязи, можно объяснить такую «традицию». И забвение задач общего надзора тогда, когда в силу естественных, всем понятных причин, велась настойчивая борьба за улучшение судебно-следственного надзора, является также выражением этой консервативной традиции. И сейчас, когда приказ прокурора Союза заостряет внимание на вопросах общего надзора, нам представляется чрезвычайно важным со всей резкостью подчеркнуть необходимость отрешиться от этих традиций и понять, что функции прокуратуры охватывают целый комплекс задач, каждая из которых не противопоставляется другой, а ее дополняет и закрепляет.

Нельзя ведь забывать, что через несколько месяцев после апрельского всесоюзного совещания «Правда» в передовой от 7 августа 1934 г. писала:

«Прокурор должен быть твердым и решительным бойцом, способным по каждому конкретному вопросу в своей работе противопоставить государственную точку зрения местническим влияниям и попыткам протащить «калужскую и рязанскую законность». Он должен быть проводником революционной законности в массы населения, помощником каждого трудящегося, чьи законные права нарушены головотяпами и бюрократами, суровым преследователем расхитителя общественной собственности, проводника антигосударственных тенденций, спекулянта, бракодела, классового врага, изменника и предателя родины».

Вот почему прокурор должен быть «настоящим законоведом, блестящим знатоком советского законодательства».

Если перевести эти слова «Правды» на наш ведомственный язык, то в них содержится развернутая программа как раз обеих важнейших функций прокуратуры: судебного и общего надзора. Тем не менее с надзором за законностью постановлений и распоряжений местных органов власти у нас обстоит за последнее время явно неблагополучно. Требования той же передовой «Правды» о том, что прокурор «обязан со всей решительностью драться за самое точное, недвусмысленное и исключающее возможность всяких лжетолкований исполнение советских законов и за соблюдение при применении закона тех именно форм, которые установлены советским государством», забыты во многих местах, как забыты требования постановления о революционной законности от 25 июня 1932 г.

Можно привести огромное количество примеров того, как прокуроры забросили этот участок своей работы, но не в этих примерах дело. Лучшей, пожалуй, иллюстрацией полного забвения задач общего надзора является практика надзора за осуществлением примерного устава сельскохозяйственной артели. Нужно прямо сказать, что опубликованные в «Правде» от 3 июля сего года постановления Наркомзема СССР и Сельхозотдела ЦК ВКП(б) о грубейших нарушениях примерного устава в ряде районов различных краев и областей являются живым укором бездеятельности не только районных, но и краевых (областных) прокуроров. Ведь незаконные постановления районных организаций, противоречащие примерному уставу, были опубликованы в районных газетах. Обязаны были реагировать на это районные и краевые (областные) прокуроры? А ведь этого не случилось. Кто должен был прежде всего знать о допущенном в Вабинском р-не Киевской обл. правлением колхоза «Плуготар» беззаконии в отношении приема в колхоз единоличника Казнодия, если не районный прокурор? Этот факт либо прошел мимо райпрокурора, либо, что еще хуже, остался без реагирования вследствие его бездеятельности.

Повторяем, дело не в отдельных примерах, которых можно привести огромное количество. Важно констатировать, что общий надзор за законностью явно ослаблен и задача теперь заключается в значительном его усилении.

Конкретные пути и методы усиления надзора за революционной законностью указаны в приказе прокурора Союза от 13 июня 1935 г. за № 357.

Эти пути и методы не новы. Они известны старым работникам прокуратуры, которые в свое время при помощи этих методов, варьируя их сообразно местным условиям, проводили большую работу по осуществлению общего надзора.

Одним из важнейших звеньев в цепи мероприятий по оживлению общего надзора за законностью является связь с юрисконсультами учреждений и предприятий и периодические совещания с ними. Целью этой связи, как указывает приказ прокурора Союза, должно быть получение через них распоряжений и постановлений, издаваемых этими органами. Но нельзя сводить связь с юрисконсультами только к этой задаче. Она должна быть гораздо более органичной и охватывать значительно более широкий круг вопросов.

Юрисконсульт в учреждении, предприятии, если только правильно понять его роль, должен быть тем рычагом, при помощи которого осуществляется надзор за законностью действий, распоряжений и постановлений данного учреждения или предприятия. Сама природа должности юрисконсульта сводится к даче заключений о законности или незаконности намечаемого мероприятия. И если такая роль юрисконсульта правильно осознается руководителем учреждения или предприятия, если сам юрисконсульт добивается такого понимания своей ролй, естественен и логичен вывод о невозможности издания распоряжения или постановления тогда, когда оно не завизировано юрисконсультом или получило отрицательное заключение как противоречащее закону.

Правильно налаженный институт юрисконсультов может и должен стать активным помощником прокуратуры по надзору за законностью.

К сожалению, существующий сегодня порядок вещей чрезвычайно далек от такого положения. Проведенные в Прокуратуре Союза совещания заведующих правовыми отделами и юрисконсультов наркоматов и центральных учреждений продемонстрировали картину едва ли отличную от того, что происходит на периферии и поэтому довольно типичную. Неимоверная пестрота не только в организационной их структуре, но и в самих функциях, естественно, лишает юрисконсульта возможности даже нести ответственность за законность различных документов, издаваемых этими учреж-

дениями по той, странной, на первый взгляд, причине, что они им неизвестны. Мы не говорим уже о таких, хочется думать, единичных случаях, когда руководители учреждений смотрят на юрисконсульта не как на блюстителя закона, а как на человека, обязанного помочь обойти закон.

Вот почему нам кажется своевременной постановка общего, чрезвычайно важного и принципиального вопроса о положении юрисконсультов, вопроса, бывшего предметом высказывания почти всех участников совещаний с юрисконсультами в Прокуратуре Союза.

Нужно сделать ответственным за законность постановлений и распоряжений различных учреждений и предприятий в первую очередь юрисконсульта этого учреждения и предприятия. А для этого должна быть прежде всего оформлена правовая природа института юрисконсультов, должно быть издано законодательное положение о юрисконсультах учреждений и предприятий, четко определяющее права и обязанности юрисконсульта.

Не будет, думается, ошибкой утверждать, что требования, предъявляемые теперь к юрисконсультам, аналогичны требованиям, предъявляемым главным и старшим бухгалтерам. Если бухгалтер обязан не оформлять документы, оформление коих нарушает финансовую дисциплину, если бухгалтер поставлен на стражу государственных средств, не допуская их разбазаривания, если за незаконную финансовую сделку наряду с руководителем учреждения отвечает бухгалтер при несообщении об этом в контрольные органы, то в одинаковой мере уместно говорить о документах, нарушающих или искажающих закон, и о лицах, обязанных не допускать издания таких документов.

Отсюда вытекает и характер взаимоотношений между прокуратурой и юрисконсультами. Если спорным представляется вопрос о специфических организационных формах, должны ли существовать бюро юрисконсультов при прокуратурах или не должны, оправдали ли они себя или нет, то бесспорным является положение о том, что юрисконсульт, во-первых, обязан знать о всяком акте учреждения, противоречащем закону, своевременно довести об этом до сведения прокурора, если он своими силами не мог устранить незаконного распоряжения и, во-вторых, нести ответственность за незаконное распоряжение, наравне с его автором, если он этого не сделал. Поэтому периодические совещания с юрисконсультами, намеченные приказом прокурора Союза, должны стать средством активизации роли юрисконсультов и повышении их ответственности за законность распоряжений того учреждения, при котором они состоят.

Нет надобности останавливаться на прочих мероприятиях, намечаемых приказом прокурора Союза по укреплению надзора за революционной законностью. Требуется лишь неуклонное их выполнение.

Надлежит лишь остановиться еще на одном существенном положении, содержащемся в указанном приказе. Речь идет об обязанности каждого прокурора **безоговорочно и немедленно опротестовывать** каждое незаконное постановление. Требование это вызвано тем, что на практике мы встречаемся с примиренческим отношением некоторых прокуроров к незаконным постановлениям местных органов власти, иной раз даже из соображений целесообразности. Со всей силой приказ подчеркивает несовместимость такого отношения к незаконным постановлениям с положением прокурора. Прокурор обязан опротестовать всякое постановление, если оно противоречит закону. Но подачей протеста не ограничивается роль прокурора. Вследствие ослабления общего надзора стало обычным положение, когда протесты прокуроров не рассматриваются месяцами, а незаконное постановление тем временем действует и им руководствуются. Отсюда обязанность не только районных, но и вышестоящих прокуроров, установить контроль за прохождением протестов, за своевременным их рассмотрением, принимая меры к приостановлению незаконных постановлений и распоряжений.

Вопросы общего надзора должны стать снова предметом самого серьезного внимания органов прокуратуры. Отнюдь не ослабляя судебно-следственного надзора, закрепляя и усугубляя те успехи, которые уже достигнуты в деле судебного надзора, прокуроры должны обратиться к заброшенному в последнее время участку общего надзора за ревзаконностью, без коего невозможно осуществление тех задач, которые возложены на нас партией и правительством.

„Прокурор отвечает за то, чтобы ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом и только с этой точки зрения прокурор обязан опротестовывать всякое незаконное решение...“

(Ленин, т. XXVII, стр. 299)

И. Авербах

Закон 7 апреля и преступность несовершеннолетних

Закон от 7 апреля 1935 г. по-новому поставил перед органами юстиции задачу борьбы с преступностью среди несовершеннолетних. Этот закон имеет громадное политическое значение в нашей борьбе за молодежь. Нельзя правильно понять этот закон, если брать его изолированно от сложной цепи общественных отношений, если оторвать его от широчайшей работы по усилению воспитания подрастающего поколения, работы, которой партия и правительство уделяют такое громадное внимание. Закон этот нельзя правильно понять и в том случае, если не учесть полностью всей сложной и запутанной картины классовой борьбы за подрастающее поколение. Борьба со стихией мелкобуржуазной анархичности в какой бы области она ни проходила — это классовая борьба. Эту борьбу, как не раз указывал Ленин, «нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией соревнования, только отбором организаторов, борьбу нужно вести и принуждением».

Смысл закона от 7 апреля, конечно, не в том, чтобы обязательно подвергать наказанию всякого несовершеннолетнего с 12 лет за всякую кражу, за всякое хулиганство. Не в борьбе против отдельных мелких воришек или иных правонарушителей лежит центр тяжести этого закона, хотя без этой борьбы недостижима цель, поставленная перед нами. Основа закона 7 апреля — борьба за будущее подростков, ставших на путь преступления.

Надо понять все политическое значение этой борьбы за полную ликвидацию преступности несовершеннолетних именно сейчас, в период, когда мы вступили в социализм, период ликвидации пережитков капитализма в сознании людей. Ведь именно сейчас, больше чем когда бы то ни было, мы не можем мириться с детской преступностью, мы не можем допустить, чтобы в третью пятилетку вырастали преступники-профессионалы, живые носители традиций похороненного нами капиталистического прошлого. Борьба с преступностью среди несовершеннолетних означает, таким образом одно из самых острых проявлений борьбы за смену, борьбы за коммунизм.

Ленин неоднократно подчеркивал именно этот политический смысл и содержание работы по воспитанию молодежи.

Стоит только поставить вопрос в этой широкой политической перспективе, чтобы стала ясна необходимость для государства использовать все имеющиеся у него средства для того, чтобы добиться нужного решения. В интересах молодежи в целом необходимо применять это принуждение, это насилие, воспитывать к новой дисциплине тех, кто разлагается сам и разлагает других, кто срывает нашу работу по коммунистическому воспитанию молодежи.

Между тем до последнего времени в этой области было не мало прорывов.

Ряд партийных и правительственных директив вскрыл недостатки школьной и внешкольной работы не только в области образования подрастающего поколения, но в не меньшей степени и в области воспитания его к новой дисциплине.

Либерализм и «левые» заскоки в отношении подростков проявились не только в школах. Определенные дефекты в этом отношении имелись и в нашем уголовном законодательстве. В нем установлен был крайне высокий возраст полной уголовной ответственности несовершеннолетних. Больше того, даже лица в возрасте от 16 до 18 лет не могли быть осуждены не только к высшей мере наказания (см. ст. 22 УК РСФСР), какое бы ужасное и отвратительное преступление они ни совершили, но и при назначении им в качестве наказания лишения свободы суд был связан в достаточной степени нелепыми арифметическими операциями обязательного формального смягчения наказания.

В результате этой арифметики, давно уже подвергшейся критике в нашей литературе, суду приходится сталкиваться иной раз с необходимостью выносить приговоры, противоречащие и его правосознанию и правосознанию широких масс трудящихся. Достаточно вспомнить недавно нашумевшее дело об убийстве комсомолки Андриановой. Ее убил ударом финки в сердце приставший к ней, не имеющий определенных занятий, хулиган Карягин; он убил ее только за то, что она стала вырываться от него, звать на помощь. За это возмутительное преступление суд вынужден был приговорить его только к 5 годам лишения свободы, так как убийца немного не достиг 18 лет.

Что касается недостигших 16 лет, то какое бы преступление ими ни было совершено, они всегда признавались неразумными детьми, в отношении которых могут быть применены только так называемые медико-педагогические меры.

Практически это означало зачастую сведение к нулю всей работы по воспитанию к дисциплине несовершеннолетних правонарушителей.

Во многих случаях даже скудный арсенал мер медико-педагогического воздействия комиссии по делам несовершеннолетних не в состоянии были реализовать.

Комонес, на плечи которых падала вся тяжесть борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, не имели ни подходящих людских кадров, ни достаточных юридических полномочий, ни материальных возможностей для решения этой задачи.

Комонесы могли добиваться лишения родительских прав тех из родителей, которые плохо влияли на детей, втягивали их в преступление или нищенство, или фактически бросали детей на произвол судьбы. Это право Комонесов, однако, слишком часто оказывалось «голым правом». Добившись лишения родительских прав, Комонесы нередко вынуждены были оставлять детей у родителей, лишенных родительских прав, так как поместить ребенка некуда было. Другой столь же «реальной»

мерой, чрезвычайно часто применявшейся комонесами, было установление присмотра за несовершеннолетним, оставленным в семье.

Но о какой связи с семьей, о каком присмотре могла итти речь, если на каждого работника московских Комонесов, помимо другой выполняемой им работы, приходилось от трехсот до пятисот ребят, за которыми он должен был присматривать.

Вот небольшая иллюстрация «плодотворности» такого присмотра. Ученики первой школы Сталинского РОНО — тринадцати- и пятнадцатилетние подростки П. и К., ученик восьмой школы того же района Б. и два ученика школы ФЗУ завода № 24 находились под присмотром Комонеса Сталинского района и систематически занимались кражами в течение трех лет. За это время, находясь под «присмотром», они успели похитить из различных учреждений и магазинов вещей, денег и чеков на сумму около двадцати тысяч рублей.

Более серьезные меры, которыми располагали Комонесы, практически были также трудно реализуемы. Так, Комонес имели право направлять в учреждения отделов народного образования для трудновоспитуемых или в детские дома, если требовалось только изъятие несовершеннолетнего из семьи. Существующая сеть этих учреждений, однако, совершенно не в состоянии обслужить действительные потребности борьбы с безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних.

Почти также плохо обстояло дело с направлением несовершеннолетних преступников в специальные мастерские. По всей Москве имелось лишь шесть специальных мастерских для несовершеннолетних правонарушителей, рассчитанных всего на 600 человек и при этом плохо оборудованных. Добиться при их помощи трудового перевоспитания значительных групп несовершеннолетних преступников было чрезвычайно трудно. Предусмотренные постановлением Совнаркома от 17 ноября 1934 г. временные комиссии по трудоустройству подростков еще не развернули работы.

Существующая сеть для трудновоспитуемых совершенно не способна обслужить действительные потребности борьбы с безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних. В течение года все эти учреждения вместе взятые принимают не более 50 человек.

Это положение является одной из серьезнейших причин того сильного роста преступности несовершеннолетних, который имел место в Москве в последние годы. Наибольшие трудности с размещением правонарушительниц девочек находят свое отражение и в темпах роста правонарушений. Хотя вообще процент девочек среди несовершеннолетних преступников очень невысок, он, однако, показывает тенденцию более высокого роста, чем общий рост преступности несовершеннолетних.

Отсутствие фактической возможности Комонесов осуществлять свои права объясняет достаточно странную на первый взгляд систему мер борьбы с преступностью несовершеннолетних, которая применялась московской комиссией по делам несовершеннолетних.

Реальные меры, к которым можно отнести помещение в детские дома, помещение на работу и изоляция занимают меньше одной четверти в общем количестве постановлений Комонесов.

По сути дела в основном работа Комонесов сводилась к неполной регистрации преступлений несовершеннолетних.

В связи с явной недостаточностью кадров Комонесов и перегруженностью их, дела в Комонесах разрешались сплошь и рядом в течение многих месяцев. Так на 1 января 1935 г. Комонесами не была рассмотрена почти тысяча дел, из которых многие ждали очереди 5—6 месяцев.

Надо отметить, наконец, и недостатки внутренней организационной работы и структуры Комонесов. Прежде всего, приходится констатировать невнимательное отношение общественных организаций к работе Комонесов наряду с неумением последних привлечь общественность к действительной борьбе с преступностью среди несовершеннолетних.

Представители комсомола, общества «Друг детей» и профсоюзов, которые, согласно Положению, входят в состав Комонесов с правом решающего голоса совершенно не принимали участия в их работе.

В то же время органы суда и прокуратуры, точно так же держались в стороне от этого важнейшего участка работы, видимо считая, что отсутствие уголовной ответственности несовершеннолетних снимает с них, как органов уголовной репрессии, обязанность руководить работать по борьбе с преступностью среди несовершеннолетних.

Несмотря на то, что по положению в состав Комонес входит нарсудья в г. Москве, случаев участия нарсудьи в работах Комиссий по делам несовершеннолетних почти не было.

В результате, работа Комонес объективно приводила не к укреплению дисциплины среди несовершеннолетних, а фактически воспитывала сознание безответственности.

Все это с достаточной убедительностью говорит о том, что Комиссии по делам несовершеннолетних не справились с возложенной на них задачей. Основная их деятельность сводилась к бесплодным разговорам, которые не только не убеждали несовершеннолетних правонарушителей в необходимости исправления, но, наоборот, убеждали их в беспомощности Комонесов.

В связи с этим назрела необходимость радикального изменения методов борьбы с преступностью несовершеннолетних, изменения оформленного и закрепленного законом.

Закон 7 апреля уничтожил формальные рогатки, тормозившие реальную борьбу с преступностью несовершеннолетних. Громадное значение этого закона определяется и тем, что он сломал широко распространенное убеждение несовершеннолетних преступников-рецидивистов в полной безнаказанности их действий.

Приведенные выше материалы, характеризующие работу Комонесов, делают понятным и то, почему новый закон пошел не по линии реорганизации Комонесов, а по линии передачи более серьезных дел в судебные органы; это же объясняет, почему не вводятся сейчас детские суды, хотя несомненно практические условия работы заставляют специализировать деятельность суда, который будет вести непосредственную борьбу с детской преступностью.

Эти данные, однако, показывают и то, что вопросом о наказании преступлений несовершеннолетних далеко не исчерпывается вопрос

об устранении недостатков существующей системы борьбы с преступностью несовершеннолетних.

С полной очевидностью показывают они, насколько необходимо развертывание специальной сети учреждений для трудновоспитуемых, социально запущенных, а иногда и психически-дефективных несовершеннолетних.

Введение закона от 7 апреля должно будет повести немедленно к известному, и, как мы думаем, существенному снижению преступности несовершеннолетних. Неустранимых причин этой преступности, толкавших несовершеннолетних к совершению преступления, как голод, нужда, давление эксплоатации — у нас нет. Причины, толкающие несовершеннолетних к совершению преступления, у нас другого порядка. В значительной степени это причины, которые мы привыкли характеризовать как причины «субъективного порядка», организационные дефекты, непорядки, прорывы в нашей системе воспитания к дисциплине. Несомненно при этом и влияние классово враждебных и деклассированных элементов, толкающих подростков на путь разложения и паразитизма.

Важнейший вопрос, который требует специального анализа, это вопрос об объективных границах ответственности, установленных законом от 7 апреля. По закону, как известно, не все преступления несовершеннолетних в возрасте от 12 лет караются в уголовном порядке. Закон относит к таким преступлениям только: кражи, насилие, телесные повреждения, увечья, убийство или попытку к убийству. За эти преступления закон предлагает привлекать несовершеннолетних к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания (ст. 1 пост. ВЦИК и СНК от 7/IV 1935 г.).

Среди дел, разбиравшихся Комонесом, не все подходят под признаки, устанавливаемые законом. Насилия, телесные повреждения, о которых говорит закон, составляют лишь незначительный процент этих дел. Насилие колеблется в пределах от 2 до 3,7%, причем 1933 и 1934 гг. показывают увеличение удельного веса этих групп преступлений. Убийство колеблется в пределах от 0,1 до 0,2%. По этой группе преступлений какого-нибудь повышения отметить нельзя. Наконец, изнасилование и покушение на изнасилование колеблется в пределах от 0,1 до 0,5%. Эта группа показывает повышение за последние годы, хотя в абсолютных числах здесь вообще речь идет об очень небольшом количестве случаев. Некоторые из преступлений вообще не упомянуты законом. Сюда относятся мошенничество и подлог, хулиганство, не связанное с насилием. Сюда относится, наконец, дурное поведение, которое вообще не подходит под признаки какого бы то ни было преступления, предусматриваемого Уголовным кодексом.

Основную массу преступлений составляют кражи, хищения и ограбления. Они дают от 60 до 69%, причем 1934 г. показывает значительное повышение. В тоже время число дел не уголовного характера, дел о дурном поведении снижается в практике Комонесов и в 1933 и 1934 гг. падает с 19 до 11,7%.

При изучении статистики преступности среди несовершеннолетних может возникнуть сомнение в необходимости такой широкой формулировки, какую дает закон от 7 апреля. Ведь серьезные, тяжкие преступления составляют незначительный процент. Высокий процент краж складывается не только из опасных краж рецидивистов. Сюда попадает и много уголовной мелочи.

Чтобы правильно истолковать содержание и цель постановления правительства, недостаточно просмотреть общие статистические данные. Надо обрисовать конкретную картину преступлений, совершенных несовершеннолетними, динамику развития этой преступности, перерастание мелких преступлений в более серьезные, связь случайных первичных преступлений с рецидивом профессиональной преступности. Если бы дело шло только о борьбе с рецидивом как таковым, только о борьбе с преступностью беспризорных рецидивистов, конечно потребовались бы иные постановления закона. Однако вопрос этим не исчерпывается.

Среди несовершеннолетних, проходящих Комонесы, большинство составляла не эта наиболее опасная группа, а безнадзорные подростки, живущие в семье. Уже это в значительной степени определило своеобразное строение закона, угрозе которого придан нарочито широкий характер, чтобы она удерживала и от совершения первичных преступлений.

При анализе вопроса о преступности несовершеннолетних приходится сталкиваться с упомянутыми уже нами дефектами постановки нашей воспитательной работы. В нашей воспитательной работе есть крупные пробелы.

Об этом говорят и общие данные о распределении несовершеннолетних правонарушителей по характеру их занятий.

Самую большую группу правонарушителей составляют учащиеся начальной школы. Хотя последние годы и показывают некоторое снижение этой группы, но и в 1934 г. она составляет 39% всего числа несовершеннолетних правонарушителей.

Следующую по численности группу, почти равную первой, но в отличие от нее из года в год резко возрастающую, дают несовершеннолетние, ничем не занятые.

Большинство из них не беспризорные, а безнадзорные, живущие с родителями, но остающиеся без всякого присмотра с их стороны.

Каким же образом получается, что дети, обучающиеся в школе, с которыми ведется там специальная воспитательная работа, попадают под влияние улицы в худшем смысле этого слова, под влияние деклассированных элементов безнадзорных и рецидивистов.

Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо хотя бы бегло остановиться на анализе некоторых дефектов нашей школьной работы, выступающих наиболее резко именно в последнее время, когда мы предъявляем к воспитательной работе особенно высокие требования.

Постановления правительства об усилении дисциплины в школах были восприняты некоторыми горе-педагогами с таким же оппортунистическим перегибом, как до этого воспринималась ими теория воспитания без дисциплины, выдвигавшаяся некоторыми безответственными прожектерами из Наркомпроса.

Возможность исключать из школ злостных дезорганизаторов такие школьные работники постарались толковать, мягко говоря, расширительно. Ведь исключать из школ, конечно, легче, чем добиться дисциплины в школе. В результате, за последнее время в ряде отстающих школ имели место частые и необоснованные исключения учащихся за мелкие нару-

шения школьной дисциплины. В связи с этим число исключенных из школ учащихся достигло большой цифры.

При исключении далеко не всегда ставились в известность родители исключенного. Самое исключение нередко проводилось без предварительного обсуждения на педагогическом школьном совете, а по единоличному решению директора школы. Кроме того, многие неустойчивые учащиеся сами переставали посещать школу, школа имя совершенно не интересовалась и даже не сообщала об этом родителям.

Комиссии по делам несовершеннолетних тоже не занимались таким важным вопросом, как исключение из школ. Казалось бы, что исключенный из школы несовершеннолетний, проявивший себя недисциплинированным, нуждается в самом внимательном отношении. К нему должны были бы применяться все методы воспитательного воздействия и в большем объеме, чем к дисциплинированным несовершеннолетним, поддающимся обычным методам воспитания в нормальной школе. Однако, на деле получалась совершенно противоположная картина. Как уже указывалось, в Москве не было учреждений для трудно воспитуемых и социально запущенных несовершеннолетних. С исключенными же, как мы видели, никакими организациями работа не велась. Таким образом исключение из школы влекло за собой почти полную безнадзорность детей, так как в ряде случаев родители, работая на предприятиях или в учреждениях, не имеют достаточно времени для домашнего воспитания детей. А иные родители оказывают и прямо вредное влияние.

В результате, исключенные за незначительные проступки бывшие школьники, не охваченные никаким воспитательным воздействием, проводят целый день в безделии на улице. Отсутствие какой бы то ни было работы с ними приводит к тому, что из ребят, нарушивших школьный порядок, они превращаются в правонарушителей и совершают уже не нарушения школьной дисциплины, а уголовные преступления. Чаще всего первые правонарушения, которые совершают исключенные из школ, связаны с их попытками не только продолжать, но и усилить свои хулиганские проступки в отношении той же школы, из которой они были исключены и с попытками потянуть за собой своих товарищей, оставшихся в школе.

Проявление хулиганства в школах или около здания школ со стороны исключенных, обычно, только первый шаг на пути их превращения в несовершеннолетних преступников. Безмотивное хулиганство, направленное против школьной дисциплины, очень легко перерастает в акты насилия по мотивам мести.

Примером постепенного перерастания простого полудетского хулиганства в опасные преступления против личности и антисоветскую агитацию может служить дело так называемой «банды Черного пирата». Эта группа состояла из восемнадцати подростков, возглавлявшихся исключенным из 30 школы Ленинского района Н. М., 15½ лет. В группу входили частью исключенные из школ безнадзорные, частью ученики школ, постепенно втянутые в группу и подчиненные затем жестокой внутренней дисциплине.

Начав свою деятельность с хулиганства и краж, со стрельбы из самодельных револьверов, группа постепенно все более и более оформлялась как антисоветская и окончательно разложившаяся в бытовом отношении шайка подростков.

В устойчивых группах несовершеннолетних преступников-хулиганов акты насилия и мести приобретают характер борьбы не только против школьной дисциплины, но и борьбы с общественными организациями, приближающей эту месть в крайних случаях к террористическим актам. Так, группа злостных хулиганов, исключенных из 36-й школы Сокольнического района, по вечерам собиралась во дворе школы, врывалась в школу во время киносеансов и неоднократно пыталась избить пионервожатых. В один из таких налетов ими был избит секретарь ячейки комсомола.

При изучении случаев наиболее серьезных преступлений бросается в глаза значительное преобладание пограничной возрастной группы 15- и 16-летних. Однако, широко распропагандированное рецидивистами-беспризорниками убеждение в полной безнаказанности любых преступлений несовершеннолетних приводит к тому, что в отдельных исключительных случаях, под влиянием хулиганских знакомств, несовершеннолетние более младших возрастов, не задумываясь, пускают в ход ножи, гири и другое хулиганское оружие. Так, около 26 школы Бауманского района ученики 4 класса в возрасте от 11 до 13 лет избили гирей и ранили ножем 15-летнюю ученицу Б-к за деятельное участие в борьбе со школьным хулиганством.

Под влиянием худших элементов улицы, хулиганство исключенных из школ перерастает не только в насилие на почве мести за исключения, но и в корыстную преступность.

На почве хулиганства, мелких грабежей и незначительных краж, постепенно происходит смычка случайных правонарушителей, прежде исключенных из школ, с рецидивистами из беспризорников и с взрослыми представителями уголовного мира. Эти элементы стараются использовать каждую щель, каждый промах в нашей работе. Уголовные и классово враждебные элементы спекулируют на безнаказанности несовершеннолетних и пытаются их руками сделать то, что боятся делать сами. Но об этом речь пойдет ниже.

Нередко можно отчетливо установить совершенно продуманную работу уголовного элемента, переходящего непосредственно с грабежей и краж, совершаемых им самим, на более безопасную «работу» по содержанию притонов и организации шаек несовершеннолетних преступников. Ярким примером может служить притон, организованный и содержащийся взрослым преступником В. В течение длительного времени он занимался скупкой у подростков краденых вещей. У себя на квартире он создал своеобразную школу обучения несовершеннолетних преступному ремеслу. Не ограничиваясь беспризорными несовершеннолетними, В. систематически втягивал в преступную деятельность учащихся школ. При задержании В. на его квартире было обнаружено несколько подростков-школьников, которые под его преступным влиянием ушли от родителей, жили у него, прекратив учение, и приносили ему всю свою добычу. Такой же притон был организован Щепкиной-Сарафановой, не имеющей определенных занятий, и Елизаровой, муж которой был осужден за скупку краденого. Обе эти

женщины спаивали несовершеннолетних для того, чтобы удержать их на преступном пути.

Как указал т. Сталин на январском пленуме ЦК и ЦКК, выбитый из своей колеи классовый враг расползся по нашим городам, по нашим предприятиям и учреждениям, и, надев на себя маску рабочего, продолжает свою преступную работу. Это мы чувствуем и в области борьбы с детской преступностью. Организаторы этой преступности — притоносодержатели, в большинстве случаев люди без определенных занятий, люди с темным прошлым, которые группируются вокруг кого-нибудь из них, поступившего для вида на службу. В частности притоносодержателями широко практикуется система особой поруки за несовершеннолетних преступников-профессионалов. Так как органы милиции забирают беспризорных и направляют их в специальные учреждения за пределы Москвы, то такие притоносодержатели выдают их за своих детей. Типичный пример такой «работы» представляет дело Белоусовой. Белоусова, по кличке «тетя Катя», работала для вида дворником дома № 6/2 по Коровьему пер., но основной ее деятельностью было содержание притона несовершеннолетних.

Получив извещение о том, что задержан кто-нибудь из связанных с нею беспризорников профессиональных воришек, Белоусова ходила в милицию и забирала их оттуда как своих детей, не останавливаясь даже перед уплатой штрафа за них. Учитывая, что несовершеннолетние не подвергаются уголовному преследованию, классово враждебные элементы и профессиональные преступники нередко пытаются использовать их для совершения наиболее рискованных преступлений. В нашей общей прессе и специальной литературе приводилось немало фактов, когда кулаки пытались обойти закон от 7 августа, посылая на хищения социалистической (общественной) собственности своих несовершеннолетних детей. Такие же факты имеют место и в городской обстановке в частности со стороны бандитских элементов. При этом подросткам под страхом жесточайшей мести запрещается говорить об инициаторах преступления.

За выполнение преступления и отказ от дачи показаний при аресте бандиты вознаграждают несовершеннолетних деньгами, добытыми при их же помощи преступным путем.

Эти факты показывают, насколько своевременна вторая часть Постановления правительства по борьбе с преступностью несовершеннолетних, которая карает тюремным заключением не ниже 5 лет лиц, уличенных в подстрекательстве, в привлечении несовершеннолетних к участию в различных преступлениях, а также в понуждении несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией и нищенством.

Если первая статья закона, говорящая об ответственности несовершеннолетних, не должна подлежать широкому толкованию, то здесь, наоборот, суд должен карать всех толкающих на путь преступления беспощадно. Надо считаться с тем, что наряду с прямым подстрекательством к преступлению существуют и другие пути, ведущие в конечном счете к этому же. Еще имеются люди с такой звериной собственнической психологией, которые не останавливаются ни перед какими средствами для того, чтобы избавиться от своих обязанностей содержать рожденного ими ребенка[1]. Достаточно напомнить дело бывшего белогвардейского офицера, инженера Арсеньева и его жены, которые побоями заставляли детей Арсеньева от первого брака давать подписку о том, что они преступники, чтобы сбыть этих детей с рук, чтобы передать заботу о них государству. Во всех подобных случаях суд наряду с беспощадным наказанием виновных должен заставлять таких родителей платить за воспитание их детей, передавая детей немедленно в школы и детские дома, а не ограничиваясь одним голым постановлением о лишении родительских прав. Наша судебная политика по алиментным делам недопустима мягкая.

Ст. 2 постановления от 7 апреля открывает возможности использовать пробелы нашего законодательства. За подстрекательство к тяжким преступлениям, например к бандитизму, взрослые будут отвечать как за соучастие, вплоть до расстрела, подстрекательство даже к мелкой краже окажется теперь более опасным, чем попытка совершить преступление, на которое взрослый будет толкать несовершеннолетнего; на подстрекателя обрушится тяжелая кара — не ниже 5 лет тюремного заключения.

Было бы неправильно, конечно, приведенные нами примеры наиболее тяжелых преступлений несовершеннолетних механически умножать на общее значительное число дел, прошедших в Комонесах. В большинстве случаев, преступления несовершеннолетних — это мелкие кражи, хулиганство, драки. Но приведенный материал показывает, что от этих, сравнительно мелких правонарушений, при отсутствии серьезно поставленной работы с несовершеннолетними, слишком легок переход к рецидиву и к серьезным преступлениям. Случаи опасных преступлений, приведенные выше, достаточно показывают необходимость и обоснованность закона от 7 апреля 1935 г. Они объясняют в значительной степени и своеобразные формулировки вопроса об ответственности, принятые этим законом.

Не приходится сомневаться, что такие серьезные меры, как лишение свободы, могут применяться и будут применяться не к каждому несовершеннолетнему преступнику, привлекавшемуся ранее Комонесами за драку на улице или мелкую первую кражу. Закон, однако, не мог и не должен был подчеркивать невозможность применения репрессии по этим мелким преступлениям именно потому, что путь от них идет к разложению и к опасным преступлениям, потому, что слишком широко было распространено и реальными фактами подкреплялось убеждение в полной безнаказанности несовершеннолетних. Наша забота о подрастающем поколении не снимает ни в коей мере вопроса о том, что даже здесь в отношении несовершеннолетних придется иной раз прибегать к суровым мерам принуждения, к суровым мерам наказания.

Но тут же надо помнить решающее указание т. Сталина «Репрессия является только вспомогательным орудием нашего социалистического наступления». Поэтому и закон от 7 апреля играет только вспомогательную, хотя и необходимую, роль в нашей борьбе с преступностью несовершеннолетних.

---

[1] См. статью братьев Тур «Любящие отцы» в «Изв. ЦИК и ВЦИК» № 121 от 24/V 1935 г.

Закон от 7 апреля 1935 г. может быть понят вследствие этого в сочетании с постановлением Совнаркома СССР и Центрального комитета партии от 31 мая 1935 г. о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности.

Это постановление с особой силой подчеркивает необходимость повседневной заботы о подрастающем поколении. Оно требует от общественных организаций, от государственных органов и от семьи создания таких условий, при которых детская беспризорность, безнадзорность были бы полностью изжиты.

Основа борьбы с преступностью несовершеннолетних должна, следовательно, лежать в организационно-воспитательных мероприятиях. Здесь обязанность усилить свою работу падает не только на органы Наркомпроса, за которыми в этой области имеются серьезные долги.

Эта задача ложится не только на соответствующие организации, она ложится прежде всего на семью, которая хочет быть честной семьей трудящегося. Она ложится на каждого, кто хочет быть честным тружеником Советской страны. Это должна быть забота не только о своих детях, это должна быть забота о детях Советской страны» [1].

Речь т. Сталина 4 мая о большевиках партийных и непартийных, о необходимости внимания и заботы к людям, эту обязанность делает обязанностью всех тех, что честно борется. за социализм, всех тех, кто хочет носить звание большевика партийного или непартийного.

А. Бендик

О работе народных судов по борьбе с несовершеннолетними преступниками в г. Москве[2]

Постановлениями правительства 7/IV и 31/V 1935 г. дело борьбы с детской преступностью и безнадзорностью, которые совершенно нетерпимы в условиях победосно развивающегося социалистического строительства, поставлено на новые рельсы.

Этими постановлениями признано, что организации, призванные к разрешению этой задачи, не справились с нею, что «увещевательные» формы работы, практикуемые некоторыми комонесами, не являются реальной борьбой с детской преступностью и не достигают цели.

Вот почему наряду с целым комплексом организационно-воспитательных мероприятий правительства, за преступления, предусмотренные законом 7/IV, несовершеннолетние предаются суду и караются по всей строгости уголовного закона.

Прошло уже два месяца работы специально выделенных участков нарсуда в Москве по борьбе с детской преступностью. Накопился уже некоторый опыт, который нужно вынести на обсуждение работников суда и прокуратуры и наметить пути для разрешения новых вопросов, неизвестных нашей прежней практике.

Первое время, после выделения специального участка нарсуда по делам несовершеннолетних, основная масса этой категории дел расследовалась отделениями милиции. Несмотря на специальное указание на то, что следствие но этим делам требует специального подхода, что с существующим в милиции шаблоном расследования подходить нельзя, большинство отделений милиции давали дела очень низкого качества.

Этот шаблон иногда носил прямо курьезный характер, когда допрашиваемому 12-летнему парнишке ставился вопрос: холост, женат, беспартийный и т. д. и наряду с этим не выявлялось основное: где родители, что они собой представляют, что толкнуло на преступление. Не выявлялась обстановка в семье, школе, а главное не выявлялись побудители и подстрекатели взрослые.

Вот почему, несмотря на большое количество дел, возвращаемых на доследование прокуратурой, зачастую в процессе судебного следствия выявляются новые обстоятельства, говорящие о необходимости доследовать дело и привлечь в качестве обвиняемых новых лиц — подстрекателей.

Эти обстоятельства заставили прокуратуру г. Москвы очень резко поставить вопрос о запрещении отделениям милиции вести расследования по этим делам с тем, чтобы сконцентрировать их во вновь организуемом при Управлении РК милиции г. Москвы отделе борьбы с детской преступностью и безнадзорностью.

На обязанности отделений милиции осталось: прием заявлений от пострадавших, опрос первичных свидетелей, задержание пойманного на месте преступления и направление задержанного со всем материалом для окончания дела в отдел по борьбе с детской преступностью и безнадзорностью.

Что же касается дел наиболее крупных и сложных, то таковые с самого начала должны расследоваться ОБДПБ.

Дела, по которым привлекаются подростки в возрасте от 12 до 16 лет, как правило, должны слушаться в камере по делам несовершеннолетних. Исключением из этого правила могут быть только дела, по которым наряду с несовершеннолетним одновременно привлекаются и взрослые. В этом случае обвинительное заключение подписывает лично райпрокурор, а дело слушается под председательством ст. нарсудьи.

Количество дел, направляемых в суд по делам несовершеннолетних, поставленные им сроки рассмотрения и соответствующее качество требуют наличия в камере не менее трех составов суда.

Такое решение и было вынесено в свое время, но несмотря на это, суд, начав работать 11 мая, работал до 7 июня только в одном составе, третьего состава нет и до настоя-

---

[1] Постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 31/V 1935 г.

[2] В порядке обсуждения. Ред.

щего времени, благодаря чему в отдельные моменты в суде накоплялось очень большое количество дел. Поэтому до 10 дней в суде находилось только 45% дел, до 20 дней — 40% и до месяца и выше — 15%. И это при наличии постановления о пятидневном прохождении дел в суде.

Основная масса дел, проходящих в суде, это дела, связанные с корыстными преступлениями. Среди них главное место занимают карманные кражи. Место преступления: трамвай, магазины, рынки, сады и парки, т. е. места наибольшего скопления публики. Затем идет воровство из магазинов, разлом палаток, открытое хищение беретов, сумок, золотых украшений, домовые кражи и наконец получение по подделанным чекам из магазинов различных товаров.

Все эти преступления составляют свыше 96% всех дел. Типичными примерами таких дел могут служить следующие преступления:

«Васькин — 12 лет. Имеет родителей, которые развелись и неизвестно где работают. От них он ушел около двух лет назад. Средства к жизни — нищенство, карманные кражи. Был направлен к своей бабушке, от нее ушел. Неоднократно приводился. 26/V на трамвайной остановке был задержан за карманную кражу. Виновным себя признал. Осужден на 1 год лишения свободы в колонии НКВД».

«Сутин-Зу и Давыдов. Первый бежал из трудкоммуны, где находился по направлению от комонеса. 14 лет. Имеет отца и мать. Курит и пьет вино. Приводился несколько раз в милицию. Кражами занимается давно. Второй—14½ лет, живет с родителями. Направлялся комонесом в Институт трудового воспитания, где пробыл 6 мес. В милицию приводился 3 раза, в МУР — 1 раз, в комонес — 1 раз. Кражами занимается с 1934 г.

Обвиняемые по обоюдному сговору 27/IV взломали 2 палатки и похитили из них 500 г дроби и пломбир. После этого пытались совершить квартирную кражу, но были задержаны.

Суд приговорил: Сутин-Зу и Давыдова к лишению свободы сроком на 2 года каждого. К Давыдову суд применил ст. 53 с испытательным сроком на 3 года и отпустил на поруки родителей».

«Антонов и др. Группа ребят под руководством Антонова, занимающегося кражами, неоднократно приводимого в отделение милиции в ЦПКО, по взаимной договоренности, в общественной уборной, закрыв дверь, ограбили трех подростков, отобрав у них серебряные часы стоимостью 250 руб. и 45 коп. деньгами. Антонов приговорен к 1 году лишения свободы. Остальные условно осуждены и отданы на поруки родителей».

Остальные дела падают на преступления против личности. Они составляют около 3,5%. К этой категории дел относятся: покушение на убийство, изнасилование, причинение телесных повреждений и т. д.

Характерный пример этого рода преступлений:

Монахов — 12 лет. Живет с родителями. В прошлом не приводился. Во время ссоры с другим мальчиком 9 лет нанес ножом ранение в спину. Преступление квалифицировано по ч. 2 ст. 143 УК. Монахов осужден к и.-т. работам на 6 мес. — условно на 1 год.

Из привлекаемых к суду было: детей рабочих и служащих — 68%, детей колхозников — 8%, детей единоличников — 2%, невыясненных — 2%, беспризорных — 20%.

Для того чтобы яснее представить лицо подсудимых, нужно добавить, что более 37% всех привлекаемых имеют только одного из родителей (отца или мать).

Таким образом немногим больше половины несовершеннолетних преступников формируется из полусирот и беспризорников. Другая часть комплектуется из имеющих родителей, но эти родители не занимаются воспитанием своих детей, оставляют их без надзора под влиянием улицы или сами показывают им дурной пример.

Основная группа осужденных падает на 12—14-летних; их число доходит до 70%, от 14 до 16 —лет 25% и от 16 до 18 лет — 5%. Правда, цифра 16—18-летних непоказательна, ибо в основной своей массе они проходят в судах общей подсудности.

Основная масса осужденных приговорена к лишению свободы. По этой категории осуждены главным образом рецидивисты, беспризорные и совершившие наиболее крупные преступления.

Лишенные свободы на срок до 1 года включительно охватывают большую часть осужденных.

В процессе работы за этот, правда, короткий срок мы пришли к выводу о целесообразности вынести на обсуждение ряд вопросов, в частности следует обсудить наши предложения:

1. В практике работы прокуратуры г. Москвы были случаи привлечения к суду за мошенничество (ст. 169 УК).

Эти случаи Прокуратурой РСФСР были осуждены как неправильное расширительное толкование закона 7/IV 1935 г.

Прекратив направление таких дел в суд, мы все же считаем, что это запрещение неправильно, ибо в Москве подделка кассовых чеков магазинов и получение по ним разных товаров приняла большие размеры. Были задержаны несовершеннолетние с набором цифр и краской, которые к выбитому чеку в несколько копеек добавляли нужное количество рублей и получали товары.

Всякая кража есть присвоение чужой собственности, но она бывает простая и квалифицированная, т. е. с применением технических средств.

Мы считаем, что мошенничество по подделке кассовых чеков и получение по ним товаров есть кража квалифицированная, более опасная, чем простые кражи, предусмотренные ст. 162 УК, и естественно, что она подходит под действие закона 7/IV 1935 г., поэтому необходимо это указание Прокуратуры РСФСР отменить и за эти преступления несовершеннолетних судить.

2. Увеличить применение условных осуждений для детей, имеющих родителей.

3. Не применять краткосрочного лишения свободы как не дающего средства для трудового перевоспитания.

4. Рекомендовать применение приговора о содержании до исправления или до достиже-

ния 18 лет сверх срока в приговоре по аналогии со ст. 57 УК.

5. В состав нарзаседателей включать педагогов и врачей.

6. Сделать обязательным участие защиты по делам с обвиняемым, не имеющим родителей.

7. Участие прокурора в судебных заседаниях ограничить лишь наиболее крупными делами и делами с привлечением взрослых по части 2 закона 7/IV 1935 г.

8. На время выступления защиты выводить малолетних обвиняемых из зала судебного заседания.

9. Считать необязательным выполнение ст. 206 УПК и вручение обвинительного заключения несовершеннолетним.

10. Обязательно разъяснять приговор суда, добиваясь полного понимания его обвиняемым.

Вот вопросы, на которые практические работники ожидают ответа от Прокуратуры Союза и редакции журнала «За соц. законность».

Д. Горвиц

Задачи защиты по делам несовершеннолетних

Специфика дел, где обвиняемыми являются несовершеннолетние, предъявляет к защите особые требования.

Для защитника выбор метода защиты — глубоко ответственный элемент в его работе.

Но выбор метода защиты по делу несовершеннолетнего осложнен еще и тем, что интересы последнего должны быть защитой правильно поняты и оценены не только в свете сегодняшнего дня, когда несовершеннолетний стоит перед судом, но и дальнейшей жизненной перспективы не вполне еще установившейся и оформившейся личности обвиняемого.

Прямое и естественное стремление защиты по делам, где только допустимо, добиваться оправдания подзащитного, в делах несовершеннолетних может порою и не вполне совпасть со стремлением, как лучше ему помочь выправиться, как оградить его от повторных преступлений, каким путем обеспечить ему правильный жизненный путь в дальнейшем.

Эту коллизию нередко дают дела тех обвиняемых, в ком улица воспитала устойчивые антисоциальные навыки, и тех, у кого не имеется правильной оценки окружающего и своих собственных поступков.

В каждом отдельном деле защита должна активно содействовать суду в выборе им наиболее целесообразных и действенных мер к искоренению в несовершеннолетнем тенденции к преступлениям.

С особой остротой встает вопрос о раскрытии личности обвиняемого не только путем опросов в судебном заседании, но и посредством умело проведенной с ним беседы о его прошлом и настоящем.

Если несовершеннолетний так же незнаком защитнику до разбора дела, как и суду, то большой помощи ни самому обвиняемому, ни суду от защиты ожидать не приходится.

Вот почему досудебная подготовка по делам несовершеннолетних приобретает такое большое значение и почему она должна отличаться особой тщательностью.

Большевистская постановка вопроса в борьбе с детской преступностью и ее пособниками, данная в законе 7/IV 1935 г., обеспечение профилактической работы в деле охраны и защиты прав несовершеннолетних и малолетних реальными мероприятиями, предусмотренными постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1/VI с. г., открывает перед защитой широкую возможность помогать суду не только в правильной оценке судебных фактов и квалификации деяния, но и в разрешении глубоко ответственного вопроса: какую наиболее реальную меру применить к обвиняемому с учетом его личности, его детского прошлого и быта его настоящего.

Все эти задачи приводят к требованию: немедленно приступить к подготовке кадров специализированной защиты по делам несовершеннолетних.

Знание не только действующего права и процесса, техники ведения дел, но и основ современных учений о подростковом возрасте, основательное знание и практическое ознакомление с сетью подростковых воспитательных и исправительных учреждений, — таковы непреложные требования, какими должен обладать наш специалист-защитник по делам несовершеннолетних.

Поскольку весь судебный процесс по делам несовершеннолетних (как равно и следственный) должен содержать в себе элементы сугубо воспитательного свойства, защитник должен уметь свою защитительную работу ставить в соответствии с этими требованиями.

Прямые и ясные вопросы обвиняемому, потерпевшим и свидетелям, четкий опрос родителей и опекунов, глубокое выяснение личности несовершеннолетнего, его интересов и направленности, краткое заключение защиты, а не речь, рассчитанная на внешний эффект, — таков схематически «производственный процесс» защиты в судебном заседании камеры по делам несовершеннолетних.

От защитника требуется не меньшее личное воспитательное воздействие на несовершеннолетнего обвиняемого, чем от судьи, руководящего процессом.

По самой своей роли защитник, если он только обладает умением обращаться с несовершеннолетними, тонко понимать их психику, может установить тесный контакт с несовершеннолетним, и в предварительных беседах личность и обстоятельства дела несовершеннолетнего он может наиболее полно вскрыть.

В целях устранения из уголовного процесса всего, что может иметь антивоспитательное влияние, для несовершеннолетних необходимо внести в процесс некоторые отступления от действующих норм.

Так, двухмесячный опыт работы защиты в камере по делам несовершеннолетних в Москве при Даниловском приемнике убеждает в том,

что защита должна давать свое заключение в отсутствии обвиняемого.

Этим требованием достигается необходимое ограждение несовершеннолетнего от фиксации оценок его деяний и личности, а также обоснований применения к нему мер общей и частной превенции.

Этим путем может быть пресечено развитие ложного героизма, позерства, что так свойственно подростковому возрасту, а также тяжелых последствий уязвленного самолюбия, болезненно пониженного самочувствия.

Наряду с этим отступлением от правил процесса желательно и другое: по усмотрению председательствующего допустить в любой стадии процесса удаление из судебного зала несовершеннолетнего обвиняемого с тем однако, что по возвращении председательствующий знакомит его с существенными для обвинения обстоятельствами.

В какой мере вредно для несовершеннолетнего и как бывает стеснена защита при даче заключения присутствием несовершеннолетнего обвиняемого может служить следующее дело.

12-летний А-в обвиняется в похищении на кражу кошелька в булочной.

По словам обвиняемого, до задержания он был на улице лишь 17 дней.

Бежал из дома, так как не вынес жестокого обращения мачехи, по его же словам, отца у него нет, но в семье проживает его родной 19-летний брат, служащий счетоводом в Мичуринске.

На его жалобы брат отвечал ему «немного подожди, мы с тобой станем вместе жить».

Мотивируя необходимость проверки данных, сообщенных обвиняемым, путем запроса по указанным адресам семьи и школы, защита указывала, что если даже эти сведения подтвердятся, то без соответствующего согласия брата на взятие под свою опеку обвиняемого нецелесообразно возвращать его в семью, так как если условия для него не улучшатся, обвиняемый легко может снова очутиться на улице, а то и перед судом.

Если же все его показания вымышлены, то тем более отправление в Мичуринск нецелесообразно, так как если он не оттуда, то в детучреждение Мичуринска он не может быть принят, а в пути легко может совершить побег и снова, следовательно, очутиться на улице.

Когда же обвиняемому был объявлен приговор: 3 месяца исправительно-трудовых работ, с отправкой на родину, то у него, внимательно слушавшего ходатайство и заключение защиты, легко могла сложиться готовая «устраивающая» его программа действий.

Изложенное далеко не исчерпывает вопроса о надлежащей организации защиты по делам несовершеннолетних. Нужно сказать, что президиум МОКЗ уделяет много внимания обеспечению лучшей организации защиты по делам несовершеннолетних. Изучение опыта МОКЗ может явиться серьезным материалом для улучшения качества защиты на этом весьма ответственном участке работы.

Л. Вуль

Хулиганство в Москве и борьба с ним

Ленин в «Очередных задачах Советской власти» (т. XXII, стр. 458—459) подчеркивает классовый характер хулиганства: «... все элементы разложения старого общества, неизбежно весьма многочисленные, связанные преимущественно с мелкой буржуазией... не могут не «показать себя» при таком глубоком перевороте. А «показать себя» элементы разложения не могут иначе, как увеличением преступлений, **хулиганства**, подкупа, спекуляции, безобразий всякого рода».

Хулиганство у нас является одной из форм сопротивления мелкобуржуазной стихии противопоставляемой сознательной пролетарской дисциплине, необходимой для коллективного труда, являющегося для нас «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства» (Сталин).

Охрана мирного труда — почетная и ответственная задача органов милиции, прокуратуры и суда.

Поэтому отношение к хулиганству, как к обыкновенному проявлению «удали», «молодечества», характеризующее мелкобуржуазную мещанскую психологию, смазывает политическое значение борьбы с хулиганством и развязывает элементы, дезорганизующие социалистическое строительство.

Такое отношение к хулиганам далеко еще не изжито в практике нашей работы и является одной из причин роста хулиганства, не встречающего должного отпора.

До последнего времени хулиганство в Москве было очень распространено. За последний год оно дало даже значительный рост, и поэтому борьба с ним занимает один из важнейших участков работы московской милиции.

1934 г. по сравнению с 1933 г. дал 40% увеличения случаев проявления хулиганства. При этом злостные проявления хулиганства, караемые в уголовном порядке, увеличились на 44,7%, незлостные формы, подпадающие под действие обязательного постановления Моссовета, дали рост на 35%.

В 1935 г. наблюдается дальнейший непрерывный рост злостного хулиганства и среднее ежемесячное число привлеченных в уголовном порядке за хулиганство, составлявшее в 1933 г. 817 чел., в 1934 г. возрасло до 1182 чел. и в 1935 г. до 1524 чел.

Приведенные статистические данные находят свое объяснение в значительной мере в усилении борьбы с хулиганством, большем выявлении случаев его, привлечении в уголовном порядке за повторное хулиганство. Усиленное применение уголовной репрессии к хулиганам дало общее снижение в 1935 г. хулиганства на 3,8%.

Формы проявления хулиганства в Москве в 1935 г. дают следующую картину:

Дебоши, скандалы и драки составляют . .	47,8%
Непристойное поведение » . .	22,0%
Физическое насилие над гражданами составляют	12,7%
Физическое насилие над должностными лицами составляют	3,5%
Нанесение ранений составляют	0,3%

Остальные 13,7% составляют прочие виды хулиганства, связанного с порчей и истреблением чужого имущества, издевательством и т. д.

Наиболее пораженными хулиганством оказываются улицы, скверы, сады и парки: задержанные за хулиганство в этих местах составляют 45,2% всего числа привлеченных за хулиганство. Второе место занимает квартирное хулиганство, дающее 16,5% всех привлеченных за хулиганство, и на третьем месте — хулиганство в бараках и общежитиях (12,9%). Далее следуют кафе-рестораны (8,7%), трамваи и автобусы (6,1%), кино, театры, клубы (4,1%), предприятия и учреждения (2,4%) и рынки (2%).

В 1935 г. значительно снизилось уличное и рыночное хулиганство и увеличилось в квартирах, бараках, кафе и ресторанах.

Первое место среди привлеченных за хулиганство занимают по преимуществу выходцы из деревни: грузчики, ломовые, сезонники и тому подобные неквалифицированные рабочие, недавно прибывшие из деревни, культурно отсталые, не получившие производственной закалки и достаточной культурно-просветительной обработки.

Основной возраст хулиганов 18—24 лет. Эта группа составляет 39,6% всех привлеченных за хулиганство. В подавляющем большинстве случаев задержанные за хулиганство находятся в нетрезвом состоянии. В 1935 г. среди задержанных хулиганов было 73,7% пьяных.

Суммируя приведенные данные, приходится констатировать, что **в Москве: хулиганят главным образом в пьяном виде, преимущественно в возрасте 18—24 лет, чаще всего на улицах, в квартирах, бараках и общежитиях. Наиболее распространенными формами хулиганства являются дебоши, скандалы, непристойное поведение. Основную категорию хулиганствующих составляют неквалифицированные рабочие, неустойчивый элемент, летуны, люди, не ведущие никакой общественной работы.**

Каковы основные причины развития хулиганства в Москве в столь значительных размерах?

На строительстве в Москве в 1935 г. ожидается прибытие около 50 000 временных рабочих, которые размещаются в бараках, общежитиях, рабочих городках и поселках. Культмассовая работа среди этих рабочих проводится крайне недостаточно, либо совсем не проводится. В большинстве бараков и общежитий, несмотря на наличие культработника и оборудованного красного уголка, беседы, доклады, разъяснение закона о борьбе с хулиганством не проводятся, досуг занят танцами («западными»), нередко сопровождаемыми пьянством. Процветают ругань, драки. Завкультбазой Метростроевского городка сам признался в том, что никакой работы по борьбе с хулиганством среди рабочих не велось. Такое же положение в большинстве остальных бараков и общежитий рабочих.

С другой стороны, суды проводили явно недостаточную карательную политику в отношении хулиганов, применяя почти сплошь принудработы за злостное хулиганство. Принудработы на деле сводятся к удержанию некоторого процента из зарплаты работающих и к совершенному освобождению от наказания неработающих.

Вот несколько примеров «либерального» отношения судов к хулиганам:

Слюляков Д. П. пристал с гнусными предложениями к проходившей по Тверскому бульвару женщине. Получив отказ, ударил ее ногой и стал тащить за руки. При задержании оказал сопротивление, ударил учинспектора и разбил стекло в раме.

Приговорен к 6 мес. принудработ.

Колосов Ф. С. напал на рабочего, рассек ему бровь и нос, задержанный прохожими стал снова избивать рабочего. Приговорен к 7 мес. принудработ.

Имели место случаи подобного недопустимого подхода и со стороны прокуратуры. Так например 7/XI 1934 г. в женских бараках Газин и Сислов избили нескольких рабочих и одному из них нанесли даже ножевые ранения. От испуга работница Сбродова родила преждевременно мертвого ребенка.

Суд, куда было направлено дело через 2 дня, по требованию администрации и общественности бараков решил дело заслушать показательным процессом. Прокурор Краснопресненского р-на Тамазин отказался дать санкцию на содержание хулиганов под арестом до суда. В результате, когда дело было назначено к слушанию, оказалось, что обвиняемые скрылись в день освобождения их из-под стражи и до сих пор не разысканы.

Тогда же по распоряжению прокурора Бауманского р-на Васильева были освобождены из-под стражи хулиганы Макаров А. И. и Богачев, которые вместе с другими 17/XI 1934 г. по Садово-Земляной ул. затеяли драку, у стоявшего на посту бригадмильца Макаров сорвал свисток с руки, повязку и постовую сумку, при задержании укусил за палец, другие хулиганы стали наносить ему удары по лицу, причем Богачев угрожал бригадмильцу ножом.

Учет привлеченных за хулиганство страдал большими недостатками. Так например, Кулагин Н. без определенных занятий, в течение года систематически пьянствовал, за один только месяц 8 раз доставлялся в наркоприемник в состоянии сильнейшего опьянения и не подвергался никаким взысканиям.

Таким образом надо отметить в качестве одной из основных причин развития хулиганства в Москве в первую голову большой наплыв сезонников, преимущественно молодежи, невтянутой в производственную жизнь, при отсутствии развернутой культурно-массовой работы в бараках и общежитиях среди молодежи. Способствовала этому и слабость репрессии за хулиганство, освобождение их из-под стражи до суда, недостаточно четко поставленный учет административных взысканий за хулиганство, позволявший многократно привлеченным за хулиганство избегать уголовной ответственности.

Нередко хулиганство перерастало в открытые нападения и грабежи. Большинство задержанных вооруженных грабителей оказались имеющими в прошлом судимости и приводы за хулиганство.

Московской милицией был предпринят целый ряд мероприятий по усилению борьбы с хулиганством. Помимо мобилизации всего аппарата милиции, установления дополнительных милицейских постов в местах, пораженных хулиганством, усиления охраны окраин города и вокзальных площадей, широкого вовлечения бригад содействия милиции и дворников, непосредственного участия начсостава милиции в борьбе с хулиганством, были приняты в ведение милиции наркоприемники и изменена система учета привлеченных за хулиганство, благодаря чему выявлено много злостных хулиганов-рецидивистов, к которым применены меры судебной и административной репрессии.

Административное взыскание за хулиганство приравнивается к приводу. Каждое отделение милиции ведет учет всех хулиганских проявлений, совершенных лицами, проживающими на обслуживаемой ими территории, независимо от того, где это хулиганское проявление имело место. В составе отдела уголовного розыска организовано специальное отделение по борьбе с злостным хулиганством.

Это усиление борьбы оказалось в увеличении числа задержанных хулиганов на 17% в феврале и на 56% в марте по сравнению с январем 1935 г., причем в 1½ раза выросло в марте по сравнению с январем число привлеченных к административной ответственности и почти вдвое возросло число привлеченных к уголовной ответственности хулиганов; применение ареста дало увеличение в феврале на 27% и в марте почти в 2½ раза.

Со стороны прокуратуры и судов была также усилена борьба со злостным хулиганством. Суды стали применять жесткие меры репрессии, провели целый ряд показательных процессов непосредственно в клубах предприятий, пораженных хулиганством.

Московской милицией введена в практику обязательная посылка по месту службы (завкомам, заводоуправлениям) извещений о всех привлеченных за хулиганство для обсуждения проступков этих лиц общественностью предприятия, учреждения.

Специально проведенная проверка показала, что профессиональные организации большинства московских предприятий очень слабо реагируют на извещения милиции о хулиганстве рабочих и служащих данного предприятия и не принимают никаких мер общественного воздействия. Так по Краснопресненскому р-ну на 1340 извещений, посланных за I квартал 1935 г., получено всего 37 ответов.

Пример з-да «Калибр» показывает, какую помощь может оказать общественность. Здесь на основании полученных извещений милиции кочегар Юдов цехкомом исключен из ударников с вынесением общественного порицания, слесарь Алексеев в первый раз исключен из союза и из числа ударников, во второй раз — исключен из спецгруппы и предупрежден об увольнении; рабочие Мартынов, Чередиев и Хохол уволены с завода.

Такая мобилизация общественного мнения, резко отрицательная оценка хулиганства несомненно оказывает значительно большее воздействие на хулиганов, чем штраф или принудработы, являющиеся платой за пьяное веселье, издержками «буйного права».

Управлением Московской милиции было обращено внимание на нереальность принудработ как меры борьбы с хулиганством. Произведенная милицией массовая проверка (проверено около 500 чел.) показала, что на учете в принудбюро состояли такие лица, как:

Лисовский П. И. без определенных занятий, судившийся и приговоренный

1927 г.	Нарсудом	Сок. р-на	к лиш. своб.	на	1	мес.
1927 »	»	»	к принудраб.	»	3	»
1927 »	»	»	к лиш. своб.	»	6	»
1930 «	»	Баум. »	» »	»	2	»
1933 »	»	Стал. »	к принудраб.	»	7	»
1934 »	»	Дзер. »	»	»	6	»

Бархударов С. С. осужденный

12/II 1933 г. Нарсудом Дзержин. р-на за спекуляцию — к 3 мес. принудработ.

23/X 1933 г. Нарсудом 3 уч. Прол. р-на за хулиганство — к 6 мес. принудработ.

26/XII 1934 г. Нарсудом 6 уч. Прол. р-на — к 7 мес. принудработ.

Кроме того Бархударов в 1932—1934 гг. привлекался за хулиганство к ответственности в административном порядке 8 раз и на него объявлено 3 розыска, как на уклоняющегося от отбытия принудработ. На 90% лиц состоящих на учете оказались компрометирующие сведения, отрицательные характеристики по месту жительства или работы. 46 чел. из них высланы, и продолжается дальнейшая проверка.

Огромную роль в борьбе с хулиганством в бараках, среди отсталых элементов деревни, сезонников, неквалифицированных рабочих могут сыграть коменданты бараков.

Милицией были проведены совещания перед 1 мая с. г. с 20 комендантами бараков и нач. городков, в которых живут 67 000 рабочих, отмечена их ответственность как должностных лиц за допущение хулиганства в бараках, за непринятие своевременных мер к пресечению хулиганства и извещению милиции, указано на необходимость использования предоставленных им административных прав, необходимость оживления культпросветработы, разъяснения закона о борьбе с хулиганством. Опыт этот дал свои положительные профилактические результаты. Введены в предпраздничные и праздничные дни суточные дежурства, суточные обходы бригадмильцами. Вызванным в отдел уголовного розыска лицам, замеченным в неоднократном хулиганстве, было сделано предупреждение. В результате в майские праздничные дни не зарегистрировано ни одного серьезного случая хулиганства по Москве, и в бараках и общежитиях отмечен в эти дни полный порядок.

На основе изучения характера, причин, форм проявления хулиганства, использования опыта работы, намеченные дальнейшие мероприятия по борьбе с хулиганством необходимо повести в направлении: развертывания культмассовой работы на предприятиях, в бараках и общежитиях; опубликования в низовой печати всех случаев хулиганства рабочих и служащих данного предприятия и мобилизации внимания всей низовой и местной печати на борьбу с хулиганством; обсуждения всех случаев хулиганских проявлений на цеховых собраниях; усиления работы по проведению отчетных докладов милиции и органов прокуратуры на предприятиях по вопросу о борьбе с хулиганством;

постановки вопроса о лишении хулиганов паспортов на основании ходатайств, возбуждаемых заводскими профессиональными организациями и применения краткосрочного ареста (до 1 мес.) как меры административного взыскания в отношении хулиганов, уклоняющихся от уплаты наложенного штрафа или отбытия принудработ; введения нового порядка рассмотрения заявлений об уменьшении или снятии штрафа за хулиганство исключительно по ходатайствам профсоюзных организаций, благодаря чему последним будет известно о хулиганских действиях членов данной профсоюзной организации и усилится роль и значение общественности в борьбе с хулиганством.

Взаимодействие общественно-массовой и культурно-просветительной работы и усиленной административной и судебной репрессии к хулиганам, мобилизация на фронт борьбы с хулиганством всех органов милиции, прокуратуры и суда и всей общественности через печать, комсомол, профсоюзные организации бесспорно приведут в короткий срок к решительным победам на пути искоренения одного из отвратительных пережитков капитализма в сознании людей. Борьба с хулиганством на пути построения бесклассового социалистического общества является в данный момент важнейшей политической задачей и государственных органов, и советской общественности.

16 мая 1935 г.

А. С. Тагер

Кассационные заметки

(О кассационном заседании)

I

Наше уголовно-процессуальное законодательство, регулируя процедуру кассационного обжалования приговоров, останавливается не только на поводах к обжалованию, не только на субъектах обжалования, не только на том критерии, который должен быть положен в основу отмены и изменения приговоров, но уделяет также специальное внимание и вопросу о самом **кассационном заседании,** т. е. вопросу о порядке рассмотрения кассационных жалоб и протестов в кассационном суде.

В отличие от рассмотрения дела в первой инстанции в кассационном заседании нет той стадии процесса, которая именуется судебным следствием. В основе кассационного процесса лежит кассационная жалоба (или кассационный протест), а самое кассационное рассмотрение дела состоит из доклада и прений, за которыми следует совещание суда. Доклад делается одним из членов кассационного суда. Прения состоят из заключения прокуратуры и объяснений кассаторов, если таковые явились в кассационное заседание.

Таким образом источником ознакомления состава кассационного суда с делом является: во-первых, доклад того из судей, на которого возложено изучение дела, во-вторых, заключение прокурора при кассационном суде и, в-третьих, письменная кассационная жалоба и устные объяснения кассаторов.

Не нужно поэтому тратить много слов для доказательства того, насколько важна правильная организация процессуальным законом самого порядка рассмотрения дела в кассационном заседании и насколько важно исполнение этих требований закона, направленных на гарантирование высокого качества кассационных решений, посредством которых осуществляется конкретное руководство судебной практикой.

Основные указания о порядке рассмотрения дел в кассационном заседании даны в ст.ст. 410 и 435 УПК РСФСР.

Уголовно-процессуальные кодексы других советских республик заключают в себе по вопросу о кассационном заседании постановления, не во всех частях совпадающие с законодательством РСФСР. Некоторые отличия будут ниже указаны (см. ст.ст. 344 и 365 УПК УССР, ст.ст. 409 и 434 УПК ГрузССР, ст. 339 УПК ТуркССР; в УПК УзбССР порядок вовсе не регулирован — ст. 153).

II

Рассмотрение дел в кассационном суде должно происходить в открытом судебном заседании. Это общее правило изложено и для Верховного суда и для краевых и областных судов (ст.ст. 435 и 409). Конечно, могут быть такие дела, при слушании которых двери судебного зала должны быть закрыты и в кассационной стадии, но полностью сохраняет свою силу основное указание: рассмотрение кассационных дел происходит в **судебном заседании.**

Как в Верховном суде, так и в краевых судах рассмотрение дела начинается в кассационном заседании **докладом одного из судей.**

В самом законе нет никаких более подробных указаний на то, в чем должен состоять этот кассационный доклад. Значение этого доклада ни в коем случае нельзя преуменьшать. Этот доклад чрезвычайно важен не только для самого состава суда, но и для кассаторов, дающих свои объяснения перед кассационным судом, и для прокурора, дающего заключение.

На практике положение с этими кассационными докладами совершенно ненормально и притом в двух отношениях.

На практике укоренился такой порядок, что доклады эти делаются не в судебном заседании, где присутствуют кассаторы и прокурор, а в совещательной комнате, т. е. вне судебного заседания, — в отсутствие и прокурора и кассаторов. Открывая судебное заседание, председательствующий в этих случаях объявляет, что доклад уже сделан, и предоставляет непосредственно слово для объяснений кассаторов.

А между тем и для кассаторов и для прокурора совершенно необходимо знать, как сделан

доклад, достаточно ли полно, во всех ли частях правильно. Если ошибки возможны в приговорах судов, в обвинительных заключениях, в самих кассационных решениях, то нет никаких оснований отрицать возможность ошибок, неполноты, неточности и в кассационных докладах.

Если бы эти доклады делались в судебном заседании, — кассаторы и прокурор, прослушав такой доклад, знали бы, насколько полно и правильно он сделан, чем его следует дополнить, на что следует обратить внимание, в чем допущены ошибки, нуждающиеся в исправлении, и т. д. Такой порядок может лишь способствовать повышению качества работы. Не слышав доклада, не зная его, ни кассаторы, ни прокурор естественно и не могут сделать к нему никаких поправок. Такое положение нельзя считать нормальным и безвредным для качества кассационной работы, в особенности имея в виду большой и сплошь и рядом решающий авторитет этого кассационного доклада для состава суда.

Поэтому необходимо обеспечить, чтобы требование закона на практике соблюдалось и чтобы тот кассационный доклад, с которого начинается слушание дела в кассационном суде, непременно делался в самом судебном заседании.

Не менее важным является вопрос об **объеме и содержании** этого кассационного доклада. В подавляющем большинстве случаев этот доклад ограничивается либо прочтением обжалуемого приговора, либо кратким и суммарным его изложением. По общему правилу ничего больше доклад в себе не содержит: ни постановки тех кассационных проблем, которые предстоит решить, ни систематизированной сводки кассационных жалоб, ни указания на те элементы судебного материала, которые следует иметь в виду при кассационном рассмотрении и обсуждении дела. Такой доклад, который исчерпывается чтением или пересказом приговора, не имеет, собственно говоря, никакого значения. Если приговор сложен, если осуждено большое количество обвиняемых, то его даже усвоить как следует нельзя при таком докладе.

Эти сухие, формальные доклады следовало бы оживить и наполнить процессуальным содержанием. Из всех советских уголовно-процессуальных кодексов лишь УПК УССР дает некоторые указания на содержание кассационного доклада; ст. 344 говорит о том, что «судебное заседание... начинается докладом одного из судей о содержании дела и сущности принесенных сторонами жалоб и протеста прокурора».

Ни в одном другом кодексе нет даже таких сжатых указаний.

Между тем доклад должен давать краткое, но полное представление о перспективе дела, об обвинениях, предъявленных по делу при предании суду и о судьбе этих обвинений в приговоре, об общем состоянии доказательственного материала; доклад должен дать постановку тех проблем, которые кассационному суду по данному конкретному делу предстоит решить. При этом надо иметь в виду, что советский уголовный процесс построен не на принципе чистой кассации, а имеет кассационно-ревизионный характер. Поэтому кассационный суд обязан обсудить не только те нарушения, которые указаны жалобщиками, но и те, которые самим судом будут обнаружены при рассмотрении дела. Поэтому в докладе не только должны быть систематизированы кассационные указания жалобщиков, но должны быть поставлены и те вопросы, которые докладчик считал бы необходимым поставить перед судом в ревизионном порядке.

По всему такому докладу, насыщенному конкретным содержанием, почерпнутым из дела, и кассаторы и прокуратура смогли бы затем высказать свое мнение, внести поправки, дополнения и т. д.

Такая постановка доклада в кассационном заседании значительно бы, конечно, повысила качество кассационных решений, способствовала бы лучшей мотивировке этих решений и тем самым подняла бы качество конкретного руководства судебной практикой на большую высоту.

III

Следующим источником, на основании которого складывается кассационное решение является **заключение прокурора.**

И в этом вопросе положение, сложившееся на практике, не может быть признано нормальным прежде всего потому, что появление прокурора в кассационных заседаниях стало за последние годы чрезвычайно редким явлением.

Наиболее благополучной в этом отношении является военная коллегия Верховного суда СССР. Более часто, чем в других судах, прокуратура дает свои заключения в кассационных заседаниях в транспортной коллегии Верховного суда СССР.

В кассационных коллегиях Верховного суда РСФСР прокуратура появляется весьма редко. Таково же положение в Московском областном и Московском городском судах. У автора настоящей статьи нет исчерпывающих сведений о работе краевых и областных судов, но все то, что по конкретным делам известно, указывает на то, что и там появление прокуратуры в кассационном заседании отнюдь не частое явление.

Прошло уже больше года с тех пор как резко была подчеркнута А. Я. Вышинским необходимость «стопроцентного» участия прокуроров в судебной деятельности как первой, так и кассационной инстанции» («За соц. законность» № 5 1934 г., стр. 29, также № 1 1935 г., стр. 10). Больше года прошло с тех пор, как те же указания были сделаны всесоюзным съездом работников юстиции.

На практике же надлежащего перелома еще нет. Таким образом в кассационной деятельности судов отпадает один из весьма существенных источников, на почве которых должно создаваться кассационное решение.

Процессуальное положение прокурорского заключения в кассационном заседании по-разному регламентировано для Верховного суда, с одной стороны, и для краевых судов, с другой стороны.

Ст. 435 УПК РСФСР устанавливает такой порядок: заседание начинается докладом судьи, затем идет заключение прокурора, а затем объяснения кассаторов.

Ст. 410 УПК устанавливает такой порядок: заседание начинается докладом судьи, затем выслушиваются объяснения кассатора, затем

заключение прокурора, а затем последнее слово подсудимого или его защитника.

В подавляющем большинстве случаев кассаторами являются осужденные. В кассационном заседании в качестве кассаторов являются либо сами подсудимые, либо их защитники. Независимо от различного построения порядка объяснений по ст.ст. 410 и 435, они обе имеют один общий принцип, который сводится к следующему: **кассатор-подсудимый или его защитник имеют право дать свои объяснения кассационному суду в ответ на заключение прокурора.**

Это право гарантировано подсудимому и его защитнику во всех советских уголовно-процессуальных кодексах, кроме УПК ТуркССР (ст. 330). В недавно выработанном проекте общесоюзного Уголовно-процессуального кодекса ст. 138 также гарантирует подсудимому или его защитнику право ответить прокурору в кассационном заседании.

Можно таким образом сказать, что это процессуальное правило, существующее в действующем законе, начиная с 1922 г., в отдельных советских республиках и воспринятое в первом проекте УПК СССР, является принципиальным для советского уголовного процесса.

По существу такое право в кассационном заседании столь же важно, как и в заседании суда первой инстанции. Заключение прокурора может быть неполным, неправильным и также может нуждаться в возражениях, как и речь прокурора первой инстанции.

На практике, в действительности, это право подсудимого или его защитника, ликвидировано вовсе. Ни в одном кассационном заседании Верховного суда РСФСР и Верховного суда СССР (по транспортной коллегии) защите за последние годы не предоставляется возможности ответить на заключение прокурора: слово для ответа на заключение прокурора не только не предлагается, но в нем прямо отказывается, когда защита им желает воспользоваться.

Вставить во время заключения прокурора то или иное замечание при этих условиях является единственным способом обратить внимание суда на ту или иную ошибку прокурорского заключения.

Положение явно ненормальное и столь же явно закону противоречащее. Нам кажется, что своевременно от такой практики отказаться.

IV.

Третьим источником, на базе которого складывается кассационное решение, являются кассационные жалобы осужденных и устные объяснения самих осужденных или их защитников в кассационном заседании.

Мы не забываем и кассационных протестов и кассационных жалоб других участников процесса, но они имеют весьма незначительное распространение по сравнению с кассационными жалобами подсудимых. Поэтому ниже помещенное изложение относится лишь к жалобам подсудимых и их защитников.

И здесь необходимо обратить внимание на два момента, по которым положение должно быть изменено.

В коллегиях защитников весьма распространен порядок написания защитниками жалоб от имени самих осужденных. Нам представляется это неправильным. Такой способ понижает чувство ответственности за жалобу и тем самым ее качество. Есть такой взгляд, что от имени самого обвиняемого можно сплошь и рядом написать то, чего нельзя написать от имени защитника. Нельзя отрицать того, что есть такие судебные бумаги и заявления, которые необходимо должны быть сделаны от имени самого обвиняемого. Бумага с признанием тех или иных фактов, утверждения, имеющие характер показания, и т. д. Такие бумаги должны быть написаны от имени самого обвиняемого. Но кассационная жалоба к числу таких бумаг никоим образом отнесена быть не может.

Если защитник не может подписать от своего имени им же самим написанное, то можно работы защиты в кассационном суде, сводится с успехом этого не писать и от имени обвиняемого. А если для написания той или иной жалобы от имени обвиняемого имеются достаточные основания, то защитник должен и может эту жалобу сам подписать. Качество кассационной работы защиты при этих условиях должно повыситься. А это важно и для работы суда в целом. Другой вопрос, касающийся к следующему.

Защитой обслужено в верховных судах совершенно ничтожное количество дел из общей их массы, проходящей через кассационные заседания. Весьма сложные дела, с большим количеством осужденных, с весьма значительной репрессией, сплошь и рядом защитой в кассационной стадии не обслуживаются.

Если считать, что участие защиты в кассационной инстанции полезно, то должны быть приняты меры к тому, чтобы организовать обслуживание кассационных дел защитой в верховных судах — в Москве, в Киеве и других столицах союзных республик. Мысль эта уже созрела в президиуме московской коллегии защитников, и пора приступить к ее осуществлению. Речь идет о создании при соответственных президиумах коллегии защитников специальных иногородних отделов (или консультаций), которые в организованном порядке принимали бы на себя обслуживание кассационных дел по поручениям иногородних президиумов коллегий, консультаций и отдельных защитников, направляющих кассационные жалобы в верховные суды.

V.

Последние замечания относятся к внешней стороне кассационных заседаний в Верховном суде РСФСР и в Верховном суде СССР.

На эти кассационные заседания съезжаются люди со всего Союза, жаждующие попасть в заседание Верховного суда.

Весьма редко кассационные заседания сейчас происходят в залах судебного заседания.

Почти всегда кассационные дела слушаются в маленьких кабинетах, в которых столы и стулья завалены грудами судебных производств.

Не всегда приехавший в Москву осужденный или его родственник имеет стул, на котором он мог бы выслушать происходящее в судебном заседании. В этих кабинетах он обычно должен жаться где-то в углу, у дверей, явно чувствуя, что он здесь лишний.

Во время заседания в этих кабинетах звонит телефон, прерывающий рассмотрение дела.

Участникам процесса негде разложить бумаги. Приходится приспосабливаться на окнах, диванах и т. д. Нам приходилось участвовать в кассационных заседаниях, происходивших в столь миниатюрных кабинетах, что даже не все участники процесса могли в комнате поместиться.

Зачем это нужно?

По всем вопросам, затронутым в настоящей статье и относящимся к процедуре кассационного заседания, закон дает четкие и правильные указания. Достаточно их только соблюдать.

В этом отношении от кассационной практики можно потребовать лишь одного — обратиться лицом к закону.

В. Чернов

Правильно организовать и провести обыск

Конечной целью расследования всякого уголовного дела является обнаружение виновника преступления. Путем собирания вполне веских и основательных улик устанавливается личность преступника, характер и объем его действий, что позволяет восстановить как картину преступления в возможно полном ее виде, начиная от фактической стороны, вплоть до общественно-политического значения преступления, так и дает возможность полно выявить и установить личность преступника.

Методы, формы и приемы собирания этих улик в основном определены нашим процессуальным законодательством, а со стороны техники их применения и осуществления уточнены и разработаны следственной практикой, опытом и нашей литературой по специальным вопросам криминалистики.

В комплексе различного рода улик, обеспечивающих полный и ясный ответ на всю сумму вопросов по каждому конкретному делу, особенное значение имеют материальные улики или вещественные доказательства. Эти улики, правильно понятые и правильно использованные, дают в процессе расследования блестящие результаты, а в ряде случаев очень значительно сокращают объем и время расследования (делая ненужным целый ряд допросов с очень сомнительными результатами этих допросов) и намного облегчают и упрощают работу органа расследования.

В системе методов и приемов собирания материальных улик одно из первых мест по своей значимости и эффективности занимает обыск.

Однако в практике этот метод используется очень плохо и в целом ряде случаев не дает должных результатов только в силу методически неправильной постановки вопроса об обыске и методически неправильной его организации применительно к конкретному делу.

Мы имеем основные положения методики организации и производства обыска, но в каждом отдельном случае в зависимости от целого ряда условий и в зависимости от характера и обстоятельств конкретного дела нужно суметь правильно выбрать и применить те или иные методические и технические приемы и принципы.

Не вдаваясь в подробное изложение теоретических вопросов, относящихся к обыску, я хочу привести конкретный пример того, как обыск может сразу распутать целый клубок и сделать неясное дело ясным и простым.

В одном учреждении была обнаружена кража облигаций госзаймов на сумму около 10 000 руб. По подозрению в краже был задержан один из мелких служащих этого учреждения, причем основанием к его задержанию явилось обнаружение у него на руках двух закрепительных талонов пятирублевых облигаций с написанными на этих талонах чужими фамилиями.

Следователь выехал на место кражи в это учреждение. В течение нескольких часов он установил, что примерно месяца полтора до кражи казначей учреждения, уезжая в отпуск, передал облигации (не сдав их своему заместителю) делопроизводителю учреждения для составления описи и сдачи их на хранение в сберкассу. Делопроизводителю «некогда» было заняться этим делом, и он сунул облигации «до вечера» в шкаф с... архивными материалами и конечно забыл о них.

О том, что облигации лежат в незапирающемся шкафу с архивом, знали три низших технических работника финансового отдела.

Один из них, К., и оказался задержанным «как причастный» к этой краже.

Задержанный—комсомолец, рабочий, активист, премированный ударник — предъявил следователю письмо, в котором два товарища, ранее работавшие в этом учреждении, а теперь живущие в другом городе, просили К. сообщить им, сколько они должны еще доплатить за свои облигации, и выслать им закрепительные талоны, которых они при увольнении не получили.

К., зная, где лежат эти облигации, взял их закрепительные талоны, облигации же положил обратно в шкаф, но талоны отправить не «удосуживался». Наконец он решил их отправить, и когда, нисколько не скрывая их, начал запечатывать в конверт, эти талоны увидел начфинотдела и вспомнил об облигациях. Начали искать облигации, но их уже «и след простыл».

По всем данным было очевидно, что К. здесь совершенно не при чем.

Не нужно было долго возиться, чтобы привлечь казначея и делопроизводителя за халатность.

Но встал вопрос: а где же все-таки облигации?

С момента кражи прошло около месяца, всякие следы уже давно стерлись, были уничтожены и затеряны.

Следователь начал правильно. Он изучал состав работников учреждения (кстати сказать в учреждение свободно могли входить только свои сотрудники, ночью у учреждения и в учреждении были часовые).

В результате двухдневного тщательного расследования, вернее изучения учреждения, поведения отдельных лиц, обстановки работы

и т. д., следователю удалось установить, что один из бывших техработников финотдела, некто Н., примерно недели три назад продал какому-то гражданину за 20 руб. облигации, стоящие по номиналу 50 руб. Об этом он сам рассказывал в пьяном виде свидетелю С.

Этот Н. и еще два работавших в других отделах учреждения технических сотрудника П. и Ж. довольно часто пьянствовали, к работе относились плохо, но облигаций у них никто не видел.

Н. мог продать и свои облигации, поэтому показание свидетеля С. не являлось еще такой крупной уликой. Подтвердить ее еще чем-либо не удалось. Н. не имел семьи, и установить, какие облигации он продал, проверить было невозможно.

Но эти самые лица: Н. и П. и Ж. примерно 25—30 дней до приезда следователя были осуждены за мошенничество, выразившееся в том, что они на ж.-д. станции брали у китайцев деньги на покупку билетов «вне очереди» и с этими деньгами скрывались.

Будучи осуждены, они были отправлены в исправительно-трудовую колонию в соседний город за 700 км от учреждения.

Больше ничего установить не удалось. Об облигациях никто и ничего больше сказать не мог.

В результате следователь после ряда логических построений на основе имеющихся материалов пришел к выводу, что кража облигаций — дело рук Н., П. и Ж., хотя прямых улик в отношении их в материалах расследования не было.

Было только подозрение, и то основанное по сути на логическом построении следователя.

Дело всем судебным и следственным работникам, с которыми поделился следователь, казалось явно безнадежным и нераскрываемым.

Следователь решил иначе. Он вопреки формальным требованиям не затребовал доставки ему Н., П. и Ж. из города, где они находились и который не входил в его участок, а поехал туда сам.

В городе следователь связался с начальником и.-т. колонии и предложил ему немедленно же под каким-либо предлогом разъединить Н., П. и Ж., помещавшихся в одном корпусе. Оказалось, что Н. находится в другом изолированном корпусе, куда он был помещен в дисциплинарном порядке. П. и Ж. были направлены на разные работы в различных местах территории колонии.

Следователь сначала вызвал и допросил П., изолировал его в отдельную комнату, чтобы другие не узнали о его допросе и не знали, где он находится.

Таким же порядком были допрошены Ж. и Н.

Каждый из них не знал о допросе его товарищей.

Допрос ничего не дал. Дело яснее не стало. Тогда следователь решил произвести обыск в вещах каждого из них, хотя при поступлении в и.-т. колонию они обыскивались. Обыск у Н. и Ж. ничего не дал.

При обыске у П. в вещах ничего найдено не было. Но следователь вел обыск очень внимательно и тщательно, не пропуская ни одной мелочи. У П. была старая, рваная рабочая блуза, которую он употреблял для обтирания обуви от грязи. При внимательном осмотре этой блузы и ее карманов в одном из них был найден маленький бумажный шарик, величиной с горошину. Этот шарик был осторожно расправлен и на нем с небольшим трудом удалось прочесть написанную карандашом записку:

«Женя, если будем переезжать, то смотри в парикмахерской, во втором дымоходе».

Ключ от парикмахерской оказался почему-то у Н., работавшего в колонии парикмахером и унесшим его с собой при направлении его в корпус с более строгим режимом.

Парикмахерская была вскрыта, и из второго дымохода над плитой следователь вынул те самые облигации на 9 000 с лишним рублей, которые пропали в учреждении.

В результате Н., П. и Ж. ничего не оставалось, как сознаться в совершенной ими краже.

Выяснилось, что при поступлении в и.-т. колонию перед осмотром вещей и их личным обыском Н. попросился в уборную и спрятал там облигации в земляном полу, а когда он начал работать в парикмахерской, то перенес их в парикмахерскую.

Будучи в корпусе с более строгим режимом и узнав, что колония будет переселяться в другое место, Н. через часового передал найденную следователем записку.

Когда они ехали в и.-т. колонию, то по дороге реализовали в сберкассах проезжаемых городов некоторую часть этих облигаций, выдавая их, конечно, за свои.

Приведенный пример позволяет сделать некоторые выводы, относящиеся к совокупности вопросов о методике и организации обыска.

Никогда нельзя пренебрегать обыском, даже по прошествии значительного времени с момента совершения преступления. В целом ряде случаев и по истечении с момента совершения преступления значительного времени обыск может оказаться вовсе незапоздалым и дать ценные данные и указания.

Назначать какие-то сроки, по истечении которых следует считать обыск запоздалым или незапоздалым, конечно, нельзя; все зависит от конкретных обстоятельств и от умения следователя оценить эти обстоятельства и разобраться в них. Мне хочется только предупредить от поспешного «отмахивания» от обыска в тех случаях, когда с момента совершения преступления прошел уже значительный срок.

Не всегда нужно при решении вопроса об обыске ставить себе целью найти какую-нибудь определенную вещь и устремлять свое внимание только на поиски этой вещи. Ставя себе **конечной целью** нахождение определенной вещи, не нужно опускать и задачу (ближайшую цель) найти в процессе обыска указания на отдельные обстоятельства и указания на главную вещь — главную цель обыска.

В приведенном примере следователь искал облигации, но в процессе обыска он также устремлял свое внимание на нахождение указаний об этих облигациях (чем в данном случае явилась записка).

Естественно, что непременным условием успешности обыска являются особая внимательность и тщательность при его производстве: не торопиться, не комкать, не соваться бессистемно везде и всюду, а внимательно, планомерно, вдумчиво вести обыск, не опуская ни одной мелочи.

И, наконец, еще два момента: внезапность обыска для обыскиваемых и недопустимость общения и сообщения между собою тех лиц, у которых производится обыск.

Эти два момента должны быть каждый раз (при решении вопроса об организации обыска) в центре внимания органов расследования, должны быть предусмотрены и продуманы для того, чтобы сама организация и производство обыска отвечали этим двум требованиям.

Совершенно очевидно, что обыск, о котором узнают заранее или которого ждут уже, меньше может рассчитывать на хорошие результаты, чем обыск внезапный и неожиданный для обыскиваемого.

В приведенном примере Н., П. и Ж., находясь в и.-т. колонии и пройдя обыск вещей и личный обыск при поступлении в колонию, конечно, меньше всего ожидали обыска для розыска облигаций. Кроме того этот обыск для них был еще более внезапен и тем, что они не знали и не подозревали о приезде следователя в и.-т. колонию.

Обыск в процессе расследования целого ряда дел может оказаться замечательным средством и способом для получения чрезвычайно важных и основательных улик и доказательств.

Нужно только в каждом отдельном случае правильно применять его, правильно организовать и провести.

И. Крастин

Юридическая подготовка судебно-прокурорских работников

В свете выступления т. Сталина 4 мая вопрос о подготовке кадров юстиции приобретает исключительное значение: тут действительно необходима переоценка всех ценностей.

К сожалению, мы не можем не сказать, что среди работников юстиции есть еще госпожи Простаковы, которые считают, что «зачем судье-пролетарию наука, если у него есть революционное сознание и пролетарская совесть». Хорошо, если такие прокуроры или судьи занимают высокие посты и для исправления их орфографических ошибок к их услугам стенографистки и машинистки. Но за большими людьми тянутся и маленькие, — и тогда получается приговор, «переполненный фактическими и орфографическими ошибками». Хорошо, конечно, что таких людей становится среди нас все меньше и меньше, что больше и больше становится таких, которые овладели техникой своего дела, стали прокурорами и судьями не только образованными, но и грамотными.

При напряженной работе, при той огромной перегрузке, которую несет каждый судья, прокурор и следователь, это могут сделать только отдельные единицы, люди, у которых хватает силы и выдержки на это. Очень многие же страдают от своей юридической и технической неграмотности, тянутся к учебе и не всегда это свое желание могут удовлетворить.

Мы знаем, что есть работники грамотные и неграмотные, образованные и необразованные, подготовленные и неподготовленные, но до сих пор нет никакого критерия, хотя бы формально определяющего, каковой же должна быть подготовка работника юстиции.

Еще в октябре прошлого года был издан приказ о юридическом минимуме, выработаны программы и разосланы на места. Но сдачу юрминимума пришлось отложить сначала на несколько месяцев, а теперь уже до конца 1935 г. Работники юстиции проходят юрминимум, еще до сих пор не имея необходимой литературы, не имея времени для подготовки. Кое-где учитывая все эти обстоятельства, на сдачу юрминимума смотрят сквозь пальцы. Зачеты принимаются кое-как.

Однако предположим, что юрминимум будет сдан удовлетворительно. И все-таки этот юрминимум лишь тот минимум, который достаточным считать нельзя. Это минимум, который можно только считать первым шагом переподготовки судьи, прокурора и следователя.

Работники юстиции в вопросе подготовки должны брать пример с хозяйственников. Сейчас уже общепризнано, что для того, чтобы руководить производством, надо прежде всего знать это производство, надо быть высококвалифицированным производственником, надо быть инженером. Звание инженера — это формальный признак. Может быть и хороший инженер и плохой инженер, — это верно. Но наши хозяйственники учатся, учатся по-серьезному овладевать техникой, знать и понимать эту технику. А ведь они имеют дело с мертвым материалом, с большими ценностями, но все же с мертвыми ценностями. Их ошибки, их невежество исчисляются убытками в рублях. Работники юстиции имеют дело с живым человеком.

«Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в этом мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры» (**Сталин**).

А ведь работники юстиции имеют дело как раз с этими кадрами. И нельзя оставлять работников юстиции в том положении, в каком они были и в каком они есть.

Суд является одним из мощных орудий диктатуры пролетариата, суд — это средство, которое применяется последним, и надо, чтобы это средство было в руках людей, о которых нельзя было бы сказать, что «судья прежде всего невежественный человек, который не знает своего дела, не видит, кого судит».

Для нас, работников юстиции, лозунг т. Сталина «кадры решают все» означает не только необходимость в выдержанном пролетарии, но и в марксистски образованном и высококультурном судье, прокуроре, следователе. Конечно, на первое место надо поставить вопрос о **подборе и отборе** этих работников. Для этого, конечно, прежде всего надо знать работников юстиции по существу, знать всех, а не только в общем и целом, знать каждого в отдельности, знать его подготовку, его квалифика-

цию. Но для этого надо иметь и какой-то формальный признак. И этим формальным признаком, мне кажется, сейчас пора выдвинуть **требование к каждому судье, прокурору и следователю иметь высшее юридическое образование.** Повторяю, этот критерий — формальный и весьма недостаточный, но все-таки это критерий. Это требование для нас сейчас является серьезным и тяжелым, но отнюдь не недостижимым.

По СССР на 1 марта 1935 г. среди прокурорско-следственного состава процент работников с высшим образованием составляет около 15; для специальных прокуратур этот процент повышается до 20; в национальных республиках он падает до 12. В эти проценты включаются, конечно, как лица с дореволюционным высшим образованием, так и с послереволюционным. Тут довольно много людей, у которых это высшее образование мало заметно. При всех условиях эти цифры мало утешительны.

Работников со средним образованием около 30%. Правда, в этот процент входит много людей, среднее образование которых определяется по принципу: читать, писать умеет, в арифметике понимает, — ну, значит, образование так себе, «среднее». Но довольно значительно количество окончивших наши техникумы, краевые, областные юридические курсы — годовые, шестимесячные.

Если учесть колоссальную, достигающую 30% в год текучесть (за 1934 г. в Узбекской прокуратуре текучесть достигла 80%), то становится немного страшно.

С подготовкой до сих пор дело тоже неблагополучно. В текущем году наши институты дают всего 417 выпускников (по РСФСР—222). Далеко не все они займут должности прокуроров, судей и следователей.

В 1932 г. по РСФСР из институтов были аттестованы 61 прокурор и следователь и 21 судья; в 1933 г. — 21 прокурор, 36 нарсудей и 36 следователей; в 1934 г. — 16 прокуроров, 65 следователей и 48 судей.

Беда тут не только в количестве, конечно, но и в качестве. Большинство это все молодежь, не видевшая жизни.

Сейчас мы имеем налицо по Союзу 2779 студентов. Но в 1936 г. в связи с переходом институтов права на четырехлетний курс выпуска не будет.

В текущем году прием намечен по постановлению правительства в 1490 чел. на основные отделения институтов и 870—на подготовительные.

Высшие юридические курсы в текущем году выпустили только 70 переподготовленных работников.

Прием в настоящем году на двухгодичный курс Всесоюзной правовой академии — 150 чел. и на годичный курс Высших академических курсов при академии — 100 чел.

Существует еще Центральный заочный институт, могущий быть значительным подспорьем. Существует он с 1929 г., но почти ничего не дал. На данный момент в нем числится 3170 слушателей. В этом году институт предполагает довести эту цифру до 6 тыс. По количеству это — учреждение, которое могло бы явиться очень большим подспорьем, качество же его еще, к сожалению, весьма не на высоте. Главное — в бедственных его выпускных возможностях.

Беда еще этим полностью не исчерпывается. С профессорско-преподавательским составом дело обстоит очень скверно, чтобы не сказать катастрофически.

Институты Московский и Ленинградский — основные институты—недоукомплектованы преподавателями на 25%, остальные институты РСФСР—на 50%.

Качество преподавательского состава заставляет желать много лучшего.

Большим подспорьем могла бы быть аспирантура при институтах, но надо сказать прямо: до сих пор аспирантура поставлена очень плохо и дает она работников очень мало и слабо подготовленных. Надо кстати сказать, что из ИКП и из аспирантуры люди уходят не на преподавательскую работу, а очень часто на практическую, не имеющую никакого отношения к юстиции.

С учебными пособиями дело обстоит ниже всякой критики. По огромному большинству дисциплин пособия имеются в крайне ограниченном количестве. Удовлетворительных пособий очень мало, а по некоторым дисциплинам учебников вообще нет. Поэтому бывает так, что учебные планы строят исходя не из необходимости, а из возможности получить нужные учебники.

Надо добавить, что это на русском языке. Что же касается правовых факультетов институтов, работающих на национальных языках, то там дело обстоит совершенно катастрофически. Прежде всего до отдаленных национальных институтов выходящая правовая литература не доходит, частенько они даже не знают о выходящей литературе. Издательство «Советское законодательство» не возражает в принципе против рассылки в одном экземпляре всех книг, издаваемых издательством, но практически этого не делает.

В Узбекистане, например, на национальном языке из печати вышли: «За марксистско-ленинскую теорию государства и права» Пашуканиса, «Революционная роль советского права» Стучки, «Основные задачи советской юстиции на современном этапе» Постышева (печатается), «Учение о советском государстве и его конституция» Стучки, «Учение о государстве» Сарымсакова — и это все.

Количественно с нашими техникумами, годичными школами подготовки и шестимесячными курсами переподготовки дело обстоит значительно лучше. Годичных школ по Союзу — 31, слушателей—10 300; на шестимесячных курсах слушателей—1 750. Цифровые наметки выполняются. Но... с учебными пособиями тут дело обстоит ниже всякой критики, а преподавательский состав почти неизвестен.

Прежде всего мы должны твердо знать и понять одно простое обстоятельство: что когда т. Сталин выдвигает какой-нибудь лозунг, то это означает, что время для этого лозунга настало, что этот лозунг осуществим и что он **будет** осуществлен. Если т. Сталин выдвинул лозунг о том, что «Кадры решают все», то этот лозунг будет осуществлен и по отношению к работникам юстиции.

Разрешением вопроса о подготовке кадров юстиции должны заняться не только руководство юстиции, но и каждый отдельный работник, ибо дело решается не только тем, чтобы

подготовлять, а гораздо большим — тем, чтобы подготовляться.

Постановление правительства от 5 марта этого года дает для этого все возможности, необходимо только последовательное и неуклонное его выполнение.

Прежде всего необходимо, чтобы Всесоюзная правовая академия и Высшие академические курсы были заполнены лучшими работниками, которые по получении образования действительно дадут необходимые кадры.

Необходимо, чтобы комплектование институтов также не прошло мимо местных руководителей юстиции, мимо даже отдельных работников юстиции.

Необходимо, чтобы на наши техникумы смотрели как на подготовительную ступень, чтобы работа в них была поставлена достаточно высоко и чтобы это расценивалось только как первая ступень.

Необходимо дальше выявить среди практических работников юстиции подготовленных преподавателей и заставить их преподавать. Необходимо переломить самый взгляд на преподавателя, взгляд, оценивающий профессора и преподавателя как работника второго сорта.

Надо наконец, — и это совсем не последнее требование, — поставить практического работника в культурные условия работы. Надо, чтобы он мог читать не только кодексы, не только специальную литературу, но и литературу художественную, иногда бывать и в театре.

Только высшим напряжением сил мы добьемся того, чтобы наш судья, прокурор был действительно культурным юристом. А этого мы достичь можем, должны достичь и достигнем.

К. Маслов,

П. Тарасов-Радионов

Сдать юрминимум на отлично

Подготовка судебно-прокурорских работников к сдаче юрминимума приобретает колоссальное политическое значение особенно в свете последних указаний т. Сталина, сделанных им в речи на выпуске академиков Красной армии 4 мая с. г.

Заботливое выращивание кадров, оказание им максимальной помощи является первейшей обязанностью всех органов прокуратуры и суда, особенно сейчас, когда по всему Союзу ССР идет подготовка всех практических судебно-прокурорско-следственных работников к сдаче юрминимума.

Успех хода учебы, подготовки практических кадров, а следовательно и результатов сдачи зачетов зависит в основном от областных, краевых органов прокуратуры и суда, от того, как они сумеют обеспечить этот важнейший на сегодняшний день участок работы.

Постановка подготовки практических прокурорско-следственных работников должна явиться одним из основных показателей происходящего сейчас по РСФСР конкурса на лучшее руководство следствием, одним из основных показателей выполнения на местах решений I всесоюзного совещания работников суда и прокуратуры.

Очевидно, что без надлежаще поставленной серьезной работы по поднятию квалификации, по поднятию уровня теоретических знаний практических судебно-прокурорско-следственных работников мы не сможем поднять качество работы и в первую очередь следствия, не сможем с честью выполнить ответственнейших задач, поставленных партией и правительством перед органами суда и прокуратуры.

В порядке обмена опытом мы хотим осветить работу Московской облпрокуратуры и облсуда, проводимую сейчас в этом направлении.

В соответствии с приказом Прокуратуры Союза ССР и НКЮ по Московской области уже с середины октября 1934 г. началась работа по организации подготовки к сдаче юрминимума, при этом основное внимание вполне естественно было уделено периферийным работникам.

Надо отметить, что первое время эта работа не сразу была развернута в нужных размерах.

17 октября 1934 г. специальным письмом облпрокуратуры и облсуда всем районным прокурорам, нарсудьям и следователям было предложено немедленно приступить к освоению юридического минимума по программе, утвержденной НКЮ.

Облпрокуратура и облсуд рекомендовали, наравне с обязательной индивидуальной подготовкой, организовать кружки в пределах каждого района с охватом ими работников прокуратуры и суда и с привлечением работников НКВД и членов коллегии защитников.

Тогда же с целью снабжения программой юрминимума каждого судебно-прокурорского работника, подготавливающегося к сдаче юрминимума, и облегчения пользования ею Мособлпрокуратура отпечатала в типографии отдельной брошюрой программу юрминимума и в середине октября п. г. разослала ее всем прокурорско-следственным работникам области.

Учитывая, что следственные кадры требуют особо упорной работы по повышению их квалификации, облпрокуратура в период ноября 1934 г. — января 1935 г. организовала пять краткосрочных конференций-курсов следователей, охватив этими краткосрочными курсами 129 народных следователей области.

С большим успехом применялся на этих конференциях выдвинутый Институтом уголовной политики и Прокуратурой Союза ССР новый метод учебы в виде следственных упражнений.

Опыт показал, что довольно значительное время (6—7 час.), затрачиваемое на проведение каждого следственного упражнения, вполне окупается результатами, так как лишь после проведения следственного упражнения на определенную тему из области уголовного процесса или криминалистики достигалось основательное закрепление знаний в той или иной области.

Хорошие результаты дало также и проведение следственного упражнения в сочетании с лекциями по судебной медицине.

Этот метод учебы получил самые лучшие отзывы со стороны всех следователей Московской обл.

Прокуратура Союза ССР и Наркомат юстиции обязали под ответственность обл(край)прокуроров и председателей обл(край)судов организовать везде на местах не только консультации, снабжение литературой, но также созыв конференций, периодическое чтение лекций.

Вполне естественно, что без всего этого не может быть достигнуто повышения квалификации практических работников, что в основном преследовалось введением обязательного юрминимума и в настоящее время приобрело важнейшее политическое значение.

Без всего этого сдача юрминимума может превратиться в формально-бюрократическое выполнение директивы, а по существу издевательство и над смыслом этого, имеющего колоссальное политическое значение, мероприятия и над теми практическими работниками, у которых будут принимать зачеты без предварительного оказания реальной помощи этим товарищам в подготовке по программе юрминимума.

Статья т. Болдырева о ходе учебы в Западной обл., помещенная в № 5 журнала «За социалистическую законность», требует в этом отношении особого к себе внимания, сигнализируя о явном неблагополучии с ходом подготовки к сдаче юрминимума в отдельных областях и краях РСФСР.

В самом деле, в статье т. Болдырева указано, что лишь в 60 из 78 районов области, т. е. даже не во всех районах области, организованы специальные кружки. О работе же этих кружков и о какой-либо помощи им со стороны облпрокуратуры и облсуда не сказано ни слова.

Не тем ли объясняется это молчание, что помощи-то должной не было оказано, что даже организованные специальные кружки были предоставлены самим себе.

Такое предположение невольно напрашивается на основе приведенных в статье результатов досрочных испытаний по первым трем разделам программы юрминимума.

То положение, что более 40% всех районных прокуроров Западной обл. сдали зачеты по трем первым разделам программы «недостачно удовлетворительно» и «слабо», т. е. неудовлетворительно, и ни один из районных прокуроров не сдал на отлично или на хорошо, заставляет более внимательно присмотреться к выполнению в Западной обл. важнейшей директивы по повышению квалификации практических судебно-прокуроско-следственных работников.

В середине марта с. г. специальным приказом облпрокуратуры и облсуда была создана объединенная учебно-методическая комиссия под председательством зам. облпрокурора, на которую было возложено руководство всей подготовкой райпрокуроров, нарсудей и следователей Московской обл. к сдаче юрминимума.

Одновременно был намечен ряд мероприятий по оказанию наибольшей помощи практическим работниками в их подготовке и сдаче зачетов по юрминимуму.

Облпрокуратура и облсуд предложили в каждом районе организовать юридический кружок (где таковые еще не были организованы), выделив ответственным руководителем кружка наиболее квалифицированного судебно-прокурорского работника данного района.

Были установлены твердые дни и часы работы кружков (пять раз в месяц, с 8 час. утра до 12 час. дня). Посещение кружка было приравнено к исполнению служебных обязанностей. Руководителям кружков было предложено вести учет посещаемости занятий, тем, прорабатываемых на каждом занятии, и успеваемости каждого из членов кружка.

Наряду со всем этим объединенной учебно-методической комиссией был организован учет работы юркружков и их руководителей, а также силами выезжающих на места работников аппарата облпрокуратуры и облсуда—контроль за работой юркружков.

Все это в значительной степени способствовало оживлению работы юркружков и постановке учебы на верный путь.

Наладив учебу в юркружках большинства районов области, — основное во всей подготовке к юрминимуму—учебно-методическая комиссия приступила к планомерному проведению в жизнь ряда мероприятий с целью оказания большей помощи практическим работникам на местах, организовав в то же время у себя персональный учет хода учебы каждого прокурора, нарсудьи и следователя, обязанного сдать юрминимум. В тоже время учебно-методической комиссией была организована заочная письменная консультация для юркружков.

По Московской обл. обязаны сдать зачеты по юрминимуму 450 судебно-прокурорских работников, в том числе 125 прокуроров, 211 нарсудей и 114 следователей.

Исходя из столь большего количества подлежащих подготовке судебно-прокурорских работников, и была построена возможная помощь практическим работникам в их подготовка к юрминимуму.

Преследуя задачи дать всем периферийным работникам на высоком уровне установочные политико-теоретические знания по всем основным дисциплинам юрминимума, учебно-методическая комиссия облпрокуратуры и облсуда в период с конца марта по начало мая с. г. организовала и провела по закрытым проводам девять двухчасовых радиолекций.

К чтению этих лекций были привлечены научные силы высокой квалификации.

Чтение радиолекций было проведено по следующим разделам программы юрминимума: уголовный процесс, революционная социалистическая законность и задачи органов юстиции, учение о государстве, уголовное право, хозяйственные право и аграрное колхозное право.

По уголовному процессу А. Я. Вышинским было прочитано 3 радиолекции.

На тему «Революционная социалистическая законность и задачи органов юстиции» лекция была прочитана Н. В. Крыленко.

Лекцию по учению о государстве прочел директор ИССП Комакадемии т. Пашуканис, по уголовному праву — проф. Волков, по хозяйственному праву — проф. Амфитеатров, по аграрному колхозному праву — проф. Павлов.

Особо ценным являлось то, что при чтении этих лекций была организована двусторонняя связь, что давало возможность слушающим практическим работникам тут же во время лек-

ций задавать с мест вопросы лектору и получать исчерпывающие ответы. Правда, за время лекционных часов ряду лекторов не удалось здесь же ответить на все заданные с мест вопросы. Однако и эти вопросы не остались без ответа, так как на них впоследствии лекторами были даны письменные ответы, помещенные затем в бюллетене облпрокуратуры.

Двусторонняя связь дала возможность немедленно проверять посещаемость лекций, а также и слышимость по отдельным районам. Наряду с этим учебно-методическая комиссия завела у себя учет посещения радиолекций каждым судебно-прокурорским работником, обязанным сдать юрминимум.

С целью предоставления возможности проработки этих лекций на местах и лучшего закрепления полученных знаний, учитывая особенно то, что во многих районах эти лекции слушались при помощи наушников, что затрудняло естественно записывание, составление конспектов, учебно-методическая комиссия организовала стенографирование почти всех прочитанных радиолекций.

По мере правки стенограмм радиолекций учебно-методическая комиссия выпускает на правах *рукописи* стенограммы этих радиолекций с приложением к ним заданных *вопросов и ответов лектора* специальными бюллетенями облпрокуратуры, рассылая их в каждый район области.

Выпуск стенограмм лекций специальными номерами бюллетеня облпрокуратуры производится также с учетом установленной Наркомюстом очередности сдачи зачетов по отдельным разделам юрминимума.

Уже выпущены и разосланы во все районы области бюллетени с выправленными стенограммами лекций т. Волкова «Уголовное право» и т. Пашуканиса, «Учение о государстве».

Вполне естественно, что при серьезно ощутимом на местах недостатке в литературе и при задержке выпуска специального издаваемого Наркомюстом пособия по всем разделам юрминимума эти бюллетени явились ценнейшим пособием для более углубленной проработки на юридических кружках.

Остальные стенограммы радиолекций будут выпущены в ближайшем будущем.

Не ограничившись всем этим, с целью оказания большей помощи практическим работникам в учебе, учебно-методическая комиссия Мособлпрокуратуры и облсуда в соответствии с предложением директивных организаций решила пропустить всех практических работников, подготавливающихся к сдаче юрминимума, через специальные девятидневные конференции-курсы.

Дабы не тратить время на большие переезды и не оголять районы, поскольку по большинству районов все судебно-прокурорско-следственные работники должны сдавать юрминимум, а следовательно и пройти эти краткосрочные курсы, созыв конференций-курсов был организован в крупных центрах области — Рязань, Тула, Серпухов, Москва, с вызовом на каждый созыв конференций-курсов 50% судебно-прокурорско-следственных работников из каждого района, территориально тяготеющего к месту очередного созыва конференций-курсов.

В связи с краткосрочностью этих конференций-курсов метод учебы на них был установлен лекционный, с обязательным, конечно, освещением лектором всех возникающих у слушателей вопросов.

Исходя из общей программы юрминимума, тематика занятия на конференциях-курсах была построена следующим образом: учение о государстве — 8 час., судоустройство — 6 час., уголовное право, исправительно-трудовая политика — 16 час., уголовный процесс — 12 час., организация и методика следствия — 12 час., хозяйственное право—6 час., трудовое право—5 час., гражданский процесс — 6 час., аграрное право — 4 час.

Надо отметить, что разделу программы: организация и методика следствия было отведено 12 час. в связи с тем, что на каждом созыве конференций-курсов проводится одно следственное упражнение, занимающее 6—7 час.

Следственное упражнение как метод учебы вполне оправдало себя и на этих конференциях-курсах, где участвовали не только следователи, но и прокуроры, и народные судьи, получив на заключительных заседаниях самую лучшую оценку со стороны всех практических работников.

Проведение конференций-курсов было начато по окончании весеннего сева с 7 мая с. г., причем, исходя из того, что на каждый созыв вызывается не более 40—50 судебно-прокурорско-следственных работников, при условии беспрерывности очередных созывов конференций-курсов, все подготавливающиеся к сдаче юрминимума практические работники смогут быть пропущены лишь к началу августа.

До июля было проведено пять конференций-курсов с охватом ими около 200 прокуроров, народных судей и следователей.

Краткосрочность созываемых конференций-курсов и преследуемая ими задача—дать определенную сумму установочных знаний по каждой дисциплине в объеме программы по юрминимуму и ответить на все вопросы практических работников, дабы этим облегчить дальнейшую углубленную проработку всех дисциплин на юркружков на местах, требовали особо серьезного отношения к вопросу подбора преподавательских сил.

Конечно здесь встретилось немало трудностей, особенно в связи с необходимостью выездов преподавателей из Москвы в район на 1—2—3 дня.

Надо отметить, что большую помощь в подборе и направлении на конференции-курсы вполне квалифицированных преподавателей оказали Институт уголовной политики, Московский правовой институт и ИССП Комакадемии.

Все прошедшие конференции были обеспечены вполне квалифицированными преподавательскими силами, членами и руководителями кафедр Московского правового института и научными работниками ИССП Комакадемии и Института уголовной политики.

На заключительных заседаниях конференций-курсов при подведении итогов учебы, наряду со здоровой критикой отдельных организационных неполадок и методов преподавания отдельных лекторов, все практические работники суда и прокуратуры, в том числе и работники с многолетним стажем, окончившие областные юридические курсы, констатировали, что в результате даже этой краткосрочной учебы они получили очень многое, что это дает возможность после дальнейшей, углубленной проработки на юркружках всего полученного—лучше подготовиться к сдаче зачетов по юрминимуму.

С целью лучшего закрепления и дальнейшего углубления полученных знаний на конференциях-курсах для юркружка каждого района области была роздана специальная литература, которая приобреталась учебно-методической комиссией по мере выхода ее из печати уже в начале 1935 г.

Каждый район сверх ранее полученной литературы еще получил по 8—15 книг почти по всем разделам юрминимума.

Эта литература конечно далеко не охватывает всех вопросов программы юрминимума и в связи с этим не может считаться вполне достаточной для подготовки к сдаче зачетов.

Основным пособием должен будет явиться выпускаемый сборник по юрминимуму, который, к сожалению, несколько задержался.

По выходе этого сборника из печати учебно-методическая комиссия рассчитывает немедленно снабдить им персонально каждого прокурора, нарсудью и следователя, подготавливающегося к сдаче юрминимума.

Однако время для дальнейшей учебы остается очень мало, так как первый срок сдачи зачетов установлен Наркомюстом к 15 сентября, по Московской же области прием зачетов по первой половине разделов программы юрминимума намечается на август.

Поэтому дальнейшая отсрочка выпуска сборника по юрминимуму может крайне болезненно отразиться на ходе подготовки, а следовательно и на результатах сдачи зачетов по юрминимуму.

Лишь при условии всемерной помощи практическим работникам, заботливого к ним отношения, сможет быть выполнена задача по укреплению кадров и поднятию качества работы органов суда и прокуратуры, и в первую очередь следственной работы, на уровень предъявляемых требований.

Тадевосян

Покончить с недооценкой гражданских дел

С каждым днем становится все более и более нетерпимой плохая работа судов по гражданским делам. Недостатки работы судов по жилищным, алиментным, трудовым и другим гражданским делам тем более ярко бросаются в глаза, чем значительней и решительней становятся требования максимально заботливого отношения к нуждам и интересам трудящихся в нашей стране. Левацко-ликвидаторские настроения многих судей и прокуроров, представлявших себе в 1930—1931 гг. дело таким образом, что с ликвидацией кулачества как класса ликвидируется у нас всякое гражданское право, а следовательно не будет и гражданских дел в судах, являются уже в значительной мере пройденным этапом. Однако неряшливость и безразличие в гражданском процессе, как результат ликвидаторства, либо явной некультурности и политической и правовой безграмотности, далеко еще не изжиты в нашей практике.

Между тем только политически близорукие люди могут представить дело так, как будто бы острота классовой борьбы, находящей свое выражение и в гражданском праве, исчезает с момента, когда кулак или нэпман уже не выступают в суде открыто в качестве стороны по гражданско-правовому спору. Тысячи гражданских дел, в которых ведется борьба с бюрократизмом в договорных отношениях или с волокитой по алиментным и трудовым искам, с рвачеством по жилищным и трудовым делам и т. д. представляют арену классовой борьбы в новых формах и в новых условиях.

С другой стороны, исключительно возросла ныне роль суда по гражданским делам как одного из органов, обслуживающих бытовые нужды трудящихся.

Поэтому четкая, бесперебойная, да притом высококачественная работа суда стала абсолютно необходимой. Но для того, чтобы аппарат работал именно так, он должен строго придерживаться установленных правил организации своей работы, т. е. процессуальных норм. Несоблюдение этих норм в значительной мере обусловливает плохое качество судебной продукции по гражданским делам.

Вопрос этот настолько ясен и так исчерпывающе он разъяснен за последнее время (правда, большей частью в отношении уголовного процесса, но в равной мере это относится и к гражданскому), что на этом останавливаться не приходится.

Задача ныне заключается в том, чтобы требовать как от органов суда, так и прокуратуры решительного улучшения своей работы по гражданским делам, реального выполнения того, что на словах признается важным работниками этих органов, на деле же осуществляется далеко не всеми.

В самом деле, разве не прав Л. Сосновский («Известия» от 3 июля 1935 г. № 154), который, анализируя одно из решений нарсуда 1 участка Сокольнического р-на (судья Липов) по трудовому делу об увольнения гр. Малинина, наглядно показывает по меньшей мере неряшливое и легкомысленное отношение этого судьи к разбираемому делу, имеющему серьезное политическое значение не только с точки зрения защиты интересов трудящегося Малинина, но и с точки зрения того как в СССР суд как проводник революционной законности на деле борется с нарушениями трудового законодательства, с бюрократизмом. Разве мало у нас в той же Москве таких судей, которым по поводу многих выносимых ими решений с одинаковым основанием можно было бы сказать так, как говорит Л. Сосновский судье Липову: «И хотя вы это утверждаете не от своего только имени, а прямо «именем РСФСР», но позвольте нам, гражданам РСФСР, отмежеваться от вашего приговора, неприличного в РСФСР, неумного, небрежного...».

Перелистайте алиментные дела, эти важнейшие дела, от правильного решения которых нередко в буквальном смысле слова зависит уменьшение числа беспризорных и безнадзорных детей. Не говоря уже о том, что работа по взысканию алиментов судисполнителями

поставлена из рук вон плохо, о чем имеется целый ряд официальных постановлений верховных судов, очень мало сделано для решительного улучшения этого дела, самое рассмотрение этих исков проходит во многих случаях формально-бюрократически, нередко без принятия каких-либо мер к отысканию отца-ответчика и в его отсутствии, без участия прокурора, который считает подобные иски частными и к нему не относящимися делами.

В руках бюрократов написанные в интересах женщины и ребенка законы наши легко превращаются в свою противоположность, в источник бесконечной волокиты, напрасной траты сил и средств. Так например Гражданский процессуальный кодекс устанавливает специальное правило, согласно которому иски о средствах на содержание (об алиментах) могут предъявляться по месту жительства истца (прим. к ст. 25 ГПК). Само собой понятно, что без установления местонахождения ответчика, с которого после решения суда (вынесенного с применением указанного выше правила) можно было бы реально взыскивать средства на содержание, в большинстве случаев явно нецелесообразно самое рассмотрение и разрешение «спора» об алиментах. Кому нужны такие решения суда, которые по форме быть может и правильны, но существу же остаются нереализованными в большей своей части. Происходит это главным образом от того, что судебные органы вместо выявления и реального привлечения к ответственности недобросовестных, увиливающих от уплаты алиментов отцов предпочитают ограничиваться формальным выполнением закона, который предоставляет возможность рассматривать дело об алиментах по месту жительства истца, причем в случае неизвестности фактического местопребывания ответчика не ожидать извещения о действительном получении повестки ответчиком, а назначать дело к слушанию по поступлении в суд копии повестки с надписью домоуправления последнего известного местожительства ответчика о состоявшемся получении им (домоуправлением) повестки (ст. 72 ГПК). Внешне иногда получается, что суд очень быстро и без волокиты рассмотрел и удовлетворил иск. На деле же получается издевательство, ибо годами по выданному судом по такому делу исполнительному листу ничего нельзя получить. Можно ли подсчитать, каких сил и средств стоит трудящимся подобное обслуживание их материально-бытовых нужд и интересов?.

А по жилищным делам положение отнюдь не лучше. Перед нами два дела, о которых стоит рассказать, чтобы показать, как те же московские нарсудьи решают гражданские споры.

28 марта 1935 г. нарсуд Ленинского р-на (народный судья т. Кокурошников) рассмотрел иск гр. Пыжик к гр. Смирнову и Хохлачеву о выселении. Суть дела сводилась к тому, что гр. Пыжик, который вместе со своим братом купил половину дачи у гр. Смирнова, просил суд выселить проживающего на его половине дачи гр. Хохлачева, родственника гр. Смирнова, в другую половину дачи, т. е. на площадь Смирнова. Суд установил, что братья Пыжик купили половину дачи с целью поселить там свою семью, причем ответчик Смирнов при продаже половины дачи естественно обязался освободить ее от Хохлачева. Поэтому нарсуд вынес по столь простому делу ясное решение о выселении гр. Хохлачева к гр. Смирнову. Кажется ясно, что на этом суд должен был кончить первую стадию своей работы и после утверждения решения высшей инстанцией приступить ко второй, т. е. исполнительной стадии, которым, к сожалению, до сих пор еще нарсуды меньше всего занимаются. Но оказалось, что это не так. Правда, через некоторое время кассинстанция Мосгорсуда утвердила решение нарсуда и тем самым оно вступило в законную силу. Но какое значение имеет для нарсуда то, что решение вступило в законную силу? Если оно может с такой легкостью, как это часто бывает, изменяться или отменяться надзорными инстанциями, почему судья сам не может пересмотреть свое собственное решение? Мы отнюдь не имеем намерения разъяснять судье такие элементарные правила процесса, как недопустимость перерешения судом разрешенного уже им дела. Но проследить ход мыслей и действий судьи по данному делу мы обязаны. И вот однажды в мае, когда в суд вновь явился гр. Хохлачев и подал новое заявление, в котором между прочим указал, что нарсуд при рассмотрении иска Пыжик невнимательно отнесся к делу, почему он и просит пересмотреть решение; тот же нарсудья т. Кокурошников назначил дело вновь к слушанию и 8 мая 1935 г. вынес новое, противоположное первому, решение, т. е. в иске о выселении гр. Хохлачева отказать. Через некоторое время, т. е. 25 мая, это новое решение нарсуда было отменено Мосгорсудом, и «истина восторжествовала», но ведь подумайте только, какое впечатление невнимательности, неграмотности либо легкомыслия производит на трудящихся, для которых работает суд, подобного рода решение. Мы уже не говорим о потерянном сторонами времени, о многократных хождениях по инстанциям и т. д. В этом отношении характерно второе дело, дело нарсуда 3 участка Фрунзенского р-на г. Москвы по иску гр. Николаевской к гр. Фивейской и Лебедеву о признании обмена комнат недействительным.

При значительной тесноте и неудобствах жилищ в больших городах, при отсутствии свободных, сдающихся в наем квартир, обмен комнат является почти единственным средством, при помощи которого граждане имеют возможность выбирать себе более подходящее или удобное жилище. Поэтому как законодательство, так и практика жилищно-коммунальных органов идут навстречу этим нуждам населения, разрешая свободный обмен комнат, облегчая этот обмен при помощи специальных бюро обмена, но в то же время запрещая, конечно, спекуляцию комнатами. Судебным органам мало приходится иметь дело с исками о недействительности обмена комнат, так как обычно, прежде чем обменяться и переселиться, обменивающиеся тщательно проверяют все качества квартиры, условия переселения и т. д.

Но вот одно такое дело попало в нарсуд. Как оно разобрано и разрешено? Суть дела сводится к тому, что в мае 1934 г. нервнобольная гр. Николаевская, которая, проживая в доме РЖСКТ, вдали от центра, систематически имела неприятности и устраивала таковые сама остальным жильцам квартиры, решила произвести обмен комнат со своей знакомой гр. Фивейской. Эта последняя, проживая в центре города, имела отдельную, изолированную квартиру, состоящую из одной комнаты и отгоро-

женной от нее передней. Несмотря на указанные удобства этой квартиры (центр города, изолированность), все же и она имела свои неудобства — шестой, чердачный этаж, временами при плохом центральном отоплении проступающая сырость. Николаевская бывала нередко у Фивейской в гостях, ей нравилась эта квартира, и она просила свою приятельницу обменяться комнатами. Она подала с этой целью в том же мае 1934 г. заявление в правление РЖСКТ с просьбой разрешить этот обмен и получила согласие правления. Однако муж Фивейской не согласился выехать в квартиру Николаевской из-за отдаленности ее от центра, и вследствие этого обмен не состоялся. Обмен, который стал потом предметом разбирательства суда, состоялся лишь в сентябре 1934 г., когда был найден третий человек, гр. Лебедев, пожелавший въехать в комнату Николаевской.

Стороны пришли к следующему соглашению: Фивейская отдает Николаевской свою комнату, но взамен получает не комнату Николаевской (куда, как сказано выше, она отказалась выехать еще в мае), а две комнаты Лебедева, Лебедев же получает комнату Фивейской. 25 сентября происходит этот обмен, который кажется на первый взгляд сложным, на самом же деле житейски он очень прост и в данном случае предназначен был для удовлетворения различных жилищных требований и нужд обменявшихся. При ближайшем, а не поверхностном (как это позволил себе суд) ознакомлении с делом легко установить, что, отдавая некоторые удобства своих комнат, взамен их обменивающиеся трудящиеся искали и нашли другие удобства. Перечислим их, чтобы показать всю несуразность дальнейшей судебной волокиты, явившейся результатом непонимания судом своих задач в гражданском деле. Для нервно-больной Николаевской, как мы указали, представилась возможность получить изолированную комнату Фивейской, и это для нее было важнее всех прочих удобств ее прежней квартиры. Фивейская по состоянию своего здоровья в тот период времени не могла жить на шестом этаже и согласилась жить, хотя бы в старом доме с голландским отоплением, но в первом этаже; при этом она получила вместо одной своей комнаты две комнаты Лебедева что устраивало еще больше ее, так как из всех трех обменявшихся наибольшее число членов семьи у Фивейской. Лебедев же имея больную туберкулезом в третьей стадии жену, искал и нашел в комнате Николаевской центральное отопление и охотно согласился выехать в отдаленную от центра комнату в РЖСКТ.

Мы тут не говорим уже о том, в какой мере обмен этот был целесообразен с производственной точки зрения; укажем только, что Николаевская — пенсионерка и живет с больной туберкулезом дочерью, Фивейская и ее муж — артисты, а Лебедев — инженер, командир РККА.

Так вот как расправился суд с этим делом, когда через 6 мес. после обмена, в марте 1935 г., к нему обратилась Николаевская с иском о признании обмена недействительным ввиду того, что комната, куда она переехала, оказалась сырой и размером несколько меньше, чем она думала. Суд (народный судья т. Мартынов) просто решил: вернуть стороны в первоначальное положение. Прямо-таки «соломоново решение». «Просто и ясно!» С тех пор вот уже больше 3 мес. перечисленные выше трудящиеся не знают покоя, бегают по разным инстанциям, волнуются, пропускают занятия, срывают работу в учреждениях, где служат, и т. д. Еще бы: конечно, легко сказать «вернуть стороны в первоначальное положение». Это означает ведь переселить три семьи! Но за что же? За какие нарушения закона? Даже Николаевская, которой суд оказал медвежью услугу, истрепала и без того больные свои нервы. Каждая из сторон в среднем представила в разные инстанции больше десятка разных справок, документов и т. п., подтверждающих ее правоту. А ведь нелегко получить эти справки, эти подписи свидетелей и т. д. Сколько времени, сил и энергии ушло у трудящихся на получение этих бумаг, на хождения по судам! Сколько времени они отняли у работников суда и прокуратуры, и не только у них! И все это потому только, что нарсуд не разобрался в деле как следует, грубо нарушил основные положения гражданского процесса. В результате началась часто встречающаяся свистопляска кассационно-надзорных пересмотров дела. Кассколлегия Мосгорсуда отменила решение нарсуда и в иске отказала; президиум Мосгорсуда отменил определение кассколлегии и оставил в силе решение нарсуда, указав при этом ни с того ни с сего, что имел место «тройной обмен» (?), и Фивейская обманула доверие своей знакомой Николаевской (?); гражданская коллегия Верхсуда РСФСР отменила все предыдущие решения и постановления и передала дело в отношении Николаевской и Фивейской на новое рассмотрение в нарсуд. И таким образом, когда мы пишем эти строки, дело это еще не нашло своего завершения.

Этими примерами мы на этот раз ограничимся.

Недавнее постановление совещания уполномоченных Комиссии советского контроля при СНК Союза ССР (от 3—4 июня 1935 г., см. «Правда» от 16 июня 1935 г.), наметив в числе основных своих задач проверку работы органов, обслуживающих повседневные нужды и интересы трудящихся, к числу этих органов отнесло и наш суд. И это вполне понятно: суд наш переходит ныне на рельсы все более и более широкого обслуживания интересов трудящихся; особенно это относится к гражданским делам.

Поэтому нам необходимо теперь напрячь все силы для того, чтобы наилучше эту работу организовать, научить народных судей правильно и четко разбирать гражданские дела, точно и умело применять материальный и процессуальный законы, обязать прокуроров уделять гражданским делам не меньше внимания, чем уголовным, прекратить недооценку этих дел.

Е. Львов

История одного дела

Александру Константиновичу Носову 53 года. Он — старый московский рабочий. 38 лет проработал он в одной и той же типографии, которая называется теперь фабрикой книги «Красный пролетарий». За всю свою трудовую жизнь Александр Константинович Носов только однажды на три года порвал связь с родным предприятием, и повинна в этом была мобилизация на фронт в империалистическую войну.

В 1918 году революция вернула т. Носова в Москву, к прежнему типографскому станку. Самая разнообразная работа поручалась т. Носову за эти годы. В 1930 г. его назначили заведующим материальным складом. Четыре года вел эту работу т. Носов, и чем дальше, тем становилось труднее, — объем работы увеличивался, склад типографии стал базой снабжения провинциальных отделений издательства, штат сократили, оставив в помощь одного кладовщика, а сам склад в 1934 г. был разбросан в одиннадцати местах. Добивался т. Носов помощи, обращался к заведующему отделом снабжения Захарову, но из этого ничего не получилось — все ограничивалось разговорами Захарова с директором.

31 декабря 1934 г., когда все пролетарии с радостью встречали новый год социалистических побед, на т. Носова был составлен акт, омрачивший всю его прежнюю жизнь, в которой были три очень серьезные даты: рабочий одной и то же типографии с 1896 г., член профсоюза с 1903 г. и член ВКП(б) с 1930 г. Этот акт устанавливал недостачу в 21 735 руб. 03 коп. и излишки в 3 025 руб. 61 коп. Акт был передан, как сказано в нем, «на зависящее распоряжение фабуправления».

«Зависящее распоряжение» началось с того, что 8 января 1935 г. по издательству, в систему которого входит «Красный пролетарий», был издан приказ, отмечающий «совершенно неудовлетворительную организацию складского хозяйства» и предлагающий Носова и Захарова отдать под суд, главному бухгалтеру фабрики объявляется выговор, директору ставится на вид, а бухгалтеру **издательства** поручается «проверить всю постановку дела материального учета по всей системе» и дать «предложения по упорядочению учета и контроля».

14 января дирекция фабрики передает весь материал прокурору Дзержинского района Москвы. 25 января райпрокурор т. Гарт передает его нарследователю т. Штейн, в середине марта дело поступает в нарсуд с обвинительным заключением по ст. 111 УК. Суду предается Носов.

Что установил нарследователь т. Штейн и с чем согласилась райпрокурор т. Гарт? Обратимся **к обвинительному заключению.**

Первое. «Имущество склада помещалось по всей территории фабрики: в подвале, в сарае, в саду, на лестнице и др. Основное помещение, где находилась большая часть материалов, было на одну треть занято архивом, куда имели доступ посторонние лица, не имеющие отношения к складу».

Все это утверждал и т. Носов.

Второе. «Товары со склада выдавались без документов с последующим оформлением».

И это также все время утверждал т. Носов. А директор фабрики на специальном совещании, говоря о получении товаров без ордеров, делая наивное лицо, спрашивал: «Интересно знать, кто дал право цехам вводить такую систему?» Протокол с этой записью у тт. Штейн и Гарт был, но они почему-то проявили не больше любопытства, чем директор, который о своей фабрике должен знать все.

Третье. Факторов хищения не установлено.

Кроме этих положений в обвинительном заключении нет ничего. Нет в нем и возражений со стороны следователя и прокурора против приведенного в обвинительном заключении утверждения т. Носова, что **«весь материал ушел на производство»,** хотя он своевременно и не был оформлен.

Итак, **следствие** установило: 1) безобразное положение склада по части помещения, 2) наличие системы последующего оформления отпущенных материалов и 3) отсутствие хищений и прямого реального ущерба.

27 марта 1935 г. суд под председательством нарсудьи т. Беленького установил то же, что и следствие. Ничего нового выявлено не было. Суд конкретизировал лишь положение вещей, указав, что Носов может отвечать только за клей, а за остальное (нитки, скипидар, марля и др.) он не отвечает, так как «дирекцией типографии не было предоставлено надлежащего места хранения». Сумма недостачи для Носова понизилась таким образом с 21 тыс. до 10 тыс. рублей.

Надо было решить: виновен ли Носов? Какое наказание применить к нему? И суд решил... приговорить Носова **к двум годам лишения свободы.**

Носов остается пока на свободе. Он пишет кассационную жалобу. Он напоминает о своей почти сорокалетней безупречной работе на одном предприятии, о положительных отзывах, он просит смягчения приговора, но коллегия — три члена суда: Чванников, Дюндин и Беляков — утвердили приговор. Им, очевидно, было «не по себе», и они вынесли частное определение, в котором говорят, что недостача в 20 000 руб. образовалась по вине... директора и бухгалтера типографии. Заканчивается определение это возбуждением уголовного дела через райпрокурора Дзержинского района против директора и бухгалтера. А Носов пока 5 мая садится в изолятор.

Дело с определением вновь попадает к нарследователю Штейн. Она звонит главному бухгалтеру издательства и 15 мая получает ответ на телефонный запрос, в котором описывается система учета.

Этой ничего не стоящей бумажки было достаточно для того, чтобы, сославшись на нее, райпрокурор Гарт принесла «протест». Тов. Гарт за хлопотами о директоре и бухгалтере как-то не замечает того, что старый, честный рабочий Носов зря посажен в тюрьму. Она пишет в протесте о его 38-летнем стаже, о халатности администрации предприятия в отношении него, но о нем самом ни слова.

Тов. Гарт просит прекратить дело в отношении руководителей типографии. О Носове позаботился его товарищ по фабрике и пришел к председателю горсуда на прием. Носов был немедленно освобожден. Президиум горсуда отклонил протест, отменил приговор и определение и передал дело на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования в отношении всех, кто виновен в безобразном состоянии склада фабрики.

Для чего мы рассказали о деле Носова? Чем поучителен этот случай? Он учит нас главным образом тому, как не должен работать **прокурор.** Пусть Носова надо было предать суду. Не будем спорить — т. Гарт и в его действиях узрела элементы халатности. Но когда **прокурор** Гарт получила дело и увидела, что Носов приговорен **к лишению свободы,** она обязана была в первую очередь протестовать против этого.

Когда на глазах у прокурора бездушно, нелепо приговаривают к тюрьме ничем не запятнанного кадрового пролетария и прокурор не только молчит, но покрывает такое безобразие, такой прокурор по меньшей мере заслуживает того, чтобы о нем рассказали на страницах печати.

В. Томский

Выше качество прокурорской работы

Объявлены и уже проводятся в настоящее время два всероссийских конкурса. Один из них — на лучшее следственное дело; второй — на лучшее руководство следствием со стороны прокуроров. Оба эти конкурса по своей целевой установке, по преследуемым ими задачам тесно связаны друг с другом. **Улучшение качества следственной работы,** являющейся одним из важнейших, во многих случаях решающим звеном всей борьбы за социалистическую законность, за всемерное укрепление мощи советского государства, за охрану и укрепление общественной собственности, за решительное пресечение и беспощадное подавление классово враждебных действий и попыток, направленных против интересов социализма и его строителей, трудящихся нашей великой Советской страны,— такова **основная задача,** связывающая оба конкурса в одно неразрывное целое.

Огромное политическое значение этих конкурсов выступает особенно ярко в условиях современной обстановки, в свете великого и вместе с тем гениального лозунга т. Сталина о том, что **«кадры решают все» и что поэтому «упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой».**

Оба эти конкурса имеют между собою теснейшую связь и с точки зрения **организационной,** в частности с точки зрения участия в них органов и работников **прокуратуры.**

Если конкурс на лучшее руководство следствием прямо и непосредственно касается прокуроров, то и от конкурса на лучшее следственное дело последние никак не могут оставаться в стороне, поскольку действия прокурора по руководству следствием являются неотъемлемой и притом существенно важной составной частью следственного процесса.

Вот почему следует с удовлетворением отметить инициативу, проявленную рядом краевых, областных и т. п. прокуратур, своевременно и по-большевистски включившихся в оба всероссийских конкурса. Среди них особого внимания, по имеющимся материалам, заслуживает пример Саратовской краевой прокуратуры (крайпрокурор т. Пригов).

Прокуратура Саратовского края в целях наилучшего проведения обоих указанных конкурсов и повышения на их основе качества прокурорской работы организовала краевой конкурс горрайпрокуроров на лучшее руководство следствием, вызвала на социалистическое соревнование по проведению обоих конкурсов прокуратуру Сталинградского края, широко развернула самые условия конкурса, с полным сознанием всей политической важности поставленных им задач.

В порядке обмена опытом и вкратце, насколько это возможно в пределах журнальной заметки, сообщим некоторые данные об условиях Саратовского краевого конкурса.

Центральное место занимают в них, во-первых, перечень категорий дел, которым должно быть уделено особое внимание горрайпрокуроров, и, во-вторых, самые показатели прокурорской работы.

В перечне важнейших категорий дел указаны: контрреволюционные преступления, преступления, преследуемые по законам от 7/VIII 1932 г. и 8/XII 1933 г.; преступления, связанные с уборкой и сдачей хлеба; преступления в области животноводства — обмеривание и обвешивание.

Нет никакого сомнения в том, что все эти категории дел являются действительно важнейшими и требуют особого к себе внимания с точки зрения указанных выше задач нашей общей и судебной политики. Но в этом перечне имеются и существенные пробелы. Так например в нем полностью отсутствуют (если не считать «обмеривания и обвешивания») преступления, связанные с бюрократически-бездушным отношением к живому, трудящемуся человеку, с грубейшими подчас нарушениями революционной законности в сфере жилищно-бытовых, трудовых и тому подобных интересов трудящихся и таким образом вовсе не нашел своего отражения лозунг т. Сталина о внимании, которое необходимо уделять «людям, кадрам, работникам», лозунг, несомненно, подлежавший учету и при определении круга дел, которым должно быть уделено особое внимание горрайпрокуроров.

Второе замечание касается показателей работы по руководству следствием. Они составлены в основном неплохо и охватывают с достаточной полностью соответствующий круг работы прокурора. Однако и здесь не обошлось без недочетов. Так например не всегда удачно использованы количественные критерии для

определения качества проверки оконченных расследованием дел при направлении их в суд: поставленное в этой связи в «условиях конкурса» на первом месте «количество приостановленных дел» едва ли имеет прямое отношение к данному вопросу. Необходимо было бы далее особо выделить и подчеркнуть, как один из важнейших для судьбы направляемого в суд дела, вопрос о правильной **квалификации** совершенного преступления, тем более что эта сторона работы низовых органов нашей системы еще далеко не на должной высоте.

Недостаточно урегулированы и некоторые другие моменты в организации краевого конкурса, в частности вопросы премирования. Саратовскому краю установлены для горрайпрокуроров 3 премии: первая—1000 руб., вторая—750 руб., третья—500 руб. Но точно такие же премии установлены для горрайпрокуроров и по всероссийскому конкурсу. Получается таким образом уравниловка в премировании, особенно для второй и третьей премии (на всероссийский конкурс из краевого вообще не попадающих), частично ослабляемая тем, что прокурору, получившему премию на всероссийском конкурсе, предоставляется дополнительный месячный отпуск.

В настоящее время краевые и тому подобные конкурсы как подготовительная ступень к всероссийскому конкурсу должны уже повсеместно перейти из стадии организации в стадию глубокого проверочного охвата работы всех горрайпрокуроров.

И мы ждем с мест обильного притока материалов, который на деле выявил бы, как идет на местах работа по фактическому развертыванию конкурсов, как борются все органы и работники прокуратуры за улучшение качества руководства следствием и вообще всего следственного процесса, как осуществляют они в своем деле указания т. Сталина, директивы партии и правительства об овладении техникой, в какой мере работа их соответствует тем повышенным требованиям, которые предъявляет в настоящее время к советскому прокурору партия, советская власть и вся наша трудовая страна.

Борьба с хищениями в органах связи

15 июня по инициативе народного комиссара связи А. И. Рыкова состоялась всесоюзная радиоперекличка, посвященная проверке выполнения решений состоявшегося в декабре всесоюзного совещания работников связи и прокуратуры, по борьбе с хищениями и растратами в органах связи.

В перекличке принимал участие целый ряд краев и областей.

На перекличке присутствовали: народный комиссар связи А. И. Рыков, зам. прокурора РСФСР Ф. Е. Нюрина, ст. пом. прокурора Союза С. С. Пилявский, от Комиссии советского контроля тт. Романов и Тихомиров и ряд ответственных работников Наркомата связи и Прокуратуры СССР и РСФСР.

Ниже мы печатаем доклад А. И. Рыкова и наиболее интересные доклады краевых и областных прокуратур.

Доклад А. И. Рыкова

После совещания, которое происходило в декабре истекшего года, как вы знаете, хищения в органах связи достигли таких размеров, что они были отмечены специальным решением Совета Народных Комиссаров.

На совещании в декабре прошлого года многие начальники управлений пытались доказать, что то, что мы вскрыли в 1934 г., к 1934 году не относится.

Они говорили: «Когда вы получите отчет за I квартал 1935 г., будет совсем иная картина. В 1934 г. мы улучшили свою работу, и в I квартале 1935 г. цифры будут совершенно иные, и вы увидите резкое сокращение хищений».

Что же мы видим на самом деле?

За I квартал 1935 г. самой яркой является цифра по двойным выплатам. В 1934 г. двойные выплаты за квартал составляли 1153 тыс. рублей; за I квартал 1935 г. двойные выплаты достигли 1 487 тыс. руб., т. е. возросли по сравнению с тем, что мы имели в 1934 г.

На очень высоком уровне также находятся подложные и незаприходованные переводы. Они достигают в I квартале 1935 г. 543 тыс. рублей.

Хищения, растраты и просчеты несколько сократились, но остались все же на очень высоком уровне, достигнув за квартал 2180 тыс. рублей.

В прошлом году в среднем за квартал мы взыскивали 2650 тыс. руб.; в I квартале 1935 г. мы взыскали всего 2162 тыс. руб.

Наряду с сокращением хищений и растрат, при росте двойных выплат мы имеем рост хищений посылок и писем. За IV квартал 1934 г. было похищено 2600 посылок, за I квартал 1935 г. похищено 7700. Писем было похищено за IV квартал 1934 г. 2200, за I квартал 1935 г. — 2600.

Мы добились некоторого снижения хищений, растрат по подложным документам. В 1934 г. это составляло 4 с лишним миллиона в среднем за квартал, в I квартале 1935 г. — 21800 тыс., но все же цифра хищений остается еще недопустимо высокой.

Худшими управлениями в смысле большого количества хищений посылок и писем являются Свердловское, Московское городское, Азово-Черноморское, Северокавказское, Ленинградградское областное.

В Свердловске в IV квартале 1934 г. посылок было похищено 30, в I квартале 1935 г. — 104; Москва—город в IV квартале 143, в I квартале 1935 г. свыше 500; Азово-Черноморская область в IV квартале 61 и около 50 в I квартале 1935 г. и т. д. По письмам положение еще хуже: по Свердловску было в IV квартале 1934 г. похищено 93 письма, а в I квартале этого года — 187. Такое же возрастание имеет место во всех перечисленных управлениях по переводным суммам. Хуже всех обстоит дело в Ленинградской обл., Воронежской Азово-Черноморской, Западносибирской, Днепропетровской, Северокавказской и Белорус-

ской ССР. Особенно поразительно огромное возрастание двойной выплаты денежных переводов по телеграфу.

Надо признать, что в отношении борьбы с двойной выплатой перелом не обеспечен. Это говорит о том, что этим делом начальники управлений до настоящего времени еще не занимались.

Некоторые управления добились значительного сокращения. К ним относятся: Ленинградское городское, которое против средних годовых цифр 1934 г. снизило в два раза число растрат и хищений и снизило несколько суммы по двойной выплате; то же в Харьковском управлении.

Я приведу несколько примеров, нашей безобразной практики. Мы обследовали ряд управлений. В Свердловском ж.-д. отделении кулак Шимшинцев производил хищения в кладовой и украл огромное количество посылок. Раскрыли шайку агенты НКВД. Несмотря на то, что жалобы поступали все время, администрация ж.-д. отделения не принимала никаких мер. Когда после этого мы проверили положение в том отделении, то оказалось, что посылки не проверялись и не охранялись, так же как и при этом жулике, вплоть до приезда нашей бригады. Вход в ж.-д. отделение был не по пропускам, а по жетонам. Наша бригада ходила свободно по всем кладовым.

Кладовые были открыты и доступны для всех: ценности сдаются под расписку, но документа и расписки с работника связи никто не спрашивал.

Такие же явления наблюдаются и в других предприятиях связи. Старший почтового вагона Родионов утерял ценную посылку на 300 руб., к суду привлечен не был, его даже повысили в должности, назначив бригадиром посылочного отдела. В 14 городском отделении Свердловска кассиры работают 12 часов в сутки, скопляется у них денег до 60 тыс. руб., кассиры друг другу передают деньги на честное слово. Аналогичные явления нами были обнаружены и при обследовании г. Воронежа. Ценные письма там кладутся прямо на стол, никому не сдаются. В том же Воронеже обменивающий почту, получив 23 ценных письма на 500 руб., передал их дежурному. Последний принял и оставил их на столе.

Азово-Черноморский край. Работник Ракитин и его сообщник совершили растрату. Из Аксайского отделения связи, где Ракитин растратил 41 тыс. руб., он поехал в Воронеж, где хотел устроиться в отделе связи, но там был арестован.

В Баку в мае был принят на работу сопровождающий почту Бабаев, который на 9 день работы сбежал, захватив 1000 руб. В Мишино в мае 1935 г. работал без всяких документов обменивающий почту. Он украл 11 тыс. руб. и сбежал.

Передо мной лежит целая папка такого рода вопиющих случаев, которые указывают на то, что борьба с хищениями по-настоящему не велась. Наоборот по целому ряду управлений мы имеем такого рода случаи, когда произведенные за хищения начеты, на работников связи, на те или другие предприятия связи списываются в сомнительные долги, а потом списываются просто с баланса.

Такие факты следует рассматривать, как наиболее яркий вид уголовного деяния.

Кроме того, совершенно не применяется приказ о том, что когда виновника найти не могут, отвечает администрация. Денежные взыскания должны быть полностью наложены на ту администрацию, которая допустила это хищение. До сих пор это—не применяется, а если кое-где и применяется, то в совершенно ничтожной мере.

В конце прошлого года, в результате выявления безобразного положения с нашей инспекцией, которая получала деньги, но ничего не делала, мы ликвидировали инспекцию низовой связи, и я издал приказ о том, чтобы из лучших работников-связистов по одному инспектору назначали на три района, вменив им в обязанность борьбу с хищениями. Но начальник почтового управления доложил мне, что инспекции не укомплектованы до сих пор и что этому делу не уделяется того внимания, которое необходимо уделять, если мы действительно хотим по-настоящему бороться с хищениями. В тех случаях, когда эта инспекция организована, ее загружают бесчисленным количеством заданий, и борьбой с хищениями они по-настоящему заниматься не могут необходимо снять целый ряд лучших людей из управления связи и организовать из них инспекцию, возложив на нее в качестве актуальной задачи борьбу с хищениями.

Кроме того, те обследования, которые мы произвели, указывают, что самая элементарная работа, о которой издавалось бесчисленное количество приказов и, которая неоднократно обсуждалась нашими совещаниями, проверка всех операций нашими начальниками не ведется до настоящего времени. Теперь у нас введен в действие дисциплинарный устав, по которому мы можем применять различные меры взысканий к нарушителям дисциплины, вплоть до ареста.

Я предупреждаю начальников управлений, что если они в своих выступлениях будут доказывать, что большие цифры хищений в их областях это результат хищений за прошлые годы, — заранее говорю, что я этим объяснениям не поверю. Это я слышу на протяжении ряда лет. Сегодня о борьбе с хищениями нужно говорить так, чтобы был виден коренной перелом в этом деле. Этого перелома до сих пор нет. Это показывает, что тот позор, который лежит на органах связи в виде огромной массы хищений и злоупотреблений до сих пор не изжит.

**
*

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

т. Пальгов.

Мы провели совещание с областным управлением связи, с районными отделами связи и районными прокурорами. На совещание были вызваны те районы, где дело обстояло несовсем благополучно. Провели двустороннюю радиоперекличку по материалам, которые мы собрали на совещании. На радиоперекличке мы дали ряд указаний районным прокурорам, причем основное внимание обратили на сокращение сроков расследования и невыдержанность карательной политики по некоторым делам.

10-дневный срок расследования дел не всегда у нас выдерживается. Из 39 дел 3 были закончены в срок до месяца, а 5 дел—в срок свыше месяца. Несоблюдение этих сроков является нашим минусом. Из дел, которые были

рассмотрены, 9 дел слушались показательным порядком. Областной прокуратурой за 1935 г. принесено 14 протестов в областной суд, причем большинство из них на мягкость приговоров.

В процессе расследования мы накладываем аресты на имущество растратчиков и это дало нам значительное повышение взыскания убытков с растратчиков.

Кроме работы по борьбе с растратами и хищениями мы совместно с управлением связи повели работу по борьбе за доброкачественную работу письмоносца. Мы констатировали по Ленинграду недоставку некоторыми письмоносцами корреспонденции. Мы их предварительно проверили и затем по ордеру прокуратуры произвели у них обыск. В результате оказалось, что некоторые письмоносцы открытками оклеивали свои комнаты, некоторые письмоносцы бросали письма в урну. Виновные привлечены к ответственности. Мы за этим делом крепко наблюдаем. Думаем, что такие явления имеют место и в других краях и областях. На нашем опыте прокурорам и следователям следует проверить, есть ли и у них такие дела

Районные прокуроры уделили особое внимание делу проверки состояния охраны ценностей. Здесь мы должны констатировать, что в некоторых районах охрана ценностей поставлена неудовлетворительно.

Связь наша с областным управлением связи, по нашему мнению, довольно тесная. Мы установили такой порядок, что начальник районного отдела связи обязан сообщать начальнику областного управления связи о преступлениях с указанием, куда он передал материал. Эти сведения мы получаем в областном управлении связи. Такой порядок мы считаем удобным в том смысле, что у нас в прокуратуре ведется учет этих дел. Управление связи вдвойне заинтересовано иметь такие сведения, чтобы знать, какие, преступления совершаются и как органы суда и прокуратуры реагируют на это. В областной прокуратуре по этим сведениям мы имеем возможность контролировать работу как органов расследования, так и органов суда.

Мы предполагаем вместе с управлением связи провести в ближайшее время кустовые курсы, на которых работники связи познакомятся с тем, как они должны работать для того, чтобы мы могли более полно выявлять преступления, которые имеются в органах связи.

С группами содействия у нас дело обстоит не особенно благополучно. Сейчас мы принимаем меры к тому, чтобы в наиболее крупных отделах создать эти группы.

**
*

КУЙБЫШЕВСКИЙ КРАЙ

В основу борьбы с злоупотреблениями в органах связи краевой прокуратурой было положено постановление всесоюзного совещания.

В середине января 1935 г. совместно с областным управлением связи мы провели совещание с участием работников связи и районных городских прокуроров по вопросу о борьбе с преступностью в органах связи.

После этого совещания краевая прокуратура провела отдельное совещание районных прокуроров о методике расследования уголовных дел.

В соответствии с решением всесоюзного и краевого совещания районным прокурорам края была дана подробная директива о мероприятиях по борьбе с преступлениями в органах связи. Затем по части мероприятий по проведению этих директив краевая прокуратура включила их в программу 20-дневных курсов по повышению квалификации следователей. В 8 пунктах края у нас выделены группы содействия прокуратуре. За пять месяцев мы провели 12 показательных процессов. За первое полугодие 1935 г. прошло 16 дел, квалифицированных по закону 7 августа 1932 г., 14 дел было передано в суд, а 2 дела были возвращены на доследование. Весьма неблагополучно у нас в области преступлений в органах связи в Ульяновском р-не. За 1935 г. там возникло 4 крупных дела, три из них прошли по закону 7 августа. Наиболее характерное дело, которое через нас проходило, — это хищение посылок из привокзальной почты в Куйбышеве. Это дело рассматривалось краевым судом в клубе работников связи. По этому делу трое приговорены к лишению свободы на 10 лет каждый, один к трем годам, один к общественному порицанию. Характерным является дело в Н.-Девицкском р-не. Радист Коновалов, воспользовавшись тем, что деньги хранятся в простом деревянном шкафу, не плотно закрывающемся проволокой, открывал шкаф и систематически крал деньги. Всего им было похищено около 8 тыс. руб. Коновалов приговорен к 10 годам лишения свободы, второй обвиняемый, привлекавшийся по этому уже делу — к 4 годам.

Характерно и дело работников почтового агентства в Солдатской Ульяновского р-на. Там заведующими почтовыми агентствами работали шестнадцатилетние подростки. Один из этих заведующих агенством шестнадцатилетний подросток Юдин систематически занимался подделкой почтовых переводов. Подделывал он довольно грубо и при внимательном отношении легко было раскрыть его подделки. Он присвоил за три месяца около 8 тыс. руб. Вместе с Юдиным был привлечен другой его соучастник шестнадцатилетний подросток, и контролер Сапожников, по халатности которого это не было вскрыто своевременно, а также возчик. Это дело о подростках передано в краевую прокуратуру. Результаты суда еще неизвестны. Заведующий Ульяновской почтовой конторой приговорен к году и.-т. работ за прием на работу в качестве заведующих агентствами подростков.

В Н.-Спасском р-не возчик Манилкин крал посылки. Он приговорен к 10 годам лишения свободы.

Краевая прокуратура просмотрела в порядке надзора 17 дел. По 12 делам были принесены протесты в президиум краевого суда.

В результате проведенных нами мероприятий имеется снижение по краю преступности в органах связи, хищения и растраты у нас снизились. Если в IV квартале 1934 г. было 218 случаев, то в I квартале 1935 г. около 125.

Директива о сроках расследования не выполняется. По делам, прошедшим через краевую прокуратуру, сроки различны, а именно: в 10 дней прошло только 6 дел. В отношении же остальных дел сроки не выдержаны.

**
*

АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКИЙ КРАЙ

т. Драгунский

После всесоюзного совещания краевая прокуратура проводила в жизнь решения этого совещания и директивы, полученные от Союзной прокуратуры. Мы дали ряд указаний райпрокурорам по борьбе с хищениями, злоупотреблениями и двойными выплатами, обратив их внимание на недочеты в судебно-следовательской работе. Затем мы провели ряд мероприятий по живому инструктажу. Совместно с управлением связи мы провели 4 кустовых совещания, посвященных борьбе с хищениями и злоупотреблениями. В июне мы провели краевую радиоперекличку. Нужно отметить, что в ряде районов нашего края хорошо развернута работа, мы имеем 20 таких районов.

Я имею 78 докладов райпрокуроров, что составляет 65% районов нашего края, из них 37 районов сообщили, что дела о преступлениях в органах связи за I квартал 1935 г. у них не проходили. Это нужно еще специально проверить для того, чтобы узнать правильно это сообщение или нет. По остальным районам прошло 100 дел, законченных расследованием и уже рассмотренных судебными органами. По закону 7 августа осуждено 8 чел., по ст. 116—41, одно дело о бандитском ограблении в органах связи. Таким образом 49 дел относятся прямо к вопросам хищений и растрат в органах связи; 34 дела о халатности и 16 дел о злоупотреблениях властью. 49% осуждено к различным срокам лишения свободы.

Какие размеры и какие формы растрат, хищений и позаимствований из переводных сумм?

Например Ляпин, который работал в течение 4 лет на разных должностях, систематически учинял подлоги проходивших через него документов, затем он перечислял суммы в сберкассе на имя разных лиц и получал их. Фактически он присвоил 4,5 тыс. руб. причем подготовил документов для хищения на сумму до 18 тыс. руб., но это ему не удалось в связи с арестом и возбуждением против него дела. Он приговорен по закону от 7 августа к 10 годам лишения свободы.

Другое дело Ракитина о котором говорил т. Рыков спешно заканчивается следствием. Он арестован.

Из числа осужденных по этим делам 36% составляют руководящие работники райотделов связи: нач. отделов, зав. агентствами.

Мы считаем, что оперативный контроль и оперативная проверка в ряде районов поставлены совершенно неудовлетворительно.

Останавливаясь на сроках расследования, надо сказать, что и здесь положение неудовлетворительное. Если в общем карательная политика правильна, если основные дела по растратам и хищениям прошли в показательном порядке и целый ряд дел прошел через краевой суд, то в отношении расследовательской работы надо признать положение неудовлетворительным. До 10 дней расследуется только 24%, от 10 до 20 дней — 21%, до месяца — 16% и свыше месяца — 38%.

Неудовлетворительно обстоит дело и с проведением открытого следствия. На эти вопросы нам надо будет серьезным образом налечь.

В ближайшее время мы подведем итоги нашей работы за I полугодие 1935 г. с тем, чтобы, изучив все дела по связи, которые прошли за это время, на специальных кустовых совещаниях обсудить итоги этой работы с нашей периферией. Совещание намечено на август.

Затем мы ставим себе задачу ускорения сроков нашей работы по следствию.

***

ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

т. Акимов

Постановление всесоюзного совещания 28 декабря с нашими дополнительными указаниями было спущено на периферию. 13 февраля всем райпрокурорам была разослана директива, которая обязывала всех райпрокуроров вести борьбу с задолженностью. Если на 1 мая у нас дебиторская задолженность по связи составляла 222 тыс. руб., то к 1 июня эта сумма сократилась до 140 тыс. руб.

5 марта всем райпрокурорам было разослано распоряжение прокурора Республики от 23 февраля о запрещении пользования услугами связи в кредит.

Начиная с марта у нас производится обследование райпрокуратур в области проверки их работы по борьбе с хищениями и растратами.

По сравнению с 1934 г. имеются некоторые достижения в работе с активом. Сейчас мы имеем 36 групп содействия с 163 членами. В 1934 г. у нас было 10 соцсовместителей, сейчас 43.

За I полугодие 1935 г. мы получили 59 сигналов.

За это же время мы провели по районам с работниками связи 59 совещаний, на которых ставились доклады о борьбе с хищениями и растратами. Кроме того работники прокуратуры принимали участие в проработке дисциплинарного устава.

Директива прокурора Республики в отношении окончания дел в 10 дней нами полностью не выполнена. За 1935 г. мы имеем до 10 дней 20,7% дел, до 1 мес. — 27%, от 1 до 2 мес. — 10,6 и от 2 до 3 мес. — 24%.

По данным 91 района из 178 уголовных дел, только 60 относятся к растратам и хищениям, остальные — к халатности. На сегодня рассмотрено 73 дла, по которым привлечено 80 чел. По закону 7 августа осуждено 13 чел., до 5 лет — 5 чел., до 3 — 25 чел.

Следственными органами наложен арест на имущество по 41 делу на 45 653 руб., взыскано по искам 35 903 руб. Протестов за это время нами принесено 13; из них удовлетворено областным судом 10. В 1934 г. было принесено 6 протестов. Удовлетворено из них 3.

Нами совместно с управлением связи установлен такой порядок, при котором районы немедленно извещают по телеграфу о всех серьезных злоупотреблениях и хищениях начальника райотдела связи, а он передает нам. Мы устанавливаем сейчас надзор за 7 серьезными делами. Нами не выполнено решение прокуратуры от 28 декабря в области укомплектования аппарата специальными помощниками. У нас скверно обстоит дело с перифе-

рией и мы все внимание обращаем на укомплектование райпрокуроров. Пока укомплектовано только 14 районов. К 5 июля мы предполагаем укомплектовать все районы.

***

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ КРАЙ

В соответствии с последней директивой прокурора Союза мы проводим перестройку работы органов прокуратуры в области борьбы с преступностью в органах связи на основе решений всесоюзного совещания руководящих работников связи и прокуратуры. Краевое управление связи, краевая прокуратура дали на места исчерпывающие указания о порядке претворения в жизнь указаний всесоюзного совещания. Была проведена специальная инструктивная беседа по радио с местами в разрезе установок всесоюзного совещания. В свою очередь работники прокуратуры по связи, осуществляя эти мероприятия, разработали конкретные меры по борьбе с растратами, хищениями и другими злоупотреблениями в органах связи.

Краевая прокуратура на сегодняшний день не располагает точными данными по краю о количестве хищений за I и II кварталы, так как установленная НКЮ форма отчета по краевой прокуратуре и краевому суду не предусматривает такого учета. Однако отдельные дела, сообщенные прокуратуре и органам связи, позволяют сделать вывод, что за последнее время произошел значительный сдвиг как в сторону сокращения растрат, так и оживления и улучшения оперативной деятельности судебно-следственных органов и усиления карательной политики. Те цифры, которые имеются у нас о количестве растрат и хищений за IV квартал 1934 г. и I квартал 1935 г. наглядно подтверждают этот вывод. У меня в IV квартале растрат и хищений было произведено на сумму около 100 тыс. руб., а в I квартале 1935 г. на 47 тысяч.

Мы раскрыли в I квартале 1935 г. 27 уголовных дел, разрешено 13 дел и находится в стадии расследования 14 дел. Ряд дел прошел с участием прокуратуры.

Мы имели целый ряд дел по ст. 111 — халатное и небрежное отношение к служебным обязанностям — со стороны обслуживающего аппарата связи.

Мы имеем в нашем крае и злоупотребления в области обслуживания культурно-бытовых нужд населения. В этом отношении интересным является дело Иванова и одного сотрудника ст. Пятигорск, которые, зная, что на ст. Пятигорск пришла почтовая корреспонденция в трех мешках—до 80 тыс. почтовых отправлений,—не сообщили никому из работников связи о поступившей почте и положили эти мешки на другой груз. Эта почта пролежала 22 дня. В результате имело место массовое поступление жалоб на недоставку корреспонденции.

В части конкретных безобразий, злоупотреблений, преступных действий должностных лиц Чеченской обл. нами поручено областной прокуратуре произвести расследование и виновных привлечь к ответственности. Поставлен вопрос в отношении районного прокурора, допустившего по нашим сведениям незаконный арест работника связи. У нас был заместитель областного прокурора, мы с ним разговаривали, он нас уверил, что значительная часть фактов, которая содержится в донесениях местных органов связи, преувеличена и не соответствует действительности.

Мы просили его расследовать и материал прислать нам.

***

КИЕВСКАЯ ОБЛАСТЬ

т. Гинзбург

Я хочу остановиться на отдельных вопросах нашей работы.

Первый вопрос — это работа в области рассмотрения жалоб. Опыт показал, что огромное большинство злоупотреблений по районам может быть вскрыто при правильном подходе к рассмотрению жалоб. Областная прокуратура вопросу рассмотрения жалоб трудящихся уделила чрезвычайно большое внимание. За I квартал этого года в областную прокуратуру поступили 173 жалобы, из них в 1 месяц и 20 дней были закончены рассмотрением и удовлетворено 168 жалоб.

Областная прокуратура в начале I квартала 1935 г. заинтересовалась порядком расследования жалоб. Проверка показала, что областное бюро жалоб управления связи работает чрезвычайно скверно. Жалобы залеживались и не рассматривались, а если и рассматривались, то исключительно формально. Заведующий областным бюро жалоб считал, что его роль ограничивается пересылкой жалоб, которые поступают в бюро жалоб районов. В результате заведующий областным бюро жалоб Хаславский с работы снят, и мы возбудили против него уголовное преследование. В Андрушевском р-не мы возбудили уголовное преследование против работников бюро жалоб за бюрократическое отношение к жалобе трудящихся.

Почему мы уделили большое внимание делу рассмотрения жалоб трудящихся?

1. Мы считаем, что жалобы трудящихся должны рассматриваться как можно скорее.

2. Мы знаем, что внимательное отношение к рассмотрению жалоб дает возможность вскрыть ряд безобразий. Надо сказать, что крупная растрата в Попелевском р-не была обнаружена после того как занялись рассмотрением жалоб.

Эта огромная работа по внедрению чуткого, сознательного отношения к жалобам трудящихся дала нам возможность вскрыть ряд злоупотреблений и с ними бороться.

Второй вопрос — это качество следствия. Надо сказать, что в 1934 г. мы имели положение, когда отдельные дела тянулись свыше полугода, я даже могу сказать, что были дела, которые тянулись свыше года. Так, например, арешовское дело, крупное дело о хищениях тянулось свыше года.

В 1935 г. мы добились того, что 67% всех судебных дел нам удалось закончить до 24 дней.

Срок, установленный прокурором Союза, мы не выдержали.

По вопросу о репрессии. В этой области мы имеем в 1935 г. значительное повышение

применения лишения свободы; если в 1934 г. приговора с лишением свободы составляли только 63%, то в 1935 г. — уже 74%. Если в 1934 г. принудительные работы занимали 31%, то в 1935 г. только 24%. Отсюда видно, что репрессия в этом году более жесткая, чем в 1934 г. Это мы объясняем тем, что почти все дела, которые слушаются в суде, мы обеспечиваем прокурорским обвинением.

Последнее — это группы содействия, с которыми мы работаем.

Группы содействия у нас организованы только в 46 районах, и нам надо еще провести большую работу по организации групп содействия, особенно во вновь организованных районах.

**
*

Заключительное слово А. И. Рыкова

У нас в порядке совещания стоял отчет еще ряда областей: Западной обл., Саратовского края и др. Относительно этих областей нужно сказать, что у них работа идет лучше чем во всех тех областях и краях, которые мы заслушали. Мы нарочно в первую очередь дали слово тем областям и краям, которые работают хуже, чтобы подтянуть их работу.

Целый ряд управлений связи, теперь уже ведут борьбу с хищениями. К ним относятся Западная обл., Саратовский край, Киевская обл., не плохо обстоит дело в Одессе, улучшается в Харьковской обл. и в других областях.

Но в подавляющей массе наших районов и областей дело осталось стабильным. Если там и наблюдаются некоторые сдвиги, то эти сдвиги совершенно недостаточны; во всяком случае, это такого рода сдвиги, которые не обеспечивают сколько-нибудь существенного перелома.

Сегодняшняя перекличка показала огромное улучшение в работе прокуратуры по всей территории Союза, за исключением, мне думается, Северного Кавказа, ибо Северный Кавказ сведений дать не мог, потому что какая-то бумага не поступила от НКЮ. Как обстоит дело в области, прокурор не знает, вместо этого он дал характеристику отдельных эпизодов, характеристику отдельных жуликов.

В основном же прокуратура пришла к нам с такой помощью, которую мы никогда еще не имели. Вряд ли можно найти еще один наркомат, которому прокуратура в его работе помогла бы так, как она помогает нам. Это должно в известной степени облегчить нашу работу.

Тем не менее сдвига еще нет. В конце лета я рассчитываю собрать совещание из представителей областей, т. е. начальников управлений связи, бюро контроля переводов, бухгалтеров и части инспектуры, чтобы просмотреть всю нашу систему обработки переводов, контроля, чтобы посмотреть нет ли каких-нибудь дефектов в нашей системе. Я считаю позором двойные выплаты переводов. Жулики есть во всех странах. Но я не мог найти ни одной страны, в которой по переводам деньги выплачивались бы не один раз, а много раз. Таких случаев западноевропейская и американская практика не знает. У нас эта практика за прошлый год принесла нам убыток около 6 млн. руб. Это какое-то своеобразие нашего разгильдяйства. За 1935 г. убытки выросли еще больше по большинству управлений. Это какая-то нелепость, когда деньги вместо того, чтобы выдать их один раз одному лицу или организации выдают несколько раз.

Из выступлений, которые были сегодня, меня необычайно поразил тот пример, который привел прокурор Ленинграда т. Пальгов; это посещение им совместно с органами связи квартир почтальонов, где они увидели стены, оклеенные открытками. Конечно, эти почтальоны сами ходят в гости и к ним ходят гости. Очевидно о квартирах, оклеенных открытками, знало большое количество почтальонов. Хищения открыток производятся демонстративно открыто. Но для того, чтобы такого рода факт открыть, понадобились объединенные усилия прокуратуры и связистов и то пока что это вскрыли только в одном Ленинграде.

Мы с вами боремся с хищениями денежных ценностей и посылок, но по-настоящему, как показывает пример в Ленинграде, мы не подошли еще к вопросу о том, что у нас делается с простой корреспонденцией: учитывается она плохо, контролируется еще хуже, хищения простой корреспонденции проходят безнаказанно до настоящего времени и теперь необходимо заняться и этим делом.

Второе, что я хочу сказать: начальник Воронежского управления связи Корончик сбился в цифрах, которые я, идя на перекличку, уже знал, а он читал сведения по оперативной сводке и сбился потому, что не видел их раньше. Это значит, что он не привык еще ценить нашу отчетность, не умеет использовать нашу оперативную отчетность, тогда как он ее должен изучить немедленно после того, как она поступает к нему, и обязан сам подписывать ее. Я в ближайшее время издам приказ о наложении взысканий на руководство целого ряда управлений связи, которые нарушили закон СНК о представлении правильных сведений. Высылают и представляют все, что попало. От целого ряда управлений мы получили отчетности помимо руководства управлением.

Следующий вопрос — это новые районы, штаты для них и командировка инспекторов. В новых районах штаты будут увеличены. В отношении командировок инспекторов никаких сокращений производить не нужно, нужно сократить те бессмысленные и излишние командировки, которые производятся до настоящего времени. Имеют место такие явления, когда начальники управлений посылают в Москву второстепенных работников, которые поглощают огромное количество средств, а результатов не дают никаких. Нужно эти командировки сократить, а командировки инспекторов расширить.

Один из товарищей прокуроров заявил при характеристике своей области, что у них, за исключением 4-х районов, прекращено бесплатное пользование услугами связи. Тут какое-то недоразумение. А почему в 4 районах это практикуется? Почему начальник этого управления не прекратил там бесплатное пользование услугами связи?

Я должен сказать товарищам из прокуратуры, которые сегодня выступали, что нужно придавать огромное значение разбору жалоб. Разбору жалоб нужно уделить больше внимания.

Мы имеем целый ряд сигналов о том, что у нас с разбором жалоб дело обстоит неблагополучно. Товарищ, говоривший об этом, со-

вершенно прав, что мы должны эти жалобы рассматривать. Кроме того, эти жалобы будут тем ключом, при помощи которого мы будем открывать жуликов.

Перекличка сегодня была назначена потому, что итоги работы за I квартал не дали тех результатов, которые мы на них возлагали, когда собирались на совещание вместе с Прокуратурой Союза в конце прошлого года.

Перелома радикального, изменения положения с хищениями достигнуто не было. Мы имеем снижение, но совершенно незначительное. Ссылка на то, что вскрываются хищения предыдущих лет, совершенно неправильна. Ссылаться на то, что в этом квартале выросли хищения, потому что вскрываются хищения 1932—1933 гг., нужно бросить. Надо, чтобы начальники управлений связи как можно ближе стали к этому вопросу. Это позорное клеймо для связистов надо уничтожить во чтобы то ни стало.

Старший пом. прокурора Союза ССР т. Пилявский

После всесоюзного совещания т. Вышинский послал на места два циркуляра. Первый циркуляр касался требования, обращенного ко всем республиканским, областным, краевым прокурам о сообщении не позже 15 марта, как реализованы постановления совещания. Тут давалась определенная установка, которая подробно изложена была в этом циркуляре. Ответ на это требование поступил только из 16 пунктов, а из выступавших сегодня на собрании товарищей только двое — товарищ из Воронежа и товарищ из Свердловской обл. выполнили это требование. Остальные товарищи, как активно участвовавшие сегодня в перекличке, так и пассивно участвовавшие в этой перекличке, не могут похвастаться выполнением этого распоряжения прокурора Союза.

Второе распоряжение адресовалось всем прокурорам союзных республик и требовало систематического сообщения о том, какие действительные, радикальные меры приняты ими для того, чтобы изжить окончательно недопустимые безобразия с бесплатным пользованием услугами связи и запретить бесплатное обслуживание органами связи кого бы то ни было.

На этот вопрос ответила только одна Прокуратура РСФСР и то она могла сообщить только, что у нее имеются сведения лишь из 4 областей или краев. Прокуроры других союзных республик на это не ответили, а из остальных областей РСФСР то же не поступило никакого ответа. Из сегодняшних выступлений, несмотря на то, что т. Рыков констатировал довольно серьезное включение прокуроров в борьбу с хищениями в органах связи, видно, что не все прокуроры выполняют сроки ведения следствий. Почти все отчитывавшиеся сегодня прокуроры заявляли, что со сроками ведения следствий у них неблагополучно, следствия затягиваются даже по таким делам, по которым требуется провести их немедленно. Товарищ из Воронежской обл. и особенно из Северокавказского края как раз по таким делам, по которым дано было специальное указание прокурора Союза о порядке ведения следствий, не могли сегодня на этой перекличке сказать что-либо членораздельное, что-либо удовлетворительное.

Что касается выделения специальных работников на работу по борьбе с преступлениями в органах связи, то и эта директива не полностью выполнена. Так, например, по той же Воронежской обл. и по Северокавказскому краю мы не получили точного ответа на вопрос выделены ли на это дело специальные работники.

Я обращаю внимание прокуроров на то, что Прокуратура Союза не может терпеть больше такого положения, когда основные директивы ее не выполняются, когда отчеты по исполнению этих директив местами не посылаются, и от имени прокурора Союза т. Вышинского заявляю, что дальнейшее невыполнение его директив, дальнейшее оставление требований прокурора Союза без исполнения будет преследоваться уже более радикально, чем это было до сих пор.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

23 октября 1934 г. нарсуд г. Москвы по делам Моснарпита приговорил Табакова Д. И.—зав. производством столовой ИТР фабрики-кухни № 63 Ленинского р-на, по ст. 109 УК к 3 годам лишения свободы.

Приговор нарсуда кассационной коллегией горсуда от 14 ноября 1934 г. и определением судебной коллегии Верхсуда РСФСР от 8 марта 1935 г. был оставлен в силе.

Определение судебной коллегии Верхсуда РСФСР было опротестовано Прокуратурой Союза ССР.

Президиум Верхсуда РСФСР 3 мая 1935 г. этот протест отклонил.

Из приговора суда видно, что Табаков Д. И. обвинялся в том, что, будучи зав. производством столовой ИТР, 2 и 3 августа 1934 г. выпускал неполновесные блюда, во время работы пьянствовал, и что 23 августа 1934 г. в одной из порций гуляша было обнаружено стекло.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и последующие судебные определения по следующим основаниям:

К исполнению обязанностей зав. производством столовой ИТР Табаков Д. И. приступил 11 августа 1934 г., а народный суд признал его виновным за выпуск неполновесных порций 2 августа 1934 г. в то время, когда он в этой столовой еще не работал.

Установленный легкой кавалерией отпуск неполновесных блюд в столовой ИТР 23 августа 1934 г. **после 6 час. вечера** не может быть поставлен Табакову Д. И. в вину, так как он директором фабрики-кухни был уволен в этот день за обнаруженное стекло в гуляше и после 5 час. вечера не был на производстве, не может нести ответственности за продукцию, выпущенную другим работником.

При проверке столовой в этот день до 5 час. вечера легкой кавалерией было установлено, что основные блюда (мясо, макароны и т. д.), отпускавшиеся во время работы Табакова Д. И., соответствовали установленной Союзнарпитом норме, **за исключением гарнира** всего лишь в трех порциях.

Суд признал виновным Табакова Д. И. за отпуск неполновесных порций хлеба в этот день, а из документов, находящихся в деле, видно, что ответственность за отпуск хлеба несет не зав. производством столовой ИТР, а зав. торговой группой и подчиненный ему хлеборез.

Президиум Верхсуда РСФСР свое решение о виновности Табакова Д. И. основывает на том, что показанием последнего устанавливается якобы служба его в столовой ИТР фабрики-кухни № 63 с 2 августа 1934 г. Это утверждение находится в противоречии с материалами дела (приказ № 63 и справка отдела кадров), каковой материал был на рассмотрении президиума Верхсуда РСФСР. Поверив неправильной записи, внесенной в протокол допроса предварительного следствия о том, что Табаков Д. И. работал с 2 августа по 23 сентября 1934 г., президиум Верхсуда РСФСР вынес решение, противоречащее обстоятельствам дела, и установил, что Табаков Д. И., вопреки официальной справке учреждения, работал не с 11 по 23 августа 1934 г., а с 2 августа по 23 сентября 1934 г. и сделав его ответственным за действия, которые имели место как до поступления его на работу, так и после того, как он был уволен. При этом президиум Верхсуда РСФСР не разграничил время работы Табакова Д. И. в двух столовых одной и той же фабрики-кухни № 63 с разными персоналами, которые функционируют в разное время: одна утром, другая вечером.

Не исследовав этого важного обстоятельства, президиум Верхсуда РСФСР впал в ошибку, приписав Табакову Д. И. вину другого работника (зав. производством Сточека), который решением нарсуда по этому же делу был приговорен к 1 году и.-т. работ за выпуск неполновесных блюд 2 августа 1934 г., приписанных Табакову Д. И.

Вынося свое решение, президиум Верхсуда РСФСР не остановился на том факте, что Табаков Д. И. работал в столовой ИТР фабрики-кухни всего лишь 12 дней и за это время естественно не мог устранить недочеты в работе (недовес 3 порций гарнира), которые, как это установлено всем материалом судебного дела, имели место до принятия этого производства Табаковым Д. И.

Не исследовав вопроса о том, в каком именно помещении кухни стекло попало в пищу — в помещении, где приготовляется пища, или же в зале, где обедает большое количество посетителей, президиум Верхсуда РСФСР вынес решение на основании материалов, совершенно недостаточных для осуждения Табакова Д. И. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что президиум Верхсуда РСФСР совершенно не проверил разноречивых данных о том, в какой же пище обнаружено было стекло — в гуляше или в супе.

При наличии этих обстоятельств президиум Верхсуда РСФСР мог только констатировать, что «Табаков Д. И. действительно был уволен 23 августа 1934 г.» в связи с злоупотреблениями, которые все же, как сказано выше, судом до настоящего времени установлены не были, за исключением 3 порций гарнира.

Табаков Д. И. является виновным только лишь в том, что он как зав. производством столовой ИТР недостаточно контролировал раздатчиков гарнира, которые обязаны были выдавать правильные порции, вследствие чего 23 августа 1934 г. были выпущены три неполноценные порции гарнира.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: приговор нарсуда г. Москвы от 23 октября 1934 г. и решения всех последующих инстанций о т м е н и т ь и дело в отношении Табакова Дмитрия Ивановича в уголов-

ном порядке прекратить направив его в порядке прим. 1 к ст. 112 УК РСФСР на разрешение в дисциплинарном порядке.

**
*

Приговором нарсуда Нухинского р-на, утвержденным кассколлегией и президиумом Верхсуда АССР, гр. Горбатенко был оправдан по делу, по которому он обвинялся в изнасиловании гр. Авфер.

Суд признал, что факт насилия не установлен и что половое сношение между Горбатенко и Авфер было совершено с их обоюдного согласия.

Прокуратура Союза, считая, что такой вывод опровергается обстоятельствами дела и что поэтому приговор суда об оправдании Горбатенко подлежит отмене, опротестовала приговор по следующим обстоятельствам:

Бухгалтер Горбатенко и машинистка Авфер работали в одном и том же учреждении в г. Нухе и нравились друг другу. Горбатенко обычно провожал ее домой после службы, и молодая девушка надеялась выйти за него замуж. В выходной день, 12 апреля 1934 г., Авфер, будучи в кампании с приятелем Горбатенко—монтером Гуссейновым, встретила возле кино обвиняемого Горбатенко в состоянии заметного опьянения. Они подошли к нему и посоветовали итти домой, на что тот согласился. Когда они подошли к квартире Горбатенко, последний пригласил их зайти выпить чаю. Зашли. Горбатенко послал Гуссейнова за водкой и закуской и они втроем принялись за ужин. После ужина Горбатенко стал выпроваживать своего приятеля, чтобы остаться наедине с Авфер. Гуссейнов ушел. Авфер осталась с Горбатенко и провела ночь у него. На другой день утром Горбатенко ушел с утра на работу, а Авфер осталась у него в комнате. Встревоженные отсутствием девушки родные с утра начали ее искать, осведомлялись у Горбатенко, но он ответил незнанием. Однако тетка Авфер, гр. Рудинская, сама отправилась к нему на квартиру, где застала девушку в истерике. Поняв, в чем дело, тетка спросила Горбатенко: «Что вы с ней сделали», на что последовал ответ: Позвольте мне знать». Тетка ушла, а через короткое время сама Авфер явилась домой, стала истерически плакать, биться головой об пол и заявила родным, что Горбатенко под угрозой оружия ее изнасиловал.

Осмотром врача, произведенным 14 апреля (через два дня) было установлено, что «девственная плева нарушена, имеются два глубоких надрыва свежего происхождения, немного кровоточащие; снизу около надрыва небольшая ссадина: кровоподтеков, царапин и ссадин на малых и больших губах и на бедрах не обнаружено». Кроме этого свидетельства врача, да разорванной женской сорочки, других объективных данных, которые позволили бы описать то, что происходило ночью между молодыми людьми, в деле не имеется.

В показаниях же по этому поводу самих участников даются две различные версии.

Рассказ Авфер крайне примитивен: Горбатенко взял ее силой, угрожая ножом и револьвером, парализовал страхом ее волю и способность к сопротивлению... Она пыталась кричать, но никто на выручку к ней не явился.

Горбатенко говорит иное, причем между его показаниями, данными в разное время, имеются весьма существенные расхождения. На суде он заявил, что он ее не любил, что она сама уже давно ему навязывалась, что в тот вечер она сама пожелала остаться у него на ночь, сама стала с ним заигрывать, сама разделась и провоцировала его на половое сближение, а он уступил ей под влиянием опьянения, предупредив, что он уже женат (в действительности он холост). Авфер он обрисовал как девицу весьма падкую до мужчин, готовую сойтись чуть ли не с первым встречным, а целый ряд свидетелей поддержал при расследовании и на суде эту характеристику, доказывая, что она давно уже не девушка, что она навязывалась всем, что одни из них сами с ней спали, а другие видели своими глазами, как она имела сношение с каким-то парнем в открытую, возле большой дороги. Словом по словам Горбатенко и этих осведомленных молодых людей, Авфер — это развратная девчонка, которая сама соблазнила злополучного Горбатенко.

Не совсем однако так описывает события той ночи тот же Горбатенко в своих пространных собственноручных показаниях, данных 14 апреля (на третий день при допросе в милиции).

Оказывается, он усиленно уговаривал девушку остаться, а она все время настойчиво твердила, что если она останется, то больше из его квартиры не уйдет; «На это я сказал ей: «оставайся», — говорит он в своем показании, но она еще и еще раз обращается к нему с тем же вопросом и в третий раз я ответил, что оставайся у меня, но оформления загсом я не сумею сделать, на тоу меня есть причины, Александра ответила: «Отсюда я не уйду, как хочешь...».

Горбатенко сам признал, что Авфер соглашалась остаться с ним на ночь при условии, что она у него останется в качестве жены; что он сам обещал ей фактический брак, только без загса.

Он сам утверждает, что он и утром не отказывался от своих обещаний и даже предлагал сходить к родным и заявить об их фактическом браке. Он только не хотел оформляться в загсе.

Совсем другое рассказывает по этому поводу свидетель Рудинский. Встретив последнего в тот день вечером на службе, Горбатенко заявил ему, что Шура у него ночевала, а что произошло между ними он «не помнит», и просил свидетеля пойти сейчас же к ее родным и сказать, что он «жениться не намерен», а если Шура будет пытаться ему мстить он «всех перестреляет». Вот каким языком заговорил этот «жених» после своей брачной ночи.

В своем показании у следователя 25 апреля 1934 г. Горбатенко уже ни о каких своих предложениях фактического брака не говорит. Все событие он приписывает просто глупости Шуры. «Она с своей глупостью создала такую обстановку, пробыв у меня 20 час., добиваясь замужества, в конечном итоге не добившись своей цели, была вынуждена поставить вопрос или полного сознания перед родителями о проделанной глупости или же с целью до некоторой степени оправдать себя перед родителями, вынуждена была спровоцировать изнасилование».

Таким образом имеются две версии: версия Авфер о физическом насилии и версия Горбатенко, им лично написанная, о психическом насилии, ибо понуждение женщины к вступлению в половое сношение путем обмана, путем заведомо-лживого обещания вступить с нею в брак, — безразлично, фактический или зарегистрированный, — не может расцениваться иначе, как вид изнасилования.

При таких условиях оправдание Горбатенко свидетельствует лишь о том, что как нарсуд, так и Верхсуд АССР слишком формально толкуют содержание ст. 195 УК, оставляя безнаказанными такие действия, которые, являются несомненно социально-опасными и требуют применения мер уголовной репрессии (через ст. 17 УК АССР) по аналогии.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор нарсуда от 30 апреля 1934 г., определение УКК от 21 мая 1934 г. и постановление президиума Верхсуда АССР от 2 декабря 1934 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же нарсуд в ином составе со стадии судебного следствия в декадный срок.

***

25—31 июля 1934 г. Киевский облсуд, рассмотрев дело по обвинению руководящих работников Киевской областной конторы Торгсина по ст. 97 УК УССР, приговорил: Гриншпуна Илью Пинхусовича, бывшего с марта по ноябрь 1932 г. руководителем областной конторы Торгсина к лишению свободы сроком на 3 года; Рижина Исаака Львовича, бывшего с марта 1932 г. по январь 1933 г. зам. управляющего и коммерческим директором Киевской облконторы Торгсина к и.-т. работам сроком на 1 год; Ровинского Петра Соломоновича, бывшего председателем профкома Киевской облконторы Торгсина — к лишению свободы сроком на 2 года, условно; Дивинского Давида Борисовича, бывшего референтом продуктовой группы Киевской конторы Торгсина — к лишению свободы сроком на 2 года; Миньковского Макса Моисеевича, бывшего торгового агента Киевской конторы Торгсина — к и.-т. работам сроком на 1 год; Хазину Раю Яковлевну, бывшую зав. магазином № 5 Киевского Торгсина — к и.-т. работам сроком на 1 год условно; Бродянского Илью Григорьевича, бывшего главного бухгалтера Киевской облконторы Торгсина по ст. 99 УК — к лишению свободы сроком на 1½ года.

Облсуд признал перечисленных лиц виновными в следующем:

а) разбазаривание товаров золотого фонда, часть коих была распределена между сотрудниками аппарата (Гриншпун, Рижин).

б) введение системы принудительного ассортимента (нагрузок) при отпуске большими партиями продуктовых товаров, что создавало почву для различных злоупотреблений со стороны завмагов и некоторых сотрудников конторы (Гриншпун, Рижин);

в) заключение договоров с жилкооповскими столовыми об отпуске обедов сотрудникам столовой, за что отпускались столовым продукты из магазинов Торгсина — без нагрузок и вне очереди в неограниченном количестве (Гриншпун, Рижин, Ровинский).

г) с целью погашения задолженности жилкооповским столовым за обеды продали спекулянту 50 мешков муки без нагрузки, получив за это, через завмага Файнштейна взятку в 4000 руб., каковая сумма была уплачена частично Дивинским и Файнштейном в одну столовую, а остальная сумма была вручена, по распоряжению Рижина, Ровинскому для уплаты второй столовой (Рижин, Дивинский, Ровинский).

д) организовали через агента Миньковского закупку пайков для сотрудников конторы. Пайки покупались в магазинах Торгсина через спекулянтов, которые оплачивали набор продуктов золотой валютой, за что этим спекулянтам отпускалось вне очереди и без нагрузки по 30—40 мешков муки (Рижин, Гриншпун, Миньковский);

е) пользуясь служебным положением, Гриншпун самоснабжался, набирал в магазинах продукты, набрав таким образом продуктов на 50 руб. золотом. Зав. маг. № 5 Хазина отпускала продукты Гриншпуну, не имея на это права;

ж) запущенность и хаотичность бухгалтерии, затруднявшая борьбу с растратами, своевременную подачу рекламаций и оформление исков в арбитражные и судебные органы к различным учреждениям и лицам, что приводило к пропускам давностных сроков (Гриншпун, Рижин, Бродянский).

На указанный приговор киевский облпрокурор и пом. прокурора УССР подали протест в уголовно-кассационную коллегию Верхсуда УССР, в котором просили об отмене приговора облсуда за мягкостью, поскольку в ряде действий осужденных устанавливается непосредственная связь со спекулянтами, получение взяток и пр.

УКК Верхсуда отклонила протест прокурора и определением от 1 октября 1934 г. резко снизила всем осужденным первоначально избранное облсудом наказание.

Так, Гриншпуну, Дивинскому и Бродянскому лишение свободы было заменено и.-т. работами на 1 год каждому, Ровинскому условное лишение свободы заменено и.-т. работами на 1 год условно, в отношении Хазиной приговор был отменен и дело о ней прекращено. Оставлен был в силе лишь приговор в отношении Миньковского.

Прокурор УССР на это определение УКК Верхсуда внес протест в пленум Верхсуда УССР, в коем просил об отмене приговора облсуда и определения УКК Верхсуда за мягкостью.

Пленум Верхсуда УССР 13 марта 1935 г. частично согласился с протестом прокурора Республики и, приняв во внимание, что осужденный Рижин играл основную роль в допущенных со спекулянтами сделках, приговор о нем отменил за мягкостью. В остальной же части оставил в силе определение УКК Верхсуда от 1 октября 1934 г.

Между тем за мягкостью не может оставаться в силе и приговор в отношении Гриншпуна, Дивинского, Миньковского и Ровинского.

Материалами дела в достаточной степени установлено, что Гриншпун знал и активно участвовал в сделках со столовыми.

О взятке в 4000 руб., полученной специально для погашения долга столовым, не только знали, но были инициаторами этой комбинации Дивинский и Ровинский.

Миньковский в своих показаниях сам довольно красочно описывает порядок закупки пайков через спекулянтов.

Определение УКК Верхсуда УССР от 1 октября 1934 г. также признает, что «материалами дела в достаточной мере доказано предъявленное им обвинение».

При таких обстоятельствах нельзя согласиться с тем, что степень социальной опасности осужденных не требует их изоляции от общества, как равно, нельзя согласиться с резким смягчением наказаний, избранных облсудом в отношении Гриншпуна, Дивинского и Ровинского.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор Киевского облсуда от 25—31 июля 1934 г. и определение УКК Верхсуда УССР от 1 октября 1934 о тех же обвиняемых и постановление пленума Верхсуда УССР от 13 марта 1935 г.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила отменить приговор Киевского облсуда от 25—31 июля 1934 г., определение УКК Верхсуда УССР от 1 октября 1934 г. и постановление пленума Верхсуда УССР от 13 марта 1935 г. (за исключением Рижина) и дело в отношении Гриншпуна, Рижина, Ровинского, Дивинского и Миньковского передать на новое рассмотрение со стадии судебного следствия в декадный срок.

**
*

27—28 марта 1934 г. выездная сессия Верхсуда АзССР приговорила Мамедова Гаджи по закону 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы, с конфискацией половины имущества и Горского В. Н. по ч. 2 ст. 146 УК к 5 годам лишения свободы.

Обстоятельства этого дела заключаются в следующем:

У Гаджи Мамедова, который являлся заведующим столовой на рыбном промысле Худат была обнаружена недостача в размере 19 411 р. 14 к.

Виновность Мамедова в растрате значительной суммы денег, принадлежавших столовой, была установлена как самим фактом недостачи, так и признанием Мамедова в израсходовании на свадьбу около 6 тыс. руб. и составлении для погашения недостачи подложного акта о краже из столовой продуктов на сумму — 4897 р. 37 к.

В процессе расследования была выдвинута версия о том, что бухгалтер столовой Горский будто бы получил с Мамедова взятку в сумме 1000 руб., за сокрытие произведенной Мамедовым растраты, в связи с чем Горскому, помимо обвинения по ст. 146 УК, было предъявлено обвинение и по ст. 162 УК.

Однако эта версия не нашла подтверждения на судебном следствии и Горский по ст. 152 УК был оправдан.

Суд установил виновность Горского по ч. 2 ст. 146 УК в том, что он, будучи бухгалтером, допустил хаотическое состояние учета и отчетности в столовой, благодаря чему Мамедовым и была произведена растрата крупной суммы денег.

Прокуратура АзССР, считая осуждение Горского неправильным, опротестовала приговор суда в Президиум Верхсуда АзССР, причем привела следующие мотивы для отмены приговора:

Недостача у Мамедова образовалась за время с июля 1933 г. по январь 1934 г., Горский же фактически работал в столовой с июня по ноябрь месяц 1933 г., причем за этот период в течение одного месяца находился в отпуску. Недостача у Мамедова была выявлена на основании данных баланса, в составлении которого принимал участие Горский.

Возложение ответственности за недостачу у Мамедова исключительно на Горского является неправильным, так как помимо него контроль за деятельностью Мамедова должен был осуществляться и правлением и ревизионной комиссией рабкоопа.

Результаты рассмотрения протеста прокуратуры отражены в имеющейся в деле выписке из протокола заседания президиума верхсуда АзССР от 8 июля 1934 г., из которой видно, что президиум вынес постановление об оставлении приговора суда в силе и о снижении осужденному Мамедову меры наказания до 3 лет лишения свободы.

Помимо приведенных выше соображений Прокуратуры Республики в отношении неправильности осуждения Горского, необходимо отметить, что баланс на 1 января 1934 г. был сдан Горским вновь назначенному бухгалтеру Шевченко 19 января, что Горский был дважды премирован за свою работу и что таким образом достаточных оснований для признания Горского виновным в хаотическом ведении учета и отчетности, в результате чего Мамедовым была совершена растрата, у суда не имелось, и именно поэтому суд в своем приговоре не смог привести ни одного факта, который характеризовал бы преступную халатность Горского.

В то же время, не изменяя квалификации действий осужденного Мамедова и без какой-либо мотивировки, президиум Верхсуда АзССР снизил меру наказания Мамедову до 3 лет лишения свободы.

В результате такого решения основной обвиняемый Мамедов оказался осужденным по закону 7 августа 1932 г. к значительно меньшему наказанию, чем обвиняемый Горский, который по ст. 146 УК был осужден к 5 годам лишения свободы.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор Верхсуда АзССР от 27—28 марта 1934 г. и постановление президиума этого суда.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: приговор Верхсуда АзССР от 27—28 марта 1934 г. и постановление президиума этого суда по делу Мамедова и Горского отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии судебного следствия.

**
*

Бармашев Александр Николаевич, машинист, работающий на транспорте с 1925 г., был осужден линсудом Пермской ж. д. 4 февраля 1934 г. к лишению свободы на 3 года по ст. 593в УК.

Транспортная коллегия приговор оставила в силе.

Бармашев был осужден за то, что он допустил превышение скорости поезда № 609 на перегоне Шумиха-Чистое 17 октября 1933 г., и вместо установленной скорости в 30 км ехал со скоростью до 50 км в час, вследствие чего произошло крушение.

Техническое расследование причин крушения установило, что крушение явилось результатом превышения скорости до 50 км в час, отрыва буксовых сквозных торцевых болтов вследствие наличия в одном из них трещины и совершенно неудовлетворительного качества металла.

По делу было установлено, что поезд был отправлен со станции Шумиха в 18 ч. 20 м., крушение произошло в 18 ч. 35 м. на расстоянии 5—6 км от ст. Шумиха, следовательно 6 км Бармашев прошел в 15 мин. Прохождение этого расстояния в 15 мин. дает возможность констатировать, что скорость хода поезда не превышала установленной, т. е. 30 км. Мало вероятным является заключение о превышении скорости потому, что оно покоится на весьма разноречивых свидетельских показаниях, определявших превышение скорости на глазомер.

Кроме того весьма немаловажными являются и пояснения Бармашева во время судебного разбирательства, что если бы он ездил со скоростью 50 км в час, то при крушении вагоны набежали бы силою инерции друг на друга и паровоз отскочил бы на большое расстояние — метров на 700 от места навала, чего, однако не случилось. Вагоны повалились после упавшего хоппера один за другим и паровоз встал тут же на место.

Эти мотивы весьма основательные, имевшие для решения вопроса о причинах крушения основное значение, остались, однако без внимания. В деле нет даже схемы крушения, а акт, описывающий подробности крушения, составлен столь небрежно, что его даже нельзя прочесть.

Все это приводит к выводу, что факт превышения скорости не установлен, что крушение явилось результатом иных причин, то ли состояния пути, то ли неисправности подвижных частей состава поезда. Следствие и суд своевременно неуделили этому вопросу надлежащего внимания, а сейчас установить настоящую причину уже невозможно.

По этим основаниям Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линсуда.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линсуда и определение транспортной коллегии в отношении его, Бармашева, за отсутствием в его действиях состава уголовного преступления, отметить и дело в уголовном порядке производством прекратить.

**
*

Нарсуд г. Луганска 10 ноября 1932 г. приговорил Савву Конозова к 7 годам лишения свободы по закону 22 августа 1932 г. по обвинению в пособничестве в спекуляции.

УКК Доноблсуда приговор нарсуда утвердила.

Пособничество это выразилось, по утверждению суда, в том, что Конозов одалживал своей жене, занимавшейся мешочничеством, казенные деньги, получаемые им в подотчет из ЗРК, где он работал.

Однако при ознакомлении с материалами дела для такого вывода нет достаточных оснований. Вывод этот суд сделал из того факта, что по заявлению самого обвиняемого из числа отобранных при обыске у его матери 650 руб. часть этих денег в сумме 182 руб. являлась его подотчетными деньгами, переданными им матери на временное хранение.

Не говоря уже о том, что сам факт стал известен лишь благодаря заявлению самого обвиняемого, что уже свидетельствует в пользу того, что никаких преступных целей при передаче этих денег матери он не преследовал (в противном случае он конечно умолчал бы об этом), произвольность подобного вывода суда совершенно очевидна. То обстоятельство, что мать его хранила вместе казенные и личные деньги сына, никак не может служить основанием для обвинения последнего в финансировании мешочничества за государственный счет. Кроме того в этом и не было никакой надобности, так как в распоряжении жены его имелось достаточно своих денег.

Кроме этой «улики», никаких других доводов в отношении причастности Саввы Конозова к спекуляции в деле не имеется. Тот факт, что он является мужем спекулянтки сам по себе не может заменить отсутствующие в деле доказательства его вины.

По этим основаниям Прокуратура СССР опротестовала приговор нарсуда в отношении Саввы Конозова.

Пленум Донецкого областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: приговор нарсуда г. Луганска от 10 ноября 1932 г. и определение кассколлегии от 8 декабря 1932 г. отменить и дело по ст. 5 УПК производством прекратить.

**
*

17 января 1935 г. Пермская сессия линейного суда приговорила ДСП Пермь гр. Чайковского Александра Романовича к 6 мес. и.-т. работ с запрещением работать на должностях, связанных с движением проездов на 2 года; гр. Липатникова М. на 1 год условно и Красильникову Ольгу к 8 мес. и.-т. работ.

Транспортная коллегия определением от 31 января 1935 г. приговор оставила в силе, понизив Чайковскому и Красильниковой удержание до 10%.

Все эти лица были осуждены за то, что 3 декабря 1934 г. п. № 833 был направлен вместо главного пути на 5-й пристанский тупик Камского речного пароходства, в результате чего у паровоза были повреждены: передняя подножка, сломано буферное стекло, сломаны с правой стороны цилиндровые краны, убыток определен в 80 руб.

Конкретно в отношении каждого обвиняемого установлено следующее:

Чайковский ДСП выдал ключи от стрелок ст. стрелочнику Липатникову, у которого ключи оставались на все время дежурства, в то время когда ключи должны были храниться у ДСП. Липатников, получив от ДСП Чайковского заказ на маршрут для отправления п. № 833, зная, что правильное направление поезда зависит от стрелки № 10, не проверив, в каком положении находится стрелка, сообщил Чайковскому о готовности маршрута.

Красильникова, получив ключи от ст. стрелочника перед отправлением п. № 833, участвовала при маневрах, производимых через стрелку № 10, не переводя стрелки на главный путь, т. е. в положение, в каком должна была находиться стрелка № 10, заперла ее и ключи передала Липатникову, который сам тоже не

проверил положения стрелки. При отправлении п. № 833 Липатников находился в будке, и Красильникова была им направлена для исполнения другой работы, следовательно при отправлении п. № 833 никто на стрелке № 10 не присутствовал.

Имея в виду, что никто из этих лиц ранее не судим, последствия от нарушения ими труддисциплины весьма незначительны, Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: приговор линсуда и определение транспортной коллегии от 3 января 1935 г. в отношении Чайковского Александра Романовича, Липатникова Митрофана Агафоновича и Красильниковой Ольги Прокофьевны отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить.

**
*

В ночь на 20 декабря 1932 г. со склада Сталинградского Горкубуча, помещающегося по Медведицкой ул., путем взлома деревянной стены было похищено неустановленное количество товаров.

Уже после кражи, в складе была обнаружена бочка с растительным маслом в количестве 117 литров, причем оказалось, что это масло на складе незаприходовано.

Произведенным по этому поводу расследованием было установлено, что заведующий закусочной № 4 Горкубуча Балакин 18 декабря договорился с неизвестным ему гражданином о покупке у него растительного масла по 9 руб. за килограмм. На следующий день Балакин повел с директором Горкубуча Крайневым и его помощником Ивахновым переговоры о покупке указанного масла. Получив отказ в выдаче ему денег для этой цели, Балакин самостоятельно купил масло и выдал продавцу из находившихся у него подотчетных сумм задаток в размере 500 руб. Масло это 19 декабря было доставлено в склад Горкубуча и принято без сопроводительных документов кладовщиком Ушаковым.

Всего Балакиным было куплено 179 кг масла, после же кражи в наличии оказалось только 117 литров. Таким образом установлена недостача 62 кг.

В связи с этим Балакин, Ушаков и агент Горкубуча по снабжению Ефанов, который принимал участие в перевешивании масла на складе, были переданы суду по закону 7 августа 62 кг.

2 января 1933 г. нарсуд 3 участка г. Сталинграда признал Балакина, Ушакова и Ефанова виновными в том, что они совершили кражу 62 кг масла, а затем с целью сокрытия этого преступления симулировали кражу товаров из склада Горкубуча и приговорил каждого из них к 10 годам лишения свободы.

Кассколлегия крайсуда 20 января 1933 г. приговор нарсуда утвердила.

Прокуратура Союза, считая, что действия обвиняемых неправильно квалифицированы судом по закону от 7 августа 1932 г., опротестовала приговор нарсуда по следующим соображениям:

Масло, похищенное со склада Кубуча не являлось общественной собственностью, так как по делу не установлено, кому первоначально принадлежало это масло. Фактическим владельцем масла являлся осужденный Балакин который, злоупотребляя своим служебным положением, за свой страх и риск купил его у неизвестного лица, и чтобы квалифицировать действия Балакина по закону 7 августа 1932 г. следовало признать, что он похитил часть масла им самим же купленого и фактически принадлежащего ему же самому.

Указанные выше действия Балакина должны были быть квалифицированы как злоупотребление служебным положением.

В отношении осужденного Ушакова материалами дела установлено, что он, будучи кладовщиком склада Кубуча, незаконно без документов, принял от Балакина масло. Эти действия Ушакова подлежат квалификации по ст.ст. 17 и 109 УК.

Первая коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза определила действия Балакина, Ушакова и Ефанова переквалифицировать на ст. 109 УК и в соответствии с ролью каждого из обвиняемых определить им наказания: Балакину — 4 года лишения свободы, Ушакову—3 года и Ефанову—2 года, исключив из приговора конфискацию имущества.

**
*

17 июня 1934 г. нарсуд 1 участка Ростовского р-на, Иваново-промышленной обл. приговорил по ст. 107 УК к 5 годам лишения свободы гр. Федорову.

Федорова А. М. была признана виновной в систематической спекуляции овсом и табаком на базарах гг. Ростова и Москвы.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда по следующим основаниям:

Предварительное и судебное следствие по делу было проведено небрежно. В деле нет постановления о привлечении Федоровой А. М. в качестве обвиняемой. Нет постановления об окончании следствия. Обвинительное заключение Федоровой А. М. не было вручено.

Дело слушалось в отсутствии обвиняемой, в то время как суд знал, что повестка обвиняемой Федоровой не получена.

Суд обосновал приговор совершенно непроверенными данными. Факт спекуляции Федоровой А. М. овсом на базарах гг. Ростова и Москвы судом, а также органами финотдела и милиции установлен не был.

Вторая коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: приговор нарсуда 1 участка Ростовского р-на от 17 июня 1934 г. отменить и дело на основании примечания к ст. 66 УК производством прекратить.

Оперативно-производственное совещание в Союзной прокуратуре 10 июня 1935 г.

10 июня с. г. под председательством прокурора Союза ССР т. А. Я. Вышинского состоялось расширенное оперативно-производственное совещание Прокуратуры Союза ССР, на котором обсуждались актуальнейшие в настоящее время для работы прокуратуры вопросы: 1) о мероприятиях по общему надзору (докладчик — т. Рогинский); 2) о работе по кадрам (докладчик — т. Вавилов); 3) о соцсовместителях (докладчик — т. Рогинский). Эти вопросы теснейшим образом связаны друг с другом: улучшение качества работы по общему надзору, как и по другим отраслям прокурорской деятельности, всецело зависит от основной и решающей в современных условиях проблемы кадров, а к этой проблеме, в свою очередь, вплотную примыкает и является ее составною частью вопрос о соцсовместителях.

Вот почему итоги указанного оперативно-производственного совещания заслуживают особого внимания и интереса со стороны всех органов и работников всей системы прокуратуры вплоть до самых низовых ее звеньев включительно.

Центральное место в первом докладе т. Рогинского занимал вопрос о борьбе с нарушениями революционной законности, часто наблюдающимися на местах даже со стороны отдельных ведомств. Еще 11 мая с. г. прокурором Союза был издан приказ о мероприятиях по усилению работы органов прокуратуры именно в этой области. Однако и до настоящего времени органы прокуратуры не перестроили еще своей работы в требуемом направлении. Об этом свидетельствует ряд фактов, когда на местах прокуроры, зная о незаконных постановлениях тех или иных органов, не обращали на них внимания, не опротестовывали их, не добивались их отмены и даже не сигнализировали о них в Прокуратуру Союза или РСФСР. Так было с нарушениями закона в денежной системе, с выпуском незаконных местных займов и денежных суррогатов (Омск, Горьковский край, Грозный), с нарушениями в деле проведения в жизнь нового колхозного устава и т. д.

В целях решительного поворота и перестройки работы по общему надзору, в докладе т. Рогинского был предложен ряд практических мероприятий, охватывающих весь прокурорский аппарат, начиная от Прокуратуры Союза и кончая райпрокурорами.

Так, в Прокуратуре Союза каждый ее отдел и каждый прокурор, ведающий определенным кругом наркоматов и входящих в их систему учреждений, должны просматривать все издаваемые наркоматами и их учреждениями постановления, циркуляры, распоряжения, имеющие директивный, установочный и т. п. характер, проверять их законность и опротестовывать те, которые будут нарушать требования советского закона. Для этой цели необходимо обеспечить своевременное получение Прокуратурою Союза всех издаваемых наркоматами и учреждениями постановлений, приказов и т. п. Все это требует установления тесной связи с правовыми отделами и юрисконсультами наркоматов и учреждений, периодических с ними совещаний, посещения наркоматов и учреждений наблюдающими за ними прокурорами, с соответствующей проверкой на месте — все ли постановления и приказы посылаются в прокуратуру, систематического и регулярного подведения итогов работы по общему надзору на оперативных совещаниях прокуратуры (не реже 1 раза в месяц) и т. д.

Аналогичным образом должен быть построен общий надзор за законностью издаваемых ведомствами постановлений и в прокуратуре союзных республик.

Что касается краевых и областных прокуратур, то здесь необходимо, чтобы проекты обязательных постановлений проходили через местную прокуратуру для предварительного их просмотра и дачи необходимых замечаний по ним с тем, что, если эти замечания не будут приняты, прокуратура опротестовывает незаконные постановления. Необходимо, кроме того, чтобы на каждом заседании президиума и секретариата край(обл)исполкома присутствовал край(обл)прокурор или его заместитель для внесения, в случае надобности, соответствующих поправок или протестов. Независимо от этих мероприятий, постановления исполкомов должны обязательно поступать для систематического просмотра и в Прокуратуру Союза, которая будет, таким образом, на этом материале проверять работу край(обл)прокуроров.

Весьма ответственна и роль районного прокурора в системе общего надзора за соблюдением революционной законности. Он также должен присутствовать на заседаниях президиума и секретариата своего исполкома, получать и просматривать постановления сельсоветов, периодически проверять постановления общих собраний и правлений колхозов по вопросам нового колхозного устава и штрафной практики.

Таковы, в общих чертах, предложения, выдвинутые в докладе т. Рогинского. Резюмируя прения по этому докладу, т. А. Я. Вышинский предостерег работников прокуратуры от двух опасностей: 1) от опасности «удариться в крайность», т. е. в наблюдение за всякого рода мелочами, что означало бы возврат к старым формам надзора и не позволило бы сосредоточить силы и внимание на основном, главнейшем — на том, что сейчас требуется от прокуроров; 2) от принятия на себя прокурорами роли консультантов наркоматов и учреждений, которые пожелали бы «страховать» себя путем сплошного пропуска своих постановлений через предварительную прокурорскую визу.

Совещание одобрило доклад т. Рогинского и приняло содержавшиеся в нем предложения о мероприятиях по общему надзору, признав также необходимым, по предложению т. Вышинского, дать дополнительное инструктивное письмо с конкретными указаниями для работников прокуратуры о методах наилучшего осуществления общего надзора за революционной законностью.

Во втором докладе **о работе по кадрам** т. Вавилов отметил ряд имеющихся в данном вопросе недостатков. Это, во-первых, **неполное укомплектование** (по общей прокуратуре недокомплект в 1770 чел., по специальной в

277 чел.), относящееся, главным образом ко вновь организуемым областями и районам. Крупным недостатком является, далее, **текучесть** кадров, составлявшая за 1934 г. в ряде союзных республик 31%. Причины этой текучести коренятся в не всегда удачном подборе кадров; в нежелании ряда работников, отстающих по своей подготовке от предъявляемых в настоящее время требований, поднять свою квалификацию до уровня этих требований; в неудовлетворительном состоянии материально-бытовых условий, главным образом, народных следователей и районных прокуроров; наконец, в отсеве чуждых, негодных элементов, пробравшихся в прокуратуру, выявляемых при проверке, которая продолжается и поныне.

Для устранения имеющихся недостатков, для улучшения подбора, укрепления и поднятия авторитета работников прокуратуры совещанием был принят ряд предложенных т. Вавиловым мероприятий. Предложения эти были дополнены т. Вышинским, отметившим необходимость углубления поставленных в докладе вопросов, давшим развернутый и заостренный в духе большевистской самокритики, анализ недостатков работы с кадрами и внесшим ряд новых практических предложений, принятых оперативно - производственным совещанием. В частности, т. Вышинский указал на необходимость довести до конца реализацию в данном вопросе постановления XVII съезда партии, а именно: организовать изучение периферийных кадров и работу по ним внутри соответствующих оперативных секторов прокуратуры, с тем, чтобы изучение кадров и руководство их движением носило вполне оперативный характер и основывалось не на каких-либо случайных моментах, не на чисто бумажных данных, а на систематическом, глубоком ознакомлении с живыми людскими кадрами и с их реальной работой по конкретным делам, по исходящим от того или иного работника следственным и судебным материалам.

***

Широко развернут был и второй доклад зам. прокурора Союза т. Рогинского, посвященный вопросу о **соцсовместителях.** Докладчиком была дана яркая картина существующего в этом вопросе положения со всеми важнейшими его недостатками. Самое число соцсовместителей крайне недостаточно: на 1-ое июня 1935 г числится в Прокуратуре Союза только 36 человек, а в действительности — значительно меньше. В ряде отделов (сельскохозяйственный, промышленный, водная прокуратура) соцсовместители, хотя и числятся, но фактически не работают. Некоторые отделы сумели заинтересовать соцсовместителей и правильно построили работу с ними. В других же отделах работа соцсовместителей либо вовсе срывается по вине самих же отделов, либо этой работе придается неправильный, извращающий самую идею соцсовместительства, характер. Соцсовместителя превращают по существу в обычного аппаратного оперативного работника, в результате чего он теряет свой профиль общественника, призванного не только помогать в оперативной работе, но и изучать самую систему, в которой работает, помогать выявлять и исправлять существующие в ней дефекты.

Нет у работающих в Прокуратуре Союза соцсовместителей и связи с выдвинувшим их производством, и (за исключением транспортной прокуратуры) взаимного между собою обмена опытом.

Нет также и должного внимания к материально-бытовым условиям работы соцсовместителей, приходящих в прокуратуру работать вечером, по окончании своей дневной работы на производстве; не организована и система поощрения лучших соцсовместителей, включения в аппарат наиболее подготовленных из них и т. д.

Все это приводит к утрате интереса у соцсовместителей к работе, а вслед за тем и к полному отходу их от работы.

Тов. Рогинский внес ряд предложений, направленных к улучшению дела соцсовместительства в Прокуратуре Союза. Сюда относится, прежде всего, изменение самого **способа комплектования** соцсовместителей: вместо «кустарщины» в этом деле — плановое обеспечение источников комплектования с тем, чтобы каждый прокурор, как правило (за некоторыми специфическими исключениями), имел соцсовместителя. Во-вторых, необходимо изменить и **метод работы** с соцсовместителями, не превращать их в простой придаток оперативного аппарата, а обеспечить соцсовместителю возможность проявления инициативы в деле изучения и вскрытия недостатков аппарата.

Важнейшее значение имеют и правильное разрешение **организационного вопроса** (перенесение заведывания вопросами соцсовместительства в отдел кадров), и надлежащая организация **учебы** соцсовместителей, и улучшение их **бытового** обслуживания.

Доклад т. Рогинского был одобрен оперативно-производственным совещанием, подчеркнувшим при этом, по предложению т. Вышинского, ответственность, лежащую на начальниках управлений, отделов и отдельных частей Прокуратуры Союза за правильную организацию работы соцсовместителей как в самом центральном аппарате, так и на периферии. Внося это предложение, т. Вышинский указал на необходимость оживления работы соцсовместителей, перенесения центра тяжести ее из канцелярии, гораздо менее интересующей рабочего с производства, на общественную арену; расследования и выезды на места, судебные выступления, участие в производственных совещаниях прокуратуры и т. д.

К той же мысли, по существу, примыкало принятое совещанием предложение т. Сегала о выделении и продвижении, после соответствующей подготовки на непосредственную оперативную судебно-прокурорскую работу ряда соцсовместителей, проявивших себя хорошими и преданными делу работниками.

Таковы, в общих чертах, итоги июньского оперативно-производственного совещания Прокуратуры Союза. Охватывая ряд важнейших вопросов, касающихся содержания, организации и качества прокурорской работы, постановления этого совещания должны привлечь к себе максимальное внимание всех органов и работников нашей системы, послужить для них по этим вопросам новой исходной и опорной точкой в неуклонной и повседневной, партийно вдохновленной борьбе за наилучшие, большевистские качества советского прокурора.

Библиография

Колькотт, М. С., д-р. Юстиция в Росси, Нью-Йорк, Изд. Макмиллен. 1935 г. с. 265.

Книга американского социолога и криминолога д-р Мери Колькотт: «Юстиция в России» представляет большую ценность, как добросовестная и вдумчивая попытка дать картину советской юстиции, советской уголовной и исправительно-трудовой политики

Д-р Мери Колькотт принадлежит к левобуржуазной американской интеллигенции. Она—автор двух капитальных исследований: «Нью-Йоркское законодательство о детском труде и «Принципы социального законодательства». Для ее умонастроения и политической установки не только симптоматичен самый выбор тематики, но и трактовка предмета. Необходимо также отметить, что предисловие к ее работе о детском труде написано известным американским деятелем в области детского суда Линдслеем.

Проф. Мери Колькотт посетила в прошлом году Советский союз, приехав вместе со слушателями англо-американского института при I МГУ. Она с большой энергией использовала время, которым располагала, не только посетив наши суды и исправительно-трудовые учреждения, но и вступив в теснейший контакт с деятелями нашей юстиции и работниками наших правовых научных учреждений.

Книга представляет интерес не только своей попыткой дать теорию советского уголовного права и процесса. советской уголовной и исправительно-трудовой политики, не только теми живыми и всегда острыми впечатлениями, которым автор подводит итог, но и всем ее тоном. Можно смело сказать, что, приехав в Советский союз в качестве «объективного наблюдателя», автор уехал, как видно из ее книги, убежденным другом и поклонником Советского союза. Отсюда в высшей степени благожелательный тон всей книги. Книга подкупает своею искренностью и то, что книга принадлежит буржуазному ученому, приехавшему только в качестве «объективного наблюдателя», делает пожалуй особенно ценным те благожелательные, а местами восторженные выводы к которым автор приходит в результате изучения нашей уголовной и исправительно-трудовой политики, причем автор отдает себе полный отчет о тех трудностях, которые стояли и еще стоят на нашем пути, и о тех недостатках, которые еще не изжиты.

Автор в введении пишет: «Социальную политику Советского союза нужно брать в историческом разрезе. Нельзя ограничиться описанием того, что существует в настоящий момент, но нужно охватить пройденное за короткое время расстояние и те грандиозные препятствия, которые пришлось преодолеть». И автор продолжает: «Должно казаться прямо чудом, как удалось не только почти покончить с детской беспризорностью, принявшей такие огромные размеры лет 10—12 тому назад, но и создать конструктивные методы в деле исправления взрослых правонарушителей».

Нас не должно удивлять, что книга слабее в тех частях, которые посвящены марксистской теории права и государства (в частности глава: «Советская теория преступления»), чем в тех, где автор излагает свои живые впечатления или дает сводку и анализ советского законодательства. Автор для первой из названных задач недостаточно подготовлен (в частности, не владея русским языком, автор не мог охватить всей необходимой ему литературы), но самое желание дать теоретические основы советского права нужно только приветствовать.

Зато с захватывающим интересом читаются те страницы, где автор излагает свои живые впечатления, которые были получены при посещении наших судов и исправительно-трудовых учреждений. И вот, что замечательно. Проф. Мери Колькотт подметила многое такое, что нам в силу привычки уже не бросается в глаза. Описание Сокольнического изолятора, Новинского исправдома, Болшевской коммуны принадлежат к числу лучших глав в книге. Автор при этом приводит любопытные сопоставления с капиталистической пенитенциарной практикой. Она говорит: «Когда при посещении зарубежных тюрем нас уверяет начальство, что у них нет «практики молчания», а заключенные на вопросы отвечают шопотом, то внимательный наблюдатель делает из этого свои выводы». Наоборот, при посещении советских исправительно-трудовых учреждений не было расхождений между полученными разъяснениями и тем, что автор сам видел и наблюдал, причем автор подчеркивает, что ему была дана полная свобода общения с заключенными.

Не менее интересны описания посещения народных судов, городского суда, верховного суда РСФСР. Автору была дана возможность ознакомиться с делами, которые подлежали разбору и, будучи в курсе того, что происходит, автор мог следить за всеми деталями судебной процедуры. Ее впечатления — не впечатления иностранного туриста, а серьезного наблюдателя и специалиста, впечатления, в которых найдет для себя много поучительного даже советский читатель. С одним, впрочем, нельзя согласиться в описания д-ра Колькотт: вполне понимая роль и значение советской прокуратуры, она недооценивает роли советской защиты. Правда, автор прав, когда подчеркивает, что в советском суде нет «эффектной схватки между обвинением и защитой», нет словесной дуэли и игры наносимых друг другу ударов, нет всего того парада, когда подсудимый забыл, а публика следит за единоборством сторон (стр. 131), прав автор, когда подчеркивает разницу между ролью обвинения и защиты в советском суде и в судах капитала, но неправ, когда думает, что обвинение и защита не нужны в советском суде.

Книга М. Колькотт распадается на следующие главы (кроме предисловия): 1) введение, 2) советская теория преступления, 3) советская уголовная репрессия со времени революции, 4) какие преступления совершаются и кто их

совершает, 5) что собой представляют суды, 6) предварительное следствие, 7) научная помощь суду, 8) прокуратура, 9) подсудимый и защита, 10) труд как метод исправления, 11) Сокольники, 12) женская тюрьма, 13) дети и закон, 14) Болшевская коммуна и 15) заключение.

Из этого оглавления видно, как широк диапазон книги. Кроме того, автор в виде приложения дает перевод общей части уголовного кодекса (особенная часть почти целиком приведена в тексте книги, как и перевод важнейших законодательных актов последнего времени).

Хотя автор, казалось бы, должен был понимать, что советский суд как орган пролетарской диктатуры и советская уголовно-исправительная политика неотделимы от всей советской системы, однако автор полагает, что Америка до известной степени может использовать «русский судебный и пенитенциарный опыт». Это та же ошибка, которую делают буржуазные экономисты, когда им кажется что они могут заимствовать у нас «планирование хозяйственной жизни».

Автор в своем предисловии пишет: «Проблема преступности в Соединенных штатах Америки принадлежит к числу самых серьезных социальных вопросов. Возросшая за последнее время активность «генгстеров» (бандитов, терроризирующих промышленность и торговлю) и «киднепперов» (похитителей людей) увеличение преступности среди молодежи, преступности, с которой мы не видим средств борьбы, вызывают тревогу не только среди социальных работников и лиц, соприкасающихся с этими проблемами, но даже среди обыкновенных граждан. Не только наша пенитенциарная система, непригодная для исправления правонарушителей, но и наши социальные условия являются почвой для порождения преступности. Медлительность наших судов, влияние политиков на юстицию, воздействие на сентиментальных и некомпетентных присяжных заседателей со стороны искусных, но совершенно беспринципных адвокатов — все это явления, хорошо всем известные. Видя все это, мы задаем себе естественный вопрос: что же нам делать в интересах охраны общества и в то же время для того, чтобы помочь преступнику снова стать полезным гражданином»?

Конечно, причины плохой «работы» американской юстиции очерчены автором в этих строках не совсем «адекватно». Однако, не это нас сейчас интересует. Нас интересует тот рецепт, который предлагает автор: «Мы можем сделать только одно: внимательно присмотреться к другим странам и к другим системам, которые кажутся более пригодными. Россия с ее широкой социальной программой уделяет большое внимание своей преступности и своим преступникам. Шервуд Эдди, изучавший Россию в течение долгого времени, включил гуманное обращение с преступниками в число вещей, которые могли бы позаимствовать другие страны. Он мог бы прибавить также простоту разбора дел в судах, при помощи которой достигается более правильное отправление правосудия, и порекомендовать бы и это явление как образец для подражания».

К сожалению, мы должны разочаровать д-р Колькотт: американские тюрьмы едва ли сумеют заимствовать у нас «гуманное обращение с заключенными», а суды «простоту производства», да дело не в этом.

Далее, д-р М. Колькотт пишет: «Можно симпатизировать политическим убеждениям, господствующим в Советском союзе, или осуждать их, но нельзя не испытывать уважения и удивления в отношении народа, который сумел претворить идеи в действительность. Они знают, чего потребовать от человека, нарушившего закон, и как вернуть его обратно в общество».

Д-р Колькотт кажется, что можно заимствовать советскую уголовную и исправительно-трудовую политику, оставив в стороне «политические убеждения, господствующие в этой стране», и в этом ее ошибка.

Однако уже в введении к своей книге она рассуждает более правильно. Она пишет: «Уголовная репрессия тесно связана со всей социальной программой, которую развивает советское государство». При этом д-р М. Колькотт перечисляет следующие основные условия, помогающие советскому государству в борьбе с преступностью: 1) пятилетка и ликвидация безработицы, 2) участие широких масс в управлении государством и в общественной жизни, 3) культурная революция и ликвидация безграмотности, 4) новое социальное сознание, 5) новое законодательство о семье и браке, 6) заботы о здравоохранении и о физической культуре, 7) заботы о детях, охрана материнства и младенчества, 8) подъем жизненного уровня трудящихся масс, 9) широкая система социального обеспечения и пр.

В том же введении д-р Колькотт пытается парировать упрек, который ей могут бросить, что она пробыла в Советском союзе недостаточное время для того, чтобы составить себе исчерпывающее понятие о советских судебных и исправительно-трудовых учреждениях. Парирует она этот упрек довольно правильно: ссылкой на то, что она специалистка в той области, о которой пишет, и что она была в силу этого достаточно подготовлена к правильной оценке и правильному восприятию полученных впечатлений. И действительно, как мы видели, личные впечатления автора всегда отличаются большой точностью, а ее описания — правдивостью и добросовестностью. Точно так же она проявляет достаточную осведомленность и в советском уголовном законодательстве. И не в этом слабая сторона ее книги. То, чего ей нехватает, не может быть ей, как буржуазному ученому, поставлено в вину: ей нехватает надлежащей марксистской подготовки и это мешает ей углубить и теоретически осмыслить те в общем правильные фактические наблюдения, которые она сделала.

Если в силу указанных причин глава: «Советская теория преступности» является недоработанной, то другие главы ее книги нельзя не признать в достаточной степени содержательными. В главе: «Советская уголовная репрессия со времени революции» автор дает сжатый, но серьезный очерк истории уголовной репрессии в Советском союзе. В главе: «Какие преступления совершаются и кто их совершает» автор не только излагает особенную часть уголовного кодекса, не только приводит статистические материалы, но на основе работ советских теоретиков уголовного права пытается дать отчет о корнях, формах и причинах пре-

ступности в Советском союзе. В главе:: «Научная помощь суду» автор подробно останавливается на работах Института уголовной политики и Института им. Сербского, а также на роли экспертизы в советском суде. Неплохо изложено судоустройство и особенно хорошо— роль и задачи советской прокуратуры. Изложение сопровождается приведением наглядных схем в форме таблиц, которые должны сильно облегчить зарубежному читателю понимание предмета.

Честность, добросовестность, серьезность, полное желание. понять происходящее, отсутствие предвзятости—вот отличительные черты личности и книги др В. Колькотт.

В целом книга должна расцениваться как положительное явление. Книга д-р Колькотт, написанная в высшей степени популярно, рассчитана не только на специалистов, но и на широкий круг читателей. Книга представляет собою правдивый отчет видного американского криминолога о советской судебной и исправительно-трудовой системе. Книга эта сыграет огромную роль в деле правильной ориентации зарубежного читателя в тех явлениях, которые она описывает и подвергает вдумчивому анализу. Книга эта безусловно заслуживает перевода на русский язык. Книга эта — победа того большого дела, которое творится в Советском союзе, и которое вынужден признать даже буржуазный ученый, если он хочет быть добросовестным.

А. Е. Брусиловский.

Официальный отдел

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР О СНЯТИИ СУДИМОСТИ С КОЛХОЗНИКОВ

Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР постановляют:

1. Снять судимость с колхозников, осужденных к лишению свободы на сроки не свыше 5 лет либо к иным более мягким мерам наказания, и отбывших данное им наказание или досрочно освобожденных до издания настоящего постановления, если они в настоящее время добросовестно и честно работают в колхозах, хотя бы они в момент совершения преступления были единоличниками.

2. Действие этого постановления не распространяется:

а) на осужденных за контрреволюционные преступления и особо опасные преступления против порядка управления:

б) на осужденных по всем преступлениям на сроки свыше 5 лет лишения свободы;

в) на рецидивистов;

г) на лиц, осужденных за злостное и систематическое невыполнение обязательств по поставкам сельскохозяйственных продуктов (зернопоставки, мясо- и молокопоставки и др.).

3. Снятие судимости освобождает этих лиц от дополнительных мер наказания, назначенных по пунктам «ж», «з» и «и» ст. 20 УК РСФСР и соответствующим пунктам статей УК других союзных республик, а также отменяет запрещение на получение ими паспорта, если для этого нет ограничения по другим основаниям.

4. Для осуществления настоящего постановления образовать в районах, краях, областях и союзных республиках, не имеющих краевого и областного деления под председательством председателя соответствующего исполкома, комисси в составе: прокурора, председателя суда и начальника управления НКВД.

5. Для определения порядка работы комиссий, указанных в п. 4-м настоящего постановления, поручить Прокуратуре Союза ССР, Верхсуду Союза ССР и НКВД СССР издать специальную инструкцию.

6. Работу по снятию судимости с колхозников в соответствии с настоящим постановлением закончить к 1-му ноября 1935 г.

Председатель ЦИК Союза ССР
М. Калинин.
Зам. председателя СНК Союза ССР
В. Чубарь.
Секретарь ЦИК Союза ССР
И. Акулов.

Москва, Кремль.
29 июля 1935 года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР 19 ИЮНЯ 1935 г.

О ПОДСУДНОСТИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ СПОРОВ КОЛХОЗОВ МЕЖДУ СОБОЙ И ИМУЩЕСТВЕННЫХ СПОРОВ КОЛХОЗОВ С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ И КООПЕРАТИВНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

1. Установить, что споры колхозов между собой и споры колхозов с государственными и кооперативными организациями, возникающие из договоров и других имущественных правоотношений, подлежат рассмотрению:

а) при сумме иска не свыше 5000 руб. — в народном суде;

б) при сумме иска свыше 5000 руб—в Государственном арбитраже.

2. Учредить в составе республиканского (в республиках, не имеющих областного деления), краевого и областного государственного арбитража специальные должности арбитров (от двух до пяти человек на республику, край, область) для рассмотрения споров, предусмотренных п. «б» ст. 1 настоящего постановления, в соответствии с Положением о Государственном арбитраже, с обязательным выездом арбитров в районы.

3. Предоставить государственному арбитражу при совнаркомах республик, не имеющих областного деления, краевых и областных исполнительных комитетах право изменения и отмены решений, вынесенных соответствующими арбитрами в порядке выезда.

Возложить на главного арбитра при СНК СССР контроль за работой республиканского, краевого и областного государственного арбитража по рассмотрению указанных споров.

4. Размер единой государственной пошлины с исковых заявлений по спорам колхозов между собой и спорам колхозов с государственными и кооперативными организациями установить в ¼% исковой суммы.

5. Настоящее постановление на земельные споры не распространяется. В отношениях этих споров сохраняется порядок их рассмотрения, предусмотренный законодательством Союза ССР и союзных республик.

6. Поручить СНК Союза ССР и правительствам союзных республик внести в действующее законодательство Союза ССР и союзных республик изменения, вытекающие из настоящего постановления.

Председатель Центрального исполнительного комитета Союза ССР **М. Калинин.**

Председатель Совета народных комиссаров Союза ССР **В. Молотов.**

И. о. секретаря Центрального исполнительного комитета Союза ССР **И. Уншлихт.**

Москва, Кремль.
19 июня 1935 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СНК СССР ОТ 29 СЕНТЯБРЯ 1932 г. «О ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ ГЛАВНЫХ И СТАРШИХ БУХГАЛТЕРОВ» В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ОБОБЩЕСТВЛЕННОГО СЕКТОРА

Изложить ст. 11 постановления СНК СССР от 29 сентября 1932 г. «О правах и обязанностях главных и старших бухгалтеров в учреждениях и хозяйственных организациях обобществленного сектора» (СЗ СССР 1932 г. № 72, ст. 440) следующим образом:

«11. Главный или старший бухгалтер в случае получения распоряжения, противоречащего закону или установленному порядку бухгалтерской отчетности, обязан до приведения его в исполнение письменно обратить внимание лица или органа, давшего распоряжение, на незаконность последнего.

При получении письменного подтверждения распоряжения главный или старший бухгалтер обязан его исполнить с немедленным уведомлением о том руководителя вышестоящего органа. Одновременно главный или старший бухгалтер обязан об этом сообщить:

а) по учреждениям и организациям районного и городского подчинения заведующему районным или городским финансовым отделом;

б) по учреждениям и организациям краевого (областного) подчинения — заведующему краевым (областным) финансовым отделом;

в) по учреждениям союзного и республиканского подчинения — народному комиссару финансов Союза ССР или народному комиссару финансов союзной республики — по принадлежности.

В тех случаях, когда главный или старший бухгалтер получает распоряжение совершить действие, наказуемое в уголовном порядке, он обязан, не приводя этого распоряжения в исполнение, немедленно сообщить об этом указанным выше органам».

Зам. председателя совета народных комиссаров Союза ССР **Н. Антипов.**

Управделами Совета народных комиссаров Союза ССР **И. Мирошников.**

21 июня 1935 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

О ПОРЯДКЕ ПРОВЕДЕНИЯ ДОБРОВОЛЬНЫХ СБОРОВ

Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР п о с т а н о в л я ю т:

1. Запретить советским и общественным организациям проведение всякого рода добро-

вольных сборов на какие-либо цели, в том числе и путем распространения значков, открыток и т. п. предметов. В виде исключения из этого правила проведение этих сборов допускается лишь с разрешения Совета народных комиссаров Союза ССР, даваемого в каждом отдельном случае с указанием формы, срока и размера сбора, а также территории, на которой сбор будет производиться.

2. Разрешенные в порядке ст. 1 настоящего постановления добровольные сборы могут проводиться только силами соответствующего учреждения, общества или организации и с помощью их низовых организаций. Привлечение для проведения сборов специальной платной агентуры запрещается.

3. За проведение добровольных сборов в нарушение настоящего постановления наряду с лицами, непосредственно проводившими сборы, несут ответственность руководители соответствующих организаций, а по линии добровольных обществ — также и председатели ревизионных комиссий.

4. Запретить Госбанку Союза ССР и государственным трудовым сберегательным кассам открывать текущие счета для приема добровольных сборов без наличия у открывающей счет организации разрешения СНК СССР на производство этих сборов.

5. Настоящее постановление не распространяется на сборы, проводимые организациями среди своих членов на основании изданных в установленном законом порядке уставов и положений соответствующих организаций.

6. Постановления ЦИК и СНК СССР от 5 сентября 1924 г. — «О порядке производства добровольных сборов и пожертвований» (СЗ СССР 1924 г. № 8, ст. 81 и 1929 г. № 61, ст. 560) и от 7 августа 1925 г. «О производстве добровольных сборов и пожертвований» (СЗ СССР 1925 г. № 52, ст. 388; 1928 г. № 38, ст. 347; 1929 г. № 31, ст. 282, п. 4; 1930 г. № 44, ст. 451, пп. 24 и 25) и п. «а» ст. 6 Положения о Центральной комиссии по организации и распоряжению фондами им. В. И. Ленина помощи беспризорным детям при Президиуме ЦИК Союза ССР (СЗ СССР 1928 г. № 38, ст. 348) — отменить.

7. Поручить правительствам союзных республик внести в законодательство союзных республик изменения, вытекающие из настоящего постановления.

8. Поручить всем центральным советским и общественным организациям привести уставы и положения подведомственных им организаций в соответствие с настоящим постановлением.

Председатель Центрального исполнительного комитета Союза ССР **М. Калинин.**
Председатель Совета народных комиссаров Союза ССР **В. Молотов.**
Секретарь Центрального исполнительного комитета Союза ССР **И. Акулов.**
Москва, Кремль.
1 июля 1935 г.

О ПОРУЧЕНИЯХ МИЛИЦИИ ВЗЫСКИВАТЬ ШТРАФЫ

Главное управление РК милиции НКВД СССР сообщило в Прокуратуру Союза об имевших место случаях, когда на милицию возлагается обязанность взыскания штрафов, наложенных различными органами (не милицией).

Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 4/I 1928 г. (СЗ 1928 г. № 5, ст. 42) принудительное взыскание штрафов, налагаемых в административном порядке, осуществляется в соответствии с положением о взыскании налогов и неналоговых платежей (СЗ 1932 г. № 69), а этим положением устанавливается, что взыскание производится тем органом, который исчислил налог.

Таким образом поручать работу по взысканию штрафов (наложенных не милицией) органам милиции законных оснований нет.

В соответствии со ст. 410 «Б» § 6 постановления ЦИК и СНК СССР (СЗ 1932 г. № 69) и постановлением СНК от 3/III 1933 г. (СУ 1933 г. № 16, ст. 53) милиция должна оказывать содействие органам, производящим принудительное взыскание, причем представители милиции приглашаются в случае отказа недоимщика допустить производство описи в помещении, занимаемом им самим или имуществом, вскрыть хранилище своего имущества и т. д.

Настоящее разъяснение прошу принять к руководству.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**
15 июня 1935 г.
№ 51/11.

ОБ УСИЛЕНИИ БОРЬБЫ С ПРЕСЛЕДОВАНИЯМИ РАБСЕЛЬКОРОВ

Дела о преследованиях рабселькоров, прошедшие в последнее время через Прокуратуру Союза, сигнализируют о том, что указания Прокуратуры Союза от 3 декабря 1933 г. о быстрой и своевременной борьбе с преследованиями рабселькоров органами прокуратуры в целом ряде случаев не выполняются.

Особо необходимо отметить имевшие место факты бездействия отдельных работников прокуратуры, которые, получая сведения об угрозах, преследованиях и даже о готовящихся покушениях на рабселькоров не принимали реальных мер к проверке этих сведений и предупреждению готовящихся покушений.

Дело об убийстве одного из авторов книги «Были Горы Высокой» рабкора Быкова в г. Н.-Тагиле Свердловской обл. и дело об убийстве селькора-общественника Сапрыкина в Мучкапском р-не Воронежской обл. особенно ярко вскрыли недостатки прокурорской работы.

Как в том, так и в другом случае органы прокуратуры за внешним видом обыденных событий не сумели разглядеть их действительной политической сущности, не сумели вскрыть и своевременно разоблачить классового врага и допустили волокиту в расследовании.

Классовый враг тщательно маскирует свою борьбу против рабселькоров, стремясь создать против них ложные обвинения, представить их антисоветскими людьми, подорвать к ним доверие трудящихся, оклеветать их, затравить, а то и прямо физически уничтожить. Сложность махинаций классового врага требует от органов прокуратуры максимальной политической чуткости и внимательности при расследовании дел о преступлениях против рабселькоров.

Н.-Тагильская прокуратура не сумела понять того, что Быков разоблачал вредителей, хулиганов и т. д., используя для этой цели печать, и в силу этого подвергался травле и преследованию со стороны его бывшего окружения.

Воронежская прокуратура, увидев в убийстве Сапрыкина прежде всего «пьяное дело», не рассмотрела и не поняла истоков вражды между семьями Сапрыкина и убийц Черниковых, приведшей к этому убийству и происходившей на ясно выраженной классовой основе.

Отсутствие должного внимания к делу о преследованиях и убийствах рабселькоров проявляется в работе и других местных органах прокуратуры.

Так, например, 10 и 15 ноября 1934 г. «Крестьянская газета» по телеграфу запросила прокурора Березовского р-на Одесской обл. о расследовании дела об убийстве селькора Боярчук. Только после третьей телеграммы-молнии райпрокурор ответил, что расследование производится, но убийца скрылся. После этого редакция четыре раза обращалась по этому делу к одесскому облпрокурору т. Турину и лишь в ответ на 5 обращение т. Турин сообщил о том, что меры к розыску убийцы приняты.

Прокурором Гагинского р-на Горьковского края была допущена девятимесячная волокита по расследованию жалобы селькоров Ларина и Павлова на преследование их со стороны лиц, разоблаченных ими в газетных заметках. Волокита по этому расследованию продолжалась до тех пор, пока один из обвиняемых сбежал.

Исходя из всего изложенного, предлагаю:

1. Все дела о преследовании рабселькоров брать под личный надзор прокуроров краев, областей, республик не имеющих краевого деления, жел. дорог и водных бассейнов, обеспечивая расследование по этим делам силами наиболее квалифицированных работников следственного аппарата.

2. Все дела о преследованиях рабселькоров заканчивать в кратчайший срок.

3. Установить тесную связь с редакциями газет, своевременно реагируя на их материалы и сигналы и обеспечивая информацию редакций о результатах мероприятий органов прокуратуры по этим материалам и сигналам.

Во всех случаях получения органами прокуратуры сведений об угрозах, преследованиях и готовящихся покушениях на рабселькоров безотлагательно принимать активные меры к защите рабселькоров производить расследование и привлекать виновных к уголовной ответственности по соответствующим статьям УК.

Предупредить работников прокуратуры, что в случаях оставления подобных сведений без надлежащего расследования они будут привлекаться к строжайшей ответственности.

4. О всех случаях нападений на рабселькоров, а также о всех наиболее крупных и серьезных делах об их преследовании немедленно направлять в Прокуратуру Союза специальные сообщения.

5. Ставлю на вид т. Турину проявленное им невнимание к делу об убийстве т. Боярчука.

6. Прокурору Гагинского р-на Горьковского края т. Рудакову объявляю за волокиту по делу селькоров Ларина и Павлова выговор.

7. Это письмо проработать на оперативных совещаниях при прокурорах союзных республик, прокурорах автономных республик и край (обл) прокурорах, выработав на основе местных условий данной республики, края, области конкретные мероприятия для обеспечения проведения в жизнь настоящих указаний.

О принятых мерах на основе этого письма сообщите в Прокуратуру Союза ССР к 15 июля 1935 г.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

17 июня 1935 г.

№ 54/10.

О НАРУШЕНИЯХ КРЕДИТНО-КАССОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

По сведениям, имеющимся в Прокуратуре Союза ССР, в целом ряде краев и областей участились случаи нарушения кредитно-кассовой дисциплины, выражающиеся в создании торгующими организациями так называемых «черных касс», образующихся вследствие несдачи в Госбанк накапливающейся выручки.

Вопреки существующему закону (пост. СТО от 17/VII 1932 г. № 836) об обязательной сдаче в Госбанк торгующими организациями всех систем (потребкооперация, госторговля, кустарно-промысловая кооперация и т. д.) не менее 90% своей кассовой выручки (по сельским ЕПО не менее 80%), эти организации выручку задерживают у себя, расходуют ее наличными помимо банка и его контроля, зачастую на различные незаконные авансы, на выдачу сверх лимитов зарплаты, на закупку товаров с нарушением конвенционных цен и т. д. Имеют место случаи, когда правления Горпо предлагают магазинам сдавать выручку не в Госбанк, а непосредственно правлению Горпо.

Нередко эти нарушения кредитно-кассовой дисциплины объясняются и тем, что работники Госбанка не осуществляют в этом отношении должного контроля, не ревизируют торгующие организации, разрешают им расходование из выручки наличным с превышением законных норм.

Несмотря на исключительную важность соблюдения дисциплины в вопросе о своевременной сдаче торгующими органами выручки в Госбанк, органы прокуратуры не придают достаточно серьезного значения этого рода делам и либо вовсе не реагируют на сигналы печати и банковских организаций, либо проявляют совершенно недопустимую волокиту в расследовании этих дел.

Прокуратура Союза ССР предлагает повести самую решительную борьбу с созданием торгующими организациями у себя «черных касс», привлекая к ответственности должностных лиц торгующих организаций, виновных в нарушении правил о сдаче выручки в Госбанк и в расходовании выручки с нарушением правил кредитной системы, по ст. 109 УК РСФСР (или соотв. статей других союзных республик), а работников Госбанка, не осуществляющих контроля за сдачей торгующими организациями своей выручки и разрешающих расходование из выручки наличными с превышением законных норм, — по ст.ст. 111 и 109 УК РСФСР (или соотв. статей УК других союзных республик).

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

17 июня 1935 г.

№ 53/8.

О БОРЬБЕ С НАРУШЕНИЯМИ В ПОЛИВНЫХ ХЛОПКОВЫХ РАЙОНАХ

В соответствии с постановлением пленума ЦК ВКП(б) от 7—9 июня с. г. предлагаю в поливных хлопковых районах обеспечить своевременную, меткую, общественно-организованную и жесткую репрессию в отношении тех, кто:

1. Нарушит бесперебойную работу ирригационных систем.

2. Допустит срыв установленных планов водопользования.

3. Будет расхищать или разбазаривать воду.

Виновных привлекать к ответственности по ст. 175[1] УК ТССР, по главам о водных преступлениях УК ТаджССР и УзбССР, по ч. 2 ст.207 УК АзССР и по 16—162 п. «г» УК РСФСР (Киргизия, Казакстан, Кара-Калпакия).

При наличии отягчающих обстоятельств (сговор, массовость хищений воды, крупные размеры хищений, повторность хищений, совершение преступлений классово враждебными элементами) к организаторам применять закон от 7 августа 1932 г.

Расследование этих дел заканчивать не более чем в пятидневный срок, обеспечив в такие же сроки их рассмотрение в суде, не допуская при этом какого бы то ни было упрощенства, нарушения закона и массовости репрессии.

О принятых мерах сообщите к 20 июля с. г.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

21 июня 1935 г.

№ 56/9.

О ВЗЫСКАНИИ АВТОРСКОГО ГОНОРАРА

Из поступивших в Прокуратуру Союза ССР сообщений видно, что вследствие нарушения руководителями зрелищных предприятий установленного законом об авторском праве и постановлениями наркомпросов порядка взыскания авторского гонорара и систематической задержки выплаты его, материальным интересам авторов — советских писателей, композиторов и др. наносится значительный ущерб.

Органы же прокуратуры в ряде мест слабо реагируют на эти нарушения авторского права, упуская из виду, что постановлением ЦИК и СНК СССР от 16 мая 1928 г. о введении в действие основ авторского права (СЗ 1928 г. № 27, ст. 245) порядок взыскания вознаграждения авторам приравнен к порядку взыскания заработной платы с одновременным установлением уголовной ответственности за нарушения авторского права.

Ввиду этого Прокуратура Союза ССР предлагает руководителей зрелищных предприятий, виновных в систематической задержке выплаты авторского гонорара за публичное исполнение произведений, а также систематически не представляющих в авторские организации сведений об исполненных программах, привлекать к уголовной ответственности по ст. 177 УК РСФСР и соотв. статей УК других союзных республик за самовольное использование литературных, музыкальных и других художественных произведений с нарушением авторского права.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

21 июня 1935 г.

№ 65/1.

О РАБОТЕ ПРОКУРАТУРЫ ПО БОРЬБЕ С ОБМЕРИВАНИЕМ И ОБВЕШИВАНИЕМ

Поступающие с мест материалы о работе органов прокуратуры по проведению в жизнь постановления ЦИК и СНК СССР 25 июля 1934 г. о борьбе с обворовыванием потребителя говорят о том, что работа эта страдает крупными дефектами:

1. Обращает на себя внимание чрезвычайно высокий процент применения по делам об обворовывании потребителя исправительно-трудовых работ и других мер социальной защиты, не связанных с лишением свободы. По РСФСР этот процент достигает 52, по УССР — 42, по БССР—50% и т. д.

Между тем Прокуратура СССР еще в октябре 1934 г. и 49 пленум Верхсуда СССР, состоявшийся в декабре того же года, указали, что применение к виновным в обворовывании потребителя исправительно-трудовых работ является неправильным, не соответствующим закону 25 июля, устанавливающему в качестве наказания — лишение свободы.

2. Наряду с этим отмечаются многочисленные факты неосновательного привлечения работников торговой сети к уголовной ответственности за случаи обмера или обвеса, когда по обстоятельствам дела следовало ограничиться наложением на них дисциплинарных или административных взысканий.

Таковы случаи привлечения к уголовной ответственности и затем осуждения работников торговой сети по закону 25 июля при наличии в деле данных о том, что допущенный ими факт обмера или обвеса являлся неумышленным, единичным и явно малозначительным.

Таким образом вместо того, чтобы жесткими мерами репрессии бороться с действительными преступниками, занимающимися обворовыванием потребителя, органы прокуратуры зачастую привлекают к ответственности людей, случайно допустивших незначительный недомер или недовес отпускаемого товара. Суды же вместо того, чтобы прекращать подобные дела, идут по пути применения к привлеченным непредусмотренных законом 25 июля 1934 г. мягких мер социальной защиты.

Для выправления отмеченных недостатков в работе органов прокуратуры по проведению в жизнь закона 25 июля 1934 г. предлагаю:

1. Точно руководствоваться указаниями Прокуратуры СССР и постановлениями 49 пленума Верхсуда СССР о том, что к лицам, виновным в обворовывании потребителя, должно применяться в качестве наказания лишение свободы. Другие более мягкие меры социальной защиты могут применяться лишь в исключительных случаях через ст. 51 УК РСФСР (и соотв. статьи УК других союзных республик).

2. При расследовании дел об обмеривании, обвешивании и нарушениях цен не ограничиваться установлением одного только факта допущенного обвеса, обмера или превышения цены, а обязательно выявлять всю обстановку, при которой произошли эти факты.

В тех случаях, когда расследование установит, что допущенные работником факты обмера, обвеса или нарушения цены носили единичный характер, при бескорыстности и явной малозначительности их, возбужденные уголовные дела следует прекращать, с возвращением материалов в органы торговой инспекции для

наложения на нарушителей административных или дисциплинарных взысканий.

3. Секторы КТФ республиканских, краевых и областных органов прокуратуры должны усилить свою работу по проверке в порядке надзора дел об обворовывании потребителя, немедленно опротестовывая приговоры, заключающие в себе отмеченные нарушения закона 25 июля, постановлений пленума Верхсуда СССР и директив Прокуратуры СССР.

О ваших указаниях на места, вытекающих из настоящего письма, срочно сообщите.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

27 июня 1935 г.
№ 58/8.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОПЕРАТИВНОГО СОВЕЩАНИЯ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО ДОКЛАДУ О БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Предварительные материалы, поступившие в Прокуратуру СССР свидетельствуют, прежде всего, о том, что органы Прокуратуры, до самого последнего времени уделявшие явно недостаточное внимание вопросам борьбы с детской преступностью, после издания закона 7 апреля 1935 года о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних в большинстве мест взялись за ликвидацию преступности малолетних, развернув как массово-разъяснительную работу (доклады, совещания, выступления в печати, на родительских собраниях и т. д.), так и организацию и руководство борьбой с этим видом преступлений (участие в суде, в работе органов просвещения, надзор за милицией, ведение следствия и т. д.).

Наиболее активно эту работу сумели организовать Одесская, Московская городская, Саратовская, Киевская, Ленинградская прокуратуры.

Эти прокуратуры, помимо дачи указаний местам и повсеместной оперативной работы по конкретным преступлениям несовершеннолетних, сумели изучить работу мест, исправляя их ошибки на ходу. Однако, во многих местах до сих пор не развернута еще большевистская борьба органов прокуратуры за ликвидацию детской преступности, не выполнены категорические указания Прокуратуры Союза ССР по этому вопросу; прокуроры в ряде мест ограничились внешней стороной дела, спустив на места очередной циркуляр и созвав до или после этого совещание по этим вопросам; во многих местах не выделены специальные прокуроры по делам несовершеннолетних, либо выделены в каком-либо одном секторе прокуратуры, вопреки указаниям Прокуратуры Союза; нет действительного и широкого вовлечения в дело борьбы с преступностью несовершеннолетних общественного актива (соцсовместителей, групп содействия); характерно также, что некоторые республиканские прокуроры, несмотря на требования Прокуратуры Союза, ничего не сообщили о своей работе и о состоянии борьбы с преступностью несовершеннолетних по их республике (Азербайджанская, Грузинская, Узбекская, ТаджССР).

Наметившиеся уже основные недочеты в работе по реализации постановления правительства от 7 апреля 1935 года сводятся к следующему:

а) предварительное расследование этих дел ведется с такими же недочетами, что и по делам взрослых, между тем как по делам несовершеннолетних особенно важно тщательное выяснение всей конкретной обстановки совершенного преступления, условий семейной жизни и быта, учебы в школе, связи со взрослыми и т. д. До сих пор еще явно недостаточно выявляется роль и участие классово враждебных элементов и рецидивистов в совершаемых детьми преступлениях.

В большинстве случаев расследование ведется работниками милиции, не имеющими достаточного опыта в этой работе, а наблюдение и руководство со стороны прокуратуры явно неудовлетворительно, в результате чего, помимо указанных недочетов в расследовании дела и незаконного длительного содержания малолетних в местах заключения, имеет место неправильное предание суду этих лиц и последующее их оправдание. что. конечно, совершенно недопустимо. Возраст совершившего преступление определяется нередко явно небрежно после предания суду, в результате чего наблюдаются случаи, когда привлекаются к уголовной ответственности дети и до 12-летнего возраста.

б) Вследствие распространительного толкования закона 7 апреля до сих пор еще имеют место случаи привлечения к ответственности несовершеннолетних за преступления, не предусмотренные законом. Кроме того, суду предаются и осуждаются несовершеннолетние за явно незначительные преступления. Установленный Московской горпрокуратурой порядок передачи дел в суд только через прокурора по делам несовершеннолетних существует далеко не везде, а подготовительное заседание суда плохо занимается вопросами отбора дел, не подлежащих судебному рассмотрению, скверно расследованных.

Вопреки циркуляру Верхсуда и Прокуратуры СССР от 8 апреля 1935 г. о сосредоточении всех дел о несовершеннолетних в спец. камерах нарсудов, циркуляром НКЮ РСФСР установлен (а московскими органами юстиции проведен в жизнь) порядок, согласно которому в этих специальных камерах нарсуда рассматриваются только дела несовершеннолетних в возрасте от 12 до 16 лет.

в) Прокуратура слабо участвует в работе суда как в первой, так и в кассационной инстанциях, что свидетельствует о явной недооценке со стороны прокуратуры судебного рассмотрения этой категории дел.

г) В практике применения мер наказания к несовершеннолетним имеет место разнобой, причем имеются случаи осуждения несовершеннолетних к лишению свободы без указания срока наказания.

д) Самый порядок рассмотрения дел о несовершеннолетних, в суде нередко придает делу характер нездоровой сенсации, лишая судебное разбирательство особенно необходимой в этих делах, простоты и чуткости.

е) Недостаточным является также надзор за содержанием несовершеннолетних в местах заключения, особенно в арестных помещениях милиции, где они нередко содержаться вместе со взрослыми преступниками.

Надзор за местами заключения ограничивается лишь поверхностной проверкой правильности содержания и изоляции несовершеннолетних; вопросам правильного осуществления ис-

правительно-трудовой политики, трудового устройства отбывших наказание не уделяется должного внимания.

Исходя из необходимости немедленного устранения указанных выше недочетов и ошибок, — п р е д л а г а ю:

1. Прокурорам союзных республик строго руководствоваться указаниями Прокуратуры Союза по вопросам организации борьбы с преступностью среди несовершеннолетних и не допускать повторения отмеченных здесь недочетов.

2. В крупных городах расследование сложных дел о преступлениях несовершеннолетних возложить на специально выделенных опытных следователей, установив такой порядок направления дел в суд, при котором ни одно дело о преступлениях несовершеннолетних не направлялось бы к слушанию без санкции прокурора по делам несовершеннолетних.

3. В остальных районах обязать райпрокуроров взять эти же дела под свое непосредственное наблюдение.

4. Поручить прокурорам союзных республик проверить точное выполнение циркуляра Верхсуда и Прокуратуры СССР от 8 апреля 1935 г. о выделении специальных народных судей для рассмотрения всех дел о несовершеннолетних и результаты сообщить Прокурору Союза не позднее 15 августа с. г.

5. Не допускать нарушений процессуальных норм при проведении как предварительного, так и судебного расследований, тщательно выясняя всю обстановку совершения преступлений, материально-бытовые, культурные, семейные условия несовершеннолетнего правонарушителя, связь его с взрослыми; беспощадно вскрывать и привлекать к строжайшей уголовной ответственности подстрекателей и организаторов детской преступности.

6. Не допускать случаев расширительного толкования закона 7 апреля 1935 года, а также фактов привлечения к ответственности малолетних в возрасте до 12 лет, для чего во всех случаях тщательно устанавливать возраст привлекаемых к суду.

7. Принимать активное участие в работе суда при рассмотрении дел о несовершеннолетних, опротестовывая приговора судов, осуждающие несовершеннолетних к нереальным мерам наказания (огульное применение исправительных работ, осуждение рецидивистов к краткосрочному лишению свободы и т. п.); активно участвовать в рассмотрении дел о несовершеннолетних в кассационных инстанциях.

8. Систематически проверять законность содержания в местах заключения несовершеннолетних и применения к ним мер исправительно-трудового воздействия.

9. О результатах проводимой прокуратурой в этой области работы ежемесячно информировать Прокуратуру Союза ССР.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

4 июля 1935 г.
№ 68/1.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕТА СКОТА

Постановлением СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 27 апреля с. г. «О государственном плане развития животноводства по СССР на 1935 г.» предложено использовать в целях контроля за выполнением плана развития животноводства летний учет скота (на 1 июля), проводимый в связи с обложением по единому сельхозналогу.

Между тем поступающие с мест сведения сигнализируют, что не всюду этот учет скота надлежаще организован, а в отдельных местах имеют место факты укрытия скота от учета.

В соответствии с указанным решением СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) п р е д л а г а ю т:

а) должностных лиц, срывающих проведение учета скота вследствие бездеятельности и халатности, привлекать к ответственности по ст. 111 УК РСФСР и соотв. статей УК других союзных республик, а за допущенную ими умышленную утайку от учета скота привлекать к ответственности по ст. 109 УК РСФСР и соотв. статей УК других союзных республик;

б) единоличников, колхозников, а также граждан, проживающих в городах и рабочих поселках и имеющих скот, — в случаях умышленной утайки скота, — привлекать к ответственности по ст. 62 УК РСФСР и соотв. статьям УК союзных республик, направляя удар репрессии главным образом в отношении организаторов утайки скота;

в) расследование по этого рода делам заканчивать в 5—10-дневный срок.

О проделанной работе сообщите мне не позже 1—10 августа (в зависимости от дальности районов, краев, областей и союзных республик).

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

2 июля 1935 г.
№ 64/9

ДИРЕКТИВНОЕ ПИСЬМО

№ 60/27. 10/VI 1935 года.

ВЕРХСУДАМ И ПРОКУРОРАМ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Прокуратурой СССР и Верхсудом СССР получены материалы о том, что народные суды принимают к рассмотрению иски о восстановлении в должности работников торгового аппарата, уволенных за нарушение правил торговли по предложению Государственной торговой инспекции. Иски эти в ряде случаев нарсудами удовлетворяются и уволенные восстанавливаются на работе.

Подобная практика является неправильной. По постановлению СНК СССР от 19/X 1934 г. о Государственной торговой инспекции, последней предоставлено право налагать на работников торговой сети, виновных в нарушениях правил торговли, денежные штрафы и возбуждать перед торгующими организациями вопрос о наложении на виновных дисциплинарных взысканий, вплоть до снятия с работы. Уволенные в этом порядке работники могут оспаривать правильность увольнения только путем обжалования постановления государственного торгового инспектора в административном порядке, т. е. в вышестоящие органы государственной торговой инспекции. Судебные же органы исков о восстановлении в должности уволенных в этом порядке принимать не должны.

Иски о восстановлении на работе уволенных по постановлениям Государственной торговой инспекции могут рассматриваться только

в тех случаях, когда увольнение состоялось в связи с возбуждением против работников уголовного преследования за нарушение правил торговли, которое затем закончилось прекращением дела или вынесением оправдательного приговора **по недоказанности обвинения.**

Решения судов, вынесенные с нарушением настоящих указаний, органами прокуратуры подлежат немедленному опротестованию.

Прокурор СССР
А. Вышинский

Председатель
Верхсуда СССР
А. Винокуров

ДИРЕКТИВНОЕ ПИСЬМО
№ 61/31. 29/VI 1935 г.

ВЕРХСУДАМ И ПРОКУРОРАМ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Из материалов, поступающих в Прокуратуру Союза ССР, видно, что на местах существует разнобой в вопросе о квалификации скупки в целях спекуляции государственной разменной металлической монеты, переплавки ее в слитки и использовании ее для выделки различных изделий.

Верхсуд и Прокуратура СССР разъясняют:

1. Скупка государственной разменной металлической монеты (серебряной, никелевой, медной, бронзовой), совершаемая в виде промысла, должна быть квалифицирована по ст.ст. 16 и 107 УК РСФСР и соотв. статьям УК других союзных республик. В случаях, когда скупка не носила характера промысла, не имела значительных размеров и при других смягчающих вину обстоятельствах судом может быть применена по аналогии ст. 105 УК РСФСР или соотв. статьей УК других союзных республик.

2. Переплавка разменной монеты в слитки и использование этой монеты для выделки различных изделий квалифицируется (впредь до внесения соотв. статей в уголовные кодексы союзных республик) по постановлению ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 г., опубликованному в СЗ 1935 г. № 19, ст. 156.

3. Преступления, указанные в п. 2 и совершенные до издания постановления ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 г., следует квалифицировать по ст.ст. 16 и 107 УК РСФСР с применением, при наличии смягчающих вину обстоятельства, по аналогии ст. 105 УК РСФСР (или соотв. статей УК других союзных республик).

Прокурор СССР
А. Вышинский

Председатель
Верхсуда СССР
А. Винокуров.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ 51 ПЛЕНУМА ВЕРХСУДА СОЮЗА ССР

О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ В IV КВАРТАЛЕ 1934 г. И В I КВАРТАЛЕ 1935 г. ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В ОБЛАСТИ ЖИВОТНОВОДСТВА

28 июня 1935 г.

Заслушав доклад председателя уголовно-судебной коллегии Верхсуда СССР о судебной практике по животноводческим делам за IV квартал 1935 г., 51 пленум Верхсуда Союза отмечает:

1. Судебные органы в своей судебной практике проявили значительную активность в деле борьбы за воспроизводство и охрану животноводства.

Однако судебные органы уделили недостаточное внимание к ряду преступлений, отражающих новые формы классовой борьбы с ростом и укреплением обобществленного животноводства, к борьбе с бесхозяйственностью и преступной небрежностью в области обеспечения стада зимними помещениями и достаточными кормами, а также в области организации ухода за молодняком, к борьбе с разбазариванием стада и кормов, с забоем племенного скота, с нарушением льгот за выращивание молодняка и др.

2. Судебная практика по животноводческим делам за IV квартал 1934 г. и I квартал 1935 г., за небольшими изъятиями, состоит из значительного количества дел, связанных с преступно-небрежным и хищническим отношением к коню. Однако наряду с делами о серьезных и значительных преступлениях против конского поголовья судебная практика засорена значительным количеством дел о мелких и ничтожных проступках, которые не должны рассматриваться в уголовном суде, а могут быть разрешены в дисциплинарном порядке или в товарищеских судах.

Широкое, непродуманное и необоснованное привлечение членов колхозов, рабочих совхозов и других трудящихся к уголовной ответственности за маловажные хозяйственные проступки, совершенные по неопытности или небрежности и являющиеся по существу нарушением трудДисциплины, особенно нетерпимо в настоящее время после перехода на новый устав с.-х. артели и после исторических директив т. Сталина о бережном и внимательном отношении к людям.

3. Необоснованное привлечение к уголовной ответственности большого количества лиц за мелкие и ничтожные проступки в РСФСР привело к увеличению количества осужденных в IV квартале 1934 г. по сравнению с III кварталом на 27% и одновременно к распылению репрессии на такие меры наказания, которые без надлежащего эффекта отрывают людей от работы и создают им судимость.

В нарсудах нет единства карательной политики. Проступки, за которые в одних нарсудах приговаривают к 3—4 мес. и.-т. работ, в других — приговаривают к лишению свободы на 2—3 года. Количество дел, рассмотренных краевыми и областными судами по первой инстанции, ничтожно, особенно в РСФСР, где оно изменяется сотнями долей процента. Проверка Северокавказского и Азовочерноморского краевых судов показала, что практика нарсудов по животноводческим делам не изучается. Так как количество таких дел, поступающих в высшие суды в кассационно-ревизионном порядке, очень невелико, то фактически нарсуды остаются без оперативного руководства и каждый суд проводит свою карательную политику.

В работе кассационно-надзорных инстанций наблюдаются случаи безмотивного смягчения наказания за серьезные и опасные преступления и назначения мягких мер репрессий по

делам, которые следовало бы совершенно прекратить (Азовочерноморский край, Одесская обл. и др.).

4. Предварительное и судебное следствие по огромному количеству проведенных дел проведено с недопустимой небрежностью. Сведующие лица к расследованию, как правило, не привлекаются даже тогда, когда выводы о причинной связи между действиями обвиняемого и причиненным животноводству ущербом могут быть сделаны на основе специальных знаний. В результате действительные причины гибели скота остаются нерасследованными, а настоящие виновники от суда ускользают. В выборе ответственных за преступление лиц в судебной практике существует разнобой. В одних случаях к ответственности привлекается только то лицо, у которого непосредственно произошел ущерб, а в других — целое звено лиц, вплоть до председателя колхоза.

В направлении дел существует самотек. Ни прокуратура, ни нарсуды не диференцируют дел по их значению и крупнейшие дела слушаются в нарсудах.

Особенно плохо поставлено дело с предварительным и судебным следствием в Казакстане. Из проверенных дел почти все крупные дела отменены высшей инстанцией из-за небрежного и неполного предварительного и судебного следствия.

Основная гарантия против необоснованного привлечения к уголовной ответственности и недоброкачественного предварительного расследования—ст. 208 УПК РСФСР и соотв. статьи УПК других союзных республик в ряде районов не применяются.

5. Количество процессуальных нарушений по сравнению с прошлой судебной практикой стало меньше. Однако еще до сих пор в ряде районов Азовочерноморского, Северокавказского, Сталинградского краев, Западной обл. и др. наблюдаются нарушения ст.ст. 206, 235 УПК РСФСР и соотв. статей УПК других союзных республик и в особенности ст. 80 УПК РСФСР и соотв. статей УК других союзных республик о составлении протокола судебного заседания. Единственный документ, по которому можно судить о проведенном судебном следствии, составляется до того небрежно и безграмотно, что его часто даже трудно и прочесть.

6. В квалификации преступлений в области животноводства в судебной практике РСФСР существует большая пестрота (ст. 79 УК со знаками и за те же преступления ст.ст. 109, 111, 128 и т. д.). Обращение судебных органов в ряде случаев вместо статей, непосредственно трактующих о данных преступлениях, к другим статьям по аналогии объясняется недостаточностью санкций ст.ст. 79^1, 79^3 и 79^4 УК и несоответствием их новым условиям.

7. Суды недостаточно используют свои возможности в области профилактической борьбы с преступлениями. Количество дел, по которым суды сигнализировали соответствующим организациям о выявленных на суде недочетах, ничтожно.

8. Крайне неудовлетворительно поставлено дело с приведением приговоров в исполнение. В подавляющем большинстве случаев в делах нет никаких отметок о сообщении соответствующими учреждениями о вступлении приговора в законную силу для приведения его в исполнение. Это относится особенно к приговорам об ИТР. Ряд случаев из практики уголовно-судебной коллегии Верхсуда СССР, находившей в надзорных делах определения кассколлегий о снижении меры наказания, о которых осужденный не знает в течение ряда лет, приводит к убеждению, что когда в деле нет отметок о посылке копии приговора органам, приводящим приговоры в исполнение, приговор или определение остаются неисполненными.

51 пленум Верхсуда Союза ССР постановляет:

1. Указать председателям Верхсуда РСФСР, УССР, БССР и УзбССР на недостаточное наблюдение и руководство судебной практикой по животноводческим делам и на недостаточное внимание к перестройке судебной работы на основе указаний директивного письма Верхсуда СССР от 27 июля 1934 г. и постановлений 48 пленума Верхсуда СССР.

2. Предложить председателям верхсудов союзных республик:

а) расширить практику применения ст. 427 УПК РСФСР и соотв. статей УПК других союзных республик, путем передачи на непосредственное рассмотрение краевого (областного) или главного суда, а в республиках, не имеющих краевого (областного) деления, Верхсуда в качестве первой инстанции дел о таких преступлениях в области животноводчества, по которым приговоры должны иметь крупное хозяйственное значение в районе или руководящее значение для судебной практики;

б) организовать во всех краевых (областных) и главных судах постоянное наблюдение за практикой нарсудов по животноводческим делам, изучение этой практики и быстрое и оперативное исправление замеченных недочетов;

в) обязать нарсуды передавать прокурорам все дела, которые требуют утверждения прокуратуры, если эти дела получены от милиции без визы прокурора;

г) проверить практику судов по сообщению ими соответствующим органам о вступлении приговоров в законную силу. Привлекать к ответственности виновных в систематическом нарушении ст. 455 УПК РСФСР и соотв. статей УПК других союзных республик.

3. Обратить внимание председателя Верхсуда РСФСР на крупнейшие недочеты в работе судебных органов Казакстана (небрежное и недоброкачественное судебное следствие, волокита, нарушение процессуальных норм и пр.).

4. Довести до сведения Прокуратуры Союза ССР о следующих недочетах, имеющихся в практике следственно-прокурорских органов по животноводческим делам:

а) недостаточное внимание к таким преступлениям в области животноводства, как разбазаривание скота и кормов, оставление по бесхозяйственности скота без зимних помещений, несоблюдение ветеринарных правил по уходу за скотом, в особенности за молодняком, нарушение льгот за выращивание молодняка и прочие преступления, отмеченные в директивном письме Верхсуда Союза от 27 июля 1934 г. и в постановлении 48 пленума Верхсуда СССР;

б) непрекращающуюся практику массового привлечения к уголовной ответственности за мелкие проступки и нарушения, которые по колхозным делам согласно § 17 Примерного устава с.-х. артели должны рассматриваться правлением колхозов в дисциплинарном порядке, а по другим делам — в дисциплинарном порядке или в товарищеских судах;

в) низкое качество предварительного расследования и недостаточный надзор со стороны прокуроров за доброкачественным проведением предварительного расследованием за обоснованностью привлечения к ответственности, а также непринятие мер к недопущению непосредственной передачи в суд милицией таких обвинительных материалов, которые требуют предварительного утверждения прокурора.

5. Обратить внимание председателей верхсудов союзных республик, что вторичная проверка судебной практики по животноводчеству выявила значительную часть тех же недочетов, которые были отмечены в постановлении 48 пленума Верхсуда Союза. Обязать председателей верхсудов союзных республик под личную их ответственность исправить все вышеуказанные, длящиеся недочеты судебной работы и доложить о результатах к 53 пленуму Верхсуда СССР.

6. Поручить председателям Верхсудов союзных республик, в уголовном законодательстве которых установлены незначительные санкции за преступления в области животноводства (например ст.ст. 79^1, 79^3, 79^4 УК РСФСР и соотв. статей УК других союзных республик) с такими же санкциями, войти в свои законодательные органы с представлением об увеличении санкции по указанным категориям преступлений.

О БОРЬБЕ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ С РАСТРАТАМИ В СИСТЕМЕ ГОСТОРГОВЛИ И КООПЕРАЦИИ

28 июня 1935 г.

Заслушав доклад председателя уголовно-судебной коллегии Верхсуда СССР о проверке применения судами постановления СНК СССР от 16 февраля 1933 г. (СЗ 1933 г. № 13, ст. 76) и постановления 49 пленума Верхсуда СССР по тому же вопросу, 51 пленум Верхсуда СССР находит:

1. Верхсуды союзных республик, областные и краевые суды достигли по сравнению с 1933 и 1934 гг. известного перелома в судебной практике по делам о растратах: борьба с последними стала одним из центральных вопросов, на котором фиксируется внимание судебной системы; вместо прежнего либерального отношения к растратам карательная политика стала жестче и, как правило, удары, наносимые действительным преступникам, выражаются в применении соответствующих сроков лишения свободы; значительно сократились сроки рассмотренных дел.

2. Наряду с этими достижениями в работе судов однако еще продолжает иметь место ряд недостатков;

а) верхсуды союзных республик недостаточно закрепили взятую ими линию дифференцированного руководства судебными органами отдельных краев, областей, районов и городов и недостаточно сконцентрировали свое внимание на судах тех мест, которые особенно поражены растратами (Москва, Ленинград, Харьков, Средняя Азия и др.) в которых количество и сумма растрат не только не снизились по сравнению с 1934 г., но в I полугодии 1935 г. имеют рост;

б) растраты в сельских местностях недостаточно расследуются судебно-следственными органами, причем, как правило, имеется недооценка экспертизы в процессе предварительного следствия и переоценка ее в процессе судебного разбирательства

в) по ряду дел встречаются или неправильное применение к растратчикам ИТР (в том числе применение их по месту службы), или не отвечающая преступному действию мера лишения свободы;

г) попрежнему еще недостаточно выявляются классовое лицо и личность подсудимого;

д) весьма мало применяется репрессия к лицам, виновным в непринятии мер предотвращения растрат;

е) нет достаточного контроля за исполнением приговоров, в частности по взысканию присужденных убытков;

ж) краевые, областные и верхсуды, рассматривая дела в кассационном и надзорном порядке, проходят мимо ряда дефектов предварительного и судебного следствия, в своих определениях не отмечают имевшиеся по делам конкретные недочеты, например полное отсутствие или позднее составление актов описания имущества, непроведение дел по растратам через подготовительные заседания и т. д.;

з) слабая надзорная работа краевых, областных и верхсудов по необжалованным делам.

3. Слабо еще налажена необходимая для учета эффективности борьба с растратами, связь судебных органов с органами госторговли и кооперации (совместные совещания, взаимная информация, постановка вопросов о растратах в секциях горсовета и т. д.).

4. Работа органов дознания и предварительного следствия продолжает оставаться на низком уровне и страдает крупнейшими недостатками (не проверяются или слабо проверяются ведомственные материалы и заявления о предании суду, не выявляются действительные виновники растрат, существует попрежнему длительная волокита с расследованием дел, на подготовительных заседаниях прокуратура, как правило, отсутствует и т. д.).

5. При некотором улучшении постановки учета и отчетности в органах госторговли и кооперации и большей проверки лиц, принимаемых на работу, все еще не достигнута необходимая четкость, и до настоящего времени имеет место большая засоренность кадров лицами социально чуждыми и преступными элементами с значительным наличием прошлой судимости.

В соответствии с этим 51 пленум Верхсуда СССР постановляет:

1. Предложить верхсудам союзных республик:

а) неослабно продолжать борьбу с растратами в органах госторговли и кооперации на основе постановлений 47 и 49 пленумов Верхсуда СССР, добиваясь улучшения качества и эффективности судебной работы по борьбе с растратами;

б) усилить дифференцированное руководство судебными органами отдельных краев, областей, районов и городов, в которых количество растрат достигло особо значительных размеров; в ближайшие месяцы провести выборочную проверку работы вышеуказанных судебных органов для выявления правильности карательной политики в подготовительном и судебном заседаниях, правильности выявления социального лица осужденных, степени

исполнения приговоров (в частности по взысканию растраченных сумм) и эффективности борьбы судебных органов с растратами.

2. Предложить верхсудам союзных республик усилить борьбу с растратами в органах кооперации на селе.

3. Просить Прокуратуру Союза ССР на следующем пленуме Верхсуда СССР сделать сообщение о принятых мерах по улучшению следственной работы и об эффективности этих мер по стране, а в особенности в местах, наиболее пораженных растратами и в частности в Москве, Ленинграде, Киеве и Харькове.

4. Поручить председателю Верхсуда СССР издать совместно с Наркомвнуторгом СССР и Центросоюзом инструкцию о том, чтобы местные представители этих органов и судьи друг друга информировали как о движении преступности, так и о результатах судебной борьбы с растратами в органах госторговли и кооперации.

О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ДЕЛАМ ОБ ОБМЕРИВАНИИ, ОБВЕШИВАНИИ И ПРЕВЫШЕНИИ ЦЕН

28 июня 1935 г.

Заслушав доклад председателя уголовно-судебной коллегии Верхсуда СССР о результатах проверки судебной практики по применению закона 25 июля 1934 г. по делам об обмеривании, обвешивании и превышении цен за последние месяцы 1934 г. и за I квартал 1935 г., 51 пленум Верхсуда СССР отмечает:

1. За последние месяцы 1934 г. и в особенности за I квартал 1935 г. в судебной практике по борьбе с обворовыванием потребителя имеются некоторые достижения как в части последовательности применения закона 25 июля 1934 г. по этим преступлениям, так и назначения по ним лишения свободы во всех случаях, когда факт обмеривания, обвешивания и превышения цен установлен с достаточной полнотой.

2. Однако наряду с делами, по которым судами установлены умышленное систематическое обворовывание потребителя и систематическая преступная небрежность, а также обворовывание на крупные суммы путем разных мошеннических ухищрений, в судах имеется большое количество дел о мелких нарушениях и проступках, совершенных в первый раз лицами, в отношении которых не было ни жалоб, ни дисциплинарных взысканий. При расследовании и судебном рассмотрении таких дел органы юстиции не интересуются общей характеристикой обвиняемого, степенью его общего развития, его прошлым, отношением к нему общественности и пр.

В ряде случаев, вопреки постановлению ЦИК и СНК СССР от 9 сентября 1934 г. «О мерах и весах» (СЗ 1934 г. № 45, ст. 352), за плохое состояние весового хозяйства привлечены и осуждены совместно с директорами и заведующими также рядовые работники прилавка или рядовые работники. В результате такого формального подхода к борьбе с этого рода преступлениями значительное количество лиц, в отношении которых вполне было бы достаточно взыскание, наложенное администрацией или товарищеским судом, попадают в уголовный суд и приговариваются к уголовной репрессии.

3. В ряде судов до сих пор еще не изжито либеральное отношение к умышленному и систематическому обворовыванию потребителя. По присланным из Киевской обл. двадцати наиболее серьезным делам ни по одному делу нет наказания выше 1 года и.-т. работ. Много мягких приговоров обнаружено среди дел, присланных из БССР (из 22 дел только по 7 делам дано лишение свободы) и Азово-Черноморского края. Обследование установило недопустимо слабую репрессию в судах Карачаевской и Черкасской автономных областей.

В некоторых судах (г. Полтава) наблюдается широкое применение ст. 46 УК УССР (ст. 51 УК РСФСР) и, вопреки постановлению 49 пленума Верхсуда СССР, приговоры с применением указанных статей не посылаются на контроль вышестоящего суда. Некоторые суды (в г. Ленинграде) допускают отбывание уличенными в обмеривании и обвешивании и.-т. работ по месту службы.

5. К выяснению классового лица обвиняемого органы юстиции относятся с недостаточным вниманием. Документов о социальном происхождении обвиняемого, как правило, в делах нет. Наличие среди осужденных большого процента лиц, уже имевших по одной и больше судимостей, свидетельствует о том, что при подборе своих кадров торгующие организации в ряде случаев не проявляют необходимой бдительности.

6. Основная масса осужденных за обворовывание потребителя падает на преступления, совершенные в городской торговой сети. Борьбе с обворовыванием потребителя в сельской торговой сети органами юстиции до сих пор не уделено необходимого внимания. Между тем торговые точки в сельских местностях, в национальных районах и автономных областях и по состоянию их весового хозяйства, и по недостаточной проверенности их кадров представляют широкое поле для этого рода преступлений.

7. Предварительное расследование, которое тянется иногда недопустимо долго, проводится поверхностно и неполно, причем очень часто остаются невыясненными существенные обстоятельства дела (умысел и систематичность) и не используются все необходимые и возможные доказательства. По ряду дел обвинительные заключения не утверждены прокурором.

8. В судебной практике наблюдается волокита, небрежное техническое выполнение судебного протокола. В делах нет отметок о вручении обвиняемому копии обвинительного заключения, нет выписки из протокола распорядительного заседания, нет отметки о сообщении соответствующим органам о вступлении приговора в законную силу.

9. Анализ судебной практики по делам об обмеривании и обвешивании показывает, что этим преступлениям в значительной мере способствует плохое состояние весового хозяйства, часто связанное с недочетами в работе «Метровеса», а также отсутствие товарного учета. Преступления же по повышению цен часто облегчаются отсутствием стандартов на многие изделия, несоблюдением стандартов и множественностью цен на почти одинаковые товары.

51 пленум Верхсуда СССР постановляет:

1. Предложить председателям верхсудов союзных республик:

а) усилить борьбу с назначением дел к слушанию без предварительного изучения этих

дел в распорядительном заседании для отсева дел о мелких проступках, при недостаточности уликового материала, изобличающего систематичность и умысел;

б) обязать суды при рассмотрении дел выяснять общую характеристику обвиняемого, степень его общего развития, его прежнюю работу и т. п.;

в) не допускать, как правило, осуждения к и.-т. работам в тех случаях, когда умышленное или систематическое обворовывание потребителя установлено с достаточной полнотой, и все случаи применения к таким делам и.-т. работ поставить под контроль вышестоящих судов;

г) обязать суды рассматривать дела, как правило, не позже 10 дней со дня их поступления;

д) обязать судебные органы путем вынесения частных определений сигнализировать в соответствующие органы о недочетах, связанных с недостаточным снабжением торгующих организаций, весоизмерительными приборами и их проверкой и клеймением.

2. Довести до сведения Прокуратуры Союза ССР о следующих недочетах, имеющих место в практике следственно-прокурорских органов по делам этой категории.

а) недостаточная борьба с массовым привлечением работников торгового аппарата за мелкие проступки и нарушения, когда с достаточной полнотой не установлена систематичность, когда нет умышленных изменений весов и облегчения гирь;

б) слабое качество предварительного следствия и выяснения классового лица обвиняемого по документам, слабый надзор со стороны прокуроров за доброкачественным проведением следствия, за незаконным и необоснованным привлечением и за недопущением передачи в суд обвинительного материала без утверждения прокурора;

в) недостаточное внимание к работе торговой сети в деревне, в национальных районах и автономных областях;

г) недостаточная борьба с волокитой при расследовании.

О РАБОТЕ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТОВАРИЩЕСКИХ СУДОВ

28 июня 1935 г.

Заслушав доклады верхсудов РСФСР и УССР, а также транспортной и водно-транспортной коллегий Верхсуда СССР о работе производственно-товарищеских судов, 51 пленум Верхсуда СССР отмечает:

1. На настоящем этапе социалистического строительства производственно-товарищеские суды приобретают особое значение как одно из орудий пролетарской диктатуры в деле борьбы с капиталистическими пережитками и воспитания коммунистического отношения к труду, являясь одним из важнейших рычагов практической реализации лозунга т. Сталина о бережении кадров.

2. Пленум считает неправильной установку, что в тех отраслях хозяйства, где применяется дисциплинарный устав, производственно-товарищеские суды не должны заниматься вопросами трудовой дисциплины, так как сочетание форм административного воздействия с формами общественного воспитания является целесообразным методом борьбы за трудовую дисциплину.

3. Пленум отмечает, что профсоюзные органы недостаточно занимаются производственно-товарищескими судами.

4. Пленум отмечает, что вся судебная система недостаточно занималась производственно-товарищескими судами; некоторая проверка работы ПТС и эпизодическое издание инструктивного материала не является еще действенным руководством. Ни о какой серьезной работе по руководству ПТС нельзя говорить, если некоторые верхсуды не знают даже о количестве ПТС в их республиках.

5. Важнейшими недостатками в работе ПТС являются:

а) некоторые ПТС вместо того, чтобы применять главным образом меры общественно-воспитательного характера, что особенно важно, поскольку материалы проверки показывают, что привлекаемыми в ПТС в большинстве являются молодые кадры, не впитавшие еще фабрично-заводских традиций, не освободившиеся еще от предрассудков старого, увлекаются мерами репрессивного характера (ходатайство об увольнении или перемещении на низшую должность), составляющие в отдельных областях высокий процент (Днепропетровская обл. — 24,7%);

б) ряд ПТС существует только формально, так как по существу никакой работы не проводят; имеется немало и таких ПТС, которые мало уделяют внимания рассмотрению актуальных дел, волнующих данное предприятие на данном отрезке времени;

в) дела часто залеживаются в ПТС и теряют свою актуальность;

г) совершенно правильно уделяя большое внимание вопросам мелких краж, хулиганству и нарушению трудовой дисциплины, которые составляют наибольший процент дел по отношению к другим рассмотренным делам, ПТС вместе с тем крайне недостаточно занимаются вопросами соблюдения правил внутреннего распорядка, касающихся охраны труда, техники безопасности, ухода за машинами, внутризаводского брака и т. д.;

д) некоторые ПТС рассматривают дела о работниках, уволенных администрацией в разрез правильности или неправильности увольнения, чем вторгаются в область компетенции расценочно-конфликтных комиссий и других органов по рассмотрению трудовых конфликтов;

е) в работе некоторых ПТС имеют место извращения, связанные с неправильным применением мер взысканий: соединение нескольких взысканий, лишение пособий по соцстраху, выселение из помещений, денежные взыскания свыше установленных пределов и т. д.;

ж) многие ПТС не проявляют достаточной инициативы в своей работе, ограничиваясь только рассмотрением тех дел, которые направляет им администрация. Между тем ПТС должны проявлять большую инициативу в вопросах привлечения и мобилизации общественного мнения посредством рассмотрения дел на тех или иных участках производства, должны организованно реагировать на все существенные вопросы производства и производственного брака.

з) некоторые ПТС не проверяют выполнения своих решений, что не может не подрывать их авторитета среди массы рабочих в тех случаях, когда решения не выполняются, когда

решения не имеют своих положительных результатов;

и) постановления ПТС крайне недостаточно популяризируются в местной и центральной прессе, между тем освещение наиболее характерных, актуальных дел и доведение решений ПТС до сознания широких масс является крайне необходимым, так как такая популяризация укрепит авторитет ПТС. Ввиду этого пленум Верхсуда СССР считает необходимым поставить вопрос перед ВЦСПС об издании специального журнала, который должен практически помогать ПТС в их работе;

к) пленум Верхсуда СССР особо отмечает имеющие место искажения основных принципов пролетарской демократии в вопросах комплектования ПТС: назначение председателей и членов ПТС, несвоевременные перевыборы, часто ПТС не отчитываются в своей работе на рабочих собраниях.

Пленум Верхсуда СССР отмечает обязательность оказания организационной помощи ПТС, повлечения актива из числа председателей и членов ПТС в систему краткосрочного правового образования без отрыва от производства, а также выдвижения наиболее способных и преданных товарищей на судебную работу, так как ПТС являются одним из основных источников пополнения судебных кадров.

В связи со всем сказанным 51 пленум Верхсуда СССР постановляет:

1. Обязать все судебные органы немедленно перестроить свою работу по надзору за ПТС, сделать его руководство систематическим и действенным. Организационное руководство ПТС обязательно предполагает систематическое ознакомление председателей и членов ПТС с новым законодательством, с изменением судебной политики в отношении некоторых категорий преступлений, вызываемым особенностями того или иного этапа.

Необходимо так воспитывать и выращивать эти кадры, чтобы они в звеньях своей работы обеспечили правильное разрешение дел.

2. Просить ВЦСПС организовать краткосрочные курсы для председателей ПТС без отрыва их от производства.

3. Поручить председателю Верхсуда Союза ССР организовать издание популярной литературы для председателей и членов ПТС силами Института уголовной политики.

4. Обязать председателей верхсудов союзных республик возложить ответственность за надзор над производственно-товарищескими судами в республиках, не имеющих областного деления, непосредственно на своих заместителей, а в республиках с областным делением — на заместителей председателей областных, краевых и главных судов.

Обязать председателей транспортной и водно-транспортной коллегий Верхсуда СССР возложить ту же ответственность за надзор над производственно-товарищескими судами, организованными в линейно-бассейном звене, на председателей линейных и водно-транспортных судов по принадлежности,

51 пленум Верхсуда СССР предупреждает все судебные органы, что важнейшим показателем их работы будет являться качество осуществляемого ими надзора в отношении ПТС.

5. Обязать судебные органы немедленно оказать ПТС помощь в деле исправления всех отмеченных выше недостатков в практике их работы.

6. Поручить председателю Верхсуда СССР ускорить разрешение вопроса об издании совместно с ВЦСПС инструкции о работе производственно-товарищеских судов.

7. Поручить председателю Верхсуда СССР поставить перед соответствующими инстанциями вопрос о слабой деятельности профсоюзов в вопросе руководства ПТС.

8. Считать нецелесообразным организацию ПТС на плавающих единицах на морях, реках и озерах, а существующие подлежащими упразднению. Отдельные дела о преступках команды судов по инициативе командира судна могут быть передаваемы на рассмотрение ПТС соответствующих портов и пристаней, к которым приписано судно.

Председатель Верховного суда Союза ССР
А. Винокуров
Секретарь пленума **Смолицкий**

ПОПРАВКИ

В опубликованном в № 5 «За соцзаконность» пост. 50 Пленума Верхсуда СССР от 25.III.1935 г. «Об отмене разъяснений и директивных писем Верхсуда СССР, в связи с введением в действие нового Устава ж. д. СССР» (стр. 59) вкралась ошибка. В п. 3, излагающем новую редакцию директивного письма Верхсуда СССР от 3/VI 1934 г. № 21, в той части, где говорится о размере начисляемых процентов на суммы претензий, признанных или присужденных с ж. д., следует читать не «за 1-й месяц — 3% годовых», а «за 1-й месяц — 8% годовых».

В номере 7 журнала «За социалистическую законность», по недосмотру корректуры, оказались опечатки:

1. На стр. 20-й, в статье «О защите» (4-й абзац, стр. 8-я) напечатано — «защитникока» следует читать — «защитника». В абзаце 5-м той же статье (стр. 4-я) напечатано — «путем и искажает» — надо читать — «путает и искажает».

2. На стр. 47-й в статье «Право — процесс — судоустройство в капиталистических странах», (последняя строка) напечатано — «такова судебная тема польского фашизма» — надо читать — «такова судебная система польского фашизма».

3. На стр. 52, в отделе «Библиография» (4-й абзац 10 строка) после слова — «секретаря», пропущено слово — «знал», — следует читать — «знал бы свою канцелярию».

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Ответств. редактор А. Я. Вышинский

Адрес изд-ва: Москва, Красная пл., здание ЦИК, пом. 28

Редколлегия: Г. М. Лаповский, А. А. Сольц, В. Н. Сорокин, Л. М. Сабоцкий, А. С. Шляпочников.

Рукопись поступила в изд-во 19 июля, передовая 1/VII 1935 г. сдана в произв. 20 июля 1935 г.; подписана в печати 16 августа 1935 г.; 4 печ. л.; 9,94 авт. л.; в 1 бум. л. 225600 зн.; формат бум. 72 × 105, С—04 п. № 490.

Техн. редактор Хлногорова

Уполном. Главлита Б—9655. Заказ 943 Тираж 10 000

15-я типография О. ИЗ треста «Полиграфкнига», Мал. Дмитровка, 18.

Цена 1 руб.

№ 5865

КОНКУРС НА МАССОВУЮ БРОШЮРУ

Государственное издательство „Советское законодательство" совместно с НКЮ РСФСР и Прокуратурой СССР объявляют конкурс на лучшую популярно-массовую брошюру (очерк), написанную практическими работниками суда, активом юстиции, членами товарищеских судов и секций революционной законности на основе непосредственного опыта своей работы.

ТЕМЫ ДЛЯ КОНКУРСНЫХ БРОШЮР (ОЧЕРКОВ) СЛЕДУЮЩИЕ:

1. Как лучше организовать и поставить работу нарсуда.
2. Как лучше организовать работу общественного суда в деревне.
3. Как лучше организовать работу товарищеского суда на предприятии.
4. Как организовать и наладить работу секции революционной законности в деревне.
5. Прокурор на страже революционной законности.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

1. Брошюра (очерк) рассчитана на широкий актив советской юстиции и работников суда и прокуратуры. В нее должны быть включены конкретные материалы практики работы, показаны живые люди, произведен обмен опытом. До отправки рукописи в издательство необходимо обсудить ее на совещании актива юстиции.

2. Брошюра должна быть написана простым и популярным языком. Желательна разбивка ее на главы по отдельным вопросам, а также присылка фото и рисунков.

3. Размер брошюры $1^1/_2$—2 авторских листа (30—40 стр. на пишущей машине).

4. Последний срок представления рукописи—15 сентября 1935 г.

5. За лучшие брошюры установлены 15 премий (3 премии по каждой теме):

1 премия — 750 — 500 руб.
2 „ — 500 — 350 „
3 „ — 350 — 300 „

Кроме указанных премий авторы премированных рукописей получат обычный гонорар за принятые к печати работы и фотоснимки.

6. Рукописи, не получившие премий, но одобренные жюри конкурса и признанные подлежащими опубликованию, будут напечатаны отдельным сборником или переданы в редакции журналов „Советская юстиция" и „За социалистическую законность" для использования. Опубликованный в сборнике и журналах конкурсный материал будет оплачен установленным гонораром.

7. При издательстве организована для участников конкурса консультация по вопросам, связанным с конкурсом.

Состав жюри конкурса

1) **КРЫЛЕНКО Н. В.** — Нарком юстиции РСФСР — председатель редсовета издательства, председатель жюри.
2) **РОГИНСКИЙ Г. К.** — Зам. прокурора СССР.
3) **СОРОКИН В. В.** — Зав. издательством „Советское законодательство".
4) **БЕРМАН Я. Л.** — Зам. председателя Верхсуда РСФСР.
5) **НЮРИНА Ф. Е.** — Зам. прокурора РСФСР.
6) **ЕЛКИН Г. П.** — Нарсудья Краснопресненского р-на г. Москвы.
7) **ЛИВШИЦ И. Ю.** — Пом. зав. издательством „Советское законодательство".

Рукописи, обсужденные на активе работников юстиции или товарищеских судов, и запросы по конкурсу направлять по адресу:

Москва, Красная площ., здание ЦИК СССР, пом. 28. Государственному изд-ву „Советское законодательство".

На конвертах делать приписку: „На конкурс".

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЗАКОННОСТЬ

СЕНТЯБРЬ
1935 9

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ № 9

Стр.

А. Вышинский — Трехлетие закона 7 августа 1932 г. „Об охране общественной (социалистической) собственности" — 1

А. Турин — О методике следствия и учете следственной работы — 13

И. Лаговиер — Практика борьбы органов юстиции с обвешиванием и обмериванием — 17

Е. Львов — О судебной работе прокурора — 21

М. Чельцов-Бебутов — Прокуратура и органы связи — 24

И. Гураль — Борьба с преступностью на местном транспорте в Москве — 26

Б. Ошерович — Опыт работы Московского и Ленинградского институтов права и вопросы правового образования — 29

Е. Домбровский — Еще раз о волоките — 35

С. Эпштейн — О кадрах коллегии защитников — 37

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза — 38

По союзным республикам — 50

Право, процесс и судоустройство в капиталистических странах — 53

Официальный отдел — 63

Сводка важнейших постановлений — 71

Приветствия, поступившие на имя т. Вышинского — 72

От Издательства — 72

ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЗАКОННОСТЬ
ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

СЕНТЯБРЬ 1935 г. 9

Редакция:
Москва, Б. Дмитровка, д. 15

А. Я. Вышинский

Трехлетие закона 7|VIII 1932 г. „Об охране общественной (социалистической) собственности“[1]

Сегодня мы подводим итоги деятельности наших органов в связи с декретом 7 августа 1932 г. об охране общественной социалистической собственности.

Три года—это очень небольшой срок в жизни закона, и едва ли можно было бы уже говорить об итогах действия этого закона, если бы это не касалось именно такого декрета, такого закона, каким является постановление правительства об охране общественной социалистической собственности.

Я подчеркиваю это ввиду того, что в жизни нашего государства срок три года для действия закона, не потерявшего ни в какой мере своей силы, а наоборот, после 3-летнего своего действия являющегося не менее, а еще более активным, еще более реальным фактором нашего государственного строительства,—это сам по себе факт достаточно знаменательный.

1932 год представлял собою год окончательно определившейся победы принципа социализма во всех сферах нашего государственного и народнохозяйственного строительства. 1932 год уже означал окончательную победу принципа социализма. В это время соотношение классовых сил в СССР безусловно и безоговорочно позволяло уже утверждать, что дело социализма окончательно в нашей стране победило. 1932 год в то же время показал, как остро история ставит вопрос о сопротивлении делу социализма последних остатков старых эксплоататорских классов.

Декрет 7 августа 1932 г. означал победу общественной социалистической собственности, которая именно в силу того, что она стала господствующим началом во всей нашей общественной жизни, потребовала более решительной защиты, большего внимания и более серьезных мер охраны, чем это было ранее того, как она стала господствующей силой, единственной командующей и руководящей силой во всей нашей общественной и хозяйственной жизни. Нет никакого сомнения, что издание декрета 7 августа 1932 г. было вызвано главным образом именно этим обстоятельством, именно этим превращением нашей общественной социалистической собственности в командующую, господствующую силу, в основу всего нашего советского строя.

Об этом с исчерпывающей полнотой говорил на январском пленуме ЦК и ЦКК 1933 г. т. Сталин, характеризуя общественную собственность, как основу советского строя, и характеризуя задачи органов революционной законности и самой революционной законности таким образом, что основное в этих задачах заключается в охране и защите именно этой общественной собственности, провозглашенной декретом 7 августа, свя-

[1] Доклад т. Вышинского А. Я. на ту же тему на собрании, созванном президиумом Комакадемии, Институтом сов. строительства и права при Комакадемии и Институтом уголовной политики при Прокуратуре и Верхсуде СССР и НКЮ РСФСР от 13 августа 1935 г.

щенной и неприкосновенной. То обстоятельство, что принцип социализма победил во всех сферах нашего народного хозяйства и что СССР твердо и непоколебимо опирается на общественную собственность — основу фундамента нашего социалистического общества, социалистической экономики, — и обусловило ожесточенное нападение наших врагов на общественную социалистическую собственность, являющуюся основой всего советского строя.

В том же своем историческом выступлении в 1933 г., посвященном итогам первой пятилетки, т. Сталин обращал внимание на то, что главное в «деятельности» наших врагов состоит в том, что они организуют массовое воровство и хищение государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности. Тов. Сталин указывал, что воровство и хищение на фабриках и заводах, воровство и хищение ж.-д. грузов, воровство и хищение в складах и торговых предприятиях, особенно воровство и хищение в совхозах и колхозах, — вот что является основной формой деятельности разного рода бывших людей, пытающихся оказать сопротивление победоносному движению вперед нового общественного строя. Эти враги чуют, что основой советского хозяйства является общественная собственность, что именно эту основу надо расшатать, чтобы напакостить советской власти, и они путем организации массового воровства и хищений действительно стараются расшатать общественную собственность.

Этим с исчерпывающей полнотой объясняется, чем вызван к жизни декрет 7 августа 1932 г. С одной стороны, общественная социалистическая собственность уже к 1932 г. приобрела такой удельный вес во всей экономике, во всей нашей государственной жизни, что именно на защиту и охрану ее надо было направить основное наше внимание, главное наше внимание.

В то же время удар классовых врагов против советской власти, против диктатуры пролетариата, против социализма уже тогда направлялся по преимуществу именно в сторону подтачивания общественной социалистической собственности, являвшейся основой всего советского строя. Это было вторым обстоятельством, потребовавшим, чтобы на защиту общественной собственности встал закон во всей своей полноте, во всей своей остроте.

Вот эта живая потребность того времени, когда люди, посягающие на общественную собственность, были объявлены врагами народа, когда по отношению к этим врагам народа закон приказал применять беспощадные меры расправы—расстрел или 10 лет, отказывая преступникам, виновным в покушении на общественную социалистическую собственность, даже в таком праве, как право просить о помиловании, — это все говорит о том, что декрету 7 августа было придано значение закона, выходившего из ряда обычных законов, поставленных на защиту интересов пролетарского государства.

Неправильно было бы думать, что декрет 7 августа является исключительным законом. Он — исключительный только в смысле исключительности своего всемирно-исторического значения. Но он вовсе не является исключительным в юридическом смысле этого понятия, потому что он представляет собою синтез всей системы советской уголовной политики, всего советского уголовного законодательства в целом.

Этот закон не может быть назван исключительным законом несмотря на то, что меры наказания, установленные декретом 7 августа, и были исключительными, ибо по смыслу закона 7 августа основной мерой наказания является либо 10 лет, либо расстрел, а и та, и другая мера наказания является, конечно, суровой, является такой мерой, которую нужно признать исключительной самой по себе.

Закон 7 августа вовсе не являлся и не является исключительным, так как в нем синтезируются все основные принципы нашего советского уголовного законодательства, так как в нем концентрируются все основные принципы и свойства всей нашей уголовно-судебной политики.

Закон 7 августа является логическим завершением нашей уголовной политики, представляет собою синтез нашей уголовной политики, итог наших мероприятий, при помощи которых на протяжении всего предшествовавшего изданию декрета 7 августа периода времени рабочий класс СССР, под руководством нашей великой коммунистической партии, во главе с великим и мудрейшим

нашим вождем т. Сталиным, осуществлял в нашей стране свою победоносную диктатуру, мужественно борясь против врагов социализма, против врагов строящегося социалистического общества.

В декрете 7 августа (это в высокой степени важно отметить) мы имеем две стороны. Одна сторона ставит задачу беспощадного разгрома наших врагов, врагов народа; другая сторона декрета говорит об обязанности, далеко выходящей за пределы непосредственного применения уголовной репрессии. В декрете 7 августа красной нитью проходит необходимость мобилизации общественных сил на борьбу за охрану общественной собственности. В декрете 7 августа подчеркивается неоднократно и в первом, и во втором разделах необходимость охраны общественной собственности путем ряда органических мероприятий, подчеркивается одновременно и ответственность всех тех, кто, непосредственно не участвуя в расхищении общественной собственности, в расхищении нашего достояния, однако в силу своей небрежности, бездеятельности, халатности, притупления бдительности и т. п. проявляет попустительство или такое отношение к работе, которое облегчает расхищение государственного и кооперативного имущества и достояния.

К сожалению, надо прямо сказать, особенно в первый период действия декрета 7 августа 1932 г. у наших работников на местах и даже иногда в центре с декретом 7 августа ассоциировалось представление только об одной стороне этого декрета—о разгроме врага, о беспощадном его подавлении, о репрессии, которая должна быть — и это совершенно правильно вытекает из всего содержания декрета 7 августа — беспощадно обрушена на головы врагов народа, преступников, покушающихся на общественную социалистическую собственность.

Но вторая сторона этого декрета — это его профилактическое, воспитательное воздействие, как результат правильной организации судебного процесса, это—мобилизация к вопросам охраны общественной социалистической собственности всеобщего внимания,—эта вторая сторона декрета 7 августа нередко упускалась и упускается и в настоящее время из виду. Между тем, не менее важное значение декрета 7 августа заключается именно в том, чтобы при помощи этой мобилизации советской общественности заострить внимание всех трудящихся на опасности, которую представляют собою эти хищения, показать и научить, что успех борьбы с этой опасностью лежит гораздо глубже, чем в результате простого применения одних уголовных наказаний. Декрет 7 августа показывает, что здесь речь идет не только о механическом подавлении врага, но о такой органической работе, которая помогает разгромить старую психологию, старые буржуазные, мелкособственнические предрассудки, о которых неоднократно говорил и Ленин и вождь нашей партии т. Сталин, указывающий на то, как живучи остатки и пережитки старой психологии. Ведь именно в живучести этой мелкобуржуазной психологии находит свое объяснение факт в высокой степени безразличного, преступного отношения к интересам общественной собственности людей, строящих свою работу на принципе — «мне бы урвать кусок и удрать, а там хоть трава не расти»; «моя хата с краю»; «пусть каждый делает как считает нужным, а я буду делать, как мне кажется выгодным», и т. д. Декрет 7 августа со всей решительностью бьет именно по этим пережиткам, и в этом состоит одна из наиболее важных особенностей этого исторического законодательного акта.

Две стороны вопроса решаются декретом 7 августа — это беспощадный разгром нашего классового врага и его агентуры, с одной стороны, с другой стороны—это мобилизация общественного мнения, это мобилизация нашей пролетарской общественности против этих, как говорил т. Сталин в своем докладе в Ленинграде 13 апреля, «веселых и невеселых воров», — поход против таких настроений, которые не считают необходимым противопоставить всякому жульничеству, мошенническим махинациям, направленным против интересов общественной собственности, самый решительный отпор общества даже тогда, когда, может быть, каждого члена общества непосредственно не затрагивает данное преступление.

Это прямой результат выражения двуединства задач, составляющих содержание всей советской уголовной политики: с одной стороны—разгромить врага и его агентуру, с другой — исправлять трудящихся, которые случайно вступили

на путь преступления, исправить и вернуть их на добрый путь, на путь честного труда и активного участия в социалистическом строительстве, и не только трудящихся, но и тех из богачей и тунеядцев, которых можно исправить и о которых говорил В. И. Ленин в «Основных задачах советской власти», упоминая об «исправлении исправимых»...

Декрет об охране общественной социалистической собственности 7 августа 1932 г. представляет собой интерес еще с одной стороны. Едва ли будет ошибочным утверждение, которое я позволю себе сделать, что декрет 7 августа об охране общественной социалистической собственности в известном смысле на данном этапе исторического развития служит исходным пунктом дальнейшего развития нашего советского права.

Советское право, опирающееся на принципы коллективизма, на принципы общественной собственности, в декрете 7 августа 1932 г. впервые в такой исчерпывающей и такой решительной форме и силе находит свое выражение, как право социалистического государства. В этом декрете мы находим в особо резко выраженном виде все особенности советского права, которыми советское право так принципиально отличается от права буржуазных государств.

До декрета 7 августа 1932 г. не было ни одного законодательного акта, с такой полнотой и последовательностью провозглашавшего новый принцип советской революционной законности, советского права. До декрета 7 августа советское право, сохранявшее в себе отдельные черты или отдельные элементы буржуазного права, не имело акта, выражавшего в качестве основного принципа советской юстиции принцип охраны священной и неприкосновенной общественной социалистической собственности, противопоставившего этот принцип принципу частной собственности, являющейся основой капиталистического строя, основой эксплоататорских обществ.

Декрет 7 августа явился в этом отношении поворотным моментом в развитии нашего советского права, как права, формулирующего и опосредствующего новые общественные отношения, опирающиеся на нашу коллективную собственность.

Поворотное, так сказать, значение декрета 7 августа заключается в том обстоятельстве, что после декрета 7 августа все направление нашего уголовного законодательства, нашей уголовной политики, всей практики работы органов советской юстиции должно было пойти — и не могло не пойти — по линии, обеспечивающей раньше всего непоколебимость общественной собственности, являющейся основой всего советского строя.

На основе мощно окрепшей общественной социалистической собственности иначе, по-новому ставятся и такие проблемы, как проблема защиты трудящегося человека, гражданина Союза советских социалистических республик.

Преступления против личности, против личных интересов, достоинства и всякого рода благ трудящегося человека в практике работы органов юстиции должны привлекать к себе иное внимание, должны трактоваться в ином аспекте, в условиях торжества общественной собственности, чем это было ранее.

Проблема превращения наших колхозов в подлинно большевистские, а колхозников — в зажиточных по-новому ставит вопрос об охране так называемых «частных» интересов колхозника.

Это сейчас ч а с т н ы е интересы активных строителей социализма, отдающих свои силы и самую свою жизнь борьбе за интересы нового социалистического общества. Между этими интересами коллектива и интересами отдельных членов этого коллектива нельзя уже проводить такой грани, как это было в эпоху, предшествующую победам первой пятилетки.

Больше того. Именно на основе победы первой пятилетки, на основе победы общественной социалистической собственности и выросла задача наиболее последовательной защиты интересов личности советского гражданина. На этой основе такая защита явилась и единственно реально возможной.

Победа социализма разрешает неразрешимую в капиталистическом обществе проблему личности и общества, устраняя это историческое противоречие.

Конечно, мы еще только в начале этой работы, в начале этого пути. Но путь этот нами начат. Он ускорен декретом 7 августа, поставившим новую веху в деле развития советского права, в деле

дальнейшего развития в нем принципов социализма, принципов коммунизма.

Декрет 7 августа, который говорит о торжестве нашей общественной социалистической собственности, который одновременно призывает все силы нашего общества на охрану и защиту этой общественной собственности, имеет исключительное значение таким образом еще и потому, что только в условиях торжества общественной собственности, только в условиях окончательной победы общественной социалистической собственности как основы всего советского строя возможно правильное и исчерпывающее разрешение проблемы общества и личности, проблемы общества и индивида, иначе говоря — решение проблемы о живом человеке.

Именно тогда, когда в нашем обществе господствует общественная собственность, тогда и возможно говорить о всестороннем развитии всех духовных и творческих сил человека, только тогда можно говорить о новом человеке, о человеке в самом чистом и самом лучшем смысле слова.

В «Немецкой идеологии» [1] мы находим интереснейшее указание Маркса и Энгельса на то, что «только в коллективе получает индивид средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков и, следовательно, только в коллективе — возможна личная свобода. В существовавших до сих пор суррогатах коллективности — в государстве и т. д. — личная свобода существовала только для индивидов, принадлежащих к господствующему классу, и только постольку, поскольку они были индивидами этого класса. Мнимая коллективность, в которую объединялись до сих пор индивиды, всегда противопоставляла себя им как нечто самостоятельное; а так как она была объединением одного класса против другого, то для подчиненного класса она представляла собою не только совершенно иллюзорную коллективность, но и новые оковы. При действительной коллективности индивиды добиваются в своей ассоциации и с помощью этой ассоциации также и своей свободы».

Мы видим как основоположники марксизма утверждали, что развитие индивида, связанное с получением настоящей и полной свободы, возможно только тогда, когда победит принцип коллективизма, когда будет создан новый общественный строй, опирающийся на общественную собственность.

Наконец, третий вопрос, на котором необходимо остановиться, это вопрос, который, хотя я затрагиваю последним, по своему значению и важности является столь же значительным, как и те вопросы, о которых я говорил раньше, — это вопрос о том, что в законе 7 августа в наиболее острой форме выражена идея защиты интересов нового класса, пришедшего к власти, класса трудящихся.

Этот декрет, разоблачающий попытки классового врага противостоять новой экономике, усилиям класса трудящихся создать новое социалистическое общество, указывает на те крайности, к которым прибегает классовый враг, он сигнализирует, он мобилизует наше внимание на необходимость бдительности против тех махинаций, которые развертываются последними остатками эксплоататорских классов, гибнущих, но сопротивляющихся нашим усилиям еще более ожесточенно, чем раньше, ибо в силу закона, который в свое время был сформулирован Лениным и т. Сталиным, умирающие классы сопротивляются тем ожесточеннее, чем они становятся слабее.

Торжество нашей общественной собственности обусловливает и те изменения, которые происходят во всех сферах нашей жизни: в хозяйственном строительстве, в формах быта трудящихся, в области политики вообще и в области нашей судебной политики в частности.

Эти изменения в области нашей судебной политики выражаются в последнее время в большей гибкости советского уголовного закона, в большей эластичности и дифференцированности его применения.

Не нужно забывать, что самая практика борьбы за декрет 7 августа учит нас, хотя не без значительных трудностей, связанных с ошибками его применения в первый период его действия, более гибкому и дифференцированному его применению, чем это вытекало из механически текстуального понимания этого декрета. Мы знаем, что не всякое хищение общественной собственности и не при всяких условиях совершенное должно влечь за собой применение декрета 7 августа, направленного своим острием против врагов народа.

[1] М. и Э. Собрание сочинений, т. IV.

Эта практика показала, как важно уметь диференцированно и гибко применять этот закон, как вредно и неправильно огульное применение таких законов, как закон об охране общественной социалистической собственности.

Характеризуя условия применения закона 7 августа, нельзя не подчеркнуть, что общественно-политическая обстановка, обусловившая издание этого декрета, обусловила вместе с тем и появление ряда таких государственных актов, которые раскрыли и другую сторону роста и торжества общественной собственности. Я имею в виду такие законодательные акты, как акт о снятии судимости с колхозников, как постановление правительства 11 августа 1935 г. об освобождении от наказания осужденных должностных лиц, в связи с хлебозаготовками, выпуском бон и т. п.

Не может быть никакого сомнения, что именно прочность наших социалистических побед продиктовала издание этих актов, свидетельствующих о великодушии и гуманности советской власти.

Декрет 7 августа 1932 г. впервые в нашей истории в законченной классической форме с точки зрения своего внешнего выражения и с точки зрения своего внутреннего содержания сказал о господстве общественной социалистической собственности в нашей стране и поставил на защиту этой собственности наш советский закон. Этим самым декрет 7 августа 1932 г. явился новой точкой дальнейшего развития и расцвета всего нашего советского права, ибо в декрете 7 августа, как я сказал раньше, выражены были те принципы, которые и до этого были известны советскому праву, государству пролетарской диктатуры.

Вот почему, говоря о трехлетии действия закона 7 августа 1932 г., мы не можем отделить все три года действия этого закона от трехлетия развития и деятельности всего нашего советского права, развития и деятельности всех органов нашей революционной законности и самой революционной законности. Именно в этом смысле я понимаю и указания т. Сталина о том, что революционная законность нынешнего времени отличается от прежней революционной законности тем, что ее основная забота состоит в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом.

Декрет 7 августа говорит, что советское право и советский закон призваны в условиях победоносного движения социализма быть одним из мощных факторов, одним из могущественнейших средств и орудий развития нашего движения вперед. Развить и укрепить наше социалистическое государство, развить и укрепить наш советский строй, являющийся основой переделки всего нашего ныне еще классового общества в общество социалистическое, в общество бесклассовое — в этом колоссальное значение декрета 7 августа, вооружившего органы юстиции новым могучим орудием борьбы с остатками враждебных социализму капиталистических классов за торжество нового строя, строящегося в нашей стране под руководством нашей партии и ее вождя т. Сталина.

Мы живем сейчас в такое время, когда под нашими ногами создана крепкая основа, создан крепкий фундамент растущего на наших глазах общественного социалистического строя. Общественная социалистическая собственность является священной и неприкосновенной не только в юридическом смысле, она является священной и неприкосновенной, незыблемой, прочной как гранит, как утес, непоколебимой и вечной по самому своему существу, по самой своей природе, потому что она создана руками рабочего класса, творящего новую жизнь, и она — эта новая жизнь — творится на наших глазах, при нашем непосредственном участии.

На наших глазах совершается то, о чем в течение многих и многих десятилетий и столетий мечтали лучшие представители человечества, направлявшие всю силу своего гнева, своей ненависти против частной собственности, против капиталистического и эксплоататорского общества, и имевшие только самую отдаленную возможность мечтать о таком строе, в основе которого лежит и будет лежать общественная социалистическая собственность, о таком строе, который нами теперь строится, растет и крепнет.

Совершенно понятно, что строй капиталистического общества, опирающийся на частную собственность, всегда представлял собой, как это видно из приведенных мною выше слов «Немецкой идеологии», оковы для развития человека. В наше время, когда вопрос о всестороннем развитии человека, о всесто-

роннем развитии и удовлетворении всех, духовных и материальных потребностей людей, являющихся самым (как известно после замечательных слов т. Сталина) ценным капиталом в мире,—нелишне напомнить, как ставился вопрос о частной собственности, человеке и человеческой личности на всем протяжении истории борьбы за социализм, начиная с таких далеких времен, которые связаны с именами социалистов-утопистов, этих замечательных предшественников научного социализма, учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

Еще Томас Мор в XVI веке в своей замечательной книжке «Утопия» говорил о том непримиримом противоречии, которое существует между обществом, опирающимся на частную собственность, и развитием физических и духовных свойств человеческой личности.

«Не надейтесь,—говорил Томас Мор устами своего героя Рафаила,—вернуть ему (т. е. обществу) силы и здоровье, пока каждый будет только и исключительно владеть своим достоянием. Вы удалите одну язву, а все другие разом начнут болеть еще сильнее, вы излечите больного и умертвите здорового, ибо то, что будете отнимать у одного,—вы станете отдавать другому».

Вот как он ставил вопрос о значении человека и всего общества в целом, приходя к заключению, что «единственное средство... положить начало всеобщему благополучию заключается в том, чтобы уничтожить право собственности (т. е. частной собственности.—А. В.). Пока она будет служить фундаментом общественной постройки, самым многочисленным и производительным классам остается на долю только бедность, горе и отчаяние...»

Дальше Мор говорил: «...все измеряется на деньги, о справедливости и общественном благополучии не может быть и речи в таком государстве, где принцип «мое и твое» поддерживается организацией, механизм которой настолько же сложен, как и ошибочен».

Отсюда Мор приходил к заключению, что в обществе, опирающемся на частную собственность, не может быть и речи о развитии человеческой личности и об удовлетворении его духовных, моральных и материальных потребностей.

Аналогичные страницы, посвященные жестокой критике частной собственности с точки зрения именно этой проблемы, о которой я говорю, проблемы человека, проблемы личности, мы находим и у ряда других, последовавших за Томасом Мором писателей утопического направления...

Знаменитый Мабли писал: «Собственность — вот что создает столько пороков мира и заставляет законодателя быть варваром».

«Собственность — открытая дверь для ста пороков и ста злоупотреблений».

В своем «Кодексе природы» Морелли говорит о законодателях как о «неумелых машинистах», пишущих объемистые трактаты о морали и политике. Эти объемистые трактаты носят названия лекарств, но содержат в себе яд, на них можно было бы наклеить ярлык: «Средства цивилизовать людей путем уставов и законов, наиболее способных сделать их свирепыми варварами».

Я не буду перечислять здесь высказывания по этому вопросу — чрезвычайно интересные — различных утопистов, вплоть до Роберта Оуэна, Сен-Симона и Фурье. Моя задача сейчас напомнить лишь, что лучшие представители человечества, покидая позиции господствовавшего эксплоататорского класса и пытаясь стать на сторону эксплоатируемых и угнетенных, со всей отчетливостью представляли себе непроходимую пропасть, отделяющую интересы общества, в котором господствует общественная собственность, от интересов того общества, которое опирается на частную собственность. Они указывали на то, что только общество, построенное на социалистических началах, сможет обеспечить необходимое развитие человеческой личности, сможет обеспечить необходимое удовлетворение всех потребностей человека, сможет создать подлинно свободного человека. В нашей стране сбываются чудесные мечты великих пророков грядущего человеческого счастья.

В СССР созданы уже все предпосылки окончательного разрешения проблемы личности. Здесь торжествует уже общественная собственность, на основе которой единственно возможно разностороннее удовлетворение потребностей человека, высокое культурное его развитие, превращение его в полноценного, высокоразвитого и глубоко одаренного нового человека — достойного предста-

вителя нового социалистического общества.

Проблема человека, проблема личности представляет собой одну из важнейших проблем социалистического строительства.

Я напомню вам, как на XVII съезде партии т. Сталин ставил вопрос о роли личности, ее значении и месте в коммунистическом обществе. Выступая против уравниловки как против реакционной, мелкобуржуазной нелепости, достойной какой-нибудь секты аскетов, но не социалистического общества, т. Сталин показал, как в нашем обществе, в наших условиях может решаться проблема человека в соответствии с проблемой нашего общественного развития.

Тов. Сталин говорил: «Под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и быта, а уничтожение классов, т. е. а) равное освобождение всех трудящихся от эксплоатации после того, как капиталисты свергнуты и экспроприированы, б) равную отмену для всех частной собственности на средства производства после того, как они переданы в собственность всего общества, в) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их труду **(социалистическое** общество), г) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их потребностям **(коммунистическое** общество). При этом марксизм исходит из того, что вкусы и потребности людей не бывают и не могут быть одинаковыми и равными по качеству или по количеству ни в период социализма, ни в период коммунизма.

Вот вам марксистское понимание равенства.

Никакого другого равенства марксизм не признавал и не признает.

Делать отсюда вывод, что социализм требует уравниловки, уравнивания, нивелировки потребностей членов общества, нивелировки их вкусов и личного быта, что по марксизму все должны ходить в одинаковых костюмах и есть одни и те же блюда в одном и том же количестве,—значит говорить пошлости и клеветать на марксизм» [1].

И дальше:

«Было бы глупо думать, что социализм может быть построен на базе нищеты и лишений, на базе сокращения личных потребностей и снижения уровня жизни людей до уровня жизни бедноты, которая к тому же сама не хочет больше оставаться беднотой и прет вверх к зажиточной жизни. Кому нужен такой, с позволения сказать, социализм? Это был бы не социализм, а каррикатура на социализм. Социализм может быть построен лишь на базе бурного роста производительных сил общества, на базе обилия продуктов и товаров, на базе зажиточной жизни трудящихся, на базе бурного роста культурности. Ибо социализм, марксистский социализм означает не сокращение личных потребностей, а всемерное их расширение и расцвет, не ограничение или отказ от удовлетворения этих потребностей, а всестороннее и полное удовлетворение всех потребностей культурно-развитых трудящихся людей» [2].

Таким образом не ограничение потребностей трудящегося человека, а максимальное их расширение и удовлетворение — вот что составляет особенность социалистического строя, опирающегося на общественную собственность. Органическое сочетание интересов общества и интересов каждого отдельного трудящегося человека—вот что составляет одну из важнейших задач нашего общественного развития.

Уже в настоящее время мы достигли такого положения, при котором труд является всеобщей обязанностью. Уже в настоящее время обязанность трудиться на благо всех, на благо всего общества является делом славы, делом чести, делом доблести и геройства миллионов и миллионов трудящихся. Наша задача — обеспечить этим миллионам активных строителей социализма, обеспечить всем членам нашего социалистического общества такое удовлетворение их материальных и духовных потребностей, которое облегчало бы их дальнейший культурный и духовный рост, их дальнейшее культурное развитие, являющееся в свою очередь одной из важнейших предпосылок успехов нашего социалистического строительства.

Декрет 7 августа, поставивший всю мощь советского права, советской юсти-

[1] Доклад на XVII съезде, стр. 51.

[2] Там же, стр. 54.

ции на стражу общественной социалистической собственности, играет громадную роль и в области обеспечения интересов трудящегося человека. Только в условиях торжества общественной собственности как базы всего советского строя возможно всестороннее развитие человека, его совершенствование, расцвет всех его духовных и умственных творческих сил.

Вот почему так велико значение декрета 7 августа. Вот почему это его значение далеко выходит за пределы непосредственно экономических интересов советского государства.

Декрет 7 августа — это целая программа самых разнообразных мероприятий, направленных на укрепление всего советского строя, всего пролетарского государства, мероприятий, охватывающих не только вопросы экономического, хозяйственного строительства нашей великой родины, но, как это мы показали выше, в известной мере и вопросы культурно-политического строительства.

Этим можно ограничиться, характеризуя историческое значение декрета 7 августа. В свете этой характеристики становятся особенно знаменательными слова т. Кагановича, сказанные им в самом начале действия закона 7 августа, о том, что этот закон будет жить века.

Несмотря на громаднейшие изменения, которые наша страна претерпела уже за эти три года, изменения, которые заключаются в том, что все лицо нашей земли стало сейчас иным, чем было раньше, что сама проблема новой культуры сейчас стоит совершенно иначе, чем стояла три года назад, что и само содержание и направление нашей уголовной политики сейчас идет таким образом, что мы больше стараемся действовать методами культурного воздействия и воспитания, чем методами уголовной репрессии, закон 7 августа ни в какой мере не потерял ни одного атома своей силы и своей мощи.

Наоборот, закон 7 августа в нынешних условиях приобретает еще большее значение. Несмотря на то, что по закону 7 августа мы сейчас меньше людей приговариваем к высшей мере, чем 3 и 2 года назад, несмотря на то, что меньше людей приговариваем к лишению свободы на 10 лет, закон 7 августа не потерял своей актуальности потому, что в нем отражается дух нашей эпохи, заключающейся в торжестве общественной социалистической собственности.

Три года нашей судебной практики на основе декрета 7 августа позволяют нам говорить о значительных успехах в этой области. Если взять первый квартал 1933 г. в отношении осужденных по закону 7 августа за сто, то мы увидим, что после того, как во втором квартале 1933 г. получился некоторый, даже значительный рост — 171%, что объясняется отчасти той полосой увлечения в применении закона 7 августа по мелочам, от которых хотя и не без труда наши органы впоследствии освободились,—мы имеем в III квартале 1933 г.— 77% осужденных по закону 7 августа. В IV квартале 1933 г.—27%. В I квартале 1934 г.—22% и, наконец во II квартале 1934 г.—16% осужденных по закону 7 августа.

Конечно, вы знаете хорошо, что количество осужденных еще не определяет количества преступлений.

Наша статистика осуждений еще не дает нам полного основания делать те или другие выводы в отношении самих преступлений, ибо статистика осуждений не есть статистика преступлений, но все же эти цифры в высшей степени характерны.

При всех условиях эти цифры говорят о громадных успехах борьбы за охрану общественной социалистической собственности на основе декрета 7 августа. Они говорят о том, что этот закон полностью оправдал себя, что он действительно поднял на борьбу с врагами народа, расхищающими общественное достояние, гнев народа, энергию масс, мобилизовав их бдительность и внимание.

Громадное снижение числа осужденных по декрету 7 августа явилось результатом не только и не столько более тщательного расследования дел, более осторожного и осмотрительного привлечения к уголовной ответственности виновных, сколько действительного снижения самого числа преступлений. Это снижение явилось несомненно прямым следствием тех мероприятий по более тщательной охране общественного имущества, которые были приняты в связи и на основе декрета 7 августа.

Сотни тысяч и миллионы трудящихся на декрет 7 августа ответили удесяте-

рением своих усилий по охране колхозного, кооперативного и советского имущества. Под влиянием этих усилий — проверки людей, контроля их работы, лучшего учета имущества, более последовательной борьбы с различного рода злоупотреблениями и т. д. — хищения стали падать и сокращаться в количественном и в качественном своем выражении.

Ряд судебных процессов, удачно проведенных при громадной мобилизации советской общественности, помог в свое время вскрыть различные рычаги и пружины, которыми пользовались и пользуются хищники в своих «воровских махинациях», направленных против общественной собственности.

Беспощадные удары, нанесенные подлинным врагам народа, расхищавшим советское или колхозное добро, организовавшим свои хищнические вылазки против советского или колхозного хозяйства, у многих и многих отбили всякую охоту заниматься темными, хищническими делами.

По отношению к расхитителям народного достояния, безруким попустителям из числа советских бюрократов, к разгильдяям и болтунам, не умеющим беречь и охранять порученное им общественное добро, декрет 7 августа помог провести ряд мер, начиная от прямых уголовных наказаний и кончая мерами общественно-воспитательного и организационного характера, значительно улучшивших дело, покончивших с бюрократической беспечностью и безответственностью этих чиновников.

И результаты всей суммы этих мероприятий налицо.

Хищения общественной социалистической собственности значительно сократились, а по отдельным секторам нашего народного хозяйства сократились в очень большой степени.

Если, например, обратиться к колхозному сектору, то здесь мы будем иметь такую картину.

В первом квартале 1933 г. на долю колхозного сектора приходилось 58.7% всех осужденных по декрету 7 августа. В первом же полугодии 1934 г. на долю этого сектора приходилось уже только 37% всех осужденных.

Эти цифры не случайны, они говорят о том, что при значительном улучшении постановки охраны колхозной собственности, при очистке колхозов от тех враждебных элементов, которые в них пробрались, при правильном решении задачи, о которой говорил т. Сталин, направленной к тому, чтобы окончательно вышибить кулаков из колхозов, которые проводятся работниками органов юстиции по выявлению и преданию суду преступников, при всей сумме всех этих мероприятий мы дошли до такого положения, когда на долю колхозного сектора приходится сейчас не более трети всех хищений, тогда как раньше на колхозы падало более половины хищений.

Это несомненно значительное достижение. Но на этом мы останавливаться не можем. Мы должны добиться такого положения, когда хищения общественной собственности будут сведены к нулю. Конечно, это нелегкая задача, особенно, если иметь в виду неизбежность обострения на отдельных участках нашего социалистического строительства классового сопротивления остатков кулачества и вообще капиталистических элементов, классового сопротивления, одной из наиболее характерных форм которого и является расхищение, воровство общественной собственности. И тем не менее мы должны добиться окончательной ликвидации воровства колхозного имущества, окончательного искоренения воровских нападений наших врагов на колхозную собственность.

Значительное улучшение в борьбе с расхищением государственного имущества мы имеем и на железнодорожном транспорте. На этом участке мы можем констатировать падение числа хищений как в количественном выражении, так и в суммовом. Аналогичное положение мы имеем и в органах связи, где, как известно, особенно опасны эти преступления, где, как и на ж.-д. транспорте, особенно трудна и борьба с этими преступлениями.

Правильное и последовательное применение декрета 7 августа на ж.-д. транспорте и в органах связи также дало свои результаты.

Благодаря большой работе, которая была проведена и по мобилизации общественности, и по выработке и проведению в жизнь ряда профилактических мероприятий, благодаря умелой борьбе органов прокуратуры и суда, мы имеем значительное улучшение дела с точки

зрения уменьшения хищений посылок, почтовых отправлений, переводов и т. д.

Это пока нас еще мало утешает, потому что надо прямо сказать, что именно органы связи, кооперация и госторговля до последнего времени представляют собою почву, где хищения общественной собственности все еще продолжаются в больших размерах, где это зло далеко еще не сломлено.

Тем не менее мы имеем уже в этой области значительные успехи.

Одновременно необходимо подчеркнуть и наши, все еще, к сожалению, значительные недостатки в области борьбы с хищениями общественной социалистической собственности. Об этих недостатках мы уже не раз говорили. Нельзя, однако, о них не сказать и теперь, когда подводятся итоги всей нашей борьбы за это трехлетие.

Эти недостатки в основном сводятся к следующему: во-первых, все еще в высокой степени неудовлетворительно поставлено наше предварительное расследование, к которому в делах, квалифицируемых по закону 7 августа, предъявляются особенно высокие требования. Ведь в самом деле, что стоит один тот факт, что число осужденных по оперативной отчетности дает цифру в два раза высшую, чем по приговорам, вступившим в законную силу? Это значит, что мы привлекаем в 2 раза больше, чем суд признает виновными. Этот разрыв свидетельствует о том, что у нас привлечение к суду все еще недостаточно обосновано.

Второй недостаток нашей работы заключается в том, что в большом количестве случаев наши первые инстанции действуют по такому принципу, что раз человека предают суду, то он должен быть осужден. Именно отсюда громадный процент отменяемых приговоров по делам, квалифицируемым по декрету 7 августа. В некоторых краях и областях мы имеем до 60% отмененных в кассационном порядке приговоров. Это относится не только к первому периоду действия декрета 7 августа. До последнего времени мы имеем целый ряд случаев, которые говорят о неправильном применении декрета 7 августа.

Вот, например, дело некоей Долговой Анны, Перминова Ивана и Курочкина Михаила, осужденных по закону 7 августа к десяти годам лишения свободы. Каждый из них был признан виновным в хищении по одной буханке хлеба. Интересно то, что ни кассационная коллегия, ни президиум областного суда, рассматривавшие это дело, не исправили до конца грубейшего искажения революционной законности, которое было допущено этим приговором. И только по протесту Прокуратуры Союза 10 июля 1935 г. в этот приговор были внесены соответствующие исправления.

Если обратиться к самому делу, то окажется, что эта Долгова Анна — 18-летняя уборщица хлебопекарни № 1, была признана виновной в том, что «на работе ела хлеб без нормы» (!?). И вот за то, что она ела хлеб без нормы, ее присудили по закону 7 августа к десяти годам лишения свободы, осудили с превышением всех норм, и не только ее, но и еще четырех человек, и всех за то, что «ели хлеб без нормы». Да еще осудили заочно по закону 7 августа!

Одного этого примера достаточно, чтобы судить о крупных недостатках в работе кое-каких органов юстиции. В стремлении внести коррективы в подобного рода практику суды, как известно, в первый период действия декрета 7 августа чрезвычайно широко применяли ст. 51 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик. В свое время мы осудили практику широкого применения ст. 51 УК, потому что здесь сказывалось стремление действовать по линии наименьшего сопротивления. Не решаясь вовсе оправдать неправильно привлеченных к уголовной ответственности по декрету 7 августа, наши суды прибегали к ст. 51, чтобы и «капитал приобрести, и невинность соблюсти».

С другой стороны, ст. 51 в некоторых случаях служила отдельным работникам юстиции средством прикрыть свое малодушие и нерешительность в применении суровых санкций этого закона.

Эти недостатки обусловили ряд серьезных извращений в применении декрета 7 августа в период 1932—1933 гг. Вполне поэтому уместно поставить сейчас вопрос об исправлении этих ошибок. Это важно как в интересах осужденных, так и в интересах нашего государства.

Мне представляется необходимым и целесообразным провести проверку некоторых категорий дел с применением декрета 7 августа во втором полугодии 1932 г. и в первом полугодии 1933 г.

по двум основаниям: 1) исправить вольные и невольные ошибки некоторых наших органов, недостаточно осторожно и осмотрительно применявших в свое время этот декрет, и 2) отсеять случайных «преступников» от подлинных врагов народа, возвратив первых в ряды трудящихся и дав им возможность последующей своей работой искупить свою случайную вину перед пролетарским государством.

Этой проверкой и связанной с ней работой по исправлению допущенных в прошлом ошибок в деле применения декрета 7 августа мы достигнем еще одного существенного результата: мы облегчим себе лучшее применение этого декрета в будущем, поднимем собственную работу на большую высоту.

Мы до сих пор очень плохо собирали и изучали опыт применения этого исторического декрета. До сих пор научного изучения этого опыта мы не поставили, ограничиваясь большею частью собиранием отдельных фактов, обращающих на себя внимание своей необычностью, уродливостью, анекдотичностью...

Нам нужно, изучая этот опыт, исходить из того, что самая задача охраны общественной социалистической собственности должна решаться по-разному в различных условиях. На ж.-д. транспорте эта задача решается иначе, чем в области госторговли и кооперации, в орсах иначе, чем в колхозах, и т. д. В каждом из этих секторов имеются свои особенности, своя специфика, накладывающая определенную печать и на самый характер этих преступлений, требующая иных и различных методов обнаружения этих преступлений, иных приемов борьбы с ними.

Декрет 7 августа требует не только беспощадной репрессии по отношению к врагам народа, но и умелого, искусного разоблачения и обнаружения этих врагов.

Искусству обнаруживать и разоблачать преступников в высшей степени помогает систематическое, опирающееся на научные основы изучение опыта и практики борьбы с преступлениями. Здесь открывается широкое поле деятельности для нашего Института уголовной политики, обязанного притти на помощь нашим практикам во всеоружии своих научно-исследовательких сил и возможностей.

Мы не должны забывать при этом, что методика расследования преступлений, связанных с хищением общественной собственности, все еще разработана крайне недостаточно, если не сказать вовсе не разработана. Нам нужны методические пособия, ориентирующие следователя в его работе по преследованию расхитителей общественной собственности. Нам нужны пособия, относящиеся к области экспертизы, относящиеся к вопросам организации учета, к вопросам товарооборота и пр. Нам нужна теоретическая разработка ряда вопросов, относящихся к области материального уголовного права, весьма тесно связанных с проблемой охраны общественной собственности. При разработке нового Уголовного кодекса мы неизбежно столкнемся и уже столкнулись с рядом проблем, являющихся результатом развития самого декрета 7 августа.

Вот какой громадный круг вопросов требует нашего внимания в области теоретической и практической разработки проблем, связанных с декретом 7 августа.

Основная и ведущая задача по применению декрета 7 августа заключается в такой организации нашей следственной, прокурорской и судебной работы, которая могла бы показать себя не количеством приговоров, а их качеством.

Чем строже и суровее советский закон, тем более умело и искусно его надо применять. Ни на иоту не ослабляя суровости и строгости великого декрета 7 августа, в планомерном, последовательном, строго взвешенном и точно обоснованном его применении мы должны стремиться лучше выполнять наши обязанности, самоотверженно служа делу укрепления этого закона, делу укрепления общественной социалистической собственности.

Положенный в основу этого декрета великий принцип, одухотворяющая этот декрет великая идея коммунизма будут вечно жить, побеждая все трудности и все препятствия.

Составляя основную заботу органов юстиции, охрана общественной социалистической собственности и впредь будет центральной задачей этих органов, поставленных пролетарской революцией на страже пролетарского государства и растущего нового социалистического общества...

А. Турин

О методике следствия и учете следственной работы

(Опыт Одесской областной прокуратуры)

На I всесоюзном совещании работников юстиции в апреле 1934 г. тт. Акулов и Вышинский поставили в упор вопрос о нашей следственной работе и о роли следователей в нашей системе.

Следственный аппарат не только в Одесской области, а во всем Союзе к этому времени находился в безотрадном состоянии. Вряд ли надо доказывать, что мы в течение нескольких лет не только серьезно не занимались следователями и следственной работой, но очень многое сделали такого, что ухудшало нашу следственную работу. Весьма отрицательную роль сыграли и «левацкие» загибы о том, что нам не нужны правовые институты, правовое образование, что право отмирает и т. д.

Лучших следователей часто забирали на прокурорскую и на судебную работу, считая, что следственная работа второстепенная, следователей выпускали без особых препятствий из органов юстиции.

Люди фразы — «леваки» становились на путь самого безшабашного упрощенчества, игнорируя процессуальные нормы и элементарные требования нашего процесса. В погоне за упрощенчеством, за мнимыми темпами они доходили в отдельных местах до того, что следственные дела заканчивали в один день и т. д.

Но хуже всего было то, что следственный аппарат, по сути, оставался совершенно безнадзорным, никакого надзора со стороны прокурора не было.

Все это вместе взятое привело к тому, что как сами следователи, так и прокуроры отказывались от элементарнейших требований дел производства и учета. Вести наблюдательное производство многие прокуроры считали грехопадением.

В результате следователи работали совершенно бесконтрольно, не было никакого учета, и неудивительно, что были такие следователи, которые кончали одно дело в месяц и иногда сдавали в архив незаконченные еще дела, по которым следовало бы людей предавать суду. Говорить при этих условиях о каком-либо серьезном руководстве областных и краевых прокуратур совершенно не приходится.

Ведь факт, что в камерах следователей не только не было входящих и исходящих журналов, фиксирующих движение дел и документов, но и настольный реестр нельзя было найти. Кстати, мы, прокуроры, привыкли давать следователю установки по вопросам высокой политики, а вот спуститься в камеру следователя и посмотреть, что делается у него в канцелярии, это, к сожалению, мы и сейчас практикуем очень редко.

Не только прокурор, которому надлежало наблюдать за следствием, но и сам следователь не знал, какие у него следственные дела и сколько их в его камере. В одну кучу сваливались: всякая переписка, направляемая прокурорами следователю «для проверки», дела, пролежавшие месяцы и даже годы без движения, и дела, вновь возникшие, имеющие серьезное значение по своей актуальности. С содержанием дел своей камеры нередко сам следователь был слабо знаком.

Этот беспорядок в свою очередь предопределял в определенной мере и качество следственной работы, ибо отсутствие контроля за работой следователя естественно порождало в нем безответственность. Актуальные дела находились в следственных камерах в течение многих месяцев и теряли всякое значение. Нередко бывали случаи когда толкачом в деле окончания следствия являлся не прокурор, коему, казалось, надлежало первым быть заинтересованным в решительной и быстрой борьбе с преступным элементом, а сам обвиняемый, который, чувствуя, что время в достаточной мере умертвило его дело, что доказательств, уличающих его, следователю уже не собрать, добивался скорейшего окончания дела для получения реабилитирующей его справки.

Что касается дел, какие следователи и направляли в суд, то прокуроры, не следя за их судьбой в суде, не могли реагировать на случаи их провала. Ошибки следователей не выявлялись, и перед следователями не ставились. Качество следствия конечно оставалось низким.

Всесоюзное совещание работников юстиции весной 1934 г. дало должную оценку работе следственного аппарата, предъявив всем нам решительное требование: вернуть следователю его место центральной фигуры, какое, по важности возложенных на него сейчас задач, он должен занимать.

Одесская областная прокуратура серьезно взялась за проведение в жизнь решений всесоюзного совещания.

Для Одесской областной прокуратуры было ясно, что поднять работу следственного аппарата можно только идя одновременно двумя путями: во-первых, необходимо было быстро наладить строжайший учет и контроль как количественной, так и качественной работы каждого следователя в отдельности, при непременном методическом руководстве, направленном на изучение ошибок следователей и извлечение из этих ошибок соответствующих уроков для дальнейшей работы; во-вторых, необходимо было резко поднять качество руководства следователями со стороны прокурорского надзора, сделав его действительно оперативным и конкретным.

Учитывая исключительное неблагополучие в этой области в районных прокуратурах, мы вынуждены были прибегнуть к чрезвычайному мероприятию, а именно: независимо от наблюдения со стороны райпрокуроров установить конкретное наблюдение за всеми без исключения следственными делами области секторов облпрокуратуры.

Выполнение поставленных выше задач, разумеется, требовало организационного своего оформления, и Одесской облпрокуратурой был организован осенью 1934 г. специальный сектор учета и методики следствия (СУМС).

Какова структура СУМС, каковы его функции и чего мы добились благодаря ему на сегодняшний день?

В этом секторе работает методист — специалист по следствию (б. старший следователь) и три технических работника — статистик, секретарь и деловод.

Нами заведен порядок, согласно которому следователи всей области посылают в СУМС, независимо от посылки в свою районную прокуратуру, копии своих постановлений и меморандумы по следственным делам.

В СУМС оборудованы специальные шкафы с отделениями на каждого следователя, где находятся его наблюдательные производства— отдельно для незаконченных и отдельно для законченных дел. СУМС, получив копии постановлений, немедленно передает их соответствующему сектору для ознакомления и оперативного реагирования, после чего наблюдательное производство с выполненной в канцелярии сектора резолюцией прокурора возвращается в СУМС. Это, с одной стороны, обеспечивает действительное оперативное руководство и контроль исполнения со стороны облпрокуратуры за всеми следователями области, а, с другой стороны, это дает каждому руководителю сектора ясные перспективы в его работе. При том положении, когда через руки руководителей секторов облпрокуратуры проходят все без исключения следственные дела области, мы добились того, что ни одно серьезное дело не может пройти мимо секторного прокурора, не может, как говорится, застигнуть его врасплох.

Следует сказать, что в области налаживания правильной работы и контакта между СУМС и секторами была серьезная опасность в начале организации этой учетной методической ячейки. Вначале некоторые прокуроры в аппарате считали, что СУМС должен все делать за них. С другой стороны, были такие, которые сопротивлялись организации СУМС, считая, что эта ячейка отстраняет их от непосредственного оперативного руководства. Правильная постановка работы СУМС совершенно изжила эти крайности.

Нам пришлось выдержать большую борьбу в самом аппарате, пока каждый секторный прокурор понял, что эта ячейка — именно его ячейка, что она создана, чтобы облегчить работу его сектора, и что он должен следить за этой ячейкой, вникать в ее работу точно так же, как он интересуется работой своего сектора.

Мы добились такого положения сейчас, когда каждый руководитель сектора считает своей обязанностью каждый день зайти в эту ячейку, подойти к шкафу, где лежат дела и проверить, нет ли чего-нибудь новенького, не поступило ли чего-нибудь от райпрокуратур. Точно так же работники СУМС каждый день все вновь полученные постановления о привлечении к ответственности, о возбуждении дел, меморандумы, приговоры немедленно передают руководителям секторов; они же следят за обратным получением этих документов с резолюциями секторных прокуроров и их указаниями, следят за исполнением этих указаний.

Нам пришлось преодолеть косность райпрокуроров и райследователей, которым казалось, что это бюрократизм, что незачем посылать в область постановления, меморандумы и прочие документы.

Сейчас следователи уже сами заинтересованы в том, чтобы их документы во-время попадали в СУМС, и когда следователь приезжает в область, он в первую очередь заходит в СУМС проверить, имеются ли там все его дела и документы. Он это делает потому, что он заинтересован, чтобы его работа была точно отражена, чтобы не было ошибочно уменьшено количество законченных им дел, чтобы в областном аппарате было известно, сколько дел у него осталось в производстве и т. д.

Положительная сторона СУМС заключается в том, что облпрокурор и его заместитель имеют возможность проверить состояние любого дела, темпы его прохождения, проверить любого следователя, а главное проверить, как тот или иной прокурор сектора облпрокуратуры осуществляет надзор за периферией.

Надо сказать прямо, что отсутствие учета и контроля не только лишало возможность облпрокурора наблюдать за периферией, но и в самом областном аппарате не было никакой возможности проверить, дал ли тот или иной прокурор своевременно указания и следит ли он за выполнением своих указаний. А у нас ведь не мало фактов, когда прокурор пишет неплохие резолюции, дает указания, а через день забывает о них.

СУМС заставил работников облпрокуратуры крепко подтянуться, ибо каждый из них знает, что в любой день, в любой час облпрокурор может взять наблюдательный наряд, и тут же сразу может обнаружиться бездеятельность того или иного прокурора, его неаккуратность, недисциплинированность и безответственность.

С районными прокурорами у нас твердая договоренность, что СУМС ни в какой мере не освобождает их от наблюдения за своими следователями; наоборот, СУМС, освещая качество этого наблюдения, по необходимости мобилизует их на усиление своего надзора.

СУМС по наблюдательному производству и по ведомостям, которые он получает от прокурорских и следственных камер, изучает и ведет точный учет работы каждого следователя как количественно, так и качественно. С момента организации СУМС каждый следователь знает, что в облпрокуратуре имеется его личный счет, что каждый месяц подводятся итоги того, что он проделал за прошлый месяц, над какими делами он работал в первую голову, как он их заканчивал, какие сроки следствия и т. д.

Ежемесячно СУМС отчитывается на прокурорском следственном совещании, на котором присутствуют все следователи г. Одессы и следователи, специально вызываемые из районов. На этом совещании рассматривается и обсуждается количественно и качественно работа каждого присутствующего следователя, дается анализ дел, закончившихся в суде провалом (оправданием, либо направлением на доследование) из-за небрежности следователя, проводившего следствие.

Надо сказать, что совещания эти проходят в атмосфере жесткой критики, хлестко бичующей конкретных лиц за те или иные безобразия, ими допущенные. Не обходятся иной раз эти совещания и без организационных выводов. Такая критика, сопровождаемая соответствующей положительной оценкой того или иного товарища, отличившегося за отчетный месяц, воспитывает и резко подтягивает следователей.

Итоги ежемесячных своих анализов СУМС освещает в ежемесячном бюллетене, рассылаемом всей области, выставляя напоказ бездеятельность отдельных лиц, и популяризуя тех следователей, которые за отчетный месяц дали лучшие показатели.

В бюллетенях, помимо информации, помещаются также методические письма, составляемые на основе изучения конкретных следственных дел и имеющие целью обобщение и освещение перед следственным аппаратом области ошибок следователей, характерных для многих из них.

Большое внимание мы уделяем вопросу поощрения следователей через конкурсы и премирование. Так, по конкурсу, проведенному в первой половине 1935 г. (январь—май), облпрокуратурой ряд товарищей был премирован велосипедами (5), фотоаппаратами (3) и грамотами (3).

Второй конкурс на лучшего следователя объявлен в мае и закончится в октябре—ноябре. Конкурс, условия коего вполне выполнимы, должен решительно изжить серьезные дефекты в области темпов и качества расследования дел:

1. Лучший следователь обязан закончить ежемесячно не менее 10 актуальных дел, что, особенно в условиях села, должно исключить возможность застревания более или менее серьезных дел в органах дознания.

2. Число дел, прекращаемых в ходе следствия, не должно превышать 10—12% общего числа направляемых дел.

3. Не должно быть ни одного неправильно прекращенного или неправильно направленного в суд дела.

4. Максимальный срок проведения следствия — один месяц, а по делам о растратах, хищениях, бандитизме и т. д. — не более 20 дней (дела, связанные с хлебоуборкой, расследуются в сроки не более пяти дней) и т. д.

По линии дознания мы поставили перед следователем такие задачи:

1. Изъять из органов дознания и принять к своему производству дела о растратах и хищениях социалистической собственности на сумму свыше 1 000 руб.

2. Ежемесячно проверять все без исключения дознания, находящиеся в милиции, с представлением СУМС акта проверки.

3. Созывать ежемесячно производственные совещания с работниками дознания по вопросу о количестве и качестве дознаний. Добиться такого положения, чтобы актуальные дела находились в дознании не более 10 дней.

Отличившиеся по конкурсу товарищи будут премированы.

Какие же результаты мы имеем в целом на сегодня?

Если взять за исходную точку показатели работы следственного аппарата областного центра (14 следователей, не считая четырех старших) на 1/X 1934 г., т. е. на момент организации СУМС, то мы имеем:

Средняя пропускная способность на одного следователя на 1/X 1934 г. составляла 6,5 дел, на 1/VII 1935 г. — 9 дел.

Средняя нагрузка на одного следователя на 1/X 1934 г. составляла 17,1 дела, на 1/VII 1935 г.—10,6 дела. На 1/X 1934 г. находилось в следствии более двух месяцев 49% дел, на 1/VII 1935 г. — 27% дел.

49% дел, находившихся в следствии свыше двух месяцев, нужно еще к тому же расшифровать в том смысле, что большая часть из них давным давно перешагнула двухмесячный срок. Тут было не мало дел со стажем в год и даже больше. Точных цифр, к сожалению, дать не можем, так как таких данных на 1/X 1934 г. прокуратура не имела.

Следователи области отстают только от районных следователей в количестве выпускаемых в месяц дел, давая в среднем 6 дел на одного следователя.

То, что следователи области кончают в среднем не более 6 дел в месяц, объясняется тем, что мы не добились еще положения, чтобы следователи изымали из органов дознания все наиболее важные, наиболее актуальные дела о растратах, хищениях социалистической собственности. За это мы сейчас ведем борьбу.

Остается высоким процент дел, направляемых следователями на прекращение. В этом вина, скорее, не следователей, удерживаемых сейчас нами в их порыве направлять дела на слушание чем побольше, а прокуроров, не всегда проявляющих критическое отношение к поступающим в прокуратуру материалам и механически направляющих их следователям для проведения следствия.

Тут, к сожалению, сказывается недостаточное понимание всей глубины речи нашего мудрого вождя т. Сталина 4/V 1935 г., какое проявляют еще многие наши прокурорские работники, неумение их решительно и полностью преломлять в своей повседневной практике лозунг т. Сталина о бережном отношении и любовном выращивании кадров для нашего социалистического строительства.

Исчерпывающий анализ этого отрицательного явления в работе органов юстиции дал т. Вышинский в его докладе в ИССП Комакадемии и Института уголовной политики на тему «речь т. Сталина 4/V и задачи органов юстиции» и ничего тут не добавишь.

Мы прекрасно помним слова наркома нашей республики т. Киселева, обращенные к нам, работникам юстиции Одесской области, в его выступлении на областном совещании в мае этого года: «Вы имеете определенные успехи в своей работе, но не зазнавайтесь, ибо это может привести к самому печальному».

Мы отнюдь не увлекаемся, не почиваем на лаврах и ясно видим те огромные недостатки, которые имеются в нашей следственной работе. Совершенно ненормальным мы считаем количество прекращаемых дел, нельзя признать удовлетворительным и количество работы следователей села, кончающих 6 дел в месяц, что говорит о существующей еще практике передачи в органы дознания серьезных дел, далеко еще не изжито неосновательное возбуждение уголовных дел прокурорами. Наконец, совершенно ненормальным мы считаем наличие 27% следственных дел по Одессе и 20% по области, ведущихся свыше двух месяцев.

Но заслуга СУМС именно в том, что благодаря созданию этой ячейки мы увидели наши недостатки, можем их изучать и исправлять.

Я не представляю себе, как может сейчас тот или иной краевой, областной прокурор говорить о количестве и качестве законченных дел, не имея такой ячейки, которая вела бы учет этих дел.

СУМС по своей структуре должен: 1) помочь нам наладить в следствии строгую учетную дисциплину; 2) на основе всех материалов вскрывать и сигнализировать все обнаруживаемые как прокурорами, так и самим СУМС дефекты следствия; 3) обобщать эти дефекты; 4) разрабатывать методические указания по отдельным делам, плохо проведенным следователями; 5) сигнализировать облпрокурору о всех случаях неосновательного возбуждения дел прокурорами.

Говоря о недостатках следствия, мы должны подчеркнуть и то, что большую роль играет состояние кадров следственного аппарата, степень его культурного уровня, юридической грамотности и т. д.

Несмотря на то, что мы систематически занимаемся подбором кадров следователей, поднятием их квалификации, юридической грамотности, все же положение с кадрами следователей до сих пор неутешительное.

Из наличного числа 93 следователей в нашей области с высшим юридическим образованием только 12, юркурсы закончили 26 чел., среднее образование имеют только 28 чел. Что касается юрстажа, то до одного года работают в органах юстиции 23 чел., до двух лет — 12 чел., до пяти лет — 31 чел. и свыше пяти лет — 27 чел.

Из этих цифр видно, что мы имеем большой процент следователей, не имеющих даже среднего образования, не говоря уже о том, что мы имеем 25% людей, которые работают меньше года в органах юстиции.

Большую роль в поднятии квалификации наших следователей и лучшем подборе их играют и материально-бытовые вопросы.

Энтузиазм, охвативший следственный аппарат Одесской области, ударничество и подлинное социалистическое соревнование отдельных следователей друг с другом, безусловно, делают свое дело.

Разумеется, что меры улучшения состояния следствия Одесской прокуратуры не ограничиваются одним лишь учетом и методикой. Много внимания было уделено вопросу оказания следователям реальной помощи в деле поднятия их роли в глазах нашей общественности и, в первую голову, в глазах районных прокуроров.

Одесская прокуратура знала период, когда следователь был обезличен и прокурор помыкал им, как хотел. Каждый прокурор считал себя вправе нагружать следователя своей — прокурорской работой, поручать ему проверку разных переписок, что фактически обязан был делать сам прокурор. А один из прокуроров дошел до того, что посылал следователям переписки с резолюциями — «бегло ознакомиться и мне доложить». Все это для следователей Одесской прокуратуры является сейчас уже этапом давно пройденным. В Одесской областной прокуратуре не уважают того следователя, который не имеет своего мнения по делу и не умеет с должным достоинством спорить со своим прокурором по принципиальным вопросам следствия.

В области повышения квалификации следователей, в особенности молодых, мы стараемся снабжать их систематически литературой по следствию, хотя нам очень трудно ее доставать.

Изложив наш опыт по этому вопросу, я еще раз повторяю, что отнюдь не хочу сказать, что у нас уже все сделано; мы и сейчас много работаем над тем, чтобы усовершенствовать и еще более улучшить дело учета, контроля и методов следствия.

Нужно признать, что, организуя эту ячейку учета и методики следствия, мы в основном нащупали правильный путь, нашли верный рычаг для поднятия качества следственной работы. И то обстоятельство, что уже сегодня другие областные прокуратуры (Винница, Киев) вводят у себя эту систему и к ней проявляют интерес и ряд других областей, убеждают меня в том, что она возникла своевременно, себя оправдывает и что ее следует ввести всем остальным областным (краевым) прокуратурам.

Политическая значимость и роль расследования особенно возрастают в условиях требования четкой и политически подготовленной репрессии. Качественно полноценное проведение расследования является решающим условием правильности судебной политики и высокого качества работы суда.

(Из „Резолюции I всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников" 23—27 апреля 1934 г.)

Н. Лаговиер

Практика борьбы органов юстиции с обвешиванием и обмериванием [1]

Постановление ЦК ВКП(б) 26/VII 1934 г., ЦИК и СНК СССР 25/VII об ответственности за обворовывание потребителей и обман государства обязывали все партийные, советские и общественные организации, в том числе и органы юстиции, усилить повседневное действенное внимание борьбе с этими преступлениями, решительно искоренив их из практики советской торговли.

В связи с постановлением ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) об отмене карточной системы политическое значение закона 25/VII еще более возросло как одно из условий дальнейшего развертывания советской торговли, являющейся «той актуальной задачей, без разрешения которой невозможно дальше двигаться вперед» (Сталин, XVII партъезд).

Сейчас, после годовщины закона 25/VII, уже можно и должно подвести некоторые итоги практического его применения.

Сравнительно наибольшую трудность представляет анализ **динамики этих преступлений до и после** издания закона. Трудность обусловлена тем, что, во-первых, до издания закона 15/VII дела осужденных по этим преступлениям не выделялись и не учитывались, а, во-вторых, до издания закона 25/VII эти преступления имели большое распространение, о чем свидетельствуют результаты целого ряда обследований, произведенных комиссией партконтроля. Характерны например следующие данные по Ивановской обл.

В октябре 1933 г. в Ивановской области была произведена массовая проверка цен. Проверка охватила 28 районов. Обнаружено было 980 случаев повышения цен, 108 случаев обмеривания и обвешивания, 118 случаев хищений и самоснабжений, 27 случаев продажи с принудительным ассортиментом.

В результате проверки 457 чел. были привлечены к ответственности, из них 63 к судебной.

Результаты проверки показывают, с одной стороны, какое большое распространение имели эти преступления, а с другой — как слабо отражала их количество статистика осужденных, так как основная масса этих нарушений преследовалась не в судебном, а в административном порядке, а зачастую и вовсе не преследовалась, и голое сопоставление цифр осужденных до и после издания закона 25/VII не может служить ни в какой мере показателем роста преступлений.

Применением закона 25/VII при всех недостатках судебной, прокурорской и следственной практики нанесен серьезный удар по этим преступлениям.

Отчасти показателем тому служит снижение числа осужденных по месяцам. Если например по РСФСР во второй половине 1934 г. в среднем в месяц осуждались свыше 1 300 чел., то уже в первом квартале 1935 г. число это снижается до 906.

Вместе с тем надо признать, что преступления эти **еще имеют значительное распространение.**

Из отдельных союзных республик наибольшее число осужденных падает на РСФСР, затем идет УССР, БССР, в остальных республиках имеем незначительные числа осужденных и дел (например на 1/I 1935 г. по неполным данным всего лишь 490 дел). Наибольшее число осужденных падает на кооперацию (45,7% — до января 1935 г. и 35,1% — в I квартале 1935 г.), на втором месте стоит госторговля (соответственно — 30,7% и 25%), а последнее по численности осужденных место занимают орсы (20,25% и 19,6%), что однако весьма условно отражает действительное различие в степени пораженности преступлениями каждой из этих систем, имея в виду различие в количестве торговых точек, в масштабе торгового оборота.

Точных данных о **распределении осужденных между городскими и сельскими торгующими организациями не имеется.** Но из отдельных сообщений видно, что борьбе с этими преступлениями в сельских торговых организациях уделялось гораздо меньше внимания, чем в городе.

Так например в ДВК из 132 дел, возбужденных по краю, только четыре дела возбуждено против работников сельпо.

При анализе состава осужденных обращают на себя внимание некоторые моменты, которые должны быть учтены в практике дальнейшей борьбы с этими преступлениями.

Сюда в первую очередь относится **наличие среди осужденных значительной прослойки лиц, имевших ранее судимость за корыстные преступления.**

Так например из числа осужденных по закону 25/VII в торгующей сети АЧК 11,4% уже имели судимость за растраты и хищения.

В Чувашской АССР по 49 делам были осуждены 85 чел., из них 14, т. е. почти 25%, имели ранее судимость за корыстные преступления.

Из 393 привлеченных по Москве за период июль—ноябрь 1934 г. 54 имели судимость, причем 5 человек имели по 5 судимостей, а 2— по 3 судимости.

В Василеостровском р-не Ленинграда из осужденных по закону 25/VII в I квартале 1935 г. 21,9% имели судимость.

Наличие нескольких судимостей в прошлом у привлекавшихся по закону 25/VII говорит о том, **что преступное ротозейство, притупление классовой бдительности в подборе кадров в ряде звеньев торговой и кооперативной сети продолжается.**

Это подтверждается и сообщениями нашей печати. Так, 29/V 1935 г. газета «Советская торговля» сообщала, что **«большинство работников прилавка магазинов** сталинградской конторы Горта **было принято на работу без трудовых списков».**

А в газете «За индустриализацию» от 26/V 1935 г. приведена характерная записка, остав-

[1] Из доклада, прочитанного на судебной секции Института уголовной политики 8 июля 1935 г.

ленная одним аферистом-растратчиком в адрес ротозеев одного орса.

«Я выехал. Меня не ищите. Произведите ревизию, и сколько окажется недостач — все будет считаться за мной. Скажите, чтобы в будущем проверяли документы, а то у меня и паспорта не было» (!!).

Обращает на себя, далее, внимание и **распределение осужденных по должностному положению:** наибольший удельный вес осужденных занимают продавцы 38,45 и завмаги — 30,95, руководители торговых объединений — 18,8% (по данным на 1/I 1935 г.).

Значительный процент осужденных руководящих работников свидетельствует о том, что нэпманско-торгашеские тенденции проявляются не только со стороны рядовых работников, а нередко проводятся непосредственно руководителями отдельных звеньев торговых и кооперативных организаций или с их санкции.

И наконец (и это должно быть учтено при расследовании) цифры и конкретные дела показывают, что такие преступления, как наценки, а отчасти и обвешивание и обмеривание, в особенности когда они носят систематический характер, по самому своему существу в более или менее крупных торговых точках **предполагают наличие организованного участия нескольких служащих.**

По ряду дел такие организованные группы фигурируют. Так например в хлебном магазине № 22 воронежской хлебной конторы была раскрыта группа лиц в пять человек, которая под руководством завмага Коробова систематически обвешивала покупателей. Вырученные деньги делились между участниками.

В магазине имелся подросток специально для подачи сигналов о приближении руководителей конторы. В случае опасности выкрикивали цифру «26» (тогда подкладка в 100 г снималась) и, когда опасность миновала, выкрикивалась цифра «30» (Воронеж, сентябрь 1934 г.).

Статистические материалы дают чрезвычайно суммарное представление о том **разнообразии ухищрений и способов,** к которым прибегают жульнические элементы для обворовывания потребителей и обмана государства. Частично лишь отражают это разнообразие материалы конкретных судебных дел, так как еще далеко не все ухищрения разоблачены и выявлены.

Пользование заведомо неправильными гирями и весами и измерительными приборами, пользование всевозможными суррогатными гирями, нарочито облегченными гирями, искусственное увеличение тяжести весовой чашки, продажа тех товаров по количеству, которые должны продаваться по весу, разнообразнейшие мошеннические приемы самого взвешивания, использование специфической обстановки (спешка пассажиров, малограмотность отдельных покупателей) — только часть выявленных способов обвешивания и обмеривания.

Для маскировки незаконного повышения розничных цен применяются также весьма разнообразные жульнические приемы, в частности практикуется подмена и искусственное изменение качества товара на худший сорт, продажа по рыночным ценам плановых товаров, кроме того весьма часто повышение цен переплетается с обвешиванием и обмериванием (умышленное уменьшение количества отпускаемого по определенной цене товара).

В ряде случаев незаконные наценки, обмеривание и обвешивание являются средством для сокрытия следов хищений, растрат, преступной бесхозяйственности, служат для спекулятивных целей. В тех же случаях, когда эти преступления (обмер, обвес и т. д.) не имеют корыстного характера, они отражают нэпманско-торгашеские тенденции.

Можно было бы привести большое число конкретных иллюстраций. Ограничиваюсь немногими.

Завмаг Клеспинского сельпо Тургиновского района Московской обл. Козлов при взвешивании товара пользовался вместо гирь пачками махорки, перца и разменной монетой.

В Феодосии в столовой ТПО вместо гирь пользовались для взвешивания камнями.

Продавец большегребского отделения Сибторга (Западная Сибирь) Кузьменко не имея весов в магазине и товары, подлежащие взвешиванию, продавал без веса. Так например колбасу при продаже измерял мерой длины — метром, конфеты продавал поштучно с 100 процентной наценкой (так например одна конфета при взвешивании стоила 25 коп., а Кузьменко продавал ее по 50 коп. за штуку).

При продаже вина Кузьменко разливал трехлитровую посуду в литровые и пол-литровые бутылки, причем доливал в вино воду.

Спички продавал с «нагрузкой», причем эта нагрузка носила прямое издевательство над покупателями. Кузьменко по социальному положению—сын кулака, нарсудом был осужден к году исправительно-трудовых работ; вследствие применения мягкой меры соцзащиты прокурором был принесен протест.

Характерны также мошеннические приемы, разоблаченные на устьяновском молочном заводе с. Александровки Рубцевского р-на (Западная Сибирь).

Здесь при приемке молока от молокосдатчиков ставились весы на неровное место пола с таким расчетом, чтобы лицевая сторона при взвешивании показывала на пол-литра больше действительного веса, при каждом взвешивании происходил обмер молокосдатчиков.

В Щебекинском р-не Курской обл. в сталинском отделении Краснянского свеклорабкоопа продавец ларька Никифоров при выдаче работницам сахарного песка в счет пайка подливал в песок воду; песок до того был влажным, что при сжатии в руке из него выжималась вода.

Анализ материалов, характеризующих непосредственную работу органов юстиции по реализации закона 25/VII, показывает, что органы суда и прокуратуры проделали большую оперативную и в основном эффективную работу по реализации закона 25/VII. Вместе с тем наряду с судьями и прокурорами, которые немедленно же после издания закона 25/VII перестроили свою работу по борьбе с обмериванием, обвешиванием и нарушением цен, своевременно включились в реализацию закона, мобилизовали и расширили организацию сети его актива в торговых и кооперативных точках, провели ряд хорошо организованных судебных процессов, часть судебно-прокурорских работников этого не сделала, **проявила неповоротливость, недооценку политической важности борьбы с данными преступлениями.**

Было бы неправильно думать, что эти недочеты уже полностью изжиты и в настоящее время.

Есть суды и прокуратуры, которые умудрились даже до марта 1935 г. не возбудить и не рассмотреть ни одного дела по закону 25/VII (!). Таковы например нарсуды Ятяшевского и Рузаевского р-нов Мордовской обл. Такую же «деятельность» до марта 1935 г. проявили нарсуд и прокуратура Гдовского р-на Ленинградской области.

Многочисленные факты безобразной **волокиты** продолжают иметь место.

В Орле хлеборез магазина горта Некрасов систематически обвешивал потребителей. Когда группа рабочих потребовала книгу жалоб, Некрасов пытался нанести рабочим удары гирей. И вот такое дело, имеющее общественное значение, в расследовании находилось ни более, ни менее, как 33 дня.

Установленный циркуляром Прокуратуры СССР 28/IX 1934 г. 10 дневный срок для предварительного расследования по значительной части дел не соблюдается.

Даже в I квартале 1935 г. в Харьковской обл. 39% дел расследовались свыше двух месяцев.

В Смольнинском р-не Ленинграда в милиции были обнаружены в I квартале 1935 г. дела с давностью в четыре месяца и более.

Существенным недостатком следственно-прокурорской и судебной работы по реализации закона 25/VII является также **неуделение достаточного внимания отдельным участкам,** имеющим весьма серьезное значение в борьбе с преступными нарушениями правил торговли. В частности к числу таких «обойденных» участков, как уже указывалось выше, относится борьба с преступлениями в сельских местностях, борьба с преступным отношением к обеспечению торговых организаций правильными весами и измерительными приборами и некоторые другие. Мало внимания уделяется борьбе с легкомысленным подбором кадров.

Статистические данные о карательной политике показывают, что по п. «а» ст. 128 УК за время январь—апрель 1935 г. (по данным Верхсуда на 3/V) удельный вес применения лишения свободы поднимается до 56%.

В отношении классово чуждых элементов репрессия правильная, жесткая (96% лишения свободы, причем на срок до 10 лет—34,4%).

Статистические и иные показатели с несомненностью устанавливают, что **часть судебных органов не подошла к борьбе с этими преступлениями с той непримиримостью, какой требовали партия и правительство,—проявила явный либерализм, мягкотелость.**

Нельзя, конечно, считать, что во всех случаях применение исправтрудработ по данным преступлениям было неправильным.

Во-первых, статистика осужденных частью отражает преступления, совершенные еще до издания закона 25/VII. Во-вторых, в отдельных случаях снижение наказания вызывалось действительной необходимостью, специфическими особенностями конкретных дел (незначительность проступка, исключительные семейные и материальные условия и т. п.). Нужно учесть и то обстоятельство, что до издания инструкции НКЮ и НКВнуторга 14/II 1935 г. в уголовном порядке преследовались много мелких, незначительных по своему характеру преступлений.

Однако, учитывая все эти оговорки, все же высокий процент применения исправтрудработ и притом исправтрудработ по месту работы если не целиком, то в значительной мере должен быть отнесен именно за счет либерального подхода некоторых судебных органов.

В конце 1934 г. **были такие районы, где почти на 100% за эти преступления назначались исправтрудработы по месту работы** (Оловяннинский, Сретенский, Каучугский р-ны Восточной Сибири).

Мягкие приговоры выносятся даже при наличии таких способов обмеривания, обвешивания, которые уже сами по себе говорят о злостности.

Не смущало некоторых нарсудей и то обстоятельство, что обмеривание, обвешивание, незаконные наценки служили прикрытием хищений и растрат. И в ряде подобных случаев сердобольные судьи ограничивались исправтрудработами и притом исправтрудработами по месту службы.

Сюда же должны быть отнесены многочисленные случаи квалификации по ст.ст. 111 и 109 УК преступлений, которые целиком подпадают под ст. 128-в УК, что являлось одной из форм смазывания закона 25/VII.

Характерно, что в конце 1934 г. оказались еще кое-где такие нарсудьи, которые даже не знали о существовании закона 25/VII (!).

По крайней мере так обстоит дело с нарсудьей Сухинического р-на, который не применял закона 25/VII потому, что не знал его.

Однако не незнание закона, а «вельможное отношение» к нему, недооценка его — вот что лежит в основе этих либеральных извращений.

Наряду с этим в судебной практике допускались и еще полностью не изжиты и сейчас ошибки иного порядка — **необоснованное предание суду, осуждение вопреки фактических материалов дела, нарушения процессуальных норм, различного рода упрощенчество, подведение под закон 25/VII таких нарушений, которые должны были преследоваться в порядке административного или общественного воздействия.**

Прокурор Хмельницкого р-на Винницкой обл. привлек к уголовной ответственности зав. буфетом за увеличение цен. «Преступление» зав. буфетом заключалось в том, что при поштучной продаже конфет он допустил перебор с потребителя 13 коп. на килограмм. По делу было установлено, что если бы зав. буфетом снизил цену одной конфеты на одну копейку, государство потерпело бы на кг. 40 коп. убытку. Дело по распоряжению облпрокурора было прекращено.

Такая практика борьбы с обмериванием, обвешиванием, и нарушением цен, искажающая судебную политику по этим делам, поддерживалась между прочим и торговой инспекцией при Наркомвнуторге СССР. В циркулярном письме 11/I 1935 г. торгинспекция указала своей системе, что во всех случаях обмеривания, обвешивания и нарушения цен виновные должны привлекаться к судебной ответственности.

Поэтому инструкция Наркомюста и Наркомвнуторга РСФСР, разграничившая судебную и административную ответственность, явилась правильной и полезной мерой.

Прекращение в порядке кассационного рассмотрения дел в отношении 272 (7,5%) осужденных, изменение приговора в отношении 655 (18,2%), отмена в отношении 632 (17,6%), несомненно, характеризуют большую работу по исправлению неправильных приговоров нарсудов, проделанную главными, краевыми и областными судами в качестве второй инстанции.

Несмотря на большую работу главных, краевых и областных судов и прокуратур по линии руководства народными судами и райпрокурорами в части дачи письменных директив, обследований и проверок на месте, вызова судей и райпрокуроров для докладов и т. д., руководство это все же было недостаточным и не в состоянии было предупредить те грубейшие ошибки, которые имели место в работе нарсудов.

В качестве судов первой инстанции главные, краевые и областные суды по делам закона 25/VII не выступали за крайне немногими, буквально единичными исключениями (менее 1% всех дел).

Коллегии несут значительную долю ответственности за либерализм и перегибы, которые имели место в работах нарсудов, поскольку коллегии нередко утверждали явно либеральные приговоры, а иногда сами являлись инициатором необоснованного снижения репрессии.

Недочеты в вопросе методики расследования по делам по закону 25/VII мною уже освещались на страницах журнала «За социалистическую законность».

Судебно-надзорная работа прокуратуры на местах по делам о преступлениях, предусмотренных законом 25/VII, определенно недостаточна.

Серьезные извращения карательной политики по отдельным делам в значительной своей части или вовсе оставались не замеченными прокурорами, или опротестовывались с большим опозданием, или прямо поощрялись прокурорами.

К числу основных недочетов предварительного расследования относится неполнота, поверхность расследования, оставление подчас абсолютно вне поля зрения и внимания ряда таких моментов, которые имеют существенное значение для правильного и полного раскрытия преступления и для задач их предупреждения. Неиспользование необходимых и возможных в условиях отдельных конкретных дел доказательств, недостаточно объективная оценка имеющихся доказательств (обвинительный уклон), нарушения процессуальных норм, медленность — другой ряд недочетов предварительного расследования по этим делам. В частности в отношении доказательств существенным пробелом является неиспользование таких документов, как жалобная книга, неиспользование в необходимых случаях экспертизы по вопросу правильности весовых и измерительных приборов, неистребование характеристик на обвиняемых.

Изученные материалы показывают далее, что крупнейшие недостатки в **работе различных ведомственных организаций, отмеченные в постановлении ЦК ВКП(б) 26/VII 1934 г., местами полностью еще не устранены.** В частности и в особенности это относится к состоянию весового хозяйства. Судебно-прокурорские материалы устанавливают, что **к выполнению той части постановления ЦК ВКП(б) 26/VII, которая касается ремонта и проверки весового хозяйства, во многих местах отнеслись и продолжают относиться бюрократически,** не принимаются меры к выделению специальных средств и материалов для организации необходимого количества мастерских и т. д.

Как отмечено в постановлении СНК РСФСР 17/IV 1935 г., остается еще большой процент неправильных весов, нехватает мелких гирь, недостаточна сеть государственных измерителей, неудовлетворителен ремонт.

Таким образом в целях предупреждения обвешивания, обмеривания, незаконного повышения цен и устранения благоприятствующей этим преступлениям обстановки, судя по материалам судов, представляется необходимым не только устранить отмеченные недочеты в работе судов и прокуратур, но и провести ряд мероприятий по линии других организаций. В частности:

1) форсировать производство и снабжение торгующих и производственных организаций весами, линейными и кубическими мерами;

2) форсировать производство измерительных приборов, ибо отсутствие их лишает возможности вести правильное наблюдение за состоянием весового хозяйства;

3) в большей мере привлечь местную промышленность, промкооперацию и ведомственные мастерские к изготовлению и ремонту весовых приборов, мобилизовать внутриторговые ресурсы (излишки весов и т. п.);

4) обеспечить неуклонное выполнение требований закона (пост. ЦИК и СНК 9/IX 1934 г. о «мерах и весах») о проверке измерительных приборов в государственных и общественных предприятиях не реже одного раза в два года. В частности выполнить постановление СНК РСФСР 17/IV 1935 г. о сплошной проверке торговой инспекцией клеймения весовых приборов и т. д.;

5) упорядочить дело учета требующих замены или ремонта измерительных приборов;

6) мешает делу борьбы с обвешиванием и обмериванием то, что в торговых предприятиях обычно нет лица, ответственного за состояние хозяйства гирь, весов, метров и других измерительных приборов. Завмаг заявляет: «Я выдал приборы продавцу — он за них отвечает». Продавец заявляет: «Я их хотя и принял, но не проверял» (дело № 2171 Бауманского р-на в Москве об обвешивании при продаже хлеба из магазина № 149). Необходимо поэтому обезличку в этом деле уничтожить;

7) прейскурант — настольная книга торгового работника. Между тем дело с прейскурантами обстоит совершенно неудовлетворительно. Есть прейскуранты, где цены на ту или иную посуду, лопаты показаны не за штуку, а за тонну (вот и разберись, сколько стоит та или иная вещь!). Наркомвнуторг СССР должен взять на себя инициативу широкого выпуска доброкачественных прейскурантов;

8) по линии Наркомвнуторга должны быть приняты меры к решительному усилению явно неудовлетворительной работы инспекторов по надзору за соблюдением правил торговли и к обеспечению своевременной передачи соответствующих материалов в следственные органы;

9) недостаточный контроль, а в ряде случаев полная бездеятельность ревизионных и контро-

лирующих органов торговой и кооперативной сети неизменно сопровождают систематическое жульничанье и благоприятствуют ему. Отсюда необходимость решительного усиления работы ревизионных и контролирующих органов;

10) засоренность отдельных звеньев торговли, кооперации, орсов требуют более решительной борьбы с преступным ротозейством, притуплением классовой бдительности при подборе кадров.

Лозунг великого вождя нашей страны т. Сталина «кадры решают все» имеет исключительно большое значение в деле полного искоренения преступлений в торговле и кооперации. Большевистская реализация этого лозунга — самый действительный путь к победе и на этом участке;

11) активизации требует также участие профсоюзных организаций в борьбе с обмериванием, обвешиванием, нарушениями розничных цен и преступлениями, связанными с проведением отмены карточной системы. Имеющиеся материалы сигнализируют о недостаточной инициативе и активности в этом деле многих профсоюзных организаций.

Необходимо установить повседневный деловой контакт между органами государственной торговой инспекции, прокуратурой, судом, профсоюзами;

12) в связи с расширением в большинстве районов торговой сети, увеличением количества работников прилавка и состава аппарата торгующих организаций представляется целесообразным организовать в районных центрах производственно-товарищеские суды торговой сети, мобилизовав их основное внимание на борьбу с мелкими нарушениями правил торговли;

13) целесообразно разработать специальную инструкцию о методике расследования дел по закону 25/VII и установить, как правило, чтобы эта категория дел направлялась в суд органами расследования не непосредственно, а через прокуратуру.

Е. Львов

О судебной работе прокурора

(Заметки судьи)

Одним из важнейших указаний I всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников следует считать указание о работе прокурора **в суде.** Особенно сильно это нашло свое выражение в докладе т. Вышинского, в котором он заявил: «Мы считаем обязательным не только провозгласить как принцип, но и добиться того, чтобы основной работой прокурора являлся суд, основным участком работы прокурора являлся суд. **Суд есть основной производственный участок прокурорской работы.** Этого до сих пор не было, это должно быть» [1].

Прошло около полутора лет с тех пор как была дана эта директива. Известный сдвиг, бесспорно, имеется, но следует все же прямо сказать, что успехи в этой области крайне невелики, и что они могли бы быть более значительными, если бы прокуроры глубже поняли всю необходимость поворота «лицом к суду». Наш судейский опыт дает нам основание утверждать, что очень часто прокуроры смотрят на свою судебную работу как на помеху, как на нерациональную трату времени. Сколько раз приходится слышать: «пять дней пропало в процессе», или: «целый день просидел в президиуме, а вся работа стоит», и т. д. И все это говорится не только серьезно, но и с большим сожалением, с досадой...

В своих заметках мы хотим остановиться, в основном, на трех моментах судебной работы прокурора: а) участие в подготовительном заседании, б) участие в судебном процессе и в) осуществление судебного надзора.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс не возлагает на прокурора **прямой обязанности** присутствовать на подготовительных заседаниях. В ст. 237 УПК РСФСР указывается лишь на необходимость обязательно извещать прокурора или следователя о подготовительном заседании. Практически это приводит к тому, что суд по телефону сообщает прокуратуре о дне и времени подготовительного заседания, а прокурор решает, присутствовать ему на нем или не присутствовать. Судья же, не связанный явкой или неявкой прокурора, проводит подготовительное заседание. И большею частью подготовительные заседания проходят в нарсудах без прокуроров.

В наши дни основным вопросом, особенно в судебной работе, является вопрос о предании суду. От того, насколько правильно предаются люди суду, зависит отношение суда к трудящимся, к кадрам, от этого зависит в значительной мере качество и количество самой судебной работы. Чтобы успешно, идя в гору, тянуть всю судебную цепь, надо ухватиться за то звено, которое называется подготовительным заседанием. Если это верно, а против этого едва ли можно возражать, то следует притти к выводу, что участие прокурора в подготовительных заседаниях должно стать **обязательным.** Мы считаем, что без участия прокурора не может быть подготовительного заседания. Там, где решается вопрос о предании суду и все что с этим связано, не может не участвовать **прокурор.** Практика Московского городского суда, например по судебной и специальной коллегиям, не знает подготовительных заседаний без участия прокурора. Необходимо, чтобы в новом УПК этот вопрос был разрешен не так, как он решен сейчас.

---

[1] И. А. Акулов и А. Я. Вышинский, За перестройку и улучшение работы суда и прокуратуры, стр. 46.

Участие прокурора в подготовительном заседании очень часто бывает формальным, а это ни в какой мере не терпимо. До сих пор нет твердого мнения по поводу того, кто должен докладывать дела в подготовительном заседании. Одни утверждают — прокурор, другие — судья, третьи — и прокурор и судья. Одно время в Мосгорсуде (это было после союзного совещания и до указания Верхсуда РСФСР) дела докладывал прокурор, а член суда являлся как бы содокладчиком. Теперь дела докладывают члены суда, а прокурор дает заключение. И притом и при другом порядке мы наблюдаем сплошь и рядом такое положение, когда прокурор говорит о деле только потому, что держит перед собой резолютивную часть обвинительного заключения. В повестке дня 15—20 дел, и по-настоящему прокурор их не знает. Бывает и так, что по делам заключение дает тот прокурор, который утверждал обвинительное заключение, но и при этом условии имели место случаи, когда по существу прокурор дела не знал. Подготовительное заседание очень хорошо порой отражает плохую работу прокурора у себя в камере, когда он на обвинительном заключении пишет у«тверждаю». Поэтому и с точки зрения борьбы за обоснованное предание прокурором суду есть прямой смысл законом обязать его работать в подготовительных заседаниях.

Как организовать само участие прокурора в подготовительном заседании? Нам представляется целесообразным, во-первых, составление согласованного календаря подготовительных заседаний, во-вторых, возложить на прокурора обязанность докладывать дела, причем только на того, кто утвердил обвинительное заключение, в-третьих, по каждому делу содокладчиком должен назначаться член суда, о чем надо делать специальную отметку в протоколе, и, в-четвертых, прокурору должна быть предоставлена судом возможность дополнительного ознакомления с делами перед подготовительным заседанием, если у него возникнет в этом необходимость. Подготовительные заседания надо организовать во времени так, чтобы и судья и прокурор могли полностью к ним подготовиться.

Закон дает прокурору право опротестовать определения подготовительных заседаний. К сожалению, случаев неосновательного предания суду или других неправомерных действий подготовительных заседаний гораздо, неизмеримо больше чем прокурорских протестов. На этом участке прокурор как борец за законность едва заметен. А бывают случаи прямо-таки курьезные. 13/IV подготовительное заседание Мосгорсуда обратило дело по закону 8/XII в отношении дирекции з-да «Станколит» к доследованию. Первый заместитель горпрокурора возражал против этого постановления, но с его заключением не согласились. Казалось бы, надо протестовать и протестовать энергично. Однако проходят дни за днями, а протеста не поступает. Вместо протеста получается... письмо, в котором почему-то искажаются факты и говорится о том, что протест не написан в целях... наиболее быстрого прохождения дела. Прошло месяца четыре с тех пор, а дела все нет и нет. И получилась не только утрата прокурорского «лица», но и настоящий конфуз. Все это объясняется тем, что прокуроры не всегда достаточно глубоко понимают природу подготовительных заседаний и не всегда подлинно воинственны.

Проф. М. Строгович в своей работе «Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде», заканчивая главу о задачах обвинения в суде, подводит следующий итог: «Таковы задачи и функции советского обвинения на суде — как видно очень сложные и ответственные, требующие от обвинителя высокой политической и правовой квалификации, большого уменья и знания своего дела, большого такта и высокой культурности» [1] (подчеркнуто нами. — Е. Л.).

В № 1 журнала «Советская юстиция» за 1935 г. мы приводили в нашей статье «Московский городской суд как первая судебная инстанция» ряд примеров неудовлетворительного состояния государственного обвинения в нарсудах и горсуде Москвы. С тех пор прошло не мало времени, но, к сожалению, примеры плохой постановки обвинения могут быть лишь приумножены. Мы все еще чересчур часто наблюдаем у обвинителей отсутствие всех тех показателей, которые справедливо выдвигает проф. Строгович.

Когда перед судьей по ряду дел проходит целая плеяда обвинителей, у него невольно возникает вопрос: неужели думают, что каждый прокурор может быть обвинителем? У судьи создается такое впечатление, что обвинителей, как правило, назначают случайно, без всякого подбора, без учета конкретно каждого процесса. Ведь нередко бывает так, что рассматривается сложное дело, где обвиняемые достаточно подготовлены к своей защите, скамья защиты занята выдающимися московскими адвокатами, а обвинение представлено слабеньким прокурором, который следствие вести не умеет, который не обладает необходимой политической, правовой и общей культурой, сметкой, находчивостью и прокурорской хваткой. И часто из обвинителя делают тот самый «кренделечек», о котором в том же докладе говорил т. Вышинский.

Когда Мосгорсуд обращается с требованием выделить защиту, наша Московская коллегия делает это не механически. Прежде чем назначается защита, руководство коллегии в основном знакомится с делом, узнает состав суда, устанавливает общественное значение дела, выясняет, кто обвиняет, и только после этого сообщает суду фамилии выделенных товарищей. Со стороны прокуратуры мы такого подхода не замечаем. Мы не знаем почти случаев, чтобы при назначении обвинителя выясняли состав защиты. А это делать не худо бы... Иной раз ведь поражаться приходится тому правовому и культурному разрыву, какой обнаруживается на процессе между сторонами, причем не в пользу обвинения.

В известном фельетоне И. Ильфа и Е. Петрова «В защиту прокурора» говорится о том, что «хорошая речь прокурора или защитника имеет не меньшее воспитательное значение, чем роман или пьеса, которым отдается столько внимания». И они высказывают пожелание, чтобы наши лучшие судебные ораторы — тт. Вышинский и Крыленко — выступали бы и по бытовым делам. Мы охотно присоединяем к ним свой голос, но, к сожалению, всем нам придется мириться с тем, что большая работа,

[1] Стр. 42.

которую ведут тт. Вышинский и Крыленко, не позволит им даже относительно часто уделять время этим процессам. Все бремя выступлений останется, разумеется, на прокурорах периферийных. Это надо иметь в виду, и из этого пора сделать соответствующие выводы.

Огромный и быстрый рост нашей культуры с каждым днем будет предъявлять все большие и большие требования к обвинению. Прокуроров, которые например «острят» с трибуны государственного обвинения, игриво заявляя, что подсудимый, вероятно, больше интересовался цыганками чем лошадьми, или которые, вместо того чтобы анализировать дело и доказывать виновность подсудимого, несвязно говорят только о строительстве социализма, — едва ли уже теперь можно выпускать в процессы.

Пора руководителям прокуратур разбить своих работников на категории обвинителей, специализируя их по отдельным областям, пора начать учить людей **методу и стилю советского** обвинения, пора руководителям приступить к изучению обвинителей **в судебном зале** и к организации обмена опытом и анализом отдельных процессов, пора приступить к проведению предварительного инструктажа отдельных обвинителей, знакомясь с тезисами их речи и т. п., и наконец пора организовать работу прокурора таким образом, чтобы он имел возможность знакомиться с литературой, искусством, не говоря уже о знании из науки права. Нынешний средний уровень обвинения дольше нетерпим.

И еще одно замечание по вопросу о работе обвинения. К целому ряду недостатков слабых обвинителей мы должны отнести еще один — нежелание и неумение **думать**... На союзном совещании т. Вышинский говорил о том, что судебно-прокурорским работникам прежде всего следует научиться **думать**. Многие наши обвинители этого не понимают, и их работа в процессе отличается отсутствием глубины и настоящего критического отношения к материалам дела. Обвинитель сплошь и рядом поверхностен в своих рассуждениях и выводах, а иногда, не давая себе труда по-новому рассмотреть материал, как школьник повторяет обвинительное заключение. Прокурор, занявший место обвинителя в процессе, должен быть занят делом пока не закончился процесс, все время **думая** над его материалами, чтобы в речи своей показать ярко и убедительно точку зрения государственного обвинения.

Историческая майская речь т. Сталина заставляет нас по-новому ставить вопросы судебного надзора. Обычно в судебно-прокурорской практике протесты вносятся тогда, когда надзорный орган усматривает принципиальные моменты. Некоторые наши работники до сих пор считают дурным тоном протестовать и «ломать» приговор по «пустякам», без принципиальных оснований. Эта точка зрения, такой подход должны быть решительно отвергнуты. Всякое право трудящегося, каждый его интерес, если он незаконно попран, должен быть восстановлен, и обязанность прокурора — всегда бороться за это.

Первые дни после речи т. Сталина сразу дали большой приток жалоб и еще раз показали, как плохо все же работают суд и прокуратура и как гигантски растет политическое сознание трудящихся. После речи т. Сталина судебные работники остро почувствовали требование масс быть чуткими, внимательными, бережливыми в отношении людей. И сейчас самое ничтожное беззаконие не может быть оставлено без внимания. Прокурор и судья обязаны каждую ошибку исправлять.

Мы стоим перед **ростом** надзорной работы, ибо укрепление социалистического правосознания трудящихся масс будет происходить быстрее повышения качества судебно-прокурорской работы. Это ставит задачу перестройки надзорной работы прокуратуры, задачу более четкой организации ее.

В кассационной инстанции, как известно, проходит подавляющее большинство дел, а между тем участие прокуратуры в ней до самого последнего времени ничтожно. Особенно далеки от кассационной инстанции районные прокуроры, которые, как правило, после нарсуда на долгое время теряют дело из виду. Надзорная работа не может правильно развиваться без активного и достаточно широкого участия прокуратуры в кассационной работе. Поэтому нам представляется необходимым отметить недостаточность мероприятий в этой области.

Что мы имеем в Москве? Кассационная инстанция Мосгорсуда насчитывает человек 30 членов коллегии. Кассколлегия пропускает десятки тысяч дел в год. И вот Мосгорпрокуратура на этот участок работы выделяет... трех работников. По существу это сводится к формальному исполнению обязанности. Нам это дело рисуется иначе. На надзорно-кассационную работу должен быть выделен заместитель край(обл)- и горпрокурора, в его распоряжении должен быть старший помощник и несколько помощников прокурора, обслуживать эту группу аппарата должны специальные технические работники. Кроме того **систематически** к участию в работе кассационной и надзорной инстанций должны по определенному плану привлекаться **районные** прокуроры. Эта группа ведет учет итогам кассационной и надзорной практики, изучает ее, проводит специальные производственные совещания, добивается реализации своих заключений, протестов по делам в Верховном суде. Эта же группа может концентрировать у себя богатейший материал о следственной работе.

Одновременно с такой организацией работы должен быть установлен порядок, при котором в порядке надзора исключается возможность истребования дела прокуратурой, если кассколлегия вынесла определение **в соответствии с заключением прокурора.** Это приведет к огромной экономии энергии остальной части аппарата прокуратуры и к сокращению числа случаев «развязывания и завязывания узелков».

Закон дает право истребования в порядке надзора дела и председателю край(обл)- и горсуда и край(обл.)- горпрокурору, а в определенных пределах и райпрокурору. Что мы наблюдаем сейчас? Прокуроры сплошь и рядом, без всяких оснований направляют жалобщиков в суд, вместо того чтобы самим истребовать дело. Это — неверно, и следует установить порядок, при котором, **как правило,** надзорная работа была бы сосредоточена в прокуратуре и, **как исключение, в суде.**

В этой связи надо остановиться еще на одном моменте. Истребуя дела в порядке надзора, прокуроры почти всегда не приостана-

вливают исполнения решений или приговоров, а иногда приостанавливают только до момента отправки дела в суд с протестом. Это приводит к безобразным, ненужным мытарствам трудящихся—люди вновь ходят на прием с просьбой о приостановлении исполнения приговора, решения, об отсрочке и т. д. Мы считаем, что надо поставить вопрос о несколько большей решительности, ибо в огромном количестве случаев при истребовании дела можно приостановить исполнение приговора или решения. Почти совсем прокуратура не пользуется ст. 440 УПК, чтобы **прервать** исполнение приговора. Правда, это очень ответственный шаг и острый прием, но в случаях явно неверного или нелепого лишения свободы приговор можно прервать, не ожидая пока будет принято и составлено постановление президиумом суда.

Работа прокуратуры и суда находится в органической связи. Работа одного может серьезно влиять на состояние работы другого. Поэтому деловой контакт между прокуратурой и судом в плане обмена опытом и учета практических соображений всегда жизненно необходим.

М. Чельцов-Бебутов

Прокуратура и органы связи

После реорганизации Прокуратуры Союза в апреле 1934 г. и сосредоточения надзора за каждым ведомством в целом в определенном секторе, из всех ведомств, прикрепленных к административно-судебному сектору, Наркомат связи оказался одним из наиболее связанных с Прокуратурой Союза.

По договоренности наркома связи с прокурором Союза, сведения даже о самых обычных, не выдающихся нарушениях ревзаконности как в самих органах связи, так и со стороны местных органов власти в отношении связи обязательно поступали в Прокуратуру Союза. Независимо от этого, как только низовые органы связи узнали о существовании «прокурора по связи»,—целый поток их заявлений, характеризующих неудовлетворительную постановку работы в отдельных звеньях наркомата, хлынул в прокуратуру. Наконец дополнительным и очень ценным источником осведомления прокуратуры о ненормальностях в работе наркомата явились жалобы трудящихся. Часть из них направлялась в Центральное бюро жалоб наркомата, с которым административно-судебный сектор Прокуратуры с первых же дней установил тесный деловой контакт. Другая часть посылалась для принятия соответствующих мер местным прокурорам, которые до этих пор совершенно не занимались делами связи, отмахиваясь от всех этих «мелочей», как неполучение ценных писем, выдача переводов не адресатам, задерживание и позаимствование переводных сумм.

Неменьшим злом на местах были невероятно длительные сроки расследования по тем делам, которые органами прокуратуры и милиции принимались к своему производству, и крайний формализм, с которым эти дела проводились.

Один, но очень характерный пример с весьма простым делом о пропаже из ценного пакета 10 долларов: деньги эти могли быть либо присвоены работником почтового отделения, запечатавшим и сдавшим пакет, либо похищены бригадой почтового вагона, обнаружившей отсутствие этого пакета в опечатанном мешке.

Так вот это простое дело, возникшее 15/VI 1932 г., мытарилось в Кривоозерской (Одесская обл.) райпрокуратуре и раймилиции до 8/VIII 1934 г., причем в ряде постановлений и заключений милиции и следователя все факты этого дела были перепутаны. За это время работник, отправлявший пакет и против которого есть сильные улики, давно переменил место работы, суду были преданы двое из бригады почтового вагона, тогда как все три члена бригады подписали акт об отсутствии ценного пакета; и нарсуд, имея перед собой старый и путаный материал, вынес явно неправильный приговор, обвинив одного из подписавших акт и оправдав другого (дело Олейника). Характерно, что органы прокуратуры, просматривая это дело в порядке надзора по жалобе Олейника, не нашли оснований для опротестования приговора.

Еще летом 1934 г. в порядке борьбы с затягиванием расследования преступлений в органах связи Прокуратура Союза издала циркуляр о внеочередном в декадный срок окончании этих дел и о сосредоточении их в руках одного следователя и прокурора в областных и республиканских прокуратурах.

В декабре 1934 г. Прокуратура СССР и Наркомат связи созвали первое всесоюзное совещание руководящих работников для установления лучших методов борьбы с преступностью в системе связи.

После этого совещания на январской радиоперекличке тт. Вышинский и Рыков заострили внимание всех работников связи и прокуратуры на основных моментах этой борьбы за социалистическую связь.

Тогда же был поднят вопрос перед СНК СССР об отпуске средств для создания в ряде краев и областей специальных должностей прокуроров по делам связи. В феврале—марте с. г. Наркомат связи, Прокуратуры СССР и РСФСР и ЦК Союза почтовых работников разослали несколько бригад в ряд республик, краев и областей для проверки и налаживания борьбы с преступностью в системе связи.

15 июня с. г. Наркомат связи и Прокуратура СССР устроили вторую перекличку, в которой активно участвовали 10 краев и областей, а слушателями были 35 областей. Перекличка эта как бы подводила итог проделанной работе и намечала пути дальнейшей борьбы.

Здесь мы остановимся на тех недочетах, которые выяснены в результате работы бригад и обобщения имеющихся в Прокуратуре СССР сообщений Наркомсвязи, надзорных дел и жалоб трудящихся.

Одним из основных моментов является слабое знакомство с техническими особенностями

работы связи на разных участках — обработки и прохождения телеграмм, переводов и писем, обмена почты, движения и учета денежных сумм, контроля, взаимоотношений отдельных частей аппарата связи и пр.

К сожалению, разработка общей программы техминимума по работе связи для прокурорских работников задержалась в Наркомсвязи. Однако отдельные краевые прокуратуры провели соответствующие семинары по ознакомлению своих работников с работой связи.

Там, где прокуроры знают работу связи, они успешно ведут борьбу с преступностью на этом участке. Так, в Ленинграде прокуратура вскрыла ряд безобразий с массовым хищением письмоносцами открытых писем; так, в Киеве прокуратура добилась четкой работы бюро жалоб облуправления связи. В Саратовском крае прокуратура добилась решительного снижения дебиторской задолженности в связи.

Однако в отдельных краях и областях некоторые прокурорские работники не только не знают особенностей работы связи, но и не хотят их знать. Они не только не помогают органам связи в борьбе за законность, но и сами подчас нарушают ее. Так, в некоторых районах прокуроры, вместо помощи в ликвидации дебиторской задолженности за услуги связи, сами являются ее дебиторами (Западно-казакстанская обл., Чечено-Ингушская обл.).

В других случаях прокуроры позволяли себе вмешиваться в оперативную работу органов связи или с полным хладнокровием смотрели, как допускают такое вмешательство органы милиции, директора МТС и др. (Чечено-Ингушская обл.).

Даже в Москве наблюдаются случаи неправильных действий прокуроров в отношении органов связи, происходящие на почве незнания правовых и технических условий работы этих органов. Так, прокуратура Московско-Казанской ж. д. считала себя вправе вмешиваться в трудовые конфликты сотрудников ж.-д. почтового отделения и даже предлагать начальнику восстанавливать уволенных ввиду нарушения статей... **дисциплинарного устава железных дорог.**

Прокурор Бауманского р-на г. Москвы по жалобе одного из работников связи, на которого было наложено взыскание в порядке закона о материальной ответственности работников связи, предложил начальнику, наложившему взыскание, приостановить его и обратиться с иском к служащему в суд. А по закону-то о материальной ответственности дело должно проходить наоборот, т. е. администрация налагает взыскание, а служащий, считающий его неправильным, может обращаться в суд.

В ближайшее время в Москве будет проведено городское совещание прокурорских работников и связистов для укрепления общей работы по борьбе с преступностью.

На какие места, как на наиболее слабые в работе связи, следует обратить усиленное внимание прокуратуры?

Это прежде всего — безобразно-халатное, граничащее с вредительством, отношение к подбору кадров, имеющих дело с ценностями.

На перекличке отмечались имевшие место в Азово-Черноморском крае случаи приема на работу людей, только что совершивших растраты в органах той же связи; в Москве на процессе работников Горпочтамта мы столкнулись с приемом на работу кассирами мальчишек, у которых вместо всяких рекомендаций были только... приводы в милицию по подозрению в краже. Посаженные у касс, они немедленно стали учинять подлоги и разворовали несколько тысяч рублей.

За аналогичную легкость приема и допущения к ценностям на днях Прокуратура Союза предложила привлечь к ответственности работников Киевского областного управления связи.

Второй момент, отмеченный в выступлении на перекличке т. Рыковым, — чрезвычайно распространенные у нас **многократные** выдачи денег по переводам, совершенно неизвестные в практике телеграфа Западной Европы и Америки. Ежеквартально связь переплачивает сотни тысяч и миллионы рублей, и цифры не проявляют тенденции к снижению. Тут необходимо наряду с усилением техконтроля со стороны администрации связи усилить и судебно-прокурорский нажим по этого рода делам.

Третье больное место связи — запутанность бухгалтерии. Выразительной иллюстрацией является дело Беньковского (Винницкая обл.). Он осужден по закону 7/VIII 1932 г. за недостачу 20 тыс. руб., объясненную растратой. Из лагеря он пишет заявление о том, что в сберкассе того же райцентра, где он работал в отделе связи, обнаружено 20 тыс. руб., числящихся на счету райотдела связи, о которых последнему неизвестно. На наш запрос прокурор подтверждает, что такой «сюрприз» действительно обнаружен, только в сумме 10 тыс. руб., и что сейчас нужна длительная бухгалтерская проверка, чтобы установить, какие это деньги и имеет ли к ним отношение недостача у осужденного Беньковского. Комментарии, как говорится, излишни.

Четвертый момент — крайне низкий уровень работы телеграфа: расхлябанность (а иногда, может быть, и нечто другое) работников, ежедневно приводящая к запаздыванию, затериванию и безобразным искажениям телеграмм, требует постоянного внимания прокуратуры к этому участку связи. Недавно в Москве мы имели случай передачи 100 телеграмм (среди них ряда молний, срочных служебных и переводных) с Центрального телеграфа «в воздух». Неполучение их городским отделением, куда они должны были передаваться, было обнаружено только на шестой день. Это характеризует уже не ошибку отдельного работника, а всю постановку работы. О случаях искажений телеграмм чуть не ежедневно пишут газеты.

Здесь в целях воздействия на всю массу работников телеграфа не раз и не два придется прибегать к судебному принуждению, как «мере воспитания к дисциплине».

Таковы участки связи, требующие особого внимания прокуратуры.

К сожалению (здесь приходится вернуться к тому, с чего мы начали), в ряде краев и областей не изжита до сих пор недопустимая задержка в расследовании дел по связи, часто лишающая судебный процесс его значения.

Прокуратура АзССР, Челябинской, Западно-Казакстанской, Западной областей, Мичуринского р-на Воронежской области, а также Воронежская областная прокуратура по ряду дел контрольных или отмеченных в газетах пока-

зали безобразно медленные темпы, а в отдельных случаях допустили и явную волокиту.

Высшие органы Союза в недавнем постановлении отметили неудовлетворительное положение в связи. Работы здесь непочатый угол, и не только для связистов, но и для прокуратуры. Справиться с нею прокуратура может лишь в том случае, если она будет опираться на крепкий актив самих работников связи.

Здесь, пожалуй, как ни в одном из советских учреждений, настоятельно необходимо организовать группы содействия прокуратуре и повседневно руководить их работой.

Тогда прокуратура будет своевременно получать сигналы о всех недочетах и искривлениях в работе связи и сможет быстро и энергично реагировать на них.

По опыту работы ряда прокуратур, сколотивших себе актив из связистов, мы можем сказать, что эта форма вовлечения трудящихся в дело охраны и укрепления ревзаконности дает весьма ценные результаты.

И. Гураль

Борьба с преступностью на местном транспорте в Москве

Борьба с преступностью на местном транспорте в условиях большой насыщенности нашей страны механическим транспортом приобретает серьезное значение.

Недаром Прокуратура Союза на оперативном совещании 9/III с. г. уделила этому вопросу особое внимание и постановила выделить специальных прокуроров для борьбы с преступлениями на местном транспорте.

Совершенно очевидно, что наша пролетарская столица в этом отношении занимает особое положение.

Расположенная «на семи холмах», с преобладающим большинством узких, извилистых улиц, Москва в царское время «планировалась» «мудрыми архитекторами» без всякого плана, в угоду нравам купечества и духовенства.

Несмотря на огромное перепланирование и благоустройство столицы, произведенное за последнее время, «памятники» прежней «большой деревни» давят своей нелепостью. Дома, церкви, выпяченные на середину проездов, «кривоколенные переулки» препятствуют интенсивному движению экипажей, создавая очаги аварий и травматизма.

Нынешняя распланировка Москвы, при большой насыщенности механическим и гужевым транспортом, с огромным километражем рельсовых путей и хорошо развитым трамвайным движением, при чрезвычайно сильной уличной жизни столицы, выдвигает борьбу с авариями, травматизмом и другими видами преступлений на особое место по своей важности.

Большое транспортное хозяйство Москвы требует от руководителей транспорта особой бдительности в подборе кадров и к техническому состоянию экипажей.

Последние судебные процессы выявили совершенно нетерпимое отношение администрации трамвайных, автобусных парков и других крупных транспортных точек к своим обязанностям.

И как следствие этого, материальный ущерб от аварий и столкновений за январь, февраль и март 1935 г. достиг 264 377 р. 17 к.

Средняя месячная цифра пострадавших от травматических случаев за то же время составляет 850 чел.

Руководители транспортных точек недопустимо халатно относятся к подбору водительских кадров, не знают их и допускают к работе, не проверяя их квалификацию и состояние, без серьезного учета могущих быть последствий.

При расследовании трамвайных аварий обнаруживались водители, страдающие длительным психическим заболеванием, которые вследствие своей невменяемости не могли нести ответственности за совершенные ими аварии с крайне серьезными последствиями и даже человеческими жертвами.

Врачебный осмотр водителей транспорта поставлен так несерьезно, что были случаи допуска к работе сумасшедших, с явно выраженными признаками длительного заболевания.

Виновница большой трамвайной катастрофы на Народной улице с человеческими жертвами работала вагоновожатым, имея стаж водителя всего один месяц, и была допущена к управлению вагона на одной из самых серьезных линий. Незнание элементарных правил управления было основной причиной катастрофы. Вагоновожатый другого трамвая, чувствуя сход с рельс управляемого им вагона из-за чрезвычайно развитой скорости, выпрыгнул с площадки вагона, оставив в самую критическую минуту трамвай без управления и бросив на произвол судьбы находящихся в нем пассажиров.

Совсем недавно вагоновожатый, принимая на ст. Угрешская к управлению трамвай, тут же на станции, в уборной, выпил с приятелем пол-литра водки. Начальник станции, занятый «руководством» движения по «большой книге», не заметил пьяного водителя, и тот повел вагон. Несмотря на замечания пассажиров о лихости вагоновожатого, контролеры на это не обратили внимания. На повороте под уклон, на Богородском шоссе, лихо мчавшийся вагон от резкого толчка выкинул с площадки едва державшегося на ногах «водителя» и продолжал свой стремительный путь без управления. Промелькнула остановка... Стоящие на ней в ожидании пассажиры едва успели отскочить от «бешенного» трамвая, удивленно смотря на пустующую переднюю площадку вагона.

На пути следования приближается второй поворот с неминуемой аварией... К счастью, среди пассажиров находился комсомолец, рабочий одного из трамвайных парков, немного смысливший в управлении, который, с большим трудом пробравшись среди мечущихся в

вагоне пассажиров, остановил его за несколько секунд до катастрофы.

Если посмотреть личные карточки вагоновожатых трамвая, самого распространенного способа передвижения массы трудящихся, бросается в глаза огромное количество административных взысканий. «К ним водители привыкли и считают их неизбежными, как и сами аварии» (из приказа по НКПС т. Кагановича). Административные взыскания на них уже не влияют, — а этим водителям вверяется жизнь тысяч пассажиров.

Обратимся к кадрам шоферов. Эта профессия водителей всегда была предметом «особого» внимания как руководителей автотранспорта, так и ОРУД, особенно последнего. Какие только «копья» не ломали в борьбе с лихачеством, хулиганством и пьянством шоферов! Были даже специальные кампании по освежению этой профессии. Словом, сделано было как будто все, что делается в данных случаях, и как всегда «иголку в сене находили, а слонов пропускали».

Приведу несколько фактов.

17 марта с. г. близ ст. Кубинки грузовая машина 2-й базы Союзтранса вследствие лихости своего водителя сломала перила моста и с грузом и людьми свалилась с высоты пяти метров на лед реки. При падении разбился на смерть ехавший в машине рабочий. Расследование установило, что шофер машины — бывший белогвардеец, участник Кронштадтского восстания, бежавший после разгрома в Финляндию. Возвратившись в СССР, он скрыл свои похождения и даже пролез в члены ВКП(б). За время работы шофером имел несколько аварий.

Второй такой субъект из автобазы жилстроя НКТП на работе напился пьяным и, ведя машину по шоссе Энтузиастов, сшиб переходящего рабочего, нанеся ему тяжелые телесные повреждения. Желая скрыть следы преступления, он развил предельную скорость и через 200 метров налетел на стоящую грузовую машину, в результате чего пострадали три грузчика. Шофер оказался бывшим белогвардейцем колчаковской армии.

Шофер ф-ки ЛАМО, освидетельствованный в связи с совершенной им аварией, оказался душевно-больным и как невменяемый был освобожден от ответственности.

В связи с этими примерами невольно напрашиваются ряд вопросов. Кто же следит за кадрами водителей? Какая культурно-воспитательная работа проводится среди них? Где их начальники? Профсоюз? Бездушно-формальное отношение, недопонимание всей серьезности обстановки работы, слабая техническая квалификация и общее благодушие — вот основные признаки работы руководства местного транспорта. Чтобы не быть голословным, приведу следующие факты.

Начальнику Апаковского парка Титову бригада вагона № 2314 в течение полутора месяцев ежедневно заявляла о неисправности воздушного тормоза. Титов сам «проверил» вагон, убедился в неисправности тормоза, но с линии его не снял, а ограничился «отметкой» в книге. Через несколько минут после такой проверки вагоновожатый этого вагона не сумел остановить вагона и врезался в другой трамвай. О неисправности этого вагона знал и другой «начальник» — мастер депо Козел П. М., который также «опробовал» вагон, но без нагрузки, при которой тормоз показал допускаемые четыре атмосферы давления. Ограничившись таким «испытанием», Козел успокоился.

Более энергичный начальник—директор Апаковского парка Дубровский сам прибыл на место аварии двух трамваев на мосту через Окружную ж. д. около Калужской заставы. В составленном акте он указал на халатность вагоновожатых, не заметивших в сильном тумане предупредительных знаков световой сигнализации, которая им была «опробована» и работала якобы «безупречно». В действительности оказалось, что эта сигнализация задолго до аварии «не сигнализировала», что и явилось основной причиной аварии. Начальники, подписавшие акт под давлением улик, были вынуждены признать его... фиктивным.

Менее энергичный начальник службы пути Уткин вовсе не оказался на месте схода с рельс грамвая на его участке и после долгих розысков был наконец найден пьяным.

Не так давно при технической проверке автобусов 2-го автобусного парка из выпущенных в эксплоатацию 69 машин 39 оказались с неисправными тормозами и возвращены были обратно в парк. Какую угрозу представляли они при интенсивном уличном движении — очевидно.

Как же организована борьба с авариями и другими преступлениями на местном транспорте?

Основная масса расследований сосредоточена у аварийных инспекторов при отделениях милиции. В преобладающем большинстве это малокультурные, технически мало подготовленные работники. Производимые ими следственные действия грешат большими упущениями. Их «производства», как правило, не выявляют всех обстоятельств происшествия, создавая огромные затруднения в работе суда. Находясь в непосредственном подчинении зам. начальников по оперативной части, они нагружаются другой работой и к аварийным делам, как и сами их начальники, относятся, как говорят, постольку — поскольку. Нарушение ст. 105 УПК — обычное явление, а случаи залеживания дел по несколько месяцев довольно часты. Что же говорить об эффективности борьбы?

Хуже всего, что аварийные дела вследствие каких-то особых обстоятельств выпали из сферы внимания районных прокуроров, которые не только не руководят аварийной инспектурой в части расследования, но даже не просматривают прекращенные ими дела, среди которых имели место аварии с смертельными случаями. Несколько таких архивных дел были изъяты из состояния «покоя» и с выявленными и уличенными обвиняемыми.

На крупных транспортных точках (трампарках, автобазах) имеются специальные аварийные инспектора ОРУД, почти все технически подкованные.

Как это ни странно, но все расследования по авариям ведут аварийные инспектора отделений милиции по месту их происшествия. Роль же базовых инспекторов сводилась к регистрации аварии и к наложению административных взысканий. Последние приобрели характер некоторой «коммерческой» деятельности, и один из инспекторов трампарка за успешную дея-

тельность на этом поприще был даже премирован велосипедом.

Результаты расследования аварий инспекторам баз в большинстве случаев неизвестны, так как отделения милиции очень часто не посылали базам копий обвинительных заключений.

Совершенно непонятно, почему инспектора баз — технически сведущие люди, хорошо знающие свои кадры, могущие на месте определить технические повреждения экипажей и произвести наиболее всестороннее и эффективное расследование, — не занимаются этим, сводя почти всю свою работу к регистрации происшествий?

В самом ОРУД, где сосредоточены наиболее серьезные дела по местному транспорту, также не все обстоит благополучно. Несмотря на то, что расследования производятся инспекторами-следователями и их дела по сравнению с другими видами преступлений несложны, качество расследования желает много лучшего, а сроки расследования совершенно недопустимы. О планах расследования они не имеют понятия, поэтому сам процесс следствия проходит бессистемно, отражаясь на качестве. Указания прокуратуры о составлении планов расследования не выполняются. Хуже всего, что само командование ОРУД, подчас чрезмерно требовательное к своим работникам, недостаточно внимательно относится к культурному производству расследования.

Деятельность нарсуда по делам местного транспорта в результате ряда указаний прокуратура и президиума Мосгорсуда за последнее время значительно повысилась. Но огромное количество приносимых городской прокуратурой протестов по приговорам еще свидетельствует о продолжающихся ненормальностях в работе камеры. Для иллюстрации приведу несколько примеров из всей массы протестов как наиболее характерные.

1. Обвиняемый Кабальцев был приговорен к году исправтрудработ. Приговор был утвержден кассколлегией. Прокуратурой приговор был опротестован по следующим мотивам: дело слушалось в отсутствии обвиняемого, которому повестка не была вручена. Судебное заседание было 14/I 1935 г., а приговор вынесен 21/I, в протоколе судебного заседания были перечеркнуты фамилии нарзаседателей Орлова и Кремкова и вписаны другие — Мавин и Кузнецов.

2. Дело Белякова, обвиняемого по ст. 111 УК. Обвиняемый, шофер автобуса, несмотря на скользкий путь, из-за морозной погоды, ехал по Арбату с большой скоростью, превысив нормально установленную для данного участка. Не снизив скорости даже на перекрестке, Беляков, не обращая внимание на предупредительные сигналы постового регулятора, резко затормозил автобус, отчего тот повернулся в обратную сторону движения и сбил при этом постового регулятора Стрельникова, получившего серьезные ранения. Несмотря на то, что сам обвиняемый, как отмечает суд в своем приговоре, «частично признал себя виновным в том, что сбил постового регулятора», суд признал почему-то обвинение не доказанным и вынес ему оправдательный приговор. Более того, суд отметил «халатность», проявленную регулятором Стрельниковым, который не освободил путь автобусу, пользующемуся большим преимуществом. Неправильность такого приговора очевидна и в комментариях не нуждается.

3. Дело Иванова, обвиняемого по ст. 111 УК. Нурсуд приговорил его к 10 мес. исправтрудработ. Дело было заслушано в отсутствии обвиняемого, которому не была вручена повестка. Несмотря на это, суд в приговоре указал, что «дело обследовано достаточно ясно, обвиняемый Иванов сам признал свою вину, и поэтому особых доказательств не требуется присутствие его не обязательно».

4. Дело Комарова, обвиняемого пост. 111 УК, судом не было совершенно обследовано. Из трех свидетелей по делу ни один не был допрошен. Суд ограничился допросом одного обвиняемого. В резолютивной части приговора суд отметил: «Обвиняемый Комаров, будучи в нетрезвом виде, потерял ориентировку в управлении машиной, сбил гражданина, не остановил машины и скрылся, не оказав помощи потерпевшему». Суд пришел к неправильному выводу о нецелесообразности лишения Комарова свободы на том основании, что со стороны потерпевшего был проявлен грубый проступок — переход улицы в нетрезвом виде.

Приводимые примеры не исчерпывают всех моментов неудовлетворительной работы нарсуда.

Штампование приговоров, небрежное составление протоколов судебного заседания, заочное осуждение еще довольно часты в практике нарсуда по делам местного транспорта.

Из краткого описания достаточно убедительно видна картина состояния борьбы с преступностью на местном транспорте. В этой области работы, к сожалению, еще много ненормальностей и организационных неполадок. Городская прокуратура до сего времени не организовала транспортную группу, взвалив всю тяжесть работы на одного человека. Районные прокуроры не могут считаться серьезными помощниками в этом деле, так как перегружены другой работой.

Директивы об укреплении борьбы с преступностью на местном транспорте фактически не выполняются.

Регулярное бесперебойное движение транспорта, предотвращение аварий, причиняющих огромные ущербы государству, наконец самое важное — борьба со случаями травматизма — должны быть поставлены образцово и должны стать предметом внимания всего Союза

Б. Ошерович

Опыт работы Московского и Ленинградского институтов права и вопросы правового образования [1]

Проблема кадров всегда занимала одно из важнейших мест в работе нашей партии. На различных этапах нашей революции проблема кадров ставилась по-разному, и всегда она ставилась как важнейшая проблема нашей революции.

Лозунг, выдвинутый т. Сталиным в его речи 4/V 1935 г. в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии, — «кадры решают все» — является величайшим историческим событием, открывающим собой новый этап в построении бесклассового социалистического общества. Речь т. Сталина открывает новую страницу в истории нашей революции, поднимая на новую, высшую ступень вопрос о заботливом выращивании и воспитании большевистских кадров.

Проблема кадров для органов юстиции есть не только заботливое и внимательное отношение к своим собственным кадрам, но является и проблемой бережливого и заботливого отношения и к кадрам социалистического строительства вообще. Нет, пожалуй, ни одной другой отрасли деятельности нашего государственного аппарата, как судебной, от которой бы так много зависело судеб многих и многих людей. **Неправильное привлечение к судебной ответственности, неправильный приговор — и человек выбивается из нормальной жизненной колеи,** и не только он сам, но и вся его семья.

Между тем, судебная практика показывает, что на отдельных участках судебно-прокурорской работы имеется немало изъянов в проведении карательной политики нашей партии: извращения революционной законности, несоблюдение майской директивы о недопустимости массового привлечения к судебной ответственности и т. д. Все эти извращения объясняются отчасти тем, что на отдельных участках судебно-прокурорской работы сидят люди, которые по своей теоретической подготовке и культурному уровню на этой работе не могут быть. Исполнять судебно-прокурорскую работу могут только люди, которые стоят на высоком политическом, теоретическом и культурном уровне.

Судья, прокурор и следователь должны знать основные принципы политики партии и советского государства, они обязаны знать основные принципы нашей уголовно-правовой политики, они обязаны знать наше уголовно-правовое законодательство не только в объеме уголовного кодекса, а его теорию, историю и практику, и не только нашей страны, но и иностранных государств. Все эти требования могут быть предъявлены только к людям, имеющим высшее юридическое образование.

Лозунг т. Сталина «кадры решают все» для органов юстиции означает, что мы должны окружить судебно-прокурорских работников исключительным вниманием и заботой и стремиться к тому, чтобы все они в самый кратчайший срок получили высшее юридическое образование. По этому пути уже пошло наше правительство. Решение ЦИК и СНК СССР 5/III 1935 г. о правовом образовании, решение правительства об организации Союзной правовой академии в Москве, организация в союзных и национальных республиках новых правовых институтов, создание целой сети юридических курсов и переведение правовых институтов с трехгодичного срока обучения на четырехгодичный говорят о том, что в области подготовки и переподготовки судебно-прокурорских работников наступил резкий перелом. Но для того, чтобы получить политически выдержанных, методологически и теоретически подготовленных судебно-прокурорских работников, необходимо уделять большое внимание отбору студентов для правовых вузов, подбору политически выдержанного и теоретически подготовленного педагогического состава и надлежащим образом организовать учебно-производственный процесс в наших правовых институтах.

Под этим углом зрения была обследована комиссией НКЮ РСФСР под председательством пишущего эти строки работа Московского и Ленинградского институтов права.

Вопрос об организации и постановке правового образования немало зависит от руководства институтов; поэтому мы считаем необходимым дать общую характеристику руководства как Ленинградского, так и Московского институтов права.

Ленинградский институт в лице своего руководства имеет политически и идеологически выдержанных товарищей.

После убийства контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими подонками т. Кирова руководство Института, совместно с партийной и профессиональной организацией, серьезно занялось изучением преподавательского и студенческого состава. В результате проверки преподавательского состава были сняты с работы бывшие оппозиционеры и люди, не могущие бороться на два фронта и обеспечить высокий теоретический уровень в преподаваемых ими предметах. Такая же проверка была произведена и среди студенческого состава, результатом чего явилось отчисление, как антисоветских элементов — 6 человек.

Московский институт права в политическом и идеологическом отношении вполне выдержан. В своей теоретической и практической работе работники Московского института проводят генеральную линию партии, борются за нее и воспитывают студенческий актив в духе марксистско-ленинской теории.

[1] В порядке обсуждения.

Характеристика студенческого состава Московского и Ленинградского институтов права:

Общее колич. студентов	Рабочих	Колхозников	Крестьян единоличников	Служащих	Детей специалистов	ВКП(б)	ВЛКСМ	б/парт.
Ленинградский институт								
371	241	35	4	90	1	199	145	27
100%	65%	9,4%	1,1%	24,3%	0,2%	54,6%	39,1%	7,3%
Московский институт								
515	304	—	80	131	—	261	194	60
100%	59,1%	—	15,5%	25,4%	—	50,7%	37,7%	11,6%

В социальном и политическом отношении студенческий состав как в Ленинградском, так и в Московском институтах вполне удовлетворителен.

В Ленинградском институте рабочая прослойка достигает 65%, а партийная и комсомольская — 93,7%.

В Московском институте процент рабочей прослойки несколько ниже, достигая 59,1%, партийная и комсомольская также несколько ниже, чем в Ленинграде институте — 88,4%.

Характеристика профессорско-преподавательского состава по правовым кафедрам:

Общее количество преподавателей правовых кафедр Ленинградского института — 33 человек, из них:

профессоров . . . . . 16 чел., или 48,5%
доцентов . . . . . 11 „ „ 33,3 „
преподавателей . . . . . 6 „ „ 18,2 „
членов ВКП(б) . . . . . 16 „ „ 48,5 „
б/парт. . . . . 17 „ „ 51,5 „

Стаж научной работы от 2—3 лет 3 чел., или 9,1%
„ 3—5 „ 6 „ „ 18,2 „
„ 5—10 „ 12 „ „ 36,4 „
„ 10—15 „ 4 „ „ 12,1 „
„ 15—20 „ 3 „ „ 9,1 „
„ 20—выше 5 „ „ 15,1 „

Общее количество преподавателей правовых кафедр Московского института — 35 человек, из них:

профессоров . . . . . 18 чел., или 51,4%
доцентов . . . . . 17 „ „ 48,6 „
членов ВКП(б) . . . . . 15 „ „ 42,9 „
ВЛКСМ . . . . . 1 „ „ 2,8 „
б/парт. . . . . 19 „ „ 54,3 „
Имеют научные труды . 26 „ „ 74,3 „
не имеют . . . . . 9 „ „ 25,7 „

Политический и теоретический показатель педагогического состава обоих институтов вполне удовлетворителен. В Ленинградском институте члены ВКП(б) составляют 48,5%, в Московском институте членов ВКП(б) и комсомольцев 45,7%. В Московском институте 74,3% преподавателей имеют свои научные труды, в Ленинградском институте 72,7% преподавателей имеют стаж научной работы больше 5 лет. Формально норма квалификации в Московском институте выше, чем в Ленинградском институте. В Московском институте профессора среди преподавательского состава составляют 51,4%, а в Ленинградском—48,5%, доценты в Московском институте составляют 48,6%, а в Ленинградском—33,3%.

Высокий процент профессорского и доцентского состава в Московском институте объясняется тем, что здесь исходят из двухстепенной квалификации преподавательского состава (профессора и доценты). Ленинградский институт исходит из трехстепенной квалификации научных работников (профессора, доценты и преподаватели).

Принцип научной квалификации в Ленинградском институте более правильный, чем в Московском. Нельзя обесценивать научную квалификацию, как это делают в Московском институте. Среди преподавателей Московского института имеются аспиранты и практические работники, привлеченные к преподавательской деятельности, которые числятся доцентами кафедр.

Такое щедрое награждение учеными званиями людей, у которых нет для этого научного основания, — нецелесообразно. Это приводит отчасти к тому, что, с одной стороны, снижают теоретическую подготовку студентов, а с другой — определенным образом развращают вновь испеченных «доцентов», которые вместо того, чтобы самим заниматься и учиться, начинают учить других. Необходимо, чтобы аспиранты или практические работники, вне зависимости от занимаемых ими должностей, привлекались к педагогической деятельности, как правило, определенное время являлись бы ассистентами у опытных руководителей и только по прохождении этой необходимой подготовки получали семинары для самостоятельного руководства.

Переходя к характеристике кафедр, необходимо сказать, что в Московском институте по своему персональному составу кафедры достаточно сильные. Между тем, они работают не так, как они могли бы работать. Иллюстрацией тому может служить работа кафедр международного права, трудового права и уголовного права.

Кафедра международного права в течение целого года обсуждала только два вопроса — о прохождении курса и о соцсоревновании. Программы, организация методической работы, вопросы, непосредственно вытекающие из учебной жизни института, не ставились кафедрой и не обсуждались.

Кафедра трудового права собиралась очень часто. В течение года было 16 заседаний; между тем круг вопросов также был ограничен: занимались главным образом вопросами дипломных работ, производственной практики, диссертаций для аспирантов, и только один раз на заседании кафедры обсуждалась программа занятий.

Кафедра уголовного права, хотя и собиралась часто, главным образом занималась вопросами распределения семинаров между преподавателями, соотношением часов между лекциями и семинарами и т. п.

Только кафедра судебного права, кафедра хозяйственного права и кафедра политэкономии занимались вопросами методики, программ, научной работой и т. д.

Три кафедры работали совсем без программ: кафедра введения в советское право, истории государственных форм и отчасти кафедра аграрного права.

Особенно нужно остановиться на работе кафедры истории государственных форм: предмет новый, опыта в этой работе нет, преподавателей нет. В марксистской литературе этот вопрос почти не освещался. Те курсы, которые мы имеем по этому вопросу (курс профессора Рейснера, курс Лурье), ни в какой мере не являются марксистскими и не могут служить руководством при прохождении курса истории государственных форм. Несмотря на это, такой серьезный курс проходился без программы. В первое время лекции стенографировались, а потом и от этого отказались.

По своему персональному составу кафедры в Ленинградском институте слабее. Однако кафедры в Ленинградском институте работали лучше, глубже и содержательней, что объясняется отчасти тем, что довольно большой процент преподавательского состава в Ленинградском институте — **основные работники института.**

Кафедры в Ленинградском институте очень серьезно занимаются вопросами программ, методработой, научной работой. Большое внимание уделяли вопросу организации студенческих кружков и т. д.

Однако имеется ряд недостатков в работе отдельных кафедр; например **кафедра уголовного права** недостаточно обеспечена соответствующим педагогическим персоналом. Все члены кафедры — молодые работники, только недавно сами закончившие аспирантскую подготовку или Ленинградское отделение ИКП.

Работа кафедры по диамату также стоит не на должной высоте, в силу недостатка квалифицированных работников кафедры. Заведующий кафедрой и другие работники этой кафедры не получили соответствующего философского образования, не имеют научных трудов. Необходимо и эту кафедру дополнить соответствующими, теоретически подготовленными работниками.

Не совсем благополучно обстояло дело с кафедрой истории государственных форм, ибо программы, присланные Наркомюстом, оказались непригодными, соответствующих преподавателей не было, между тем, были организованы три параллельных потока лекций и семинаров; притом очень неуклюже были распределены отдельные части курса между отдельными преподавателями: **один читал историю государства,** другой **историю права,** третий **историю идеологии,** и понятно, что такой разрыв единого предмета на три части не мог не привести к повторению и искажению самого предмета.

Работа деканатов в Ленинградском и Московском институтах существенно различна. В Ленинградском институте деканаты существуют в виде коллегий из трех лиц: заведующий деканатом, секретарь партячейки и председатель профкома. Периодически они собираются и разрешают вопросы учебного характера.

В целях руководства учебной жизнью факультетов к каждому деканату прикреплены отдельные кафедры; например к деканату хозяйственного права прикреплены кафедры: хозяйственного права, политической экономии, земельного права и другие. К деканату судебно-прокурорского факультета прикреплены кафедры: уголовного права, процессуального права, исправительно-трудовой политики и т. п.

Все эти нововведения вызывают ряд сомнений в их целесообразности и в частности вопрос о прикреплении отдельных кафедр к факультетам и вопрос о конструкции деканатов; однако положительным моментом является то, что Ленинградский институт встал на путь искания новых форм руководства деканатом.

В Московском институте руководство факультетами осуществляется в лице одного декана. Работа деканов ограничивается только организацией учебного процесса, например составление учебного плана, контроль за выполнением его, контроль за труддисциплиной и т. д. Учебной жизнью, в полном смысле этого слова, деканаты не руководят. В дальнейшем необходимо поставить вопрос о пересмотре роли и задач деканов, необходимо, чтобы они руководили учебной жизнью на факультетах.

Также необходимо поставить вопрос о том, чтобы деканами **факультетов были профессора.** Если раньше мы были вынуждены назначать деканами если не студентов, то в лучшем случае аспирантов, то в настоящее время мы вступили в такую полосу, когда мы имеем все возможности, чтобы деканами были профессора. Надо, чтобы преподавательский и студенческий коллектив видели в деканах не только организаторов производственного процесса, но и людей теоретически подготовленных, теоретически знающих свое дело, которые могли бы руководить работой кафедр по существу.

Методическая работа в Ленинградском институте осуществляется специально созданным Методическим бюро из квалифицированных работников. Методическим бюро была проделана большая работа по изучению и реализации учебного процесса. За истекший учебный год Методбюро были разработаны следующие вопросы: методика проведения зачетов, памятка студента по самостоятельной работе; методика работы с аспирантами; методика групповых занятий и оценка успеваемости студентов; положение о конкурсе на лучшую студенческую

запись; положение о конкурсе на лучшие лекции и лучшие семинары; инструкция по составлению частных методик; инструкция для студентов, проходящих производственную практику; методика работы студенческих научных кружков; инструкция о дипломных работах; частная методика по курсу трудового права. Перечень разработанных Методбюро вопросов показывает, что методическая работа охватывала все стороны учебной работы Института, начиная от отдельных методических вопросов и кончая методикой целой дисциплины.

Проделанная Методбюро работа по проведению конкурса на лучшую лекцию и семинар всколыхнула всю учебную жизнь Института и помогла изжить целый ряд существенных недостатков, имеющих место как в преподавании, так и в методике организаций лекций и семинаров.

Московский институт недостаточно занимался методической работой.

Изучением производственных процессов занимается заведующий учебной частью и методист, прикрепленный к учебной части. Изучение и рационализация учебного процесса происходят путем посещений заведующим учебной частью и методистом лекций и семинарских занятий. Путем устных бесед с преподавателями устраняются все замеченные недостатки в преподавании. В Московском институте ставка делается не на методику изучения производственного процесса, а на индивидуальную консультацию: тот или иной студент приходит к методисту, который путем устной беседы дает ему ряд указаний по отдельным интересующим его вопросам, например как читать книгу, как писать дипломную работу, как вести запись лекций и т. д.

Индивидуальная консультация — конечно хорошее дело, но она ни в коем случае не может заменить методическую работу. Нужно, чтобы наряду с консультациями также изучался и производственный процесс путем постоянной, систематической методической работы.

Ленинградскому институту также следует наряду с хорошо поставленной методической работой практиковать индивидуальные консультации, т. е. использовать опыт Московского института.

Большим тормозом в деле повышения теоретического и культурного уровня студентов является существующий способ занятий. Учебный процесс построен так, что занятия происходят ежедневно не менее 6 часов, а иногда доходят до 7 и 8 часов. Метод классных занятий, метод средней школы совершенно неприемлем для высших учебных заведений. Эта учебная опека над студентом, заставляющая его постоянно быть в Институте, не дает ему возможности самостоятельно работать, серьезно и глубоко изучить предмет, осмыслить его и т. д.; он должен постоянно готовиться к ответам на семинарских занятиях, и это приводит к методу вопросов и ответов. С такой системой занятий нужно покончить.

Нужно поставить занятия так, чтобы дать возможность студентам самостоятельно заниматься, осмыслить изучаемые ими предметы.

На уровне повышения теоретической подготовки студентов весьма серьезно отражается то, что за малыми исключениями все преподаватели совмещают свою преподавательскую работу со служебной и кроме того преподают сразу в нескольких местах. В целях повышения квалификации самого преподавательского состава нужно раз навсегда покончить с практикой совместительства и преподавания в нескольких местах. Институты должны иметь определенное количество постоянных, несовмещающих преподавателей. Немалую роль в этом играет существующая система оплаты труда преподавателей. В практике правовых вузов можно наблюдать случаи, когда среднемесячная оплата преподавания равняется 25—30 руб. в месяц. Ясно, что такая оплата не способствует созданию заинтересованного отношения к своей работе. Низкая оплата труда преподавателей приводит в иных случаях к чрезмерной нагрузке преподавательской работой, что не может не отразиться на качестве преподавания. Институты должны ориентироваться главным образом на штатный преподавательский состав, для которого должны быть установлены персональные оклады.

Научная работа в Ленинградском институте поставлена не плохо: каждая кафедра имеет план научной работы, который утверждается Советом кафедр, ставятся публичные научные лекции, читаются доклады на заседаниях кафедр и т. д. Такая систематическая и серьезная научная работа кафедр говорит о том, что Ленинградский институт отдает себе отчет, что без теоретически растущего профессора, доцента, преподавателя Институт не может подготовить теоретически грамотных юристов.

Среди общих докладов, заслушанных в Институте, следует отметить доклад «Ленин и Сталин об уголовном праве», доклад «О системе хозяйственного права», доклад «Организационно-правовые формы местной промышленности», «Учение Гегеля о государстве и праве» и т. д.

В конце мая этого года была созвана научная конференция кафедр, на которой были заслушаны следующие доклады: «Аграрное право фашизма», «Шпан как идеолог фашизма», «Контрреволюционная троцкистско-зиновьевская концепция империализма», «Программа нейтралитета в современной международной политике», «Переделка сознания заключенных», «Роль права в борьбе за трудовую дисциплину», «Фашистское законодательство о монополистических объединениях в Германии», «Система хозяйственной кодификации и защита личных прав трудящихся», «Советская демократия».

Кафедры Московского института, за некоторым исключением, научной работой не занимаются. Только кафедра судебного права поставила ряд научных докладов. Отчасти научной работой занимались кафедры уголовного права и политэкономии. Работники Московского института берут под сомнение вообще вопрос о целесообразности того, чтобы кафедры занимались научной работой при наличии в Москве ряда научно-исследовательских институтов, в которых почти все преподаватели кафедр ведут ту или иную научную работу. Нам кажется, что одно другого не исключает; кафедра есть первичная научная ячейка в учебных заведениях, которая должна служить связывающим звеном между студенческой массой и научно-исследовательскими институтами. Опыт работы Института уголовной политики показывает,что все попытки

Института привлечь студентов на научные доклады или к научной работе в Институте оказываются безуспешными, в то время когда на поставленные в учебных институтах научные доклады студенты очень охотно приходят. В институтах также имеются аспиранты, которые, за некоторым исключением, в научно-исследовательских институтах не работают, а в Институте они могут быть использованы для научной работы. Наконец, ежегодно Институт получает десятки и сотни дипломных работ, которые ни в какой мере не используются. При надлежащей постановке научной работы в Институтах все эти дипломные работы могли быть в той или иной степени использованы. Для этой цели необходимо, чтобы институты получили возможность издавать свои «Научные записки».

Не плохо работают научные кружки в Ленинградском институте; между тем имеется ряд неясностей в организации этих кружков. В научных кружках участвуют все желающие в них работать, в том числе студенты первого курса и согласно постановлению кафедр в этих кружках также участвуют аспиранты. Таким образом получается неразбериха, неизвестно кто является главным контингентом этих кружков и какая должна быть степень научной подготовки.

В Московском институте научные кружки хотя и существуют, но фактически не работают. На кружке уголовного права был заслушан один доклад и то не студента, а преподавателя, на кружке трудового права тоже был заслушан только один доклад студента.

Производственная практика в основном не плохо организована и подготовлена как в Московском, так и в Ленинградском институтах. Ленинградским институтом заранее были подготовлены места, где студенты второго и третьего курсов должны были проходить производственную практику, и с соответствующими учреждениями были заключены соответствующие договора. Предварительно были составлены планы их работ, и работа на местах была так организована, что студенты третьего курса могли использовать эту практику для дипломной работы.

К недостаткам практики следует отнести то, что студенты второго курса до прохождения практики не прошли уголовного права, процесса, хозяйственного права и др. необходимых предметов.

В Московском институте, перед тем как послать студентов на практику, был созван ряд совещаний, были выделены отдельные люди, которые посещали места производственной практики, которые тут же при обнаружении тех или иных недостатков при прохождении производственной практики исправляли их.

Дипломные работы в этом году существенно отличаются от дипломных работ всех предыдущих лет. Если в прошлые годы хорошие работы были исключением, то в настоящее время плохие работы являются исключением. Между тем, имеется ряд недостатков в организации подготовки и сдачи студентами дипломных работ.

Недостатком в организации просмотра и оценки дипломных работ в Московском институте явилось то, что доценты, просматривающие работы, ограничивались только дачей устной оценки и не давали письменных отзывов, что не давало возможности студенту учесть отрицательные и положительные стороны своей работы. По уголовному праву за 5—6 дней было заслушано около 30—40 дипломных работ, т. е. ежедневно по 5—6 дипломных работ. Совершенно ясно, что председатели комиссий в лучшем случае могли только ознакомиться с этими работами. Таким образом, получилось, что ни доценты перед защитой дипломных работ, ни председатели основательно не изучали и не знакомились с этими работами.

В Ленинградском институте неправильно была организована работа по прикреплению и консультации дипломников. Имел место случай, когда к одному преподавателю было прикреплено 37 дипломников. Ясно, что при такой загрузке преподавателя качество даваемой им консультации стояло на очень низком уровне и вообще он не в состоянии был как следует руководить дипломниками.

В Московском институте из 53 защищенных работ на судебно-прокурорском факультете было отличных 17 работ, или 32,1%, хороших 19 работ, или 35,8%, удовлетворительных 17 работ, или 32,1%.

На хозяйственно-правовом факультете из 27 защищенных работ отличных было 15, или 56,6%, хороших 7, или 25,9%, удовлетворительных 5, или 18,5%.

В Ленинградском институте из 91 дипломной работы было отличных 27, или 29,7%, хороших 44, или 48,4%, удовлетворительных 19, или 20,8%, неудовлетворительных 1, или 1,1%.

Таким образом мы видим, что с формальной стороны Ленинградский институт далеко уступает в смысле оценки дипломных работ.

В оценке дипломных работ в Московском институте имеется известный принципиальный недостаток в том отношении, что обесценивается оценка «отлично» и «удовлетворительно». С одной стороны, «отлично» ставится тогда, когда на самом деле работа не является отличной, а с другой стороны, когда работа оценивается как удовлетворительная, студенты считают, что эта работа неудовлетворительная. В основном студент является середняком, который учится на удовлетворительно. Небольшой процент среди общей массы студентов учится на «отлично», несколько больший процент — на «хорошо», но в основном — на «удовлетворительно». Отличники — это те студенты, которые выдвигаются на научную работу.

Вышеприведенные данные Московского института о том, что основная масса студентов учится на «отлично» и «хорошо», а незначительная группа — на «удовлетворительно», очевидно не соответствуют действительности.

Вопрос об оценке успеваемости студентов и дипломных работ нужно самым коренным образом пересмотреть.

Важнейшим принципиальным вопросом является вопрос о сохранении в дальнейшем дипломных работ или о замене их государственными экзаменами. Дипломные работы даже тогда, когда они написаны на «отлично», все же не показывают, насколько студент усвоил все пройденные им предметы; он может за счет других предметов налечь на тот предмет, с которым связана его дипломная работа, и написать ее на «отлично». При государственном же экзамене ему придется 3—4—5 предметов сдать для того, чтобы закончить институт. Это

его обязывает, чтобы он все время изучал в одинаковой степени все важнейшие предметы и перед окончанием института еще и еще раз повторил пройденный им курс. Об этом нужно подумать.

Этот год является переломным годом в области подготовки аспирантов в Московском институте; первый курс занимался в этом году не плохо, аспиранты делали доклады, писали тезисы по своим выступлениям, занимались серьезно языками. Хуже немного обстоит дело со вторым курсом, например уголовники не прошли в этом году Особенной части, что является большим пробелом, ибо в будущем году им придется писать диссертации. Третий курс сидит на диссертационных работах.

Неважно обстоит дело и с подготовкой аспирантов в Ленинградском институте: во-первых, необходимо отметить, что общая подготовка аспирантов очень низкая; во-вторых, плохо организована учеба с ними.

Аспиранты в течение года не пишут письменных работ, не пишут тезисов по своим выступлениям на семинарских занятиях, а сдают в конце учебного года экзамены по всем пройденным ими предметам. Отсутствие письменных работ, отсутствие тезисов не дает возможности сказать, как аспиранты в течение года занимаются. Примером плохой постановки учебной работы с аспирантами может служить тот факт, что из 5 человек, которые должны были сдать экзамены по политэкономии во время нашего пребывания в Ленинграде, 3 человека провалилось.

Отдел кадров НКЮ и институты должны более тщательно отбирать кандидатов в аспирантуру. Нужно повысить требования к теоретической и методологической подготовке поступающих аспирантов. Подбор кандидатов в аспирантуру нужно производить не только среди оканчивающих институт студентов, но и среди практических судебно-прокурорских работников, имеющих соответствующую теоретическую подготовку. Особое внимание необходимо уделить организации учебного процесса аспирантов. Они должны в течение года писать доклады, тезисы, и вся их учебная работа должна находиться под непосредственным контролем учебной части. Совершенно недопустимо положение, когда аспиранты без различия курса занимают административные должности не только внутри самого института, в котором они проходят аспирантскую подготовку, но и в других учреждениях. В Московском институте деканами факультетов являются аспиранты, заведующий подготовительным отделением—аспирант. То же самое и в Ленинградском институте: заведующий учебной частью заочного отделения — аспирант, и т. д. Нужно самым категорическим образом запретить аспирантам во время прохождения аспирантской подготовки занимать административные должности и прекратить снятие аспирантов с учебы до окончания прохождения ими аспирантской подготовки.

В Московском институте организованы научные кабинеты: по уголовному праву, процессу, хозяйственному праву, криминалистике, кабинет по военным дисциплинам. Кабинеты оборудованы хорошо.

В Ленинградском институте организованы: кабинет уголовного права, истории государственных форм, земельного права, кабинет марксизма-ленинизма. Все эти кабинеты находятся еще в процессе оформления, и придется еще много работать над тем, чтобы они были настоящими вспомогательными базами для научной работы.

Принципы организации этих кабинетов в Ленинграде существенно отличаются от организации научных кабинетов в Москве.

В Ленинграде научные кабинеты строятся с таким расчетом, чтобы они служили базой для научной работы, а в Москве — чтобы они главным образом помогали студентам при прохождении того или иного курса.

Принципы организации кабинетов в Ленинградском институте более правильны. Кабинеты должны методически помогать преподавателям при прохождении их курса и студентам при освоении того или иного предмета, но в то же время они должны служить базой для научной работы кафедр.

При институтах существуют подготовительные отделения со сроком обучения в 1 год. Бросается в глаза большой отсев слушателей как в Московском, так и в Ленинградском институтах. В Московском институте почти 50% слушателей по тем или другим причинам ушли с подготовительных отделений.

Общеобразовательная подготовка слушателей очень низкая. Совершенно ясно, что нельзя трехгодичный курс пройти в течение года (подготовительное отделение реорганизовано из рабфака), тем более, что не все поступившие на подготовительное отделение имели знания в объеме семилетки. Вообще, большое сомнение вызывает целесообразность существования подготовительного отделения при наличии большого наплыва желающих поступить в институт, закончивших среднюю школу.

Заочное образование в Ленинграде поставлено довольно хорошо. В теоретическом отношении оно дает полноценно подготовленных студентов.

В Москве заочный сектор не входит в систему института, а непосредственно подчиняется Центральному заочному институту. Если в Ленинграде заочное образование является органической частью работы кафедры института в целом, то в Москве заочный сектор должен каждый раз договариваться с тем или иным преподавателем о его преподавании в заочном секторе. Это является недостатком в работе Московского института. Для кафедр Института в целом совершенно не безразлично, как подготовляются кадры заочников. Поэтому необходимо, чтобы кафедры не делали различия между стационарным вузом и заочным институтом, а равномерно распределяли работников между ними.

Московский и Ленинградский правовые институты имеют бесспорно ряд достижений в области подготовки кадров. Но наряду с этим, имеется ряд недостатков в работе кафедр, в руководстве учебным процессом, в постановке научной работы, научных кружков, дипломных работ, производственной практики и т. п. Задача руководства правовых институтов — устранить все эти недочеты и тем самым выполнить поставленный т. Сталиным в своей речи 4 мая вопрос о бережном и заботливом отношении к строителям и творцам социалистического общества.

Е. Домбровский

Еще раз о волоките

В своем докладе на Первом всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников «О мероприятиях по улучшению качества судебно-прокурорской работы» т. Вышинский показал всю важность повседневной и беспощадной борьбы с волокитой и бюрократизмом в системе органов суда и прокуратуры. Тов. Вышинский далеко не лишний раз напомнил указание В. И. Ленина: «Надо не бояться суда (суд у нас пролетарский) и гласности и тащить волокиту на суд гласности: только так мы эту болезнь всерьез вылечим» [1].

Волокита и бюрократизм, эти позорные и весьма опасные язвы нашей действительности, эти «родимые пятна», унаследованные от проклятого прошлого, исключают всякую возможность для зараженных ими людей овладеть тем высоким качеством работы, которому был посвящен весь доклад тов. Вышинского и которое нам так настоятельно необходимо. Без этого высокого качества работы немыслимо выполнение важнейших задач, возложенных партией и правительством на судебно-прокурорские органы. Недостатки в нашей работе, а тем более ошибки и прямые нарушения директив партии и правительства становятся с каждым днем все более нетерпимыми. Недаром работа органов суда и прокуратуры находится в фокусе сосредоточенного внимания нашей общественности, нашей печати. Продиктованная решениями XVII партийной конференции и XVI съезда партии задача неустанной борьбы с пережитками капитализма в экономике и сознании людей является одной из важнейших повседневных задач суда и прокуратуры. А в числе этих пережитков не малое место занимают как раз волокита и бюрократизм.

Волокита и бюрократизм сплошь и рядом процветают еще на почве отсутствия самой элементарной культурности в нашей работе, поразительного подчас невежества, неуважения к закону, недисциплинированности в наших собственных рядах, на почве барского, высокомерного, заносчивого, нечуткого отношения к человеку, к трудящемуся. Очаги волокиты и бюрократизма довольно глубоко еще гнездятся в наших приемных, канцеляриях, камерах суда и прокуратуры.

Особое значение борьба с волокитой и бюрократизмом в органах суда и прокуратуры приобретает в свете исторических указаний великого и мудрого вождя и учителя т. Сталина в его речи 4 мая 1935 г. на выпуске академиков Красной армии.

Борьба с волокитой и бюрократизмом стала одним из основных условий решительной перестройки всей нашей работы в направлении выполнения исторических указаний т. Сталина об отношении к человеку.

Что мы имеем на сегодняшний день в области проведения настоящей, упорной, большевистской борьбы с волокитой и бюрократизмом в органах суда и прокуратуры? Выше было уже отмечено, что картина здесь еще довольно неприглядная.

Можно было бы без особого труда продемонстрировать целый ряд случаев возмутительнейшей, дикой и даже преступной волокиты и нетерпимого бюрократизма. В дальнейшем мы постараемся показать широкой общественности наиболее заслуживающие внимания случаи с выявлением конкретных виновников. За примерами не далеко ходить. Чего, например, стоит одно прохождение жалоб по пенсионным делам в периферийных органах прокуратуры? Даже Москва не может добиться ответа на неоднократные запросы и обращения к прокурорам, и пенсионные дела не разрешаются годами. Здесь я хочу на двух конкретных примерах из надзорной практики Прокуратуры Союза ССР показать, как далеко иногда мы еще отстаем от выполнения задачи культурного, чуткого, гуманного, внимательного, гибкого, разумного и быстрого разрешения жалоб и заявлений трудящихся, какой позорный путь волокиты и издевательского бюрократизма приходится подчас проходить еще трудящемуся, пока он добьется, наконец, разрешения своего законнейшего дела, какой непоправимый ущерб мы этим причиняем социалистическому строительству, как мало мы помним еще в целом ряде случаев о выполнении элементарных требований закона в отношении обслуживания трудящихся, обращающихся в органы суда и прокуратуры.

Первый случай имел место на Украине. Нарсуд Золотоношского района Киевской области в ноябре 1933 г. приговорил бывшего бедняка в дальнейшем колхозника Регурецкого к полутора годам лишения свободы за растрату 200 руб., которая опровергалась материалами судебного следствия. Регурецкий никогда ранее не судился. Кассационной инстанцией приговор был оставлен в силе. В течение 8 месяцев незаконно осужденный колхозник Регурецкий тщетно добивался своими жалобами, направленными в органы прокуратуры Украины, пересмотра его дела и исправления приговора. Он прилагал к жалобам доказательства своей невиновности. Жалобы оставались без последствий, а многие из них без всякого ответа. Прокуроры не проявили элементарного внимания к делу неправильно осужденного колхозника. Жалобы подшивались к делу. Наконец, жалоба подается Прокуратуре СССР. В сентябре 1934 г. Прокуратура СССР предлагает опротестовать незаконный приговор. Целый ряд напоминаний остается без ответа. И только в конце февраля 1935 г. пересматривается дело Регурецкого, отменяется приговор и прекращается дело за отсутствием состава преступления. **К этому времени колхозник Регурецкий отбыл уже весь срок лишения свободы по явно незаконному приговору!**

Прокуратура СССР поручила прокурору Украины тщательно расследовать это возмутительное дело и привлечь к ответственности виновных в этой преступной волоките, исключительном бюрократизме и небрежности в работе судей и прокуроров, рассматривавших дело Регурецкого. Но как можно возместить вред, причиненный этим вопиющим безобразием кол-

[1] Ленин, т. XXIX, стр. 414.

хознику Регурецкому, его колхозу, государству?

Второй пример недопустимого нарушения директив партии и правительства в работе органов суда и прокуратуры, безобразного бюрократизма и волокиты, пренебрежения к законным правам трудящегося, мы берем из практики Киргизской АССР: рабочий батумской государственной типографии Иванов как лучший ударник производства получает в 1933 г. путевку на лечебный курорт в Киргизию. С радостной надеждой подлечиться Иванов едет на курорт со своим скромным багажом в двух чемоданах, но по пути случайно отстает от своего поезда. Товарищ Иванова, с которым он ехал на курорт, сдает багаж его в г. Фрунзе агенту-кассиру Киргизского курурпа Каримбаеву. Багаж сдается на хранение по акту, с подробным перечнем вещей и их оценкой, за подписью кассира Каримбаева и секретаря Киркурупра. Имущества оказалось по описи на 707 руб. Акт он передает Иванову, приехавшему со следующим поездом. Но багажа от курупра Иванов не получил, так как агент Курупра Каримбаев успел скрыться с вещами Иванова, захватив одновременно и 2466 руб. денег курупра из несгораемого шкафа. Об этом выдается официальная справка Иванову от 17/IV 1933 г. за подписью зам. начальника курупра. Дело происходит, как мы видим, весной 1933 г. Казалось бы, зачем вспоминать эту давнишнюю тяжелую и досадную для ударника Иванова историю, испортившую ему отдых и лечение на курорте? Ведь дело совершенно простое и ясное: курупр обязан возместить убытки рабочему Иванову, причиненные преступным действием его агента-кассира Каримбаева, похитившего вещи, сданные ему как кассиру-агенту курупра на хранение по акту за подписью кассира и секретаря курупра. Так ведь сказано в советском законе (ст. 407-а ГК РСФСР). Очевидно, Иванов здесь же получил возмещение своих убытков, его в курупре успокоили, приласкали, заботливо, чутко отнеслись к больному легкими рабочему, лучшему ударнику, приехавшему по путевке на лечение. Так именно следовало бы ожидать от советского курортного предприятия, которому партия и правительство доверяют восстановление сил и здоровья трудящихся.

«Здесь только и начинаются мои мытарства», сообщает т. Иванов в своей жалобе от апреля 1935 г., направленной в Прокуратуру СССР. Иванов обратился к представителю курупра Лобанцеву с заявлением о возмещении стоимости сданных на хранение в курупр и похищенных вещей. Лобанцев сухо ответил: «До поимки вора Каримбаева не может быть и речи о возмещении убытков». Иванов обращается к зам. прокурора Киргизии. Тот подтверждает «установку» Лобанцева, советует Иванову ехать в Батум к месту службы и ждать поимки преступника. Из Батума т. Иванов пишет несколько раз в курупр, запрашивает о своем деле. Администрация курупра не находит нужным отвечать на запросы какого-то Иванова. Иванов посылает в курупр телеграммы. Ответа нет. Так прошло семь месяцев.

Наконец, в июне 1934 г. Иванов обратился у себя в Батуме к прокурору Цинцадзе. Тов. Цинцадзе выслушал Иванова и послал прокурору Кирреспублики запрос с исковым заявлением Иванова к Киркурупру о 707 руб. Прокурор Киргизии не увидел за бумагой живого человека, он механически переслал заявление Иванова в нарсуд 1 участка г. Фрунзе. Прокурор не поинтересовался этим делом, хотя т. Иванов подробно излагает в заявлении историю своих мытарств и возмутительно-бюрократическое отношение к нему со стороны администрации курупра.

Но может быть, наконец, нарсудья 1 участка г. Фрунзе внимательно, по-советски отнесется к делу Иванова?

Послушаем т. Иванова: «Нарсудья 1 участка г. Фрунзе, не вникнув в существо вопроса, на моем исковом заявлении, полученном от прокурора Кирреспублики, кладет резолюцию: «Заслано не по назначению» — и отправляет мне обратно всю переписку». Тов. Иванов опять обращается к прокурору Аджаристана в Батуме с просьбой выяснить, в чем же дело. Прокурор вторично направляет все бумаги Иванова при своем отношении в нарсуд 1 уч. г. Фрунзе.

Тогда нарсудья пишет Иванову отношение от 12 декабря 1934 г.: «уплатите сначала пошлину в 50 руб., тогда ваше дело будет разобрано». Формально правильно. Послушаем дальше... Иванов спешит с уплатой пошлины. Наконец-то его судебное дело будет разобрано. 26 декабря получен перевод на 50 руб. из Батума, 27 декабря перевод сдан нарсуду, а 28 января 1935 г. перевод возвращен Иванову за истечением срока хранения.

«Круг хлопот замкнулся, и я опять остался у своего начального положения», — восклицает с горечью т. Иванов в своей жалобе. От момента подачи заявления Иванова в курупр прошло полтора года....

Прокуратура Союза ССР по жалобе т. Иванова поручила прокурору Киргизии т. Смирнову лично взять под свое наблюдение это дело, поручить прокурору вступить в процесс в защиту интересов Иванова, в порядке ст. 2 ГПК, добиться отсрочки уплаты судебной пошлины и возложения ее на ответчика при вынесении решения, обеспечить срочное разрешение дела о взыскании в пользу Иванова с Киркурупра 707 руб., в соответствии со ст. 407-а ГК, проверить законность судебного решения и своевременность его исполнения, проследить за реальным удовлетворением иска Иванова. Всех лиц, виновных в волоките и преступном бюрократизме по этому делу, привлечь к суровой ответственности, в том числе и бюрократов из Киркурупра, не считавших даже нужным отвечать на многократные обращения Иванова по почте и телеграфу в связи с его делом. О принятых мерах по жалобе Прокуратура Союза ССР сообщила т. Иванову.

Будем надеяться, что т. Иванов добьется, наконец, правильного решения по своему делу и что конкретные виновники получат должное наказание за допущенные в этом деле бюрократизм и волокиту.

С. Эпштейн

О кадрах коллегии защитников

В статье «Роль коллегии защитников в борьбе за революционную законность» (журнал «Советское строительство» № 5—6 1933 г.), давая оценку условиям работы советского защитника, т. Вышинский говорит следующее: «Нельзя преуменьшать трудностей и сложности этой работы, требующей максимальной политической выдержанности и политического такта, максимальной политической и, так сказать, профессиональной чуткости и добросовестности, большого искусства, больших знаний и большой любви к своему делу и самоотверженности».

Приведенная цитата показывает, как высоко расценивает Прокуратура Союза ССР работу советского защитника и какие требования должны быть предъявлены к последнему для того, чтобы он отвечал своему назначению. Из этих же требований исходят очевидно и авторы проекта «Положения о судоустройстве Союза», когда непременным условием зачисления в коллегию защитников они ставят наличие определенного образовательного и практического юридического стажа у вступающих в коллегию (см. статью Винокурова в журн. «За соц. законность» № 1 1935 г.).

В связи с этим особое значение приобретает вопрос о кадрах советской защиты. Между тем положение в области подготовки и переподготовки кадров советской защиты следует признать катастрофическим.

В течение ряда последних лет в коллегиях защитников совершенно не наблюдается притока молодых советских специалистов-правовиков, которые могли бы обновить и освежить наличный состав коллегий защитников. Коллегии нередко пополнялись неграмотными политически и юридически и недостаточно доброкачественными в социальном отношении элементами.

В течение последнего времени происходил отсев из коллегии защитников старых юристов, работников дореволюционной адвокатуры и суда, — явление, безусловно, положительное, но на смену этой категории защитников почти никто не пришел, а те, кто и пришел, не обеспечивали выполнения задач, стоящих перед советской защитой, и во всяком случае не отвечали тем высоким требованиям, какие предъявляются сейчас к советскому защитнику.

В лучшем случае это бывшие технические работники суда и прокуратуры или же судьи и следователи, по тем или иным причинам, часто против своей воли, ушедшие со своей прежней работы, в худшем же случае это случайные люди, воспользовавшиеся широко открытыми дверями коллегии, для того чтобы хоть где-нибудь пристроиться.

В результате качество юридической помощи, оказываемой коллегиями защитников населению, находится на низком уровне, а участие защитника в судебном процессе недостаточно эффективно.

Особенно плохо обстоит дело с обеспечением квалифицированными защитниками районных центров. Руководящие органы коллегии, чтобы не иметь оголенных районов, направляют туда любого желающего. Для этого президиумы коллегий не останавливаются даже перед прямым нарушением действующих законов. Для примера можно привести объявление, помещенное в газете «Социалистична Харківщина» в марте текущего года, в котором президиум харьковской областной коллегии защитников объявляет прием защитников на периферию, игнорируя при этом ст. 25 Украинского положения о судоустройстве, по которому членами коллегии могут быть лица, отвечающие следующим условиям:

1. Окончившие советский правовой вуз и отбывшие после этого определенный практический стаж.

2. Имеющие дореволюционное высшее юридическое образование и кроме того минимум трехлетний стаж практической юридической работы в соцсекторе.

3. Не имеющие юридического образования, но обладающие трехлетним стажем юридической работы, после сдачи соответствующих испытаний, и, наконец, выдвиженцы профессиональных или других общественных организаций.

В объявлении же президиума харьковской коллегии указано, что в коллегию принимаются без испытания лица, имеющие юридическое образование или же двухлетний стаж работы, к испытаниям же допускаются все желающие.

Дело здесь, разумеется, не только в формальном нарушении закона.

Метод вербовки новых защитников, усвоенный Харьковом, является ярким свидетельством недооценки правовой и политической квалификации, требуемой на данном этапе от работников юстиции вообще и от защитников в частности.

Партия и советская власть поставили вопрос о решительном улучшении качества работы органов юстиции. Отсюда исключительное значение приобретает вопрос о кадрах. Острее чем где-либо на другом участке судебной работы этот вопрос стоит перед советской защитой.

Разрешение этого вопроса, на мой взгляд, требует следующих мероприятий.

Необходимо запретить коллегиям защитников принимать в свои ряды лиц, не обладающих соответствующей теоретической и практической подготовкой. С нового учебного года надо провести за счет специальных фондов коллегий организацию курсов подготовки защитников с минимум двухлетним сроком обучения, причем организацию таких курсов следует провести в централизованном порядке в городах, обеспеченных высококвалифицированным преподавательским персоналом.

Необходимо привлечь в коллегию защитников окончивших в последние годы молодых советских юристов и, наконец, наряду с очисткой наличного состава коллегий от классово чуждых и разложившихся элементов следует произвести проверку состава последних с точки зрения специальной, политической и общекультурной подготовки.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Автор Исаев А. С. 27/X 1934 г. предъявил иск в нарсуде 4-го участка Красно-Пресненского района г. Москвы о взыскании с издательства «Сельхозгиз» 12 500 руб. за четвертое издание книги «Уход за трактором».

В своем исковом заявлении истец указывает, что срок договора от 31/V 1927 г. на издание его книги истек еще в мае 1930 года и что «Сельхозгиз» в нарушение договора и прав автора напечатал в 1931 году его книгу в количестве 300 тыс. экземпляров, заплатив ему лишь примерную стоимость авторского гонорара за 100 тыс. экземпляров. Автор находит, что 200 тыс. экз. напечатаны были без его ведома и согласия и без уплаты ему авторского гонорара.

Исаев требует присуждения 12 500 руб. из расчета 50% договорной суммы гонорара — 125 руб. за печатный лист, что составляет 62 р. 50 коп., а за 10 печатных листов — объем книги — 625 руб. за тираж, всего за 20 тиражей — 12 500 руб. Тираж автор устанавливает в 10 000 экземпляров, согласно договору от 31/V 1927 г. (потерявшего силу, по утверждению автора).

В судебном заседании 5/VI 1934 г. истец уменьшил сумму иска до 6 125 руб., требуя гонорар за переиздание его книги в количестве лишних 100 тыс. экземпляров против договора, исходя из вышеуказанного расчета.

Нарсуд решением 5/VI 1934 г. в иске Исаеву отказал.

Кассколлегия Мосгорсуда 26/VI 1934 г. это решение оставила в силе. Президиум Мосгорсуда, рассмотрев дело по протесту прокурора Красно-Пресненского района, 15/XI 1934 г. отменил решение нарсуда и определение Мосгорсуда и направил дело в нарсуд Красно-Пресненского района на новое рассмотрение.

Перед вторичным рассмотрением дела истец Исаев увеличил исковые требования до 7 646 р. 80 к. исходя из прежнего расчета и фактического объема книги в 12,235 печатного листа (62 р. 60 к. × 12,235 = 764 р. 68 коп. за один тираж в 10 тыс. экземпляров, а за 10 тиражей—или 100 000 экземпляров, 7 646 р. 80 к.).

Дело было затребовано из нарсуда Мосгорсудом и рассмотрено последним по существу 8/II 1935 г.

Мосгорсуд нашел требования Исаева правильными и, применив штрафной тариф за нарушение «Сельхозгизом» договора с автором, присудил 150% требуемого Исаевым гонорара, т. е. 11 470 р. 20 к. и 688 р. 20 к. судебных пошлин в доход государства.

Это решение Мосгорсуда было утверждено Кассколлегией Верхсуда РСФСР определением 12/III 1935 г.

«Сельхозгиз» обратился в Прокуратуру СССР с жалобой в порядке надзора, указывая, что решение Мосгорсуда и определение Кассколлегии Верхсуда неправильны, так как полный расчет с автором книги Исаевым учинен им еще в январе 1931 года выплатой Исаеву в окончательный расчет 6 550 руб.

Просмотрев дело в порядке надзора, Прокуратура Союза ССР опротестовала решение Мосгорсуда и определение Кассколлегии Верхсуда РСФСР по следующим основаниям:

Решение Мосгорсуда 8/II 1935 г. вынесено в противоречии с фактическими обстоятельствами дела. В решении указано, что возражение ответчика о производстве полного расчета с автором на 300 тыс. экз. книги несостоятельно, так как из справки «Сельхозгиза» видно, что книга выпущена 4-м изданием в количестве 200 тыс. экземпляров, поэтому произвести расчет за 300 тыс. экз. ответчик не мог.

Между тем Суду представлен экземпляр книги Исаева «Уход за трактором» в переплете, вышедший в феврале 1931 года, с указанием тиража на обороте заглавной страницы в 300 тыс. экземпляров. «Сельхозгиз» указывает, что издательство рассчиталось полностью за 300 тыс. экземпляров и приступило к печатанию книги, но выпустило только 200 тыс., уже после расчета с автором.

Поэтому вывод суда в этой части решения противоречит представленным суду доказательствам.

Мосгорсуд указывает в решении, что истец 31/V 1927 г. заключил с Книгосоюзом договор на издание книги «Уход за трактором» объемом в 10 печатных листов и что «Сельхозгиз» уплатил истцу за 10 тиражей 6 550 руб. из расчета 62 р. 50 к. за лист, а за 10 листов 625 руб.

Это утверждение Мосгорсуда также расходится с материалами дела, так как из первого пункта договора следует, что автор Исаев передал Книгосоюзу исключительное право на издание и повторные издания его труда «Уход за трактором и его неисправность» и «Смазка тракторов» объемом в 2¾ + 1½ печатных листа, т. е. 4½ печатных листа, а не 10 листов, как указывает Мосгорсуд.

Кроме того из арифметического подсчета стоимости 10 печатных листов за 10 тиражей не получается сумма 6 550 руб., полученная автором Исаевым от издательства за 4-е издание книги в январе 1931 г.

Мосгорсуд допустил в подсчете ошибку, явно разделяя непроверенные им и не подкрепленные доказательствами соображения истца.

Между тем ответчик представил суду подробный расчет, из коего слагается выплаченная «Сельхозгизом» автору сумма в 6 550 руб. Суд не проанализировал этого расчета и неправильно удовлетворил иск Исаева.

Мосгорсуд утверждает, что истец не знал о выпуске 4-го издания его книги и, получив деньги, был убежден, что получает за 10 тиражей, ранее выпущенных.

Это положение суда находится в резком противоречии с представленным суду доказа-

тельством — экземпляром книги «Уход за трактором» А. Исаева — издание 4-е 1931 г.

Предисловие к 4-му изданию написано автором, следовательно, истец Исаев не мог не знать о выпуске «Сельхозгизом» 4-го издания его книги.

В этом предисловии автор указывает, что 4-е издание книги устраняет недостатки 3-го издания, что введены дополнения о новых типах тракторов, а также расширены некоторые главы.

Предисловие к 4-му изданию опровергает утверждение автора и Мосгорсуда о том, что истец не знал о 4-м издании книги и обнаружил его только в 1934 г.

В решении Мосгорсуда от 8/II 1935 г. содержится неустранимое внутреннее противоречие, колеблющее в самой основе расчеты присужденной Исаеву суммы.

Суд установил, что срок договора Исаева с издательством истек еще в мае 1930 года, что ответчик отпечатал книгу в 1931 г. в количестве 200 тыс. экземпляров без согласия на это автора. Поэтому Мосгорсуд за нарушение издательством авторского права применяет штрафную норму тарифа в 150% и присуждает Исаеву 11 470 р. 20 к.

Но при расчете этой суммы суд руководствуется нормой тарифа за один печатный лист и нормой тиража, определенными в несуществующем договоре. Иных оснований для расчета суд не указал.

Таким образом, отвергая существование между сторонами договора и применяя штрафной тариф, на основании постановления Наркомпроса РСФСР 8/VI 1930 года, за выпуск произведения Исаева без договора. Суд одновременно при обосновании размера присужденного базируется на этом договоре. При наличии столь существенного внутреннего противоречия решение не может получить силу закона.

Центральным пунктом спора является вопрос о тираже.

Мосгорсуд отвергает тираж в 25 тыс. экземпляров для 4-го издания книги, принятый за основу расчетов издательством «Сельхозгиз», согласно представленной суду справки бухгалтерии (лист дела 11 и 29).

При исчислении присужденной автору суммы Суд принял за основу тираж в 10 тыс. экземпляров, установленный договором 31/V 1927 г., потерявшим силу к моменту выпуска 4-го издания, согласно утверждения и автора и суда.

При отсутствии договора между сторонами суду надлежало для установления нормы тиража руководствоваться законом 20/XI 1928 г. (СУ 1928 г. № 140, стр. 922) и в случае надобности прибегнуть к экспертизе. Затем надлежало проверить правильность произведенного издательством расчета.

Во всяком случае по конкретным обстоятельствам дела суд должен был внимательно обсудить веские соображения ответчика о применении нормы тиража для массовых пособий технического содержания, на основе постановления Совнаркома 20/XI 1928 г., а также указание ответчика на заключение автором в 1932 году договора на эту же книгу с другим издательством, с оплатой 200 руб. за печатный лист при тираже 50 000 экземпляров.

При установлении нормы тиража суд допустил в решении неустранимое внутреннее противоречие: штрафной гонорар при бездоговорных отношениях и норму тиража по утерявшему силу договору.

Из всего содержания решения при сопоставлении его с имеющимися в деле материалами видно, что Мосгорсуд не обследовал с достаточной полнотой обстоятельств дела, не выяснил действительных прав и взаимоотношений сторон, допустил в решении ряд ошибок, противоречий фактическим обстоятельствам, присудил истцу на 50% больше того, чего истец требовал, при наличии весьма шатких и непроверенных доказательств иска.

Суд не поставил перед собой вопроса о том, что поскольку 4-е издание книги выпущено по истечении срока договора, автор написал к нему предисловие, получил от издательства гонорар в 6 550 руб. в начале 1931 года, когда печаталась книга, сама книга, выпущенная 4-м изданием, в несколько раз превышала объем книги по договору 1927 г. (12.235 печатного листа против 4,25 печатного листа), — то очевидно между сторонами состоялось новое соглашение о выпуске книги 4-м изданием. Это предположение подкрепляется наличием в деле справки к окончательному расчету с автором Исаевым, со ссылкой на договор 9/VI 1930 г. за № 509. Суд оставил это обстоятельство без всякого внимания. Между тем, по совокупности обстоятельств дела, очень вероятно, что в 1930 году сторонами были новированы прежние договорные отношения и что по новому договору издательство произвело с автором в начале 1931 года полный расчет, уплатив ему 6 550 руб.

Спор о гонораре и тираже суду надлежало разрешить тщательно проверив представленные обеими сторонами доказательства.

Суд этого не сделал и вынес необоснованное и неправильное решение.

Президиум Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: «Отменить определение 2-й Судебной коллегии Верхсуда 13/III 1935 г. и дело передать для вторичного рассмотрения в Коллегию Верхсуда по гражданским делам с вызовом сторон и с участием представителя Прокуратуры Союза».

* * *

Нарсуд 42-го участка Ухтомского района Московской области удовлетворил иск Ухтомского рика к Райкову Ивану Григорьевичу и его дочери Зайончковской Клавдии Ивановне об аннулировании регистрационных удостоверений на дачевладении в поселке Михельсон по ул. Володарского за №№ 2 и 4.

Московский облсуд 29/VII 1932 г. решение нарсуда оставил в силе.

Судебная коллегия Верхсуда РСФСР 19/XI 1934 г. отклонила протест Пом. прокурора Республики и оставила в силе решение нарсуда и определение Московского облсуда.

Президиум Верхсуда РСФСР, рассмотрев дело по протесту Прокурора Республики т. Антонова-Овсеенко, не нашел оснований к отмене определения Надзорной коллегии Верхсуда РСФСР и протест отклонил.

Обстоятельства дела заключаются в следующем:

Гр. Райков Иван Григорьевич построил на трудовые сбережения в поселке Михельсон по ул. Володарского две небольшие дачи разме-

ром площади в 30,6 кв. метров одна и 41,8 кв. метров другая.

Меньшую дачу Райков, по его заявлению, продал по домашней сделке в 1920 году своей дочери Зайончковской. Последняя — трудящаяся, член союза с 1916 г., работает по найму с 1916 г. Никаких доказательств этой сделки в деле нет.

Согласно удостоверению Московского уездного совета 11/IV 1924 г. за № 13054 меньшая дача в 30 кв. метров зарегистрирована на имя Зайончковской.

Дача, размером площади 41 кв. метров, зарегистрирована была МУС за № 4198 на имя Райкова (удостоверение 16/IX 1922 г.).

2/VII 1926 г. президиум Моссовета предложил зарегистрировать эту дачу за Райковым.

7/V 1932 г. президиум Ухтомского рика предъявил иск о признании недействительными регистрационных актов на обе дачи. Рик ссылается на выписку из списка ГУКХ НКВД 14/VI 1923 г., в котором под №№ 43—44 две дачи Райкова считаются муниципализированными. Кроме того рик ссылается на бесхозяйственное содержание дач, согласно акту техника коммунотдела рика 19/IV 1932 г.

Райков возражал против иска, указав, что дача за ним зарегистрирована согласно постановлению президиума Моссовета 2/VII 1926 г., после подачи им жалобы на постановление комиссии по демуниципализации, куда была направлена его жалоба из ГУКХ НКВД. Зайончковская тоже возражала против иска, ссылаясь на свой трудовой стаж, на регистрацию на ее имя дачи в 1922 г. О муниципализации дачи она узнала в 1924 г. В момент судебного решения на даче не проживала. В ветхое состояние по ее заявлению дача приведена жильцами.

Райков — пенсионер, инвалид 2-й группы, ему 68 лет, трудовой стаж 35 лет.

Из затребованного Прокуратурой СССР производства Моссовета по дачам Райкова и Зайончковской за 1926 г. видно, что в результате рассмотрения жалобы Райкова 9/IV 1925 г. на включение дач ГУКХ'ом НКВД в списки муниципализированных распоряжением президиума Моссовета дача размером площади 10 × 10 аршин оставлена во владении Райкова и Московскому уездному совету предложено было возвратить Райкову И. Г. отобранный ордер на эту дачу. Одновременно предложено Московскому уездному совету аннулировать документы, выданные Зайончковской на владение дачей размером площади 7 × 10 аршин, так как сделка Райкова с Зайончковской никаких прав для последней на дачу не создала.

Это распоряжение направлено было президиумом Моссовета в Московское управление недвижимыми имуществами и в Московский уездный совет 18/VI 1926 г. за № 346.

Все судебные инстанции, разрешившие дело, не обратили внимания на это постановление Моссовета, а может быть и не знали о нем вовсе, так как производство Моссовета не было затребовано судебными органами, хотя Райков в своих заявлениях на него ссылался.

Акт от 19/IV 1932 г. о бесхозяйственном содержании дач вызывает серьезные сомнения: ответчики его оспаривают, они об акте ничего не знали, Райков удостоверяет, что он произвел капитальный ремонт дач.

Акт составлен в отсутствии дачевладельцев. Процент изношенности дач не может быть решающим моментом для установления бесхозяйственного содержания, а между тем, акт делает выводы о бесхозяйственном состоянии дач в связи с процентом изношенности.

С другой стороны тот же акт удостоверяет, что обе дачи на 19/IV 1932 г. в муниципальный фонд зачислены не были.

Нарсуд Ухтомского района и все вышестоящие судебные инстанции при рассмотрении дела игнорировали распоряжение Моссовета 18/VI 1926 г. о возврате Райкову отобранного ордера на одну дачу размером 10 × 10 аршин в поселке Подосинки (Михельсон), между тем, как это распоряжение является решающим в споре о праве Райкова на эту дачу, поскольку оно последовало по жалобе Райкова на включение его дачи в списки муниципализированных именно ГУКХ'ом НКВД в 1923 г. и свидетельствует об исключении Моссоветом дачи Райкова из этого списка, на точном основании пост. ВЦИК 24/V 1922 г., инструкции НКВД за № 186 и постановления Моссовета 29/II 1924 г. (дача небарского типа, являющаяся жилым помещением владельца — трудящегося).

Поверенный истца Самойлюк очевидно скрыл от суда то обстоятельство, что по вопросу о дачах Райкова в делах Московского уездного совета имеется прямое распоряжение президиума Моссовета 18/VI 1926 г., устраняющее спор о силе регистрационных удостоверений, выданных до 1926 г. на эти дачи. Это предположение очень вероятно в связи с указанием в протесте Прокурора РСФСР т. Антонова-Овсеенко, что Самойлюк за злоупотребления и перегибы в делах муниципализации был снят с должности и осужден.

Таким образом судебное решение в части одной дачи, основанное исключительно на справке из утвержденного ГУКХ НКВД в 1932 г. списка муниципализированных строений в поселке Михельсон, не может остаться в силе, так как Моссовет в 1926 г. из этого списка одну дачу Райкова размером 10 × 10 арш. исключил, оставив в списке муниципализированных меньшую дачу, размером 7 × 10 арш., якобы проданную Райковым Зайончковской.

Бесхозяйственное содержание Райковым этой дачи ничем на суде не установлено, так как представленный поверенным рика Самойлюком акт от 19/IV 1932 г. категорически оспаривался ответчиком и действительно вызывает серьезные сомнения по указанным выше основаниям; других же доказательств в подтверждение бесхозяйственного содержания дачи суду не представлено.

Решение нарсуда в отношении второй дачи, размером площади 7 × 10 аршин, является правильным, поскольку оно не расходится с постановлением Моссовета 18/VI 1926 г. об оставлении этой дачи в списках муниципализированных; входить в обсуждение юридической силы сделки купли-продажи, якобы состоявшейся между отцом и дочерью в 1920 г., нет оснований, так как само существование этой сделки ничем не установлено.

Прокуратура СССР по этим основаниям опротестовала решение нарсуда Ухтомского района 15/VII 1932 г. и все последующие определения судебных инстанций в части аннулирования регистрационного удостоверения на владение Райковым И. Г. дачей размером

10 × 10 аршин в поселке Михельсон по ул. Володарского.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: «Решение нарсуда Ухтомского района и определение вышестоящих судебных инстанций в части изъятия от Райкова И. Г. дачи размером 41,8 кв. метров (10 × 10) в поселке Михельсон Ухтомского района отменить и дело в отношении этой дачи производством прекратить, за отсутствием у Ухтомского рика права на иск».

* * *

Нарсуд по охране труда и производства г. Сталинабада 21 апреля 1933 г. отказал Розановичу А. В. в иске о выплате ликвидкомом Дорстроя Таджикской ССР компенсации по закону 12/VIII 1930 г. Суд присудил Розановичу только зарплату за прослуженное время и компенсацию за неиспользованный отпуск. Об этих суммах спора в момент судебного решения не было.

Кассационная коллегия Верхсуда Таджикской ССР 28/IV 1933 г. решение нарсуда отменила и вынесла новое решение о присуждении Розановичу с ликвидкома Дорстроя компенсаций за отпуск по прослужении трех лет в отдаленных местностях, а в иске о полуторамесячном выходном пособии, компенсации за обратный проезд и в оплате 50% зарплаты за вынужденный прогул Розановичу отказала.

Пленум Верхсуда Таджикской ССР 25/VI 1933 г. решение нарсуда по охране труда и производства с изменением ГКК Верхсуда подтвердил.

Розанович по этому делу обращался с жалобами во все инстанции Таджикской ССР. Из бюро жалоб ЦКК РКИ жалоба Розановича была направлена в Прокуратуру СССР.

Из материала дела видно, что техник Розанович А. В. был приглашен Дорстроем на службу в Таджикскую ССР из Казакстана в 1930 г.

При поступлении на службу Розановичу Дорстроем был зачтен непрерывный стаж службы в отдаленной местности с 3/IV 1930 г.

13/III 1933 г. по Главтрансу был объявлен приказ за № 55 о ликвидации системы Дорстроя с 15/III 1933 г.

Оставшийся за штатом Розанович не был предупрежден о предстоящем увольнении и не был переведен на другую работу в связи с ликвидацией Дорстроя.

Предупреждение об увольнении Розановича последовало лишь 28/III 1933 г.

Приказ об этом № 46-а был проведен задним числом. Закон и п. 109 колдоговора предусматривает предупреждение ИТР за один месяц.

Если считать предупреждением об увольнении приказ о ликвидации Дорстроя за № 55, то днем увольнения надлежит признать 15/IV 1933 г.

После уведомления администрации о законных правах Розановича на компенсацию 2-го апреля был издан задним числом приказ якобы от 31 марта.

3 апреля Розановичу вручается Главдортрансом путевка в Трактороцентр. Ввиду перевода на работу в другую систему на низшую должность и после первоначального приказа о сокращении по ликвидации учреждения Розанович от перевода на эту работу отказался, желая вообще уехать из Таджикской ССР. Так возник судебный спор о компенсациях.

Органы труда во всех своих заключениях признали право Розановича:

1) На компенсацию за льготный отпуск по выслуге полных трех лет в отдаленных местностях дополнительно к полученной компенсации за отпуск.

2) Единовременное выходное пособие в размере полного полуторамесячного оклада содержания.

3) На зарплату за дни задержки расчета по день фактической выплаты зарплаты, считая с 1/VI в размере 50% полного оклада на основании специального постановления НКТ СССР 25/II 1932 г. № 31 и постановления НК РКИ и НКТ Таджикской ССР 16/I 1933 г. за № 2/49.

Право Розановича на компенсацию за выслугу полных трех лет в отдаленных местностях на основании закона 12/VIII 1930 г. никем не оспаривалось и признано Пленумом Верхсуда Таджикской ССР, подтвердившим решение ГКК Верхсуда о присуждении Розановичу с ликвидкома Дорстроя компенсации за отпуск по прослужении трех лет в размере недополученной суммы — 455 р. 52 к.

Увольнение Розановича вследствие ликвидации Дорстроя установлено приказом № 55 по Главтрансу 13/III 1933 г. и приказом Дорстроя 28/III 1933 г. за № 46-а, предупредившим Розановича об увольнении вследствие ликвидации системы Дорстроя (см. приказ № 46-а). Приказ же 31/III 1933 г. за № 48 об откомандировании Розановича А. В. в распоряжение горотдела труда, изданный в изменение приказа № 46-а от 5/III, проведенный задним числом, не может быть признан закономерным, как изданный явно с целью избежания уплаты законных компенсаций Розановичу.

Даже в случае признания силы приказа № 48 31/III 1933 г. администрация ликвидкома Дорстроя не освобождалась от выплаты Розановичу законных компенсаций, так как Инструкция НК РКИ НКТ и Совпрофа Таджикской ССР 14/XII 1932 г. отменена в связи с отменой постановления НКТ СССР 25/XI 1932 г. за № 205.

Просрочка расчета с Розановичем даже в отношении основной зарплаты не оспаривалась; материалами дела установлено, что расчет по основной зарплате последовал не к 1/IV 1933 г., согласно приказа № 46-а, а лишь частями 9, 15 и 17 апреля 1933 г.

Отказ Верховного суда Таджикской ССР в присуждении Розановичу полуторамесячного выходного пособия по ликвидации учреждения и компенсации за вынужденный прогул, согласно постановлению НК РКИ и НКТ Таджикской ССР 17/I 1933 г. за № 2/49 является незаконным, противоречит материалам дела, а также самому постановлению ГКК Верхсуда Таджикской ССР 28/IV 1933 г., непоследовательно присудившей Розановичу часть льготных компенсаций по закону 12/VIII 1930 г., а в другой части отказавшей.

По этим основаниям Прокуратура СССР опротестовала определение ГКК Верхсуда Таджикской ССР 28/IV 1933 г. в части отказа Розановичу в полуторамесячном выходном пособии и компенсации за вынужденный прогул, а также постановление Пленума Верхсуда Таджикской ССР в этой части иска.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: «Отменить определение ГКК Верхсуда Таджикской ССР и постановление Пленума Верхсуда Таджикской ССР в части отказа Розановичу в полуторамесячном выходном пособии и компенсации за вынужденный прогул и дело передать на новое рассмотрение со стадии судебного следствия».

* * *

18/V 1934 года выездная сессия линсуда Пермской ж. д. приговорила начальника станции Мишкино Пермской ж. д. Петухова Василия Васильевича и товарного кассира той же станции Петрова Александра Павловича по ст. 109 УК к трем годам лишения свободы.

Приговор определением Транспортной коллегии Верхсуда СССР 10/VI 1934 г. был оставлен в силе.

Обвинительный приговор линсудом мотивирован доказанностью следующих преступлений Петухова и Петрова:

Погрузка обвиняемыми при невыполнении ответственного государственного плана вне плана в период с 1/I 1933 г. по 1/III 1934 г. 1008 вагонов, в числе которых организации «Заготзерно» предоставлено и загружено 306 вагонов;

за предоставление вагонов вне плана Петухов и Петров незаконно получали разные продукты; в частности Петухов получил 16 кг муки, 2 мешка мучных отходов; Петров получил 64 кг муки, 3 центнера соли;

по тем же основаниям работники станции получили 200 кг муки — отходов и 8 центнеров мучной пыли;

Петухов незаконно представлял к оплате «Заготзерно» ведомости на оплату сверхурочных работ коммерческих агентов станции, по которым и было получено 2422 р. 14 к. и в частности из этой суммы лично Петровым — 586 р. 82 к.;

Петухов за счет «Заготзерно» содержал 4 весовщиков, причем один из них фактически работал в столовой поваром;

Петухов незаконно приобрел брюки и мануфактуру из вещей, переданных в орс для реализации как невостребованные грузы;

Петухов путем выписки лишних продкарточек и получения муки от «Заготзерно» создал фонд продовольствия, который расходовался по его усмотрению; незаконно расходовал штрафные суммы и систематически пьянствовал с клиентурой.

Материалами предварительного следствия и следствия судебного не подвергнуты проверке и ничем не опорочены заявления обвиняемых Петухова и Петрова, что все внеплановые отгрузки производились исключительно с ведома и санкции эксплоатационного района (Дедович, Сомов и другие), ни следствие, ни суд не проверили и не удовлетворили ходатайство Петухова о проверке диспетчерских приказов, а эта возможность имелась. Линсуд в приговоре прямо отмечает, что значительная часть вагонов вне плана была погружена с разрешения района, и следовательно заключение линсуда о виновности в этой части Петухова и Петрова совершенно неосновательно и необоснованно следственными материалами.

Расценивать как уголовное преступление приобретение в очень ограниченных количествах за наличный расчет через магазин орса продуктов питания, полученных от «Заготзерно», неосновательно, тем более, что продукты эти выдавались начальником станции Петуховым ряду рабочих станции по решению треугольника и с ведома управления эксплоатационного района.

Мучные отходы, мучная пыль, остатки сена из-под пресса распределялись без нарядов всем рабочим в том числе и работникам станции, и приобретение их не может рассматриваться как преступление.

Ни следствие, на линсуд не проверили основательность ссылки Петухова на то, что весовщики оплачивались Заготзерно на основании особого договора управления дороги и Заготзерно и, следовательно, поскольку деньги вносились в доход дороги, а не на личный счет начальника станции, обвинение в этой части необходимо отбросить и признать недоказанным.

Следствие и суд не проверили и не опровергнули документов о продаже невостребованных грузов с торгов, а не простой передаче их орсу, что приобретение в орсе Петуховым пары брюк и мануфактуры не может рассматриваться как преступление.

Кроме голословных заявлений некоторых свидетелей никакими данными факт незаконного штрафования пассажиров и расходования штрафных сумм не подтвержден, как равно не установлено ни время ни сумма разбазаренных, если это действительно имело место, средств.

Петухов работал на станции Мишкино с 1/IV 1933 г., и следовательно часть грузов, погруженных вне плана в 1933 г., должна быть отнесена на его предшественников.

Единственным доказанным злоупотреблением Петухова является выпивка и получение с организации «Заготзерно» сверхурочных для коммерческих агентов станции, занятых на оформлении документов «Заготзерно», единичные случаи самоуправной погрузки вне плана двух-трех вагонов и пьянство с клиентурой и за счет клиентуры.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение Транспортной коллегии.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: «Передать дело на новое рассмотрение в Транспортную коллегию Верхсуда».

* * *

11 июля 1933 года нарсуд 2-го участка Бауманского района г. Москвы приговорил Сипко Д. А., ответственного исполнителя Бауманского райобпома, к 5 годам лишения свободы по 2-й части ст. 169 УК, Горбатенко Е. К., счетовода страхкассы, по ст. 19 и ст. 169 УК к 1 году исправ.-труд. работ, Соловьева М. Д., старшего мастера вафельного производства райобпома—по ст. 109 УК к 7 годам лишения свободы; Дожера Н. И., ответственного секретаря райобпома — по ст. 111 УК к 1 г. исправ-труд работ, Черного, заведующего вафельным производством райобпома, по ст. 111 УК к трем годам лишения свободы.

Определением КК Мосгорсуда 8/VII 1933 года указанный приговор был оставлен в силе, а мера наказания осужденному Соловьеву снижена до трех лет лишения свободы.

27/XI 1933 года дело Сипко и др. было рассмотрено президиумом горсуда в порядке надзора, и мера наказания осужденному Черному вместо трех лет лишения свободы была определена в 1 год исправ.-труд. работ.

Прокуратура Союза опротестовала приговор суда и определение Кассколлегии в отношении осужденного Соловьева по следующим соображениям.

По приговору суда Соловьев признан виновным в незаконной покупке муки для нужд вафельного производства у частных лиц, оформлении этих покупок фиктивными счетами и в уменьшении нормы выпечки вафель с целью извлечения личной выгоды.

Материалами дела установлено, что осужденный Соловьев — кустарь, работал в вафельном производстве Бауманского райобпома по индивидуальному договору и являлся старшим мастером этого производства.

Согласно договору Соловьев был обязан материальной ответственностью за качество выпекаемых им вафель, а так как вафельное производство не снабжалось сырьем в организованном порядке, то закупка этого сырья, в частности муки, с разрешения райобпома, производилась Соловьевым на рынке. Естественно, что оформление покупок на рынке было сопряжено с значительными трудностями, так как по вполне понятным причинам продавцы муки могли сообщать неверные о себе сведения.

Поэтому никаких оснований делать выводы о том, что три счета на купленную муку у гр-н Кузнецовой, Пленкина и Тарасова являются фиктивными и составлены Соловьевым в корыстных целях, у суда не имелось.

Что касается уменьшения нормы выпечки вафель, то это обстоятельство ничем по делу не доказано, и суд признал Соловьева виновным по этому пункту обвинения лишь на основании показаний свидетеля Кулькова, работника Мособлпома, который утверждал, что из пуда муки должно выпекаться не 9—10 пачек, а 13—14 пачек.

Суд поверил этому утверждению свидетеля, не удостоверившись, компетентен ли он в вафельном производстве. Из акта же обследования деятельности райобпома, в каковом обследовании участвовал и упомянутый Кульков, видно, что в вафельном производстве райобпома вообще отсутствовали как нормы расхода сырья, так и нормы выпечки вафель. По показанию заведующего производством Черного, никаких злоупотреблений со стороны Соловьева при выпечке вафель установлено не было.

Таким образом достаточных оснований для признания Соловьева виновным по этому пункту обвинения у суда не имелось.

В вафельном производстве имели место такие недочеты (отсутствие норм расхода сырья и выпечки, неудовлетворительная постановка учета), за которые Соловьев как старший мастер этого производства должен был отвечать по ст. 111 УК, т. е. по той статье, по которой был осужден по настоящему делу и заведующий вафельным производством райобпома Черный.

По этому же делу не разрешен также вопрос в отношении обвиняемого по ст. 109 УК Ковшикова М. С., о смерти которого в деле имеется справка места заключения, в связи с чем дело о нем на основании п. 1 ст. 4 УПК подлежит прекращению.

Судебная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: «Действия Соловьева квалифицировать по ст. 111 УК, в соответствии с чем меру наказания определить в два года лишения свободы и за отбытием таковой из-под стражи освободить. Дело в отношении Ковшикова на основании ст. 4 УПК производством прекратить».

* * *

Махонин В. О. состоял кладовщиком колхоза имени «30-й Иркутской дивизии» с 9/IX 1932 г. по 28/XI 1932 г.

В правление колхоза от актива поступили сведения, что Махонин расхищает колхозное зерно.

При проверке работы Махонина и обыске у него в избе было обнаружено 16 пуд. 13 фун. зерна разных культур и муки. Установлено также, что Махонин держал амбары с хлебом незапертыми, что он принимал зерно от возчиков с молотилки без веса, что колхозники имели свободный доступ в амбары и что он в ночное время давал ключ от амбара с зерном сторожу.

На предварительном и судебном следствии факты эти подтвердились. Они установлены объяснениями обвиняемого, показаниями свидетелей Блинова, Мальцева и Самойленко и данными обыска. Свидетель Мальцев на предварительном следствии заявил, что в канцелярии колхоза учет хлеба ведется и что акт передачи кладовых новому кладовщику с учетом недостачи будет закончен к 27/XI 1932 г.

Актом проверки от 25 ноября, составленным Комиссией в составе инспектора милиции, зам. пред. сельсовета, в присутствии члена правления артели Мальцева и кладовщика Махонина, установлено со слов Махонина наличие хлеба в кладовых 161,38 центнеров, а по книгам колхоза 176,75 центнеров. Недостача 15,37 центнера.

В акте отмечено, что кладовщик Махонин **точного количества хлеба в амбарах указать не мог и учета не вел.**

Колхозники имели свободный доступ в кладовые с хлебом.

Махонин акт подписал без оговорки. Махонин — полуграмотный колхозник.

На суде Махонин признал себя виновным в халатности, хищение хлеба оспаривал. Он указал, что амбары не запирались, так как Правление не давало замков, хотя он неоднократно требовал замки, что колхозники имели доступ в амбары с хлебом, что обнаруженный у него хлеб при обыске частью получен им от урожая в огороде, частью получен за сдачу в наем катка для обмолота.

Амбары разбросаны по всему селу на расстоянии километра и больше, весы были только одни, поэтому он хлеб не взвешивал и принимал его на веру.

Акта ревизионной комиссии, который должен был быть составлен по показаниям свидетеля Мальцева, к 27/XI в деле нет. Приемка хлеба с весу не была произведена. Недостача установлена 25/XI без проверки наличия хлеба.

Основным вопросом для квалификации действий Махонина по закону от 7/VIII является доказательство фактов и размер хищений и

недостачи хлеба по проверке кладовых при сдаче их новому кладовщику, но этого акта в деле нет. Между тем, только при наличии акта с установлением точного количества хлеба в кладовых по его весу в натуре можно было установить наличие недостачи.

Доказательств хищений Махониным хлеба в деле нет. Нет также заявлений колхозного актива об имевших место хищениях зерна Махониным. Имеется только ссылка на такие заявления, поэтому приговор основан не на проверенных доказательствах хищений и их размере, а на предположениях и акте контрольной комиссии от 25/XI 1932 г., составленном со слов Махонина о наличии хлеба в амбарах, без его проверки в натуре.

Приговор устанавливает факт получения Махониным авансов в колхозе 2 центнеров хлеба, поэтому возможно предположить, что обнаруженный у него при обыске хлеб не является похищенным из кладовых. Во всяком случае само хищение хлеба из амбаров Махониным не имеет подтверждения в материалах дела, что колеблет силу приговора, с точки зрения требований ст. 320 УПК и соответствующих статей УПК УССР.

По совокупности установленных судом обстоятельств действия Махонина надлежало квалифицировать по ст. 99 УК УССР, особенно если иметь в виду малограмотность Махонина, то, что он был кладовщиком всего в течение трех мес., и его социальное положение — в прошлом бедняк, маломощный середняк и колхозник с 1930 г.

По этим соображениям Прокуратура СССР опротестовала приговор облсуда и определение Кассколлегии облсуда.

Пленум Верхсуда УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: «Приговор Днепропетровского облсуда и определение УКК Коллегии Верхсуда отменить, переквалифицировать действия Махонина по 33 и 170 п. «г» УК УССР и определить ему меру наказания в 2½ года лишения свободы и за отбытием срока освободить».

* * *

Нарсуд 5-го участка области Коми 14/III 1933 г. признал виновным и приговорил по закону 7/VIII 1932 г. к 10 годам лишения свободы Пылаевых Анну и Андрея (отец и дочь).

Пылаева Анна, 21 г., работала с 15/VII по 22/XII 1932 г. зав. почтовым агентством в с. Прокопьевске. При ревизии инструктор райотдела связи Кусчинов обнаружил у Пылаевой недостачу 4 494 р. 39 к. Отец ее Пылаев Андрей, у которого она жила, был признан виновным как ее соучастник в хищении денег.

Областной суд утвердил приговор в отношении Анны Пылаевой и отменил его в отношении Андрея Пылаева, направив его к доследованию.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение облсуда по следующим основаниям.

Нарсуд в своем приговоре указывает, что Пылаев Андрей на протяжении 1932 г. произвел ряд затрат на покупку хлеба, на уплату повинностей и др. Израсходованную сумму на хлеб и повинности нарсуд определяет в 2 180 руб., не считая ее окончательной, так как Пылаев закупил еще ряд вещей. Необходимые средства Пылаев (утверждает приговор) получил от дочери.

Между тем облсуд в своем определении, отменяя приговор в отношении Пылаева Андрея, говорит, что «ни предварительным, ни судебным следствием не установлено участие Пылаева в преступлении».

При этих условиях основной мотив хищений Пылаевой денег: передача их отцу — отпадает, и необходимо установить конкретные преступления обвиняемой.

Приговор нарсуда приводит следующие факты.

Пылаева при выдаче перевода в 110 руб. выдала только 10 руб., остальные деньги присвоила себе, при выдаче перевода сельсовету присвоила 207 руб., Пылаева закупала время от времени мануфактуру, и были случаи, когда она привозила отцу водку.

Вся сумма недостачи за время работы Пылаевой определена ревизором в 4 494 руб.

Если раньше львиная доля этих денег рассматривалась как переданная соучастнику-отцу, то после определения облсуда вся сумма растраты не находит себе оснований в фактах, сообщенных судом.

Если обратиться к отчетам движения сумм, то ежедневные операции сельского агентства никак не дают возможности на протяжении 5 месяцев присвоить около 5 000 рублей, т. е. в среднем по 1 000 рублей в месяц. Такого рода присвоение сразу обратило бы на себя внимание райотдела связи, вызвало бы жалобы заинтересованных лиц.

Между тем, из дела видно, что следствием установлено 3—4 жалобы, а райконтора только уже после увольнения Пылаевой в феврале 1933 г. выявила недостачу.

Судебная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: «Приговор нарсуда и определение кассколлегии облсуда изменить, исключив закон от 7/VIII 1932 г., квалифицировать преступление Пылаевой по ст. 116, ч. II УК, понизив ей меру наказания до 5 лет лишения свободы».

* * *

Корнелюк И. И., зав. бакалейным отделением магазина № 2 ЗРК МСПО, и Кроль Р. Л., зам. зав. бакалейным отделением того же магазина, были преданы суду по обвинению их по ст. 109 УК, в связи с обнаружением у них в отделении недостачи товаров на 3 541 руб. за время с 27/VII по 19/X 1933 г.

При рассмотрении 10/I 1934 г. нарсудом Сокольнического района г. Москвы дела Корнелюка и Кроль, суд вынес им оправдательный приговор.

1/I 1935 г. по протесту Прокуратуры РСФСР, указанное дело было рассмотрено Судебной коллегией Верхсуда, которая признала, что Корнелюк и Кроль должны нести ответственность за недостачу у них товаров, и поэтому приговор Нарсуда от 10/I 1934 г. отменила, с передачей дела на новое рассмотрение.

27/I 1935 г. при вторичном рассмотрении дела Корнелюка и Кроль нарсуд Сокольнического района признал их виновными в преступлении, предусмотренном 1 ч. ст. 116 УК, и приговорил каждого к 1 году исправ.-труд. работ на общих основаниях.

Приговор этот кассколлегией горсуда был оставлен в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение КК Мосгорсуда по следующим основаниям:

Если недостача товаров у Корнелюка и Кроль произошла действительно в результате совершенной ими растраты, то суд назначил им по 1 ч. ст. 116 УК явно нереальное наказание.

Однако сам суд в своем приговоре констатирует, что «хотя фактов злоупотребления с их (Корнелюка и Кроль) стороны не установлено, но и других доказательств они не представили как уважительные моменты, создавшие недостачу, поэтому все эти обстоятельства дают суду основание считать данную недостачу как растрату».

По материалам дела действительно никаких злоупотреблений со стороны Корнелюка и Кроль не установлено, и поэтому суд и не смог привести в приговоре ни одного факта в подтверждение того, почему он рассматривает недостачу у Корнелюка и Кроль как растрату.

На самом деле недостача у них образовалась в результате неудовлетворительно поставленного учета, в результате того, что Корнелюк и Кроль не осуществляли должного наблюдения за работой продавцов, которые занимались хищением товаров, т. е. в результате халатного отношения Корнелюка и Кроль к своим служебным обязанностям, и действия их следует квалифицировать по 111 ст. УК.

Судебная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: «Переквалифицировать действия осужденных Корнелюк Ивана и Кроль Раисы по ст. 111 УК, заменив Кроль Р. Л. назначенную судом меру наказания исправ.-труд. работ по месту работы с удержанием 10%».

* * *

19 сентября 1933 г. нарсуд гор. Баку по ст. 151 УК Азербайджанской ССР (растрата) приговорил: Аванесова и Кеворкян к одному году исправ.-труд. работ каждому и Мартиросова к 3 годам лишения свободы. Приговор этот 5/X 1933 г. Кассколлегией Верхсуда АзССР был оставлен в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор в отношении Мартиросова, считая, что осуждение его по ст. 151 УК является неправильным, так как в его действиях имеются лишь признаки халатного отношения к службе.

Мартиросов заведывал магазином № 4 Каспийского ТПО.

За время с 15/V по 15/VII 1932 г. у Мартиросова образовалась в магазине недостача товаров на 2 811 р. 24 к., впоследствии сниженная до 2 570 р. 15 к.

Эта недостача была начислена на Мартиросова потому, что в магазине № 4 ТПО, имеющем 8 отделений, не были выделены ответственные продавцы.

При таком положении Мартиросов как зав. магазином мог нести за недостачу товаров лишь формальную ответственность. Тем более, что при отсутствии в деле каких-либо указаний о наличии злоупотреблений со стороны Мартиросова никаких оснований для осуждения его по ст. 151 УК не имелось.

Из материалов дела видно, что продавец магазина № 4 Абрамов занимался хищением товаров и присваиванием денег, однако это с необходимой тщательностью проверено не было.

Не было также проверено и то обстоятельство, что Абрамов, выполняя во время болезни Мартиросова обязанности завмага, 15/VII 1932 года расписался фамилией «Мартиросов» на документе о приемке в магазин вина на 2 019 руб. 20 коп., что на следствии Абрамов признал, но затем при рассмотрении дела судом отрицал.

Возвращение дела на доследование для проверки указанных фактов, имея в виду, что недостача имела место в 1932 г., является нецелесообразным, так как в настоящее время едва ли представится возможным установить действительных виновников недостачи.

Что же касается осужденного Мартиросова, то его виновность выражается в том, что он не принял мер к установлению ответственности продавцов во вверенном ему магазине и несвоевременно реагировал на те сведения, которые он получал о злоупотреблениях продавца Абрамова, в результате чего и образовалась недостача товаров.

Президиум Верхсуда АССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: «Переквалифицировать деяния Мартиросова на 146 ст. УК и установить ему в виде меры соц. защиты один год исправ.-труд. работ».

* * *

Приговором Судебной коллегии Верховного суда Узбекской ССР 20/VI 1933 г. осужден был по закону 7/VIII 1932 г. к высшей мере наказания с конфискацией имущества предправления ЗРК связи Клещев Иван Григорьевич.

Постановлением Президиума Верховного суда Узбекской ССР 16/VIII 1933 г. назначенная Клещеву высшая мера наказания была заменена лишением свободы на 10 лет.

Приговор нарсуда и постановление Президиума были опротестованы Прокуратурой Узбекской ССР в Пленум Верхсуда Узбекской ССР, которая не находила в действиях Клещева состава преступления, предусмотренного законом 7 августа.

Постановлением Пленума Верховного суда Узбекской ССР 17/VII 1934 г. протест Прокуратуры Узбекской ССР был отклонен.

Прокуратура Союза опротестовала постановление Пленума Верхсуда Узбекской ССР по следующим основаниям.

Клещеву Верхсуд Узбекской ССР вменил в вину непринятие мер к организации учета товаро-материальных ценностей в ЗРК связи и отсутствие с его стороны контроля за работой завмага и столовой, давшие возможность хищения товаров и приведшие в результате к материальному ущербу в ЗРК связи в сумме 14 738 р. 56 к.

Никаких данных, устанавливающих совершение Клещевым корыстного преступления, ни на предварительном, ни на судебном следствии установлено не было.

Материалами дела совершенно не установлено, чтобы инкриминируемая Клещеву недостача товаров на базе на 8 230 руб. явилась результатом произведенных им растрат или хищений.

Утверждение Клещева о том, что указанная недостача явилась результатом бухгалтерской

путаницы, не было судом надлежащим образом проверено.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: «Переквалифицировать преступление Клещева Ивана Григорьевича с закона 7/VIII 1932 г. на ст. 140 ч. 1 УК Узбекской ССР и меру наказания определить ему в 3 года лишения свободы».

* * *

25/II—1/III 1934 г. нарсуд Ганджинского района приговорил в числе других работников Ганджинского отделения Азторга Самедова Гассана по 145 ст. УК к трем годам лишения свободы.

Кассационная коллегия Верхсуда Азербайджанской ССР приговор нарсуда в отношении Самедова Гассана оставила в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор нарсуда и определение КК Верхсуда Азербайджанской ССР в отношении Самедова Гассана по следующим основаниям.

Самедов Гассан, бывший бухгалтер по торговой части Ганджинского отделения Азторга был признан виновным в том, что он принял для проводки по книгам бухгалтерии не заверенные счета и в отпуске для продажи мануфактуры без соответствующего % накидки, вследствие чего Ганджинское отделение Азторга понесло убыток в 1661 руб.

Из материалов дела видно, что распоряжение об оплате незаверенных счетов подотчетных лиц, поступило от администрации Ганджинского отделения Азторга и они были приняты к оплате главным бухгалтером расчетного отдела Хрущевым. Таким образом у суда не было никаких оснований технического работника Самедова считать ответственным за неправильные действия администрации.

Вопрос о продаже мануфактуры без соответствующего процента накидки, судом исследован с исчерпывающей полнотой не был. В частности, остался невыясненным вопрос, был ли в Ганджинском отделении Азторга калькулятор, в обязанности которого и входила эта работа. И наконец последнее обстоятельство: за неправильную калькуляцию товаров следователем, проводившим по этому делу следствие, была привлечена к уголовной ответственности бухгалтер Обухова.

Суд не добыв в судебном заседании никаких новых данных, неизвестно на основании чего признал виновным в неправильной калькуляции товаров не Обухову, а Самедова.

Из материалов дела видно также, что Самедов неоднократно писал докладные записки в правление Ганджинского отделения Азторга о ненормальной обстановке работы и о ряде неправильных действий со стороны отдельных работников указанного отделения.

Одновременно Прокуратура Союза ССР обратила внимание Президиума Верхсуда Азербайджанской ССР на недопустимо небрежное составление протокола судебного заседания. Показания обвиняемых записаны не полностью, небрежно, отдельные фразы не окончены.

Президиум Верхсуда АССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: «Приговор Кирово-Абазского нарсуда и определение КК Верхсуда в отношении обвиняемого Самедова Гассана отменить и дело о нем производством прекратить».

* * *

5/XII 1934 г. нарсуд 1 уч. Отрадненского района Азово-Черноморского края приговорил по 1 ч. ст. 73 УК к 5 годам лишения свободы председателя пром. кооп. артели «Силикат»— Соколова А. Ф.

Кассколлегия краевого суда переквалифицировала действия Соколова на 2-ю часть ст. 73 УК и определила ему меру наказания в 6 мес. исправ.-труд. работ.

Обстоятельства дела Соколова таковы:

Между Соколовым и председателем райкома союза торговли и кооперации Киктенко установились нездоровые взаимоотношения. Произошло это потому, что Киктенко считал пром. кооперативные организации подчиненными ему по профсоюзной линии, а Соколов против такой точки зрения возражал. Возникшая на этой почве склока между Киктенко и Соколовым привела к возбуждению против Соколова уголовного дела за антисанитарное состояние конторы артели «Силикат», оказание противодействия мероприятиям профсоюзной организации, оскорбление Киктенко и т. п.

За эти действия Соколов и был осужден по 1 ч. ст. 73 УК к 5 годам лишения свободы.

Со своей стороны он представил ряд документов, опровергавших предъявленные ему обвинения, и в частности акт о нетактичном поведении самого Киктенко.

Не только нарсуд, но и Кассколлегия Крайсуда не сумели разобраться в этом, казалось бы несложном, деле и по существу дали Киктенко возможность использовать суд для сведения личных счетов с Соколовым.

В результате спор Киктенко и Соколова о правах профорганизаций, который мог бы быть разрешен без участия судебных органов, явился предметом судебного рассмотрения и, больше того, привел к неосновательному осуждению Соколова.

По протесту Прокуратуры Союза дело Соколова постановлением президиума крайсуда 16/V 1935 г. производством прекращено.

Одновременно Прокуратурой Союза был поставлен вопрос о привлечении к ответственности следователя и прокурора, незаконно предавших суду Соколова, а также народного судью, вынесшего по этому делу явно незаконный приговор.

Решением уполномоченного КПК по Азово-Черноморскому краю бывш. прокурору Отрадненского района — Шкандину объявлен строгий выговор; нарсудья Кожушко с работы снят с запрещением ему работать в течение 2 лет в судебных органах; нарследователь Шишкин исключен из партии, так как помимо неправильного проведения следствия по делу Соколова с его стороны имели место пьянство, дискредитация судебных органов и т. п.

* * *

Врач ночной неотложной помощи Фрунзенского района г. Москвы Магницкая Елена Николаевна приговором нарсуда 6-го участка Фрунзенского района г. Москвы 19-го января 1935 года по ст. 157 была оправдана. Решением от 27/II 1935 года нарсуд 6-го участка того же района отказал в иске Магницкой к райздравотделу о восстановлении в должности и снятии выговора. Это решение определением Мосгорсуда от 19 марта 1935 года было оставлено в силе.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев дело в порядке надзора, постановлением 10/V 1935 г. отменил оправдательный приговор от 19 января 1935 года, решение от 27/II 1935 г. и определение Мосгорсуда 19/III и обратил дела Магницкой к новому рассмотрению, предложив нарсуду в первую очередь рассмотреть уголовное дело по обвинению Магницкой по ст. 157 УК.

Прокуратура СССР, просмотрев дело Магницкой, в порядке надзора, опротестовала постановление президиума Мосгорсуда о направлении дела Магницкой по обвинению ее по ст. 157 УК на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В материалах дела нет достаточных оснований для предания суду Магницкой по ст. 157 УК. Установлено, что врач Магницкая является квалифицированным специалистом, что она чутко и внимательно относилась к больным, являлась исполнительным и аккуратным врачем, никаких жалоб и заявлений на нее от больных не поступало.

При рассмотрении дела Магницкой местным комитетом Снегиревского объединения 11 февраля 1935 года профорганизация дала положительную характеристику Магницкой, признав ее добросовестным и опытным работником и отвергла обвинение Магницкой со стороны администрации в бюрократическом отношении к делу. Профорганизация решила добиваться отмены неправильного приказа администрации и возвращения Магницкой на работу как полезного и опытного врача.

Случай с ребенком Лашивера не может поколебать данной профорганизацией и зав. пунктом неотложной помощи врачем Карагодиной положительной характеристики Магницкой.

Врачебная помощь ребенку Лашивер во время дежурства Магницкой на пункте неотложной помощи была оказана посылкой врача через полчаса с момента первого вызова по телефону. Ребенок находился в течение продолжительной болезни корью, осложненной воспалением легких, под наблюдением профессора и детского врача, в день вызова врача неотложной помощи ребенка возили к профессору. При таких обстоятельствах, установленных опросом по телефону, Магницкая могла вполне добросовестно сделать вывод об отсутствии в данном случае внезапного заболевания или внезапного ухудшения состояния больного и о возможности ограничиться советом по телефону. Добросовестность действий Магницкой при указанных обстоятельствах подтверждается и тем, что на пункте неотложной помощи дежурило по правилам райздрава всего два врача на весь район, из них один должен был все время находиться на пункте для оказания неотложной помощи на месте и для переговоров по телефону. Отказ в выезде врача в отдельных случаях предусматривался и действовавшей в то время инструкцией Мосздрава.

Причинная связь между смертью ребенка гр. Лашивера и оказанием врачебной помощи посылкой врача неотложной помощи через полчаса после первого вызова абсолютно ничем по делу не установлена. Из дела видно, что доктор Жиц, посланный Магницкой к ребенку по требованию отца, явившегося лично на пункт, оказал необходимую помощь и не удостоверил безнадежного состояния ребенка. Вскрытия трупа ребенка и установления врачебной экспертизой факта возможности спасения ребенка при оказании помощи на полчаса раньше произведено не было. Поэтому вывод президиума Мосгорсуда о виновности Магницкой и о необходимости предания ее суду по ст. 157 УК, после проверки нарсудом обстоятельств дела и вынесения оправдательного приговора, ни на чем не основан.

Между тем ясно, что при вторичном рассмотрении дела, с указаниями президиума Мосгорсуда, может последовать только обвинительный приговор.

Действия администрации в отношении Магницкой при указанной выше характеристике и по конкретным обстоятельствам дела исключительно суровы и неправильны. Не затребовав всех объяснений от Магницкой, администрация объявила Магницкой строгий выговор за бездушно-бюрократическое отношение к больному ребенку и подрыв авторитета советского здравоохранения, сняла Магницкую с работы и возбудила против нее уголовное преследование. После оправдательного приговора в отношении Магницкой согласованного решения РКК не состоялось, но рабочая часть месткома РКК и местком в целом решили всемерно защищать Магницкую и добиваться возвращения ее на службу.

Судебная Коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: «Постановление президиума Мосгорсуда от 10/IV 35 г. в части, касающейся отмены оправдательного приговора, отменить, оставив в силе приговор нарсуда от 19/I 1935 г. Постановление президиума МГС об отмене решения и определения КК по гражданскому делу оставить в силе.

Предложить нарсуду Фрунзенского района г. Москвы рассмотреть по существу гражданское дело по иску Магницкой к райздравотделу о восстановлении в должности».

* * *

Президиум Могорсуда, рассмотрев протест прокурора г. Москвы в заседании 17/IV 1934 г., изменил приговор нарсуда Ленинградского участка г. Москвы 11/I 1934 г. в отношении Белова Ивана Михайловича и Иванова Александра Васильевича, переквалифицировав деяния осужденных со 2 части на 1 часть ст. 116 УК и заменив обоим лишение свободы исправ.-труд. работами на один год каждому.

Белов и Иванов обвинялись в растрате 1 774 р. 50 к.

Белов И. М. обжаловал постановление президиума Мосгорсуда городскому прокурору и прокурору РСФСР. Жалобы оставлены без последствий. Белов обратился с жалобой в Прокуратуру СССР.

Белов — квалифицированный рабочий, ударник, с производственным стажем свыше 20 лет, член ВКП(б), был исключен в связи с настоящим делом.

Иванов — член ВКЛСМ, рабочий. Оба они ранее не судились.

Просмотрев дело в порядке надзора, Прокуратура Союза ССР нашла осуждение Белова и Иванова по ч. 1 ст. 116 УК неправильным и подлежащим отмене.

Из материалов дела видно, что Белов и Иванов, не будучи агентами по снабжению, направлены были администрацией первого уча-

стка Мострамвайтреста на заготовку фуража для лошадей участка.

Возложенное на них поручение они успешно выполнили и фураж доставили, отчитавшись в полученных авансах перед бухгалтерией участка.

Сено закупалось осужденными вполне законной, по разрешению Можайского райснаба.

Недоразумение при представлении отчетности получилось в связи с тем, что часть счетов не была заверена сельсоветом, так как последний вопреки предложению райснаба и райпрокуратуры отказался заверить счета.

Суд признал эти счета законными.

Против работников бухгалтерии первого участка службы пути Дружкова, Королевой и Ворошилова было возбуждено уголовное преследование, закончившееся осуждением этих лиц по ст. 111 УК за преступно-небрежное ведение учета и отчетности.

В процессе расследования этого дела, на основании оговора обвиняемой Королевой, Иванов привлечен был к следствию за непредставление отчета в израсходовании 1 381 р. 61 к.

На основании заявления Королевой экспертиза отнесла эту сумму на счет Иванова и Белова, поскольку у них был один общий лицевой счет. Обвиняемая Королева выдвинула против Иванова обвинение в том, что он якобы получил от нее наличными деньгами 1 381 р. 61 к., представив ей на эту сумму счета, которые Иванов ранее сдал главному бухгалтеру Дружкову при своем авансовом отчете, получив от Дружкова расписку в представлении отчета на эту сумму. Расписка эта приобщена к делу. Факт обратного получения Ивановым этих счетов по делу ничем не установлен.

Белова никто в получении этой суммы от Королевой не обвиняет.

Материалами дела устанавливается, что осужденные Белов и Иванов получили всего на заготовку фуража 7 210 рублей. Авансовые отчеты по представленным суду и Прокуратуре СССР документам обвиняемые сдали на 7 243 р. 01 к. Если принять во внимание, что 110 руб. Белов получил на проезд с места командировки и что он не получил от участка пути Мострамвайтреста расчета по командировке, то следует указать, что обвиняемые Белов и Иванов отчитались в полученных авансах полностью. Все суммы сданных в бухгалтерию отчетов подтверждены расписками бухгалтерии.

Сила оговора подсудимой Королевой, осужденной вместе с главным бухгалтером Дружковым по этому делу ст. 111 УК за небрежное ведение учета и хаотическое состояние бухгалтерии, теряет все свое значение в качестве судебного доказательства против осужденного Иванова, так как последующим приговором от 8/VII 1934 г. работники той же бухгалтерии осуждены за корыстные преступления по должности.

Отсюда следует, что при наличии у Белова и Иванова документальных доказательств — расписок бухгалтерии в представлении ими отчета на полную сумму полученных авансов — обвинительных материалов против Белова и Иванова у суда не было.

Самый факт открытия бухгалтерией одного общего лицевого счета на подотчетных лиц Белова и Иванова является грубым нарушением бухгалтерией правил учета. Если бы даже и было установлено, что Иванов ухитрился вторично получить 1 381 р. 61 к. по счетам, которые он однажды уже сдал бухгалтерии под расписку главного бухгалтера Дружкова, то и в этом случае не было никаких оснований для осуждения Белова за непредставление Ивановым отчета, на том только основании, что у них обоих по вине бухгалтерии был общий лицевой счет.

Материалами дела факт двухкратного получения Ивановым 1 381 руб. по одним и тем же документам не подтверждается.

Установлено, что сено заготовлено осужденными Ивановым и Беловым в среднем по 7 рублей за пуд, что говорит о выгодности для участка проведенной осужденными заготовки, что оправдательные документы в сдаче отчетов на полную сумму авансов выданы бухгалтерией на руки Белову и Иванову, что никаких других сумм они не получали и что единственным основанием обвинительного приговора является оговор Королевой Иванова. Экспертиза, проведенная по этому делу крайне неудовлетворительно, также делает вывод о недостаче у Иванова на основании заявления Королевой.

По этим основаниям Прокуратура СССР опротестовала приговор нарсуда Краснопресненского района и постановление президиума Мосгорсуда от 17 апреля 1934 г. в отношении осужденных Белова и Иванова.

Судебная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: «Приговор нарсуда и определение Кассколлегии и постановление президиума Мосгорсуда в отношении Иванова А. В. и Белова И. М. отменить и дело по обвинению их по 116 ст. УК производством прекратить».

Взыскание с них 1 774 руб. в пользу 1 уч. службы пути Мострамвайтреста из приговора исключить.

* * *

29/IX 1933 г. нарсуд 8 уч. Карельской АССР приговорил работников Корбозерского сельпо: Конецкого Ф. А. по ст. 109 УК — к 10 годам лишения свободы; Еремина Е. Г. — по ст. 109 УК к 7 годам лишения свободы; Фомина И. А. по ст. 109 УК — к 3 годам лишения свободы; Павлова М. М. по ст. 109 УК — к 10 годам лишения свободы; Птицына Г. В. — по ст. 111 УК — к 1 году исправ.-труд. работ; Родионова Ф. А. по ст. 10 УК — к двум годам лишения свободы; и Горшкова П. Ф. по ст. 112 ч. 2 УК — к 1 месяцу исправ.-труд. работ.

Гражданский иск Корбозерского сельпо суд удовлетворил — с Конецкого в сумме 1097 руб., с Фомина — 158 р. 85 к., с Павлова — 42Х9 руб. и с Еремина в сумме 792 р. 55 коп.

4/XI 1933 г. Кассколлегия Главсуда в указанный приговор внесла следующие изменения: Конецкому, Павлову и Еремину мера наказания была снижена до 5 лет лишения свободы каждому; Фомину лишение свободы было заменено исправ.-труд. работами.

В отношении Горшкова и Родионова приговор был отменен и дело о них производством прекращено на основании п. 5 ст. 4 УПК.

Виновность осужденного Конецкого приговором была установлена в том, что он, будучи председателем сельпо, незаконно получил 105 руб. за выполненную канцелярскую работу, получил 40 руб. комиссии за продажу товаров

других организаций, незаконно выписал командировочные в сумме 546 р. 42 к.; допустил устройство обедов за счет сельпо, чем причинил сельпо ущерб в 73 руб., незаконно получил мануфактуру и сахара на 22 р. 50 к., необоснованно списал товаров на 431 руб., не принял мер к выяснению виновных в порче мяса на 150 руб., присвоил 25 руб., полученных от рыбаков, допустил недостачу по кассе 355 рублей.

Виновность осужденного Еремина была установлена в том, что он, будучи счетоводом сельпо, халатно относился к ведению учета и отчетности, а кроме того произвел ряд незаконных действий, чем причинил сельпо ущерб в размере 792 р. 55 к.

Виновность осужденного Павлова приговором установлена в том, что он, будучи продавцом Салмозерского отделения сельпо, присвоил сделанную на грибы наценку в 751 руб. и 338 руб. из выручки, полученной от продажи товаров; присвоил ошибочно поступившие к нему товары на 2089 руб.; незаконно возвратил без соответствующего оформления авансы, «полученные от пайщиков», в сумме 1542 руб.; не произвел наценки на проданную рыбу и допустил порчу товаров, всего причинив этими действиями ущерб сельпо в размере 597 р. 08 к.

Осужденные Конецкий и Фомин виновными себя в указанных выше преступлениях не признали, осужденный же Еремин признал себя виновными лишь в неправильной постановке счетоводства.

Инкриминируемые осужденным Конецкому, Еремину и Павлову обвинения относились к периоду до 2 сентября 1932 г.

В конце марта месяца 1933 года в Корбозерское сельпо был командирован счетовод райпотребсоюза Корзин, которому было поручено наладить учет и отчетность в сельпо. К моменту приезда Корзина счетоводство сельпо ограничивалось одной главной книгой, в которой отражались и кассовые операции.

В процессе работы Корзин обнаружил ряд документов, главным образом 1931 года, которые оказались неоприходованными, и в связи с этим решил «заглянуть вглубь счетоводства».

Результатом этого «заглядывания вглубь» явилось обвинение ряда бывших работников сельпо в злоупотреблениях по службе.

Фактическое отсутствие счетоводства, проверка деятельности сельпо и подочетных ему торговых точек, спустя почти полгода после окончания отчетного периода, неминуемо должны были поставить под сомнение выводы в части обвинения отдельных работников сельпо в злоупотреблениях по службе. При указанном выше состоянии счетоводства в сельпо могли иметь и имели место различного рода упущения (неоприходование товаров, оприходование товаров вместо одного отделения на другое и т. п.). Поэтому установить, в какой мере выводы новой ревизионной комиссии (председатель Фофанов) соответствовали действительному положению, не представляется возможным.

Ряд сумм, инкриминируемых осужденным Конецкому, Еремину и Павлову, не может быть отнесен за счет их злоупотреблений, а ряд сумм начислен на них именно в результате дефектов счетоводства в сельпо.

Так, например, в сумме 1097 руб., начисленную на осужденного Конецкого, входят расходы на обеды в сумме 63 р. 78 к., непринятый акт на недостачу сахара и мануфактуры на сумму 22 р. 50 к., стоимость капусты и др. продуктов, списанных за непригодностью, на 432 р. 12 к.; стоимость сахара и печенья в размере 11 руб., выданного ревкомиссии; стоимость испорченного мяса в размере 150 руб.; недостача по кассе в сумме 355 р. 09 к. и др. суммы.

Из изложенного выше следует, что большая часть начисленных на Конецкого сумм не может быть отнесена за счет его злоупотреблений.

В общую сумму 792 р. 55 к., начисленную на счетовода Еремина, вошли 210 рублей, которые были признаны незаконно полученными им в качестве комиссионного вознаграждения за участие в продаже товаров других организаций; 62 р. 68 к., оказавшихся в недостаче по авансовым отчетам; 33 р. 75 к. — сумма непринятого по командировке счета; 127 р. 62 к. — за отпуск товаров колхозу «Северная звезда» без наценки.

Таким образом и на Еремина значительная часть сумм были начислена не в связи с его злоупотреблениями.

Что касается продавца Саллюзерского отделения Павлова, то при его увольнении в сентябре месяце 1932 г. никаких недочетов обнаружено не было. И лишь при последующей проверке на него начислено 4239 р. 90 к., причем в эту сумму вошли — 1542 руб. — авансы, возвращенные Павловым пайщикам без достаточного оформления; 751 р. 31 к. — наценка на грибы, не проведенная по отчетам; 231 р. 15 к. за непроизведенную наценку на проданную рыбу.

Кроме того было выяснено, что товары на 2089 руб., отпущенные продавцу Родионову, были списаны с отчета Павлова. В то же время товар на сумму 338 рублей, поступивший Павлову, был оприходован сельпо на Родионова.

Установить при наличии этой путаницы, какие именно злоупотребления были совершены осужденным Павловым, не представляется возможным, однако не вызывает сомнения, что ряд сумм был начислен на Павлова не в связи с его злоупотреблениями.

При наличии указанных выше дефектов в обвинительном материале против осужденных Конецкого, Еремина и Павлова у суда не было достаточных оснований к осуждению их к чрезмерно строгому наказанию.

По этим соображениям Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение КК Главсуда в отношении осужденных Конецкого, Еремина и Павлова.

Судебная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: «Понизить меру соц. защиты Конецкому, Еремину и Павлову и, ограничившись уже отбытым сроком наказания, из под стражи их освободить».

По союзным республикам

РСФСР

КАК В ЧЕЛЯБИНСКЕ ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ БОРЮТСЯ ЗА ПРОВЕДЕНИЕ КРЕДИТНОЙ РЕФОРМЫ

Циркуляры прокурора Союза ССР 10 мая с. г. № 823 и 14 июня с. г. № 56/8 горпрокуратура г. Челябинска не выполняет.

Предоставим слово фактам:

В первом полугодии 1935 г. горсектор челябинской конторы Госбанка направил в горпрокуратуру 39 дел по обвинению работников хозорганов в нарушении кредитно-кассовой дисциплины (растрата неоплаченных грузов, несдача выручки и т. д.).

Из 39 направленных дел окончено только 3, и все три дела прекращены по мотивам нецелесообразности привлечения в уголовном порядке.

Судьба остальных 36 дел неизвестна, несмотря на неоднократные запросы и личные обращения конторы банка.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что ни одно из возбужденных Госбанком дел не получило своего должного назначения.

В чем дело? Чем объяснить, что из 39 дел ни одно дело не дало эффекта?

Можно подумать, что во всех случаях нарушение кредитно-кассовой дисциплины было настолько малозначительным, что привлечение виновных в этом лиц к уголовной ответственности являлось действительно нецелесообразным.

Чтобы не быть голословным, обратимся к материалам и попытаемся их проанализировать.

По «Челябторгу» возникло 7 дел о растратах неоплаченных грузов поставщиков, сданных на ответственное хранение.

Только по одному из 7 направленных дел горпрокурору еще 2 февраля с. г. было 5 случаев растраты грузов на общую сумму в 1½ млн. руб.

Последующие возникновения уголовных дел в растрате грузов по тому же «Челябторгу» и направление их горпрокурору, как-то: 19/II, 15/IV, 15/V, 25/VI—с. г., говорят о наличии систематического нарушения кредитной реформы, однако из работников «Челябторга» к ответственности никто не привлечен.

Причиной, послужившей к растрате грузов, является запущенность финансового хозяйства «Челябторга».

Растраты грузов имеют место и в других организациях, о которых банк также направлял материалы прокурору.

То, что возбужденные банком 39 дел не дали должного результата, объясняется отсутствием борьбы горпрокурора с нарушителями кредитно-кассовой дисциплины и невыполнением законов в этой части.

Вместо производства расследования по делам, направленным Госбанком, прокуратура направляет их хозоргану, допустившему нарушение кредитной реформы, с предложением дать объяснение по существу вопроса.

5 мая с. г. Госбанк направил прокуратуре дело по обвинению работников «Промснабсбыта» в растрате неоплаченных грузов.

Горпрокурор наложил резолюцию своему помощнику т. Домбровской «Срочно для расследования». Пом. горпрокурора в свою очередь наложила резолюцию: «Нарследователю».

Нарследователь 23/VI с. г. написал отношение «Промснабсбыту», препровождая материал с предложением дать объяснения о причинах растраты грузов.

3 июля с. г. курьер горпрокуратуры случайно попала в юрчасть Госбанка и обратилась с просьбой дать ей адрес конторы «Промснабсбыта», которую она ищет несколько дней и никак не может найти.

В руках курьера была разносная книжка и пачка дел, направленных Госбанком горпрокурору еще больше месяца тому назад, в числе которых были дела работников «Промснабсбыта», Кустпекарни и др.

Комментарии, как говорят, излишни.

С выполнением законов по кредитной реформе в Челябинске обстоит неблагополучно. Нужны реальные, решительные меры.

И. ФЕДОРОВ

НЕПРАВИЛЬНАЯ ОРИЕНТИРОВКА

22 марта 1935 года в органы расследования поступил акт проверки состояния кассы взаимопомощи при ст. Лосиноостровская Сев. жел. дор., по которому была выявлена растрата кассиром Тихоновым 4744 р. 98 к.

Произведенное по делу расследование установило, что Тихонов, состоя казначеем кассы взаимопомощи с 1932 года по 1935 год, выдавал ссуды работникам станции и работникам других организаций, не обслуживаемых месткомом этой станции, по своему усмотрению. Отчетность по кассе Тихонов не вел. Выдачу ссуд он производил по квитанционным книжкам, на обороте которых лица, получавшие ссуды, и расписывались.

Удержания возвратных ссуд с работников станции производились через контору станции, а с работников других организаций, не получавших зарплаты в указанной конторе, списков на удержания Тихонов не давал. В результате часть сумм осталась неистребованной.

Чтобы скрыть следы преступления и покрыть часть недостачи, Тихонов стал прибегать к мошенническим действиям, выразившимся в следующем:

Подделал 4 расчетных ордера на 590 руб. Из этой суммы 190 рублей он выдал, а 400 р. присвоил. Выдав стрелочнице Чудновой 50 руб., Тихонов на ордере написал 150 руб., стрелочнице Житиной выдал 40 рублей, написав в ордере 140 руб. и т. д.

Дважды произвел удержания с рабочих за полученные ими возвратные ссуды. Когда ра-

бочие узнали о двойном удержании, Тихонов, не допуская до скандала, вернул некоторым излишние удержанные суммы.

Тихонов не взыскивал деньги по ссудам, выданным им по своему усмотрению, чем причинил также ущерб кассе взаимопомощи ст. Лосиноостровская в сумме 4357 руб.

По этим основаниям Тихонов, после тщательной проверки и расследования всех обстоятельств дела, производства бухгалтерской экспертизы, на основе сознания самого обвиняемого в растрате 3476 руб. был предан суду по ст. 109 УК, и дело о нем было передано в линейный суд 1-го участка Сев жел. дорог.

В судебном заседании Тихонов вину свою в присвоении и растрате 3476 руб. признал, а в остальном сослался на ряд объективных причин, незаслуживающих какого либо доверия.

Линсуд, отметив в приговоре «учитывая тяжесть содеянного» и личность обвиняемого, а также и то, что в действиях Тихонова наличествуют признаки уголовно-наказуемого деяния, предусмотренного ст. 109 УК и т. д., приговорил его к лишению свободы на 3 года.

Нельзя сказать, чтобы эта мера соцзащиты в соответствии с содеянным (при учете системы расхищения общественных денег, предназначенных для оказания временной материальной помощи железнодорожникам), была слишком суровой. Но все же в Транспортной коллегии Верхсуда Союза нашлись такие сердобольные, мягкие люди, которые и этот приговор признали суровым. Так, указав в своем определении, что «хотя преступления Тихонова являются тяжелыми и приговор линсуда соответствует содеянному, но учитывая, что на иждивении Тихонова находятся два сына инвалида и что Тихонов судится впервые», заменили ему лишение свободы одним годом и.-т. работ с вычетом 10% из заработка.

Вот чем закончилось уголовное дело о систематическом расхищении общественных денег с причинением ущерба в сумме 9000.

Может ли удовлетворить такой исход дела нас, судебных работников, и общественность в лице железнодорожников, узнавших о такой «расправе» пролетарского суда с расхитителями общественной собственности, являющейся священной и неприкосновенной.

Наконец может ли такое определение транспортной коллегии Верхсуда правильно ориентировать линейный суд в части карательной политики по делам о злоупотреблениях с растратой общественных денег, особенно принадлежащих кассам взаимопомощи? Конечно нет. Это дело требует пересмотра судебно-надзорной коллегией Верхсуда Союза с внесением в него соответствующих поправок.

М. ЛЬВОВ

ПРОТИВ ИЗВРАЩЕНИЙ, ЗА РАЗВЕРТЫВАНИЕ ОРГМАССОВОЙ РАБОТЫ СОВЕТОВ

Бакалинский район является одним из экономически сильных районов Башкирии. По всем показателям он мог бы занимать одно из первых мест в республике. Но, к сожалению, в районе очень часто имеют место нарушения революционной законности, которые классовый враг использует в своих интересах.

Урол бывшего председателя рика Свитгазина, снятого за грубое искажение советской демократии и революционной законности, не был учтен руководителями ряда сельских советов.

За последнее время всплыли факты наглого нарушения революционной законности бывшим председателем Урметьевского и Исаметьевского сельсоветов Ардисламовым, бывшим председателем колхоза «Красный боец» Литвиновым, бывшим председателем Ахмановского сельсовета Каримовым и бывшим председателем Каванчинского сельсовета Будановым. Газета «Знамя Ударника» сообщала о их незаконных действиях. Нет надобности перечислять их снова. Нарушители революционной законности, ярые пособники классового врага с партбилетом в кармане получили и еще получат должное наказание. Их урок должен быть учтен всеми. Нужно развернуть широкую массово-политическую работу, развернуть подлинно-большевистскую критику и самокритику с тем, чтобы в корне изжить все имеющиеся недостатки и стать идейными проводниками мероприятий партии и правительства не селе.

Однако болезнь продолжается. Ее нужно лечить самым решительным образом.

Нагайбакский сельсовет и его председатель Смарагдов премированы риком за хорошую работу по мобилизации средств. Заслуживает ли этот сельсовет премий? Нет. Вместо развертывания организационно-массовой работы Смарагдов работает методами голого администрирования, грубо обращается с колхозниками, применяет незаконные штрафы.

За невыполнение хоз.-политкампаний он оштрафовал Ефремова на 50 руб., за неуплату штрафа отобрал у него молодую лошадь. За невывозку хлеба из глубинки оштрафовал Старостина и Кузнецова по 50 руб. и т. п.

Бузюровский сельсовет у середняка-единоличника, инвалида Кутлина отобрал лошадь за то, что он не уплатил 84 р. 80 к. за заем, 10 руб. за лотерейные билеты ОСО, 6 р. 46 к. сельхозналога и 120 руб. культналога. Спрашивается, кто дал право сельсовету штрафовать за неуплату добровольных платежей? Этот же сельсовет неправильно обложил с.-х. налогом кустаря Колесникова. Инспектор райфо Хромых вместо того, чтобы исправить это дело, при переписке протокола добавил от себя: «Закрепить правильность обложения». Колесникова выгнали из дома и отобрали все имущество.

Как положительный пример можно привести работу председателя Ново-Матинского сельсовета, члена БашЦИК Андрияновой. Андриянова вежливо обращается с посетителями. У нее неплохо работают секции и депутатские группы. В помещении сельсовета опрятно, чисто.

При условии оказания практической помощи этому сельсовету риком он может работать еще лучше и явится показательным для всех сельсоветов района.

Решительно искореняя из практики своей работы все плохое, используя положительный опыт, на основе соцсоревнования, сельсоветы должны широко развернуть оргмассовую работу, оживить работу секций и депутатских групп и, включившись в объявленный конкурс по животноводству, по оборонной и культурной работе, показать большевистские образцы в борьбе за успех хозяйственного и культурного роста района.

САГАДИЕВ

УССР

О БЮРО СПРАВОК НАРКОМЮСТА УССР

Комиссия Советского контроля установила, что организованное Наркомюстом УССР Центральное бюро по выдаче справок о судимости систематически вводило в заблуждение административные, судебные и другие государственные учреждения тем, что, имея только частичные данные об осужденных до 1930 г. и совершенно не имея этих сведений с 1930 по 1935 г., Бюро выдало в течение 1930—1935 гг. 445 тыс. справок о судимости и несудимости.

Установлены также факты выдачи заведующим Бюро справок о несудимости лицам осужденным, при наличии в Бюро данных о их судимости.

Наркомюст УССР не руководил работой Бюро и, переведя его и на самоокупаемость, фактически превратил Бюро по выдаче справок о судимости в доходное предприятие.

Комиссия Советского контроля постановила:

1. Заведующего Центральным бюро наркомюста УССР по выдаче справок о судимости Розенгауз Ф. Б. за систематическую выдачу неправильных справок о судимости и несудимости, вводивших в заблуждение государственные организаци, — с работы снять с запрещением занимать ответственные должности в течение 2-х лет.

2. Бывшему заместителю народного комиссара юстиции УССР т. Карасику (теперь прокурору Ивановской области), знавшему о недопустимом состоянии работы Бюро справок и не принявшему немедленных решительных мер к устранению недостатков, — объявить выговор.

3. Заведующему Секретариатом Наркомюста УССР т. Брагину (работает в НКЮ с марта 1935 г.), не принявшему мер к прекращению извращений в работе бюро, — объявить выговор.

4. Предложить народному комиссару юстиции УССР т. Киселеву немедленно ликвидировать центральное бюро по выдаче справок о судимости.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ и ЧИТАТЕЛЕЙ

Журнал „За социалистическую законность“ со следующего номера будет называться ***„Социалистическая законность“.***

ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Право-процесс-судоустройство в капиталистических странах

АНГЛИЙСКИЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС [1]

Два порядка производства. Главным процессуальным моментом, которым отличаются друг от друга два существующих в Англии порядка производства уголовных дел, является обвинительный акт; различаются производство с обвинительным актом, с одной стороны, и суммарное производство — с другой.

В отношении места, которое занимали прежде и занимают теперь в деле отправления правосудия в Англии производство с обвинительным актом и суммарное производство, наблюдается определенная историческая тенденция: все более сокращается круг дел с обвинительным актом, все более расширяется число дел, рассматриваемых в порядке суммарного производства.

1.

Производство по делам с обвинительным актом

Возбуждение уголовного преследования. В Англии существует система так называемого «народного» или общегражданского обвинения: уголовное преследование может быть возбуждено каждым; органы полиции, фактически несравнимо чаще возбуждающие преследование, чем частные лица, **формально** делают это на тех же основаниях, что и частные лица. Долгое время в Англии не было даже подобия прокуратуре. Впервые организация, напоминающая континентальную прокуратуру, но с очень ограниченным полем действия, была создана законом 1879 г. о преследовании преступлений. Согласно названному закону, была создана должность директора уголовного преследования с помощниками в числе не более шести и с особым при нем департаментом.

Согласно правилам, установленным в 1886 г., на обязанности дирекции лежит уголовное преследование: а) по делам о преступлениях, караемых смертною казнью, б) во всех тех случаях, когда раньше преследование возлагалось на солиситора казначейства (напр., по делам о фальшивомонетничестве), в) далее, по требованию генерал-атторнея или министра внутренних дел и, наконец, г) во всех тех случаях, когда, по мнению директора, преступление или обстоятельства его совершения таковы, что преследование его требуется государственными интересами, или когда вследствие трудности дела, или по каким либо иным обстоятельствам представляется необходимой деятельность директора уголовного преследования для обеспечения надлежащего преследования преступника.

Уголовное преследование дирекцией может возбуждаться как по делам, требующим составления обвинительного акта, так и по делам, подлежащим рассмотрению в порядке суммарной юрисдикции.

При отсутствии в Англии такой организации должностного обвинения, которая распространялась бы на все вообще уголовные дела (хотя бы и с некоторыми исключениями), в Англии нет условий для постановки самого вопроса о принципах легальности или целесообразности возбуждения уголовного преследования. Возможность применения принципа легальности, требующего вмешательства должностных обвинителей всякий раз, как преступление им стало известным, исключается с самого начала отсутствием в Англии прокуратуры. Мало того, не только начало легальности уголовного преследования в континентальном смысле неизвестно Англии, но в прямую противоположность этому началу генерал-атторней располагает правом потребовать по любому основанию прекращения всякого уголовного дела, хотя бы по нему уже был утвержден обвинительный акт.

Предварительное расследование. Предварительное расследование дела распадается на а) внесудебное и б) судебное.

а) **Внесудебное расследование.** Внесудебное расследование производится частными лицами и полицией.

Частное лицо может с самого начала поручить ведение дела солиситору (поверенному) по своему выбору. Последний производит расследование дела при содействии полиции. Предполагается, что полиция оказывает в этом случае солиситору такое же содействие, как и в случаях возбуждения уголовного преследования по инициативе правительственных органов. Естественно, что качество расследования в этом случае зависит от того, какими средствами располагает лицо, желающее возбудить перед судом уголовное преследование, и как много денег оно желает истратить.

Само собой разумеется, что, когда расследование предпринимается какой нибудь корпорацией, банком, железной дорогой, торговым предприятием, они могут широко обставить расследование. Наоборот, несостоятельный потерпевший вынужден бывает вовсе отказаться от самостоятельного расследования дела и всецело положиться на полицию, как бы мало в том или другом конкретном случае он ни рассчитывал на энергию с ее стороны.

В огромном большинстве случаев расследование производится органами полиции.

б) **Предварительное судебное расследование дела.** Одно из главных отличий английской уголовно-судебной организации от континентальной заключается в отсутствии фигуры судебного следователя — органа, который сам разыскивает доказательства, а не ограничивается закреплением и проверкой доказательств, представляемых сторонами. Предварительное судебное расследование по делам, проходящим с обвинительным актом, производится одним или несколькими мировыми судьями,

[1] По материалам Института уголовной политики.

полицейским магистратом в столице, «платными» магистратами в других городах — там, где они существуют. Задача предварительного расследования заключается в том, чтобы проверить, располагает ли обвинение доказательствами, достаточными для того, чтобы дело могло быть передано на рассмотрение суда, который должен будет постановить приговор. Технически это выражается словами: суд должен установить «prima facie case».

Обвиняемый присутствует при предварительном рассмотрении дела. В качестве обвинителя может выступать всякое частное лицо и полиция **наравне с частными лицами,** т. е. **формально** с теми же правами, что и частные лица. Обвиняемый и обвинитель могут иметь на суде поверенных, какими могут быть солиситоры или барристэры.

Дело начинается с того, что обвинитель (сам или его поверенный) излагает, какие факты он имеет ввиду установить при разбирательстве дела. После этого производится проверка представленных обвинением доказательств, которая заключается главным образом в допросе свидетелей.

Различаются три вида допроса свидетелей: ***главный допрос***, т. е. допрос свидетеля тою стороною, которою он вызван, **перекрестный допрос,** т. е. допрос противною стороною, и могущий последовать после этого **передопрос** свидетеля стороною, его вызвавшею.

Если по рассмотрении доказательств обвинения судья (или судьи) придет к заключению, что они не дают материала для «судебного дела» или, технически выражаясь, что ими не обосновывается «prima facie case», то он прекращает дело без проверки доказательств, которые могут быть представлены защитою. В противном случае клерк прочитывает обвиняемому, в чем именно он обвиняется, после чего судья обращается к обвиняемому приблизительно с такими словами: «Вы должны знать, что если кто-либо путем обещания выгод или угроз пытался склонить вас к признанию вами вашей вины, то вы не должны на что-либо надеяться или чего-либо бояться. Все, что вы скажете, может получить значение доказательства в вашем деле независимо от каких-либо обещаний или угроз. Хотите ли вы что нибудь сказать в ответ на предъявленное вам обвинение? Вы не обязаны что либо говорить, если вы предпочитаете так поступать, но все, что вы скажете, будет записано и может получить значение доказательства при рассмотрении в суде вашего дела».

На континенте Европы при так называемом смешанном типе процесса допрос обвиняемого входит в число средств раскрытия преступления и преступника. От обвиняемого нельзя домогаться тех или других ответов, но уклоняться от допроса он не может. Иначе в Англии: там нет обязательного для обвиняемого допроса его по существу дела. Обвиняемый, если пожелает, дает показание, не подтверждая его присягою, или допрашивается как свидетель по собственному делу. В этом случае он приносит присягу и допрашивается как всякий другой свидетель.

Если обвиняемый не ссылается на других свидетелей, то после его показания защитник, если он имеется, обращается к суду с объяснениями в пользу обвиняемого. Если же в деле имеются свидетели защиты, то защитник, прежде их допроса, излагает суду, что предполагается подтвердить их показаниями.

После выслушания обвиняемого и допроса свидетелей защиты суд снова взвешивает весь материал и снова решает вопрос, достаточен ли он для направления дела в суд. Не требуется, чтобы проверка всех доказательств была произведена в одном заседании. В случае надобности дело может быть отложено для проверки доказательств, которые не могли быть сразу все представлены. Отсрочка каждый раз не должна превышать 8 дней.

Если суд признает установленным «prima facie case», т. е. что представленные доказательства делают вероятным предположение о виновности обвиняемого, то он делает постановление о направлении дела в суд для окончательного рассмотрения его.

В заключение характеристики производимого магистратом предварительного рассмотрения доказательств следует отметить, что кроме состязательного типа его построения и допущения в нем защиты на равных правах с обвинением, оно отличается от континентального предварительного следствия тем, что по общему правилу производится публично.

Ближе к континентальному типу предварительного следствия то следствие, которое производит коронер при обнаружении мертвого тела. (Оно и по английски называется следствием—inquest, тогда как мировые судьи производят только предварительную проверку — prelimi nary examination). Коронер не только проверяет доказательства, он принимает меры к их розыску без ходатайства сторон и при отсутствии сторон.

В тех случаях, когда коронер рассматривает дело с присяжными заседателями [1], последние, по выслушании показаний, постановляют свой вердикат и своею подписью скрепляют документ, излагающий (поскольку это будет признано ими установленным представленными доказательствами), кому принадлежит мертвое тело, когда, где и вследствие чего последовала смерть, и если причиной смерти было убийство, то кого присяжные считают виновным в убийстве. Если присяжные не придут к единогласному вердикту и меньшинство не будет превышать двух лиц, то вердикт подписывается большинством; если же меньшинство превышает двух лиц, то коронер должен распустить жюри и собрать новое.

Обвинительный акт. Проект обвинительного акта составляется обвинителем.

Когда то обвинительный акт был строго формальным документом, причем всякое отступление от установленных законом требований влекло за собой признание его недействительным. Закон 1915 г. чрезвычайно упростил составление его. Кроме того он установил, что ошибки обвинительного акта могут быть исправлены судьею. И тем не менее составление проекта обвинительного акта, требующее точных юридических сведений, может быть только делом опытного юриста. Комиссиею по составлению судебного наказа выработана трафаретная форма обвинительного акта. Согласно этой форме обвинительный акт должен состоять из трех частей: 1) из вступительной

[1] См. очерк системы судоустройства в Англии. «За социалистическую законность» № 6.

части, в которой указывается, в какой суд он представляется (следовательно, определяется подсудность дела), 2) юридической квалификации преступления и 3) установления фактических обстоятельств, дающих состав преступления.

Проект обвинительного акта по закону 1933 г., как правило, представляется клерку суда, в котором дело должно рассматриваться. Клерк проверяет, соответствует ли он установленным законом требованиям. Убедившись, что требования закона соблюдены, клерк подписывает обвинительный акт. В случае отказа клерка в подписи проекта обвинительного акта, обвинитель может обратиться к председательствующему в суде (или его заместителю); последний, произведя такую же проверку, какую должен был произвести клерк, и признав отказ клерка в подписи неправильным, может распорядиться о том, чтобы клерк подписал проект обвинительного акта. Такое распоряжение для клерка обязательно.

Предъявление подсудимым обвинения и их ответы. Термином «арэйнмент» в Англии называется особая процедура, состоящая из предъявления подсудимым, вызванным в суд, обвинения, выслушивания и занесения в протоколы их ответов. Это — процедура, совершенно самостоятельная, отдельная от того, что мы применительно к нашей терминологии назвали бы судебным следствием. Она производится до составления «скамьи присяжных» для рассмотрения дела по существу.

Если обвиняемый признает себя виновным, то необходимость в проверке доказательств отпадает. Суд постановляет приговор на основании «собственного сознания» обвиняемого.

Составление скамьи присяжных заседателей. Скамья присяжных (малое жюри в числе 12 человек) образуется не для каждого дела в отдельности, а для целого ряда дел, для какого именно количества, это зависит от клерка, на которого возлагается составление скамьи присяжных. Выбираются присяжные заседатели для рассмотрения конкретных дел обычно по жребию; однако, выбор по жребию составляет лишь «узус» — обычный порядок, не предписанный каким-либо законом и допускающий отступления от него (напр. присяжные заседатели вызываются по алфавиту, по одному на каждую букву).

По принесении присяги присяжные заседатели вводятся в особое предназначенное для них помещение (ложу), из которой они не могут выходить без разрешения судьи.

После этого подсудимому предлагается занять место перед судом, и произносится формула, которою дело передается на рассмотрение присяжных: «Члены жюри, стоящий перед вами подсудимый обвиняется в том, что... На предъявленное ему обвинение он ответил отрицанием своей виновности. На вас лежит обязанность, по рассмотрении доказательства, сказать, виновен он или нет».

Судебное следствие и прения сторон. На континенте судебное следствие и прения сторон составляют две самостоятельные стадии производства; в английском процессе они неотделимы друг от друга.

Первым выступает представитель обвинения. Он излагает присяжным сущность дела и указывает, какие доказательства он имеет представить. Затем он вызывает свидетелей, которые, после приведения их к присяге, допрашиваются им, подвергаются перекрестному допросу со стороны подсудимого или его защитника и, если понадобится, снова передопрашиваются обвинителем. Вызываются и допрашиваются свидетели, имена которых означены на обороте обвинительного акта; дополнительные свидетели допускаются только в том случае, если суду и подсудимому своевременно были сообщены их имена и предполагаемое содержание их показаний.

По проверке всех доказательств обвинения прочитываются заявления, сделанные обвиняемым в стадии предварительного производства.

После этого подсудимый или его защитник, если они считают, что представленных доказательств совершенно недостаточно для того, чтобы присяжные заседатели могли вынести обвинительный вердикт, могут изложить суду свои по этому поводу соображения. Судья, если сочтет необходимым, предоставляет обвинителю слово для реплики. Если судья согласится с подсудимым или его защитником, он без рассмотрения доказательств, которые могли бы быть представлены защитою, предлагает присяжным вынести оправдательный вердикт.

Судебное следствие может быть закончено и по инициативе присяжных заседателей без рассмотрения доказательств защиты, ввиду признания доказательств обвинения неубедительными, и без противопоставления им доказательств защиты.

Если судья придет к заключению, что доказательства, представленные обвинением, обосновывают «сильное или вероятное предположение виновности», то дальнейшее течение дела зависит от того, могут ли быть защитою (самим подсудимым или его защитником) представлены какие-либо доказательства, а если могут, то также от того, есть ли у подсудимого защитник или нет.

Если защитою могут быть представлены какие-либо доказательства, кроме показания самого подсудимого, то подсудимый или его защитник могут обратиться к присяжным заседателям с изложением тех обстоятельств, в подтверждение которых они имеют представить доказательства. Затем представляются самые доказательства, после чего подсудимый или его защитник излагают перед присяжными заседателями выводы, какие, по их мнению, вытекают из представленных доказательств. Представителю обвинения принадлежит право возражения (реплики).

Если, по рассмотрении доказательств обвинения, **никаких доказательств** в интересах подсудимого не представляется, то дальнейшее движение дела зависит от наличности или отсутствия у подсудимого защитника:

а) если у подсудимого есть защитник, то подсудимый, по желанию, делает те или другие заявления или дает показание, обвинитель произносит, если найдет нужным вторую речь, защитник отвечает;

б) если у подсудимого нет защитника, то после проверки доказательств обвинения вся процедура суда до заключительных объяснений председателя исчерпывается показанием подсудимого или теми или иными объяснениями его или его обращением к присяжным с просьбой об оправдании.

Таким образом английское право не знает обязательного во всех случаях предоставления подсудимому последнего слова: если после доказательств обвинения были представлены доказательства в интересах защиты, то последнее слово (в виде реплики защите) принадлежит представителю обвинения; если никаких доказательств в интересах защиты, кроме показания подсудимого, не представлено, то последним говорит защитник, и только в том случае, если в интересах подсудимого не было представлено никаких доказательств, и защитника нет у подсудимого, ему принадлежит право последнего слова.

Судья не только может задавать вопросы свидетелям, но имеет право вызвать свидетелей, не указанных ни обвинением, ни защитою и даже без согласия той и другой стороны, если он найдет необходимым это сделать в интересах правосудия.

Заключительные объяснения председательствующего судьи носят название «наставления». В нем он дает разъяснения законов и общих юридических положений, имеющих отношение к делу и нужных для правильного его решения, особо останавливается на вопросе, на ком лежит бремя доказывания того или другого обстоятельства в деле. В английском суде председательствующий судья не должен воздерживаться от высказывания своего мнения по делу; он может, в частности, подчеркнуть отсутствие доказательства, которого можно было бы ожидать с той или другой стороны.

Вердикт присяжных заседателей. Вердикт присяжных заседателей должен быть единогласным. Если присяжным заседателям не удается притти к единогласному решению, о чем они объявляют судье через своего старшину, скамья присяжных распускается, и дело ставится на рассмотрение нового состава присяжных заседателей.

Требование от присяжных заседателей единогласия Энгельс справедливо в свое время называл «противным всей человеческой природе» и «смешным». Указывая, к каким тяжким испытаниям для присяжных приводит это требование на практике, он оговаривал, что «иначе вовсе и не может быть, если пожелать иметь математическую точность в вещах, не допускающих такой точности; в таких случаях непременно впадешь в нелепость или варварство».

Иногда присяжные заседатели постановляют только «специальный вердикт» — именно тогда, когда они разрешают только вопрос факта, оставляя на долю судьи решение вопроса о виновности.

Вердикт присяжных заседателей становится основанием для постановления по нему приговора судьею после того, как он **принят** судьею и занесен в протокол. Судья не обязан принять всякий вердикт, который вынесен присяжными заседателями.

В отличие от суда с присяжными заседателями французского типа судья, не согласный с вердиктом по существу, может предложить тем же присяжным заседателям пересмотреть свой вердикт. Это делается и в том случае, если вердикт страдает каким-либо недостатком (внутренне противоречив, двусмыслен). Если и новый вердикт будет признан судьею неприемлемым, судья может распустить присяжных. Прежде чем принять или не принять вердикт, судья может задать присяжным заседателям тот или другой вопрос относительно того, каким образом они пришли к выводу, который выражен в вердикте (опять черта резкого отличия от континентального права).

Между обвинительным вердиктом и приговором судья предлагает подсудимому указать особые основания, если таковые имеются, по которым приговор о наказании не может быть постановлен. Часто подсудимые пользуются этим моментом для того, чтобы просить судью о снисхождении.

Приговор. Суд, в случае обвинительного вердикта, избирает наказание в пределах, установленных законом. Английское право в большинстве случаев ограничивает судью только максимумом допустимого наказания за каждое преступление, совершенно не стесняя его минимумом.

Апелляция. Апелляция по делам, рассматриваемым при участии присяжных заседателей, урегулирована законом 1907 г. Закон этот знаменовал собою отказ от двух начал английского уголовного процесса, которые веками считались непоколебимыми, а именно: 1) никто не может быть осужден за «преступление»[1] иначе, как по единогласному решению 12-ти своих сограждан и 2) присяжные являются высшими судьями по вопросам факта. Это последнее начало казалось непререкаемым и на континенте. Помимо веры в непререкаемый авторитет суда присяжных, оно обосновывалось еще тем соображением, что присяжные заседатели выносят свои вердикты по внутреннему убеждению, не мотивируя их, чем исключается возможность их проверки.

Апелляция по закону допускается только со стороны осужденного. По исключению (о нем сказано ниже) дело может быть передано на рассмотрение апелляционного суда министром внутренних дел, но также лишь в интересах осужденного.

Закон различает 1) апелляцию против осуждения (а следовательно и против приговора, так как отмена обвинительного вердикта присяжных, как само собой разумеется, влечет за собой и отмену приговора судьи) и 2) апелляцию против приговора судьи. С другой стороны, проводится различие между апелляцией по фактическим и юридическим основаниям.

Только в том случае, если осужденный находит **осуждение** его неправильным по правовому основанию, он может жаловаться без особого на то разрешения. Если же осужденный находит состоявшийся против него вердикт неправильным по фактическому основанию, или по основанию фактическому и юридическому вместе, то апеллировать он может только с позволения апелляционного уголовного суда или по удостоверению судьи, решавшего дело, о том, что дело является «пригодным для апелляции».

Апелляционный суд или оставляет жалобу без последствий или постановляет свой приговор по делу. При этом при апелляции на осуждение он может или отменить обвинительный вердикт и постановить оправдательный приговор или утвердить вердикт в одной части, отвергнув его в другой. Апелляционный

[1] От «преступлений» давно отличаются проступки, подсудные судам суммарной юрисдикции.

суд может также признать подсудимого виновным по такому пункту обвинительного акта, который был отвергнут присяжными заседателями, но при этом он не может назначить наказание более строгое, чем то, которое уже было назначено в первой инстанции. Это значит, что при апелляции на осуждение приговор апелляционной инстанции никогда не может ухудшить положение осужденного (выражаясь техническим термином, reformatio in pejus в этом случае недопустимо).

Напротив, при апелляции на приговор судьи, апелляционный суд, если он отменит приговор первой инстанции, постановляет вместо него другой приговор — как говорит закон, «или более или менее строгий, какой найдет соответственным» (ст. 4 п. 3).

Вторая апелляция. Английское право не знает института кассации. Приговор апелляционного уголовного суда может быть также пересмотрен в апелляционном порядке, но в одном исключительном случае, а именно: «если в каком-либо деле директор уголовного преследования, обвинитель или обвиняемый получат удостоверение от генерального атторнея, о том, что решение уголовного апелляционного суда заключает в себе вопрос права чрезвычайной важности, и что, с точки зрения публичных интересов, представляется желательным, чтобы была принесена дальнейшая апелляция, то каждый из них может апеллировать на это решение в палату лордов».

Апелляционный пересмотр ввиду обнаружения новых обстоятельств. Английское процессуальное право не знает особого, отличного от апелляционного, порядка пересмотра уголовных дел ввиду открытия новых обстоятельств.

Однако министр внутренних дел, при рассмотрении прошения об осуществлении королем права помилования, может, если признает это целесообразным, направить дело вместо порядка помилования, к новому пересмотру его в апелляционном порядке. Сделать это он может в любое время.

Обратная сторона процессуальных гарантий в английском праве. В заключение рассмотрения порядка производства дел с обвинительным актом нельзя не отметить, что было бы ошибочно переоценивать реальное значение тех многочисленных процессуальных гарантий, которые в нем установлены в интересах обвиняемого. Англо-американская доктрина насчитывает девять основных прав-гарантий обвиняемого, а именно: 1) право быть поставленным в известность о предмете и основании обвинения, 2) право иметь защитника, 3) право на гласный и скорый суд, 4) право на добросовестное и беспристрастное жюри, 5) право давать показание в свое оправдание и не быть принуждаемым к показанию против самого себя, 6) презумпция невиновности и право быть осужденным лишь при отсутствии разумного сомнения в виновности, 7) право очной ставки со свидетелем, показывающим против обвиняемого, 8) право не быть дважды подвергнутым опасности осуждения за одно и то же деяние, 9) право на вторую инстанцию.

Кроме этих основных гарантий, немало есть других, менее существенных. Но, как весьма справедливо замечает Франквилль, эти гарантии напоминают прекрасные советы врача (не утомляться, хорошо питаться, дышать свежим воздухом), которые приносят существенную пользу богатым, но которые звучат насмешкой для бедных.

Стесненный процессуальными формами обвиняемый, если ему не обеспечена формальная (т. е. через особого представителя) защита, бессилен перед средствами юридической техники, которыми владеет обвинитель. Именно это наблюдение дало Энгельсу повод заметить, что формы, установленные для защиты подсудимого, обращаются против него, если он слишком беден.

2.

Производство в судах суммарной юрисдикции. О порядке производства по делам суммарной юрисдикции в первой инстанции здесь достаточно сказать, что в общем он такой же, какой бывает в «полицейских судах» при предварительном рассмотрении дела, с той разницей, что цель производства в данном случае — не решение вопроса о направлении дела в суд для постановления по нему приговора, а самое постановление приговора.

Апелляция по делам суммарной юрисдикции. Основным видом пересмотра решений судов суммарной юрисдикции является апелляционный пересмотр их судами четвертных сессий.

Апелляция на справедливые приговоры, если не считать некоторых особо предусмотренных статутами исключений, не допускается.

Апелляция на обвинительные приговоры поставлена в зависимость от наказания, к которому присужден обвиняемый.

До последнего времени только ничтожный процент осужденных подавали жалобы на приговоры судов суммарной юрисдикции. Это находило себе объяснение вовсе не в том, что огромное большинство осужденных оставались довольными приговорами, а в той денежной ответственности, которая падала на осужденного в случае оставления его жалобы без последствий, и в том имущественном обеспечении этой ответственности, которое требовалось от апеллятора. В среднем это обеспечение определялось в 50 ф. стерлингов. Апеллятор должен был или представить эту сумму в качестве залога, или гарантировать ее уплату, в случае оставления жалобы без последствий, представлением поручительства.

Адвокат Тэртон, выступавший в палате общин в качестве докладчика по проекту нового (1933 г.) закона об апелляции по делам суммарной юрисдикции, закончил свою речь словами: «Англия — великая демократия, но что касается апелляционного обжалования приговоров судов суммарной юрисдикции, то в этом отношении ею принята система, которая была бы осуждена при любой форме правления, кроме плутократии».

По проекту закона, доложенного Тэртоном, предполагалась отмена материальных условий, ставивших обжалование приговоров судов суммарной юрисдикции в зависимость от денежных средств осужденного. Однако, в дальнейшем движении проект претерпел изменения. В результате размер ответственности, падающей на апеллятора в случае оставления его жалобы без последствий, должен быть по новому закону значительно меньше, чем тот, который устанавливался судом при прежней редакции закона, но все же возможность обжа-

лования ставится в зависимость от того, может ли обвиняемый представить гарантию выполнения обязательства, принимаемого им на себя при подаче апелляционной жалобы. По прежнему закон сохранил свой плутократический характер.

Но этого мало. Палата лордов сочла необходимым воздвигнуть плотину против наплыва апелляционных жалоб в виде предоставления судам четвертных сессий права изменения приговора по жалобе осужденного в любую сторону, т. е. в стороны как уменьшения, так и отягчения его ответственности.

ОРГАНИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ЯПОНИИ[1]

I.

Япония является буржуазно-помещичьим государством. Японский суд есть часть бюрократического аппарата самодержавной монархии микадо, прикрытой лжеконституционными формами. Он играет крупную роль в деле подавления трудящихся масс японского народа. Общее количество осужденных японскими судами в 1930 г., по официальным данным, было 286 127 чел., в то время как в 1926 г. их было 213 084, т. е. почти на 35% меньше. Организация судебной власти Японии определяется конституцией 1889 г., положением о судоустройстве 1890 г., уголовно-процессуальным кодексом 1923 г. и законом о суде присяжных 1923 года.

В японской конституции судебной власти посвящена специально пятая глава.

Ст. 57 устанавливает, что «судебная власть осуществляется судами имени императора».

Несменяемость судей провозглашается ст. 58 конституции:

«Судьями могут быть назначены лишь те лица, которые удовлетворяют качествам, требуемым законом. Ни один судья не может быть отрешен от своей должности иначе, как за деяния, наказуемые по приговору уголовного или дисциплинарного суда. Правила дисциплинарного производства определяются законом».

Эта статья выражала одно из основных буржуазных требований в организации судебной власти. Ею создается и поддерживается фикция о «независимости» суда, которую неоднократно разоблачали и Маркс и Ленин. Политический смысл рассматриваемого «принципа» организации суда прекрасно вскрывает Ленин в следующих словах: «Несменяемость же судей, с которой так носятся либеральные буржуа вообще и наши, российские в частности, есть лишь раздел привилегий средневековья между Пуришкевичами и Милюковыми, между крепостниками и буржуазией»[2]. Японская конституция лишь фиксировала в ст. 58 этот раздел «привилегий средневековья» между «крепостниками и буржуазией». Получив доступ на судейские кресла, японская буржуазия защищала себя «принципом несменяемости» от феодальной японской бюрократии. Впрочем и феодальная бюрократия, как мы увидим ниже, не забыла защитить себя в конституции от представителей буржуазии, допущенных к выполнению судебных функций.

Ст. 59 конституции провозглашает публичность судебного процесса, но сопровождает это такими оговорками, которые сводят на-нет эту «конституционную гарантию».

«Разбирательство дел в судах и объявление приговоров должно быть публично. Но если есть основание опасаться, что гласность может повредить общественному спокойствию и порядку или оскорбить общественную нравственность, то гласность судебного разбирательства может быть устранена согласно предписанию закона или постановлению суда».

Суды используют это постановление конституции для того, чтобы свою расправу с японскими революционерами, попавшими в руки «правосудия», творить по возможности при закрытых дверях. В полной тайне был проведен в Японии в 1911 г. известный политический процесс о «заговоре Контоку»; той же политики держится и теперь нередко японский суд в процессах по обвинению в участии в коммунистическом движении.

Ст. 61 содержит крайне важное постановление об ограничении судебной компетенции общегражданских судов: «Суды не могут входить в рассмотрение исков, касающихся нарушения прав незаконными действиями административных властей и подлежащих ведению административных судов, учрежденных специальным законом».

Комментаторы японской конституции указывают, что этим постановлением стремились утвердить «независимость административной власти от судебной». Политически это означало провозглашение безнаказанности полицейского произвола больших и малых агентов самодержавной монархии. Японская бюрократия устанавливала этим для себя «конституционные гарантии»... безответственности за самые вопиющие злоупотребления властью.

Согласно конституции японскому императору принадлежит право амнистии, помилования и смягчения наказания (ст. 16).

II

Судебная система Японии состоит из следующих судов: районный суд, окружной суд, областной, апелляционный суд, верховный суд. При каждой судебной инстанции имеется соответствующая прокуратура. Главой всей судебной системы и прокуратуры является министр юстиции.

Низшая судебная ячейка в Японии — единоличный районный судья. Районный судья является одновременно судьей и по гражданским и по уголовным делам.

Компетенция районного суда в уголовных делах определяется ст. 16 «Положения о судоустройстве». Районный суд рассматривает следующие уголовные дела: 1) все преступления, за которые устанавливается наказание в виде ареста или штрафа до 20 иен; 2) все кражи, по которым не требуется проведения предварительного следствия; 3) приобретение вещей, добытых путем кражи, а также присвоение потерянных вещей; 4) преступления, предусмотренные в уголовном кодексе ст.ст. 130 (незаконное вторжение в чужое владение), 175

[1] По материалам Института уголовной политики.

[2] Ленин, т. XXX, стр. 195.

(распространение безнравственных сочинений или изображений), 185—187 (добывание денег путем азартных игр или незаконных лотерей), 209 (неосторожное причинение телесного повреждения) и покушение на незаконное вторжение в чужое владение; 5) все преступления, по которым установлено наказание не свыше одного года каторги или тюрьмы или не свыше 300 иен штрафа.

Министр юстиции имеет право те или иные уголовные дела полностью или частично изъять из компетенции одного районного суда и перенести их на рассмотрение другого районного суда того же округа.

При каждом районном суде находится районная прокуратура. Обязанности прокурора при районном суде могут выполнять полицейские чиновники, офицеры и унтер-офицеры жандармерии и лесные чиновники. Министр юстиции может уполномочить выступать в качестве прокурора при районном суде отдельных судей, судебных практикантов или представителей районной, городской или деревенской администрации. Приговоры районного суда могут быть обжалованы в окружной суд.

Окружной суд является коллегиальным коронным судом. Он имеет одно или несколько гражданских и уголовных отделений. Каждый окружной суд возглавляется его председателем. Во главе каждого судебного отделения стоит директор. Окружной суд действует в составе коллегии из трех лиц. Министр юстиции ежегодно возлагает в каждом окружном суде на одного или нескольких судей обязанности производства предварительного следствия по уголовным делам, входящим в компетенцию этого суда.

При разборе уголовных дел окружной суд действует в качестве первой или в качестве второй инстанции.

В качестве суда первой инстанции компетенция окружного суда по уголовным делам распространяется на все дела, которые не входят в компетенцию районного суда или в особую компетенцию высших судебных органов.

В качестве суда второй инстанции компетенция окружного суда по уголовным делам распространяется на рассмотрение апелляционных жалоб, принесенных на приговора районного суда, и на рассмотрение обжалований частных определений и распоряжений районного суда, поскольку такое обжалование допускается законом.

При каждом окружном суде существует окружная прокуратура. Она возглавляется первым прокурором, который руководит всей работой прокуратуры и осуществляет надзор за деятельностью отдельных прокуроров данного судебного округа.

Приговоры и решения окружного суда могут быть обжалованы в областные суды.

Областной суд является также коллегиальным коронным судом. В его состав входят одно или несколько гражданских и уголовных отделений — сенаты. Каждый областной суд и каждый сенат возглавляются специальными президентами. Сенаты областных судов работают в составе коллегии из пяти лиц.

В компетенцию областных судов входит рассмотрение апелляционных жалоб, принесенных на решения окружных судов, действовавших в качестве первой инстанции, рассмотрение кассационных жалоб, принесенных на решения окружных судов, действовавших в качестве второй инстанции, а также рассмотрение жалоб на частные определения и распоряжения окружных судов, поскольку такое обжалование разрешается законом. На территории Японии действует семь областных апелляционных судов в Токио, Осаки, Нагасаки, Саппоро, Нагоя, Хирошима и Сендай.

При каждом областном суде находится областная прокуратура. Ее возглавляет старший областной прокурор, который руководит всей работой прокуратуры и осуществляет надзор за деятельностью отдельных прокуроров.

Верховный суд является высшим судом страны. В состав верховного суда входят несколько отделений (сенат), по гражданским и уголовным делам. Верховный суд и его сенаты возглавляются специальными президентами. Верховный суд действует в составе коллегии из семи лиц. Верховный суд является окончательной судебной инстанцией для кассационного обжалования приговоров областных судов, действующих в качестве апелляционной инстанции, а также для жалоб, принесенных на частные определения областных судов.

Кроме того, верховный суд действует в качестве суда первой и последней инстанции по политическим преступлениям, предусмотренным ст.ст. 73, 75, 77—79 действующего уголовного докеса[1], и по всем преступлениям, совершенным членами царствующего дома, если за эти преступления уголовный кодекс угрожает тюрьмой или более суровым наказанием.

Местонахождение верховного суда является г. Токио.

Толкование закона, высказанное верховным судом, при разрешении какого-либо конкретного дела, обязательно для нижестоящих судебных органов лишь при разборе данного дела. Когда при кассационном разбирательстве сенат верховного суда выносит решение, противоречащее его прежним решениям, то он обязан поставить об этом в известность президента верховного суда. Последний в зависимости от характера дела созывает пленум всех членов уголовного или гражданского сената, или того и другого вместе для общего обсуждения дела и вынесения по нему определенного решения.

При верховном суде имеется своя прокуратура. Она возглавляется генерал-прокурором, который вместе с тем является и главой всей японской прокуратуры. Генерал-прокурор непосредственно руководит работой прокуратуры при верховном суде.

III.

Допущение к занятию должности судьи или прокурора может последовать по общему правилу лишь после прохождения двух специальных конкурсных испытаний. Такие испытания не требуются для лиц, которые были в течение трех или больше лет адвокатами или же профессорами юридических факультетов одно-

[1] Ст. 73 УК предусматривает посягательство на императора, императрицу, наследника престола, мать и бабушку императора, ст. 75 УК предусматривает посягательства на членов царствующего дома, ст.ст. 77—79 УК предусматривают участие в восстании против существующего строя.

го из императорских университетов. Лица, окончившие в университетах курс юридического факультета, могут быть назначены без прохождения первого испытания на должность судебных практикантов.

Президент верховного суда назначается из числа высших судебных чинов непосредственно императором. Президент каждого областного суда и президент сенатов верховного суда назначаются императором по представлению министра юстиции из числа высших судебных чинов. Все остальные судьи непосредственно назначаются распоряжением министра юстиции.

Для того чтобы быть назначенными на должность судьи областного суда, необходимо пробыть не менее пяти лет судьей, прокурором, адвокатом или профессором юридического факультета одного из императорских университетов. Для того чтобы быть назначенным на должность судьи верховного суда, требуется десятилетний стаж работы судьей, прокурором, адвокатом или профессором юриспруденции.

Судьи в продолжении своей служебной деятельности не должны: 1) публично заниматься политикой, 2) быть членами политических партий, политического общества и членами представительных учреждений страны, провинции округа, города или сельской общины, 3) занимать какие-либо публичные платные должности, 4) заниматься торговлей или другими профессиями, которые специальными распоряжениями запрещены государственным чиновникам. Эти положения японского государства должны обеспечить «беспристрастие» японских судей. Впрочем, это нисколько не мешает им с чрезвычайной мягкостью относиться к фашистским убийцам и со всей свирепостью обрушиваться на лиц, питающих хотя бы самые отдаленные симпатии к коммунистическим идеям.

В развитие японской конституции, провозгласившей «несменяемость» судей, положение о судоустройстве содержит ряд специальных постановлений. Назначение на должность судьи является пожизненным. Судья без его согласия не может быть переведен на другую государственную службу. Он не может быть ни снят со своей должности на определенное время, ни получить полную отставку со службы иначе как в результате возбужденного против него уголовного или дисциплинарного производства.

Назначение прокуратуры, так же как и назначение судей, находится в полном распоряжении министра юстиции. Генерал-прокурор при верховном суде и старшие прокуроры областных судов назначаются императором по представлению министра юстиции из числа высших членов прокуратуры. Все остальные прокуроры назначаются непосредственно распоряжением министра юстиции. Прокуроры не должны вмешиваться в деятельность судей и не могут выполнять никаких судейских обязанностей.

Увольнение прокурора от должности может быть произведено самим министром юстиции, так как чины прокуратуры не пользуются привилегией судебной несменяемости. Генерал-прокурор, старший областной прокурор и первый прокурор окружного суда могут, если найдут это необходимым, лично заниматься всеми вопросами, входящими в компетенцию прокуратуры соответствующего суда. Они имеют также право передавать какие-либо обязанности одного прокурора другому прокурору. Судебная полиция обязана выполнять все распоряжения прокуратуры, изданные в пределах ее компетенции.

Министерство юстиции или прокуратуры, с одной стороны, и министерство внутренних дел или провинциальная администрация, с другой стороны, должны по взаимному соглашению выбрать тех политических чиновников, которые в округе каждого суда берут на себя исполнение обязанностей судебной полиции.

Министр юстиции назначает сам не только всех прокуроров и судей, но и судебных секретарей. Чтобы получить звание судебного секретаря, требуется сдача специального испытания по программе, установленной министерством юстиции. Министром юстиции назначаются и судебные исполнители. Министр юстиции может передать президенту областного суда свое право назначать судебных исполнителей для всех судов данной области. На должность судебного исполнителя назначаются лица, прошедшие специальное испытание. Судебный исполнитель получает за каждое служебное действие специальное вознаграждение. Если общая сумма его сборов не доходит до определенных размеров, то ему доплачивается эта разница. Судебные исполнители выполняют предписания судебных секретарей.

IV

Заседание суда происходит публично. Публичность судебного процесса, как мы видели, гарантирована конституцией. Однако ею же гарантировано и исключение из этого правила. По положению о судоустройстве суд при закрытии дверей судебного заседания во время процесса должен об этом решении сообщить присутствующей в зале публике и указать основания закрытия дверей суда. Приговор суда должен быть объявлен всегда публично. Председательствующий имеет право допустить отдельных лиц для присутствия в зале судебного заседания тогда, когда судебный процесс проходит при закрытых дверях. При публичном судебном разбирательстве председательствующий может удалить из залы суда женщин, детей и лиц, одетых неподобающим образом. Причины удаления должны быть отмечены в судебном протоколе. Председательствующий может также удалить из заседания лиц, мешающих производству дела или ведущих себя непристойно. Он может этих лиц подвергнуть аресту до конца заседания и наложить на них после этого штраф или подвергнуть их аресту сроком на пять дней. Председательствующий может лишить адвоката, непристойно отзывающегося о суде, права продолжать свою дальнейшую защиту по делу.

Японский суд и прокуратура возглавляются министром юстиции. Министр юстиции осуществляет свое право по управлению судебными учреждениями через президентов всех коллегиальных судов, районных судей, генерал-прокурора, старшего прокурора областных судов и первых прокуроров окружных судов. Осуществление надзора за деятельностью судебных учреждений происходит по следующим правилам: 1) министр юстиции осуществляет надзор за всеми судами и всей прокуратурой; 2) президент верховного суда осуществляет надзор

за всей деятельностью верховного суда; 3) президент областного суда осуществляет надзор за деятельностью областного суда и всех нижестоящих судов данной области; 4) президент окружного суда осуществляет надзор за деятельностью окружного суда, его финансовых отделений в других местах и за всеми судами, находящимися в его округе; 5) районный судья осуществляет надзор за деятельностью судебного секретаря и судебного исполнителя; 6) генерал-прокурор верховного суда осуществляет надзор за деятельностью всей нижестоящей прокуратуры; 7) старший прокурор областного суда осуществляет надзор за деятельностью прокуратуры этого суда и за деятельностью прокуратуры всех судов, входящих в данную область; 8) первый прокурор окружного суда осуществляет надзор за деятельностью прокуратуры этого суда и за деятельностью всей прокуратуры, находящейся в данном округе.

В чем выражается право надзора за деятельностью суда и прокуратуры перечисленных выше лиц?

Оно состоит, во-первых, в праве делать нижестоящим судебным чинам указания на их неудовлетворительные или незакономерные действия и давать директивы о правильном порядке их деятельности. Надзор выражается, во-вторых, в праве делать нижестоящим судебным чинам внушения по поводу всего их служебного или неслужебного поведения, если оно не отвечает требованиям и достоинству занимаемой им должности. Перед тем как сделать такое внушение, от провинившегося чиновника, требуют объяснений по поводу предъявленных ему обвинений. В более серьезных случаях виновный подлежит дисциплинарной ответственности.

Японское положение о судоустройстве специально оговаривает, что надзор за судебной деятельностью не должен ограничивать права судьи по выполнению его судейских обязанностей, ни влиять на содержание его деятельности. Однако права по надзору министра юстиции за японскими судами противоречат этим добрым пожеланиям. Он является завершением общей бюрократической формы организации судебной власти в Японии. Способы подбора и назначения судей властью министра юстиции ясно показывают, что японские судьи—это судьи-чиновники, находящиеся в полном распоряжении правящей бюрократии. Само японское судоустройство красноречиво разоблачает провозглашенную японской конституцией фикцию «независимости» суда: министр юстиции открыто вмешивается своими циркулярами в деятельность японского суда. В качестве примера этого можно указать установление таким путем «административных гарантий» в отношении уголовного преследования японских бюрократов в тех многочисленных случаях, за которые они подлежат уголовной ответственности по уголовному кодексу. Циркуляр министерства юстиции еще в 1920 г. предложил, чтобы дела о предании суду всех более или менее крупных чиновников возбуждались лишь после предварительной санкции на то министра юстиции.

Японский судебный аппарат является послушным орудием в руках господствующих классов и правящей бюрократии. Он вспоминает о своей «независимости» лишь в редких случаях, когда дело непосредственно касается их кармана. В 1931 г. государственным служащим в Японии было произведено общее понижение жалования для сокращения государственных расходов. Японские судьи вспомнили о своей «независимости» и, несмотря на «патриотические» мотивы производимого снижения зарплаты, потребовали для себя изъятия из общего правила. Это «движение» японских судей возглавили токийские судьи. Правительство в конце концов признало независимость жалования японских судей от судьбы зарплаты всех других чиновников. Этим «принципиальные» споры о «независимости» японского суда полностью исчерпались.

V.

Судебный процесс в Японии строится на состязательном начале. Обвиняемый в судебном заседании может пользоваться услугами защиты. Защитник должен быть избран из числа адвокатов, внесенных в специальный список, находящийся в прокуратуре окружного суда. От суда зависит допустить к защите вместо профессионального адвоката и всякое другое лицо. При отсутствии у обвиняемого защиты, она может быть назначена судом. В случае несовершеннолетия, глухонемоты, душевной болезни, а также во всех случаях, когда обвиняемой является женщина, участие защиты в судебном процессе является безусловно обязательным. По новому уголовно-процессуальному кодексу 1923 г. обвиняемый может выбрать себе защитника с момента решения прокуратуры о предании его суду. Однако это не значит, что защита допускается на предварительном следствии. Следственный судья может лишь допустить присутствие защиты при допросе тех свидетелей, которых он не считает возможным вызвать в суд, и разрешить защите ознакомиться с вещественными доказательствами на предварительном следствии. Осужденные, содержащиеся под стражей, не могут до передачи дела в суд видеться или переписываться между собой. По старому уголовно-процессуальному кодексу защита во время судебного заседания имела право задавать вопросы свидетелям и обвиняемому лишь через председателя. Новый уголовно-процессуальный кодекс предоставляет защите право самой задавать вопросы обвиняемому и свидетелям, но лишь с предварительного разрешения председателя. Практика показывает, что фактически новый уголовно-процессуальный кодекс не изменил сколько-нибудь заметно положения защиты на суде.

Новый японский уголовно-процессуальный кодекс значительно расширил власть японской прокуратуры. От прокуратуры ныне зависит передать начатое уголовное дело непосредственно в суд или предложить провести по нему предварительное расследование.

Согласно ст. 279 действующего уголовно-процессуального кодекса многие дела могут быть прекращены прокуратурой за нецелесообразностью их судебного разбирательства. При этом основания для прекращения могут быть весьма разнообразны — характер, возраст, окружение обвиняемого, обстоятельства дела и поведение обвиняемого после совершения преступления. Прекращение дела может последовать не только по решению прокурора,

но и путем непосредственного распоряжения министра юстиции. Обвиняемому вместо судебного преследования может быть предложено в некоторых случаях каким-либо путем загладить совершенное преступление. Эти широкие права японской прокуратуры создают возможность и для широкого злоупотребления властью.

Председатель в судебном заседания обязан установить все обстоятельства, неблагоприятные для подсудимого. Сознанию обвиняемого придается исключительное значение среди судебных доказательств.

После сознания обвиняемого в районном суде может быть прекращено дальнейшее судебное следствие, если против этого не возражает обвинение.

Судебные приговоры районного и окружного судов могут быть обжалованы в апелляционном порядке в пятидневный срок. Обжаловать его может и прокуратура и защита или сам обвиняемый. Обжалование может касаться как всего приговора в целом, так и его части. Обжалование приговора прокурором может быть и в интересах самого обвиняемого.

Кассационное обжалование приносится на приговоры окружного и областного судов, действующих в качестве судов второй инстанции. Кассационное обжалование может быть произведено в трехдневный срок по вынесению приговора. Основанием для кассации могут быть лишь нарушение закона. Поводы кассации специально указаны в уголовно-процессуальном кодексе. Кассационное обжалование может быть принесено любой стороной уголовного процесса.

В ряде случаев, специально указанных в законе, на отдельные судебные определения могут быть принесены частные жалобы. Жалобы эти рассматриваются непосредственно вышестоящим судом. Их решения дальнейшему обжалованию не подлежат. Срок для частных жалоб установлен трехдневный. Решение судов, рассматривающих частные жалобы, выносятся после заслушания заключения представителя государственного обвинения.

VI.

Организация судебной власти в Японии до недавнего времени строилась исключительно на принципе коронного суда. Лишь в 1923 г. японское законодательство пытается внести в организацию судебной власти некоторые изменения: 18 апреля 1923 г. был издан специальный закон о введении суда присяжных. Он вошел в действие после больших проволочек лишь с 1 октября 1928 г. Издание этого закона находится в связи с той общей внутренней политикой господствующих классов Японии, которую они проводили в первое десятилетие после окончания мировой войны. Для борьбы с развитием революционного движения в стране правящие классы Японии принуждены были наряду с усилением репрессий против всех революционных элементов в городе и деревне маневрировать. Для этого они проводят ряд незначительных «либеральных» реформ в деле успокоения мелкой буржуазии. Таким путем они стремились расколоть, ослабить и разбить нарастающее массовое революционное движение. Таков политический смысл изданного в 1925 г. закона о «всеобщем» избирательном праве, введение в том же году принудительного арбитража по аграрным конфликтам и т. п. Одним из выражений этой политики в области организации судебной власти было издание закона о суде присяжных.

Но компетенция японского суда присяжных крайне ограничена. Участие суда присяжных в разборе дел, входящих в его компетенцию, носит при этом не обязательный, а факультативный характер. Суд присяжных допускается в силу закона по тем преступлениям, за которые установлена в законе смертная казнь, пожизненная каторга или пожизненная тюрьма (ст. 2) и лишь при условии, если против участия присяжных в разборе дела не возражает сам обвиняемый (ст.ст. 2 и 6).

По преступлениям, за которые закон грозит срочной каторгой или тюремным заключением на срок свыше трех лет, если эти дела входят в компетенцию окружного суда, допускается участие присяжных заседателей, но лишь по требованию самого обвиняемого.

Однако, и из этих общих правил закон тотчас делает ряд важных исключений. **Из ведения суда присяжных исключаются все преступления, имеющие политический характер.** Не подлежат рассмотрению суда присяжных все преступления, входящие в компетенцию верховного суда, когда он действует в качестве суда первой инстанции (см. выше). Не подлежат ведению суда присяжных дела по преступлениям, предусмотренным первым, вторым, третьим, четвертым и восьмым отделами особенной части уголовного кодекса, дела о посягательствах против императорской фамилии, бунт, измена, враждебные действия против иностранного государства, волнения. Не подлежат ведению суда присяжных дела, касающиеся нарушения военной тайны, какими бы законами они ни были предусмотрены. Не подлежат ведению суда присяжных дела о нарушении закона об избирательных правах.

Обвиняемый имеет право отказаться от рассмотрения дела с участием присяжных или взять обратно свое требование о привлечении присяжных заседателей к рассмотрению его дела. В этих случаях суд не имеет права допускать рассмотрение дела с участием присяжных заседателей.

Сознание обвиняемого в совершенном преступлении, данное до открытия судебного заседания, устраняет возможность рассмотрения дела с участием присяжных заседателей. При сознании обвиняемого, данном во время судебного заседания, дальнейшее участие присяжных в судебном процессе может иметь место лишь в том случае, когда отсутствует сознание других обвиняемых по настоящему делу. Таким образом японский закон о суде присяжных придает факту сознания обвиняемого характер формального доказательства.

Вынесенный присяжными заседателями обвинительный или оправдательный приговор не является абсолютно обязательным для суда. Если суд находит ответ присяжных неправильным, то он может вынести решение о рассмотрении дела вновь с другим составом присяжных заседателей.

Этим система суда с присяжными заседателями в Японии существенно отличается от западно-европейского суда присяжных

Официальный отдел

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ССР

ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ДАЛЬНЕЙШЕГО ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ, СНЯТИИ СУДИМОСТИ И ВСЕХ ПРАВООГРАНИЧЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОСУЖДЕНИЕМ РЯДА ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ В СВОЕ ВРЕМЯ В СВЯЗИ С САБОТАЖЕМ, ХЛЕБОЗАГОТОВОК И ВЫПУСКОМ ТРУДОВЫХ ЗАЙМОВ, БОН И ПРОЧИХ ДЕНЕЖНЫХ СУРРОГАТОВ

В период хлебозаготовок 1932—1933 гг. в некоторых районах СССР ряд должностных лиц не только не сумели организовать надлежащего отпора кулацкому саботажу по выполнению обязательств перед советским государством по хлебопоставкам, но и допустили ряд антигосударственных действий, выразившихся в нарушении служебного долга, бездействии, прямом попустительстве и даже злоупотреблениях своим должностным положением в ущерб интересам государства.

Подобного рода должностные преступления были совершены отдельными должностными лицами и в других областях государственного строительства и, в частности, в период 1933—1934 гг., в области коммунального и финансового хозяйств, путем незаконного выпуска различного рода трудовых займов, бон и других денежных суррогатов.

Виновные в указанном выше нарушении служебного долга, должностные лица были в свое время сняты с работы, отданы под суд и осуждены к различным мерам уголовного наказания. Это послужило серьезным уроком для служащих государственного советского аппарата и имело своим последствием значительное укрепление служебной дисциплины.

Имея в виду, что совершенные указанными выше должностными лицами преступления не были связаны с какими-либо корыстными мотивами и являлись в подавляющем большинстве случаев результатом неправильного понимания осужденными своих служебных обязанностей,—Центральный исполнительный комитет Союза ССР постановляет:

1. Освободить от дальнейшего отбывания наказания должностных лиц, осужденных по ст. ст. 58[14], 109, 111, 112, 128 и др. УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик за преступления, связанные с хлебозаготовительными и иными сельскохозяйственными кампаниями периода 1932—1933 гг., или подвергнутых уголовным наказаниям за те же преступления в административном порядке.

2. Прекратить дальнейшее производство уголовных дел, а в отношении уже осужденных освободить от отбывания дальнейшего наказания должностных лиц, осужденных или преданных суду за выпуск трудовых займов, бон и других денежных суррогатов.

3. Предложить прокурорам союзных республик и верхсудам союзных республик представить в месячный срок на рассмотрение ЦИК'ов союзных республик списки лиц, осужденных за аналогичные преступления и подлежащих в силу настоящего постановления освобождению от дальнейшего наказания и снятию судимости и всех связанных с их осуждением правоограничений.

Председатель Центрального Исполнительного комитета Союза ССР
М. КАЛИНИН

Секретарь Центрального Исполнительного комитета Союза ССР
И. АКУЛОВ.

Москва, Кремль,

11 августа 1935 года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОМИССИИ СОВЕТСКОГО КОНТРОЛЯ ПРИ СОВНАРКОМЕ СССР О РАБОТЕ СУДОВ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО КРАЯ

Проверив работу Александровского, Воронцово-Александровского, Архангельского, Пятигорского народных судов и Северокавказского краевого суда, а также учтя проверенные материалы о деятельности остальных нарсудов края (без автономных областей) — Комиссия советского контроля считает установленным:

Работа народных судов, и в особенности Александровского и Воронцово-Александровского, крайне неудовлетворительна: суды не имели в своей практической работе четкой политической установки, рассматривали поступившие к ним дела от случая к случаю, без учета важнейших на каждый период хозяйственно-политических задач; дела, связанные с весенним севом 1935 года и с госпоставками 1934 г. до сих пор не закончены; необеспечена необходимая гласность дел общественно-политического значения; при совершенно неудовлетворительном ходе мясо- и молокопоставок 1935 г. по Александровскому и Воронцово-Александровскому районам — никто из невыполнивших гособязательств не осужден.

Народные суды систематически месяцами задерживали рассмотрение большинства переданных им уголовных дел, чем снижали общественно-политическое значение выносимых ими решений. Александровский нарсуд задерживал 70 проц. законченных следствием уголовных дел по 2—5 месяцев; Воронцово-Александровский нарсуд затягивал разбор части дел до 6-ти месяцев; одновременно суды допустили массовое и без разбора прекращение уголовных дел; Александровский нарсуд прекратил за один только день 56 дел, в том числе на расхитителей колхозной собственности, кулаков, скрывавших оружие и злостных спекулянтов.

Суды не делали выводов из состояния преступности в районе и, извращая карательную политику, сплошь и рядом снижали установленное законом наказание за хищения, спекуляцию, хулиганство, обворовывание потребителя; при росте растрат и хищений в потребкооперации Александровского района (100 случаев за год) в 1935 г. осужден один человек; Воронцово-Александровский и другие нарсуды оставляли расхитителей и растратчиков безнаказанными или приговаривали к исправительным работам по месту службы.

В то же время имеет место безосновательное осуждение трудящихся за совершенно незначительные проступки (дело колхозницы Недодоровой, учителей Обозюк и Сазонова по Буденновскому району).

В ряде случаев суды, вопреки требованиям закона, не вручали обвинительных заключений, задерживали месяцами или вовсе не передавали приговоров на исполнение (Александровский, Пятигорский, Воронцово-Александровский нарсуды). Этими вопросами судьи сами не занимались и возложили их на делопроизводителей.

Краевой суд не обеспечил руководства народными судами и вел свою работу также неудовлетворительно: ограничился циркулярами, не проверял работы народных судов, не давал выводов из их отчетов, сигнализировавших об искажениях и волоките, систематически отменял по ряду нарсудов (Шпаковский, Спицевский, Нагутский и др.) 40—50 проц. приговоров, но не исправлял их работы в целом, и, таким образом, вместо руководства нарсудами, регистрировал их нарушения.

Краевой суд не обеспечил подбора и повышения квалификации народных судей, не знал своих кадров настолько, что рекомендовал районам беспартийных судей, как членов партии, не учил малоопытных судей и допустил к судебной работе лиц, политически и юридически неграмотных, незнакомых с важнейшими решениями партии и правительства, не знающих законов, не читающих даже газет.

Крайсуд не устранил допущенных нарсудами извращений судебной политики, штамповал их ошибки: например, только в трех случаях Крайсуд отменил приговоры нарсудов, осудивших 312 растратчиков, вопреки закону, к исправительным работам по месту службы, не реагировал на искажения законов о борьбе с хулиганством, со спекуляцией, где нарсуды не направили репрессии прежде всего против торгашеских и кулацких элементов.

Краевой суд не только не боролся с волокитой в нарсудах, но и сам затягивал рассмотрение кассационных дел в среднем еще на месяц, а разбор подсудных ему дел до 3-х и более месяцев; переданные краевым судом на вторичное рассмотрение дела месяцами не пересматривались или сдавались в архив.

Районная и краевая прокуратуры не осуществляли надзора за работой судов, неопротестовывали их незаконных действий, не проверяли выполнения приговоров, оставляли безнаказанными нарушителей революционной законности.

Комиссия советского контроля **постановляет:**

1. Председателя Северокавказского краевого суда Фиолетова С. И., не обеспечившего руководства народными судами и допустившего волокиту и искажения в работе краевого суда,— снять с работы со смещением на низшую должность.

Учитывая непродолжительность работы краевого прокурора т. Гарина, ответственного за неудовлетворительное состояние судебного надзора в районных и краевой прокуратуре, — ограничиться в отношении его предупреждением.

Предложить народному комиссару юстиции РСФСР т. Крыленко пересмотреть состав членов Северокавказского краевого суда и в месячный срок укрепить его соответствующими кадрами.

2. Народного судью Александровского района Засыпкина М. А. за преступную волокиту, необоснованное механическое прекращение уголовных дел и допущенные извращения — с работы снять и предать суду. Вопрос о партийном положении Засыпкина передать Северокавказскому крайкому ВКП(б).

Прокурора Александровского района Бурмистрова И. П. за бездействие, неосуществление надзора, неопротестовывание неправильных действий суда и санкционирование необоснованного прекращения уголовных дел — с работы снять и предать суду. Вопрос о партийном положении Бурмистрова передать Северокавказскому крайкому ВКП(б).

3. Народного судью Воронцово-Александровского района Лебедева Г. К. за бездеятельность, допущенную им волокиту и нарушение советских законов — снять с работы с запрещением работать в судебно-следственных органах.

Райпрокурора Воронцово-Александровского района Семенова Г. И. за бездеятельность, неосуществление надзора и неопротестовывание неправильных действий суда — снять с работы с запрещением работать в судебно-следственных органах.

4. Отметить слабое руководство и отсутствие проверки работы Северокавказского крайсуда со стороны Верховного суда РСФСР (председатель т. Булат).

Предложить т. Булату: принять немедленные меры к устранению указанных в настоящем постановлении нарушений и искажений в судах Северокавказского края, изжитию судебной волокиты и повышению юридической и политической квалификации судей.

Председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР **Н. АНТИПОВ**

Секретарь бюро Комиссии советского контроля **МАНФРЕД**

О ВЫПУСКЕ ОБЕДЕННЫХ АБОНЕМЕНТОВ

Из поступающих с мест донесений видно, что органы прокуратуры возбуждают уголовное преследование во всех случаях выпуска предприятиями общественного питания (столовые, рестораны и пр.) обеденных абонементов и т. п., квалифицируя эти действия как выпуск денежных суррогатов.

Между тем, постановлением НКВнуторга СССР 3/VI 1935 года за № 435 установлен такой порядок, по которому в столовых **закрытого и специального типа** (школьные, диэтические, ИТР и др.) допускается продажа именных месячных, полумесячных и декадных абонементов на завтраки, обеды и ужины. Од-

новременно НКВнуторгом, по согласованию с НКФ СССР, изданы формы таких абонементов.

Помимо того, Главным управлением столовых НКВнуторга СССР, также по согласованию с НКФ СССР, 4/VI № 23/03 всем начальникам объединений и директорам трестов столовых дано разъяснение, что в тех случаях, когда предприятия и учреждения выдают дотацию на питание отдельных категорий работников, оплата абонементов может производиться как путем взноса учреждением или предприятием полной стоимости абонементов с последующим расчетом за них с рабочими и служащими, так и путем взноса только доплаты, которая идет за счет учреждений или предприятий с тем, что остальная стоимость абонементов оплачивается непосредственно потребителями в кассы столовых.

Прокуратура Союза ССР предлагает принять к сведению указанное постановление НКВнуторга СССР по вопросу о пределах возможного применения в столовых и ресторанах **закрытого и специального** типа системы обеденных абонементов и не возбуждать в указанных случаях уголовного преследования за отсутствием в них состава преступления.

Одновременно, Прокуратура Союза обращает ваше внимание на необходимость борьбы с практикой расширительного толкования этого постановления и распространения системы абонементов на прочие предприятия общественного питания. Во всех этих случаях необходимо привлекать виновных к уголовной ответственности за выпуск денежных суррогатов по закону 31 мая 1935 года.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

13 июля 1935 г.
№ 69/8.

О РАБОТЕ ПРОКУРАТУРЫ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ОБЛАСТИ ЖИВОТНОВОДСТВА

При проверке Прокуратурой Союза ССР работы Прокуратуры Западносибирского края по борьбе с преступностью в области животноводства и выполнения Прокуратурой Ленинградской области указаний о борьбе с фактами нарушения животноводческими хозяйствами ветеринарных мероприятий было установлено:

1) что в ряде мест не выполняется решение июльского пленума ЦК ВКП(б) о животноводстве, в части предоставления льгот по мясопоставкам колхозникам колхозов, животноводческие фермы которых своевременно выполняют свои обязательства по мясопоставкам;

2) что в отдельных животноводческих хозяйствах не ведется должной борьбы с фактами грубого нарушения ветеринарно-зоотехнических мероприятий.

В связи с этим Наркомзем СССР и «Союзгаготскот» дали по линии подведомственных им органов указания, копии которых вам сообщаются.

Предлагаю обеспечить надзор органов прокуратуры за проведением в жизнь постановления июльского пленума ЦК ВКП(б) о предоставлении льгот колхозникам по мясопоставкам и за осуществлением ветеринарно-зоотехнических правил, привлекая к ответственности лиц, виновных в нарушении этих мероприятий.

В сентябре с. г. в Президиуме ЦИК Союза будет стоять вопрос о работе советов, их секций и депутатских групп по выполнению планов по животноводству и, в частности, по практическому применению ими льгот, установленных по животноводству. В связи с этим предлагаю представить мне не позднее 1 сентября с. г. материалы, характеризующие борьбу органов прокуратуры по этим вопросам.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

28 июля 1935 г.
№ 75/9.

О БОРЬБЕ С ХИЩЕНИЯМИ В ОРГАНАХ СВЯЗИ

Циркуляром 21 июня 1934 г., изданным Прокуратурой Союза ССР совместно с народным комиссариатом связи, предлагалось «принимать к производству немедленно дела о хищениях и злоупотреблениях в органах связи с обязательным, как правило, расследованием не позже двухдекадного срока; обеспечить организацию внимания широкой советской и, в частности, связистской общественности к процессам, представляющим общественно-политический интерес».

До сих пор, однако, эти указания выполняются далеко недостаточно и далеко не всеми прокуратурами.

На последней радиоперекличке выяснились крайне неудовлетворительная работа прокуратуры Северокавказского края, где она по делам связи почти бездействует, а также крайняя медленность и безрукость в ведении следствия по этим делам в работе прокуратуры Воронежской области.

Вынужден также констатировать плохую работу в этой области прокуратуры Грузинской республики и особенно плохую работу прокуратуры Казакской республики.

Эти прокуратуры не только крайне затягивают расследование по преступлениям в органах связи, но и упорно отмалчиваются по всем запросам Прокуратуры Союза.

За последние дни в Прокуратуру Союза поступила телеграмма от начальника Дальневосточного управления связи, который жалуется на полное бездействие прокуратуры этого края в борьбе с хищениями и растратами в органах связи.

Предлагаю:

1) Прокурору ДВК т. Чернину немедленно представить мне отчет о своей работе по борьбе с преступлениями в учреждениях связи.

2) Всем прокурорам союзных республик а) предлагаю обратить особенное внимание на ведение следствия по делам о хищениях и растратах в органах связи, проводя его в особенно ускоренном порядке, что однако ни в какой мере не должно отражаться на качестве следствия; б) обеспечить при рассмотрении дел в судах о хищениях и растратах в органах связи активное участие прокуратуры. Обеспечить своевременное осведомление о судебных процессах печати и профессиональной организации.

Предупреждаю, что впредь ко всем прокурорским работникам, невнимательно относя-

щимся к борьбе с преступностью в области связи, Прокуратурой Союза будут применены самые решительные меры дисциплинарного, а в необходимых случаях и судебного воздействия.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

28 июля 1935 г.

№ 76/21.

О ПЕРЕРАБОТКЕ ЧЕРСТВОГО ХЛЕБА

Постановлением 2/III 1935 г. Совет народных комиссаров СССР обязал хлебозаводы и пекарни принимать для переработки от торговых организаций остающийся черствый хлеб. Этим же постановлением Санитарной инспекции предложено выработать санитарные правила переработки этого хлеба и наблюдать за соблюдением их.

Проверка, поризведенная Комиссией сов. контроля (пост. бюро КСК при СНК СССР 9/VII 1935 г. № 325) показала, что постановление СНК СССР 2/III не выполняется.

Установлено, что санитарные правила переработки, хранения и перевозки черствого хлеба хлеботоргующими и хлебовыпекающими организациями систематически не выполняются. В частности вскрыты массовые случаи продажи черствого хлеба потребителям, антисанитарного хранения и порчи хлеба.

Органы прокуратуры и суда не уделяют должного внимания борьбе с нарушениями постановления СНК СССР 2/III, в частности затягивают расследование и рассмотрение дел о нарушениях санитарных правил.

В дополнение к телеграфному распоряжению 10 января 1935 года об усилении борьбы с антисанитарным состоянием хлебовыпекающих организаций — **предлагаю:**

1. Привлекать к уголовной ответственности злостных нарушителей пост. СНК СССР 2/III 1935 г., особенно руководителей хлебовыпекающих предприятий, нарушающих санитарные правила переработки хлеба, квалифицируя их действия по ст.ст. 111, 109 УК РСФСР, в зависимости от конкретных обстоятельств дел (и соот. ст.ст. УК других союзных республик).

2. Установить, что расследование и рассмотрение этих дел должно продолжаться не долее 15 дней с момента возникновения их.

О В/мероприятиях по выполнению настоящего циркуляра сообщите к 20 августа.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

3 августа 1935 г.

№ 77/8.

ПРИКАЗ

Прокурора Союза ССР

9 августа 1935 г. № 428. Москва

8 мая 1934 г. в военную прокуратуру Забайкальской ж. д. поступила из Главной военной прокуратуры жалоба осужденного в 1933 г. военным трибуналом Забайкальской ж. д. быв. дежурного по ст. Хилок Рыбакова. Рыбаков был осужден по признакам ч. 2 ст.59[3в] к расстрелу. Определением военной коллегии расстрел заменен Рыбакову 10 годам лишения свободы.

Рыбаков в своей жалобе приводил ряд фактов, которые не были своевременно известны трибуналу и военной коллегии, помимо этого указал (приводя конкретные факты, которые просил расследовать), что все это дело возбуждено против него уполномоченным Транспортного отдела ОГПУ ст. Хилок на почве личных счетов.

Поскольку в жалобе сообщалось о ряде моментов, которые не были своевременно известны трибуналу и военной коллегии, Главная военная прокуратура предложила военному прокурору Забайкальской дороги расследовать эти моменты и в случае открытия новых обстоятельств направить дело в порядке ст. 378 УПК РСФСР.

Военный прокурор Забайкальской дороги т. Сапожников, получив предписание Главной военной прокуратуры и жалобу Рыбакова, истребовал дело Рыбакова из ВТ Забайкальской дороги и направил его 15 мая 1934 г. Нач. ДТО ОГПУ Забайкальской дороги вместе с жалобой Рыбакова для расследования сообщаемых Рыбаковым фактов.

8/VII 1934 г., почти через 2 месяца после посылки жалобы в ДТО, военный прокурор дороги просит ДТО ускорить расследование.

3/VIII (еще через месяц) и. о. прокурора Цыганков вновь просит нач. ДТО (согласно личных с ним переговоров) ускорить расследование по жалобе Рыбакова.

1/IX. Секретарь прокуратуры Качанов, видя исключительную волокиту с разрешением этого дела, пишет в адрес прокурора дороги рапорт: «Прошу принять меры к выполнению ДТО наших предложений, в числе этих предложений и расследование по жалобе Рыбакова.

2/IX. На этом рапорте резолюция зам. В. П. Цыганкова: «Говорил с Артюгиным и Калачиновым (работники ДТО), обещали все, что у них есть, вышлют сегодня. Остальное по мере поступления».

14/IX. Опять донесение Казачкова: «На сегодня ни по одной бумаге так и нет ответов».

14/IX. На этом донесении новая резолюция Цыганкова (а с момента получения жалобы Рыбакова прошло уже 4 месяца) «Напомнить еще раз... Просить воздействовать» и т. д.

19/IX. (Прошел еще месяц). Записка секретаря Казачкова: «Нельзя ли поручить т. Федорову (пом. В. П. дороги) заняться этим, так как есть поручение ГВП о Рыбакове».

На этой записке резолюция Л. Т. Сапожникова: «Поручить Федорову. Т. Цыганков, прошу этот вопрос быстро разрешить. Сапожников».

22/X. На этом же надпись зам. прокурора Цыганкова: «Получил 22/X.

Сегодня же выезжаю на линию, разрешить вопрос не могу».

Так месяцами тянулась эта позорная бумажная канитель, спокойно переписывались находящиеся в одном городе воен. прокуратура Забайкальской дороги и ДТО ОГПУ этой дороги; секретарь прокуратуры, отчаявшись добиться толку от работы своих начальников, писал им рапорта, прокурор Сапожников и его б. заместитель Цыганков «накладывали» на этих рапортах всякого рода резолюции, но

для того, чтобы добиться расследования очень серьезной жалобы живого человека, ни Сапожников, ни Цыганков решительно ничего не сделали.

Но если до октября месяца по этому поводу хоть шла какая то «переписка», то с октября 1934 г. по май 1935 года, несмотря на ряд запросов Главной военной прокуратуры, прокуратура Забайкальской дороги совсем ничего не делала. По свидетельству секретаря прокуратуры Казачкова, в январе 1935 года Цыганков, в присутствии прокурора Сапожникова, указал ему, что все претензии к ДТО за 1934 год (значит и невыполнение ДТО предложения о расследовании жалобы Рыбакова) как безнадежные, нужно похоронить, а в 1935 году Нач. ДТО обещал на запросы прокуратуры отвечать немедленно.

И только после новых запросов Главной военной прокуратуры в мае 1935 года. (когда с момента получения прокурором дороги жалобы Рыбакова прошел уже целый год) прокурор дороги решил наконец... еще раз написать нач. ДТО, что положение с расследованием жалобы явно ненормально и т. д. и т. д.

Но в это время Трансп. отд. НКВД сообщил прокурору, что дело Рыбакова вместе с расследованием, якобы, еще в сентябре мес. 1934 года было сдано в Военную прокуратуру.

Ни в ДТО (по заявлению работников ДТО), ни в прокуратуре дела военного трибунала о Рыбакове и материалов расследования по его жалобе сейчас нет; все это утеряно. Прокуратура утверждает, что аппарат Дор.-трансп. отдела дела этого и расследования в прокуратуру не сдавал, и сообщения об этом и соответствующие записи в разносной книге неправильны.

Имеющиеся по этому вопросу в Прокуратуре Союза материалы говорят о том, что вопрос этот нуждается в проверке.

Однако независимо от всего этого всю работу военной прокуратуры Забайкальской дороги и прокурора дороги Сапожникова и его б. заместителя Цыганкова по данному делу не могу оценить иначе, как резко неудовлетворительной; налицо полнейшая безрукость, безвольность по отношению к Транспортному отделу НКВД; исключительный формализм, гнуснейшее канцелярско-бюрократическое отношение к живому человеку, к расследованию его жалобы, Рыбаков старый кадровый транспортник (работал на транспорте с 1914 года), прежде не судился, — и если так относятся в прокуратуре Забайкальской дороги к жалобам старых кадровых работников (хоть и осужденных), как же относятся к жалобам остальных граждан?

По распоряжению Главной военной прокуратуры сейчас жалоба Рыбакова восстановлена, он сам допрошен, и даже те документы, которые по делу Рыбакова имеются, дают Прокуратуре Союза основание войти в Надзорно-судебную коллегию Верхсуда СССР с предложением о переквалификации его преступления с ч. 2 ст. 59[3в] на ч. 1 ст. 59[3в] и о резком снижении назначенной ему судом меры наказания.

Работу тт. Сапожникова и Цыганкова в связи с делом Рыбакова признаю настолько безобразной, что оба они подлежали бы немедленному увольнению из рядов Прокуратуры и только, учитывая их долговременную службу в прокурорских органах, признаю возможным на первый раз ограничиться в отношении обоих дисциплинарными мерами.

Приказываю:

1. Военному прокурору Забайкальской дороги объявить строгий выговор с предупреждением, что если он немедленно не организует работу по расследованию жалоб так, как это требуется моими указаниями, и впредь допустит такие «методы» расследования жалоб, как это имело место по жалобе Рыбакова, он будет немедленно уволен из рядов прокуратуры и отдан под суд;

2. Б. зам. прокурора Забайкальской дороги Цыганкову, ныне пом. военного прокурора Харьковского военного округа, объявить строгий выговор с предупреждением.

3. Поскольку военный прокурор Забайкальской дороги Сапожников не справился ни с расследованием жалобы Рыбакова по существу, ни с расследованием дела о том, кто виновен в пропаже дела Рыбакова и материалов расследования по его жалобе, поручаю расследование этих вопросов произвести военному прокурору Забайкальского военного округа т. Суслову, которому ГВП направить весь имеющийся по этим вопросам материал.

Тов. Суслову закончить это расследование в месячный срок с момента получения этого приказа и соответствующих материалов и предоставить мне материалы расследования со своим заключением через главного военного прокурора.

4. Всем прокурорским работникам сделать надлежащие выводы из этого дела. Произвести тщательную самопроверку своей работы по расследованию жалоб.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

21 июля 1935 г. № 36/71.

О МЕРАХ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ознакомление с материалами расследования и судебной практикой по делам о несовершеннолетних показало, что как в процессе предварительного следствия, так и при рассмотрении этих дел в судах, допускаются серьезные нарушения, к изжитию которых необходимо принять немедленные меры.

Одним из существенных недочетов является тенденция судебно-следственных работников к расширительному толкованию постановления ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 года «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних», выражающаяся в привлечении к уголовной ответственности детей, не достигших 12-ти летнего возраста, привлечении за преступления, совершенные до издания этого закона, а также за преступления, им не предусмотренные.

Из главнейших недочетов судебно-следственной работы необходимо отметить следующие:

1. По линии работы органов дознания, следствия и прокуратуры

а) Имеет место необоснованное привлечение несовершеннолетних на основании голословного заявления отдельных лиц и иногда даже и родителей;

б) как правило, возраст привлеченных к ответственности устанавливается «на глаз» или

«со слов», а не на основании документальных данных (метрическая выпись или акт медицинской экспертизы);

в) лица, производящие расследование, допрашивают нерсовершеннолетних свидетелей, как взрослых и некритически относятся к их показаниям;

г) ограничиваясь установлением факта преступления, органы расследования не доискиваются причин, его породивших (влияние родителей, семейная обстановка, материальные условия, отсутствие надзора, подстрекатели, преступная среда и проч.);

д) основное требование закона 7 апреля 1935 г. — привлечение к ответственности взрослых, разлагающих и толкающих ребенка на преступление — почти не выполняется;

е) не допрашиваются родители, опекуны и др. лица, обязанные следить за детьми (педагоги школ и пр.);

ж) наблюдаются частые случаи необоснованного задержания детей милицией, производимые при этом в грубой форме;

з) не соблюдаются процессуальные нормы, гарантирующие правильное расследование, а в дальнейшем правильное рассмотрение дела судом;

и) недостаточно участие прокуратуры в подготовительных и судебных заседаниях;

к) слабо осуществляется прокуратурой надзор за местами лишения свободы несовершеннолетних.

2. По линии судебной работы

а) Имеют место случаи рассмотрения дел о несовершеннолетних в дежурных камерах судом;

б) не все дела о несовершеннолетних проводятся через подготовительные заседания, причем качество работы последних также не является удовлетворительным. Подготовительные заседания недостаточно тщательно проверяют обвинительные материалы, зачастую формально утверждают обвинительные заключения, принимают к рассмотрению дела, не предусмотренные законом 7 апреля 1935 г. не отмечают недочетов дознания и следствия как по существу дела, так и в смысле нарушения процессуальных норм, не всегда возвращают явно недоброкачественный материал на дополнительное расследование, не ставят вопросов о вызове в судебные заседания медико-педагогической экспертизы, не вызывают родителей или других ответственных за воспитание ребенка лиц.

В результате неудовлетворительной работы следствия и подготовительных заседаний в судебные заседания ставятся дела, по которым затем выносятся оправдательные приговоры;

в) В судебных заседаниях недостаточно учитываются специфичность дел, не создается нужная обстановка, отсутствует достаточно ясное разъяснение подсудимых их прав (в частности прав обжалования); само судебное разбирательство зачастую ведется не чутко и грубо.

В судах отмечается стремление к упрощенству процессуальных норм;

г) как и следственные органы, суды в совершенно недостаточной степени выясняют организаторскую и подстрекательскую роль взрослых, в том числе классовых врагов и преступников рецидивистов, а также не выявляют влияния родителей, семейно-бытовых и материальных условий среды и других причин, повлекших за собой преступления несовершеннолетних;

д) неорганизована защита, а там, где она принимает участие в судебном разбирательстве, она недостаточно инструктирована, характер выступлений отдельных защитников показывает, что защита недостаточно учитывает, что она совместно с судом выполняет единую воспитательную роль, и вместе с судом должна бороться с лицами, виновными в создании обстоятельств, толкающих детей на преступный путь;

е) отсутствует подбор специальных нарзаседателей по делам о несовершеннолетних, в судебных заседаниях участвуют очередные заседатели по общему списку.

В силу изложенного Верховный суд и прокуратура Союза ССР, в дополнение к уже изданным директивам, предлагают всем судебно-следственным и прокурорским органам:

1. Не допускать привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности в порядке расширительного толкования закона 7 апреля 1935 года.

Привлечение несовершеннолетних в возрасте от 12 до 16 лет может иметь место лишь в делах о нарушениях, предусмотренных постановлением ЦИК и СНК 7 апреля 1935 года; все остальные случаи нарушений со стороны детей в возрасте от 12 до 16 лет в уголовном порядке не наказуются и за них ответственность несут родители, опекуны, а также подстрекатели и организаторы преступлений несовершеннолетних — согласно законов от 7 апреля и 31 мая 1935 года,

2. Установить специальное наблюдение за проведением в жизнь постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) 31 мая 1935 года в части усиления органами милиции борьбы с хулиганством на улицах детей и подростков, а также за наложением теми же органами штрафов на родителей в точном соответствии с п. 18 указанного постановления.

3. В целях повышения качества расследования) ведущих эти дела и в случае их нежить краевым и областным прокурорам во всех крупных городах и фабрично-заводских центрах:

а) выделить специальных следователей;

б) проверить деятельность работников (милиция) ведущих эти дела и в случае их несоответствия добиться выделения специальных, более подготовленных лиц, для ведения дознания по этим делам;

в) установить такой порядок, согласно которому ни одно дело о преданию несовершеннолетнего суду не может быть направлено в соответствующую камеру нарсуда без санкции прокурора.

4. В процессе предварительного и судебного следствия документально проверить возраст обвиняемых, обязательно устанавливать не только факт совершения конкретного преступления, но и среду, семейно-бытовые и материальные условия, а также лиц, подстрекавших несовершеннолетних к совершению преступлений или создавших условия для них, привлекая их к ответственности в соответствии со ст. 2 постановления ЦИК и СНК СССР 7 ап-

реля 1935 года и постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) 31 мая 1935 года.

5. Привлекать к материальной ответственности родителей и опекунов за действия детей, причинившие материальный ущерб безотносительно к возрасту несовершеннолетнего, причинившего вред, и независимо от ответственности самого несовершеннолетнего в соответствии со ст. 9 ГК РСФСР и соответствующей статьей ГК других союзных республик.

6. Впредь до издания специального закона, опекунов, использующих опеку в корыстных целях и оставляющих опекаемых детей без надзора и необходимой материальной помощи, привлекать к уголовной ответственности по ст. 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

7. Строжайше следить за тем, чтобы несовершеннолетние правонарушители, подвергнутые аресту или изъятию с улицы, изолировались от взрослых в специально приспособленных для этого помещениях; не допускать пребывания несовершеннолетних в приемниках-распределителях более одного месяца, следить за тем, чтобы в изоляторах и приемниках-распределителях несовершеннолетние правонарушители помещались изолированно от несовершеннолетних рецидивистов.

8. Все дела о несовершеннолетних должны вноситься на рассмотрение подготовительных заседаний.

9. Показательные процессы по отдельным типичным делам, имеющим особо воспитательное значение, допускать лишь с разрешения председателей край(обл)- или главсудов и председателей верхсудов в республиках без областного деления по согласованию с соответствующим прокурором и с ведома отделов народного образования.

10. Предложить судебным органам выделить специальных защитников по делам о несовершеннолетних, причем установить, что защита участвует в процессах о несовершеннолетних независимо от того, есть ли у обвиняемых родители или нет.

Предложить подлежащим судам провести специальные совещания с защитой по вопросу о методах ее работы.

11. При выборе мер наказания суды должны руководствоваться нижеследующим:

а) не применять ст. 50 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик;

б) сроки лишения свободы определять в пределах соответствующих статей УК, причем к рецидивистам, беспризорным, неоднократно бежавшим из детских учреждений, применять более длительные сроки лишения свободы;

в) к несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет применять принудительные работы в случаях нецелесообразности применения других мер и притом, если исполнение этих работ специально организовано;

г) в подлежащих случаях применять помещение детей в соответствующие дома Наркомпроса, Наркомздрава и Наркомсобеса, отдачу на поруки родителям, опекунам, а также практиковать меры общественно-воспитательного характера; порицание, предостережение и пр.;

д) в тех случаях, когда суд найдет ненужным применение меры уголовного наказания, но установит безнадзорность детей, он должен в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. при наличии родителей ставить вопрос об изъятии этих детей от их родителей и направления в детские учреждения за счет родителей (ст. 22); при отсутствии у детей родителей и родственников, в соответствии со ст. 11 постановления от 31 мая 1935 г., обязывать специальным определением местные органы власти об устройстве этих детей (назначение опекунов, направление в детские дома).

12. При возбуждении органами Наркомпроса вопроса об изъятии ребенка от родителей и помещении его в детский дом с оплатой стоимости его содержания за счет родителей, этот вопрос, согласно ст. 22 постановления 31 мая 1935 г., подлежит рассмотрению нарсуда с обязательным участием прокурора.

13. Предложить судам, в случаях вынесения приговоров с условными мерами наказания, а также отдачей на поруки, с мерами общественно-воспитательного характера (порицания, предостережения), обязательно периодически проверять результаты через общественный актив.

14. В соответствии с п. 7 постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 31 мая 1935 г., лиц, виновных в расхищении материальных ресурсов детских учреждений, привлекать к уголовной ответственности по закону 7 августа 1932 года.

Работников административно-хозяйственного персонала тех же учреждений за побеги воспитанников и сокрытие побегов привлекать к уголовной ответственности по ст. 111 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

15. Предложить судам широко развернуть массово-профилактическую работу и конкретные приговоры прорабатывать в школах, пионеротрядах, жактах и т. п.

16. Предложить верховным судам союзных республик, а также краевым и областным для рассмотрения дел о несовершеннолетних выделить специальные составы коллегий.

17. Предложить край(обл), главсудам и прокурорам взять на учет все дела о несовершеннолетних, а верховным судам и прокурорам союзных республик систематически производить проверку этих дел в порядке надзора.

18. Предложить верховным судам и прокурорам союзных республик ежемесячно представлять Верховному суду и Прокуратуре СССР докладные записки о движении дел о несовершеннолетних, основанные не только на статистических материалах, но и на практическом изучении конкретных дел.

Прокурор СССР
А. Вышинский

Председатель
Верхсуда СССР
А. Винокуров

21 июля 1935 г.
№ 36/71

О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ В КОМИССИОННЫХ МАГАЗИНАХ

Комиссиями партийного и советского контроля установлено, что в комиссионных магазинах ряда городов имеют место крупные злоупотребления и грубые нарушения правил государственной торговли.

Установлено, что отдельные работники комиссионных магазинов вступают в связь со спекулянтами, принимая активное участие во всякого рода мошеннических проделках, связанных со сдачей на комиссию различных товаров и предметов.

Вопреки действующих правил о работе комиссионных магазинов работники их допускают прием на комиссию товаров от кустарей и артелей. Для сокрытия всех эти фактов комиссионные магазины не указывают фамилий сдатчиков в книгах приема вещей и выдают на каждую из сдаваемых вещей — отдельную квитанцию, хотя бы эти вещи сдавались целыми партиями. В целях личного обогащения работники комиссионных магазинов практикуют фиктивный возврат вещей клиентам, удерживая в свою пользу полагающиеся магазину денежные начисления (так называемые «наложения»). Установлено также много случаев приема на комиссию вещей без выдачи квитанций и проведения этих операций по книгам, что давало возможность работникам магазинов присваивать причитающиеся магазину денежные начисления.

Со всеми этими и подобными им злоупотреблениями и грубейшими извращениями принципов советской торговли органы Прокуратуры обязаны вести решительную борьбу. Однако, по имеющимся в Прокуратуре Союза данным, эта борьба органами Прокуратуры ведется совершенно недостаточно, а в ряде мест вовсе отсутствует.

Приказываю:

Всем прокурорам союзных республик принять срочные меры, обеспечивающие систематическое выявление всякого рода преступлений и извращений в деятельности работников комиссионных магазинов, неуклонно привлекая к ответственности виновных, руководствуясь при этом следующими указаниями:

1. За принятие для продажи через комиссионные магазины от спекулянтов скупленных этими последними товаров привлекать должностных лиц этих магазинов к ответственности по ст.ст. 17—107 и 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

2. За фиктивный возврат товаров покупателям, прием на комиссию вещей без проведения по книгам, превышение при продаже установленной комитетами цены вещи, с присвоением разницы в цене — привлекать к ответственности по ч. 2 ст. 169 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

3. За принятие работниками комиссионных магазинов товаров от кустарей и приобретение для перепродажи товаров в государственной торговой сети, а также в других комиссионных магазинах — привлекать к ответственности по ст. 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

4. Наряду с непосредственными виновниками перечисленных выше преступлений должны привлекаться к уголовной ответственности также бездействующие или попустительствующие этим преступлениям руководители организаций в ведении которых состоят эти комиссионные магазины, с квалификацией их преступлений, в зависимости от обстоятельств дела, по ст.ст. 111 или 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

5. Развернув решительную борьбу с злоупотреблениями должностных лиц комиссионных магазинов в соответствии с данными, выше указанными, органы прокуратуры обязаны со всей энергией и беспощадностью вести борьбу и с самими спекулянтами, неуклонно привлекая их к ответственности по ст. 107 УК РСФСР и соответствующим статьям других союзных республик, добиваясь от судов применения к ним жестких мер уголовного наказания.

6. Предлагаю прокурорам союзных республик принять меры к установлению органами Прокуратуры особого наблюдения за своевременным движением дел указанных категорий в судах и осуществления строгого и систематического надзора как за сроками прохождения этих дел, так и за правильным применением к виновным установленных законом мер наказания.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

28 июля 1935 г.

№ 74/8.

О ПРОКУРОРСКОЙ РАБОТЕ В КАССКОЛЛЕГИИ ВЕРХСУДА СОЮЗА ССР

1. Подтвердить к неуклонному исполнению обязательность дачи заключения и участия прокуроров в кассационных заседаниях по всем, без исключения, делам рассматриваемым Военной, Транспортной и Воднотранспортной коллегиями Верховного суда СССР.

2. Установить, что при рассмотрении кассационных дел прокуроры обязаны представлять кассационной коллегии свои заключения в письменной форме, причем заключения по делам, по которым прокуратура считает необходимым отменить или изменить приговор, а также по всем делам с высшей мерой наказания — должны быть подробно мотивированы.

Предложить т. Янскому внести в практику прокуратуры по делам водного транспорта наряду с дачей письменных заключений заполнение прокурорами карточек по кассационным делам, как это имеет место во всех других отделах и управлениях Прокуратуры Союза.

3. Просить председателя Верховного суда Союза обязать Военную и Воднотранспортную коллегии направлять в соответствующие главные прокуратуры копии определений по всем делам, рассмотренным в кассационном и надзорном порядке.

Обязать прокуроров, дающих заключения по делам, знакомиться с этими определениями, делая об этом соответствующие отметки на копиях определений.

4. Обязать прокуроров, дающих заключения, докладывать главным прокурорам — военному, ж.-д. и водного транспорта о всех случаях:

а) существенных расхождений между заключением прокурора и определением кассационной коллегии;

б) о всех определениях, в которых кассационными коллегиями допущены неправильные мотивировки.

5. Предложить главным прокурорам военному, по ж.-д. транспорту и водному транспорту установить категории дел, которые дол-

жны в обязательном порядке докладываться прокурорам до дачи ими заключений в кассационную коллегию соответствующим главным прокурорам.

В частности считать обязательным доклад главному прокурору всех дел, по которым вынесена высшая мера наказания, а также всех дел, которые поступают в кассационную коллегию с протестами местного прокурора.

6. Обязать всех прокуроров, дающих заключения по делам, в случаях обнаружения допущения местными прокурорами существенных недочетов в расследовании дел и в составлении и утверждении обвинительных заключений, а также неопротестования местными прокурорами неправильных приговоров суда, — направлять за подписями руководителей соответствующих отделов или групп указания на места по каждому конкретному делу.

7. Обязать главного военного прокурора, ж.-д.-транспортного прокурора и главного прокурора по водному транспорту не реже раза в квартал обобщать материал кассационной практики, давая на места соответствующие инструктивные письма с освещением наиболее важных вопросов, характеризующих работу следователей и прокуроров.

8. Предложить всем прокурорам главных прокуратур, выступающим в кассационных коллегиях, строго соблюдать требование Уголовно-процессуального кодекса о порядке рассмотрения дел в кассационных инстанциях, не допуская никаких отступлений от этих правил.

9. На главных прокуроров возлагаю персональную ответственность за систематический контроль в деле соблюдения подведомственными им прокурорами настоящего приказа.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

31 июля 1935 г.

№ 421.

ПРОКУРОРАМ И ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ СУДОВ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Научно-исследовательский институт уголовной политики при Прокуратуре и Верхсуде Союза ССР и НКЮ РСФСР собирают материалы для организации криминологического музея.

В целях оказания содействия организации такого музея, предлагаю Вам принять меры к направлению в адрес этого Института (Москва, Б. Дмитровка 15-а) таких предметов из числа вещественных доказательств, фотографий и документов, которые имеют музейный интерес, представляют более или менее крупное значение для истории советского суда и борьбы с преступностью, по миновании надобности в хранении этих предметов, документов и дел.

Из предметов преступной деятельности представляют интерес разнообразные формы подлогов, подделок (в частности денежных знаков — незаконно выпущенные дензнаки, выигрышные займы).

Дайте соответствующие указания по периферии.

Прокурор СССР **А. Вышинский**

Председатель Верхсуда СССР **А. Винокуров**

Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР Июнь 1935 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Просвещение

1. Об обеспечении школьного строительства в городах в 1935 г.—пост. СНК СССР от 19/III 1935 г. (СЗ 1935 г. № 30, ст. 240).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Планирование и учет

2. О проведении учета хозяйств и скота в июне—июле 1935 г.—пост. СНК СССР от 17/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 29, ст. 231).

2. Промышленность

3. О дополнении постановления СНК Союза ССР от 3 сентября 1934 г. «О прекращении беспроектного и бессметного строительства» — пост. СНК СССР от 25/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 30, ст. 239).

3. Земля и сельское хозяйство

4. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Азово-Черноморскому краю — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 27, ст. 215).

5. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Крымской АССР — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 27, ст. 216).

6. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Саратовскому краю — пост. СНК СССР от 19/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 27, ст. 217).

7. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Московской обл. — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 27, ст. 218).

8. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Калининской обл. — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 28, ст. 219).

9. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Украинской ССР — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 29, ст. 229).

10. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Курской обл. — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 29, ст. 230).

III. ФИНАНСЫ

11. О снижении ставок налога с оборота на продукцию подсобных хозяйств государственных, кооперативных и общественных организаций—пост. СНК СССР от 9/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 28, ст. 226).

12. О сельскохозяйственном налоге на 1935 г. — пост. ЦИК и СНК СССР от 31/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 30, ст. 232).

13. О самообложении на 1935 г.—пост. ЦИК и СНК СССР от 31/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 30, ст. 233).

14. Об изменениях в «Положении о сельскохозяйственном налоге на 1934 г.» в связи с постановлением ЦИК и СНК Союза ССР «О сельскохозяйственном налоге на 1935 г.» (СЗ 1935 г. № 30, ст. 237).

15. Об изменениях в законе «О самообложении сельского населения на 1934 г.» в связи с постановлением ЦИК и СНК Союза ССР «О самообложении на 1935 г.» (СЗ 1935 г. № 30, ст. 238).

IV. КОММУНАЛЬНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ХОЗЯЙСТВО

16. О передаче государственных предприятий, зданий и сооружений — пост. ЦИК и СНК СССР от 29/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 28, ст. 221).

V. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

17. Об утверждении инструкции Народного комиссариата здравоохранения РСФСР о повышении заработной платы медицинским работникам — пост. СНК СССР от 28/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 28, ст. 224).

18. О пособиях по временной нетрудоспособности для рабочих и служащих коммунальных предприятий (электростанций, гидростанций, водопровода, канализации) — пост. ЦИК и СНК СССР от 27/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 30, ст. 236).

VI. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

19. О предоставлении органам Главного управления пожарной охраны НКВД Союза ССР права производства расследования по делам о пожарах и нарушениях противопожарных правил — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 28, ст. 222).

20. О принудительном исполнении решений ведомственного арбитража — пост. СНК СССР от 14/IV 1935 г. (СЗ 1935 № 28, ст. 228).

21. Об уголовной ответственности за незаконный выпуск ценных бумаг и денежных суррогатов — пост. ЦИК и СНК СССР от 31/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 30, ст. 234).

22. О дополнении ст. 19 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»—пост. ЦИК и СНК СССР от 28/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 30, ст. 235).

Приветствия, поступившие на имя прокурора Союза ССР т. А. Я. Вышинского

Сталиногорск

Слет работников юстиции совместно с общественностью в лице членов групп содействия прокуратуре, производственных и сельских судов в количестве 800 чел. г. Сталиногорска шлет тебе, лучшему проводнику революционной законности, пламенный большевистский привет.

Собравшись на слет для обсуждения задач органов юстиции, в борьбе за выполнение решений июньского пленума ЦК нашей партии, мы выражаем полную уверенность в том, что под руководством нашей партии, во главе с т. Сталиным, сумеем доказать на деле нашу преданность делу социализма, в борьбе с остатками классово враждебных элементов как в городе, так и в деревне.

Особо уделим внимание выполнению важнейших задач, стоящих перед нами в данный момент, в деле успешного проведения уборочной, заготовительной и осенне-посевной кампаний.

Мы берем на себя обязательство конкретно и неуклонно выполнять поставленные перед нами задачи, каждый на своем участке, на стройке, в цеху, колхозе, совхозе и в бригаде, выявлять классово враждебные и хулиганствующие элементы и вести с ними решительную борьбу.

Все, как один, мы обязуемся всемерно содействовать правильной организации и максимальному укреплению советской судебно-прокурорской системы, как одного из важнейших рычагов пролетарского государства.

Заверяем тебя в том, т. Вышинский, что мы оправдаем оказываемые нам партией и советской властью доверие и свой долг исполним до конца.

Президиум слета

Карелия

Всекарельское совещание работников юстиции шлет вам свой пламенный привет.

Мы, работники юстиции Карелии, заверяем вас, своего испытанного руководителя на правовом фронте по борьбе со всеми врагами трудящихся Советского союза, что поставленные перед нами партией и правительством задачи по охране социалистической собственности и всемерном укреплении ревзаконности будут выполнены полностью.

За здравствует ЦК ВКП(б) и ее железный вождь т. Сталин.

Президиум совещания

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящий номер журнала „ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЗАКОННОСТЬ" выходит в увеличенном объеме (72 стр.) Объем следующего номера будет соответственно сокращен.

ИЗДАТЕЛЬ: **Государственное издательство Советское законодательство**

Отв. редактор **А. Я. Вышинский**
Редколлегия: **Г. М. Леплевский, А. А. Сольц, В. В. Сорокин, Л. М. Субоцкий, А. С. Шляпочников**

Адрес изд-ва: Москва, Красная площадь, здание ЦИК СССР, пом. 28.

Рукопись поступила в изд-во 26/VIII. Сдано в производ. 27/VIII; подпис. к печати 23/IX; форм. бум. 72×110/16; 4,5 п. л.; 10,65 авт. л. С.-04 п; № 190; в одном бум. лис. 225.600 зн.
Техн. ред. **В. Холмогорова**

Уполн. Главлита Б 12458. Зак. 1099 Тираж 10.000 экз.

15-я тип. ОГИЗ треста „Полиграфкнига", М. Дмитровка, 18.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на IV квартал 1935 г.
НА ЖУРНАЛЫ:

„ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЗАКОННОСТЬ"

Ежемесячный орган Прокуратуры СССР

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

на 3 мес. . . . . 3 руб.

„СОВЕТСКАЯ ЮСТИЦИЯ"

Ежедекадный орган НКЮ РСФСР

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

на 3 мес. . . . . 2 руб. 95 коп.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ в Главную контору подписных и периодических изданий КОГИЗа — Москва, Маросейка, 7

№ 6946

Цена 1 руб.

КО ВСЕМ ЧИТАТЕЛЯМ

Государственное издательство „Советское законодательство" приступило к составлению тематического плана на 1936 г.

В целях охвата планом наиболее актуальных тем по советскому строительству и праву, издания полноценных, марксистски выдержанных учебников для правовых вузов, юридических курсов и самообразования, а также выпуска книг по вопросам текущей практики судебно-прокурорских и следственных органов Издательство просит вас ответить на следующие вопросы, выяснение которых поможет полнее учесть потребность читательских масс:

1. Какие темы и в каком изложении вы считаете необходимым включить в план 1936 г.?
2. Какие книги помогли вам в вашей практической или научно-исследовательской работе?
3. Какие из прочитанных книг, выпущенных Издательством, вы считаете лучшими и что именно вы находите в них ценного?
4. Какие книги вы считаете неудачными и почему (сухость изложения, недостаточная конкретность, ошибочные положения, плохое оформление и т. д.)?
5. Что из ранее изданных книг нужно по вашему мнению переиздать?
6. Какие темы необходимо включить в план издания национальной литературы?

Издательство надеется на вашу активную помощь и ожидает от вас письменного ответа с указанием вашей профессии и стажа.

Ответы направляйте по адресу Издательства:

Москва, Красная площ., здание ЦИК СССР (б. ГУМ), помещ. 28.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО"

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОКТЯБРЬ

ОГИЗ * 1935
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

СОДЕРЖАНИЕ № 10

Стр.

А. Я. Вышинский — Против дезорганизаторов и трусов на водном транспорте — 1

Л. Мирошин — Об очередных задачах работников судебно-прокурорских органов — 22

А. Я. Вышинский — Ответ на ответ — 27

С. Голунский — Работа прокуратуры в кассационных коллегиях — 34

А. Гарцензон — О состоянии учета и статистики в органах прокуратуры — 37

М. Лакшин, К. Маслов, П. Тарасов-Родионов — Московская областная прокуратура в борьбе за переходящее красное знамя — 40

В. Лебединский — Прокуратура и суд в борьбе за животноводство — 45

А. Кирзнер. — Хулиганство — 48

Г. Гуров — История одной амнистии — 50

М. Р. — Языкотофельетона — 51

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза — 53

В Институте уголовной политики — 62

Официальный отдел — 63

Сводка важнейших постановлений — 69

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ
ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

ОКТЯБРЬ 1935 г. 10

Редакция:
Москва, Б. Дмитровка, д. 15

А. Я. Вышинский

Против дезорганизаторов и трусов на водном транспорте[1]

Товарищи верховные судьи! Не без трепета и волнения приступаю я к исполнению последней части своих служебных обязанностей государственного обвинителя по настоящему делу. Не без волнения приступаю я к этой тяжелой обязанности, потому что еще слишком свежи следы той раны, которая нанесена была нашей общественной совести позорным, предательским поступком командования парохода «Совет» и ряда обвиняемых, привлеченных по этому делу к уголовной ответственности. Я не без тревоги и волнения приступаю к исполнению этих обязанностей еще потому, что государственное обвинение призвано помочь вам, товарищи судьи, вынести справедливый приговор по делу, на которое обращено сейчас внимание всех трудящихся нашей страны, внимание всех работников нашего транспорта и водного транспорта в первую голову, потому что от вашего приговора ожидают тысячи, десятки, сотни тысяч трудящихся ответа на вопрос о том, кто виноват в гибели наших братьев, их жен, их детей, нашего государственного имущества, нашего корабля. От вашего приговора, от всего этого судебного процесса наши моряки и все советские честные граждане ждут ответа на вопрос и о том, что привело Каспийский флот к такому положению, когда в его историю оказалась предательской рукой Кривоносова и его сподвижников вписанной позорная страница небывалого среди советских моряков преступления. Ваш приговор должен будет ответить на вопрос о том, какие дальнейшие усилия должны быть предприняты всеми честными строителями нашего советского флота, чтобы никогда больше не повторялись подобные позорные явления. Нужно, чтобы этот процесс был первым и последним процессом этого рода, чтобы этот процесс раз навсегда покончил с возможностью повторения подобных явлений, раз навсегда и окончательно излечил те отсталые слои моряков Каспийского флота, которые еще находятся в его рядах, от болячек, недостатков и безобразий, какие являются порождением и пережитками старого капиталистического строя, пережитками таких отвратительных, проклятых «традиций капитализма», на которые указывал наш великий учитель В. И. Ленин, как анархия и беспорядок. Это большая задача, и я в своей обвинительной речи постараюсь представить суду и всей нашей стране, от имени которой я здесь выступаю государственным обвинителем, те мотивы, соображения, доводы и требования, которые должны будут прозвучать для виновных в позорном, кошмарном преступлении 28 мая на борту парохода «Совет» грозным наказанием, должны будут прозвучать и грозным предостережением для всех тех, кто так же, как они, попробовал бы стать на путь дезорганизации нашего советского флота, на путь нарушений своего морского служебного долга.

Известна фактическая сторона этого тяжелого дела. 28 мая этого года, всего три месяца назад, в 2 ч. 15 м. ночи, вследствие неосторожности, явившейся в свою очередь результатом распущенности, разгильдяйства и упадка служебной дисциплины, на пароходе «Советский Азербайджан» произошел пожар и взрыв, погубивший 27 чел. и стоивший кроме того Советскому государству самого парохода и груза. Несчастье может быть всегда и всезде. Но трагизм данного случая заключается не только в самом факте взрыва, катастрофы и гибели парохода «Советский Азербайджан». Трагизм заключается в том, что пароход «Советский Азербайджан» в момент катастрофы был не один, что на расстоянии 200 м на буксире его вел пароход «Совет», что этот пароход предательски бросил на произвол стихии своего гибнущего собрата и постыдно, с предельной скоростью, ушел прочь от места катастрофы, не оказав погибающим никакой, решительно никакой помощи!..

Известно, что вместо организации и помощи гибнущему пароходу «Советский Азербайджан»

[1] Обвинительная речь на процессе о гибели танкера «Советский Азербайджан» 28 августа 1935 г. в г. Баку.

пароход «Совет» по приказу капитана этого парохода Кривоносова, действовавшего совместно с помполитом Мигущенко и ст. механиком Чеботаревым, при попустительстве ряда работников команды этого парохода, о чем я буду говорить более конкретно дальше, развив полный ход, в течение 40—45 минут удалился от бедствующего судна на 8 миль, а вернувшись к нему только через три с лишним часа после взрыва, не принял всех должных мер к спасению корабля и вторично постыдно и трусливо бежал с места катастрофы. Факт беспримерный, невероятный, не знающий себе подобного в истории советского флота, давящий нас всей тяжестью и гнусностью этого преступления, запятнавший флаг советского флота тягчайшим образом, между тем как наш флот давал и дает ежедневно образцы подлинно героической советской работы.

Именно поэтому самое преступление командования и части команды парохода «Совет», самое оставление ими парохода «Советский Азербайджан» без помощи, постыдное бегство с места катастрофы, отказ в помощи и оставление без этой помощи бедствующего судна представляет собой такое явление, которое привлекло к себе не только все внимание трудящихся нашей страны, но и вызвало справедливый и заслуженный гнев нашей страны строящегося социализма, готовой вашим приговором беспощадно обрушиться на голову основных виновников этого дела.

В историю советского флота наши доблестные советские моряки вписали и продолжают вписывать не одну героическую страницу своих беспримерных подвигов, страницу, говорящую об их легендарных успехах, об их легендарной борьбе, о подлинном героизме, двигающем их поступками, о высоком сознании ими своего гражданского долга, долга советского человека и советского гражданина, доказавших на деле, на фактах, что они умеют жертвовать и своим здоровьем и даже своей жизнью, когда дело идет о спасении погибающих, когда дело идет о жизни и интересах человека, об интересах пролетарского государства.

Ледовые походы «Литке», «Сибирякова», «Красина» и «Седова», величественная эпопея затертого во льдах, погибавшего, но не устрашившегося ни на одну секунду легендарного «Челюскина», ведомого ледовым капитаном Воронины и доблестным академиком и исследователем арктических морей профессором Шмидтом, создали величайшие образцы доблести и героизма, венчающих славную работу советских моряков.

Никогда мы не забудем даты 16 мая 1932 г., когда советский корабль-танкер «Советская нефть», заметивший в Индийском океане огни, превратившиеся через несколько секунд в кошмарное пламя горящего и гибнущего океанского корабля, бросился на помощь погибающему французскому судну и, несмотря на то, что вез бензин, сумел организовать спасение людей, и в течение каких-нибудь 2—3 часа принял на свой борт 437 гибнущих пассажиров, команду парохода «Жорж Филиппар» и самого командира.

Перед лицом таких и им подобных фактов, составляющих наше украшение и позволяющих гордиться подвигами наших моряков, тем отвратительнее, тем безобразнее, тем гнуснее и позорнее слышать о преступлении предателей, сидящих сейчас перед нашей страной на позорной скамье подсудимых.

Не только на севере и юге, но и на востоке и западе наши моряки умеют совершать чудеса героизма. Я мог бы привести ряд фактов и из жизни Каспийского флота, говорящие о том, что и в Каспийском флоте не перевелись герои, умеющие прямо и честно, по-советски и пролетарски смотреть в глаза подстерегающей их на море ежесекундно смертельной опасности.

В качестве примера я мог бы сослаться на случай с пароходом «Юпитер» на Каспийском море, когда при погрузке сырой нефти от искры электропроводов произошел взрыв газа, охвативший капитанский мостик пламенем. Боцман Кузнецов, рискуя своей жизнью, закрыл люк, предотвратил распространение пожара и, таким образом, спас корабль от тяжелой опасности.

Я мог бы привести другой случай, когда весной 1935 г. пароход «Киров» в сильный шторм, ночью, рискуя сесть на мель и взорваться от удара о сидевший на мели бензиновоз «Галилей», благодаря героизму капитана Носкова, помполита Павловича и всей команды, снял бензиновоз «Галилей» с мели и не допустил гибели корабля.

Можно привести таких примеров немало, и моряки Каспийского флота знают эти примеры лучше меня. Если я сейчас говорю об этом, то лишь для того, чтобы еще раз защитить честь советского моряка от предателей, оскорбивших имя Каспийского флота.

Пять дней судебного следствия, проходившего перед всеми нами, с исчерпывающей полнотой и всесторонностью вскрыли основные причины как происшедшего, так и ряда других имеющихся, к сожалению, еще в Каспийском пароходстве недостатков.

Эти пять дней со всей очевидностью показали нетерпимость тех болезней и извращений, которыми еще, к сожалению, страдают отдельные участки работы нашего Каспийского флота.

Эти пять дней нашего судебного следствия, на мой взгляд, исчерпывающим образом вскрыли корни и причины этих пороков и дали нам в руки средства для искоренения этих недостатков.

Судебное следствие еще раз вскрыло и показало во весь рост, что отдельные звенья системы нашего водного транспорта и в особенности Каспийского водного транспорта еще далеко не освободились от пережитков прошлого, что еще значительная часть работников Каспийского флота не перевоспиталась в новом социалистическом духе в соответствии с новыми требованиями социалистического строительства, что многие работники водного транспорта и Каспийского водного бассейна все еще находятся в плену старых, унаследованных от капиталистического строя пережитков и традиций, борьба с которыми не ведется с должной настойчивостью ни по линии политико-воспитательной работы, ни по линии администрирования и развертывания различного рода профилактических, организационно-материальных и бытовых мероприятий. Судебное следствие показало не только на примере таких обвиняемых, как б. начальник ВОХР Штейнгольц, опереточная фигура которого вчера была показана здесь с исключительной яркостью, не только на примере такого обвиняе-

мого, как «начальник» пожарной охраны Гибшман, как представители службы эксплоатации в лице начальника службы эксплоатации Занько, не только на примере такого начальника порта, как начальник Красноводского порта Жуков, как помощники капитана Настасьев и Токаренко, как рулевой Соколов, не только на примере такого преступника, каким является помполит Мигущенко, но и на примере ряда свидетелей, вроде Пегрухова, Бовина и Табель, как глубоко вкоренились в психологию каспийских моряков, в их нравы, в их методы работы капиталистические пережитки и извращения, как эта буржуазная старая психология, воспитавшая рваческие, шкурнические, чисто волчьи навыки, привычки и настроения, еще далеко не искоренена из сознания многих и многих людей, работающих на водном транспорте. Даже Бузулуков, этот, несомненно, наиболее честный, наиболее прямодушный и явно способный на самопожертвование молодой моряк, и он тоже, правда, не по собственной инициативе, а соблазненный некоторыми вопросами защиты обнаружил все же непонимание новых требований, предъявляемых советской властью и пролетарским государством к морякам.

Я просил бы вас вспомнить тот разговор, который произошел между его защитником и мной несколько дней назад по вопросу о том, несет ли какую-либо ответственность матрос 1 класса Бузулуков за свое поведение в ночь с 27 на 28 мая 1935 г. на борту парохода «Совет». Я просил бы вас вспомнить объяснения, которые давал здесь обвиняемый Бузулуков по вопросу, затронутому членом Верховного суда Союза ССР т. Гайшпуйтом, напомнившим Бузулукову о многочисленных его дисциплинарных взысканиях, напомнившим ему относительно того, как он дважды был списан на берег за отказ от работы. Бузулуков очень характерно для моряков этой категории, с некоторой, этакой портовой, развязностью заявил: «Ну, что же, отказался от работы потому, что не хотел работать. Не хотел и отказался». Нам нужно было затем потратить десятка два добрых минут судебного следствия для того, чтобы в сознании этого честного, но уже испорченного молодого моряка пробудить понимание всей ошибочности, всей преступности этой точки зрения, зажечь искру гражданского понимания, искру чувства ответственности за свое отношение к работе в Советском государстве. Даже Бузулуков, не худший, я это утверждаю на основании и материалов дела и изучения этих людей, а лучший из сидящих на скамье подсудимых, и он дал образец того душевного гниения, от которого он оказался не свободным, будучи испорченным такими воспитателями, как Мигущенко и Кривоносов.

О чем говорит поведение Бузулукова в этой части? Оно говорит очень много о глубоко залегающих еще в жизни, в нравах, в психологии известной части моряков Каспийского флота отрыжках старого капиталистического строя, старого капиталистического мировоззрения, миропонимания. Оно говорит о том, что немало еще среди нас Бузулуковых, не понимающих того, что в пролетарском государстве, где власть принадлежит трудящимся, где проявляется величайший энтузиазм, величайший героизм и самопожертвование трудящихся, где под руководством нашей партии и великого вождя народов нашей страны и всех трудящихся мира т. Сталина строится новое социалистическое общество, нетерпимо подобное отношение к трудовой дисциплине, нетерпимо подобное отношение к обязанности трудиться на славу и благо нашего Советского пролетарского государства. В капиталистическом обществе уместно и законно, когда рабочий взрывает капиталистический строй и разрушает палочную капиталистическую дисциплину на предприятиях, принадлежащих заводчикам, фабрикантам и банкирам. В Советском государстве, при диктатуре рабочего класса, при господстве советской власти, такой образ действий незаконен и преступен, и это надо понять, и понимание этого надо положить в основу своей работы и всей своей жизни.

Понимают ли это Бузулуковы, Берковские, Елкины, Рыбины? Я нарочно назвал тех, которые являются лучшими из сидящих на скамье подсудимых. Я должен на этот вопрос ответить: не понимают... Не понимает этого и Бузулуков, только в результате последующего допроса усвоивший, и то только частично, свою вину перед пролетарским государством. Такое преступное отношение к задачам пролетарской дисциплины само по себе является нередко результатом кулацко-капиталистических настроений и пережитков, таящихся еще в глубине психологии некоторых слоев трудящихся, которые, как говорил Владимир Ильич, не отделены китайской стеной от старого капиталистического общества.

С этим надо покончить, покончить надо с непониманием принципиальной разницы между капиталистической, крепостнической дисциплиной и нашей пролетарской дисциплиной труда, с непониманием того, что мы не можем допустить в нашем хозяйстве, в нашем государстве таких отношений к государству, которые в какой бы то ни было мере были способны поколебать самые устои нашей советской пролетарской дисциплины.

«Крепостническая организация общественного труда, — писал в свое время Владимир Ильич, — держалась на дисциплине палки при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которым издевалась горсточка помещиков. Капиталистическая организация общественного труда держалась на дисциплине голода и огромная масса трудящихся, несмотря на весь прогресс буржуазной культуры и буржуазной демократии, оставалась в самых передовых цивилизованных и демократических республиках темной и забитой массой наемных рабов или задавленных крестьян, которых грабила и над которыми издевалась горстка капиталистов».

Вот что представляет собой крепостническо-помещичья дисциплина труда и буржуазно-демократическая дисциплина труда.

От этой буржуазной дисциплины принципиально отличается коммунистическая дисциплина труда.

«Коммунистическая организация общественного труда, — писал В. И. Ленин, — к которой первым шагом является социализм, держится, и чем дальше, тем больше будет держаться, на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов».

Эта новая дисциплина держится на свобод-

ном труде, на труде, лишенном и тени какой бы то ни было эксплоатации, на труде все более и более становящемся, как учит наш великий вождь и учитель т. Сталин, «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства» миллионов и миллионов рабочих и крестьян нашей страны. «Эта новая дисциплина,— писал Ленин,—не с неба сваливается и не из добреньких пожеланий рождается, она вырастает из материальных условий крупного капиталистического производства, только из них... А носителем этих материальных условий или проводником их является определенный исторический класс, созданный, организованный, сплоченный, обученный, просвещенный, закаленный крупным капитализмом. Этот класс— пролетариат» [1].

И я думаю, что наша задача, как и задача любого отряда строителей нашего социалистического общества, в том числе и тех, которым поручена политико-воспитательная работа во флоте, заключается в том, чтобы всю свою работу построить так, чтобы в результате ее были еще более высокие показатели, еще более грандиозные успехи, создаваемые усилиями организованного, сплоченного, обученного, просвещенного и закаленного в классовых боях рабочего класса. С этой точки зрения, то, что мы здесь слышали относительно политико-воспитательной работы на судах Каспийского пароходства, не выдерживает никакой критики. Если судить о представителях этой политической работы по таким работникам, как помполит Мигущенко, то надо прямо сказать, что здесь мы имеем пустое место в лучшем случае. Так вести политработу, как вел Мигущенко, значит воспитывать лодырей, дезорганизаторов производства, значит служить не делу пролетарской революции, а делу контрреволюции. То преступное отношение к делу укрепления пролетарской дисциплины на производстве, в труде, в быту, в опасностях, обнаруживаемое до сих пор, к сожалению, еще значительным количеством людей, работающих в Каспийском флоте, вытекает из непонимания всей важности и значения этих задач, непонимания того, что правильное решение этих задач является верным ключом к решению основной задачи организации пролетарского социалистического флота, умеющего на требования Советского государства и советской власти отвечать всегда и при всех условиях единодушным старым морским односложным ответом: «есть».

На XVI съезде партии т. Сталин в числе основных мероприятий по повышению производительности труда указывал на товарищескую трудовую дисциплину. В исторической речи 30 июля этого года на приеме в Кремле награжденных работников железнодорожного транспорта, т. Сталин, говоря на эту тему, обращал внимание на необходимость так строить работу на транспорте, чтобы она отличалась слаженностью всех частей, чтобы она велась в строго определенном порядке. Это, говорил Сталин, и есть то, что называется дисциплиной на транспорте. Здесь дается для нас, в частности в нашем сегодняшнем процессе, могучая точка опоры для борьбы против взглядов тех, которые пытались здесь протащить противопоставление одного из всех этим всем. И что греха таить! — пытались протащить взгляды, которые еще имеют рождение и за стенами этой судебной залы. Я знаю, что когда стало известно о привлечении к ответственности команды парохода «Совет», в головах некоторых людей возникал вопрос: «А что же могла сделать команда, что мог сделать Иванов, Петров, Сидоров, люди подначальные, если у них оказался такой руководящий состав, такой так называемый треугольник?»

Я постараюсь показать, что ни с одного член коллектива, ни с одного члена команды, кто не принял необходимых мер воздействия на шкурников, не снимается ответственность даже, если вы оправдаете того или иного обвиняемого, сидящего на скамье подсудимых, а я буду просить вас в отношении некоторых лиц вынести оправдательный приговор. Даже оправданные должны будут выйти отсюда, из этого процесса, если вы вынесете им оправдательный приговор, не с высоко поднятой головой, а с низко опущенными глазами, стыдясь того, что совершилось на их глазах в трагическую ночь 28 мая, того, что они не сумели свою попытку организовать спасение погибавших довести до конца и уступили оказавшимся во главе парохода «Совет» негодяям.

Тов. Сталин говорил 30 июля о том, что товарищескую трудовую советскую пролетарскую дисциплину мы познаем по слаженности всех частей коллектива. Это указание т. Сталина дает нам право провозгласить ответственность каждого члена коллектива за неоказание помощи, так как здесь у нас, на советской земле господствует принцип: один за всех и все одного. Это — принцип советского строительства в противоположность принципу капиталистического строя, где «всяк за себя, а бог — за всех»...

По поводу дисциплины у железнодорожников т. Сталин говорил, что у железнодорожников есть работники на больших постах и работники, стоящие на небольших постах, но нет на транспорте людей ненужных или незначительных. Начиная от самых больших руководителей и кончая «малыми работниками», вплоть до стрелочника, вплоть до смазчика, вплоть до уборщицы, все велики, все значительны, ибо транспорт является конвейером, где важна работа каждого работника, каждого винтика. «Когда вы это поймете, товарищи железнодорожники, — говорил т. Сталин, — когда вы установите слаженность всех частей, всех работников в механизме транспорта, это и будет настоящая, большевистская дисциплина».

Тов. Сталин указал далее на средства и пути создания этой настоящей большевистской дисциплины. Она создается не приказами, содержащими в себе выговоры и взыскания, хотя, конечно, без выговоров и взысканий обойтись иногда нельзя, но едва ли я ошибусь, если скажу, что в некоторых наших советских учреждениях, а Каспар в этом отношении не составляет никакого исключения, выговорами и взысканиями слишком злоупотребляют, думая, очевидно, по старой русской пословице, что за одного битого двух небитых дают и что, следовательно, чем больше бить людей приказами, выговорами, перемещениями, снятиями с должностей и т. д., тем лучше вырабатывается, я бы сказал, «выбивается» работник.

[1] Ленин, т. XXIV, стр. 336.

Тов. Сталин и вся наша партия не раз предостерегали против такого отношения к этому вопросу. Историческая речь т. Сталина 4 мая на выпуске военных академиков в Кремле, говорящая о выращивании кадров, указание т. Сталина о том, что нужно к кадрам подходить, как садовник подходит к своему дереву, которое он любовно растит и воспитывает, подчеркивает необходимость воспитательной работы, необходимость широкого развертывания самокритики как способа воспитания кадров, как средства создания подлинной большевистской трудовой дисциплины.

Необходимо, — говорил т. Сталин, — строить свою работу так, чтобы вскрыть недостатки эти при помощи смелой и решительной самокритики. Без критики двигаться вперед нельзя. Эта истина, говорит т. Сталин, чиста и прозрачна, как чиста и прозрачна ключевая вода...

На этом процессе мы видели, что на ряде участков работы Каспара этой чистой и прозрачной ключевой воды не видать.

Как обстояло дело на этом самом злополучном пароходе «Совет»? Когда молодой состав команды пробовал требовать от своего командования добросовестных действий, раздавался один ответ: «Пошли вон с мостика, не суйтесь не в свое дело, без вас знаем, что делать». Помполит Мигущенко, очевидно, так понимал свои задачи по осуществлению в своей работе большевистской самокритики. А между тем это действительно могучее оружие, дающее возможность нам исправлять самые, казалось бы, неисправимые и вопиющие недостатки.

Разве не благодаря критике мы сумели здесь на процессе разоблачить фигуру Устимовича, который, как вы помните, на мой вопрос на вчерашнем заседании—есть ли у него братья—забыл о том, что у него имеется целых четыре брата, и заявил, что у него братьев нет?

Разве не в порядке критики мы сумели разоблачить спекулянта Штейнгольца, прикрывавшегося партийным билетом?

Наш судебный процесс — это одно из самых острых орудий нашей большевистской критики. И, разумеется, только широко используя методы критики и самокритики, мы сумеем создать настоящую дисциплину, настоящие советские кадры.

И при помощи этой дисциплины, при помощи сознательного, социалистического отношения советских кадров к своему долгу, к своим обязанностям, мы сумеем и дальше двигаться вперед, каждый день принося на алтарь нашего отечества новые и новые успехи великого социалистического строительства. Без дисциплины нет транспорта, как нет и всего социалистического строительства. Враги дисциплины—это враги пролетарского государства. Это враги социализма. Эти враги — шкурники, бузотеры, лодыри, сопливые тетери вроде третьего помощника капитана Токаренко, дезорганизаторы вроде бросившего руль Соколова, прямые предатели вроде Кривоносова, Мигущенко и Чеботарева, саботажники и рвачи вроде Гибшмана и Штейнгольца. По всем этим шкурникам и саботажникам пролетарская революция бьет сокрушительным огнем, мужественно и бесстрашно вырывая из рядов работников водного транспорта этих слизняков и прямых врагов народа, своими преступлениями позорящих честное имя советского моряка!..

Я буду просить суд, определяя степень вины каждого и ответственность каждого из них по этому делу, руководствоваться именно этими соображениями, требующими от нас беспощадной расправы со шкурниками, лодырями, дезорганизаторами, требующими решительных мер подавления подобных преступлений, решительных мер защиты интересов социалистического государства и всех трудящихся.

Наш сегодняшний процесс должен, наконец, заставить кое-кого из работников Каспийского флота подумать о том, что пришло время по-настоящему поднять дисциплину на водном транспорте.

Приказ наркома водного транспорта от 16 июня 1935 г. о борьбе с авариями на водном транспорте говорит, что, без решения этой основной задачи, того решительного и необходимого улучшения в этой области, которое мы ожидаем от нашего транспорта сейчас же и немедленно, мы не получим.

Ведь только за один 1934 г. по одному нашему речному транспорту мы имели пять с половиной тысяч аварий. По морскому транспорту мы имели до 400 аварий. Аварийность судов Каспара характеризуется тоже серьезными цифрами.

В 1934 г. по Каспийскому бассейну мы имели 272 аварии. Из них на один Нефтефлот падает 177 аварий, причем основная причина аварий лежит в недисциплинированности личного состава флота. По крайней мере 50 процентов всех аварий падает на этот счет.

В 1935 г. мы имеем, к сожалению, не улучшение в отношении аварий на Каспийском море, а ухудшение. Мы только за 8 месяцев 1935 г. уже имели 207 аварий, считая в том числе и гибель «Советского Азербайджана», причем из общего числа аварий свыше 70% относится к судам нефтяного флота. И здесь в большинстве своем аварии имели место по вине как раз командного состава. Число аварий растет. Если в июне их было 20, то в июле их стало 36. Вот почему я подчеркиваю с такой энергией значение состояния трудовой дисциплины в борьбе с авариями и подобными им преступлениями.

Положение в Каспийском флоте с дисциплиной стоит не на должной высоте, а в отношении отдельных участков, надо прямо сказать, далеко неудовлетворительно. И, являясь далеко неудовлетворительным, это положение заставляет нас думать о тех средствах борьбы с этим явлением и о той ответственности, которую должны нести за это и непосредственные руководители тех или других частей Каспийского флота.

Как характеризуется положение дела в Каспаре по данным правительственной комиссии, материалы которой находятся в настоящем деле? Мы видим, что плавсостав ряда мелких нефтеналивных судов Каспийского флота в сильнейшей степени засорен хулиганствующими элементами, что этим судам внимания почти не уделяется, ибо главным образом оно было сосредоточено на крупных танкерах. Подбор личного состава на мелкие суда производится в ряде случаев помимо капитана отдельными службами Каспара, которые направляют на суда людей без всякой проверки, подготовки и отбора. И это мы видели на этом процессе очень ярко. Когда мы спрашивали Мигущенко: знает ли он, что у Бузулукова имеется пять

взысканий, оказалось, что о половине их, по крайней мере, он не знает, да если бы он и знал, это ничего не означало бы, потому что и у самого капитана Кривоносова имеется чуть ли не такие же пять взысканий, если не больше. В Каспийском флоте на взыскания принято смотреть, как на обычное явление. Кто-то из подсудимых прямо так и сказал: «я с такими мелочами не считаюсь». Для него не важно, что один раз ему объявили выговор, другой раз — строгий выговор, потом сняли его с парохода и т. д. Это считается здесь «мелочью»... Имеется масса случаев, когда уволенный с одного судна за хулиганство, за какой-нибудь дезорганизаторский поступок, за пьянство, сейчас же принимается на соседнее судно как ни в чем не бывало. Таким образом не ведется никакой борьбы с хулиганствующими элементами. Мы имеем благодаря отвратительной постановке дела подбора кадров на суда такое положение, когда Каспийский флот поражает текучестью своего личного состава. Мы имеем на большинстве нефтеналивных судов и в особенности мелкотоннажных судов такую текучесть, пример которой мы видели на пароходе «Лафарг».

На этом пароходе вся команда, состоявшая из 28 чел., дала в день обследования 78 уволенных и 56 вновь принятых, т. е. личный состав этого парохода переменился за какие-нибудь полгода три раза!..

В Каспийском флоте, как правило, мы не видим должного отношения к кадрам, к воспитанию, к подбору кадров, которое является основным рычагом правильной организации работы. Я не говорю уже о том, что мы имеем здесь такие возмутительные факты, как направление Каспаром на пароход «Советская Украина некоего Муратова, 9 раз до того уволенного за хулиганство. 9 раз человек увольняется за хулиганство, а отдел кадров Каспара направляет его в десятый раз на пароход «Советская Украина», вместо того чтобы направить этого хулигана в концентрационный лагерь!..

Мы имеем возмутительнейшие случаи, когда на этом же самом пароходе «Совет» личный состав менялся по нескольку раз. Несколько матросов с парохода «Совет» переменили за год по 5—7 судов. Ясное дело, что при таком составе, при таком состоянии кадров ни о какой дисциплине на море говорить не приходилось!..

Не менее неудовлетворительно была поставлена здесь техническая учеба и политическое воспитание. Формально, конечно, имеются на всех пароходах помполиты. Формально проводятся разного рода беседы и занятия, но что они представляют собой видно из того, что на танкере «Советская Украина» после беседы о бдительности и коммунисты и беспартийные работники сразу же отправились на вахту спать. Поговорили о бдительности, пошли на вахту и заснули! Это свидетельствует о том, что по-настоящему политработа здесь не велась. А это в свою очередь привело к крайней расхлябанности, к безобразно-преступному отношению ряда работников Каспара к своим обязанностям. В самом деле, разве не безобразно-преступно поведение таких «господ», как Штейнгольц, который, получивши телеграмму или телефонограмму о происшедшей на море катастрофе, в течение двух дней ничего не сделал для того, чтобы организовать помощь, чтобы отправить на место спасательный пароход. Штейнгольц палец о палец не ударил, по его собственному признанию чтобы притти на помощь терпящему страшное бедствие пароходу. Вот, товарищи, обстоятельства, которые характеризуют состояние на Каспийском море трудовой дисциплины, которые говорят о глубоком развале дисциплины на ряде судов и на отдельных участках береговых служб Каспара.

Эти обстоятельства надо бесстрашно вскрыть, взвесить, понять.

Французская пословица говорит: «Понять — значит, простить». Но с таким же правом можно сказать: «Понять — значит осудить и наказать»... Я уверен, что если ваша совесть и подскажет вам слова прощения в отношении некоторых подсудимых из нижней и верхней команды, то в отношении других обвиняемых, особенно же в отношении руководства парохода «Совет», она подскажет вам необходимость вынесения сурового и даже беспощадного приговора.

Каспийский флот играет громадную роль в хозяйственной жизни нашей Советской страны. На Каспийский флот возложена одна из самых ответственных задач — снабдить топливом нашу страну, всю страну, питающуюся бакинской нефтью, азербайджанской нефтью, дать пищу и нашему железнодорожному транспорту и самым разнообразным отраслям нашей новой социалистической индустрии. На Каспийский флот возложена, таким образом, громадная хозяйственная, следовательно, и политическая ответственность. И поэтому задача выполнения плана перевозок есть важнейшая хозяйственная задача, поставленная перед всеми трудящимися Азербайджана. Советский флот обогащается новыми судами. Правительство делает все для того, чтобы поднять техническое и материально-организационное состояние флота на необходимую и должную высоту. Но, к сожалению, этого нельзя сказать про целый ряд работников Каспара, отдельные представители которого сидят здесь на скамье подсудимых. Больше того, подсудимые из числа работников Управления Каспара создали и широко распространяли глубоко вредную, буквально контрреволюционную «теорию» о том, что техническое состояние Каспийского флота, якобы, не позволяет выполнять план перевозок без угрозы самим нефтеналивным судам. Это они пустили в обращение преступную мысль, что технические и противопожарные требования, предъявляемые к Каспийскому флоту, невыполнимы, что выполнение этих требований невозможно, что подчиняться этим требованиям и выполнять правила перевозки — значит ставить наливной флот на прикол... Эта насквозь гнилая, не только оппортунистическая, но прямо контрреволюционная клевета на наш флот, на людей нашего флота, должна получить в вашем приговоре суровый отпор, жестокий отпор. Эта «теория» прикрывает разгильдяйство, халатность, бездействие, влекущие за собой такие преступления, как те, которые привели пароход «Советский Азербайджан» к гибели. Не трудно доказать, суммируя материалы судебного следствия, что при всех тех недостатках, какие имеет, к сожалению, часть судов Каспийского флота, мы можем прекрасно выполнять план, не противопоставляя задачам выполнения плана задачу сохранности самого

флота, интересы его безопасности. И мы должны подчеркнуть, что никто не позволит и никому не позволит выполнять план перевозок, рискуя судами и жизнью людей. У нас в этом деле, правда, есть трудность, но эти трудности должны быть преодолены, потому что нет таких трудностей, которые большевики не могли бы преодолеть, как нет крепостей, которых они не могли бы взять.

Чем больше трудностей, тем более необходимо мобилизовать внимание на преодоление этих трудностей; чем труднее выполнять те или иные задачи, в силу тех или других особенностей самого технического состояния дела, тем важнее, тем более необходимо мобилизовать все силы на то, чтобы создать условия, обеспечивающие выполнение этих задач, преодоление этих трудностей. Здесь выступает на первый план профилактическая работа. А как обстояло дело с профилактической работой в Каспийском флоте в бытность Занько начальником службы эксплоатации, в бытность Устимовича начальником Регистра, в бытность всех этих Багненко, Беляковых и др.? Я буду об этом говорить более подробно дальше, сейчас же ограничусь только общей характеристикой. Положение в Каспаре, под руководством и благодаря участию в этом руководстве Устимовича и Занько, было крайне неудовлетворительно. Профилактическая работа не велась, никаких технических мероприятий по существу не проводилось. Служба Регистра своих обязанностей не выполняла. Служба эксплоатации свои обязанности нарушала Достаточно вспомнить их отношение к такому вопросу, как принятие мер по спасению потерпевшего тяжелую аварию парохода, чтобы сказать, что в Каспаре было полное разложение. Занько сам говорит, что порядка в Каспаре не было. Но если начальник эксплоатации, хотя и ссылающийся на то, что он проработал лишь четыре месяца и не мог за этот срок преодолеть всех старых традиций, которые он тут застал, если он так характеризует положение вещей, то можно легко представить себе, как действительно здесь обстояло дело!.. На вопрос о том, в чем заключается этот беспорядок в Каспаре, которого якобы не преодолел или не сумел преодолеть, или не захотел преодолеть Занько, он ответил прежде всего указанием на обезличку, причем указал, что в Каспаре не было даже человека, который бы наблюдал за качеством перевозимой нефти.

«Я, — сказал обвиняемый Занько, — как начальник службы эксплоатации, виновен в недостаточном принятии мер по обеспечению этого наблюдения».

А между тем именно здесь лежали основные задачи службы эксплоатации, потому что, если служба эксплоатации не заботится о том, чтобы качество или разряд перевозимых нефтей соответствовали разряду или технической подготовленности корабля, то эта служба эксплоатации не выполняет основной своей обязанности, основной своей задачи, основной своей роли, ради которой эта служба эксплоатации по существу и создана.

Характеризуя общее положение в Каспаре, обвиняемый Занько не постеснялся признать, что капитаны не были инструктированы, как обращаться с нефтью, плохо знали правила нефтеперевозок, а он, Занько, и его подчиненные не принимали мер к тому, чтобы эти правила они знали, чтобы это дело было поставлено так, как это соответствует интересам флота и государства.

Вы знаете, что причины той катастрофы, какая случилась с пароходом «Советский Азербайджан», лежат в грубом, преступном нарушении правил перевозки нефтегрузов.

На судебном следствии мы установили, что в этом отношении существовало самое преступное поведение руководящего состава Каспийского флота, Каспийского пароходства. Достаточно сказать, что начальник службы эксплоатации Занько вообще не имел никакого понятия ни об аппарате Абель-Пенского, ни о температуре вспышки перевозимой на наливных судах нефти, ни о соответствии судов качеству и особенностям этой нефти, т. е., иначе говоря, не знал самого основного, что должен был знать и без чего нельзя работать, т. е. он не знал, не имел понятия о том, может ли данный конкретный груз быть погруженным на данный пароход и какие технические условия надо соблюсти для того, чтобы этот груз не взорвался и чтобы не погибли и люди и сам пароход. Именно эта задача не была поставлена по существу перед службой эксплоатации. Достаточно констатировать эти факты для того, чтобы притти к заключению о серьезной ответственности начальника службы эксплоатации и ему подчиненных лиц за такого рода халатно-преступное отношение к своим обязанностям.

Когда мы спрашивали Занько, признает ли он себя виновным в том, что он не знал системы определения температуры вспышки и несет ли он ответственность за это, то он — и надо отдать ему справедливость — прямо и честно сказал: да, виновен в этом и должен нести ответственность за это, как и за то, что под нефтедагскую нефть подавались суда второго и даже третьего разряда.

Но чудовищно было слышать из уст начальника службы эксплоатации объяснение, которое он дал суду по этому вопросу. Мы, сказал Занько, знали, что анализ в Красноводске сделан по Бренкену, а не по Абель-Пенскому, но мы не знали других методов определения вспышки. Для того, чтобы обеспечить надлежащую постановку производства анализа, надо было, говорит он, сломать существующую в Каспаре систему. А почему вы не сломали ее? Неужели вам недостаточно было 3—4 месяцев вашей работы для того, чтобы сломать эту систему? Чтобы сломать эту систему, надо было знать, во-первых, что нужно ее сломать, во-вторых, нужно было желать ее сломать и, в-третьих, нужно было уметь ее сломать. Вы не знали, вы не желали и вы не умели ломать бюрократические извращения, и за это вы должны отвечать.

Что собственно представляет собой обвиняемый Занько, видно из того, что он даже после катастрофы с пароходом «Советский Азербайджан» давал распоряжение грузить нефтедагскую нефть на суда несоответствующих категорий. Это он сам здесь подтвердил и в качестве оправдательного довода сослался на то, что это — неизбежно, что и сейчас это продолжается. Сейчас, гр. Занько, это уже не продолжается. Это уже первый реальный результат нашего судебного процесса, а если это будет продолжаться, то и остальные чиновники, которые посмеют нарушать правила перевозок, будут также привлечены к суду и

будут также строго наказаны, как, я надеюсь, будет наказан сам подсудимый Занько. Я тут же должен сказать, что при определении наказания обвиняемому Занько нельзя забывать, что Занько не впервые вообще несет наказание. С должности начальника Черноморского пароходства он был снят с понижением; он подвергался четырем партийным взысканиям. Я думаю, что соответственно вине, которая была установлена в этом процессе и признана самим Занько, он должен будет понести и уголовное наказание.

«Инструктирование экипажа судов нами не производилось, каких-нибудь предохранительных специальных мер нами также принято не было», — говорит Занько.

Зная абсолютную опасность нефтедагской нефти, Занько не может не признаться в том, что он не имел достаточного представления о размерах этой опасности. Это одно уже является признанием его тяжелого преступления перед государством потому, что мы не можем стать на такую точку зрения, что раз я не знал, то значит я не отвечаю. Мы требуем ответственности и за незнание, мы требуем, чтобы лица, возглавляющие те или иные управления или даже отдельные части управления, знали то, что они должны знать, а если они этого не знают, то они должны отвечать за это незнание, если это незнание явилось причиной развала всей порученной им работы или явилось причиной какой-либо катастрофы.

Поэтому подсудимый Занько пусть не надеется на то, что ссылка на невежество может освободить его от ответственности. «Я не знал, мне было неизвестно, я знал только Бренкена, об Абель-Пенском не имел понятия» — вот как оправдывается Занько. Именно потому, что вы, гр. Занько, не имели понятия о том, что обязаны были знать в силу своего служебного положения — вы и должны отвечать и отвечать вдвойне, потому что, если вас назначили начальником службы эксплоатации, доверив вам руководство делом использования и эксплоатации флота, отдав в ваши руки судьбу всего флота и живых людей, то мы вправе требовать, чтобы вы знали свое дело и добросовестно и честно выполняли свои ответственные обязанности.

Характерно, и я едва ли ошибусь, говоря, что именно это и характеризует Занько, что он тут на суде это незнание, это невежество пытался выдать за некую свою добродетель. Во всяком случае это свое невежество он пытался превратить в средство защиты и спасения от обвинительного приговора суда. Такая защита порочна в корне, и я надеюсь, что суд решительно отвергнет подобные мотивы защиты.

Вина Занько усугубляется тем, что он не принимал никаких мер для того, чтобы обеспечить Каспийскому флоту безопасность перевозки нефтегрузов.

В подкрепление этого пункта обвинения я хотел бы напомнить показания свидетеля Байкина, говорившего здесь о том, что он предупреждал начальника службы эксплоатации Занько о крайней опасности перевозки нефтедагской нефти, настаивая на дополучении подобных данных анализа этой нефти, которые требовались инженером-химиком Леоненок. Тем не менее, и несмотря на то, что Занько предупреждали об особой опасности нефтедагской нефти и Байкин, и Леоненок, он никаких мер как начальник службы эксплоатации для предотвращения катастрофы с перевозкой подобного груза не принял, и катастрофа произошла. Может ли теперь Занько говорить, что на нем не лежит крупнейшая доля ответственности за взрыв на «Советском Азербайджане» и за гибель «Советского Азербайджана»? Может ли Занько отрицать и смеет ли он отрицать, что он должен нести эту ответственность и перед советским судом и перед Советской страной? Я утверждаю, что он эту ответственность должен нести и что эта ответственность является очень серьезной.

Мы здесь видели свидетеля Петрухова, начальника наливного участка в Красноводском порту. Оказывается, Петрухов тоже о вспышках нефтедагской нефти, о ее своеобразии и опасности ничего не знал. Мы спрашивали капитанов судов, и они, оказывается, об этом тоже не знали. Больше того, капитаны судов даже, оказывается, не знают категорий своих судов, т. е., иначе говоря, они не знают того, какие вообще грузы они могут перевозить и какие грузы он не имеют права перевозить. Они обнаружили громадное невежество и в отношении других мероприятий, связанных с перевозкой опасных грузов, и в частности пожарных мероприятий. Все это вместе взятое ставит с полной силой вопрос о вине Занько как начальника службы эксплоатации, ставит вопрос о том, что служба эксплоатации была доверена, к сожалению, человеку, не оправдавшему этого доверия, отнесшемуся к своим обязанностям преступно-легкомысленно, формально бюрократически, не умевшему работать и не сумевшему поставить эту работу на надлежащую высоту.

Свидетель Леоненок говорил, что у него нет всех материалов исчерпывающего и полного анализа нефтедагской нефти, что, однако, эта нефтедагская нефть по тем данным, какие у него имелись, принадлежит к легкой нефти, т. е. что она о ч е н ь огнеопасна, что ближе всего она подходит к тем нефтяным группам, которые содержат бензин, широкие бензиновые фракции или лигроин, что она может быть перевозима только на тех нефтесудах, на каких перевозились такие же огнеопасные нефтепродукты, как нефтесмесь. Таким образом со своей стороны свидетель Леоненок принял меры, которые должны были бы быть учтены Занько для предотвращения опасности и катастрофы. Занько и в этом направлении ничего не сделал. Занько в этом отношении проявил преступную небрежность, преступное нарушение своих служебных обязанностей. Поэтому я полагаю, что то обвинение, которое ему предъявлено по настоящему делу, является достаточно обоснованным, и что я вправе требовать для Занько заслуженного им наказания.

Обвиняемый Занько должен нести ответственность по всей строгости уголовного закона и в частности по ст. 79[3] УК Азербайджанской ССР.

Не лучше обстояло дело и с Регистром. Я уже не говорю о том, что в сущности говоря, Регистр здесь существовал только формально. Устимович не выполнил как начальник Регистра своих основных обязанностей, которые заключаются в осуществлении технического надзора за состоянием судов, их корпусов, их котлов, оборудования и т. д. потому, что ту

работу, которую он проделал здесь вкупе с Занько, никак нельзя назвать действительным осуществлением тех задач, которые на них были возложены постановлением СТО Союза ССР о Регистре Союза ССР.

Вспомните хотя бы такой факт, как вот этот знаменитый перевод, скоропалительный, кабинетный перевод целого ряда судов — III категории во II категорию, с оговоркой: «проверить на II категорию». Всем совершенно очевидно, что это были обычные бюрократические оговорки, имеющие целью самострахование. Совершенно ясно, что никакой проверки производить не предполагалось, да она и не производилась, что самым фактом составления этого исторического мартовского протокола суда III категории уже были переведены во II категорию. Устимович пытался оспорить даже участие Занько в разбивке флота на категории. Он пытался принять это целиком на себя. Я против этого не возражаю. Устимович приписывает всю «заслугу» этой «работы» себе — пусть будет так, но пусть он целиком тогда берет на себя и всю ответственность за эту безобразную бюрократическую работу. Она была именно безобразно-бюрократической потому, что прошло лишь 2 месяца, и те же суда, которые были отнесены ко II категории, тем же Регистром, теми же самыми Устиновичем и Занько были вновь переведены в III категорию, т. е. тем самым полностью было подтверждено, что первоначальный перевод во II категорию не имел достаточных оснований. Но этот факт свидетельствует о безобразно легкомысленном отношении б. нач. Регистра Устимовича и б. нач. эксплоатации Каспара Занько к одной из основных задач их работы. Преступность действий Устимовича и Занько усугубляется еще тем, что этот обратный перевод судов II категории в III категорию был осуществлен лишь после того, как взорвался и погиб пароход «Советский Азербайджан».

Я обвиняю Устимовича в отсутствии наблюдения за техническим состоянием судов и безопасностью плавания. То, что здесь мы на суде узнали по этому вопросу, целиком подтверждает правильность предъявленного в этом отношении к Устимовичу обвинения. Мы знаем также, что Устимович не организовал и правильного наблюдения за тем, чтобы суда имели право на плавание. Ведь то, что здесь на суде так отчетливо раскрылось с «Советским Азербайджаном», который вышел в море, не имея права плавания и плавал почти месяц или даже больше без права плавания, свидетельствует о том хаосе, о том беспорядке, о том безобразии, которые существовали в этом деле в Управлении Регистра. Когда явились к обвиняемому Белякову для того, чтобы получить разрешение на выход в море, он даже не постарался проверить, а есть ли у «Советского Азербайджана» право плавания? Оказалось, что это право плавания истекло чуть ли не 1 февраля!.. А Регистр этого не знал, Регистр этого не проверил, и танкеры плавали, как бог на душу положит. Эти факты прошли перед нашими глазами. Они свидетельствуют о том, что в этом отношении работа не стояла на должной высоте. За это дело отвечает Устимович, фигура которого для нас совершенно ясна. Ведь это тот самый Устимович, который как я уже здесь в начале процесса говорил, на мой первый вопрос, есть ли у него братья, не моргнув глазом, ответил: «Братьев нет», и вслед за тем, на мой вопрос, а есть ли у него брат Василий, ответил—«Да, есть брат, но это знаете ли не брат, это так, это от первого брака моего отца»... Оказывается, что для Устимовича сын его отца не является его братом. Ложь Устимовича тут же была вскрыта. Оказалось, что у Устимовича есть еще два брата и что все эти братья — бывшие царские офицеры, как и сам Устимович, а один из братьев — не только бывший офицер царской армии, но еще и бывший пристав, а Устимович об этом «забыл». Он очень упорно доказывал, что он ничего не скрывал, ссылаясь на то, что если он, этот брат своих братьев, и не говорил об этом своей парторганизации (а ведь Устимович пролез в партию), то только потому, что его об этом не спрашивали. Устимович был нами полностью изобличен. Это тот самый Устимович, который забыл совершенно о том, что жил был на свете такой лейтенант Кедров, забыл, что была в г. Або гостиница «Штандарт» и, что всего интереснее, забыл, что у этого лейтенанта Кедрова в гостинице «Штандарт» пропала некая шкатулка, в которой находилась некая сумма денег, и что подозрение в пропаже этой шкатулки, а по существу в краже денег, пало на б. лейтенанта Устимовича. Оказалось, что б. лейтенант Устимович обвинялся в краже шкатулки с деньгами у своего товарища по службе, тоже офицера царского флота, но Устимович этого не помнит. Больше того, оказалось, как мы и выяснили это со слов самого Устимовича, что это был не единственный случай. Оказалось, что был и второй случай, когда д-р Беспальчиков обвинял Устимовича в краже денег, причем оказалось, что кража денег по признанию самого Устимовича, действительно имела место. Однако Устимович предъявленное ему его товарищами по службе обвинение объяснил «несчастным стечением обстоятельств». Мы заинтересовались, в чем именно заключалось это «несчастное стечение обстоятельств». Оказалось, что в номере гостиницы, где жил Устимович, был найден тот самый носовой платок, в котором были завернуты деньги, украденные у их владельца. Действительно, гр. Устимович, это «несчастное стечение обстоятельств» для вас могло окончиться более счастливо, если бы этого чужого платка не обнаружили в вашем номере. Но увы, он был обнаружен, и вас, обвиняемый Устимович, привлекли к товарищескому суду, и матросский суд 15 декабря 1917 года постановил направить вас в бессрочные каторжные работы, как это было сказано в постановлении матросского круга. Вот что представляет собой этот б. начальник Регистра, пробравшийся в партию, обманывавший партию и продолжавший пакостить трудящимся нашей страны. На Устимовиче, как и на Занько, лежит ответственность за то, что в Каспийском море плавали нефтеналивные суда с полным игнорированием правил пожарной безопасности. Это они несут ответственность за то, что на Каспийском море имеются такие нефтеналивные суда, в каютах которых матросы задыхаются от нефтегазов, угрожающих взрывом каждую минуту. Этого они не хотят признать. Но нам их признаний и не нужно. И Регистром, и службой эксплоатации, и богоспасаемой пожарной охраной, представляемой Гибшманом и его патроном Штейнгольцем, наши моряки

на Каспийском море поставлены в недопустимые условия плавания и работы, в положение совершенно недопустимого и ненужного риска. Они — эти Устимовичи, Занько, Штейнгольцы и Гибшманы—несут ответственность в первую очередь за безобразную, преступную организацию служб эксплоатации и Регистра, и пожарной охраны на Каспийском море. Вот почему в отношении этих лиц я поддерживаю обвинение полностью.

Мы спросили Устимовича, отвечает ли он за огнеопасность судов, за проникновение газов? Он ответил уклончиво. Он ответил: «если дефекты обнаружены». Мы спросили: «А обязаны ли вы эти дефекты обнаружить?» Он ответил: «Обязан, если я эти суда осматриваю». Спросили: «А обязаны ли вы осматривать эти суда?» Ответил: «Обязан, если я на этих судах бываю». Спросили: «А обязаны ли вы бывать на этих судах?» Ответил: «А бывать на судах я не могу за недостатком времени...»

Вот какими ответами Устимович думал выйти сухим из воды, как думал выйти сухим из истории со «Штандартом», шкатулкой и кражей денег у своих товарищей. Мы ставили экспертам вопрос относительно того, в каком состоянии был пароход «Советский Азербайджан» до момента взрыва и выполнил ли Регистр по отношению к этому пароходу свои обязанности.

Экспертиза ответила, что с конструктивной стороны судно имело следующие недостатки:

1. Наличие негерметической горловины в поперечном коридоре спардека, что приводило к насыщению спардечных нефтепродуктами.

2. Отсутствие вентиляции в междупалубном пространстве в районе 2 и 3 трюмов, что особенно важно для района 5 трюма, находящегося целиком под спардеком; недостаточность вентиляции в носовых и кормовых подпалубных помещениях.

3. Поперечная переборка носового коффердама (32 шпангоут) не доведена до главной палубы.

В отношении технического состояния судна экспертиза отметила:

1) газопроницаемость главной палубы (деревянной), что отмечено в дефектной ведомости на 1934—1935 гг.;

2) наличие водотечности в машинной переборке кормового коффердама в районе бортового стрингера;

3) в актах осмотра Регистром судна по части корпуса, после капитального ремонта (1931 г.), нигде не отмечен факт прессовки второй палубы, что обязательно согласно требованиям правил Регистра для наливных судов.

Исходя из вышеизложенного, экспертиза признала, что это судно могло быть использовано под перевозку грузов II разряда лишь после устранения указанных недостатков и дефектов.

В отношении размещения электрооборудования экспертиза установила, что электрооборудование судна имело следующий основной недостаток: установка унформера, радиостанции и главного распределительного щита, а также грузового насоса была произведена в одном и том же помещении, не разделенном поперечной переборкой, что противоречит правилам Регистра. Помимо этого в указанном помещении не было установлено искусственной вентиляции, каковая также должна была быть предусмотрена согласно правилам Регистра.

Указанные выше недостатки, по утверждению экспертизы, также не разрешали использовать судно под перевозку грузов II разряда до устранения этих недостатков.

В силу изложенного экспертиза пришла к общему заключению, что основным техническим недостатком данного судна следует считать слабую вентиляцию междупалубного пространства и наличие водопроницаемого люка в поперечном коридоре под спардеком.

Таково заключение авторитетной экспертизы.

Это заключение говорит с достаточной убедительностью о том, что служба Регистра своих обязанностей не выполнила, что эта служба была поставлена формально, что инспектора под руководством Устимовича и ближайшего его помощника Белякова своих обязанностей не выполняли. Они должны были наблюдать за техническим состоянием нефтеналивных судов, но не наблюдали. Лучшим доказательством их преступного, бюрократического, канцелярско-формального отношения к важнейшим обязанностям служит такой факт, как акт Багненко, не заметившего на «Советском Азербайджане» никаких дефектов, несмотря на то, что этих недостатков было немало. Что же вы скажете о таких инспекторах Регистра, которые посещают суда, которые осматривают их и не видят никаких дефектов, а спустя каких-нибудь 20 дней после этого, это самое судно гибнет вследствие вопиющих дефектов и технических неполадок, которые имели на нем место и которые были установлены экспертизой именно на этом самом корабле? И смеет ли после этого Багненко выходить сюда, делать наивное лицо и отводить предъявленное ему обвинение? Нельзя без возмущения не констатировать, что в Регистре Каспийского флота засела кучка бюрократов и лодырей во главе с Устимовичем, б. царским лейтенантом, общественным мнением заклейменным за воровство, систематически злоупотреблявшим своим положением, бездействовавшим, в результате чего явилась гибель «Советского Азербайджана» и гибель находившихся на этом корабле людей.

Экспертизе был поставлен прямой и четкий вопрос о состоянии «Советского Азербайджана». И вот авторитетная экспертиза в лице тт. Короткина, Дружера и Фрика 10 июля 1935 г. дала на этот вопрос исчерпывающий и четкий ответ.

«На пароходе «Советский Азербайджан», — сказала экспертиза, — имелись в наличии условия для проникновения и накопления паров нефти из трюмов в междупалубное пространство и из междупалубного пространства в помещения под спардеком». Экспертиза пришла к заключению, что перевозка нефтедагской нефти на пароходе «Советский Азербайджан» являлась абсолютно недопустимой и что этот пароход абсолютно не имел права перевозить эти грузы. А между тем он их перевозил на глазах портового начальства, на глазах службы эксплоатации, на глазах Регистра Каспийского флота. «Советский Азербайджан» грузится очень опасным грузом, при крупных недостатках конструктивного и эксплоатационно-технического характера, а команда даже не инструктируется об опасности этого груза. Команда не дисциплинируется соответствующим образом: по показаниям свидетелей и по другим данным, которые мы имели в своем распоря-

жении, на пароходе «Советский Азербайджан» всюду курили и в каютах, и в салоне, и на палубе. На пароходе всюду были мазутные пятна, однако капитана, это вовсе не интересовало, хотя это представляло прямую угрозу безопасности танкера. Кто отвечает за эту преступную небрежность капитана, доведшего судно до гибели? Кроме самого капитана, за это отвечает Регистр, за это отвечает служба эксплоатации, за это отвечает командир Красноводского порта Жуков, который здесь действительно поразил нас своей вопиющей безграмотностью и вопиюще чиновничьим, бюрократическим отношением к своим обязанностям.

Я говорил о службе Регистра, я говорил об ответственности Устимовича. Я не могу несколько слов не сказать об ответственности его ближайших помощников обвиняемых Белякова и Багненко. Я считаю, что эпизод с актом 20 февраля надлежит вычеркнуть из обвинительного заключения. Но это я не склонен рассматривать как основание для смягчения ответственности Белякова. Дело вовсе не в том, что, сверившись с планом, Беляков перенес срок с 1 апреля на 1 июля, исправив ошибку Векиловой. Дело в той системе работы, одним из организаторов которой был Беляков, в качестве старшего инспектора Регистра и заместителя Устимовича.

В сущности говоря, все то, что мы здесь обнаружили с точки зрения беспаспортизации, если можно так выразиться, «Советского Азербайджана» целиком относится к вине не только Устимовича, но и Белякова и Багненко. Беляков выдавал разрешение на выход в море, не проверив права плавания этого парохода. Он вообще не задумывался, в каком состоянии этот пароход, которому он дает права плавания. В этом отношении он несет ответственность за то, что «Советский Азербайджан» ушел в плавание с такими недостатками, которые и послужили причиной его гибели.

Я считаю доказанным, что если бы служба Регистра, за которую отвечают Устимович, Беляков и Багненко, была на высоте тех требований, которые закон предъявляет к этим должностным лицам, то едва ли мог иметь место такой случай, какой мы имели с «Советским Азербайджаном», когда он в непригодном техническом состоянии оказался загруженным очень опасной, легко взрывающейся нефтью. На этом танкере не было проведено предварительного соответствующего инструктирования команды; здесь не было развернуто соответствующих мероприятий пожарного и вообще профилактического характера, и, таким образом, этот танкер был поставлен в такое положение, когда недисциплинированность отдельных людей из его команды подвергала этот корабль крупнейшей, катастрофической опасности. Как мы знаем, эта катастрофа и произошла, приведя танкер к взрыву и гибели с людьми и грузом.

Вот почему я полностью поддерживаю обвинение против Устимовича, против Белякова и против Багненко.

Для того, чтобы покончить с этой частью своей обвинительной речи, я должен остановиться на роли начальника Красноводского порта Жукова и его заместителя, капитана этого порта, Величко. И Жуков и Величко обвиняются в нарушении правил технической безопасности и правил плавания, выразившемся в том, что грузы I разряда они допускали перевозить на судах несоответствующей категории и что, в частности, допустили погрузку нефтедагской нефти на пароход «Советский Азербайджан», который не имел права перевозить груз этой категории. Преступные действия администрации Красноводского порта также явились одной из причин гибели этого танкера.

Мы видели, что собой представляет Жуков, как строилась его работа. У Жукова не было инструктажа и проверки работы ему подчиненных людей. В сущности говоря, едва ли можно было назвать Жукова командиром порта, потому что, я это смею утверждать, Жуков портом не командовал. Основной его обязанностью было контролировать работу подчиненных ему агентов, у которых в свою очередь основной обязанностью была работа по контролю за погрузкой нефтедагской нефти. Ясное дело, что, если государство строит систему различных учреждений, обслуживающих нефтеналивные суда, то это делается для того, чтобы обеспечить максимальный успех этой работе. В этом отношении Жуков не выполнил своего долга. Он уже сам признал себя виновным в предъявленном ему обвинении. Да и как ему не признать себя виновным, когда, оказывается, он даже не знал, что это такое «вспышка»! Он не инструктировал соответственно подчиненный ему личный состав, он не знал разрядов судов, он не знал категорий грузов. Над этим вообще он «не думал», как он здесь выразился. Иначе говоря, он бездействовал, как выражаюсь я. Несмотря на телеграмму службы эксплоатации, он не предупреждал капитанов об особой опасности нефтедагской нефти. Он не только не инструктировал их в этом направлении, но даже просто не предупреждал об этом, т. е. опять-таки преступно халатно относился к своим обязанностям, создав все условия для того, чтобы при том самотеке, который царил в Каспаре и до сих пор еще кое-где продолжает царить, нефтяные суда были буквально отданы «на волю волн» — на волю случая.

Жуков виновен в преступном бездействии, в том, что нефтеналивные суда оставил без всякого контроля, в том, что в Красноводском порту в деле погрузки нефти господствовал хаос и полный беспорядок.

В этом отношении вина Жукова, как и капитана порта Величко, доказана полностью.

В самом деле, как относились эти люди к своим обязанностям, обязанностям, достаточно серьезным и ответственным, чтобы следовало серьезно наказать тех, кто их нарушает?

Известно, что вся нефтедагская нефть поступала на пароходы из одного места — из Красноводского порта, причем другой нефти, кроме нефтедагской, в Красноводске не было.

Это обязывало начальника порта, как представителя Каспара, иметь исчерпывающее, точное представление о качестве этой нефти, тем более, что эксплоатация дважды зафрахтовала об этом обвиняемого Жукова — начальника Красноводского порта.

Внимание Жукова к этой нефти было тем более необходимым, что температура вспышки, даже по Бренкену, все время быстро падала, дойдя к началу мая до 20° Ц, о чем, кстати сказать, Жуков не потрудился во время сигнализировать Каспару.

Однако обвиняемый Жуков не только не сигнализировал об этом службе эксплоатации, но вообще этим вопросом не интересовался. Жуков прямо заявил: «... Этим вопросом я не интересовался, так как был перегружен другой работой».

К слову сказать, нефть в общем объеме перевозок порта занимала, по словам того же Жукова, не менее 40%.

Жуков получил от Каспара 7 апреля 1935 г. телеграмму следующего содержания: «Предупреждайте суда при погрузке принятия мер предосторожности применительно к грузам II категории».

Эта телеграмма по существу, конечно, не соответствовала истинным размерам опасности, так как эта нефть относилась, как это указывалось выше, к грузам не II разряда, а I разряда, но все же эта телеграмма должна была мобилизовать внимание Жукова на перевозку этой нефти.

Жуков же, получив телеграмму, ничего не предпринял по ее исполнению и положил ее под сукно. Он здесь признал это, сказав: «... Я считаю своим упущением то, что я не издал надлежащего приказа по порту, чтобы капитанов предупреждали обо всех предосторожностях, также я должен был сам заняться этим вопросом и обеспечить это мероприятие. Я не запрашивал о категориях судов, считая, что и эксплоатация не знает этих категорий».

Обратимся теперь к обвиняемому Величко, который был капитаном Красноводского порта. На его обязанности лежало осуществление портового надзора, в частности, проверка соответствия категорий судов разрядам груза.

От обвиняемого Величко непосредственно зависело не выпускать из порта судно, которое по своему техническому оборудованию не подходило под перевозку нефтедагской нефти, в частности, от него зависело запрещение «Советскому Азербайджану» перевозить эту нефть. Но роль этого капитана в Красноводском порту и преступно халатное его отношение к своему делу достаточно ясно охарактеризованы им самим в его показаниях. Обвиняемый Величко показал, что он знал, что «там вообще наливают нефть». Он говорил: «имеются у меня правила перевозки огнеопасных грузов, там есть сведения о нефти, а какие требования предъявляются в отношении судна — не помню. Я спрашивал диспетчеров о нефтедагской нефти. Узнал, что имеет вспышку даже 25°. Что значит эта температура, теоретически не знаю, только из практики знаю, что груз очень опасный. Никаких мер не принял, хотя и имел право не допускать выхода из порта судна, неприспособленного для этого груза. Вина моя, понятно, есть, нужно было больше внимания обратить на это дело. Воздерживался проявить свои права, основываясь на Баку, потому что распоряжения шли оттуда».

Вот как работали Жуков и Величко, эти, ничего не делающие, ничего не видящие, не понимающие, не знающие и ничего знать не желающие чиновники.

В свою защиту и Жуков и Величко выдвигали такие аргументы, как «не знали», «не думали», «не понимали»... Плохая защита. Плохие аргументы.

Мы требуем от начальников, чтобы они думали, понимали и знали то дело, на которое они поставлены.

И за незнание и недуманье мы тоже взыскиваем и будем взыскивать.

Мы выдвигаем нередко на командные должности людей, хотя и не дипломированных и даже не имеющих формального образования, но отличающихся организаторскими и административными способностями.

Но, доверив таким товарищам управление той или иной частью государственного аппарата, мы ожидаем от них ответственного и добросовестного отношения к возложенным на них обязанностям, требуем, чтобы они быстро и энергично восполнили свои пробелы в образовании, в овладении техникой своего дела, чтобы они подняли уровень своей общей и технической подготовки на дальнейшую и соответствующую их должностному положению ступень развития.

Вот обвиняемый Настасьев, — мы его подняли от матроса до второго помощника капитана. Сами Жуков и Величко тоже вышли на командирские должности снизу. Это прекрасно. Это полностью соответствует принципам нашего советского строительства.

Но, выдвигая товарищей на новые и более высокие должности, мы обязаны помогать им учиться, совершенствоваться, квалифицироваться, чтобы соответствовать этому высокому своему званию, чтобы отвечать этой высокой своей должности. Но и сами работники должны учиться, должны всеми силами бороться за свою квалификацию, а не спать, не лежать на боку, ссылаясь на свое незнание и свою неподготовленность.

Мы никому не можем прощать невежества, а тем более когда это невежество возводится чуть ли не в какую-то новую добродетель.

«Мы, мол, люди маленькие, темные, неученые». Это не наша «философия». В советском государстве нет маленьких людей. Здесь каждый человек — человек, каждый работник имеет свое значение и свою ценность как часть всего государственного аппарата или как участник всего социалистического строительства. У нас нет маленьких людей и не должно быть и не может быть неграмотных, невежественных в своем деле людей, особенно занимающих командирские и капитанские должности.

И Жуков и Величко должны были знать, что такое «вспышка», что такое аппарат Бренкена или Абель-Пенского, потому что без этого нельзя знать качество подлежащей перевозке нефтедагской нефти. Они должны были знать категории судов; должны были знать сами и научить других — своих агентов, своих сотрудников тому, что от них требуют правила перевозки, являющиеся для них законом. Они ничего этого не знали, службы своей не исполняли, халатно, преступно-халатно относились к своим обязанностям, и теперь за это посажены на скамью подсудимых. Со скамьи подсудимых их необходимо посадить под замок, или, по крайней мере, наказать их исправительно-трудовыми работами, запретив занимать ответственные должности на водном транспорте.

Перехожу к Штейнгольцу и Гибшману, сыгравшим в трагической гибели «Советского Азербайджана» не последнюю роль. О Штейнгольце мы говорили очень много в процессе судебного следствия. Поэтому я на нем оста-

навливаться долго не буду. Эта личность в лучшем для него случае, надо сказать, подозрительная, требующая еще большой лабораторной проверки. Я думаю, что этот срок наказания, который ему суд определит своим приговором, будет достаточным для дополнительного всестороннего изучения этого человека. Но во всяком случае я уже теперь могу с полным сознанием своей ответственности сказать, что это лицо принадлежит к категории тех социально-опасных типов, изоляция которых необходима, и чем скорее, тем лучше.

В двух словах, однако, позвольте охарактеризовать преступление Штейнгольца, занимавшего высокий пост начальника вооруженной охраны Каспийского водного бассейна.

Нужно считать установленным, что Штейнгольц, узнавший о взрыве парохода «Советский Азербайджан» ночью 29 мая, в течение двух суток бездействовал, не принимая никаких, решительно никаких, мер к организации помощи горящему и гибнущему судну.

29 мая обвиняемому Штейнгольцу по телефону на квартиру было сообщено о катастрофе. Штейнгольц спросил у сообщившего этого сотрудника: «что делать?» и, получив ответ, что нужно ждать дополнительных сведений, на этом успокоился.

Мы здесь установили, что известие это Штейнгольц получил, придя из театра. Очевидно, Штейнгольц был не в плохом настроении. По крайней мере он спокойно лег спать, спал до 10—11 ч. утра следующего дня, потом пошел в Управление, о чем-то там говорил с Гибшманом, потом вернулся домой, и все,—а «Советский Азербайджан» в это время продолжал в открытом море гореть, тщетно ожидая помощи, о которой и Штейнгольц и Гибшман меньше всего думали в эти трагические дни!..

Что говорят в свое оправдание эти «пожарные Аяксы»? Они говорят, что были убеждены в полной гибели «Советского Азербайджана», думая, что «Советский Азербайджан» потонул и что, следовательно, всякие меры по его спасению бесцельны.

Но откуда они взяли, что «Советский Азербайджан» потонул, когда в действительности он держался на поверхности, объятый пламенем, целых четверо суток? Они говорят, что так они поняли телеграмму, извещавшую о катастрофе. Однако мы установили, что телеграмму эту они сами не читали и даже ее не видели. Между тем — и это особенно важно отметить, — в телеграмме ясно говорилось, что пароход «Советский Азербайджан» **продолжает** гореть.

Это в конце концов вынуждены были признать и Штейнгольц и Гибшман.

«Лично я радиограммы не читал, — показал обвиняемый Штейнгольц, — нам их не давали, а читал ли их Гибшман, мне неизвестно. Я полагался на начальника пожарно-технической части, так как это дело подведомственно ему. У меня оснований не доверять ему не было»...

Впрочем, в тех же показаниях Штейнгольц говорил:

«... В течение 30 и 31 мая Гибшман жаловался на болезненное состояние, хандрил, просил отпустить его в Астрахань к жене, и я, исходя из этого, боялся ему доверить непосредственное руководство тушением пожара...

Что же касается начальника пожарно-технической части Гибшмана, то его участие в деле спасения «Советского Азербайджана» выразилось в том, что, узнав 29 мая о катастрофе, он, вместо того, чтобы заняться своими прямыми обязанностями, утром 1 июня уехал в Астрахань.

Гибшман точно так же, как и Штейнгольц, до 31 мая не знал и не пытался узнать, в каком состоянии находится горящее судно. Он показывает: «... я не знал, что судно горит на плаву, мер к выяснению положения судна я не принял». Приведенных данных достаточно для признания вины Гибшмана.

Нелишне здесь же дать и общую характеристику работы Гибшмана по организации противопожарных мероприятий в связи с перевозкой нефтедагской нефти.

Послушаем, что об этом говорит сам обвиняемый Гибшман: «... не зная об особенности нефтедагской нефти, — говорит Гибшман, — я специальных указаний Красноводску не давал. Об особенно неблагоприятных в пожарном отношении условиях налива на Уфру мне стало известно только в последних числах апреля, когда я побывал в Красноводске. На Уфру я не ездил, так как не мог достать пропуска, в дивизион за пропуском не обращался, а только спросил командира отряда и он уверил, что нельзя достать...»

Вот как, с позволения сказать, «работали» эти господа из ВОХР!

Я не думаю, чтобы Гибшман был менее социально-опасным, чем Штейнгольц, хотя с внешней стороны Гибшман произвел как будто бы несколько лучшее впечатление. По его объяснениям, в совершенном им преступлении сыграло роковую роль его «рыцарское» отношение к женщине. В действительности Гибшман — просто чиновник, отравленный ядом бюрократизма до мозга костей, и отъявленный лодырь. Гибшман — не просто Гибшман, а **начальник пожарной охраны,** — в минуту катастрофы танкера, погибающего в огне, позорно бежит в Астрахань, ища женских утех и семейной радости... Уже одно это обстоятельство достаточно ярко характеризует этого человека, забывшего свой долг, изменившего своему долгу...

Но, товарищи судьи, я хочу обратить ваше внимание еще на одну деталь. Гибшман принадлежит к категории людей, прекрасно ориентирующихся в любой обстановке. Он хорошо понял глубоко трагическое положение на суде Штейнгольца, который был вчера в положении карася, которого поджаривают на медленном огне. Положение, конечно, не из завидных. Гибшман понял, что следовать методу самозащиты Штейнгольца опасно, что, следуя этому методу, он неизбежно и сам попадет в положение карася. И Гибшман быстро усваивает новую тактику: кое в чем он начинает каяться, стараясь спрятаться за спину Штейнгольца, стараясь разыграть из себя честного человека, но несчастного мужа своей жены, явившейся причиной его позорного поведения. И хотя Гибшман не Штейнгольц и в Харбин не ездил и не занимался покупкой и перепродажей харбинских товаров, но по своему моральному облику он от этого Штейнгольца недалеко ушел.

Про Штейнгольца и Гибшмана можно прямо сказать: один — «светило», а другой — его спутник... Оба — преступники в этом деле, кругом виноватые перед погибшими людьми и их семьями, перед всей нашей страной... В самом деле, обратимся на миг еще раз к тому, как вели себя 29, 30 и 31 мая Штейнгольц и Гибшман, — лица, которым вверена пожарная и общая охрана Каспийского водного бассейна и которых в первую очередь должна была касаться задача организации помощи танкеру «Советский Азербайджан».

Что делал Гибшман? Ничего. Он говорит, что позвонил по телефону Штейнгольцу; Штейнгольц это отрицает. Кто-то из них лжет. Это надо оставить на совести обоих, а совесть Гибшмана и Штейнгольца—дело темное. Оба они смотрят друг другу в глаза бойко и каждый говорит про другого, что он врет. Может быть они оба врут... Проверять их приходится фактами. А факты говорят о том, что они оба позорно бездействовали, ограничиваясь пустопорожними разговорами. Бездействовал Штейнгольц, узнавший об этом пожаре от Дудинского или Гибшмана. Бездействовал и Гибшман. Ответственные лица, начальник охраны Каспийского бассейна и начальник всей пожарной охраны Каспийского флота, не стараются установить во всех подробностях, что произошло с пароходом «Советский Азербайджан», установить действительное его положение. Поставленные на столь ответственные посты, эти люди в эти трагические дни и ночи страшного бедствия, испытываемого танкером, думают каждый о своих личных, мелких, мещанских интересах. Гибшман прямо сказал, что пришел 30 мая к Штейнгольцу поговорить о поездке в Астрахань к жене, что это было главной целью его прихода, а о пароходе «Советский Азербайджан» он затронул вопрос только попутно, между прочим. Гибшман так вчера и сказал: «по совести говоря, я думал больше всего об устройстве своего отпуска...» Ну, а как он устраивал отпуск, вы вчера видели. Непосредственное его начальство в отпуске ему отказывает. Тогда он прибегает к разным другим путям, обращается к МорУГБ НКВД. Почему-то обращается к Занько. Срывается здесь, срывается там, Штейнгольц берет этого бычка на веревочку и тащит на совещание. Воспользовавшись случаем при разноске чая, когда уборщица закрыла его своей спиной, Гибшман проскользнул в полуоткрытую дверь и был таков. Вот как вел себя начальник пожарной охраны Каспийского бассейна в трагические дни гибели «Советского Азербайджана». Я прошу вас, товарищи судьи, приговорить его к такому наказанию, которое заставило бы его продолжительно поработать на каком-нибудь строительстве, которое дало бы ему возможность научиться лучшему отношению к своему долгу. Гибшман — человек неглупый, толковый, но его надо воспитать; для такого человека, как и для Штейнгольца, Устимовича, Багненко и Белякова, лучшее средство воспитания — это реальное лишение свободы, связанное с трудом, в крепких, дисциплинирующих условиях наших исправительно-трудовых лагерей.

***

Позвольте теперь перейти от береговых служб Каспара к тому, что происходило в эти дни на море. Восстановим в своей памяти картину событий на пароходе «Советский Азербайджан» и на пароходе «Совет».

Как только произошел на «Советском Азербайджане» взрыв, капитан «Совета» Кривоносов выбежал на мостик, приказал рубить буксир, стал нервно дергать ручки телефона и настойчиво, неистово кричать: «Полный ход». И вот несколько человек, вооружившись топорами, бросаются рубить буксир, чтобы скорее уйти от горящего факела, уйти без оглядки: 40 минут длится это постыдное бегство. Но тут в головах и сознании кое-кого из команды начинает возникать мысль о необходимости положить предел этому стыду и позору.

Трудно сказать, кто первый бросил мысль о необходимости потребовать от капитана возврата: не то Бузулуков, не то Михель, но интересно, что Будилин, председатель судкома, оказался в хвосте, тогда когда именно он должен был возглавить это движение лучшей части команды. Помполит Мигущенко, как говорит Михель, «либеральничал с капитаном», а капитан трусливо старался уйти как можно дальше от горящего «Советского Азербайджана», полагая, что на более близком расстоянии чем 8 миль ему оставаться опасно. Факт остается фактом: бегство «Совета», оставление «Советского Азербайджана» без помощи и гибель людей и гибель судна. Кто виноват в этом постыдном, позорном преступлении? В какой мере правильно или преступно действовали капитан Кривоносов, его помощник Мигущенко и старший механик «Совета» Чеботарев? Кривоносов говорит, что у него был груз, который мог взорваться под влиянием пожара на «Советском Азербайджане». Он говорит, что у него была команда, за которую он также нес ответственность. Он говорит, что он ушел не потому, что струсил и предал своих товарищей, а потому, что он считал это целесообразным с точки зрения интересов корабля и вверенных ему живых людей. Задача судебного следствия заключалась в том, чтобы установить, соответствуют ли эти объяснения действительности, так ли происходило в действительности, как говорят Кривоносов и его сподвижники, действительно ли они виноваты в приписываемом им преступлении? Надо сказать, что на все эти вопросы судебное следствие дало исчерпывающий ответ, не оставляющий никакого сомнения в предательском поведении Кривоносова и К°, дающий полное основание сказать о них: «Да, виновны и не заслуживают никакого снисхождения...»

Но предварительно я считаю нужным остановиться на «теории» Кривоносова о собственной опасности, «теории», которая пытается предательское поведение по отношению к гибнущему судну оправдать опасностью, якобы грозившей судну, обязанному принять меры спасения.

Это — насквозь гнилая, лицемерная, трусливая, предательская «теория». Мы решительно отвергаем ее, как абсолютно чуждую принципам советского строя, советского понимания долга.

В известных условиях, в известной обстановке риск неизбежен и обязателен. Когда речь идет о гибели наших братьев, никто не смеет уклоняться от исполнения своего долга, от обязанности притти находящемуся в опасности на

помощь, хотя бы и подвергая опасности и самого себя...

Дело спасения погибающих — это не коммерческое дело, где уместно примерить, взвесить и оценить условия с точки зрения выгоды окончательных результатов.

Когда речь идет о спасении гибнущих — обязанность каждого спасать. И всякий, кто нарушает эту свою обязанность, кто долгу спасения гибнущих предпочтет спасение самого себя, тот заслуженно должен быть заклеймен и будет заклеймен как трус и предатель. Его не спасут ни в глазах нашего общества, ни перед лицом нашего советского закона никакие отговорки, никакие ссылки на опасность, якобы угрожавшую ему самому, или «вверенному» его попечению судну.

Капитана, который стал бы на почву такой «теории», мы будем рассматривать как шкурника, как врага нашего общества, врага народа.

Но Кривоносов не смеет прикрываться даже такой, абсолютно преступной «теорией», так как в действительности никакая опасность ему не угрожала, так как та опасность, которая заставила его позорно бежать от «Советского Азербайджана», была мнимая, воображаемая, иллюзорная опасность.

Ведь если бы Кривоносов отошел от горевшего танкера на 20—50, наконец, 100 метров, он был бы вне всякой опасности. Он мог бы спустить шлюпки, выбросить за борт спасательные снаряды и развернуть спасательные работы. Вместо этого он бежит за 8 миль! Вместо этого он возвращается через 2 ч. 45 м., когда на воде борются, изнемогая в последних смертельных схватках с морской стихией, два последних уцелевших матроса с «Советского Азербайджана» — Сериков и Митин.

Митин явился в суд и дал свои свидетельские показания.

Свидетель Митин, один из двух спасшихся с этого несчастного судна, восстановил нам во всех подробностях картину катастрофы. Он рассказал нам, что сначала их спаслось семеро. С трудом спустив шлюпку, двое — он и боцман Сериков—приняли в эту шлюпку бегавших по борту горящего парохода своих товарищей и потом их последовательно потеряли. Сначала волны опрокинули шлюпку и унесли двоих из них; осталось 5, продолжавших отчаянную борьбу за жизнь, с ужасом смотревших на уходящий от них пароход «Совет». Потом новые волны снова опрокинули лодку, и эти несчастные отважные люди потеряли еще двух своих товарищей. Они с громадными усилиями эту лодку перевернули, окоченевшими руками и зубами впились в эту лодку и, борясь за каждую секунду своей жизни, с ужасом продолжали видеть, как огни «Совета» уходили все дальше и дальше. Тут волны перевернули их в третий раз. Они снова выпрямили лодку, но в лодке осталось уже двое. Боцман Сериков в отчаянии закричал: «Что же это? «Совет» уходит! Мы погибли!!»

Судебное следствие установило здесь волнующую, возмущающую, раздирающую душу подробность катастрофы. Следствие установило, что в то время, когда на «Совете» рубили буксир, когда там 30 чел. здоровых, сильных и опытных моряков старались как можно дальше уйти от «Советского Азербайджана», помполит Мигущенко заметил бегавшего по борту горевшего парохода человека. Он сказал об этом Кривоносову. Но это ни Мигущенко, ни Кривоносова не остановило. Они продолжали бежать. Они это отрицают. но их уличает Бузулуков. Под влиянием этой неоспоримой улики Кривоносов вынужден был признать, что Мигущенко ему действительно говорил, что видел на борту «Советского Азербайджана» пробиравшегося сквозь огонь человека. Этот факт надо считать установленным.

Надо считать установленным не только то, что «Совет» постыдно бросил «Советский Азербайджан», но и то, что на «Советском Азербайджане» люди гибли в огне на глазах Мигущенко и Кривоносова.

О том, в каком состоянии было командование, которое панически старалось спасти только свою жизнь, твердя о вторичном взрыве и всячески, возможно быстрее, с предельной быстротой удрать от места гибели «Советского Азербайджана», показывает целый ряд свидетелей, непосредственных очевидцев этой ужасной ночной катастрофы.

Берковский показал: «Сразу же после отдачи буксира мы — я, Михель, Елкин и Бузулуков стали кричать капитану, что люди гибнут, давайте спустим шлюпки и начнем спасать». Это не отрицал и Кривоносов. Но Кривоносов остановил этот порыв молодых моряков. Он сказал: «Не торопитесь, не вмешивайтесь не в свое дело, удалитесь с мостика. Мы сами знаем, что нам делать». Берковский показывает, что он обрушился нецензурными словами на капитана за то, что он не разрешает спускать шлюпку для спасения людей. Но Кривоносов сказал: «Меньше выражайтесь, не вмешивайтесь, не расстраивайтесь, дело не ваше». Это значило — не ваше дело спасать гибнущих людей. Так говорил Кривоносов, не желая спасать людей, потому что он трус и предатель. Он сам признал, что был в «нервном состоянии». Телеграф показывал полный ход, а он кричал: «Полный ход». Пароход шел полным ходом, а он кричал: «Прибавьте еще», и ушел на 8 миль от места катастрофы...

Помощник капитана Михель говорит: «Виновность капитана парохода «Совет» заключается еще в том, что он своим настроением создал большую панику на судне». Правда, и Михель отчасти повинен в этой панике. Как первый помощник капитана, Михель оказался не на высоте своего положения. Он не сделал то, что он должен был сделать в этом случае, о чем я буду говорить дальше. В первые минуты катастрофы он явился в известной степени пассивным созерцателем того, что происходило у него на глазах, и в этом его вина. Но сейчас мне важно отметить то состояние, в котором находился капитан Кривоносов, который, несмотря на свою панику, несмотря на свой животный страх, несмотря на свою решимость оставить «Советский Азербайджан» на волю бушующей стихии, лишь бы как можно скорее уйти отсюда, отлично понимал, что он делал, ибо он хладнокровно отводил от себя всякие указания и требования изменить свое поведение, вернуться к «Советскому Азербайджану» и оказать хотя бы самую элементарную человеческую помощь гибнущим товарищам.

Обвиняемый Тренин показал: «Сразу после этого в машину вбежал механик и стал у поста управления. После этого по телеграфу по-

следовало распоряжение дать полный ход. Механик приказал прибавить горение в форсунках и усиленно наблюдать за машиной и котлами. После этого последовало распоряжение с мостика: дать полный ход, и после этого еще несколько раз все требовали полного хода, так что пришлось сообщительный клапан от котлов на главную магистраль открыть на полный. Помимо звонков, требовавших полного хода, приходил помощник капитана и говорил, чтобы дали самый полный ход, и когда уже у нас клапана были открыты на полную, с мостика еще звонили, требуя «полного хода».

Вот яркая характеристика предательского, панического поведения и Кривоносова и Чеботарева.

Вот, что говорит об этом же обвиняемый Мхитарян: «Как только механик вышел из машины, тут же по телеграфу последовало распоряжение дать полный ход, на что мною было отвечено «даю полный ход». После того к нам пришел сам механик и дал распоряжение открыть стопорный клапан, что мною было выполнено...»

Вот дополнительная характеристика механика Чеботарева.

Подведем первые итоги. На «Советском Азербайджане» взрыв и пожар. Что делает командование «Совета»? Рубит буксир, дает полный ход, бросает «Советский Азербайджан» на произвол судьбы и бежит, бежит, бежит...

«Полный ход» — требует капитан, «полный ход» — требует Мигущенко, «полный ход» — требует Чеботарев. Они заботятся о том, чтобы как можно скорее, полным ходом, быстрейшим образом уйти от места катастрофы. Можно было бы говорить о снисхождении к этим людям, если бы действительно им угрожала какая-либо опасность, но, ознакомившись на суде со всеми обстоятельствами дела, нужно сказать, что опасности фактически у них никакой не было. Но если бы и угрожала их судну какая-либо опасность, они могли бы поступить иначе. Они могли бы, по крайней мере, спустить свои шлюпки. Но они ушли вместе с шлюпками, ушли вместе с людьми, способными оказать помощь, ушли на 8 миль, ушли с предельной быстротой, а вернулись назад, пройдя это же расстояние в 2 ч. 45 м., т. е. потерявши 3 с лишним часа с момента катастрофы.

Ведь «Совет» спустил шлюпку только после того, как увидел двух тонувших людей, махавших в изнеможении какой-то тряпкой, обессиленных от трехчасовой борьбы с волнами, почти полутрупов!

Матрос Кондратьев показал на предварительном следствии, что все его требования были направлены на то, чтобы Кривоносов дал возможность спустить шлюпки и пойти спасать людей. Но когда они вошли на мостик, капитан приказал им сойти с мостика и не мешать ему, так как он сам знает, что делать. И мы, обвиняемый Кривоносов, знаем, что с вами делать. Я требую расстрела этого предателя (голоса: «Правильно». Аплодисменты).

Вы слышали здесь показания свидетеля Митина. Я не сомневаюсь, что вы так же, как и я и все присутствующие в этом зале, испытывали чувство гордости, слушая простые слова этого подлинного героя, организовавшего в невероятных условиях ночного пожара спасение своих товарищей и в течение нескольких часов бесстрашно боровшегося с морской стихией за свою жизнь и за жизнь своих близких.

Таких Митиных в нашей великой стране немало. Их тысячи, скромных, безвестных, но сильных своей исключительной отвагой, самоотверженностью и бесстрашием. Они беззаветно исполняют свой долг, как бы тяжелы ни были обрушившиеся на них опасности или несчастья.

Это Митин вместе с боцманом Сериковым, вырвавшись из пламени и дыма горящего танкера, спустили лодку и подобрали 7 чел., оставшихся после взрыва живыми из числа команды. Дважды и трижды они с честью выходили из ужасного положения, думая не столько о себе, сколько о своих товарищах по несчастью.

Это он, Митин, по пояс в воде берет к себе на плечо 12-летнего юнгу, плачущего и дрожащего от холода и страха. Этот юнга держится омертвелыми рученками за майку Митина, отбивается от волн, захлебывается.

Вы помните, как Митин говорил об этом эпизоде: «юнга держался за мое плечо и все время фыркал на меня водой, а я все думал— значит жив братишка, значит держится, и вдруг он перестал фыркать, я оглянулся и нет юнги...» А где в это время были вы, трусы и предатели? Вы постыдно бежали на своем корабле, как можно дальше стараясь уйти от места катастрофы!

Командного состава на «Азербайджане», рассказывает Митин, уже не было, и мы действовали каждый по-своему.

Пом. капитана Галкин, раненый, висел на какой-то веревке, кочегар надел на себя круг, также взял спасательный прибор и 3-й пом. капитана, тоже раненый. С кормы раздался крик: «готовить шлюпку». Кое-как спустили правую шлюпку, но она упала на воду и все плавательные принадлежности из нее выпали вместе с веслами и уключинами. В шлюпке оставались я и боцман Сериков...

«Совет» в это время быстро уходил. Наш радист кричал по направлению «Совета»: «... спасай, чего уходишь!», но «Совет» уходил, и под влиянием этого зрелища надежды на спасение у всех пали.

Вот, что происходило на море вокруг горящего «Советского Азербайджана» в эти страшные ночные часы, когда Кривоносов, Мигущенко и Чеботарев спешили увести пароход «Совет», отказываясь от спасения погибающих.

Я не буду повторять всего, что произошло на море после того, как шлюпкой Митина было подобрано 7 чел. Вы знаете, что из этих 7 осталось в живых только 2. Вы знаете, что погибшие 5 чел. могли быть спасены, если бы «Совет» не ушел и если бы он выполнил свой долг по отношению к погибающим.

Я лишь напомню вам, что, удалившись на 8 миль от места катастрофы и взяв затем обратный курс, Кривоносов сделал все от него зависящее, чтобы возможно больше замедлить ход парохода.

Я напомню вам о том, что на обратный путь Кривоносов затратил 2 ч. 45 м., в то время, как первоначально он прошел это расстояние в 40 мин.

Я вас буду только просить сопоставить эти две цифры: от «Советского Азербайджана»

пройден путь в 40 мин., а по направлению к «Советскому Азербайджану» — на помощь — этот же путь пройден в 2 ч. 45 мин.

С места катастрофы — полный ход, обратно на место катастрофы — тихий ход.

Это одно уже достаточно характеризует всю глубину предательства и мерзости совершенного Кривоносовым и его соучастниками преступления.

Я хочу также напомнить о том, что, возвращаясь к «Советскому Азербайджану», Кривоносов, по показаниям Мигущенко и других, дважды делал попытки вернуться опять назад. Он объяснил это мерами предосторожности. Мы знаем уже действительные мотивы такого поведения Кривоносова. Кривоносов оттягивал момент своего приближения к «Советскому Азербайджану», ожидая второго взрыва. Он делал все, что было в его силах, чтобы вдали от «Советского Азербайджана» переждать этот ожидаемый второй взрыв, чтобы вернуться к месту катастрофы тогда, когда все уже будет кончено, когда на поверхности не будет ни людей, ни парохода, и он дождался этого. Он сделал все, чтобы как можно больше погибло людей, о которых он меньше всего беспокоился, и если двое из погибавших оказались спасенными, то это вопреки тем мерам, которые принимал Кривоносов, вопреки и несмотря на его позорное поведение.

Я не могу в этой связи не сказать и о преступных действиях Мигущенко. Мигущенко — помполит капитана на этом корабле. Как ведет себя Мигущенко в минуты катастрофы? Единодушные показания команды говорят о том, что Мигущенко вел себя, как второй Кривоносов. Может быть чуть чуть совестливее, если можно в отношении этих людей говорить о совести. Мигущенко помогал Кривоносову бежать от «Советского Азербайджана». Мигущенко сам своевременно не понял всего позора этих действий. Если он и говорил капитану о том, что нужно повернуть назад, то только потому, что на него влияли низы, ибо в это время и Берковский, и Бузулуков, которые сконтактировались с Михелем, и Елкин, и Рыбин, и Мхитарян начали громко требовать немедленно организовать помощь. И только под влиянием этих требований Мигущенко посоветовал капитану повернуть назад, на помощь. Но вернувшись, он не сделал ничего, что должен был сделать, чтобы обеспечить реальное приближение «Совета» к «Советскому Азербайджану» и возможную помощь и людям и самому «Советскому Азербайджану» в борьбе с огнем и в деле спасения танкера от надвигавшейся на него опасности гибели.

Для нас каждый человек представляет величайшую ценность. 27 погибших людей — это в 27 раз увеличенная ценность одной человеческой жизни. Но для нас дорог и пароход, для нас дорог и «Советский Азербайджан» как одна из единиц Каспийского флота. Мы вправе требовать, чтобы не только спасали людей, что составляет первую, важнейшую и священнейшую обязанность каждого моряка, но чтобы были приняты меры и для спасения парохода. И в этом деле роль помполита представляется громадной, ибо он должен был организовать судовую общественность, он должен был поднять дело спасения корабля и людей на необходимую политическую высоту, поднимая на эту высоту и достоинство каждого моряка как человека и советского гражданина. Ведь моряки наши—это советские моряки, это граждане величайшего из государств мира, это граждане единственного в мире строящегося социалистического общества. Мы поэтому вправе требовать от каждого из них, в особенности же и в первую очередь от политического руководства на судне, чтобы каждый дело спасения гибнущих людей и гибнущего корабля принимал как свой священный долг, как дело громадной общественной важности, как общественное служение, как подвиг, не позволяющий останавливаться перед всякими отдельными формальными условиями, связанными с полномочиями предающего корабль и команду командира. Мигущенко пытался изображать дело так, что будто бы оказать противодействие Кривоносову означало чуть ли не поднять настоящий бунт. Мигущенко в свое оправдание сослался на единоначалие капитана и невозможность вмешательством в его распоряжения подрывать дисциплину на судне. Не нужно тратить много слов, чтобы разоблачить все лицемерие и всю несостоятельность таких рассуждений. «Что я мог сделать, если капитан не соглашался организовать спасение?» спрашивал Мигущенко, прикидываясь наивным человеком. Что вы могли и должны были сделать, гр. Мигущенко? Я, не колеблясь, отвечаю, отвечаю со всей решительностью и категоричностью: «Вы должны были властью помполита снять капитана с поста, вы должны были запереть его в каюту, как чумного, как прокаженного, как врага корабля, как врага советского народа» (*голоса из публики*: «Правильно, совершенно верно»). Мигущенко этого не сделал, он прикрылся формальной отговоркой, он пытался нас запугать призраком бунта: «Я, говорил он, помполит, я обязан поддерживать дисциплину на судне и не поднимать бунта против капитана». Но ведь ни о каком бунте речи не было и быть не могло. Речь шла не о бунте, а о том, чтобы сковырнуть гнилой прыщ, вскочивший на теле советского флота. Что должен был сделать помполит в той обстановке? Он должен был потребовать у капитана исполнить свой долг, действовать по всем правилам морской нравственности, морской службы, морского советского долга; он должен был заставить капитана подчиниться этому требованию или устранить капитана. Не может быть никакого сомнения, что Кривоносов немедленно бы уступил. Если бы Мигущенко, опираясь на единодушный протест лучшей части команды против действий капитана, занял в этом вопросе более решительную позицию, подлинно большевистскую позицию, Кривоносов был бы смят этим натиском честных и решительных людей. Мигущенко же действовал совсем обратно своему долгу. Он, как выразился Михель, либеральничал с Кривоносовым, потакал ему, действовал с ним заодно, вместе с ним предал «Советский Азербайджан», предал своих товарищей.

Чеботарев — старший механик, кандидат партии, один из «углов» этого «треугольника». Этот человек пытался изобразить дело так, что во время катастрофы он был в машинном отделении, что он ничего не видел, ничего не знал, и поэтому ни за что отвечать не может. По расписанию, на случай, тревоги он, дескать, обязан был находиться в машинном отделении

и смотреть за котлами, а что люди погибали— это его не касается.

Во-первых, позвольте напомнить, что, по показанию свидетеля Елкина, Чеботарева во время взрыва застали в каюте в довольно растерянном виде. Елкин прибежал его будить и застал его сидящим на койке, крепко вцепившимся в эту койку, в трусах и носках. Герой нашего времени! Он, очевидно, уже не спал, но, очевидно, и не выходил из каюты, так как у него, очевидно, как говорил Кривоносов на своем жаргоне, было нервное состояние. Наконец, Чеботарев все же вышел из каюты. Что он делал в это время, трудно установить. Но, по словам Михеля, Чеботарев «стал метаться по палубе в одних трусах и охать: ох, ох, ох». Весь, что называется, в мыле. Чеботарев говорит: «это ложь, я был в машине», но против этого возражает Михель. Против этого возражает и Будилин, утверждая, что Чеботарев не все время был внизу, что он выходил из машинного отделения. Чеботарев старый моряк, старший механик, он мог и должен был принять активное и энергичное участие в организации спасения «Советского Азербайджана», если бы он был на высоте своего положения. Он мог бы организовать это спасение, он мог бы воздействовать на Кривоносова, если бы он этого хотел, но он этого не хотел. Он так же, как и Кривоносов, хотел, как можно скорее удрать отсюда, опасаясь, «как бы чего не вышло»... Доказательством этого может служить тот факт, что, когда, вернувшись через 2½ часа к месту катастрофы, прекратив поиски погибших людей около «Советского Азербайджана», они стали обсуждать вопрос, могут ли они взять «Советский Азербайджан» на буксир, Чеботарев заведомо ложно показал, что у него нехватает топлива, что топлива имеется только на два дня, тогда как топлива было больше чем на два дня и, как показал здесь Мигущенко, топлива было значительно больше, чем на два дня.

Я обвиняю Чеботарева, как и Кривоносова и Мигущенко, в полном преступном бездействии в деле спасения парохода «Советский Азербайджан». Они должны были принять все меры к тому, чтобы по-возможности, скорее потушить пожар. Экспертиза доказала, что во всяком случае они имели возможность уменьшить огонь, могли локализовать этот огонь, могли взять это судно на 300-метровый буксир и оттянуть его навстречу тем пароходам, которые могли бы быть выброшены им на помощь. Но они ничего в этом направлении не сделали, они убежали. Затем они с преступной медлительностью возвратились на место катастрофы, они не организовали тушения «Советского Азербайджана», хотя обязаны были это сделать, независимо от того, какой был бы результат. Они не организовали буксировки «Советского Азербайджана», хотя обязаны были и это сделать. Они постыдно продолжали свое бегство, а придя на Астраханский рейд, составили лживый акт, скрыв, что дважды позорно бежали от «Советского Азербайджана». Вот как действовали эти герои предательства, этот, с позволения сказать, треугольник!.. Я не буду утверждать, что вина Мигущенко и Чеботарева равносильна и равноценна вине Кривоносова. Я не требую от вас по отношению к Мигущенко и Чеботареву высшей меры наказания, но надеюсь, что вы не приговорите их меньше чем к 8—10 годам лишения свободы каждого (аплодисменты).

В данном вопросе для нас первостепенную роль играет система действий этих людей, их целеустремленность, их психика и их политическая направленность.

Обсудив этот вопрос со всех сторон, нужно сказать, что эти люди совершили гнуснейшее предательство, совершили вопиющее преступление против Советского государства, против интересов трудящихся.

Позорное поведение командования парохода «Совет» становится особенно очевидным, когда вспомнишь и сравнишь геройский подвиг парохода «Советская нефть», спасшего 412 человек с горевшего французского океанского парохода «Жорж Филиппар»... Я не могу не напомнить об этом выдающемся героизме наших моряков, особенно в виду той удивительной аналогии, какая имеет место в обоих этих случаях.

В самом деле, в 1932 г. тоже в мае и тоже ночью в Индийском океане, в районе мыса Гвардафуй на большом французском пароходе «Жорж Филиппар» в 22 тыс. тонн водоизмещения произошел пожар. Пожар распространился по пароходу с молниеносной быстротой. Наш танкер «Советская нефть», груженый бензином, получил извещение о пожаре с маяка Гвардафуй и тотчас же ответил: «Иду на помощь»...

И вот, что рассказывает о дальнейшем капитан «Советской нефти» т. Алексеев, говоря об организации спасения пассажиров этого горящего корабля.

«Подняв на ноги весь свой экипаж, закрыв люки танков, мы приготовили к действию пожарные средства, открыли прожектор и весь свет, вынесли за борт гребные суда и моторный катер, вынесли на палубу все нагрудники, спустили все забортные трапы, выпустили бурундуки и продолжали полным ходом итти на сближение с бедствующим судном»...

В 4 часа утра было еще темно, расстояние до горевшего судна «Жорж Филиппар» оставалось 300 сажен, на море плавали светящиеся спасательные буйки. «Жорж Филиппар» весь был объят пламенем.

«Остановились, — продолжает Алексеев, — с его наветренной стороны. Здесь мы услышали у себя с левого борта в стороне на воде захлебывающиеся женские вопли.

В мгновение весь экипаж, будучи в крайне приподнятом настроении, спустил по команде приготовленные заранее спасательные шлюпки, которые под умелым управлением помощника капитана понеслись к бедствующему судну, а также на жуткие крики людей, находящихся на море».

Так действовали настоящие герои, отважные моряки с «Советской нефти».

Подумайте только о количестве спасенных, подумайте только об обстановке, в которой действовала команда «Советской нефти», и вы только тогда сумеете правильно оценить подвиг наших моряков!.. Несмотря на страшную опасность для судна, груженого бензином и могущего взорваться от любой искры, «Советская нефть» немедленно ответила: «Иду на помощь». Вынесла за борт шлюпки, приготовила все спасательные средства, подняла на ноги всю команду; здесь не было ни одного спящего человека, тем более из числа командо

вания, как это было на «Совете», где помощник капитана Токаренко спал непробудным сном!.. Это маленькое советское судно, под командой капитана Алексеева, с 40 чел. команды, отважно бросилось навстречу горевшему гиганту, и, приблизившись на минимальное расстояние, организовало спасение тонущих людей, и за какие-нибудь 2—3 часа самоотверженной героической работы, первым из всех подошедших на помощь к «Жоржу Филиппару» судов, «Советская нефть» спасла 437 чел. Вот как действуют герои!

Слава героической команде «Советской нефти»! Позор шкурникам и предателям, не сумевшим спасти 27 чел. с парохода «Советский Азербайждан», имея у себя на борту 30 чел. команды!..

Среди героических моряков «Советской нефти» не было ни одного, который бы не принял самого горячего, самого активного участия в спасении погибавших. Даже повар был на руле одного из спасательных ботов, не желая отставать от своих замечательных товарищей!..

Интересно отметить, что наши моряки работали не только на своих шлюпках, но и на шлюпках «Филиппара». Капитан Алексеев рассказывал, что горевший «Филиппар» дрейфовал правыми галсами, никем не управляемый.

«Наш экипаж, — говорил Алексеев, — как один человек, забыв о своей опасности и усталости, с нервным напряжением лихорадочно торопился успеть спасти от огня всех людей».

Вот как вела себя команда «Советской нефти», давая образцы подлинного героизма, подлинной советской дисциплины, отваги, бесстрашия, высокого сознания своего долга, организованности, настоящей большевистской работы...

А вы? Трухляки, слизняки, вы что сделали. И неужели вам не стыдно? Неужели вы не ощущаете жгучего стыда за свое преступление?!

А потом моряков «Советской нефти» наградили. Французское правительство прислало нашим героям золотые и серебряные медали. Наградил героев и Наркомвод. Важно отметить: наградили всю команду «Советской нефти», как мы посадили на скамью подсудимых всю команду «Совета». Наградили и каждого в отдельности из тех, кто был достоин награды.

А награду там заслужили все, как здесь — все заслужили порицание, позор и наказание...

Вот, товарищи судьи, суть краткой исторической справки, говорящей не только о великих подвигах наших героев, но говорящей и о великой мерзости, трусости, предательстве вот этих людей, к которым я вас прошу отнестись со всей нашей пролетарской беспощадностью.

Есть еще одна группа обвиняемых с парохода «Совет», к которым я причисляю и капитана парохода «Джапаридзе» Синенкова. С него я и начну.

Синенков — фигура весьма родственная Устимовичу. Не знаю, кому из них это приятно, кому неприятно, но факты таковы.

Кто такой Синенков? Синенков служил в Керчи у нас, большевиков. Когда пришли немцы, а большевики отступили, Синенков, этот бывший офицер царской армии, остался служить немцам. Затем он был мобилизован и в Махач-Кала на службе у Деникина. Когда из Махач-Кала мы Деникина прогнали, то вместе с Деникиным в Баку к мусаватистам прибыл и Синенков. Добро пожаловать!

Я ставлю такой вопрос: что же это — случайность или это явление органического порядка? Когда большевики уходят из Керчи, а немцы приходят, Синенков остается, а когда белые уходят из Махач-Кала, а большевики приходят, он не остается, а уходит с белыми. Случайность это или система?

Потом оказалось, что он жил у своего тестя кулака, торговца, который продавал, покупал, торговал — что сродни уже Штейнгольцу. Вот этот Синенков оказался капитаном парохода «Джапаридзе» и этому человеку пришлось итти по телеграмме из Баку на спасение «Советского Азербайджана». Интересно, как он отнесся к этой задаче? Зная о слабом вооружении парохода «Джапаридзе» противопожарными средствами, Синенков ничего не сделал, чтобы оказаться максимально подготовленным к выполнению своей задачи. Уходя с Астраханского рейда, где имеется дебаркадер, достаточно оснащенный техническими средствами, Синенков не постарался взять там брандсбой, пеногенератор, лишние порошки, кошмы, наконец шланги, которые по его объяснениям, хотя и были у него, но были дырявыми. Несмотря на то, что на рейде был пароход «Каганович», у которого также можно было позаимствовать кое-что из пожарного оборудования, несмотря на то, что в это время пришел «Совет», у которого тоже можно было кое-что взять, он не только ничего не взял у них, но и свое пожарное оборудование не привел в должный порядок, и отправился к горящему «Советскому Азербайджану», считая, что у него задача тушить пожар нет. Он знает, что пароход горит, что его посылают на помощь горящему судну, но заявляет, что тушить пожар ему не поручали, что таких директив он не получал. И вот он, наконец, через 36 часов прибывает на место катастрофы. Тут темная история с дрейфом и с записью в журнале. Синенков телеграфировал, что лег в дрейф, а записал в журнал, что шел 5 миль Кто его разберет, что он писал и когда писал! Своя рука владыка!

Как бы то ни было, «Джапаридзе» нашел «Советский Азербайджан» в двух часах пути от мелкого места, от о. Жилого, куда будучи приведен, «Советский Азербайджан» был бы спасен. Что же делает Синенков для спасения «Советского Азербайджана»? Он отправляет на гибнущий танкер лодку с неопытным Черновым, который не догадался закрыть горловину цистерны, полной кипящего мазута, и зря потерял два часа времени... Чернов в конце концов открывает на «Советском Азербайджане» люки, Синенков берет «Советский Азербайджан» на буксир и доводит дело до второго взрыва и до окончательной гибели корабля. Вот вам и спасательная работа! Шли спасать, а сами потопили пароход! Именно потопили, потому что второй взрыв произошел несомненно от «спасательных» мероприятий Синенкова.

Эти «спасательные» работы были организованы крайне безответственно и безобразно. Как я уже сказал, на «Советский Азербайджан» был послан помощник капитана Чернов, недостаточно подготовленный к выполнению возложенного на него поручения. Экспертиза в точ-

ности установила, что при правильной организации работ по спасению «Советского Азербайджана» второй взрыв был бы предотвращен, и танкер мог бы быть спасен. Достаточно было капитану Синенкову самому непосредственно взяться за дело, чтобы ориентироваться в обстановке и принять необходимые меры к локализации огня. Достаточно было накрыть горловину цистерны кошмой, чтобы положение парохода было значительно улучшено.

Но Синенков от непосредственного руководства этими операциями уклонился, а мало подготовленный к этому Чернов допустил ряд грубых ошибок. Я считаю, что Синенков не выполнил задачи, которая была на него возложена. Он был послан тушить пожар и спасать корабль. Он не тушил и не спасал. Своими преступными действиями, которые, прямо скажу, я не считаю случайными, своим преступным бездействием по отношению к «Советскому Азербайджану», к советскому имуществу, Синенков способствовал гибели танкера. Психология Синенкова в этом аналогична психологии Кривоносова. Оба они наплевательски относятся к государственному имуществу: пусть, мол, советское добро гибнет. Об этом беспокоиться нечего. Они беспокоются лишь о себе — отсюда их трусость и трусливая заботливость о собственной безопасности.

Ведь не случайно, что пароход «Алеша Джапаридзе» не рискнул подойти к «Советскому Азербайджану» так близко, как этого требовали интересы дела, интересы спасения горевшего танкера, как, наконец, подошел «Лафарг»...

В самом деле, почему Синенков не приблизился к «Советскому Азербайджану», хотя бы на длину своих шлангов, как это сделал «Лафарг»? Потому, что Синенков не хотел «рисковать», не хотел спасать. Никакие доводы не смогут поколебать уверенность в том, что если бы Синенков захотел спасать, он мог бы спасти корабль. Синенков не хотел спасать и не спасал: 48 часов он топтался почти на одном месте, пока добрался до места гибели и пока подошел на расстояние 1½ миль к «Азербайджану». Собственное признание Синенкова устанавливает, что в трех часах хода от места гибели «Советского Азербайджана» было мелкое место, около острова Жилого, и поэтому, если бы он сэкономил эти 3 часа, пароход был бы спасен. Три часа из 48 часов—это экономия лишь 6% времени. Если бы Синенков хотел спасать добросовестно и честно, как требует советская власть от советского моряка, он должен был найти, выкроить из 48 часов 6% экономии, и танкер был бы спасен. Он этого не сделал. Не сделал не случайно. Я его в этом обвиняю и прошу соответственно этому определить ему строгое реальное наказание.

Перехожу к следующей группе обвиняемых, которые должны нести ответственность за гибель «Советского Азербайджана», как люди, принадлежавшие к командному составу парохода «Совет». Это — первый помощник капитана Михель, второй помощник капитана Настасьев, третий помощник капитана Токаренко и боцман Купцов. К этой же группе я отношу председателя судового комитета Будилина, и, наконец, рулевого Соколова, ввиду индивидуальных особенностей совершенного им преступления.

В чем заключается вина каждого из этих людей? Вина каждого из них различна, но в отношении всех их доказана полностью.

В течение всей этой страшной ночной катастрофы второй помощник капитана Настасьев оставался совершенно безучастным к совершавшейся на его глазах драме. Будучи вторым помощником капитана, он должен был бы вести себя иначе, чем вел, он должен был бы вместе с Михелем и Токаренко прекратить безобразное бегство «Совета», положить предел позорному преступлению Кривоносова. Между тем он палец о палец не ударил в этом направлении, и за это он должен отвечать.

Третий помощник капитана Токаренко во время взрыва, как это установлено следствием, спал в своей каюте, будучи свободен от дежурства. Защита пыталась здесь во время судебного следствия ставить вопрос о Токаренко таким образом, будто его обвиняют том, что он спал. Я могу успокоить защитника обвиняемого Токаренко, не без лукавства спрашивавшего, что это за состав преступления — сон, что Токаренко не обвиняется в том, что он спал; Токаренко обвиняется в бездействии после того, как он проснулся, вышел на палубу и стал очевидцем всего происшедшего. Этот третий помощник капитана вел себя не лучше самого капитана, во всяком случае, не лучше Настасьева, трусливо ожидавшего естественной развязки разыгравшейся в его присутствии трагедии, тогда как по долгу моряка и командира он должен был бы принять вытекающие из его обязанностей и положения меры к организации спасения гибнущего парохода.

Купцов. Это старый типичный боцман. Вы видели этого боцмана. Этот человек себе на уме, действующий так, чтобы не обсчитаться, человек, который умеет лавировать между рифами и подводными камнями, лавировать так, чтобы и команда не была в обиде и чтобы начальство было довольно. Купцов понимает всю мерзость своего пассивного отношения к катастрофе. Он понимает подлость действий своего капитана. Он, вероятно, понимает и то, что за свое бездействие в конце концов и ему придется отвечать. И вот он начинает лавировать. Он не идет к капитану, он не требует от него вернуться назад, а он обращается к молодому матросу Бузулукову и посылает его к капитану: иди, мол, иди, скажи. Посылает мальчишку, чтобы воздействовать на вот этого Кривоносова!

Вы помните, что в самом начале пожара на «Советском Азербайджане» была отдана команда: «Готовить шлюпки», и вот Купцов стоит у шлюпки, именно стоит. Боцман, который обязан руководить работой матросов, стоит, как вкопанный, у шлюпки, ссылаясь на то, что это так требуется «по расписанию» на случай тревоги. Купцов неподвижно стоит у шлюпки, хотя отлично понимает, что нужно что-то сделать, а не только стоять и выжидать дальнейшего. Купцову все равно, что делается за бортом судна, — он выполняет «расписание».

За бездействие в минуту тяжелой опасности, за неоказание помощи погибающим, боцман Купцов должен нести уголовную ответственность. Его надо поучить и так поучить,

чтобы это было уроком всем боцманам подобного склада.

Соколов. О нем можно сказать два слова: это рулевой, бросивший в минуту взрыва руль и поставивший свой собственный пароход под угрозу. Его ответственность определяется этими пределами.

Сложнее дело обстоит с первым помощником капитана Михелем и председателем судового комитета Будилиным. И Михель и Будилин, конечно, виноваты, причем Будилин виноват больше Михеля. В Михеле проснулась совесть: он, хотя и с запозданием, стал требовать от капитана вернуться назад, чтобы оказать «Советскому Азербайджану» помощь, это ему отчасти удалось при поддержке Бузулукова, Берковского и других. Это смягчает вину Михеля, особенно если принять во внимание его молодость: ему всего 23 года, он неопытен в морском деле. Нужно, в сущности говоря, удивляться тому, как могли этого молодого комсомольца назначить на такую ответственную должность, как должность первого помощника капитана!..

Если я в отношении Михеля поддерживаю обвинение, то главным образом учитывая именно это его должностное положение первого помощника капитана парохода. Ведь те 40 мин., в продолжение которых пароход «Совет» при попустительстве Михеля удалялся с места катастрофы, были решающими для жизни людей, находившихся на борту охваченного пламенем «Советского Азербайджана», и в этом попустительстве Михель виноват. Но он один из первых понял преступность действий Кривоносова и своего первоначального бездействия. Он энергично стал требовать возврата к месту катастрофы. Стараясь исправить свою первоначальную ошибку, он с опасностью для собственной жизни бросился по прибытии на место катастрофы спасать утопавших, и это нельзя не учесть при разрешении вопроса о его виновности.

Я не могу поэтому поддерживать обвинения против Михеля в полном объеме. Я вынужден просить о снисхождении к нему.

Будилин. Председатель судового комитета, руководитель профессиональной организации на судне, представитель профсоюза, организатор профессиональной общественности.

Какую позицию занял он в этом деле? Проявил ли он инициативу в деле организации помощи, пытался ли он воздействовать на капитана, организовать вокруг себя здоровые элементы парохода? К сожалению, на все эти вопросы мы должны ответить отрицательно.

Он сам оказался в стороне от охватившего группу молодых моряков стремления сломить упорство Кривоносова и заставить своего преступного командира вернуться к горевшему судну. Его вина усугубляется именно тем, что он—председатель судового комитета. Его вина усугубляется и тем, что он — член партии. Будилин — не просто рядовой член команды—это представитель нашей партийной и советской общественности, и это накладывает на него серьезную ответственность. Будилину доверило государство, партия, профессиональная организация воспитание и руководство людьми. Он должен был быть образцом поведения советского моряка. Этот долг он грубо нарушил.

Вот почему он должен серьезно отвечать за нарушение этой своей высокой обязанности.

Есть еще три обвиняемых — Тренин, Афонин и Шабалин — это рядовые члены команды, которые должны отвечать в пределах предъявленного им обвинительного заключения за возмутительное равнодушие, за свое пассивное отношение к событию, за бездушное бездействие.

Особо нужно сказать о группе молодых матросов — Бузулукове, Будилине, Берковском, Елкине, Мхитаряне, Фишмане. Они виноваты перед своими товарищами, перед нашей страной, перед советской властью в том, что, поддавшись общему паническому настроению на судне, поддавшись преступному влиянию командования парохода «Совет», слишком поздно опомнились, а опомнившись, недостаточно твердо и решительно потребовали от капитана выполнения своего морского долга.

Но это все молодежь, не получившая, к сожалению, должного воспитания.

Посмотрите на Бузулукова. Это не плохой матрос. Он предложил капитану взять с него расписку в том, что в случае гибели никто никаких не должен иметь претензий, лишь бы ему было позволено броситься в воду спасать гибнущих товарищей. Но и этот Бузулуков был сбит с правильного пути, был уже в значительной мере испорчен старыми, унаследованными частью моряков от капиталистического флота, дурными традициями; я подчеркиваю: испорчен дурными традициями дурной части старых моряков, привыкших рассуждать так, что моя хата с краю, отвечай за себя, а до другого тебе нет никакого дела, думай в первую очередь о собственной шкуре, а остальное как-нибудь обойдется. Даже в старом флоте подобные взгляды и настроения всегда вызывали жестокое осуждение и презрение со стороны матросской массы. В советском флоте эти рассуждения и настроения еще более нетерпимы, еще более позорны.

Носителем таких настроений является, например, боцман Купцов или вот эти Тренин, Афонин и Шабалин.

Не таковы Будилин, Бузулуков, Берковский, Елкин и несколько других, уже мною перечисленных обвиняемых. Хотя и с опозданием, но они поняли свою ошибку. Они потребовали от Кривоносова возвратиться к месту катастрофы, они явились, в сущности говоря, единственными, которые пытались загладить совершенное в самом начале преступление, положить предел преступному поведению командования «Совета».

Эти обстоятельства обязывают меня как государственного обвинителя отделить эту группу от других обвиняемых. Эти обстоятельства обязывают меня, строго осуждая их растерянность и нерешительность в первую минуту катастрофы, правильно оценить их последующее поведение, позволяющее просить о снисхождении к ним, даже об их оправдании.

Таковы итоги этого процесса. Государственное обвинение в моем лице и в лице главного водного прокурора т. Янского, на протяжении всех этих пяти дней судебного процесса прилагало все усилия к тому, чтобы наиболее объективно и исчерпывающим образом определить роль каждого из привлеченных к ответственности по этому делу и наметить те пути, которыми суд должен будет в своем приговоре притти к окончательному решению судьбы людей, сидящих на скамье подсудимых.

Государственное обвинение тщательно, вместе с вами, товарищи судьи, исследуя все обстоятельства дела, стремилось вникнуть в каждую подробность, в каждую деталь, стремилось понять и правильно оценить каждый шаг и каждое движение любого из обвиняемых, преданных настоящему суду.

Государственное обвинение руководствовалось в этой своей сложной работе, проделанной вместе с судом, не только задачами установления вины и ответственности каждого из обвиняемых, строго диференцируя и взвесив все обстоятельства индивидуальных поступков и действий обвиняемых, но одновременно ставило перед собою и ряд общих задач, решение которых должно помочь Каспийскому флоту освободиться от все еще имеющих место и в его работе недостатков.

Государственное обвинение представило на ваше усмотрение, товарищи судьи, свои соображения и по поводу мер наказания в отношении каждого обвиняемого.

Наша основная задача заключается не только в разгроме нашего классового врага и в подавлении его преступных происков. Наша задача и в воспитании новой дисциплины, в воспитании новых кадров, в воспитании новых людей такими, чтобы каждый из них отвечал тем требованиям, какие предъявил в своем историческом приветственном слове к туркменским колхозникам, приехавшим за 4 тыс. км из далекой Туркмении с колхозным приветом в нашу советскую столицу, наш вождь и учитель, вождь и учитель трудящихся всего мира т. Сталин.

Поздравляя туркменских всадников с успешным проведением беспримерного в истории кавалерии пробега, т. Сталин сказал: «Только ясность цели, настойчивость в деле достижения цели и твердость характера, ломающая все и всякие препятствия, могли обеспечить такую славную победу...». Он сказал: «Партия коммунистов может поздравить себя, так как именно эти качества культивирует она среди трудящихся всех народностей нашей необъятной родины».

Эти замечательные слова имеют прямое отношение к поднятому нашим процессом вопросу о дисциплине в рядах каспийских моряков.

На уроках этого процесса мы имеем возможность глубже понять и лучше оценить величие исполнения каждым трудящимся своего долга. В этом заключается важнейшая сторона настоящего дела и настоящего судебного процесса.

Смысл и основное назначение этого процесса заключается в стремлении поднять на более высокую политическую высоту понимание каждым работником нашего водного транспорта той громадной ответственности, которая лежит на нем в области разрешения громадных задач, стоящих перед нашим транспортом.

Смысл и основное назначение этого процесса — помочь укреплению на водном транспорте пролетарской дисциплины, являющейся одним из обязательных и могучих средств строительства нового социалистического общества.

Ваш приговор должен будет помочь разрешению этой задачи на общее благо, славу и процветание нашей великой родины.

Л. Мирзоян

Об очередных задачах работников судебно-прокурорских органов[1]

Политические задачи, поставленные партией, задачи пролетарской диктатуры на данном этапе требуют решительного подтягивания работы судебных органов, чтобы огромное отставание, которое здесь имеется, было бы как можно быстрее ликвидировано. Я не ошибусь, если скажу, что состояние судебно-прокурорских органов и их работа является у нас самым отсталым участком. На этом участке имеются еще такие вопиющие недостатки и даже безобразия, от которых, как говорят, волосы становятся дыбом.

Решения ЦК партии и СНК Союза, принятые за последнее время, вносят существенные изменения во всю практику нашей судебно-прокурорской работы. Эти решения еще выше поднимают роль и значение судебно-прокурорских органов, ставят перед ними исключительной важности задачи.

Надо, чтобы серьезность этих задач и необходимость коренного улучшения работы судебно-прокурорских органов была понята всеми вами, была понята всеми нашими работниками от начала до конца, и надо, чтобы каждый большевик и беспартийный работник юстиции был действительно вооружен пониманием настоятельной необходимости этой серьезной перестройки работы, этого необходимого и коренного улучшения работы всех органов юстиции в крае сверху донизу.

Необходимость решительного подъема всей работы вытекает и из тех сотен фактов, о которых вы здесь рассказывали за эти три с лишним дня.

Работа наших прокурорских и судебных органов очень многогранна и касается всех сторон жизни и строительства. Идет ли речь о строительстве культуры, о сельском хозяйстве и о животноводстве, идет ли речь о промышленности, идет ли речь о перестройке, о ликвидации старых пережитков в области быта, идет ли речь о каких-либо новых мероприятиях в области освоения техники, освоения новых машин и т. д., — везде и всюду нужен острый глаз наших судебно-прокуроских органов. Глаз судебно-прокурорских органов должен быть направлен во все уголки нашей великой стройки, чтобы разоблачить попытки империалистической агентуры и враждебных

[1] Сокращенная стенограмма речи секретаря обкома Казакской АССР т. Мирзояна на совещании работников юстиции Казакской АССР.

нашему дальнейшему продвижению вперед. рил т. Сталин на объединенном пленуме ЦК нашим мероприятиям. Вы помните, что говых классов пытаются оказать сопротивление и ЦКК в докладе об итогах первой пятилетки.

Нельзя забывать, что остатки разгромленэлементов помешать нашему строительству и Он тогда подчеркивал:

«Надо иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков».

Мощный подъем Союза, в том числе и нашей республики (Казакстан тоже на большом хозяйственном и культурном подъеме) вызывает сопротивление и наскоки байских, кулацких и националистических элементов, которые, проникая в наш аппарат, всячески вредят и гадят нам, прибегая к самым подлым методам борьбы.

Из различных областей нашего строительства можно привести тысячи фактов, когда байско-кулацкие элементы, проникая в наши учреждения, в том числе даже и в суд и прокуратуру, не только воруют и разбазаривают государственную и колхозную собственность, *но пытаются использовать отсталые элементы наших аулов и городов против мероприятий советской власти.* Борьба с этими элементами — первостепенная задача судебно-прокурорских органов.

Работники юстиции должны организовать свой аппарат, свою повседневную работу таким образом, чтобы разоблачать врага на каждом шагу, выводить его, как говорят, на свет божий, показывать его народным массам и на этих конкретных фактах поднимать ярость масс против врагов, вооружать их на защиту колхозного строя и пролетарской диктатуры. Судебно-прокурорские органы — это важнейший инструмент в руках партии и диктатуры пролетариата для борьбы против классового врага, важнейший инструмент, которым партия бьет, громит эти враждебные элементы. Ваш аппарат призван сыграть огромную роль в деле применения всей силы советских законов против врагов, против агентуры враждебных классов.

Хороший судебный и прокурорский аппарат должен уметь концентрировать всю силу против врага и проводить это таким образом, чтобы на каждом судебном процессе, на каждом отдельном факте показать, разоблачать перед массами всю контрреволюционную сущность их работы, показать антисоветское нутро байско-кулацких и прочих элементов. Нет у нас другого такого аппарата, нет у нас такой другой организации, которая бы занимала такое чрезвычайно ответственное и важное место в борьбе против врагов. И здесь ни на одну минуту нельзя забывать, что каждый промах и слабость аппарата юстиции и прокуратуры враг использует в своих целях. Крепость органов юстиции, их боеспособное состоянье, наличие большой революционной бдительности у них суживают возможности для вредительской работы врага, означают, что враг будет на каждом шагу разоблачаться, означают, что разоблаченный враг понесет должное наказание, должную кару.

Враг знает силу и значение органов прокуратуры и юстиции, поэтому он пытается пролезть в эти органы, он пытается посылать туда своих агентов, своих верных людей, которые будут вредить нашему делу и поддерживать и защищать их кулацкое дело. Разве мы не знаем десятков примеров, хотя бы за время последних двух—трех лет, как враг влезал иногда в органы прокуратуры, как он временами овладевал даже отдельными звеньями судебных и прокурорских органов.

Отсюда боевая задача — **очистить наш судебный и прокурорский аппарат от враждебных элементов, довести до конца начатую работу и добиться того, чтобы в этих важнейших органах пролетарского государства не осталось ни одного чужака и случайного человека.** Председатели областных и окружных судов, прокуроры должны понять всю серьезность и важность этой задачи и отсюда сделать практический вывод для своей работы.

Повторяю, необходимо изгнать из судебно-прокурорского аппарата всех замаскировавшихся там врагов, создать еще более бдительный большевистский аппарат, пользующийся любовью у трудящихся масс и ненавистью у врагов. Эта задача требует также неустанной и решительной борьбы против кое-где имеющихся фактов взяточничества.

И для того, чтобы укрепить аппарат прокуратуры и суда, надо расчистить его и от этих пролезших в отдельные звенья судебного аппарата злейших наших врагов — взяточников. Советский судья должен быть безукоризненно честным, должен быть бескорыстным, должен быть таким, чтобы окружающее население, колхозы и колхозники видели в нем носителя и защитника интересов колхозников и рабочих, видели в его лице пролетарское государство и партию с их повседневными заботами о народных массах.

Таким должен быть судебный работник, таким должен быть советский прокурорский аппарат. А если в советском суде есть элементы, которые берут взятки, как же народ посмотрит на этот суд, что же скажет народ о таких судебных работниках?

Мы в прошлом году разбирали ряд дел, говорящих о наличии взяточников в органах суда и прокуратуры. Помнят товарищи наверное, аулиэ-атинское дело, когда привлекли помощника районного прокурора за взяточничество. В прошлом году, кажется в Зайсане, мы разбирали аналогичное дело, за взяточничество сняли и отдали под суд нескольких судебных работников. И сейчас еще можно найти отдельные факты взяточничества в наших судебных органах. Было бы неправильно конечно, если бы кто-нибудь подумал, что у нас везде и всюду взяточники. Нет, товарищи, в 1935 г. в наших судебно-прокурорских органах гораздо меньше стало таких позорных фактов, нежели это было, скажем, в 1933 г. Но на этом нельзя успокаиваться. Надо с корнем выкорчевывать эти элементы.

Взяточничество — это не простое, случайное бытовое явление. Взяточник ничем не отличается от классового врага.

Взяточник — это посланец классового врага; взяточник фактически работает на байские и враждебные элементы, усиливает позицию врага и, следовательно, сам является злейшим врагом социалистического строя.

Борьбу со взяточничеством надо поднять на большую высоту. Нужно наших людей вооружить, чтобы они в лице этих элементов, берущих взятки, видели работу агентуры классового врага, дискредитирующего наш суд. Вывод такой: **беспощадная борьба против взяточничества в нашем аппарате, решительная борьба с этими элементами до полного изгнания их из нашего судебно-прокурорского аппарата, чтобы советский суд был, товарищи, действительно острым оружием в руках нашей партии и государства против остатков разгромленных классов.**

В нашем судебно-прокурорском аппарате имеются недостатки и другого порядка. Это то, о чем все время говорит партия. Речь идет, товарищи, о том, что в нашем судебно-прокурорском аппарате нередко нехватает революционной бдительности, мало также политической заостренности в работе. Нередко работники наших судебно-прокурорских органов рассматривают отдельные дела, отдельные вопросы не с точки зрения классовой борьбы, не с точки зрения того, чтобы выявить нет ли здесь работы кулацкой агентуры, прикрывшейся партбилетом или другими документами, а подходят иногда к этим процессам формально. В последнее время были случаи, когда к ряду сугубо важных политических дел наши люди подходили и рассматривали их не как большевики.

Если вы имеете дело с явным троцкистским, белогвардейским элементом, то нельзя его поступок расценивать, как какое-то хулиганство, как простое, случайное явление. Этот явный контрреволюционер делает все сознательно для того, чтобы подорвать основы пролетарской диктатуры, чтобы подорвать авторитет нашей партии, чтобы попытаться создать недовольство в массах против партии и познавать, видеть эти факты, надо самим вать как хулиганство. Надо учить людей распозновать, видеть эти факты, надо самим уметь распознавать этих людей и давать их делам соответствующую политическую оценку. Вот возьмите недавний случай с бывшим алматинским прокурором Николаевым. Он, т. Николаев, вел дело явно троцкистских элементов, но у него до того притупилось политическое чутье и революционная бдительность, что квалифицировал он действия этих людей как простое хулиганство.

Задача судебно-прокурорских органов не только заключается в том, чтобы просто засудить на столько-то лет и на этом кончить. Нет, конечно! Задача ваша заключается в том, чтобы на каждом процессе воспитывать массы. **Каждый факт, каждое дело против людей из враждебного класса, из чуждых нам элементов должно быть рассчитано на то, чтобы сотни и тысячи колхозников и рабочих воспитывались, научились бы распознавать классового врага, видеть агента врага, повышали бы свою бдительность.**

Возьмите Балхашское дело Мейера. Балхашский прокурор, хотя он и новый работник, но он сделал не так, как нужно было сделать, он допустил большую политическую ошибку. Нам не столь важно было в конце концов этого Мейера посадить, он нам не так уже страшен, но нам страшно ротозейство наших людей и их неумение политически правильно квалифицировать такие вылазки. А надо было на этом деле Мейера показать, что мы имеем дело с явным фашистом, который забывает, что он находится в пролетарской стране. Мы не можем расценивать это дело как хулиганский факт. Вы должны были показать рабочим этого «чистокровного арийца» от начала до конца, показать, как советская страна уважает достоинство своих граждан, своих ударников. В этом суть дела.

Какой вывод из этого? Вывод таков, что у значительного количества работников нет достаточного революционного чутья, революционной бдительности и нет той дозы политической заостренности, без которой нельзя руководить работой, будучи прокурором или будучи председателем суда, судебным работником. Прокурорская работа — это большое дело и если, скажем, у наших прокурорских работников нет понимания этих элементарных вещей, если они потеряли эти необходимые качества большевика, качества прокурора, то естественно, они прошляпят во всех случаях. **Задача заключается в том, чтобы наряду с расчисткой наших органов, расчисткой их от втесавшихся туда байско-кулацких, белогвардейских элементов, наряду с расчисткой от элементов взяточничества, наряду с этим поработать основательно, по-большевистски над тем, чтобы поднять революционную бдительность наших прокурорских и судебных работников, поднять в них партийное, большевистское понимание тех дел, которые они ведут, поднять политическую заостренность в работе, научить их каждый вопрос, каждое судебное дело рассматривать сквозь призму классовой борьбы.**

Следующий вопрос, на котором я хотел бы остановить ваше внимание, это вопрос о волоките и бюрократизме в наших судебных органах. Тут, товарищи, много говорили о том, как у нас, в судебных органах, залеживаются дела, о том, как они накапливаются месяцами, годами и как эти дела остаются не рассмотренными.

Вот например одно вопиющее «дело» по обвинению Наумбетова и других по закону 7/VIII в падеже и разбазаривании 5600 голов овец. По вине Союзмяса, руководители которого не заготовили кормов по пути перегона, погибло во время перегона около шести тысяч овец.

Дело было возбуждено карагандинской горпрокуратурой и 13/XII 1932 г. направлено Восточноказакстанскому облпрокурору. Последний 2/I 1933 г. дело возвратил карагандинскому горпрокурору на том основании, что обвиняемые содержатся в Караганде. Дело к карагандинскому горпрокурору поступило 15/V 1933 г. (где дело было за это время — неизвестно).

Прокурор Караганды дело 19/V 1933 г. возвратил обратно прокурору Восточноказакстанской области, облпрокуратура дело направила каркаралинскому райпокурору, последний передал дело 19/VI 1933 г. нарследователю.

За время хождения дела из района в район из 23 обвиняемых 11 человек оказались неизвестно где.

Вот вам яркий образчик той преступной волокиты и того бюрократического отношения, которое царит во многих наших судебных и прокурорских органах. Год с лишним гуляет дело, а дело немаловажное — погубили 5600

овец. Как квалифицировать это дело? Но разве это у нас единичный случай?

Нередко наши товарищи, работающие в судебных органах, говорят, что людей нехватает, загружены и т. п. Неверно это. Здесь налицо самый настоящий, завзятый бюрократизм и самая настоящая волокита в судебно-прокурорских органах. А вы знаете волокитчик и бюрократ — это родные братья тех же кулаков, баев, это люди, которые льют воду на мельницу враждебных элементов. Если бюрократ, волокитчик не является ни баем, ни кулаком, ни белогвардейцем (некоторые даже почетного происхождения), то все равно он играет на-руку врага, ибо всякое затягивание дела, всякая волокита идет на пользу врага и мешает, вредит нашему делу. Надо волоките и бюрократизму объявить самую беспощадную борьбу.

Вы, работники суда и прокуратуры, очевидно помните письмо Ленина Курскому, тогдашнему наркомюсту, где он предлагал организовать судебные процессы над бюрократами и крепко наказать их.

А у нас этой волокиты и бюрократизма не мало. Огромное накопление дел — это результат нерадивого отношения к работе, результат бюрократического отношения к своим обязанностям, результат того, что в нашем судебно-прокурорском аппарате живут еще навыки и традиции, ничего общего не имеющие с советским строем.

Элементы бюрократизма и волокиты в аппарате приводят к чрезвычайно непозволительным вещам. Факт, который рассказывали здесь, показывает, что человека взяли под стражу, а дело его разбирали в течение восьми месяцев, и в результате вынесли приговор о заключении на шесть месяцев. А ведь человек сидел восемь месяцев! Известно и такое дело, когда человека заключили под стражу и рассмотрение дела тянули в течение года, а через год вынесли оправдательный приговор. Не ясно ли, что такое издевательство над советским гражданином является величайшим преступлением.

В нашей стране это нетерпимо, непозволительно! В нашей стране не может быть такого порядка, чтобы зря человек сидел. Мы должны каждое дело разбирать в максимально короткий срок. Если человек провинился — наказать, если нет — не сметь его трогать и издеваться над ним. Гражданин Советской республики—не обычный гражданин любой капиталистической страны; это почетный человек и отношение к этому гражданину должно быть особо заботливое. Нет ни одной такой области, нет ни одной такой республики в нашем Союзе, где было бы столько безобразий в области судебного аппарата, сколько у нас, где так издевались бы над гражданином, как у нас в отдельных районах Казахстана. Спрашивается, можно ли терпеть у нас такой порядок? Невозможно. Эту практику надо быстро и решительно ликвидировать, надо покончить с этими безобразиями, позорящими советский суд. Мы должны, обязаны потребовать ответа: на каком основании работники суда и прокуратуры позволяют такие безобразия? Это надо понять нашим работникам, основному кадру работников, собравшихся на данном совещании. Надо понять, что сейчас тот порядок работы, те традиции, та практика работы, которые существовали, должны быть коренным образом ликвидированы, изменены от начала до конца.

В практике органов юстиции бывают и другие крупные промахи. Я вам рассказывал, как дело о разбазаривании шести тысяч овец ходило по канцеляриям свыше года, а тем временем все виновники исчезли. Но вот вам другое характерное дело: нарсудья Талды-Курганского района т. Полторак осудил рабочих сахзавода Джилкимбаева, Халеева, Турузбаева и Бугаева к различным срокам лишения свободы за то, что они самовольно выкопали 57 корней сахарной свеклы стоимостью в один рубль (?!). За один рубль четыре рабочих приговорены к 8—5 годам заключения, а за 5 тысяч голов скота, разворованных в степях Акмолинска, ни один человек не понес наказания. Скажите, пожалуйста, где здесь правильное наказание действительных виновников? В силу тех обстоятельств, о которых я говорил, в силу того, что у нас люди иногда недодумывают как следует дело, не работают над этим делом, делают работу наспех, в силу того, что у наших людей нехватает политической заостренности в работе, уменья видеть, где враг и где человек, допустивший тот или иной промах случайно, в силу того, что наши люди иногда не умеют отличить врага от простого рядового рабочего, которого нужно воспитать, для которого суд должен быть школой, огонь направляют не на тех, огонь идет не против врага, не против жулика, не против мошенника, который разворовывает, а огонь направляют против рядовых рабочих и колхозников, которые в силу тех или других обстоятельств, иногда даже подстрекаемые кулаком, совершают те или другие преступления или ошибки. Видел я во время весенней посевной аналогичное безобразие в Новороссийском районе. В Новороссийской МТС засудили пять трактористов, хороших работников, засудили благодаря чиновничьему и бюрократическому отношению к ним руководителей МТС. Когда они, эти трактористы, потребовали выдачи зарплаты, как говорят забузили, за это их объявили саботажниками, врагами пролетарской диктатуры, приговорили на 3—5 лет каждого. Мы случайно наткнулись на это дело. Потом суд отменил это дело и эти люди сейчас работают как самые лучшие ударники МТС. Иногда таким людям дают 10 лет, а дела байской, кулацкой своры растягивают на полгода, год и дают им возможность улизнуть.

Вот в Меркенском районе в производстве 30 незаконченных следствием дел. Там огромные растраты, и никто не взят под стражу, дело тянется несколько месяцев и неизвестно, когда закончится. В Кзыл-Орде, Аулиэ-Ата, Караганде, в целом ряде районов Восточной области насчитываются буквально в каждом районе десятками, дела, которые не рассмотрены. Дела на настоящих мошенников и воров остаются нерассмотренными, а воровство у нас все еще большое. К нашему стыду у нас по кооперации в 132 г. было растрат на 6 млн. руб., в 1933 г.—на 8 млн., руб., в 1934 г.—на 8 млн. руб. Некоторые товарищи говорят, что учет виноват, что раньше не учитывали, а в последние годы жмем, выявляем и учитываем. Не знаю, в какой степени это правильно, но эти цифры ярко говорят

о том, что у нас много еще фактов воровства и хищения государственного имущества и денег, а дела по растратам и хищениям залеживаются подолгу. Очевидно, товарищи, задача наших судебно-прокурорских органов заключается в том, чтобы такие дела, как воровство в нашей государственной торговле и кооперации, воровство в советских учреждениях, где имеются, несомненно, элементы классово враждебные и где это воровство и разбазаривание являются в основном делом рук этих классово враждебных элементов, — рассматривать быстро, без бюрократических проволочек.

Из всех задач самая неотложная — это задача укрепления органов суда и прокуратуры. Мне кажется, что без особых кампаний надо тщательно каждому из вас просмотреть и проверить каждого человека, работающего в аппарате, и в соответствии с этим наметить меры к подбору новых проверенных людей, для замены негодных. При этом надо беречь и сохранить всех тех, которые проверены, работают честно, самоотверженно, работают как большевики. Одновременно надо проявить максимум заботы о работниках, об их нуждах, оказывая им всяческую помощь, поднимая их сознание до уровня той важнейшей государственной задачи, которая возложена на работников суда и прокуратуры.

Никого партия у нас не наделила такими полномочиями, такой властью, как, скажем, наделила прокуроров и судебных работников.

Надо уметь правильно пользоваться этой властью, надо сделать так, чтобы не злоупотреблять ею, чтобы эту свою власть прокурор направлял на пользу пролетарского государства, на пользу трудящихся масс. Ведь, чем больше наделен властью тот или иной наш работник, тем больше у них должно быть тревог и забот о советском гражданине, о трудящемся нашей страны.

Только такой прокурор и судебный работник хорош, который, имея в своих руках право распоряжаться свободой гражданина, вечно заботится о благополучии этого советского гражданина, заботится о том, чтобы создать лучшие условия, лучшую обстановку для работы наших колхозников, наших рабочих, наших советских работников.

Власть нужно употребить на то, чтобы создать в деревне, в ауле такой порядок, чтобы колхозник был уверен, что зря его не обидят, его скот не тронут, бесплатно не используют его лошадь, что какой-нибудь лжебельсенди не заберет скот, не зарежет и не посмеет издеваться над ним. Надо создать крепкую революционную законность, создать, укрепить величайшее уважение к свободе и личности советского гражданина. Надо создать такой порядок в ауле, чтобы казахский колхозник был бы уверен, что с ним не повторят того, что было в 1930—1931 гг., чтобы он был уверен, что скот, который находится в его распоряжении, никто не посмеет трогать, что он хозяин своей фермы, скота и тех ценностей, которые в его руках, в его хозяйстве, что он является хозяином тех богатств, которые создает его колхоз.

Вся эта гигантская работа требует новых самоотверженных людей. Это значит, что надо выращивать, воспитывать и выдвигать новые кадры. Вы, товарищи, присутствующие здесь, мало работаете над выращиванием кадров и выдвижением выросших хороших работников. Ваши органы мало работают в смысле изучения своих людей, в смысле создания им необходимых условий для работы и особенно в смысле закрепления кадров, подготовки их, проявления заботы о людях, о работниках, чтобы не было таких безобразий, о которых рассказывала здесь т. Хитрова. Вы можете сказать, что это очень трудно, нет транспорта, нет средств и т. д. Но все же как бы ни было трудно, вы должны избежать таких безобразий. Если трудно, то вы должны ставить эти вопросы перед соответствующими организациями и изыскать пути и возможности для создания нормальных условий работы. Чепуха это, когда все сваливают на трудности. Заработную плату не платят по несколько месяцев из-за бюрократических безобразий, а поэтому и пытаются общими разговорами о трудностях замазать это. Надо каленым железом вытравить это формально-бюрократическое отношение к кадрам и поставить в центре внимания республиканских и областных органов суда и прокуратуры постоянную заботу о людях, о работниках.

Вопрос о бытовых условиях — это большой вопрос. Насколько я понял из выступлений товарищей, одна сторона этого вопроса уже не стоит теперь остро — это вопрос питания. Жалоб на недостаток питания теперь уже не услышишь. Огромный материальный подъем страны, рост советской торговли, подъем благосостояния народных масс нашей страны почти сняли этот вопрос. И можно не сомневаться ни одной минуты, что мы в этом направлении будем шагать вперед семимильными шагами.

Вторая часть вопроса—это жилищные условия ваших работников. Товарищи, этот вопрос мы также разрешаем успешно, хотя, правда, трудностей действительных здесь еще много. Возьмите новые районные центры, здесь конечно без некоторого хотя бы строительства, трудно разместиться. Тем не менее, если будет к этим вопросам больше внимания со стороны областей и их руководителей, со стороны краевых организаций, то и эти вопросы будут и должны быть в ближайшие год—два разрешены целиком. Здесь, товарищи, многое зависит от вашей активности, от вашего напора и от вашего умения мобилизовать областные и районные руководящие партийно-советские органы на помощь вашим организациям.

Там, где прокурор и судья твердо ставят эти вопросы, по-большевистски их ставят,—там их быстро разрешают, а там где работники органов прокуратуры и суда шляпы, — там эти вопросы разрешаются труднее.

Что касается нашей помощи, то я могу вас заверить, что краевой комитет партии всячески помогал, руководил и впредь будет оказывать большевистскую помощь.

В заключение необходимо подчеркнуть, как бы ни были актуальны и как бы, товарищи, ни тревожили вас в отдельных местах вопросы транспорта, вопросы материально-бытового порядка и т. д., все-таки не они сегодня определяют и решают вопрос о качестве работы прокурорских и судебных органов. И при нынешних условиях, я считаю, мы могли бы работу судебно-прокурорских органов поднять на большую высоту и добиться высококаче-

ственной, честной и настоящей большевистской работы этих органов.

Мы должны добиться того, чтобы наша организационная практика в области борьбы за революционную законность стояла бы на одном уровне с политическими задачами партии. Материальный подъем страны, особенно сельского хозяйства, укрепление колхозного строя, закон колхозной жизни, составленный по инициативе и ближайшем участии т. Сталина (устав с.-х. артели) свидетельствуют о том, что мы вступили в новую полосу, полосу коренных улучшений материального положения народных масс.

Товарищи, будет величайшим позором, если вы качество судебно-прокурорской работы оставите на том уровне, который существовал вплоть до последнего времени. Мы должны сделать все, чтобы ликвидировать отставание на этом участке так же, как мы ликвидируем эту отсталость в промышленности, так же, как мы ликвидируем эту отсталость в сельском хозяйстве, так же, как мы ликвидируем эту отсталость в области культуры.

А. Я. Вышинский

Ответ на ответ

Мой доклад, посвященный речи т. Сталина 4 мая и задачам органов юстиции, в котором я указал между прочим на ряд принципиальных ошибок т. Крыленко, вызвал с его стороны сердитый ответ. Судя по тому, что т. Крыленко призвал против меня не то в качестве свидетеля, не то в качестве эксперта даже тень всем известного датского принца Гамлета, в свое время утверждавшего, что «там, где задета честь, нужно драться за скорлупу», в нашем споре с уважаемым моим оппонентом дело идет ни больше, ни меньше, как о самой чести...

Я не согласен в этом вопросе ни с т. Крыленко, ни с принцем Гамлетом, полагая, что за скорлупу едва ли следует драться, даже если задета «честь». В таком случае уж лучше прямо драться за «честь»! Но в данном вопросе идет дело не о «скорлупе», как выражается Гамлет, а о действительно серьезных, принципиальных вопросах нашей судебной политики.

Поэтому я готов драться за правильное решение этих вопросов. Я готов драться даже в том случае, если т. Крыленко сблокируется не только с Гамлетом, но и с любым героем классической литературы.

Я готов драться, как говорит т. Крыленко тем более, что у нас с т. Крыленко имеются действительно по ряду вопросов серьезные разногласия, устранение которых было бы чрезвычайно желательно и полезно для нашего общего дела.

К чему же сводятся наши разногласия в данном споре? Эти разногласия, мне кажется, касаются трех вопросов: 1) вопроса о твердых составах, 2) вопроса о дозировке и дробности наказания и 3) вопроса о двух процессах или об едином процессе.

Разберемся в этих вопросах спокойно, без излишнего задора и горячности.

Но раньше всего остановимся на вопросе, имеющем громадное принципиальное значение, хотя непосредственно и не относящемся к нашему спору. Это вопрос о том, что затронутые в моем докладе принципиальные вопросы нашей уголовной политики, как это утверждает т. Крыленко, не следует связывать с исторической речью т. Сталина 4 мая. Правильно ли это утверждение т. Крыленко, пытающегося доказать, что нет «ни особенной необходимости, ни особенной логики и связывании этих вопросов (т. Крыленко их называет и совершенно правильно «основными вопросами нашей уголовной политики») с выступлением т. Сталина о кадрах»?

Мне кажется, достаточно только поставить этот вопрос, чтобы было совершенно очевидно глубокое заблуждение т. Крыленко.

Речь т. Сталина 4 мая является программной речью, определяющей наше отношение к людям, к кадрам; определяющей основное, принципиальное направление всей организации нашей работы, отвечающей на вопрос, **как, какими методами** нужно воспитывать, выращивать кадры, **как нужно** бороться с ошибками и недостатками наших людей, представляющих собой самый ценный капитал...

Тов. Сталин в своей замечательной речи 4 мая завершил развитие своих взглядов, развитие великого учения Маркса—Энгельса—Ленина о роли и положении человеческой личности в социалистическом обществе, во всей пролетарской революции.

В своем докладе я стремился это показать, напомнив о ряде других замечательных выступлений нашего вождя по аналогичным вопросам, в частности напомнить о беседе т. Сталина с Уэллсом, бросающей глубокий свет, если можно так выразиться, на корни исторической речи 4 мая.

В своем докладе я говорил: «Мы видим таким образом, что на всем протяжении нашей революции, на различных этапах ее, в различной исторической обстановке и в 1927 г., и в 1931 г., и в 1934 г. т. Сталин неоднократно возвращался к вопросу о кадрах, об отношении к людям, последовательно и глубоко принципиально решая эту проблему, являющуюся одной из самых важных, ответственных проблем нашего времени».

Но можно ли отрицать, что эта важнейшая проблема нашей эпохи не имеет никакого отношения к основным вопросам нашей уголовной политики? Думаю, что отрицать это нельзя, не рискуя впасть в грубую и совершенно недопустимую ошибку.

И после ответа т. Крыленко я не имею никаких оснований отказываться от своего взгляда на этот вопрос, от своих слов о том, что «величайшее значение речи т. Сталина 4 мая вообще и в частности для работников советской юстиции состоит в том, что она круто поворачивает наше внимание к этому вопросу».

Я и сейчас остаюсь при том убеждении, что «когда т. Сталин говорит о необходимости не только ценить машины и рапортовать о том,

сколько у нас имеется на заводах и фабриках машин и станков, но больше всего ценить людей «ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу» — т. Сталин бьет в самое больное место всей системы работы органов советской юстиции...»

Это не может, разумеется, не признать, если он серьезно продумает данный вопрос, и сам т. Крыленко, допустивший свое ошибочное утверждение, очевидно, в пылу полемики, в результате простого полемического увлечения.

Перехожу к следующим вопросам, и раньше всего к некоторым вопросам нашего материального уголовного права. Здесь важнейшим вопросом является вопрос о так называемых твердых (точных) составах. В своем ответе т. Крыленко подчеркивает свой отказ от ориентировочных составов, признавая «лозунг ориентировочных составов неверным» (какая осторожность и мягкость квалификации!), а борьбу за точные составы — «борьбой политически необходимой».

Очень хорошо. Правда, т. Крыленко пытается оправдать свою ошибку в этом вопросе особенностями переломного 1930 г., не позволявшего якобы ставить вопроса о точных составах. Но эта попытка совершенно несостоятельна.

1930 г., конечно, многое объясняет в наших позициях и в наших ошибках. Но я смею утверждать, что при всех особенностях 1930 г. ставить вопрос так, как ставил его т. Крыленко, утверждавший, что УК должен представлять собой сумму «приблизительных наметок мероприятий», нельзя было и в 1930 г.

В своем ответе мне т. Крыленко говорит, что в 1930 г. нельзя было надеяться исчерпать все возможные случаи, виды и формы преступных действий и классовой борьбы в точном перечне юридически отшлифованных составов и определений.

«Исчерпать» нельзя было тогда, как нельзя и сейчас. Это совершенно верно. Но вопрос о точных составах — это не вопрос об **исчерпывании всех возможных случаев, видов и форм** преступных действий и т. д. и тем более «юридически отшлифованных составов и определений».

Вопрос о точных составах вовсе не следует смешивать с вопросом об исчерпывающем перечне преступлений. Такая задача вообще, всегда и при всех условиях (не только в 1930 году) неразрешима. Именно неразрешимость такой задачи и объясняет неизбежность, целесообразность и политическую разумность применения аналогии **вместе и на основе точных составов.**

Тов. Крыленко смешивает различные вопросы. В своем объяснении он подменил один вопрос (о точном **составе** преступления) другим вопросом (об исчерпывающем **перечне** преступлений).

Тов. Крыленко, полемизируя по поводу моего утверждения о недопустимости судейского правотворчества, о недопустимости привлечения к суду за преступления, не обозначенные в законе, сердито восклицает: «Любой либерал подпишется обеими руками под вашим утверждением...»

Тов. Крыленко в доказательство своей правоты ссылается при этом на нашу практику, которая якобы опровергает мой тезис.

Но не ограничиваясь ссылкой на практику и, очевидно, понимая недостаточную солидность этого аргумента, т. Крыленко пускается в теоретические рассуждения, имеющие своей целью окончательно сокрушить мое утверждение, как по его характеристике «типичную либеральную формулу, являющуюся текстуальным воспроизведением буржуазного принципа...»

Не нужно, впрочем, смущаться подобного рода аргументацией т. Крыленко, во всяком споре всегда старающегося оглушить своего противника, а больше всего — свою аудиторию всякого рода «жупелами» и крепкими словами.

«Любой либерал», «типичная либеральная формула», «либеральный подход к вопросу» — вот обычный для т. Крыленко набор аргументов, при помощи которых он ведет теоретические споры по любому вопросу, на любую тему: будет ли это Уголовный кодекс, будет ли это Уголовно-процессуальный кодекс, будет ли это просто какая-либо материально или процессуально-уголовная новелла.

Однако сам т. Крыленко не прочь «подписаться обеими руками» под типичнейшими либеральными формулами, под некоторыми важнейшими принципами буржуазного уголовного права.

Напомню т. Крыленко его выступление в 1928 г. в Комакадемии по вопросу о реформе уголовного процесса и в частности по вопросу о допустимости использования нашим законодательством тех или иных особенностей буржуазного процесса, хотя бы и носящих типично буржуазно-либеральный характер.

Вот что говорил тогда и совершенно справедливо т. Крыленко:

«Основное, что является самым ценным моментом в тезисах Комакадемии, заключается в том ее тезисе, где говорится, что при построении нашего процесса мы должны взять из буржуазного процесса то, что пролетариату в его борьбе на нынешней фазе нужно. Именно в контртезисах указывалось, что нужно взять и отразить в нашем процессе те элементы культуры, которые даны буржуазной историей и которые нами принимаются, как нечто такое, что мы равным образом ценим и от чего ни в коей мере не отказываемся. Это прежде всего, как правильно говорит т. Стучка, состязательный процесс, который в принципиальных своих исходных пунктах есть определенное культурное достижение, созданное молодой революционной буржуазией. Когда я писал тезисы и потом в докладе я говорил: да, мы от этого культурного момента не отказываемся, поскольку техника судоговорения установила, что наилучшим средством для установления материальной истины являются элементы непосредственности, устности, гласности процесса и предоставления обвиняемому прав стороны»[1].

И это совершенно правильно. Но ведь сказать то, что сказал в этом выступлении т. Крыленко, значит подписаться обеими руками под наиболее важными, ответственными принципами буржуазно-либеральной юриспруденции.

Зачем же тогда бросаться такими обвинениями, которые совершенно несостоятельны и могут расцениваться лишь как простой полемический прием?

[1] «Революция права» № 2, 1928 г., стр. 89.

Нападение на меня в этом пункте, в пункте о правотворчестве, имеет, однако, для т. Крыленко гораздо большее значение, чем простая полемика.

Это значение заключается в том, что в данном вопросе обнаруживается старая, все еще не ликвидированная т. Крыленко точка зрения на роль и значение советского закона, на вопрос о непоколебимости и нарушимости советского закона.

В уже цитированном выступлении в 1928 г. т. Крыленко свое отношение к данному вопросу сформулировал очень резко и решительно, защищая «идею», как выразился т. Крыленко, о таком Уголовно-процессуальном кодексе, который был бы «просто инструкцией» (Стучка), собранием «наказных статей», к которым не было бы отношения как к букве закона.

Развивая эту свою идею, т. Крыленко говорил:

«Но я пойду в своем еретическом разрушении принципов непоколебимости законов еще дальше. Одно время я высказывал мысль, что ничего ужасного не было бы, если бы мы сказали, что в Тульской губ. нужно ввести одну подсудность, а в Рязанской—другую, ибо там условия одни, а тут условия другие...»

Итак, т. Крыленко в 1928 г. был против принципа **непоколебимости закона.** В 1928 г. он шел против этого принципа походом, хотя и не без некоторой робости, являвшейся, очевидно, результатом сознания «еретичности» этого предприятия. Получалось занятное зрелище: прокурор Республики в роли «еретика», разрушающего принцип непоколебимости законов!..

Мы хорошо знаем решительность выражений т. Крыленко. Насчет этой решительности надо, очевидно, отнести и эту странную формулировку. Но не граничит ли эта решительность с таким архибуржуазным качеством, как анархичность, совсем неуместная в Советском государстве?

Впрочем, в настоящее время т. Крыленко под этим своим выступлением 1928 г., конечно, не подпишется не только двумя руками, но и одной рукой.

По крайней мере, в декабрьском своем докладе 1934 г. т. Крыленко уже не настаивает на ориентировочных составах преступления. Больше того. Он прямо говорит, что «в нашу эпоху, когда борьба за укрепившуюся социалистическую правовую атмосферу является одним из основных требований дня, это характерное для проекта 1930 г. и особо подчеркивавшееся нами положение в еще большей степени не может быть принято» [1].

Хорошо все то, что хорошо кончается...

Однако в своем ответе мне т. Крыленко вновь возвращается к этой теме, вновь бросает мне упрек в либерализме в связи с моим оспариванием правильности теории об ориентировочных составах и о судейском правотворчестве. Тов. Крыленко при этом изображает дело так, будто я против аналогии. Это ни на чем не основано. Я против аналогии нигде и никогда не выступал. Но я выступал и выступаю сейчас, говоря о противотворчестве, против того **расширительного и неумеренного применения аналогии,** которое нельзя назвать иначе как злоупотреблением аналогией.

Тов. Крыленко не хочет видеть этой разницы. Для него всякое предостережение против злоупотребления аналогией, — а я именно об этом и говорил, возражая против правотворчества кое-каких наших работников, — равносильно признанию принципа: «nullum crimen nulla poena sine lege». Отсюда и крики о либерализме и т. п. смертных грехах его противников...

Я считаю, что именно в нынешнюю эпоху, когда идет «борьба за укрепление правовой атмосферы» (Крыленко), применение аналогии должно быть ограничено, сужено, введено в строгие рамки.

Тов. Крыленко не просто за аналогию, а, очевидно, **за широкое применение** аналогии.

Я — против широкого применения аналогии, я — за применение аналогии не вопреки точному смыслу закона, **а в соответствии с точным смыслом закона.**

Вот в чем спор. И тут ссылки на практику, пренебрегающую точным смыслом закона, так же ошибочны, как ошибочна сама эта практика. И не нам с т. Крыленко, как наркомом юстиции РСФСР, защищать эту практику, идущую в разрез с точным смыслом закона, или, проще говоря, с законом.

Ведь закон имеет один смысл, одно содержание — точное.

Кто пренебрегает точным смыслом закона, кто допускает такое толкование закона, которое противоречит его **точному смыслу,** тот вступает в противоречие со смыслом закона и, следовательно, с законом, нарушает закон.

Как аргументирует свою точку зрения на аналогию т. Крыленко? Аргументирует в корне ошибочно. Аргументирует примерами, совершенно неубедительными, потому что как раз приведенные им примеры не представляют никакой трудности и легко решаются любым районным прокурором. Остановимся на этой аргументации подробней.

Первый пример — вопрос: «Как вы уложите, спрашивает т. Крыленко в его (т. е. моего определения — А. В.) рамки привлечение к суду родителей и школьных педагогов за самоубийство детей?»

Странный вопрос! Если родители или педагоги виноваты в самоубийстве детей, то мы привлечем их к уголовной ответственности на точном основании точного смысла соответствующего закона, по соответствующей статье Уголовного кодекса, в зависимости от конкретного содержания их преступления. Мы можем привлечь к суду этих педагогов по статьям о должностных преступлениях или по ст. 141 УК РСФСР, как и родителей, если самоубийство ребенка явилось результатом таких преступных действий, которые предусмотрены ст. 141 УК.

Если текст ст. 141 говорит не о родителях и педагогах, а о лицах, от которых материально или иначе зависит погибший по их вине ребенок, то это дела не меняет: ведь мы говорим не о текстуальном смысле закона, а о **смысле** закона. Нельзя возражать и против применения в этом случае ст. 16 (аналогии). Это будет уместно и в точном соответствии с смыслом ст. 3 Основных начал и самой ст. 16 УК РСФСР.

[1] «Проблемы уголовной политики», кн. 1, стр. 21.

Но применение ст. 3 или ст. 16 УК РСФСР вовсе не свидетельствует о том, что судья в этом случае «творит закон по-своему», как я выразился в своем докладе.

Перейдем ко второму примеру.

«Как вы свяжете, спрашивает т. Крыленко с ним (с моим утверждением — А. В.) вынесенное до нового закона решение комиссий партийного и советского контроля по борьбе с незаконным выпуском займов местными исполкомами, где такой выпуск приравнен к преступлениям по подделке государственных и ценных бумаг...?»

Не менее странный вопрос, чем первый.

По т. Крыленко выходит, что постановление комиссий партийного и советского контроля не опирается на действующий закон и что оно говорит о привлечении к уголовной ответственности за преступление, не обозначенное в законе.

Это абсолютно неверно. Во-первых, это постановление исходит из факта **противозаконного** выпуска всякого рода облигаций, займов и других видов ценных, бумаг, а также бон и иных денежных суррогатов — выпуска, нарушающего закон 3 июня 1930 г., с которым кое-кто из председателей горсоветов, заведующих райфо и горфо, директоров банков и прокуроров не желали считаться.

Поэтому комиссии партийного и советского контроля совершенно правильно и в соответствии с действующим нашим законодательством возбудили вопрос об уголовной ответственности за выпуск указанных выше ценных бумаг, займов и пр. Во-вторых, это постановление совершенно правильно предложило виновных привлекать к уголовной ответственности как за преступления, **граничащие** с подделкой государственных ценных бумаг и денежных знаков.

Я подчеркиваю: граничащие, а не «приравненные». Но дело не в этом. Дело в том, как привлекать к уголовной ответственности за подобные преступления?

Есть ли в действующем законодательстве статья, дающая возможность привлечь к уголовной ответственности должностное лицо, злоупотребившее своим служебным положением и нарушившее закон 3 июня 1930 года? Или такого закона нет и привлекать к суду за это преступление значит привлекать к суду за преступление, не обозначенное в законе?

Такая статья УК есть — это ст. 109 УК РСФСР и соответствующие ей статьи УК других союзных республик.

Прокуратура Союза в свое время и дала периферии указания о привлечении за выпуск бон и прочих денежных суррогатов именно по ст. 109 УК. Давая такое указание, Союзная прокуратура считала нецелесообразным расширительно толковать право аналогии...

Однако весьма важно отметить, что уже 31 мая с. г., т. е. через два дня после принятия комиссиями партийного и советского контроля своего постановления был издан специальный закон «Об уголовной ответственности за незаконный выпуск ценных бумаг и денежных суррогатов», исчерпывающим образом разрешивший вопрос о природе этих преступлений и их квалификации.

«Как вы уложите, спрашивает т. Крыленко в третий раз, в Прокрустово ложе нашего (вашего, т. е. моего—здесь, очевидно, опечатка— А. В.) утверждения судебную практику по ст. 58^{10} за хулиганские выходки контрреволюционного характера и применение ст. 58^{10} за контрреволюционные выражения по поводу убийства т. Кирова?»

О чем вы спрашиваете т. Крыленко? Неужели для вас не ясно, что «хулиганские выходки контрреволюционного характера «целиком подпадают под действие ст. 58^{10}, не нуждаясь ни в каком Прокрустовом ложе? Неужели антисоветская, контрреволюционная выходка политического хулигана, белогвардейца, меньшевика, эсера, допускающего публичное поношение советского строя, советской власти, одобряющего контрреволюционные выступления и преступления, не дает основания для привлечения к уголовной ответственности по ст. 58^{10}, говорящей о контрреволюционной агитации? Утверждать обратное, отрицать возможность применения в подобных случаях ст. 58^{10} УК, значит заниматься подлинной юридической схоластикой! Такого же порядка и рассуждения т. Крыленко по поводу допустимости квалификации при известных условиях и в зависимости от конкретных обстоятельств дела о поджоге колхозного двора по ст. 58^{10}, как террористического акта, хотя о поджоге имущества говорит в УК особая статья.

Что в этом случае вызывает недоумение т. Крыленко?

Очевидно, чисто формальное понимание ст. 58^{8} УК, говорящей о террористическом акте, понимание, отрицающее возможность терроризировать кого-либо не только путем покушения на его жизнь или здоровье, но и на его имущество.

Ведь совершенно очевидно, что поджог чужого имущества не из контрреволюционных целей или не на почве политических счетов и классовой борьбы — одно дело, и здесь должна быть иная квалификация, по ст. 79 УК РСФСР.

Поджог как средство устрашения, как известная контрреволюционная акция — другое дело, и здесь должна быть другая квалификация. При поджоге колхозного двора возможна опять-таки в зависимости от конкретных обстоятельств каждого данного дела квалификация по ч. III закона 7 августа 1932 г., но возможна и квалификация через ст. 16 по ст. 58^{8} УК или без ст. 16 — по 58^{9} УК. Все зависит в конечном счете от фактических обстоятельств каждого данного дела.

Законов, как видим, достаточно и ни в каком судейском «правотворчестве» особой надобности не ощущается. Надобность ощущается и весьма серьезная, о чем наши наркомюсты мало, к сожалению, заботятся в другом: в правильном **понимании законов**, в умелом **применении** наших законов. Вот куда, т. Крыленко, нам необходимо направить свое внимание, вот чем нужно заняться всерьез и по-настоящему!

Разговоры же «о правотворчестве», помноженные на неудачные примеры и неудачные изобретения всяких новых, непредусмотренных законом квалификаций, делу не помогают; делу они только вредят, и вредят очень основательно!.. Об этих изобретениях, впрочем, речь будет итти дальше.

Каков итог анализа примеров т. Крыленко? По-моему, итог ясен. Если эти примеры предназначались для доказательства необходимо-

сти «правотворчества», то они своей цели по-моему, не достигли. Аргументация т. Крыленко за «правотворчество» неубедительна. В этой аргументации слышатся старые нотки недооценки точности, твердости, непоколебимости закона, старые нотки теории т. Крыленко, противопоставляющей точным составам принцип аналогии, тогда как этот принцип может иметь место лишь на основе и в системе законов, обладающих именно точными составами.

Тов. Крыленко в своем ответе делает попытку еще раз обосновать свою новую формулу, позволяющую соединить ст. 58[1] с любой статьей Особенной части Уголовного кодекса.

К сожалению, т. Крыленко не приводит никаких новых соображений в пользу своего новшества. Ссылка на саратовское дело, по которому Верхсуд РСФСР вынес постановление, опротестованное по изложенным в моем докладе мотивам и отмененное Верхсудом Союза ССР, тоже не дает по существу ничего нового. Добавлю лишь несколько слов. Сам т. Крыленко признает, что применение по саратовскому делу ст. 58[8] (терракт) — величайшая натяжка. Этим самым т. Крыленко признает, что в данном случае нет терракта.

Но как же квалифицировать убийство кулаком мальчика бедняка, совершенное, как пишет т. Крыленко, на почве крайней озлобленности этого кулака против бедноты?

Отвечаю: Если этот политический мотив действительно имел место, нет оснований отказываться от применения ст. 58[8] хотя бы через ст. 16 УК. Если же этого **мотива** не было, то нужно квалифицировать убийство, совершенное без контрреволюционной подкладки, как умышленное убийство, по ст. 136 УК РСФСР.

Что же касается наказания, то оно должно быть определено в пределах соответствующей статьи, против чего не возражает т. Крыленко.

Но никак нельзя согласиться с утверждением т. Крыленко, когда он по поводу убийств на политической почве говорит, что «в нашей действительности имеют место случаи, когда налицо нет террористического акта и тем не менее есть контрреволюционный акт».

Пойми, кто может! Как же можно убийство с контрреволюционными мотивами (умыслом?) рассматривать как какой-то контрреволюционный «акт», не являющийся однако **террористическим актом!.**

Нет, Николай Васильевич, ваша хитроумная комбинация со ст. 58[1] УК не выдерживает никакой критики! И чем скорее Вы от нее откажетесь, тем, мне кажется, будет лучше.

Второе разногласие, разделяющее нас с т. Крыленко относится к так называемой дозировке.

Я считаю основной ошибкой т. Крыленко в этом вопросе сведение дозировки к возмездию. Неправильно думать, что дробность наказания может определяться только принципом «мести и воздаяния».

Тов. Крыленко считает необходимым бороться против тенденции суда отмеривать и отвешивать лишение свободы на 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10 лет или 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9; 10; 11 или 12 месяцев в зависимости от «тяжести» содеянного», в «воздаяние» и «возмездие» за совершенное.

Но принцип дробности наказания вовсе не обязательно связывать с буржуазной схоластикой о «возмездии» и тому подобной дребеденью.

И сам т. Крыленко в этом отношении вовсе не непримирим, хотя ясности в его позиции в настоящее время нет.

Разоблачая ошибочность и вред теории возмездия и признавая свою ошибку в области борьбы с дозировкой, т. Крыленко готов итти на дозировку «как метод воздействия на человеческое поведение...».

Это в декабрьском докладе 1934 г., а в июльском выступлении 1935 г. на страницах «Советской юстиции» т. Крыленко высказывается за то, чтобы лишать «суд права дробно варьировать эти сроки (т. е. 3, 5, 8 и 10 лет, а не 1, 2, 3, 4, 5 и т. д. лет и месяцев — А. В.) в пределах одного и того же вида наказания, например 3, 3½, 4, 4½, 6, 7, 9 лет...»

Такую дробность т. Крыленко объявляет лишенной всякого рационального смысла, чем-то близким к гаданью на кофейной гуще.

Сказано не без остроумия. Но убедительно ли? Думаю, что и на этот раз нет. Ведь качественной разницы нет между тем, будет ли наказание исчисляться в 3, 4, 5 и т. д. лет или месяцев, или с 3, 3½, 4, 4½ и т. д. лет. Почему в одном случае это рационально, а, в другом, совершенно аналогичном, это иррационально? Это абсолютно необъяснимо и также темно, как кофейная гуща.

Кстати, своим рассуждением об этой «иррациональности» в декабрьском своем докладе т. Крыленко доказал, что в сущности говоря, **он попрежнему в этом вопросе стоит на старых позициях.**

Свою ошибку т. Крыленко видит лишь в том, что, борясь против дозировки, он не учел силы иррационального в головах миллионов людей, он не посчитался с укоренившимися, так сказать, предрассудками в общественном сознании по этому вопросу.

Выходит так, что т. Крыленко, единственный глашатай рационального, должен был пасть под тяжестью иррациональных идей, преодолеть которые пока что он оказался не в состоянии.

Вот как только и можно понять соответствующие места из цитированного доклада т. Крыленко, заявившего: «Товарищи по комиссии восстановили дозировку полностью и меня заголосовали... Они допустили, по-моему ошибку, уступая там, где уступать нет нужды. Время покажет, кто прав из нас в этом споре..» (Проблемы уголовной политики кн. 1, стр. 25).

Нам незачем ожидать «знамения» времени, ибо жизнь, вся наша практика полностью опровергает попытки отказаться от дозировки. Как метода индивидуализации наказания, дозировка является нужным для нас инструментом, и вся задача в том, чтобы правильно этим инструментом пользоваться.

Перехожу к вопросу о двух процессах или едином процессе.

Я считаю совершенно необходимым и уместным обратиться к истории вопроса и, в частности, к книге т. Крыленко «Суд и право в СССР» (1927 г.), где т. Крыленко достаточно систематически изложил свои взгляды, проли-

вающие свет на его нынешнюю постановку во проса о двух процессах.

В этой книге т. Крыленко, комментируя основы судоустройства Союза, рассматривает действовавший тогда губернский суд, как суд исключительный, хотя и оговариваясь, что эта исключительность им понимается иначе, чем это принято.

Но дело не в этой оговорке. Дело в том, что сам т. Крыленко все-таки рассматривал этот суд, как исключительный, а в связи с этим требует и особых процессуальных норм для этого суда.

Тов. Крыленко прямо говорит:

«Подходя с этой точки зрения, можно, конечно, сказать, какой суд является нормальным, какой суд исключительным, причем исключительным судом придется признать губернский суд.

К такому же выводу мы придем, исходя и из другой точки зрения, именно из обычного обывательского представления о том, что исключительным судом мы будем признавать тот суд, в котором права обвиняемых более стеснены, чем в общем суде. С этой точки зрения губернский суд, безусловно, должен быть признан, по его процессуальным особенностям, исключительным судом».

Именно, с этой точки зрения т. Крыленко считает, что губернские суды «как суды первой инстанции для дел особой категории, как наследники революционных трибуналов, не могут быть признаны ни в коей мере судами, долженствующими всегда стоять наряду с народными судами, как неотъемлемое звено нашей судебной системы».

Вот почему т. Крыленко полагал, что «по мере исчезновения острых форм классовой борьбы, губернские суды будут отмирать скорее, чем остальные суды».

Этими принципиальными соображениями и определялась точка зрения т. Крыленко на формы процесса, допускаемые для губернского суда. Особенность законов, определяющих форму и содержание деятельности губернских судов, должна была заключаться с этой точки зрения не только в более повышенных санкциях наказания за преступления, подлежащие рассмотрению в этих судах, чем в народном суде, но и в более жестком порядке рассмотрения этих дел (слушание дела без защиты и обвинения, отказ от прений сторон, ограничение других прав подсудимых и т. п.).

На такой же точке зрения т. Крыленко стоит и в опубликованной в 1927 г. статье под заглавием «Пора».

Говоря в этой статье об Уголовно-процессуальном кодексе применительно к губернскому суду, т. Крыленко вскрывает тот недостаток действовавшего тогда УПК, благодаря которому в губернском суде — «вместо краткого процесса с жесткой репрессией мы получили процесс громоздкий, длинный, заполненный формальностями и бесконечными речами».

В своем докладе «Реформа советского уголовного процесса» (1928 г.) т. Крыленко еще раз высказывается за установление для губернского суда особых норм процесса, за оставление в ведении губернского суда дел только о тех преступлениях, «которые мы признаем сугубо опасными и которые мы выделяем для рассмотрения в порядке особо жесткого процесса».

Эта особая жесткость процесса т. Крыленко мыслилась (очевидно, мыслится и до сих пор), как построение процесса без состязательности.

Вот, что он говорил по этому поводу в указанном докладе:

«Тогда (т. е. после выделения из подсудности губсудов всех дел, кроме указанных выше — А. В.) не будет той каши, которую представляет сейчас губернский суд, когда он одновременно рассматривает дела об убийстве комсомолкой комсомольца, дела о зверствах педагогов или об убийстве из ревности и тут же рядом дела о контрреволюции! И все это на основе одних и тех же процессуальных норм! Я понимаю еще допущение состязательного процесса в развернутой форме по таким делам, как убийство из ревности; я готов принять его даже для некоторых категорий должностных преступлений. Но я рассматриваю, как издевательство над существом губсуда, рассмотрение в нем, в порядке развернутого процесса таких дел, как дело Моссельхоза, дело об экономической контрреволюции, со всем бесконечным потоком речей и разливными голосистыми соловьями из буржуазной защиты, со всем использованием ею в издевку над пролетарской юстицией всей казуистики нашего процесса по нынешнему УПК».

Вот почему т. Крыленко в 1928 г., требовал двух форм процесса: один процесс без состязательности в развернутом виде — для дел о контрреволюционных и т. п. преступлений, другой опирающийся на состязательное начало, — для бытовых и всех других дел.

Тов. Крыленко тогда так прямо и говорил:

«Вот почему я ставлю вопрос таким образом: губернский суд должен иметь свой особый процесс, а народный суд должен получить в свою компетенцию все категории бытовых дел».

Если вспомнить, что т. Крыленко называл издевательством допущение состязательного процесса в развернутой форме по контрреволюционным делам и что он допускал состязательный процесс в этой форме по таким делам, как убийство из ревности, то точка зрения т. Крыленко будет выявлена в полной и исчерпывающей форме.

Но это было в 1928 г. Следует ли об этом вспоминать теперь, в 1935 г.? Увы, это неизбежно потому, что между точкой зрения, так отчетливо выраженной т. Крыленко в 1928 г. и нынешней его точкой зрения, менее отчетливо и последовательно выражаемой теперь, мне кажется, существует полная преемственность.

Тов. Крыленко, полемизируя с моей точкой зрения, указывает на два основных качества, которым должен удовлетворять наш судебный процесс:

первое качество — гибкость и быстрота репрессии; второе — достаточная демократичность, чтобы «обеспечить максимальную защиту прав трудящихся в судебном процессе и наибольший воспитательный эффект в отношении окружающих».

И дальше т. Крыленко пишет: «Эту вторую задачу обеспечивают принципы советской судебной демократии, гласность процесса, его непосредственность, устность и т. д.». Выходит, что первая задача, заключающаяся в отыскании материальной истины и разоблачении

классового врага, о чем говорит т. Крыленко, характеризуя первое качество нашего судебного процесса, может быть решаема и без помощи «таких принципов советской судебной системы», как указанные выше.

Для решения этой задачи эти принципы, выходит, не нужны. Эта задача решается при помощи чрезвычайных полномочий, широко же «развернутая система судороговорения» «гарантирует обеспечение второй задачи».

В этом рассуждении т. Крыленко совершенно механически отрываются одна от другой такие задачи, которые в действительности органически между собой связаны и которые т. Крыленко обрисовал, говоря о двух основных качествах судебного процесса. Это — установление материальной истины и разоблачение классового врага, с одной стороны, и воспитательное воздействие на окружающих, с другой.

Несмотря на все различие этих задач, они органически между собой связаны и, как правило, разрешаются параллельно.

Вот почему мы считаем, что советский судебный процесс должен быть построен так, чтобы эти обе задачи были обеспечены. Но это возможно лишь в том случае, если эти задачи будут решаться на основе принципов советской судебной демократии. Я подчеркиваю: **принципов**, что не исключает, разумеется, их более широкое или менее широкое применение в известных условиях, определяемых характером, особенностями и формами классовой борьбы на том или ином этапе социалистического строительства.

Когда ссылаются в защиту двух форм процесса на закон 1 декабря, дело представляют так, будто закон 1 декабря нарушил **принципы** советского судебного демократизма. Это неверно. Закон 1 декабря не устранил таких основных его принципов как устность, и непосредственность.

Эти принципы остаются в полной силе и при действии закона 1 декабря.

В судебном процессе и при действии закона 1 декабря обвиняемый остается носителем известных процессуальных прав, и достаточно широких для защиты своих интересов. Обвиняемый и в этом случае, как и в развернутом состязательном процессе, является **субъектом прав** в процессе, а не обектом процесса.

Именно качественной разницы здесь нет. Разница в объеме его прав, в большей или меньшей сумме этих прав. Это, разумеется, весьма существенно и важно, так как в меньшей сумме прав обвиняемого, в лишении его такого права, как право кассации и пр., заключается основное отличие этого порядка судебного разбирательства от порядка, обусловленного формой широкой состязательности.

Поэтому неправильно и юридически и политически ставить вопрос о двух формах процесса. Такая постановка этого вопроса прямым путем ведет нас к теории т. Крыленко 1928 г., отзвуки которой слышны и в его нынешних высказываниях.

Мы считаем, что не должно быть разных форм процессов, для разных судов. Мы считаем, что процесс должен быть единым в том смысле, что каждый суд — будь ли это народный суд, будь ли это областной суд или верховный суд, специальный суд — военный трибунал или водно-транспортный, или линейный транспортный, безразлично, — должен пользоваться одними и теми же процессуальными нормами и руководствоваться одними и теми же процессуальными правилами, осуществляться в одних и тех же процессуальных формах.

Спор идет не о том, можно ли допускать по тем или другим делам отступление от единого процессуального порядка, от того процессуального порядка, который установлен для судов, независимо от их характера и специальности. Спор идет не об этом, тем более, что этот вопрос категорически разрешен постановлением 1 декабря, установившим изъятия из Уголовно-процессуального кодекса для дел особой категории. Но именно тем, что законом 1 декабря установлены изъятия из общего порядка, лишний раз подчеркивается необходимость сохранения этого общего и единого для всех судов порядка по всем остальным делам.

Тов. Крыленко считает, что закон нужно написать так, чтобы были все возможности для применения обеих форм процесса, и что «совершенно безразличным является, в одном ли законе будут изложены обе эти формы, или в двух законах, или в двух разделах одного и того же закона будут отражены эти строго регулированные в свою очередь законом права суда применять обе формы процесса».

С этим тоже нельзя согласиться, потому что раньше всего изъятия из УПК, установленные для одной категории дел постановлением 1 декабря, вовсе не являются особой формой процесса, а во-вторых, еще и потому, что дело не в технике написания или построения закона, а в принципах, положенных в основу закона.

В заключение я не могу не остановиться на некоторых предложениях т. Крыленко, относящихся к организации уголовного процесса которые не содействуют, на мой взгляд, успешному разрешению задачи дальнейшего повышения качества нашей судебной работы.

Тов. Крыленко в целях упрощения процесса предлагает, например, в известных случаях отказываться от обвинительного заключения по делам, где, как он говорит, «существо дела всегда стандартно».

Нельзя считать удачным указание на стандартность дел, так как каждое дело всегда индивидуально и так как к судебным делам вообще подходить по какому-нибудь стандарту рекомендовать не следует.

Впрочем, вопрос об обвинительном заключении или милицейском протоколе, способном заменить это обвинительное заключение, является не принципиальным. Важно и принципиально лишь то, чтобы во всех случаях, привлекая обвиняемого к ответственности ему своевременно было предъявлено это обвинение достаточно определенно и четко сформулированное.

Таков мой ответ на ответ т. Крыленко. Я не могу не согласиться с ним, что наши разногласия действительно серьезны и глубоко принципиальны. Дальнейший ход вещей скажет, конечно, кто из нас прав но и то, что мы имеем уже сейчас, мне кажется, достаточно убедительно говорит, чья позиция в этом споре верна и в большей степени соответствует требованиям и задачам, предъявляемым к органам советской юстиции нашей эпохой.

С. Голунский

Работа прокуратуры в кассационных коллегиях

Работа прокуратуры в кассационных коллегиях судов не только не достигает того уровня, на котором она должна была бы стоять, но далеко уступает по объему судебно-надзорной работе прокуратуры. Так, за второй квартал текущего года Прокуратура участвовала в кассколлегиях Верхсуда по 690 делам, что составляет 29% к общему числу дел, рассмотренных Верхсудом за это время.

Надзорных же дел за тот же период в Управлений Прокуратуры РСФСР было рассмотрено 2174, т. е. в 3½ раза больше чем кассационных. Примерно то же соотношение имеет место и в работе край(обл)прокуратур. В некоторых прокуратурах, как, например, в Курской областной, Западной областной и других участие в работе кассколегий рассматривалось как своего рода повинность, которую все работники областного аппарата должны были отбывать по дням, в поряке очереди, совершенно независимо от характера дел, которые рассматривались в этот день в кассколлегии. Этот порядок был устранен лишь после обследования судебной работы этих прокуратур Прокуратурой РСФСР.

Между тем работа в кассационных коллегиях гораздо больше чем надзорная работа может дать прокуратуре возможность оказывать действительное и своевременное воздействие на карательную политику судов.

Прежде всего в кассколлегиях приходится иметь дело всегда с делами, отражающими судебную политику сегодняшнего дня ;тогда как в порядке надзора проходят в большинстве старые дела, на которых нельзя основываться для оценки судебной практики текущего момента. Участвуя в работе кассколлегий судов, при условии обязательного участия прокуратуры по важнейшим категориям дел и в суде первой инстанции, прокуратура получает возможность более или менее полного и всестороннего ознакомления с карательной политикой судов. Вмешательство же прокуратуры в уголовные дела в порядке надзора, вызываемое в подавляющем большинстве случаев жалобами осужденных, именно поэтому сосредоточивается на тех делах, по котором суд применил слишком жесткую меру наказания. Большинство приносимых прокуратурой протестов приносится на жесткость приговора. Количество протестов на мягкость приговоров значительно меньше, хотя статистика показывает нам, что по целому ряду важнейших категорий дел (дела о преступлениях в области животноводства, дела о хулиганстве и др.) во многих краях и областях судами проводится чрезмерно мягкая карательная политика, далеко не в достаточной степени выправляемая прокурорскими протестами.

Одних этих соображений было бы достаточно для того, чтобы обосновать необходимость усиления работы прокуратуры в кассколлегиях, хотя бы за счет сокращения надзорной работы. Но в настоящий момент этот участок прокурорской работы приобретает очень важное значение и с другой точки зрения. Нельзя сомневаться ни в том, что задача улучшения качества судебного процесса, поставленная I всесоюзным совещанием работников юстиции, ни в какой степени не утратила своего значения, ни в том, что до настоящего времени пройдена только очень незначительная часть пути по направлению к этой цели. Качество судебного процесса за время, истекшее после всесоюзного совещания, несомненно, улучшилось, но далеко недостаточно. Вряд ли кто-нибудь будет отрицать необходимость самой энергичной и самой настойчивой работы по дальнейшему улучшению качества процесса. Кассационная практика является, без сомнения, одним из самых действительных методов этой работы. Поэтому вполне своевременно поставить вопрос: удовлетворяет ли работа наших кассационных судов в ее теперешнем виде всем требованиям, которые должны быть предъявлены к ней с этой точки зрения? Являются ли определения кассационных инстанций тем острым орудием в борьбе за качество процесса, каким они должны быть? А если не являются, то что нужно сделать для того, чтобы они стали таким оружием?

Эти вопросы упираются в основной и очень сложный теоретический вопрос о правовой природе нашей кассационно-ревизионной системы, об отличиях этой системы как от апелляционной системы обжалования, так и от чистой кассации. Я, конечно, ни в какой степени не претендую на то, чтобы в журнальной статье дать решение этого вопроса. Я буду считать свою задачу выполненной, если, во-первых, мне удастся доказать, что значительная часть работы наших кассационных судов в ее теперешнем виде не может дать должного эффекта в отношении улучшения работы судов первой инстанции и органов расследования, во-вторых, хотя бы наметить те шаги, с которых надо начинать, чтобы добиться изменения такого положения.

Возьмите на выдержку несколько кассационных определений любой кассационной инстанции. Если это будут определения об оставлении приговоров в силе, то, в подавляющем большинстве случаев, никаких мотивов вы там не найдете, никакого ответа на доводы, содержащиеся в отклоненной кассационной жалобе, в них не окажется. Жалобщику предоставляется самому догадываться, почему его доводы отвергли.

Таким образом определения кассинстанций, оставляющие приговоры в силе, никого ничему научить не могут.

Но могут на это возразить, что, помимо кассационных определений, оставляющих приговоры в силе, кассинстанции, в случае обнаружения ими тех или иных ошибок в действиях суда или органов расследования по данному делу, выносят частные определения, которые и являются основным инструктивным материалом для судов первой инстанции. Практика частных определений действительно находит широкое применение в работе кассационных судов, пожалуй, даже чересчур широкое. Вот несколько примеров таких определений из практики Верхсуда РСФСР:

По делу Калмыцкого областного суда по обвинению Басова, Зотова и др. по закону 7 августа 1932 г. (касс. производство Верхсуда РСФСР № 21318 1935 г.) кассколлегия Верхсуда вынесла такое частное определение: «Указать председателю суда на недопустимость метода допроса обвиняемого, предварив его, что его ожидает расстрел; признание же вины и подробные показания о соучастниках, рассматриваемые судом как смягчающее обстоятельство по закону 7 августа 1932 г. — 10 лет лишения свободы, что может быть понято участвующими в деле лицами как понуждение дать нужные для обвинения показания» (трудно себе представить, как можно иначе понять такого рода «увещание» председателем суда подсудимых).

Что нужно сделать с приговором, вынесенным при таких методах ведения допроса подсудимых? Что нужно сделать с этим приговором, если к тому же осужденные в своих кассационных жалобах пишут, что им было неосновательно отказано в производстве экспертизы, что на суде им не давали задавать вопросы, давать объяснения по поводу показаний свидетелей и т. п. Правильность этих утверждений весьма вероятна, если учесть описанный в приведенном выше частном определении стиль работы председателя суда. Ответ ясен: отменить приговор и вернуть дело на новое рассмотрение в другом составе суда. Между тем коллегия Верхсуда оставляет этот приговор в силе, снизив наказание трем из пяти осужденных, а об указанных выше доводах кассаторов в своем определении даже не упоминает.

По делу Хакасского облсуда по обвинению Еремеева Ф. и др. по ст. 59[3] УК кассколлегия Верхсуда вынесла такое частное определение: «Дело рассмотрено с допущением грубых нарушений норм процесса. Дело не было рассмотрено в подготовительном заседании; из дела не видно, была ли вручена копия обвинительного заключения обвиняемым. Суд рассмотрел дело в отношении Фаткулина с нарушением ст. 265 УПК, так как у суда не было оснований считать неявку его в суд как укрытие от суда. Как видно из протокола судебного заседания, осужденным был заявлен отвод председательствующему и ряд различных ходатайств; в протоколе зафиксировано одно определение суда по ряду ходатайств и в том числе отказ об отводе председательствующего; следовательно, заявленный отвод члену суда обсуждался полным составом суда, в то время как этот отвод должен был обсуждаться в составе двух нарзаседателей. Судебно-надзорная коллегия Верхсуда указывает на недопустимость рассмотрения дела со столь грубыми нарушениями и предостерегает от повторения подобных ошибок».

Несмотря на то, что в числе перечисленных в этом определении нарушений есть такие, которые согласно ст. 415 УПК должны обязательно влечь за собой отмену приговора, — приговор этот оставлен в силе полностью (касс. производство Верхсуда РСФСР № 22704 1935 г.).

Чему учат суды первой инстанции такого рода частные определения? Тому, что хотя нарушать важнейшие нормы УПК и не следует, но лишь по формальным соображениям, что и при наличии таких грубых нарушений может быть вынесен правильный по существу приговор.

Между тем значение процессуальных форм в том именно и заключается, что при нарушении этих форм (например, при слушании дела в отсутствии обвиняемого) не может быть уверенности, что приговор по существу правилен. Соответствие его письменным материалам дела в том виде, какой эти материалы имеют при наличии допущенных процессуальных нарушений, вовсе не доказывает соответствия его действительному положению вещей. Нет никакой уверенности, что при отсутствии этих нарушений (например, если-бы обвиняемый присутствовал на суде) обстоятельства дела не представились бы в совершенно другом свете. Только те работники юстиции, которые усвоят это значение процессуальных форм для правильного разрешения дела **по существу**, будут сознательно и правильно применять эти формы, сумеют избегнуть и юридического фетишизма и юридического нигилизма. Практика оставления приговоров в силе, при одновременном вынесении подобных частных определений, ориентирует работников юстиции как раз на отрыв процессуальной формы от существа дела, исходит из предположения независимости существа приговора от соблюдения процессуальной формы. Такие частные определения не улучшают, а ухудшают работу суда. Вместо вынесения подобных частных определений необходимо добиться обязательной мотивировки кассационных определений, оставляющих приговор в силе. Эта мотивировка должна содержать в себе ответ на доводы кассационной жалобы и служить в то же время инструктивным материалом для суда первой инстанции. Оценка работы суда, излагаемая в частных определениях, не должна быть оторвана от конечного вывода кассационной инстанции, а увязана с ним в одно целое. Можно быть уверенным, что если бы приведенные выше формулировки частных определений были включены в основное кассационное определение, выводы из них были бы другие.

Какова же мотивировка кассационных определений в тех случаях, когда приговор изменяется? В практике Верхсуда РСФСР определения такого рода составляют около 20% всех определений и имеют, таким образом, громадное значение как метод инструктирования судов первой инстанции. В большинстве случаев формулировка этих определений в точности такова, какую мог бы дать апелляционный суд. В мотивах обычно дается анализ существа обвинения, кассколлегия излагает по-новому формулировку этого обвинения и из этой новой формулировки выводит и изменение меры наказания. Такие формулировки отражают самый подход кассколлегий к своей работе.

В большинстве случаев кассколлегия, не обращая внимания или обращая второстепенное внимание на допущенные судом первой инстанции процессуальные нарушения, считает своей основной задачей решить вопрос — правилен ли приговор по существу?

Из чего же может исходить кассколлегия при решении этого вопроса. Протоколы судебных заседаний в большинстве случаев пишутся так, что по ним в лучшем случае можно проверить формальную сторону ведения судебного заседания, но совершенно невозможно дать правильную оценку существа показаний

обвиняемых и свидетелей. С этой точки зрения протоколы очень часто — кривое зеркало того, что происходило на суде.

Поэтому материал судебного следствия, как правило, не может быть использован кассинстанцией для проверки существа приговора, а если этот материал все же используется с этой целью, — то без всякой уверенности, что используются именно показания допрошенных на судебном следствии лиц, а не вольное переложение их секретарем судебного заседания. Остаются материалы предварительного расследования, которые в большинстве случаев и являются основанием для суждения коллегии о правильности или неправильности приговора по существу.

Получается, что решающим для исхода дела является не устное рассмотрение доказательств в судебном заседании, которое до коллегии не доходит, а письменные материалы дела. В наш процесс проникают, таким образом, элементы розыскного процесса.

Я отнюдь не являюсь сторонником установления у нас чистой кассации со всем ее буквоедческим формализмом, с ее крайним юридическим лицемерием. Но и вынесение апелляционных по существу определений на основании кассационного производства никак нельзя признать удачной формой проверки приговоров. Теория советской кассации еще не выработана. Ее надо выработать на основе опыта кассационной работы наших судов, на основе самой острой критики этой работы.

Должна ли кассинстанция вникать в существо дела? Безусловно, должна. Должно ли быть это проникновение в существо дела абсолютно ничем не ограниченным? Нет, не должно.

Возьмем конкретный пример. Приговор суда основан на показании свидетеля Х., которое записано в протоколе следующим образом: «Председатель сельсовета М. продал своему родственнику за дешевую цену две конфискованные у кулаков коровы». Суд первой инстанции поверил этому показанию. Правильно ли будет, если кассинстанция ему не поверит и соответственно изменит приговор по существу? Нет, неправильно, так как кассинстанция показаний этого свидетеля не слышала, самого свидетеля не видела, вопросов ему не задавала. Правильно ли будет, если кассинстанция внесет по этому поводу в свое определение такой мотив: «Из показания свидетеля Х, положенного судом в основу приговора, не видно, сообщает ли свидетель свои собственные наблюдения, и в этом случае, где, когда и что именно он наблюдал, или же передает чьи-либо слова, и в таком случае — чьи именно, или, наконец, просто повторяет ходившие по селу слухи, неизвестно от кого исходящие». Безусловно правильно. Такая мотивировка, из которой естественно должна следовать отмена приговора, многому научит суд первой инстанции, без сомнения будет способствовать улучшению качества его работы.

Проникновение кассинстанции в существо дела и должно заключаться прежде всего в проверке доследованности дела, в проверке доброкачественности доказательственного материала, положенного в основу приговора, а не в перекраивании формулировки обвинения, на основе того общего впечатления о виновности обвиняемого, которое останется от изучения письменных материалов дела у членов кассколлегии или, вернее, у докладчика, так как остальные члены кассколлегии дела не изучают.

Бороться за то, чтобы каждое кассационное определение стало критической оценкой дела, с точки зрения соответствия его не только требованиям УПК, но и требованиям техники и тактики следственной и судебной работы, значит бороться не только за улучшение качества самой кассационной работы, но и качества всего судебного процесса. Для этого безусловно требуется, кроме того, изменение соотношения количества случаев изменения приговоров касс. инстанцией и их отмены. За последнее время в практике Верхсуда РСФСР изменение приговоров встречается в 20% всех определений, а отмена приговора с возвращением дела на новое рассмотрение — всего в 8%. Этот процент далеко не соответствует действительному качеству тех дел, которые приходится рассматривать Верхсуду. Только отмена приговора, по которому допущены существенные процессуальные и тактические нарушения, только возвращение этого дела на новое рассмотрение с надлежащей мотивировкой является реальным средством к улучшению качества судебной работы.

В нашей практике почти не применяется рекомендованный I всесоюзным совещанием работников юстиции метод принятия судом высшей инстанции дела к своему рассмотрению по существу в случае вторичной отмены приговора. Между тем это — чрезвычайно действительная мера не только для того, чтобы правильно разрешить данное дело, но и для того, чтобы научить работать нижестоящие судебные органы.

В работе по выращиванию кадров работа кассколлегий занимает далеко не последнее место. Борьба за такую перестройку кассационной практики, которая в наибольшей степени обеспечила бы улучшение качества работы судов первой инстанции, — важнейшая задача в деле выращивания кадров органов юстиции, в деле улучшения качества судебного процесса.

В этом отношении перед прокуратурой громадное поле деятельности.

Прокурор в своем заключении в кассколлегии обязан дать критический обзор работы органов расследования и суда по данному делу, который должен лечь в основу определения кассинстанции. Прокурор должен добиваться, чтобы кассколлегии не оставляли в силе, хотя бы и в перекроенном виде, приговоров, вынесенных с такими процессуальными и тактическими нарушениями, при которых не может быть уверенности в правильности приговора по существу.

Для того чтобы переломить существующую кассационную практику, для того чтобы поднять ее на должную высоту, превратить ее в действительное средство улучшения качества судебного процесса, необходима большая работа.

Прокуратура своим участием в работе кассколлегий должна помочь судебным органам проделать эту работу. Участие в работе кассинстанций наряду с выступлениями в суде первой инстанции, должно стать важнейшей формой судебно-надзорной работы прокуратуры.

А. Герцензон

О состоянии учета и статистики в органах прокуратуры

I

Осуществление задач, возложенных на прокуратуру по охране социалистической законности, требует такой организации работы, при которой бы органы прокуратуры **своевременно знали** о нарушениях социалистической законности, **быстро и оперативно-гибко** реагировали на них, руководя всеми органами, осуществляющими борьбу с преступлениями. Огромную роль в этом деле играет правильно налаженный учет, статистика, информация.

На практике, однако, учет и статистика до сих пор являются одним из отстающих участков работы органов прокуратуры. Не имея точного учета преступлений, не зная о всей совокупности оперативных мероприятий, осуществляемых в борьбе с ними, прокуроры зачастую не могут или не умеют обобщить опыт своей работы. Вместо представления своевременно составленной информации, цифрового отчета, доклада, такие прокуроры ограничиваются сообщением отдельных случайно выхваченных фактов, быть может, весьма интересных самих по себе, но, конечно, ни в какой мере не могущих заменить собою **систематической** информации, полного отчета о проделанной работе.

Каждый прокурор, конечно, знает установки Ленина и Сталина о роли учета и статистики в социалистическом строительстве, но, очевидно, не все прокуроры усвоили, что эти установки относятся к ним самим в такой же мере, как и к работникам промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Трудно представить себе в наших условиях такого хозяйственника, который, ссылаясь на большую загруженность в работе, сообщил бы, что у него нет учета продукции его предприятия, и вместо деловых итогов своей работы стал бы приводить отдельные факты о работе своего предприятия. Наши хозяйственники усвоили достаточно твердо слова т. Сталина на XVII съезде партии, о том, что «... никакая хозяйственная работа, никакая плановая работа немыслима без правильного учета, а учет немыслим без статистики».

Между тем отчетные доклады прокуроров нередко построены по «методу» приведения исключительно отдельных фактов, без анализа основных показателей своей работы, без использования данных статистики. Конечно, плох тот прокурор, который за цифрами не видит фактов, не видит конкретных форм классовой борьбы, но не менее плох тот прокурор, который слепо следует за отдельными фактами и фактиками, не пытаясь сделать каких-либо серьезных выводов на большом материале, а не только на основе более или менее удачно подобранных фактов.

Ленин в своей, к сожалению, незаконченной, работе «Статистика и социология», опубликованной в журнале «Большевик» № 2 за 1935 г., поставил и разрешил полностью вопрос об использовании отдельных фактов и фактиков при изучении социальных явлений: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игры в примеры. Подобрать примеры вообще не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или часто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже». Ленин далее указывает, что «необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно....»

Эти слова Ленина ударяют прямо не в бровь, а в глаз некоторым работникам юстиции. Необходимо различать знание отдельных фактов, отдельных явлений, умение проиллюстрировать отдельное положение удачным примером и т. д., и знание всей совокупности фактов, умение проанализировать цифровые итоги работы. Этого как раз и не хватает некоторым работникам юстиции, прокурорам в частности.

Тов. Вышинский еще на I всесоюзном совещании прокурорских работников указал, что в современных условиях прокурор должен сочетать остроту своего классового, пролетарского чутья с глубоким овладением техникой, с глубоким освоением тех специальных знаний, которыми ему приходится пользоваться для осуществления возложенных на него задач.

Учет, статистика, информация также являются одной из отраслей этих специальных знаний, которыми прокурор должен умело пользоваться, усвоив то громадное значение, которое они имеют для борьбы с преступностью. Каждый работник прокуратуры должен пройти известный учетно-информационный минимум. Несомненным пробелом программы юрминимума 1935 г. является отсутствие в нем этой дисциплины. Этот дефект должен быть устранен в 1936 г.

II.

Аанализируя недостатки в постановке учетно-информационной работы органов прокуратуры, т. Вышинский на одном из оперативных совещаний указал, что в этой работе еще не чувствуется достаточной оперативности, что совершенно недопустимым является подмена живой информации одними «голыми цифрами», точно так же, как неправильно было бы отказаться от тех возможностей, которые предоставляет нам статистика.

Учет, статистика, информация органов прокуратуры в настоящее время, как известно, слагаются из трех элементов:

специальные донесения об отдельных наиболее характерных фактах, статистический отчет, информационный доклад.

Специальные донесения являются наиболее живой, быстрой и четкой формой информирования о нарушениях социалистической законности; они имеют громадное значение в практической работе прокуратуры. Статистический отчет является обязательной формой подытоживания работы прокурора, без чего нельзя судить о работе прокурора. Наконец, информационный доклад необходим для обобщения всей работы прокурора.

Эта система учета и информации до ее утверждения прокурором Союза обсуждалась на Всесоюзном совещании прокурорских работников, на бюро Всесоюзного совещания по уголовной статистике, на совещании, созванном в Прокуратуре Союза специально для обсуждения окончательного проекта отчетности, наконец, на оперативных совещаниях при прокуроре Союза. Одобренная всеми этими совещаниями отчетность введена с 1 июля 1935 г. В настоящее время организационный период заканчивается, и мы можем подвести уже первые итоги организации учета и информации в органах прокуратуры.

Прежде всего следует отметить, что в результате осуществления мероприятий Прокуратуры Союза несомненно достигнут известный перелом в отношении прокуроров к вопросам учета и информации. В республиканских прокуратурах, в краевых и областных прокуратурах, а также и в районных прокуратурах проработана система учета и информации, отпечатаны бланки отчетности, инструкции к ним и т. д. Поступление с мест запросов по поводу различных форм учета и информации, отдельных граф статистического отчета указывает на то, что прокуроры в ряде случаев относились серьезно и добросовестно к выполнению приказа прокурора Союза. Из ряда мест получены сообщения, что во исполнение приказа прокурора Союза в прокуратурах созданы и создаются учетно-статистические и информационные группы, которые укомплектовываются достаточно опытными работниками.

Все эти факты говорят о том, что мероприятия Прокуратуры Союза дали несомненно положительные результаты.

Однако наряду с этими некоторыми положительными сторонами в организации учетно-информационной работы прокуратуры необходимо отметить отрицательные черты, о которых необходимо сигнализировать теперь же — в решающий момент завершения организационного периода.

Прежде всего должно быть отмечено совершенно недостаточное руководство периферией со стороны республиканских и краевых (областных) прокуратур. Недостаточно спустить циркуляр, быть может, очень содержательный, и направить на места комплект форм отчетности. Местные работники перегружены практической работой, мало опытны в ведении учетно-информационной работы, у них сверх того укрепился взгляд на эту работу как на «помеху» оперативной работе. Необходимы поэтому живой инструктаж, обследования, текущая оперативная помощь в налаживании учетно-информационной работы.

Из обследования, проведенного Прокуратурой Союза, и из поступивших в центр материалов видно, что с руководством в организации учетно-информационной работы в ряде мест обстоит совершенно неблагополучно. Так, например, районные прокуратуры Московской обл. получили комплект циркуляров Прокуратуры Союза, Прокуратуры Республики и областной прокуратуры по вопросу учета и информации с большим запозданием, причем отсутствовали некоторые очень важные формы отчетности, без которых районный прокурор вообще ничего не мог предпринять для налаживания у себя учета. В Клинской и Солнечногорской районных прокуратурах, где был представитель Прокуратуры Союза, учет и отчетность совершенно не налажены, работники (техперсонал) малоопытные, отчетность за предыдущий период находится в совершенно хаотическом состоянии. Клинская прокуратура за текущий год не представила еще никакого отчета о своей работе, ограничиваясь отдельными донесениями. Несмотря на такое положение вещей, Московская областная прокуратура не предприняла необходимых мер для налаживания учета, для инструктирования работников ни в этих двух районах, ни в других районах Московской обл., хотя, казалось бы, с этого следовало начать организацию учетно-информационной работы. В самой Московской областной прокуратуре создана информационная группа, но она ни в какой мере еще не руководит своей периферией.

Недостаточной пока-что следует признать работу Прокуратуры РСФСР по организации учетно-информационной работы в краевых и областных прокуратурах. Правда, Прокуратура РСФСР, создав у себя информационную группу, обеспечила, хотя и с опозданием, снабжение мест формами отчетности, но не смогла осуществить живого руководства и инструктажа по вопросам учета и информации, если и не в масштабе РСФСР, то хотя бы по отношению к близлежащим прокуратурам. Прокуратура РСФСР даже не ознакомилась с постановкой этой работы в Московской областной и городской прокуратуре.

Объяснение этому факту следует искать в том, что созданные в прокуратурах республик и краев информационно-статистические группы в силу целого ряда привходящих обстоятельств превратились — по крайней мере в некоторых местах — в своеобразные «оргинсты», на которые возложено как, например, в РСФСР, составление планов, штаты, финансы и т. д. Вряд ли такое положение вещей можно признать нормальным. Бесспорно, что от придания учетно-информационным группам «оргинстровских» функций страдает прежде всего сама учетно-информационная работа. **Поэтому вопросам учета, статистики и информации в Прокуратуре РСФСР уделяется пока еще недостаточное внимание.**

Прокуратура УССР, так же, как и Прокуратура РСФСР, еще не выполнив приказа прокурора Союза о введении системы отчетности, поставила вопрос об ее пересмотре.

Несколько лучше обстоит дело в Прокуратуре БССР, где проведена подготовительная работа по введению новой системы учета и отчетности, хотя и здесь дело не обошлось без значительного опоздания.

Материалы, поступившие из других республик, говорят о том, что введение новой системы отчетности тормозится отсутствием бланков отчетности недостатком работников, средств и т. д. В июле, судя по сообщениям

с мест, дело со снабжением бланками отчетности в ряде республик начало налаживаться, хотя еще нет гарантии в том, что эта отчетность усвоена теми работниками, которые должны будут ее составлять. Между тем уже началось поступление информационных и статистических материалов с мест. Ряд краев и областей уже представляют первые сводки о своей работе, но крайне слабо прививается система представления специальных донесений, на которые постановлением оперативного совещания при прокуроре Союза обращено особое внимание.

III

Сигнализируя о целом ряде дефектов и неполадок в деле организации учета, статистики и информации в органах прокуратуры, необходимо наметить теперь же двоякого рода мероприятия: с одной стороны, мероприятия, имеющие целью обеспечение учетно-информационной работы текущего года, а с другой стороны, подготовку и организацию этой работы в будущем году.

К мероприятиям первого рода надлежит отнести следующие:

1. Повсеместная организация в прокуратурах республик, краев и областей информационно-статистических групп.

2. Освобождение информационно-статистических групп от всевозможных «оргинстровских» функций, с закреплением за ними задач исключительно информационно-отчетной работы.

3. Проведение совещаний с районными работниками по вопросам организации учетно-статистической работы, с использованием для этой цели различных совещаний районных работников.

4. Обследования хотя бы части прокуратур в связи с постановкой у них учетной работы.

Наряду с осуществлением этих организационных задач необходимо обратить особое внимание на постановку информации на местах. Должна быть окончательно разрешена задача своевременного получения из районных прокуратур специальных донесений по важнейшим нарушениям социалистической законности. Без такой специальной информации в очень значительной степени теряет свое значение статистическая отчетность, поступающая с мест. Поэтому прокуратуры республик должны обратить, с нашей точки зрения, особое внимание на постановку информации (спецдонесений).

Делая ударение на этой стороне информационной работы, нужно вместе с тем помнить, что статистика продолжает оставаться одним из слабых мест в работе прокуратуры. Поэтому необходим повседневный инструктаж, детальные указания районным прокуратурам по вопросам составления статистической отчетности.

Таким образом в текущем году основной упор должен быть сделан, с нашей точки зрения, на налаживании представления статистических отчетов и специальных донесений. Что же касается информационных докладов, то для ряда прокуратур, как показывает опыт, представление их не встречает особых затруднений. Поэтому речь идет лишь о подтягивании отчетной дисциплины, об улучшении качества этих докладов.

Подготовляясь к 1936 г., необходимо будет избежать тех ошибок, которые имели место в текущем году.

В проекте штатов органов прокуратуры должны быть предусмотрены учетно-информационные группы, работники которых во всех отношениях должны быть приравнены к оперативным работникам. Должно быть разработано положение об этих группах, с точным указанием задач, стоящих перед ними. Никаких «оргинстровских» функций на эти группы возлагать не следует. Должно быть обращено особое внимание на подбор кадров для учетно-информационных групп как с точки зрения политической, так и технической их подготовленности. Для этого Прокуратура Союза должна взять на персональный учет работников учетно-информационных групп. С другой стороны, в 1936 г. эти работники должны быть пропущены через месячные курсы, а в программу юрминимума для всех работников прокуратуры должен быть включен «учетно-статистический минимум». Прокуратуры республик, краев и областей должны ознакомиться на местах с постановкой учетно-статистической и информационной работы, не ограничиваясь изданием различных циркуляров. Наконец, должно быть предусмотрено премирование прокуратур, наиболее успешно ведущих учетно-информационную работу.

В текущем году снабжение бланками отчетности не было проведено в централизованном порядке, что вызвало целый ряд затруднений на практике. В 1936 г. должно быть обеспечено централизованное снабжение мест бланками отчетности.

Наконец, следует всесторонне обсудить на основе имеющегося опыта вопрос о дальнейшем упрощении и сокращении отчетности в органах прокуратуры.

Сохраняя в основном все три элемента отчетности органов прокуратуры — **специальное донесение, статистический отчет и информационный доклад,** следует поставить вопрос о максимальной рационализации учетно-статистической работы в органах прокуратуры.

Наконец, **прокуратура должна проявить инициативу в деле осуществления единого учета преступности в статистической отчетности органов юстиции и органов НКВД.**

Проведенное в 1934 г. Первое всесоюзное совещание по уголовной статистике несомненно дало весьма положительные результаты. Мы полагаем, что должно быть созвано второе совещание, на котором следовало бы обсудить следующие вопросы:

1) о методе изучения преступности;

2) о едином учете преступлений и наказаний.

3) о системе отчетности органов прокуратуры и суда на 1936 г.;

4) о согласовании основных показателей отчетности органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений.

Созыв этого совещания, как мы полагаем, завершит и закрепит тот перелом в деле организации учетно-статистической и информационной работы органов юстиции, который осуществлялся в текущем году, но не дал пока еще всех тех положительных результатов, которые должны быть достигнуты на этом участке борьбы за социалистическую законность в нашей стране.

М. Ласкин,
К. Маслов,
П. Тарасов-Родионов

Московская областная прокуратура в борьбе за переходящее красное знамя

В настоящее время все работники органов юстиции в достаточной степени свое уяснили, что высококачественное расследование предопределяет и качество работы суда. Здесь уместно будет вспомнить слова т. Акулова:

«Следователи являются не менее важным звеном, чем суд и прокурор, потому что следователь на 75% определяет судебный приговор».

Высокое качество расследования может быть достигнуто лишь при условии систематической и планомерной работы по повышению квалификации прокуроров и следователей и овладения ими техникой своего дела.

Говоря на Всесоюзном совещании о необдимости проведения ряда мероприятий для улучшения качества следствия и поднятия квалификации наших следователей, т. Вышинский подчеркнул:

«Для того чтобы провести правильно следствие, мало натренироваться, набить руку. Здесь нужно овладеть наукой и техникой этого трудного и сложного дела. Набивание руки играет незначительную роль — шаблон здесь недопустим. Здесь надо овладеть искусством, надо решать стратегические задачи, как в настоящей войне. Вести следствие — все равно, что вести войну. Это требует уменья, искусства».

Указания т. Сталина на XVII съезде партии о необходимости дальнейшего развертывания работы по повышению идеологической и теоретической подготовки и его исторические слова на выпуске академиков Красной армии: **«техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса»** и далее: **«Вот почему упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой»** — в полной мере относятся к нам, работникам юстиции, и в первую очередь к нашим следственным работникам.

Московская областная прокуратура имеет довольно значительный опыт и неплохие результаты в области руководства следствием.

На страницах нашего журнала мы хотим в кратких чертах осветить ту работу, которая была проведена Московской областной прокуратурой за период объявленного Прокуратурой Республики конкурса на лучшее руководство следствием и лучшее следственное дело, т. е. за II и III кварталы с. г.

Надо здесь же напомнить, что в организованном Прокуратурой РСФСР во II квартале прошлого 1934 г. походе за улучшение качества следствия имени XVII партсъезда Московская областная прокуратура заняла первое место.

Имея, таким образом, во II квартале прошлого года некоторые достижения в области постановки руководства следствием и повышения качества следствия, Мособлпрокуратура не остановилась на достигнутых успехах, а объявила с 1 июля 1934 г. по 1 января 1935 г. социалистическое соревнование на лучшего районного прокурора, старшего и народного следователя — ударника Московской области.

Освещая работу Мособлпрокуратуры по проведенному в этом году конкурсу, необходимо коротко остановиться на методах работы по руководству следствием, которые Прокуратурой применялись во II полугодии 1934 г., а также на некоторых итогах работы следственного аппарата.

Методы руководства следствием во II полугодии 1934 г. остались такими же, как и во II квартале, а именно:

1) Периодические плановые выезды помоблпрокурора в районы с одновременным обследованием работы народных следователей и дача им указаний по делам.

2) Вызовы следователей в облпрокуратуру с докладами по наиболее сложным, имеющим общественно-политическое значение, делам.

3) Дача письменных указаний по отдельным вопросам следствия.

4) Созыв восьмидневных конференций-курсов народных следователей, где производилась проверка всех дел, находящихся в производстве у вызывавшихся следователей, обмен опытом между следователями и учеба по определенной программе, более расширенной и углубленной, чем во II квартале 1934 г.

5) Освещение работы народных следователей в очередных номерах бюллетеня Мособлпрокуратуры и выпуск специальных номеров бюллетеня по следствию.

Во II полугодии 1934 г. Мособлпрокуратура в осуществление указаний директивных органов центр тяжести своей работы в области общего руководства следствием перенесла на учебу. Достаточно сказать, что во II полугодии было охвачено восьми- и девятидневными конференциями-курсами 129 народных следователей, т. е. почти весь состав народных следователей области.

Указанные мероприятия по руководству и инструктажу следствием в конечном итоге способствовали улучшению работы следственного аппарата области как по количественным, так и по качественным показателям.

По данным о работе 128 народных следователей, мы во II полугодии 1934 г. имели следующие основные показатели.

Из числа законченных следователями дел — 77.1% дел. было направлено с обвинительным заключением и 16.2% дел было прекращено. Каждый следователь в среднем в месяц заканчивал 8,1 дел, из них 6,2 дел с обвинительным заключением.

По срокам расследования мы имели во II полугодии следующие показатели: в сроки до 10 дней было закончено расследованием дел —

44%, в сроки до 1 месяца — 83,8% и лишь 16,2% дел было закончено в сроки свыше 1 месяца.

В приказе по Прокуратуре Республики № 56 от 8 сентября 1934 г. было, отмечено, что Московская областная прокуратура не обеспечила полностью производства расследования по наиболее сложным делам следственным аппаратом.

В связи с этим указанием Мособлпрокуратура приняла меры к тому, чтобы во втором полугодии 1934 г. все следователи области переключили свое внимание на расследование ими областной подсудности, т. е. на наиболее сложные дела.

В этой области, во II полугодии 1934 г. были достигнуты значительные результаты.

Из всех дел, направленных во II полугодии в областной суд для слушания, по 77,2% дел расследование полностью велось или заканчивалось в порядке ст. 109 УПК народными следователями. Следует отметить, что по делам по закону 7 августа 1932 г. областной подсудности, расследование велось следователями по 80,1% дел.

В результате плановой, систематической работы в области следствия в течение 1934 г. Мособлпрокуратура имела неуклонную тенденцию к поднятию квалификации и улучшению работы следственного аппарата и повышения качества следствия.

С такими показателями работы Московская областная прокуратура и вступила в конкурс 1935 г. на лучшее руководство следствием и лучшее следственное дело.

15 марта с. г. специальным приказом Наркома юстиции РСФСР т. Крыленко был объявлен всероссийский и областной конкурсы на лучшее следственное дело и лучшее руководство следствием по специальным, разработанным Прокуратурой Республики программам.

Объявление всероссийского и областного конкурсов по следствию и наличие правильно построенного руководства конкурсом со стороны Прокуратуры Республики, а также большинства обл(край)прокуратур явилось по существу новым этапом в решительном подъеме следствия на высшую ступень.

Этому способствовало и то, что, если конкурс второго квартала 1934 г. явился стимулом для улучшения следствия лишь в отдельных, немногих краях и областях, то конкурс II и III кварталов 1935 г. сыграл большую роль в подъеме следствия по всей РСФСР, поскольку в конкурс на лучшее руководство следствием включились все обл(край)-прокуратуры и большинство прокуратур автономных республик; в конкурсе на лучшее следственное дело приняли участие более 75% всего наличного состава следователей РСФСР.

Надо особо отметить и широко развернувшееся внутри конкурса социалистическое соревнование как между обл(край)-прокуратурами, так и между районными прокуратурами, между народными следователями внутри областей. Положительную роль в развертывании работы по конкурсу сыграла и организация при всех край(обл)прокуратурах и при Прокуратуре Республики особого органа — методических бюро по вопросам следствия.

Оперативное же руководство следствием по конкретным делам должно было осуществляться оперативными секторами. Правильное сочетание работы секторов и методбюро, как это уже было доказано опытом построения этой работы в Московской облпрокуратуре в 1934 г., должно было дать и дало исключительный эффект. Разворот работы по конкурсу уже сейчас в короткий срок дал ощутительные результаты.

Если в 1934 г., Московская областная прокуратура являлась чуть ли не единственной прокуратурой, регулярно издававшей специальные следственные бюллетени, то в 1935 г., уже 22 краевые и областные прокуратуры, в том числе и несколько прокуратур автономных областей, издают специальные следственные бюллетени, освещающие работу следователей и наблюдающих за ними прокуроров, а так же и мероприятия, направленные к улучшению этой работы.

Если в результате конкурса 1934 г., Московская облпрокуратура, заняв, как уже указано выше, первое место по постановке руководства следствием имела неплохие показатели как в части эффективности работы следователей, так и в части пропускной способности, причем все эти показатели являлись наивысшими в республике, то уже к середине конкурса 1935 г. почти все эти показатели были перекрыты некоторыми областями и краями РСФСР.

Однако и Московская облпрокуратура, не успокоившись на достигнутых результатах 1934 г., в период конкурса 1935 г. систематически проводила большую работу по дальнейшему поднятию следствия, используя при этом все ранее испытанные и оправдавшие себя методы руководства следствием, уделив большое внимание вопросам улучшения условий работы следователей.

Вся работа Мособлпрокуратуры по руководству следствием была направлена в сторону дальнейшего повышения квалификации наличного состава следователей, а также в сторону увеличения продуктизности работы следователей.

Работа по поднятию квалификации следователей была увязана с проводимой Мособлпрокуратурой в этот же период подготовкой всех прокурорско-следственных работников к сдаче юрминимума.

В течение апреля и начала мая для всех прокурорско-следственных работников Московской области было организовано чтение по закрытым проводам цикла радиолекций, по всем основным разделам юрминимума, прочитанных научными силами высокой квалификации.

В период с конца мая до середины июля Мособлпрокуратурой было проведено шесть десятидневных конференций курсов, которыми было охвачено 67 народных следователей и 84 районных прокуроров.

Надо отметить, что в результате этого большинство следователей области оказалось пропущено в течение последнего года через конференции-курсы по три раза. Однако программы всех трех проведенных в течение года циклов конференций-курсов были построены так, что если на созывах конференций-курсов первого цикла в июне 1934 г. следователям были даны элементарные знания из области уголовного процесса и криминалистики, то на созывах второго цикла в период с ноября 1934 г. по январь 1935 г. включительно были

даны более углубленные знания из области уголовного процесса и криминалистики и в то же время установочные знания по уголовному и хозяйственному праву. Наконец, на созывах третьего цикла конференций-курсов, в мае-июне т. г., были даны уже более углубленные знания по всем дисциплинам, предусмотренным программой юрминимума, причем из общего количества 85 академических часов 14 часов было уделено уголовному процессу и 20 часов — вопросам организации, методики и техники расследования.

Со всеми следователями, которые почти на всех созывах последнего цикла конференций-курсов оставлялись на один дополнительный день учебы, проводилось по два следственных упражнения на определенные темы, а также практические занятия по составлению важнейших следственных актов постановлений о возбуждении уголовных дел, о привлечении в качестве обвиняемых, об избрании в качестве меры пресечения содержания под стражей, обвинительных заключений и т. д., что способствовало лучшему закреплению полученных на конференции-курсах знаний.

Положительный результат такого метода повышения квалификации следователей, а также правильность постепенного усложнения программ каждого цикла конференции-курсов были отмечены в выпускавшихся стенгазетах, а также на заключительных заседаниях следователями — участниками каждого созыва конференций-курсов.

Надо отметить, что все созывы последнего цикла конференций-курсов были обеспечены вполне квалифицированными преподавательскими силами: в основном членами и руководителями кафедр Московского правового института и научными работниками ИССП Комакадемии и Института уголовной политики при Прокуратуре Союза ССР и Наркомюста РСФСР.

Следует также отметить, что лучшему закреплению знаний, полученных на конференциях-курсах, способствовало и то, что следователи вызывались на конференции-курсы со всеми находящимися в их производстве следственными делами, кроме не терпящих отлагательства, которые оставлялись для окончания районному прокурору, причем во время учебы производилась передача наиболее сложных дел от одного следователя другому для изучения. По окончании учебы на собрании всех следователей заслушивались доклады следователей, изучавших дела, содоклады следователей, ведших расследование по этим делам, после чего производилось коллективное обсуждение ошибок и упущений, допущенных при ведении следствия по этим делам, а так же и плана дальнейшего расследования.

Все же остальные, привезенные следователями с собою дела, просматривались работниками методбюро, причем по каждому делу давались конкретные письменные указания, в большинстве случаев фиксируемые в специальном акте.

Этот метод инструктажа вполне себя оправдали дав наилучшие результаты.

После каждого созыва конференций-курсов со всеми участниками проводилось кустовое совещание специально по вопросам улучшения работы по следствию, где заострялось внимание всех прокуроров и следователей на необходимости решительного улучшения как качества следствия, так и продуктивности работы следователей и других органов расследования.

В результате этого прокуроры и следователи, участники отдельных созывов конференций-курсов принимали на себя ряд конкретных обязательств по улучшению работы по следствию, вызывая на социалистическое соревнование прокуроров и следователей других районов.

Наряду со всем этим Мособлпрокуратурой практиковались и иные методы работы по поднятию следствия.

В течение 1935 года так же как и в прошлом году, почти у всех следователей, а у многих и по два-три раза, производились проверки всех дел, находящихся у них в производстве с дачей по каждому делу конкретных указаний. Эти проверки обычно производились работниками методбюро и оперативных секторов при выездах на место. Однако в некоторых случаях для такой проверки отдельные следователи вызывались в облпрокуратуру со всеми находящимися в их производстве делами.

Наряду с этим методбюро с целью оказания большей помощи наиболее отстающим следователям, начиная с этого года, стало практиковать выезды достаточно квалифицированных работников методбюро на 3—5 дней в районы к наиболее нуждающимся в помощи следователям. Во время таких выездов не только производилась проверка всех дел, находящихся в производстве следователя, но одновременно производилось глубокое обследование и изучение его работы.

На этой основе тут же осуществлялся необходимый инструктаж следователя, увязанный с его практической работой. Например: совместно с ним разрабатывались планы расследования по отдельным делам, составлялись необходимые постановления, обвинительные заключения, производились экспертизы, допросы и т. д.

Надо сказать, что и этот метод работы со следователями полностью себя оправдал и был рекомендован Прокуратурой Республики всем край(обл)прокуратурам.

Вполне естественно, что при правильной постановке работы оперативное руководство расследованием конкретных дел должно полностью осуществляться оперативными секторами, причем от качества этого руководства, от качества установок, даваемых следователю по конкретным делам, во многом зависит успешность работы по поднятию следствия.

Надо отметить, что бригада из работников Западной облпрокуратуры, обследовавшая в сентябре с. г., в порядке взаимопроверки работу Мособлпрокуратуры по следствию, констатировала, что «оперативные сектора не плохо руководят следствием, давая конкретные указания нарследователям, по следственным делам, причем указания эти по делам даются исчерпывающие».

Так же как новый метод руководства следствием, уже за короткий срок всецело себя оправдавший и нашедший подражание по целому ряду краев и областей, во II и III кварталах с. г., Мособлпрокуратурой практиковалось проведение радиоперекличек по закрытым проводам по двусторонней связи.

Надо ли особо останавливаться на безусловной эффективности такого метода руководства ранее уже применявшегося Прокуратурой Союза ССР. Достаточно сказать, что благодаря этому была создана возможность давать необходимые установки сразу всем райпрокурорам и народным следователям, находящимся у себя в районах, в радиостудиях, разговаривать с любым из 131 районов, заслушивать информацию отдельных райпрокуроров и следователей, причем все это — и разговоры и информацию — в то же время слушали все прокурорско-следственные работники области.

Таких радиоперекличек за время конкурса Мособлпрокуратурой было проведено три: 25 апреля, 25 июля и 5 сентября с. г., причем, если в результате первой радиопереклички имело место почти стопроцентное включение следователей в конкурс, то в результате второй и третьей радиоперекличек имел место значительный рост продуктивности и улучшения качества работы следователей. Не меньшую роль в поднятии следствия сыграли и издаваемые Мособлпрокуратурой специальные печатные материалы по вопросам следствия: «За высокое качество следствия».

Еще в прошлом году Мособлпрокуратура регулярно издавала свои внутренние бюллетени, дававшие прокурорско-следственным работникам установки по всем важнейшим вопросам работы и в то же время являющиеся одним из лучших способов организации между районами — обмена опытом.

В настоящем году, в период конкурса, т. е. за шесть месяцев, Мособлпрокуратурой было издано шесть выпусков материалов специально по вопросам следствия, из них пять выпусков было отпечатано в типографии.

Если первый и второй выпуски материалов «За высокое качество следствия» преследовали задачу шире популяризовать конкурс, хотя наряду с этими материалами и в этих выпусках был помещен ряд статей, обобщающих и показывающих наиболее часто допускаемые следователями в процессе расследования ошибки, то, начиная с третьего (второго печатного) выпуска в каждом последующем выпуске в целом ряде статей затрагивались наиболее важные вопросы следствия.

Начиная с этого же выпуска к сотрудничеству в выпускаемых материалах «За высокое качество следствия» были привлечены сами народные следователи, в связи с чем был заведен специальный раздел «Следователи о своей работе».

Надо констатировать, что с самого начала следователи стали писать в своих статьях вообще о своей работе или в лучшем случае о количественных показателях. Однако в результате правильной ориентировки следователей на вопросы качества следствия, характер статей резко изменился и следователи, делясь своим опытом по расследованию конкретных дел, стали ставить актуальнейшие вопросы следствия.

Помещая эти статьи в очередных выпусках «За высокое качество следствия», методбюро Мособлпрокуратуры после каждой статьи помещало от себя добавление, в котором разрешались поставленные статьей вопросы, давались определенные указания по вопросам методики и техники расследования, отмечались положительные и отрицательные моменты расследования описываемых в статьях дел, ставились перед следователями—авторами статей—определенные задачи и т. д.

В результате дабавления методбюро стали по существу нечем иным, как краткими методическими письмами по определенным вопросам, иллюстрируемые приведенными в статьях казусами.

Наряду с этим в отдельных выпусках материалов «За высокое качество следствия» помещались специальные развернутые: теоретически обоснованные и богато иллюстрированные примерами методические письма по отдельным вопросам следствия, например, «Возбуждение уголовного дела».

Еще в июне 1934 г. Мособлпрокуратура с целью концентрации методических материалов и облегчения пользования ими выпустила специальный методический бюллетень, поместив в нем ряд методических писем: 1) организация и проведение открытого следствия, 2) постановка бухгалтерской и технической экспертизы в процессе предварительного расследования, 3) положение о судебно-медицинской экспертизе.

Этот бюллетень встретил самый лучший отклик со стороны следователей и получил высокую оценку со стороны Прокуратуры Республики.

Продолжая свой опыт, Мособлпрокуратура в III квартале с. г. также издала специальный методический пятый выпуск своих материалов «За высокое качество следствия», поместив в нем пять развернутых методических писем на следующие темы:

1) экспертиза рукописей, 2) осмотр трупа и места его нахождения, 3) вопросы квалификации дел о растратах, 4) методика расследования дел о хищениях, растратах, 5) методика расследования дел о выработке и выпуске недоброкачественной продукции.

Подобные специальные выпуски методических материалов являются уже постоянным пособием для следователей.

Надо так же указать, что в последних выпусках материалов «За высокое качество следствия» помещались сведения о количественных показателях работы каждого следователя, а так же и все застенографированные материалы радиоперекличек. Все это способствовало оживлению социалистического соревнования между следователями и резкому повышению продуктивности их работы.

Ценность проведенной в этом направлении работы нашла свое отражение в оценках, данных с мест. Например, прокурор Звенигородского района т. Захаров, недавно премированный прокурором Республики т. Антоновым-Овсеенко, за хорошую постановку работы, в своем докладе о работе по конкурсу на лучшее руководство следствием указал: «методбюро оказало очень большую помощь по конкурсу; издаваемые им материалы «За высокое качество следствия» и присылаемые ежемесячные сводки о работе следователей, о ходе конкурса подтягивали в работе как следователя, так и прокурора. Особо же ценно то, что в печатных материалах «За высокое качество следствия» давался хороший инструктивный материал». Также значительно способствовало развертыванию соцсоревнования, увеличению продуктивности работы, повышению чувства ответственности следователей за свою работу и

организованному обмену опытом проведенная Мособлпрокуратурой в августе—сентябре с. г. поголовная взаимопроверка следователями друг друга с составлением при этом акта по заранее разработанной форме не стесняющей, однако, инициативы следователей.

Наконец, также, как на новый метод руководства следствием и оказания помощи наиболее слабым следователям, надо указать на практикуемые методбюро Мособлпрокуратурой командировки наиболее квалифицированных следователей на 3—4 дня в районы к наиболее слабым следователям для оказания им конкретной помощи и повышения их квалификации. Однако этот также оправдывающий себя метод руководства стал возможным лишь теперь, когда в результате всей предыдущей работы детально изучен каждый следственный работник области.

Проводя большую работу по повышению квалификации следователей, по улучшению руководства следствием, Мособлпрокуратура, в то же время уделила должное внимание и вопросам создания наилучших условий работы для следователей, добившись и на этом участке значительных результатов, чему во многом способствовала помощь, оказанная московскими областными организациями.

В 1935 г. все следователи и прокуроры бесплатно получили обмундирование, почти все помещения райпрокуратур были отремонтированы, приведены в культурный вид, надлежащим образом обставлены. Все следователи снабжаются велосипедами, причем в течение II и III кварталов велосипеды уже получили 92 следователя. Наряду с этим в 45 райпрокуратурах имеются свои лошади. Все следователи также за счет Мособлпрокуратуры снабжены необходимейшими техническими приборами (лупа, рулетка, резиновые перчатки, электрический фонарь), а также и всеми необходимыми следственными бланками. При всех райпрокуратурах созданы юридические библиотечки, которые периодически пополняются особенно всей выходящей литературой по вопросам следствия.

25 следователей снабжены фотоаппаратами.

Из 131 106 следователей имеют отдельные служебные кабинеты, в большинстве вполне удовлетворительные. Также не плохие подавляющему большинству следователей созданы и бытовые условия.

Все это вместе взятое, вся та большая работа, которая была проведена в области улучшения руководства следствием и поднятием качества работы следователей за полтора года после Первого всесоюзного совещания работников суда и прокуратуры и особенно в текущем году, не могла не дать и дала значительный эффект.

Прежде всего в результате большой работы, проведенной со следователями, Мособлпрокуратура детально изучила каждого следователя, все его слабые стороны. Этому во многом способствовали заведенные по инициативе руководителя центрального методического бюро Прокуратуры Республики т. Левентона рабочие дела на каждого следователя. В результате правильной постановки подбора материалов в рабочие дела они явились по существу наилучшей формой качественного учета работы следователей. Разработанная же Мособлпрокуратурой специальная вкладка в рабочее дело дает полное отражение условий работы следователей и степени их подготовленности.

Продуктивность работы следователей значительно повысилась:

Если во II квартале с. г. следователями было закончено с обвинительным заключением 77% всех дел, то в июле уже 83%, а в августе 87%.

Соответственно снизился процент прекращенных дел с 15 до 6,7.

Значительно возрос показатель окончания следователем дел с обвинительным заключением, достигнув в среднем по области в июле 9,85, а в августе 10,85 дел, в то время, как в 1934 г. следователи заканчивали 6,3 дел с обвинительным заключением в месяц. Наряду с этим значительно возросло качество расследования и внешнего оформления, о чем свидетельствуют более ста выдвинутых следователями дел на конкурс.

Также значительно улучшилось руководство следствием со стороны райпрокуроров.

О большом политическом значении проведенного конкурса свидетельствует также и специальное постановление, вынесенное Мособлисполкомом, в связи с конкурсом, а также и постановления, вынесенные целым рядом райисполкомов Московской области, оказавших в то же время реальную помощь райпрокуратурам в дальнейшем улучшении условий работы.

Закончив работу по конкурсу, Мособлпрокуратура поставила своей задачей и в дальнейшем не ослаблять руководства следствием, добиваясь высокой культуры в работе.

Накопленный за это время опыт должен послужить стимулом к дальнейшему повышению качества расследования.

Лишь при условии исключительного внимания к вопросам следствия со стороны всех прокуратур союзных республик смогут быть разрешены важнейшие задачи, поставленные Первым всесоюзным совещанием судебно-прокурорских работников.

В. Лебединский

Прокуратура и суд в борьбе за животноводство

Прокуратурой Союза было разослано прокуратурам союзных республик и прокурорам ряда краев и областей письмо о том, что Прокуратура Союза намечает созыв совещания по вопросам борьбы органов прокуратуры с преступностью в области животноводства, на которое будут вызваны прокуроры, выделенные для работы по животноводству, в соответствии с директивой прокурора Союза 23 августа 1934 г. Указанным прокурорам было предложено представить в Прокуратуру Союза свои доклады.

В настоящее время уже получены доклады ряда прокуратур. Изучение этих докладов и материалы обследования сельскохозяйственным отделом Прокуратуры Союза работы по борьбе за животноводство прокуратур—Азово-Черноморского, Северокавказского и Западно-сибирского краев — позволяют сделать некоторые выводы.

В республиканских, краевых и областных прокуратурах в соответствии с указаниями Прокуратуры Союза выделены специальные прокуроры, и составлены планы работ по животноводству.

В целом ряде краев и областей (Восточная Сибирь, Курск, Оренбург, Московская обл. и др.) были проведены областные совещания работников прокуратуры по вопросам животноводства, проведен ряд совещаний с земельными органами, развернута в ряде районов, краев и областей массовая разъяснительная работа и развита работа актива. Так, в Московской обл. в 1934 г. были проведены 63 районных слета актива прокуратуры по вопросам животноводства, и силами актива были расследованы 144 дела о преступлениях в области животноводства. В Межевском р-не Днепропетровской обл. группа содействия и секция ревзаконности обследовали 45 ИТФ и СТР и дали прокурору 100 сигналов по животноводству. По Синельниковскому р-ну группа содействия дала 104 сигнала и т. д.

В некоторых областях, в частности Днепропетровской, проведена значительная работа по инструктажу товарищеских судов при совхозах и МТС и сельсудов по вопросам животноводства, что способствовало оживлению работы этих судов. В Днепропетровской обл. за 1934 г. сельсуды рассмотрели свыше 600 дел, связанных с нарушениями в области животноводства.

Но, несмотря на эти небольшие достижения, в работе органов прокуратуры по борьбе за животноводство имеет место целый ряд существенных недостатков, а именно:

специально выделенные прокуроры в республиканских, краевых и областных прокуратурах по животноводству и райпрокуроры строят свою работу до сих пор самотеком.

Дела возбуждают дирекции совхозов, правления колхозов и представители разных ведомств. Число дел, возбужденных самими прокурорами, весьма незначительно. Так, из 224 уголовных дел по животноводству, изученных прокуратурой Восточносибирского края, по инициативе прокуратуры было возбуждено только одно дело. Такая же картина имеет место и в ряде других областей, и только в Московской обл. 28% дел по животноводству возбуждено органами прокуратуры.

В результате бесплановости в работе, отсутствия деловой связи с земельными организациями, политотделами совхозов, животноводческими секциями советов, отсутствия работоспособного актива прокуроры не знают действительного состояния животноводства в крае, области, районе и лишены возможности организованно направлять удары по действительно больным местам.

Между тем, как уже сказано, инициатива в возбуждении дел целиком остается за представителями хозяйственных организаций и исполкомов, причем некоторые из этих работников вместо организационно-массовой работы скатываются на рельсы командования и администрирования, привлекая «направо» и «налево» к уголовной ответственности.

Точного учета дел по животноводству в краях и областях нет, но и те неполные сведения, которые сообщают прокуроры в своих докладах, говорят о массовости репрессий по этого рода делам. Рекорд в этом отношении побила Курская обл., где по животноводству осуждено за III квартал 1934 г. 546 чел., за IV квартал 1934 г. — 1912 чел., а за I квартал 1935 г. — 1292 чел.; в Западной обл. по 64 районам осуждено 1365 чел.; в Московской обл — 1613 чел., в Киевской обл. за 1934 г. — 1654, а за I квартал 1935 г. — 1149 чел.

Несмотря на огромное количество осужденных, действенной и должной борьбы с преступлениями в области животноводства судебные органы не ведут, что объясняется слабыми мерами наказания, неумением мобилизовать общественное мнение и волокитой в органах расследования и суда.

Это подтверждается следующими данными: в Западной обл. из числа осужденных по делам животноводства около 80% осуждено к и.-т. работам, в Курской обл. — около 90% к и.-т. работам, на Украине к и.-т. работам приговорено около 70%, по РСФСР — 73%. В Черепановском р-не Западной Сибири все, осужденные в 1934 г. приговорены к и.-т. работам. В огромном количестве дел, как правило, применяется 6 месяцев и.-т. работ. (Необходимо отметить, что характер репрессии по делам животноводства не в малой мере предопределяется ст. 79[4] УК РСФСР и Прокуратурой Союза внесен в СНК Союза законопроект о соответствующем изменении ст. 79[4].

Немалое значение играет и недооценка рядом судебно-прокурорских работников вопросов животноводства, ибо только этим можно объяснить приводимые ниже приговоры.

Председатель колхоза им. Ленина Западной обл. Воронин ликвидировал скотоводческую ферму, разбазарил 33 коровы, 9 телят, 35 голов молодняка, 40 овец, в течение года у него пали 22 лошади и 2 жеребенка, кроме того утонули 5 лошадей, 4 телки, 7 коров, 3 свиньи и 54 поросят. Нарсуд приговорил Воронина к одному году и.-т. работ, причем эту меру наказания требовал и участвовавший в процес-

се райпрокурор. Конюх Дубина был осужден к 2 месяцам и.-т. работ за то, что во время перевозки дров, когда лошадь остановилась, зажег тряпку и положил ее лошади под хвост. В колхозе «Память Ильича» Западной Сибири 3 колхозника поехали на лошадях за сеном, на обратном пути одна из лошадей от непосильной клажи стала, колхозники положили ей под хвост пучок сена и зажгли его, — осуждены к 6 месяцам и.-т. работ каждый. На аналогичные примеры в Московской обл. прокуратура и суд реагировали по-другому; в Луховицком р-не, в Колянижском колхозе кладовщик колхоза б. твердозаданец Демидов поехал на колхозной лошади, по пути избил ее, а когда она измученная стала, Демидов палкой через задний проход пробил ей брюшную часть. Демидов был осужден по закону 7 августа к 10 годам лишения свободы.

В отдельных районах имеет место искажение судебной политики по делам о животноводстве. Так, в Горьковском крае из всех осужденных по делам по животноводству кулаки составляют только 5,8% приговоренных к 10 годам лишения свободы, а к и.-т. работам и другим наказаниям, не связанным с лишением свободы, 66,6%; по Северному краю осужденных за 1 квартал 1935 г. из 7 кулаков к лишению свободы приговорен только 1, а 6 — к иным мерам наказания.

Огромное количество приговоренных к мягким мерам наказания говорит о том, что в нарсуды попадают дела о мелких упущениях колхозников, главным образом должностных лиц колхозов, которые правильно было бы разрешать в порядке устава с.-х. артели.

Привлекаются к ответственности, главным образом, бригадиры и рядовые колхозники.

Дела, возбуждаемые в порядке самотека разными ведомствами, попадают, как правило, в органы милиции, а оттуда нередко минуя прокурора, прямо в суд. В Западной обл. подавляющее большинство рассмотренных дел было возбуждено непосредственно органами милиции, без санкции прокурора. В Киевской обл. в 1934 г. из общего количества 1654 дел по животноводству 1010 дел, или 97,4% было рассмотрено милицией.

Так как надзор прокуратуры за расследуемыми милицией делами явно недостаточен, то в суды попадает огромное количество мелких дел, а по ряду дел, имеющих большое общественное и хозяйственное значение качество расследования так низко, что суды вынуждены или прекращать дело, или направлять его на дополнительное расследование.

Говоря о массовости репрессий по борьбе с преступностью в области животноводства, нельзя не отметить, что в ряде областей при наличии огромного количества осужденных имеет место целый ряд вопиющих фактов безобразного отношения к скоту, остающихся вне поля зрения суда и прокуратуры. Так, в Западносибирском, Азово-Черноморском и Северокавказском краях при наличии большого количества абортирования жеребых конематок, несмотря на прямое указание об этом июльского пленума ЦК ВКП(б) о животноводстве и директивы Прокуратуры Союза ССР, должной борьбы с этим не велось.

К числу существенных недочетов в работе прокуратуры по борьбе за животноводство необходимо отнести и незнание рядом прокуратур, краев и областей важнейших видов преступности в области животноводства.

Это приводит к тому, что борьба за животноводство сводится в основном только к борьбе с хищнической эксплоатацией лошадей и хищением скота.

Это положение подтверждается как материалами обследования Прокуратурой Союза прокуратур Азово-Черноморского, Северокавказского и Западносибирского краев, так и имеющимися докладами краевых и областных прокуратур.

В результате этого целый ряд преступлений в области животноводства (преступно-небрежный уход за скотом, разбазаривание скотоводческих ферм колхозов, срыв заготовки кормов, необеспеченность скота помещением, нарушение законов о льготах, предоставленных колхозам и колхозникам в области животноводства, нарушение ветеринарно-санитарных прав — остались вне поля зрения органов суда и прокуратуры.

В ряде областей имеют место некоторые достижения в смысле ускорения прохождения в органах расследования и суда дел по животноводству, так в Харьковской обл. из 386 переданных в 1 квартале в суд дел по животноводству находились в стадии расследования: до 10 дней 244 дел — 63%, от 10 дней до 1 месяца 116 дел — 30%, свыше 1 месяца 26 дел — 7%, то в целом ряде краев и областей по этим делам поставлено явно неудовлетворительно. Так, в Харьковской обл. из 123 уголовных дел, направленных в областную прокуратуру, санкцию на предание суду получили только 74 дела, на дополнительное расследование было направлено 16 дел, прекращено 7 дел, направлено для разрешения в дисциплинарном и партийном порядке 12 дел, передано в сельсуды 14 дел, переквалифицировано 31 дело. В Киевской обл. направлено в суды 64,8% дел, прекращено 29,3% дел и возвращено к доследованию 5,1%.

Большой процент прекращенных и оправданных дел в прокуратуре и судах говорит о безответственном отношении лиц, ведущих следствие, к политике предания суду, в результате чего получается неосновательное дергание трудящихся.

Особенно неудовлетворительно поставлена документации следствия по делам о самоабортировании кобыл. Из рассмотренных Киевской областной прокуратурой 235 дел только по 59 делам имеются заключения ветеринаров о причинах самоабортирования, из них 40 заключений ветврачей, одно заключение ветфельдшера и 18 — ветсанитаров. Во всех остальных случаях имеются только акты правлений колхозов, констатирующие случаи абортов и ничего не говорящие о причинах, вызвавших аборти-рование.

Органы прокуратуры обыкновенно в защиту такого недопустимого положения со следствием ссылаются на слабую квалификацию органов милиции. Но эта ссылка неубедительна, основная причина это — отсутствие систематического надзора за органами расследования со стороны прокуратуры.

Участие прокуратуры в работе суда по этим делам также недостаточна. Прокурор, как правило, после того, как он направил дело в суд, считает свою миссию законченной, а какой

судьба направленного им в суд дела его не интересует.

Проверка сельхозотделом прокуратуры Союза ССР 235 уголовных дел по животноводству, рассмотренных нарсудами Северокавказского края, показала, что в срок до 10 дней нарсудами рассмотрено лишь 52 дела, 65 дел были рассмотрены в срок свыше месяца. В Карачаевской обл. из 24 дел до 10 дней рассмотрены были лишь 3 дела, 19 дел были рассмотрены в срок свыше одного месяца. Из 225 дел 145 дел находились в органах расследования и судах свыше одного месяца.

В Азово-Черноморском, Северокавказском, Западносибирских краях и ряде других краев и областей участие прокуроров в работе кассколлегий край(обл)судов весьма незначительно, а так как качественная работа кассколлегий не всегда на должной высоте, целый ряд явно неправильных приговоров нарсудов не получают необходимого исправления. Как показал просмотр сельскохозяйственным сектором Прокуратуры Союза ряда уголовных дел нарсудов, кассколлегии не только не вносят необходимых исправлений в карательную политику нарсудов, а наоборот, нередко сами вносят неразбериху и путаницу. Из просмотренных дел обращают внимание на необоснованность снижения репрессии следующие дела: животновод колхоза «Пахарь» Овчинников был осужден нарсудом Барнаульского р-на к 2 годам лишения свободы за то, что допустил заболевание половины лошадей колхоза, не лечил их, две свиноматки абортировали; получая муку для корма лошадей, он рассыпал эту муку по траве, посыпал солью, полагая таким образом кормить лошадей. Крайсуд снизил ему наказание до 6 месяцев и.-т. работ. Работники колхоза им. «Красной армии» Пушкин и др. не обеспечили скот помещением, в результате чего часть телят погибла: из 13 жеребых кобыл 11 абортировало, пало 54 поросенка и т. д. Пушкин был приговорен к 4 годам лишения свободы, кассколлегия снизила ему наказание до 1 года и.-т. работ.

Колхозник Дьяченко колхоза им. Красина Северокавказского края, поехав за сеном на прикрепленных к нему паре волов, по пути избивал их и одному волу открутил хвост. Нарсуд приговорил Дьяченко к 6 месяцам и.-т. работ, кассинстанция крайсуда приговор отменила и дело производством прекратила за недоказанностью побоев, между тем в деле есть справка ветврача, что хвоста у вола нет, кроме того в деле имеется показание свидетельницы Ляховой, которая ездила с Дьяченко за сеном.

К числу важнейших преступлений, приносящих огромный ущерб животноводству, необходимо отнести:

а) Хищническую эксплоатацию коней; необходимо обратить внимание на абортирование жеребых кобыл: по Западной Сибири зарегистрировано 24 000 абортов кобыл, по Донецкой области — 5000 абортов и т. д.

б) В результате преступно-небрежного ухода за скотом, необеспечения его кормами имеет место массовая гибель скота, например, по Ростовскому свиноводтресту из общего количества поголовья свиней в 101 935 за 1934 г. пало и забито 57 476, т. е. 50%, в Овцесовхозе № 8 за 1933 г. и 1 квартал 1934 г. прирезано и похищено 30 883 овец. Падеж по совхозам Овцеводтреста Оренбургской обл. за 1934 г. 46% к общему поголовью (пало 82 700 овец).

в) Разбазаривание скота на животноводческих фермах колхозов: так, по Азово-Черноморскому краю при неукомплектованности животноводческих ферм по молочным фермам продано 11 322 головы и забито для потребления колхоза 12 740 голов, а всего 26 768. По овцеводческим фермам продано 33 326, забито для потребления колхоза 51 797, а всего 85 133 голов. В Западной Сибири: продано и зарегистрировано для продажи крупного рогатого скота 48 112 голов, свиней — 66 359 и овец — 64 076.

г) В отдельных районах (Грузия, Казакстан, Черкессия, Карачай) имеет место массовое хищение скота.

д) В отдельных областях (Московская, Западная обл., Казакстан, БССР и др.) имеет место массовый убой молодняка. В Карачаевском р-не из родившихся в 1934 г. 7797 телят сохранено лишь 3599, т. е. 50% и т. д.

е) В отдельных местах грубо нарушаются ветеринарно-зоотехнические правила. Необходимо также отметить, что в ряде районов ветеринарная помощь организована слабо: так, в Оренбургской обл. имеется всего лишь 29 ветврачей для обслуживания совхозного сектора; в 24 совхозах нет ни одного ветврача. Постановление июльского пленума ЦК ВКП(б) о возврате ветлечебниц, используемых не по назначению, выполняется слабо.

ж) Грубо нарушаются материально-бытовые условия рабочих в совхозах (невыплата зарплаты, антисанитарное состояние жилищ.

з) Нарушаются решения партии и правительства о предоставлении колхозам и колхозникам льгот, направленных на стимулирование развития животноводства. Прокуратурой Союза даны указания об усиленном надзоре за проведением в жизнь законов об освобождении от зернопоставок части посевов колхозов, имеющих животноводческие фермы, о предоставлении льгот по мясопоставкам колхозникам, колхозно-животноводческие фермы которых выполняют планы по мясопоставкам, и др.

На борьбу с этими видами преступности в области животноводства необходимо мобилизовать внимание органов суда и прокуратуры.

А. Кирзнер

Хулиганство

Если просмотреть списки дел, рассматриваемых ежедневно в московских народных судах и в кассационной коллегии городского суда, то невольно обратишь внимание на то, что ч. 2 ст. 74 УК повторяется в этих списках довольно часто и успешно конкурирует за последнее время со ст.ст. 109 и 111 УК.

Это признак той ожесточенной борьбы, которая в настоящее время ведется в нашей столице с хулиганством.

Нечего доказывать, что хулиганство — это ужасное зло и что с ним нужна беспощадная борьба. Самую суровую репрессию за хулиганство можно только приветствовать.

Но чем эта репрессия суровей, чем тяжелее кара, установленная за хулиганство тем осторожнее и внимательнее надо относиться к тому, чтобы она не обрушилась на лиц, невиновных вообще, или хотя и виновных, но в совершении другого уголовного проступка, не требующего применения таких мер воздействия, которые установлены именно за хулиганство.

Что такое собственно говоря хулиганство? Наш закон определяет это понятие так: «озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу действия». Это определение, а также местонахождение ст. 74 в главе «Иные преступления против порядка управления», показывают, что хулиганство — это прежде всего преступление против общественного порядка. Но ведь жертвою-то хулиганства бывают отдельные люди, «потерпевшие», которые являются неотъемлемой принадлежностью каждого судебного дела о хулиганстве. Ведь одновременно совершается и преступление против личности, предусмотренное ст.ст. 143, 146, 159 или другими статьями УК.

Когда же применять тот или другой закон? Какая разница между хулиганством и преступлением против личности?

Разница довольно ощутимая. В преступлениях против личности злая воля преступника направлена против определенного лица вследствие известных поводов, которые, по мнению преступника, ему подал потерпевший. Здесь налицо должны быть конкретные мотивы, и преступник, посягнувший на данного потерпевшего, в этот же момент совершенно безопасен для других граждан.

В преступлениях хулиганского порядка дело обстоит совсем не так. Жертва хулигана случайна. Он с нею большею частью раньше не имел ничего общего, она не подала никакого серьезного повода для оскорбления или насилия. Сплошь и рядом хулиган не знает своей жертвы. Она попалась ему на глаза, она подвернулась ему под руку, и этого хулигану достаточно, чтобы обидеть, оскорбить, причинить боль, испортить платье и т. п. Хулиган легко перебрасывается с одной жертвы на другую.

В этом-то и заключается величайшее социальное зло хулиганство, в этом его огромная социальная опасность. Жертвою хулигана можно сделаться без всякой вины, без всякой неосторожности, даже без всякого повода. Хулиган угрожает всем и каждому. Хулиган — нетерпимый член социалистического общества и безусловно нуждается в длительном и серьезном воздействии.

Поэтому наше законодательство предусматривает усиленную репрессию за хулиганство. В то время как мера социальной защиты за умышленное легкое телесное повреждение, за побои, за оскорбление действием, установлена в основном в виде исправительно-трудовых работ и даже штрафа, хулиганство влечет за собой лишение свободы и, как правило, суды применяют по ч. 2 ст. 74 УК лишение свободы от полутора года до 3 трех лет.

Такой приговор имеет и косвенные последствия: возвращение в столицу, где у осужденного часто имеется жилплощадь и семья, является для него закрытым надолго.

Против этого ничего не возразишь, если бы фактически эта репрессия всегда падала бы действительно на хулиганов.

К сожалению, милиция, которой в первую очередь приходится сталкиваться с делами о хулиганстве, которая ведет дознания по этим делам и направляет их в суды, толкует хулиганство по-своему, руководствуясь «внешними признаками». Прокуратура, перегруженная работой, утверждает обвинительные заключения милиции без изменения, а суды, воодушевленные желанием сократить и прекратить хулиганство, выносят приговоры, далеко не соответствующие ни духу закона, ни общественно-революционной целесообразности.

Короче говоря, закон о хулиганстве довольно часто применяется некстати и причиняет немало горя случайно, «влипшим» в хулиганское дело.

Примеры будут живые, взятые из практики.

В милицию является гражданин со следами побоев и заявляет, что его избили трое молодых людей, из которых двое живут в одном дворе с ним. Избит он, по его заявлению, из мести за то, что он на одного из этих молодых людей подал жалобу в товарищеский суд по поводу якобы украденных из общего сарая принадлежащих ему нескольких досок. Обоих соседей-обидчиков приводят в милицию. Они отрицают свою вину, ссылаясь на то, что избил потерпевшего третий молодой человек, их гость, и притом не за доски, а за то, что потерпевший изругал его, и первый нанес ему удар. Гостя объявляют находящимся в розыске, и принимая во внимание категорическое заявление потерпевшего, что его били все трое, обоих молодых людей берут под стражу и предъявляют им обвинение по ч. 2 ст. 74 УК. В день составления обвинительного заключения оно утверждается прокуратурой. В тот же день обвиняемых судят и приговаривают к полутора годам лишения свободы каждого.

По жалобе осужденных горсуд отменяет приговор, освобождает из-под стражи заключенных и передает дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, предлагая разыскать третьего обвиняемого. Его находят без труда, так как он и не собирался скрываться. Он признает себя виновным в том, что избил потерпевшего, избил за

то, что тот без всякого основания изругал и ударил его. Новый обвиняемый показал, что он бил один. Его взяли под стражу, и все же опять привлекли всех трех молодых людей по ч. 2 ст. 74 УК. Дело попадает в другой суд, который относится к нему не столь поспешно, и более внимательно. Устанавливается, что действительно виновен только один, и притом драку начал потерпевший, который оказывается сам изрядный драчун и склочник. Подсудимый судится в первый раз. Все, не исключая потерпевшего, дают ему хорошую аттестацию. Первые два обвиняемых оправданы, а третий по ст. 143 УК приговорен к принудработам.

Дело окончилось благополучно. Приговор правильный. Но сколько времени, труда и средств ушло на это дело? Сколько горя набрались честные рабочие семьи трех обвиняемых и сами обвиняемые, прежде чем получился этот результат? А все потому, что с самого начала дело было неправильно заведено милицией при явном попустительстве прокуратуры.

Второй пример. Трое молодых людей пришли в кино. Их места оказались занятыми. Пришедшие попросили их освободить. Сидевшие на чужих местах, не предъявляя своих билетов, потребовали от пришедших показать билеты. Те показали, Захватчики с неудовольствием пересаживаются на соседние места (опять не на свои), после чего продолжают пререкаться с законными владельцами мест. Сеанс кончается. Те и другие выходят. К владельцам билетов присоединяется их товарищ. Одна группа идет впереди, другая сзади. Через некоторое время драка, которую застает милиция. Задержаны двое: один, присоединившийся в компании после выхода из кино, и один из занявших чужие места. У последнего на голове ссадина. Первый заявляет, что сначала его ударили палкой по плечу, а потом уже стал драться и он. Его заключают под стражу. Разыскиваются остальные участники. Товарищ ушибленного заявляет, что он ничего не видел. Его один раз ударили, и он убежал. Товарищи другого заявляют, что действительно удар палкой по плечу нанес первым ушибленный. Посторонних свидетелей вообще нет. Милиционер, задержавший обоих молодых людей, драки не видел.

Задержанный со ссадиной превращен в потерпевшего. Задержанный без ссадины и его товарищ в обвиняемых по ч. 2 ст. 74 УК. Оба обвиняемые никогда не судились. Оба имеют прекрасные отзывы с производства и из домоуправлений своих квартир, в которых они живут со дня своего рождения. Одному из них 17 лет.

Приговор? Старшему — 3 года лишения свободы, младшему — 2 года.

Но где же здесь хулиганство? Где озорные действия, угрожающие общественному порядку, всем и каждому? Что в этом деле доказано?

Впрочем, городской суд переквалифицировал обвинение на ст. 146 УК (нанесение побоев) и снизил меру социальной защиты до 6 месяцев принудительных работ по месту работы одному и до 3 месяцев другому.

Но почему не были привлечены все молодые люди, а участвующие в драке лица разбиты на преступников и потерпевших? Этот «производственный секрет» милиции раскрывается следующим образом: во-первых, по судебному делу должны быть свидетели, а во-вторых, у одного из задержанных оказалась ссадина на голове.

Эти ссадины имеют роковое значение для таких дел. Казалось бы, дело вовсе не в ссадине. Отбиваясь от посягательства на мою личность или невольно реагируя на удар или оскорбление (от этого иногда трудно удержаться и культурному сдержанному человеку), я могу оставить «след» на своем противнике. Горе тогда мне, если у меня не окажется такого же! Уж наверняка хулиган окажется потерпевшим, а я хулиганом.

Невольно вспоминается очень смешной и остроумный рассказ О'Генри «Дронт».

Желая наказать судью, неправильно осудившего его по таким «внешним признакам», герой рассказа, застав этого судью в своем родном городе на пустыре вблизи своего дома, поносит ошеломленного судью самыми позорными словами и на его глазах сам причиняет себе камнем на лице несколько ранений. А затем он тащит судью в местный суд и обвиняет его в нанесении оскорблений и телесных повреждений. Улики налицо, и суд с негодованием отвергает утверждение обвиняемого, что потерпевший сам поранил себе лицо. Суд считает, что обвиняемый издевается над ним, выдумывая явную чушь. Обвиняемый судья неправильно осужден на основании таких же точно улик, которые он сам раньше считал непререкаемыми...

И, наконец, последний пример.

Выпивка в общежитии. Один парень наносит удар другому и обрывает ему галстук. Через полчаса они встречаются в уборной. Что там происходит между ними, в точности неизвестно, но через некоторое время обидчик выходит из уборной с легкой раной на голове (рассечена кожа), а бывший потерпевший, а теперь уже обидчик, выходит из уборной с куском водопроводной трубы в руках. Он не отрицает, что причинил ранение, но говорит, что ударил этой трубой защищаясь. Ничего другого под рукой не было. К счастью, последствия оказались совершенно незначительными.

Судебные результаты? Парень с рассеченной кожей — потерпевший, парень с оторванным галстухом — осужденный по ч. ст. 74 УК на полтора года лишения свободы. Городской суд утвердил этот приговор.

Между прочим осужденный—премированный ударник, и все общежитие расписывается в том, что он — тихий и образцовый юноша, а потерпевший — задира и скандалист. Но это не помогает: у кого показалась кровь, тот и потерпевший, а его противник конечно, хулиган.

Может быть слишком низка репрессия за побои и легкое телесное повреждение и из-за этого осуждают по другой статье? Но тогда надо изменить закон, и не создавать судебного нарушения революционной законности.

Иногда человек просто «попал в переплет», а в результате — судимость за хулиганство.

Такие ошибки и недоразумения дискредитируют во мнении рабочей общественности борьбу с хулиганством. «Хватай, держи и не пущай» у нас не годится.

Подвергнуть лишению свободы за мнимое хулиганство молодых людей с неопорченной репутацией — это значит иногда их морально калечить.

Что было бы с студентом Сверановским, если бы в дело не вступилась печать?

Наши журналисты иногда пускаются в непосредственное изучение жизни, делаясь шоферами, педагогами или просителями в учреждениях. Для того чтобы познать некоторые особенности бытия, им не мешало бы побывать еще в роли подсудимых по хулиганскому делу. Это нетрудно. Достаточно сделаться объектом хулиганской выходки и энергично постоять за себя. Царапина или синяк, нанесенные противнику при защите своей спутницы или своего достоинства, почти наверняка приведут их на скамью подсудимых в дежурной камере народного суда. А там, если инкогнито их не будет раскрыто, они скоро сумеют убедиться в том, что быстрота без правильно вдумчивого отношения к ней отнюдь не самое главное достоинство правосудия.

Г. Гуров

История одной волокиты

(По материалам комиссии партконтроля при ЦК ВКП(б)

Следственными органами в 1933 г. было установлено, что некий Мамонтов В. А., обманным путем пробравшийся в партию, принадлежал к белогвардейскому добровольческому отряду Дюртюллинских купцов в Башкирии, лично участвовал в пытках и расстрелах красногвардейцев и красных партизан, а затем служил у Колчака.

Исключенный из партии дальневосточной парторганизацией, Мамонтов подает апелляцию, в которой доказывает, что материалы о нем являются ложными, что он в белой армии не служил, а наоборот, являлся добровольцем первых красногвардейских отрядов. Он просит дать возможность представить оправдывающие его документы.

Оставаясь на Дальнем Востоке, Мамонтов пишет своей матери в Дюртюли письмо и инструктирует ее, как надо получить соответствующие документы и к кому следует обратиться. Следуя этим указаниям мать обращается с заявлением к райпрокурору Габитову и в заявлении указывает на ряд лиц — очевидцев, которые могли бы подтвердить «действительное» прошлое ее сына.

Не считаясь с законом и с тем, что в круг обязанностей прокурора не входит установление, по частной просьбе граждан, их прошлой деятельности и, тем более, выдача им об этом документов, — райпрокурор Габитов немедленно все же берется за это дело. Проявив исключительную для себя оперативность и быстроту в исполнении, нарушив ст. 163 УПК, запрещающую ведение опроса свидетелей сразу группой, Габитов составил протокол группового опроса свидетелей, показанных матерью Мамонтова, и затем свое заключение, в конце которого постановил: «Собранный материал сообщить на предмет разбора и привлечения к ответственности ложных доносчиков».

Заключение, однако, послано было лично Мамонтову, который незамедлительно и представил его соответствующей парткомиссии. Мамонтов по последнему документу полностью реабилитировался: он, оказывается, никогда у белых не служил, в 1919 г. был в Красной армии и никакого отношения или причастности к расстрелу красных партизан не имеет.

Имея два совершенно противоположных материала, Дальневосточная парткомиссия встала перед необходимостью проверить, какой же материал соответствует действительности. Она срочно обратилась в июне 1934 г. в Дюртюллинский райком партии с просьбой расследовать дело на месте, подробно описав существо вопроса и взяв под сомнение последний материал прокурора Габитова. Но Дюртюллинский райком партии, даже после 6 телеграфных запросов, не нашел нужным что-либо ответить парткомиссии. Он считал ниже своего достоинства вести какое-то следствие о каком-то Мамонтове.

Зам. секретаря райкома Гирфанов просто подшивал телеграммы к делу, не считая нужным о них говорить с секретарем райкома.

Парткомиссия, не добившись в 1934 г. какого-либо сообщения от Дюртюллинского райкома, не имея возможности сама проверить материал, так как находится за несколько тысяч километров, наконец, в январе 1935 г. обращается уже в Башкирский обком партии с предложением наказать волокитчиков и обязать их дать им просимый материал.

Получив директиву Башкирского обкома, секретарь райкома Еркеев, даже и не подумав проверить дела, в феврале месяце 1935 г. сообщает парткомиссии: «Подробный материал на Мамонтова в 1934 г. прокуратурой был направлен» и... что «расследованием прокурора не установлено участие Мамонтова в контрреволюционных организациях и рядах белой армии».

Этим Дюртюллинский райком, так слепо доверяющий своему райпрокурору, однако не закончил свою деятельность.

Дальневосточная парткомиссия вынуждена была поставить вопрос о волокитчиках из Дюртюллинского райкома партии. Она написала т. Ежову в Комиссию партконтроля и одновременно в Башкирский обком. По категорическому указанию последнего в апреле месяце этого года секретарь райкома Еркеев наконец, сам взялся за дело. Он вызвал на следователя Васюкова и предложил ему в «трехдневный срок проверить путем опроса очевидцев деятельность Мамонтова в гражданскую войну».

Васюков, руководствуясь указанием действовать быстро и отнюдь не преследуя задачи выяснить как следует положение дела, уже 16/IV 1935 г. докладывает результаты дознания бюро райкома, которое постановило:

«Считать установленным, что Мамонтов служил в рядах белой армии по мобилизации,

не добровольцем», и дальше, что... «никаких преступных действий против советской власти, Красной армии и красных партизан он не совершал».

Вынося это решение, райком партии прошел мимо того, что ведь райпрокурор, а потом они же сами писали о том, что Мамонтов в белой армии не был, а служил в Красной армии. Но об этом умолчали.

Дело с Мамонтовым вскрыло более серьезные обстоятельства в Дюртюллинском районе. Бюрократическое отношение и волокита, проявленная райкомом по отношению к делу Мамонтова, послужили основанием для проверки дела на месте со стороны партколлегии Комиссии партконтроля в Башкирии. По заданию КПК при ЦК ВКП(б) в Дюртюллинский райком выехала специальная комиссия партколлегии, которая, допросив 26 чел., главным образом красных партизан, заодно прокурора, нарследователя Васюкова и райкомщиков, выявила очень интересные данные.

Первые материалы о Мамонтове полностью подтвердились. Он был активным участником белогвардейщины в Дюртюллях, из пулемета расстреливал взятых в плен красных партизан, лично участвовал также в казнях над командирами партизанских отрядов Чеверевым и Седовым.

Расследование пролило свет и на защитников Мамонтова.

Прокурор Габитов обстряпал свой материал, допрашивая сразу группу обработанных матерью Мамонтова бывших белогвардейцев, сослуживцев Мамонтова. Сам Габитов — сын мишана-кулака, которого он защищал от твердых заданий, служил тоже в белой армии и, уже будучи членом партии, участвовал в контрреволюционном кулацком восстании так называемого «Черного орла». Родственники Габитова раскулачены и сосланы, как враги советской власти.

Нарследователь Васюков сознательно смазал дело Мамонтова, он не включал показания некоторых свидетелей о том, где о Мамонтове говорили как о палаче красных партизан. Это Васюкову было невыгодно, так как он родом из одного села с Мамонтовым и тоже был белогвардейцем. Поэтому к числу свидетелей, бывших у прокурора Габитова, он прибавил показания только двух торговцев и б. жены Мамонтова.

Васюков и Габитов Башкирской парткомиссией исключены из партии и сняты с работы. Зам. секретаря райкома Гирфанову объявлен строгий выговор со снятием с работы за то, что он подшивал к делам письма и телеграммы Дальневосточной парткомиссии (выяснилось, что он тоже в свое время был в белой армии и поэтому, очевидно, и не считал нужным выяснять прошлое Мамонтова). Секретарю райкома Еркееву объявлен выговор, и всем членам бюро РК указано на недопустимо формальное отношение к выяснению дела Мамонтова при обсуждении его на бюро райкома.

Дело Мамонтова послужило хорошим уроком для Дюртюллинской парторганизации и еще лишний раз подтвердило необходимость тщательной проверки всех случаев нарушения революционности и проявления бюрократизма и волокиты.

М. Р

Вместо фельетона

Есть люди, которые обладают особым комедийным талантом. Возможно, что это не плохо, но только не тогда, когда эти таланты переносятся на следственную практику. В таких случаях обладателю такого таланта следует подвизаться в другом месте, а не в прокуратуре. Когда в такой серьезный вопрос как арест вносятся элементы комедийности, следователю надо менять свое амплуа и чем скорее тем лучше. Нам неизвестно, насколько высоки комедийные способности следователя Ирбитского района, Свердловской области т. Чеснокова, но то, что следственные способности его не высокого качества не вызывает у нас никаких сомнений. Не вызывает у нас и сомнения, что т. Чесноков превратил вопрос об избрании меры пресечения в «арестную комедию».

Однако обратимся к фактам «деятельности» т. Чеснокова и во избежании излишних дискуссий будем оперировать подлинными документами «творчества» ирбитского следователя.

Вот перед нами документ, как говорится с надлежащими подписями и печатью от 20 июня 1935 г., именуемый постановлением «Об избрании меры пресечения содержание под стражей».

Название этого документа в свете исторического решения 8 мая 1933 г., постановления 17 июня 1935 г. и ряда директив Союзной прокуратуры уже само по себе предусматривает исключительно внимательное и серьезное отношение к вопросу об аресте, серьезное обоснование причин и мотивов ареста и необходимость в такой острой и серьезной мере пресечения, как арест до суда.

И вот внешне, по форме, как будто все в порядке. В своем постановлении т. Чесноков излагает:

«рассмотрев материал Главгормаша, в котором в достаточной степени изобличается гр. Кузнецов Александр Николаевич в преступлении, предусмотренном ст. 109 и ч. 2 ст. 162 УК, учитывая, что Кузнецов не имеет постоянного места жительства, также Кузнецов может помешать ходу следствия и может скрыться, на основании... и т. д. постановил:... избрать меру пресечения содержание под стражей в Ирбитском изоляторе...».

Тут тебе и статья УК, и «на основании ст. УПК» и мотивы, что Кузнецов скроется, Кузнецов будет мешать ходу следствия, есть санкция на арест вриднрокурора Селиверстова. Как будто бы все в порядке и читатель даже на-

чинает недоумевать, что мол, за придирки к т. Чеснокову и не есть ли это подкоп против поборника соцзаконности в Ирбите? Успокойтесь, дорогие читатели. Не станем злоупотреблять вашим терпением. Обратимся к другому постановлению под таким же названием, о том же Кузнецове, которое как и вышеприведенное базируется на соответствующих статьях УПК и т. д. и т. п., но только вынесено на два дня позже. 22 июня т. Чесноков снова «рассматривает материал»:

«учитывая, что Кузнецов больной катарром желудка и туберкулезом, в силу чего содержание его под стражей отразится на его здоровье (какая трогательная заботливость!— М. Р.). Находясь на свободе он на ход следствия влияния оказать не может, социально не опасный»... руководствуясь и т. д... «постановил: избрать меру пресечения подписку о невыезде из его местожительства — г. Ирбита, Советская № 22».

Право, шутник этот Чесноков!..

За два дня Кузнецов обрел постоянное местожительство, перестал быть социально опасным и даже, как заверяет т. Чесноков «влияния на ход следствия оказать не может».

Спрашивается, что изменилось за 2 дня? Почему 20 июня выносится постановление об аресте Кузнецова? Если Кузнецов настолько болен, то почему этот мотив не был учтен 20, а стал решающим 22?

Разве это не издевательство над всеми директивами об арестах, разве это не насмешка над нашим законом? Разве т. Чесноков, действуя по принципу «закон что дышло, куда повернул, туда и вышло» не превратил такой ответственный акт как избрание меры пресечения в «арестную комедию»?

Было бы ошибочно думать, что приведенный факт единственный и случайный в практике работы т. Чеснокова. Нет, не такой он человек, чтобы разменяться на мелочи. Забавляться, так забавляться, и по тому же делу проделан Чесноковым аналогичный эксперимент с другим обвиняемым Данченко.

21 июня, т. Чесноков выносит постановление об аресте Данченко, обвиняемого по ст. 109 УК «... Учитывая тяжесть совершенного преступления», а также «Данченко, находясь на свободе, может помешать ходу следствия». И это постановление санкционирует врид. прокурора т. Селиверстов.

Но уже на другой день Данченко освобождается под подписку о невыезде по мотивам: «необходимая проверка по делу в отношении обвиняемого Данченко проведена (за один то день! М. Р.), последний имеет семью, кроме того дирекция завода дает поручительство, что он не скроется от следствия. Учитывая также, что Данченко на ход следствия влиять не будет, а потому руководствуясь и т. д...».

В данном случае также излишни комментарии, но несколько фактических справок дать необходимо. Первая — с 20 по 22 июня никаких следственных действий и проверок не производилось. Вторая — «дирекция» дающая поручительство за Данченко представлена в лице снятого с работы директора (вернее бывшего директора) завода Горланова, привлекаемого в качестве обвиняемого по этому же делу.

Спрашивается неужели за один день «тяжесть совершенного преступления Данченко» стала меньше? Почему 21 июня — Данченко обязательно мешал ходу следствия, а 22 июня — «влиять на ход следствия не будет»? Неужели 21 июня у Данченко не было семьи? И разве так трудно было получить 21 действительную гарантию, что Данченко не скроется от следствия? Конечно дело не в том. Конечно дело не в «необходимой проверке», которой, кстати, не было. Дело в совершенно недопустимой безответственности, в наплевательском отношении и важнейшим директивам со стороны следователя т. Чеснокова и прокурора т. Селиверстова, дело в безобразном бюрократизме, от которого, к сожалению, еще не свободны и некоторые наши работники и, наконец, дело в неумении работать.

Ведь тот же пом. прокурора Селиверстов, в обвинительном заключении по этому делу, считает возможным, в числе действительных преступлений, инкриминировать Данченко такое «преступное действие...» «он (Данченко) с заместителем директора разговаривал повышенным тоном»(!).

И как бы для полноты картины т. Чесноков увековечил себя еще одним «документом», который вполне заслуживает, чтобы быть приведенным полностью, а именно:

«Акт от 20 июня. Гр. Кузнецов... был вызван на допрос в камеру следователя Ирбитского района вечером часов 7—30 м. после предъявления постановления об аресте Кузнецова следователь отлучился в другую комнату вызвать осодмильца. Кузнецов в это время из камеры сбежал».

Как говориться, «дальше ехать некуда».

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Нарсуд Центрального района гор. Ленинграда 26/X 1934 г. приговорил гр. Симановича Бориса Михайловича, б. заведующего книжным магазином издательства Академии наук, по ст. 111 УК к 3 годам лишения свободы, с взысканием с него в пользу издательства 8 319 р. 96 к.

Кассационная коллегия Ленинградского облсуда 11/XI 1934 г. утвердила приговор, дополнив его воспрещением Симановичу занимать должности, связанные с материальными и денежными ценностями.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение кассколлегии облсуда по следующим основаниям.

Симанович был предан суду первоначально по ст. 111 УК, затем по закону 7/VIII 1932 г. В судебном заседании представитель гражданского истца заявил, что в действиях Симановича он не усматривает растраты, а находит, что в результате заведывания Симановича магазином образовалась лишь недостача книжного наличия.

Нарсуд также признал, что «хищения со стороны Симановича не установлено», что «в части недостачи повинна главная бухгалтерия издательства Академии наук, допустившая обезличку, при таксировке документов оборота и оприходуя товар в магазине при отсутствии реквизитов — подписи самого Симановича — и только сейчас это дело исправлено».

Таким образом корыстных мотивов в действиях Симановича не было обнаружено и наряду с этим было признано, что в недостаче повинна и система учета, введенная главной бухгалтерией издательства. Тем не менее, нарсуд вынес обвинительный приговор, применив к Симановичу высший предел меры наказания, установленный ст. 111 УК, и основываясь на том, что «сумма гражданского иска установлена экспертизой бесспорно».

Между тем, если обратиться к экспертизе, то обнаруживается, что эксперт категорически заявил: если следственным путем будет установлено, что действительно не весь товар полностью выбирался из склада, то сумма недостачи на 1/I 1934 г. является спорной, так как на складе по состоянию на 1/I 1934 г. обнаружен излишек в 68 636 р. 11 к. согласно справке бухгалтерии. При этом эксперт указал, что как Симановичем, так и самим издательством были проявлены безответственность и обезличка; что при отпуске товара из склада в магазин, которым заведывал Симанович, принимались расписки сотрудников магазина (из дела видно, что расписывался рабочий возчик), но не требовалось подтверждений со стороны Симановича; в складе же не регистрировался товар, возвращавшийся из магазина на склад.

Действительно, в деле имеется справка издательства Академии наук о том, что на складе имеется излишек товара против книжных данных на 68 636 р. 41 к. В первых же своих показаниях Симанович указал на возможность обнаружения фактических излишков на складе, что может объяснить книжную недостачу в магазине. Но следствие не занялось этим и основной вопрос: имеется ли фактическая недостача товара или есть лишь неправильности книжного учета (вина в чем лежит на самом издательстве, а товар, считая и магазин и склад, находится в целости) так и остался неразъясненным. Между тем заместитель Симановича гр. Зиринг, ведший товарную книгу, на суде заявил категорически: «Недостачи не может быть и Симанович просто запутался».

С другой стороны, по делу установлено, что товар со склада поступал в магазин не полностью, хотя возчик Владимиров, перевозивший книги, отрицал это как и заместитель Симановича Зиринг; однако, в судебном заседании Зиринг признал, что Владимиров «иногда недоносил товар по накладным».

Наконец, имели место кражи из магазина, облегчавшиеся особым его устройством, при котором покупатели имели свободный доступ к полкам, где они сами выбирали себе товар.

Факты краж подтвердили как свидетель Зиринг, так и Юдин и Повереннов, который даже заявил, что Симановичу списали стоимость украденных книг (что на деле не имело места). Главный свидетель обвинения Зав. книго-торговым отделом издательства Полянский заявил на суде, что Симанович говорил ему о кражах книг и что в магазине не было книжных перегородок, но что Симанович не имел права производить на это расходы. Между тем приговор нарсуда вменил в вину Симановичу, что товар безобразно хранится в открытых полках, покупатели и вообще посетители чувствовали себя хозяевами магазина, товар забирали с полки без санкции администрации магазина. Но из дела видно, что подававшиеся магазином докладные записки об установлении стеклянных загородок на прилавке, оставались без удовлетворения, и организация продажи книг, при которой покупатели сами имели к ним доступ, была попыткой издательства ввести новый вид книжных магазинов. При этом нет никаких оснований не доверять показаниям Симановича, что издательство допускало и сознательно шло на возможность краж книг покупателями.

Нарсуд вменил в вину Симановичу, что он «не вел учета товара» и «отчетность составлял невнимательно, по некоторым ассортиментам в одном и том же отчете указывалось дважды». Между тем из показаний гл. бухгалтера издательства Тимтурина устанавливается, что «весь учет товара в магазине и выручки вела бухгалтерия издательства по накладным отпускаемого товара; какой учет у себя в магазине вел Симанович, я не знаю, так как весь учет велся в бухгалтерии».

Отвергнув возможность хищений книг самим Симановичем, нарсуд должен был бы притти

к выводу о том, что выведенная по документам недостача наличия в магазине объясняется недоставкой товара в магазин со склада (показания Зиринга и справка об излишках в складе), или путаницей в отчетности, но этого нарсуд не выяснил. В этой части суд признал, что — «в части повинна сама главная бухгалтерия»; но осталось совершенно не разъясненным, почему же вине главной бухгалтерии нарсуд приписал недостачу 2 023 р. 95 к., а вине Симановича — недостачу книг на 8 861 р. 35 к., хотя Симанович не был обязан вести никакой отчетности, и главная бухгалтерия сама вела весь учет магазина.

Обращает на себя внимание, что в процессе следствия было составлено обвинительное заключение о предании суду работников издательства Полянского и Тимтурина, которые «совершенно не позаботились о жестком контроле магазина как в смысле отпуска товаров в магазин, так и в смысле ведения отчетности у Симановича, но это обвинение затем было прекращено, причем в ходатайстве издательства по этому вопросу значится: «магазин с незначительным оборотом не нуждался в самостоятельной бухгалтерии, а потому и не имел ее, так как учет товаров и выручки был сосредоточен в бухгалтерии издательства».

Прекращение дела в отношении названных лиц могло объясняться только тем, что Симанович был предан суду по закону от 7 августа и обвинялся в хищениях, и мог совершать эти хищения один. Квалифицировав действия Симановича по ст. 111, нарсуду следовало привлечь в качестве обвиняемых и руководителей бухгалтерии издательства, допустивших плохое состояние отчетности и направить дело к доследованию.

Ни предварительное следствие, ни суд не выяснили основных моментов по делу. Приговор в значительной степени объясняется прошлой судимостью Симановича. В приговоре прямо указано: «учитывая прошлое Симановича (он судился в тяжком преступлении но ему это оказалось недостаточно)». Нарсуд, при отсутствии проверенных данных о совершении Симановичем нового преступления, вынес ему суровый приговор, основываясь на его прежней судимости.

Поэтому приговор нарсуда и утвердившее его определение КК облсуда не могут быть оставлены в силе: необходимо исследовать дело в части проверки фактов недоставки товаров со склада издательства Академии в магазин, в части наличия излишков на складе, а также в части привлечения к ответственности работников издательства, по вине которых отчетность бухгалтерии велась совершенно неудовлетворительно, и сведения, даваемые завмагом Симановичем, не проверялись (что привело к путанице и предположениям о недостачах).

Судебная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор нарсуда Центрального района г. Ленинграда от 26 октября 1934 г. отменить, передать дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, а Симановича из-под стражи освободить, под подписку о невыезде.

***

Решением нарсуда 3 уч. Бауманского района 25 августа 1934 г. — РЖСКТ «Инженер-ударник» было обязано представить Басову П. П. жилплощадь в размере 18 кв. м. Тем же нарсудом 29 октября при вторичном разборе дела было вменено в обязанность РЖСКТ предоставить Басову пригодную для жилья площадь до 1 декабря 1934 г. в размере не менее 9 кв м. 16 ноября 1934 г. определением кассколлегии Мосгорсуда решение нарсуда было оставлено в силе. Не довольствуясь этим, Басов подал жалобу в Верхсуд, и 4 марта 1935 г. Судебная коллегия Верхсуда признала, «что изъятие площади у члена РЖСКТ Басова и последующее вселение на эту площадь Алхазова, обменявшегося с Гектиным, было незаконным, почему Басов и подлежит вселению в изъятую у него площадь размером в 13,98 кв. м.», судебная коллегия определила: решение нарсуда от 29 октября и определение кассколлегии Мосгорсуда от 26 ноября изменить и предоставить Басову в доме РЖСКТ «Инженер-ударник» № 10 по Маросейке в кв. 41 комнату размером в 13,98 кв. м, изъяв ее у Гектина.

Судебной коллегией Гектину предоставлено право урегулировать свои взаимоотношения, вытекающие из обмена с Алхазовым в общем исковом порядке, а правлению РЖСКТ предоставлено право взыскать с Басова паевой взнос.

3/V 1935 г. президиумом Верхсуда РСФСР это решение было утверждено.

Прокуратура Союза опротестовала определение кассколлегии и постановление президиума Верхсуда по следующим основаниям.

Басов работая в Заводстрое зав. финотделом в 1931 г., получил ордер на занятие жилплощади из 2 комнат в указанной квартире и деньги в размере 3 тыс. руб. на внесение пая, в 1932 г. он переехал в указанную квартиру. 14 ноября 1932 г. Басов за нарушение финансовой дисциплины был снят с работы с извещением в печати о прекращении, выданной ему доверенности, после чего он в феврале 1933 г. уехал на работу в Игарку, получив броню на занимаемую площадь. С Игарки он вернулся в августе 1934 г., но паевого взноса до дня своего возвращения кроме 100 руб., внесенных в 1931 г., ни одной копейки не внес и деньги не вернул.

Басов не только не внес полученные 3000 р., но и не отчитался в одной тысяче восьмистах шестнадцати рублях 43 коп. (1.816 р. 43 к.), числящихся за ним. Таким образом он должен государству 4 816 р. 43 к.

Заводстроем было возбуждено против Басова уголовное преследование. Таким образом, броня, которую получил Басов уезжая, являлась недействительной и пайщиком он не считался, потому что пая не внес и регистрации не прошел.

Работая на Игарке, Басов прислал жене, по его заявлению, 6 000 рублей, а по показанию жены — 5 000 руб., но последняя, т. е. его б. жена из полученной суммы внесла паевых взносов 1 500 руб. от себя лично и согласно поданному ею заявлению была принята лично в члены РЖСКТ и за ней была закреплена одна из двух комнат, считавшихся раньше за Басовым. Вторая комната правлением была передана пайщику Алхазову, а последний обменялся жилплощадью с Гектиным.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила:

принимая во внимание, что из отпущенных Басову Заводстроем в 1931 г. 3 тыс. руб. на оплату паевого взноса в РЖСКТ «Инженер-ударник» Басов довъездовского пая до сих пор не внес;

2) что при таких условиях за Басовым право на спорную площадь признано быть не может;

3) что, с другой стороны, его б. жена Высоцкая, участвующая в настоящем деле в качестве третьего лица, явно нарушила оказанное ей доверие и вместо обеспечения прав на спорную квартиру уехавшего на Дальний север Басова, использовала полученные ею от Басова деньги (по ее словам 5 тыс. руб., а по утверждению Басова 6 тыс. руб.) и приобрела на эти деньги пай на свое имя и закрепила комнату за собой;

4) что это обстоятельство дает Басову основание к предъявлению к Высоцкой иска о перекреплении пая и комнаты Высоцкой на его имя, либо о возмещении ему причиненных убытков, — *определение* Верхсуда РСФСР от 13/IX 1934 г. отменить, в иске Басову отказать, разъяснив последнему о наличии у него права на предъявление к гр. Высоцкой иска, вытекающего из ее неправомерных действий.

**
*

Линсуд Екатерининской ж. д. приговорил за ряд злоупотреблений по службе зав. материальным складом ст. Долинская Радченко Анатолия Васильевича по закону 7/VIII 1932 г. к высшей мере наказания с конфискацией имущества, его заместителя по топливу Головинского Ивана Ивановича к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества и по ст. 56—30 п. «а» УК УССР, приходо-расходчика материального склада Вишневецкую Анну Тихоновну — к 2 г. лишения свободы условно с испытательным сроком на 5 лет и угольщика материального склада Дикалова Василия Семеновича — к 1 году и.-т. работ.

Транспортная коллегия Верхсуда приговор в отношении главного виновника Радченко отменила и дело возвратила для нового рассмотрения со стадии предварительного следствия, оставив в силе приговор в отношении Головинского, Вишневецкой и Дикалова.

В результате дополнительного расследования Радченко было предъявлено обвинение по ст.ст. 97 и ч. 1 ст. 100 УК. При рассмотрении же дела в линсуде 13—14/VI 1933 г. преступление Радченко было квалифицировано ст. 56—30 п. «а» УК, и он был осужден к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет.

Транспортная коллегия Верхсуда от 16/VII 1933 г. приговор оставила в силе, но по мотивам отсутствия корысти и личной заинтересованности переквалифицировала его преступление по ст. 99 УК УССР и понизила срок лишения свободы до 3 лет. Учитывая, что Радченко находится под стражей более 6 месяцев и что дальнейшая изоляция его от общества не вызывается необходимостью, транспортная коллегия заменила ему лишение свободы 1 годом и.-т. работ с вычетом 20% из зарплаты, а остальной срок лишения свободы определила считать условным с испытательным сроком в два года.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии в отношении Головинского по следующим основаниям:

1. Материалами предварительного и судебного следствий установлено, что незаконный отпуск топлива лицам, не работающим на ж.-д. транспорте, обмен топлива, труб, досок, мела, мазута и др. материалов с сельхозартелями и коммунами на масло, мед и др. продукты для личного потребления, а затем фиктивное списывание разбазаренного топлива и материалов производилось не только с ведома, но и по распоряжению Радченко.

Головинский, являясь заместителем Радченко, в преобладающем большинстве злоупотреблений выполнял лишь распоряжения Радченко и. само собой разумеется, нести большую ответственность, чем Радченко, не может.

Разница заключается лишь в том, что Головинский признал себя виновным в указанных злоупотреблениях, а Радченко не признал; тогда как материалами дела и показаниями остальных обвиняемых и свидетелей главенствующая роль Радченко во всех злоупотреблениях с бесспорностью установлена.

Было бы правильнее квалифицировать преступления Радченко и Головинского по ст. 97 УК УССР и приговорить на 3 года лишения свободы каждого, но определением трансп. коллегии от 16/VII 1933 г. Радченко лишение свободы заменено и.-т. работами и условным осуждением. Подвергать же Головинского более суровой мере наказания чем Радченко безусловно неправильно.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила:

принимая во внимание, что Головинский играл второстепенную роль, выполняя распоряжение Радченко переквалифицировать действия Головинского на ст. 97 УК УССР и определить Головинскому И. И. 2½ г. лишения свободы. Учитывая, что он содержится под стражей с 22/X 1932 г., из-под стражи его освободить.

**
*

Киуло И. А., б. рабочий протезного завода, выдвиженец, зав. магазином ЗРК того же завода нарсудом Ленинского района г. Москвы 3/X 1934 г. был осужден по ст. 109 УК на 3 года лишения свободы за то, что, будучи завмагом ЗРК, с целью злоупотребления допускал продажу мяса разных сортов по цене 1-го сорта, незаконно приобрел у неизвестного гр-на или учреждения 3 бочки патоки на 1476 руб., представил счет от ЗРК «Пролетарий», между тем как ЗРК «Пролетарий», по наведенным справкам, патоки не продавал и счета не выдавал; отпускал незаконно хлеб рабочим за 2 недели вперед, с целью злоупотребления брал из кассы деньги (получил из столовой деньги в сумме 246 руб. 45 коп.), к своим обязанностям относился безобразно, допуская порчу товаров, чем приносил ущерб магазину.

Кроме того на 1 и 16 июня выявились излишки товаров по магазину на 1017 руб.

КК Мосгорсуда приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза ССР при проверке дела не нашла доказанным факт злоупотреблений со стороны Киуло во всех приведенных деяниях.

Так, например, в приговоре Нарсуда указывается, что продавалось мясо разных сортов по цене 1-го сорта. Между тем в магазине, объявление о разных сортах мяса было для сведения покупателей вывешено (показание Воробьева, Доктора и др.). Мясо отпускал (и покупал) не Киуло, а продавец Афанасьев, а деньги проходили через кассу в доход магазина (показание зам. зав. Галкина). Что касается показания Галкина, который подтвердил наличие случаев продажи мяса в несоответствии с его сортностью и признал свою виновность в этих случаях, то за это надлежало бы осудить не Киуло, а Галкина. Вместе с тем Галкин осужден по ст. 111 УК к 1 году и.-т. работ по месту службы с удержанием с него 10% зарплаты.

Почему здесь было найдено злоупотребление со стороны Киуло — неясно, тем более, что в деле имеются показания целой группы рабочих, указывающих, что мясо продавалось по сортам.

Что касается покупки Киуло патоки, то покупка была разрешена председателем правления ЗРК Воробьевым.

Воробьев дает по этому поводу следующее показание: «... и патоку я действительно разрешил купить. Киуло принес образец и я велел брать и откуда она будет мне неизвестно».

В материалах дела имеется официальный счет, выданный ЗРК «Пролетарий».

В деле не имеется ни одного факта, который бы подтвердил заинтересованность Киуло в покупке патоки. Ни покупная цена, ни продажная ни в ком подозрения не вызывала.

Что касается самого факта уплаты наличными деньгами за эту патоку, то поскольку Киуло получил санкцию со стороны своего непосредственного начальника, вряд ли у суда имелись основания для осуждения его за эту покупку по ст. 109 УК, тем более, что судом все-таки не установлено, что Киуло знал, что эта патока продается незаконно.

Относительно присвоения 246 руб. 35 коп., полученных из столовой, на следствии Киуло заявил, что этих денег он не присвоил, а сдал в кассу. Это подтверждается справкой, имеющейся в деле.

Правда, один из подписавших ее, Галкин, заявил, что справку он подписал, не зная, проходили ли эти деньги через кассу, но кроме Галкина подписала справку также и кассирша Кочеткова, а ведь за кассу отвечала она. В этом случае суд должен был затребовать бухгалтерскую книгу правления ЗРК и это обстоятельство проверить.

Утверждение суда, что злоупотребления Киуло корыстного характера подтверждаются обнаруженными при ревизии излишками товаров, не соответствует действительности, так как материалы дела устанавливают, что ревизия заактировала и излишки и недостачу в одно и то же время (на 1 июля и на 15 июля 1934 г.).

В данном случае суд обязан был путем бухгалтерской экспертизы проверить, не являются ли ошибочными выводы ревизионной комиссии.

Указание приговора, что осужденный Киуло пьянствовал на своей квартире с продавцом магазина Афанасьевым (показание Шотникова) возбуждает большие сомнения ввиду того, что комфракция домоуправления и ряд членов ВКП(б), живущих в том же доме, удостоверяют, что Киуло является активным общественником и ведет скромный образ жизни.

Прокуратура СССР, ввиду указанной выше необоснованности обвинения Киуло в злоупотреблениях с корыстной целью и учитывая что:

Киуло является выдвиженцем протезного завода, на котором он проработал в качестве рабочего-шорника в течение 19 лет безупречно, взысканиям не подвергался, опыта по торговой работе не имел;

что в деле имеются прямые утверждения и указания на существование склоки между осужденными: Киуло, с одной стороны, и основными обвинителями Киуло—предправления ЗРК Воробьевым и главбухом Доктор — с другой—на почве вымогания последними продуктов сверх нормы,—приговор нарсуда и определение КК Мосгорсуда опротестовала. Вторая коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: приговор суда в целом отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

***

Гр. дер. Гангозеро Кондопожского района КАССР Полтусов В. С. купил за 40000 руб. ½ дома у гр. г. Петрозаводска Богдановой Е. И., причем в договоре, заключенном между ними, сумма договора была уменьшена до 2000 руб. с целью меньшей уплаты госпошлин.

Это дело первоначально рассматривалось по иску прокуратуры нарсудом г. Петрозаводска от 21/XI 1934 г. Нарсуд на основании ст.ст. 20 и 147 ГК решил приговор купли-продажи части дома расторгнуть, уплаченные деньги передать в доход государства, а купленную часть дома в горсовет.

Кассколлегия Главсуда КАССР от 4/XII 1934 г. это решение отменила и передала на новое рассмотрение в тот же нарсуд, но другого состава; дело это по протесту прокурора перешло в президиум Главсуда, который в заседании своем от 25/II 1935 г. по вопросу о расторжении договора постановил: С протестом прокурора согласиться и решение нарсуда от 26/XI 1934 г. по делу № 2469 в части расторжения договора купли-продажи части дома, заключенного между Полтусовым и Богдановой, считать вынесенным правильно. В остальной части решение нарсуда и определение КК Главсуда от 4/II изменить и направить материал в этой части для установления суммы уплаты за проданную часть дома в Прокуратуру КАССР для расследования по признакам ст. 169 УК.

Прокуратура СССР опротестовала постановление президиума Главсуда КАССР в этой части по следующим основаниям:

Постановление президиума Главсуда о расторжении в порядке ст.ст. 30 и 147 ГК договора купли-продажи необосновано, ибо сделка по покупке дома сама по себе ничего противозаконного собою не представляет, не является обходом закона и не наносит ущерба государству.

Факт уменьшения Полтусовым и Богдановой суммы договоров следует считать, на основании свидетельских показаний при разборе дела в нарсуде от 21/XI 1934 г., вполне установленным. Также и президиум Главсуда в мотивировочной части своего постановления от 25/II 1935 г. это признает и на этом основании и подтверждает решение нарсуда от 21/XI 1934 г. о расторжении договора.

Поэтому предложение президиума Главсуда о направлении материалов в Прокуратуру для установления действительной суммы, уплаченной за проданную часть дома, лишено всяких оснований и должно быть отменено.

Незаконно в данном деле то, что Богданова и Полтусов с целью меньшей оплаты государственных пошлин проставили в договоре купли-продажи части дома преуменьшенную с 4 до 2 тыс. руб. сумму договора, и за это именно оба подлежат привлечению к ответственности.

Но это преуменьшение суммы договора есть преступление не имущественное, а преступление против порядка управления, почему и должно караться не по ст. 169 УК, а по ч. 1 ст. 62 УК «за сокрытие объектов обложения», или, что одно и то же, за сокрытие части суммы, в действительности уплаченной за купленную часть дома, что имело место в данном деле.

Гражданская коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила решение нарсуда г. Петрозаводска от 21/XI 1934 г. и постановление президиума Главсуда от 25/II 1935 г. в части, касающейся этого решения и возбуждения уголовного дела по признакам ст. 169 отменить и истцу о признании договора недействительным в иске отказать.

***

Линейный суд Рязано-Уральской ж. д. признал виновным в расхищении грузов из вагонов и приговорил Никишиных Александра и Михаила к высшей мере наказания—расстрелу, Бумагина — к 10 годам лишения свободы.

Определением транспортной коллегии Никишиным расстрел был заменен 10 годами лишения свободы.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

Суд признал осужденных по делу виновными в систематическом расхищении грузов из товарных вагонов на путях ст. Ртищево. Конкретно суд признал их виновными в похищении 506 кг риса, 2 бочек рыбы, 170 пачек папирос, оружия и огнеприпасов.

Убеждение суда в том, что обвиняемые Никишины и Бумагин похитили 506 кг риса, основано только на материалах предварительного следствия, оставшихся без всякой проверки во время судебного заседания.

Как видно из имеющегося в деле коммерческого акта № 143, в вагоне № 618254 не оказалось 2 мешков риса. Исходя из протокола обыска, можно было притти к выводу, что этот рис (два мешка) был похищен осужденными. Но отсюда нельзя было сделать вывода, что Бумагин и другие обвиняемые по делу похитили 506 кг риса, так как совершенно очевидно, что вес двух мешков риса значительно меньше, чем 507 кг.

Суд признал доказанным похищение двух бочек рыбы. В то же время в деле, кроме показания обвиняемых Никишиных, признавшихся в краже одной бочки рыбы, нет никаких доказательств того, что были похищены 2 бочки.

Самым тяжким обвинением осужденных было обвинение их в краже из вагона 3 наганов, 1000 штук патронов и 10 гранат. Суд пришел к выводу о том, что осужденные по делу имели в виду организовать банду грабителей. Этот вывод, а равно и обвинение Бумагина и братьев Никишиных в хищении воинского груза основано исключительно на оговоре Никишина неким гр. Савинкиным, сидевшим вместе с Никишиным в тюрьме. Савинкин дал свои показания якобы со слов обвиняемого Никишина. Других доказательств хищения оружия и огнеприпасов в деле нет. Тяжесть этого обвинения обязывала суд особенно серьезно отнестись к проверке его в судебном заседании. Однако суд согласился и с этим пунктом обвинительного заключения, не вызвав и не допросив ни одного свидетеля по делу.

Признав Бумагина и Никишиных виновными в похищении грузов, суд неправильно квалифицировал их деяния по ст. 59[3]б, карающей за нарушение трудовой дисциплины на транспорте.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: переквалифицировать действия Бумагина М., Никишина Александра и Михаила на ст. 162 п. «д», определив Бумагину Максиму и Никишину Александру по 3 года лишения свободы каждому, а Никишину Михаилу, как работнику охраны 5 лет лишения свободы.

***

Краснов Трофим Григорьевич, стрелочник ст. Барнаул, был осужден линсудом Омской ж. д. 23/III 1934 г. по ст. 59[36] УК к 2 г. лишения свободы с запрещением три года работать в должностях, связанных с движением.

Транспортная коллегия приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии по следующим обстоятельствам:

15/II 1934 г. 20 ч. 50 м. с разъезда 18 на ст. Барнаул принимался поезд № 1001. ДСП Томашин отдал распоряжение ст. стрелочнику Краснову приготовить маршрут на первый путь. Это распоряжение Краснов передал младшему стрелочнику Парфенову. Не проверив правильности выполнения распоряжения, Краснов сообщил ДСП о готовности маршрута и, получив разрешение на открытие семафора, Краснов распорядился открыть семафор, что и было выполнено. В момент приема поезда № 1001 производились маневры паровозом № 562, которые ДСП не прекратил за 15 мин. до прихода поезда, а так как стрелка была приготовлена для маневров и стрелочник Парфенов ее не переделал для приема поезда 1001, последний был принят на занятый паровозом путь, отчего произошло столкновение.

Суд признал основным виновником аварии Краснова, который как ст. стрелочник не проверил заданного маршрута. Однако, по делу установлено, что основная вина в аварии ложится на мл. стрелочника Парфенова, который

не выполнил заданного ему маршрута, и судом приговорен к и.-т. работам на один год.

Кроме того виноват в аварии ДСП Томашин, ибо он знал, что паровоз производит маневры и что путь маневров лежит через стрелку № 1, через который должен был быть принят п. № 1001 ДСП 5, обязан был приостановить маневры. Однако ДСП совсем не привлекался по делу, а сейчас привлечь его уже нецелесообразно.

Из показаний свидетелей установлено, что агенты ст. Барнаул плохо знали свои обязанности, занятия по техзнаниям не производились. Семафор никогда не запирался на ключ. За все это ответственность лежит на руководителе станции и это смягчает вину Краснова, который так же, как и другие агенты, хорошо знаком со своими обязанностями не был.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определенную Краснову Транспортной коллегией меру наказания считать условной с испытательным сроком в 1 год.

**
*

В преступлении предусмотренном постановлением ЦИК и СНК от 7 августа 1932 г. и по ст.ст. 109 и 111 УК, были преданы суду и линейным судом МББ ж. д. приговорены Домановский и Рудаков к 2 годам лишения свободы каждый; Хрулев, Натаров и Гомаюнов — к принудительным работам; Иголкин, Манковецкий, Щербин и Голиков — к 10 годам лишения свободы каждый и Дашкевич к высшей мере соцзащиты — расстрелу; Кононов оправдан.

Определением Транспортной коллегии Верхсуда приговор в основном был оставлен в силе со следующими изменениями: в отношении Хрулева дело прекращено: Домановскому и Рудакову — лишение свободы переведено в условное; в отношении Манковецкого — преступление переквалифицировано на ст. 111 УК и наказание определено в 2 года лишения свободы; Дашкевичу — высшая мера соцзащиты заменена 10 годами лишения свободы.

Прокуратура Союза приговор линсуда по означенному делу, оставленный в силе, Транспортной коллегией Верхсуда СССР опротестовала по следующим основаниям:

Определением линсуда от 17 декабря 1933 г. настоящее дело при первом его рассмотрении было возвращено к доследованию по тем мотивам, что обвиняемым предъявлено обвинение в систематических злоупотреблениях, но по делу точно не установлено, в чем заключалось злоупотребление; из имеющегося акта ревизии этого усмотреть нельзя; в самом обвинительном заключении было указано, что ревизия не доведена до конца и ряд данных ревизии был опротестован, а злоупотребления вытекают лишь из проверки, сделанной работниками ТОГПУ, но без анализа экспертизы. При наличии таких дефектов (как, далее, указывает линейный суд), учитывая, что обвинение построено только на документах, и свидетели ничего существенного не показали, суд считает необходимым назначить экспертизу для проверки всей работы обвиняемых.

Как видно из дела, проверки всей деятельности обвиняемых или полной ревизии произведено не было, и органы следствия ограничились лишь истребованием заключения от ст. коммерческого ревизора дороги по вопросу анализа торговых листов — актов; из заключения эксперта нельзя притти к определенному выводу и неизвестно, на какую сумму причинен государству ущерб, но видно, что грубо нарушались правила о ликвидации грузов, испорченные продукты уничтожались без всяких актов; оценка продуктов, передаваемых в столовую, производилась не в соответствии с существующими нормами; недополучено масла— нетто 20 кг, что составляет недобор 100 руб., недовзыскано 261 руб. 40 коп.; несвоевременно внесено в кассу 938 руб. 25 к., обнаружено 9 фиктивных актов.

Бухгалтерской экспертизы по документам столовой, в которой работали Щербин и Голиков, произведено не было, почему вопрос о их преступных действиях не исследован с достаточной полнотой, хотя в деле и имеются данные, что они принимали участие в злоупотреблениях, совершенных Дашкевичем и Иголкиным.

Из самого текста приговора следует притти к тому выводу, что преступления обвиняемых предусмотрены ст. 109 УК, а не законом 7 августа 1932 г.

Вопрос о даче взяток Дашкевичу обвиняемым Голиковым неясен, свидетельских показаний по этому поводу не имеется, а Голиков в даче взяток виновным себя не признал.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, п о с т а н о в и л а: переквалифицировать их действия на ст. 109 УК, определив Голикову А. М. и Дашкевичу В. С. по 5 лет лишения свободы, а Иголкину И. Н. и Щербаку по 3 года лишения свободы каждому.

**
*

Приговором Акбулах-Манглисского нарсуда, утвержденным кассколлегией Верхсуда ССР Грузии, четверо крестьян деревни Дидитанеты: Давид Бадурашвили, Дата Мчелидзе, Исаак Терезов и Симон Надирадзе были приговорены — первые трое к 10 годам, а последний к 5 годам лишения свободы, по обвинению в разбойном нападении, убийстве и ограблении проезжего осетина Георгия Козашвили.

Прокуратура Союза опротестовала приговор как необоснованный по следующим основаниям:

Никаких объективных данных, которые подтверждали бы причастность кого-либо из обвиняемых к этому убийству, по делу не было установлено и все обвинение против них основано на показаниях свидетеля Дата Надирадзе, принятых судом на веру, без всякой попытки их критического анализа.

Между тем как содержание его различных показаний, так и та обстановка, в которой эти показаниям им давались, не дают никаких оснований для такого к ним доверия.

Дата Надирадзе дал на протяжении дела целый ряд показаний, характерных тем, что в каждом из них те же факты рассказываются по-иному.

Начал он с того, что он не видел, как убивали Козашвили. Затем признался, что наблюдал убийство издали. Потом сказал, что на-

ходился настолько близко, что когда, он попытался бежать и камень попал ему при этом под ноги, то шум его привлек убийц, которые велели ему подойти к ним.

По вопросу о том, кто убивал, он сперва заявил, что это дело рук каких-то неизвестных горцев. Родственникам убитого он сказал, что «убили убийцы, фамилии и имена не называл».

Милиционеру Мчелидзе он показал, что убийцами являются горцы из села Надбеури, которых он знает в лицо, но не знает по фамилиям. Свидетелю Табуашвили рассказал, что убили сторожа.

И только после того, как он неделю просидел под арестом по подозрению в этом убийстве, он впервые назвал в качестве убийц Бадурашвили и старика-колхозника Торозова. После этого его освободили, а их арестовали. Недели две спустя, при новом допросе он оговаривает еще двух: Симона Надирадзе и Дата Мчелидзе.

Такая же путаница и противоречия имеются и в его показаниях по поводу места совершения убийства: в показании от 9/VIII он говорит, что не знает, где было совершено убийство, так как видел лишь как Бадурашвили и Торохов тащили труп. А в дальнейшем заявляет, что видел все подробности убийства. В одном показании говорит, что вблизи места убийства находились рабочие колхоза, а затем утверждает, что по близости никого не было, кроме него. В одном случае показывает что Козашвили сначала нанесли удар камнем по голове, а затем говорит, что Бадурашвили зарезал его кинжалом.

Свидетелю Коле Шавишвили Надирадзе признался, что он свалил на Мчелидзе и Бадурашвили, так как его Торозов уговорил назвать кого-нибудь и тогда, мол, тебя отпустят, что он и сделал.

Сбивчивые, путаные, взаимно противоречащие показания этого «очевидца», не заслуживают никакого доверия. Были ли они продиктованы желанием поскорее освободиться, или чьим-то подговором, или желанием свести старые счеты кое с кем из обвиняемых, поскольку этот вопрос на расследовании и на суде не проверялся, установить трудно. Но во всяком случае неполноценность показаний Надирадзе совершенно очевидна.

Поверив на слово этому явно скомпрометированному свидетелю, нарсуд без всяких мотивов отверг целый ряд показаний колхозников, в том числе пред. колхоза и парторга, удостоверяющих, что обвиняемые в то время, когда происходило убийство, находились в нескольких верстах от места преступления, работая у них на глазах на полевых работах. И даже объективный документ запись трудодней — не была принята во внимание судом.

Все четверо осужденных — середняки и бедняки — по свидетельству близко их знающих односельчан, парторганизации, правления колхоза и сельсовета являлись честными советскими людьми, ни один из них никогда не был замечен ни в чем предосудительном. Осуждение их было расценено местным населением, как судебная ошибка, что подтверждается обращением местных организаций к прокурору СССР.

На таком материале, как показания Надирадзе, строить обвинительный приговор в отношении четырех, ничем ранее не опороченных трудящихся крестьян, нельзя.

Пленум Верховного суда Грузии, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, п о с т а н о в и л: приговор Агбулах-Манглисского нарсуда отменить и дело дальнейшим производством прекратить.

**
*

Нарсуд Краснопресненского района г. Москвы 16 августа 1934 г. приговорил Павлушиных Анну и Марию по ст. 107 УК к 5 годам лишения свободы.

При расследовании настоящего дела и рассмотрении его судебными органами (народным судом, КК Мосгорсуда и президиумом Мосгорсуда) было допущено грубейшее нарушение закона.

15 августа 1934 г. на Инвалидном рынке в Москве по указанию оперуполномоченного Сыкачева была задержана с 5 кг риса гр. Павлушина Анна, жена рабочего завода № 89, и с 3 литрами растительного масла Павлушина Мария, жена рабочего-ударника Дирижаблестроя.

В тот же день в отсутствии обеих задержанных, в отсутствии их мужей и вообще кого бы то ни было из проживающих вместе с Павлушиными, был произведен обыск в комнате, где вместе живут обе семьи Павлушиных. Этот обыск зафиксирован в деле в виде клочка бумаги, именуемом «Описью», в которой перечислены некоторые предметы («желтого» металла 1 кольцо, белых три рубля, белых полтинников 21 шт., три иностранные монеты, мыла хозяйственного 17 кусков, мыла туалетного 21 кусок, рису около пуда, соды в рассыпанном виде пудов около 2 без указания, когда, где, у кого эти предметы найдены. Кроме того из другого документа от того же числа «из протокола обыска» видно, что найдено 7790 руб. и 4 литра масла.

В процессе дознания обе Павлушины по вопросу о принадлежности и происхождении найденных денег и продуктов давали довольно путаные неясные показания. Но во всяком случае своей вины в систематической спекуляции, в чем они были заподозрены, они не признавали.

Кроме указанного выше, в процессе дознания не было получено решительно ничего, что могло бы расцениваться как бесспорное доказательство вины Павлушиных в спекуляции. Показания того же оперуполномоченного Сыкачева не могут быть в этом смысле приняты в расчет в силу их совершенно очевидной противоречивости. Достаточно сказать, что Сыкачев, дававший показания 15 августа 1934 г. и проработавший к тому времени в качестве оперуполномоченного, как он сам утверждает, «всего несколько дней» и до этого Павлушиных не знавший утверждал, однако, как об известном ему факте, что Павлушины занимаются спекуляцией с начала 1934 г.

Показания же свидетеля Лобанова, соседа Павлушиных, ничего компрометирующего не содержали, наоборот, Лобанов давал о семье Павлушиных прекрасный отзыв.

При наличии такого рода совершенно недостаточных данных дознания Павлушины на следующий же день, 16 августа, в присутствии единственного свидетеля, того же Сыкачева, без прокурора, без защиты, без единой попытки выяснить, что за деньги и продукты были

найдены, у кого, при каких обстоятельствах, без всякого выяснения личности, обвиняемых, были осуждены дежурной камерой нарсуда к 5 годам лишения свободы по ст. 107 УК.

26 августа 1934 г. это дело рассматривалось кассколлегией Мосгорсуда. Кассколлегия не обратила внимание на грубейшее искажение процесса, допущенное судом в этом деле, не указала на недопустимость в силу ст.ст. 361 и 362 УПК рассмотрения такого дела дежурной камерой и оставила в силе приговор. Принимая во внимание семейное положение осужденных — у обоих Павлушиных есть малолетние дети — кассколлегия ограничилась только тем, что заменила лишение свободы им и.-т. работами по 1 году.

Павлушины были освобождены, стали отбывать исправительно-трудовые работы и уже отбыли половину срока. Но затем по протесту председателя Мосгорсуда это дело предстало перед президиумом Мосгорсуда. И Мосгорсуд, сочтя возможным по абсолютно не расследованному делу признать в действиях Павлушиных наличие систематической спекуляции, передал дело на новое рассмотрение в кассколлегию, которая 22 марта с. г. восстановила приговор суда о 5 годах лишения свободы.

Считая, что названные выше судебные органы проявили совершенно недопустимое упрощенство, в рассмотрении этого дела, проявив полное непонимание своей задачи жесткой борьбы со спекуляцией, однако культурными методами советского процесса, что никаких оснований для рассмотрения данного дела в дежурной камере не было, что передавать дело на новое расследование теперь по истечении значительного периода является бесцельным, что на основании имеющихся в деле материалов Павлушиным можно поставить в вину лишь действия, предусмотренные ч. 1 ст. 105 УК, и имея в виду личность осужденных (жены рабочих, впервые судимые), приговор суда и все последующие постановления и определения Мосгорсуда по этому делу подлежат отмене, действия Павлушиных надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 105 УК и в части наказания ограничиться отбытым ими сроком лишения свободы и и.-т. работами, Павлушину Марию, находящуюся в тюремной больнице, из-под стражи освободить.

Вторая коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила отменить постановление президиума от 26/II 1935 г. и определение кассколлегии Мосгорсуда от 22/III 1935 г., оставив в силе определение кассколлегии от 26/VIII 1934 г., заменившее лишение свободы Павлушиным и.-т. работами и из-под стражи их немедленно освободить.

**
*

25 октября 1934 г. нарсуд 2 уч. Ленинского района г. Москвы приговорил Постникова А. И. по ст. 109 УК к 2 годам лишения свободы, Мельникову М. С., по ч. 2 ст. 112 УК, Зубкова А. И. по ст. 111 УК к 6 месяцам и.-т. работ каждого, Кунина С. И., Панкова В. И., Соколовского И. С. по ст. 111 УК к 1 г. и.-т. работ каждого.

Гражданский иск Ленинского общества потребителей был удовлетворен полностью со взысканием солидарно—2765 р. 52 к. с Кунина, Зубкова и Соколовского, 4463 руб. с Кунина и Соколовского и 1053 руб. с Постникова.

10 ноября 1934 г. КК Мосгорсуда указанный приговор суда был оставлен в силе со следующим изменением его в части гражданского иска: «взыскать с Постникова — 3000 руб., с Кунина, Зубкова, Соколовского и Панкова по 700 руб. с каждого.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение КК горсуда в отношении осужденных Панкова и Мельниковой, а определение КК кроме того и в части гражданского иска по следующим основаниям:

С декабря 1933 г. в магазине № 64 был введен количественный и сортовой учет товаров с выдачей товаров из кладовой магазина под отчет продавцам. При этой системе учета ответственными за хранение товаров в кладовой являются кладовщики, а за хранение товаров в магазине продавцы, получившие их в подотчет.

Обнаруженная при проверке и подтвержденная бухгалтерской экспертизой недостача товаров в сумме 6868 р. 65 к. касалась только товаров, хранившихся в кладовой, за каковую недостачу и являлись ответственными специально выделенные кладовщики: Кунин, Зубков и Соколовский.

По каким основаниям бухгалтерская экспертиза, а затем и суд, установили ответственность за недостачу товаров, в кладовой заместителей заведующего магазином Панкова и Мельниковой, по материалам дела, выяснить не представляется возможным.

Возбуждая дело о недостаче товаров в кладовой магазина № 64 Ленинское общество потребителей имело в виду ответственность за эту недостачу зав. магазином Постникова и кладовщиков Дунина, Зубкова и Соколовского.

Из материалов дела видно, что кладовая магазина № 64, в которой была обнаружена недостача товаров, была недостаточно оборудована и что учет товаров по новой системе в магазине № 64 велся неудовлетворительно.

В какой мере Панков и Мельникова как заместители зав. магазином являлись ответственными за эти недочеты, судом не установлено, считать же их ответственными за имеющиеся в деле учета и хранения товаров в кладовой магазина упущения, только исходя из служебного положения, не представляется возможным, тем более, что недостача товаров образовалась в течение полуторамесячного срока.

Что касается зав. магазином Постникова, то с его стороны были установлены злоупотребления по службе, в связи с чем он и осужден по ст. 109 УК.

В отношении гражданского иска у КК горсуда не было никаких оснований возлагать большую часть материальной ответственности за недостачу товаров на осужденного Постникова, так как материалами дела вполне установлено, что ответственными за недостачу товаров по кладовой являлись кладовщики.

Поэтому более правильным являлось решение суда 1 инстанции, по которому 6868 р. 65 к. за недостачу товаров были взысканы с кладовщиков, а 1053 руб., числившиеся лично за завмагом Постниковым, были взысканы с него.

Вторая коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор нарсуда и определение КК Мосгорсуда в части осужденных Панкова и Мельни-

ковой отменить и дело в отношении их производством прекратить, в отношении гражданского иска определение КК Мосгорсуда отменить и оставить в силе в этой части приговор нарсуда.

**
*

14/XII 1934 г. нарсуд по делам Моснарпита приговорил зав. столовой строительного участка Вахновецкую Этту Абрамовну за превышение цен на обеды к 2 годам лишения свободы условно.

Кассационная коллегия Мосгорсуда определением от 6/I 1935 г. отменила приговор нарсуда за мягкостью избранной судом меры социальной защиты и направила дело на новое рассмотрение.

В результате нового рассмотрения дела 1/II 1935 г. нарсуд приговорил Вахновецкую к 1 г. 6 м. лишения свободы.

Приговор нарсуда был оставлен кассколлегией в силе.

Прокуратура СССР опротестовала приговор нарсуда по следующим основаниям.

При проверке столовой было установлено, что Вахновецкая при отпуске обедов 27/XI 1934 г. установила цену за гороховый суп 27 коп. вместо полагающихся 17 и за пшенную запеканку 39 коп. вместо 29 коп. Благодаря этому с рабочих было перебрано 32 р. 50 к.

По показаниям Вахновецкой и свидетельницы Рязанцевой, превышение цен явилось следствием того, что в этот день Вахновецкая и Рязанцева, получая обеды на фабрике-кухне, забыли взять накладную. Возвратиться за накладной из столовой Вахновецкая не могла, так как фабрика-кухня задержала в этот день выдачу обедов на 1½ часа (показания на суде свидетеля Рыбина), и Вахновецкая из-за этого приехала с обедами на участок к самому моменту открытия столовой. Она посылала работницу Рязанцеву (по вине которой накладная была оставлена) съездить за накладной, но Рязанцева не поехала, так как должна была приступить к отпуску обедов (показания на суде свидетельницы Рязанцевой). Справиться о цене на отпущенные фабрикой-кухней блюда другим способом Вахновецкая не могла, так как в столовой не было телефона, а фабрика-кухня находилась от столовой на расстоянии 6 километров (показания на суде свидетеля Рыбина, производившего проверку столовой). Задержать выдачу обедов Вахновецкая также не могла, так как рабочие приходили обедать в свой перерыв и, конечно, не имели возможности ждать.

Ошибка при назначении цен на суп и пшенную запеканку объясняется тем, что именно эти блюда за все время работы Вахновецкой ни разу в столовую не отпускались, и Вахновецкая не могла знать обычную их цену. Но за два месяца до этого в столовую была отпущена картофельная запеканка по цене 39 коп. (справка фабрики-кухни). При вынужденном ориентировочном назначении цены на пшенную запеканку Вахновецкая естественно назначила эту именно цену. На другие блюда как поступавшие ежедневно повышения цен не было. Наоборот, на одно из блюд цена была назначена ниже действительной (показания свидетеля Рыбина в протоколе первого судебного заседания). Перебранные с обедающих деньги Вахновецкая сдала в кассу. На следующий день эти деньги были возвращены рабочим путем соответствующего понижения отпускной цены на блюдо (см. справка строительства).

Таким образом из всех материалов этого дела с совершенной очевидностью вытекает, что в действиях Вахновецкой не было ни умысла, ни корыстности, ни систематичности. Иначе говоря, не было ни одного из моментов, которые дают основание для привлечения к уголовной ответственности, в частности за превышение цен. При этом необходимо учесть, что ущерба от действий Вахновецкой обедающие не понесли (перебор возвращен). Утверждения нарсуда о том, что Вахновецкая накладную взяла или что она имела возможность съездить за ней, не только ни на чем не основаны, но противоречат всем материалам дела.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда от 1 февраля 1935 г. и определение кассколлегии Мосгорсуда от 14 февраля 1935 г. отменить и дело по обвинению Вахновецкой производством прекратить за отсутствием состава уголовного преступления.

**
*

Народный суд 1 участка г. Махач-Кала осудил по ст. 58[7] УК к 10 годам лишения свободы налогового инспектора Махач-Калинского горфо Алехина А. П. Кассколлегия Дагглавсуда переквалифицировала деяние Алехина на ст. 109 УК, снизила ему наказание до 3 лет лишения свободы.

Прокуратура Союза опротестовала приговор по следующим основаниям:

Народный суд признал Алехина виновным в систематических хищениях со склада фин-отдела разных ценных предметов: ковров, мануфактуры и т. д., в подлогах, совершенных в целях присвоения денежных сумм, в спекуляции и т. д.

Несмотря на всю серьезность предъявленного Алехину обвинения, нарсуд не указал ни одного конкретного случая из приписываемых Алехину преступлений. В материалах предварительного следствия имеются указания на ряд незаконных действий, совершенных Алехиным; однако суд не проверил ни одного из этих указаний за исключением эпизода с ковром.

На предварительном следствии Алехину было предъявлено обвинение в присвоении ковра. Алехин в суде признался в покупке на складе горфо этого ковра, никаких данных о хищениях нескольких ковров не было добыто ни предварительным, ни судебным следствием, однако суд признал его виновным в хищении ковров.

Предварительным следствием устанавливалось пьянство Алехина за счет средств горфо с работниками, ведшими работу по борьбе с нелегальной торговлей, расходы эти оформлялись путем подлогов; нарсуд признал виновным Алехина в этих подлогах, не проверив данных предварительного следствия и не поинтересовавшись, кто именно пьянствовал с Алехиным за счет государственных средств.

Обвинение Алехина в связи с частниками также не конкретизировано. На судебном

следствии этому вопросу внимания не было уделено, и все же нарсуд нашел возможным включить это обвинение в приговор.

Обращает на себя внимание грубая небрежность, допущенная судом в отношении материалов дела, — протокол судебного заседания велся крайне небрежно, подшит к делу неполностью, вместе с тем в деле имеется два листа протокола, относящихся, видимо, к другому делу. Это обстоятельство вызывает необходимость в пересмотре дела, так как имеющийся протокол судзаседания не дает полной картины судебного следствия.

Коллегия по уголовным делам Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: приговор нарсуда и определение кассколлегии Дагестанского главсуда отменить и дело обратить к новому рассмотрению со стадии предварительного следствия через Прокуратуру РСФСР.

В институте уголовной политики

О лаборатории научно-судебной экспертизы

Ни по одному вопросу в работе органов юстиции мы не видели такого единодушия, как в факте признания, что самым слабым участком органов юстиции является народный следователь. На конференциях, собраниях или просто в беседе каждый оратор стремится подобрать особо колоритный материал в доказательство плохой следственной работы. Задача эта очень простая, потому что на это не надо ни времени, ни уменья: примеры плохой работы имеются почти в каждом деле.

Но вот как реально помочь народному следователю выйти на широкую дорогу научной постановки расследования преступлений, вооружить следователя знаниями и аппаратурой современной борьбы с преступностью—об этом говорят мало.

Развитие советской общей техники гигантски шагнуло вперед. Заводские лаборатории, лаборатории научно-исследовательских институтов в области химии, физики и биологии, делая все новые и новые открытия, дают возможность неимоверно обогатить арсенал методов раскрытия преступлений, поднять технику расследования на уровень современной науки.

На основе достижений химии можно с абсолютной научной достоверностью производить исследование пыли, почвы, различных пятен, ядов и т. д. А это иногда в деле раскрытия преступлений окажется решающим. Пыль, осевшая в ушах во время подкопа магазина, грязь под ногтями — все это может быть абсолютно достоверными доказательствами, но для правильного использования их нужна современная техника, нужны люди, обладающие этими знаниями.

Такие возможности дает современная наука. Но для нашего следователя эта возможность еще не стала действительностью. Его единственными средствами остаются плохая бумага (да и той порой нет) и чернила. Пишет, допрашивает. Допрашивает, пишет. Вот и все. Вещественные доказательства, порой и добытые, некуда направить на исследование. Обнаружить и сохранить следы преступления нехватает иногда знания, а чаще всего средств.

Главное для работы расследования — это обнаружить и сохранить следы преступления. Привлечь во время эксперта. Сам следователь должен быть всегда вооружен хорошим фотоаппаратом, специальной аппаратурой, сантиметром, электрофонарем, принадлежностями для проявления и снятия пальцевых отпечатков. И, главное, хорошо быть знакомым с основами этой техники.

Все эти положения давно уже являются аксиомами для работника расследования, но наш следователь обо всем этом только мечтает.

Нужно прежде всего перейти от слов к делу и серьезно заняться вооружением нашего следователя знаниями и средствами научной борьбы с преступностью.

Исходя из всего этого, нужно особенно приветствовать начинание Института уголовной политики, организовавшего лабораторию научно-судебной экспертизы. Организацией лаборатории положен первый камень действительной борьбы за поднятие качества работы следователя.

К настоящему времени приобретена основная аппаратура и лаборатория считается открытой. На первый период к разработке намечено две темы: 1) разработка вопроса об использовании пальцевых отпечатков, оставленных на шероховатых поверхностях, и о закреплении следов пальцев рук, проявленных на бумаге; 2) использование невидимых лучей в качестве метода исследования вещественных доказательств.

Наличие имеющегося оборудования лаборатории и специальных приборов обеспечивают возможность производить следующие виды экспертизы:

1. Установление личности писавшего документ путем сравнительного исследования почерка.

2. Обнаружение и фиксирование подделок, выполненных путем выскабливания, травления, подчисток, подправок и т. п.

3. Восстановление текстов, удаленных в целях подделок механическим или химическим путем.

4. Выявление текстов, закрытых различными красящими веществами.

5. Выявление текстов, написанных секретными чернилами.

6. Установление разницы во времени написания отдельных частей документа.

7. Установление подделок подписей, выполненных путем подражания обычным подлинным подписям, копировки с подлинных подписей и т. д.

8. Установление подлинности или поддельности оттисков печати, штампов и т. п.

9. Установление тождества или отсутствие тождества бумаги или чернил а также тождества отдельных частей бумаги по линиям отрыва.

10. Обнаружение и закрепление следов пальцев, оставленных на документе.

11. Доказательство злоумышленного вскрытия пакетов и пр.

Главная цель лаборатории — это ее научно-исследовательская работа. Производство отдельных экспертиз будет производиться в ограниченном порядке по требованию Прокуратуры Союза, НКЮ РСФСР и верховных судебных органов союзных республик.

Кроме этого лаборатория будет издавать аннотации статей, помещенных в иностранных журналах по вопросам техники расследования. Эти аннотации ставят целью ознакомление наших следственных работников с достижениями европейской и американской уголовной техники.

Большое препятствие в деле развертывания работы лаборатории — это отсутствие достаточного количества подготовленных кадров и средств. В этом отношении Прокуратура Союза и НКЮ РСФСР должны пойти навстречу институту и создать все возможности для более плодотворной работы лаборатории.

В борьбе за повышение качества следственной работы лаборатория может сыграть не последнюю роль.

С. Митричев.

Официальный отдел

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОМИССИИ СОВЕТСКОГО КОНТРОЛЯ ПРИ СНК СССР

О травле начальника станции Севастополь т. Сахновского

Комиссия советского контроля считает установленным что выявленные уполномоченным КСК по Крымской АССР факты травли начальника станции Севастополь т. Сахновского со стороны прокурора 6 эксплоатационного отделения Екатерининской ж. д. Орлова, следователя Скибы и б. соцсовместителя Мазина полностью подтвердились.

Вместо помощи и поддержки молодого специалиста, инженера Сахновского, который вывел станцию Севастополь из прорыва на первое место по району, тт. Орлов и Скиба вмешались в его практическую работу и завели без всяких на то оснований на работников станции уголовное дело с целью дискредитации т. Сахновского.

Комиссия советского контроля **постановляет:**

1. За организацию травли молодого специалиста—начальника станции Севастополь т. Сахновского—прокурора 6 эксплоатационного отделения т. Орлова с работы снять и запретить ему работать в судебно-следственных органах в течение двух лет.

2. За травлю т. Сахновского и за грубое нарушение единоначалия следователя прокуратуры 6 эксплоатационного отделения Скибу с работы снять и запретить ему работать в судебно-следственных органах.

3. Принять к сведению, что постановлением уполномоченного КСК по Крымской АССР начальник группы снабжения вагонного участка Мазин (б. соцсовместитель) за травлю Сахновского и за грубое нарушение единоначалия, выразившееся в вызове на допрос в служебное время оперативных работников без согласия начальника станции, снят с работы. Запретить Мазину работать в судебно-следственных органах.

Председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР **Н. Антипов**

Секретарь бюро Комиссии советского контроля **Манфред**

22 августа 1935 г.
№ 401.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОМИССИИ СОВЕТСКОГО КОНТРОЛЯ ПРИ СНК СССР

О результатах проверки прохождения жалоб в Верхсуде и Прокуратуре РСФСР

Повторная проверка, проведенная Бюро жалоб комиссии советского контроля показала, что работа с жалобами трудящихся в прокуратуре и Верхсуде РСФСР хотя и улучшилось, но должным образом еще не упорядочена: до сих пор имеют место факты возмутительной волокиты с рассмотрением жалоб, посланных в областные и краевые органы (облсуды Ивановско-Промышленной, Курской и др. областей, прокуратура Куйбышевского края, Челябинской обл. и др.), где предложения и напоминания центральных органов юстиции по жалобам гр.гр. Филиппенкова, Тихомирова, Коротковой, Суровой, Астанина, Безина, Дядковского и т. д. безнаказанно игнорируются в течение 6—10

месяцев и более. Недопустимая медлительность с рассмотрением жалоб в местных и центральных органах юстиции вынуждает жалобщиков в массовом количестве обращаться в другие центральные органы (Комиссию советского контроля, редакции газет и т. д.). Наркомюст РСФСР, получая по целому ряду конкретных жалоб сигналы о неудовлетворительной работе и недисциплинированности своих местных органов, не принял исчерпывающих мер к изжитию этих недостатков.

Комиссия советского контроля **постановляет:**

1. Принять к сведению заявление наркома юстиции РСФСР т. Крыленко, прокурора РСФСР т. Антонова-Овсеенко и зам. председателя Верхсуда РСФСР т. Бермана, что ими будут приняты срочные меры к улучшению учета и контроля за разрешением жалоб, поступающих в Прокуратуру и Верхсуд, и обеспечению в дальнейшем четкой, бесперебойной работы с жалобами трудящихся как в центральных, так и местных органах юстиции.

2. Обязать т. Крыленко через два месяца доложить Комиссии советского контроля о принятых мерах по упорядочению разбора поступающих в НКЮ РСФСР жалоб и укреплению дисциплины в областных и краевых органах юстиции.

Председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР **Н. Антипов**

Секретарь бюро Комиссии советского контроля **Манфред**

25 августа 1935 г.
№ 402.

О КОНТРОЛЕ ЗА ПРОХОЖДЕНИЕМ ПРОТЕСТОВ ПРОКУРАТУРЫ

Расследованием заметки газеты «Правда» от 17 мая 1935 г. «Семья выселена на улицу», произведенным Прокуратурой Союза, установлено: семья Сухаревского по решению народного суда 6 района г. Днепропетровска, состоявшемуся в апреле 1934 г., выселена 8 мая с. г. на улицу. В свое время в июле 1934 г. пом. облпрокурора т. Титов выселение Сухаревского приостановил и принес протест на решение нарсуда и облсуда в Верхсуд Украины.

Дальнейшее движение дела и решения по нему прошли мимо прокуратуры, в результате чего прокуратура только после выселения Сухаревского с семьей узнала о неудовлетворении своего протеста в Верхсуде Украины и о приведении решения нарсуда в исполнение и встала, таким образом, перед необходимостью — или игнорировать решение Верхсуда и вселить выселенного обратно или «протестовать» уже после выселения и нахождения выселенной семьи на улице.

Растерянностью прокуратуры перед этим фактом и объясняется то, что семья Сухаревского 10 дней проживала на тротуаре улицы даже во время дождей; выселенный Сухаревский, обращаясь в прокуратуру, получал в ответ: «ничего не можем сделать, есть решение Верхсуда».

Таким образом принесенный раз протест, не обеспеченный надзором и наблюдением за прохождением его в дальнейшем, ничего не дал кроме затяжки дела.

А между тем контроль за прохождением своих протестов является элементарнейшей обязанностью прокуратуры.

Обращая внимание на вышеизложенное, пом. облпрокурора т. Титову ставлю на вид.

Прокурору области т. Ахматову предлагаю проверить работу отдела прокуратуры по суд.-бытовому сектору и в частности надзор прокуратуры по жилищным делам.

Требую от всех работников прокуратуры тщательного разбора всякого рода жалоб и заявлений трудящихся. Дела, по которым прокуратура опротестовывает те или иные решения судорганов, должны быть под повседневным наблюдением со стороны прокуратуры, обязанной твердо и до конца проводить раз начатое дело.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

7 августа 1935 г.
№ 433.

О БОРЬБЕ СО СДАЧЕЙ ЗАСОРЕННОГО ЗЕРНА

Ряд директоров зерносовхозов, злоупотребляя предоставленным им правом сдачи зерна из-под комбайнов без ограничения процента сорности, не производя никакой очистки зерна, сдавали на заготовительные пункты зерно с громадной засоренностью в 30—40 и даже 50 процентов.

Приказываю:

1. Обеспечить по линии подведомственной вам прокуратуры привлечение к уголовной ответственности всех тех директоров совхозов, которые допустят злоупотребление предоставленным им правом сдачи зерна из-под комбайнов без ограничения процента сорности и доставят на заготовительные пункты зерно с большим процентом сорности.

2. Прокурорам Донецкой, Воронежской и Одесской областей не более чем в декадный срок закончить расследование и привлечь к уголовной ответственности за сдачу засоренного зерна директоров:

а) по Донецкой области — Елеповского зерносовхоза — Панченко.

б) по Воронежской области — Калачеевского зерносовхоза — Иванов.

в) по Одесской области — Вознесенского зерносовхоза — Вабиров.

Перечисленным выше областным прокурорам, а также всех других виновных в этом деле лиц предлагаю к 25 августа представить в Прокуратуру Союза обвинительное заключение по этим делам, обеспечив рассмотрение этих дел в суде не позднее чем через три дня после их сдачи в суд, представив в Прокуратуру Союза по рассмотрении этих дел в суде копию приговоров.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

13 августа 1935 г.
№ 442.

О НАДЗОРЕ ЗА ПРИВЕДЕНИЕМ В ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ ПРИГОВОРОВ

При расследовании прокурором сектора надзора за местами лишения свободы т. Сорокиным случаев неисполнения приговоров РУМ и ОИТР Елецкого района, указанных в письме от 23 мая 1935 г. пред. дорожного суда М.-Д. ж. д. т. Менделеевой установлено, что несвоевременность исполнения приговоров наблюдалась не только в РУМ и нарсудах Елецкого

района, но и в дорожных судах магистрали М.-Д. ж. д., которые направляли копии приговоров для исполнения с большим опозданием, т. е. спустя 2—3 месяца после вынесения приговора, как, например:

1) 14 июля 1934 г. линсуд магистрали М.-Д. под председательством Драчевой приговорил к 5 годам лишения свободы Мокроусова С. Ф. Приговор для исполнения направлен в РУМ только 17 декабря 1934 г. (за № 689). РУМ же ограничился тем, что запросил адресный стол, не проживает ли в г. Ельце Мокроусов и, получив 22 декабря 1934 г. ответ, что таковой в Ельце не проживает, никаких мер к объявлению союзного розыска не принимает.

2) 17 февраля 1934 г. тот же суд под председательством Мельникова приговорил к 3 годам лишения свободы Иванова И. Н. Приговор для исполнения направлен в РУМ 5 апреля 1934 г. (за № 6—23), что сделано РУМ по розыску Иванова — до 1 августа 1934 г. не установлено, а с 1 августа по 17 сентября 1934 г., РУМ выяснил, живет ли Иванов в г. Ельце или в Ефремове, а потом, приблизительно в декабре 1934 г., объявил активный розыск.

3) 19 августа 1934 г. этим же линсудом под председательством Малышиной была приговорена к 2 годам лишения свободы Лельгина З. С. Приговор для исполнения направлен в РУМ 2 октября 1934 г. РУМ же разыскивал осужденную на ее квартире и в Лавском карьере (за 5 км от Ельца) в течение двух недель, т. е. до 17 октября 1934 г. и только 27 декабря 1934 г. объявил активный розыск.

4) Приговором выездной сессии дорсуда М. Д. от 20 декабря 1934 г. приговорен Шепелев Н. Д. к 2 годам лишения свободы и 28 декабря 1934 г. заключен под стражу. Дорсуд, не проверив исполнения приговора, прислал 21 февраля 1935 г. копию приговора и требует немедленно арестовать Шепелева, давно уже находящегося под стражей.

5) 25 декабря 1933 г. нарсудом Елецкого района под председательством Дежкиной приговорен Стельнихин В. И. к 1 году и.-т. работ. Приговор для исполнения направлен в РУМ 25 февраля 1934 г.; приведен ли приговор в исполнение, установить не удалось.

6) 3 января 1934 г. нарсудом Елецкого района под председательством Оборотова приговорен к 3 годам лишения свободы Боев А. В. Приговор для исполнения направлен в РУМ 20 февраля 1934 г.; 22 февраля 1934 г. поручено уч. инспектору выяснить местонахождение Боева, и только к 31 марта этого же года уч. инспектор сообщил, что осужденный проживает в М. Боевском сельсовете.

7) 22 ноября 1933 г. нарсуд Елецкого района осудил к 5 годам лишения свободы Иванова И. М. по ст. 107 УК. Приговор направлен в РУМ для исполнения 8 января 1934 г. РУМ же получил справку у жены осужденного, что последний дома не проживает (22 января 1934 г.). Какие в дальнейшем были приняты меры со стороны РУМ по розыску Иванова И. М. и приведен ли приговор в исполнение — установить не удалось.

8) 25 апреля 1934 г. РУМ получил приговор нарсуда Елецкого района, по которому был приговорен к 5 годам лишения свободы Шилов О. М. 27 апреля 1934 г. было поручено уч. инспектору выяснить местонахождение Шилова, уч. инспектор сообщил только 30 мая 1934 г. о том, что разыскиваемый не проживает в Ламской слободе (Ламская слобода расположена близ г. Ельца в 1—2 км), а проживает в рабочем городке (окраина города); тогда было поручено второму инспектору Багатыреву разыскать Шилова. Этот же инспектор сообщил только в июне 1934 г. о том, что (со слов проживающего там гражданина) Шилов в рабочем городке не проживает.

9) 23 декабря 1934 г. нарсудом Елецкого района под председательством Горбовского был приговорен к 2 годам лишения свободы Онищенко Н. В. Приговор был направлен в РУМ для исполнения 10 января 1935 г., справка о том, что разыскиваемый не находится в г. Ельце, получена в адресном столе 14 января 1935 г. (адресный стол находится в одном помещении с милицией). Какие были приняты действия со стороны РУМ в дальнейшем о приведении приговора в исполнение установить не удалось.

Несмотря на эту недопустимую бюрократическую волокиту со стороны дорсуда М.-Д. ж. д., нарсуда и РУМ Елецкого района по столь серьезному вопросу, как исполнение приговора, прокурор Елецкого района и прокурор дороги М.-Д. ж. д. не предприняли никаких мер к устранению этих ненормальностей.

На основании этого **приказываю:**

1. Указать облпрокурору Воронежской области т. Андрееву на недопустимость отсутствия надлежащего прокурорского надзора со стороны прокурора Елецкого района за проведением приговоров в исполнение.

2. Предложить ть Андрееву срочно расследовать факты несвоевременного исполнения приговоров в РУМ и ОИТР Елецкого района и привлечь виновных к ответственности.

3. За полное отсутствие прокурорского надзора за исполнением приговоров нарсуда Елецкого района и линейного суда М.-Д. ж. д. прокурору Елецкого района т. Кухтину объявить выговор.

Обязать прокурора М.-Д. ж. д. т. Эньякова обеспечить своевременное исполнение приговоров линсуда.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

14 августа 1935 г.
№ 444.

О СВОБОДНОЙ ПРОДАЖЕ УЧЕБНИКОВ

7 августа 1935 г. принято постановление Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) об издании и продаже учебников для начальной, неполной средней и средней школ.

Во исполнение этой директивы партии и правительства предлагаю:

1) Во всех случаях продажи учебников с повышением установленных на них цен привлекать виновных по ст. 105 УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик, а если виновными являются должностные лица — по ст. 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик.

2) К случаям систематической перепродажи учебников по спекулятивным ценам в отношении частных лиц применять ст. 107 УК

РСФСР и соответствующие статьи УК союзных республик.

3) Наблюсти за своевременным выполнением постановления правительства об организации открытой продажи учебников с 15 сентября 1935 г. и недопущением случаев закрытого распределения учебников в школах, привлекая в необходимых случаях виновных должностных лиц по ст.ст. 109 или 111 УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик.

О всех конкретных делах, возбуждаемых в порядке применения настоящего циркуляра, сообщить мне спецдонесениями.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

14 августа 1935 г.
№ 80/21.

О НЕОПУБЛИКОВАНИИ ХОЗОРГАНАМИ СВОИХ ГОДОВЫХ БАЛАНСОВ

В связи с запросами с мест о том, как надлежит органам прокуратуры реагировать на неопубликование хозорганами своих годовых балансов, предлагаю дать по линии прокуратуры следующие указания:

Согласно постановлению СНК СССР 7 августа 1931 г. «О порядке опубликования годовых балансов» (СЗ 1931 г. № 50, ст. 329) неопубликование хозорганами своих годовых балансов может иметь место лишь в случаях освобождения их от обязательного опубликования балансов соответствующими ведомствами по соглашению с НКФ Союза ССР.

Ввиду этого и во всех случаях, когда неопубликование баланса допускается хозорганами самовольно, без соответствующего разрешения со стороны ведомственного руководства или же вопреки требованию последнего, надлежит виновных в том должностных лиц привлекать к ответственности, тем более в случаях, когда самовольное неопубликование баланса связано с тем или иным преступлением в данном хозоргане и служит благоприятным условием или способом для сокрытия злоупотреблений, бесхозяйственного ведения дел в хозоргане и т. п.

При этом в случаях, когда неопубликование баланса связано с причинением государству вреда и ущерба, за неопубликование баланса следует привлекать к уголовной ответственности по соответствующим статьям о должностных преступлениях, в остальных же случаях — к дисциплинарной.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

17 августа 1935 г.
№ 85/5.

О СПЕЦИАЛЬНЫХ ДОНЕСЕНИЯХ

Распоряжением Прокуратуры Союза ССР № 37/20, 25 апреля 1935 г. было предложено прокурорам союзных республик ввести в практику своей оперативной работы предоставление специальных донесений о всех наиболее крупных преступлениях и нарушениях социалистической законности. Между тем этому важнейшему виду информации не уделено должного внимания, в то время, как именно этот вид донесений является самым оперативным, дает наилучшую возможность правильно ориентироваться и ориентировать вышестоящую инстанцию, своевременно давать требуемые указания и входить в директивные органы с соответствующими предложениями.

Наиболее аккуратно поступают спецдонесения от прокурора г. Москвы (т. Филиппов), Саратовской крайпрокуратуры (т. Пригов), Одесской облпрокуратуры (т. Турин) и прокуратуры БССР (прокурор республики т. Кузьмин), работу которых в этом направлении считаю необходимым особо отметить.

От большинства же прокуратур союзных республик, краев и областей в Прокуратуру Союза спецдонесения совершенно не поступают, ввиду чего вторично предлагаю вам ввести в систему своей оперативной работы постоянное представление спецдонесений в Прокуратуру Союза, отведя этому виду информации главенствующую роль.

Вам надлежит обеспечить систематическое получение с мест и представление в Прокуратуру Союза ССР спецдонесений о крупных преступлениях (терракты, диверсии, крупные контрреволюционные преступления, крупные хищения, катастрофы, аварии, крупные поджоги, массовые отравления и т. п.), о всех наиболее крупных нарушениях соцзаконности (массовые обыски, массовые незаконные аресты, извращения штрафной политики, вмешательство в оперативную работу прокуратуры руководящих партийных и советских органов и т. п.) и о всех случаях привлечения к уголовной ответственности судебно-прокурорских и следственных работников.

Спецдонесения должны направляться в адрес сектора учета и информации Прокуратуры Союза ССР в двух экземплярах и с заголовком спецдонесение или непосредственно на мое имя, в зависимости от важности донесения.

В спецдонесениях должны быть сжато освещены следующие вопросы:

а) в чем состояло данное нарушение соцзаконности или преступления,
б) кем оно совершено,
в) каким образом оно было обнаружено,
г) что предпринято прокуратурой,
д) дополнительные сведения.

В отношении 10 районов, перечисленных в распоряжении № 37/20, которым в виде опыта предложено ввести спецдонесения на основе особой системы оперативной информации по форме № 2 (см. II раздел инструкции), следует иметь в виду, что этот метод учета благодаря своей оперативности и законченности является наиболее целесообразным, и результаты проводимого нами опыта учета дел в указанных 10 районах будут служить основой реорганизации учета дел всей прокуратуры на 1936 г., ввиду чего предлагаю обеспечить бесперебойное представление этого вида отчетности на оставшийся отрезок текущего года.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

19 августа 1935 г.
№ 91/20.

О НЕЗАКОННЫХ ВЫСЕЛЕНИЯХ УЧРЕЖДЕНИЙ ГЛАВСПИРТА

По имеющимся в распоряжении Прокуратуры Союза материалам видно, что в ряде районов СССР местные исполкомы в явное

нарушение постановления СНК 15 мая 1935 г., запрещающего выселение и перевод торговых предприятий Главспирта из занимаемых ими помещений, производят незаконное выселение указанных предприятий, причем выселения зачастую сопровождаются взламыванием замков, выбрасыванием продукции на улицу или переброской продукции в неприспособленные помещения.

На указанные незаконные действия органы прокуратуры надлежащим образом не реагируют, виновных к ответственности не привлекают и не принимают мер к возвращению предприятиям Главспирта незаконно отобранных у них помещений.

Предлагаю прокурорам союзных республик дать подведомственным прокурорам указания на необходимость решительной борьбы прокурорских органов с нарушениями местными исполкомами постановления СНК, запрещающего выселение и переселение магазинов и баз Главспирта из занимаемых ими торговых помещений, неуклонно опротестовывая незаконные постановления риков и привлекая к ответственности, в подлежащих случаях, лиц, виновных в указанных нарушениях.

Заместитель прокурора Союза ССР
Г. Рогинский

20 августа 1935 г.
№ 88/10.

О ВЗЫСКАНИИ ФИНОРГАНАМИ НЕДОИМОК С ДЕБИТОРОВ НЕДОИМЩИКА

Согласно ст. 26 Положения о взыскании налогов и неналоговых платежей, утвержденного ЦИК и СНК Союза ССР 17 октября 1932 г., и ст. 18, изданной в развитие этого положения инструкции Наркомфина СССР 14 апреля 1935 г. за № 309, финорганам предоставлено право, при наличии недоимок по налогам, обращать в бесспорном порядке взыскание на счета дебиторов недоимщика, при условии, если дебиторы признают свой долг.

На практике, однако, наблюдаются случаи, когда финорганы по претензиям к недоимщику накладывают аресты на расчетные счета дебиторов недоимщика, не проверив наличия дебиторской задолженности и признания ее со стороны дебитора.

Например, Борисовское райфо (БССР) по претензии к Консбыту взыскал с орс Борисовского Леспромхоза 11 954 руб. по счету Консбыта, несмотря на то, что орс от акцепта этого счета отказался, так как товар им не был заказан.

Петриковский райфо (БССР) накладывал аресты по недоимкам на расчетные счета покупателей, отрицавших какую-либо задолженность недоимщикам.

В целях пресечения подобного рода незакономерных действий финорганов поручаю вам:

1. Установить наблюдение за тем, чтобы органы, которым предоставлено право взыскания в бесспорном порядке налоговых и неналоговых платежей, накладывали аресты на расчетные счета дебиторов недоимщика лишь в случае признания дебитором своей задолженности, либо при наличии у недоимщика исполнительного документа по этой задолженности.

2. Приостанавливать и опротестовывать всякого рода распоряжения об аресте и обращении взысканий на счета дебиторов недоимщика при отсутствии указанных в предшествующем случае условий.

3. Обеспечить внеочередное разрешение органами суда имущественных споров, возникающих при обращении взыскания на имущество дебитора недоимщика (ст. 27 Положения о взыскании налогов и разъяснение 42 пленума Верхсуда Союза ССР по вопросу о применении мер бесспорного взыскания к третьим лицам, у которых находится имущество неплательщика страховых взносов от 25 февраля 1933 г.).

Заместитель прокурора Союза ССР
Г. Рогинский

20 августа 1935 г.
№ 89/8.

О НЕПРАВИЛЬНОМ РАСХОДОВАНИИ ДОРОЖНЫХ СРЕДСТВ

По сведениям, имеющимся в Прокуратуре Союза, несмотря на категорическое запрещение расходования дорожных средств на какие-либо другие цели (инструкция Цудортранса НКЗема и НКФ СССР, утвержденная СТО 15 сентября 1932 г., Бюлл. Цудортранса № 9—12 за 1932 г.), в ряде мест эти средства расходуются на нужды, ничего общего не имеющие со строительством дорог.

Так, за 1934 г. по 17 только областям и краям Союза из дорожных средств израсходовано 13 878 000 руб. Средства эти тратились на покупку легковых автомобилей и велосипедов, на строительство различных зданий, проведение телеграфа, покупку бланков для колхозов и даже на покрытие дефицита по районному бюджету.

Незаконное расходование дорожных средств продолжается и в 1935 г. Так, по восьми районам Воронежской области израсходовано не по назначению 52 780 руб.; в Аткарском районе Саратовского края — 22 870 руб. и в Шуфаринском районе Таджикской ССР — 5700 руб.

В то же время прокуратура на местах слабо борется с такими нарушениями закона. Незаконное постановление райисполкомов своевременно не опротестовывается, виновные в незаконном расходовании дорожных средств остаются безнаказанными, за выполнением постановлений край(обл)исполкомов о восстановлении незаконно истраченных средств прокуратура не наблюдает.

Предлагаю:

1. Опротестовывать все постановления райисполкомов о незаконном расходовании дорожных средств, добиваясь отмены таких постановлений и возвращения неправильно израсходованных средств.

2. Лиц, виновных в незаконном расходовании дорожных средств, привлекать к ответственности.

3. О всех случаях отклонения протестов немедленно сообщать Прокуратуре Союза.

И. о. прокурора Союза ССР
Г. Рогинский.

27 августа 1935 г.
№ 92/21.

ПРИКАЗ ПО ПРОКУРАТУРЕ СОЮЗА ССР

25—31 сего августа в г. Баку происходил судебный процесс по обвинению командования парохода «Совет» и ряда других должностных лиц Каспийского флота в преступлении, предусмотренном ст. 79³ УК АзССР, связанном с гибелью танкера «Советский Азербайджан».

Считаю необходимым отметить высокое качество проведенного прокуратурой бассейна Каспийского моря (т.т. Альтшуллер и Гаркави) под руководством и при непосредственном участии прокурора Водной транспортной прокуратуры Союза ССР тов. Лупилова предварительного расследования.

Именно это высокое качество предварительного расследования, несмотря на некоторые второстепенные дефекты, позволило быстро и исчерпывающим образом провести судебное следствие и самый процесс в целом.

За успешное проведение предварительного следствия выражаю благодарность тт. Лупилову, Альтшуллеру и Гаркави.

Особо считаю необходимым отметить также работу, проведенную в связи с этим делом главным прокурором по водному транспорту т. С. А. Янским, не только оперативно и систематически руководившим подготовкой этого ответственного дела к судебному рассмотрению, но и проявившим большую энергию и знание дела в ходе самого судебного процесса.

Имея в виду большое значение этого процесса для поднятия дисциплины и укрепления более ответственного отношения работников водного транспорта к своим служебным обязанностям, предлагаю прокурорам Водной транспортной прокуратуры оказать необходимое содействие политотделам водного транспорта при изучении материалов этого дела на собраниях команд и других должностных лиц водного транспорта.

О своих мероприятиях в этом направлении предлагаю мне сообщить не позже 5 октября с. г.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

9 сентября 1935 г.
№ 485.

О ВЫПОЛНЕНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА 11 АВГУСТА 1935 г.

По имеющимся в Прокуратуре Союза данным, на местах идет крайне неудовлетворительная работа по выполнению постановления правительства 11 августа. В ряде случаев, вместо точного применения постановления 11 августа и немедленного освобождения всех осужденных, подпадающих под действие этого постановления, прокуроры входят в рассмотрение всякого рода вопросов, связанных с существом преступлений, за которые в свое время эти лица были осуждены, ставя само применение постановления 11 августа в зависимости от тех или других, обстоятельств, установленных в судебном приговоре по данному делу.

Особо обращаю внимание на недопустимо медленную работу по выполнению пункта 3 этого постановления.

Предлагаю:

1. Не допускать никакого ограничительного толкования постановления 11 августа.

2. Обеспечить срочное окончание работы по применению постановления 11 августа и о результатах этой работы представить отчет в Прокуратуру Союза и прокурорам союзных республик не позже 1 ноября с. г.

3. Ввиду истечения установленного пунктом 3 этого постановления месячного срока для представления на рассмотрение ЦИК союзных республик списков лиц, осужденных за аналогичные преступления и подлежащих в силу настоящего постановления освобождению от дальнейшего наказания и снятию судимости и всех связанных с их осуждением правоограничений, в декадный срок представить отчет о проделанной в этом направлении работе.

4. На начальника отдела по наблюдению за ИТУ т. Зорина возлагаю надзор за точным и своевременным выполнением этого приказа.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

17 сентября 1935 г.
№ 97/1.

О ДЕЛЕ РАБОТНИКОВ ФАБРИКИ ИЗОПЛИТ

При просмотре следственного дела по обвинению бывших строителей и руководителей Свердловской фабрики Изоплит, затребованного в порядке надзора Прокуратурой Союза ССР, установлено, что работники Свердловской городской прокуратуры допустили безобразную волокиту в расследовании этого дела, вследствие чего дело, возбужденное в январе с. г., не было закончено расследованием до настоящего времени:

Прокурор г. Свердловска т. Крепышев, получив 7 января с. г. из Главторфа материал о положении Свердловской фабрики Изоплит, 21 января направил этот материал прокурору Сталинского района г. Свердловска для производства расследования.

Пом. прокурора Сталинского района т. Стронгин резолюцией своей 8 марта предложил нарследователю Сталинской прокуратуры т. Плехову дело расследовать и виновных привлечь к ответственности.

С этого времени и до 23 августа дело находилось без всякого движения, и только 23 августа нарследователь Драчев приступил к фактическому производству следствия.

Таким образом следствие по делу, имеющему актуальнейшее значение, затянулось на семь с лишним месяцев, из которых в течение пяти месяцев не было произведено ни одного следственного действия.

Это явилось результатом халатного отношения к своим обязанностям работников Сталинской районной прокуратуры и отсутствия надзора со стороны прокурора г. Свердловска т. Крепышева за работой Сталинской районной прокуратуры.

Приказываю:

1. Указать прокурору Свердловской области т. Лейману на безобразную волокиту в расследовании дела Свердловской фабрики Изоплит, допущенную работниками прокуратуры Свердловской области.

2. Предложить т. Лейману возбудить уголовное преследование против лиц, виновных в том, что дело Свердловской фабрики Изоплит не было закончено в течение семи с лишним месяцев.

3. Прокурору г. Свердловска т. Крепышеву

за отсутствие надзора за производством следствия по делу фабрики Изоплит объявить выговор.

4. Производство следствия по этому делу поручить нарследователю Сталинский райпрокуратуры т. Драчеву. Срок окончания следствия установить 2 октября с. г.

И. о. прокурора Союза ССР **Г. Рогинский**

21 сентября 1935 г.

№ 503.

Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР

за июль 1935 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1. Об организации новых 16 районов и о передаче отдельных сельских советов из одних районов другим районам в Белорусской ССР — пост. ЦИК СССР 26/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 32, ст. 62).

2. Об организации новых округов по Узбекской ССР — пост. ЦИК СССР 17/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 279).

3. О составе Кашка-Дарьинского округа Узбекской ССР — пост. ЦИК СССР 16/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 280).

4. Об образовании в БССР четырех новых округов — пост. ЦИК СССР 17/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 281).

5. Об организации в составе Народного комиссариата легкой промышленности Главного управления машиностроения — пост. СНК СССР 28/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 288).

6. О ликвидации Общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев — пост. ЦИК СССР 25/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 299).

7. Об организации хозрасчетных снабженческих контор в системе Народного комиссариата путей сообщения — пост. СНК СССР 16/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 304).

8. О ликвидации областных (краевых) инспекций Народного комиссариата тяжелой промышленности — пост. СНК СССР 21/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 305).

9. Об улучшении постановки учета, отчетности и делопроизводства в сельских советах — пост. ЦИК и СНК СССР 10/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 278).

2. Военное и морское дело

10. О постройке мощных самолетов — пост. СНК СССР 5/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 35, ст. 308).

3. Просвещение

11. О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 31/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 32, ст. 252).

12. О мероприятиях по упорядочению работы детских садов — пост. СНК СССР 6/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 35, ст. 309).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

13. О дополнении постановления СНК Союза ССР 3 сентября 1934 г. «О прекращении беспроектного и бессметного строительства» — пост. СНК СССР 25/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 285).

14. Об укреплении материальной и финансовой базы местной промышленности — пост. ЦИК и СНК СССР 1/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 296).

2. Земля и сельское хозяйство

15. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Воронежской области — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 26/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 241).

16. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Куйбышевскому краю — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 25/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 242).

17. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по БССР — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 26/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 243).

18. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Ивановской области — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 244).

19. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Горьковскому краю — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 245).

20. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Башкирской АССР — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 246).

21. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Свердловской области — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 2/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 247).

22. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Оренбургской области — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 248).

23. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Челябинской области — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 244).

24. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Омской области — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 250).

25. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Западносибирскому краю — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 251).

26. О порядке обеспечения зернофуражом колхозных лошадей, используемых на лесозаготовках и сплавных работах, — пост. СНК СССР 27/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 32, ст. 265).

27. О включении клещевины в число культур, урожайность и валовой сбор по которым определяется Центральной государственной комиссией — пост. СНК СССР 26/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 32, ст. 266).

28. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по республикам ЗСФСР — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 269).

29. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Кировскому краю — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 18/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 270).

30. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Красноярскому краю — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 271).

31. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Дальневосточному краю — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 271).

32. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Восточносибирскому краю — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 273).

33. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Карельской АССР — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 274).

34. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Якутской АССР — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 275).

35. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Узбекской ССР — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 276).

36. О капиталовложениях рыбацких колхозов — пост. СНК СССР 5/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 289).

37. О выдаче сельскохозяйственным артелям государственных актов на бессрочное (вечное) пользование землей — пост. СНК СССР 7/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 300).

3. Транспорт

38. О ликвидации управления спальных вагонов Народного комиссариата путей сообщения — пост. СНК СССР 27/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 292).

39. Об изменении ст.ст. 1 и 2 Правил схода на берег и допущение к пребыванию на берегу лиц судового экипажа иностранных судов, кроме военных, во время стоянки их в портах Союза ССР — пост. СНК СССР 28/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 303).

III. ФИНАНСЫ

40. О ставках налога с оборота на соль, добываемую на местных соляных промыслах — пост. СНК СССР 27/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 32, ст. 267).

41. О ставках налога с оборота на туалетное мыло государственной промышленности — пост. СНК СССР 23/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 32, ст. 268).

42. О порядке выдачи банками денежных сумм на заработную плату — пост. СНК СССР 11/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 286).

43. О налоге с оборота и бюджетной наценке на продовольственное зерно и зернофураж подсобных хозяйств при учреждениях и предприятиях органов социального обеспечения — пост. СНК СССР 10/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 291).

44. О водном сборе на 1935 г. — пост. ЦИК и СНК СССР 23/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 297).

45. Об изменении постановления СНК Союза ССР 29 сентября 1932 г. «О правах и обязанностях главных и старших бухгалтеров в учреждениях и хозяйственных организациях обобществленного сектора — пост. СНК СССР 21/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 302).

46 Об обязательных взносах предприятий и учреждений на содержание детских яслей и детских садов — пост. СНК СССР 6/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 35, ст. 310).

47. О бюджете государственного социального страхования на 1935 г. — пост. СНК СССР 6/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 36, ст. 312).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКА И СНАБЖЕНИЕ

48. О потерях зерна на хлебных складах Заготзерна — пост. СНК СССР 15/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 32, ст. 263).

49. О порядке продажи и возврата освобождаемой из-под товаров деревянной тары — пост. СНК СССР 26/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 32, ст. 264).

50. Об изменении техники расчетов по иногороднему товарообороту — пост. СНК СССР 8/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 287).

51. О сдаче государству зерна союзами и артелями промысловой и инвалидной кооперации — пост. СНК СССР 26/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 301).

52. О премиях-надбавках на сверхплановую сдачу льна-сырца — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 21/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 32, ст. 54).

V. КООПЕРАЦИЯ

54. О мелких капитальных затратах артелей промысловой кооперации за счет собственных средств — пост. СНК СССР 25/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 290).

VI. КОММУНАЛЬНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ХОЗЯЙСТВО

55. О генеральном плане реконструкции города Москвы — пост. СНК и ЦК ВКП(б) 10/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 35, ст. 306).

VII. ТРУД И СОЦСОРЕВНОВАНИЕ

56. Об оплате машинистов и других работников на молотьбе — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 2/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 32, ст. 253).

57. О премировании работников центральных и местных советских учреждений, а также работников управленческого аппарата хозяйственных организаций и предприятий — пост. ЦИК и СНК СССР 17/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 277).

58. Об оплате трактористов в совхозах — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 2/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 293).

59. О порядке оплаты труда трактористов спецкультурных машинно-тракторных станций ЗСФСР и Крымской АССР — пост. СТО 15/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 35, ст. 311).

VIII. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

61. О подсудности имущественных споров колхозов между собой и имущественных споров колхозов с государственными и кооперативными организациями — пост. ЦИК и СНК СССР 19/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 294).

IX. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

64. О порядке проведения добровольных сборов — пост. ЦИК и СНК СССР 1/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 295).

Август 1935 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

Об образовании Главного управления землеустройства в составе Народного комиссариата земледелия Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР 17/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 328).

2. О возложении на Главное управление северного морского пути при СНК Союза ССР функций по хозяйственному и культурному обслуживанию районов Крайнего севера Союза ССР — пост. СНК СССР 21/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 338).

3. О разрешении Торговому представительству Союза ССР в Германии иметь свое бюро в г. Москве — пост. ЦИК и СНК СССР 31/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 41, ст. 345).

4. О Всесоюзной государственной санитарной инспекции при Совете народных комиссаров Союза ССР — пост. СНК СССР 26/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 41, ст. 348).

5. Положение о Государственной автомобильной инспекции Цудортранса — пост. СНК СССР 23/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 41, ст. 348).

6. О разукрупнении Центрального управления морского флота Народного комиссариата водного транспорта — пост. СНК СССР 21/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 45, ст. 382).

7. Об организации в составе Главного управления северного морского пути Управления сельского хозяйства Крайнего севера — пост. СНК СССР 20/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 46, ст. 388).

2. Военное и морское дело

8. О военно-морских флагах Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР 27/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 326).

9. О прыжках с парашютами. Пост. СНК СССР 3/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 41, ст. 354).

3. Просвещение

10. Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 3/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 47, ст. 391).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

11. О порядке составления и утверждения баланса и плана снабжения сырьем и полуфабрикатами, потребляемыми легкой промышленностью — пост. СНК СССР 31/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 368).

2. Земля и сельское хозяйство

12. О единоличниках, работающих на военных конных заводах Рабоче-крестьянской красной армии—пост. СНК СССР 23/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 337).

13. О плане озимого сева на 1935 г. — пост. СНК СССР 28/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 41, ст. 346).

14. О льготах колхозам Западной Сибири, поднимающим целину — пост. СНК СССР 9/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 361).

15. Об улучшении работы свиноводческих совхозов системы Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов — пост. СНК СССР 5/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 366).

16. О технической помощи колхозам в строительстве животноводческих товарных ферм — пост. СНК СССР 3/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 372).

17. О льготах единоличникам, вступающим в колхоз и продающим корову колхозной ферме,—пост. СНК СССР 19/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 373).

18. О размерах приусадебных участков в коноплеводческих районах — пост. СНК СССР 29/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 374).

19. О ставках натурплаты по кукурузе и рису — пост. СНК СССР 10/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 45, ст. 381).

20. О плане зяблевой пахоты под яровые посевы 1936 г.—пост. СНК СССР 27/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 46, ст. 385).

21. Об организационно-хозяйственном укреплении рыбацких колхозов — пост. СНК СССР 15/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 46, ст. 387).

22. О развитии хмелеводства — пост. СНК СССР 4/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 47, ст. 394).

3. Транспорт

23. О создании в составе морских и речных пароходств групп организации труда — пост. СНК СССР 8/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 339).

24. Об изменении Устава внутреннего водного транспорта — пост. СНК СССР 8/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 340).

25. О расходовании местных доходов железнодорожных станций на капитальный ремонт и оборудование станционных сооружений — пост. СНК СССР 31/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 41, ст. 350).

26. Об утверждении Воздушного кодекса Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР 7/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 43, ст. 359-а).

27. Воздушный кодекс Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР 7/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 43, ст. 359-б).

28. О порядке реализации невостребованных и бездокументных грузов на железнодорожном и водном транспорте—пост. СНК СССР 19/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 45, ст. 380).

III. ФИНАНСЫ

29. Об обязательном окладном страховании на 1936 г. — пост. СНК СССР 2/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 41, ст. 347).

30. О мерах улучшения финансовой работы сельских советов — пост. СНК СССР 3/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 42, ст. 358).

31. О распространении постановления ЦИК и СНК Союза ССР 5 марта 1935 г. «Об установлении рыболовного сбора для рыбацких колхозов и организаций системы Интегралсоюза» на ловецкие колхозы в районах малого рыболовства — пост. ЦИК и СНК СССР 7/VIII 1935 г (СЗ 1935 г. № 44, ст. 364).

32. О расчетах заготовителей с колхозами по сельскохозяйственным заготовкам, порядке кредитования заготовителей Государственным

банком и расчетах промышленности с заготовительными организациями—пост. СНК СССР 20/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 336).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

33. О комиссионных магазинах — пост. СНК СССР 29/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 332).

34. О торговле медикаментами — пост. СНК СССР 2/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 335).

35. Об упорядочении колхозной торговли на железнодорожных станциях и пристанях — пост. СНК СССР 2/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 41, ст. 353).

36. Об издании и продаже учебников для начальной, неполной средней и средней школы — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 7/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 360).

37. О разрешении объединениям Народного комиссариата внешней торговли заключать внешнеторговые сделки с иностранными фирмами на территории Союза ССР и за границей — пост. СНК СССР 27/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 367).

38. Об упорядочении расходования фондов промтоваров — пост. СНК СССР 2/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 369).

39. О закреплении за всесоюзным объединением Заготзерна складочных помещений для приема и хранения хлеба — пост. СНК СССР 15/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 371).

40. О децентрализованных заготовках незерновых сельскохозяйственных продуктов — пост. СНК СССР 19/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 46, ст. 386).

41. Об оптовой продаже медикаментов, перевязочных материалов и предметов ухода за больными — пост. СНК СССР 17/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 46, ст. 320).

V. КОММУНАЛЬНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ХОЗЯЙСТВО

42. О введении платности коммунальных услуг в совхозах Народного комиссариата пищевой промышленности — пост. СНК СССР 13/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 42, ст. 384).

VI. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

43. О порядке исчисления среднего заработка за время очередного и дополнительного отпусков — пост. СНК СССР 25/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 333).

44. О порядке планирования заработной платы в торговле — пост. СНК СССР 5/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 334).

45. Об установлении твердых должностных окладов председателям районных исполнительных комитетов — пост. ЦИК и СНК СССР 31/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 342).

46. Об отмене ст. 17 постановления ЦИК и СНК Союза ССР 23 ноября 1931 г. «О компенсациях и гарантиях при переводе, прием вновь и направлении на работу в другие мес ности — пост. ЦИК и СНК СССР 17/VIII 1935 (СЗ 1935 г. № 44, ст. 363).

47. Об отмене надбавки за выслугу лет кв лифицированным рабочим совхозов и выда ведущим категориям работников совхозов ч сти заработной платы натурой — пост. СН СССР от 7/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 4 ст. 345).

VII. СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

48. О максимальном размере пенсий для г роев труда — пост. ЦИК и СНК СССР 7/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 362).

49. О комиссиях по делам бывших красн гвардейцев и красных партизан — пост. СН СССР 15/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 46, ст. 38

VIII. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

50. О снятии судимости с колхозников пост. ЦИК и СНК СССР 29/VII 1935 г. (С 1935 г. № 40, ст. 327).

51. О дополнении уголовных и гражданск кодексов союзных республик — пост. ЦИК СНК СССР 29/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 4 ст. 344).

52. Об освобождении от дальнейшего отбы вания наказания, снятия судимости и всех пр воограничений, связанных с осуждением ря должностных лиц, осужденных в свое врем в связи с саботажем хлебозаготовок и вып ском трудовых займов, бон и прочих дене ных суррогатов — пост. ЦИК СССР 11/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 365).

IX. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

53. Об изготовлении печатей и штампов пользовании ими — пост. СНК СССР 21/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 341).

54. Об изменении Положения о паспо тах — пост. ЦИК СССР 29/VII 1935 г. (С 1935 г. № 41, ст. 343).

55. О выдаче паспортов в 25-километров полосе вокруг города Баку — пост. СНК ССС 19/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 41, ст. 351).

56. О въезде и проживании в пограничны полосах—пост. ЦИК и СНК СССР 17/VII 1935 (СЗ 1935 г. № 45, ст. 377).

57. Об изменении ст. 5 статута ордена Л нина, ст. 7 статута ордена «Красное знамя ст. 5 статута ордена «Красная звезда» и ст. статута ордена «Трудовое красное знамя Со за ССР» — пост. ЦИК СССР 27/VIII 1935 (СЗ 1935 г. № 47, ст. 392).

58. Об изменении ст. 9 статута орде «Красная звезда» — пост. ЦИК СССР 17/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 47, ст. 393).

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство Советское законодательство

Отв. редактор А. Я. Вышинск
Редколлегия: Г. М. Леплавский, А. А. Сол В. В. Сорокин, Л. М. Субоцкий, А. С. Шляпочник

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, вд. ЦИК, пом. 28.

Рукопись поступила в издательство 5/X 1935 г. Сдано в производство 7/X 1935
Подписано к печати 4/XI 1935 г. 4,5 п. л. 11,71 авт. листа; в одном бум. листе 193680 печ. знак

формат бум. 72×110. С—04 п.; № 497.

Уполном. Главлита Б—13914 Заказ № 1301. Технический редактор В. Хохлова Тираж 10 0

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», М. Дмитровка, 18

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

НКФ СССР на основании Положения и правил о государственной регистрации (СЗ СССР 1931 г. № 8, ст. 99 и БФХЗ 1931 г. № 12) внесена запись в государственный реестр юридических лиц о переименовании треста «1-й сантехстрой» на основании постановления НКТП СССР от 3 апреля 1933 г. за № 207 в

Государственный союзный трест санитарно-технических работ «Сантехмонтаж»,

находящийся в ведении Наркомтяжпрома СССР

Адрес: Москва, Никольская, 4.

Народным комиссариатом финансов СССР на основ. Полож. и правил о госуд. регистр. (СЗ и распоряжен пр вительства СС Р 1931 г. № 8, ст. 99 и «Бюллетень финансов. и хозяйствен. законодат.» 1931 г. № 12) 27 октября 1934 г. зарегистр., в реестре юридическ. лиц под № 2355 (две тысячи триста пятьдесят пятым)

Управление санаторно-профилактических учреждений при Президиуме Центрального комитета союза финансовых и банковских работников «УСПУ»,

наход. в ведении ЦК союза фин. и банк. раб.

Адрес: Москва, Дворец труда, ком. 352.

НКФ РСФСР зарегистрирована в реестре юридических лиц 23 февраля 1935 г за № 761 (семьсот шестьдесят первым)

Государственная республиканская контора по материально-техническому снабжению металлопромышленности НКМП РСФСР «РОСМЕТАЛЛОСНАБ»,

состоящая в ведении НКМП РСФСР и находящаяся в

г. Москве, Петровка, 14.

Московским областным финансовым отделом на основ. полож. и правил о госуд. регистр. (СЗ и распоряж. правит. С СР 1931 г. № 8, ст. 99 и «Бюллетень финанс. и хозяйствен. законод.» 1931 г. № 12) зарегистр. в государств. реестре юридических лиц 1 июля 1935 г. под № 182 (сто восемьдесят вторым)

Московская центральная база сбытовой конторы треста «МОСЧУЛОК»,

находящаяся в ведении Московского областного треста чулочного производства «Мосчулок»

Адрес: Москва, Переведеновский пер., 43.

Московским городским финансовым отделом на основании Положения и правил о государственной регистрации (СЗ и распоряжений правит. СССР 193 г. № 8, ст. 99 и «Бюллетень финанс. и хозяйствен. законод.» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 21 мая 1935 г. под № 453 (четыреста пятьдесят третьим)

Дербеневская красильно-аппретурная и брезенто-пошивочная ф-ка имени МЕНЖИНСКОГО,

наход. в ведении МОСОБЛКООПИНСОЮЗА

Адрес: Москва, Кожевники, Дербеневская наб., № 24.

Московск. гор. фин. отделом на основ. положения и правил о госуд. регистр. (СЗ и распоряжений правит. СССР 1931 г. статья 99 и «Бюллетень фин. и хозяйств. законод.» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 1 сентября 1935 г. под № 314 (триста четырнадцатым)

Московская транзитная база, РОСШВЕЙСБЫТА,

находящаяся в ведении Росшвейсбыта.

Предмет деятельн. базы: Сбыт швейных изделий произв. фабрик Моск. обл. и союзн. республик.

Адрес базы: Москва, 1-й Переведен. пер., 43, тел. Е 1-08-27.

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (СЗ и распоряжений правит. СССР 1931 г. № 8, ст. 99 и «Бюллетень финанс. и хозяйств.» законодател., № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 1 августа 1935 г. под № 313 (триста тринадцатым)

Московская областная торговая база Треста «МОСБЕЛЬЕ»,

находящаяся в ведении треста «Мосбелье»

Адрес: Москва, Серебреническая наб. № 27.

НКФ СССР на основании положения и правил о государственн. регистрации (СЗ СССР 1931 г. № 8, ст. 99 и Бюлл. фин. и хоз. зак 1931 г. № 12) зарегистрировано в реестре юридических лиц под № 1680 (одна тысяча шестьсот восьмидесятым)

Государственный всесоюзный лесопромышленный трест «МОСЛЕСПРОМ»,

находящийся в ведении Народного комиссариата лесной промышленности Союза ССР.

Адрес: Москва, Б. Черкасский п., 9.

Цена 1 руб.

М7805

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

НОВЫЕ КНИГИ

ГЕРЦЕНЗОН А. А. Советская уголовная статистика. Учебное пособие для институтов советского права и юридических курсов
Под ред. зам. директора Института уголовной политики Б. С. Ошеровича.

Стр. 128. Цена в переплете 2 руб. 25 коп.

ПАШУКАНИС Е. Очерки по международному праву. Очерки рекомендуются в качестве учебного пособия для учащихся правовых вузов и школ

Содержание:

Введение. Сущность международного права. Источники международного права. Исторический очерк международной политики и международного права. Государство в международном праве. Интервенция. Территория в международном праве. Население. Органы внешних сношений. Международный договор. Специальные вопросы международного права. Международно-правовые средства предупреждения войны. Право войны сухопутной и морской. Заключение.

Стр. 224. Цена в переплете 3 руб. 90 коп.

ВОЛКОВ Г. И. Классовая природа преступлений и советское уголовное право.
Под ред. Н. В. Крыленко.

Стр. 228. Цена в переплете 3 руб. 90 коп.

УТЕВСКИЙ Б. С. Советская исправительно-трудовая политика. Пособие для слушателей правовых школ.

Стр. 124. Цена 1 руб. 60 коп.

Проф ГРАЙНИН А. Н. Уголовная интервенция. Движение по унификации уголовного законодательства капиталистических стран. Под редакцией А. Я. Вышинского.

Стр. 104. Цена 1 руб. 40 коп.

ТАГЕР А. С. Царская Россия и дело Бейлиса. С предисловием А. В. ЛУНАЧАРСКОГО С иллюстрациями. Издание 2-е, переработанное и дополненное.

Стр. 322. Цена 5 руб. 60 коп., в переплете 7 руб.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ, ОТДЕЛЕНИЯХ и КИОСКАХ КОГИЗа

Почтовые заказы направлять без задатка во все областные (краевые) отделения КОГИЗа — „Книга-почтой".

В Издательство никаких заказов направлять не следует, так как оно высылки не производит.

Социалистическая законность

НОЯБРЬ

ОГИЗ * 1935
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

СОДЕРЖАНИЕ № 11

Стр.

Да здравствует восемнадцатая годовщина пролетарской революции в СССР — 1

В. Тадевосян — Борьба с преступлениями несовершеннолетних — 4

С. Митричев — Отмена карточной системы и борьба со спекуляцией — 9

А. С. Тагер — Кассационные заметки — 12

Н. Александровский — Добиться перелома в информационной работе — 19

А. Баталин — Новый этап в борьбе за правильные измерительные приборы — 22

В. Малкис — О кассационных заседаниях военных трибуналов — 25

О. А. Зубкова — Больше внимания гражданским делам — 27

А. М. Либерман — По поводу „отпрыгого забрала" — 28

К. Плотников — На защиту женщины от издевательства — 29

П. Ш. — Об оформлении и хранении судебного дела — 31

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза — 32

По союзным республикам — 52

Библиография — 59

Сводка важнейших постановлений — 63

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

НОЯБРЬ 1935 г. 11

Редакция:
Москва, Б. Дмитровка, д. 15

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВОСЕМНАДЦАТАЯ ГОДОВЩИНА ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СССР!

Восемнадцатую годовщину Октября СССР встречает в полном расцвете своих творческих сил. Восемнадцатая годовщина Великой Октябрьской революции застает нашу родину на высоком подъеме ее социалистического строительства, вписавшего в историю всемирной борьбы трудящихся за свое освобождение не одну блестящую страницу грандиозных успехов и побед.

Социализм в нашей стране победил окончательно и навсегда. Наша страна творческими усилиями рабочего класса в союзе с трудящимися массами крестьянства, под руководством нашей великой коммунистической партии и ее гениальных вождей Ленина и Сталина превращена в мощную страну социалистической промышленности, в грозный оплот борьбы за мир во всем мире, в крепость международного движения за коммунизм, в знамя международной коммунистической революции.

Восемнадцатая годовщина Октября застает нашу промышленность бьющей ключем. Наша промышленность к восемнадцатому году пролетарской революции сумела занять по выпуску продукции второе место в мире после США и первое место в Европе. Она занимает первое место среди всех европейских государств по нефти, чугуну, стали, машиностроению, тракторостроению, по производству грузовых машин. Производство нашей металлообрабатывающей промышленности уже в прошлом году превзошло уровень 1913 г. более чем в 12 раз, машиностроение СССР превысило довоенное в 16 раз, электроэнергии мы производим в 12 раз больше, чем до войны, а общий уровень производства средств производства в 1934 г. превосходил уровень 1913 г. в 7 раз. Мы создали мировые гиганты с самой передовой техникой во всех отраслях народного хозяйства.

Блестяще осуществляется лозунг партии Ленина — Сталина — «догнать и перегнать» в кратчайший срок передовые в техническом отношении капиталистические страны.

В ряде отраслей промышленности эта задача уже решена, в ряде — наша промышленность накануне полного разрешения этой задачи.

Сельское хозяйство представляет собою невиданную в мире организацию хозяйства на новых социалистических началах. 350 тысяч тракторов и 50 тысяч комбайнов, брошенных нами в деревню в этом году, одержали знаменательную победу. Эта победа украшает и наши колхозы и наши совхозы.

Миллионные массы колхозников, опирающихся в своей хозяйственной работе на новую социалистическую технику, охваченные новым энтузиазмом, дают замечательные образцы героической борьбы за высокий урожай, за подъем животноводства, за превращение наших

колхозов в большевистские, а колхозников в зажиточных, претворяя в жизнь на каждом шагу своей деятельности великий лозунг т. Сталина, формулирующий новые требования в деле колхозного строительства.

Победа сталинского устава сельскохозяйственной артели, сочетающего общественные интересы колхозов с личными интересами каждого колхозника, привела к высокому качеству, быстроте и организованности колхозной работы при проведении сева, уборки урожая и при выполнении лежащих на колхозах перед государством обязательств.

Переворот, произведенный на нашем транспорте партией, поставившей во главе этого труднейшего участка нашего народного хозяйства испытанного и лучшего соратника т. Сталина — Лазаря Моисеевича Кагановича, привел к гигантским успехам погрузки, являющимся наиболее ярким показателем переживаемого нашим транспортом небывалого подъема.

Опрокинуты и вдребезги разгромлены контрреволюционные теории «предельцев», засевших на отдельных участках нашего транспорта, срывающих план железнодорожных перевозок и всячески боровшихся против его большевистского выполнения.

Небывалый рост культурно-материального благополучия масс, рост новой социалистической культуры, выдвинувшей целые отряды энтузиастов социалистического труда и социалистической дисциплины, этих замечательных вожатых массового движения, за новую организацию, за более высокую и подлинно социалистическую производительность труда, — Стаханова, Бусыгина, Виноградовых, Кривоноса и многие тысячи и десятки тысяч их друзей и соратников, пятисотниц Демченко, Гнатенко, Ганну Кашеву, Нину Шипук, Христю Байдыч, Катерину Андрощук и еще многие тысячи незаметных, скромных, но замечательных всем своим общественным обликом новых людей, рожденных Великим Октябрем и воспитанных всей нашей замечательной эпохой, — открывает новые яркие страницы истории этих восемнадцати лет Пролетарской революции, с каждым годом своей жизни поднимающей нашу страну на новые и новые высоты хозяйственного, культурного и политического могущества, обеспечивающего и дальнейшие еще более блестящие победы социализма.

На основе этих успехов, опирающихся на мощный фундамент новой социалистической экономики — общественную социалистическую собственность, — еще крепче и непоколебимее стоит союз рабочего класса и колхозного крестьянства, под знаменем пролетарской диктатуры борющихся за построение бесклассового социалистического общества.

Пролетарская диктатура в восемнадцатый раз празднует свою победу на одной шестой части мира над своими классовыми врагами, разгромленными и пущенными великой революцией трудящихся ко дну. Самый отвратительный и подлый из всех эксплоататорских классов — кулачество — окончательно разгромлено и ликвидировано как класс.

Колхозы охватывают сейчас около 85% крестьянских хозяйств и вместе с совхозами дают советской стране свыше 90% всего хлеба.

В городе добиваются последние остатки эксплоататорских классов.

На основе этих успехов поставлена задача окончательной ликвидации классов вообще, искоренения последних остатков старого эксплоататорского общества из экономики и сознания людей, построения бесклассового социалистического общества.

На этой основе шире развертывается борьба в зарубежных странах наших братьев по классу, изнывающих под игом капитализма.

Исторические решения VII конгресса Коминтерна о единстве действий в борьбе пролетариев всех стран еще крепче сплачивают трудящиеся массы для борьбы против кровавого фашизма и поджигателей новой империалистической бойни, для борьбы в защиту СССР, за победу социалистической революции во всем мире.

Таковы великие итоги восемнадцати лет Пролетарской революции. Эти итоги являются прямым результатом торжества генеральной линии нашей партии, великой партии Ленина — Сталина, торжества ленинизма, торжества сталинского руководства социалистическим строительством.

Таков путь восемнадцати лет Пролетарской революции.

Этот путь был достаточно труден. Он требовал упорных, систематических и

самоотверженных усилий, чтобы сокрушить сопротивление гибнущего классового врага и его агентуры, чтобы преодолеть все трудности социалистического наступления.

Под гениальным руководством т. Сталина блестяще были преодолены трудности, связанные с ожесточенной борьбой против партии и дела рабочего класса различных контрреволюционных элементов, особенно контрреволюционных троцкистов и зиновьевцев, не остановившихся перед убийством лучшего друга и сподвижника т. Сталина, руководителя ленинградских большевиков Сергея Мироновича Кирова.

Наша партия, под руководством своего ЦК во главе с т. Сталиным, беспощадно разгромила правых и «левых» оппортунистов, вредителей, белогвардейских диверсантов и контрреволюционные троцкистские и зиновьевские подонки.

Но логика классовой борьбы капиталистических элементов против социализма, логика их классового сопротивления толкает последние еще уцелевшие остатки враждебных делу социализма сил на дальнейшую и порой еще более ожесточенную борьбу против расцветающего социалистического общества.

В этой борьбе на долю органов советской юстиции — детища Великого Октября — выпадает громадная ответственность и серьезные исторические обязанности. Перед органами советской юстиции во весь рост стоит задача — окончательно добить остатки враждебных нам преступных элементов.

Задача последовательной, политически заостренной, мужественной борьбы против преступных заговорщиков и подрывников нового советского строя и сейчас стоит во всей своей остроте, ибо классовый враг не сдается и продолжает свою озлобленную звериную борьбу.

Вот почему и на девятнадцатом году пролетарской революции органы суда и прокуратуры являются столь же необходимым и важным орудием пролетарского государства, как и в прошлые годы.

Ни на минуту не ослаблять нашей революционной бдительности, ни на минуту не притуплять острия нашего оружия революционного правосудия, быть по-прежнему беспощадными к врагам пролетарского государства, к врагам нашей социалистической родины, — вот основная заповедь в нашей работе.

Наша задача, однако, не исчерпывается беспощадным подавлением преступных посягательств со стороны враждебных делу социализма элементов.

Задачи органов суда и прокуратуры шире. Они заключаются в широкой массово-воспитательной работе, в воспитательно-принудительном воздействии на сознание неустойчивых элементов из среды самих трудящихся, в систематической переделке их сознания, отравленного пережитками и предрассудками старого капиталистического общества, в укреплении новой пролетарской дисциплины, в воспитании нового социалистического правосознания.

Восемнадцать лет назад, на другой день после низвержения власти временного правительства и установления советской власти, декретом № 1 о суде была уничтожена буржуазно-помещичья юстиция и были провозглашены новые задачи советской юстиции.

За эти восемнадцать лет органы советской юстиции своей беззаветной и мужественной борьбой сумели, правильно разрешая свои задачи, правильно развертывая на основе указаний нашей партии и правительства борьбу против врагов советского строя, нанести этим врагам не один сокрушительный удар, одержать над врагами не одну блестящую победу.

За эти годы советская юстиция окрепла и возмужала, являясь верным и преданным стражем интересов пролетарского государства и всех трудящихся, верным стражем социалистического правопорядка, социалистической законности, общественной социалистической собственности.

Вступая в девятнадцатый год пролетарской революции, органы советской юстиции, советский суд и советская прокуратура будут и впредь верно служить рабочему классу, беззаветно борясь за благо и славу пролетарского государства, за интересы трудящихся, осуществляя во всей своей практической деятельности указания великого вождя нашей партии и трудящихся всего мира, великого вдохновителя и организатора блестящих побед социализма в нашей стране, товарища, друга и учителя — Сталина.

В. ТАДЕВОСЯН

Борьба с преступлениями несовершеннолетних

Прошло уже восемь месяцев с момента издания одного из важнейших законов нашего времени — постановления ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 г. о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, историческое значение которого, вопреки клеветническим измышлениям фашистских борзонисцев, с особенной ясностью раскрывается после опубликования другого важнейшего постановления партии и правительства 31 мая 1935 г. о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности. Поставленная перед всеми нашими органами, перед всей нашей общественностью возможная только в социалистической стране задача окончательной ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, а вместе с тем и детской преступности в буквальном смысле слова всколыхнула всю нашу страну, подняла нашу общественность и органы власти на решительную и энергичную борьбу с этими позорными остатками прошлого капиталистического строя.

Судебно-прокурорские органы, очень мало занимавшиеся вопросами борьбы с преступлениями несовершеннолетних, после издания закона 7 апреля 1935 г. в большинстве мест проявили особую энергию и инициативу для того, чтобы при помощи масс во-разъяснительной работы создать вокруг поставленных правительством вопросов такую атмосферу, которая путем мобилизации усилий родителей, педагогов и всей советской общественности облегчила бы скорейшую и наилучшую реализацию задачи ликвидации преступности среди несовершеннолетних.

Большое число выступлений работников юстиции на родительских собраниях, на совещаниях, созванных на предприятиях, в органах наркомпросов, выступления в колхозах, в печати содействовали популяризации и внедрению в массы решения правительства, с одной стороны, и, с другой стороны, выявлению тех трудностей и недочетов, которые имеются в борьбе с этим видом преступлений. Кроме того работникам юстиции удалось наметить и совместно с другими органами провести целый ряд профилактических мероприятий в этой области.

Созданная, таким образом, атмосфера резко нетерпимого отношения к детской преступности, атмосфера негодования к тем, которые создают, поощряют или допускают возникновение этой преступности в нашей стране, является исключительно благоприятной обстановкой в деле скорейшего осуществления директив партии и правительства о ликвидации детской беспризорности, безнадзорности и вместе с этими детской преступности.

Первые же месяцы проведения в жизнь указанных постановлений наглядно показали всю политическую актуальность и своевременность такого жесткого постановления, как ст. 2 закона 7 апреля 1935 г., согласно которому лица, уличенные в подстрекательстве или в привлечении несовершеннолетних к участию в различных преступлениях, а также в понуждении несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством и т. п., подлежат тюремному заключению на срок не ниже пяти лет.

Далеко не все работники юстиции усвоили положение, вытекающее из закона 7 апреля 1935 г., что в целях успешного и скорейшего осуществления директивы о ликвидации детской преступности в стране абсолютно необходимо вырвать во что бы то ни стало детей из-под пагубного влияния на них классово враждебных и преступных элементов.

Недостаток нашей работы заключается в том именно, что расследование и выявление этих тайных, действующих тихой сапой, классово враждебных преступных элементов осуществляется очень плохо. Понятно, конечно, что трудно искать и найти скрывающегося преступника, чем уговорить малолетнего правонарушителя чистосердечно сознаться. Между тем гораздо важнее выявление одного организатора детских воровских шаек, чем осуществляемое самотеком вылавливание на базарах, вокзалах и других местах десятками мелких воришек, чаще всего посылаемых на это «дело» организатором преступлений детей, который, оставшись невыявленным, продолжает вербовать других детей.

Задача наша состоит в том, чтобы коренным образом перестроить расследование дел о несовершеннолетних, переведя его на рельсы тщательного выяснения всей обстановки совершения преступления, влияния окружающей среды на несовершеннолетних правонарушителей, роли семьи и школы и т. д. Методы работы комиссий по борьбе с несовершеннолетними правонарушителями (комонес) сплошь и рядом явно негодные потому, что они в основном сводились к бесконечным изучениям социально-бытовой обстановки и к беззубому увещеванию детей и родителей, все же давали в своей практике не мало примеров умелого подхода к детям при расследовании совершенных ими преступлений. Необходимо использовать весь положительный опыт этих комонесов, лучшие из которых никогда не ограничивались в своей работе констатацией преступления и установлением личности совершившего это преступление, а тщательно изучали все обстоятельства, причины и условия, приведшие к преступлению, всех лиц, виновных в этом, и т. д. и только после этого решали вопрос о мерах воздействия или исправления.

Надо прямо сказать, что основным нашим недочетом в этом вопросе является расследование дел. Предварительное расследование, проводимое с теми же в общем недочетами, что и по делам взрослых, имеет крайне отрицательные последствия по делам несовершеннолетних. Достаточно сказать, что количество прекращенных прокурором или судом дел, количество направленных ими же на доследование, а также количество дел, по которым привлеченные в качестве обвиняемых несовершеннолетние были оправданы судом, доходит в некоторых местах до 50%. Эта недопустимая цифра звляется, главным образом, показателем плохой работы органов расследования.

Ошибки органов расследования, т. е. в основном милиции, заключаются, помимо указанного выше, в том, что к уголовной ответственности привлекают детей и подростков за преступления, не предусмотренные законом 7 апреля 1935 г., не устанавливают точно и документально возраст привлекаемого к ответственности, в результате чего нередко только в суде выясняется, что обвиняемому меньше 12 лет. В то же время, работая по трафарету, некоторые работники милиции доходят до смешных и бессмысленных «деталей в своем расследовании», устанавливая, например, что 13—14-летний обвиняемый беспартийный, холост, имущества не имеет, невоеннообязанный.

Для устранения всех этих недочетов необходимо выделить расследовательскую работу по делам несовершеннолетних. Этим делом должны заняться наиболее квалифицированные работники. Не обязательно вовсе, как думают многие, чтобы это были педагоги или педологи, многие из которых своим либеральным подходом к делам комонесов явно дискредитировали борьбу с преступностью среди несовершеннолетних. Надо, чтобы специализировавшийся в этой работе работник милиции или следователь организовал вокруг себя актив из тех же педагогов, а, что особенно важно, из комсомольцев, которые близко знают детскую среду и могли бы сильно помочь делу борьбы с детской преступностью. При помощи такого общественного актива можно будет не только детально изучить обстановку, в которой воспитывался и жил совершивший преступление, но и тех лиц, которые подстрекали детей на преступления. Это обстоятельство очень важно для нас, ибо не следует забывать, что каковы бы ни были условия допроса в милиции или у следователя, все же они не таковы, чтобы 12—15-летний мальчик, даже рецидивист, смело и откровенно рассказал о всех совершенных им преступлениях и о лицах, участвовавших вместе с ним и направлявших его на эти преступления, в то время как эти же факты при умелой организации могут быть легко установлены при помощи групп содействия и соцсовместителей из комсомольцев и педагогов.

При расследовании дел о несовершеннолетних некоторые работники считают излишним придерживаться норм УПК, полагая, что эти дела настолько просты, а сами несовершеннолетние настолько мало понимают в делах и терминах, что явно нецелесообразно соблюдение формальных правил процесса. Для игнорирования процессуальных норм эти люди находят всякие доводы, указывая, например, на то, что составление обвинительного заключения не нужно по этим делам, так как многие несовершеннолетние правонарушители малограмотны, ничего не понимают в них, юридические термины, неизбежно употребляемые в этих актах, им недоступны; говорят также, что излишне последнее слово обвиняемых по этим делам, так как оно ничего не дает и т. д. Мы считаем обязательным соблюдение норм УПК по делам несовершеннолетних, ибо только при этом условии может быть обеспечено правильное разрешение этих дел. Напрасно некоторые думают, что так как дела несовершеннолетних просты, не следует придерживаться норм УПК или следует эти дела рассматривать в дежурных камерах. Дела эти кажутся простыми только тем, кто, игнорируя правила процесса, ограничивается констатацией факта преступления и не выявляет всего того, о чем мы говорили выше. Но те, которые ведут борьбу таким образом, нередко вредят борьбе с преступлениями несовершеннолетних своими неправильными, упрощенскими действиями. Помимо того, что составление и вручение обвинительных заключений может дать возможность несовершеннолетнему и его защитнику, родителю, обосновать свои возражения, добиваясь истины вместе с остальными участниками процесса, оно должно суммировать нередко хаотически собранные обвинительные данные, оно должно обязать работника расследования более серьезно относиться к своему делу, трижды проверить то, что он записывает как доказанный факт. Не будь всего этого, мы превратили бы суды для несовершеннолетних в дежурные камеры со всеми их недостатками. Наконец, странно, что некоторых упрощенцев стесняет такая процессуальная норма, как последнее слово обвиняемого несовершеннолетнего. Правда, бывают такие случаи, когда у некоторых судей, обвиняемые несовершеннолетние ничего не говорят в последнем слове или плачут. Но, ведь, это именно и есть результат нарушения судом процессуальных норм, результат неумения правильно организовать судебный процесс. Чуткий и понимающий судья поймет из последнего слова несовершеннолетнего, в какой мере подействовал на него процесс и сделает отсюда свои выводы.

В отношении недочетов расследования интересно отметить и такие факты, когда вследствие непонимания специфики дела о несовершеннолетних дело возбуждается и расследуется на основании голословных заявлений отдельных лиц, а чаще всего родителей, которые часто рады как-нибудь избавиться от своих трудновоспитуемых детей. На основании таких заявлений, детей, которых в крайнем случае надо было бы поместить в школы Наркомпросов для трудновоспитуемых за счет родителей, направляют в суд для несовершеннолетних и судят как преступников. В подобных делах органам расследования необходимо разоблачать действия родителей, направленные лишь к собственному мелкобуржуазному благополучию в ущерб интересам детей. Не обязательно во всех подобных случаях, как думают некоторые наши работники, привлекать родителей к уголовной ответственности. В наших советских условиях методов воздействия и помощи родителям, не желающим или не умеющим воспитывать своих трудновоспитуемых детей, очень много. Надо суметь использовать все эти методы и средства, одним из которых является указанная в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) 31 мая 1935 г. обязанность органов наркомпросов и милиции доводить до сведения общественных организаций по месту работы родителей об отсутствии надзора со стороны родителей за поведением детей. В начале 1935 г. под влиянием поднятой печатью кампании общественного воздействия на родителей, плохо воспитывающих своих детей, по всей стране прокатилась очень ценная и важная волна отчетов и докладов родителей на общих собраниях, заседаниях парткомов, профессиональных комитетов и т. д. Однако это была лишь проходящая волна, которая хотя

и дала много положительного, но явно недостаточно. Необходимо, чтобы органы расследования каждодневно направляли материал в эти общественные организации и тем самым систематически концентрировали их внимание на вопросах борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью до полной ликвидации детской преступности, а не в отдельные периоды, кампанейски.

Это же постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) предусматривает обязанность органов Наркомпроса в подобных случаях, когда родители не обеспечивают надлежащего присмотра за поведением ребенка, возбуждать вопрос перед судебными органами об изъятии ребенка от родителей и о помещении его в детский дом за счет родителей.

Преступления несовершеннолетних чрезвычайно разнохарактерны. Следуя примеру взрослых, которые, как мы знаем, часто непосредственно вовлекают их в преступления, дети совершают те же преступления. Чаще всего, т. е. почти 80% всех их преступлений, составляют всякого рода кражи; кроме того не мало случаев хулиганства, нанесения телесных повреждений, ножевых ранений и т. п. Остальные виды преступлений среди несовершеннолетних встречаются чрезвычайно редко. И вот, сталкиваясь с ними, работники расследования и суда часто ставят вопрос о том, как должна вестись борьба с ними, т. е. в каких пределах применять закон 7 апреля 1935 г. и как быть с тем, что постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР 31 мая 1935 г. ликвидированы комонесы, которые ранее занимались правонарушениями несовершеннолетних.

Каковы эти преступления? К ним относятся изнасилования, поджоги, мошенничества, хулиганство, драки, контрреволюционные выкрики или поступки, иногда совершаемые отдельными несовершеннолетними в школах, в общественных местах и т. д. Здесь необходимо остановиться вкратце на двух противоположного характера ошибках, которые имели место на практике. С одной стороны, имеются работники, до сих пор еще упорно твердящие заученные ими либеральные «истины» о том, что детей нельзя наказывать. Всячески пытаются они внести в указанные выше законы свои собственные поправки. Формально истолковывая закон 7 апреля, некоторые из них додумываются до того, например, что предлагают считать возможным судить несовершеннолетних только за кражи, но не хищения социалистической собственности, за грабежи и бандитизм. Большие споры в их среде возникли и по вопросу о возможности привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности за мошенничество. Либерализм в вопросах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних явно сказывается во многих случаях и при применении мер репрессий. Как же наказывать детей? думают эти судьи. Надо внушить им, что они поступают плохо и путем убеждения добиться своего. Поэтому они применяют краткосрочное или условное лишение свободы в широких масштабах и тем самым дискредитируют суд, возрождают практику комонесов, оказывают, наконец, медвежью услугу детям, которых они жалеют, так как этим самым они отдают их вновь во власть улицы, на новые преступления, вместо того чтобы своим решением добиться их исправления.

Характерным примером с точки зрения оказанного либералами сопротивления требованиям закона является вопрос о применении ст. 50 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик по делам о несовершеннолетних. Известно, что законом 7 апреля 1935 г. отменена ст. 8 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, в соответствии с чем судебным органам было разъяснено, что ст. 50 УК РСФСР (и соответствующие статьи УК других союзных республик) применению не подлежит, т. е. обязательное снижение несовершеннолетним определяемой им судом меры наказания в силу того лишь, что приговор выносится в отношении несовершеннолетнего, отпало. Значение этого постановления точно так же, как и серьезное наказание (согласно статье первой закона 7 апреля) несовершеннолетних правонарушителей, ранее оставшихся безнаказанными, вопреки мнению либеральных, оппортунистических «защитников» детей, весьма существенно. Мы имеем не мало примеров того, как бывшие преступники — беспризорные и другие несовершеннолетние, узнав тем или иным путем о том, что с комонесовской практикой покончено (после издания закона 7 апреля) и что их будут наказывать за преступления как взрослых, группами являлись в местные органы наробразов с просьбой устроить их куда-нибудь на работу, обещая прекратить свою преступную деятельность.

Не считаясь и с этой стороной вопроса, некоторые судьи до сих пор еще продолжают снижать меру наказания несовершеннолетним на одну треть и на половину. А в НКЮ одной из союзных республик нашлись люди, которые с пеной у рта «принципиально» спорили о том, следует ли ст. 50 УК, которую к несовершеннолетним правонарушителям в возрасте от 12 до 16 лет применять не следует, не применять также и к несовершеннолетним в возрасте от 16 до 18 лет.

Неправильно делают и те, которые не придают практического значения мягкой судебной политике, ссылаясь на то, что все равно, каков бы ни был приговор суда, несовершеннолетний, будучи помещен в трудовую колонию, не будет выпущен согласно ст. 42 ИТК, пока руководящие делом перевоспитания несовершеннолетнего лица и органы (в пределах трехгодичного срока) не придут к заключению, что результаты перевоспитания налицо и его можно выпустить из колонии. Ссылаясь на это, безусловно очень существенное положение в нашем исправительно-трудовом законодательстве, некоторые прокурорские работники не опротестовывают чрезвычайно мягких приговоров судов по серьезным преступлениям несовершеннолетних. Неправильность указанного выше рассуждения вытекает из непонимания того, что помимо целей перевоспитания преступника задачей наказания является общепредупредительное воздействие на окружающую среду. Последняя же цель слабо достигается или вовсе не достигается подобной судебной политикой.

В другую крайность впадают и также вредят делу борьбы с преступностью среди несовершеннолетних те, которые, переоценивая значение репрессивных мер в борьбе с этими преступлениями, распространительно толкуют и применяют закон 7 апреля, привлекая в неко-

торых местах к уголовной ответственности детей в возрасте до 12 лет, а также привлекая несовершеннолетних в возрасте от 12 до 16 лет за такие преступления, которые законом не предусмотрены. Один из прокуроров на Дальнем Востоке, крайне упростив, очевидно, стоящие перед ним задачи, пишет в своем отчете, что всех беспризорных, кроме девяти, которые выбыли из города в неизвестном направлении, он привлек к уголовной ответственности.

Такое понимание задач, стоящих перед прокуратурой, не имеет ничего общего с теми, которые поставлены партией и правительством двумя последними важнейшими законами.

Пресекая существующую ранее недооценку репрессии в деле борьбы с преступлениями несовершеннолетних и почти полную их безнаказанность (лиц в возрасте до 16 лет), законы эти в борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью отнюдь не отводят первого места репрессии.

Ведь не случайно в борьбе с детской преступностью мерами уголовного суда закон 7 апреля указывает только на часть преступлений несовершеннолетних, либо наиболее распространенных, либо же наиболее опасных. Все остальные преступления должны быть ликвидированы, главным образом, методами воспитательного воздействия школы, комсомола, самих родителей.

Как совершенно очевидно, к числу краж, борьба с которыми согласно закону 7 апреля должна вестись всеми мерами уголовного наказания, относятся не только преступления, предусмотренные ст. 162 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, но и другие виды преступного завладения чужим имуществом. Иначе говоря, — хищения социалистической собственности, грабежи, разбой, совершаемые несовершеннолетними, несомненно, принадлежат к числу тех преступлений, которые законом 7 апреля объединены под общим наименованием «кражи», за которые эти несовершеннолетние подлежат уголовному наказанию. Некоторые товарищи, однако, до сих пор еще утверждают, что мошенничество (ст. 69 УК РСФСР и соответствующие статьи других союзных республик) законом 7 апреля не предусмотрено. В результате получается у них так, что укравшие из магазина несколько бутылок вина или несколько кусков мыла подлежат уголовной ответственности, а получившие тот же товар или еще большую ценность по поддельному кассовому чеку судебной ответственности не подлежат. Это, конечно, неправильно и противоречит закону, ибо даже с формальной точки зрения получение мошенническим путем чужого имущества — есть не что иное, как разновидность кражи. На этот путь очень часто направляются несовершеннолетние организаторами преступлений их, и с этими преступлениями борьба должна вестись не менее решительно, чем со всеми другими.

Неосновательным является и сомнение некоторых товарищей в том, подлежат ли уголовной ответственности совершаемые мальчиками от 12 до 15 лет изнасилования, так как и из самого названия преступления явствует, что речь идет о применении насилия, которое само по себе влечет уголовную ответственность согласно закону 7 апреля. По существу же это преступление, нередко встречающееся в среде несовершеннолетних, иногда принимает весьма опасную форму группового изнасилования, за которое, как известно, мы привлекаем взрослых как за бандитизм.

Особо надо остановиться на хулиганстве несовершеннолетних, не осложненном насилием. Закон 7 апреля 1935 г. об этих преступлениях не говорит, следовательно, борьба с ними должна вестись иными методами. Каковы же эти методы? Прежде всего, надо заметить, что хулиганство в числе преступлений несовершеннолетних по своему количеству занимает второе место (после краж), причем значительная масса этих преступлений — явно незначительные детские выходки, драки и мелкие хулиганства, являющиеся результатом полной безнадзорности этих детей. Само собой понятно, что хулиганские действия несовершеннолетних, сопряженные с преступлениями, указанными в перечне закона 7 апреля (насилие, телесное повреждение), влекут за собой уголовную ответственность. Во всех же остальных случаях нет оснований для применения уголовной репрессии к несовершеннолетним в возрасте до 16 лет.

Точно так же в целом ряде других случаев преступлений несовершеннолетних уголовное наказание к ним не может быть применяемо. Так, например, даже в случаях контрреволюционных с их стороны выходок и выкриков, которые, несомненно, являются результатом несознательности, дурного влияния окружающих их кулацких и контрреволюционных элементов, не может быть возбуждено уголовное преследование против этих несовершеннолетних, а должны быть тщательно выявлены и строго наказаны те лица, под влиянием которых среди нашей молодежи встречаются еще такие, которые допускают эти выходки.

Распространительно, а, следовательно, неправильно применяют закон 7 апреля и тогда, когда к уголовной ответственности привлекают за обычные детские драки, за незначительные, совершенные впервые, мелкие кражи, которые хотя формально законом и предусмотрены, но явно не представляют собою уголовного преступления не только по своей незначительности, но и по всей обстановке, сопровождающей эти явления. Нельзя упускать из виду, что нередко такие кражи совершаются из озорства, баловства, ухарства и т. п. побуждений. При решении вопроса о применении закона 7 апреля необходимо учитывать и эти обстоятельства.

Из сказанного уже ясно, что борьба со всеми подобными действиями несовершеннолетних, неподлежащих рассмотрению в судебном порядке, должна вестись иными методами. До ликвидации комонесов эту борьбу вели они. Теперь борьба, вернее воспитательная работа в связи с этими проступками несовершеннолетних, должна вестись теми же методами, что и вся школьно-воспитательная работа. Задача органов наробразов состоит в том, чтобы организовать эту работу, поднять всю общественность на помощь этому трудному делу, помочь семье стать на более высокую культурную ступень в деле воспитания детей.

Закон 31 мая 1935 г. дал целый ряд ясных указаний об организации этой работы. В этом законе мы имеем конкретные указания, дающие ответ на вопросы о том, как вести борь-

бу с хулиганством детей и подростков. Практика ряда крупных городов, где милиция в соответствии с этим законом штрафовала родителей за хулиганские и озорные действия их детей на улицах и других общественных местах, показала, что это мероприятие содействовало сокращению как детской безнадзорности, так и, следовательно, детского хулиганства.

Закон в борьбе с указанными выше правонарушениями несовершеннолетних дает ряд средств, использование которых должно привести к реальным результатам. Так, например, помимо того, что привлечению к уголовной ответственности за подстрекательство к совершению поджога подлежат взрослые, к материальной ответственности за причиненный вред должны быть привлекаемы родители и опекуны (ст. 9 пост. ЦК ВКП(б) и СНК СССР 31 мая 1935 г.); помимо этого, во всех случаях, когда надлежащее воспитание указанных детей со стороны родителей не обеспечено, дети должны быть помещены в детский дом с оплатой стоимости их содержания за счет родителей (ст. 22 указанного постановления). Надо отметить, однако, что эти существенные меры борьбы с детской преступностью пока еще очень мало применяются на практике.

Что касается судебной политики по делам о несовершеннолетних, прежде всего бросается в глаза большой процент применения судами лишения свободы: в среднем 60—70% всех мер наказания составляет лишение свободы, в то время как в отношении взрослых преступников такой процент составляет среди прочих мер наказания исправительно-трудовые работы. Некоторые товарищи на этом основании бьют тревогу. Надо, однако, сказать, что такой вывод кажется правильным лишь на основании формальных умозаключений: несовершеннолетние должны наказываться более мягко, чем взрослые; в качестве мягких мер наше уголовное законодательство знает исправительно-трудовые работы, которые применяются в отношении взрослых в среднем в 60—70%; следовательно, к несовершеннолетним эта мера должна применяться в гораздо большем количестве случаев; раз этого нет, а пропорция получается обратная, следовательно, карательная политика неправильна. В ужас приводит некоторых товарищей и то, что судьи стали применять к несовершеннолетним краткосрочное лишение свободы.

Такие взгляды на карательную политику судов являются результатом поверхностного знакомства с делом. Прежде всего надо сказать, что наше законодательство еще задолго до закона 7 апреля, установило такой порядок, когда, в отличие от взрослых преступников, несовершеннолетние могли быть, даже независимо от срока приговора, оставляемы в местах лишения свободы для них на более длительный срок. Так, например, ст. 42 исправительно-трудового кодекса РСФСР устанавливала, что «если срок приговора несовершеннолетнего оканчивается ранее окончания обучения в школе и если нет возможности обеспечить его дальнейшего обучения, педагогический совет может установить обязательный срок обучения, независимо от срока приговора с тем, однако, чтобы все время обучения не превышало трех лет». В соответствии с этим краткосрочное лишение свободы, которое суды вынуждены применять к несовершеннолетним по таким преступлениям, как кражи, может и должно быть корректируемо руководителями, смотря по тому, как идет процесс перевоспитания в трудовой колонии. Широкое же применение лишения свободы объясняется тем, что задача перевоспитания несовершеннолетних лучше всего может быть осуществлена в трудовых колониях для несовершеннолетних. Исправительно-трудовые же работы, которые, как известно, весьма скверно организованы для взрослых, почти совершенно не организованы для несовершеннолетних. Да и вообще смешно было бы определять в качестве меры наказания несовершеннолетним правонарушителям, значительное число которых является беспризорными или бездомными, в широких размерах исправительные работы без лишения свободы. Нельзя также упускать из виду особый характер учреждений лишения свободы для несовершеннолетних правонарушителей, являющихся скорее школами закрытого типа, чем местом заключения.

Практика показывает, что в ряде мест довольно большой процент мер наказаний по делам несовершеннолетних составляет условное лишение свободы. Эта мера может быть полезной лишь при условии последующей проверки того, исправился ли совершивший ранее правонарушение, ведет ли надзор за ним предупрежденный судом родитель его и т. д. В противном случае, да притом еще при массовом применении условных наказаний судом (в некоторых местах процент этих мер доходит до 20) может оказаться, что суд пошел в борьбе с преступностью среди несовершеннолетних по тому же пути либеральной безрукости, по которому шли и провалили дело ликвидированные комонесы.

С. МИТРИЧЕВ

Отмена карточной системы и борьба со спекуляцией

Отмена карточной системы не только не снимает вопроса борьбы со спекуляцией, но, наоборот, обязывает судебные и прокурорские органы усилить эту борьбу. Отмена карточной системы, подсекая спекуляцию, суживая поле деятельности спекулянтов, еще раз этим подчеркивает, что советская торговля должна развиваться без спекулянтов больших и малых.

Спекуляция всегда была опасным для пролетарского государства преступлением. Поэтому борьбе со спекуляцией уделялось серьезное внимание на всех этапах пролетарской диктатуры. Еще *большего внимания* эта борьба требует теперь, в период развернутого строительства *бесклассового социалистического* общества. Современная советская торговля качественно и количественно отличается от того, что было несколько лет назад. В нашей торговле сейчас господствует социалистический сектор. Огромное значение советской торговли было подчеркнуто решением XVII партсъезда. В докладе т. Сталина прямо сказано: «Чтобы экономическая жизнь страны могла забить ключом, а промышленность и сельское хозяйство имели стимул к дальнейшему росту своей продукции, надо иметь еще одно условие, а именно: развернутый товарооборот между городом и деревней, между районами и областями страны, между различными отраслями народного хозяйства. Необходимо, чтобы страна была покрыта богатой сетью торговых баз, магазинов, лавок. Необходимо, чтобы по каналам этих баз, магазинов, лавок, безостановочно циркулировала торговля от мест производства к потребителю. Необходимо, чтобы в это дело были вовлечены и государственная торговая сеть, и кооперативная торговая сеть, и местная промышленность, и колхозы, и единоличное крестьянство. Это и называется у нас развернутой советской торговлей, торговлей без капиталистов, торговлей без спекулянтов». В условиях, когда капиталистическое хозяйство в СССР уже ликвидировано, а единоличный крестьянский сектор в деревне оттеснен на второстепенную позицию, спекуляция играет совершенно иную роль, чем в первый период нэпа. Спекуляция приобрела сейчас новые качества и имеет иное общественно-политическое значение. Спекуляция теснейшим образом связана с хищениями социалистической собственности и является так же, как и последняя, одной из форм ожесточенной борьбы классового врага против наступающего социализма.

Вот почему вслед за декретом 7 августа 1932 г. и в тесной связи с ним был издан декрет 22 августа 1932 г. о борьбе со спекуляцией.

Классовый враг, выбитый из всех своих позиций, пытается сейчас использовать каждую возможность, каждый случай, чтобы нанести вред пролетарскому государству. Упорная борьба, развернувшаяся на фронте советской торговли, была и остается попыткой классового врага сорвать последние постановления партии в этой области. Кулак пытается сорвать колхозную торговлю в своих интересах, стремясь на этом ответственном участке союза рабочего класса с крестьянством нанести удар пролетарскому государству.

Современная советская торговля развертывается на иной основе, чем это было в первый период нэпа. Спекуляция питается сейчас из иных источников, имеет другую базу, нежели в первый период нэпа, ибо в современном товарообороте не допускаются капиталистические элементы. В первый период нэпа мы ставили перед собой задачу борьбы со спекуляцией путем организации государственного контроля над частной торговлей. Первые декреты нэпа, как, например, «Об ответственности за нарушение декрета о натуральном налоге и об обмене» понимали под спекуляцией злостное повышение цен на товары, или, как определяла *понятие спекуляции* ст. 137 (редакция 1923 г.), сговор торговцев для злостного поднятия цен. Эта же редакция статьи осталась и в УК 1926 г. Ст. 107 старой редакции говорит о том же злостном повышении цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок. Характерно, что Уголовный кодекс первой редакции слово «спекуляция» не употребляет совсем. Многие горе-теоретики того времени считали, что советская власть, разрешив свободную торговлю, отказалась от борьбы со спекуляцией. Но это, конечно, было совершенно неверно. Разрешая свободную торговлю, мы знали, что даем возможность некоторому развитию капиталистических элементов. Но объявляя свободную торговлю, мы объявили наказуемым «всякое хищение и всякое уклонение, прямое или косвенное, открытое или прикрытое от государственного контроля, надзора, учета». Ленин, давая характеристику понятия торговли в этот период говорил, что это есть особая свободная торговля. Вопрос о борьбе со спекуляцией не только не снимался, но, наоборот, к спекулянту, нарушителю советских законов, должна применяться самая суровая репрессия.

Конец восстановительного и начало реконструктивного периода вызвали, как это отмечено XV партсъездом, дальнейшее обострение классовой борьбы. Это обострение классовой борьбы сказалось и на формах спекуляции этого периода. Затруднения при хлебозаготовках, спекуляция хлебом означали в этот период не что иное, как попытку кулака дать бой пролетарскому государству. Наряду с прочими методами борьбы кулацкий саботаж при хлебозаготовках 1927—1928 гг. означал, что классовый враг переходит к новым формам классовой борьбы. Пролетарское государство сурово расправляется с кулаками, укрывателями хлеба и спекулянтами, и ст. 107 УК в этот период приобретает особое значение. Но уже в середине 1932 г., в связи с успешным развитием советской торговли, ясно стало, что старая редакция статьи уже не отвечала новым требованиям борьбы со спекуляцией. Новым было то, что советская торговля начала развиваться как торговля без спекулянтов малых и больших. Нужно было твердо сказать об этом и в соответствующей статье УК. Только

новая редакция ст. 107, принятая в ноябре 1932 г., точно и определенно указала, что нужно считать спекуляцией. На основе этой статьи спекуляцией считается всякая покупка и перепродажа частными лицами с целью наживы продуктов сельского хозяйства и продуктов массового потребления. Такое понятие спекуляции вытекает из тех новых форм классовой борьбы, из той политической и экономической обстановки, которые дает нам наступление социализма по всему фронту.

22 августа 1935 г. исполнилось 3 года со времени издания декрета правительства о борьбе со спекуляцией. За этот период судебные и прокурорские органы проделали, несомненно, большую работу. Но наряду с многими положительными моментами в их работе имеются до сего времени такие недостатки, о которых нужно еще раз сказать. Это прежде всего относится к непомерно высокому проценту привлеченных за спекуляцию рабочих, колхозников и трудящихся крестьян-единоличников. Данные по РСФСР за 1 и 2-е полугодие 1934 г. в этом отношении показывают следующее:

Осужденные по классовому положению распределялись:

кулацко-зажиточные	— 8,3%	9,4%
середняки-единоличники	— 20,9%	22 %
бедняки-единоличники	— 6,3%	6,3%
колхозники	— 11,4%	12,6%
рабочие	— 17,1%	15,9%
служащие	— 6,5%	6,4%
деклассированные	— 10,8%	8,7%
прочие и неизвестные	— 19,7%	17 %

Правда, небольшой процент осужденных классово враждебных элементов еще не говорит о его действительной роли в этого рода преступлениях. Организующая роль классово враждебных элементов в этих преступлениях ярко вскрывается конкретным материалом. Например, в Енакиеве (Донбасс) на местном рынке быстро поднялись цены на мясо. Колхозники продавали мясо на рынке по явно спекулятивным ценам. Выяснилось, что здесь не обошлось без спекулянта-кулака, ловко укрывшегося за спиной колхозника. К колхознику, продающему корову, подходит кулак и предлагает такую комбинацию: «За корову ты просишь 1800 руб., я тебе даю 1900 руб., но только на таких условиях: я буду «рубщиком» мяса, а ты будешь продавать как колхозник по цене, которую я тебе установлю». Выявить этих организаторов и по ним ударить со всей суровостью — задача, конечно, достаточно трудная.

Начиная со II полугодия 1932 г., количество осужденных росло из года в год. Так, если мы возьмем I полугодие 1932 г. за 100%, то будем иметь во

II полугодии 1932 г.	— 149,4%
I полугодии 1933 г.	— 216,6%
II полугодии 1933 г.	— 156,4%
I полугодии 1934 г.	— 140,8%

Как видим, только со II полугодия 1933 г. мы имеем некоторое снижение количества осужденных, но это снижение отстает от общего снижения осужденных за эти годы. Так, если мы возьмем процент осужденных за спекуляцию в общей массе осужденных, то относительный рост осужденных за спекуляцию будет еще видней:

в I полугодии 1932 г.	— 1,6%
II полугодии 1932 г.	— 2,6%
I полугодии 1933 г.	— 2,8%
II полугодии 1933 г.	— 2,2%
I полугодии 1933 г.	— 2,3%
II полугодии 1934 г.	— 2,3%
I полугодии 1935 г.	— 2,1%

Общее количество осужденных за спекуляцию остается почти стабильным. Казалось бы, что внимание органов юстиции к борьбе со спекуляцией не ослабло, но если обратиться к характеру этих дел, то бросится в глаза, что многие важнейшие участки этой борьбы остались необеспеченными. Это относится в первую очередь к борьбе со спекуляцией хлебом. Если взять, например, хлебозаготовки 1934 г. и отчасти 1935 г., то в целом, ряде районов и областей не была проведена предварительная общественно-политическая и профилактическая работа. В результате во многих местностях с начала хлебозаготовок имело место оживление спекуляции хлебом. Установлено, что районы, наиболее отставшие в хлебозаготовке, являлись особо засоренными спекулянтами хлебом. В этих районах уже с первых дней уборки на рынках шла бойкая торговля хлебом. Хлебом торговали открыто и скрыто, под видом различных отходов. Незыблемый закон о зернопоставках для многих районов оказался законом, который можно нарушать.

Вторым большим недостатком в практике судебных органов последних лет по борьбе со спекуляцией является некоторое ослабление репрессии за спекуцию. Так, если за 1 полугодие 1933 г. лишение свободы занимало 73,2% в общей сумме примененных мер наказаний, то в I полугодии 1934 г. уже 45,2%. Закон 22 августа и ст. 107 знают в качестве меры наказания только лишение свободы. Но судебные органы, привлекая за спекуляцию, почему-то находят нужным давать наказания ниже низших пределов, установленных статьей 107. На это как раз указывает специальный циркуляр Прокуратуры Союза 10 июня 1935 г. Прокуратура обращает внимание на то, что, несмотря на категорическое указание закона 22 августа 1932 г. о всемерной борьбе со спекуляцией, лица, изобличенные в систематической злостной спекуляции хлебом, фуражом и другими продуктами, приговариваются к лишению свободы на срок ниже 5 лет и к исправительно-трудовым работам. Злостные спекулянты иногда получают наказание явно несоответствующее тяжести совершенного ими преступления. Так, один из нарсудов Молдавской АССР в начале января 1935 г. осудил к 2 годам лишения свободы некоего Доенко за систематическую спекуляцию хлебом. В Днепропетровской области УССР в январе—феврале 1935 г. за спекуляцию хлебом было осуждено 27 человек. В Днепропетровской области как раз с развертыванием свободной торговли хлебом особенно сильно развилась спекуляция хлебом. И, несмотря на это, из 27 человек, осужденных за систематическую спекуляцию хлебом к лишению свободы на 5 и выше лет, было осуждено только 9 человек, а остальные к лишению свободы ниже низшего предела или к исправительно-трудовым работам. В то же время в практике этих судов есть случаи осуждения по закону 22 августа к 5 годам лишения свободы, когда сам факт спекуляции не был установлен и перед

судом стоял колхозник или единоличник, задержанный при продаже продуктов своего производства или личных вещей. Тифлисский нарсуд в начале 1935 г. осудил к 5 годам лишения свободы служащего Константьяна за продажу на рынке одной пары галош. Факт спекуляции не был установлен. Наоборот, суд установил, что благодаря тяжелому материальному положению Константьян вынужден был продать свои личные вещи.

Ошибки, которые мы встречаем в работе некоторых судебных органов, имеют, зачастую своим основанием, главным образом, недостаточное внимание к выявлению истинного классового лица обвиняемого. Необходимо еще раз подчеркнуть важность выявления истинного лица обвиняемого. Уменье выявить классового врага — это значит уметь поймать его, а это есть самое главное. «Решительности у нас довольно, — говорит т. Ленин, а нет уменья поймать достаточно быстро достаточное количество спекулянтов, мородеров, капиталистов— нарушителей советских мероприятий». Это в первую очередь относится к стадии расследования. Уменья поймать, разоблачить, раскрыть, собрать для суда полный материал как раз иногда нехватает нашим следственным работникам. Следователь и органы дознания должны выявлять классовое лицо обвиняемого. Пожалуй, ни по одной категории дел нет такого упрощенства, такой неполноты расследования, как по делам о спекуляции.

Почти по всем делам, как правило, мы наблюдаем следующие дефекты:

1. Поверхностное, небрежное оформление следственного материала.

2. Процессуальное упрощенство: непредъявление обвинения и следственного материала, неполнота и необоснованность обвинительного заключения, невызов в суд свидетелей.

3. Медлительность расследования.

4. Непривлечение в помощь следственным органам общественности.

Прокуратура должна доказать факт спекуляции, подтвердить свидетелями документально, что обвиняемый скупал и перепродавал с целью наживы. Конечно, факт скупки становится установленным, если у лица, подозреваемого в спекуляции, обнаружено такое количество товаров, которое уже по своим размерам говорит, что эти товары не предназначены для собственного потребления и не являются продуктом своего производства.

Ст. 107 УК в новой редакции преследует за спекуляцию, под которой закон подразумевает скупку и продажу с целью наживы.

Нужно непременно установить факт перепродажи с целью наживы или иные доказательства, свидетельствующие, что здесь имеет место попытка наживы.

Неполнота расследования ведет к явному нарушению революционной законности. Имеются нередко случаи, когда, несмотря на прекращение дела, неосновательность подозрения в спекуляции, все же имущество, отобранное при задержании, подвергается конфискации или просто не возвращается. В Орехово-Зуеве был задержан рабочий электро-монтер Новиков за спекуляцию мясом. В деле имеется резолюция следователя: «Дело прекратить, мясо и деньги возвратить». Между тем расписки Новикова в получении отобранного у него нет, а есть лишь квитанция кооператива, о принятии 11½ кг мяса. Иногда и сам суд допускает неправильности. Так, нарсуд Актюбинского р-на вынес такой приговор: «Обвинение К. по ст. 107 УК считать недоказанным... Приговорил: К. считать по суду оправданным и дело на основании п. 5 ст. 4 УПК производством прекратить. Деньги в сумме 53 руб. возвратить, а конфискованную мануфактуру (20 м белой материи, 5 м сатина и шелка 2½ м) конфисковать в доход государства». Это дело говорит о том, что многие суды требования УПК абсолютно не выполняют. Предметы, не являющиеся орудием преступления и не добытые преступным путем, изъятию не подлежат. И, несмотря на то, что суд оправдал человека, он конфискует у него неправильно отобранные предметы. И в определениях кассационных коллегий, как правило, не имеется указаний о возврате неправильно отобранных вещей.

Наряду с этими нарушениями наблюдаются и случаи неправильной квалификации по ст. 107. В Ростове милиция задержала в разное время и на разных рынках несколько лиц, подозреваемых в спекуляции мясом. Лица эти между собой ничего общего не имели. Все же на всех них было заведено одно дело и им было предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 107 УК.

Актюбинским нарсудом был осужден по ст. 107 УК некто Ф. за то, что он покупал в магазине Центроспирта водку и перепродавал ее на рынке стаканами. Преступление это должно было квалифицироваться по ст. 101 УК, а не по ст. 107.

Только серьезное отношение к делам о спекуляции, только полное расследование, всестороннее выявление личности обвиняемого и наличие твердых доказательств виновности дают гарантию, что удар по спекулянтам будет нанесен быстро и метко.

Характерно еще одно явление в работе прокуратуры, которое нельзя не отметить. Протесты многих районных прокуроров в большой своей массе приносятся по мотивам мягкости приговора — это, конечно, правильно, но зато случаи неосновательного привлечения трудящихся в большинстве случаев проходят мимо райпрокуроров.

Данные о судебно-прокурорской работе за I полугодие 1935 г. показывают, что в связи с отменой карточной системы спекуляция принимает иные формы и спекулянт пытается перестроиться и найти для себя место в новой обстановке. Данные эти говорят, что классовый враг с первых же дней свободной торговли хлебом начал развертывать свою вредительскую работу, ставя своей целью сорвать свободную продажу хлеба и нарушить нормальное снабжение трудящихся. Спекулянтами, классово враждебными элементами распускались различные контрреволюционные слухи.

Харьковские судебные органы рассмотрели ряд дел, свидетельствующих о том, что классово враждебные элементы всячески пытались подорвать и дискредитировать широкую продажу хлеба. Кулаки Арбузов, Костиков и Маховиков систематически скупали большие партии хлеба и перепродавали их. Спекулянты приговорены к 5 годам лишения свободы. В феврале 1935 г. нарсуд г. Сталина (Донбасс) разбирал в показательном порядке дело спекулянта Примакова. Судебным следствием Примаков был разоблачен как ярый классовый

враг. Будучи раскулаченным, он бежал из села и, подделав документы, устроился на заводе. Во время обыска у Примакова были обнаружены чистые бланки со штампами и печатями ряда учреждений. Примаков с отменой карточной системы начал закупать огромное количество хлеба, крупы и муки и с закупленным отправлялся в район для продажи.

Спекуляция хлебом, в связи с отменой карточной системы, в связи с изменившимися условиями снабжения населения хлебом естественно принимает иные формы. Пользуясь иногда неналаженностью торговли, спекулянты развивали спекуляцию в широком размере. В некоторых районах Киевской области белый хлеб продавался только при условии покупки черного; в Донецкой же области в магазине № 4 Луганского завода черный хлеб отпускали с обязательной покупкой белого хлеба. В Чистяковском районе зав. отделом орса Малышев издал даже официальное распоряжение по торговой сети, что отпускать черный хлеб можно только с обязательной нагрузкой белого хлеба. Этим пользовались спекулянты.

Многие руководители вместо действительной борьбы со спекулянтами начали видеть в каждом покупающем больше 2 кг хлеба спекулянта. Президиум Харьковского облисполкома издал, например, обязательное постановление от 2 февраля 1935 г., на основании которого — лица, которые покупали хлеба больше 2 кг в одни руки, подлежат в административном порядке штрафу до 100 руб. или принудительным работам до 1 мес., а при повторных нарушениях привлечению к уголовной ответственности по ст. 127 УК УССР. Подобные постановления были изданы многими исполкомами. Административный зуд не давал покоя этим горе-руководителям, у которых под носом расцветала спекуляция, и они не могли организовать действительной с ней борьбы.

На новом базаре в Ростове, например, инспектор милиции Кольчугин по поводу борьбы со спекуляцией имеет особое мнение. Он глубокомысленно поучает, «что спекуляция не опасна, лишь бы не было грабежей».

Все эти факты показывают, что отмена карточной системы не только не снимает всей серьезности борьбы со спекуляцией, но, наоборот, требует особой четкости в работе судебных органов. Политическая четкость, меткость, целеустремленной репрессии — вот что прежде всего требуется от карательной политики по делам о спекуляции. Выполнение этих требований сделает суд могучим орудием в укреплении советской торговли.

А. С. ТАГЕР

Кассационные заметки

(*О кассационных определениях*)

Конкретное руководство работой судов первой инстанции со стороны кассационных судов осуществляется в основе посредством кассационных определений, выносимых по конкретным судебным делам.

Поэтому качество кассационного руководства определяется качеством кассационных определений. Вопрос о надлежащем построении кассационных определений, об их содержании, об их объеме, об их редакции — это поэтому вопрос, имеющий первостепенное и первоочередное значение для всей судебной практики. Ни в какой мере нельзя преуменьшать значения этого вопроса.

Высказываясь о качестве кассационного руководства и его значении для судебной практики, А. Н. Винокуров формулировал положение в том смысле, что «организационное руководство отстает от политического руководства» («За социалистическую законность» № 7 1934 г., стр. 11). Эта формулировка совершенно правильна.

Пожелания о поднятии кассационной практики, т. е. другими словами кассационных определений на большую высоту, высказывались не раз. Всякая организованная работа имеет свою технику, недостаток внимания к которой неминуемо сказывается и на самом содержании работы, на ее продуктивности и на ее качестве. Это целиком относится и к организации кассационного руководства, повышение качества которого является в значительной мере проблемой процессуальной техники.

Дальнейшее изложение настоящей статьи и посвящено тем предложениям, которые могут быть сделаны с точки зрения процессуальной техники для повышения эффективности кассационной практики.

***

На первом месте должно быть со всей решительностью поставлено требование об **обязательной мотивировке** как приговоров первой инстанции, так и самих кассационных определений.

Это предложение не раз делалось уже. За 13 лет, которые истекли с момента издания советских кодексов, вопрос о мотивировке судебных приговоров и определений ставился не раз, но в разное время решался по-разному.

Уголовно-процессуальный кодекс в первом своем издании 1922 г. заключал в себе прямое требование мотивировки для приговоров, выносимых судами первой инстанции (ст. 338: «... в описательной части приговора должны быть изложены добытые судебным следствием данные, положение судом в основу выносимого приговора»).

Что же касается кассационных определений, то для них такого прямого требования мотивировки Уголовно-процессуальный кодекс не содержал.

Следующее издание Уголовно-процессуального кодекса 1923 г. отказалось и от обязательного требования мотивировки для приговоров суда первой инстанции (ст. 334 действующей редакции УПК).

Таким образом действующее законодательство не требует обязательной мотивировки ни от приговоров суда первой инстанции, ни от кассационных определний.

Это несомненный дефект действующего Уголовно-процессуального кодекса, на который не раз обращалось внимание.

Уже через год после того, как Уголовно-процессуальный кодекс отказался от требований мотивировки приговоров первой инстанции на V всероссийском съезде деятелей советской юстиции — в 1924 г. вновь был поставлен и продискутирован вопрос о необходимости мотивировки как для приговоров суда первой инстанции, так и для кассационных определений (V всероссийский съезд деятелей советской юстиции. Тезисы. Стенографический отчет. Резолюции. См. тезисы Н. В. Крыленко, стр. 13, доклад его и резолюцию по докладу). Никаких определенных и обязательных решений по этому вопросу принято не было.

Через несколько лет сам докладчик, предложивший мотивировку судебных приговоров для повышения качества судебной работы, уже не настаивал на своем предложении. («С точки зрения построения судебного процесса, как такового, мы категорически считаем необходимым заявить, что не видим никакой нужды для такой мотивировки» — Н. В. Крыленко, Суд и право в СССР, ч. 2, 1928 г., стр. 121).

Подавно не ставил Н. В. Крыленко в это время проблемы о мотивировке кассационных определений.

Период с 1928 по 1933 г. прошел при отрицательном отношении к принципу мотивировки как судебных приговоров первой инстанции, так и кассационных определений.

И весьма решительно этот вопрос вновь поставлен в 1934 г. на I всесоюзном совещании работников советской юстиции, затем на пленуме Верховного суда СССР. На этот раз центр внимания был перенесен с приговоров судов первой инстанции на кассационные определения.

«Мы требуем,—заявлял А. Я. Вышинский,— чтобы каждое кассационное определение было мотивировано. Отклоняется ли кассационный протест или жалоба, или оставляется в силе приговор—это должно быть мотивировано. Это конечно тяжело, но это необходимо» («За социалистическую законность» № 11 1934 г., стр. 12—13).

По докладу А. Я. Вышинского съезд признал, что необходимо «в целях повышения ответственности кассационной инстанции за выносимые ею определения установить обязательность мотивировки отмены приговора, так же, как и оставления кассационной жалобы или кассационного протеста без последствий» («За социалистическую законность» № 5 1934 г., стр. 37).

Первый же пленум Верховного суда Союза ССР, собравшийся после совещания, также принял подробное постановление в том же смысле, категорически требуя мотивировки кассационных определений и резко порицая практику кассационных и надзорных инстанций, в которой «крепко привилась система ограничиваться сухими, безмотивными, краткими определениями, фиксирующими то или иное изменение приговора, оставление его в силе, или отмену без объяснения и точного указания в чем была допущена неправильность или ошибка судом первой инстанции, почему вносится именно такое-то изменение в приговор, между тем как эти определения являются одним из основных моментов конкретного руководства деятельностью судов первой инстанции» («За социалистическую законность» № 8 1934 г., стр. 33 и 34).

Наконец, недавно выработанный проект Уголовно-процессуального кодекса СССР содержит в себе как требование мотивировки приговоров судов первой инстанции, так и категорическое требование мотивировки кассационных определений (п. «д» ст. 129 и ст. 147 проекта).

Надо признать, что эти категорические требования мотивировки как приговоров первой инстанции, так и кассационных определений очень далеки от выполнения их судебной практикой.

Между тем вопрос о наличности мотивировки судебного решения должен быть поставлен и должен быть рассмотрен не только с точки зрения повышения внутреннего качества самого судебного решения. Не потому только важны мотивы, что мотивированное решение имеет больше гарантий правильности и обдуманности. Мотивировка кассационных определений весьма существенна для обеспечения влияния кассационной практики на работу судов первой инстанции. Это, с одной стороны. С другой стороны, мотивировка кассационных определений чрезвычайно важна для построения и работы надзорных инстанций. Наконец, и мотивировка приговоров судов первой инстанции весьма важна для работы кассационных судов. На эту мысль обратил в свое время внимание и Н. В. Крыленко. Даже отрицая необходимость мотивировки приговора с точки зрения интересов самого приговора, он интересовался ею «с точки зрения возможности и удобства для кассационных коллегий проверки судебных решений» (там же).

Для того чтобы придать мотивировке кассационных определений то значение, которого она заслуживает, для того чтобы обеспечить действительное выполнение этого требования кассационными судами, надзорная практика, как нам кажется, должна была бы провозгласить решительно и категорически, что *ни одно кассационное определение, лишенное мотивов* т. е. не объясненное кассационным судом, *не может быть оставлено в силе*. Отсутствие мотивов в кассационном определении должно быть сделано абсолютным поводом к отмене этих определений в надзорном порядке и возвращению дела для повторного рассмотрения в кассационной инстанции.

***

Оставляя в настоящей статье в стороне вопрос о значении мотивировки приговора суда первой инстанции с точки зрения повышения качества самого приговора, мы должны остановиться на том значении, которое такая мотивировка имеет для работы кассационных судов.

Несколько слов о том, что следует понимать под мотивировкой приговора суда первой инстанции. Нам приходилось встречаться с мнением, согласно которому под мотивировкой приговора понимается указание тех конкретных фактов, которые суд признал доказанными или недоказанными. Это мнение, конечно, ошибочно. Если суду ставится требование указать

мотивы своего приговора, то это значит, что он не только должен указать, **что** именно с фактической стороны он признал доказанным или недоказанным, но должен также указать, **почему** именно он пришел к тому или другому фактическому выводу. Это значит, что суд в своем приговоре должен указать, на основании каких именно доказательств он сделал тот или иной свой судебный вывод, какие доказательства он принял и какие отверг, почему именно то или иное обстоятельство он счел установленным, а другое обстоятельство опровергнутым. Так построенный приговор, будет приговором мотивированным. Проект УПК СССР так требует, чтобы приговор был обязательно мотивирован, т. е. содержал в себе «доказательства, положенные судом в основу приговора».

Обязательное введение подобной мотивировки приговоров суда первой инстанции будет иметь весьма большое значение для работы кассационных инстанций при проверке этих приговоров.

Если проанализировать господствующую сейчас кассационную практику, то можно безошибочно сказать, что подавляющее большинство кассационных решений занято по существу проверкой предполагаемого хода мыслей суда первой инстанции по установлению фактических обстоятельств дела.

Может случиться, что во время рассмотрения дела в суде первой инстанции проявлено чрезвычайно большое внимание к отдельным доказательствам, свидетельским показаниям, документам и т. д. Лишенный мотивов приговор не дает никаких указаний на то, поверил или не поверил суд тому или иному свидетелю, обсудил или не обсудил тот или иной документ и т. д.

Все это для кассационного суда остается неизвестным, а затем в кассационном определении появляется указание, что приговор не может быть оставлен в силе, потому что суд прошел мимо показания такого-то свидетеля или не обратил достаточного внимания на такой-то документ.

Если приговор суда первой инстанции не мотивирован, то, конечно, такие предположения в целом ряде случаев будут понятны. Но все же надо признать, что это не что иное как гадания и предположения кассационного суда о том, что мог иметь в виду или имел в виду суд первой инстанции.

Если бы приговоры заключали в себе хотя бы краткую мотивировку, т. е. хотя бы краткое указание на доказательства, обусловившие те или иные фактические выводы приговора, то не нужно было бы в кассационном порядке гадать, обратил ли суд внимание на то или иное свидетельское показание или не обратил, остановился на том или ином документе или не остановился.

Если в приговоре суда будет точно и добросовестно указано, что свой вывод суд сделал на основании показаний свидетелей А, Б, В и Г, что противоречащее этим показаниям—показание свидетеля Д он отвергает по таким-то и таким-то соображениям и что такой-то документ окончательно разрешает колебания суда при оценке различных свидетельских показаний, то совершенно беспредметным занятием в кассационной инстанции будет раздумье над вопросом о том, обратил ли суд внимание на показание свидетеля Д или не обратил.

Можно с полной уверенностью сказать, что введение мотивировки, т. е. оценки доказательств в приговор суда первой инстанции, в значительной степени облегчит и уточнит работу кассационных судов.

Кассационным определениям нечего будет повторять по письменным материалам ту работу, которая в ходе судебного следствия проделана судом первой инстанции.

Поскольку доказательственные проблемы конкретного дела будут поставлены в мотивировке самого приговора, для кассационной инстанции будет значительно облегчена задача проверки соответствия приговора фактическим обстоятельствам дела.

**
*

Лишенное мотивов кассационное определение может удовлетворительно выполнить узко практическую задачу по конкретному судебному делу, т. е. утвердить, отменить или изменить приговор первой инстанции. Но за пределами этого конкретного результата по конкретному делу и подавно за пределами соответственного суда первой инстанции немотивированное кассационное определение никакой функции руководства работой судов первой инстанции осуществить не может. С этой точки зрения вынесение немотивированных кассационных определений лишает работу кассационных судов возможности выполнить основное свое принципиальное назначение по руководству работой первых инстанций, повышению квалификации кадров судебных работников и качества самой судебной работы.

В течение периода с 1924 по 1926 гг. публиковались сборники кассационных определений Верховного суда РСФСР. В опубликованных текстах решений заключалось подробное изложение дела, указание на стоящие по делу кассационные проблемы и аргументация в отношении сделанных Верховным судом выводов.

Подлинные же кассационные определения по этим делам сплошь и рядом не заключали в себе такого обилия содержания: изложения обстоятельств дела в них не было, так же, как и постановки кассационных проблем. Чувствуя, и притом правильно чувствуя, что одни выводы без тех посылок, из которых они сделаны, не могут быть достаточно убедительны при публикации решения, составители этих сборников снабжали каждое публикуемое решение включением в него вводной части, с изложением дела и постановкой проблемы.

Для того чтобы кассационная практика имела максимально эффективное значение, вся подобная работа должна быть сделана при самом составлении кассационного решения судьями, выносящими определение.

Могут сказать, что это потребует увеличения труда со стороны кассационных судей и тем самым увеличения штатов кассационных судов. Да, совершенно бесспорно, что написать мотивированное кассационное определение и труднее и дольше, чем немотивированное. Но совершенно также бесспорно, что коэфициент полезного действия так построенной кассационной работы намного выше коэфициента дополнительного труда по сравнению с вынесением кассационных определений, лишенных какой бы то ни было мотивировки.

Таким образом, поскольку ставится серьезно вопрос о реальном руководстве работой судов

первой инстанции при помощи кассационных определений, непременно должен быть поставлен и разрешен в положительном смысле не только вопрос о непременном вынесении мотивированных кассационных определений, но также и о публикации таковых. Мотивированное кассационное определение может стать руководящим за пределами конкретного дела, к которому оно относится — в противоположность немотивированному. Публикация мотивированных решений дает возможность придать эффективность кассационным определениям за пределами тех судов, к которым каждое отдельное определение относится.

Только при осуществлении этих предпосылок можно требовать от судей первой инстанции знакомства с кассационной практикой, проработки ее и руководства ею.

Можно думать, что повышение качества приговоров первой инстанции, при этих условиях, будет связано с уменьшением случаев обжалования.

Количество труда кассационных судей, возросшее на улучшении качества их собственной работы, будет компенсировано уменьшением количества случаев обжалования, связанным с повышением качества работы первой инстанции.

***

Кассационное определение должно исчерпывать все вопросы, которые с кассационной точки зрения, в конкретном судебном деле могут возникнуть. Принцип исчерпанности кассационного определения является весьма существенным для качества конкретного руководства судебной работой. К сожалению, в действительности это требование не только не соблюдается, но даже как следует, т. е. достаточно точно и отчетливо, перед кассационными инстанциями и не поставлено. Благодаря этому типичное, т. е. обычное, положение по кассационным делам таково.

Кассационная жалоба, допустим, указывает на ряд допущенных судом нарушений в доказательство необходимости отмены приговора. По своему смыслу каждое такое указание есть сигнализация о допущенных судом первой инстанции ошибках. Эта сигнализация в свою очередь может быть правильной, но может быть и ошибочной.

По общему правилу, почти не знающему исключений, кассационные суды поступают в подобных случаях так: если одно или некоторые из сделанных в кассационной жалобе указаний признаются существенными и достаточными для отмены приговора и направления дела для вторичного рассмотрения, то указание на них и составляет единственное содержание кассационного определения, отменяющего приговор. На других указаниях кассационной жалобы кассационное определение в подобных случаях вовсе не считает нужным остановиться. При таком решении суд первой инстанции получает для повторного рассмотрения дело с единственным указанием на те существенные нарушения, допущенные при первом слушании дела, которые сами по себе признаны достаточными для отмены приговоров. Что же касается всех остальных указаний на другие нарушения, которые могут быть также очень существенны, то по поводу них суд первой инстанции никаких указаний в этих случаях не получает и находится поэтому в неведении: считает ли кассационный суд те процессуальные действия, которые обжалованы, но о которых ничего в кассационном определении не сказано, правильными или нет, можно ли и следует ли их повторять в том же виде, как при первом слушании дела, или по другим делам, или нет и т. д.

Между тем отношение кассационного суда к различным указаниям кассационной жалобы может быть неодинаково; с одними указаниями он может согласиться, признав наличность существенных нарушений, обязывающих к отмене приговора, а с другими нарушениями может не согласиться и признать в противоположность кассатору, обжалованные действия правильными или содержащими в себе нарушения незначительные и не могущие обосновать отмену приговора. Все это должно быть указано суду первой инстанции для того, чтобы он при повторном слушании того же дела мог избежать повторения уже допущенных ошибок, внести исправления в неправильные действия, допущенные при первом слушании, не повторять тех же ошибок в других процессах и т. д.

В виду того, что наш процесс является не процессом чистой кассации, а процессом кассационно-ревизионным, нужно признать, что кассационный суд в своем определении должен высказаться не только по поводу всех тех нарушений, которые указаны в кассационных жалобах, но также и о **всех** тех нарушениях, которые он сам в порядке своей ревизионной инициативы в деле обнаружит.

К каким нежелательным последствиям может привести несоблюдение этого требования исчерпанности кассационного определения, можно указать на ряде судебных примеров, один из которых мы позволяем себе привести.

Приговор одного из линейных судов был отменен кассационной инстанцией по единственному мотиву: в подлинном приговоре суда значительная часть текста была вписана иным почерком и иными чернилами, чем весь основной текст приговора, причем никакой оговорки по поводу вписанных частей не было сделано. Конечно, это нарушение было совершенно достаточно для отмены приговора. Оно и было положено в кассационном определении в основу отмены приговора, как единственное указание, сделанное суду первой инстанции. Отменяя приговор при наличности этого нарушения, кассационный суд не счел нужным ни в кассационном, ни в ревизионном порядке остановиться на каких-либо других нарушениях.

После того, как дело было вторично рассмотрено, оно повторно по кассационным жалобам поступило в кассационную инстанцию, причем основным вопросом вторичного кассационного рассмотрения явилась совершенно неправильная организация экспертизы на предварительном следствии; неправильность эта никак не была исправлена ни при первом, ни при втором слушании дела по существу. Это нарушение было известно при первом рассмотрении дела в кассационной инстанции. Если бы оно было указано в кассационном определении наряду с указанием на нарушения, содержавшиеся в самом тексте приговора, то все погрешности экспертизы могли бы быть исправлены при вторичном слушании дела в

первой инстанции. Благодаря тому, что кассационная инстанция не сочла нужным исчерпать в своем первом определении все допущенные в первой инстанции нарушения, эти последние оказались неисправленными при вторичном слушании дела в первой инстанции, потребовалось вторичное обжалование, вторичная отмена приговора и в третий раз слушание дела по существу.

Таким образом соблюдение принципа исчерпанности кассационного определения является одинаково существенным как с точки зрения эффективности кассационного руководства судебной практикой, так и с точки зрения экономии судебного труда и судебного бюджета.

Принцип исчерпанности кассационного определения должен быть соблюдаем как при отмене приговоров, так и при утверждении их и отказе в кассационных жалобах.

При применении принципа исчерпанности кассационного определения на практике могут встретиться различные случаи, которые требуют к себе очень большого внимания, в особенности если приговор одновременно обжалован осужденным и опротестован прокуратурой.

Могут быть смешанные случаи, когда имеются в деле и существенные и несущественные нарушения: в кассационном определении должно быть указано отношение кассационного суда и к тем и к другим.

Если кассационный суд считает правильными те процессуальные действия, в которых кассатор усматривает нарушение, то и это должно быть указано в кассационном определении.

Лишь ограниченные размеры журнальной статьи лишают возможности более подробно остановиться на различных вариантах, которые могут иметь место при осуществлении на практике принципа исчерпанности кассационных определений.

***

Весьма значительное распространение в работе кассационных судов получили так называемые **частные определения,** в которых кассационный суд дает те или иные указания суду первой инстанции.

Эти частные определения выносятся одновременно с вынесением кассационных определений и большей частью при утверждении обжалованных приговоров и оставлении кассационных жалоб без последствий. При такой комбинации наряду с кассационным определением, обычно немотивированным («оставить приговор в силе»), появляется краткое и сжатое, но все же мотивированное частное определение, указывающее на те или иные нарушения, допущенные при слушании дела в первой инстанции.

Поскольку существует практика параллельного вынесения кассационным судом кассационных и частных определений по одному и тому же делу, постольку необходимо поставить по меньшей мере одно совершенно элементарное требование: между содержанием кассационного определения и содержанием частного определения не должно быть никаких противоречий. Недопустимо такое положение, когда бы в частном определении содержались такие утверждения, которые отрицались бы в кассационном определении, и наоборот. Недопустимо, например, такое положение, когда бы в частном определении указывалось на наличность в деле тех или иных существенных нарушений, а в кассационном определении по тому же делу указывалось бы на утверждение приговора за отсутствием существенных нарушений. Это выдвигаемое нами требование имеет, казалось бы, совершенно аксиоматический характер и настолько очевидно, что с первого взгляда может показаться даже ненужным его доказывать. Судебная практика показывает, однако, обратное. Мы приводим один из недавних примеров, с которым за последнее время пришлось столкнуться.

При рассмотрении в кассационном порядке дела одного из водно-транспортных судов было установлено совершенно безобразное ведение протокола судебного заседания. Вместо того, чтобы указывать содержание задаваемых вопросов и даваемых на них ответов, в протоколе суда значилось: «слово для задавания вопросов предоставлено», «вопрос задан», «ответ дан».

Из такого протокола естественно нельзя было узнать ни того, о чем спрашивали свидетелей и обвиняемых, ни того, что они отвечали. Другими словами, нельзя было составить никакого представления о содержании доказательств, исследованных на суде. А так как приговор суда должен быть вынесен на основании совокупности материалов предварительного и судебного следствия, то при невозможности проверить, насколько приговор соответствует данным судебного следствия, нельзя было разрешить и общую задачу о соответствии приговора совокупности материалов вообще.

Это и признала кассационная инстанция, постановившая: «Указать суду на недопустимость столь небрежного составления протокола судебного заседания, как это имело место по настоящему делу. В протоколе на некоторые вопросы ответы не записаны, а сказано, что «обвиняемый ответ дал». Подобного рода запись лишает кассационную коллегию возможности проверить правильность вынесенного приговора».

Но все это было указано в частном определении, вынесенном одновременно с кассационным определением. А кассационное определение кратко решало: «Приговор оставить в силе».

Утверждая приговор, кассационная инстанция тем самым признала его правильность, указав одновременно в частном определении, что она лишена возможности эту правильность проверить. Так было вынесено одновременно два определения, взаимно друг друга исключающих.

Пример этот далеко не единичный. Если бы было установлено, что все указания на допущенные в первой инстанции нарушения как влекущие за собой отмену приговора, так и не влекущие непременно должны содержаться в кассационном определении, то можно было бы вовсе обойтись без частных определений по процессуальным вопросам.

Если бы на практике со всей строгостью выполнялось требование о мотивировке кассационных определений и при утверждении приговоров, то такие противоречия между кассационными и частными определениями были бы невозможны. Подобные противоречия весьма облегчены самым фактом отсутствия мотивировки в кассационных определениях.

Должна быть отмечена и еще одна ненормальность, допускаемая применительно к частным определениям: некоторые суды считают частные определения не подлежащими ознакомлению ни со стороны обвиняемого, ни со сторон защиты. Если бы частные определения относились исключительно к вопросам административным и дисциплинарным в отношении судей, это можно было бы еще понять. Но поскольку они относятся к вопросам процессуальным, непонятно, чем подобный взгляд может быть аргументирован. Достаточно сказать, что если бы вышеприведенное частное определение было скрыто от защиты, то оказалось бы невозможным принесение жалобы в порядке надзора, которая привела к опротестованию и отмене приговора.

Из сопоставления частных определений с кассационными можно сделать вывод, предлагающий поставить вопрос вообще об упразднении практики вынесения процессуальных частных определений параллельно с кассационными определениями и об обязании кассационных судов все указания, которые они считают нужным сделать при рассмотрении кассационного дела, включать в текст кассационного определения. Существенное нарушение повлекут за собой вывод об отмене приговора. Допущенные первой инстанцией несущественные нарушения будут указаны суду первой инстанции с пояснением, почему они недопустимы, с одной стороны, но не повлекли за собой отмены приговора в данном конкретном случае, с другой стороны.

При таком построении кассационных определений вынесение одновременно с ними частных определений станет ненужным. А качество кассационных определений от этого только выиграет.

Новый проект УПК СССР никаких указаний на вынесение частных определений одновременно с кассационными определениями в себе не заключает.

Помимо непосредственно процессуальных задач по разрешению конкретного судебного дела на советском суде лежит еще более широкая задача: пользуясь материалами конкретного судебного дела, своевременно сигнализировать о тех или иных непорядках, обнаруженных в различных областях народного хозяйства и государственного управления и о необходимых организационных мероприятиях для устранения этих непорядков. Формы частных определений, выносимых одновременно с кассационными определениями, весьма пригодна для осуществления именно этой судебной функции. Поэтому мы считали бы правильным перенесение центра тяжести частных определений с процессуальных вопросов на общеорганизационные.

Одним из самых значительных процессуальных отличий советского кассационного процесса от так называемой чистой кассации является право кассационного суда на изменение приговора первой инстанции, без направления дела в последнюю для повторного слушания.

И теоретически и практически право изменения приговоров является наиболее сложным и трудным делом в области кассационного процесса. Наибольшее количество спорных проблем возникает именно в этой области. Именно здесь кроется опасность превращения кассационного процесса в апелляционный.

Изменения приговора первой инстанции распространяются на самые различные вопросы: меняется репрессия, меняется юридическая квалификация, меняется совокупность фактических признаков, признаваемых доказаными.

Не останавливаясь в настоящей статье на всей совокупности вопросов, связанных с проблемой изменения в кассационном порядке приговоров, мы ограничимся лишь двумя вопросами: один из них терминологический, другой — технический.

Не отменяя приговора и не направляя дела для повторного рассмотрения, а ограничиваясь внесением в приговор тех или иных изменений, кассационные суды обычно указывают в своих кассационных определениях, что приговор оставляется в силе с такими-то изменениями. Эта формулировка об оставлении приговора в силе иногда становится совершенно бессодержательной. Можно указать целый ряд решений, которыми приговор первой инстанции изменен и в части фактического состава и в части квалификации, и в части репрессии. Как часты случаи, когда суд первой инстанции, например, осуждает за корыстное хищение, квалифицирует это преступление по закону 7 августа или ст.ст. 162 или 116 УК, приговаривает к многолетнему лишению свободы. После кассационной проверки, в кассационном определении указывается, что обвинение в корыстном хищении материалами дела не подтверждается, что речь может итти лишь о халатности или небрежности, что в связи с этим обвинение следует переквалифицировать на ст.ст. 111 или 112 и назначить наказание в виде исправительно-трудовых работ. В кассационных определениях это звучит так: «Приговор оставить в силе, исключить применение закона 7 августа, квалифицировать обвинение по ст. 111, назначить 1 год и.-т. работ» вместо 10 лет по закону 7 августа. Спрашивается, что в подобных случаях «осталось в силе» от приговора первой инстанции? Эту терминологию надо решительно изменить. Своевременно вообще поставить общую проблему о четкости и чистоте судебного языка и, в частности, языка кассационных определений. С точки зрения построения процесса термин «оставление приговора в силе» для кассационного процесса вообще не подходит, ибо до кассационного рассмотрения приговор суда законной силы не имеет, а задачей кассационного определения и является разрешение вопроса не о том, следует ли приговор оставить в силе, которой он еще не имеет, а в том, следует ли эту законную силу приговору придать. Формула же об оставлении приговора в силе в точности подходит для надзорного процесса, ибо при рассмотрении дела в порядке надзора стоит вопрос как раз об оставлении приговора в силе, которую он уже приобрел в момент его утверждения в кассационном порядке. Для кассационного же процесса следует избрать другую терминологию: здесь правильно говорить об утверждении приговора.

Практика изменений приговоров в кассационном порядке ставит на очередь очень существенный вопрос, который в основе является техническим, но для осужденных такими измененными приговорами весьма существенным.

Дело в том, что, изменяя квалификацию обвинения, формулированного в приговоре первой инстанции, и указывая в кассационном

определении на необходимость видоизменить фактическую сторону обвинения, кассационные суды никогда не включают в свои определения формулировку обвинения в том новом виде, какой оно должно иметь по мнению кассационного суда. Можно взять тот же пример, которым мы пользовались выше. Подсудимый осужден в первой инстанции за корыстное хищение и приговорен к 10 годам лишения свободы по закону 7 августа. В приговоре дана фактическая формулировка обвинению, с указанием всех тех фактических признаков места и времени, какими они представлялись суду первой инстанции. Кассационная инстанция не находит оснований для осуждения по закону 7 августа. По ее мнению, налицо лишь халатность или небрежность, предусмотренная ст. 111. Сплошь и рядом кассационные определения таким общим указанием и ограничиваются, не давая в своем тексте новой формулировки обвинения.

При таком исходе дела процесс заканчивается двумя связанными между собой документами — приговором первой инстанции и кассационным определением. И при необходимости проверить и установить, за что именно в конце концов осужден человек, что ему поставлено в вину и к чему он приговорен, из суда выдаются копии двух документов: приговора первой инстанции и кассационного определения второй инстанции. Если осужденному надо доказать, что он оказался виноватым лишь в простом недосмотре и приговорен к общественному порицанию, то он поставлен в необходимость сначала показать, что он был осужден за расхищение социалистической собственности, приговорен к 10 годам лишения свободы и что лишь затем и квалификация его действий и репрессия были изменены кассационным судом, однако с «оставлением приговора в силе».

Это и с моральной стороны и с общественной точки зрения весьма тяжелая для осужденного процедура.

К тому же при сопоставлении приговора и кассационного определения и технически не всегда легко и не всегда просто установить, какие именно фактические обстоятельства продолжают считаться доказанными и после кассационного рассмотрения и какие части приговора первой инстанции должны считаться отпавшими. Кто является судьей в этом вопросе, кто в конкретном случае будет толковать приговор и кассационное определение для того, чтобы решить, что же именно в конечном счете с фактической стороны поставлено в вину осужденному.

Поэтому целесообразно поставить вопрос о большем редакционном уточнении кассационных определений, вносящих изменения в приговор первой инстанции. Кассационный суд должен прямо и точно указать, какие фразы и слова из приговора первой инстанции подлежат исключению. Если изменения настолько глубоки, что меняется очертание всего обвинения в целом, то кассационное определение должно дать в своем тексте фактическую формулу обвинения, которая полностью могла бы заменить описательную часть приговора, отвергнутую в кассационном порядке.

А затем может быть поставлен на обсуждение вопрос о том, чтобы кассационные определения, изменяющие приговор, редактировались таким образом, чтобы они и технически и формально целиком заменяли бы приговор первой инстанции. При этих условиях кассационное определение могло бы служить единственным документом, заканчивающим процесс и устанавливающим все последствия этого процесса для осужденного.

Эти вопросы намечены здесь лишь схематически для дискуссии. Теоретически они связаны с анализом вопроса о том, в каких пределах для кассационной инстанции в советском процессе возможно проникновение в существо дела и где та граница, переход которой извратил бы кассационный характер процесса, превратив его в процесс апелляционный. К этому вопросу следует подойти особо и в специальном изложении.

***

Подобно тому, как введение мотивировки приговоров первой инстанции имело бы весьма существенное значение для кассационной их проверки, т. е. для кассационного процесса, так требование мотивировки кассационных определений имело бы весьма существенное значение для дальнейшей их проверки в порядке надзора. Это касается, главным образом, тех кассационных определений, которые без всякой мотивировки постановляют «оставить приговор в силе».

При обжаловании приговоров в этих случаях в порядке надзора работа надзорных органов должна повторить собою полностью и целиком всю ту работу, которую проделала кассационная инстанция, так, как будто этой кассационной работы и не было вовсе. Все вопросы должны быть заново исследованы полностью и целиком, так как они должны были быть исследованы в кассационной инстанции.

Между тем, если бы кассационное определение содержало в себе точные мотивы, по которым приговор оставлен в силе или отменен, или изменен, если бы в кассационном определении был дан точный ответ на все заявления кассационной жалобы, превращенной затем в надзорную жалобу, то совершенно ясно, насколько облегчена была бы работа надзорных органов. Все спорные вопросы были бы ясно формулированы. Аргументация противоположных решений (жалобы и кассационного определения) была бы также совершенно ясна. Надзорная инстанция, проверяющая заявления жалобы, имела бы перед собой и ход мыслей кассационной инстанции.

Совершенно ясно, что проверить правильность кассационного определения при этих условиях несравненно легче и требует значительно меньшего труда.

Так и здесь правильно построенная техника приведет и к повышению продуктивности и качества работы и к уменьшению количества труда самих работников.

***

В заключение могут быть сделаны еще два предложения, из которых одно направлено к повышению качества работы самих кассационных судов, другое—на рационализацию влияния кассационной практики на работу судов первой инстанции.

Нельзя не обратить внимания на следующее положение, которое может не вызывать против себя возражений, лишь при совершенно

формалистическом взгляде на кассационную работу. Когда кассационная инстанция отменяет приговор и направляет дело для повторного рассмотрения, то оно поступает вновь в суд первой инстанции и либо вносится в судебное заседание для нового слушания, либо направляется следственым органам для дополнительного расследования, после которого и определяется дальнейшее направление дела. Такое судебное дело, по которому приговор кассирован, попадает вновь в поле зрения кассационого суда лишь в случае повторного кассационного обжалования. Если повторное обжалование места иметь не будет, то дело от кассационного суда оторвалось окончательно.

Полезной ли оказалась кассация или бесполезной, были ли указания кассационной инстанции даны в правильном направлении или неправильном, были ли эти указания достаточно полны или в них оказались пробелы, насколько правильно, наконец, эти указания выполнены — все это оказывается совершенно неизвестным. Никакого организованного контроля за дальнейшей судьбой кассационных указаний нет.

При таких условиях кассационные суды лишают себя значительных возможностей, облегчающих проверку правильности своей собственной работы, изучение своих ошибок и совершенствование своей практики, т. е. развитие одних особенностей своей работы и сжатие других.

Для примера было бы весьма интересно взять совокупность тех судебных дел, которые при кассации приговоров направлены для доследования, и посмотреть, к чему такое доследование приводило, насколько эффективным и практически нужным такое доследование оказалось и т. д. Или другой пример: было бы также весьма интересно взять, скажем, дела, приговоры по которым отменены вследствие несоответствия репрессии (по суровости или, наоборот, за мягкостью), и посмотреть, как применяются указания кассационной инстанции и насколько сочетаются эти указания с доказательственным материалом при повторном рассмотрении.

Если самый кассационный надзор над судами первой инстанции является в судебной области своеобразным контролем исполнения, то он будет явно неполным без введения такой проверки эффективности кассационных отмен. Введение же этой проверки, несомненно, будет способствовать как повышению качества работы кассационных инстанций, так и качества работы судов первой инстанции.

Второе наше предложение ставит на очередь организацию систематического изучения кассационной практики судами первых инстанций.

Если кассационная практика имеет своею целью осуществить конкретное руководство судами первых инстанций, то для реального осуществления такого руководства необходима по крайней мере одна непременная предпосылка: суды первой инстанции должны хорошо знать кассационную практику. Кассационные решения, которых суды первой инстанции не знают, не могут осуществлять функции руководства работой этих судов.

Для того чтобы кассационная практика в целом могла быть полностью использована как орудие конкретного руководства судами первой инстанции, необходимо, чтобы каждое кассационное решение могло быть использовано за пределами того индивидуального судебного дела, к которому оно относится, и за пределами того суда первой инстанции, приговора которого оно касается.

Все кассационные определения со всем их разнообразием и со всеми их оттенками при общей единой принципиальной линии и должны быть известны и должны быть использованы и проработаны всеми судами первой инстанции и всеми судебными работниками. В развитом виде это требование одинаково относится к кассационным определениям всех кассационных судов, т. е. как к верховным судам, так и к краевым, областным и главным судам.

Поэтому должен быть поставлен на очередь вопрос о систематической и широкой публикации мотивированной кассационной практики.

При этих условиях может быть осуществлена и другая, большая и назревшая задача — теоретическое изучение советской судебной практики.

Примечание. Помещенная выше статья ни в какой мере не претендует исчерпать хотя бы в беглом изложении все без исключения проблемы, связанные с кассационными определениями. Уже после сдачи в печать настоящей статьи автору ее стало известно весьма существенное директивное письмо Верхсуда СССР № 41 от 17 августа 1935 г., посвященное вопросу об улучшении качества работы кассационных и надзорных инстанций. В нем поставлены некоторые не затронутые в нашей статье вопросы, заслуживающие самого внимательного и подробного рассмотрения.

Н. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

Добиться перелома в информационной работе

Информации в работе органов прокуратуры отведено широкое место. Полное освещение всех разносторонних вопросов прокурорского надзора, своевременное и быстрое уведомление вышестоящих партийных и правительственных органов о преступлениях и нарушениях революционной законности не может быть осуществимо без правильно организованной информации.

Благодаря громадным требованиям, предъявляемым информации в органах прокуратуры, последняя должна быть систематической, плановой, своевременной и актуальной. Вот главные условия информационной работы, без которых она не даст положительных результатов.

Вопросам информационной работы в органах прокуратуры. Прокуратура Союза уделяет

большое внимание. В феврале текущего года на широком совещании работников учета и информации были всесторонне обсуждены вопросы учета и информации в органах прокуратуры. На основе решения совещания 25 апреля 1935 г был выработан и дан местам приказ Прокуратуры Союза о перестройке информационной работы в органах прокуратуры. Новым приказом были введены схемы ежемесячных квартальных и полугодовых докладов органов прокуратуры. Существовавшая ранее система представления информационных докладов была громоздка. Места были сильно загружены составлением большого количества всевозможных докладов. Новый порядок представления в вышестоящие органы прокуратуры информационных докладов, твердо определял перечень вопросов работы органов прокуратуры, входящих в доклады. Изменить этот перечень вопросов или дополнить доклад другой темой можно было при новой системе только с разрешения прокурора Союза. Новая система сильно сокращала количество представляемых ранее районными, областными и краевыми прокуратурами докладов и вводила твердую систему внешней информации.

Вторым мероприятием громадной важности было введение в практику оперативной работы представления специальных донесений о всех наиболее крупных преступлениях и нарушениях революционной законности.

В целях немедленного развертывания информационной и статистической работы по новой системе прокурорам союзных республик, краев и областей было предложено выделить специальных работников для этой работы.

С момента издания приказа о перестройке информационной работы в органах прокуратуры прошло шесть месяцев.

Имеющиеся у нас данные об информационной работе органов прокуратуры дают возможность подвести некоторые, далеко еще неполные итоги перестройки этой отрасли работы [1].

За это время некоторые прокуратуры сумели развернуть информационную работу и сочетать ее с оперативной работой, сделав этим информацию своевременной и актуальной. К числу прокуратур, уделяющих большое внимание информационной работе, относится прокуратура Бурято-Монгольской АССР. Прокуратура БМАССР систематически сообщает в вышестоящие органы прокуратуры о всех крупных преступлениях и нарушениях революционной законности, совершаемых в республике. Прокуратура Ивановской обл. не плохо сумела организовать у себя информационную работу. Представляемые доклады областной прокуратуры по своему содержанию конкретно освещают отдельные участки работы. Нельзя также не отметить, что по срокам представления докладов прокуратура Ивановской обл. стоит на одном из первых мест. Издаваемый прокуратурой информационный «Бюллетень» также обращает на себя внимание. «Бюллетень» конкретно освещает отдельные участки работы органов прокуратуры области. В «Бюллетене», посвященном конкурсу на лучшее следственное дело и лучшее руководство следствием, наряду с руководящими статьями опубликованы материалы специалистов по технике и методике следствия, как-то «Научно-технические методы расследования преступлений», «Как нужно расследовать дело по недоброкачественной продукции», «Как нужно составить обвинительное заключение» и др. В «Бюллетене» отведено значительное место статьям народных следователей.

Издание информационного «Бюллетеня» Ивановской областной прокуратуры необходимо всячески приветствовать. Нужно и другим прокурорам краев и областей, последовать примеру ивановцев.

Также заслуживают большого внимания и «Бюллетень», издаваемый Калининской областной прокуратурой. Каждый номер «Бюллетеня» посвящается определенному вопросу работы прокуратуры. Неплохо поставлен информационная работа в прокуратурах Одесской, Западной, Ленинградской обл. и Кировского края. От этих прокуратур своевременно получаются информационные доклады, которые по своему содержанию актуальны и содержат в себе материалы большого значения.

К сожалению, далеко не везде существует такое положение. Многие прокуроры республик, краев и областей недооценивают еще значение информационной работы, уделяя ей крайне незначительное внимание. Благодаря этому страдает оперативная работа, так как при отсутствии систематической информации о деятельности прокуратур вышестоящие прокурорские органы, не зная, что делается на местах, в свою очередь не могут давать требуемые местам указания и исправлять их ошибки.

Произведенная Прокуратурой Союза проверка информационной работы в Москве выявила крайне неудовлетворительное положение с этой отраслью работы.

Несмотря на то, что с момента издания приказа прокурора Союза о перестройке информационной работы прошло пять месяцев, некоторые прокуратуры до настоящего времени прямо игнорируют эту работу. Организованные в прокуратурах группы учета и информации загружены другими работами, которые не имеют даже косвенного отношения к информационной работе.

Группа учета и информации Прокуратуры РСФСР при штате в 5 чел. информационной работой почти не занимается. Информационная работа группы на сегодняшний день ограничивается расследованием газетных заметок центральных газет и составлением информационных докладов.

Вместо того, чтобы сосредоточить расследование газетных заметок в оперативных отделах, руководство Прокуратуры Республики возложило это на группу информации.

Работу по составлению информационных докладов по утвержденным схемам, группа почти не ведет. Исключениеме является составление доклада о работе прокуратуры республики за первое полугодие текущего года, который четыре раза перередактировался, но несмотря на это, до сих пор не послан прокуратуре Союза.

Несоставление ежемесячных и квартальных докладов группа объясняет тем, что места нерегулярно представляют доклады, а некоторые краевые и областные прокуроры доклады совсем не посылают. Так, например, за июль

[1] Сведения, приведенные в статье, взяты автором только по РСФСР.

группа получила с мест только десять докладов.

Гораздо хуже обстоит дело с составлением и получением с мест специальных донесений. Этой работе группа информации не уделяет никакого внимания. За все время с мест было получено всего лишь два донесения. Получение от оперативных отделов Прокуратуры Республики материалов о наиболее крупных преступлениях и извращениях революционной законности совершенно не организовано. Группа не только не знает, что делается на местах, но даже не знает, какие дела проходят через центральный аппарат.

Такое крайне неблагоприятное положение с информационной работой в аппарате Прокуратуры РСФСР создалось благодаря тому, что группа информации загружена совершенно несвойственными ей делами. Так, например, группа разрабатывает контрольные цифры штата периферии, составляет планы работы Прокуратуры Республики, распределяет поступившие в прокуратуру судебные дела и т. д. Работники группы командируются на места для выполнения всякого рода специальных поручений, никакого отношения не имеющих к их информационной работе. Все это отражается на работе группы и, в частности, на информационной работе, которая на сегодняшний день поставлена крайне неудовлетворительно.

Не лучше обстоит дело с информационной работой в аппарате прокуратуры г. Москвы. Штат группы учета и информации состоит из одного статистика и руководителя группы, который одновременно является и управляющим делами горпрокуратуры. При таком положении вещей требовать от группы информационной работы не приходится. Да и ее почти что и нет. За июль горпрокуратура от 11 райпрокуратур города получила всего один доклад и за II квартал четыре доклада. Управляющий делами, он же руководитель группы, такое положение объясняет тем, «что в районных прокуратурах нет статистики, без которой нельзя составлять доклады».

По остальным участкам информационной работы (расследования газетных заметок, издание бюллетеней и т. п.). горпрокуратура также ничего не делает.

Неудовлетворительно поставлена работа с специальными донесениями и в Московской областной прокуратуре. Специальные донесения в областной прокуратуре составляются непосредственно оперативными отделами, которые в большинстве случаев посылает их только Прокуратуре РСФСР. Инструктажем и проверкой мест, в части постановки специальных донесений облпрокуратура не занимается, несмотря на соответствующие указания по этому вопросу Прокуратуры Союза.

Придавая большое значение введению в практику оперативной работы органов прокуратуры, представление специальных донесений, Прокуратура Союза в виде опыта ввела оперативную информацию в 10 районах Союза. Оперативная информация ставила своей целью проведение учета эффективности судебно-прокурорской работы, в разрезе учета отдельных преступлений в объеме республики, края или области и в разрезе учета по отдельным объектам (новостройки, колхозы, заводы и т. д.). Учет проводится в следующих 10 районных и городских прокуратурах: 1) Орехово-Зуевский р-н Московской обл., 2) Пролетарский р-н г. Москвы, 3) Выборгский р-н г. Ленинграда, 4) Красногвардейский р-н Ленинградской обл., 5) горпрокуратура г. Магнитогорска, 6) горпрокуратура г. Тулы, 7) горпрокуратура г. Краматорска, 8) Каменский р-н Московской обл., 9) горпрокуратура г. Киева и 10) Лозовский р-н Харьковской обл.

Указанные прокуратуры районов и городов немедленно, по совершению того или иного крупного преступления или нарушения революционной законности, должны сообщать об этом прокурору края или области и в копии Прокуратуре Союза. В дальнейшем весь ход расследования и рассмотрения дела в суде сообщается в вышестоящие прокурорские органы.

Прокуратура Союза требовала от указанных выше прокуроров своевременной информации на протяжении всего процесса расследования дела.

Со времени введения оперативной информации прошло значительное время. Между тем многие из выделенных 10 прокуратур не сумели поставить, как следует эту работу.

Специальные донесения от выделенных 10 прокуроров поступают в Прокуратуру Союза крайне редко, в единичных случаях. Проверка этой работы в прокуратуре Пролетарского р-на г. Москвы показала, что составление спецдонесений прокурором было возложено на секретаря райпрокуратуры. Секретарь одно время выполнял эту работу, затем ушел в отпуск и составление специальных донесений прекратилось.

Недооценка этой работы должна быть немедленно изжита. Прокуроры должны понять, что специальные донесения по своему существу являются наиболее оперативным видом информации.

За 6 месяцев, прошедших со времени перестройки информации, мы имеем некоторые положительные результаты. Результаты эти еще крайне незначительны. Наоборот, в большинстве прокуратур информационная работа или совершенно отсутствует, или поставлена неудовлетворительно.

Для улучшения информационной работы в органах прокуратуры необходимо в ближайшее время провести общесоюзный конкурс на лучшую постановку информационной работы. Конкурс даст возможность перенести опыт лучшей работы на отстающие участки, оживит информационную работу, которой сегодня еще во многих местах не придается соответствующего значения.

Информация тесно связана с оперативной работой. Разрыва между ними не должно быть.

Только при хорошо поставленной информационной работе будут ясно видны те недочеты, которых еще очень много в работе прокурорского надзора и которые надо повседневно устранять.

Об этом следует помнить работникам прокуратуры.

А. БАТАЛИН

Новый этап в борьбе за правильные измерительные приборы[1]

В период после Октябрьской революции борьба со всякого рода преступлениями, так или иначе связанными с употреблением неправильных, воспрещенных к употреблению или незаклейменных в установленном порядке мер, весов и прочих измерительных приборов, проходит два резко различных этапа. Границей между ними является постановление ЦИК и СНК СССР 26 июля 1934 г., устанавливающее за обвешивание, обмеривание покупателей и пользование при продаже неверными весами и прочими измерительными приборами — лишение свободы сроком до десяти лет.

Строго говоря, до этого постановления с самого момента ликвидации царского уголовного законодательства советские кодексы не содержали прямых и достаточно четких указаний о борьбе с преступлениями в области весоизмерительного дела. Поэтому виновные в корыстных преступлениях, совершенных путем обмера, обвеса и употребления неправильных весов, теоретически могли привлекаться по статьям УК, предусматривающим наказание за мошенничество.

Наряду с этим к тем же преступлениям применялись зачастую ст.ст. 109, 111 и 112 УК РСФСР, как к преступлениям должностным, что было однако связано с необходимостью констатации в инкриминируемых виновным деяниях целого ассортимента признаков, предусмотренных указанными статьями, но имеющих к весоизмерительному делу явно отдаленное отношение.

Однако, практика потребовала уточнения юридич. квалификации этих преступлений.

Поэтому пленум Верхсуда РСФСР 29/VI 1925 г. допустил применение в ряде случаев аналогии. Так, выпуск мер и весов без поверки или сбыт их без надлежащего клейма должен был преследоваться применительно к ст. 99 УК РСФСР, предусматривающей изготовление, хранение и покупку с целью сбыта, а равно и самый сбыт в виде промысла продуктов, материалов и изделий, относительно которых имеется в законе специальное запрещение или ограничение. Употребление мер и весов без поверки и без клейма согласно тому же разъяснению подлежало преследованию по аналогии с преступлениями, предусмотренными ст. 105 УК РСФСР, как нарушение правил, регулирующих торговлю. Наконец изготовление поддельных клейм, клеймение ими или применение мер и весов с заведомо поддельными клеймами и сбыт таковых преследовались по аналогии по ст. 172 УК РСФСР, предусматривающей таковые же деяния в отношении клейм для клеймения слитков и изделий из них[2].

Наряду с этими указаниями судебных органов в законодательных актах Союза по весоизмерительному делу Главной палате мер и весов, а впоследствии Центральному управлению мер и весов предоставлялось право издавать обязательные постановления по вопросам весоизмерительного дела, касающиеся правильности измерительных приборов и надлежащего их применения. Однако никакой санкцией исполнение этих требований фактически подтверждено не было.

Отсутствие точно определенной уголовной санкции за обмер, обвес и прочие нарушения в области весоизмерительного дела и фактическая безнаказанность нарушителей указанных выше правил и обязательных постановлений, издаваемых Центральным управлением мер и весов и НКВД, послужили одной из причин тех безобразий в торговле, какие были отмечены Л. М. Кагановичем в речи его на пленуме ЦСК 28/VI 1934 г. Тов. Каганович ярко осветил необходимость начать немедленную борьбу за искоренение обмеривания и обвешивания покупателей. Эпоху в этом отношении и сделало упомянутое выше постановление ЦИК и СНК СССР 25/VII 1934 г., установившее жесткую наказуемость обвешивания и обмеривания, пользования при продаже неверными измерительными приборами всякого рода — лишением свободы сроком до десяти лет.

Почти годичный срок, истекший с момента издания закона, был периодом организации борьбы с обманом покупателя во всех видах. В судебных органах проведен целый ряд дел, связанных с обмериванием, обвешиванием, употреблением неправильных измерительных приборов, а также с нарушением розничных цен. Прокуратура и Верхсуд СССР дали ряд директивных указаний, направленных на обеспечение полной и решительной борьбы с обманами потребителя. В этих указаниях подчеркивали необходимость обеспечения высокого качества расследования и неуклонного применения установленной постановлением 25/VII 1934 г. санкции. Сдвиг во всем этом деле несомненен и значителен, но есть все же моменты в борьбе с преступлениями в области весоизмерительного дела, которые не получили ни должного освещения, ни должного отражения в практике судебных органов и прокуратуры.

Попытаемся вкратце осветить эти моменты.

Прежде всего надо иметь в виду, что после издания постановления ЦИК и СНК СССР 25/VII 1934 г. СНК СССР трижды возвращался к проблеме правильности самой постановки весоизмерительного дела; сюда относятся постановления его от 9/IX 1934 г. о мерах и весах, 17/X 1934 г. об утверждении Положения о Центральном управлении мер и весов и 25/X 1934 г. о мероприятиях по обеспечению поверочной работы названного управления. Главнейшие моменты этих постановлений, относящиеся собственно к обеспечению правильности всей постановки весоизмерительного дела, заключаются в следующем:

1. Устанавливается обязательное клеймение измерительных приборов, перечисленных в

[1] В порядке обсуждения. — Ред.

[2] Подробнее об этом см. нашу статью «В борьбе с обвешиванием и обмериванием больше внимания изжитию преступлений в области измерительного дела». «Советская юстиция» № 21, 1934.

списке, утвержденном СНК СССР; клеймение, вопреки существовавшему ранее порядку, монопольно осуществляется Центральным управлением мер и весов.

2. Устанавливаются систематические поверки измерительных приборов, а равно ответственность руководителей учреждений и предприятий за надлежащее состояние, точность и за своевременность указанной проверки.

3. Органам НКВнуторга и РК милиции поручается повседневный надзор, а Прокуратуре СССР и республик — решительная борьба против применения в хозяйственном обороте неправильных измерительных приборов.

4. Центральному управлению мер и весов поручается издание обязательных постановлений, правил и инструкций по всем вопросам метрологии и контрольно-измерительного хозяйства СССР, наложение административных взысканий за нарушение этих обязательных постановлений, а равно общий надзор за состоянием контрольно-измерительного хозяйства в Союзе.

Мы вправе утверждать, что измерительные приборы в народнохозяйственной жизни подчас приобретают характер серьезнейшего политического инструмента. В самом деле, ведь при помощи таких простейших измерительных приборов, как весы, происходит фактический хозрасчет между городом и деревней. При помощи весов измеряется натуральная стоимость трудодня колхозника, при помощи весов охраняется и учитывается колхозная собственность, колхозный и совхозный хлеб.

Однако простейшие весы и элементарная форма обращения ценностей — продажа, в которой советский гражданин выступает покупателем и плательщиком, — являются лишь начальными этапами, за которыми следуют области широчайшего применения всей совокупности измерительных приборов, как хозяйственного инструмента по преимуществу. Из этого применения и возникают новые задачи, которые должны быть учтены в процессе реализации закона 25/VII 1934 г.

Прежде всего в процессе борьбы за правильность измерительных приборов должно быть уделено особое внимание той их категории, которая согласно закону 9/IX 1934 г. подлежит обязательному клеймению органами Центрального управления мер и весов. В числе этих измерительных приборов имеются такие достаточно сложные, но вместе с тем весьма популярные приборы, как электрические счетчики, водомеры, газомеры, мерники для отпуска нефти и т. д. Весьма чуткая к вопросам точности всяческого рода измерений товара капиталистическая торговая практика давно уже отчетливо отметила у себя неблагополучие с приборами этого порядка. Так, французские торговые палаты Алесская и Сент-Омерская в своих постановлениях указали, что в связи с развитием техники распространяется применение приборов, которые до сих пор фактически никакому контролю не подвергаются, а между тем при своей сложности представляются населению малопонятными; обмер при их посредстве незаметен, но по своим размерам весьма ощутителен. Например по данным одной из французских поверочных палат электрические счетчики могут работать с погрешностью до 30%, причем потребитель энергии не замечает этой погрешности в течение весьма долгого времени. На основе этих соображений указанные торговые палаты требовали установления для всяких такого рода измерительных приборов строгого контроля, наравне с мерами и весами, и применения против лиц, виновных в обмере такими неправильными измерительными приборами, уголовных наказаний, как за пользование неправильными мерами и весами.

Совершенно ясно, что такого же рода неправильности и погрешности в работе счетчиков, водомеров, мерников и т. д. наблюдаются и у нас в практике как бытового обслуживания трудящихся, так и в производственной работе крупных хозяйственных организаций. Не мешает вспомнить указанный в специальной литературе случай из практики Сталинградского коммунального хозяйства, управление которого предъявило однажды двум учреждениям с приходящими сотрудниками в количестве всего 51 чел. счет на 420 000 ведер годового расхода воды, т. е. по 8 235 ведер в год на одного приходящего сотрудника или 28 ведер воды в сутки (кругло). Это — разительный и, пожалуй, исключительный случай, но таких случаев с обмерами при помощи неправильных водомеров в гораздо менее заметных масштабах, экономически во всяком случае весьма ощутительных, в нашей практике наберется немало. Такое же положение имеется и по отношению к электрическим счетчикам, мерникам нефти в специальных колонках, газомерам и т. д. **На борьбу с обмериванием при помощи неправильных измерительных приборов в областях этого рода необходимо обратить серьезное внимание суда и прокуратуры.** Поскольку здесь потребитель находится в особо затруднительных условиях и имеет слишком мало возможности проверять действие упомянутых выше измерительных приборов, были бы вполне уместными показательные процессы против виновных в особо ярких случаях неправильной работы приборов указанного выше порядка, отсутствия их проверки и т. д.

Постановление СНК Союза ССР 25/X 1934 г. № 2455 устанавливает, как сказано выше, особую категорию мер и измерительных приборов, подлежащих обязательному клеймению в органах Центрального управления мер и весов. Приложенный к постановлению список обнимает собою 33 наименования предметов указанного оборудования; сюда относятся: весы, меры длины, объема, приборы для измерения площадей, для измерения давления и вакуума, для измерения температуры плотностей и концентрации растворов, электроизмерительные приборы, водомеры, наборы очков, вискозиметры, пурки. Кроме того этим же постановлением утвержден обнимающий собой 21 наименование список образцовых мер и контрольных измерительных приборов, служащих для проверки и градуирования рабочих измерительных приборов; эти образцовые меры и приборы также подлежат обязательной проверке органами Центрального управления мер и весов. Ясно отсюда, что перечисленным приборам законодатель придает особое значение и требует их безусловной точности во всех случаях их употребления; отнюдь не ограничиваясь только областью продажи (торговля). **Последующее законодательство и практика достаточно определенно требуют борьбы за правильные весы и приборы и за пределами собственно продажи (торговли), которую ближайшим образом, имеет в виду закон 25/VII**

1934 г. В самом деле не может и не должна оставаться вне борьбы с обмером и обвесом, с неправильными весоизмерительными приборами огромная область хоздоговорных отношений, которые регулируются не сделками в форме продажи, упоминаемыми в законе 25/VII 1934 г., а хоздоговорами. В этой области правильность весоизмерительных приборов играет также громадное значение, и нельзя себе представить такое положение, чтобы за обмер, обвес и обман при помощи неправильных измерительных приборов индивидуального покупателя налагалось лишение свободы до десяти лет, а те же действия, совершаемые в сфере, регулируемой хоздоговорами, оставлялись или совершенно безнаказанными или же карались бы значительно мягче, по статьям о должностных преступлениях. Более того, верные измерительные приборы, доброкачественные по своему изготовлению и отвечающие своему назначению, являются безусловно необходимой принадлежностью производственного процесса во всех отраслях народного хозяйства, строительства и торговли, а употребление таких правильных приборов — безусловно необходимым и действительным методом борьбы с потерями в народном хозяйстве и необходимой предпосылкой для создания культурного торгово-хозяйственного оборота. Поэтому, борьба за правильность измерительных приборов необходима.

Практика измерительного дела показывает разительные примеры всякого рода убытков, простоев, и т. п., связанных с применением при выполнении хоздоговорных обязательств неправильных измерительных приборов всякого рода. Мне уже приходилось ссылаться[1] на случай применения в нефтяной промышленности неточного термометра при определении удельного веса экспортируемого в Германию бензина, повлекший за собой уплату Наркомвнешторгом 10 000 марок золотом разницы в пошлине. Употребление таких же неправильных термометров во внутреннем хозяйственном обороте Союза создавало неоднократно длительные задержки в выпуске нефтепродуктов, причиняя этим крупные убытки заинтересованным отраслям народного хозяйства — потребителям нефти. Можно утверждать, что вред и убытки, возникающие от неправильности измерительных приборов, тем выше, чем сложнее и ответственнее прибор и чем большая требуется точность измерений. Что в этой области с точными измерительными приборами далеко не все благополучно подтверждают данные неоднократных обследований Всесоюзного комитета стандартизации состояния на крупнейших заводах соблюдения ОСТ на допуски и посадки, являющихся основой краеугольного камня всей крупной индустрии — взаимозаменяемости отдельных частей и деталей. Эти обследования указывают зачастую на необеспеченность и неудовлетворительное состояние калибрового хозяйства предприятий, являющиеся результатом небрежности, невнимания к этому хозяйству руководства предприятий, обязанного обеспечить правильную работу всех входящих в это хозяйство измерительных приборов и несомненно неблагоприятно отзывающиеся на изменениях частей и деталей продукции.

Если мы не всегда уделяем должное внимание к такому ответственнейшему участку измерительных приборов, как набор калибров и калибровые лаборатории, то не лучшее положение имеется и со всеми теми измерительными приборами, какие признаны законом подлежащими обязательному клеймению и проверке. Если далее в применении неправильных измерительных приборов при выполнении хоздоговорных отношений нет того грубого обмана, того веса «с пальчиком», который мы наблюдаем в торговле где нибудь в продпалатке, то здесь в пользовании особо ответственными, но неверными измерительными приборами, имеется налицо грубейшее пренебрежение к самому существу хоздоговорных отношений, здесь налицо тягочайший обман всего государства, выражающийся в срыве точного выполнения плана тех предприятий, какие связаны данным хоздоговором. Поэтому пользование неправильными измерительными приборами при выполнении хоздоговорных отношений отнюдь не может и не должно быть исключено из действия закона 25/VII 1934 г.

Остается упомянуть еще об одном моменте, связанном с законодательными постановлениями по весоизмерительному делу, утвержденными после издания закона 25/VII 1934 г. и подлежащем особому вниманию при реализации этого последнего закона. Как указано выше, постановлением СНК Союза ССР от 17/X 1934 г. Центральному управлению мер и весов предоставлено право издания обязательных постановлений, правил и инструкций по всем вопросам метрологии и контрольно-измерительного хозяйства Союза ССР, а равно наложение в административном порядке штрафов до 300 руб. на лиц, виновных в непредставлении измерительных приборов на обязательное клеймение и в нарушении обязательных постановлений названного Центрального управления (п. 3 ст. 4 и ст. 10 Положения о Центральном управлении). Эти статьи совершенно точно определяют строго ограниченную сферу административного воздействия за нарушения в области весоизмерительного дела. Однако на этих по существу ограничительных положениях закона развитие административной юрисдикции в указанной области не остановилось. Прокуратура РСФСР и НКВнуторг СССР издали инструкцию о разграничении работы между органами государственной торговли и органами юстиции и об определении признаков, по которым дела об обмеривании, обвешивании и нарушении цен направляются в административном или уголовном порядке (цирк. НКЮ РСФСР № 13 14/II 1935 г.).

Строго говоря, наше законодательство в области весоизмерительного дела знает лишь один указанный выше случай административного воздействия на нарушителей порядка в весоизмерительном деле, именно — юрисдикцию Центрального управления мер и весов, очерченную выше. Поэтому указанная инструкция Прокуратуры РСФСР и НКВнуторга СССР является расширением такой юрисдикции за пределы, предусмотренные союзным законом. К сожалению, инструкция не содержит в себе указаний на те статьи положения о НКВнуторге СССР или о Государственной торговой инспекции, на которых можно было бы обосновать установленное инструкцией право инспекции налагать административные и дисциплинарные взыскания за маловажные нару-

[1] См. цитированную выше статью.

щения в области весоизмерительного дела. Это тем более было необходимо, что в Инструкции не указываются также самые размеры санкций, налагаемых по усмотрению Торговой инспекции. Но главное здесь заключается в том, что фактическое изъятие из действия закона 25/VII 1934 года маловажных дел об обмеривании и обвешивании проходит без должного учета всех моментов данного конкретного случая, имеющих отношение к весоизмерительному делу. В самом деле, наличие незначительного, с точки зрения Торговой инспекции, по характеру случая обмеривания и обвешивания может быть связано с ускользающими от ее внимания крупными дефектами постановки в данном предприятии или учреждении весоизмерительного дела в целом с нарушениями закона, обязательных постановлений или инструкций Центрального управления мер и весов. Деятельность Торговой инспекции в административной борьбе с обмериванием и обвешиванием в законе (постановление СНК СССР 9/IX 1934 г. о мерах и весах, ст. 9) рассматривается только как повседневный надзор за применением в торговле правильных и имеющих установленные клейма весов, гирь, литров и метров. Реализация же результатов этого надзора не может и не должна протекать вне участия Центрального управления мер и весов, а само это участие должно состоять не в даче по требованиям Торговой инспекции заключений только о правильности и неправильности мер и весов в данном случае, но в непосредственном рассмотрении Центральным управлением мер и весов вопроса, насколько требования его обязательных постановлений в данном деле соблюдены. Отсюда уже проистекает право названного Центрального управления самостоятельно наложить административное взыскание на виновных, если это потребуется. Поэтому необходимо в масштабе работы Прокуратуры Союза разработать и согласовать инструкцию о порядке наложения административных взысканий за нарушения в области весоизмерительного дела, строго обоснованную на союзном законодательстве, правильно согласовывающую и в то же время разграничивающую сферу деятельности как самой прокуратуры, так в первую очередь Центрального управления мер и весов, а затем органов Государственной торговли инспекции и РК милиции. Несомненно, что эта инструкция должна предусматривать постоянный и тесный контакт названных мною органов, при котором только и возможна систематическая и эффективная борьба с неправильными измерительными приборами.

Резюмируем сказанное:

1. Постановление ЦИК и СНК СССР 25/VII 1934 г. в связи с последующими постановлениями правительства по вопросам весоизмерительного дела является основой нового этапа в борьбе за правильный измерительный прибор. Эта борьба в дальнейшем должна вестись, как во всех областях бытового снабжения (электричество, вода, газ, нефтяные мерники и т. д.), так и в громадной области хоздоговорных отношений.

2. Прокуратура и суд должны обратить уже теперь свое внимание на все те случаи применения неправильных измерительных приборов в указанных выше областях и давать им при судебном рассмотрении особо яркое и полное освещение, исходя из того, что неправильные измерительные приборы в этих областях по существу также ведут к обворовыванию потребителя и обману Советского государства, если даже в действиях виновных лиц и не имеется непосредственных корыстных целей.

3. Прокуратура СССР должна, руководствуясь постановлением СНК Союза ССР от 9/IX 1934 г. (ст. 10), обратить свое внимание на формы и правильное осуществление борьбы со всякого рода нарушениями в области весоизмерительного дела, проводимой в административном порядке, добиваясь контакта всех заинтересованных в этом органов и поднятия культуры весоизмерительного дела на высоту, соответствующую требованиям переживаемого нами периода. В первую очередь должна быть издана инструкция по этому вопросу, согласовывающая действия всех заинтересованных в нем учреждений и организаций и определяющая рамки деятельности этих учреждений и организаций в строгом соответствии с действующим законом.

В. МАЛКИС

О кассационных заседаниях военных трибуналов[1]

Совершенно правильно привлекается сейчас внимание к некоторым вопросам кассационной практики.

Достаточно ознакомиться в любой кассационной инстанции с процентом отмеченных и исправленных (особенно смягченных) приговоров, чтобы понять, какое громадное значение в судебной практике имеют кассационные решения.

Судьбы многих людей определяются в конечном итоге кассационными инстанциями и зависят от качества решений этих инстанций.

Своими решениями кассационная инстанция осуществляет конкретное руководство судебной практикой судов первой инстанции и направляет их работу.

Практика кассационных заседаний внесла существенные «поправки» к нормам УПК, устанавливающим порядок кассационного рассмотрения дел. Однако эти поправки, упрощающие процесс, отнюдь не заслуживают того, чтобы быть узаконенными новым Уголовно-процессуальным кодексом СССР.

Наоборот, борясь за высокое качество кассационных решений, мы должны отказаться от уже установившихся традиций — изменить

[1] В порядке обсуждения. — **Ред.**

практику и добиться безоговорочного соблюдения советских законов.

Военные трибуналы отличаются от краевых судов в несколько более выгодную сторону в смысле четкости работы и соблюдения законом установленных норм процесса.

Так например, в военных трибуналах округов кассационные заседания всегда начинаются с подробного доклада члена суда по рассматриваемому делу.

Этот доклад делается не в совещательной комнате, а в судебном заседании в присутствии прокурора.

Ни одно дело в кассационном заседании трибунала не рассматривается без участия военного прокурора, который предварительно знакомится с делом и дает по делу свое заключение.

Однако и для некоторых военных трибуналов округа характерно глубоко вкоренившееся в их практику забвение интересов одной из сторон в процессе.

С тех пор, как военным трибуналам округов были присвоены кассационные функции, я не помню случая в своей практике, когда бы в кассационном заседании принимала участие защита. Я знаю только несколько случаев, когда на кассационном заседании присутствовали осужденные, и то вызванные на заседание по инициативе прокурора или председателя трибунала.

Почему? Разве для военных трибуналов существует особый закон, определяющий особый порядок кассационного рассмотрения дел? Разве осужденные военными трибуналами не заинтересованы в том, чтобы лично поддержать в кассационном заседании свою жалобу? Разве, наконец, армейской общественности неинтересны кассационные заседания трибуналов и их решения?

Нет! Происходит все это, так сказать, по «техническим причинам». Во-первых, военный трибунал не объявляет о днях своих заседаний и о делах, которые будут рассматриваться. Во-вторых, военный трибунал, извещая прокурора, не извещает осужденных и защиту о дне рассмотрения дела в кассационном порядке. И в-третьих, осужденным судом первой инстанции не разъясняется их право участвовать при рассмотрении кассационной жалобы.

Нам представляется, что качество кассационных решений было бы значительно выше, если бы в кассационном заседании военный трибунал заслушал не только заключение прокурора, но и возражения осужденого или его защиты.

Могут сказать, что вызов осужденного затянет рассмотрение дела. Но и в этом нет большой беды. Лучше рассмотреть дело на декаду позже, имея возможность выслушать объяснение живого человека, чем рассмотреть дело быстро, имея перед собой только бумагу.

Нельзя отрицать тот факт, что объяснения осужденного или его защитника могут помочь суду лучше разобраться в материалах предварительного следствия и судебного следствия первой инстанции.

Как часто мы встречаемся с таким фактом, что член трибунала, сделав подробный и обстоятельный доклад по делу, совершенно забывает о необходимости также обстоятельно доложить содержание жалобы.

А сколько жалоб таких, из которых не поймешь, что осужденный оспаривает и по каким мотивам!

Особенно важно и полезно выслушать объяснения осужденного по делам о должностных преступлениях, а также по делам о преступлениях некорыстного характера.

В свете указаний т. Сталина о кадрах и заботливом отношении к людям, целесообразно выслушать перед окончательным принятием решения даже того, кто уже осужден судом первой инстанции, тем паче, что отмена и исправления приговоров первой инстанции — не редкость в нашей судебной практике.

Новый проект УПК СССР, составленный комиссией под председательством прокурора Союза А. Я. Вышинского, не предполагает каких-либо упрощений порядка рассмотрения кассационных жалоб.

В проекте совершенно четко говорится: «кассационные жалобы и протесты на приговор рассматриваются **в открытом** судебном заседании».

«Кассационная инстанция извещает стороны о времени и месте слушания дела. Осужденные, содержащиеся под стражей в месте нахождения суда, в случае их желания присутствовать на заседании, **должны быть** доставлены в судебное заседание».

«Стороны, в случае их явки, должны быть допущены судом в даче объяснений в судебном заседании».

Также четко в проекте указывается, что неявка сторон на судебное заседание не является препятствием для слушания дела лишь при условии своевременного вручения им извещения.

Таким образом новый УПК СССР отнюдь не предполагает узаконить установившуюся практику рассмотрения кассационных жалоб без извещения об этом сторон.

Уже сейчас нужно отказаться от этой практики и в военных трибуналах. Нужно установить порядок, при котором рассмотрение кассационных жалоб происходило бы в открытых судебных заседаниях в присутствии армейской общественности.

Для этого военные трибуналы должны своевременно объявлять о днях своих заседаний и о делах, подлежащих рассмотрению на этих заседаниях.

Стороны и, в частности, осужденные и их защитники должны своевременно извещаться о дне рассмотрения жалобы или протеста.

При вынесении приговора судом первой инстанции подсудимым должно быть разъяснено их право присутствовать в кассационном заседании, содержащимся под стражей должна быть обеспечена фактическая возможность присутствовать на кассационном разборе их дела.

Соблюдение процессуальных норм при рассмотрении кассационных жалоб, повышение качества кассационных решений безусловно сделает более действенным конкретное руководство судебной практикой судов первой инстанции и повысит качество их работы.

С. А. ЗУБКОВ

Больше внимания гражданским делам

Народные суды часто с пренебрежением относятся к гражданским делам, особенно к делам обобществленного сектора, между тем, борьба за твердое проведение хозрасчета и договорной дисциплины хозяйственными и государственными организациями является чрезвычайно ответственной работой, вытекающей из директив партии и правительства.

«Если народный судья будет работать с душой», как сказал Л. М. Каганович на общемосковском собрании работников суда и прокуратуры, если в работу судья будет вкладывать душу, то выполняемая им работа по обобщественному сектору приобретает чрезвычайно глубокий государственный интерес.

На первый взгляд может показаться, что в делах, где истец и ответчик — государственные организации, и в делах, связанных с невыполнением договорных условий, как будто нет никакой политической принципиальности. Но мы, большевики, привыкли смотреть на экономику под углом зрения политики и поэтому дела обобществленного сектора имеют под собой глубокие политические нормы.

Возьмем такой пример: заводу, изготовляющему запасные части для тракторов и комбайнов, по государственному плану перевозок дано 10 вагонов, завод сумел использовать только 3—4 вагона. За неиспользованные вагоны жел. дорога взыскивает, а завод платит штраф по 24 руб. за вагон. Казалось бы, инцидент исчерпан. В многомиллионном обороте советского хозяйства этот штраф даже не чувствителен. Но нарушение плана влечет за собой: невыполнение директив партии и правительства о 100-процентном использовании транспорта; колхозно-совхозные ремонтные мастерские, не получая запасных частей, задерживают выпуск из ремонта сельхозмашин и инвентаря. Срывается план уборки хлеба, и, наконец, сам хозяйственник, не использовавший вагонов, по существу не выполняет свой промфинплан.

Разрешая такие дела, суд, вынося то или иное решение, обязан сигнализировать прокурорскому надзору и мобилизовать товарищеские суды и рабочие массы на ликвидацию прорывов на данном производстве.

На договорную политику хозяйственные органы смотрят так: лишь бы я выполнил свой промфинплан, а как будет выходить из положения мой противник, как справится он со своим промфинпланом, меня это не касается. Как пример, можно привести Московский автогенный завод.

Завод отпускает баллоны, наполненные газом. Головка баллона с кранами закрывается колпаком, во избежание утечки газа. Хозяйственники принимают баллоны как исправные на веру. Когда же они сдают эти баллоны, заводоуправление Автогенного завода обнаруживает в баллонах свои же дефекты и относит их за счет грузополучателя и предъявляет к ним иск.

В Москве имеется торгово-посредническая организация Мосбюрогорг по заключению хозорганами договоров. В договоре прямо указано, кто платит посреднику и в каком размере комиссионное вознаграждение, и тем не менее подавляющее большинство хозяйственников добровольно не желают платить обусловленную договором сумму и только потому, что они хотят получить исполнительный лист как документ, служащий основанием для списания исковой суммы. В результате — сотни исковых заявлений.

Массовые совершенно бесспорные иски предъявляются к Мосторгу и тем не менее последний добровольно их не платит. В судебном же заседании представитель Мосторга заявляет:

«Иск не оспариваем, документы в порядке, но и признать иск не можем, а там — как решит суд».

Такую же картину нарсуд Октябрьского р-на г. Москвы установил в государственном тресте ТЭЖЕ.

В Октябрьский нарсуд поступил ряд исковых заявлений к тресту ТЭЖЕ. Все иски об одном и том же: недостача, пересортировка, бой, вытечка жидкостей из флаконов парфюмерной и косметической продукции. ТЭЖЕ, иски не признал свалив всю вину на железные дороги и на самих грузополучателей.

Нарсуд решил проверить основательность жалоб и произвел обследование работы ТЭЖЕ непосредственно на фабрике и в базисном складе, где производится упаковка и отправка груза.

В упаковочном складе упаковщик, окруженный ящиками, наложенными до потолка, один заполняет ящики, прокладывает продукцию стружками и забивает ящики. Так как он работает сдельно, и в его распоряжении нет запасов, замена же или докладка недостающего или разбитого сопряжена с потерей времени на выписку и получение нужного товара в другом конце склада, то он просто вкладывает то, что у него под рукой.

В железнодорожном пакгаузе сличение содержимого в ящиках с документами отправки показало, что в одном из ящиков не было положено против документов двадцать флаконов одеколона. В другом ящике были лишние десять флаконов. Пробки в флаконах настолько плохо притерты, что держатся только склеенной у горлышка бумажкой. Флаконы особенно дешевых сортов слабо переложены и при перегрузке ящиков бьются.

На вопрос к зав. претензионным отделом фабрики т. Святогорову о том, как трест реагирует на обнаруженные безобразия, он ответил:

«Ведем, конечно, борьбу, но ТЭЖЕ выгоднее заплатить за недостачу или бой двух-трех десятков флаконов одеколона или банок вазелина, чем иметь лишнюю рабочую силу и увеличивать расход упаковочного материала.

На экспортную продукцию у нас жалоб нет, так как она особенно тщательно упаковывается. Ящик имеет проволочную обвязку и пломбируется. На внутренний же рынок, когда мы ежедневно отправляем по две и более тысячи штук ящиков, нам эта упаковка была бы невыгодна, так как стоимость добавочного упаковочного материала и рабочей силы далеко превысила бы претензионные суммы по искам».

В результате создаются судебные дела. Юрисконсульты истца и ответчика просиживают целые дни в суде, а суд тратит время, силы и средства на разбор этих дел.

Если народный судья по-большевистски будет подходить к каждому конкретному случаю и анализировать причины, породившие иск, а не ограничится кабинетной работой, будет выезжать на предприятия и учреждения для проверки фактов, изложенных в исковом заявлении, то и судебная практика приобретет сугубо принципиальный политический интерес.

А. М. ЛИБЕРМАН

По поводу „открытого забрала“[1]

В № 6 «За социалистическую законность» за 1935 г. помещена статья А. Кирзнера «С открытым забралом», в которой он предлагает дополнить УПК двумя новеллами, а именно новыми абзацами ст.ст. 235 и 280.

Если дополнение к ст. 235, предусматривающее предоставление права подсудимому или его защитнику до начала судебного следствия сообщать суду свои соображения о правильности предварительного следствия и соответствии обвинительного заключения материалам этого следствия, не может встретить принципиальных возражений, то этого отнюдь нельзя сказать по поводу дополнения к ст. 280, предусматривающего обязанность для защиты заявить в начале судебного заседания «считает ли она предварительное следствие проведенным правильно, а обвинительное заключение соответствующим материалам предварительного следствия, и если нет, то в каких частях и почему».

Основания для возражений против этой новеллы не трудно найти и у самого т. Кирзнера. Последний правильно указывает, что бывают случаи, когда подсудимый не признает себя виновным, а защита считает обвинение доказанным. Но заявить суду об этом своем расхождении со своим подзащитным защита может лишь тогда, когда обстоятельства, выявленные на судебном следствии, утвердили защиту в том впечатлении, которое она в данном случае вынесла от ознакомления с материалами предварительного следствия. Ибо, если согласиться с автором новеллы и обязать защиту изложить это свое впечатление суду до проведения судебного следствия, то этим самым мы поставим защиту в крайне затруднительное, я бы сказал довольно-таки конфузное положение. Сделав такое заявление, защита заранее расписалась бы в правильности обвинительного приговора, не ведая еще о том, что именно будет добыто судебным следствием. Между тем каждому судебному работнику небезызвестно, что нередко данные, добываемые судебным следствием, бывают диаметрально противоположны материалам предварительного следствия (да и само судебное следствие было бы излишним, если бы материалы предварительного следствия считались непогрешимыми и не нуждающимися в проверке на суде). Какое самочувствие было бы у защитника, скороспело заявившего суду наперекор своему подзащитному, о правильности обвинения в тот момент, когда судебным следствием это обвинение оказалось бы опороченным, предоставляю судить автору новеллы.

Сказанное можно иллюстрировать примером из моей недавней практики. В одном процессе с серьезнейшим обвинением мне, по ознакомлении с материалами дела, стало ясно, что обвиняемый напрасно отрицает свою вину, так как все улики против него. До начала судебного заседания я долго уговаривал его признать свою вину перед судом, но он упорно стоял на своем. На судебном следствии были установлены такие обстоятельства, которые побудили меня перед самым его окончанием возбудить ходатайство о направлении дела к доследованию. Будучи поддержано прокурором, ходатайство это было удовлетворено. Вспоминая теперь об этом деле, я чрезвычайно рад тому, что новелла т. Кирзнера не стала еще в то время законом и не заставила меня опрометчиво доложить суду о своем первом впечатлении.

Можно ли требовать от кого бы то ни было полной оценки материалов предварительного следствия до проверки их в ходе следствия судебного? Я думаю, что даже к обвинителю это требование неприменимо. Ибо нельзя забывать, что во многих случаях поддерживает обвинение в суде не тот прокурор, который утверждал обвинительное заключение, а в тех случаях, когда обвиняет тот же прокурор, который утвердил обвинительное заключение, он сам, относясь добросовестно к делу, стремится проверить правильность этого заключения в судебном заседании. И вряд ли найдется прокурор, который до окончания судебного следствия безапелляционно заявил бы о непогрешимости обвинительного заключения. Так что не только защите, но и обвинению я не считал бы возможным рекомендовать выступление в начале судебного заседания «с открытым забралом» по рецепту т. Кирзнера.

Неправильно, на мой взгляд, и утверждение т. Кирзнера, будто судебное следствие только «большей частью» является проверкой предварительного следствия. Оно во всех без исключения случаях является такой проверкой. И напрасно автору новеллы мерещится «разлагающее влияние» на защиту материалов судебного следствия, которые по его мнению могут в смысле близости к истине оказаться

[1] В порядке обсуждения. — Ред.

хуже материалов предварительного следствия». Во-первых, он опять рискует впасть в ошибку признания обвинительного заключения авансом непогрешимым. Во-вторых, разве ему неизвестны случаи плохо проведенного предварительного расследования, попадающего в суд? А если это так, то разве не следует считать аксиомой, что каждое предварительное следствие нуждается в судебной проверке (да иначе и институт суда в нынешнем его виде был бы совершенно излишним) и до этой проверки оно никем и никак не может быть окончательно квалифицировано и оценено на суде.

Наконец нельзя признать веским и довод т. Кирзнера, если можно так выразиться, от ненормального. Под этим я разумею его указание на «нетерпеливое и отрицательное отношение суда к хозяйствам защиты и задаваемым ею вопросам», на то, что суд «раздражается» и т. п. Если суд поступает таким образом, то его никак нельзя за это похвалить. Только и всего. Но нельзя же, во избежание этого «раздражения» или «нетерпения» заставлять защиту говорить «б» до того, как сказано «а». Точно так же не может быть принято всерьез сваливание т. Кирзнером на защиту (не излагающую своего credo в начале судебного следствия) вины за то, что «вся описательная часть приговора слишком часто просто списывается с обвинительного заключения», которое, по его мнению, «оказывает на суд определенное «техническое» «воздействие».

Здесь опять-таки корень зла в судье, который умеет танцовать только от одной печки — обвинительного заключения, но неспособен разобраться во всех материалах дела, сопоставить данные предварительного и судебного следствий, выявить, где чистое зерно и где плевелы. Но (еще раз) причем тут защита?

Сказанное по поводу основных доводов автора новеллы, мне кажется, вполне достаточно, чтобы признать эту новеллу неприемлемой.

К. ПЛЕТНИКОВ

На защиту женщины от издевательства

В то время как партия, руководимая великим вождем народа т. Сталиным, и советская власть, памятуя заветы Ленина, окружают трудящуюся женщину исключительным вниманием и заботой, стремясь поднять ее на небывалую в истории высоту, — на территории страны, на переломе второй пятилетки, к сожалению, находятся еще антиобщественные элементы, которые отравляют атмосферу советской жизни, бравируя половой разнузданностью и презрением к женщине, проявляя в отношении ее возмутительные циничные выходки. За примерами ходить недалеко, стоит только пересмотреть газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР» и «Правду» за летние месяцы, чтобы набрать целую галлерею подобных спецов по издевательству над личностью женщины.

Вот инженер Мирзоев, который «систематически склонял к сожительству женщин, а затем их оставлял». «11 июня 1926 г. Мирзоев вступил в брак с гр. Хурумовой. 3 декабря того же года брак с Хурумовой был расторгнут. Через 6 дней, т. е. 9 декабря, Мирзоев женится на гр. Калмыковой. Через 2 мес. 6 дней, 15 февраля 1927 г., не разводясь с гр. Калмыковой, Мирзоев возобновляет брак с Хурумовой. 21 марта 1928 г. он разводится с Калмыковой. Многие запрошенные загсы не успели еще ответить. Известно лишь, что 17 февраля 1933 г. был зарегистрирован развод с гр. Мирзоевой... Сам Мирзоев довольно цинично рассказывает: «...кажется в 1933 г. регистрировался в Ессентуках с одной женщиной по имени Маруся. Отчество и фамилию ее не помню. Прожил с ней 6 месяцев...» («Правда» 19 июня 1935 г. № 167, Л. Перевозкин. «Частная жизнь инженера Мирзоева»). Мирзоев был осужден по ст. 153 УК.

Вот техник Володин («Правда» 25 июня № 173, Е. Рыклин «Пошляк»). На вопрос обманутой девушки: «Когда мы начнем жить вместе», — пошляк ответил: «Видишь ли, милая! Ты — седьмая девушка, которую я лишаю невинности. Не могу же я на всех жениться, а сейчас я наметил еще одну девушку на заводе. Вот ее письмо, — что я и на ней должен буду жениться? А вот еще одно письмо от женщины, которая от меня беременна, — что я и на ней должен жениться? Нет уж, увольте. Я не могу так разбрасываться»... «О совместной жизни брось думать. Правда, я обещал. Но нельзя же всему верить. Что хочешь, то и делай, хочешь—роди, хочешь—сделай аборт. На аборт могу дать денег...» За «половую распущенность» и «подлое издевательское отношение к женщине» пошляк был осужден к лишению свободы на 3 года.

Аналогичный с пошляком тип выведен в заметке т. А. Аграновского «Фельетона не было» («Правда» 7 августа № 216) в лице Фиакселя, который увлек гр. Кожевникову и через месяц выгнал ее беременную вон из квартиры. Этот Фиаксель приютившим Кожевникову людям ответил так: «Хочу — живу день, хочу — живу неделю, месяц. Месяц это еще порядочный срок. Мне не надо провинциалок, понимаете? У меня есть лучшие женщины. Может быть она хочет смотреть, как я буду жить на ее глазах с этими другими женщинами? Пусть. Угол могу дать, но ширму не позволю поставить»...

Не уступает Фиакселю в цинизме и Андрей Вдовин (два письма Бор. Ефимова «Известия» 17 августа № 192), который написал обманутой им Надюше такие строки: «Все то, что случилось между нами, это был сплошной обман. И ты мне нужна была только для полового удовлетворения, а теперь у меня дома все есть, и еще раз катитесь, вы, к (площадная ругань), проститутка».

А вот издевательство в иной форме. Юрий Жданов (А. Аграновский, маленький фельетон «Подсудно ли это?» — «Правда» 24 сентября № 264) ведет с женой такой диалог. На замечание жены, что врачи отказываются делать аборт ввиду опасности для жизни, он говорит ей: «А ты им скажи, что муж тебя бросил».

«Я сказала. Они говорят — ничего, он будет платить алименты». «А ты не будь дурой и отвечай: «Муж у меня подлец, негодяй, он меня совсем бросил». Отчаявшаяся женщина, брошенная Ждановым, сделала себе аборт. Жданов уже привлечен к ответственности за уголовно-наказуемое деяние («Правда» 27 сентября № 267).

Трудно сказать, кто из перечисленных выше лиц (Мирзоев, Володин, Фиаксель или Вдовин) мог бы оказаться на конкурсе первым, но несомненно одно, что от всех них разит острым букетом полового хулиганства. Этот вид хулиганства представляет собою наиболее тяжкую и наглую форму издевательства над личностью женщины. За женщиною не только отрицается человеческое достоинство, но она рассматривается как постельная принадлежность. Более унизительного обращения с женщиной трудно себе и представить. Мало сказать, что здесь играет роль только половая разнузданность, половая разнузданность может и не сопровождаться цинизмом, а проявляться лишь в форме полового излишества, но в том-то и дело, что во всех приведенных случаях красною нитью проходит «подлое издевательское отношение к женщине», как по достоинству оценил советский суд действия «пошляка» Володина.

Подобные преступления имеют, так сказать, свое собственное уголовное лицо, имеют такую специфическую природу, что их не следует карать по аналогии, а надо выделить в особый вид социально опасных деяний, введя в Уголовный кодекс специальную статью об издевательстве над личностью женщины вообще. В настоящее время важно, как можно резче подчеркнуть, что советская власть будет крепко бить по рукам тех, кто тянется к женщине не как к человеку, а только как к половой противоположности, а, добившись цели, смеется и глумится над поверившей ему женщиной. Если советское воспитание и дисциплина, культурная обработка и убеждение не создали еще надлежащего советского правосознания у некоторой группы лиц и не всем привили чувство уважения и пощады к женщине, — остается иной путь, путь принуждения. В условиях сурового режима виновные будут вынуждены вытравить пережитки прошлого и научиться чтить заветы Ленина об уважении к женщине. Для этих лиц надо установить жесткий минимум лишения свободы, не ниже года. Не предрешая точной формулировки понятия издевательства, можно пока приблизительно указать некоторые виды этого отвратительного явления, руководствуясь примерами, приведенными выше. Сюда подойдут: циничные выходки на словах и в письме в отношении покинутой женщины, изгнание из своей квартиры беременной, презрительное или унизительное обращение с женщиной в обществе, разнузданная половая смена женщин, сопровождаемая хулиганскими выходками по адресу оставленных женщин. Особенностью этого преступления должно считаться **издевательство** не только над отдельной личностью той или иной женщины, но **над личностью женщины вообще,** поскольку в действиях виновного проявилась именно эта черта. Поэтому главное внимание надо будет обращать на всю совокупность действий обвиняемого, причем наиболее преступными будут считаться факты отрицания вообще за женщиной прав личности советской гражданки, примеры которых указаны выше. Здесь именно коренится сущность преступного издевательства над женщиной, по этой линии и должна быть начата жестокая борьба с врагами советской политики и советского строительства.

СССР—страна, где неустанно культивируется среди граждан чувство уважения к женщине и матери. Гордо и высоко, по заслугам, несет голову советская женщина, и всякую попытку ее унижения и издевательства над ней надо рассматривать не только как акт предательства в отношении доверившейся женщины, не только как акт хулиганства и полового бесстыдства, но как подкоп под устои советской семьи и общественности. Та заботливость и то внимание, которое уделяется женщине в сфере советского строительства вообще, должны найти специальное отражение в области уголовного законодательства, в особой уголовной норме, которая должна взять под охрану женщину Страны советов от унижения и издевательства и сосредоточить в себе серьезную угрозу для ее нарушителей. Если понятие издевательства будет принято и оформлено особым законом,—отпадет надобностью квалифицировать по ст. 153 УК половое сношение путем обмана (заманивание в загс), т. е. подводить его под изнасилование. Сущность этого преступления не в предшествующем только обмане и не только в половом сношении путем обмана, а еще и, главным образом, в последующем издевательстве над женщиной, которое не меняется в зависимости от того, взята ли женщина обманом или без него. А раз центр этого преступления перемещается на последующий момент — оставление или изгнание женщины после половой связи с ней, — здесь и надо искать его истинную природу. В соответствии с этим надо устранить аналогию с половым только преступлением и констатировать здесь деяние более широкого объема, включающее **посягательство на всю личность женщины вообще как в физическом, так и в моральном смысле.** Вот почему так называемый половой обман надо изъять из-под действия ст. 153 УК и включить его в понятие издевательства над личностью женщины.

Дела об издевательстве над женщиной надо слушать обязательно в порядке показательных процессов, с желательным участием женщин в качестве народных заседателей и общественных обвинителей и широко освещать эти процессы в печати. Приговоры судов по этим делам надо сопровождать признанием виновных публично опозоренными в глазах советской общественности за издевательство над личностью советской женщины вообще. Эта характеристика будет указывать на особый социально-опасный элемент, пытающийся унизить авторитет женщины циничными выходками, недопустимыми в стране социализма.

П. Ш.

Об оформлении и хранении судебного дела

Для наиболее быстрого разрешения какого-либо уголовного дела, для более легкого его разбора как в суде первой инстанции, так и в кассационном порядке или в порядке надзора, необходимо соблюсти ряд условий, которые ни наши следователи, ни наши судьи часто, однако, не выполняют. Одно из этих условий — это правильное оформление и хранение уголовного дела.

В практике попадаются такие дела, в которых благодаря небрежному оформлению нельзя разобраться и вряд ли в них сумеют разобраться следователь, ведший дело, и судья, вынесший приговор.

Для иллюстрации приведу два уголовных дела:

Дело № 1—1280 нарсуда Слав. района Северокавказского края по обвинению гр.гр. Просянкина, Будаева и др. в расхищении деталей на радиоузле.

Кроме бессистемного оформления дела, мы имеем здесь безобразнейшее отношение к этому делу со стороны народного судьи т. Заложного и секретаря Гузиева.

Сначала о предварительном следствии:

Очень важные и имеющие большое значение для дела документы написаны карандашом, какие документы и к какому обвиняемому относятся — неизвестно, и для того, чтобы разобраться, что к чему относится, нужно сначала прочитать все дело, а потом, уже на память рыться и разыскивать, какой документ и к кому относится. Неправильное комплектование документов, их разбросанность сильно затрудняют рассмотрение его не только в суде первой инстанции, но и в кассационном или в надзорном порядке.

Если в следственном материале этого дела трудно разобраться, то в документах народного суда разобраться совершенно невозможно.

Судья т. Заложный, разбиравший вышеприведенное дело, наряду с Просянкиным, Будаевым и др., непосредственно занимавшимися хищениями, обвиняемого Сибухина по ст. 111 УК приговорил к 2 годам лишения свободы за то, что тот халатно отнесся к своим обязанностям, вследствие чего на радиоузле происходило расхищение имущества.

Сколько же лет нужно дать этому судье по той же статье за нижеприведенное оформление этого дела?

Протокол судебного заседания написан на красной, почти промокательной бумаге, красными чернилами, которые по бумаге расплылись, и получилось то, что не только ни одного слова, но и ни одной буквы разобрать нельзя. Допустим, что в этом виноват секретарь, но разве мог судья подписывать такой протокол? Однако этот протокол им подписан.

Допустим опять, что т. Заложный второпях не досмотрел и подмахнул протокол судебного заседания, который ему подсунул секретарь. Но приговор, вынесенный от имени «Российской социалистической федеративной республики», оказался написанным на такой же бумаге, теми же чернилами и тоже все расплылось и тоже ничего нельзя разобрать. В этом кажется, кроме т. Заложного обвинять некого.

Обращает на себя внимание еще не менее важный факт, что приговор подшит к делу «вверх ногами». Кассационная жалоба осужденного Будаева подшита на 6 листов ранее протокола судебного заседания и приговора.

Кроме того, кассационная жалоба в кассколлегию не направлялась, а вместо этого после кассжалобы подшиты 2 отношения в РУМ о розыске осужденных, не явившихся на судебное заседание.

Возьмем второе дело: дело нарсуда Смелянского района, Киевской области по обвинению гр. Яновского И. А.

Оставляя вопрос открытым о качестве проведенного как предварительного, так и судебного следствия, я хочу отметить факт безобразнейшего хранения судебного дела в народном суде.

Пришедшее в Прокуратуру Союза это дело оказалось все залитым водой, все тексты находящихся в нем документов расплылись и в большинстве случаев совершенно исчезли, так что прочитать это дело и как-нибудь в нем разобраться не сможет и сам нарсудья т. Погаст, под председательством которого рассматривалось это дело.

Судя по тому, что в деле имеется приговор (тоже залитый), становится совершенно ясно, что виновники такого варварского отношения к делам находятся в народном суде Смелянского района.

Как в первом, так и во втором деле кроме безобразнейшего оформления и хранения уголовного дела мы ничего не видим. Мы кроме всего этого имеем в деле Просянкина, Будаева и др. прямое нарушение наших уголовно-процессуальных законов, выразившееся в том, что осужденного Будаева лишили права кассационного обжалования, подшив его кассжалобу к делу и положив дело в архив.

Такого рода дела, такого рода нарушения УПК, как приведенные выше, говорят о халатном и невнимательном отношении наших работников к порученному им делу. С этими фактами нужно повести решительную борьбу и искоренить такое отношение раз и навсегда. Не надо забывать, что по этим делам проходят живые люди, о бережном отношении к которым говорил нам т. Сталин.

Кроме того, трудность, а порой и невозможность рассмотрения таких дел в кассационно-надзорном порядке говорит и о бездушном отношении к людям. Что сделать с делом, в котором нельзя разобраться? Ничего! И человек, подчас может быть неправильно осужденный (а у таких судей, как тт. Заложный и Погаст не исключена такая возможность при их отношении к делам), должен отбывать незаслуженное наказание.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Выездная сессия Курского областного суда, рассмотрев 2—8 января 1935 г. дело о злоупотреблениях в урсе треста «Донбасс-Антрацит», признала виновными в хищении общественной социалистической собственности уполномоченного этого урса Корастелева и в соучастии в указанном преступлении ряда работников хозяйственных, кооперативных и государственных учреждений Обоянского района, в том числе управляющего Обоянским отделением Госбанка Свинухина Д. П.

Свинухину были вменены в вину следующие преступные действия:

1) выдача ссуд уполномоченному урс треста «Донбасс-Антрацит» Корастелеву с нарушением положения о кредитно-ссудных операциях и

2) получение от Корастелева за ослабление контроля по выдаче ссуд взятки в 500 руб., а также получение от последнего ввиде компенсации «за оказываемые услуги по кредитованию» 150 руб. деньгами и патефона.

Квалифицируя деяние Свинухина по ч. 2 ст. 117 УК, облсуд приговорил его к 3 годам лишения свободы.

Судебная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев 10 февраля 1935 г. кассационные жалобы осужденных по этому делу лиц, пришла к выводу, что получение Свинухиным от Корастелева взятки материалами дела недостаточно доказано и что в отношении него остается в силе лишь обвинение в выдаче ссуд Корастелеву без законных на это оснований по личному знакомству. Переквалифицировав на этом основании деяние Свинухина на ст. 109 УК, судебная коллегия Верхсуда РСФСР снизила ему меру наказания до 2-х лет лишения свободы.

Проверкой материалов дела устанавливается, однако, не только отсутствие доказательств получения Свинухиным от Корастелева взятки, но и отсутствие таких с его стороны нарушений правил кредитования, которые давали бы основания для применения к нему ст. 109 УК.

Обвинение Свинухина в получении от Корастелева взятки в 500 руб., основанное на оговорке его Корастелевым, опровергнуто судебной коллегией Верхсуда. Хотя последняя в своем определении оставила без обсуждения вопрос относительно двух других вмененных в вину Свинухину взятках — получении от Корастелева патефона и 150 руб. деньгами, однако, факты эти также следует признать недоказанными. Относительно патефона имеется в деле показание Корастелева, утверждающего, что таковой был отпущен Свинухину из урса не в качестве подарка, а в кредит, а обвинение Свинухина в получении от Корастелева 150 руб. деньгами основано было судом исключительно на утверждении последнего о неполучении им от Свинухина 150 руб. за автомашину, предоставленную урсом сотрудникам банка для поездки за город на обработку огорода. Однако это утверждение опровергается имеющейся в деле распиской Корастелева в получении этих денег, почему обвинение Свинухина и в этой части является необоснованным.

Обвинение Свинухина в нарушении правил о кредитно-ссудных операциях при выдаче ссуд урсу треста «Донбасс-Антрацит» основано судом на двух фактах: 1) выдача Свинухиным Корастелеву 29/I 1934 г. ссуды в 10 300 руб. на оплату купленной урсом у Обоянского райпотребсоюза бочкотары, тогда как такой покупки в действительности не было, и полученная ссуда пошла на оплату купленных урсом у РПС 515 парниковых рам и 2) выдача Свинухиным урсу ряда ссуд под морс 8 779 руб., под капусту—22 000 руб., под скот—4 000 руб. и мед — 6 720 руб. без участия экономиста банка и без строгой проверки наличия материальных ценностей, под которые ссуды эти выдавались.

Первый факт ставится судом в вину Свинухину исключительно на основании показаний осужденных по этому делу Корастелева и председателя Обоянского райпотребсоюза Фролова, утверждавших, что Свинухин, зная о том, что он кредитует не покупку урсом бочкотары, а приобретение парниковых рам, которые как капиталовложения не подлежали по банковским правилам кредитованию.

Так как Свинухин в своих показаниях категорически отрицал указанный оговор его Корастелевым и Фроловым, утверждая, что он при выдаче ссуды под бочкотару был введен последними в заблуждение и так как это объяснение Свинухина подтверждается тем обстоятельством, что полученная урсом под бочкотару ссуда в 10 300 руб. была перечислена райпотребсоюзу на основании подложного счета, подписанного предправления РПС и гл. бухгалтером, то необходимо притти к выводу об отсутствии в деле объективных данных, свидетельствующих о том, что Свинухин знал о том, что ссуда выдается фактически не под бочкотару, а под рамы для парников.

Что касается второго факта — выдачи целого ряда ссуд без участия экономиста банка и без строгой проверки наличия материальных ценностей, под которые ссуды эти выдавались, то в материалах дела нет никаких данных о том, что в действительности этих ценностей налицо не было и что банк потерпел от выдачи этих ссуд какой-либо материальный ущерб.

Объяснение Свинухина о том, что имевшие место в Обоянском отделении Госбанка случаи выдачи ссуд без предварительной проверки ценностей различным организациям, а не только урсу треста «Донбасс-Антрацит» вызывались отсутствием в банке работников соответствующей квалификации, нашло на судебном следствии подтверждение в показаниях свидетеля Москаленко.

При таких условиях указанное действие Свинухина должно квалифицироваться как служебное упущение, подлежащее преследованию в дисциплинарном, а не в уголовном порядке.

Так правильно это действие и было расценено приказом по курской областной конторе Госбанка от 3/X 1934 г., которым на основании выводов бригады по обследованию работы Обоянского отделения Госбанка, Свинухину был объявлен строгий выговор за недостаточную бдительность по отношению к Корастелеву, причем одновременно отмечено было, что «кредитно-плановая работа отделения в целом поставлена удовлетворительно» и что «за время длительной работы Свинухина в системе Госбанка имеются достижения по кредитной работе отделения».

Ввиду изложенных соображений и учитывая, что как это устанавливается из приложенной к кассационной жалобе Свинухина справки Обоянского отделения Госбанка от 9/I 1935 г. «за 1934 г. превышения задолженности по дец. заготовкам сверх установленных лимитов по всем организациям, в том числе и по конторе урс «Донбасс-Антрацит» не было, Прокуратура Союза опротестовала приговор выездной сессии курского облсуда от 2—8 января 1935 г. и определение судебной коллегии Верхсуда РСФСР от 10 февраля 1935 г. в отношении Свинухина.

Президиум Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил переквалифицировать действия Свинухина по ч. 2 ст. 112 УК и на основании этой статьи запретить Свинухину в течение года занимать руководящие или ответственные должности в государственных, общественных или кооперативных учреждениях и предприятиях.

**
*

Гуторов Г. А. нарсудом 1-го участка Курского района ЦЧО 4/III 1934 г. был осужден к 3 годам лишения свободы за убийство арестованного при дер. Гуторово Полевского сельсовета по подозрению в конокрадстве неизвестного, оказавшегося гр-ном Гридасовым В. М., жит. дер. Солнцево Солнцевского района.

КК ЦЧО облсуда приговор оставила в силе. Сущность дела заключается в следующем. Арестованный 10/V 1933 г. Гридасов, содержавшийся вместе с другим арестованным — Пашковым, утром 4/VIII 1933 г. был найден мертвым в амбаре, принадлежащем гр-ке Заикиной Н. Ф. Судебно-медицинское вскрытие тела умершего произведено не было. Акт осмотра, произведенного сельским фельдшером Новосильцевым 15/VIII 1933 г., указывает, что «ввиду разложения трупа, признаков насильственной смерти не обнаружено» и что от трупа сильно пахло водкой.

Заключение же курского судебно-медицинского эксперта врача Зискинд от 25/VIII 1933 г., не выезжавшего к месту совершения преступления и не видевшего трупа, говорит о насильственной смерти покойного от побоев.

Свидетели: стоявший на охране арестованных сельисполнитель Рыжков Т. И., Гуторова Олимпиада Федоровна и 2-й арестованный Пашков показали, что около 12—1 часа ночи 10 августа пришли к амбару осужденные Гуторов Г. А. и шурин его Заикин И. П., открыли амбар и стали избивать Гридасова железной тростью, вытащили его на двор и там долго били, затем опять закрыли его в амбаре и ушли.

Мотивы убийства никем из свидетелей и в приговоре суда не указываются. Не установлено, чтобы осужденные за убийство Гридасова Гуторов Г. А. и шурин его Заикин И. П. ранее знали или встречались с убитым, нет также указаний, чтобы они были пьяны.

По делу, однако, было установлено, что свидетели Рыбаков Т. И., Пашков В. К. и Гуторова О. Ф., давшие обличающие осужденных Гуторова Г. А. и Заикина И. П. показания, имели все основания питать к осужденному Гуторову Г. А. злобу и ненависть. Рыжков за то, что Гуторов Г. А. раскулачивал его тестя, б. жандарма царской службы Воробьева, на родной дочери которого он был женат, а также раскулачивал его отчима (мужа его матери Рыжковой Т. И.).

У свидетеля Пашкова В. К. осужденный Гуторов Г. А. отобрал обрез русской винтовки и неоднократно уличал его в кражах в 1928 г., за что Рыжков отбывал наказание. В настоящее время, т. е. в 1934 г., Пашков приговорен нарсудом к 3 годам лишения свободы, у Гуторовой О. Ф. была им же, Гуторовым Г. А., выявлена краденая лошадь, которая по его указанию была отобрана милицией. Проживающий вместе с Гуторовой ее сын занимается кражами и имеет 5 судимости за кражи.

Сам Гуторов Г. А. категорически отрицал факт избиения им Гридасова и заявил, что свидетели его оговорили из мести.

Будучи активным общественным работником, состоя с 1927 г. по 1932 г. членом сельсовета, в 1929 г., будучи организатором колхоза при гуторовском зем. обществе Полевского сельсовета, в 1930 г. председателем сельсовета, в 1933 г. предколхоза в Б. Казиловском зем. о-ве, Гуторов все время активно работал по хозполиткампаниям и по ликвидации кулаков. За террористические действия против него 6 человек были высланы на разные сроки.

Ясно, что такой человек должен был иметь среди враждебных соввласти и преступных элементов злейших врагов и оговор ими Гуторова Г. А. из чувства мести вполне вероятен.

Следствием не установлено, что ключ от амбара, в котором находились арестованные Гудасов и Пашков, был передан Гуторову Г. А. и что он открыл амбар.

Заикина Н. Ф., владелица амбара, в котором находились арестованные, показала, что ключ от амбара взял себе Воробьев В. С. По словам Воробьева В. С., ключ от амбара он передал члену совета Гуторову, так как Гуторов живет рядом с этим амбаром. Опрошенный по этому поводу член сельсовета Гуторов Н. С. показал, что «амбар замкнул и ключ взял с собою ст. член сельсовета Воробьев, а ему ключа Воробьев не отдавал».

Осужденный Гуторов Г. А. жил не рядом с амбаром, а на расстоянии ½ километра и в 1934 г. членом сельсовета не состоял.

По показанию осужденного он был всю ночь с 10 на 11 августа, в ночь совершения преступления, дома.

Это подтверждает сторож птицефермы колхоза «Путь к социализму», на которой жил Гуторов Г. А., Крамский, заявивший, что в ночь смерти Гридасова В. М. Гуторов Г. А. с 8 часов вечера был дома.

Задержание Гридасова производили осужденные за незаконный арест члены сельсовета Воробьев В. С. и Гуторов Н. С. При этом они были пьяны и били плеткой Гридасова.

Осужденные же за убийство Гридасова Гуторов Г. А. и Заикин И. П. участия в аресте Гридасова не принимали.

По заключению суд.-мед. экспертизы, оба имеющиеся в деле медицинских документа акт наружного осмотра тела, произведенного фельдшером, и заключение врача Зискинд, не видавшего трупа, не могут служить основанием для утверждения, что смерть Гридасова наступила в результате нанесенных ему побоев, показаниями свидетелей также не установлено, что на теле Гридасова были кровоподтеки, кровь, раны. Находя осуждение Гуторова неправильным, Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение КК облсуда.

Президиум Курского облсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: приговор нарсуда и определение КК **отменить** и дело производством прекратить.

***

Нарсуд 1-го участка КАО от 4/IV 1935 г. приговорил гр-на Козаева Григория и Хознева Григория — первого к 4 годам, а второго — к 3 годам лишения свободы по ст.ст. 153 и 197 УК за *хищение и изнасилование* девушки Зинаиды Абаевой.

По этому же делу были осуждены за пособничество в похищении по ст.ст. 77 и 197 УК Козаев Петр, Дзанаев Даниил и Зангиев Федор.

Определением УКК Облсуда 23/IV 1935 г. приговор этот был утвержден без изменений.

Прокуратура Союза опротестовала квалификацию действий обвиняемых по ст.ст. 153 и 197 УК, как несоответствующей особой опасности совершенного обвиняемыми тяжкого преступления по следующим мотивам:

Григорий Козаев, получив от потерпевших и ее родителей категорический отказ на свое предложение о вступлении потерпевшей в брак с ним, организовал банду из нескольких человек для совершения налета на дом, куда предварительно, при содействии обв. Дзанаева, была заманена девушка. Эта банда, под его предводительством, в ночь на 2/II 1935 г. напала на дом Дзанаева и насильно похитила ничего не подозревавшую Зину Абаеву, увезла ее в лес, где она была изнасилована Козаевым при физическом содействии Хозиева. В дальнейшем, путем запугивания, они заставили изнасилованную девушку пойти в загс, где, однако, регистрация брака оформлена не была. Когда же девушка получила возможность, она заявила властям о совершенном на нее нападении и насилии.

Таковы факты, подтвержденные в основном признанием самих обвиняемых.

Учитывая всю обстановку данного похищения и имея в виду особую социальную опасность, таких преступлений в обстановке горного аула, а также, то обстоятельство, что слабость судебной репрессии за такие бандитские налеты способствует живучести такого рода пережитков в среде отсталой части горцев, приговор же суда по данному делу смазывает политический смысл и значение этого дела, Прокуратура Союза приговор этот опротестовала.

Президиум облсуда Карачаевской автономной области, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда отменить и направить дело на новое рассмотрение по признакам ст. 59[3] УК.

***

Приговором нарсуда Ветлужского района от 15/X 1934 г., утвержденным СКК крайсуда 3/XI 1934 г., Толстоухов Владимир и Овчинников Сергей были осуждены по ст. 136 УК к 10 годам лишения свободы каждый, по обвинению в убийстве путем отравления двоих детей Овчинникова с целью освобождения от уплаты алиментов. Толстоухов был признан физическим исполнителем, а Овчинников — подстрекателем.

Прокуратура Союза опротестовала приговор по следующим основаниям.

Первый ребенок, девочка Валентина, 2-х лет отроду, дочь Овчинникова от брака с Марией Овчинниковой умерла 31/III 1933 г. примерно через 2 недели после того как обв. Толстоухов (психически ненормальный) ночевал в доме Марии Овчинниковой. По словам последней, у ребенка были головные боли, сохло во рту; его *возили два раза к врачу*, который давал ему порошки от кашля, но девочка через две недели умерла.

Мать предполагает, что смерть последовала в результате того, что «Володя (Толстоухов) в темя пустил дочери иголку без ушков».

Эта версия о причинах смерти ребенка была выдвинута Марией Овчинниковой лишь после того, как возникло следствие по делу о смерти ребенка Старшевой, т. е. почти через год после смерти ее собственной дочери Валентины. До этого она никаких заявлений по поводу, якобы, насильственной смерти последней не делала.

Но помимо всего прочего все ее рассказы про какую-то иглу в темени и пр. не только ничем не были подтверждены, но прямо опровергаются имеющейся в деле справкой о том, что Валентина умерла от коклюша.

В отношении смерти второго ребенка — 3-месячного сына Клавдии Старшевой, приговор считает доказанными, что смерть произошла в результате того, что тот же Толстоухов через свой язык пустил ребенку ядовитое вещество в рот, отчего тот через 10—15 мин. умер.

Крайне бурное и быстрое течение болезни, сопровождавшееся выделением пены изо рта и самый характер смерти и т. п. — не могли, конечно, не вызвать у окружающих подозрений, что здесь имело место отравление.

Отсюда и возникла впервые та обвинительная версия, которая привела Овчинникова и Толстоухова на скамью подсудимых.

Однако при такого рода обвинении основной уликой, решающей дело, является присутствие в организме умершего яда.

Так как произведенное местным врачом вскрытие трупа не выявило внешних признаков насильственной смерти, внутренности ребенка были направлены на химическое исследование, которое также никаких ядов не обнаружило. По мнению краевого судебно-медицинского эксперта, у ребенка было гнойное

заболевание уха, и смерть его могла последовать от воспаления мозговых оболочек.

Ввиду того, что в деле имеются серьезные косвенные улики, обосновывающие обвинение, предъявленное Толстоухову и Овчинникову, Прокуратура Союза направила настоящее дело на экспертизу в Моск. гор. судебно-медицинскую экспертизу, которая также подтвердила в основном выводы горьковского краевого эксперта об отсутствии признаков отравления, констатируя, что картина смерти ребенка, как она описана очевидцами, «не является характерной для отравления каким-либо определенным ядом», что «такие же явления могут наблюдаться и в случае смерти естественной», что «смерть могла наступить от естественных причин, вследствие заболеваний, которые нередко протекают скрыто, без особо заметных проявлений и ведут к внезапной смерти (например, капиллярный бронхит, бронхо-пневмония, заболевание мозга и его оболочек».

Экспертиза отметила, что в обычном ассортименте сельской аптеки (больницы, амбулатории, родильного дома) таких ядов, которые могли бы остаться необнаруженными при химическом исследовании внутренностей, не бывает. Этим ответом парализуются все предположения, легшие в основу обвинения о том, что Овчинников добыл яд через местную акушерку или от охотников (стрихнин), так как ни один из обычных ядов во внутренностях ребенка найден не был.

Далее экспертиза отмечает, что введение яда на язык (путем поцелуя) хотя теоретически и не исключено, но маловероятно и что в имеющейся медицинской литературе таких случаев не описано.

Суммируя все эти данные, приходится притти к выводу, что в данном случае никакого отравления не было и что смерть ребенка последовала в результате какого-то скрытого заболевания.

При таких условиях те косвенные улики, которые склонили суд к вынесению обвинительного приговора, теряют свое доказательное значение.

Все они в значительной мере явились результатом убеждения в насильственной смерти ребенка, которое возникло вследствие внезапности и бурного хода болезни, когда окружающие знали о нежелании Овчинникова платить алименты. Эти условия способствовали появлению и распространению всяких слухов, пересудов и предположений, освещавших те или иные действительные факты в определенном неблагоприятном для осужденных направлении. Ввиду изложенного Прокуратура Союза обвин. приговор опротестовала в президиум городского краевого суда, который, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: приговор нарсуда и определение КК крайсуда в отношении С. Ф. и М. А. Овчинниковых и В. П. Толстоухова отменить, дело производством прекратить, осужденных Овчинникова С. Ф. и Михаила Андреевича из-под стражи немедленно освободить и розыски в отношении Толстоухова В. П. прекратить.

***

Особая камера по делам водного транспорта Нижневолжского краевого суда приговорила Черняева, Комарова, Николаева, Колесову, Куликову и Лахареву по закону 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы каждого.

Прокуратура Союза опротестовала приговор особой камеры по следующим обстоятельствам.

В связи с обнаруженными случаями хищения грузов на перевалочном пункте пристани Сталинград работниками ВТООГПУ была проведена облава с целью задержания лиц, занимающихся хищением. В результате проведенной облавы в числе задержанных оказались и вышепереименованные лица.

У задержанных была обнаружена рожь: у Комарова, как это видно из акта, в карманах около 10 кг, у Николаева — 40 стаканов, у Лазаревой — около 15—20 кг, у Черняева — небольшое количество, в кармане у Колесовой и Куликовой похищенной ржи не было обнаружено, как это видно из их показаний, потому что не успели рожь высыпать в мешок, были уже задержаны.

Как на предварительном, так и на судебном следствии задержанным предъявлялось обвинение в организованном, систематическом, групповом хищении грузов, в частности ржи, на перевалочном пункте у пристани Сталинград.

Суд признал всех подсудимых деклассированными элементами, не имеющими постоянного места жительства и определенных занятий.

Между тем как на предварительном, так и на судебном следствии не было доказано, что задержанные и впоследствии осужденные занимались организованным, групповым, систематическим хищением грузов на пристани.

Облава была проведена массовая — задерживались все лица, находящиеся около перевалочного пункта. Облава происходила с целью задержать, а после разобраться, кто занимается хищением, кто нет. Подтверждается это и тем, что многие из задержанных были освобождены.

Суд без достаточных данных причислил всех задержанных к деклассированным элементам, не имеющим постоянного места жительства и определенных занятий.

Как видно из протоколов допроса, все осужденные имеют постоянное место жительство.

Например, в протоколе допроса обвиняемого Комарова в одном пункте записано: «без определенных занятий», в приговоре суда указано: «без постоянного места жительства», между тем как в другом пункте протокола допроса и в протоколе судебного следствия написано: «проживает в с. Ушаково Ленинского р-на совместно со своей семьей, занимается сапожным ремеслом».

По материалам дела не установлено, что задержанный Николаев производил хищение ржи. Сам Николаев признается в покупке ржи у возчика, заведомо зная, что она была похищена.

Обнаруженная рожь у задержанных в небольшом количестве не могла явиться основанием для признания наличия шайки и квалификации преступления по закону 7 августа 1932 г.

Судебная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила применение к осужденным закона 7 августа из приговора исключить, переквалифицировать деяния Николаева по ст. 164 УК и остальных осужденных по п. «г» ст. 162 УК и определить Николаеву 6 мес. исправтрудработ, остальным осужденным — Черняеву, Комарову,

Куликовой, Колесовой и Лазаревой—по 2 года лишения свободы каждому.

**
*

Водно-транспортный суд Горьковского участка Верхневолжского бассейна 20 августа 1935 г. в подготовительном заседании определил дело по обвинению водолива баржи № 337 Старикова Александра Ивановича в служебном подлоге по ч. 1 ст. 120 УК РСФСР направить на доследование, поскольку не установлен факт присвоения обвиняемым в личную пользу денег, полученных путем подлога, и не допрошен свидетель Пельняков, который мог бы более полно осветить мотивы преступления.

Прокуратура Союза опротестовала определение подготовительного заседания водно-транспортного суда Горьковского участка Верхневолжского бассейна по следующим основаниям:

Обвиняемый Стариков произвел два подлога в ведомостях по зарплате с целью вторичного получения денег на зарплату команде баржи № 337.

Но если на первый подлог его толкнуло, как он объясняет, стремление выручить своего сподручного Пельнякова, у которого пропали деньги, полученные им на зарплату команде баржи в размере 313 р. 27 к., то вторая подделка в ведомостях на зарплату была произведена Стариковым, по его личному же признанию, в чисто корыстных целях и при этом присвоено 281 р. 53 к.

Таким образом действия Старикова полностью подпадают под ч. 1 ст. 120 УК РСФСР.

Допрос свидетеля Пельнякова существенного значения для дела не имеет и мог бы лишь помочь выяснить мотивы первой подделки.

К моменту расследования дела Пельняков уволился с баржи, адрес его неизвестен и реализация предложения суда фактически приведет к недопустимой затяжке дела.

Водно-транспортная коллегия Верхсуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: учитывая, что подлоги, совершенные Стариковым, данными дела установлены и что допрос Пельнякова может быть произведен в судебном заседании — решение подготовительного заседания отменить и дело направить в суд для судебного рассмотрения.

Совещание судебно-прокурорских работников Закавказских республик

1 сентября с. г. в г. Тифлисе состоялось совещание ответственных работников суда и прокуратуры Закавказских республик.

Открывая совещание НКЮ, прокурор Грузинской ССР т. Рамишвили сказал:

«Наше совещание закавказских судебно-прокурорских работников созвано по инициативе Заккрайкома и прокурора Союза т. А. Я. Вышинского. Оно не случайно, потому что в нашей работе, в особенности после известных всем вам решений партии и правительства о задачах органов юстиции и в связи с этими постановлениями, имеющими историческое значение, являющимися поворотным пунктом во всей нашей работе, имеется ряд вопросов, требующих совместного обсуждения. В нашей работе имеется и ряд дефектов, и поэтому, воспользовавшись приездом т. Вышинского в Закавказье, мы созвали это совещание.

Порядок нашего совещания следующий:

1) сообщения прокуроров и НКЮстов республик Армении, Азербайджана и Грузии и 2) доклад т. Вышинского о социалистической законности и об очередных задачах суда и прокуратуры».

Затем слово для сообщения о работе органов юстиции Армянской ССР было предоставлено т. Кетыкяну.

Речь тов. Кетыкяна

Товарищи, первый и основной вопрос — это наши кадры. В каком состоянии находятся наши кадры? Прежде всего надо отметить текучесть наших кадров. Больший процент наших кадров — люди с годичным и двухгодичным стажем. С высшим юридическим образованием у нас всего 8 человек. Большая часть их падает на центральный аппарат. На местах с высшим образованием всего 3 человека, из коих одного мы получили недавно из Прокуратуры Союза. Народных следователей с высшим образованием у нас только один, остальные 19 человек со средним образованием, неполным средним, с низшим образованием и даже только с домашним.

То же самое надо сказать и о судебно-прокурорском составе, большая часть которого, приблизительно 80%, с низшим и средним образованием.

Вот, товарищи, тот кадр работников, при помощи которых мы проводим на местах нашу судебно-прокурорскую работу. Конечно, вся тяжесть работы ложится на райпрокуроров и народных судей.

Этот контингент людей выносит на своих плечах всю эту работу, конечно, в пределах тех знаний и той техподготовки, которую они имеют.

Каковы мероприятия с нашей стороны для того, чтобы поднять квалификацию наших работников и дать соответствующую подготовку нашим кадрам?

Первое и основное — необходимо иметь высшее учебное заведение, и в 1933 г. мы этого добились, с 1933 г. при университете Армении организован юридический факультет, который готовит квалифицированных юристов.

Кроме того мы имеем 6-месячные и 3-месячные краткосрочные курсы. В этом году мы имели уже два выпуска.

Что дают в конце концов эти курсы? У меня имеются цифры с 1931 г. С 1931 г. у нас существовали 3-месячные курсы по подготовке и переподготовке судебных работников и затем в течение этих 4 лет, 6-месячные курсы. Что мы получили от них? До настоящего времени эти курсы прошли 21 прокурор, 26 нарсудей, 26 нарследователей и 37 технических

работников (секретари райпрокуроров, секретари нарсудеи и т. д.). Всего же в течение этого периода мы пропустили через курсы свыше 300 чел., но отсев после курсов был таков, что в нашем распоряжении осталось не более 95—100 человек. Причина этого, во-первых, в подборе, во-вторых, в требованиях, которые мы в последние годы предъявляем к ним. Они поступили к нам на работу, но вследствие того, что не сумели за 3 месяца перестроиться так, чтобы отвечать нашим требованиям, они отпали. В особенности большинство из них отпало в 1933 г., после решения Заккрайкома о партийном и социальном составе наших судебных и прокурорских работников. Вот приблизительная картина состояния наших кадров.

Что дают нам 3-месячные курсы при таком условии, когда большинство наших работников не имеют даже среднего образования? Мы пришли к такому заключению, что 3-месячные курсы нам многого не дают. Обучающиеся там получают некоторое понятие об Уголовном кодексе, Гражданском кодексе и т. д., получают некоторое общее политическое образование, несколько расширяется их политический кругозор, и они становятся немного более грамотными.

Перед Наркомюстом Армении стоит задача — в течение ближайших двух лет укрепить наши кадры технически более грамотными и политически более развитыми товарищами. Откуда мы можем получить этих людей? Университет нам первый выпуск даст только в 1937 г., так что рассчитывать на университет сейчас нельзя. Может быть университет нам даст 15% прокурорских работников, 15—20% судейского состава в ближайшем году, но в течение этих двух лет мы должны добиться резкого перелома в состоянии наших кадров, не дожидаясь выпусков окончивших университет. Я не буду говорить о том, что в течение 1936 г. во всяком случае мы должны выпустить два курса 6-месячных, если по 40 чел., то это составит 80 человек, но, имея в виду отсев на 20%, мы получим 60 человек подготовленных людей, которых мы сможем дать в 1936 г.

Мы должны отказаться от 3-месячных курсов и перейти на 6-месячные; этим мы частично покроем нашу потребность в подготовленных людях для нашей работы до получения их от университета.

Второй вопрос, который стоит перед нами, — это как у нас ведется борьба в защиту социалистической собственности на основе закона 7 августа.

Первое время в реализации этого закона мы допускали ошибки того порядка, на которые указывал т. Вышинский в своем последнем выступлении на Украине. Эти ошибки исправлены. В прошлом году у нас была бригада Союзной прокуратуры, которая пересмотрела эти дела и помогла эти ошибки исправить. На основе инструкции 8 мая мы перестроили свою работу и ошибок стало меньше. Если сравнить дела, поступившие в этом году, то видно, что мы действительно уже освободились от прежних ошибок и сумели сосредоточить свой огонь на действительных врагах народа — на классовых врагах.

Если мы просмотрим практику применения ст. 51 УК за прошлый год, то увидим что ст. 51 была применена приблизительно к 30% осужденных по закону 7 августа. Это, конечно, ненормально. В этом году мы применили эту статью только к 10% осужденных. В этом году одно то, что у нас только в отношении 10% была применена ст. 51, говорит за то, что у нас огонь уголовной репрессии направлен правильно.

Что касается социального состава осужденных по закону 7 августа, то анализ этих данных показывает, что мы не обращали до сих пор на эту сторону дела должного внимания.

В области нашей карательной политики у нас известный перелом по сравнению с прошлым годом имеется. В то время как в прошлом году у нас было 25% лишения свободы, в этом году за первый квартал мы добились того, что лишение свободы уже составляет 37%. Конечно, не обязательно мы должны применять лишение свободы, но в отношении известного рода преступников основной мерой защиты у нас должно быть лишение свободы. Ряд мероприятий, которые мы провели после первого квартала, нам дал во втором квартале уже 40% приговоров с лишением свободы по этой категории дел.

Однако цифры первого и второго кварталов также сигнализируют о том, что у нас репрессия по преступлениям, связанным с хищением общественной собственности, очень мягкая. Приблизительно месяц назад я затребовал материал по 7 районам, где мы имеем применение ст. 51 и 142 УК АрмССР. Без этой статьи они не могли перейти к другим мерам — принудработам. Я затребовал дела по применению ст. 51, связанные с хищениями социалистической собственности по торговой сети, все дела, по которым были даны принудработы.

Хуже всего работа поставлена в Делижане.

Но мы принимаем должные меры и добьемся в течение второй половины этого года достаточных результатов в улучшении дела.

О судебном надзоре. Из всех дел, прошедших через нарсуды, 65% прошло через кассационную инстанцию. Из этого количества дел опротестовано прокуратурой около 15% дел. Как видите, роль прокуратуры в ревизии судебных решений еще недостаточно высока. В надзоре за местами заключения у нас в области реализации инструкции 8 мая имеются значительные достижения. По надзору за местами заключения у нас по районам было проведено 108 проверок, по центральному аппарату 26 проверок. Обследований было 291.

Речь наркома юстиции и прокурора АзССР т. Ягубова

Тов. Ягубов в начале своего выступления приводит ряд цифр, характеризующих карательную политику судебных органов АзССР за 1934 г. и большую часть 1935 г. Переходя к анализу этих цифр, т. Ягубов говорит: «Самым главным недостатком в нашей работе является то, что из всей массы дел мы не всегда сумели выделить то, что политически и хозяйственно является наиболее актуальным. Это, товарищи, мы не всегда умели выделить и поэтому у нас получилось так, что эти дела не дали должного эффекта, должных результатов, а мы с вами понимаем, что всякая наша работа как прокуратуры, так и судебных ор-

ганов является главным образом воспитательной.

Я лично считаю, что это получилось потому, что мы, работники прокуратуры республики, не сумели абсолютно организовать живого инструктажа работы своей периферии. Наши периферийные работники были предоставлены сами себе. Если бы мы с вами имели повседневное руководство своими периферийными работниками, я думаю, что мы бы имели гораздо меньше дел, но зато гораздо больше результатов.

Однако я твердо уверен, что эти недостатки мы сумеем в настоящее время устранить полностью.

Основанием этой уверенности служит то обстоятельство, и это может подтвердить т. Вышинский, наблюдавший нашу работу за время своего короткого пребывания в Азербайджане, что ЦК партии Азербайджана и Совнарком Азербайджана уделяют максимум внимания прокурорской и судебной работе. Это есть то самое большое, которое дает нам основание утверждать, что мы в ближайшем будущем ликвидируем в своей работе все те недочеты и те промахи, которые мы имеем на сегодня.

Тут т. Кетыкян говорил относительно кадров. Ни для кого не секрет, что в закавказской действительности Азербайджан кадрами не богат. Точно так же, как и в других отраслях, и в прокурорско-судебных органах подготовленных кадров мало. Тут у меня под руками имеется целый ряд цифр, которые я смогу проиллюстрировать, но я не хочу отнимать у вас времени. Я решил для иллюстрации остановиться на некоторых моментах, которые дали бы вам представление о том, что на сегодня представляют собой наши прокурорско-судебные кадры. Для примера возьмем прокурора Агджабединского района Азербайджана. Он получает циркулярное распоряжение прокуратуры республики по поводу обвешивания. Что же он делает? Долго не думая, он накладывает резолюцию: «Следователю. Немедленно расследовать и привлечь к ответственности»; а что делает следователь? Следователь в свою очередь, долго не думая, ставит вторую резолюцию: «Ввиду отсутствия состава преступления — дело прекратить» **(смех).**

Тов. Вышинский огласил на нашем совещании в прокуратуре республики один документ. Правда, об этом документе мы еще до его приезда знали, но он сумел за короткий срок своего пребывания найти этот документ без нас. Я говорю по-большевистски в порядке самокритики. Что же это за дело? Две лошади на улице подрались, хозяин одной лошади ударил камнем лошадь другого, вмешался нач. милиции и совершил первую глупость: он взял хозяина лошади под стражу, составил соответствующий протокол допроса и написал свое заключение: «ввиду того, что хозяин этой лошади пользуется своим служебным положением и нанес удар другой лошади и т. д.» **(смех),** а прокурор района накладывает резолюцию — «согласен» **(смех).**

Это, товарищи, не анекдот, а факт.

Другой случай. Была свадьба. На свадьбе сделали поголовный обыск. Почему — неизвестно. Нашли у одного охотничий нож и в результате на этого человека составили соответствующий протокол, по всем правилам оформили дело и записали: «Ввиду того, что это культурная свадьба, поэтому появляться с ножом нельзя, дело передать суду, чтобы ударить по рукам, чтобы это было уроком для остальных». Прокурор пишет — «согласен» и т. д. и т. п.

Какими бы плохими судебными работниками мы ни были, мы знаем, что когда суд выносит приговор, то он начинается — именем республики... Но вот приговор, в котором судья пишет: Октябрьская революция произошла тогда-то, до этого была Февральская революция, пролетариат под руководством большевистской партии добился того-то, и в конце—такого-то привлечь к ответственности. Спрашивается, причем история партии при определении преступления? (смех). Здесь товарищи говорят, что это анекдот. К сожалению, это не анекдот, а действительность.

И вот в результате такого положения мы сегодня никак не может заявить т. Вышинскому, что мы в Азербайджанской ССР имеем такие кадры прокурорских и судебных работников, которые могут в полном объеме осуществить все требования, предъявляемые к нам партией и правительством.

Теперь несколько слов по поводу революционной законности. Это все еще слабое место в нашей работе. Недавно мы проверили 20 прокуратур и, как правило, увидели, что в ряде мест прокурорского надзора не существует. Единственно прокуроры на местах, в районах, осуществляют надзор за штрафной политикой и только потому, что тот или иной колхозник, будучи оштрафован, приходит к прокурору и жалуется, и на основании этих жалоб прокурор вмешивается в его дело. А там законно или незаконно то или иное решение исполкома — этим прокуратура, как правило, не интересуется. Между тем мы знаем, что прокуроры обязаны следить за законностью этих решений.

Перейдя к надзору за милицией, нужно прямо сказать, что прокурорского надзора здесь тоже нет. Мы за работой органов милиции не следим и поэтому в работе милиции имеем не мало нарушений, с которыми, однако, прокуратура, должной борьбы не ведет.

Если взять штрафную политику милиции, то мы увидим, что милиция проводит полнейшую уравниловку в смысле штрафов. Рабочий ли он, колхозник ли, кулак ли, лишенец или же нелишенец — безразлично, осуществляется полная уравниловка в смысле проведения штрафной политики. А в этом отношении мы никакой борьбы с ошибками органов милиции не ведем. В особенности мы должны отметить недостатки работы милиции в деле паспортизации, с которыми прокуратура также ведет недостаточную работу.

Переходя к вопросам судебного надзора, должен сказать, что в этом отношении дело обстоит в АзССР не так плохо: за 6 месяцев мы внесли в Верхсуд 136 протестов, причем из этих протестов за малым исключением все были признаны правильными.

Говоря о всей нашей работе, мы должны сказать еще о надзоре за органами НКВД. В этой области работы мы остро ощущаем недостаток кадров, и я думаю, что т. Вышинский в этом отношении Азербайджанской прокуратуре поможет людьми.

Не все в порядке в органах НКЮ с соблюдением сроков. В частности надо отметить несвоевременность рассмотрения дел спецколлегией».

В заключение т. Ягубов поставил ряд вопросов организационного характера и закончил свое выступление следующими словами:

«Я скажу в заключение, что мы, работники прокуратуры и судебных органов, собравшись сегодня сюда, получим живые указания т. Вышинского, и на этой основе перестроим свою работу. Мы обязаны эти указания осуществить и в ближайшем будущем под руководством Союзной прокуратуры их осуществим. Мы даем т. Вышинскому слово, что мы оправдаем доверие нашей партии **(аплодисменты)**.

Речь наркома юстиции и прокурора Грузинской ССР т. Рамишвили

Товарищи, после исторического решения ЦК ВКП(б) 31 октября 1931 г. все партийные и советские организации ЗСФСР и в частности Грузии решительно перестроились, и те задачи, которые были поставлены перед ЦК Грузии в историческом решении, были успешно разрешены.

Все ошибки, которые были допущены в вопросах руководства деревней, колхозным строительством, ошибки в подборе, расстановке и выращивании кадров, в деле партийно-политического воспитания и т. д. были исправлены, и закавказские парторганизации, в особенности грузинская организация под руководством наилучшего сталинца т. Лаврентия Берия, продвинулись в шеренгу передовых краев и областей Советского союза.

Все хозяйственно-политические кампании свои обязательства перед государством Грузия вместе с остальным Закавказьем выполняет с большим успехом, и совсем недавно республика Грузии вместе с Аджаристаном и Абхазией была удостоена высшей награды Советского союза — ордена Ленина. Получилось это в результате решительной перестройки работы. Это было достигнуто в результате большой работы, большой борьбы, решительной перестройки всех партийных и советских организаций. Но, к сожалению, относительно органов юстиции мы этого полностью сказать не можем, так как органы юстиции недостаточно перестроились, они не полным шагом еще идут в ногу с партийными и советскими организациями, а в некоторых случаях ляпсусы, которые допускали они в своей работе, представляли помеху нашему победоносному шествию вперед.

Чем объяснить слабость работы органов юстиции? Что эта работа слаба, недостаточна, не обеспечивает в полной мере успешного разрешения тех задач, которые стоят перед парторганизациями нашей республики, — это факт, который не подлежит никакому сомнению. Если кто-нибудь будет оправдываться и доказывать противоположное, — это дело безнадежное.

Первая и основная причина заключается в том, что мы не обеспечены соответствующими кадрами, вернее, те кадры, которые у нас имеются, в недостаточной степени используются, в недостаточной степени правильно расставлены и недостаточно дисциплинированы для того, чтобы они могли полностью разрешить стоящие перед ними задачи.

Республика Грузии никогда не занималась вопросами подготовки кадров для органов юстиции, — а наша юстиция это такая организация, где меньше всего мы были подготовлены для того, чтобы руководить этими органами. Органы юстиции всегда были очень серьезным, острым орудием классового господства буржуазии. Из органов юстиции мы позже всего выгнали чуждые нам элементы и чуждую нам идеологию. Поэтому если нужно было готовить кадры, то это надо было делать и для органов юстиции и даже в первую голову для органов юстиции. Но, товарищи, этого не было. У нас был университет, в котором шла подготовка юристов. Но кто знает, кого готовил этот университет, где эти люди находятся? По некоторым данным люди, получившие образование на правовом факультете, находятся на агрономической работе, в большинстве случаев бухгалтерами. В органы юстиции они попадали редко и случайно. Вот это положение обусловило ту слабость, которую мы ощущаем в отношении наличия подходящих для нашей работы кадров. Мы теперь занялись вопросом ликвидации этого положения в корне. Сейчас мы уже не можем хладнокровно смотреть, как работает наш университет и наш правовой факультет. Народный комиссариат юстиции и прокуратура республики вплотную занялись этим вопросом. Мы принимаем теперь участие в приеме и укомплектовании нашего института, нашего факультета права. Мы заинтересовались и включили в поле своего зрения тот контингент, который выпускается в этом году. Там есть не малое количество партийцев, комсомольцев, а также и беспартийных, из которых можно получить значительное количество людей, необходимых и полезных для нас. Не буду приводить цифровых данных потому, что предыдущие докладчики приводили аналогичные данные, и наши данные по кадрам будут немногим лучше тех, которые они приводили. Но тем не менее скажу, что мы решили серьезно поработать над нашими кадрами в целях повышения их квалификации. Мы приступаем к организации 6-месячных курсов, к организации заочных курсов, мы разворачиваем сейчас работу по юридическому минимуму, так как у нас эта работа была также в загоне. Ничего не делалось в этом отношении. Эти мероприятия должны обеспечить нам такое положение, когда мы будем иметь кадры, отвечающие тем задачам, которые на данном этапе нашего развития поставлены партией и правительством перед органами юстиции.

Мы разрешили ряд вопросов, связанных с материальными, бытовыми и другими условиями работы наших органов. Тем не менее надо прямо сказать, что при существующем положении наши работники юстиции не имеют стимула для того, чтобы закрепиться в органах юстиции.

Эти условия — очень суженная материальная база, стесненное финансовое положение и т. д. — обусловливают то, что к нам люди не идут, а если даже идут, то считают это наказанием для себя.

По инициативе т. Берия бюро ЦК нашей партии и Совнарком Грузии нам оказывают в этом отношении существенную помощь.

Нам не сокращают даже административно-хозяйственных расходов, которые везде сокращаются. Вместо сокращения штатов нам прибавили штат, подбросили средства и кроме того дают нам работников для районного и центрального аппарата.

По инициативе т. Берия бюро ЦК партии приняло вторичное решение в отношении органов юстиции. Первое решение было после опубликования циркуляра 16 июня, в котором было сказано об укреплении кадрами органов юстиции. После этого было созвано республиканское совещание районных работников, и когда мы увидели лицо наших районных работников, то по инициативе т. Берия было принято вторичное решение, которым бюро ЦК обязывало все отделы Центрального комитета и Тифлисского комитета выделить органам юстиции не менее 4—5 квалифицированных работников. Это решение проводится в жизнь и в ближайшее время мы получим людей, которые нам помогут заполнить брешь и в районном и в центральном аппарате.

У нас нет сектора культурного строительства и связи. Секторы по госторговле, кооперации и финансам у нас не укомплектованы.

В ближайшее время мы сумеем укомплектовать центральный аппарат и укомплектовать неплохими людьми, и всяким хныканиям и недовольству на отсутствие работников будет положен конец.

Теперь я хочу коснуться нашего следственного аппарата, вопросов следствия.

Вам прекрасно известно, это аксиома, что доброкачественное следствие, добросовестно проведенное следствие является решающим этапом, определяющим характер, ход и качество судебного дела.

В этом отношении мы еще до настоящего времени имеем достаточное количество ляпсусов. Это происходит от того, что прокуроры недостаточно надзирают за следствием.

Что касается методического руководства следствием, то в этом отношении можно сказать ничего не делалось и по сей день делается очень мало, а при таком положении руководства следствием то отставание, те прорывы, которые имеются в следствии, будут еще иметь место и дальше.

Задача заключается в том, чтобы это быстро ликвидировать, чтобы улучшить качество руководства следствием. Наши прокуроры зачастую не проверяют материалов следствия, не проверяют качество следствия, не инструктируют следователя. Это факт и это надо решительно и быстро ликвидировать. Что касается судебного надзора прокуратуры, то здесь тоже надо прямо заявить, что это очень серьезный и самый ответственный участок прокурорской работы, который нами, однако, недооценивается. За период времени с 1 января по настоящее время мы имеем около 250—260 протестов, из которых 90% прошли, а 2 протеста нашей прокуратуры прошли в Президиуме Союзного ЦИК, проходили наши протесты в Верхсуде Союза, в пленуме Верхсуда республики Грузии. Из этого еще не следует делать выводов о нашей хорошей работе в деле судебного надзора. Это еще не значит, что мы следим за исполнением судебных приговоров, что мы вообще хорошо работаем в судебной области.

Далее т. Рамишвили приводит цифры, характеризующие картину проведения в жизнь закона 7 августа за период с 1 января 1934 г. по 1 января 1935 г.

Анализируя эти цифры, т. Рамишвили напоминает, что еще первое совещание судебно-прокурорских работников в апреле 1934 г. предупреждало от расширительного толкования закона 7 августа; однако факты говорят, что это предупреждение для некоторых работников прошло даром.

«Это нужно сказать, — говорит т. Рамишвили, — о народном следователе Хонского района, о прокуроре Чхороцкуйского района, нарследователе Борчалинского района и некоторых других, допускающих неправильное применение закона 7 августа.

Что касается хищений в торгующих организациях госторговли и кооперации, по этой линии прокуратура республики приняла решительные меры, чтобы продвинуть все дела по всей республике.

Я не буду приводить цифр относительно количества дел о хищениях. Тов. Вышинский в своем докладе о задачах органов юстиции в связи с речью т. Сталина приводил слова т. Кагановича о том, что «суды судят, прокуроры обвиняют, а крушения растут». Если перефразировать, у нас получается то же самое: «суд судит, прокурор обвиняет, а хищения растут». Правда, это только на отдельных участках, но это нас не должно успокаивать.

По системе Цекавшвири по Грузии за 1 полугодие мы имеем не мало растрат. Почему это получается? Потому что наши судебные приговоры не являются эффективными, не являются меткими, потому что некоторые прокуроры гонятся за количеством дел, проявляя некоторый «обвинительный зуд», как говорил т. Вышинский в своем докладе на совещании украинских работников юстиции.

...«До сих пор некоторые товарищи не понимают, что дело не в том, чтобы засудить большое количество людей, а дело в том, чтобы осудить хотя и небольшое количество, но таких именно, которые этого заслуживают, вовремя, так, чтобы не было сомнений в правильности привлечения к ответственности, в правильности наказания»...

Товарищи, это положение можно распространить и на нас. Уйма дел, но почему-то эффекта мало, почему-то дела залеживаются, затягиваются, в ряде случаев следствие недоброкачественное, недобросовестное, неправильное. Из-за мелочей откладывают дела. В Орджоникидзенском райсуде дело доктора Антадзе из-за пустяков тянулось два года.

Тов. Вышинский предупреждал по этому поводу работников юстиции Украины и это в полной мере относится к нам.

«... Преобладает количество в нашей работе вместо качества. А что это значит? Что значит качество? Это значит «числом поменьше, ценою подороже». Это значит: привлекать не «побольше» с тем, чтобы потом, как это у нас делается по некоторым видам преступлений, в частности по делам о хулиганстве, рассиропить меру репрессии всякими условными мерами наказания и т. д., а лучше привлекать числом поменьше, но зато поставить процесс ярко, крепко, чтобы каждое дело приобрело значение политического дела. Лучше, чтобы не было такого положения, как иногда бывает, когда к прокурору приходит на прием гражданин по своему делу и между ними происходит та-

кой диалог. **Прокурор:** «А вы к чему приговорены?» **Гражданин:** «К 10 годам лишения свободы». «А почему же вы здесь находитесь?» «А вот хожу еще». «А почему же вы ходите, почему вас не посадили?» «А об этом надо вас спросить, гражданин прокурор, почему меня не посадили»... (смех)... и т. д. в том же духе. Выходит, нужно дело расследовать, а когда расследуешь, выясняется, что приговор вынесен два года назад...».

Этих двух условий у нас сплошь и рядом не выполняют, очень часто бывает как раз наоборот, суд выносит приговор, а приговор не исполняется. Это можно проиллюстрировать фактами. У нас недавно осудили шофера Абазова на 10 лет, а на третий день он демонстративно разъезжал на машине по улицам г. Тифлиса. Растратчик Яшвили является социально чуждым элементом, скрывался, поймали его, он признался в растрате, но оправдывался тем, что государственные организации деньги получили обратно. Видите, какой готтентотский способ оправдывания своих действий. Народный суд приговорил его к расстрелу, а Верховный суд заменил ему 10 годами.

Дальше, относительно судебных приговоров. Эти приговоры между прочим должны не только карать преступников, но если они являются эффективными, должны служить некоторым профилактическим мероприятием, а наши судебные приговоры едва ли являются профилактическими, предупредительными мероприятиями. Эффективен тот приговор, который является во-время нанесенным ударом и профилактическим мероприятием, но при таком залеживании, при таком бюрократизме и волоките, которые у нас существуют (что бывает в результате отсутствия дисциплины), они не являются эффективными. А между тем они должны были бы являться, по словам тов. Вышинского, такими, чтобы они убеждали нас в судебной воле советского государства. У нас этого нет.

Теперь относительно надзора за законностью действия советских и хозяйственных организаций. В этом вопросе мы ничего не можем сказать нового. Это является отсталым участком в нашей работе.

Недавно была опубликована в «Правде» беседа т. Вышинского по вопросу о надзоре за законностью действий советских и хозяйственных организаций. Мы пока похвалиться хорошо налаженной работой в этом направлении не можем. Это дело предстоящей работы. Сектор судебно-административный мы только что укомплектовали. Что касается надзора за милицией, то и в этом отношении остается пожелать много лучшего.

Я не буду долго останавливать ваше внимание в отношении снятия судимости с колхозников. Работа по периферии протекает нормально и в ближайшие дни мы получим первый список.

Последний вопрос о массовой работе. Надо сказать, что в этом отношении у нас полный провал. Например, ячеек содействия прокуратуре у нас не больше 10. Но и с этими десятью ячейками нам нужно развернуть огромную работу.

Сигнализаторская работа у нас не поставлена как следует, а между тем это является очень серьезной работой; к сожалению, до сих пор она недооценивается.

Теперь относительно общих условий нашей работы. Говорят, что мало средств, людей, комнат и т. д., но надо сказать, что и на те деньги, теми людьми, комнатами, теми условиями, которые имеются, делаем ли мы все, что можно? Нет, не делаем. Когда проверяешь работу, то выходит, что мы не даем и того, что могли бы дать.

Можно прямо сказать, что в нынешних условиях мы можем делать больше, чем делали до сих пор.

Дисциплины у нас очень мало. Некоторые работники прокуратуры не чувствуют, что за каждым делом скрывается живой человек. Элементы верхоглядного отношения имеются. Это отсутствие дисциплины очень мешает работе.

Поручения Союзной прокуратуры мы выполняем плохо. Сколько поручений мы раскопали за подписью самого т. Вышинского без исполнений. Союзная прокуратура пишет, что седьмой раз пишет, а я получил только в первый раз, а оказывается, что лежит бумага в районе и никто о ней не знает и не беспокоится. Таких случаев много. Некоторые товарищи может быть будут обижаться, когда мы крепко ударим по таким настроениям, но дисциплина — это самое главное, а ее у нас, к сожалению, недостает. Дисциплину нужно укрепить, без этого прокуратура не прокуратура, без этого мы за бюрократизм и волокиту не сумеем бить, потому что в наших недрах будет гораздо больше примеров волокиты и бюрократизма, чем где-либо в другом месте.

Вот круг вопросов, требующих от нас большого внимания, которые я затронул в своем сообщении. Перед нами стоят очень большие задачи. Наша партия, наше правительство возлагают на нас огромной сложности, огромнейшей ответственности задачи и эти задачи мы в состоянии разрешить. Для этого требуется добросовестная упорная работа, не считая времени, не считая часов. Это ничего, надо к этому привыкнуть. Когда я был на XVII съезде партии, то союзные работники мне говорили: приходите в 1 час ночи, приходите в 2 часа ночи. Наши ребята удивлялись, что я буду делать в 1 час ночи у т. Микояна? Люди удивлялись, но этому нечего удивляться. Задачи, которые на нас возложены, верхоглядством не разрешаются. Здесь с временем нельзя считаться. Если мы не отнесемся добросовестно к этим задачам, то мы этого дела не разрешим, а мы в состоянии его разрешить, иначе у нас тогда не будет никакого оправдания в тех провалах, которые у нас будут. За это нас будут справедливо бить. Мы уверены, что под руководством ЦК нашей партии и Заккрайкома, под непосредственным руководством Л. Берия, который проявляет огромную заботу о нас, громадное внимание к вопросам нашей работы, говоря всем членам бюро ЦК: вы даете прокуратуре работу, а помочь ей не считаете нужным, — под руководством Союзной прокуратуры и т. Вышинского, под его оперативным руководством, мы задачи, которые на нас возложены партией и правительством, выполним с честью» **(аплодисменты).**

Речь тов. А. Я. Вышинского

Я хотел бы не останавливаться с самого начала на выступлениях отдельных товарищей, хотя они сами по себе и представляют громад-

ный интерес. Я остановлюсь на них позже, когда перейду к практическим итогам нашей работы, когда постараюсь поставить ряд конкретных вопросов и сформулировать ряд требований, которые мы должны предъявить к нашим органам и к нашей работе.

Я хочу раньше всего остановиться на вопросе, имеющем принципиальное значение, на вопросе, без правильного разрешения которого не будет понятна вся та программа требований, предъявляемых партией и правительством к советскому суду и советской прокуратуре. Это вопрос о роли нашего советского права и нашей социалистической законности. Не думайте, что этот вопрос потерял в настоящее время свою остроту. Не думайте, что каждый из работников нашей юстиции достаточно отчетливо представляет себе значение в настоящее время советского закона и советского права в деле социалистического строительства.

Правда, сейчас среди нас едва ли найдется кто-либо, который стал бы повторять оппортунистическую глупость об отмирании нашего права. Таких среди нас сейчас вы не найдете. Но это еще не значит, что все достаточно правильно представляют себе ту громадную творческую роль, которая принадлежит нашему праву в борьбе за социализм, за построение в нашей стране бесклассового социалистического общества.

Не все понимают и ту связь, которая существует между задачей укрепления социалистической законности и дальнейшими нашими успехами в борьбе с классовыми врагами, между советским правом и теми задачами, которые поставлены историей перед нашей великой родиной.

Не все понимают и то, что задачи самих органов юстиции сейчас иные, чем они были несколько лет назад, хотя и тогда и теперь органы советской юстиции были органами **советской юстиции,** хотя и тогда и теперь мы употребляем для характеристики наших задач такие же, как и несколько лет назад, формулы. С самого начала Октябрьской революции, с первых дней появления органов советской юстиции мы говорим, что в основе нашей деятельности лежит решение двух задач или той «двуединой» задачи, которую т. Ленин характеризовал как главную задачу советской юстиции: задачу беспощадного подавления врагов советской власти и их агентуры и воспитание к дисциплине трудящихся и тех из числа нетрудящихся, которые способны перевоспитаться в советском духе. Несмотря на то, что мы в начале революции эти задачи формулировали так же, как и теперь, между конкретным решением этих задач тогда и теперь существует громадная разница, объясняемая различием в тогдашнем и нынешнем положении нашей родины, различием в тогдашних и нынешних хозяйственных общественно-политических отношениях в СССР.

Для того чтобы оценить всю грандиозность совершившихся в СССР за эти почти 18 лет пролетарской революции изменений, достаточно напомнить о решениях VII съезда советов, о внесении в действующую конституцию некоторых изменений, разрабатываемых сейчас рядом подкомиссий под непосредственным руководством великого нашего вождя т. Сталина.

Уже самый тот факт, что в числе этих подкомиссий имеется подкомиссия по организации судебных органов, говорит о том, какое значение в системе Советского государства имеют судебные органы и их работа по охране государственных интересов.

Наша задача, однако, заключается не в констатировании этого факта, а в необходимых выводах из этого факта.

Если роль советского права в деле социалистического строительства так велика и ответственна, то необходимо точно и ясно, а главное совершенно конкретно определить содержание работы органов советской юстиции на данном этапе.

Сейчас недостаточно сказать, что органами юстиции должна руководить цель уничтожения всякого сопротивления со стороны последних остатков капиталистических элементов. Недостаточно сказать, что органами нашей юстиции должна руководить цель воспитания и перевоспитания, переделки людей, вовлечения их в государственное строительство и т. д. Рассматривая знаменитую историческую формулу, которую нам дали XVII партсъезд и XVII партконференция, сказавшие о том, что сейчас перед нами стоит задача искоренить последние остатки капитализма из экономики и из сознания людей нашей страны как директиву как определение основной линии направления всей нашей работы, мы должны определить применительно к задачам органов юстиции, как конкретно нам нужно построить в этих целях свою работу, каким конкретным содержанием ее нужно наполнить.

Это тем более необходимо, что на долю именно органов нашей юстиции выпадает ныне такая роль, какой они никогда до сих пор не играли.

Никогда советское право как рычаг социалистического строительства, как организующий фактор в борьбе за социализм широчайших масс рабочего класса и колхозников, не поднималось на такую ступень своего значения, как сейчас. Это может быть с первого взгляда даже кажется парадоксальным. Мы с вами разрешили задачи первой пятилетки, мы победоносно решаем сейчас задачи второй пятилетки, мы стоим сейчас на пороге построения бесклассового социалистического общества. Весь ход экономического развития нашей страны ведет к ликвидации отношений, построенных на основе классового общества. Мы вошли уже в новую эпоху, мы поднялись на новую историческую ступень непосредственного осуществления социализма, окончательно разрушая все, что проникнуто принципами классовости, выкорчевывая из всего строя нашей жизни последние остатки старых классовых отношений, классовых категорий.

И в то же самое время мы выдвигаем в качестве наиболее боевой и острой задачи такую задачу, как усиление мощи нашего пролетарского государства, тоже являющегося, как известно, классовой категорией.

На первый взгляд это кажется противоречивым. И это так в действительности. Но противоречие это жизненное, диалектическое. Как разъяснил т. Сталин, это противоречие таково, как сама жизнь. Именно потому, что мы стоим на пороге бесклассового социалистического общества, нам необходима «сильная и мощная диктатура пролетариата», чтобы уничтожить сопротивление последних остатков враждебных пролетариату классов и самые классы, «чтобы

развеять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации». Именно поэтому нам нужно мощное пролетарское государство как орудие борьбы и наших дальнейших и окончательных побед.

Но если нам необходимо мощное пролетарское государство, то в такой же мере нам необходимо и советское право. Ведь если право ничто без государства, как, если вы помните, говорил еще Маркс, то и государство не может всех своих задач разрешить без помощи права.

Между правом и государством существует органическая связь. Не государство обусловлено правом, а наоборот, право является результатом определенно сложившихся общественных отношений, право вытекает из государственных отношений, право обусловлено государством. Право, как младенец во чреве матери, привязано своей пуповиной к государству и отомрет не раньше чем государство. Именно потому, что государство приобретает в условиях ожесточенного сопротивления социализму остатков капиталистических классов такое решающее значение, и право приобретает в этих условиях роль такого могучего фактора социалистического строительства, каким оно никогда до сих пор не было.

Возрастание роли права полностью соответствует возрастанию роли государства. Вместе с ростом значения государства диктатуры пролетариата растет значение и пролетарского права.

Усиление роли пролетарского государства неизбежно влечет за собой усиление роли и советского права, являющегося проводником государственного влияния, орудием активного воздействия на окружающую среду, на экономику, на весь строй общественно-политических отношений.

Советское право — это сумма велений творящего дело социалистической революции пролетариата, облеченных в форму закона. Закон — это воля класса. Советское право — это концентрированный закон, концентрированная воля миллионов рабочих и колхозников, победивших эксплоатацию и нужду трудящихся на ⅙ части земного шара.

Через закон и право советское государство выражает свою творческую волю. При помощи советского закона советское государство организует волю строителей социализма на борьбу за осуществление своей творческой программы, на борьбу против всех препятствий, встающих на этом пути, против всего, что сопротивляется осуществлению этой программы.

Поэтому советский закон должен быть крепок и нерушим: словами советского закона говорит советская власть, советское государство, советская страна, партия Ленина—Сталина.

Вспомните слова великого Сталина на XVII съезде партии о «зазнавшихся вельможах», думающих, что они могут безнаказанно нарушать советские законы, считающих, что «партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков», и вы поймете, как сейчас ставится партией и правительством вопрос о революционной законности, а, следовательно, и о роли советского права в целом.

К сожалению, еще недавно даже в рядах работников нашей юстиции не было на этот счет полной ясности. В головах кое-кого мелькали порой даже мысли о том, что борьба за законность — это не существенное, что закон и право — это пройденный этап, что закон и право в СССР отмирают, отходят в вечность. В связи с подобного рода «левацко»-оппортунистической «теорией» стали пренебрегать задачей укрепления органов юстиции, задачей подготовки и воспитания наших кадров. Отсюда — пренебрежение в прошлом к работе наших правовых вузов и факультетов. Не случайно ведь, что в этот период времени избегали самого слова «юрист», «юридический», считая эти понятия чем-то вроде какого-то пережитка капитализма, вроде какого-то буржуазного предрассудка.

Эти люди смотрели и на наше право, как на некий буржуазный предрассудок. Отсюда и то положение, в которое мы уперлись с нашими юридическими кадрами. Почему все закавказские республики, да и мы в РСФСР, которая гораздо более богата сетью учебных заведений, бедны кадрами правовиков? Да потому, что в головах кое-каких наших людей функционировала мысль, что, в сущности говоря, юристы нам теперь не нужны и советское право теперь нам не нужно, что законность — это какая-то буржуазная выдумка, чуждая всему строю советской жизни. Отсюда и пренебрежение к делу подготовки кадров, пренебрежение, которое вытекало из пренебрежения к самим советским законам, а уже как умеют относиться к советским законам некоторые советские законники, это вы хорошо знаете!.. Мы имеем немало фактов, говорящих о том, что у нас не выполняются элементарные требования нашего Уголовного кодекса или Уголовно-процессуального кодекса. Правда, за последние годы в этом отношении произошли значительные сдвиги, но до того часть наших товарищей даже кичилась несоблюдением законов, как некогда китайцы кичились незнаньем европейцев. Эти товарищи чуть ли не считали особым достоинством советского судьи поменьше знать законы, причем это прикрывали ссылкой на то, что советские законы устарели. Как же можно, говорили они, пользоваться устарелыми законами? А так как новых законов вместо этих «устарелых законов» нет, то отсюда вытекало одно — вовсе не пользоваться этими законами. Законам эти товарищи противопоставляли революционную совесть, забывая, что между тем и другим никакого противоречия нет и никакого противопоставления быть не может.

Хотя этот вопрос не требует особых пояснений, я все же считаю нужным напомнить, что Владимир Ильич, формулируя в письме на имя тогдашнего наркома юстиции РСФСР т. Курского свою точку зрения на проект дополнительной статьи Уголовного кодекса о содействии международной буржуазии — статьи, впоследствии легшей в основу ст. 58[4] Уголовного кодекса РСФСР и соответствующих статей уголовных кодексов Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, говорил и о законе, и о революционной совести.

«Суд должен не устранять террор, — писал в этом письме Владимир Ильич, обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и **узаконить** его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только **рево-**

люционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широко»[1].

Следовательно, революционная совесть не исключает применения закона, как и самой потребности в законе.

Больше того. Революционная совесть и революционное правосознание получают наиболее широкое поле своего применения имен в условиях прочной законности, пределы которой в свою очередь определяются интересами пролетарской диктатуры. Между всеми этими категориями имеется внутренняя, органическая и диалектическая связь, не позволяющая отрывать одного понятия от другого. Должно быть совершенно очевидно, что правильное применение советского закона возможно только при условии руководства социалистическим правосознанием и революционной совестью. Забвение этого правила несет с собой угрозу извращения революционной законности, как законности советской, отрицающей формально-юридические правовые принципы. Задача правильного применения к практике жизни принципов советского права заключается в уменьи сочетать требования советского закона со всеми особенностями общественно-политической обстановки, в которой действующий закон должен быть применен.

Правильно применить закон в условиях советского строя — значит применить его целесообразно и в соответствии с общими принципами социалистического строительства. Пути применения закона должны подсказать нашему судье и прокурору их революционная совесть и социалистическое правосознание. Я говорю **подсказать.** Социалистическое правосознание и революционная совесть помогают правильному пониманию и правильному применению советского закона, не подменяя, не отрицая, не отодвигая его в сторону, не умаляя, ни его силы, ни его значения, как активного фактора социалистического строительства.

Это, конечно, требует уменья применять закон, уменья правильно обращаться с законом. Не так давно не все мы обладали этим уменьем, не все даже считали нужным учиться искусству правильного применения закона, считая, что это уменье само придет, если оно необходимо, а чаще всего считая его вообще излишним, особенно при наличии классового чутья.

Действительность, однако, сурово мстила за такого рода поведение в этом вопросе. Жизнь на каждом шагу демонстрировала важность уметь правильно применять закон, показывая, что одним чутьем обойтись в сложных условиях классовой борьбы нельзя, что законом пренебрегать нельзя, что закон играет одну из важнейших ролей в борьбе за новый общественный строй, в борьбе с врагами социализма, в борьбе за дисциплину, без которой немыслима победа социализма.

Ведь характерно, что только за последнее время мы имеем ряд новых законов, играющих первостепенное значение в нашей жизни. Я назову только наиболее важные законы.

Это, во-первых, закон 7 августа 1932 г., исключительное историческое значение которого заключается не только в том, что он свидетельствует о решающей роли в нашем народном хозяйстве общественной социалистической собственности, но и в том, что изданием этого закона партия и правительство подчеркнули важность и целесообразность охраны этой собственности силою закона, силою советского права, мобилизующего народ, нашу общественность против хищников, против врагов советского строя.

Эту организационно-политическую роль закона 7 августа не все и не сразу поняли. А между тем в этом — наиболее важная, наиболее характерная черта этого закона.

Большинство работников юстиции в законе 7 августа обратили внимание на его репрессивную сторону, на его суровые санкции. Рассуждали так: раз применяется закон 7 августа, следовательно нужно ударить покрепче, применить максимум наказания, предусмотренного этим законом. Будто бы наша юстиция, обладающая таким богатым выбором в мерах наказания, не может обойтись при применении закона 7 августа без максимальных наказаний.

«Левацкий» подход к применению закона 7 августа заключается именно в том, что при квалификации преступления по закону 7 августа считаю, что никаких смягчающих обстоятельств быть не может, что, следовательно, всякий, преступление которого квалифицируется по этому закону, — враг народа, а если он враг народа, значит, единственная возможная мера наказания для него — это максимум наказания!

В свете таких настроений становится понятным имевшее здесь, на нашем совещании, выступление прокурора Юго-Осетинской обл. т. Гояева, нападавшего на Верховный суд Союза ССР за то, что последний не утвердил приговора с расстрелом некоему Яшвили.

Может быть приговор в отношении Яшвили — этого, по словам т. Гояева, контрреволюционера и растратчика, — и надлежало утвердить. Не зная этого дела, я не возьму на себя смелости отрицать или утверждать это. Но характерно другое — то, что, как заявил т. Гояев, когда в Юго-Осетии узнали о решении Верхсуда—«все поголовно разочаровались».

Выходит, что десять лет тюрьмы — это не наказание, это — сущие пустяки. Между тем, десять лет лишения свободы — это очень серьезное и тяжелое наказание.

При правильной организации системы меры наказания лишение свободы даже на меньший срок, чем десять лет, может явиться весьма чувствительным и серьезным наказанием, которым надо уметь пользоваться с умом, рассудительно и тоже осторожно. К сожалению, к лишению свободы иногда подходят у нас как к пустяку, как к мелочи. Отсюда иногда получается, что и приговоры к лишению свободы не исполняются в полной мере, благодаря чему редко выдерживаются установленные приговорами сроки наказания. Такая практика, при которой лишение свободы не всегда оказывается реальным наказанием, в свою очередь порождает недооценку этого вида наказания и связанное с этой недооценкой представление о тюрьме, как о слабом наказании, незаслуживающем никакого внимания.

Когда приговор ограничивается десятью годами тюрьмы кое-кто, как это говорил т. Гояев, испытывает «разочарование»... Это — вредное настроение, неправильное отношение к делу.

[1] Ленин, т. XXVII, с. 296.

Ведь надо понимать, что вопрос о мерах наказания в 1935 г. должен решаться, я говорю о судебной практике, иначе, чем он решался в 1925 г., в 1930 г. и даже в 1932 г., когда был издан закон 7 августа.

Вполне естественно, что кассационная и надзорная практика Верховного суда Союза ССР и Союзной прокуратуры все более и более строго подходят к разрешению вопроса о высшей мере наказания.

Ни в какой мере не ослабляя нашей карательной политики, требуя беспощадного применения к врагам нашего народа самых суровых, предусмотренных нашим законом, наказаний, мы и впредь будем требовать от наших органов последовательности и решительности в применении в соответствующих случаях суровых мер наказания, как это и подобает органам пролетарской диктатуры.

Но мы будем решительно бороться против таких настроений, которые «очарование» видят только в максимально суровых мерах наказаний.

Мы будем бороться против таких настроений, потому что ошибочно и вредно все наказание по советскому праву сводить только к высшей мере. Это значит итти по линии наименьшего сопротивления, не желать приложить своих рук, своих стараний к перевоспитанию людей, совершивших те или иные против нашего государства преступления.

Мы не можем забывать блестящих уроков исправительной политики Беломорского канала, вернувшей в ряды трудящихся десятки тысяч людей, которые в свое время совершили большие преступления против советской власти и советской страны и часть которых можно было бы в свое время подвергнуть высшей мере наказания, если к наказанию подходить не так, как этого требуют принципы советской уголовной политики.

Мы нередко ограничиваемся при выборе наказания даже за наиболее тяжкие преступления тюрьмой. Советская тюрьма не каменный мешок капиталистических стран, не каменный склеп, а школа труда и дисциплины. И из этой своеобразной школы многие сотни осужденных выходят новыми людьми, возрожденными к новой жизни, труду и подвигам...

Будут ли возражать против такой карательной политики т. Гояев и наши товарищи из Юго-Осетии?

Думаю, уверен, что нет, не будут.

К этому хочу добавить еще одно соображение.

Когда мы решаем вопрос о наказании, мы должны учитывать интересы не отдельного... района, а всего нашего пролетарского государства.

Это обязательно. Это необходимо. Без этого неизбежны ошибки. И вот случается, что какие-либо преступления с точки зрения района, исходя из районного, так сказать, масштаба, кажутся столь исключительным, что здесь необходимо применить суровую меру наказания.

Если же к данному делу подойти с точки зрения не района, а всего государства, если применить к нему **государственный,** а не районный, не уездный масштаб — дело оказывается не столь уже исключительным, чтобы карать так, как это кажется необходимым району.

Мы на такой путь не вставали до сих пор, тем менее у нас имеется оснований на такой путь становиться теперь.

Тов. Гояев это, очевидно, не учел, оказавшись в плену своих районных настроений, побудивших его в связи с делом Яшвили атаковать Верховный суд Союза ССР.

Конечно, и Верховный суд может по какому-либо конкретному делу допустить ту или другую ошибку. Ошибку ведь можно исправить,— зачем же болтать о каком-то «разочаровании» и тому подобной чепухе?

Здесь встает перед нами, я говорю уже о Прокуратуре, еще один вопрос. Это вопрос о нашей сигнализации прокурору Союза по наиболее важным делам.

Допустим, что дело Яшвили — очень важное дело. Не следовало ли в таком случае своевременно поставить о нем в известность Прокуратуру Союза, тем более, что сама республика придает этому делу столь серьезное значение? Не правильнее ли было сообщить об этом деле прокурору Союза, чтобы последний мог вступить во-время в дело и принять по этому делу необходимые меры, соответствующие интересам нашего пролетарского государства?

Третий вопрос, который наметился в прениях, и на котором я хотел бы специально остановиться, это вопрос об отношении масс, нашей общественности, трудящихся к нарушениям революционной законности.

Сейчас неправильное применение советских законов вызывает гораздо более резкую реакцию, чем раньше. В этом сказывается рост самосознания, рост политической сознательности, социалистического правосознания. Ныне каждый трудящийся более чутко прислушивается к требованиям нашего закона, но и более решительно и твердо реагирует на нарушение законов, особенно со стороны тех, кто призван к охране закона.

Учреждение НКВД на место ОГПУ, как до того преобразование ВЧК в ОГПУ, означает крупнейшие изменения в наших общественно-политических отношениях, свидетельствуя о громадном укреплении авторитета нашего пролетарского государства.

Успехи социалистического строительства означают не только грандиозные победы в области нашего хозяйства, нашего государственного, внешнеполитического положения и т. п., но и в области культуры и быта.

Эти успехи воспитывают в миллионах людей новые взгляды, новые требования, новое отношение к окружающему. Эти же успехи рождают новые потребности; они рождают и требование по-новому относиться к нуждам и запросам трудящегося человека.

Мы, органы суда и прокуратуры, обязаны это понимать и соответственно этому пониманию и строить свою работу.

Наша эпоха требует максимального укрепления социалистической законности. Однако дело не в количестве законов. Законов у нас было достаточно и раньше. Дело в необходимости и обязательности особенно четкого и точного исполнения наших законов. Значение советского закона весьма выросло в глазах широчайших масс населения, привыкших относиться к требованиям законов пролетарского государства с необходимым уважением. Классовый враг это прекрасно учел, пытаясь соот-

ветственно изменить и перестроить тактику борьбы с советским строем.

Будучи не в силах оказывать свое преступное сопротивление прямо, классовый враг пытается действовать обходными путями, косвенным образом.

Классовый враг не останавливается даже перед попыткой использовать против советской власти советский закон, например, закон 7 августа об охране общественной социалистической собственности.

Вот случай из нашей практики, одной из областей РСФСР.

В одном колхозе пробравшийся в правление кулак так ловко «проработал» закон 7 августа, что все колхозники отказались сдавать государству хлеб по хлебопоставке.

Как вы знаете, закон 7 августа объявлял общественную собственность священной и неприкосновенной. Колхозная собственность — это общественная собственность, следовательно, тоже неприкосновенная. Вот этот кулак и стал убеждать колхозников, что раз колхозная собственность — неприкосновенна, значит, никто, и в том числе и представители нашего государства, не смеют требовать от колхоза сдачи государству зерна, хотя бы и по хлебопоставкам, так как это — посягательство на неприкосновенность колхозных фондов...

Вот как орудует кулак. Если его послушать, он не против закона 7 августа, он за закон, но закон он так толкует, так извращает в своих кулацких интересах, что от закона получается прямо противоположный результат.

Вот в чем заключается кулацкая маскировка, о которой говорил в 1933 г. т. Сталин, предостерегая нас против «воровских махинаций» разных бывших людей, надевающих на себя советскую маску.

Вот еще несколько случаев кулацких вылазок с использованием советских учреждений, с подделкой под советские методы работы.

Первый случай, о котором я уже сообщал в печати, имевшем место в Мордовской обл., касается дела одной беднячки, оштрафованной судом на 1 руб., который она должна была вносить в рассрочку, проходя по 24 км в день. На этом случае я не буду останавливаться, так как в свое время о нем достаточно было сказано.

Остановлюсь на других примерах подрывной работы кулацких контрреволюционеров.

В некоторых колхозах пролезшие сюда кулаки, бывшие торговцы и спекулянты практикуют насаждение «дисциплины» при помощи избиения колхозников. Нечего и говорить, что здесь действительно речь идет не о дисциплине, так как объектами наказания это кулачье избирает лучших колхозников, искусственно «пришивая» им якобы нарушение дисциплины.

Эти кулаки инсценируют «суды» с «председателем», «прокурором», «следователями». Суды выносят приговоры — спеть пахабные песни, протанцовать два часа на одной ноге, всыпать 25 ударов ложками и т. д.

На что рассчитана такая инсценировка? Она рассчитана на то, чтобы дискредитировать советский суд, колхозный суд, вызвать возмущение «колхозными» (якобы колхозными) порядками, заставить честных колхозников уйти из колхоза, развалить колхоз...

Это тоже особая форма кулацкой борьбы с колхозным строительством.

За такие преступления мы отдаем под суд по ч. III закона 7 августа или по ст.ст. 58^{7}, 58^{10} и 58^{11} УК РСФСР, рассматривая эти преступления как тягчайшие посягательства на советский строй и советское государство. Все эти примеры говорят о том, что в своей преступной борьбе против социалистического строительства кулаки и кулацкая агентура пользуются самыми разнообразными средствами. Нередко они стараются оклеветать и забросать грязью передовиков-ударников, инсценировать обвинения против них в бытовом разложении, пускаясь на различного рода провокации.

Заманят какую-нибудь активистку в амбар и запрут вместе с кем-либо из своих сообщников, а потом созывают всю деревню: «Смотрите, мол, люди добрые, каким делом общественницы занимаются». Инсценируют половую распущенность. Что это такое, как не особая форма классового сопротивления?

Все эти новые и, надо сказать, довольно хитрые, искусные формы антисоветской и антиколхозной борьбы нужно уметь во-время, правильно и быстро разоблачить.

Здесь мало жестоко наказать кулацких негодяев. Здесь нужно провести широкую, массово-воспитательную работу, которая открыла бы массам глаза на хитроумные подлости кулаков, на всевозможные кулацкие «воровские махинации».

Вот тут-то и выступает на первый план значение гласного советского суда, гласного процесса.

Именно гласный процесс при хорошей подготовке, при хорошем предварительном расследовании способен отбить кулацкие атаки, разоблачить кулацкие происки, показать колхозникам подлинную суть подобных вылазок и вооружить колхозные массы жгучей ненавистью к врагам колхозного строительства, мешающим честным колхозникам добиться зажиточной, счастливой жизни.

Основное значение судебного процесса состоит в мобилизации общественого мнения, в мобилизации масс.

Важно, чтобы каждый процессе убеждал массы в правильности нашего пути, в величии наших задач и целей. Вот в чем должна заключаться «показательность» нашего процесса и смысл так называемых показательных процессов. Между тем многие из нас думают, что показательный процессе — это процесс, который должен заканчиваться обязательно наиболее суровой мерой наказания.

Нельзя, разумеется, отрицать значения наказания как меры так называемой общей превенции (общего предупреждения), но основное в каждом процессе не только в наказании и, как правило, даже не столько в наказании, сколько во всеобщем убеждении, как говорил Ленин, что преступление не останется безнаказанным и что интересы государства будут защищены самым активным и решительным образом.

Это всеобщее убеждение в справедливости и правильности приговора — главное.

Мы сейчас закончили процесс по делу о гибели парохода «Советский Азербайджан». По этому делу была предана суду вся команда парохода «Совет» от матроса до капитана. В связи с этим в массах водников задавали во-

прос: «За что посадили на скамью подсудимых команду?». Что должен отвечать за неоказание помощи капитан и вообще командный состав парохода — это понятно. Но матросы — в чем они виноваты? Вот как ставился вопрос и вот какое было настроение в зале суда в первый день процесса, когда один за одним вся команда заявила — не виновны, не виновны, не виновны...

Обвинение должно было поставить своей задачей добиться, чтобы и подсудимые и весь зал и весь флот поняли, в чем вина команды, чтобы все поняли, что каждый матрос, бездействовавший в критические минуты катастрофы, пассивно и молча стоявший в стороне, пассивно наблюдавший за позорно-преступными действиями командования и не принявший со своей стороны никаких мер, чтобы положить конец безобразному преступлению, должен нести ответственность как уголовный преступ-

Обвиняемые пытались защищаться ссылками на свое подчиненное положение, и это вызывало сочувствие со стороны части публики. Обвинение поэтому должно было поставить своей задачей сломить это настроение, внушить массе моряков, присутствовавших на процессе, отвращение и презрение к людям, оставляющим своих товарищей в минуту тяжелой опасности без помощи, показать, что и рулевой, и боцман, и кочегар, спокойно взиравшие на то, как на их глазах гибли люди, не смеют прикрываться своим подчиненным положением; показать, что в минуты опасности все равны и все ответственны перед своим государством и своей страной за нарушение долга морской службы, долга советского моряка и гражданина Союза ССР.

Если эту задачу обвинению удалось разрешить, значит, процесс действительно был показательным, действительно принес пользу, даже независимо от того, как будут наказаны отдельные виновники этого кошмарного преступления.

Следовательно, главное — мобилизовать общественное мнение, убедить в правильности предъявленного обвинения, а значит и в правильности обвинительного приговора.

Конечно, убедить в этом не всегда легко и просто. Для этого необходимо, как следует, поработать, тем более, что требования у нас повышаются, растут вместе с ростом гражданского, общественного сознания. Меняются времена, меняются люди, меняются и требования и запросы людей.

Всякая натяжка, всякая фальшь сейчас же будет понята и вскрыта. Всякий пробел и всякий недочет в работе сразу же будет обнаружен.

С этим нужно считаться.

Вы помните знаменитые шесть условий т. Сталина в его речи о новых задачах, о новой обстановке. Вы помните, что он говорит в этих шести исторических указаниях?

Ведь с каждым годом, с каждым днем, с каждым месяцем, каждый рабочий и колхозник нашей Советской страны все больше, все полнее чувствует себя хозяином советской земли. В этом и залог наших успехов, в этом и объяснение наших побед. Вот почему он очень ревниво относится и к несправедливому приговору.

Это говорит о громаднейшем росте культурного и политического сознания граждан, это говорит о росте их социалистического правосознания.

Рост социалистического правосознания трудящихся масс сам по себе обязывает нас работать иначе, лучше. Партия от нас потребовала культурных методов работы.

Партия и правительство принимают со своей стороны все меры к тому, чтобы улучшить в организационно-материальном отношении условия нашей работы. По директиве партии на местах стали приводить в порядок наши помещения, улучшили материальную часть, увеличили жалованье судьям, прокурорам и следователям.

Теперь дело за нами самими. Теперь мы должны лучше выполнять свои обязанности, лучше работать, внимательнее относиться к трудящимся, дать лучшее качество своей работы.

Еще недавно кооперация и госторговля работали по «принципу»: «лопай, что дают...»

Теперь этому «принципу» пришел конец. Теперь потребитель стал разборчивее, грамотнее. Все, что ему не дадут бюрократы от кооперации, он уже не возьмет.

Он еще посмотрит, а установивши брак или низкое качество товара, потащит еще в милицию или к прокурору и потребует наказать виновного.

И кооперации, и госторговле приходится с этим считаться, приходится перестраиваться, освобождаться от дурных, вредных и преступных привычек, унаследованных от старого, торгашеского мира.

То же самое нужно сказать и об органах юстиции.

Сейчас безграмотный приговор становится приговором для самого судьи. Сейчас пустопорожний обвинитель становится посмешищем, притчей во языцех. Его сожгут дотла насмешливые взгляды аудитории, оказавшейся выше и более подготовленной в политическом и культурном отношении, чем данный судья или прокурор.

Это ставит перед нами очень серьезный вопрос о нашей квалифицированности и о квалифицированности нашей работы.

Этот вопрос оказывается тем более серьезным, что работа органов юстиции — вся на виду у людей, с одной стороны, и что ее роль и значение определяется тем авторитетом, тем доверием, которые суд и прокуратура приобрели у населения, с другой.

Что же нам нужно сделать, чтобы закрепить авторитет и доверие трудящихся масс?

Нам нужно раньше всего больше культурности и меньше чиновничества.

Нам нужно свою работу строить не как «службу» а как общественное **служение**, как **подвиг.**

Нам нужно расследовать дела, обвинять и судить не так, как это делали до нас «люди двадцатого числа», одетые в чиновничьи вицмундиры, а так, как это делало старое поколение коммунистов, наши руководители и учителя, учили как жить и работать наши вожди Ленин и Сталин, вели свою работу в подполье — не за страх, а за совесть, за революционную совесть, требовавшую отдать себя делу целиком, без остатка, подчинив своим целям подпольной борьбы всю свою жизнь...

Вот мы как должны работать, помня, что и в новых своих ролях — судей и прокуроров советского государства, — и партийные и бес-

партийные, мы ведем жестокую классовую борьбу с нашими врагами, ведем ту же партийную работу, которую вели в прошлом, штурмуя царское самодержавие или бастионы капиталистической эксплоатации...

В порядке самокритики надо сказать, что в нашей работе имеется еще очень много бюрократизма, косности, формализма.

Вот почему, когда меня спрашивают, в чем сейчас заключается для органов юстиции основная задача, я отвечаю: в том, чтобы окончательно избавиться от коросты чиновничества и бюрократизма, чтобы перестать быть хоть чем-нибудь похожим на старых чиновников.

У прокуроров этот чиновничий пережиток сказывается в так называемом обвинительном уклоне т. е. в стремлении во что бы то ни стало обвинять, поддерживать обвинение, не взирая ни на какие обстоятельства. Это опасный уклон.

В царской прокуратуре это было очень распространенным явлением. Каждый прокурор царского времени измерял свои успехи на поприще юстиции количеством удачно проведенных («выигранных», как тогда говорили), т. е. окончившихся осуждением, процессов. Говорят, что и начальство учитывало «успехи» прокуроров по этому же признаку, отмечая в особых журналах крестиками или плюсами обвинительные приговоры, и минусами — оправдательные.

Каждый обвинительный приговор был для дореволюционного прокурора плюсом, каждый оправдательный приговор был для него минусом, и прокурор судебной палаты расценивал своих прокуроров и помощников по количеству полученных ими плюсов или минусов. Если какой-нибудь прокурор провел 50 дел за год и у него оказалось 40 приговоров обвинительных — значит хороший прокурор.

Подобного рода тенденции кое-где просачиваются и у нас. Бывает и у нас, что иной прокурор считает, что он не прокурор, если он не отдал под суд энного количества людей. Он стыдится рубрики «прекращенных дел». Он считает, что каждое прекращенное дело, а тем более каждый оправдательный приговор, не говоря уже об отказе от обвинения на суде, это провал его прокурорской карьеры, гибель его прокурорской репутации. Конечно, прокуратура существует для того, чтобы изобличать преступников, для того, чтобы преследовать их и добиваться их осуждения в соответствии с установленными против них обстоятельствами. Но это вовсе не означает обвинения во что бы то ни стало, даже вопреки фактам, требующим отказа от обвинения. В таких случаях стыдиться прекращения дела или отказа от обвинения, потому что это, мол, не к лицу прокурору, нельзя.

Против таких настроений нужно бороться, потому что с такими настроениями легко впасть в грубую судебную ошибку, которая всегда бывает результатом тенденциозности.

Не могу не привести одной цитаты из замечательной работы старого английского юриста Уильяма Уильза («Опыт теории косвенных улик» 1838), цитирующего по аналогичному вопросу слова судьи Ольдерсона.

Говоря о причинах судебных ошибок, этот судья сказал: «Необходимо предупредить присяжных относительно опасности ошибки, в которую они могут быть введены целым рядом косвенных улик. Ум всегда находит удовольствие в прилаживании одного состоятельства к другому, и готов даже делать маленькие натяжки, если это нужно для того, чтобы связать их в одно стройное целое. Чем даровитее человек, тем легче ему впасть в это заблуждение и обмануть самого себя, прибавив какое-нибудь недостающее звено в цепи доказательств и признав действительность какого-нибудь факта, согласного с прежде составляемым убеждением и необходимого для его полноты»[1].

В этих словах английского судьи дана очень мягкая характеристика обвинительного уклона, насчитывающего за своими плечами столько же лет, сколько лет самому институту прокуратуры.

Мы должны, повторяю, горячо против этого «уклона» протестовать и бороться.

Психологически этот «уклон» в наших условиях может быть объяснен только одним — слабостью техники следственного дела, неуменьем найти настоящее звено, за которое нужно ухватиться, чтобы вытащить на белый свет всю цепь явлений, составляющих данное преступление.

У нас бывают случаи, когда наши органы безмотивно отклоняют просьбы о дополнительной проверке обстоятельств дела, об истребовании дополнительных доказательств, о вызове дополнительных свидетелей и экспертов. Отклоняются эти просьбы под предлогом нежелания затягивать дело или просто «за несущественностью». Действительная причина таких отказов в другом — в опасении, что новое обстоятельство может неожиданно поколебать добытые уже следствием улики, испортить следователю или прокурору «всю музыку».

Происходит это оттого, что такой следователь или прокурор относится к своему делу не как революционер, не как коммунист, бьющийся за истину, а как чиновник, руководствующийся фамусовским правилом «подписано, и с плеч долой...».

Такой следователь или прокурор проводит следствие, будто строит карточный домик — в нем все есть, и окна, и двери, и решетки: иди и садись, и все тут. А тут обвиняемый упирается, спорит, требует какой-то проверки. А вдруг действительно начнешь проверять, а домик-то и рассыпется? Нет, лучше уже не проверять, поскорей подписать обвинительное заключение и сдать дело в суд. Там проверят, что нужно поправят. А если дело рассыпется в прах, то и здесь горевать нечего — это тоже дело суда...

Вот как примерно рассуждает такой чиновник, герой фамусовского прошлого. С руки ли нам это? К лицу ли? Ясно, что нет. Но именно из такого отношения к делу вырастают факты, о которых рассказывал здесь прокурор Азербайджанской ССР т. Якубов,—эти случаи со «скандальной лошадью» и с «культурной свадьбой», случаи, которые вы склонны были принять за анекдот. Но это, к сожалению, факты. У меня в руках имеются соответствующие документы.

Один документ — это постановление о привлечении к уголовной ответственности, утвержденное районным прокурором т. Бабаевым. Оказывается, судя по этому постановлению,

[1] Цит. соч., М., 1864 г., стр. 33.

была в Баку «культурная свадьба». На свадьбе учинили проверку свадебных гостей или вернее их карманов, и у одного из них, Мамедова, нашли охотничий нож.

Возникает первый вопрос—почему во время свадьбы стали производить проверку, в особенности если свадьба «культурная»? Пришли люди на свадьбу, а там начинают проверять их карманы, что, мол, у культурных людей находится в карманах? Прокурор Бабаев, однако, не подумал, что на «культурной» свадьбе не годится заниматься повальным обыском. Прокурор Бабаев этого даже не заметил, и такого законного вопроса перед соответствующими органами не поставил. А органы эти записали следующее — так как Мамедов «признал себя виновным — я читаю это постановление,— то, исходя из вышеизложенного и принимая во внимание материалы дела, считаю обвинение доказанным и дальнейших следственных действий не требуется...» и далее, исходя из того, что «Мамедов и подобные ему лица всегда посещают общественные места с ножами и револьверами» прокурор Бабаев «просит уполномоченного милиции ударить подобных людей по рукам, чтобы другим был урок в верхней части г. Баку...». Наконец в конце этого замечательного по своей безграмотности постановления приписана следующая сентенция: «Если ты приглашен на культурную свадьбу, спрашивается, почему нож? И на «сем документе» подпись прокурора: «согласен». Этот документ о «культурной» свадьбе — документ, свидетельствующий о невысоком культурном уровне коекого из работников Бакинской прокуратуры. Это надо учесть т. Якубову в своей новой работе в качестве наркома юстиции и прокурора Азербайджанской ССР.

Или вот это дело о «скандальной лошади». В постановлении по этому делу сказано: «лошадь начала скандалить, так как скандальная лошадь укусила другую лошадь».

Автор, очевидно, не задумался над тем, что он написал... Но в результате подобного необдуманного отношения к делу страдают ведь живые люди!..

Эти два примера свидетельствуют, кроме того, о том, что наши прокуроры иногда занимаются пустяками.

Благодаря этому у нас громадный процент внимания уходит на мелочи, а на серьезные дела времени уже не остается. Это конечно, объясняется и тем, что серьезными делами заниматься труднее. Многие стараются заняться тем, что полегче. При таком отношении к делу мы не двинемся далеко.

Перехожу к следующему, затронутому в прениях вопросу.

Проблема охраны интересов трудящегося человека требует громадного внимания к себе со стороны наших органов. Люди нашей страны стали уже другие. Они готовы отдать за свою великую родину всю свою жизнь — об этом свидетельствует громадный рост советского патриотизма. Но они и требуют внимания к своим нуждам, к своим интересам. Мы должны проникнуться священным чувством служения своему трудовому народу, не допуская ни малейшего пренебрежения к его нуждам, ни малейшего чванства.

Нужно усилить меры борьбы с преступлениями против личности. Нужно переработать соответственно и наши уголовные кодексы, далеко в этом отношении не удовлетворительные.

Возьмите главу УК о преступлениях против личности. Разве она не говорит об очень мягком подходе к преступлениям этой категории? Разве к этим преступлениям мы нередко не относимся, как к преступлениям, сравнительно второстепенным? Вот и здесь один товарищ так выступил, что выходило будто бандитское изнасилование женщины — это менее значительное преступление, чем похищение из кассы 1000 руб. Это неверно. С таким взглядом на охрану личных интересов трудящихся согласиться нельзя.

Мы имеем по ряду областей данные, говорящие о слабой карательной политике по делам о хулиганстве. Между тем, недавно правительство за хулиганство усилило наказание, подчеркнув тем самым, что к этим преступлениям необходимо подходить более строго и преследовать их более решительно.

Правда, по другим видам преступлений мы имеем чувствительное сокращение.

По данным нашего института уголовной политики по всему СССР хищения общественной социалистической собственности резко сократились и количественно и по общей сумме похищенного имущества.

Это очень отрадное явление. Оно явилось результатом более внимательного и серьезного отношения к охране общественной собственности. Кроме хулиганства, о котором я говорил выше, интересно проанализировать положение с грабежами.

Статистика пятимесячного состояния борьбы с грабежами говорит, что после постановления правительства 5 марта грабежи резко сократились, а в отдельных городах (Москва, Ленинград) даже вовсе прекратились. Это явилось прямым результатом твердо проводимой карательной политики по этим делам. Наша задача заключается в том, чтобы добиться в кратчайший срок такого же положения в борьбе и с другими преступлениями.

Следующая наша задача заключается в том, чтобы научиться наносить наиболее меткие и безошибочные удары. Но безошибочность и меткость на словах не даются. Этому искусству нужно учиться, этим искусством нужно овладевать на основе наших законов и, в частности на основе Уголовно-процессуального кодекса. А у нас дело обстоит так, что УПК сам по себе, методика расследования сама по себе, а практика расследования тоже сама по себе. Мы забываем, что УПК помогает нам правильно вести расследование, что он создан для того, чтобы обеспечить нам решение наших задач.

Для иллюстрации того, как у нас нарушаются уголовно-процессуальные законы, я приведу несколько примеров из азербайджанской практики. Вот Верховный суд Азербайджанской ССР в 1934 г. рассмотрел дело ряда сотрудников Азербайджанского медгосторга и приговорил их к разным срокам наказания. Дело пришло в Союзную прокуратуру и нам пришлось приговор поломать до основания. Товарищи из Азербайджана тоже недовольны, что мы ломаем их приговоры. Но как же иначе можно поступить с делом, в котором нарушен закон? Это дело слушанием началось 31 октября в составе трех членов Верхсуда без единого народного заседателя. Это первое нарушение закона. 5 ноября объявили перерыв

до 16 ноября. В это время один из членов суда заболел и был заменен нарзаседателем фактически без возобновления дела. Это — второе нарушение. Первая часть дела прошла без народных заседателей вообще, а вторая часть дела прошла при одном новом народном заседателе, который не знал начала дела, и двух судьях. Каким законом это предусмотрено? Никаким. Что же дальше? Вы знаете, что когда взамен заболевшего члена суда вступает новый, нужно возобновить следствие. По этому делу до болезни члена суда следствие заняло 10 дней, а когда пришел новый член суда, то на возобновление следствия ушло лишь 3 часа. Это называется «галопом по Европам». Какой же это суд, какое же здесь может быть решение? Третье нарушение касается того, как велся протокол судебных заседаний. Протокол состоит из двух частей, резко отличающихся друг от друга. Одна часть напечатана на машинке, другая часть написана от руки. В протоколе не сказано, кто вел протокол, кто за этот протокол отвечает. В заголовке протокола указано, что в заседании участвовало три секретаря, подписан же протокол двумя секретарями, причем рукописная часть протокола написана одним из секретарей. Кто отвечает за напечатанное на машинке, неизвестно. Четвертое нарушение заключается в следующем. Один из обвиняемых впоследствии отказался от своих показаний, требуя, чтобы его выслушали в силу каких-то соображений в закрытом заседании суда. Как будто разумное требование. Однако Верхсуд отказывает этому подсудимому в его просьбе. Обвиняемый заявил после этого, что отказывается при открытых дверях давать объяснения и, таким образом, заявление подсудимого не было вообще выслушано и проверено.

В Верхсуде Азербайджанской ССР по этому делу председательствовал проф. Беляев. Очень жаль. Впрочем давно уже сказано немецким поэтом: «77 профессоров и отечество погибло». Если вы сажаете профессоров председателями суда, то по крайней мере руководите или, не допускайте нарушений закона.

Конечно, приговор с такими ошибками нельзя оставлять в силе. Мы его опротестовали, приговор пришлось отменить, а, следовательно, вся работа суда сошла на-нет. Есть у нас в Уголовном кодексе ст. 16, у вас — в Грузии 8, посвященная аналогии. Это очень популярная статья. К сожалению, этой статьей часто злоупотребляют.

Применение аналогии у нас часто совершенно произвольно. Причина — в неуменьи правильно пользоваться действующими нормами, неуменье применять прямые статьи закона к соответствующим преступлениям. Обычно некоторые работники прокуратуры и суда так действуют потому, что вообще не считаются с квалификацией.

Они рассуждают так, что статья закона — это дело второстепенное; важно наказание, которое можно по этой статье назначить. Если наказание подходит, то особенно копаться, по их мнению, в квалификации не следует. Не все равно разве, по какой статье обвиняемому сидеть? — говорят такие «юристы». Да, не все равно.

Нельзя забывать, что статья определяет не только размер наказания, но и ряд последствий, наступающих часто после отбытия осужденным наказания.

Правильная квалификация преступлений очень важное дело. Этому делу нужно уделять самое серьезное внимание.

Пренебрежение обязанностью правильно квалифицировать преступление — это проявление своеобразного юридического нигилизма.

Другим проявлением такого нигилизма является нежелание заниматься в порядке надзора так называемыми маловажными делами, т. е. делами, которые связаны с незначительными наказаниями, вроде 2—3—4 месяцев принудительных работ. Забывают и здесь, что у человека, осужденного даже к небольшому наказанию, остается судимость, с которой ему очень часто некуда податься, не говоря уже о моральной травме в том случае, когда обвинительный приговор вообще вынесен ошибочно.

Поэтому важно и нужно заниматься не только важными и сенсационными делами, а и маленькими делами.

Теперь относительно участия наших прокуроров в кассационной работе. Я думаю, что я не ошибусь, если скажу, что вообще в кассационной работе наши прокуроры не участвуют, а если участвуют, то сугубо формально.

Между тем кассационная практика представляется чрезвычайно важным и серьезным участком нашей работы. Благодаря кассационному надзору прокуратура получает возможность знакомиться с практикой местных прокуроров, указывать их слабые места и во-время приходить к ним на помощь.

Поэтому Прокуратура Союза, напоминая о всей серьезности этой работы, требует надлежащей ее постановки, требует надлежащего и самого серьезного к ней отношения.

Выступая на вашем закавказском совещании, я еще раз должен напомнить также о роли прокуратуры в стадии предания суду.

В этом отношении кое-что уже сделано. Распорядительные заседания работают в ряде мест даже не плохо. Но это далеко не то, что нам нужно.

Во многих случаях распорядительные заседания все же еще ведутся по-домашнему.

Судья не подготовлен. Если докладывает прокурор, то он делает выжимку из обвинительного заключения, и судья утверждает обвинительное заключение без всякой критики. Если дело докладывает судья, тогда прокурор безгласно при сем присутствует. Тихо, спокойно, без спора, без драки. Прокурор сам по себе, судья сам по себе, обвинительное заключение само по себе, а распорядительное заседание — простая формальность. Это никуда не годится. Мы должны здесь добиться решительного изменения положения. Мы должны категорически потребовать, чтобы судья, председательствующий на заседании, предварительно знакомился с материалами дела, чтобы дело докладывал прокурор, потому что прокурор, предъявляя распорядительному заседанию обвинительный акт, является лицом, поддерживающим обвинение, и, следовательно, обязанным доказать обоснованность предъявления обвинения. Мы должны потребовать, чтобы судьи прекратили домашнее отношение к такой важной обязанности, как утверждение обвинительного заключения, чтобы они вооружились всей необходимой силой критики и самокритики, чтобы они умели драться с прокуро-

ром, чтобы судья не ограничивался выслушиванием прокурора и не утверждал механически обвинительное заключение, а чтобы критически проверял его, возвращая прокурору обвинительное заключение в случае его неудовлетворительности, отказывая в утверждении неудовлетворительных обвинительных заключений. Иначе говоря, надо покончить с таким положением, когда прокурор считает, что он хозяин процесса (dominus litis), и когда судья потакает такому взгляду. Мы должны добиваться такого положения, когда судья проявляет на этой стадии процесса больше инициативы и активности.

Но для этого судье нужно лучше знать дело, чем он, как правило, знает его сейчас, всецело полагаясь на прокурора. Для этого судья должен перестроить методы своей работы. Но это нужно, без этого мы не сможем поднять нашу работу на уровень требований нашей эпохи.

В заключение позвольте затронуть несколько частных вопросов, имеющих, одна, очень серьезное значение.

Я не согласен с товарищем, который здесь выступал и говорил о том, что основная сейчас у нас задача — это судебно-следственный надзор. Это сказал т. Каландадзе из Аджаристана. Верно, т. Каландадзе, судебно-следственный надзор—это одна из основных наших задач. Одна задача — судебно-следственный надзор или вернее активное, оперативное участие прокуратуры в расследовании, контроль за расследованием, которое производят другие органы, руководство расследованием, которое производят судебно-прокурорские органы. Это — одна сторона работы. Другая сторона нашей работы — это надзор за законностью наших органов власти, хозяйственых, общественных и других организаций и учреждений. Недооценка этой второй задачи не должна быть допущена. У нас так повелось, что сначала мы переоценивали этот общий надзор и вмешивались в хозяйственную деятельность выше всякой меры. Например, прокурор Узбекской республики в прошлом году издал приказ, где он определял, какой глубины нужно запахать поля под хлопок, или второй приказ, в котором он приказывал в такой-то срок ликвидировать упадок животноводства и об исполнении ему донести. Так некоторые толковали задачи общего надзора. Это, разумеется, перегиб. Потом мы это дело поправили. Кроме того мы сказали: суд — вот основной участок нашей работы. Товарищи поняли это так, что мы сдаем в архив общий надзор. Это было второй ошибкой, и партия своевременно нас поправила.

Партия нам напомнила, что общий надзор играет большую роль. В частности постановление КПК и КСК о бонах и денежных суррогатах показало, что задачей общего надзора прокуратура пренебрегать не должна и не имеет права. Вы знаете, что мой приказ об общем надзоре был утвержден СНК Союза ССР.

Если СНК Союза ССР счел необходимым утвердить этот приказ, то это потому, что СНК хотел подчеркнуть все то значение, которое придается этой работе прокуратуры с точки зрения общегосударственных интересов. Наша задача в том, чтобы органически сочетать задачи общего надзора с задачами судебной работы в целом. Осуществляя оперативный боевой надзор за законностью действий различных хозяйственных и советских организаций, мы в то же время не должны упускать из поля своего зрения оперативного участия и в работе наших судебных инстанций.

Без активной помощи прокуратуры суды не смогут справиться со своими задачами.

Заканчивая, я должен буду обратить ваше внимание на два обстоятельства. Это — на вопрос о подготовке наших кадров и о повышении нашей собственной квалификации, и на вопрос дисциплины в наших рядах.

Что касается подготовки наших кадров и повышения нашей квалификации, то разумеется, те мероприятия, которые проводятся по целому ряду республик, как краткосрочные и долгосрочные курсы, развертывание учебных заведений и т. п., можно только приветствовать, но как справедливо здесь уже говорилось, мы не можем ждать, пока эти курсы подготовят кадры; здесь нужны еще дополнительные мероприятия.

Я думаю, что в качестве одного из таких дополнительных мероприятий нужно всемерно рекомендовать поголовное заочное образование. У нас на это дело смотрят в высшей степени скептически, ссылаясь на недостаток времени. Но забывают, что наши товарищи, учась, будут лучше работать.

Нам нужно добиться перелома в этом отношении. Нужно добиться, чтобы каждый судья, прокурор и следователь были заочниками, учились, читали юридические книги, учились. У нас уже есть ряд журналов: «Социалистическая законность», «Проблемы уголовной политики», «Бюллетень иностранной информации» (Института уголовной политики), журнал Института советского строительства и права Коммунистической академии «Советское государство» и т. д.

Прокуратура Союза обещает вам в приобретении и получении книг и журналов самую широкую и активную помощь.

Мы сейчас серьезно ставим работу по методике расследования, выпуская в ближайшее время ряд пособий. Кроме того, мы сделали прошлой зимой опыт, который к сожалению, остался не подхваченным закавказскими республиками. Я говорю о выпусках «Следственных упражнений». Мы дали два выпуска, где на ряде случаев показываем, как следователь должен вести следствие. Неужели вы у себя на основании вашего материала не можете сделать то же самое? Я думаю, что вы можете и должны это сделать.

Мы намечаем выпуск методических писем по отдельным вопросам расследования.

Мы ввели в практику так называемые оперативные совещания, которые на конкретном разборе отдельных случаев практики наших уголовных и гражданских судов позволяют повышать квалификацию наших работников с точки зрения овладения техникой следственной или судебной работы. Здесь должна быть проявлена инициатива самими местами. Прокуратура Союза готова взять на себя в этом деле шефство. В частности я от имени Прокуратуры Союза взял такое обязательство на себя перед азербайджанскими товарищами, решившими вступить в соревнование за первое место в ЗСФСР. Если грузинская и армянская

прокуратуры вступят с бакинцами в соревнование, то Прокуратура Союза готова помочь и им от всей души.

Наконец, сейчас нам надо серьезно подумать о дисциплине в наших рядах. Прокуратурой разработан проект дисциплинарного устава. Мы вносим его в директивные органы. На основе этого дисциплинарного устава мы более глубоко чем сейчас, займемся вопросами дисциплины и, надеюсь, сумеем добиться в рядах прокуратуры образцовой дисциплины, ибо только при этом условии мы сможем оправдать доверие нашей партии и нашего правительства своей образцовой работой.

Партия и правительство оказывают нам величайшее доверие. Это доверие мы должны оправдать. Руководители партии в наших союзных республиках, верные и доблестные ученики и соратники великого нашего вождя т. Сталина — тт. Берия, Багиров и Ханджян оказывают нашим местным органам всяческую поддержку, стараясь поднять нашу работу на надлежащую высоту.

Мы должны добиться высокого качества нашей работы.

Мы должны доказать, что органы суда и прокуратуры умеют успешно бороться за дело укрепления нашего государства, государства пролетарской диктатуры. Некоторые товарищи говорят: у нас нет людей, у нас нет средств, нам поэтому трудно работать. Это ошибочная постановка вопроса. Нужно хорошо работать, тогда и люди будут, и деньги придут.

Товарищи, позвольте мне выразить не только величайшую радость по поводу нашей встречи, но и твердую уверенность в том, что прокуратура и суд закавказских республик сумеют поставить свою работу на должную высоту и дать образцы блестящей работы по борьбе с врагами социализма, на благо нашей великой социалистической родины и всех трудящихся... **(бурные аплодисменты всего зала).**

По окончании речи т. Вышинского и принятии приветственной телеграммы на имя секретаря Закавказского крайкома т. Берия с заключительным словом выступил наркомюст и прокурор Грузинской ССР т. Рамишвили.

Заключительная речь т. Рамишвили

Наше совещание свой порядок дня исчерпало. Сообщения с мест: из Армении, Азербайджана и Грузии, которые вы заслушали сегодня, хотя и коротко, правда, но все же показали нам массу недостатков, имеющихся в нашей практике, в нашей работе, в особенности сегодня, на очень ответственном этапе развития нашего социалистического строительства.

Эти недостатки не терпимы. Так продолжать работу, не взирая на известную перестройку, на известный сдвиг, нельзя. Все же мы еще продолжаем хромать и очень серьезно хромать.

Сегодня мы заслушали здесь обстоятельный, исчерпывающий доклад нашего руководителя т. Вышинского. Я думаю, товарищи, что я вправе отметить ту помощь кадрами, живыми людьми и другими средствами, которую оказывают нам закавказские парторганизации во главе с т. Берия, и ту помощь и то конкретное руководство, которое мы чувствуем со стороны Союзной прокуратуры и лично т. Вышинского, в особенности в связи с его приездом к нам и его блестящим докладом. Позвольте мне от имени совещания заверить Союзную прокуратуру и ее руководителя т. Вышинского, что закавказские работники юстиции сумеют итти в ногу с нашей великой партией и передовыми отрядами трудящихся, сумеют выравнить фронт, сумеют так поставить работу, чтобы выйти в шеренгу передовых краев и областей. Позвольте заверить т. Вышинского в том, что обязательства, которые мы берем на себя, и социалистическое соревнование, в которое мы включились, мы сумеем выполнить, сумеем выполнить и все указания т. Вышинского и с честью справиться с теми задачами, с теми поручениями, которые возлагаются на нас нашей партией, нашим правительством, ЗКК ВКП(б) т. Берия и Союзной прокуратурой.

Я полагаю, что уверенность, которую выразил т. Вышинский является очень крепкой. Под этой уверенностью есть база. Пусть этой базой будет наша ежедневная самоотверженная, добросовестная большевистская работа. И после всего этого, после всей помощи, которую мы получаем и будем получать повседневно, мы сумеем доверие ЗКК республиканских ЦК наших партий, ЦК ВКП(б) и Союзного правительства полностью оправдать.

Разрешите с этой уверенностью наше первое закавказское совещание судебно-прокурорских органов объявить закрытым **(аплодисменты).**

По союзным республикам

Р. С. Ф. С. Р.

Социалистическая законность на Севере

Свыше миллиона квадратных километров занимает площадь земли, заключенная границами Эвенкийского округа.

Этот округ в несколько раз больше Украинской ССР. Территория его равна территории трех крупнейших государств Европы—Германии, Италии и Польши.

И наряду с этим как неизмеримо ничтожно население Эвенкийского округа в сравнении с той же Украиной, имеющей около 40 млн. жителей, против 5 тыс. жителей округа.

Совершенно очевидно, что большая территория с некомпактным, полукочевым населением чрезвычайно сильно осложняет рабо-

советско-партийных организаций, в том числе и органов юстиции.

В частности бесспорно, что осуществление окрсудом непосредственного руководства работой трех нарсудов, организованных в округе (Байкитского, Илимпийского и Чунского), и непосредственная оперативная деятельность, связанная с рассмотрением судебных дел, очень затруднены в связи с тем, что районные центры расположены на расстоянии свыше 500 км от округа, а некоторые отдельные точки Байкитского р-на на 1000 км от его районного центра.

Несомненно, однако, что эта территориальная разбросанность ни в какой степени не может служить для эвенкийских органов юстиции объективным заслоном их собственных недостатков, что они, кстати сказать, пытаются доказать в ряде своих писем в край.

«Прокурор,—сообщается в одном из писем,— не имеет возможности обслужить весь округ, доказательством чего является то, что в течение более годичного пребывания здесь он не имел возможности посетить Чунский и Байкитский р-ны, при наличии в этих районах производственно-охотничьих станций и большого числа русских работников».

Такой вывод требует некоторой проверки. Следует считать, что непосещение двух районов является доказательством не невозможности этого, а скорей непонимания прокурором своих задач и методов работы тем более, что по его же заявлению «поездка оленьим транспортом в условиях бездорожья в один конец Байкита или Чуни требует от 25 дней до одного месяца».

Своеобразие работы определяется не только этим.

Политико-культурная ситуация Севера и особенно Эвенкийского округа выдвигает перед органами юстиции большие задачи организационно-массовой и воспитательной работы.

Одной из наиболе значительных форм массовой работы органов юстиции на Севере являются кочевые суды. Организованные почти во всех кочевых советах округа, они превратились в авторитетные форпосты социалистического воспитания. Они активно содействуют борьбе за «мягкое серебро» — пушнину, ведут непримиримую борьбу за новый быт, за новые отношения между людьми на северных окраинах Союза.

За последний год они значительно укрепили свою работу. Однако наряду с этим последней проверкой их было обнаружено несколько серьезных недостатков.

Куюмбинский кочевой суд, прямо нарушая закон, рассмотрел дело кулака Ирана Хаданчи, обвинявшегося в невыполнении плана пушнозаготовок. Дело рассматривалось «показательно» как в государственном суде, причем защищал кулака заведующий райотделением Востсибпушнины, а интересы государственного обвинения поддерживал уполномоченный рика.

Еще более грубое нарушение законности отмечено в практике Чириндийского кочевого суда. Этим судом кулак, не выполняющий плана пушнозаготовок, подвергнут штрафу суммой в 200 руб. и конфискации 24 оленей.

Ейский кочевой суд одного кулака по аналогичному делу приговорил к году и.-т. работ.

Работники юстиции, получив сигналы об отмеченных нарушениях, немедленно опротестовали незаконные постановления кочевых судов и вокруг этих ошибок развернули большую оргмассовую работу. Всем кочевым судам и советам были разосланы отпечатанные типографским способом положения о кочевых судах, и все они проинструктированы.

Это привело к положительным результатам. Последующей проверкой было обнаружено, что все кочевые суды (кроме Чапоргинского) начали перестраивать свою работу.

Юридическую помощь населению работники юстиции оказывают исключительно посредством выезда на периферию.

Однако в этой части сделано немного. Эвенкийские товарищи пишут:

«За истекший зимний период нами посещено 9 факторий, из них 4 расположены в Илимпийском р-не и 5 — в Байкитском. Посещение факторий сопровождалось посещением чумов на местах промысла. Это дало возможность получить 29 устных заявлений от эвенков и принять ряд мер к удовлетворению последних.

Так, например, по заявлению Попкагир Павла, Вивинским кочсоветом предложено Туринскому кооперативу уплатить последнему 100 руб. за охрану груза на месте стоянки катера.

По заявлению эвенка Учамского консовета Лопако Николая взыскано с отдела связи 20 руб. за провоз почты последним в 1933 г.

По заявлению эвенка Чапогирского кочсовета фактории Канаэда-Удыгирь Филиппа приняты меры к ликвидации задолженности за пушнину, сданную им на факторию ВСП весной 1934 г. Эти примеры свидетельствуют о том, что отдельные работники и организации в отдельных случаях совершенно безоснательно не выполняют своих обязательств.

Таких фактов и примеров много, правовая помощь основным жителям почти не оказывалась, и только сейчас мы начинаем получать заявления об оказании той или иной помощи и это свидетельствует, что органы юстиции приобретают авторитет среди местного населения».

Непосредственная, чисто оперативная работа органов суда и прокуратуры в условиях округа также определяется некоторою особенностью в смысле социально-политической обстановки.

Эвенкийское кулачество сосредоточивает в своих руках огромную в условиях тундрового хозяйства экономическую силу — оленье стадо.

66 кулацких чумохозяев имеют 34 тысячи оленей, что составляет около 60% оленьего поголовья в округе. Стада наиболее состоятельных кулаков достигают тысячи оленей. Таким образом совершенно бесспорно, что тунгусский кулак-царек имеет на бедняцко-середняцкие элементы большое влияние.

Однако судебная практика показывает, что батрацкие элементы уже объявили войну кулаку и шаману. Иски о заработной плате чрезвычайно часты.

66% общего числа гражданских дел батрацкие иски. Это свидетельствует о том, что органы юстиции, заняв правильную линию по делам этой категории, завоевали авторитет и тем самым добились значительного поступления исковых претензий о заработной плате к кулачеству. Следует отметить, что наряду с

бесспорными достижениями имеет и один очень существенный недостаток — это большие сроки рассмотрения дел о зарплате. (30% дел рассмотрены в сроки свыше двух месяцев).

В связи с практикой по этим делам органы юстиции поднимают вопрос о том, распространяется ли исковая давность по заработной плате на иски батраков-туземцев к кулацким хозяйствам. Они приводят конкретный факт, когда в Байкитском р-не группа батраков потребовала от суда присудить им с кулаков заработную плату за 5—10 лет работы. Бесспорно, что решение этого вопроса на основании общих норм трудового права немыслимо. Нужно иметь в виду ту атмосферу раболепия и святотатства, которая вокруг кулака сложилась исстари, нужно иметь в виду огромные территории, разделяющие кулака и его работника после ухода последнего, и поэтому нужно ценить инициативу батрака «наступить кулаку на горло», нужно отвергнуть формальный закон и найти какое-то более правильное решение, чего работники нацокругов в ряде случаев сделать не могут.

Эвенкийские работники правильно уяснили себе задачи майской директивы партии и правительства и линию своей работы ведут в сторону основательного, требуемого обстоятельствами жизни, привлечения к судответственности.

Суды чрезвычайно осторожно подходят к осуждению должностных лиц, являющихся по существу в условиях севера самым дефицитнейшим материалом. Мы не могли констатировать ни одного неосновательного осуждения. Удар судебной репрессией наносится в основном быстро и правильно.

Темпы расследования дел для национального округа с кочующим, не оседлым и с оседлым, но разбросанным населением, не плохи: 50% дел расследуется в сроки ниже месячного, 32% в сроки до двух месяцев и только отдельные дела находятся в производстве свыше двух месяцев (из 22 дел, непосредственно расследовавшихся прокурором округа, только одно дело перешагнуло двухмесячную давность, 78% расследованы в сроки ниже месячного). Следствие по делам о хищениях свидетельствуют об особо ударных темпах работы, показывающих, что острота и политическая значимость их органами милиции понята; из дел этой категории прекращено производством только одно и почти все они со сроками расследования ниже месячного.

Прокурор округа работает в тесном контакте с органами милиции. Наблюдение за ходом, а наряду с этим и за качеством следствия привело к самым положительным результатам. Несмотря на трудности производства следствия в местных условиях расследование дел органами милиции имеет два чрезвычайно ценных показателя, которыми не всегда и не везде могут похвалиться даже работники магистральных районов — это высокое качество и быстрота расследовательской работы.

Органы юстиции Эвенкийского округа основное внимание в своей оперативной работе сосредоточили по борьбе с расхищением соцсобственности. Политика мер репрессии по закону 7 августа и по пп. «г» и «д» ст. 162 УК выдержана.

Среди местного населения более распространены преступления бытового характера.

Характерно в части привлечения к судебной ответственности нацмен-эвенков следующее место из доклада эвенкийских органов юстиции: прокурором возбуждены два дела о хищениях оленей и стад, Туринского Интеграл Союза и колхоза «Юреден».

Наличие этих двух дел свидетельствует, что виновны в хищениях не только конкретные расхитители — пастухи-эвенки (кстати сказать мы не имеем определенной точки зрения о мерах репрессий к ним, ибо это, по сути дела, люди абсолютно темные, не имеющие никакого представления об ответственности, по социальному положению бедняки), но и руководители этих организаций.

Нарсуды Эвенкийского округа считаются национальными. Так по крайней мере их квалифицируют в магистральных районах и так эти суды расценивают себя сами.

Изучение их оперативной работы показывает обратное. Нарсуды округа ни в какой мере не могут быть названы национальными, потому что они обслуживают пришлое, не коренное, в основном русское население.

Выездов в район, как мы уже указывали, было крайне мало. Вопрос о кадрах в условиях округа стоит очень остро. Часто на север просачиваются не только авантюристические элементы, но и прямые классовые враги, например, беглое кулачество, бывшие чины белых армий и т. д.

Если в торговых организациях были обнаружены люди «из бывших», то в органах здравоохранения оказались просто беспомощные, иногда психически ненормальные работники.

Необходимость улучшения кадров работников юстиции округа видна из практики рассмотрения приговоров и решений судом второй инстанции. Годовая практика кассационной коллегии окружного суда показала, что утверждаемость приговоров составляет 40%, а решений всего — 33%. Совершенно очевидно, что отмена приговора или решения в условиях севера приносит больший социальный урон, чем в магистральных районах, ибо один факт отмены означает длительное нерассмотрение дела.

Необходимы кадры и для окружных органов юстиции. Аппарат кассационной коллегии состоит из председателя (он же председатель окрсуда) и двух членов эвенков-женщин, работающих на положении соцсовместителей.

Работу по выращиванию кадров из коренного национального населения окружные органы юстиции недооценивают, больше того, в отдельных случаях они этой работой совершенно не занимаются.

Суд и прокуратура не имеют абсолютно никаких сколь-либо реальных перспектив коренизации своего аппарата. Крошечный актив, на который они пытаются опираться, этих возможностей не обеспечивает. Окружная прокуратура имеет всего одну группу содействия в Байкитском р-не, состоящую из трех человек. Отсутствие соцсовместителей прокурор округа объясняет «невниманием руководящих организаций».

Работа по изучению кадров нарзаседателей проводится слабо. Из 82 нарзаседателей по Илимпийскому и Байкитскому р-нам около 70% националы (50 эвенков и 1 якут). Казалось бы, что это обязывало народные суды округа

развернуть с кадром нарзаседателей систематическую работу. Однако на деле получилось далеко не так. Так например, Илипийский нарсуд встал на точку зрения невозможности проведения этой работы по тем соображениям, что нарзаседатели эвенки — кочевники, игнорируя тем самым то обстоятельство, что кочевые движения эвенков продолжаются не круглый год, что известное время коренное население находится в стойбищах.

В заключение несколько слов о руководстве работой органов юстиции округа со стороны края.

Очень характерно с этой точки зрения следующее место из доклада эвенкийского прокурора.

«Мы безусловно вправе поставить резко вопрос о вашем руководстве. Мы систематически получаем директивы края по хлебопоставкам, мясозаготовкам, обязательной сдаче молока и по ряду других кампаний, проводимых в магистральных районах, причем все эти директивы сопровождаются требованиями представления ряда сведений в трехдневные или декадные сроки с угрозой предания суду, причем сама директива поступает через 3—6 месяцев. Такое руководство, как не имеющее ничего общего с проводимой нами работой, конечно, может вызывать только смех и сожаление».

Приведенное письмо — серьезное обвинение краевым органам юстиции. Руководство национальными округами продолжает оставаться крайне общим, в порядке «всеобщих указаний периферии». Директивы, адресуемые национальным округам, не только не устанавливают диференцированных сроков исполнения, но и не разрешают и более серьезных вопросов руководства — ориентацию работников национальных округов на специфические виды их оперативной работы.

Эвенкийских товарищей мучает целая группа животрепещущих, острых политических вопросов. Обслуживая эвенкийское и якутское население с несовершенными формами полунатурального хозяйства, они справедливо требуют у края четких директив по всем вопросам.

В. Шалагинов

Прекратите волокиту—исправьте ошибку суда

В 1934 г. Пермский Свердпищеторг, желая удовлетворить спрос своего рабочего потребителя, решил заняться заготовками фруктов. Для этого в октябре трест командировал в Ташкент своего представителя зав. ком. заг. сектором Кожевникова П. Н., на имя которого был составлен аккредитив в 200 тыс. руб. в Ташкентском Госбанке.

В то же время в Ташкенте находились уполномоченный областного треста Свердпищеторг Лившиц и товаровед Голованов.

В первую очередь эти дельцы решили перевести аккредитив Кожевникова на счет Лившица. Несмотря на то, что не только отгрузки, но и никакой заготовки фруктов для Перми еще не начиналось, Лившиц выписал Кожевникову фиктивные счета на сумму свыше 200 тыс. руб., Кожевников их акцептировал и деньги перешли к Лившицу.

После этого Кожевников при «содействии» Лившица и Голованова начал заготовку фруктов и отправку их в Пермь. В Ташкенте они встретили своего земляка — такого же заготовителя—уполномоченного Молотовского урса. У земляка оказалось уже «кое-что заготовлено» и даже погружено в вагоны и готово к отправке, но не в Ташкенте, а в окрестностях. Это «кое-что» оказалось шестью вагонами дынь, заготовленных неизвестно кем, перекупленных земляком у Узкооповощи. Не долго думая, Кожевников, Лившиц и Голованов без всякого качественного и количественного осмотра, заглаза, «на совесть» купили эти шесть вагонов дынь и направили их в Пермь.

Веря на слово «земляку», Кожевников не потрудился даже заключить с поставщиком договор, и отгрузку произвел также заглаза, перепоручив это почему-то Лившицу.

В общем, вместо ожидаемых из Ташкента яблок Пермь получила дыни. А дынями там давно уже торговали горпотребсоюз, орсы и урсы и дынями хорошими и дешевыми. Но что делать — обратно их не отправишь. Продукт скоропортящийся. Начали приемку и сразу же пришлось обратиться к саннадзору. Половину дынь пришлось выбросить на свалку, что дало около 20 тыс. руб. убытка. С трудом добились прекращения дальнейшей отгрузки дынь. Кожевников, совершив сделку по дыням и отправив несколько ящиков яблок, вернулся в Пермь, поручив остальную отправку Лившицу. Это было в конце ноября.

С яблоками волынка продолжалась до марта 1935 г. Закончилась она согласием Перми принять вместо яблок кишмиш лишь бы как-нибудь выцарапать остатки денег из Ташкента.

Обнаружив, таким образом, непригодность Кожевникова к торгово-заготовительной работе и усматривая в его действиях злоупотребление по службе и преступную халатность (акцепт фиктивных счетов, использование денег не по назначению и совершенно явно убыточной операции с дынями), Свердпищеторг снял его с работы и отдал под суд.

Одновременно были привлечены к ответственности и работники областного треста Свердпищеторг Лившиц и Голованов. 23 декабря 1934 г. при письме за № 28 все материалы по делу были направлены в Ташкентскую прокуратуру.

В то же время, не зная действительного положения вещей по операции с дынями, так как Кожевников и Лившиц об условиях покупки и ответственности за качество дынь трест надлежащим образом не информировали, договора не представили, Пермский Свердпищеторг предъявил иск об убытках в Нарсуде г. Свердловска к Управлению железной дороги, и только в нарсуде выяснилось, что покупка дынь была произведена на колесах, без всякого осмотра, заглаза, отправка их в Пермь была произведена заготовителями за своей ответственностью, со своими проводниками; и в довершение всего в суде оказалось, что Лившиц еще в декабре 1934 г. дал поставщику подписку об отказе от

каких бы то ни было претензий по дыням. Суд в иске к жел. дор. отказал, предложил привлечь заготовителей к ответственности, так как убытки были понесены по их вине.

В апреле 1935 г., заручившись справкой Голованова о том, что, якобы, все ташкентские операции им производились с ведома треста и проектом приказа за подписью зав. торг. отдела треста Сапова о восстановлении его на работу, Кожевников подал в нарсуд о восстановлении и выплате за «вынужденный прогул».

Дело дошло до суда по трудовым делам г. Перми. Нарсудья Чепкасова в приеме заявления Кожевникову первоначально отказала, так как совершенно правильно применила к нему примечание к ст. 7 КЗоТ как ответработнику—зав. сектором.

В это время председатель горпрофсоюза т. Галкин уехал в командировку, Кожевников, пользуясь случаем, «обработал» инструктора горпрофсоюза Максимова. Максимов сфабриковал самому себе доверенность от имени горпрофсовета, дал его подписать счетоводу Русских и выступил в суде как представитель горпрофсоюза.

Нарсудья Чепкасова при этих обстоятельствах приняла дело Кожевникова к производству, и 21 апреля 1935 г. вынесла решение: восстановить его на работе с выплатой за два месяца за вынужденный прогул и тут же выдала Кожевникову исполнительный лист. В основу своего решения суд положил то обстоятельство, что возбужденное в Ташкентской прокуратуре уголовное дело против Кожевникова не было закончено в течение пяти месяцев и что из трех привлеченных «пострадал» (подлинное выражение суда) один Кожевников.

Кассационная коллегия облсуда решение нарсуда оставила в силе.

К моменту рассмотрения дела в ГКК облсуда Лившиц уже был арестован в Ташкенте — это ГКК было известно, однако, последняя почему-то на это весьма важное обстоятельство не обратила внимания, тогда как решение суда первой инстанции было поставлено именно в зависимости от уголовного дела.

На исход дела в суде несомненно повлияли: 1) самочинное выступление Максимова, официально в настоящее время опровергнутое горпрофсоюзом, 2) справка Голованова и 3) проект приказа Сапова, также официально опровергнутый дирекцией треста.

До решения дела нарсудом о восстановлении Кожевникова, т. е. до 21 апреля 1935 г. трест пять раз запрашивал Ташкентскую прокуратуру о положении возбужденного против Кожевникова и др. дела, но ни на один запрос ответ не был получен. Два раза мы жаловались прокурору Узбекской республики и ответ не получили. Наконец, мы обратились в местную Пермскую прокуратуру, которая от своего имени сделала запрос в Ташкент, но и это не помогло.

Мы, конечно, не сомневаемся, что решение нарсуда г. Перми и определение ГКК облсуда по делу о восстановлении Кожевникова будут опротестованы облпрокуратурой и ошибка суда будет исправлена.

В данном случае мы более всего недоумеваем перед следующими фактами процесса:

1. Вправе ли был нарсуд ставить вопрос о восстановлении в прямой зависимости от исхода уголовного дела. Факт акцепта фиктивных счетов и использование денег не по назначению Кожевников не отрицает, убыточность совершенной им операции установлена соответствующими актами, т. е. факт обнаружения его непригодности к данной работе и без уголовного дела был установлен.

2. Если ставить вопрос о восстановлении в зависимости от уголовного дела, то почему суд, не ожидая окончания уголовного дела и даже не зная, в каком оно положении, решил вопрос в пользу Кожевникова.

3. Если к рассмотрению дела судом первой инстанции не было сведений об аресте Лившица, то ГКК облсуда это было известно. Почему же ГКК не исправила ошибку суда первой инстанции, раз вопрос был поставлен в прямую зависимость от уголовного дела.

4. Как могло получиться, что Свердловский нарсуд считал необходимым привлечь Кожевникова к ответственности, а Пермский нарсуд, имея те же материалы, восстановил его на работе.

5. Больше всего нас поражает волокита с уголовным делом в Ташкенте. Прокуратура, призванная карать и преследовать волокиту, не только не закончила в течение восьми месяцев такое в сущности несложное дело, но даже не пожелала поставить нас в известность о положении его, хотя Свердпищеторг — государственное предприятие, потерпевшее от действий обвиняемого убыток в 20 тыс. руб.

Подшивалов

РСФСР

Некоторые итоги борьбы с преступностью среди несовершеннолетних

К реализации закона 7 апреля 1935 г. прокуратура Калужского р-на Московской обл. подошла со всей серьезностью. Перед тем, как выработать и наметить конкретные мероприятия, прокуратура изучила состояние детской преступности по городу и району, изучила практику работы комонес, и уже после этого была выработана сумма мероприятий по борьбе с преступностью среди несовершеннолетних.

На расширенном пленуме горсовета был поставлен специальный доклад зав. районо и прокурора о борьбе с преступностью среди несовершеннолетних.

Закон 7 апреля популяризировался специальными статьями в местной газете. В клубах, школах, на рабочих собраниях были поставлены доклады.

Дела о несовершеннолетних преступниках были сосредоточены у следователя с обеспечением быстрого и всестороннего расследования.

Самым распространенным видом преступности среди несовершеннолетних являются кражи, а в качестве одной из основных причин, толкающих детей на преступность, — безнадзорность. Приведу несколько примеров:

Якунин из Новосибирска не хотел работать с отцом, а Иванов из Смоленска поругался с отцом. Побег из дома, случайная встреча в г. Алексино. Средств к существованию нет, торговля папиросами не удовлетворяла. В поисках более крупного заработка Якунин и Иванов добрались до г. Калуги и в первую же по прибытии ночь взламывают палатку рабгорпо, но задерживаются на месте.

Якунина и Иванова привлекли к ответственности, но в то же время мы сообщили соответствующим прокурорам по месту жительства их отцов об обстоятельствах дела, с просьбой произвести следствие о виновности родителей за побег детей.

Характерно дело Козлова. Родился он в рабочей семье. В раннем детстве умирает отец. Спустя некоторое время, мать выходит замуж за другого. При матери Козлову жилось неплохо. Через три года умирает и мать. Отчим меняет отношение к мальчику, начинает систематически пьянствовать. В результате мальчик на улице, а там — связь с несовершеннолетними преступниками, кражи на базаре — с возов, с лотков, а затем уже — кражи из кладовых.

Клюева — ей еще нет 13 лет. Девочка бойкая, смышленая. Отец умер, но он и при жизни хорошего девочке ничего не дал: воровство и пьянство были его занятием. Мать оказалась достойной отца и промышляла кражами. Девочку поместили в детдом, чему она была рада. Руководитель детдома нашел необходимым Клюеву из Калуги отправить в другой город. Девочка просила не переводить ее в другой детдом. Чуткости, которой должны обладать работники детучреждений, в данном случае не оказалось, Клюеву отправили из Калуги, но через пару недель она вернулась, и уже в не детдом, а на улицу и стала заниматься кражами.

При более внимательном подходе к Клюевой этого не случилось бы.

Дела о несовершеннолетних преступниках — особые дела; шаблон здесь больше всего вреден. В каждом конкретном случае особо следует разрешать вопрос о судьбе дела. Формальный подход недопустим в этих делах.

В прокуратуру с базара был доставлен подросток Лихоманов, которому только-что исполнилось 12 лет, за совершение карманной кражи. Брошенный родителями, Лихоманов обитал на улице. В прокуратуре он заявил, что не раз просил дать ему какую-либо работу, но в этом ему везде отказывали. «Если — сказал он, — дадут работу, воровать не буду». Прокуратура пошла навстречу Лихоманову, связавшись с райдеткомиссией, выяснила возможность дать работу Лихоманову, и он был устроен в фуражечную мастерскую.

Более чутко стали относиться к бытовым нуждам рабочих и на предприятиях. У работницы базы Союзшвейсбыта Казаковой двое детей оставались без надзора; занимались торговлей папиросами, нищенствовали. Администрации базы положение Казаковой было известно, но только после опубликования постановления 7 апреля Казаковой была оказана существенная помощь, а дети ее помещены на детплощадку.

Прокуратурой были вскрыты случаи использования детей для занятия нищенством и кражами.

Большая работа проведена уголовным розыском по изъятию беспризорных и помещению их в детучреждения.

Проведенная работа дала уже результаты. Преступность среди несовершеннолетних, конечно, целиком не устранена, но она значительно сократилась.

Конечно по существу это только начало работы, так как не судебная репрессия является единственным способом уничтожения преступности среди несовершеннолетних.

Надо шире и глубже вести работу по искоренению причин, порождающих детскую преступность.

М. Виноградов

О квалификации

Наши работники часто недооценивают значения правильной квалификации преступления. Им кажется, что если назначенное наказание соответствует совершенному преступлению, то по какой статье оно квалифицировано, не имеет большого значения, более того, не редки случаи, когда судьи и прокуроры сознательно не применяют следуемой по УК статьи к тому или иному преступлению, считая, что устанавливаемое этой статьей наказание не соответствует серьезности данного преступления. Таким образом судебные работники «подправляют» устаревший, как они говорят, Уголовный кодекс.

С бесцеремонным отношением к квалификации преступлений особенно часто приходится сталкиваться при рассмотрении присылаемых с мест заключений о проверке дел в порядке надзора. Там сплошь и рядом приходится сталкиваться с такой мотивировкой отказа в принесении протеста по делу, «хотя преступление квалифицировано неправильно, но меры социальной защиты не выходят за пределы санкции по той статье, которую следовало применить. Поэтому оснований для принесения протеста по делу нет».

Причем делается это не только где-нибудь в захолустье, но и в таких местах, как Москва и Ленинград. Вот, например, дело Кокошникова, разрешенное ст. пом. леноблпрокурора т. Максимовым и пом. прокурора т. Евдокимовым.

В заключении по этому делу, направленном ими в Прокуратуру Союза, написано следующим образом: «Хотя деяния Ризо следовало бы квалифицировать не по ст. 109, а по ст. 111 УК, но это обстоятельство **не должно влечь отмену приговора,** так как назначенное Ризо наказание (2 г. лишения свободы) не превышает санкции ст. 111 УК.

Нет т. Максимов и Евдокимов! Неправильная квалификация должна влечь отмену приговора, тем более в таких случаях, какой имелся по данному делу. Ст.ст. 111 и 109 носят совершенно различный характер, и осужденному далеко небезразлично, по какой из них он осужден. Небезразлично это, разумеется, и государству, которое установило твердый состав преступлений и не может допустить произвола в их применении. Прокуратурой СССР это дело истребовано и ошибки Ленинградской облпрокуратуры будут исправлены.

С. Березовская

Безответственное отношение к делу

В нашем журнале приводились уже случаи небрежного, безответственного отношения некоторых работников прокуратуры на местах к выполнению поручений Прокуратуры СССР.

Сообщались, например, факты присылки за подписью весьма ответственных работников явно неправильных сведений по конкретным делам, проверявшимся по поручениям Прокуратуры СССР, факты сообщения непроверенных данных и т. д. (прокуратуры Азербайджанской и Украинской ССР).

Однако такие факты продолжают встречаться и сейчас.

Вот новый пример такого прямо легкомысленного отношения к делу, осложненного при этом элементами очковтирательства:

Прокурору Восточного Казакстана Прокуратурой СССР было предложено расследовать вскрытые (не им, к сожалению) факты скупки служащими у колхозников хлебных квитанций в целях приобретения по ним дефицитных товаров и привлечь виновных к ответственности по ч. 2, ст. 169 УК РСФСР. Распоряжение заканчивалось словами: «Обращается внимание на серьезность задания».

После нескольких напоминаний зам. облпрокурора области т. Ибраев шлет, наконец, донесение о выполнении поручения Прокуратуры СССР.

В этом донесении он сообщает, что выявлен только один случай приобретения служащим хлебной квитанции в обмен на двухрядную гармонь. Далее, т. Ибраев пишет, что оба (?) преступника преданы суду и осуждены каждый по 5 лет лишения свободы (!).

Приговор этот, очевидно, не вызвал у т. Ибраева никаких сомнений в его правильности. Во всяком случае он не сообщил даже, что дело им проверено.

Между тем осуждение по этому делу колхозника к такому суровому наказанию, как 5 лет лишения свободы, при наличии указания со стороны Прокуратуры СССР о том, что к ответственности должны привлекаться лица, **скупающие** (а не продающие) хлебные квитанции, обязывало облпрокурора проверить дело (тем более, что оно, как сообщал т. Ибраев, было единственным).

Прокуратура СССР должна была сама заняться проверкой этого дела.

Что же оказалось при проверке?

1. Оказалось, что никакой хлебной квитанции по данному делу не продавалось. Продан был хлеб. Единственно верным оказалось то, что он был продан, вернее — обменен на гармонию; нарушение же заключалось в том, что на момент обмена хлеба торговля им была еще не разрешена. Данный колхозник свои обязательства по сдаче хлеба выполнил.

Таким образом это дело никак не могло быть приведено в донесении о выполнении предложения Прокуратуры СССР.

2. Оказалось, далее (к счастью), что к 5 годам лишения свободы никто по этому делу не осужден. Если облпрокурор не заинтересовался столь явно вопиющим приговором, то заинтересовался облсуд, который и **прекратил дело в уголовном порядке.** О прекращении дела т. Ибраев должен был знать и тогда, когда он писал донесение о выполнении поручения Прокуратуры СССР (поскольку сообщается об окончательном результате) и во всяком случае тогда, когда посылал дело в Прокуратуру СССР. Но, как видно, т. Ибраев не заглянул даже в дело, которое от него потребовала для проверки Прокуратура СССР.

Разве это не безответственное отношение к делу вообще и к выполнению распоряжений Прокуратуры СССР в частности?

С таким отношением к своим обязанностям нужно кончить. Поведение т. Ибраева совершенно нетерпимо и не должно оставаться безнаказанным.

Б. С. С. Р.

Улучшить работу судебных исполнителей

Проведенная бюро жалоб уполномоченного Комиссии советского контроля по БССР проверка работы судебных исполнителей г. Минска показала, что в их работе отсутствует какая-либо правильная система.

В Минске имеется четыре судебных исполнителя. Каждый из них прикреплен к определенному участку народного суда и обслуживает определенную часть территории г. Минска.

Работой судебных исполнителей г. Минска ни Верховный суд, ни народные суды почти не интересуются. Каждый судебный исполнитель предоставлен самому себе и работает как ему вздумается.

Условия, в которых приходится работать судебному исполнителю, чрезвычайно плохие. Помещение, в котором работают судебные исполнители, отвратительное. Так например, судебным исполнителям 1 и 4 участков тт. Шинкевичу и Айзиковичу приходится работать в совсем маленькой комнате, где нельзя даже повернуться.

Технического аппарата у судебных исполнителей нет. Им самим приходится выполнять всю текущую техническую работу, регистрировать поступающие исполнительные листы, заниматься отправкой почты и т. д. Все это приводит к небрежному делопроизводству.

Финансовая часть работы судебных исполнителей г. Минска находится также в беспорядке. Поступлением и расходом денежных сумм ведает каждый судебный исполнитель в отдельности. Квитанционные книжки у отдельных судебных исполнителей благодаря невнимательному отношению к этому делу со стороны народных судей не зарегистрированы и не пронумерованы (судисполнитель 4 участка Айзикович). Кассовые книги некоторые из них завели только в последнее время (Айзикович). Поступающие деньги по несколько дней находятся в карманах у судебных исполнителей и не сдаются в банк. Денежные документы, исполнительные листы и др. хранятся в обыкновенных столах. Денежных шкафов нет.

За все время Верхсудом БССР не было произведено ни одной ревизии и проверки работы судебных исполнителей г. Минска.

Подбором и проверкой кадров судебных исполнителей ни Верховный суд, ни народные суды совершенно не интересуются.

Все это дает возможность отдельным судебным исполнителям становиться на путь злоупотреблений. Только этим и можно объяснить, что на протяжении пяти месяцев судебным исполнителем 2 участка работал Иоффе, оказавшийся жуликом и совершивший растрату 1500 руб. взысканных денег.

Плохие условия работы и отсутствие надлежащего контроля за работой судебных исполнителей со стороны народных судей и Верхсуда БССР привели к тому, что большое количество исполнительных листов лежит у судебных исполнителей и маринуется на протяжении долгого времени. Так например, у судебного исполнителя 1 участка г. Минска т. Шинкевича из общего количества 1370 исполнительных листов не выполнено 500. У судебного исполнителя 2 участка Иоффе лежало невыполненных 900 листов. У судебного исполнителя 3 участка т. Литвинковича из общего количества 518 исполнительных листов не выполнено 105, в том числе 26 по алиментным делам. У судебного исполнителя 4 участка т. Айзиковича из общего количества 778 исполнительных листов выполнено 360, не выполнено 418, причем 158 и них не выполнены с 1934 г.

Исполнение решений судов протекает самотеком. Многие исполнительные листы по алиментам, по искам госучреждений к частным лицам не выполняются также на протяжении долгого времени. Со стороны нарсудов совершенно отсутствует учет и контроль за выполнением судебных решений по алиментным делам. Все это привело к волоките и затяжке исполнения судебных решений.

Такое положение работы судебных исполнителей имеется не только в г. Минске, но и в остальных районах БССР.

Необходимо сейчас же поставить вопрос об улучшении работы судебных исполнителей. Надо ликвидировать кустарщину, бессистемность и неорганизованность в работе судебных исполнителей. Необходимо объединить работу судебных исполнителей, организовав их в одну группу, отдел или бюро с техническим и финансовым работником. Это значительно улучшит работу и поможет организовать и наладить правильный контроль за работой судебных исполнителей.

Верховный суд БССР должен сейчас же взяться за улучшение работы судебных исполнителей, изменив коренным образом всю систему работы.

П. Шарафанович

Библиография

УГОЛОВНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ — ОРУДИЕ БОРЬБЫ С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ И С ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРОЙ В СССР

В борьбе с нарастающим революционным движением пролетариата в капиталистических странах и с мощно растущим социалистическим строительством в СССР буржуазные криминалисты включились в хор наиболее реакционных элементов буржуазии, пытающихся спасти гибнущий капитализм путем беспощадного разгрома революционного движения рабочего класса и разрешить противоречия в лагере капитализма за счет СССР.

Богатый материал по этому вопросу помещен в выпущенной Институтом уголовной политики работе проф. Трайнина «Уголовная интервенция»[1].

В нашей печати эта «деятельность» буржуазно-криминалистического фронта настолько мало освещалась, что читателю даже может показаться странным самое заглавие книги, говорящей об интервенции, вообще нам хорошо известной, но в данном случае трактующей об интервенции **особого рода — уголовной** интервенции.

Буржуазные криминалисты за последние годы развили лихорадочную деятельность по сколачиванию буржуазных государств в единый фронт под знаком международной унификации уголовного законодательства по борьбе с революционным движением пролетариата.

Книжка проф. Трайнина разоблачает политическую сущность этого унификационного движения. Она, как указывает в предисловии т. Вышинский, «представляет собой удачную попытку такого разоблачения, являющегося делом громадного политического значения, делом подлинного служения миру и подлинной человеческой культуре». Поэтому эта работа проф. Трайнина заслуживает, чтобы основные ее положения были освещены на страницах нашего журнала, чтобы к ней привлечено было внимание и практических работников советской юстиции.

Впервые унификационное движение возникло на Брюссельском конгрессе Международной ассоциации уголовного права в 1926 г. Брюссельский конгресс по вопросу об унификации материального уголовного законодательства принял следующую резолюцию:

«Считая весьма желательной унификацию основных начал применения репрессии в проектах разных стран путем принятия общепри-

[1] Институт уголовной политики при Прокуратуре СССР и НКЮ РСФСР. Проф. Трайнин «Уголовная интервенция», под ред. А. Я. Вышинского. ОГИЗ. «Сов. законод.» 1935 г., 104 стр., 1 р. 40 к.

знанных принципов современной криминологии, учитывая далее, что многие государства энергично приступили к разработке новых проектов уголовного кодекса, Конгресс постановил, чтобы **комиссии по подготовке новых уголовных кодексов, организованные в отдельных странах, собирались на международную конференцию.** Эта конференция должна рассмотреть и унифицировать принципы, положенные в основание разрабатываемых проектов уголовных кодексов, вводя туда по возможности общие начала применения репрессии» (стр. 9).

В связи с этим решением в 1927 г. в Варшаве была созвана первая международная конференция по унификации уголовного законодательства капиталистических стран. В какой мере проблема унификации уголовного законодательства капиталистических стран оказалась актуальной, видно из того, что в 1928 г. в Риме созывается вторая международная конференция по унификации уголовного законодательства, в 1930 г. — в Брюсселе третья конференция, в 1931 г. — в Париже четвертая конференция, в 1933 г. — в Мадриде пятая конференция и в 1935 г. в сентябре в Копенгагене — шестая конференция.

Причем это нарастание интереса буржуазных государств к международному унификационному движению видно из того, что, если на первой конференции были представители 9 государств, то на пятой конференции представлено было уже 35 государств!

Показателем повышенного интереса к этому унификационному движению является также и то обстоятельство, что сейчас имеется три проекта международного суда по уголовным делам и три проекта международного уголовного кодекса.

Примеру унификаторов материального уголовного права быстро последовали «охваченные могучим чувством солидарности» также и полицейские организации буржуазных стран, которые созвали ряд международных полицейских конгрессов, посвященных тем же задачам.

В работах унификаторов особое значение имеет проблема **«интернационального преступления».** Конечно буржуазные криминалисты не раскрывают политического содержания «интернационального преступления», классовой опасности этих действий для диктатуры господствующей буржуазии. Они остаются на традиционных позициях буржуазной формально-юридической методологии и дают чисто формальные определения понятию «интернационального деликта». Поэтому, например, проф. Пэлла дает следующую формулировку: «международный деликт есть действие или бездействие, обложенное наказанием, провозглашенным и применяемым именем союза государств» (с. 18). Столь же формальным является определение и проф. Сальдана, который особенно подчеркивает многотерриториальность как основной признак интернационального преступления. Так, он пишет, что «интернациональным считается деликт юридический, социологический или антропологический, элементы которого рассеяны среди различных государств» (стр. 18).

Политическое существо проблемы «интернационального деликта» на первых этапах унификационного движения проявлялось очень слабо. Вопрос об определении интернационального деликта передан был на рассмотрение различных комиссий, которые в течение ряда лет подавали слабые признаки жизни.

Повестки международных конференций также весьма тонко маскировали политическое острие проблемы интернационального деликта. Так, первая конференция по унификации перечисляет следующие интернациональные преступления: 1) пиратство, 2) подделка металлических денег, государственных ценных бумаг и банковых билетов, 3) торговля рабами, 4) торговля женщинами и детьми, 5) торговля наркотиками и 6) торговля порнографическими произведениями (стр. 22).

Однако практические итоги борьбы с этими преступлениями совершенно ничтожны, что обусловливается отсутствием борьбы с этими преступлениями в капиталистических государствах. Несомненно, в колониях мы имеем даже прямую поддержку при совершении этих действий со стороны колониальных эксплоататоров (как например, продажа наркотиков и пр.). К сожалению, этого вопроса, имеющего очень большое значение для разоблачения эксплоататорской сущности международных криминалистических унификаторов, проф. Трайнин не ставит.

Характерно, что унификаторы по-новому истолковывают ряд общеуголовных составов. Так например, под пиратством понимается «пиратство» особого рода, сущность которого состоит не только в вооруженных бандитских налетах на корабли, но также и **в мятеже во флоте!** К пиратству четвертая конференция по унификации и относит также **«мятеж экипажа,** когда он направлен не только против командования корабля или воздушного судна, но также и против имущества». Здесь, очевидно, широко используется колониальная «практика» японского империализма в отношении Китая, когда борьба с политическими восстаниями против японского империализма в Китае рассматривается как борьба с «бандитизмом»...

Центром работы унификационного движения являются все же необщеуголовные преступления. За «нейтральной» повесткой конференций скрываются жгучие проблемы современной классовой борьбы буржуазии с революционным пролетариатом.

В унификационном движении начинает выявляться особая категория интернациональных преступлений, которые обращены не против той или иной политической формы, а против основ всякого «культурного общежития», против основ всякого цивилизованного государства. Среди всякого рода интернациональных деликтов особое внимание обращается на **«умышленное употребление всякого рода средств, способных породить общественную опасность** (стр. 28).

С дальнейшим нарастанием экономического кризиса и классовой борьбы унификаторы начинают все более открыто подчеркивать действительную политическую сущность своего движения. Все больше выявляется, что среди всех интернациональных деликтов центральное значение имеет такой деликт, как «терроризм».

Третья конференция по унификации о терроризме во 2 пункте принятой резолюции говорит следующее: будет наказан за «умышленное употребление средств, способных вызвать общую опасность», то, кто совершит террористический акт, сопряженный с посягатель-

ством на жизнь, свободу, **телесную неприкосновенность или имущества** государства или **частных** лиц в целях демонстрировать или осуществить политические или социальные идеалы». В п. 3 дальше указывается, что «умышленное употребление средств, способных вызвать общую опасность», будет также там, где будет установлено, что было создано сообщество с целью посягать на личность или имущество» (стр. 32).

Как видно из приведенной резолюции, здесь дается исключительно широкое понимание так называемого «терроризма». Под него подводятся также организация взрывов, поджогов, затопление, распространение болезней, нарушение правильной работы транспорта, телефона и т. д.

Совершенно очевидно, что здесь под «терроризмом» унификаторы понимают не индивидуальный террор, который применяют анархисты и в особенности сейчас фашисты. **Под это понятие терроризма унификаторы подводят массовые выступления революционного пролетариата,** которые вызывают приостановку деятельности транспорта, телефона, телеграфа и др.

Что именно в этом сущность понятия терроризма в резолюциях третьей конференции, ярко подтверждает дальнейшее развитие унификационного движения.

Четвертая конференция дает более подробную формулировку понятию «терроризма». Под терроризмом понимаются взрывы бомб и аналогичных орудий, способные вызвать большие жертвы людьми и имуществом. Больше того, под терроризм подводится даже и произнесение публичных речей, призывающих к совершению этих преступлений.

Но со всей четкостью политическая сущность унификаторского движения выявилась, когда был сформулирован вопрос о «терроризме»... большевиков. Так, еще в 1926 г. на Брюссельском конгрессе Международной ассоциации уголовного права Рафаэль Гарфало от имени итальянской делегации говорил следующее: «Некоторые преступные организации не знают границ. Они ведут подготовительную деятельность и совершают деяния на территории различных государств. Таковы организации фальшивомонетчиков... **Здесь же необходимо сказать о преступлениях, организованных коммунистами,** против которых все цивилизованные нации обязаны ныне вести беспощадную борьбу: **большевистская пропаганда и террористические акты посягают на социальные устои, составляющие основу нашей цивилизации» (стр. 40).**

Официальный докладчик на четвертой конференции по унификации уголовного законодательства в Париже в 1931 г. проф. Радулеску о понятии терроризма говорил следующее: «Речь идет о посягательствах, предпринятых с целью... или насильственного уничтожения всякой политической и правовой организации общества, характеризующей анархистов, или с целью насильственного ниспровержения экономической и социальной организации большинства современных государств, характеризующей **революционный марксизм». «Революционный** коммунизм составляет в наши дни одну из наиболее опасных угроз публичному порядку вообще. Коммунизм, несмотря на его политический характер, представляет собой бедствие, **подрывающее все общество.** Эта угроза, адресованная всему человечеству»... (стр. 40).

Таким образом, действительная политическая сущность позиции унификаторов в понимании «терроризма» совершенно очевидна. Здесь речь идет о сколачивании единого фронта буржуазных государств для борьбы с внутренней коммунистической опасностью — с одной стороны, и, с другой — для подготовки интервенции против СССР.

Такое понимание унификаторами «терроризма» подвело их к вопросу о необходимости активного вмешательства международной уголовно-правовой юрисдикции в деятельность тех государств, которые совершают интернациональные деликты. Проф. Пэлла пишет: **«надо снять государство с пьедестала», «государство суверенно, но не до безграничности».**

Отступление от принципов суверенности проф. Пэлла предлагает в том случае, когда «государства могут использовать свои территориальные права таким образом, что они окажутся в противоречии с гуманностью и обычаями, единодушно признанными цивилизованным миром. Интернациональная репрессия в этих случаях, конечно, должна осуществляться как путь восстановления **морального порядка, который должен царить во всем человечестве»** (стр. 51).

Впрочем, проф. Пэлла под нарушением морального порядка понимает **посягательства на религию и частную собственность!** Ясно, конечно, что таким нарушителем «морального порядка» буржуазного общества является СССР, и что здесь прежде всего необходимо вмешательство международной юрисдикции путем организации **уголовной интервенции** против СССР.

Унификаторы разрабатывают целый ряд мер репрессии, которые должны применяться к лицам, совершающим интернациональные преступления — с одной стороны, и, с другой — против тех государств, которые совершают действия, нарушающие «моральный порядок» современной цивилизации.

Проф. Пэлла говорил, что «в определенных случаях, где эти обязанности игнорируются, **репрессивная интервенция** вполне оправдана» (стр. 60).

Для того, чтобы проводить в жизнь решения международной уголовной юрисдикции для этого Лига наций должна иметь собственные вооруженные силы, писал проф. Сальдана. Спрашивается, что это за уголовная интервенция, чем она отличается от интервенции военной? Совершенно очевидно, что унификаторы здесь под флагом международно-правовой интервенции готовят против страны пролетарской диктатуры настоящую войну.

Унификаторы далее предлагают ограничить право невыдачи за политические преступления, где речь идет о коммунистах.

Эти установки унификаторов о понимании терроризма, однако, в современных условиях неожиданно поворачиваются против них самих, в силу обострения противоречий в лагере капиталистических государств, в связи с угрозой опасности новой мировой войны.

Вступление СССР в Лигу наций, которая в сегодняшних условиях стала бугорком против поджигателей новой мировой войны усиливает борьбу за мир.

Это положение вещей не могло ни оказать свое влияние на унификаторов. Тов. Литвинов в Лиге наций специально осветил в своем выступлении сущность вопроса о терроризме в современных условиях. «Таким образом, говорил т. Литвинов, террористические акты последнего времени представляют собой явление особого порядка: они, во-первых, обычно подготовляются и осуществляются на чужой территории, а во-вторых, они своей задачей часто имеют воздействие на международные отношения в сторону ускорения и облегчения военных конфликтов. В этом смысле **терроризм последнего времени есть одна из форм подготовки военной агрессии».** Убийство Барту, целый ряд убийств, совершенных германскими фашистами на территории иностранных государств ярко иллюстрируют указания т. Литвинова. Проект Лаваля международной конвенции о терроризме предусматривает конкретные меры борьбы с терроризмом.

Постановлением Лиги наций от 31 декабря 1934 г. был создан комитет юристов, в состав которого вошел и проф. Пэлла, для разработки конвенции об интернациональной борьбе с терроризмом.

Разработанный проект конвенции резко отличается от прежних конвенций унификаторов. Так, согласно пп. 1 и 2, проекта под терроризмом понимаются «умышленные действия, направленные против жизни, телесной неприкосновенности, здоровья или свободы: главы государства или лиц, пользующихся прерогативами главы государства, наследных принцев, членов правительства, дипломатических представителей, членов конституционных, законодательных и судебных учреждений» (стр. 93). Таким образом, здесь в центре внимания борьба **с индивидуальным,** политическим террором.

Это изменение в постановке проблемы терроризма объясняется теми глубокими изменениями в международной обстановке, которые мы имеем за последний период.

Но это все же ни в коей мере не обозначает, что буржуазные криминалисты отказались от идеи уголовной интервенции против Страны советов. Эти изменения сейчас в постановке вопроса о терроризме ни в коей мере не обозначают, что мы должны ослабить наше внимание к всестороннему изучению деятельности буржуазного криминалистического фронта. К сожалению эта сторона вопроса в книге проф. Трайнина освещена весьма недостаточно, так как ограничивается только констатацией улучшения по всей линии, с точки зрения нашей борьбы за мир, в постановке буржуазными криминалистами вопроса о терроризме.

Работа проф. Трайнина, таким образом, дает ценный материал для характеристики важнейших вопросов так называемого международного уголовного права в современных условиях. Но в ней имеется ряд недостатков, к которым относится отсутствие постановки ряда методологических проблем, связанных с вопросами уголовной интервенции, являющихся важнейшей частью так называемого международного уголовного права. В частности, недостаточен и обзор состояния современной буржуазной уголовно-правовой теории. Тем не менее работа проф. Трайнина, несомненно, может и должна быть широко использована для разоблачения классовой физиономии установок движения по международной унификации уголовного права.

В борьбе советского государства в международном масштабе за мир должны сыграть свою роль и наши научно-исследовательские институты, и в частности, научно-исследовательские центры по изучению проблем уголовной политики. В этом отношении стоят огромной важности задачи перед нашим криминалистическим фронтом. Работа проф. Трайнина в плане разработки этих задач должна быть признана и полезной и своевременной.

Б. Маньковский

«КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО ПО ТЕХНИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ». Сборник методических писем Курской облпрокуратуры. Под ред. и с предисловием прокурора Курской обл. Г. Г. Заславского. Изд. Курской облпрокуратуры. 66 стр.

На страницах наших юридических журналов мы встречались уже с материалами, освещающими работу прокуратуры новой Курской области, ее общее состояние и в частности состояние следствия. Указывалось и на особый интерес прокуратуры к вопросам следствия.

Приняв решение выпустить краткое пособие по технике расследования для следователей, курское руководство прокуратуры не просто собрало старые методические письма и сбросировало их. Оно поручило одному из своих наиболее квалифицированных работников т. Яхничу **переработать эти письма.** Приняли участие в этой работе и три члена методбюро, составившие образцы отдельных следственных актов.

Рецензируемый сборник освещает наиболее актуальные вопросы предварительного расследования. Четыре главы этой книжки посвящены возбуждению уголовного преследования, предъявлению обвинения и допросу обвиняемого, окончанию предварительного расследования и предъявлению следственных материалов, обвинительному заключению и методике его составления. Особняком стоит глава о методике расследования дел, связанных с растратами и хищениями в торговых организациях. В конце сборника имеется 10 приложений — образцы отдельных следственных документов, среди которых приведено обвинительное заключение по известному делу о хищениях и злоупотреблениях на Тербунском пункте «Заготзерно», утвержденное Прокуратурой Союза ССР.

В главе «Возбуждение уголовного дела» довольно подробно освещается все основное, что связано с первой стадией уголовного процесса, и приводятся конкретные факты, примеры следственного брака. Однако на двух моментах следует все же остановиться. Там, где речь идет о примечании к ст. 6 и о ст.ст. 8, 10, 12, 14 УК, все они берутся как нечто одинаковое и о них сказано (стр. 6) так как будто все они прямо предписывают не возбуждать уголовного дела. Между тем, даже беглый анализ этих статей показывает, что все они различны и не так просты. Примечание к ст. 6 и ст. 8 УК — это нормы, которые требуют от следователя особого умения проанализировать материал и решить вопрос о **целесообразности** возбуждения уголовного дела, а это связано прежде всего с большой политической и правовой подготовкой следователя. На этом нельзя было не сделать ударения. Второе: ссылаться на ст. 12 УК, сдавая сборник в не-

тать 14 сентября, и не вспомнить о законе 7 апреля, который существенно изменил ее практическое значение, — никак нельзя. Это ошибка или оплошность довольно серьезная. Такое упущение иного следователя может дезориентировать.

К главе о предъявлении обвинения и допросе обвиняемого следует сделать два замечания. Охватив наиболее серьезные вопросы этой темы и остановившись на ст.ст. 111 и 112 УПК, нельзя было в этой части обойтись без конкретных примеров. Известно, как часто на практике мы встречаемся с делами, где ни один довод обвиняемого не учтен, где предание суду вопиюще не объективно. Один—два таких примера дали бы, пожалуй, не меньше чем те правильные утверждения, которые все же звучат как общие рассуждения. Упущено также в этой главе освещение одного вопроса, который имеет большое практическое значение: ничего не сказано об **оговоре.** Немало дел связано с оговором, немало трудностей создает при расследовании оговор. И если учесть, что оговор — одно из острых явлений в уголовных делах, то как ни мал размер книжки, остановиться на этом следовало бы и основные указания следователя надо было бы дать.

Среди многих все еще забытых норм уголовного процесса пребывают все статьи УПК, говорящие о возможности и порядке обжалования действий органов дознания и расследования. Вспомнить о них, вытащить их из-под спуда пора и периферийным работникам прокуратуры, хотя бы потому, что их можно использовать как серьезное средство борьбы за повышение качества расследования. Поэтому, нам думается, целесообразно было бы за счет сокращения полемической части главы об окончании расследования, расширить ее изложением о значении и порядке применения тех статей УПК, которые говорят о жалобах на действия органов следствия.

Очень неплохо разработан вопрос об обвинительном заключении и методике расследования дел о хищениях в торговом аппарате. Приведенные в приложениях интересные обвинительные заключения удачно дополняют те указания, которые даются в основном тексте.

Хорошо составлены образцы отдельных протоколов и постановлений. К недостаткам их можно отнести лишь язык, которым они составлены. Курским товарищам надо было постараться их немного оживить, сделать менее казенными.

Несколько слов о внешней стороне сборника. Есть, разумеется, опечатки, есть и стилистически неудачные места. На 4-й стр. книжки, например, весь уголовный процесс изображается в виде «большой и сложной машины», а возбуждение уголовного дела как «первый оборот колеса», который делают прокурор и следователь и приводят этим в действие всю машину. Это и по существу не совсем верно, ибо и после первого оборота можно своевременно предупредить полный ход «машины», а как попытка образно представить уголовный процесс — не может быть признана удачной.

Общий итог следует подвести такой — сборник при всех некоторых его недостатках бесспорно **полезный, нужный** народному следователю и еще раз свидетельствующий о том, что Курская прокуратура трудится над делом улучшения следствия — этого важнейшего, решающего звена во всей работе органов юстиции. Сборник, изданный Курской прокуратурой, может служить и примером.

Однако аналогичные отмеченные выше ошибки не должны впредь повторяться. Об этом т. Заславский должен серьезно позаботиться.

Е. Львов

Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР

ЗА СЕНТЯБРЬ 1935 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Просвещение

1. О сроках обучения в школах фабрично-заводского ученичества — пост. СНК СССР от 22/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 405).

2. О школьных письменных принадлежностях — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 14/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 49, ст. 411).

3. Об улучшении и упорядочении изданий географических карт — пост. СНК СССР от 15/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 49, ст. 416).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Промышленность

4. О заготовке и планировании заводской шерсти — пост. СНК СССР от 4/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 403).

5. О затратах по строительству, производимому вне планов капитальных работ — пост. СНК СССР от 19/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 49, ст. 417).

Земля и сельское хозяйство

6. Об отрезке от совхозов Западносибирского края неиспользуемых ими земель и об увеличении за этот счет земель колхозов — пост. СНК СССР от 8/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 400).

7. Об отрезке от совхозов Сталинградского края неиспользуемых ими земель и увеличении за этот счет земель колхозов — пост. СНК СССР от 14/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 401).

8. Об учете и счетоводстве в колхозах на 1936—1937 гг. — пост. СНК СССР от 11/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 406).

9. О механизированной уборке и вывозке автомашинами сахарной свеклы и об оплате трактористов, рулевых и шоферов, работающих на уборке и вывозке свеклы в совхозах и МТС — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 49, ст. 412).

Транспорт

10. О строительстве канала Москва—Волга— пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 395).

11. О мероприятиях по подготовке эксплоатации канала Москва—Волга — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 396).

Связь

12. Об ответственности органов связи за задержку почтовых отправлений с объявленной ценностью — пост. СНК СССР от 26/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 402).

III. ФИНАНСЫ

13. О ценах на гарнцевый сбор — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 397).

14. О корабельном сборе при повторных заходах судов в порты Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 398).

15. О ставках налога с оборота на некоторые товары пищевой промышленности — пост. СНК СССР от 26/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 407).

16. О ставках налога с оборота на мясо и мясопродукты — пост. СНК СССР от 1/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 408).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

17. О предельных контрольных нормах естественной убыли зерна и продуктов при хранении на складах и авто-гужевых перевозках — пост. СНК СССР от 7/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 404).

18. О сдаче зерна государству подсобными хозяйствами, артелями промысловой кооперации — пост. СНК СССР от 28/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 49, ст. 418).

V. КООПЕРАЦИЯ

19. Об использовании промысловой кооперации заготовляемого ею лома цветных металлов — пост. СТО от 4/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 49, ст. 419).

Приветствия, поступившие на имя прокурора Союза ССР

ТИФЛИС.

Первое закавказское совещание руководящих работников прокуратур и судов Азербайджанской, Армянской и Грузинской республик шлет тебе, дорогой Андрей Януарьевич, — стойкому борцу социалистической законности, — горячий привет.

Органы юстиции, призванные партией и правительством всемерно и повседневно бороться за успешное построение социалистического бесклассового общества, под твоим личным руководством поведут неослабную, беспощадную борьбу со всеми сопротивлениями остатков классового врага, обеспечат: перевоспитание и переделку людей, укрепляя социалистическую дисциплину и социалистическое правосознание.

Закавказское совещание заверяет Прокуратуру Союза ССР в твоем лице, что все работники органов юстиции ЗСФСР приложат все усилия для успешной борьбы за выполнение директив партии и правительства и указаний любимого вождя — товарища Сталина об укреплении социалистической законности.

Дорогой Андрей Януарьевич!

Мы, работники органов юстиции республик ЗСФСР, исходя из твоих указаний на нашем совещании, включаясь между собой в социалистическое соревнование, выбираем тебя нашим арбитром.

Да здравствует мудрый и великий вождь нашей партии товарищ **Сталин!**

**
*

ТУЛА.

Шлем тебе, дорогой Андрей Януарьевич, наш горячий большевистский привет.

Тысяча активистов суда и прокуратуры гор. Тулы, собравшись для обсуждения очередных задач своей работы, заверяет тебя, что, повышая свою революционную бдительность, они приложат все силы на выполнение директив партии и великого вождя товарища Сталина о борьбе за социалистическую законность, за охрану социалистической собственности.

Да здравствует ВКП(б)!

Да здравствует великий вождь и любимый учитель товарищ **Сталин!**

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство Советское законодательство

Отв. редактор А. Я. Вышинский
Редколлегия: Г. М. Лаповский, А. А. Сольц
В. В. Сорокин, Л. М. Субоцкий, А. С. Шляпочников

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28.

Рукопись поступила в издательство 27 и 31/X 1935 г. Сдано в производство 28/X и 3 XI 1935 г.
Подписано к печати 25/XI 1935 г. 4 п. л. 10,27 авт. листа; в одном бум. листе 19368 печ. знаков

формат бум. 72×110. С—04 п.; № 197.

Уполном. Главлита Б—13914 Заказ № 1385. Технический редактор Х. Величко Тираж 10 000

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», М. Дмитровка, 18

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Московским городским финансовым отделом на основании Положения и правил о государственной регистрации (СЗ и распоряжений правит. СССР 1931 г. ст. 99 и «Бюллетень финанс. и хозяйств. законодательст.» 1931 № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц 28 августа 1935 г. под № 509 (пятьсот девятым)

Сокольнический районный жилищный трест „РАЙЖИЛТРЕСТ",

находящийся в ведении президиума Сокольнического райсовета.

Адрес: Москва, ул. Кирова, д. 17.

Московским городским финансовым отделом на основании Положения и правил о государственной регистрации (СЗ СССР 1931 г. ст. 99 и «Бюлл. фин. и хоз. зак.» 1931 г. № 12) зарегистрировано в Государственном реестре юридических лиц 2 сентября 1935 г. под № 315 (триста пятнадцатым)

Московское отделение „РОСМЕТИЗСБЫТ",

находящееся в ведении Росметизсбыта.

Адрес конторы: 2-я Тверская-Ямская, д. 50
Тел. Д 1-82-28.

Москов. гор. фин. отделом на основ. Положения и правил о госуд. регистр. (СЗ и распоряжений правит. СССР 1931 г. статья 99 и «Бюллетень фин. и хозяйств. законод.» 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц 16 сентября 1935 г. под № 514 (пятьсот четырнадцатым)

Районный трест очистки Фрунзенского района

Адрес: Москва, Ростовский пер., 16.

Народным комиссариатом финансов СССР на основ. Полож. и правил о госуд. регистр (СЗ и распоряжен. правительства СССР 1931 г. № 8, ст. 99 и «Бюллетень финансов. и хозяйственн. законодат.» 1931 г. № 12) зарегистрирована в реестре юридических лиц 31 июля 1935 г. под № 3125 (три тысячи сто двадцать пятым)

Государственная союзная контора по строительству и монтажу новых и реконструируемых предприятий машиностроения для легкой промышленности „ЛЕГМАШСТРОЙ",

находящ. в веден. Главлегмаша НКТП СССР.

Адрес: Москва, Кузнецкий Мост, 16.

Московским городским финансовым отделом на основании Положения и правил о государственной регистрации (СЗ и распоряжений правит. СССР 1931 г. ст. 99 и «Бюллетень финанс. и хозяйствен. законод.» 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц 16 сентября 1935 г. под № 513 (пятьсот тринадцатым)

Районный дорожный трест Фрунзенского района.

Адрес: Москва, ул. Льва Толстого, 10.

НКФ СССР на основании Положения и правил о государственной регистрации (СЗ и распоряжения правительства СССР 1931 г. № 8, ст. 99 и БФХЗ 1931 г. № 12) 8 мая 1935 г. зарегистрирован в реестре юридических лиц под № 3004 (три тысячи четвертым)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЮЗНЫЙ АСФАЛЬТО-БИТУМНЫЙ ТРЕСТ,

находящийся в ведении НКТП Союза ССР.

Адрес управления треста:
г. Москва, ул Кирова, 11.

Московским городским финансовым отделом на основ. Полож. и правил о госуд. регистр. (СЗ и распоряж. правит. СССР 1931 г. ст. 99 и «Бюллетень финанс. и хозяйствен. законод.» 1931 г. № 12) зарегистр. в государств. реестре юридических лиц 16 сентября 1935 г. под № 510 (пятьсот десятым)

„МОСКОВСКИЙ ВОДОПРОВОДНЫЙ ТРЕСТ",

находящийся в ведении президиума Моссовета.

Адрес: Москва, Театральный проезд, 3.

НКФ СССР на основании Положения и правил о государственной регистрации (СЗ и распоряжений правительства СССР 1931 г. № 8, ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) 7 февраля 1935 г. зарегистрирован в реестре юридических лиц под № 2728)

(две тысячи семьсот двадцать восьмым)

Всесоюзный государственный трест по заготовке, переработке и снабжению ломами цветных металлов „ЦВЕТМЕТЛОМ",

находящийся в ведении НКТП Союза ССР

Адрес управления треста: Москва, Дьяков пер., 4.

Цена 1 руб.

БА № 2 14

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Открыта подписка на 1936 год на журналы:

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ Орган Прокуратуры Союза ССР

ЖУРНАЛ освещает политику партии и правительства в деле укрепления социалистической законности и охраны общественной собственности по Союзу ССР от всяких покушений со стороны противообщественных элементов.

ЖУРНАЛ предназначается для работников органов прокуратуры, суда, милиции и уголовного розыска, исправительно-трудовых учреждений, работников исполкомов и сельсоветов, а также для учащихся правовых вузов и юридических курсов.

Подписная цена на 12 мес.—12 руб., на 6 мес.—6 руб., на 3 мес.—3 руб.
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 1 руб. ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ

СОВЕТСКАЯ ЮСТИЦИЯ ОРГАН НКЮ РСФСР

освещает политику партии и правительства по укреплению социалистической законности Помещает руководящие статьи по вопросам судебной, прокурорской и следственной работы. Печатает руководящие материалы НКЮ, Верховного суда, Прокуратуры РСФСР и дает регулярно информацию о новом в деятельности НКЮ.

ЖУРНАЛ рассчитан на работников судебно-прокурорских органов, учащихся правовых вузов и юридических курсов.

Подписная цена на 12 мес.—18 руб., на 6 мес.—9 р. на 3 мес.—4 руб. 50 к.
ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО Орган Института советского строительства и права Комакадемии

(Советское государство)

ЖУРНАЛ освещает проблемы марксо-ленинского учения о государстве и праве, его применение в революционной борьбе мирового пролетариата и прежде всего в практике первого в мире государства пролетарской диктатуры.

ЖУРНАЛ рассчитан на научных работников, преподавателей, аспирантуру, руководящих работников советов, исполкомов, суда и прокуратуры.

Подписная цена на 12 мес.—21 руб., на 6 мес.—10 р. 50 к.
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 3 руб. 50 к. ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

АРБИТРАЖ ОРГАН ГОСАРБИТРАЖА ПРИ СОВНАРКОМЕ СССР

ЖУРНАЛ освещает деятельность государственного и ведомственных арбитражей и печатает их решения по принципиальным и характерным спорам. Уделяет большое внимание вопросам организации договорных связей, заключения и выполнения договоров, а также другим вопросам советского хозяйственного права.

ЖУРНАЛ рассчитан на работников государственного и ведомственных арбитражей, на хозяйственников и юрисконсультов предприятий и организаций.

Подписная цена на 12 мес.—16 р. 80 к., на 6 мес.—8 р. 40 к., на 3 мес.—4 р. 20 к.
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 70 коп. ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ

Подписка принимается отделениями, магазинами, киосками, уполномоченными Когиза и во всех почтовых пунктах СССР.

Подписку и деньги в издательство НЕ НАПРАВЛЯТЬ, так как издательство подписки не принимает и рассылки журналов не производит

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ДЕКАБРЬ

ОГИЗ * 1935
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

СОДЕРЖАНИЕ № 12

	Стр.
Памяти борца	2
А. Вышинский — Вопрос действительно решен	4
Ф. Нюрина — 1933 — 1935 годы	5
С. Пригон — Закон 8 декабря в практике прокуратуры Саратовского края	7
Б. Бориоов — Задачи прокуратуры в области надзора по гражданским делам	14
В. Зорин — Укрепить отделы по надзору за ИТУ	17
А. Герцензон, З. Вышинская — Борьба с убийствами в судебной практике 1935 г.	19
А. С. Тагер — Кассационные заметки	23
В. Тадевосян, А. Чернов Больше внимания следователю и качеству расследования	28
Н. Русанов — О бумажном руководстве	32
А. Сольц — Очередные вопросы	34
С. Потранинов — Должностные преступления в органах связи	35
М. Мальсагов — Заочное правовое обучение	39
Н. Александровский — Прокуратура и печать в борьбе за проведение хозполиткампаний 1935 г.	40
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	42
Право — процесс — судоустройство в капиталистических странах	53
В Институте уголовной политики	56
Библиография	57
Официальный отдел	61
Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР за октябрь 1935 г.	63
Приветствия, поступившие на имя тов. А. Я. Вышинского	64

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

ДЕКАБРЬ 1935 г. 12

Редакция:

Москва, Б. Дмитровка, д. 15

СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ КИРОВ

ПАМЯТИ БОРЦА

Год назад пуля классового врага оборвала жизнь одного из лучших соратников Ленина и Сталина, талантливейшего борца за коммунизм, руководителя ленинградских большевиков — Сергея Мироновича Кирова.

Перестало биться сердце замечательного человека, героическая жизнь которого является образцом самоотверженной борьбы за дело рабочего класса, за дело коммунизма. Подлейшая пуля прервала жизнь человека, обладавшего исключительной волей, огромными организаторскими талантами, пламенного трибуна революции, воодушевлявшего своей деятельностью к героической борьбе миллионы трудящихся; жизнь железного большевика, от начала до конца своих дней последовательно боровшегося за генеральную линию нашей партии, отстаивая ее, непримиримо воюя против всяких отклонений и наскоков, откуда бы они ни исходили.

Неслучайно контрреволюционной зиновьевско-троцкистской бандой, этой замаскированной двурушничеством белогвардейской организацией, выстрел подлого убийцы был направлен против т. Кирова. Неслучайно остатки разгромленной троцкистско-зиновьевской оппозиции, став щитом всей фашистско-белогвардейской сволочи, направили свой удар в Сергея Мироновича, сыгравшего особую роль в разгроме бывшей троцкистско-зиновьевской оппозиции, возглавлявшего одну из наиболее мощных большевистских организаций нашей страны, выдающегося деятеля нашей партии.

Выстрел в т. Кирова, в момент, когда наша страна добилась великих побед в деле социалистического строительства, когда наша страна твердо и уверенно идет по пути построения бесклассового социалистического общества, явился попыткой разгромленных классовых врагов внести в наши ряды замешательство.

Однако, как и всегда, и на этот раз классовый враг просчитался. Огромная утрата, понесенная нашей партией и трудящимися всего мира, великая скорбь, овладевшая сердцами миллионов, не остановили победного марша революции. Наоборот, еще тесней сплотились трудящиеся массы вокруг Центрального комитета нашей партии и горячо любимого вождя советского народа т. **Сталина.** Гул миллионов, шествовавших на улицах в дни похорон, речи ораторов, поднимавшихся на трибуну, чтобы выразить свое негодование, сотни тысяч принятых резолюций— все дышало одним гневом, одной ненавистью к врагам, одной мыслью — довести до конца дело, за которое жил и погиб Сергей Миронович, победу которого он всегда ясно и отчетливо представлял, о которой он всегда мечтал, во имя которой он отдал лучшие годы своей жизни, отдал всю свою жизнь.

Гнусное убийство т. Кирова показало всю глубину падения троцкистско-зиновьевской банды, обнажило подлое, трусливое нутро изменников пролетарской революции, превратившихся в гнусных агентов наемных убийц международной белогвардейской своры.

Усилением большевистской бдительности, суровой расправой с врагами народа, сокрушительным ударом по контрреволюционным гадинам, новыми величайшими успехами социалистического строительства ответили партийные и непартийные большевики, миллионы трудящихся масс на этот гнусный выстрел классового врага. Этот ответ прозвучал в гудках фабричных сирен социалистических заводов, в ускорении бега паровозов и вагонов, в резко поднявшейся кривой роста нашей промышленной продукции, в бурно-развернувшемся стахановском движении, ознаменовавшем новый этап нашего великого социалистического строительства.

В связи с террористической деятельностью классово-враждебных элементов, 1 декабря 1934 г. Президиум ЦИК Союза ССР принял решение об исключительном порядке ведения и слушания дел о террористических актах. На основе этого закона был ликвидирован ряд террористических организаций. Справедливый приговор Верхсуда Союза ССР по делу подлейших бандитов, сразивших любимого Мироныча, был принят всей нашей страной и трудящимися всего мира с вели-

чайшим удовлетворением. Нанесен сокрушительный удар по раскрытым и обнаруженным остаткам троцкистских и иных контрреволюционных организаций. Очищаются ряды партии путем партийной проверки от пробравшихся в нее двурушников, последышей троцкистско-зиновьевской оппозиции, жуликов и иных классово чуждых и враждебных элементов.

Однако, дело разгрома классового врага и его агентуры еще не закончено. На наши успехи классовый враг отвечает новым, еще более ожесточенным сопротивлением, переходя к новым и новым формам наскоков» (С т а л и н). Когда в нашей стране бурно развертывается имеющее величайшее политическое и хозяйственное значение движение стахановцев, эти наскоки особенно ярко проявляются в самых разнообразных формах сопротивления этому движению, начиная от саботажа и травли героев и героинь социалистического труда и кончая террористическими актами.

«Нам необходимо и впредь, — как говорил т. Киров на XVII съезде партии в одной из своих последних речей, отличавшейся исключительной глубиной и яркостью, — соблюдать в наших рядах, в рядах нашей большевистской партии величайшую и глубочайшую партийную бдительность и железную большевистскую дисциплину». Мы должны быть на-чеку.

Задача всемерного укрепления диктатуры пролетариата является решающей для осуществления поставленной нами цели. Величайшая ответственность за осуществление этой цели падает на все органы пролетарской диктатуры, в том числе и на органы юстиции.

Наша работа должна быть боевой, репрессия — меткой, точной, целеустремленной, политически подготовленной. Вся система нашей работы, начиная от первичных актов расследования и кончая исполнением приговоров, должна быть построена таким образом, чтобы ни одна попытка классового врага и его агентуры нанести вред делу социализма не оставалась нераскрытой и ненаказанной. Вот почему поднятие качества всей нашей работы и, в первую очередь, борьбы с контрреволюционными вылазками враждебных нам элементов, стоит перед нами во весь рост и сегодня.

Социализм в нашей стране победил окончательно и бесповоротно. Железной волей большевиков, руководимых гениальным рулевым революции — **Сталиным**, обеспечены все возможности для построения в нашей стране коммунистического общества. Мы уверены в нашей победе, несмотря на все сопротивление остатков умирающих эксплоататорских классов. Эта вера звучала мощными аккордами в заключительной части речи Сергея Мироновича на XVII съезде партии, когда он, характеризуя неизмеримые высоты нового, небывалого в истории человечества, коммунистического общества, говорил: «Работа, товарищи, не только захватывающая, но работа очень трудная, очень сложная и очень ответственная. Но когда мы имеем такой героический рабочий класс, который населяет нашу Советскую страну, когда мы имеем такую партию, которую выпестовал величайший из людей, Владимир Ильич Ленин, цвет которой заседает вот здесь сейчас, партию, которая не знает никаких преград, никаких препятствий, партию, у которой в правоте своего дела нет ни малейшего сомнения, я думаю, что с такой партией, с таким рабочим классом стоящие впереди задачи не только разрешимы, но разрешимы блестяще и разрешимы победно, тем более, что основные трудности уже остались позади».

С этой верой в нашу победу мы строим нашу счастливую и прекрасную жизнь, каждый новый день которой раскрывает перед нами изумительное своим богатством содержание бесклассового социалистического общества.

В этой борьбе за наше счастливое будущее, о котором так мечтал Сергей Миронович, которое все более и более входит в нашу повседневную жизнь, образ т. Кирова, его героическая жизнь вдохновляет нас на новые подвиги, удесятеряет нашу энергию.

Год назад мы, похоронив т. Кирова, дали клятву довести до конца дело, за которое боролся Сергей Миронович, и вырвать с корнем из нашей жизни остатки враждебных нам элементов. Эта клятва будет нами выполнена. Враги социализма будут уничтожены. Знамя коммунизма будет реять над всем миром.

А. Вышинский

Вопрос действительно исчерпан

Тов. Крыленко решил резко оборвать наш спор, не пожалев при этом грубых слов и раздражительных выражений. При таких условиях, конечно, полемику продолжать нет смысла.

Тов. Крыленко апеллирует в конце своего последнего ответа читателям. Против такой апелляции и я не возражаю.

Что может служить предметом этой апелляции? Ответ на три вопроса, по поводу которых шел спор и которые, по существу, мне кажется, уже сейчас разрешены не в пользу т. Крыленко.

В самом деле. По первому вопросу о точных или неопределенных составах т. Крыленко сдал все свои позиции, прикрывшись, впрочем, ссылкой на требования нашей эпохи и оставив, таким образом, для себя лазейку вновь вернуться к теории неопределенных составов в «подходящую» эпоху.

По второму вопросу о дозировке т. Крыленко фактически сдал свои позиции, даже не прикрываясь никакой эпохой.

Вопрос третий — о двух процессах — новым проектом УПК разрешен в направлении, прямо противоположном взглядам т. Крыленко.

Стоит ли после этого продолжать спор? Спор продолжать не стоит, и я также его с т. Крыленко кончаю, но бороться против ошибок и путаницы т. Крыленко придется еще не мало, ибо предрассудки, являющиеся источником путаницы т. Крыленко, к сожалению, еще живучи.

Не имея в виду продолжать с т. Крыленко спор, я все же не могу не выразить нескольких недоумений по поводу его попытки поставить «Точку над «и».

Тов. Крыленко возражает против моего утверждения, что недопустимо привлекать к суду за преступления, не обозначенные в законе, пытаясь этот мой тезис изобразить, как забвение основного принципа нашей уголовной политики, признающей институт аналогии. Если бы т. Крыленко хотел подойти к вопросу серьезно, не выдергивая отдельных фраз из всего контекста моих рассуждений, то беспочвенность его обвинений была бы ясна сама собой. Ведь сам т. Крыленко, цитируя мою статью, указывает на то, что я не отрицаю, а признаю необходимость аналогии.

Смысл моего утверждения заключается в том, что привлекать к суду можно лишь за преступления, указанные в законе, причем я имею в виду, что **в самом законе** указано и право пользоваться аналогией в соответствующих случаях. Следовательно, весь вопрос заключается в том, **как понимать** это право, как **пользоваться** этим правом, т. е., иначе говоря, дело сводится к вопросу о **пределах аналогии.**

Возражает т. Крыленко и против моей второй формулы о необходимости руководствоваться точным смыслом закона, заявляя, что этот принцип мы сейчас не можем принять, «не связывая себя этим самым без нужды». Но т. Крыленко безбожно путает, когда вопрос о точном смысле закона подменяет вопросом о текстуальном толковании закона.

Подмена понятий налицо. По т. Крыленко, это одно и то же. По-моему, это не одно и то же, и утверждать противное значит впадать в ошибку, допускать непростительную путаницу.

Такую же путаницу допускает т. Крыленко и в своем последнем замечании, говоря: «Политическая линия судебной политики при этом остается правильной, хотя формально-логическое толкование закона страдает».

Странное рассуждение! Разве речь идет о **формально-логическом** толковании в нашем споре? Речь идет не о формально-логическом толковании, а о марксистском, ленинском толковании закона, о таком толковании закона, которое опирается на научную теорию Ленина—Сталина, т. е. о диалектическом толковании.

Чтобы устранить всякую путаницу, повторяю, толкование закона допустимо, неизбежно и необходимо, но толкование по смыслу, а не по тексту. Такое толкование (по смыслу), конечно, дело трудное, но без преодоления этой трудности невозможно проводить правильную судебную политику.

Тов. Крыленко меня упрекает в недиалектическом моем подходе к затронутым в нашем споре вопросам. С «диалектикой» т. Крыленко мы хорошо знакомы не только по нынешнему спору, но и по ряду других его устных и печатных выступлений. В частности, его позиция в вопросе о дозировке и твердых составах лучше всего свидетельствует об этой «диалектике», следовать которой, однако, оказывается небезопасно и для самого автора.

Несмотря на прекращение нашего спора, я считаю, что вопросы, явившиеся предметом этого спора, столь серьезны и имеют столь серьезное значение для дальнейшего развития нашего советского права, что, независимо от наших личных вкусов и настроений, к этим вопросам нам придется еще возвращаться не однократно. Я уверен, что, как бы ни старался т. Крыленко замазать ошибочность своей принципиальной позиции, **в нашу эпоху** эти попытки обречены на заведомую неудачу.

Ф. Нюрина

Два года закона 8 декабря

Закон 8 декабря нельзя брать вне общей обстановки грандиозных успехов народного хозяйства, вне общих мероприятий партии и правительства по борьбе за выпуск лучшей в мире доброкачественной и комплектной продукции.

Этот закон нельзя рассматривать вне общих мероприятий партии по борьбе с безответственным отношением к социалистической фабрике и к своим обязанностям по отношению к государству.

Закон 8 декабря был издан в конце 1933 г., т. е. в тот момент, когда были уже созданы все необходимые предпосылки для того, чтобы наши советские фабрики выполняли бы план не только по количеству, не только в срок, но и по качеству.

За время издания закона 8 декабря 1933 г., под руководством великого зодчего социалистической стройки—т. Сталина, страна добилась новых всемирно-исторических успехов.

На XVII съезде т. Сталин говорил, что переживаемый подъем «замечателен тем, что он внес принципиальные изменения в структуру СССР и коренным образом изменил лицо страны». За время с XVII съезда страна сделала новый гигантский шаг вперед. Девятимесячный план выполнен почти во всех отраслях промышленности. Особенно знаменательны успехи, которых добилась тяжелая промышленность и те ее участки, которые еще недавно были величайшей заботой нашей партии, те участки, овладеть которыми, казалось еще столь недавно исключительно трудным.

Значительное количество металлургических предприятий перешло на работу без дотации и даже начало давать прибыль; черная металлургия увеличила выплавку и прокат чугуна.

1935 г.—год переломный, год особый. Слова т. Сталина о том, что наши люди, овладевшие техникой, могут и должны показать чудеса, осуществляются сейчас у нас в совершенно исключительных масштабах и размерах лучшими людьми нашего времени стахановцами.

Эти люди показывают, что только при социализме возможно такое гармоническое, единое устремление замечательного человеческого мозга, пролетарской воли и преданного сердца, которое превращается в непреодолимый мощный поток движущейся вперед к новым невиданным высотам культуры, науки, литературы, искусства, к новым завоеваниям зажиточной, радостной, полной напряженной творческой жизни миллионов.

Органы диктатуры пролетариата, суд и прокуратура, в этой общей, идущей в стране творческой работе выполняют нужную и ответственную роль по подавлению сопротивления классового врага. Это на них в первую очередь ложится задача развеять в прах все воровские махинации классового врага. Они должны, вооруженные большевистской бдительностью и зоркостью, распознавать врага народа, жулика, мошенника в любой личине и беспощадно их сметать с пути.

Прошлое вредит, мешает, портит в самых разнообразных формах и проявлениях. Халатность, разгильдяйство, небрежное отношение к своим обязанностям, отношение к советской фабрике и заводу, как к старым капиталистическим предприятиям, стремление урвать для себя побольше и дать государству поменьше — это остатки старого проклятого капиталистического прошлого.

В общей системе мер, которые принимала партия в борьбе с пережитками капитализма, сыграл и играет большую роль закон 8 декабря.

Закон 8 декабря имел свое значение не только в качестве меры частной превенции в отношении отдельных работников, преступно относящихся к своей работе, он имел гораздо большее значение общего предупреждения всех руководителей хозяйственных организаций о тех повышенных требованиях, которые к ним предъявляет партия и правительство сейчас.

К этому закону органы юстиции отнеслись с сугубым вниманием. Дело шло о близких людях, зачастую о людях, имеющих немалые заслуги и поэтому надо было особо тщательно, осторожно и вдумчиво подходить в каждом конкретном случае. Надо было со всей ответственностью в каждом отдельном случае разобраться, действительно ли данный технический руководитель виновен в том, что качество выпущенной продукции плохое или что продукция некомплектная.

Применение закона было обставлено целым рядом гарантий. Было установлено, что возбуждение каждого дела по закону 8 декабря санкционируется край(обл) прокурором, об этом немедленно сообщается в Прокуратуру Республики и Прокуратуру Союза, туда же высылается обвинительное заключение и приговор. Дела слушаются лишь в краевых, областных судах. Каждое дело обязательно попадало в Верхсуд, либо в порядке кассационном, либо с протестом прокурора, и по каждому делу 8 декабря Прокуратура Республики давала заключение, обязательно санкционированное прокурором Республики и в ряде случаев прокурором Союза.

За 1934 г. в РСФСР было возбуждено 747 дел. Из этого количества дел многие впоследствии были отшлифованы. Всего было осуждено за год по закону 8 декабря — 163 человека.

За первое полугодие 1935 г. по закону 8 декабря по всей РСФСР прошло только 92 дела.

Необходимо проанализировать, разобраться в причинах такого резкого сокращения дел по закону 8 декабря. Изжил ли себя закон или мы не умеем правильно его применять? Такая прямолинейная постановка вопроса сама по себе порочна. Закон и его применение нужно рассматривать в его диалектическом развитии. Безусловно, что к тому времени, когда закон был издан, к концу 1933 г., преступность в области выпуска доброкачественной и комплектной продукции была несравненно больше чем сейчас.

Все больше и больше создается атмосфера общественной нетерпимости в отношении тех руководителей, администраторов и рядовых рабочих, которые не проявляют добросовестной социалистической бережливости, которые не сознают величайшей ответственности за порученную им работу, как бы велика или мала она ни была.

В 1934 г. борьба за социалистическое отношение к своим обязанностям в области выпуска доброкачественной и комплектной продукции требовала поэтому более широкого применения репрессии. Этим объясняется такое, сравнительно большое число, привлеченных и осужденных по закону 8 декабря. Одновременно, анализируя количество возбужденных дел, количество осужденных судами, приходится констатировать, что, несмотря на весь неослабный контроль, организованный за прохождением дел 8 декабря, в первый период в ряде случаев имело место необоснованное привлечение и необоснованное возбуждение дел по закону 8 декабря.

Оправдал ли себя закон, дало ли результаты его применение кроме наказания конкретных виновников. Проверка, произведенная на ряде предприятий в Ленинграде, Горьком и Калинине, после того, как руководящие работники этих предприятий были осуждены по закону 8 декабря, показала, что репрессия по закону 8 декабря, как вспомогательное средство в общем социалистическом наступлении на фронте борьбы за качество продукции, себя оправдала. На предприятиях, где была произведена проверка, фактами, материалами, настроением общественности подтвердилось, что в результате процессов усилилась бдительность и зоркость со стороны всего рабочего коллектива и административно-хозяйственного персонала в отношении выпуска продукции, выросло чувство ответственности за качество и комплектность выпускаемой продукции, выпуск бракованной и некомплектной продукции на этих предприятиях прекратился.

Таким образом закон 8 декабря достиг своей цели и дал свой результат.

Что означает сокращение количества дел сейчас? Можно ли ставить вопрос о том, что в связи с гигантскими успехами в промышленности, в свете роста стахановского движения, на фоне невиданного подъема энтузиазма, растущей преданности родине исчезает надобность в применении репрессии в борьбе за дальнейшее улучшение качества выпускаемой продукции? Такая постановка вопроса совершенно неправильна.

Рост стахановского движения безусловно создает все большую и большую обстановку общественной нетерпимости в отношении ко всякому дезорганизатору, ко всякому недобросовестному работнику.

Чуткое и внимательное отношение к кадрам сочетается сейчас в нас с гораздо большей бдительностью и зоркостью при подборе каждого работника на ответственную руководящую работу. Все эти обстоятельства создают обстановку, которая безусловно приводит и должна привести к сокращению преступности на этом, особенно важном, участке социалистической стройки.

Но было бы величайшей близорукостью, оппортунистической самоуспокоенностью думать, что сейчас полностью прекращена возможность для дезорганизатора, лодыря, рвача, для человека, не изжившего пережитков прошлого в своем отношении к труду, к социалистическому производству — попасть на ту или иную руководящую, административно-техническую работу. Такие случаи еще имеются.

Мы недавно провели большой процесс по закону 8 декабря в Московской области по делу о недоброкачественном выпуске медицинских инструментов. Казалось бы, на таком производстве, где выпускаются инструменты, от которых зависит жизнь и здоровье людей, должна быть обеспечена особая зоркость, особая бдительность; однако на таком предприятии было обнаружено явно преступное отношение со стороны административно-технических руководителей к выпуску продукции.

Сокращение количества дел по закону 8 декабря — явление естественное, оно обусловлено двумя причинами. Первая и главная — громадный рост наших успехов, рост стахановского движения, рост бдительности, зоркости и ответственности за порученное дело. Сокращение количества дел по закону 8 декабря объясняется одновременно и тем, что на уроках ошибок первого периода прокуратура научилась более правильно применять закон.

Репрессия была и есть лишь вспомогательное средство в общей системе мероприятий в борьбе за качество продукции. В этой области, в борьбе за все лучшее качество советской продукции страна далеко не сказала еще своего последнего слова. Наоборот, по мере нашего продвижения вперед, перспективы дальнейших успехов становятся все более и более грандиозными. Техникой овладевают миллионы. Технику двигают вперед замечательные люди нашей страны, люди сталинской закалки: стахановцы, виноградовцы, демченки, число которых растет бесконечно, безгранично.

Страна будет предъявлять все более и более повышенные требования к качеству выпускаемой продукции. Созданные возможности дают это право. Не должно быть ни малейшей халатности, разгильдяйства, недобросовестности со стороны руководящих административно-технических работников наших фабрик и заводов.

Партия окружает величайшим вниманием, любовью, заботой каждого стахановца, каждого самоотверженно борющегося за наше продвижение вперед. Пример забот о людях дает нам великий зодчий нашей стройки т. Сталин. И в нашей работе, и в работе органов юстиции, в работе прокуратуры надо больше и лучше осваивать сталинские методы, в особенности в применении закона 8 декабря. Нужно уметь сочетать самое бережное, самое внимательное отношение к людям с самым беспощадным, суровым отношением к преступникам, к дезорганизаторам, к людям, допускающим выпуск с наших советских заводов недоброкачественной или некомплектной продукции, к людям, которые сводят на-нет творческий энтузиазм, громадную работу передовых людей страны, выпуском плохой или некомплектной продукции — таких людей мы будем судить по закону 8 декабря.

И на дальнейшее время применение закона 8 декабря должно находиться под неослабным контролем и вниманием всей прокуратуры сверху донизу.

С. Пригов

Закон 8 декабря в практике прокуратуры Саратовского края

Центральный комитет ВКП(б) принял постановление о сооружении в Саратове величайшего в мире завода шарикоподшипников.

Новый гигант социалистической индустрии, строительство которого началось 1 июля 1935 г., по производственной своей мощности рассчитан на пятьдесят миллионов шарикоподшипников ежегодной продукции, что в два раза превышает производственную программу Московского завода им. Кагановича.

В программу строительства 1936 г. по Саратовскому краю намечено дальнейшее развертывание производства на заводе зуборезных станков, включено сооружение обувной фабрики с производительностью в 3 млн. пар обуви в год, завода гидролиза, кондитерской фабрики с выпуском 20 тыс. тонн продукции, нового пивоваренного завода на 200—300 тыс. литров пива, огромного механизированного терминального элеватора.

Огромный шаг нашего края по пути социалистической стройки выдвигает перед органами юстиции края новые, несравненно более расширенные, сложные и ответственные задачи.

К числу этих задач относится, в первую очередь, активнейшая и неустанная борьба за качество выпускаемой продукции.

Необходимо, прежде всего, окончательно ликвидировать остатки вреднейших настроений, вытекающих из недооценки индустриального значения края и питающихся явно оппортунистическими пережитками представлений о том, что край, мол, исключительно сельскохозяйственный, что у нас, мол, Магнитостроев нет, и поэтому борьба за качество продукции не может явиться одним из основных звеньев напряженной работы органов юстиции.

Разумеется, борьба за дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление колхозов, борьба за большевистский колхоз, ведущий колхозника к зажиточной и культурной жизни, борьба за социалистическое животноводство, за качество полевых работ и повышение урожайности, за сокращение сроков сева и уборки хлеба, за сохранность хлеба — все эти задачи исключительно важного политического и хозяйственного значения. Неисчислимый вред могло бы принести малейшее ослабление работы на фронте социалистического сельского хозяйства.

Но в такой же мере вредной и опасной является и недооценка значения борьбы за высокое качество продукции наших предприятий.

Практика прокуратуры Саратовского края сталкивается с весьма убедительными образчиками далеко недостаточной борьбы за качество продукции в ряде предприятий края.

Достаточно отметить, что за четыре с половиной месяца 1935 г., прокуратура края вынуждена была возбудить уголовное преследование по закону 8 декабря 1935 г. по пятнадцати делам, причем из этих дел в стадии следствия было прекращено два и одно переквалифицировано. При прохождении рассмотренных краевым судом дел этой категории через кассационную инстанцию и президиум Верхсуда по десяти делам вынесены определения об утверждении приговоров полностью, с сохранением квалификации по закону 8 декабря, по двум делам приговоры утверждены с изменением квалификации (оба эти определения прокуратурой края опротестованы; один из протестов в данное время президиумом Верхсуда удовлетворен).

В борьбе за качество продукции прокуратурой края охвачены весьма разносторонние участки производства, причем первичным поводом к возбуждению уголовного преследования по закону 8 декабря не всегда являлись моменты, характеризующие выпуск недоброкачественной продукции. Так например, дело о недоброкачественном ремонте моторных трамвайных вагонов саратовского трампарка возникло при проверке следствия о бытовом разложении представителей администрации и общественных организаций трампарка. В процессе следствия следователю было поручено исследовать ряд вопросов, связанных непосредственно с производством, и тогда открылось, что вследствие недоброкачественности ремонта из предназначенных к эксплоатации 80 вагонов фактически работало только 40—45, т. е. 50%.

Некоторые вагоны, пущенные в эксплоатацию в 1932—1934 г. и капитально отремонтированные в ноябре 1934 г., заходили на повторный ремонт десятки раз в течение месяца.

По делу трампарка осуждены были по закону 8 декабря начальник движения Малоземов — на 8 лет лишения свободы, начальник депо Масловский — на 5 лет лишения свободы, его заместитель Пожарицкий — на 5 лет, сменный мастер Смирнов — на 5 лет, председатель завкома Солин — по ст. 109 УК к 3 годам, председатель ЗРК Кряхов по закону от 7/VIII 1932 г. — к 10 годам лишения свободы.

Кассколлегия Верхсуда по делу трампарка переквалифицировала действия всех обвиняемых на ст. 109 УК, сохранив Малоземову вынесенную судом меру наказания в виде 8 лет лишения свободы и снизив наказание Пожарицкому и Смирнову — с 5 лет лишения свободы до 3 лет, Масловскому — с 5 лет лишения свободы до 2 лет.

Определение Верхсуда по делу трампарка в части переквалификации преступления являлось настолько принципиально неправильным и дезориентирующим прокурорские и судебные органы, что прокуратура края вынуждена была принести протест на это определение через прокурора РСФСР в президиум Верхсуда, от-

менивший вынесенное кассколлегией определение.

УКК Верхсуда приводит в своем определении следующие основания и мотивы переквалификации преступлений обвиняемых:

а) Вагонно-ремонтные мастерские и депо находились в ведении трамвайного парка, поэтому выпуск недоброкачественно отремонтированных вагонов не может рассматриваться, как выпуск продукции потребителю.

б) Деятельность обвиняемых не связана с выпуском продукции на рынок.

В своем протесте прокуратура края отмечала исключительное значение совершенных преступлений, состоящих в том, что обвиняемые в течение 7 мес., в период с июля 1934 г. по февраль 1935 г., выпускали из депо и мастерских недоброкачественные вагоны заведомо непригодные к эксплоатации, результатом чего явился развал работы трамвайного парка города, массовые аварии, часть которых сопровождалась массовыми человеческими жертвами.

Так например, при аварии, имевшей место 6 июля 1934 г., погибло шесть человек.

Качество ремонта было настолько низко, что вагоны, вышедшие из капитального ремонта, возвращались на повторный ремонт в течение месяца до 46 раз, некоторые новые вагоны поступления 1934 г. ремонтировались в месяц 51 раз (вагон № 107).

Серьезность преступления, совершенного обвиняемыми, признана была и Верхсудом, что нашло свое выражение в том, что руководителю депо и мастерских — начальнику движения Малоземову Верхсуд утвердил установленное судом наказание в виде 8 лет лишения свободы.

Ремонтные мастерские и депо являются совершенно самостоятельными хозрасчетными единицами, отвечающими за качество выпускаемой продукции, имеют своих бракеров—контролеров и пр.

Точка зрения Верхсуда, что поскольку вагонно-ремонтные мастерские и депо находятся в ведении трамвайного парка, то выпуск недоброкачественно отремонтированных вагонов не может рассматриваться как выпуск продукции потребителю — явно неправильна. Если разделить эту точку зрения, то вообще исключается возможность применения закона 8 декабря 1933 г. по делам о недоброкачественном ремонте во всех тех случаях, когда ремонтные мастерские или предприятия являются не самостоятельными хозяйственными организациями, а входят составною частью в пределы более крупного и сложного предприятия.

Между тем совершенно установившейся являлась практика применения закона 8 декабря 1933 г. за недоброкачественный ремонт пароходов, тракторов, трамвайного парка и т. д. в тех случаях, когда недоброкачественность ремонта носит массовый характер и влечет за собой серьезные хозяйственно-политические последствия.

23 мая 1934 г. президиумом Верхсуда РСФСР по протесту прокурора Союза ССР т. Вышинского рассматривалось дело о недоброкачественном ремонте в октябрьском трамвайном депо г. Москвы.

По этому делу Верхсуд, соглашаясь с протестом прокурора СССР, сохранил квалификацию преступлений по закону 8 декабря 1933 г., подчеркнув большое общественное значение дела.

Совершенно неправильным и дезориентирующим является также указание УКК Верхсуда на то, что преступления обвиняемых не могут быть квалифицированы по закону 8 декабря 1933 г., так как эти преступления «не связаны с выпуском продукции на рынок».

С этой точки зрения выпуск, например, недоброкачественной продукции в области судостроения не может быть квалифицирован по закону 8 декабря; например, выпуск недоброкачественно отремонтированных пароходов не может быть, с точки зрения Верхсуда, квалифицирован как преступление, преследуемое по закону 8 декабря, только потому, что как известно, на рынке пароходы не продаются.

Что же касается вагонов трамвая, то хотя эти вагоны и не являются предметом ширпотреба в том смысле и значении, как например, мануфактура или обувь, но уже самое хозяйственное назначение вагона трамвая, как известно, направлено на непосредственное обслуживание самых широких масс населения, и поэтому недоброкачественный ремонт вагонов трамвая настолько существенно затрагивает интересы громадных масс трудящихся, что по своим хозяйственным и политическим последствиям может иметь не меньшее значение, нежели выпуск недоброкачественных предметов ширпотреба.

Как упомянуто уже, протест прокуратуры края по этому делу был удовлетворен.

Жалобы потребителей на выпуск недоброкачественной продукции двумя предприятиями, изготовляющими аккумуляторные ящики, привели прокуратуру края к необходимости возбуждения уголовного преследования по закону 8 декабря в отношении работников фабрики им. Халтурина и восьмирамного лесокомбината. Работники фабрики им. Халтурина допустили массовый выпуск негодных к употреблению 6700 аккумуляторных ящиков, что составляло 67% брака.

Виновные осуждены по закону 8 декабря 1933 г.: директор фабрики Муравьев и технорук Киченко — по 6 лет лишения свободы каждый; начальник цеха Шмидт — на 5 лет.

В процессе следствия по делу дирекции фабрики Халтурина вопрос о выпуске брака и о причинах возбуждения уголовного дела был широко обсужден среди рабочих фабрики.

После проведения судебного процесса была таким же образом проведена проработка приговора.

В результате брак снизился с 67,6% до 1,2%, цеха приведены в порядок, побелены, станки 1-й очереди вновь отремонтированы.

Второе же дело о выпуске цехом восьмирамного лесокомбината брака ящиков для аккумуляторных батарей прекращено производством, так как в процессе расследования установлено, что выпуск брака объясняется тем, что завод не был в состоянии освоить сложные технические условия производства ящиков. К моменту окончания следствия завод стал выпускать исключительно доброкачественную продукцию.

4 мая прокуратурой края вновь произведена проверка качества выпускаемой лесокомбинатом продукции, проверка убедила в том, что выпуск брака совершенно прекратился.

Безобразное состояние ремонта автомашин в саратовском МТМ вызвало необходимость возбуждения уголовного преследования по закону 8 декабря 1933 г. против заведующего производством Васина, осужденного по закону 8 декабря к 1 году исправительно-трудовых работ. Применяя в данном случае ст. 51 УК, суд мотивировал это применение ст. 51 УК тем, что Васин молодой специалист, сравнительно незначительное время работающий в МТМ.

После судебного процесса по этому делу, по заявлениям работников профилактической станции, выпускаемые машины ремонтируются доброкачественно и впервые за время существования МТМ машины после ремонта допущены к эксплоатации без возврата на повторный ремонт.

Закон 8 декабря был применен также и по делу, связанному с проведением весенне-посевной кампании.

Основанием для возбуждения уголовного дела послужил выпуск 40 недоброкачественно отремонтированных тракторов Краснозвездинской МТС Аркадакского района.

Все сорок тракторов МТМ по актам были сданы как вполне отремонтированные и прошедшие капитальный ремонт.

Фактически же ни один из отремонтированных тракторов не оказался пригодным к эксплоатации без повторного ремонта и не мог быть использован для работ весенней посевной кампании.

По этому делу по закону 8 декабря осуждены исполняющий обязанности директора МТС Савельев, приговоренный к 7 годам лишения свободы.

Как показала проверка эффективности процессов, проведенных по закону 8 декабря, ни один из этих процессов не прошел для предприятия бесследно: все процессы оказали исключительное влияние на повышение качества продукции, выпускаемой предприятиями.

Саратовский швейной фабрикой, например, выпускающей 1 000 000 изделий в год, направлено потребителю брака: в I квартале 1934 г. — 21,6%, во II и III кварталах 33,5%. За 10 мес. уплачено уценок и штрафов за выпущенный потребителю брак — 105 172 руб.

Виновные осуждены по закону 8 декабря 1933 г.

Директор фабрики Горячев приговорен к 5 годам лишения свободы; зав. производством Гришин — к 7 годам лишения свободы; инструктор по качеству Шитов вследствие применения ст. 51 УК приговорен к 1 году исправительно-трудовых работ.

К моменту возбуждения дела брак выпускаемых фабрикой швейных изделий был равен 18,4%.

Уже в процессе проведения расследования борьба с выпуском брака усилилась.

В результате проведенной в процессе следствия работы брак быстро сократился, и в январе 1935 г., т. е. тотчас же после проведения судебного процесса, брак выпускаемой продукции сократился до 0,35%.

Уже в процессе расследования и после вынесения приговора обновленная дирекция фабрики, учтя уроки судебного процесса, провела ряд серьезных мероприятий, обеспечивающих улучшение качества работы.

Приводим важнейшие из этих мероприятий:

1. Начальники цехов заменены более квалифицированными.
2. Назначены более квалифицированные мастера.
3. Перестроена вся система проверки выпускаемой продукции.
4. Увеличены штаты бракеров.
5. Пересмотрен состав бракеров, заменено 10 бракеров, на должность бракеров выдвинуты лучшие ударники.
6. Введена 100-процентная отбраковка текстиля в то время, как ранее просматривалось только 25%.
7. Введена практика посылки начальников цехов на базу в момент просмотра и приема потребителем изделий его цеха.
8. Усилены материальная и дисциплинарная ответственность за выпуск брака.
9. Пачкающие части машины покрыты чехлами.
10. Введена химическая чистка фабричных ярлыков.
11. Организован учебный конвейер для резервных рабочих.

В проработке приговора участвовало 1000 рабочих.

Проведено 16 собраний по цехам по проработке приговора.

В процессе проработки приговора собрано 9 ценных рационализаторских предложений, сейчас уже проведенных в жизнь.

Прокуратурой края был возбужден также ряд дел, охватывающих предприятия пищевой промышленности. Эта категория открывается делом о выпуске недоброкачественной продукции Трещихинским плодоовощным комбинатом.

Комбинат систематически выпускал недоброкачественные, негодные к употреблению консервированные и засоленные овощи.

Комбинат отпустил военным частям, ОРСам Рязано-Уральской жел. дор. и другим организациям свыше 150 тонн негодной к употреблению, подлежащей уничтожению и фактически уничтоженной соленой капусты.

Виновные преданы суду по закону 8 декабря 1933 г.

Бывший директор комбината Хайкин приговорен к 5 годам лишения свободы, технорук Малышев — к 5 годам.

Директор комбината Шелогуров осужден по закону 8 декабря 1933 г. с применением ст. 51 УК к 1 году исправительно-трудовых работ.

Прокуратурой края был принесен протест в Верхсуд на чрезмерную суровость приговора в отношении Хайкина; приговор Верхсудом утвержден с удовлетворением протеста прокуратуры в отношении Хайкина.

Проверка эффективности судебного процесса на Трещихинском комбинате показала, что выпуск бракованной продукции прекращен совершенно, внутризаводский брак снизился с 16% до 2,6%.

В результате судебного процесса проведены следующие мероприятия:

1) Сменены цеховые мастера.
2) Производится отбраковка сырья, чего ранее не было.
3) Введено отопление овощехранилищ.
4) Не употребляются в посол мерзлые овощи.

Приговор по делу проработан на общем собрании рабочих.

К категории дел пищевой промышленности относится дело о массовом выпуске беконных изделий, изготовляемых Ртищевской беконной фабрикой, работающей исключительно на экспорт.

С ноября 1934 г. по февраль 1935 г. фабрикой выпущено и направлено в Одесский порт свыше 10 тонн непригодного к экспорту забракованого бекона, что составляет 9,4% ко всей выпущенной продукции.

Испорчено 13 тонн бекона, задержанного отправкой.

3 тонны явно негодного к употреблению рулета отправлено Балашовской авиашколе.

Выпущено с производства 60 бочек испорченных экспортных кишек.

Директор Мясокомбината Шмакова и заместитель по производству Долгих приговорены по закону 8 декабря к шести годам лишения свободы каждый.

Приговоры по всем перечисленным делам утверждены Верхсудом.

Постановлением ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) о ликвидации карточной системы продажи хлеба с особенной остротой поставлены в порядок дня вопросы о качестве выпускаемой мельницами муки и о качестве хлебопечения. В связи с этими важнейшими политическими и хозяйственными задачами, прокуратурой края был возбужден ряд уголовных дел по закону 8 декабря. К этой категории дел относится прежде всего дело мельницы № 1 о выпуске и направлении с подложными сертификатами не стандартной и недоброкачественной муки.

Приговором саратовского краевого суда обвиняемые Привалов и Малинов признаны виновными в преступлениях, предусмотренных законам 8 декабря 1933 г. и ст. 120 УК и приговорены к 5 годам лишения свободы каждый.

Обвиняемые Уханов и Нацаренус признаны виновными в преступлении, предусмотренном законом 8 декабря 1933 г. и ст. 120 УК и, с применением к ним. ст. 51 УК, приговорены к 2 годам лишения свободы.

Хазов — по ст.ст. 111 и 120 УК приговорен к лишению свободы сроком на 2 года.

Фрицлер — по ст. 111 УК приговорен к 1 году исправительно-трудовых работ.

Однако кассационная коллегия Верхсуда своим определением от 26 марта 1935 г. изменила приговор, исключив из него квалификацию преступлений по закону 8 декабря и ст. 120 УК.

Преступление осужденных Привалова, Уханова, Нацаренуса переквалифицировано на п. «б» 128 УК с определением им меры наказания в виде года исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием 15% зарплаты каждому.

К осужденному Нацаренус также применена квалификация по п. «б» ст. 128 УК и мера наказания снижена до 6 мес. принудительных работ по месту службы с вычетом из зарплаты 15%.

В отношении обвиняемого Хазова оставлена квалификация ст. 111 УК с снижением меры наказания до 1 года исправ.-труд. работ, по месту работы с удержанием 10% из зарплаты.

Определение Верхсуда в части переквалификации преступления обвиняемых и снижения им меры наказания прокуратура края считала явно неправильным и через прокурора РСФСР принесла протест на это определение в президиум Верхсуда.

В своем протесте прокуратура края, отмечая исключительную принципиальную важность вопроса, указывала, что обвиняемые систематически сбывали потребителям вырабатываемую ими нестандартную и недоброкачественную муку и всего, таким образом, за 4 мес. по январь 1935 г., обвиняемыми выпущено и направлено потребителям 6578 тонн или 400 вагонов нестандартной и недоброкачественной муки, в том числе недоброкачественной по вредным примесям — 2704 тонны.

Чтобы избежать ответственности за свою антигосударственную деятельность и скрыть факты массового выпуска недоброкачественной и нестандартной муки, обвиняемые составляли подложные сертификаты и подложные акты о якобы произведенной ими переработке муки.

Будучи уличенными в составлении подложных документов, все обвиняемые виновными себя признали.

Отгруженная мука являлась нестандартной по признакам повышенной зольности, повышенного количества минеральных примесей, повышенной влажности.

Зольность отгруженной пшеничной муки 1 сорта доходила до 2% вместо 0,6% дозволенной по норме. Зольность 96% помола доходила до 2,5% вместо 1,90%. Влажность достигала 14%.

Такого рода нарушение стандарта муки, резко понижающее ее качество, должно быть квалифицировано по закону 8 декабря 1933 г.

Судебная коллегия Верхсуда, не отвергая факта нарушения стандарта муки в пределах, резко снижающих ее качество, дает неверную ориентацию, квалифицируя преступления обвиняемых по данному делу по п. «б» ст. 128 УК, что является тем более недопустимым после решения ноябрьского пленума ЦК ВКП(б).

Признав установленным выпуск и направление потребителю муки, зараженной спорыньей, кассационная коллегия Верхсуда считает, что допущение в муке примеси спорыньи сверх предельной нормы преследуется по п. «б» ст. 128 УК.

Между тем, согласно постановлению Всесоюзного комитета по стандартизации, утвержденному СТО 2 сентября 1934 г. и введенному в действие с 15 октября 1934 г., мука, зараженная спорыньей свыше 0,06%, не может быть допущена к употреблению как опасная для жизни и здоровья.

Никаких указаний о возможности употребления в пищу муки с повышенным против установленного предельного содержания спорыньи не имеется и быть не может, и поэтому всякое иное решение вопроса является недопустимым, так как находится в прямом противоречии с постановлением СТО от 2 сентября 1934 г.

Продукты питания, недопускаемые к употреблению по признакам их вредности для жизни и здоровья в случае выпуска их, являются особо опасной разновидностью брака продукции, и характер этого преступления далеко перерастает значение преступлений, связанных с несоблюдением стандарта.

Органы, специально контролирующие качество муки, учитывая вредные последствия спорыньи, резко снижают норму допуска спорыньи в зерне, идущем на переработку.

Так, согласно постановлению Центрального управления хлебной инспекции от 8/IV 1935 г. № 149, «норма допуска спорыньи в зерне, идущем на переработку, снижается с 0,06% до 0,01%, т. е. в шесть раз, в то время, как судебно-надзорная коллегия Верхсуда ориентирует на возможность повышения норм допуска спорыньи сверх установленного правительством предела.

На основании постановления Центрального управления государственной хлебной инспекции от 20/VIII 1934 г. № 42 определение вредной примеси в муке производится по зерну, идущему в первое дранье.

По данному делу, несмотря на то, что при анализе зерна на первом дранье было точно установлено, что спорынья вместо 0,06% достигает 0,12%, т. е. в два раза превышает допустимую норму, такое зерно перерабатывалось, и мука, заведомо негодная к употреблению, направлялась потребителю.

Указание судебной коллегии на то, что закон 8 декабря 1933 г. в отношении лиц, виновных в выпуске муки, зараженной спорыньей, может применяться лишь в тех случаях, когда специальными актами стандартного надзора или судебно-медицинской экспертизой будут установлены вредные последствия употребления такой муки, является совершенно недопустимым, так как ориентирует суды на то, что привлечение виновных в выпуске зараженной спорыньей муки по закону 8 декабря 1933 г. возможно только тогда, когда уже наступят вредные последствия, т. е. когда обнаружатся случаи отравления этой мукой.

Преступления обвиняемых являются особо опасными и потому, что обвиняемые свою антигосударственную деятельность скрывали путем составления подложных документов и актов.

Кассационная коллегия Верхсуда, признав подтвердившимся факт составления подложных документов, отвергла возможность применения к обвиняемым ст. 120 УК, мотивируя это тем, что «в силу точного смысла ст. 120 УК» для ее применения необходимо установление корыстных целей, в то время, как корыстные мотивы в действиях обвиняемых отсутствуют.

Такого рода понимание и истолкование ст. 120 УК не имеет ничего общего с самым существом этой статьи: ст. 120 УК во второй своей части устанавливает «те же действия, совершенные при отсутствии корыстных мотивов»..., т. е. в ст. 120 дается прямое указание, что подлог, а равно составление и выдача заведомо ложных документов карается даже тогда, когда корыстные мотивы этого подлога отсутствуют.

Признав отсутствие в действиях обвиняемых корыстных целей, судебная коллегия могла только указать на необходимость применения ч. 2 ст. 120 УК, но не имела никакого основания исключать квалификацию этой статьи.

Вместе с тем необходимо отметить, что совершенно неверно заключение судебной коллегии о том, что в действиях обвиняемых отсутствуют корыстные мотивы.

Корыстные мотивы, приведшие к составлению подложных актов и документов, заключаются в том, что обвиняемые, демонстрируя путем подложных актов высокое качество выпускаемой продукции, получали премии за якобы выдающуюся работу.

Прокуратурой края поставлен вопрос в Прокуратуре СССР о пересмотре этого дела.

Прокуратурой края в борьбе против выпуска недоброкачественной муки произведена работа в следующих направлениях:

1. Проведено 9 судебных процессов, связанных с борьбой за качество муки (из них 2 процесса по закону 8 декабря 1933 г.).

2. Приговоры по делам, связанным с борьбой за качество муки, прорабатывались на мукомольных предприятиях и особо проработаны среди инспекторов ГХИ.

3. Созывалось специальное совещание директоров мельниц, технорукова и крупчатников, где прорабатывался вопрос о качестве муки.

4. Вопрос о необходимости изменения системы работы мукомольных предприятий и системы контроля за качеством был поставлен перед уполномоченным комиссии советского контроля, который подверг обследованию крупнейшие мельницы, дал указания предприятиям мукомольной промышленности и способствовал обновлению руководства Краймельтреста.

Однако проводимые прокуратурой края мероприятия в значительной части имеют ослабленный эффект вследствие того, что предприятия мукомольной промышленности края вместо того, чтобы повысить качество вырабатываемой продукции, встали на путь узаконения недоброкачественности своей работы, добиваясь перед своими главками пониженных требований к выпускаемой продукции.

Главки, в частности, Союзмука, идя по линии снижения требования к качеству выпускаемой продукции, одновременно внесли величайшую путаницу в этот вопрос, рядом противоречивых указаний поколебав стабильность показателей качества муки.

Мы уже упоминали, что согласно стандартам муки, выработанных Всесоюзным комитетом по стандартизации и утвержденных СТО СССР от 2 сентября 1934 г., установлены определенные показатели, отступление от которых является недопустимым.

Изменение стандартов возможно только в порядке изменения отмеченных выше постановлений СНК СССР.

Между тем, Главмука и Заготзерно, в целях удовлетворения требований с мест о снижении качественных показателей муки стали на путь произвольного изменения стандартов в сторону понижения качественных показателей.

В результате постановки саратовским трестом Союзмука вопроса о невозможности выполнять ранее существующие стандарты, Главмука и Заготзерно 16 февраля 1935 г. дали совместное указание на места об изменении стандартов, установив зольность первого сорта 0,9%, против существующей 0,6%, а для второго сорта — 1,4% (двухсортный 75% помол), вместо существующей нормы 0,35%.

Телеграммой от 2/IV 1935 г., за подписью заместителя начальника «Главмука» т. Баранова и заместителя Управляющего В/О Заготзерно т. Леднева, дано дополнительное указание, еще более снижающее требование к качеству вырабатываемой муки, устанавливающее процент зольности для муки 2-го сорта 1,45%.

Пользуясь такого рода распоряжением, краевой трест Союзмука перевел все мукомольные предприятия края на помол с повышением процента зольности, одновременно с этим повысив процент влажности. Краевая ГХИ, не имея по своей линии указания о снижении качества муки и изменения стандартов, поставила перед Центральным управлением государственной хлебной инспекции (ЦУГХИ) вопрос о допустимости отгрузки муки с произвольно измененными Главмукой и Заготзерно стандартами.

10/IV 1935 г. начальник Центральной хлебной инспекции т. Софроненко дал телеграфное распоряжение, подчеркивающее недействительность всяких изменений существующих стандартов муки и зерна хозорганизациями и требующее, в случаях произвольных изменений стандарта, привлечения к ответственности.

В связи с этой телеграммой, начальник краевой Государственной инспекции по качеству и управляющий Государственной хлебной инспекции обратились к прокурору края с требованием о привлечении к уголовной ответственности работников мукомольной промышленности края за самовольное изменение стандартов и выпуск нестандартной, недоброкачественной муки.

Прокуратура края, имея в своем распоряжении столь противоречивые, сбивчивые и неопределенные указания различных учреждений, вынуждена была обратиться со специальным запросом к прокурору СССР т. Вышинскому, которым и были даны исчерпывающие указания, определяющие необходимость без малейших отступлений привлекать к ответственности за нарушение инструкции СНК СССР от 2 сентября 1934 г.

В результате был проведен ряд судебных процессов по выпуску недоброкачественной муки.

К моменту возбуждения дела работников мельницы № 1 процент выпуска брака по ржаному 95-процентному размолу был равен 5,1%, по пшеничному 96-процентному размолу брак доходил до 30%.

Уже к моменту слушания дела брак резко снизился: по 95-проц. помолу — до 0,9%, по 96-процентному помолу — до 3,69%.

После суда мы имеем еще большее снижение брака: 95-процентн. помол не дает уже совершенно брака, по 96-процентному помолу брак еще равен 1,94%.

Снижение выпуска брака достигнуто как усилением массовой работы, повышением дисциплины и контроля, так и проведением ряда мероприятий, изменяющих технологический процесс помола.

Такими мероприятиями являлись:

а) Установка дополнительного вальцевого станка для отбора отрубей.

б) Установка отрубных щеток.

в) Смена сит на сепараторах.

Передано также для слушания в краевой суд дело по обвинению работников мельницы № 19 Турковского района за выпуск и направление потребителю 100 тонн недоброкачественной, зараженной отравляющими примесями, муки. По закону 8 декабря 1933 г. преданы суду директор мельницы Пономарев и крупчатник мельницы Петров.

По ст. 109 УК предан суду заместитель уполн. Комзаг. СНК по Турковскому району Хватов, своими действиями побуждавший работников мельницы направлять недоброкачественную муку потребителю.

Прокуратурой края возбуждено было также дело по обвинению работников мельницы № 2 г. Саратова, обвиняющихся в выпуске 4525 тонн нестандартной муки.

При возбуждении этого дела в распоряжении прокуратуры края имелись материалы, дающие основание полагать, что руководством мельницы № 2 допущены факты массовой отправки нестандартной, недоброкачественной муки.

В процессе расследования установлено, что действительно мельницей за вторую половину 1934 г. выработано 4525 тонн нестандартной муки. Значительная часть этой муки отгружена потребителю с согласия последнего, с уплатой рефакции за нарушение стандарта.

Остаток нестандартной муки, имеющейся на складах мельницы, на 1000 тонн меньше того количества, которое должно было быть, если учесть количество нестандартной муки, сданное потребителю, с указанием на нестандартность.

Это дает основание полагать, что 1000 тонн нестандартной муки, направлено мельницей под видом стандартной.

Однако при отсутствии рекламаций и каких-либо других данных, свидетельствующих о том, кому, когда, куда и кем направлена эта нестандартная мука, крайпрокуратура не нашла возможным квалифицировать действия работников мельницы по закону 8 декабря.

В процессе расследования нашли свое подтверждение следующие преступления:

а) массовое производство нестандартной муки ;

б) недоброкачественный ремонт мельницы;

в) превышение плановой стоимости помола;

г) массовые простои мельницы по вине ее технического руководителя — Лучинского.

За все эти преступления преданы суду заведующий производством мельницы Лучинский— по ст. 111 и п. «б» ст. 128 УК и заведующий лабораторией мельницы — по п. «б» ст. 128 УК.

В борьбе за качество хлебопечения прокуратурой края было возбуждено дело о систематическом массовом выпуске бракованного хлеба саратовским хлебозаводом им. Сталина.

За два месяца заводом выпущено 159 тонн хлеба-брака.

Бывший директор хлебозавода Веденеев и технические директора Генш и Цикуренко приговорены к пяти годам лишения свободы каждый.

Уже в период проведения следствия процент брака снизился до 1,1%.

Процент брака к моменту слушания дела был равен 0,99%.

Процент брака после суда снизился до 0,37%.

Разоблачение во время предварительного и судебного следствия вскрытых безобразий явилось основой для проведения заводоуправлением следующих мероприятий:

а) созывались побригадно производственные совещания, на которых обсуждались причины брака и немедленно принимались меры к устранению их;

б) в экспедиции установлен строгий контроль за очередностью при отпуске хлеба, вследствие

чего резко сократилось «затоваривание» и порча хлеба в экспедиции;

в) установлен строгий контроль в отношении недопущения посторонних лиц в экспедицию, вследствие чего сократился брак «лом».

Вместе с тем на резкую убыль пошел процент внутризаводского брака.

В период проведения следствия по делу процент внутризаводского брака составлял:

по производству — 0,7,

по экспедиции — 0,4.

Процент внутризаводского брака к моменту слушания дела:

по производству — 0,55,

по экпедиции — 0,44.

Процент внутризаводского брака после суда:

по производству — 0,25,

по экспедиции — 0,12.

Хлебозаводом им. Сталина заключен договор о соцсоревновании с хлебозаводом № 2 в Сталинграде. Вокруг соревнования развернута массовая работа.

Приговор суда проработан побригадно.

К этой же категории дел о хлебопечении относится дело по обвинению заведующего хлебопекарней № 2 гор. Саратова Сарычева в выпуске и направлении потребителю 18 тонн бракованного хлеба.

В хлебе, выпускаемом пекарней, наряду с тем, что хлеб как недобрачественно выпеченный, вообще не годился к употреблению, запекались мочала, гвозди, стекло и пр.

Заведующий хлебопекарней Сарычев преследовал и травил тех работников, которые разоблачали его преступную деятельность и вскрывали систематическое направление потребителю заведомого брака.

Сарычев по закону 8 декабря приговорен к 5 годам лишения свободы.

К моменту возбуждения дела брак выпускаемого хлеба был равен 2,99%. К моменту слушания дела брак снизился до 2%.

После слушания дела брак снизился до 0,4%.

Недочеты, выявленные в процессе расследования и судебного рассмотрения дела, проработаны на специальном производственном совещании.

Приговор по делу проработан на рабочих собраниях.

Создана группа содействия прокуратуре, специально по борьбе с браком хлебопечения.

Имея в виду, что по прошедшим судебным делам о выпуске бракованного хлеба выявлена недоброкачественность работы хлебовыпекающих организаций и наличие серьезных недочетов, прокуратура края, не ограничиваясь проведением судебных дел этой категории, вопрос о качестве хлебопечения поставила перед крайкомом ВКП(б), который, приняв специальное решение по этому вопросу, 4 мая созвал специальное совещание производственников по хлебопечению.

По инициативе прокуратуры края был созван также краевой съезд работников хлебопечения по вопросам качества хлебопечения.

Категория дел пищевой промышленности завершается делом о систематическом массовом выпуске недоброкачественной продукции заводом фруктовых вод г. Балашова.

Завод систематически в течение 6 мес. направлял в торгующие организации, буфеты, столовые продукцию, негодную к употреблению. В бутылках ситро оказывались стекла, грязь, тряпки.

Предан суду по закону 8 декабря заведующий производством Степанов, ранее судившийся по ст. 58[10] и приговоренный к административной высылке.

Степанов приговорен к 5 годам лишения свободы.

Необходимо отметить, что снабжению трудящихся фруктовой водой высокого качества, в особенности в условиях летнего времени, должно быть уделено весьма серьезное внимание, и недаром в Киеве, например, как сообщает печать, по инициативе т. П. П. Постышева был вызван специальный мастер по фруктовым водам из Тифлиса.

По прошедшим через суд делам по закону 8 декабря проходило 29 человек обвиняемых.

Осужденные по закону 8 декабря были приговорены: к лишению свободы на восемь лет — 1 чел.; на семь лет — 2 чел.; на шесть лет — 5 чел.; на пять лет — 13 чел.; применена ст. 51 УК — 7 чел.

Сроки прохождения дел в стадии следствия и в прокуратуре края следует признать удовлетворительным.

Из числа законченных расследованием 12 дел по закону 8 декабря расследовалось в сроки: до 10 дней—2; до 15 дней—6; до 20 дней—2; свыше 1 мес. — 2.

В суде рассмотрено в сроки: до 12 дней — 4; до 25 дней — 6; до 1 мес. — 1.

Из числа 14 предприятий, где имели место факты выпуска недоброкачественной продукции и где, в связи с этим, были возбуждены дела по закону 8 декабря, в настоящий момент имеются группы содействия прокуратуре в 11 предприятиях.

Часть этих групп содействия была организована в процессе ведения следствия по делам 8 декабря 1933 г. или уже после слушания дела.

Группы содействия прокуратуре были организованы до возбуждения дел по закону 8 декабря в следующих предприятиях:

1. Швейная фабрика.
2. Хлебозавод им. Сталина.
3. Мельница № 2.
4. Завод им. Ленина.
5. 8-рамный лесокомбинат.
6. Саратовский трампарк.

Организованы группы содействия в процессе проведения дел и после их окончания:

1. Фабрика им. Степана Халтурина.
2. Хлебопекарня № 2.
3. Мельница № 1 г. Саратов.
4. Завод фруктовых вод г. Балашов.
5. Трещихинский плодоовощный комбинат.

На 11 предприятиях, где созданы группы содействия, в работе последних участвуют 52 рабочих, из них члены ВКП(б) — 12 человек, комсомольцев — 8 чел., беспартийных — 32 чел.

Из числа 15 возбужденных дел по закону 8 декабря, 3 дела возбуждено по инициативе актива прокуратуры.

1. Дело о выпуске бракованных изделий фабрикой им. Степана Халтурина.

2. Дело о выпуске бракованного хлеба Хлебозаводом им. Сталина.

3. Дело о выпуске недоброкачественных изделий заводом им. Ленина.

Как показали судебные процессы, на отдельных предприятиях не велось никакой борьбы за улучшение качества продукции. Достаточно сказать, что на отдельных предприятиях не только рабочие, но и директора не знали о существовании исключительной важности специального закона 8 декабря 1933 г — «Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции».

Так, не знали о существовании этого закона директор фабрики им Степана Халтурина Муравьев и директор Хлебозавода Веденеев.

Между тем обязанность организации действительной большевистской борьбы за качество выпускаемой продукции лежит в первую очередь на директорах предприятий.

«Наши директора только тогда смогут назвать свои заводы действительно культурными, если они будут выполнять первое требование, которое им предъявляют Центральный комитет и товарищ Сталин: «Советскому потребителю давать самую лучшую по качеству продукцию и уже во всяком случае не хуже чем на экспорт» («Правда», 10 июня, «Культура действительная и показная»).

В свете этого указания «Правды» исключительно важное значение получает директивное распоряжение прокурора СССР т. Вышинского от 20 апреля с. г.

Вновь предостерегая органы прокуратуры от неосновательного привлечения административно-технического персонала предприятий к уголовной ответственности по закону 8 декабря и требуя «при производстве расследования по делам о выпуске недоброкачественной продукции учитывать общее состояние данного предприятия по всей сумме его производственных показателей, особо обращая внимание на соотношение выпущенной недоброкачественной продукции ко всей массе продукции, выпущенной за тот же период времени этим предприятием», директивное распоряжение с особенной силой подчеркивает необходимость принять все меры к недопущению свертывания работы органов прокуратуры в борьбе за качество продукции.

Закон 8 декабря 1933 г. в полном объеме сохраняет свое значение мощного орудия борьбы за действительную культуру социалистической индустрии великого нашего СССР.

Б. Борисов

Задачи прокуратуры в области надзора по гражданским делам

Одну из принципиальных особенностей советского гражданского процесса представляет собою предусмотренное еще ГПК 1923 г. право прокурора, «как начать дело, так и вступить в дело, в любой стадии процесса, если, по его мнению, этого требует охрана интересов государства или трудящихся масс».

В то время, как в условиях буржуазного общества сфера гражданско-правовых отношений, имеющих своей основой частную собственность, считается «частным делом» непосредственно заинтересованных в ней лиц, автономно распоряжающихся принадлежащими им гражданскими правами, для Советского государства не могут быть безразличными случаи и причины нарушения гражданских материально-правовых интересов трудящихся. В случае, когда есть основания предполагать, что отсутствие инициативы со стороны заинтересованного лица в восстановлении нарушенного кем-то его гражданско-правового интереса является результатом классово-неравного соотношения сил (влияние более сильной стороны) или правовой неграмотности, прокуратура обязана по своей инициативе возбудить гражданское дело в интересах данного истца.

Однако этим не ограничивается прокурорский надзор. Среди массы гражданских дел, уже возбужденных заинтересованными лицами и являющихся предметом судебного разбирательства, имеется немало таких, где участие прокуратуры представляется необходимым как с точки зрения сугубой охраны того или иного материально-правового интереса (например, спор государства с концессионерами), так и потому, что необходимо обеспечить правильную судебную политику по той или иной категории дел (авторское право, алиментные дела и т. п.).

Необходимо, однако, констатировать, что в последние годы этот участок борьбы прокуратуры за революционную законность был почти совершенно заброшен. Если после I всесоюзного совещания работников юстиции, провозгласившего суд «основным производственным участком прокурорской работы», произошел перелом в отношении работников прокуратуры к судебно-уголовным делам и к следствию, то, к сожалению, в отношении внимания к гражданским делам «воз и ныне там».

Работники прокуратуры на местах проявляли интерес и активность в области надзора по гражданским делам, главным образом, в восстановительные годы нэпа, когда фронт борьбы с частным капиталом (имущественные споры госучреждений и предприятий с частными подрядчиками, комиссионерами, различного рода товариществами — «полными», «на вере» и т. д.) очень часто пролегал по линии гражданско-судебных дел, когда гражданский суд, используя гражданские законы, должен был своей судебной практикой содействовать разрешению проблемы, «кто-кого» и осуществлению политики ограничения эксплоататорских элементов, пытавшихся путем буржуазного истолкования советского законодательства увеличить за счет государства свои нетрудовые доходы и прибыли. Участие прокуратуры в гражданских делах начало сокращаться в годы реконструкции и почти совершенно прекратилось в годы первой пятилетки.

«Отход» от гражданско-правового фронта наблюдался в прошлые годы, однако, не толь-

ко по линии прокуратуры. То же явление можно было наблюдать и в суде (уничтожение гражданских отделов, проекты ликвидации нотариата, упрощенческий подход к вопросам гражданского процесса, фактическое прекращение подготовки кадров цивилистов и т. д.). Факт игнорирования практическими работниками суда и прокуратуры гражданских дел неизбежно был связан с ошибочными, левацкими установками в этом вопросе, получившими даже свое отражение в кое-каких теоретических высказываниях, установками, согласно которым ликвидация кулачества как класса неизбежно должна была вызвать отмирание гражданского права. И хотя нелепость и политическая неправильность этого утверждения были теоретически в достаточной степени разоблачены, однако, фактически гражданско-правовой фронт оставался в загоне до тех пор, пока не была организована Прокуратура Союза, которая на 1 всесоюзном совещании работников юстиции, поставившем во весь рост вопрос о поднятии качества судебной работы, тут же выдвинула категорическое требование о создании специальных гражданских отделов в судах. О заброшенности этого участка до этого времени красноречиво свидетельствуют такие факты, как почти полное отсутствие за последние годы принципиальных разъяснений и инструктивных писем по вопросам гражданского права и процесса со стороны верховных судов союзных республик, отсутствие какой бы то ни было работы над приведением в соответствие с требованиями времени в значительной части уже устаревших ГК и ГПК (тогда как над другими кодексами — УК, УПК, ИТК, Положение о судоустройстве — идет очень большая и кропотливая работа), отсутствие, за отдельными исключениями в правовых периодических журналах статей, посвященных гражданским делам, отсутствие обобщений на основе анализа отдельных категорий дел и т. д.

Подобное положение вещей представляет собой, несомненно явный прорыв в деле борьбы за революционную законность. Ведь фактически удельный вес гражданских дел в судах чрезвычайно высок как с точки зрения количественной, так и по своей социальной значимости. Согласно имеющимся данным по РСФСР и УССР количество рассмотренных судами гражданских дел на много превышает число уголовных дел. Что же представляют собою эти дела и дают ли они своим содержанием какие-либо основания для их игнорирования?

Возьмем в первую очередь категорию дел внутриобобществленного сектора. По этой части надо рассеять существующий предрассудок, будто бы дела эти, составляющие, как правило, компетенцию Госарбитража, играют ничтожную роль в работе суда. Необходимо напомнить, что помимо исков до 1000 руб., суду подсудны дела, вытекающие из неплановых железнодорожных перевозок, по претензиям банковских учреждений, иски о возмещении коммунальных услуг. Особенно необходимо отметить такой факт, как недавняя передача из системы Госарбитража в суд такой ответственной и политически важной категории дел, как колхозные споры (до 5000 руб.) с различного рода государственными учреждениями и предприятиями. Фактически через суд проходят теперь не только уголовные и бытовые дела колхозников, но и вся совокупность хозяйственно-правовых конфликтов колхозов с поставщиками, заготовителями и т. д. В отношении дел внутриобобществленного сектора перед судом стоят те же самые задачи, как и перед государственным арбитражем: всемерная борьба за укрепление договорной дисциплины и принципов хозрасчета. Политическое значение этой части работы суда как-будто ясно само собою.

Если возьмем другую группу дел, содержанием которых являются гражданско-правовые споры между частными лицами или между частными лицами и государственными или кооперативными организациями, то социальная природа этих конфликтов, как правило, в корне отлична от того, что мы наблюдали в подобных же делах в восстановительный период. В лице сегодняшней «частной стороны» в гражданском процессе, спорящей с государственным учреждением или предприятием, вы видите, как правило, трудящихся, отстаивающих свои материально-правовые интересы, неправильно, по их мнению, оспариваемые отдельными представителями государственных учреждений и предприятий (иски о заработной плате, об авторском вознаграждении, возмещении причиненного вреда и т. д.). Сугубое внимание к этого рода делам непосредственно вытекает из лозунга т. Сталина о всемерном внимании к интересам живого человека.

В таком же положении окажутся и дела по спорам между отдельными частными лицами (алименты, наследование, жилищные дела).

Констатируя такое положение, мы вместе с тем ни на одну минуту не должны забывать и того, что в ряде случаев нам придется в гражданском процессе иметь дело с классово враждебными элементами, пытающимися удержать свои последние позиции (иски застройщиков, жилищные конфликты с «бывшими людьми», споры с концессионерами, кабальные сделки, о лжекооперативных организациях и т. д.). В этих делах необходимо проявлять максимум бдительности и политической настороженности, дабы в результате формального подхода к делу не пострадали интересы государства и трудящихся.

Приведенные примеры в достаточной степени показывают, каков действительный удельный вес гражданских дел в судах и какого внимания они заслуживают со стороны прокуратуры.

Недавно (17 сентября 1935 г.) по докладу председателя Верховного суда Союза Президиум ЦИК СССР предложил обратить «особое внимание на работу кассационно-надзорных инстанций, как основного органа по руководству, проверке и исправлению ошибок низовых судебных учреждений, **обеспечив строжайшее соблюдение уголовных и гражданских, материальных и процессуальных законов».**

Совершенно правильно поступил последний пленум Верховного суда Союза, (52-ой), принявший во исполнение указаний ЦИК Союза, в первую очередь, постановление «О строжайшем соблюдении процессуальных норм в гражданском процессе». Поднимать качество работы гражданского суда — это значит в первую очередь преодолеть процессуальный нигилизм, приводящий, как правило, к волоките и бюрократизму. Вот почему необходимо считать абсо-

лютно правильной вступительную часть этого постановления, констатирующую, что «всякое упрощенчество в применении процессуальных норм с целью «ускорить» разбор дела и «ускорить» работу суда на деле вызывает волокиту, ввиду последующей отмены решений в кассационном порядке и в порядке надзора вследствие недостаточной обследованности дела».

Как вывод устанавливается, что «основной обязанностью суда первой инстанции является всестороннее обследование обстоятельств дела и точное установление фактов».

Сейчас, таким образом, речь должна уже итти о тех организационных мероприятиях, которые необходимо предпринять для того, чтобы поднять качество гражданско-судебной работы на должную высоту; по линии судов уже первый шаг сделан: при верховных судах республик, краевых и областных судах организованы (правда, с опозданием на один год), в соответствии с постановлением I Всесоюзного совещания работников юстиции, гражданские отделы. Этого, однако, недостаточно. Основная масса гражданских дел проходит по своей подсудности через низовую судебную ячейку — народный суд (в порядке единоличного рассмотрения или с участием народных заседателей), попрежнему загруженный как уголовными, так и гражданскими делами. Сколько бы мы ни специализировали надзорно-кассационные инстанции, дело не двинется ни на шаг, если мы не будем иметь специально подготовленных работников в лице судей, рассматривающих дела по существу; самое лучшее и квалифицированное определение кассационных инстанций останется висеть в воздухе, если выполнять его придется народному суду, разбирающему все дела участка как уголовные, так и гражданские Опыт последних лет показал, что при таком универсализме на заднем плане всегда оказываются гражданские дела, несмотря на то, что они численно занимают доминирующее положение. Организационную перестройку надо довести до конца, выделив в городских центрах специальные камеры народных судов по гражданским делам. Узкоспециализированные камеры по отдельным институтам гражданского права (жилищные, железнодорожные и т. д.) необходимо ликвидировать, создав вместо них единую камеру для рассмотрения всех гражданских дел.

Задача усиления прокурорского надзора по гражданским делам выдвигает на очередь вопрос о некоторой организационной перестройке и работы прокуратуры. Начиная с I всесоюзного совещания работников юстиции, работа средних и высших звеньев прокуратуры построена по производственно-отраслевому признаку (промышленный отдел, сельскохозяйственный отдел и т. д.), причем соответствующие отделы должны были охватить надзор за всеми нарушениями законности в пределах поднадзорного объекта, в чем бы такие нарушения ни заключались (уголовные дела, гражданские дела, административные постановления). Если в отношении уголовных дел и ведомственных постановлений можно безошибочно установить, к компетенции какого отдела они относятся, то с гражданскими делами вопрос обстоит иначе. Дела эти, возникающие на основе спора о праве гражданском, являются по самой природе своей двухсторонними, и чрезвычайно трудно определить, к какому отделу ближе всего относится данный конкретный случай (например: истец — промышленное предприятие, ответчик — колхоз; какому отделу подведомственен спор — промышленному или сельскохозяйственному). Помимо этого, поскольку гражданские дела были разбросаны по всем отделам, не было никакой возможности установить единый надзор за судебной политикой гражданских судов. Между тем, специфический характер гражданско-правовых вопросов и то обстоятельство, что в судах созданы специальные гражданские отделы, выдвигают необходимость создать такие же специальные отделы и по линии прокуратуры:

Приказом прокурора Союза от 20 ноября с. г. предрешено создание в Союзной Прокуратуре специального отдела по гражданским делам. На него возлагается:

а) непосредственный надзор за работой Гражданской коллегии Верховного суда Союза ССР;

б) наблюдение за законностью разъяснений верховных судов союзных республик и Верховного суда Союза по вопросам гражданского права и процесса;

в) надзор за законностью разъяснений Государственного арбитража;

г) руководство, инструктаж и надзор за работой прокуратур по гражданским делам в республиках, краях и областях;

д) подготовка для внесения в пленум Верхсуда Союза ССР разъяснений по вопросам гражданского права и процесса;

е) рассмотрение жалоб в порядке надзора и истребование и просмотр судебных дел;

ж) изучение и обобщение судебной практики и практики прокурорского надзора по отдельным категориям гражданских дел;

з) надзор за законностью действий органов государственного нотариата и судебных исполнителей;

и) подготовка на основе практики и обследований законопроектов по вопросам гражданского права и процесса.

Одним из наиболее срочных вопросов, которые придется поставить перед Гражданским отделом Прокуратуры Союза в ближайшее время, является вопрос об упорядочении порядка надзора по гражданским делам. Институт надзора был введен в наш процесс для того, чтобы можно было в исключительных случаях, когда мы имеем дело с существеннейшим нарушением интересов государства и трудящихся, поставить вопрос о пересмотре вступившего в законную силу решения. На практике же, однако, надзор превратился почти в нормально действующий порядок дополнительной проверки решений, дающий возможность пересматривать дела с приостановлением решений неоднократное количество раз, в связи с существованием множества надзорных инстанций. Этим создается часто неимоверная волокита, сопряженная с подрывом устойчивости и авторитета судебного решения. Ускорение процесса, которое должно было быть, в частности, вызвано устранением апелляционной инстанции, сводится часто на-нет существующей практикой многоинстанционной и бесконечной проверки дел в порядке надзора.

По аналогии с Гражданским отделом Прокуратуры Союза надо будет в ближайшее время создать подобные же отделы в республиках,

краях и областях, поставив перед ними, применительно к их масштабу работы, в основном те же задачи, которые поставлены перед Гражданским отделом Прокуратуры Союза. Однако в центре их внимания должен будет стать вопрос о всемерном использовании предоставленного прокуратуре права по возбуждению гражданских дел в интересах государства и трудящихся и даче заключений по наиболее важным и принципиальным делам в первой и кассационной инстанциях.

Помимо поворота внимания к работе гражданского суда, гражданской прокуратуре придется знакомиться детально с работой нотариата и судебных исполнителей. Надо проверить на практике и обобщить работу органов нотариата по выдаче исполнительных надписей. Не слишком ли велик перечень случаев, дающих заинтересованным лицам льготное право разрешать свои гражданско-правовые конфликты в упрощенном, бесспорном порядке, а не через суд; надо ли вернуться к отмененной системе судебных приказов? Во всяком случае, необходимо устранить тот разнобой в этом вопросе, который существует в различных союзных республиках.

Одним из наиболее неблагополучных участков гражданского процесса необходимо признать стадию исполнительного производства. Большой процент дел, по которым выданы исполнительные листы, не приводятся в исполнение, чем по существу смазывается все значение проведенных судебных процессов.

Приведенные соображения в достаточной степени характеризуют своевременность организации гражданских отделов и характер тех задач, на разрешение коих должно быть направлено их внимание,

Органы прокуратуры должны принять все меры, обеспечивающие «строжайшее соблюдение гражданских материальных и процессуальных законов» (из постановления Президиума ЦИК Союза ССР от 17 сентября 1935 г.).

В. Зорин

Укрепить отделы по надзору за ИТУ

Вопросы надзора за местами заключения, надзора за законностью и правильностью содержания под стражей приобретают в настоящее время особо важное значение во всей работе прокуратуры.

В свете решений VII съезда советов Союза ССР о дальнейшем развитии советской демократии, в свете исторической речи т. Сталина о кадрах перед нами со всей остротой стоит задача охраны достоинства и прав советского гражданства, задача борьбы со всякого рода проявлениями административного произвола и тем более с незаконным и неправильным лишением свободы.

Ведь абсолютно несовместимы с задачей охраны достоинства и прав советского гражданина до сих пор еще не изжитые безобразные случаи незаконного и безосновательного лишения свободы, факты превышения законных сроков содержания под стражей следственных и кассационных из-за возмутительной волокиты некоторых следственных, прокурорских и судебных органов.

К сожалению, такие факты до сих пор еще имеют место.

Руководители многих областных, краевых и даже республиканских прокуратур до последнего времени уделяли совершенно недостаточное внимание этим важнейшим вопросам.

Не случайно поэтому отделы по надзору за ИТУ представляют собой самый отсталый и заброшенный участок прокуратуры, а в некоторых местах фактически не существуют.

Между тем наши ИТУ являются как бы фокусом, концентрирующим результаты деятельности всех наших органов, ведущих борьбу с преступностью, и поэтому правильно поставленный надзор за ИТУ может и должен являться одним из действенных методов выявления положительных и отрицательных сторон работы следственного, судебного и прокурорского аппаратов.

О состоянии отделов по надзору за ИТУ лучше всего говорят нам сообщения руководителей областных и краевых прокуратур. Приведем некоторые из этих сообщений:

«Выездов в район за август для обследования мест заключений областной прокуратурой не производилось, так как ст. пом. облпрокурора по надзору за местами заключения (единственный работник сектора) в августе находился в Красной армии на переподготовке» (из сообщения прокурора Западной обл. т. Еремина).

«Задержка с выполнением в срок доклада о кассационных делах произошла в результате болезни ст. пом. облпрокурора по надзору за ИТУ т. Грихцайга» (сообщение винницкого облпрокурора).

«Докладываю, что непредставление вам докладов о кассационных делах имело место в период моего отпуска. Замещавший меня товарищ сейчас находится в отпуску и потому более подробных объяснений я дать не могу» (сообщение т. Хелемского — Киевская облпрокуратура).

«Отделом по надзору за ИТУ облпрокуратуры за август проверка исполнения циркуляра 19 мая (о кассационных и т. п.) не производилась ввиду моего отпуска» (Омская облпрокуратура).

«Специального прокурора, наблюдающего за местами лишения свободы, нет» (сообщение прокурора автономной области Коми).

Не говоря уже о стиле и грамотности некоторых сообщений с мест, из приведенных выдержек достаточно видно, что надзор за ИТУ действительно является заброшенным участком в работе многих прокуратур. Эти сообщения свидетельствуют также и о безответственном отношении самих областных (краевых) прокуроров к этому важнейшему участку работы.

Не секрет ведь, что ряд краевых и областных прокуроров в отделы по надзору за ИТУ назначали зачастую самых слабых и безнадежных прокурорских работников.

В результате всего этого мы имеем крупнейшие недочеты в деле надзора за исправительно-трудовыми учреждениями, непонимание местными прокурорскими работниками своих задач в этой области, неумение выделить важнейших из них для данного отрезка времени.

Каковы еще эти основные задачи?

Важнейшей задачей должна являться повседневная проверка законности производимых арестов. Прокурор, надзирающий за местами заключения, должен перенести центр своей работы из кабинета непосредственно в места заключения, должен знать о каждом вновь прибывающем заключенном, обязан проверять законность содержания его под стражей и за это отвечать.

Ни один случай незаконного лишения свободы не должен оставаться безнаказанным. Виновные в этом должны привлекаться к строжайшей ответственности.

Не менее важной задачей должен являться надзор за соблюдением законных сроков содержания под стражей следственных и кассационных. Это, разумеется, непосредственно связано с борьбой со случаями волокиты в судебно-следственных и прокурорских органах.

А эта волокита в ряде мест свила себе прочное гнездо.

Приведем ряд фактов:

В Троицком р-не Челябинской обл. из 26 проверенных дел 30,5% находились в стадии расследования свыше 2 мес. В Горьковском крае имеются следственные дела, по которым волокита продолжается по 5—6 мес. и больше. Такие же факты имеют место в Курской, Воронежской обл. и др.

При наличии подобных возмутительных и преступных фактов следственной волокиты, Воронежская прокуратура не проявляет никакого беспокойства и даже сообщает в прокуратуру Союза о том, что грубых нарушений закона по области не имеется.

Немало случаев волокиты имеется и в судах. Так, например, в Троицком р-не Челябинской обл. сроки рассмотрения дел с момента их поступления в суд следующие: до 5 дней — 0%, до 10 дней — 26,9%, до 20 дней — 30,7%, месяц и больше — 42,4%.

Нужно сказать, что Троицкий нарсуд не является единственным исключением.

Весьма неблагополучно со сроками рассмотрения кассроверенных дел. В ряде случаев заключенные, кассировавшие приговоры, длительное время содержатся под стражей в ожидании рассмотрения их жалобы кассационной инстанцией.

Прокуроры, надзирающие за местами заключения, обязаны следить за соблюдением законных сроков содерания под стражей следственных и кассационных. По каждому случаю волокиты нужно принимать решительные меры, вплоть до предания виновных суду.

В отделах по надзору за ИТУ краевых (областных) и республиканских прокуратур должны быть сосредоточены сведения о прохождении в кассационных коллегиях дел, по которым имеются лишенные свободы.

За сроки прохождения этих дел в кассколлегиях ответственность должен нести ст. пом. прокурора, руководящий отделом по надзору за ИТУ. Прокуратура должна твердо требовать точного соблюдения сроков рассмотрения кассированных дел, установленных Верховным судом Союза ССР (5—10 дней с момента поступления). Никаких отступлений от этого срока, никакой «семейственности» прокурорский надзор не должен допускать.

Нужно твердо усвоить, что вопрос об упорядочении сроков прохождения уголовных дел, вопрос о борьбе с судебной и следственной волокитой является в данное время одним из основных вопросов всей нашей работы.

Плохо, крайне несвоевременно еще приводятся в исполнение судебные приговоры и определения. Многие судья совершенно не интересуются тем, как выполняются вынесенные ими приговоры и определения. Часто этот участок работы целиком перекладывается на секретарей и делопроизводителей. Со стороны прокуроров также отсутствует систематический надзор за своевременным и правильным исполнением приговоров.

В результате этого имеют место случаи, когда заключенные, подлежащие по постановлению судебных органов освобождению из-под стражи, продолжают оставаться длительное время в местах лишения свободы. Приведем в качестве примера один характерный факт.

24 марта 1933 г. нарсудом Надеждинского р-на Свердловской обл. был осужден по закону 7 августа к 10 годам лишения свободы Киселев В. А. 17 августа 1933 г. кассколлегия Свердловского облсуда квалифицировала преступление Киселева по п. «г» ст. 162 УК и снизила ему меру наказания до 3 мес. исправительных работ без содержания под стражей. 31 августа 1933 г. нарсудья т. Островский в своей резолюции поручил секретарю послать это определение для исполнения. Секретарь нарсуда Робич этого не выполнил, а нарсудья т. Островский за исполнением своего распоряжения не проследил. В результате этой преступной безответственности осужденый Киселев продолжал незаконно находиться под стражей до конца июня 1935 г. Мы могли бы привести целый ряд подобных безобразных фактов. Наряду с этим мы имеем немало случаев, когда классово враждебные и антиобщественные элементы, осужденные к лишению свободы, продолжают длительное время оставаться на свободе.

В Дедовичском р-не Ленинградской обл. в августе этого года выявлен ряд возмутительных фактов.

Степанов Моисей и др. были осуждены нарсудом 27 марта 1935 г. по ст. 107 УК к 8 годам лишения свободы каждый. УКК облсуда этот приговор 9 мая отменила с передачей дела на новое рассмотрение. Вместо вторичного рассмотрения дело было сдано в архив.

Владимиров, сын кулака, осужден 22 июня 1935 г. по ч. 3 ст. 61 УК к лишению свободы. Приговор к исполнению обращен не был, дело положено в архив.

Степанов Михаил, кулак, осужден 16 марта 1935 г. по ч. 3 ст. 61 УК к лишению свободы. Приговор к исполнению не обращен, дело положено в архив.

В этом нарсуде был обнаружен еще целый ряд аналогичных случаев. Несмотря на это

т. Пальгов счел возможным ограничиться лишь тем, что он поставил в известность об этих случаях председателя облсуда. Прокуратурой Союза предложено т. Пальгову привлечь виновных к уголовной ответственности.

Примиренческое отношение к подобным фактам проявляет и прокуратура Грузии.

Тифлисским пригородным нарсудом копия приговора по делу лишенного свободы Макарова была послана в тюрьму только через 14 дней после вступления приговора в законную силу. Копия приговора по делу лишенной свободы Кужелевой была послана в тюрьму с опозданием на 29 дней.

Нарсуд р-на «26 коммунаров» приговорил 26 мая с. г. Кутателадзе Ольгу к 3 годам лишения свободы. 16 июня приговор этот был утвержден кассколлегией, но не был обращен к исполнению до 29 августа, и осужденная Кутателадзе оставалась на свободе.

В нарсуде Ленрайона кассационное дело лишенного свободы Дадашшвили Николая не было послано в Верхсуд с 14 июля по 2 сентября.

По этим фактам прокуратура Грузии сочла возможным ограничиться возбуждением только дисциплинарного преследования.

Несвоевременное исполнение приговоров происходит также и по вине органов милиции, при отсутствии должного надзора за их деятельностью со стороны прокуратуры.

Вот характерный и далеко не единственный пример: 4 ноября 1933 г. Угличским районным управлением милиции Ивановской промышленной обл. был получен приговор на осужденного по закону 7 августа к 10 годам лишения свободы Казнина. Приговор этот был вынесен 22 августа 1933 г. Розыск Казнину не был объявлен и приговор не приводился в исполнение в течение 2 лет, между тем как Казнин продолжал работать в колхозе и даже занимал должность председателя правления одного из колхозов этого же Угличского р-на. Ярким доказательством отсутствия прокурорского надзора за исполнением приговоров в этом районе служит тот факт, что случай этот был выявлен райпрокурором т. Любимцевым только 8 августа 1935 г., т. е. **через 2 года** после вынесения приговора.

Подобные «образцы» работы больше не могут быть терпимы, и борьба с ними должна вестись самым решительным образом.

Усиление прокурорского надзора за законностью и правильностью арестов, за своевременным расследованием и рассмотрением уголовных дел, за исполнением судебных приговоров и определений должно сочетаться с коренным улучшением надзора органов прокуратуры за самим порядком содержания заключенных в местах лишения свободы.

Прокурор, надзирающий за местами заключения, должен обеспечить соблюдение администрацией тюрем, лагерей и колоний нашего исправительно-трудового законодательства, должен самым решительным образом, пресекать всякие нарушения законов со стороны администрации мест заключения.

В наших советских исправительно-трудовых учреждениях не могут быть допустимы никакие проявления административного произвола.

Перед органами прокуратуры стоят серьезнейшие задачи в области надзора за исправительно-трудовыми учреждениями. Эти задачи **могут и должны быть** успешно разрешены. Но **для этого нужно прежде** всего усилить внимание к этим вопросам со стороны руководителей прокуратур республик, краев и областей.

А. Герцензон
З. Вышинская

Борьба с убийствами в судебной практике 1935 г.[1]

I

На страницах нашего журнала уже освещался вопрос о борьбе с преступлениями против личности и, в частности, с убийствами.

В целях более углубленного изучения убийств Институт уголовной политики в 1935 г. провел выборочное изучение дел об убийствах в 13 краях и областях РСФСР и на Украине. В результате изучения и обобщения этих материалов мы располагаем некоторыми данными о мотивах и формах этих преступлений по нескольким сотням дел.

На основе этих данных можно дать следующую классификацию мотивов убийств:

1) убийства в ссоре (20%);
2) убийства из мести (17,9%);
3) убийства из корысти (12,1%);
4) убийства из ревности (9,2%);
5) убийства из хулиганских побуждений (4,7%);
6) убийства на почве семейных недоразумений (3,8%).

Помимо этих мотивов нужно указать и на некоторые другие: убийства с целью сокрытия других преступлений — 0,9%, убийства в состоянии сильного душевного волнения — 9,8%, убийства как результат самосуда — 1,3% и т. д.

Помимо указанных категорий убийств следует отметить сравнительно высокий процент убийств, совершенных по неосторожности — 12,2%, вследствие превышения пределов необходимой обороны — 2,1%. Из общего числа 531 убийц, подвергнутых нами изучению, свыше 11% приходится на детоубийство. Около половины осужденных детоубийц совершили эти преступления в связи с неуплатой алиментов, или в связи с изменением семейно-бытовых отношений.

Убийство детей совершается с целью избавиться от алиментов, на почве недовольства

[1] По материалам Института уголовной политики.

рождением ребенка, нежелания его кормить и т. д.

Наряду с этой, довольно значительной категорией убийств детей, необходимо указать на детоубийство на почве «стыда за внебрачное рождение ребенка» и в меньшей мере на почве тяжелых материальных условий матери.

Сопоставляя мотивы убийства с возрастом осужденных, мы должны указать на относительно высокий процент убийств, падающий на несовершеннолетних до 18-летнего возраста по мотивам мести и по мотивам ссоры.

Среди осужденных за убийства в возрасте от 19 до 24 лет должен быть отмечен относительно повышенный процент убийств, совершенных по мотивам ссоры и хулиганских побуждений и в известной мере на почве семейных недоразумений. Основная масса детоубийц—в возрасте свыше 18 лет. Убийства по корыстным мотивам преимущественно совершаются деклассированными элементами и очень тесно сплетаются с разбоями и грабежами. В убийствах в ссоре высокий процент составляют единоличники и колхозники. К этой же категории осужденных относится и повышенный процент убийств, совершенных из хулиганских побуждений.

II

Уголовно-судебная репрессия по делам о преступлениях против личности характеризуется

У б и й с т в о

Мотивы	Общее число осужденных	В том числе						
		Условное лишение своб. и услов. принуд. работы	Неусловное лишение свободы					И. прав. труд. работы
			До 3 лет	3—5 лет	5—8 лет	8—10 лет	ИТОГО	
Убийство (без детоубийства)								
Корысть	64	3	2	4	10	42	58	1
	12,1	4,7	3,1	6,3	15,6	65,6	20,6	1,6
Ревность	49	1	3	5	17	21	46	1
	9,2	2,0	6,1	10,2	34,7	42,9	83,9	2,0
Месть	95	5	10	14	22	32	78	12
	17,9	5,3	10,5	14,7	23,2	33,7	82,1	12,6
С целью сокрытия другого преступления	5			1		2	3	2
	0,9			20,0		40,0	60,0	20,0
Ссора	106	1	5	16	33	43	97	8
	20,0	0,9	4,7	15,1	31,1	40,6	91,5	7,6
В состоянии сильного душевного волнения	15	2	3	2	2		7	6
	2,8	13,3	20,1	13,3	13,3		46,7	40,0
По неосторожности	62	6	13	7	5		25	34
	12,2	9,2	20,0	10,8	7,7		38,5	52,3
Вследствие превышения необходимой обороны	11	25,4	9,1	9,1	9,1		27,3	27,3
Самосуд	7		1	1	4	1	7	
	1,3		14,3	14,3	57,1	14,3	100	
Из хулиганских побужд.	25		2		3	20	25	
	4,7		8,0		12,0	80,0	100	
На почве семейн. недор.	20	2			6	11	17	1
	3,8	10,0			30,0	55,0	85,0	5,0
Проч. мотивы	10		2	2	4	1	9	1
	1,9		20,0	20,0	40,0	10,0	90,0	10,0
Детоубийство								
Тяжелые материальные условия	15	5	1		2	3	6	4
	2,8	33,3	6,7		13,3	20,0	40,0	26,7
Убийства ребенка из стыда	15	4	1	4	2	1	8	3
	2,8	26,7	6,7	26,6	13,3	6,7	53,3	20,0
Прочие мотивы	23	4	2	5	8	4	19	
	4,3	37,4	8,7	21,7	34,8	17,4	82,6	
Неизвестно	6		1	1		3	5	
	1,2		16,7	16,7		49,9	83,3	
	531	38	47	63	119	184	413	76
	100,0	7,2	8,9	11,7	22,4	34,8	77,8	14,3

довольно широким применением лишения свободы на различные сроки, а также исправительно-трудовых работ без содержания под стражей. Уголовно-судебная репрессия по делам об убийствах по сравнению с общими данными о преступлениях против личности характеризуется повышенным уровнем приговоров к лишению свободы; с другой стороны, в последние годы заметно увеличилось число приговоров к исправительно-трудовым работам. Удельный вес приговоров к лишению свободы колебался в рассматриваемый период времени между 70—80%. Что же касается приговоров к исправительно-трудовым работам, то их удельный вес за рассматриваемые последние 9 лет возрос с 0,8 до 15—20% к концу исследуемого периода.

С целью глубже проанализировать уголовно-судебную политику по делам об убийстве, мы произвели специальную разработку листков на осужденных за убийство по г. Москве и Московской области. Из общего числа 856 чел. осужденных за убийство в 1934 г. в Москве и Моск. области 314 или 36,7% приходится на осужденных по ст. 136 УК. Еще большее число осужденных (395 чел.) — 46,2% приходится на осужденных за неосторожное убийство по ст. 139 УК. Что же касается осужденных по другим статьям УК, предусматривающим различные формы убийства, то число осужденных по ним очень незначительно. Суды относительно редко применяют высшую меру наказания, предусмотренную ст. 136 УК, т. е. 10 лет лишения свободы. Обычно применяется лишение свободы на срок 5—8 лет. В отношении осужденных за детоубийство (п. «д» ст. 136 УК) нужно отметить большую дифференциацию мер наказания; с одной стороны, широкое применение исправительно-трудовых работ и условного осуждения, и лишения свободы на сравнительно небольшие сроки, а с другой стороны, — ряд случаев осуждения на сроки 5—8 лет. Как показывает изучение уголовных дел, долгосрочное наказание по делам этого рода применяется к подстрекателям, к убийцам малолетних детей, а также ко всем прочим лицам, убивающим своих или чужих детей из корыстных мотивов. Детоубийцы-матери, совершившие это преступление в силу особо тяжкого стечения обстоятельств в послеродовой период, подвергаются значительно смягченному наказанию.

Осужденные за убийство по ст. 137 УК преимущественно подвергаются наказанию на сроки 3—5 лет, хотя вместе с тем нужно указать и на то, что около 20% их приговорены к 8 годам лишения свободы, т. е. к предельному сроку, предусмотренному этой статьей УК. Осужденные за убийства в состоянии сильного душевного волнения приговариваются к значительно более мягким мерам наказания, нежели осужденные по предыдущим статьям УК: половина осужденных приговаривается к к испр.-труд. работам, около ⅓ приговаривается к лишению свободы до 3 лет и 20% приговаривается на срок 4—5 лет.

Что же касается осужденных за неосторожное убийство, то в отношении их суды главным образом применяют исправительно-трудовые работы и значительно реже лишение свободы на срок до 3 лет (около ⅛).

Вывод, который можно сделать на основании анализа этих данных, состоит в том, что суды, проводя правильно дифференциацию мер наказания в зависимости от характера убийства, все же в ряде случаев недооценивают опасности этого преступления, о чем свидетельствует крайне редкое применение судами максимальной меры наказания, предусмотренной ст. ст. 136, 137 УК. Вместе с тем нужно учитывать, что некоторая часть дел об убийствах квалифицируется по ст. 16 и 59[3], т. е. по аналогии с бандитизмом, и по этой категории дел применяется высшая мера наказания — расстрел. Однако число таких дел все же невелико, и таким образом остается в силе наш вывод о том, что суды в общем недостаточно жестко определяют наказания за убийство.

Между тем характер самих убийств, а также состав их исполнителей говорит о несомненно повышенной социальной опасности этого рода преступлений; так например нужно указать, что 29% всех осужденных за убийство совершили это преступление не единолично, а в соучастии с другими лицами, с одной стороны, ¾ осужденных являются лицами, которые довели свое преступление до конца, т. е. в результате их действия наступила смерть потерпевшего. Правда, суд учитывает и это обстоятельство, усиливая репрессию в отношении окончивших преступление и смягчая репрессию в отношении покушения, но наш общий вывод относительно мягкости репрессии по делам этого рода остается незыблемым.

При рассмотрении дел об убийствах суд уделяет достаточно серьезное внимание выявлению мотивов преступления. Об этом позволяет судить произведенная нами статистическая разработка по указанному выше количеству дел. Если применение исправительно-трудовых работ, согласно нашей разработке, в среднем составляет 14,3%, то в отношении убийств по неосторожности, убийств, совершенных в состоянии необходимой обороны и т. д., этот процент оказывается значительно повышенным. Также повышенным оказывается по этим видам убийств и процент применения судом условного осуждения. Если средний процент применения лишения свободы по рассмотренным нами делам составляет 76,8%, то он оказывается наиболее повышенным по убийствам, совершенным из хулиганских мотивов, вследствие самосуда, в ссоре, ревности и из корысти. По этим же категориям убийств мы находим наибольшее число осуждений на сроки от 8 до 10 лет. Как мы указывали уже ранее, судебная политика дифференцирует меру наказания по делам о детоубийствах. Это подтверждается и произведенной нами специальной разработкой; так например, применение лишения свободы за детоубийство, совершенное в силу тяжелых материально-бытовых условий, выражается в цифре 40%. Этот процент заметно повышается в отношении детоубийств, совершенных на почве стыда и становится преобладающим при убийствах детей, совершенных на корыстной почве.

III

Недостатки в действующем уголовном законодательстве побудили к изданию за последние годы ряда законов, в которых по новому ставит[ся] и разрешается задача охраны личности в С[оветс]ком государстве. К числу таких законов

нужно отнести закон от 25 июня 1934 г. о борьбе с хулиганством на транспорте, закон 30 мая 1935 г. о борьбе с хулиганством, закон 7 апреля 1935 г. о преступности несовершеннолетних и ряд других.

Обращаясь к действующим уголовным кодексам союзных республик, нужно указать, что раздел об убийствах в них сконструирован в основном сходно с уголовным кодексом РСФСР, с внесением, правда, в эти статьи некоторых особенностей. Так например, в уголовном кодексе Азербайджанской ССР особо выделены убийства, связанные с раскрепощением женщин (ст. 182 УК); в уголовном кодексе Туркменской ССР особо выделены убийства на почве кровной мести (ст. 132 УК).

Уголовный кодекс РСФСР и уголовные кодексы других союзных республик имеют двухчленную классификацию убийств (убийства умышленные и убийства неосторожные). При этом необходимо подчеркнуть, что наряду со статьями уголовных кодексов, трактующими об убийстве в разделе преступлений против личности, во всех уголовных кодексах выделены некоторые специальные формы убийств, которые по своему характеру, по целям или по объекту преступления явно выходят за рамки преступлений, посягающих на отдельную личность, преступлениями, посягающими на основы Советского государства и являющиеся контрреволюционными. Если попытаться дать схему убийств, квалифицирующих уголовную ответственность за совершение убийств, то мы получим следующую схему:

1. Убийство, как преступление против личности.

2. Убийство, как форма имущественного преступления.

3. Убийство, как особо опасное преступление против порядка управления.

4. Убийство, как контрреволюционное преступление.

Нужно указать на то, что наше уголовное законодательство особый упор в применении наказания делает на борьбу с убийствами контрреволюционного порядка или посягающими на установленный правопорядок, а также на убийства, составляющие форму посягательства на имущество, принадлежащее частным лицам. Во всех этих случаях в качестве меры наказания Уголовный кодекс предусматривает или долгосрочное лишение свободы, или высшую меру наказания — расстрел.

Что же касается убийства, как формы посягательства на отдельную личность, какими бы отягчающими обстоятельствами оно ни сопровождалось, — в качестве меры наказания за эти формы убийств Уголовный кодекс предусматривает лишение свободы на срок до 10 лет, а в ряде случаев даже исправительно-трудовые работы без содержания под стражей[1].

Выше мы уже приводили достаточно убедительный материал, который показывает, что по крайней мере в истекший период времени судебные органы не могут быть упрекаемы в излишней жесткости репрессии по делам об убийствах. Если проанализировать ст. 136 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов союзных республик, то мы установим следующую схему условий, квалифицирующих ответственность за убийства:

1. По субъекту преступления: а) лица, привлекавшиеся ранее за умышленное убийство или телесное повреждение и отбывшие меру наказания; б) военнослужащие.

2. По объекту преступления: а) убийства лиц, находящихся в беспомощном состоянии, убийство беременной женщины (УК УССР).

3. По субъективной стороне преступления: а) корысть, б) ревность, в) другие низменные побуждения, г) хулиганские побуждения (постановление пленума Верхсуда РСФСР от 16 марта 1925 г.), д) кровная месть (УК Туркмении), е) кровная вражда, ж) с целью облегчить или скрыть другое тяжкое преступление.

4. По объективной стороне преступления: способом, опасным для жизни многих людей, или особо мучительным способом.

Из приведенного нами перечня обстоятельств, квалифицирующих уголовную ответственность за совершение убийства, видно, насколько опасны и тяжки формы преступлений, предусмотренных ст. 136 УК РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов союзных республик.

Явное несоответствие, которое существует в нашем законодательстве между охраной жизни и охраной имущества, принадлежащего отдельным гражданам, привело к тому, что наша практическая уголовная политика нередко квалифицирует убийства как бандитизм, хотя формально к этому нет никаких оснований. Объясняется такой подход суда к некоторым категориям убийств не чем иным, как стремлением повысить применяемую меру наказания.

Признавая, что действующее законодательство несомненно неудовлетворительно разрешает вопрос об охране личности и в особенности об охране жизни, мы должны указать и на то обстоятельство, что изданные в 1930—1931 гг. проекты уголовных кодексов также неудовлетворительно разрешали эту проблему. Так например, совершенно неудовлетворительным оказался проект УК 1930 г. в редакции Гос. института по изучению преступности. В ст. 159 этого проекта говорится, что «защита личности должна быть согласована с общей классовой политикой советской власти» и что одной из задач советской власти является повышенная охрана человеческой личности. Вместе с тем проект уголовного кодекса в качестве меры наказания за совершенное убийство запрещает применять даже лишение свободы. Таким образом, проект УК в этой редакции ни в какой мере не обеспечивал действительной охраны личности от посягательства на ее жизнь.

Проект УК, выработанный ИССП Комакадемии различает особо опасные формы убийства и менее опасные их формы, но не дает достаточно четких и ясных критериев для разграничения этих категорий убийств. Нужно сказать, что этот проект также не поднял проблему охраны личности на достаточную высоту, относя эти преступления в один из последних разделов УК.

Проект уголовного кодекса СССР в этом отношении является гораздо более выдержанным. Преступления против личности переносятся в один из первых разделов Особенной части УК.

[1] Особо выделен, правда, вопрос об убийстве, совершенном военнослужащим, за совершение которого может быть применен расстрел.

В качестве меры наказания за умышленное убийство назначается лишение свободы на срок не ниже 5 лет. Некоторые категории убийств, в частности убийства из хулиганских побуждений и т. д., приравнены по своей квалификации к бандитизму, со всеми вытекающими отсюда последствиями, в смысле применения суровых мер наказания.

Мы полагаем, что в новом УК должны найти полное отражение задачи подлинной охраны личности в соответствии с установками, данными по этому вопросу т. Сталиным о том, что «из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди — кадры».

Действующий УК особо охраняет личность — представителя советской власти, деятелей революционной организации, рабселькоров, ударников, учителей и т. д. Вместе с тем, судебная практика особо охраняет жизнь женщины Востока, на которую посягают антисоветские элементы в связи с ее раскрепощением.

В период вступления в социализм армия рабселькоров, ударников фабрик и заводов, колхозов и совхозов стахановцев, армия общественников, активистов и т. д. превращается в многомиллионную массу. В строительство социализма включаются все новые и новые кадры и мы вплотную подходим к такому периоду, когда в основном все население Советского союза превращается в строителей социалистического общества. Поэтому охрана личности от посягательств на нее со стороны преступных, враждебных и деклассированных элементов должна быть совершенно четко вафиксирована в Уголовном кодексе.

Уголовный кодекс должен совершенно ясно и последовательно указать, что убийство члена социалистического общества является тягчайшим преступлением, таким же тяжким, как посягательство на основы советского правопорядка, как посягательство на основу советского строя — социалистическую собственность. Поэтому мы полагаем, что в **Уголовном кодексе должны быть установлены суровейшие меры наказания, по крайней мере за те категории убийств, которые выделяются особенной жестокостью, особым цинизмом, особой дерзостью.**

Помимо этой, особо выделяемой, категории убийств, за совершение которых должно быть назначено наиболее тяжкое наказание, в уголовном кодексе должны быть выделены остальные формы убийств, причем за совершение прочих, помимо упомянутых видов умышленного убийства, как мы полагаем, **должно быть установлено наказание с абсолютно определенной санкцией.**

Основываясь на материалах специального изучения убийств, произведенного Институтом уголовной политики, вносится следующая редакция соответствующих статей:

1. Умышленное убийство, совершенное с исключительной жестокостью, цинизмом или из хулиганских побуждений, карается высшей мерой наказания — расстрелом.

2. Иные виды умышленного убийства караются тюремным заключением на срок 10 лет, а при наличии особо смягчающих обстоятельств караются лишением свободы на срок не ниже 5 лет.

3. Неосторожное убийство карается лишением свободы до 3 лет.

А. С. Тагер

Кассационные заметки [1]

О кассационном значении протокола судебного заседания

В правовой литературе никогда не выделялась и не ставилась специальная тема о кассационном доказывании, т. е. о методах доказывания перед кассационным судом кассационных жалоб и протестов. Между тем это одна из самых важных проблем кассационного процесса.

Весь богатый комплекс вопросов, связанных с общей проблемой о кассационном доказывании, может быть поставлен лишь при той структуре кассационного процесса, которая дана ему в советском процессуальном законодательстве. Большинства этих вопросов в кассационном процессе буржуазных стран попросту не существует.

Из всего этого большого количества вопросов, связанных с темой о кассационном доказывании, мы в первую очередь останавливаемся на двух: о кассационном значении протокола судебного заседания, с одной стороны, и о представлении новых доказательств в кассационном процессе, с другой стороны.

Статья, помещаемая в настоящем номере, ставит своей задачей — вновь привлечь внимание к одному из самых интересных и к сожалению весьма неблагополучных моментов в деятельности судов первой инстанции — к протоколу судебного заседания и притом под углом зрения его кассационного значения.

В протоколе судебного заседания не только должен найти свое отражение формальный ход процесса, не только должно быть зарегистрировано соблюдение процессуальных правил и отмечены все процессуальные действия, совершенные судом и сторонами. Но в протоколе судебного заседания должно найти себе отражение и существо дела, так, как оно развернулось перед судом и выявилось в объяснениях подсудимых, показаниях свидетелей и заключениях экспертов.

Другими словами, допрос подсудимых, свидетелей и экспертов, имеющий место в судебном заседании, должен быть отражен в протоколе судебного заседания настолько подробно, чтобы те выводы, которые можно сделать из письменных записей протокола, не отличались от тех выводов, которые можно сделать, слушая показания, объяснения и заключения в самом судебном заседании.

---

[1] В порядке обсуждения. — **Ред.**

Если в процессе типа чистой кассации протокол судебного заседания является контрольным документом лишь в области формального движения процесса перед судом первой инстанции, то в советском уголовном процессе контрольное значение протокола судебного заседания выходит далеко за эти формальные пределы.

Это выросшее в советском уголовном процессе значение протокола судебного заседания по сравнению, например, с русским дореволюционным процессом, построенным по французскому образцу на принципе чистой кассации, практически в нашем судебном обиходе еще недостаточно оценено. В одной из редакционных статей журнала «За социалистическую законность» было правильно указано, что «на работу судебного секретаря привыкли смотреть как на третьестепенное дело, как на дело, почти что формальное, никчемное. Сами секретари смотрят так на свою работу». («Выше качество работы органов юстиции», «За социалистическую законность» № 5, 1934 г., стр. 5).

Такой взгляд на работу секретаря судебного заседания еще терпим до тех пор, пока секретарь обязан фиксировать в протоколе лишь формальные моменты. На секретаре судебного заседания советского суда — задача несравненно более сложная, более трудная и более ответственная.

Нельзя не обратить внимания на следующую особенность построения работы в судебном заседании: протокол судебного заседания ведет не судья, принимающий участие в разрешении дела, а секретарь, не участвующий в вынесении приговора. Приговор выносится судьями, после судебного следствия, состоящего в проверке доказательственных материалов, собранных на предварительном следствии, с одной стороны, и доказательств, дополнительно представленных на суде. Картина этого судебного следствия протоколируется лицом, не принадлежащем к числу судей, решающих дело. Правильность же решения судей и соответствие этого решения содержанию судебного следствия проверяется затем в кассационном порядке путем сопоставления приговора с протоколом, составленным секретарем. Секретарь имеет и не может не иметь своего взгляда на важность и существенность различных моментов дела, исследуемых во время судебного следствия. Никогда не исключена возможность того, что по отдельным вопросам его взгляд расходится со взглядом судей. А правильность судейского вывода будет проверяться затем посредством записей секретаря, которые в свою очередь уже никак при кассационном рассмотрении проверены быть не могут. Таким образом перед кассационным судом протокольные записи оказываются имеющими больший авторитет и большую стабильность, чем приговор суда. Если качество протокола на высоте, то очень хорошо, что выводы суда могут быть проверены посредством записи лица, не участвовавшего в вынесении приговора. Если же протокол с существенными пробелами, если протокол заключает в себе случайное отражение тех или иных моментов, сделанное лицом, не изучавшим дело и его не знающим, то совершенно ясно, что кассационная проверка приговора по такому протоколу становится совершенно случайной, и качество ее понижается благодаря пониженному качеству протокола. Можно поэтому без преувеличения сказать, что дурной протокол судебного заседания может опорочить правильный по своему содержанию судебный приговор. Это значит, что дурной секретарь судебного заседания может сорвать работу великолепных по квалификации судей [1].

Вопрос не в том, может ли быть установлена ошибочность приговора, а в том, что не может быть вообще проверена его правильность. Если бы вопрос состоял только в том, что нельзя установить ошибочность приговора, то оказалось бы, что дурной протокол вовсе не должен влечь за собой отмены приговора, поскольку не доказана еще ошибочность последнего. Между тем правильно обратное: поскольку дурной протокол судебного заседания не дает возможности проверить правильность приговора, постольку, другими словами, при дурном отражении в протоколе материалов судебного следствия нет уверенности в правильности приговора, такой приговор неминуемо должен быть отменен в кассационном порядке. На эту точку зрения и стала судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР (см. наши «Кассационные заметки» в № 11 «Соцзаконности» 1935 г.).

Обращаясь от этих общих рассуждений к положению, существующему в судебной практике с протоколами судебных заседаний, надо будет признать, что если в верховных судах попадаются блестящие по форме, содержанию и технике протоколы судебных заседаний, то в краевых (областных, главных) и в особенности в народных судах качество протоколов судебного заседания в среднем невысокое, а попадаются протоколы и притом, к сожалению, нередко по качеству своему значительно ниже среднего уровня.

Мысль руководящих органов советской юстиции не раз обращалась к теме о протоколе судебного заседания, сетуя на низкую квалификацию секретарей судебных заседаний, дурное качество их работы и предлагая председателям судов принять меры к повышению того и другого. Почти 10 лет назад Народный комиссариат юстиции РСФСР и Верхсуд РСФСР опубликовали подробный циркуляр (№ 136/7 от 16 июля 1926 г.), констатировавший неблагополучное положение с протоколами судебных заседаний. Циркуляр этот обращал внимание как на порядок удостоверения в протоколах совершения или несовершения судом и сторонами различных процессуальных действий, так и на вопрос об отражении в протоколе существа дела, так как оно выясняется в судебном заседании: «Показания подсудимых, свидетелей и устные ответы экспертов весьма часто излагаются настолько кратко, что протокол совершенно не отражает происшедшего в судебном заседании. Встречаются даже такого рода записи:

[1] В одном из методических писем, составленных Институтом уголовной политики, было указано, что «если протокол судебного заседания составлен неполно и небрежно, то ошибочность приговора вообще не может быть установлена путем проверки в кассационном или надзорном порядке». («За социалистическую законность» № 9 за 1934 г., стр. 49; в отдельном издании «О судебном приговоре», стр. 8).

«Свидетель ничего не добавил к своим показаниям на предварительном следствии (или дознании)», «свидетель повторил свои показания, данные им на предварительном следствии (дознании)». Подобного рода записи являются совершенно недопустимыми, ибо отражают собой не показания свидетелей на суде, а сужление секретаря о показании свидетеля» («Сборник циркуляров и разъяснений НКЮ РСФСР», издание 1934 г., стр. 277—278. «Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР», издание 2-е, стр. 481—483. В третьем издании (стр. 323) и в четвертом издании (стр. 432) этот циркуляр помещен лишь в сокращенном виде).

Интерес к качеству протокола судебного заседания вновь поднялся в 1934 г. в период подготовки к всесоюзному совещанию работников юстиции. Положение с протоколами продолжало оставаться неудовлетворительным.

«Протоколы судебного заседания иногда вовсе не ведутся, заменяясь какими-то «дневниками», писала редакция журнала «За социалистическую законность» (№ 5 за 1934 г., стр. 5). Техническое оформление этих протоколов или дневников таково, что нередко из них нельзя ничего понять, а между тем протокол судебного заседания — это важнейший документ, решающий очень часто (судьбу кассационного протеста или кассационной жалобы». Основные докладчики по процессуальным проблемам на всесоюзном совещании—И. А. Акулов и А. Я. Вышинский — также обращали внимание на положение с протоколами судебного заседания («За социалистическую законность» № 5 за 1934 г., стр. 9, 28, 31, а по отдельному изданию докладов — стр. 8, 46, 56).

В печати отмечалось, что в некоторых судах вообще не велось протоколов судебного заседания (см. статью М. Хаевского, Борьба прокуратуры с нарушением прав специалистов, «За социалистическую законность» № 12 за 1934 г., стр. 19, 20). Перед кассационной инстанцией такой процесс без протокола судебного заседания выглядел как процесс, лишенный вообще судебного следствия.

После всесоюзного совещания серьезное внимание протоколу судебного заседания уделил 47 пленум Верховного суда СССР, резко критиковавший продолжающее существовать в этом вопросе положение. «Совершенно не обеспечивают, — указывал Верховный суд, — точного документирования протоколом судебного заседания всего хода судебного рассмотрения дела, часто ограничиваясь перечислением в протоколе одних лишь формальных моментов процесса, без подробной и точной записи объяснений и показаний допрошенных лиц и заявлений сторон, или же до нельзя их сокращая произвольной перефразировкой лица, ведущего протокол. Нередки полная неграмотность протокола и недопустимо небрежное техническое его выполнение (на клочке грязной или цветной бумаги, карандашом, не поддающимся прочтению почерком и т. д.). Председательствующий не всегда даже подписывает протоколы, установленный же УПК порядок рассмотрения замечаний на протокол, гарантирующий права сторон, судами совершенно не соблюдается. Таким отношением к протоколу суды в массе выявляют явную недооценку ими протокола судебного заседания как документа огромной процессуальной важности, на основании которого кассационные и надзорные инстанции проверяют и решают вопрос о правильности действий суда при рассмотрении дела и о соответствии приговора данным, установленным в судебном заседании» («За социалистическую законность» № 8 за 1934 г., стр. 33).

Наблюдения над судебной практикой показывают, что резкого перелома и за последнее время нет. Постановление НКЮ РСФСР от 16 июля 1935 г. приводит образчик того, как составляются протоколы судебного заседания по делам о несовершеннолетних: «13-летний Петров в судебном заседании показал, что «послезавтра приедет мама и меня заберет», а в судебном протоколе имеется отметка: «Обвиняемый в последнем слове ничего не сказал» («Советская юстиция» № 25 за 1935 г.).

Нам известен протокол судебного заседания одного из областных судов, в котором с выразительной краткостью записано, что подсудимый признал себя виновным в присвоении и растрате 8000 руб. Но к протоколу была приложена стенограмма, которая велась в процессе и из записей которой видно было, что не только подсудимый не признал себя виновным, но, отрицая свою вину, требовал для опровержения обвинения производства экспертизы. В каком положении была бы вся кассационная проблема по этому делу перед кассационным судом, если бы случайно, кроме протокола судебного заседания не оказалось еще и стенограммы?

Протокол судебного заседания, одного из водно-транспортных судов, вместо записи содержания показаний обвиняемых и свидетелей, содержал лишь записи о том, что «слово для задавания вопросов дано», «ответ дан» и т. д. Надзорные инстанции должны были признать, что основная кассационная функция — проверка правильности приговора, при таком протоколе судебного заседания не может быть выполнена. Дурное качество протокола сорвало всю судебную работу по этому делу.

Для оформления судебного следствия протокол судебного заседания имеет такое же значение, как протоколы допросов, осмотров и т. д. для оформления материалов предварительного следствия. Вопрос о взаимоотношении предварительного и судебного следствия при вынесении приговора заслуживает сам по себе специального исследования.

Развернутый публичный процесс с участием сторон признан в советском праве наилучшей формой осуществления задач суда как с методологической стороны, так и с точки зрения политического результата, так, наконец, и для установления фактической стороны обвинения. На судебном следствии, с одной стороны, проверяются материалы предварительного следствия, т. е. предварительные материалы, а с другой стороны, исследуются заново представляемые непосредственно суду доказательства. С этой точки зрения материалы судебного следствия, которые охватывают собой и проверку материалов предварительного следствия, принципиально стоят выше материалов предварительного расследования. Такое сопоставление вновь подчеркивает огромное значение протокола судебного заседания, призванного отразить существо и содержание судебного следствия, т. е. наиболее высокой ступени в движении и развертывании процесса. Поэтому к технике

составления протоколов судебного заседания никак нельзя предъявлять меньшие требования, чем к технике составления следственных протоколов при предварительном расследовании дела. А по степени напряжения, необходимого для составления хорошего протокола судебного заседания, работа секретаря ничуть не легче работы составителя следственного протокола.

Если суды рассмотрели дело, не составляя вовсе при этом протокола судебного заседания, то перед кассационной инстанцией для проверки приговора остаются лишь материалы предварительного следствия. Это, конечно, случаи, доведенные до совершенного процессуального уродства.

Но что же происходит в кассационной инстанции при дурном качестве протокола судебного заседания, при его пробельности, при его противоречивости, при недостаточно ясных записях? Совершенно естественно, что при всех этих условиях необходимым результатом является при кассационной проверке повышение удельного веса материалов предварительного следствия по сравнению с удельным весом следствия судебного. Приговор при этих условиях, с точки зрения своей правильности, проверяется главным образом посредством сопоставления его с материалами предварительного следствия и лишь в подчиненной и незначительной степени посредством сопоставления с материалами судебного следствия, неполно, нечетко и недостаточно отраженными в протоколе судебного заседания.

Другими словами, дурной протокол судебного заседания извращает всю структуру процесса, лишает публичный процесс его реального значения и заставляет кассационную инстанцию сойти с правильного пути.

В самом деле, на судебном следствии материалы предварительного следствия проверяются в публичном и состязательном процессе. Судебное следствие, с этой точки зрения, представляет собою высшую процессуальную ступень по сравнению с предварительным следствием. А затем приговор, вынесенный на основе произведенной на судебном следствии публичной и гласной проверки, проверяется в кассационной инстанции главным образом по материалам предварительного следствия, ибо судебное следствие в дурном протоколе судебного заседания принижено, смазано, а сплошь и рядом сведено к нулю.

Так дурной протокол судебного заседания извращает все основные принципы, лежащие в основе публичного и гласного процесса. И кассационная инстанция при этих условиях поставлена нередко в исключительно тяжелое положение при проверке приговора.

В своем директивном письме 17 августа 1935 г. за № 41 Верховный суд СССР, затрагивая вопрос о качестве изучения дела докладчиками в кассационных заседаниях, обращает внимание на то, что докладчики «зачастую ограничиваются только рассмотрением приговоров и материалов судебного следствия и не анализируют материалов предварительного расследования. Конечно, нельзя отрицать, что могут быть случаи, когда материалы предварительного следствия подвергаются недостаточному анализу при кассационной проверке приговора. Поскольку по структуре советского уголовного процесса приговор должен быть основан на совокупности материалов как предварительного, так и судебного следствия, постольку, разумеется, и при кассационной проверке приговоров должны быть подвергнуты надлежащему анализу и те и другие материалы. Недопустимо пренебрежение ни к тем, ни к другим. Но нельзя забывать, что для окончательного рассмотрения дела по существу в нашем процессе избрана форма гласного публичного и устного состязательного процесса. Поэтому, не отрицая возможных случаев недостаточного внимания к материалам предварительного следствия, мы все же полагаем, что главная опасность состоит не в этом, а в том, что недостаточно высокое качество протокола судебного заседания затем, при кассационном рассмотрении дела, невольно переносит центр тяжести с материалов судебного следствия на материалы следствия предварительного.

Совершенно ясно, что повышение качества протокола судебного заседания является одной из основных задач по повышению качества судебной работы в целом.

Какие же меры нужны для того, чтобы повысить качество протоколов судебного заседания? Первое, что напрашивается и что является, конечно, совершенно естественным и правильным, — это повышение квалификации секретарей судебных заседаний. «Мы должны обеспечить советскому суду квалифицированного советского секретаря, понимающего свою ответственность в судебном процессе, обеспечивающего своей подготовкой и дисциплиной достойное отношение к своим обязанностям, от качества выполнения которых до известной и немалой степени зависит качество и результаты судебного процесса», так писала редакция журнала «За социалистическую законность» (№ 5 за 1934 г., стр. 5).

А. Я. Вышинский правильно указывал на необходимость организовать специальные курсы для секретарей («За социалистическую законность» № 5 за 1934 г., стр. 28; **И. А. Акулов** и **А. Я. Вышинский,** За перестройку и улучшение работы суда и прокуратуры, 1934 г., стр. 46). Эти мероприятия можно только приветствовать. Мы бы считали кроме того необходимым, чтобы и в преподавании в правовых институтах было уделено определенное место обучению делу составления протоколов судебных заседаний. Лишь при введении такого обучения может быть с реальной пользой осуществлено то предложение, которое сделал на всесоюзном совещании Е. Б. Пашуканис и которое сводилось к тому, чтобы лица, оканчивающие правовые вузы, работали известное время в качестве секретарей судов («За социалистическую законность» № 6 за 1934 г., стр. 28). Работа в качестве секретарей поможет, конечно, повысить подготовку самих работников, окончивших вузы. Но для того, чтобы было повышено качество самих протоколов судебных заседаний, необходимо, чтобы основная подготовка в этой области была произведена еще в стенах вуза.

Таким образом совершенно бесспорно, что квалификация секретарей судебных заседаний должна быть поднята на большую высоту.

Также бесспорно и указание пленума Верховного суда СССР о том, что на председателях суда лежит обязанность «в каждом отдельном случае обеспечивать ведение протокола достаточно подготовленным к этому лицом, следить

во время самого процесса за полнотой и точностью записей в протоколе всех объяснений и показаний допрашиваемых лиц, во-время проверять и корректировать протокол, ни в коем случае не допускать такого ведения и технического выполнения протокола, при котором последующее прочтение его и использование является невозможным или затруднительным, и удостоверять протокол своей подписью, после тщательной проверки его правильности, точности и полной доброкачественности» («За социалистическую законность» № 8 за 1934 г.).

Но всех тех предложений — о повышении квалификации секретарей и о наблюдении за протоколом судебного заседания со стороны председательствующих на суде — еще недостаточно для того, чтобы обеспечить протоколу ту качественную высоту, которая совершенно необходима с точки зрения его значения в советском кассационном процессе. В дополнение к тем организационным мероприятиям, которые обычно предлагаются, мы позволим себе сделать два процессуальных предложения, которые при их осуществлении также дадут возможность повысить качество протокола.

Считается бесспорным и не подлежащим сомнению, что прокурор, для того, чтобы обвинять в процессе, должен предварительно изучить дело. То же самое должен сделать защитник, для того чтобы защищать. Наконец, должен изучить дело и председатель суда, для того чтобы руководить процессом и вести допрос на суде обвиняемых, свидетелей, экспертов.

Надо со всей решительностью поставить то же требование и секретарям, ведущим протоколы судебных заседаний.

Если бы объяснения, показания и заключения допрашиваемых на суде лиц можно было всегда записывать стенографически, то были бы устранены многие трудности, сопряженные с надлежащей организацией судебно-протокольных записей. Поскольку правильная и полная стенограмма отражает точный текст объяснений, показаний и заключений, постольку для стенографистки совершенно необязательно знать содержание того судебного дела, по которому она ведет свои записи; она записывает все, и перед ней нет задачи отделять существенное от несущественного, выделять важное из неважного и фиксировать в своих записях лишь существенное и важное, опуская то, что неважно и несущественно.

Совершенно иная задача стоит перед секретарем, ведущим протокол судебного заседания. Протокол — не стенограмма и вовсе не претендует и по самому существу своему не может претендовать на то, чтобы с исчерпывающей полнотой отражать в протоколе судебного заседания все то, что содержится в показаниях допрашиваемых лиц. На секретаре лежит ответственная задача суметь из всего того, что происходит на суде, выделить то, что существенно, и именно это существенное зафиксировать в протоколе. А существенным для того или иного судебного дела может оказаться какая-либо мелкая подробность, на которую человек, незнающий дела, может не обратить никакого внимания. Но и то, что существенно, секретарь записывает совсем не текстуально, как это делается в стенограмме. Значит и в существенном надо уметь уловить основное содержание и изложить его с максимальной краткостью и вместе с тем с достаточной полнотой. Как для следователя, так и для секретаря судебного заседания необходимо большое умение правильно и полно улавливать в показаниях все существенное и излагать это на бумаге.

Надлежащим образом выполнить подобные обязанности может только секретарь, знакомый с содержанием дела и воспринявший при изучении, какие проблемы должны быть на суде исследованы, в чем состоят спорные вопросы и что поэтому является важным и существенным при допросах на судебном следствии. Не изучив дела и не зная всех его спорных вопросов, секретарь обречен на фиксирование случайных моментов, т. е. невольное для себя искажение в протоколе данных судебного следствия.

Задача секретаря может быть в значительной степени облегчена более активным, чем это принято сейчас в судебных заседаниях, отношением к протоколу судебного заседания как со стороны председателя суда, так и со стороны сторон — прокурора и защитника. Это более активное отношение к протоколу должно выражаться в своевременных просьбах о записи в протоколе тех частей из объяснений, показаний и заключений допрашиваемых, которые покажутся важными председателю или сторонам и могут ничем не привлечь к себе внимания со стороны секретаря. Между тем использование этого права сторонами сплошь и рядом встречает недовольство, выражающееся в том, что на просьбу сторон о занесении того или иного обстоятельства в протокол дается ответ, что и так «все заносится». Нет нужды доказывать, насколько такие ответы неуместны и неверны, ибо совсем в протокол судебного заседания не все заносится. Нередко такое недовольство выражается и секретарями, которые в просьбе о занесении в протокол усматривают сомнение в том, что они действительно «все» вносят в протокол. С такими настроениями нужно конечно бороться. Если председатель и стороны будут активно пользоваться своим правом пополнять протокол судебного заседания, то последний от этого только выиграет.

Сторонам можно рекомендовать особый технический прием. Нет надобности делать это в самом ходе судебного заседания посредством устных заявлений, поневоле прерывающих судебное исследование. Стороны могли бы подавать на имя председателя письменные заявления с просьбой о занесении в протокол и с точным текстуальным указанием тех частей показания, которые должны быть записаны. По удостоверении этих обстоятельств председателем, заявление передается секретарю, который и осуществляет самую запись. А в публичное заседание вопрос должен быть внесен лишь в том случае, когда председатель отказывает в занесении просимого в протокол.

Подобно тому, как неудовлетворительным является общее положение с протоколами судебных заседаний, так неудовлетворительным является и положение с замечаниями на протокол судебного заседания.

Пленум Верховного суда СССР обратил внимание председательствующих на необходимость обеспечить установленный законом порядок принятия и обсуждения замечаний сторон на протокол, являющихся важной процессуальной гарантией соблюдения судом их прав и инте-

ресов («За социалистическую законность» № 8 за 1934 г., стр. 34).

Наиболее частым дефектом этой стадии процесса является совершенно пренебрежительное отношение председательствующих к подаваемым замечаниям на протокол судебного заседания.

Суд обязан либо удостоверить, что представленные замечания на протокол правильные и соответствуют действительности, либо отвергнуть их, если ходатайство, изложенное в замечаниях на протокол, не соответствует тому, что было в действительности в судебном заседании.

Наиболее частым, однако, является иное отношение: подаваемые замечания на протокол подшиваются к производству с краткой резолюцией: «К делу». Так двумя словами ликвидируется право сторон на представление поправок к протоколу судебного заседания.

Но это дефект не единственный. Гораздо большим дефектом является чрезвычайно ничтожное использование права принесения замечаний на протокол судебного заседания как со стороны прокуроров, так и со стороны защитников. Это связано с тем, что и прокуроры и защитники весьма часто вообще не проверяют протокола судебного заседания. А между тем такая проверка должна быть признана для сторон совершенно обязательной. Поэтому мы рискнули бы предложить сделать эту проверку обязательной не только с точки зрения качества выполнения своих обязанностей, но и с точки зрения закона. Мы предлагаем поэтому превратить право сторон на ознакомление с протоколом судебного заседания в их формальную обязанность, регламентируемую в Уголовно-процессуальном кодексе. Как прокурор, участвующий в процессе, так и защитник обязаны проверить протокол судебного заседания и в случае существенной неполноты или неправильности его подать на него замечания. Под протоколом судебного заседания должна быть поэтому не только подпись секретаря, составившего протокол, и председателя, утвердившего протокол, но должны быть также подписи прокурора и защитника, удостоверяющие, что протокол ими проверен. В случае существенной неполноты или неправильности протокола стороны обязаны подать замечания к протоколу.

Нам кажется, что подобные меры также должны будут послужить к тому, что протоколы повысятся в качестве. Перед возможностью такой тройной, активной, обязательной и действительно всесторонней проверки и секретари должны будут стремиться к тому, чтобы подтянуться и дать, по возможности, меньше оснований для критики и исправления протокола.

При наличности же такой доказанной проверки возрастет уверенность в полноте и правильности протокола в существенных его частях.

В. Тадевосян,
Л. Черчов

Больше внимания следователю и качеству расследования

Прошло полтора года с тех пор, как по инициативе I всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников вопросы следствия были выдвинуты на первый план.

За полуторагодичный срок, прошедший после этого совещания, сделано много для улучшения работы следственного аппарата. достаточно сказать, что вреднейшему взгляду многих и многих прокуроров на следователей как на второстепенных, технических работников, обязанных безмолвно исполнять резолюции прокуроров, нанесен решительный удар; четко и определенно указано ответственное место следователя во всей важнейшей политической работе органов юстиции. Уделяется ныне больше внимания подбору и подготовке следовательских кадров, улучшению их материально-бытовых условий и т. д.

Однако все, что сделано до сих пор, далеко недостаточно для того, чтобы поднять работу следственного аппарата на должную высоту, чтобы быть уверенным в том, что в руках советского следователя ни одно преступление не останется не раскрытым и в тоже время не будет иметь место ни одного случая неправильного и неосновательного привлечения к ответственности невинных людей. Этих качеств следователя, абсолютно необходимых у нас в настоящее время, далеко у многих из них не хватает.

Наглядный пример наличия совершенно нетерпимых недочетов в деятельности некоторых следственных органов дает недавно проверенная нами работа следственного аппарата Азербайджанской ССР.

Незнание законов и своих собственных прав и обязанностей, неумение отличить существенное и основное среди массы всяких деталей и ненужных подробностей при проведении расследования, чрезвычайная медлительность, прямо переходящая в волокиту, бесплановость и безперспективность в работе, отсутствие чувства индивидуальной ответственности — вот те качества, которые в той или иной степени характерны для большинства следователей Азербайджанской ССР.

Каковы причины такого положения? Отнюдь не потому так плохо обстоит дело со следственным аппаратом в Азербайджане, что кадры следователей там сплошь негодны. Половина старших следователей Прокуратуры Республики являются высоко квалифицированными работниками, могущими показать образцы работы. Можно смело сказать, что многие республи-

канские и краевые прокуроры гордились бы имея у себя в аппарате таких следователей, как тт. Агасаров, Мустафаев, Конушкина, Джафарова, Багиров и др. ст. следователи прокуратуры Азербайджанской ССР, имена которых могли бы быть в числе победителей конкурсов следователей, но не были никогда отмечены даже во внутренних приказах Прокуратуры Республики, ибо об этих людях, об их работе, их достижениях и недочетах, об их нуждах никто не думал и ими никто не интересовался.

Примерно та же картина в прокуратуре города Баку и в районах.

Странно было слышать из уст одного из лучших следователей Азербайджанской ССР т. Конушкиной слова о том, что за все время своей работы она впервые услышала от бригады Прокуратуры Союза ССР такие требования, как обязательность для следователя повышать уровень своих знаний, работать над собой, повышать качество расследования. «Никто не говорил нам и не требовал от нас, — говорила она на оперативном совещании, — чтобы мы работали лучше, относились к людям бережнее, никто не проверял нашей работы, не давал нам необходимых конкретных указаний. Мы работали как придется, без всякой мысли о том, что то, что мы делаем, имеет дефекты, что можно эту же работу сделать лучше».

Так говорят лучшие следователи. И они не ошибаются. Слепое доверие к следователям, которым страдают многие прокуроры призванные руководить работой следователей, отсутствие проверки исполнения, вредит не только в том случае, когда следователь плох, неграмотен или тем более, когда он недобросовестен в работе, но и тогда, когда следователь хорош, умен и образован. Неумением или чванливым нежеланием конкретно руководить работой следователя, проверять его, выявлять и отмечать как недочеты в его работе, так и достижения, прокурор убивает в следователе инициативу, чувство ответственности, обезличивает его и приучает к бездушно-бюрократическому самотеку чиновничьей канцелярии.

Отсюда возможны такие случаи, когда то или иное дело без всякого к тому повода, если не считать поводом желание избежать ответственности, передается от одного следователя к другому и, наконец, прекращается «за давностью». А для того, чтобы избежать обвинения в волоките, каждый из следователей, принимающий дело, поступившее к нему от другого следователя заводит новую папку, пишет на ней дату поступления к нему дела и считает, что расследование по делу началось с этого момента. Эта новая папка, куда вшито дело, успокаивающе действует и на следователя и на прокурора. Оба как страусы спрятали голову в эти папки. Считают и уверяют, что расследование протекает нормально без волокиты. Вот пример — 19/VI 1933 г. ст. следователь прокуратуры Азербайджанской ССР т. Мустафаев, один из лучших следователей прокуратуры, принял к своему производству дело по обвинению казакского прокурора Халилева и следователя того же района Халиева в ряде злоупотреблений. Дело, серьезное. Как же протекает расследование? Свыше месяца материал лежит у т. Мустафаева без движения. 23 июля 1933 г. следователь запрашивает заместителя председателя Бакинского совета т. Шекинского, расследовались ли им в бытность в Казахе в Комиссии ЦК материалы о действиях прокурора. После этого следственного действия дело лежит без движения еще месяц, а через месяц, т. е. 20 августа 1933 г. т. Мустафаев пишет т. Шекинскому напоминание и получает ответ, что материалы о действиях прокурора Халилева переданы в ЦК т. Усейнову. До 20 июня 1934 г. т. Мустафаев, не получив нужных ему материалов, держал дело у себя, а ровно через год передал его ст. следователю Саркисову. Тов. Саркисов вынес постановление о приеме дела к своему производству и постановление о продлении срока ведения следствия, на что последовала резолюция пом. прокурора республики т. Мамедбейли «согласен». Тов. Саркисов свои следственные действия ограничивает несколькими письмами т. Гусейнову о присылке ему материалов и держит у себя дело до 8 февраля 1935 г., когда передает его ст. следователю т. Алахвердову. 11 апреля 1935 г., т. е. через 2 месяца т. Алахвердов выносит постановление о прекращении дела, так как «с момента возбуждения этого дела прошло около 2 лет». На этом постановлении пом. прокурора республики т. Бабаханов меланхолически начертал «согласен».

В результате этого способные следователи, могущие дать образцы работы, дают лишь минимум того, что от них можно было бы получить. Что же и говорить о слабых, явно непригодных кадрах, число которых все еще значительно, именно потому, что нет умения подобрать работников, проверять их в работе, очищать аппарат от худших, а остальных учить и выращивать из них необходимых квалифицированных работников. Вот один, к сожалению, не единичный пример «подбора» кадров в Азербайджанской прокуратуре.

Следователь Зангеланского р-на Набиев Г., работал в качестве следователя в течение 2-х лет. В сентябре 1935 г. в связи с одним безграмотно составленным Набиевым заключением, была произведена проверка его знаний и оказалось, что он не обладает даже элементарнейшими понятиями о правилах процесса. В результате этой проверки Набиев с работы был снят. А ведь он два с лишним года вел следствие, направлял дела в суд и никто, ни прокурор, в первую очередь, ни суд не заметили, что имеют дело с невеждой.

Руководить следствием многие прокуроры до сих пор еще понимают в смысле «водить руками». Нам не удалось в течение целого месяца нашей работы найти хотя бы несколько дел, по которым было бы видно, что следователь получил от прокурора исчерпывающие, конкретные указания о ведении следствия о методах и способах раскрытия преступления, о необходимых, упущенных следователем, следственных действиях и т. д.

«Мудрое» руководство прокурора ограничивается обычно наложением резолюции о заведении дела или о немедленном окончании следствия. Слушающий доклад следователя райпрокурор зачастую сам не знает законов и процессуальных правил, поэтому от такого «слушания» нет почти никакой пользы. Некоторые грамотные и более квалифицированные следователи справедливо жалуются на то, что работа с таким прокурором становится неинтересной и немыслимой. В самом деле, говорят они, как

можно работать, если обычно работа штампуется трафаретным: «согласен», а в случае надобности получить совет, не к кому обратиться. Прокурор, думающий, что обязанности его ограничиваются приемом жалоб и посещением многочисленных заседаний и совещаний по своему р-ну, является серьезным бичем в деле организации и руководства борьбы с преступностью. Считая себя «политической фигурой» такой прокурор, до сих пор еще в значительном числе сохранившийся во многих местах, полагает лишним овладеть техникой расследования, знать работу милиции и следователя и руководить ими конкретно и оперативно.

Что же получается в результате этого? Милиция почти не получает от прокурора никакого руководства; больше того, прокуроры даже не интересуются тем, сколько дел и каких имеется у милиции. Последняя обычно на свой риск и страх ведет расследование, иногда запутывает дела, а затем передает его прокуратуре. Прокурор, не зная дела и не дав никаких указаний, подбрасывает одно за другим такие дела следователю и тот должен расхлебывать неграмотно и путанно состряпанную до него кашу.

Вот один из образцов нелепых постановлений, составленных милицией АзССР, утвержденных прокурором Октябрьского р-на г. Баку. Приводим это постановление дословно.

«1935 г. 4 июля в Управление начальника 5 отделения БГЖ поступила переписка с личностью Осипова из отдела очистки Октябрьского р-на. В процессе расследования было выявлено следующее: 4 июня 1935 г. аробщики Осипов и Саркисов Гурген, проживающий Ремесленная, 16, собирали мусор по улице 1-й Параллельной, где вывозили мусор из дома № 2, тут же стояли арбы — Осипова лицом кверху, а арба Саркисова лицом вниз. Во время их отсутствия, где они возились с мусором во дворе лошадь Осипова начала скандалить, как она скандальная лошадь укусила лошадь Саркисова, при выходе он видел эту историю, что обе лошади передрались, Саркисов начал тащить свою лошадь, а также Осипов в этот же момент Осипов нагнулся и поднял маленький камень и бросил в лошадь и выбил ей глаз, которая ослепла, на основании чего был задержан Осипов. Предъявленное ему обвинение злоупотребление своим служебным положением, о том, что он выбил глаз лошади, принадлежащей отделу очистки Октябрьского р-на виновным себя не признал и всячески старался отрицать свою вину. Принимая во внимание, что показания Осипова не заслуживают никакого доверия, так как в деле имеется свидетельское показание, факт виновности его считая вполне доказанным и потому руководствуясь ст. 142 ч. 2 полагал бы след. дело за № 498 пр. на 19 пол. листах направить в нарсуд Октябрьского р-на по подсудности.

Мера пресечения по отношению Осипова избрать поручительство».

А вот другой пример:

«Я уполномоченный, оперчасти 6 отделения БГМ — Нуриев сего числа рассмотрев следарестантское дело за № 1596 по обвинению вышеуказанного и произведенным расследованием, установил:

5/III—35 г. Гр-н Мамедов Муфаев, Сафар Оглы был приглашен на свадьбу к гр-ну Гасанову Якуб Али Гейдар Оглы, прож. по Каменистой ул. № 22 и во время проверки у гр-на Мамедова был обнаружен охотничий нож большого размера.

Допрошенный обвиняемый Мамедов Музафар Сафар Оглы сперва не сознавался в том, что нож принадлежал ему, мотивируя тем, что когда вошли в комнату представители власти, один из гостей бросил этот нож, впоследствии он Мамедов сознался, что действительно нож его. Когда вошла милиция, боясь вынул из кармана и бросил его и признает себя виновным. Причиной признания о том, что нож принадлежит ему потому, что рядом сидевший с ним гр-н Аббас Бекюк Али Оглы подтвердил, что действительно им был брошен указанный нож и поэтому впоследствии он сознался.

Исходя из вышеизложенного и принимая во внимание весь материал, находящийся в деле, считаю обвинение гр-на Мамедова Музафара вполне доказанным и не требуется дальнейших следственных действий, что подобные лица, как Мамедов Музафар, всегда посещают общественные места с ножами, или револьверами, поэтому прошу ударить таковых по рукам так, чтоб и другим была наука, чтобы на верхней части г. Баку очистить от таких хулиганов, спрашивается приглашен ты на культурную свадьбу, на что и для чего ты с ножем являешься, а посему руководствуясь ст. 102 ч. 2 УПК АССР постановил:

Следарестантское дело за № 9112—9289 на 10-ти п/л. по обвинению гр-на Мамедова Музафара Сафар Оглы по ст. 103 и 39 УК БССР направить в нарсуд Октябрьского р-на по подсудности».

Думается, что комментарий к этим постановлениям, составленных милицией и утвержденных прокуратурой, излишни. Они, эти постановления, лишь подчеркивают как отсутствие работы по надзору за милицией, так и безграмотность прокурора, утвердившего эти постановления.

Прокурор же подбрасывает следователю всякую жалобу или акт обследования, ревизии и т. п., в которых содержится указание о преступных действиях кого-либо. К прокурору поступают кучи таких актов, отношений и др. бумаг, которые пишутся нередко различными организациями только для того, чтобы застраховать себя от, возможных нападок вышестоящих органов за непринятие мер. Там думают, обычно, успокоить свою совесть и возможных контролеров и ревизоров тем, что пишут такого-то за то-то привлечь к ответственности и дело передать прокурору.

И вот вместо того, чтобы разобравшись в груде этих бумаг, передать следователю или милиции на расследование (со своим конкретным указанием об этом) те из них, в которых содержатся указания на действительные преступления, а остальные вернуть их авторам с указанием на отсутствие фактов преступления, с объяснением того, что неправильные действия должностных лиц в данном случае подлежат исправлению административными мерами и путем наложения дисциплинарных взысканий и т. д., вместо всего этого, прокурор направляет эти бумаги следователю, не только, таким образом, не помогая ему, но и перелагая на него свою собственную работу. В то же

время прокуроры, считают для себя возможным, а для дела полезным заниматься «творческой работой» следующего порядка.

19 января 1935 г. приказом по управлению строительства Дворца советов в Баку снят с работы ответственный исполнитель сектора найма рабочей силы Халиев, а дело о нем передано прокурору. Халиев обвинялся в том, что незаконно прописал гр. Нораяна, не работавшего на строительстве. Халиев обвинялся еще и в том, что им был испорчен паспорт рабочего Гурковского. Расследованием, проведенным милицией, было установлено что вина Халиева в деле с пропиской не доказана, а вопрос об испорченном паспорте был разрешен в административном порядке и Халиеву был объявлен выговор. Поэтому милиция своим постановлением от 3 февраля предложила прекратить дело. Прокурор Ворошиловского р-на т. Герасимов согласился с мнением милиции и своим постановлением от 13 марта с. г. предложил прекратить дело по ст. 4 «а» УПК АзССР.

Каким-то образом дело попало в прокуратуру республики, где 9 июля 1935 г. пом. прокурора т. Гасанов вынес постановление, в котором пишет, что дело неправильно, вопреки его, Гасанова, указаниям, прекращено прокурором Герасимовым по ст. 4 «а» УПК (за отсутствием состава преступления), в то время, как по его мнению, дело должно было быть прекращено за отсутствием состава преступления и предложил наложить на т. Герасимова взыскание.

Через два месяца, 9 сентября с. г. ст. пом. прокурора т. Кирин по этому же делу выносит новое постановление, в котором пишет: отменить постановление Ворошиловского прокурора и пом. прокурора Гасанова (утвержденное зам. прокурора Республики), а дело все-таки прекратить за отсутствием состава преступления.

Что можно сказать по поводу подобной игры (иначе этого не назовешь) в прокурорские указания.

Неудивительно поэтому, что мы нашли следователей, у которых в производстве имелось 50—70 дел; многие из этих дел «расследовались» по 6—8 мес., а нередко и по году и больше. Как можно рассчитывать в подобных случаях на доброкачественную продукцию. Не говоря уже о том, что многие дела из-за затяжки их расследования на длительные сроки теряли всякий смысл, почему и пришлось прекратить их производство. Не может же следователь нормально работать, если он обязан одновременно двигать 40—50 дел, иметь их у себя в производстве, думать о них и работать над ними. По характеру своей работы он вынужден работать над всеми делами, находящимися у него в производстве, он не может заниматься 2—3 делами, а остальные отложить до окончания расследования по первым делам. Но легко это сказать, делать же это можно при условии нормальной нагрузки следователя, при условии отсеивания прокурором и направления на расследование следователю наиболее серьезных и сложных дел; отсутствие же всего этого не только срывает работу следователя, но и приучает его к механической безынтересной штамповке или как в Баку усвоили выражаться, к простому «оформлению» дел. Поражает ярко выраженное беспечное отношение многих следователей к результатам своей работы, отсутствие интереса к тому, чем кончится расследованное им дело, будет ли вынесен обвинительный приговор, или обвиняемый будет оправдан. Причины такого равнодушия к результатам своей работы кроются не только в приведенных выше обстоятельствах, но и в том, что вследствие огромной текучести личного состава следователей, частой переброски их, дела передаются от следователя к следователю по нескольку раз, не говоря уже о том, что до перехода к следователям многие дела проходили через руки ряда милицейских работников. Таким образом, приступая к следствию, которое велось до него 3—4 лицами, новый следователь связан действиями, совершенными его предшественниками, сваливает на них всю вину за неудачное ведение дела (причем чаще всего не без основания) и не чувствует ответственности за полученные в конечном итоге следствия результаты.

Особенно много энергии тратится зря без получения нужных результатов тогда, когда после отмены приговора и передачи дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия дело это по той или иной причине передается не тому же следователю, который ранее вел расследование, а другому. Такие элементарные организационные истины до сих пор еще не усвоены многими прокурорами, и это больно отражается на всей работе.

Возьмем другой вопрос. Много ли республик, краев и областей могут хвастать тем, что они применяют самый простой и весьма полезный способ ознакомления со своими следователями, с их конкретной работой, с их ошибками и успехами. Этот способ, примененный бригадой Прокуратуры СССР в Азербайджанской республике оказался для прокуратуры этой республики каким-то исключительным новшеством, давшим по общему мнению весьма полезные результаты. Суть этого простого метода, как ознакомления с работой следователя и прокурора, так и одновременного инструктирования их заключается в том, что на созываемом 1 или 2 раза в месяц в республиканской (краевой или областной) прокуратуре оперативном совещании райследователей и прокуроров поочередно следователь и прокурор докладывают находящиеся в их производстве наиболее сложные или наиболее интересные (с успехом или без успеха проведенные дела, и тут же происходит серьезное деловое обсуждение допущенных ошибок или недочетов в работе следователя и прокурора по конкретному делу. Совещание носит инструктивный характер, поэтому на ошибках товарищей учатся прокуроры и следователи других районов, выявляются недостатки руководства следователем со стороны отдельных прокуроров, выявляется лицо следственного аппарата, рост и развитие каждого следователя и т. д.

Само собой понятно, что результаты таких совещаний могут быть полезны лишь при умелом и авторитетном руководстве совещанием со стороны республиканского (краевого, областного) руководства прокуратурой. А это требует знания дела. Поэтому и здесь ссылки на «объективные» условия, мешающие улучшить дела следствия, явно несостоятельны.

Надо вплотную и по-большевистски взяться за дело улучшения качества расследования и тогда задача, поставленная I всесоюзным совещанием судебно-прокурорских работников будет успешно разрешена.

Н. Русанов

О БУМАЖНОМ РУКОВОДСТВЕ

Обследование Прокуратуры Туркменской ССР, произведенное бригадой союзной прокуратуры, показало, что с задачей правильного, действительно оперативного руководства низовыми прокурорскими органами, Туркменская прокуратура справиться не сумела.

Это обследование дало интересный материал, который во многих отношениях является поучительным не только для Прокуратуры Туркмении.

Хорошо руководить низовыми органами—это значит не только правильно ставить перед ними конкретные задачи, вытекающие из обстановки данного момента, но также добиваться надлежащего и своевременного выполнения этих задач.

Самая хорошая директива, — если она плохо выполняется, — теряет всякий смысл и превращается в никому ненужный казенный документ.

Эти старые истины не усвоены в достаточной степени Прокуратурой Туркмении.

С начала 1935 г. Прокуратура Туркменской ССР развила значительную «литературную» деятельность и издала целый ряд циркуляров по самым различным вопросам. Среди этих вопросов, большое место занимает борьба с хищениями социалистической собственности, с обмериванием и обвешиванием, а также со спекуляцией. Так, 20 марта с. г. издан циркуляр о борьбе с обмериванием и обвешиванием, 14 мая — циркуляр о недостаточности борьбы прокурорских органов с растратами и хищениями, 7 июля — циркуляр об усилении надзора за правильностью карательной политики по делам о спекуляции, 25 июля — новый циркуляр о борьбе с обмериванием и обвешиванием, 3 августа — новый циркуляр о борьбе с хищениями и растратами и т. д.

Между тем, несмотря на солидные размеры циркулярного творчества Туркменской прокуратуры, результаты работы туркменских прокурорских органов оказались совершено недостаточными именно по тем вопросам, на которых Прокуратура Республики останавливала значительную долю своего внимания, — по вопросам о борьбе со спекуляцией, с хищениями и растратами, с обмериванием и обвешиванием.

Бригада Прокуратуры Союза констатировала, что в области борьбы с хищениями, спекуляцией, обмериванием и обвешиванием в Туркменской ССР определенно **неблагополучно,** причем необходимо подчеркнуть, что это неблагополучие было признано и Прокуратурой Туркменской ССР.

В чем же конкретные причины этого неблагополучия и почему, несмотря на «сигнализации», которыми занималась Туркменская прокуратура в своих циркулярах, достигнутые ею результаты оказались более чем скромными?

Попытаемся ответить на этот вопрос.

Остановимся, для иллюстрации, с самого начала на борьбе Туркменской прокуратуры с растратами и хищениями социалистической собственности.

Еще 20 апреля 1935 г. СНК Туркменской ССР, озабоченый ростом хищений и растрат по Республике, издал специальное постановление, в котором признавал **«совершенно недостаточной» работу прокурорских органов с хищениями и растратами,** констатировал «слабое участие профсоюзной и комсомольской общественности» (низового актива) «в деле борьбы с хищениями» и признал необходимым принять меры к решительному ускорению расследования по делам о хищениях».

После этого постановления, являвшегося серьезным предупреждением для Туркменской прокуратуры, последняя, со своей стороны, издала 14 мая циркуляр, заострявший внимание всех прокурорских органов на необходимости борьбы с растратами и хищениями. Этот циркуляр, также как и постановление СНК Туркмении, констатировал в достаточно резких выражениях «крайне недостаточную работу» прокурорских органов с растратами и хищениями и волокиту, проявленную следственными и прокурорскими органами при расследовании дел об указанных преступлениях. Циркуляр, после ряда «горьких» слов по адресу прокурорских органов, заканчивался предложением районным прокурорам покончить с волокитой и обеспечить окончание следствий по делам о хищениях и растратах в «минимально жесткие сроки».

После издания этого циркуляра, составленного отнюдь неплохо и в правовом, и в литературном отношении, у прокуратуры Туркменской ССР наступило некоторое «успокоение»: райпрокурорам прочитана нотация, им даны письменные указания, чего же больше?

В районы, для инструктажа и помощи местным работникам, никто из Прокуратуры Республики не выехал, если не считать единственного выезда в Чарджуйский район одного из старших помощников прокурора Республики.

В результате никакого сдвига не произошло.

3 июня, на оперативном совещании при Прокуратуре Республики попрежнему была констатирована неудовлетворительность работы прокурорских органов по борьбе с растратами и хищениями. 11 июня, на другом оперативном совещании, было вновь констатировано то же самое.

Так как ни «основной» циркуляр от 14 мая, ни оперативные совещания 3 и 11 июня не привели к каким-либо реальным результатам, борьба с хищениями и растратами оставалась столь же неудовлетворительной, Прокуратура Республики, вместо того, чтобы, путем выездов своих представителей в районы, помочь практически местным работникам, решила издать новый, более строгий циркуляр о борьбе с хищениями и растратами. Этому циркуляру был придан более «грозный» тон, в расчете на то,

что твердые «нотки» этого нового документа произведут впечатление на непослушных районных прокуроров.

Этот циркуляр начинался констатированием того известного факта, что работа прокурорских органов по борьбе с хищениями была явно неудовлетворительной. Он указывал на безобразную волокиту, допущенную по делам о хищениях местными прокурорами. Он негодовал по поводу того, что в некоторых районах (Серахском и Чарджуйском) следственные дела о хищениях лежали без движения **с декабря 1934 г. и даже с 1933 г.** и что в Ташаузском районе, под носом бездействующей прокуратуры, потребсоюз **развалился** в результате сплошных хищений.

Заканчивался этот достаточно энергично написанный циркуляр признанием того, что «такое положение в дальнейшем не может быть терпимо», а равным образом категорическим предложением всем райпрокурорам обеспечить «немедленное» окончание следственых дел, мобилизовать внимание низового актива на борьбу с хищениями и растратами и представить к 15 августа сведения о движении дел по хищениям и растратам.

Казалось бы после **такого** циркуляра, все райпрокуроры должны были бы решительным образом раскачаться, «обеспечить», «мобилизовать», «представить» все, что от них требовалось.

Между тем, ничего подобного не произошло.

Предоставленные самим себе, лишенные всякого **живого** инструктажа, всякой практической помощи со стороны Прокуратуры Республики, и кроме того, приученные к снисходительному отношению Республиканской прокуратуры, райпрокуроры в подавляющем большинстве не выполнили ее предложений: к моменту обследования работы Туркменской прокуратуры, т. е. к концу сентября, из 21 райпрокуроров лишь 9 представили сведения о проделанной ими работе и состоянии дел о хищениях.

Таким образом, не взирая ни на «грозный» тон, ни на категорический характер предложений Туркменской прокуратуры, большинство райпрокуроров отнеслось к ним с величайшим равнодушием, оставив их вообще без всякого ответа.

Прокуратура же Республики не сочла нужным подтянуть этих прокуроров или сделать им напоминание, несмотря на длительную задержку ответов и на решительный тон своего собственного циркуляра, требовавшего «немедленного» окончания следствий по делам о хищениях.

Каковы же результаты описанных циркулярных методов «борьбы» Туркменской республиканской прокуратуры с хищениями и растратами?

Количество хищений и растрат, которое и в прошлом году было весьма значительным, неуклонно растет. Так, за первое полугодие 1934 г. по «Туркменсауда» — одной из наиболее крупных кооперативных организаций Туркмении — было произведено хищений и растрат на 125 000 руб., а за 5 мес. 1935 г. — на 266 000 руб. **(рост вдвое);** по другой крупной кооперативной организации Туркмении, — «Туркменбирлящик» — за 1 полугодие 1934 г. было расхищено 1869 тыс. руб. против 1963 тысяч в первом полугодии 1935 г.

Если обратиться к работе Прокуратуры Республики по борьбе с обмериванием и обвешиванием, а также со спекуляцией, то и тут наблюдаются те же серьезные недостатки, что и в области борьбы с хищениями.

Прокуратурой Республики 20 марта был издан циркуляр, предписывавший прокурорским органам усилить борьбу с обмериванием и обвешиванием и информировать Прокуратуру Республики «не позже» 1 апреля о ходе этой борьбы.

Этот циркуляр никаких результатов не дал, и за I полугодие 1935 г. по всей Республике **прошло лишь 15 дел об обмеривании и обвешивании.**

Это обстоятельство побудило Прокуратуру Республики издать 16 июля новый циркуляр, предлагавший вновь райпрокурорам усилить борьбу с обмериванием и обвешиванием и неуклонно опротестовывать слишком мягкие приговоры по этим делам.

Этот циркуляр также не привел к реальным результатам. К моменту обследования бригадой Прокуратуры Союза работы Туркменской прокуратуры была констатирована неудовлетворительность борьбы Прокуратуры ТуркССР с этими видами преступлений. Между тем, на распространенность последних государственная торговая инспекция ТуркССР неоднократно обращала внимание Туркменской прокуратуры.

По вопросу о борьбе со спекуляцией, Прокуратурой Туркменской ССР, 7 июля, был издан специальный циркуляр, который, однако, подобно всем вышеприведенным циркулярам, не привел к положительным результатам

По Республике за весь 1935 г. прошло через следственные и судебные органы лишь 40 дел о спекуляции, т. е. весьма незначительное их количество. При этом заслуживает внимания тот факт, что в Красноводске и Чарджуе — местах, где обычно наблюдается усиленная спекуляция — дел о спекуляции за 1935 г. возбуждено не было.

Причиной столь неутешительного положения вещей, столь неэффективной борьбы прокурорских органов со спекуляцией, хищениями и растратами, обмериванием и обвешиванием, является то, что Прокуратура ТуркССР базирует всю свою работу, все свое руководство районами **почти исключительно на составлении и рассылке циркуляров,** без выездов в районы, без живого инструктажа и без оказания районным работникам практической помощи на месте.

Господствует, таким образом, в работе прокуратуры метод «приказа», а не «показа», метод письменного, циркулярного руководства.

При этом следует подчеркнуть, что сами по себе циркуляры Прокуратуры ТуркССР неплохи. Беда в том, что издание циркуляров не сопровождается непосредственным инструктированием районных работников, которые, будучи предоставлены самим себе, не в состоянии наладить работу или просто бездействуют.

Бездействие же районных прокуроров побуждает Прокуратуру Республики составлять новые очередные циркуляры, повторяющие в более «решительном» тоне по попрежнему столь же бесплодно, одни и те же указания.

Вывод напрашивается сам собой:

Обследование Туркменской прокуратуры показало лишний раз, что руководство, пользую-

щееся лишь методом дачи письменных указаний низовым органам, — как бы правильны и своевременны ни были эти указания, — не может добиться положительных результатов. Необходимо помимо дачи указаний принципиальных циркулярах установление живой связи с районными работниками, непосредственное их инструктирование и главное — **оказание им на месте практической помощи при разрешении конкретных дел.**

А. Сольц

Очередные вопросы

К Октябрьской годовщине у нас принято отчитаться перед трудящимися в своей работе. Я не буду останавливаться на достигнутом, а хочу остановиться на тех вопросах, которые ждут своей очереди и требуют своевременного разрешения.

Мы живем так быстро, мир в такой степени в нашей стране преображается, что в свое время правильные законы, нами издававшиеся становятся несоответствующими нашей современности. Одним из таких законов является ст. 162 УК РСФСР о краже. По этой статье за простое похищение чужой собственности полагается лишения свободы на срок до трех месяцев, которое фактически не применяется. За прошедшие годы в нашей стране многое изменилось. Собственность почти вся стала государственной или общественной, и мы по отношению к такой собственности еще три года назад сказали, что она священна, что крепкая кара должна постигнуть того, кто расхищает эту собственность, кто создает такие условия, такую обстановку, при которой она может быть расхищена. Но вопрос о частной краже еще ждет своего разрешения. Это сейчас вопрос большей частью о краже, полученной рабочим или служащим заработной платы.

Эту собственность охранять нужно крепко, ибо это накопленный трудящимся труд, который государство трудящихся обязано охранять. Вспоминаю случай, имевший место в практике московского судьи Горячева. Завхоз в одном совхозе утащил 15 000 руб., полученных для расплаты с рабочими, сбежал с ними в Москву и сдал на хранение в чемодане на вокзале, а затем попал в компанию теплую и теплую, где пьяный уснул. Его собутыльники вытащили квитанцию, получили деньги и поделили между собой. Все были захвачены и арестованы. Судья Горячев осудил завхоза к 10 годам, как похитившего государственные деньги, а других обвиняемых на основании ст. 162 УК РСФСР—к принудительным работам, как «обокравших частника». Надо статью эту исправить и усилить репрессию за кражу частного имущества.

Чтобы вовлечь в полезную для нас работу частный капитал, чтобы побудить частников пустить свои деньги на строительство, мы издали закон о застройках, по которому застройщики имеют право выселять своих квартирантов и брать с них какую им заблагорассудится квартирную плату. Образовался довольно значительный слой людей, которые превратились в самых страшных эксплоататоров, сосущих служащих и рабочих, самых вредных спекулянтов, каких только можно себе представить. Они в полной мере используют квартирный кризис. За въезд в квартиру они каждый раз берут сотни и тысячи рублей и каждый месяц хотят менять жильцов, стремясь получить новые въездные. Есть рабочие, у которых половина заработной платы уходит на квартиру. Да и дом обыкновенно эти господа застройщики строят не на свои деньги, а путем обирания своих будущих квартирантов. Этот закон о застройках должен быть срочно и очень крепко переработан, а сейчас он необычайно вреден. Он дает возможность эксплоатировать квартирантов в самых широких размерах и непозволительных формах и разлагает застройщиков, у которых аппетит приходит и разбивается по мере поедания тех, которые к ним попадают. Надо лишить их права выселять тех, кто аккуратно платит за квартиру, надо ограничить квартплату известными размерами, которые покрывают и текущие расходы и капитальные вложения.

Есть еще вопрос, который ждет срочного разрешения, — это вопрос об организации защиты труда тех, которые отбыли срок заключения. Для них существуют паспортные ограничения; на них тяготеет судимость. Пока они отбывают заключение, их исправляют трудом, их и на словах и на деле поучают, что спасение их в труде, в работе, которая вернет их в общество трудящихся, восстановит их в нем полноправными гражданами. Они кончают свой срок, их весьма часто даже досрочно освобождают за хорошую работу, как отличившихся, как ударников а потом... им предоставляют возможность искать работу. А воля их встречает часто неласково. Не находя работы, бывший преступник, еще не совсем укрепившийся на новом положении, возвращается к прежнему бытию. Пропадает затраченная на него культурная и агитационная работа, а иногда он еще больше озлобляется и решает, что честные пути для него закрыты, он лишен доверия навсегда. Кончающие срок или досрочно освобожденные должны обязательно быть взяты на работу, на которой постепенно все ограничения должны быть сняты. Бывший преступник не может быть предоставлен только себе. Еще до того, как он покидает свое заключение, тем, кому сие ведать надлежит, надо решить, где и как ему жить и работать. Только так необходимо делать, а то довольно часто освобождаемые просят, чтобы их не освобождали, потому что освобождение нередко сводится к лишению работы и жилья и никак в таком случае не может расцениваться, как награда за хорошую работу.

Есть еще одна тема, которой я хочу коснуться. Она труднее и сложнее. У меня нет готового ответа и это скорее будут мысли вслух, участие в дискуссии, которая должна иметь место.

Закон об алиментах не разрешает вопроса о том, как быть с детьми, которые попадают в алиментные. При нормальных условиях благополучие детей зиждется на любви к ним родителей. Обязанность выплачивать алименты никак не может заменить этой любви. И забота о таких детях должна постепенно все больше и больше переходить к государству. Самые алименты в весьма значительной степени не выплачиваются. Такова практика. В этом повинны уклоняющиеся от алиментов и судебные работники, включая в их число и исполнителей, которые недостаточно внимания уделяют тому, чтобы решение было бы выполнено на деле. Но все же не в них одних все дело. Дело еще в «объективных» условиях, в том, что браки у нас зачастую заключаются несерьезно. Браки и разводы перемежаются слишком быстро, а в результате дети, которых закон об алиментах не обеспечивает. Если нельзя помешать разводу тех, которые заявляют, что им не вмоготу жить вместе, то следует не разрешать развода заочно, без разрешения вопроса о детях. Я не знаю для чего в приговорах сообщать о преступнике, что он вдов, холост, женат или разведенный, но несомненно, что во всех документах, удостоверяющих личность человека должно быть указано, каково его положение в вопросе об алиментах. Брак вопрос не узко личный, а глубоко общественный, ибо с ним связан вопрос о детях, а дети это члены будущего общества, мыслью о которых мы должны жить, мы — больше, чем всякое другое общество, ибо мы, как ничто творим будущее и творчеством этим живем. Это не может не требовать заботы о детях, внимания и любви к ним. Дети принадлежат коллективу в первую очередь и в этом направлении должен быть решен и алиментный вопрос.

С. Потравнов

Должностные преступления в органах связи[1]

Среди преступлений в области связи большое место занимают должностные преступления, на освещении которых мы и остановимся.

Мы вынуждены отметить, что воровство, растраты, подлоги и другие формы преступлений до самого последнего времени не только не снижаются, а наоборот продолжают расти параллельно обороту хозяйства связи.

При обороте в 1933 г. в 16½ млрд. руб. хищения достигли 17 млн. руб. В 1934 г. оборот составил 20 млрд., а хищения достигли 22 млн. руб.

Отличительная черта преступлений в хозяйстве связи заключается в том, что совершать их могут только работники связи. Из общего числа осужденных 2548 чел. за 1934 г. нами просмотрены данные в отношении 1339 чел., из коих только 73 чел. не являются работниками связи.

Различными формами подложных махинаций расхищают наличные денежные суммы, посылки, письма, переводы и т. д.

Особенно большой размах хищения приняли в почтовом хозяйстве (хищение регистрированных писем и посылок), о чем наглядно показывают нижеприводимые цифровые данные:

Динамика хищения писем и посылок по СССР

Год	Полугодие	Количество писем	Количество посылок	Общая сумма
1933	II	2143	5679	621 160
1934	II	5738	6325	997 043
1935	I	5340	5101	818 297

[1] По материалам Института уголовной политики.

Рассматривая динамику хищения посылок и писем по полугодиям, приходится констатировать, что преступность до 1935 г. не только не снижалась в этой отрасли хозяйства, а наоборот в ряде краев росла (Северный Кавказ, Западная Сибирь, Куйбышевский край, Западная обл., Уральская обл., г. Москва и т. д.).

I полугодие 1935 г. дало незначительное снижение хищений по письмам, посылкам и по выплачиваемым суммам.

По 50 управлениям из 66 наметилась тенденция к снижению хищений, но все же хищения продолжают оставаться на довольно высоком уровне в хозяйстве связи.

Особо важно подчеркнуть за последний 1934 г. факты хищений особо ценных почтовых отправлений. Например, в Саратове похитили ценную посылку в 45 тыс. руб. В Геокчайском почтовом отделении (Баку) была похищена ценная посылка на 64 тыс. руб. В Еблаховском почтовом отделении (Баку) была похищена ценная посылка в 50 тыс. руб. В Новосибирске похищена посылка на 52 тыс. руб. в мае 1934 г., а к розыску ее приступлено было только в начале 1935 г. В Ачинском ж.-д. почтовом узле (Западная Сибирь) работники связи Федяева, Вежневцев, Ивлева и Вяжнин систематически занимались хищением из посылок ценной пушнины (соболь).

Такое широкое хищение посылок объясняется прежде всего отсутствием классовой бдительности в органах связи. На работу принимаются и допускаются к ценностям люди с весьма темным социальным прошлым.

От пропажи писем и посылок страдают широкие массы трудящихся. Об этом говорят сотни тысяч жалоб, которые поступали и продолжают поступать в органы связи.

Наряду с кражей писем и посылок наиболее распространенным видом преступлений, в аппарате связи являются растраты и присвоения. Растраты и присвоения, главным образом, проявляются в операциях по переводным суммам в кассах аппарата связи.

Если на 1/I 1934 г. мы имеем растрат и присвоений на 4676,1 тыс. руб., на 1/I 1935 г. — 4887,1 тыс. руб., то на 1/IV 1935 г. мы имеем уже 4910,7 тыс. руб.

Таким образом растрачиваемые суммы из года в год увеличиваются, особенно резкий скачок дает I квартал 1933 г.

Вот несколько случаев растрат.

В Тульском р-не (Московская обл.) Аз Пицына в течение одного года растратила 23 362 руб.

В том же районе братья Овседовских растратили 26 952 руб.

В Яхраминском райотделе связи заведующий районом Воробьев присвоил 12 тыс. руб. На протяжении 10 мес. никто его не беспокоил. Заведующий агентством в Деренновичах (Киевская обл.) Бондарь растратил 7286 руб. В то же время происходила ревизия агентства, но она ничего не установила, так как помощник райотдела связи Ковтун, всячески поддерживал Бондаря.

В Азово-Черноморском крае в Новоджеликовском р-не отец и сын Ракитины и Козлов совершили растраты, после чего они переехали: Козлов в Успенку, а Ракитин в Аксай, где они растратили 42 тыс. руб. Оттуда они прибыли в Воронеж и устроились на работу...

В ЦЧО в Сосновском р-не зав. агентством растратил 15 тыс. руб., в том же районе зав. Лажским почтово-телеграфным отделением Никифоров растратил 19 294 руб. и скрылся.

Фабрикация подложных переводов и получение по ним денег, как правило, всегда является результатом групповой преступности, что представляет особенную опасность.

Вот характерный документ, который был перехвачен у организатора, возглавлявшего группу лиц, занимавшихся фабрикацией подложных переводов на Северном Кавказе в Шахтинском р-не.

Главарь этой группы писал своему приятелю: «Сюда человек на 20 можно прислать на свой документ... (речь идет о высылке подложных переводов). Здесь можно пройти благополучно... Здесь еще не такая жестокая дисциплина». Группа объединяла 25 чел., почти все они были работниками райаппарата связи. Расхитили они 50 998 руб. В подавляющем большинстве члены этой шайки были кулаками.

Интересно заявление одного из членов шайки Цыганкова. На вопрос: почему он стал заниматься подделкой переводов, Цыганков ответил: «Зная, что существующий порядок, халатность и бесконтрольность не обеспечивают контроля за обработкой почтово-телеграфных переводов как в Туркмении, так и в других предприятиях Союза, я безбоязненно рассылал переводы». Цыганков занимался рассылкой подложных переводов с 1933 г. по апрель 1935 г. Только по 54 поддельным переводам он получил 20 247 руб.

Интересно и дело Колесниковой телеграфистки Западносибирского краевого управления. Колесникова вместе со своими подругами Филатовой и Мартыновой (обе дети кулаков) организовала группу в 5 чел., которая занялась рассылкой подложных телеграфных переводов. Ими было разослано подложных переводов на 2200 руб., из коих они успели получить только половину.

В г. Славгороде того же края телеграфисты Куршев и Стерляга создали группу в 22 чел. и на протяжении ряда месяцев занимались фабрикацией телеграфных переводов, по которым успели получить 8 тыс. руб.

В Харьковском центральном телеграфе телеграфист Гринько, организовав группу в 3 чел., в течение 3 мес. разослал на 25 тыс. руб. подложных телеграфных переводов, по которым было получено 14 тыс. руб. При обыске у них была обнаружена подельная контрольная печать Барабинского почтового отделения.

В Москве на Центральном телеграфе была раскрыта шайка из 9 чел., возглавляемая телеграфистом Конятиным. Большинство шайки составляли телеграфисты. Они успели получить по 66 подложным переводам 22 460 руб.

Аналогичная шайка, существовавшая на протяжении ряда лет, была раскрыта и в Ленинграде.

В ЦЧО было оплачено за 11 мес. 1933 г. подложных переводов на 291 133 руб. За это же время по управлению связи Нижней Волги оплачено было по подложным переводам 129 850 рублей.

Нужно отметить, что существующий контроль по проверке и выявлению подложных переводов в лице бюро контроля переводов пока что не вполне дееспособен и не обеспечивает надлежащей борьбы за сохранность социалистической собственности.

Наряду с фабрикацией подложных переводов большое место занимают и кражи денежных сумм, посылок и других ценностей. Из 3033 зарегистрированных случаев хищения кражи составили 44%. Особенно благополучными в этом отношении являются Западная Сибирь, Свердловская область, ЦЧО. Так, в Западной Сибири в аппарат Усяжского узла Прокопьевского отдела связи пробралась группа отъявленных врагов советской власти, систематически занимавшаяся хищением ценных посылок, эта группа сумела украсть у советской власти 36 932 руб.

В Усть-Каменогорском (В. Казакстан) сын кулака Пищальников, по указанию отца, специально устроился на работу в почтовую контору, где через небольшой промежуток времени похитил 20 тыс. руб. и вместе с отцом скрылся.

Расхлябанность, недисциплинированность, разгильдяйство и слепая доверчивость, существующие в органах связи, — вот что, главным образом, способствует развитию хищений.

Только этим можно объяснить такие, например, факты:

На Северном Кавказе в Апшеронском почтовом отделении был принят на работу без всякой проверки некто Полторак, назначенный помощником зав. районом. Через несколько дней, похитив 2600 руб., он скрылся. Переехав в Московскую обл., Полторак был принят на работу в Лихославское почтовое отделение без проверки послужного списка и документов с последнего места работы. Здесь он был назначен на ту же должность, где, проработав три дня, похитил 1051 руб. Впоследствии, когда Полторак был задержан, он оказался профессиональным жуликом, гастролирующим по органам связи.

В Иркутске в 18 почтовое отделение явился аферист, отрекомендовавшийся обменщиком почты. Без всяких документов, удостоверяющих

его личность, он получил ценный пакет на 5 тыс. руб. и скрылся.

В Астраханское городское отделение был принят без проверки и допущен к ценностям профессиональный вор-рецидивист Д., осужденный на 10 лет и бежавший из мест заключения. При первой же возможности он похитил 28 тыс. руб. и 30 франков и скрылся.

Не чем иным, как только отсутствием бдительности, можно объяснить и дело Плешакова, патентованного аферпста, сумевшего в течение года поработать в Смоленском управлении связи, Куйбышевском, Свердловском, ЦЧО, в Киевском. За это время он успел стащить 50 тыс. руб., 300 франков и 2 нагана.

К сожалению, таких Плешаковых в хозяйстве связи на сегодняшний день еще очень много.

Наряду с вышеупомянутыми формами преступлений большое место занимают и хищения путем двойных выплат.

В 1933 г. двойные выплаты составляли 6½ млн. руб. по почтовым и телеграфным переводам, из которых взыскано только 30%.

1934 г. дал снижение на 500 тыс. руб., но зато резко ухудшилось положение в 1 квартале 1935 г.

Если двойные выплаты в 1934 г. за квартал составляли 1153 тыс. руб., то в 1 квартале 1935 г. двойные выплаты достигли 1487 тыс. рублей, т. е. возросли по сравнению с 1934 г. на 334 тыс. руб.

Особенно неблагополучными являются следующие управления связи:

№	Областные управления	Средн. кварт. двойн. выплата 1935 г.	Двойная выплата в квартале 1935 г.
1	Ленинградская обл.	8,3	29,5
2	Воронежская обл.	22	56,7
3	Белоруссия	15	29,7
4	Западная обл.	18,2	31,9
5	Северо-Кавказский край . . .	16	24,5
6	Днепропетровская обл. . . .	44,2	49,3
7	Московская обл.	43,7	50,7
8	Карельская АССР	9,3	14,5
9	Ивановская обл.	25,2	39,5
10	Саратовский край	14,2	33,3
11	Северный край.	16,2	29,2
12	Башкирия	22,5	27,7
13	Азербайджан	31,7	33,4

Причина двойных выплат объясняется исключительно нечеткой работой аппарата связи и той функционалкой, которая еще до сего времени не изжита в органах связи.

Чем можно объяснить такое положение, когда одно предприятие связи дает другому предприятию связи справку о розыске денежного перевода, о том, что разыскиваемого перевода у него «в поступлении к выплате не значится», а в то же время в соседней комнате этот перевод оплачивается. Например, Московский почтамт на запросы Ходжента о почтовом переводе № 510 ответил, что разыскиваемый перевод «в поступлении и выплате не значится», в то время, как этот перевод был оплачен тем же Московским почтамтом. На основании справки Московского почтамта Ходжент по акту возвратил деньги отправителю. Вот эта — одна из многих причин, порождающих двойные выплаты.

Второй, немаловажной причиной, порождающей двойные выплаты, является бесконтрольность и безответственность работников связи. Например, посылается запрос по неправильно оформленному переводу, но не дожидаясь ответа, производится выплата денег, и когда приходит подтверждение об исправлении, деньги вторично выплачивают.

Наконец, за счет слабо поставленной контрольно-справочной службы следует также отнести известную долю двойных выплат.

Так например, из Заранска был сделан перевод № 464 на 2 тыс. руб. в Московский почтамт Новикову, по которому он и получил 16/V 1935 г. деньги. Этот же перевод вторично поступает, и вторично 21/V 1935 г. Московский почтамт выплачивает Новикову 2 тыс. руб.

Бюрократизм и косность аппарата в охране социалистической собственности в немалой степени способствует увеличению двойных выплат. Когда предприятие связи запрашивает другое предприятие: **«Не был ли ими оплачен такой-то перевод»**, — последнее не отвечает. Тогда запрашивающее предприятие оплачивает перевод. В результате поступает перевод. Теперь это предприятие запрашивает первое о выплате. Первое молчит. Тогда по акту оплачивает второй раз. Так был оплачен перевод № 42 из Владивостока на 200 руб. в адрес Москва, 9. Когда Владивосток запрашивал Москву и последняя не ответила, Владивосток возвратил деньги отправителю. В тот же день 9 отделение телеграфировало Владивосток: «Бланк подтверждения получен, перевод не поступал. Просим подтвердить». Теперь Владивосток не отвечает Москве, и 9 отделение выплатило адресату деньги.

Борьба с двойными выплатами, как правило, не велась и не ведется.

По материалам Наркомсвязи за последние 1½ года видно, что за это время ни один работник не был привлечен к ответственности за допущенные двойные выплаты.

Наряду с хищениями, растратами, присвоениями, и должностными подлогами, которые являются основными видами должностных преступлений в органах связи, часто встречаются в судебной практике дела, квалифицируемые судами, как злоупотребление властью со стороны должностных лиц.

Из 527 рассмотренных во II половине 1933 г. дел по ст. 109 было 17%. Во II половине 1934 г. было рассмотрено 695 дел, из коих по ст. 109 проходило 24,6% дел.

Одним из видов такого злоупотребления являются широко распространенные позаимствования переводного фонда и государственных средств на местные нужды. В этом, главным образом, повинны руководители районных отделов связи. Существует соглашение между Наркомсвязи и Госбанком о том, что последний обязан отпускать местным органам связи по их требованию неограниченные суммы на оплату денежных переводов. Используя свое право для получения денег под видом оплаты переводов, пускают их на кредитование местных коопера-

тивных органов, на зарплату и т. д. Для того чтобы представить, какую дезорганизацию вносят в финансовую дисциплину позаимствования, мы приведем следующие данные.

Еще в октябре 1934 г. на заседании СНК прокурор Союза т. А. Я. Вышинский указал, что позаимствования в хозяйстве связи на 1/I 1933 г. составляют 82 млн. руб. Нужно отметить, что большинство этих сумм в дальнейшем были списаны с баланса. Позаимствования, как правило, практикуются почти во всех управлениях связи до последнего времени. Так например, в ЦЧО позаимствование из переводных сумм в конце 1934 г. достигло 182 тыс. руб. В Узбекской республике только по одному району (Самарканд) — 120 тыс. руб.

Халатное отношение к служебным обязанностям и невнимательное отношение наблюдаются особенно при передаче текстов телеграмм. Нередки случаи неузнаваемого искажения телеграмм.

Так например, по телеграмме 5 ноября 1934 г. из Алма-Ата в Москву в адрес «Главцветмет» НКТП требовалась подача 65 вагонов для перевозки свинца Риддерского комбината со станции Жангиз-Тобе Турксиб в Ленинград, Саратов и другие города. Вместо слова «свинец» телеграфист Алма-Аты Прокопенко передал «свиней».

Необходимо решительно повести борьбу с подобными искажениями, являющимися результатом халатного отношения к служебным обязанностям.

Выше уже было показано, как классово враждебные элементы и их приспешники используют свое положение в целях хищения различного рода ценностей в хозяйстве связи. Классовый враг использует свое положение не только для хищения, но и как метод маскировки более опасных преступлений против диктатуры пролетариата. Участники должностных преступлений образуют сплоченные группы профессиональных преступников, переходящих от должностных преступлений к организованным грабежам и бандитским налетам на почтовые предприятия. Связь должностных лиц с рецидивистами часто приводит к тому, что отдельные почтовые работники деклассируются и становятся на путь совершения корыстных преступлений, превращаясь в резерв профессиональных преступников.

Так несколько лет назад в Тамбове имел место целый ряд случаев убийства письмоносцев, причем убийства совершались именно тогда когда письмоносцы получали крупные деньги для вручения адресатам. Раскрытие этих убийств показало, что должностные лица органов связи бандитам сообщали, когда письмоносцам вручались деньги.

О действиях классового врага со всей очевидностью говорит дело по обвинению Лазаренко, Панченко и др. в г. Ташкенте.

Сущность дела заключается в том, что монтер Лазаренко с группой других монтеров Узбекского управления связи в течение небольшого периода времени в окрестностях Ташкента по указанию торгаша Марфиоросьянова срезали действующий провод и продавали последнему. В результате 15 тыс. метров действующих проводов были срезаны и целый ряд крупных предприятий был оставлен без связи.

Такого рода преступления, как изоляция важнейших предприятий от центра, нельзя не рассматривать, как вредительство.

Значительный рост хищений и пропажа почтовых отправлений дезорганизуют деятельность социалистической связи, причиняя колоссальный убыток государству и населению. Это обстоятельство побудило правительство в начале 1932 г. вынести специальное постановление о введении более суровых мер наказания за хищение и пропажу почтовых отправлений. ЦИК и СНК СССР предложили правительствам союзных республик «обеспечить привлечение к уголовной ответственности всех совершающих подобного рода преступления и быстрое рассмотрение судами дел о таких преступлениях» (СЗ 1932 г. № 9).

Исходя из того, что размеры хищения в органах связи систематически растут, пленум Верхсуда Союза 25 февраля 1933 г. указал местам, что за подобного рода преступления должен применяться закон 7 августа 1932 г., и дела должны рассматриваться с максимальной быстротой и мобилизацией общественного внимания вокруг процессов.

Нам пришлось проверить, как проводятся в жизнь директивные указания по борьбе с преступлениями в органах связи на местах (Западная Сибирь, Восточный Казакстан, Узбекистан). К сожалению, до II квартала 1935 г. не было еще перелома в борьбе с преступлениями в аппарате связи.

Дела расследуются долго, прокурорский надзор слаб, суды черезчур широко практикуют в качестве меры наказания и.-т. работы.

Между тем, принимая во внимание, что преступления в аппарате связи совершаются должностными лицами и в абсолютном своем большинстве носят корыстный характер, необходимо применять более повышеные репрессии к этим работникам чем и.-т. работы.

По отдельным краям, областям и республикам мы имеем явно оппортунистическую недооценку опасности этих преступлений.

Нарсуд Ворошиловского р-на Донецкой обл. приговорил кассиршу Утешеву за подлоги и хищения 6258 руб. к 1 году и.-т. работ.

В Рубежанском р-не той же области заведующий райотделом связи Эдемский, растративший 8074 руб., был осужден к 8 мес. условно. Нарсуд г. Ирбита приговорил работника связи Михина за систематические кражи из посылок к 6 мес. и.-т. работ.

Нарсуд Дзержинского р-на г. Новосибирска за систематические хищения из посылок приговорил связиста Спивака к 1 году и.-т. работ. Чтобы иметь хотя бы общее представление о Спиваке, достаточно привести тот факт, что во время его допроса он у следователя похитил паспорт.

В то же время мы имеем искривление карательной политики и другого порядка. Так например, за присвоение 15 руб. почтальон Краснловский был приговорен к 2 годам лишения свободы. За потерю возчиком Цимбал посылки тот же суд приговорил его к 3 годам лишения свободы.

Прокуратура со своей стороны недостаточно принимает меры и не опротестовывает мягкие приговоры. Слаб надзор и за следствием по этим делам.

Дела, связанные с преступлениями в хозяйстве связи, расследуются в абсолютном своем большинстве в сроки от 2 мес. и больше.

В Саратовском крае в Балашевском, Колышлейском и в ряде других районов дела тянутся по году, тогда как в этих районах хищения и растраты увеличиваются.

Медлительность расследования, главным образом, падает на дела наиболее важные по размерам хищения социалистической собственности.

С таким же положением мы столкнулись и в Восточном Казакстане. Дело кассирши Сысоевой — образец той безобразной недооценки преступности органами юстиции в аппарате связи. Сысоева была вначале уличена в присвоении двух переводов на 251 руб. Следствие затянулось на несколько месяцев. За это время Сысоева успела присвоить еще несколько переводов на 3998 р. 62 к. И после всего суд приговорил Сысоеву к 1 году и.-т. работ.

В Харьковской обл. была похищена денежная сумка с 9220 руб. и кроме того имелась растрата 1370 руб., совершенная работницей Бонт и ее братьями. Дело это было назначено к слушанию только через год.

В Донецкой обл. из 76 осужденных за преступления в органах связи в первую половину 1934 г. 40 чел. сбежало.

Во многих краях и республиках в результате затяжки расследования имеет место потеря уголовных дел. (Ташкент, БССР, Северный край и т. д.). Расследования производятся крайне поверхностно, часто не выявляется классовое лицо преступника, социальное положение записывается со слов обвиняемого, не устанавливается действительный виновник правонарушения, что влечет потом или к прекращению дел судом или исправлению на доследование.

Длительное расследование приводит к тому, что дело утрачивает общественный интерес, способствует сокрытию следов преступления, помогает обвиняемому скрыться от суда и следствия, разбазарить или скрыть свое имущество. В итоге дела о связи залеживаются месяцами.

Плохо обстоит дело с проведением в жизнь закона о материальной ответственности. Из материалов Центрального бюро жалоб Наркомсвязи видно, что в 1934 г. наркоматом за хищения и другие злоупотребления по жалобам: I квартал — выплачено 495 786, взыскано 112 979 = 22%; II квартал — выплачено 553 866, взыскано 154 251 = 27,9%.

Между тем по закону выплачиваемый фонд должен покрываться за счет виновников и поэтому правительство ассигновало специальный фонд для оборота, который должен все время восстанавливаться путем применения закона о материальной ответственности. А пока что за проведением в жизнь закона о материальной ответственности прокуратура не наблюдает.

Такова динамика должностных преступлений в аппарате связи на сегодняшний день. Приходится констатировать, что суды судят еще плохо, а прокуратура недостаточно осуществляет свой надзор.

М. Мальсагов

Заочное правовое обучение

В свете исторического лозунга т. Сталина «Кадры решают все» система заочного правового образования для практических работников приобретает исключительное значение.

Особенно большое значение заочное образование призвано играть в системе органов юстиции, где количество работников с высшим правовым образованием крайне незначительно и где недостаточная квалификация практических работников необычайно резко сказывается на количестве неправильно возбужденных дел, отмененных и измененных приговоров.

Заочное правовое образование для органов юстиции должно явиться одной из основных форм подготовки и переподготовки правовых кадров.

При правильной постановке заочное образование позволяет с минимальными затратами охватить учебой десятки тысяч человек, не отрывая их от производственной работы, независимо от расстояния, проникая буквально во все самые отдаленные углы Советского союза, где отсутствуют стационарные учебные заведения. Система заочного образования, как подчеркнул т. Вышинский на I всесоюзном совещании работников по заочному правовому образованию имеет возможностей, пожалуй, гораздо больше и может быть гораздо более результативной, чем система краткосрочных конференций, курсов и т. д. потому, что она рассчитана на большую систематичность и самостоятельность в работе, а выработка самостоятельного мышления у низовых прокурорских и судебных работников необычайно важна и ценна, пожалуй, более важна и ценна, чем для работников какой-либо другой системы.

Постановление правительства Союза ССР 6 марта 1935 г. дает широкие возможности для развертывания системы заочного правового образования по всему Советскому союзу. До этого постановления заочное правовое образование, за исключением УССР, существовало только в РСФСР, где им руководит Центральный заочный правовой институт (ЦЗПИ).

ЦЗПИ широко развернул заочное правовое образование в пределах РСФСР. Так, на 15 октября с. г. контингент Заочного института вырос до 5421 чел. и в 1935/36 г. институт дает свой первый выпуск, который в 1936 г. должен увеличиться на 80—100%.

Центральный заочный правовой институт в добровольном порядке оказал большую практическую помощь НКЮ тех республик, в которых по указанному постановлению правительства была намечена организация секторов Заочного правового образования.

Так, ЦЗПИ направил своих представителей в Белоруссию, Армению, Грузию, Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан и Туркмению. Во всех указанных республиках, кроме УССР, где эта

работа проводилась раньше, организованы сектора заочного правового образования, подобран и проинструктирован аппарат, составлены сметы на содержание заочных секторов до 1 января 1936 г., по которым правительствами этих республик выделены средства и приказами по отдельным наркоматам юстиции оформлены льготы заочников. Заочные сектора получили весь инструктивный материал по вопросам проведения набора и развернули эту работу, хотя и с значительным запозданием. Кроме того заочные сектора снабжены всеми необходимыми для начала учебного года учебно-методическими документами, инструктивным материалом и учебной литературой.

Правда, программы даны пока еще не по всем дисциплинам 1 семестра, но материал, которым располагает на местах сектор, вполне достаточен для начала учебного года, так как заочная система требует, чтобы заочник работал одновременно не более чем над двумя-тремя предметами.

Как основной недостаток, который будет тормозить работу заочных секторов, необходимо отметить полное отсутствие правовой литературы на национальных языках и, что гораздо хуже, полное отсутствие квалифицированных переводчиков в большинстве указанных республик.

Очень неблагоприятно отзовется на развертывании заочного правового образования в национальных республиках недостаток литературы и на русском языке, так как вышедшая до сих пор учебная литература уже почти полностью распределена среди контингента заочников РСФСР. Чтобы не сорвать учебный год, надо добиться разрешения на перепечатку уже изданных материалов и выпуск их в виде отдельных брошюр или статей по тем темам курса, по которым нет литературы. Но для этого нужно ставить вопрос о разрешении возобновления издания информационно-методического бюллетеня.

Помимо перечисленных трудностей, которые нужно преодолеть, имеются еще такие, которые возникают по вине аппарата ЦЗПИ. Несмотря на острый недостаток литературы, программ и методических материалов, на аппарате ЦЗПИ лежит исключительная ответственность за своевременное снабжение заочных секторов союзных республик имеющейся в наличии литературой и учебно-методическими документами, но аппарат ЦЗПИ с этой задачей не всегда справляется, так отобранная Узбекистанскому сектору литература лежала на складе свыше 10 суток. Имеют место и другие ошибки, менее значительные чем эта. Все эти недочеты необходимо решительно преодолевать.

Развитие и укрепление системы заочного правового образования в значительной степени осложняется слабой помощью и поддержкой со стороны местных органов юстиции, недостатком кадров заочных работников и целым рядом до сих пор неизжитых недочетов в работе Центрального института, заочных секторов и консультационных пунктов. К числу этих же недочетов следует отнести: запоздание программ и другие срывы в учебно-методическом обслуживании заочников, нечеткость постановки учета успеваемости и движения заочников, слабость оперативного руководства работой консультационных пунктов со стороны секторов, слабость преподавательской базы консультационных пунктов, недостаточный охват студентов учебными конференциями.

Со всеми этими недочетами в системе правового образования нужно вести неустанную борьбу.

Н. Александровский

Прокуратура и печать в борьбе за проведение хозполиткампании 1935 г.

Июньский пленум ЦК ВКП(б) четко поставил перед сельским хозяйством Союза задачи, необходимые для успешного и своевременного окончания уборки и проведения заготовок сельскохозяйственных продуктов.

Осуществляя указания пленума ЦК ВКП(б) ряд республик, краев и областей своевременно провел уборку урожая и досрочно выполнил план хлебосдачи. Свыше 20 областей и краев Союза досрочно выполнили годовые планы хлебосдачи.

Существенную роль в этой победе необходимо отвести большевистской печати.

Большую помощь печать оказала и органам прокуратуры в их борьбе с имевшими место недочетами и преступлениями во время проведения хозполиткампаний.

В то время, когда на полях еще зеленели колосья яровых, когда до уборки было еще много времени, газеты уже сообщали о случаях умышленного снижения урожайности в ряде колхозов и совхозов Союза.

В заметке «Обманное снижение урожайности», опубликованной в газете «Соц. земледелие» 26 июня 1935 г., приводились факты умышленного снижения урожайности в Ивнянском р-не Курской обл. Председатель Верхоненского сельсовета Рядинский посоветовал руководителям колхоза «Красная нива» снизить запроектированную урожайность зерновых на 3 центнера с га, «чтобы не ошибиться». Председатель Кочетовского сельсовета Пашетных исправил цифры урожайности зерновых, представленные колхозом им. Сталина, так что урожай с гектара озимой пшеницы оказался преуменьшенным на 3 центнера и по ржи на 2 центнера. Расследование заметки было произведено прокуратурой Курской обл. Факты, изложенные в заметке, подтвердились, и прокуратурой был поставлен вопрос перед президиумом Ивнянского р-ка о наложении взыскания на председсельсовета Пашетных.

Своевременное и высококачественное проведение уборки урожая зависело от максимально-

го использования сельскохозяйственных машин. Вопросам подготовки и эксплоатации тракторов, комбайнов, молотилок и других сельскохозяйственных машин печать уделяла огромное внимание. Все неполадки, мешающие максимальному использованию на уборке урожая тракторного и комбайного парков, повседневно вскрывались на страницах газет.

«Правда» 17 июля 1935 г. в заметке «Комбайн сгорел» сообщила о случае варварского обращения с комбайном в Воронцово-Александровском р-не Азово-Черноморского края. Водитель комбайна — инструктор-механик Антипов, зная, что комбайн был плохо отремонтирован, продолжал эксплоатировать агрегат. При заводе мотора комбайна произошла вспышка, от которой загорелся бензин, пламя быстро охватило солому и комбайн сгорел до тла. Произведенное органами прокуратуры Азово-Черноморского края расследование заметки установило правильность сообщения газеты. Прокуратурой было установлено, что пожар возник по вине механика Антипова и бригадира Шетенина: Антипов и Шетенин были привлечены к уголовной ответственности.

Успешное проведение хлебопоставок государству требовало от ряда сельскохозяйственных органов своевременной подготовки складских помещений для урожая текущего года. Сохранность урожая в громадной степени зависела от своевременной готовности складов, элеваторов, приведения их в такое состояние, при котором поступивший хлеб мог бы храниться продолжительное время без каких-либо потерь и порч. На этом участке сельского хозяйства много еще беззаботности, граничащей с явной преступностью.

В Свердловской газете «Колхозный путь» была опубликована заметка «Беспризорный хлеб». В заметке сообщалось, что колхоз «Большевик» Кизеловского р-на сдал на склад Заготзерна 21 тонну хлеба, предназначенного для сдачи государству. Склад был совершенно не приспособлен для хранения зерна. Хлеб заливал дождь, поедали мыши, и зерно ссыпалось сквозь щели в полу. Склад никто не охранял. Расследование фактов преступного хранения хлеба было произведено органами прокуратуры Свердловской обл. Все указанное в заметке подтвердилось, и прокуратурой был привлечен к уголовной ответственности зав. базой Заготзерна Вольфсон.

Остатки разбитого, но не добитого еще до конца, классового врага стараются на всех участках нашего хозяйства вредить и пакостить делу рабочего класса. Еще нередки случаи, когда классовый враг, маскируясь, пробирается в колхозы и совхозы, расхищает общественное имущество, хлеб, вредит в социалистическом секторе сельского хозяйства нашей страны.

В деле охраны урожая текущего года органам прокуратуры, стоящим на страже охраны социалистической собственности, печать оказала большую помощь.

В газете «Правда» 16 сентября 1935 г. была помещена заметка «Враги и жулики на Актюбинском элеваторе». Актюбинский элеватор был совершенно не подготовлен к приему хлеба. В помещениях элеватора был засыпан прошлогодний хлеб, зараженный клещом. Новый склад не был построен. Поступающее зерно ссыпалось во дворе элеватора прямо под открытым небом. На дворе элеватора, а также в соседней мельнице образовались горы хлеба. 1500 центнеров пшеницы были ссыпаны у самого крыльца конторы. Аналогичная картина была и в других местах. Всюду лежали ничем не покрытые горы хлеба, которые мокли под дождем, загрязнялись и рассыпались по всей территории элеватора. На элеваторе вошло в систему обсчитывание хлебосдатчиков. Ряд работников элеватора были классово чуждые люди. Так например, лаборант Хоменко был лишен избирательных прав, качественник Урусов бывший дворянин и др. Расследование заметки было произведено прокуратурой Актюбинской обл. Факты, указанные в заметке, в основном подтвердились, и против руководства и работников элеватора было возбуждено прокуратурой уголовное преследование.

Приведенные выше примеры совместной борьбы прокуратуры и печати сами за себя говорят об огромном значении совместных действий прокуратуры и советской печати. К сожалению, приходится констатировать, что это многие прокурорские работники до сих пор недооценивают. До сих пор наблюдаются случаи волокиты с расследованием сообщений газет. Применение конкретных мер по расследованию заметок о хищениях, порче, потерь хлеба, неподготовленности к уборке сельскохозяйственных машин, неподготовленности складских помещений, и т. д. требует от органов прокуратуры срочного реагирования на эти факты. Налицо же имеет место иногда недопустимая волокита с расследованием этих сообщений, в конечном итоге, благодаря которой вмешательство прокуратуры в эти дела теряет значение.

В заметке «Лживые цифры об урожайности», опубликованной в «Крестьянской газете» 20 июня с. г., приводились случаи уменьшения урожайности в ряде колхозов Северокавказского края. Так например, председатель колхоза «Красная белка» Ипатовской МТС Колпаков в официальных сведениях, поданных в райзо, уменьшил урожайность в 2½ раза. Директором Софиевской МТС урожайность была определена на-глазок, в результате чего последняя снизилась на 20%. В ряде других колхозов и МТС, примерно, проявляются такие же антигосударственные тенденции в деле определения урожайности.

По данной заметке требовалось немедленное принятие конкретных мер. Не столько важно было привлечь к ответственности виновных в снижении урожайности, как добиться повышения урожайности до действительной нормы.

Прокуратура Союза 25 июня 1935 г. предложила прокурору Северокавказского края произвести расследование заметки и 10 июля сообщить результаты. Но прокуратура Северокавказского края не торопится. Несмотря на посланные ей два напоминания, ответ о результатах расследования заметки до настоящего времени не получен. Куда годятся такие черепашьи темпы «оперативной» работы прокуратуры Северокавказского края? Прокурору Северокавказского края т. Гарину надо серьезно заняться ликвидацией волокиты в аппарате краевой прокуратуры.

В «Правде» 28 мая с. г. была помещена заметка «Преступное отношение к комбайнам». Криворожский зерносовхоз имел 55 комбайнов.

В текущем году совхоз забраковал как «совершенно непригодные» 25 комбайнов. Вместо них в совхоз завозились новые. Забраковка 25 комбайнов являлась сплошным очковтирательством. Инженеры завода «Коммунар» установили, что эти комбайны нуждаются в обычном ремонте. Директор зерносовхоза Мирошниченко, начальник политотдела Смородин и механик Беляев списали комбайны для того, чтобы скрыть следы бесхозяйственного отношения к ним.

В день опубликования заметки Прокуратура Союза телеграфно предложила днепропетровскому областному прокурору произвести расследование и привлечь виновных к ответственности. 8 июня днепропетровский облпрокурор сообщил телеграммой, что в Зерносовхоз выехал старший следователь, и результаты расследования по окончании будут сообщены. С момента присылки телеграммы прошло четыре с лишним месяца, но результаты расследования, несмотря на неоднократные напоминания, до сих пор не сообщены.

В заметке «Преступное хранение зерна», опубликованной в газете «Правда» 28 июля с. г., сообщались факты преступного отношения к хранению государственного хлеба в Красноярском крае. В Злобинском зерновом городке Заготзерна скопилось 60 тыс. тонн хлеба, зараженного клещом. Злобинские зернохранилища были введены в эксплоатацию всего лишь год назад, и только исключительная небрежность обслуживающего персонала привела к такому заражению хлеба.

Прокуратура Союза заинтересовалась сообщением газеты и предложила прокурору Красноярского края сообщить к 16 августа, какие меры были приняты по данной заметке. Посылались напоминания, но ответа по сегодняшний день не получено.

В заметке «Разбазарено 40 тысяч пудов хлеба» («Известия» 24 июля 1935 г.) сообщалось, что на складах Мятлинского пункта Заготзерна в результате преступной халатности и безответственности было разбазарено свыше 40 тысяч пудов государственного хлеба. Поступающая на склады мука принималась без веса, по числу мешков. Учет отпуска муки со складов почти отсутствовал.

Прокуратура Союза 26 июля запросила прокурора Западной обл. о принятых по заметке мерах. Неоднократно посылаемые напоминания об ускорении присылки до сих пор отклика не дали.

Примеров волокиты в деле расследования газетных заметок можно было бы привести и больше, но и приведенных достаточно, чтобы сделать вывод, что в деле проведения хозяйственно-политических кампаний текущего года некоторые органы прокуратуры недооценили значение печати, и приведенные факты волокиты это подтверждают.

Органам прокуратуры на местах необходимо проверить у себя в аппарате и по всей периферии постановку работы по расследованию газетных заметок.

Этим делом необходимо заняться немедленно.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Председатель Дубковского поселкового совета Звенигородского р-на Московской обл. Петрова Анна Карловна, технический секретарь и счетовод Петров Владимир Петрович (муж первой) и председатель ревизионной комиссии Хлыстов Михаил Иванович были преданы суду: Петрова по ст. 109, ч. 1 ст. 116 и ч. 2 ст. 117 УК, Петров по ст. 109 УК и Хлыстов по ст. 111 УК.

Нарсуд 53 участка Звенигородского р-на признал доказанными в отношении Петровой:

незаконные поборы с населения три выдаче продкарточек, с присвоением собираемых денег;

незаконное установление и взимание с населения, начиная с 1929 и по август 1934 гг. 50-процентного сбора от суммы самообложения (за 1932—1934 гг. установлено незаконное получение 7225 руб.) и неоприходование этих сумм по кассовым книгам, а также и отсутствие оправдательных расходных документов на них; присвоение излишне взимаемых с населения за дрова денег в сумме 1419 руб.;

незаконное создание должности техсекретаря-счетовода для своего мужа с выплатой ему зарплаты с 1931 по 1934 гг. из сумм дополнительного обложения;

использование своего служебного положения для отвода себе трех сенокосных участков и эксплоатация наемного труда на этих участках;

получение взяток от гр. Гавриловой за предоставление земельного участка под застройку и от гр. Вощинского за выдачу справки для получения паспорта;

умышленное недообложение «по дружбе» подоходным налогом крупных дачевладельцев и сокрытие от обложения своих собственных доходов;

зажим в отношении лиц, выступавших с критикой ее работы, и в частности, незаконное лишение избирательных прав красного командира Василевского;

растрату 882 руб. из бюджетных средств, которые не были оприходованы до момента ревизии;

проведение во всей работе совета кулацкой линии, замена рабочего актива «своими», классово чуждыми людьми.

По совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 109, ч. 1 ст. 116 и ч. 2 ст. 117, нарсуд приговорил Петрову к 5 годам лишения свободы.

Петров признан судом виновным в том, что с корыстной целью не вел учета поступившим по дообложению суммам, взимал с населения и присваивал излишние сборы за дрова и продкарточки; в 1933 г. умышленно приходовал по квитанционной книге разных сборов меньшие суммы чем те, на которые выписывались гражданам квитанции, присваивая себе разницу (на выборку установлено присвоение 147 руб.). Нарсуд приговорил его по ст. 107 УК к 2 годам лишения свободы.

Явно корыстный характер деяний Петровых суд устанавливает между прочим и тем, что они за короткий период времени приобрели лошадь, корову и произвели постройки, оцененные при местном осмотре в 2500 руб.

Обвиняемый Хлыстов осужден по ст. 111 за халатно проведенные ревизии на 1 год и.-т. работ.

Все пункты обвинения Петровых обоснованы данными как предварительного, так и судебного следствий.

Кассколлегия Мособлсуда, рассмотрев дело по жалобам осужденных, нашла, что приговор суда по существу вынесен правильно, но подлежит изменению.

Признав наличие незаконного взимания дополнительного налога и повышенного сбора за продкарточки, Облсуд утверждает, что «все эти средства шли на нужды совета», тогда как нарсуд прямо признал, что суммы, полученные за продкарточки, присваивались Петровой. «В части недостачи денег 430 руб. по делу также преступление доказано».

Дальше в определении дословно сказано: «В остальном, как-то: во взятках, в переборе 3 руб. за кубометр дров, в присвоении себе трех участков луга, преступление Петровой материалом не подтверждается, следовательно, деяние ее надлежит квалифицировать по ст. 109 УК, остальные статьи отпадают». Поэтому облсуд, перейдя в отношении Петровой на ст. 109 УК, заменил ей лишение свободы 1 годом и.-т. работ.

В отношении Петрова облсуд нашел, что «злоупотребления по делу не имеется, поскольку ответственность несла за работу всего совета его жена». Деяния Петрова и Хлыстова облсуд переквалифицировал по ч. 2 ст. 112 УК и заменил им меру наказания, избранную нарсудом, общественным порицанием.

Президиум Мособлсуда, рассмотрев это дело по протесту прокурора нашел, что определение УКК не вытекает из обстоятельств дела, что «имеется достаточно данных о том, что полученные Петровой вместе с мужем незаконные сборы в большей части присваивались и расходовались на свои нужды», со стороны же Хлыстова не были своевременно приняты меры к пресечению обнаруженных им злоупотреблений.

Президиум Мособлсуда определил: отменить определение КК, оставив в силе приговор суда.

Судебная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев это дело по жалобе Петровых в порядке надзора, нашла, что «Петрова незаконно перебрала за заборные книжки 345 руб. и обратила их на расходы — оплату за разъезды по исходатайствованию этих карточек, неправильно собрала с населения дополнительные средства по самообложению 7725 руб. за период с 1929 (?) по 1934 г.; сумма эта выявлена, как говорит приговор суда, неточно, **но и та и другая сумма израсходована сельским советом, хотя не в порядке надлежащего оформления, на общественные надобности; получение взятки не подтверждается материалами дела:** Петрова виновна в совершенных деяниях по ст. 109 УК.

Петров, работая техническим работником совета, не может нести за это (за злоупотребления) ответственности. Из этих соображений Верхсуд отменил определение президиума Мособлсуда, оставив в силе приговор нарсуда и изменившее его определение КК Мособлсуда.

Прокуратура Союза опротестовала определение Мособлсуда и определение судебной коллегии Верхсуда РСФСР 25/II 1935 г., вынесенными в противоречии с фактами, установленными в деле.

При наличии в деле ряда свидетельских показаний о взятках и корыстных злоупотреблениях Петровой ни облсуд, ни Верхсуд не могли указать, как это они сделали, что данные обвинения не подтверждаются материалами дела. Если наличие оправдывающих Петровых данных делало в глазах кассинстанции сомнительным обвинительный приговор в этой части, единственным правильным и вполне отвечающим принципам УПК выходом для кассационной и надзорной инстанций являлась отмена приговора с направлением дела для нового более полного рассмотрения, долженствующего путем допроса всех свидетелей уточнить вопросы о взятках и присвоениях.

В отношении же Петрова и облсуд и Верхсуд выдвинули совершенно неправильный с точки зрения нашего УК тезис о неответственности его за злоупотребления (в том числе и присвоения) на том основании, что ответственным за всю работу совета лицом явилась его жена. Ответственность руководителя учреждения за направление работы отнюдь не снимает уголовной ответственности того сотрудника, который в соучастии с этим руководителем совершает преступления.

Неправильной является и переквалификация деяния Хлыстова на ч. 2 ст. 112 УК при наличии его собственного признания в том, что он по халатности не сообщал даже о вскрытых им фактах нарушений закона со стороны Петровой, а также не углублял своих ревизий (л. д. 113).

Президиум Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил передать это дело для вторичной проверки обоснованности предъявленных обвинений по взяточничестве и присвоении в коллегию Верхсуда по уголовным делам иного состава.

Постановлением уголовной коллегии Верхсуда РСФСР приговор нарсуда отменен, и дело направлено для нового рассмотрения в тот же народный суд в ином составе.

***

Тифлисский объединенный нарсуд отказал в иске медскладу Центрального комитета грузинского общества Красного креста к дирекции Закавказских ж. д. о взыскании 2283 р. 77 к. убытков.

Кассколлегия Верхсуда Грузии это решение оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала решение нарсуда и определение кассколлегии Верхсуда по следующим основаниям:

Материалами дела установлено, что груз, прибывший на ст. Тифлис по накладным № 61216 и 66975 в адрес Резиносбыта, передавшего права на этот груз медскладу Центрального комитета грузинского общества Красного креста, несмотря на все принятые своевременно меры со стороны грузополучателя, 8/I 1933 г. был продан ж. д. за бесценок — 63 руб.

Такая продажа ж. д. груза грузинского общества Красного креста являлась сугубо незаконномерной, во-первых, груз стоимостью в 2283 р. 77 к., как это следует из имеющегося в деле счета за № 14/3, продан ж. д. без торгов, в нарушение существующих правил о порядке реализации невостребованных грузов; во-вторых, продажа ж. д. груза грузинского общества Красного креста являлась еще и потому неправильным актом, что по делу неоспоримо доказано, что истец своевременно и неоднократно обращался к ж. д. с просьбой проверить прибытие груза. 21 ноября представитель грузинского общества Красного креста справлялся о прибытии груза на ж. д., причем агент ж. д. отметил на обороте квитанции к ж. д. накладной за № 61216, что «прибытия нет».

Из дела видно, что груз продан ж. д. 8/I 1933 г., а прибыл на ст. Тифлис 5/IX 1932 г., следовательно, в момент обращения истца к должностным лицам ж. д. за справками о прибытии груза, с предъявлением дороге распорядительных документов на этот груз, он находился уже на складе ж. д., но агенты дороги по своей небрежности давали неверные справки о неприбытии груза. Истец в результате неправильных действий ж. д. потерпел убытки от продажи принадлежащего ему груза, несмотря на все принятые истцом меры к своевременному его востребованию.

По этому требование медсклада Центрального комитета грузинского общества Красного креста к ж. д. о возмещении причиненных истцу убытков является правильным и доказано полностью материалами дела.

Тифлисское отделение Союзтранса, которому поручено было как Резинотрестом, состоявшим с ним в договорных отношениях, так и грузинским обществом Красного креста проверить прибытие груза и выкупить его, должно было быть привлечено к участию в процессе в качестве солидарного соответчика по силе закона, соответствующего в Грузии ст. 408 ГК РСФСР. Привлечение Союзтранса в качестве третьего лица на сторону ответчика являлось неправильным.

Президиум Верхсуда Грузии, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил решение Тифлисского объединенного нарсуда, утвержденное кассколлегией, отменить и дело передать в Сталинский райсуд для нового рассмотрения.

***

Альперин, работая кассиром Казатинского райорса, 7/V 1934 г. получив от зав. рестораном 2 тыс. руб. наличными деньгами, внес их указанным числом, причем по квитанциям Госбанка данная сумма числилась внесенной от зав. рестораном Голбонза. В выписке же лицевого счета Госбанка Альперин на полях внес исправление с указанием, что 2 тыс. руб. получены не от Голбонзы, а от него, Альперина. На самом деле этих денег он не вносил, а эти деньги были разделены между главбухом Бондаревым, получившим 1250 руб., старшим бухгалтером Пузыревичем, получившем 175 руб. и им, Альпериным, 375 руб.

18/X 1934 г. Альперин по его словам, терзаясь угрызениями совести и видя, что он втянут в преступление главбухом Пузыревичем, совершившим ряд других преступлений, подал на имя начальника орса письменное заявление, в котором написал о наличии злоупотреблений со стороны главбуха Казатинского орса Пузыревича и других, в том числе о своем преступлении.

На следующий день 19/X, затем 20/X и 25/X он на основании своего заявления был вызван для допроса уполномоченным ГУГБ ст. Казатин и ему рассказал подробно о всех злоупотреблениях, в том числе и о своем. Проходит более 3 мес. и только 29/V состоялось постановление уполномоченного ДТОГУГБ о начатии в отношении Альперина и других производства предварительного следствия и лишь после этого 26/X приступается к ревизии деятельности Пузыревича, Бондарева, Альперина и др.

Главный обвиняемый Бондарев за 5 мес. следственной волокиты, не будучи арестован, успел сбежать.

На скамье подсудимых остались второстепенные лица, в том числе и Альперин, который покрыл свою долю присвоения в сумме 375 руб.

Приговором линсуда Бондарев заочно был осужден к 3 годам лишения свободы Альперин — к 2 годам, остальные двое — Пузыревич к 8 мес. и.-т. работ по месту работы и Дыпальченко к — 6 мес. и.-т. работ условно по ст.ст. 97 и 104 УК.

Транспортная коллегия Верхсуда Союза утвердила приговор.

В итоге такого приговора получилось, что Альперин, первый по собственной инициативе явившийся с повинной, выдавший соучастников преступления и главного виновника оказался больше всех наказанным.

Такой приговор является явно нецелесообразным и необоснованным.

Линсуд обосновывает необходимость лишения свободы Альперина тем, что он якобы подал свое заявление начальнику орса в ожидании предстоящей ревизии. Но ничем не опровергнутым является то обстоятельство, что ревизия даже после заявления Альперина была назначена спустя 4 мес., а уголовное дело было возбуждено спустя 3 мес.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор в отношении Альперина.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила заменить лишение свободы Альперину одним годом и.-т. работ на общих основаниях с соответствующим зачетом времени отбытого им под стражей.

***

Нарсуд 6 уч. Сокольнического р-на г. Москвы приговорил Орлова Алексея Антоновича по ч. 1 ст. 116 УК к лишению свободы сроком на 1½ года. Кассколлегия Мосгорсуда приговор оставила в силе. Президиум Мосгорсуда протест Прокуратуры Союза отклонил.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда, определение кассколлегии и постановление президиума Мосгорсуда по следующим основаниям:

нарсуд правильно установил недостачу у Орлова денег конпарка в сумме 1029 р. 75 к. Недостача удостоверена актом 20/IX, составленным самим Орловым, заявившим о ней заведующему конпарком Лифанову и его заместителю Плужникову.

Однако доказательств совершения Орловым растраты в деле нет. Наоборот, всеми обстоятельствами дела подтверждается правдивость заявления Орлова о том, что кража этой суммы при наличии халатного обращения с гос. деньгами как обвиняемого Орлова, так и руководителей конпарка, в частности Лифанова, произведена другими лицами.

Орлов служил бухгалтером конпарка, не ведя самостоятельного баланса. Парк состоял на балансе треста. С обязанностями он справлялся удовлетворительно. Орлов ранее не судился, имеет 20-летний трудовой стаж. Он пользовался доверием руководителей конпарка, что видно из передачи Орлову Лифановым 17/IX 8195 руб. для выдачи рабочим зарплаты, хотя раздача зарплаты в обязанности Орлова не входила. Никакой расписки от Орлова в передаче ему 8195 руб. Лифанов не взял. Эту расписку Орлов выдал Лифанову задним числом, после обнаружения пропажи 1029 руб. Когда Орлов пришел в парк отчитаться, он сдал Лифанову оправдательные документы и остаток денег и составил акт о недостаче 1029 руб. 75 к. Это обстоятельство признал на суде и Лифанов.

Отсюда следует веское предположение о честности Орлова и правдивости его показаний о причине недостачи на предварительном и судебном следствии.

Зарплата рабочим парка была выплачена Орловым частью 17/IX, а остальная часть 18/IX. Деньги в сумме 1029 руб., похищенные, по заявлению Орлова, у него на квартире, удержаны были с рабочих на покупку валенок. Деньги были взяты Орловым на квартиру в общежитие, потому, что в конторе парка не было денежного ящика. Это обстоятельство также удостоверил на суде зав. конпарком Лифанов.

Слабой чертой Орлова являлась его склонность к спиртным напиткам. По делу установлено, что Орлов выпивал у себя в общежитии, главным образом, после получения зарплаты. Руководители конпарка знали об этом недостатке Орлова. Это обстоятельство подтверждено рядом свидетелей.

Обстоятельствами дела устанавливается, что Орлов в течение двух дней — 17 и 18 сентября — не мог растратить 1029 руб., удержанных им с рабочих на валенки при выплате зарплаты 17 и 18 сентября.

Все действия Орлова с 18/IX вечером, когда он узнал о недостаче денег, хранившихся у него в тумбочке, и до 20/IX — момента заявления Лифанову о недостаче и составления Орловым акта, говорят о последовательности и правдивости утверждений Орлова о том, что деньги у него похищены. Орлов энергично разыскивал своего односельчанина Огородкина, гостившего у него на квартире 17/IX, выпивавшего в компании у Орлова, ночевавшего у него и уехавшего 18/IX вечером. Это подозрение, как видно по обстоятельствам дела, не безосновательно. Огородкин на судебном следствии заявил, что, когда Орлов сильно пьяный, ушел за гармошкой, он, Огородкин, «оставался в комнате один». Он «видел, как дети таскали из сумки деньги». Он «видел, как жена Орлова положила эту сумку в тумбочку и закрыла». 18/IX Огородкин якобы сделал Орлову замечание — зачем дети таскают деньги. «Рубль у Орлова Огородкин просил потому, что у него были крупные деньги». Свидетель Старичков объяснил суду, что 18/IX, когда он зашел к Орлову, там был Огородкин, который, уходя от Орлова, вечером взял у жены Орлова один рубль, потому что у Огородкина, по его словам, «не было денег». Когда Старичков вышел с Огородкиным на улицу к трамвайной остановке, Огородкин «вдруг убежал обратно в общежитие, потом он снова догнал меня (Старичкова), купил 4 кружки пива, а мне дал 36 руб. После этого он покупал вино».

Из довольно путаных показаний Огородкина на предварительном следствии следует, что он приехал в Москву лечиться, между тем почему-то 20/IX поехал к родным в Ярославль и в тот же день вернулся в Москву. Огородкин показал следователю, что он взял у Орловой один рубль взаймы, так как у него не было мелких денег, а было 80 руб. Из них он якобы отдал Старичкову 36 руб., покупал пиво, вино, 20 руб. еще пропил, ездил в Кусково, в Павлов-Посад, в Ярославль и обратно в Москву.

Все эти обстоятельства судом не были проверены, не установлены источники получения Огородкиным денег. Противоречия в показаниях Огородкина и Старичкова не устранены, не устранены также противоречия в показаниях Огородкина и Мироновой на предварительном следствии.

Орлов после энергичных розысков нашел Огородкина в Москве у Бакунина. Он спросил Огородкина о деньгах, обыскал его, но денег не нашел. Орлов также и во второй раз розыскал Огородкина 26/IX и при помощи милиции привел его к следователю Жукову для допроса. Огородкин на такие действия Орлова реагирует не так, как следовало бы ожидать от лица, заподозренного без всяких оснований. Его показания не внушают доверия.

Приговор нарсуда, установивший наличие произведенной Орловым растраты 1029 р. 75 к. и искусственное создание обстоятельств с целью инсценировки хищения у него денег, не вытекает из обстоятельств дела и основан на предположениях, а не на проверенных фактах.

Уголовная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: переквалифицировать деяния Орлова по ст. 111 УК, назначив ему наказание в 1 год и.-т. работ на общих основаниях с зачетом ему в порядке ст. 29 УК отбытого срока лишения свободы.

**
*

Линейный суд Оренбургской ж. д. 10/VII 1935 г. признал виновной бригадира бакалейного отделения магазина № 1 орс НВРЗ Сорокину в растрате 1383 руб. и по ч. 1 ст. 116 УК приговорил ее к лишению свободы сроком на 1 год 6 месяцев.

Транспортная коллегия Верхсуда 8/VIII 1935 г., рассмотрев это дело по кассационной жалобе, приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

по делу бесспорно установлена только недостача товаров первоначально в сумме 1975 руб. а после уточнения — 1383 руб. Судебным следствием не добыто никаких данных о том, что эту сумму денег или товары Сорокина присвоила.

Одним из оснований для признания растраты было сообщение самой Сорокиной, что она устроила вечеринку по случаю дня рождения. По сообщению Сорокиной, было 20 гостей, вино они принесли сами, а остальное она организовала на полученный в сумме 200 руб. приработок.

Суд не проверил, что это была за вечеринка, правильно ли сообщила Сорокина о расходах и источниках средств. Нет ни одного показания на суде, что Сорокина что-либо взяла из своего отделения магазина и все же сделан вывод о «самоснабжении» и растрате на вечеринку.

Следующим доказательством растраты суд приводит оставление кассы без надзора во время отлучки и хищение денег из кассы посторонними лицами, тогда как этот факт, действительно имевший место, свидетельствует об обратном.

Сорокина утверждает, что она неоднократно заявляла своей администрации о том, что касса не запирается, это подтверждено свидетелями на суде, но администрация никаких мер не принимала.

Суд не обратил на это внимания.

Красной нитью на судебном заседании проходило утверждение, что Сорокина давала сотрудникам товар в кредит, но не был выяснен вопрос, на какую сумму, и погасили ли эту сумму сотрудники.

Все свидетели утверждают, что Сорокина малопытна, неграмотна и с работой справится не могла. Сама Сорокина эта признает и заявляет, что от бригадирства в магазине она отказалась и согласилась лишь по настоянию и при обещании ей помощи.

Из дела видно, что никто не помогал Сорокиной не только в работе, но и в установлении причин недостач.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определенное ей наказание считать условным с испытательным сроком на 2 года.

**
*

Прокуратура Рязано-Уральской ж. д. предала суду машиниста Мачахина по обвинению его в том, что он 9/V с. г. явился на дежурство и маневровые работы в нетрезвом виде, причем с 6 часов утра до 12 часов дня совершил два крушения.

Линейный суд признал обвинение доказанным и приговорил Мачахина к лишению свободы на 2 года.

Транспортная коллегия, рассматривая дело по кассационной жалобе, отвергла заключение главной транспортной прокуратуры об оставлении приговора в силе и определила: приговор отменить и дело в уголовном порядке прекратить.

Прокуратура Союза опротестовала определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

произведенным по делу следствием установлено, что машинист Мачахин явился на работу в нетрезвом виде.

Заявление Мачахина о том, что он пил накануне и что во время работы у него сохранился только запах алкоголя неправильно потому, что при освидетельствовании после крушения, т. е. через 6 часов пребывания на работе, врач установил среднюю степень опьянения.

К этому выводу врач пришел не только на основании запаха, но и ряда других объективных данных.

Машинист Мачахин, начиная маневровую работу, не осмотрел паровоз и не опробовал ручной и автоматический тормоза. Спустя 20 мин. работы Мачахин вывел из строя цистерну.

Этот случай ничему не научил машиниста Мачахина.

По собственному его признанию, он, продолжая маневровую работу, не следил за сигналами.

Сам Мачахин показал, что «при спуске и подаче двух крытых вагонов и одной порожней платформы, не удостоверившись, куда я подаю таковые, рассчитывал на главный путь, а оказалось — в улавливающий тупик, в результате получился удар об имевшиеся в тупике платформы»; дальше: «Виновным себя признаю в том, что не удостоверился точно, куда следовал с вагонами, в результате чего произошла авария».

Дальше: «Автотормоз исправный, но в работу я его не включил, считая, что он мне без надобности, и лишняя трата пара и энергии».

При таком положении, когда машинист умышленно не включает автотормоз, не интересуется путем, на который подает состав, не отвечает на сигналы — зеленый и красный, а продолжает следовать вперед и, будучи пьяным, совершает в течение 6 часов работы 2 крушения, совершенно неправильными являются рассуждения транспортной коллегии о том, что **«проступок не повлек за собой тяжелых последствий»**.

В данном случае превалирующее значение имеет грубейшее нарушение труддисциплины и появление на работу в нетрезвом виде. Более тяжких последствий не было потому, что на пути не было вагонов с ценным грузом и встречных составов.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, отменила определение транспортной коллегии и дело передала ей же для вторичного рассмотрения.

**
*

Линейный суд Самаро-Златоустовской ж. д. признал виновными в хищении грузов и приговорил по ст. 162 УК: кассира Кувшинчикова к лишению свободы на 3 года, весовщиков Данилова и Васильева на 2 года лишения свободы, багажного кассира Спиридонова, весовщика Козина и грузчика Хайруллина к одному году и.-т. работ каждого с удержанием 25% и запрещением всем работы на транспорте.

Транспортная коллегия приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор и определение транспортной коллегии в отношении всех обвиняемых по следующим основаниям:

все указанные лица на всем протяжении следствия и суда категорически отрицали свою виновность и осуждены исключительно по оговору осужденного по этому делу весовщика Симонянц, пойманного с поличным.

Произведенные у обвиняемых обыски не дали доказательств их виновности в краже. Оговор осужденные объясняют личными счетами с Симонянц и желанием последнего свалить совершенные кражи на ряд других лиц.

Обвинительный материал настолько ничтожен в отношении Кувшинчикова и Данилова и совершенно отсутствует в отношении других, что сам суд в приговоре вынужден констатировать: «Факт наличия хищений из багажной кладовой ст. Уфа остается неоспоримым, лишь суду не представилось возможным установить точно время хищений и размера похищенного».

К этому надо добавить, что суд не установил и рода похищенного этими лицами груза.

При таких условиях суд не имел права вынести обвинительный приговор и обязан был оправдать подсудимых за недостаточностью улик.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линсуда и определение транспортной коллегии отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить.

***

Линейный суд Оренбургской ж. д. 15/VI 1935 г. признал виновными начальника ремонтной колонны 9 участка службы пути Каминского В. П. и кладовщика Змеева П. И. в том, что они отправили рабочим негодный для употребления хлеб. Квалифицируя это преступление по ст. 109 УК, суд приговорил Змеева к 1 г. 6 м. лишения свободы и Каминского к 6 мес. и.-т. работ с удержанием 10%.

Главная транспортная прокуратура при рассмотрении кассационных жалоб в транспортной коллегии предложила дело в уголовном порядке прекратить, отменив приговор суда.

Транспортная коллегия прекратила дело только в отношении Каминского, а Змееву лишение свободы заменила 6 мес. и.-т. работ на общих основаниях.

Прокуратура Союза опротестовала это определение, как и приговор в отношении Змеева, по следующим основаниям:

Для обеспечения хлебом рабочих во время снежных заносов, аварийных работ или стихийных бедствий в кладовых железной дороги имеется некоторый запас печеного хлеба, хранящийся месяцами в замороженном виде.

Весной этого года во время борьбы с наводнением начальник колонны Каминский приказал своему кладовщику Змееву получить из кладовой дистанции хлеб и немедленно погрузить для отправки на место работ.

Принимая хлеб, Змеев обратил внимание, что хлеб с плесенью, но принял его, и сказал Каминскому, что хлеб черствый и нехороший.

Каминский сам хлеба не осмотрел и предложил отправить.

По прибытии на место работ при распаковке хлеба обнаружили, что хлеб негоден. Каминский тут же распорядился вернуть хлеб в кладовую и привести свежий, что и было сделано. Принуждения брать негодный хлеб не было, желания как-нибудь сбыть плохой хлеб тоже не было. Был просто недосмотр.

Каминский на транспорте 31 год работал хорошо. Змеев за время своей работы также не подвергался дисциплинарным взысканиям.

В данном случае не было надобности применить судебную репрессию, и нужно было рассмотреть вопрос в дисциплинарном порядке.

Кроме того суд допустил нарушение норм УПК, а именно:

На предварительном следствии обвиняемым было предъявлено обвинение по ст. 111 УК.

В подготовительном заседании суд без достаточных к тому оснований переквалифицировал преступление по ст. 109 УК.

Это новое обвинение не было предъявлено обвиняемым, новые моменты злоупотребления не были установлены, и обвиняемые не допрошены по этому обвинению.

Несмотря на это, суд вынес приговор по ст. 109 УК, хотя из описательной части приговора не вытекает злоупотребление властью в понимании ст. 109 УК.

Действия Змеева не выводят за пределы дисциплинарного проступка, и судебная репрессия к нему была применена без достаточных к тому оснований.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линсуда и определение транспортной коллегии в отношении Змеева отменить и дело о нем прекратить.

***

Водно-транспортный суд Днепровского бассейна приговорил среди других обвиняемых гр. Карташева по ст. 20 УК УССР и закону 7/VIII 1932 г. с применением ст. 46 УК УССР к одному году и.-т. работ на общих основаниях.

Водно-транспортная коллегия Верхсуда Союза, рассмотрев это дело в кассационном порядке, определила приговор в отношении всех обвиняемых оставить в силе. Но деяния Карташева квалифицировать как содействие и пособничество мошенничеству по ст. ст. 20 и 180 УК УССР.

Прокуратура Союза опротестовала приговор водно-транспортного суда Днепровского бассейна и определение водно-транспортной коллегии Верхсуда Союза по следующим основаниям:

главным действующим лицом в этом деле, совершившим целый ряд преступлений, которые в совокупности правильно квалифицированы обеими судебными инстанциями по закону 7/VIII 1932 г., является Октябрьский Ким Данилович.

Приговор по этому делу устанавливает, что в помощь себе Октябрьским был принят ряд служащих для выполнения обязанностей ответственных исполнителей. Так, у него работали Лебедовский, Студаинский и др.

Одним из таких служащих, через которого Октябрьский реализовал одно из своих преступлений—хищение кирпича, через которого он купил за наличный расчет 2 кубометра досок на складе Укрдревлеса и 1 тонну цемента, был Карташев. Все эти материалы были доставлены Карташевым по распоряжению Октябрьского частью в больницу водников, а частью на завод «Запад», от директора которого Карташев по запискам, скрепленным печатью уполномо-

ченного несуществующей организации «ВИЗИ» и подписью Октябрьского получил 1500 руб.

Суд первой инстанции, исходя из того, что Карташев знал о договоренности Октябрьского с кладовщиком кирпичных заводов № 3—4 Островским о хищении кирпича, квалифицировал деяния Карташева по ст. 20 и закону 7/VIII 1932 г. применил к Карташеву меру наказания и.-т. работ сроком на один год.

Кассинстанция переквалифицировала обвинение Карташева по ст.ст. 20 и 180 УК УССР, оставив меру наказания, определенную судом первой инстанции.

Октябрьский совершил целый ряд преступлений, среди которых, если брать каждое в отдельности, одни должны быть квалифицированы как мошенничество, другие как растрата, третьи как хищение. Карташев никакого отношения ко всем преступлениям, совершенным Октябрьским, кроме одного хищения кирпича, не имел. Он в качестве служащего Октябрьского реализовал одно из многочисленных его преступлений — хищение 30 тыс. кирпича, не зная о преступном характере сделки.

При таких условиях нет никаких оснований ставить вопрос о соучастии Карташева в хищении или в мошенничестве.

Самый факт поступления Карташева на службу к Октябрьскому рисуется в следующем виде: рабочий, член ВКП(б), Карташев по приезде в Киев временно работал в политотделе ЮЗ, Карташев и Октябрьский давно знают друг друга — они уроженцы одного села; Карташев, оставшись без работы, встретив Октябрьского, обратился к нему, считая его членом партии, с просьбой помочь ему устроиться на работу. Октябрьский обещает ему устроить его, когда будет формироваться (в связи с переездом в Киев) аппарат секретариата ВУЦИК, а до этого он ему предложил временно поработать у него в представительстве, сопровождая перевозимые грузы. В такой роли Карташев проработал у Октябрьского с 15/VII до 1/IX 1934 г.

Таким образом инкриминируемое Карташеву приговором Днепровского бассейнового суда непосредственное выполнение преступных заданий Октябрьского о хищении государственных кооперативных средств не находит подтверждения ни в материалах предварительного, ни в материалах судебного следствия: данных, устанавливающих осведомленность Карташева о преступном характере выполняемых им заданий Октябрьского, в материалах предварительного и судебного следствия нет.

Карташев получает вначале кирпич по записке Октябрьского и с разрешения директора кирпичного завода Барака (о котором суд вынес постановление о привлечении его к уголовной ответственности), в дальнейшем он получал кирпич по запискам Октябрьского у кладовщика Островского. На вывозимый кирпич Карташев получает пропуск, вывозит его днем, везет в государственное учреждение. Никаких данных, хотя бы косвенно подтверждающих какую-либо материальную заинтересованность Карташева в операциях Октябрьского, в деле нет.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: приговор водно-транспортного суда Днепровского бассейна и определение водно-транспортной коллегии Верхсуда Союза в отношении Карташева отменить и дело о нем прекратить.

Кроме того судебно-надзорная коллегия вынесла частное постановление, в котором указала кассационному составу по данному делу на невнимательный надзор за водно-транспортными судами в части применения ими закона 7/VIII 1932 г.

Председателю водно-транспортной коллегии Верхсуда Союза предложено подвергнуть председательствовавшего в суде первой инстанции дисциплинарному взысканию и дать водно-транспортным судам указания о порядке и условиях применения закона 7/VIII.

Председательствовавшему по делу в кассационном присутствии водно-транспортной коллегии т. Мерен указано на оставление без замечания суду первой инстанции этого нарушения.

**
*

Линейный суд Рязано-Уральской ж. д. 17/IV 1935 г. признал виновными зав. клубом железнодорожников «Знамя труда» ст. Тамбов Самородова и завхоза Котова по ст. 116 УК и приговорил Самородова к лишению свободы на 2 года, а Котова — к лишению свободы на 1 г. 6 мес.

Транспортная коллегия, рассмотрев 10/V дело по жалобам осужденных, приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии в отношении обоих осужденных по следующим основаниям:

Весной 1934 г. Дорпрофсож постановил расширить помещение клуба «Знамя труда» путем пристройки. Пристройка и перестройка клуба производились в внеплановом порядке. Это обстоятельство затрудняло получение строительных материалов. Завклубом и завхозу приходилось изворачиваться, доставая материалы всякими способами.

По заявлению осужденных плохо было поставлено и финансирование клуба. Нехватало средств и на строительство и на зарплату.

Нехватка денег заставила осужденных продать кооптхозу часть досок, полученных на устройство забора вокруг парка клуба. Доски продавались по повышенной цене, в три, четыре раза дороже себестоимости. Вырученные деньги шли по заявлению осужденных на выплату зарплаты клубным работникам, в том числе и им.

Самородов и Котов осуждены за растрату этих сумм, будто бы поделенных между собой лишь на том основании, что продажа досок была неправильной и что С. и К. часто видели выпившими.

Ни на предварительном, ни на судебном следствии не были проверены следующие обстоятельства: а) на какую именно сумму было продано досок, б) была ли эта сумма оприходована и на что истрачена.

Самородову вменено в вину присвоение и продажа 150 стульев, принадлежащих клубу. Это обвинение также следствием не установлено. Никакими документами не подкреплено, что сверх принятых по акту и затем сданных 728 стульев существовали какие-то 150 стульев, которые Самородов мог отремонтировать и продать. Нет покупателя этих стульев, нет свидетелей купли-продажи, и это обвинение осно-

вано только на слухах и показании столяра, что он якобы стулья ремонтировал.

Самородов ремонта не отрицает, но утверждает, что ремонтируемые стулья входят в число принятых им 728 стульев. Это утверждение ничем по делу не опровергнуто.

Не расследован вопрос и о репродукторах, часть которых с точек установок была украдена, что вполне возможно, а часть, 40 штук, роздана различным лицам.

Рассматривать это как растрату Самородова без проверки, были ли получены за репродукторы деньги или почему за них не было уплачено, невозможно.

Котов утверждает, что некоторое количество фанеры, досок и краски для ремонта он получил за наличный расчет и представил об этом справку.

Такие же справки представлены о внесении в кассу денег за проданные доски на сумму 300 руб. и 1162 р. 88 к., и справка о том, что остальная сумма в 295 р. 76 к. с коопхоза получена новым руководством клуба при взаиморасчетах с коопхозом.

В деле нет ни одного ревизионного или бухгалтерского акта, указывающего на недостачу денег или имущества.

Половину приговора занимает обвинение Самородова в разложении клубной работы во время строительства.

Однако это обвинение по резолютивной части обвинительного заключения Самородову не было предъявлено в состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК, не входит и в приговор не могло быть включено как по формальным соображениям, так и по существу.

Клуб на время строительства с участием общественных организаций официально на торжественном вечере был закрыт. На этот вечер было истрачено 600 руб. Руководящие организации об этом знали и требовать от Самородова какой-то особой работы после этого до окончания строительных работ нельзя было.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила: приговор линсуда и определение транспортной коллегии отменить и дело вернуть на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

**
*

Нарсуд Звенигородского р-на Московской обл. 8/IV 1935 г. приговорил гр. Одинокова Н. Г. по закону 7/VIII 1932 г. к 10 годам лишения свободы за хищение товаров и продуктов винного склада РПС на 8368 р. 89 к.

УКК Мособлсуда 26/IV 1935 г. приговор в отношении Одинокова отменила и направила дело для нового рассмотрения, предложив суду проверить ссылку Одинокова на сдачу им 43 ящ. вина стоимостью 5998 руб. якобы для хранения б. зав. ЗРК РПС Полетаеву.

По протесту прокурора Московской обл. президиум Московского облсуда 11/VI 1935 г. определение УКК 26/IV 1935 г. в части отмены приговора об Одинокове отменил, указав, что представленная им расписка Полетаева в приеме вина «не может быть признана за юридический документ».

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор нарсуда, определение УКК Мособлсуда и постановление президиума Мособлсуда по следующим основаниям:

из дела видно, что Одиноков работал в качестве зав прод.-винным складом РПС по совместительству с заведыванием складом Заготзерна. Вследствие этого он имел большую загрузку. При проверке склада на 1/I 1934 г. была выявлена недостача в 4000 руб.

После этого Одиноков поставил перед правлением РПС вопрос об освобождении его от этой работы, ссылаясь на трудность работы в двух местах.

Несмотря на эти требования Одинакова, правление РПС от работы его не освободило.

Одиноков, будучи занят по складу Заготзерна, поручал рабочим производить операции по складу РПС.

Вследствие этого же учет и отчетность на складе были запутаны. Показателем запутанности учета может служить, например, то, что при выверке недостачи по складу три раза получалась разная сумма.

По делу также установлены случаи неправильного оформления и несвоевременного представления Одиноковым оправдательных документов. К числу таких документов следует отнести представленную Одиноковым неоформленную записку Полетаева в приеме 2/III 1934 г. 43 ящ. вина на 5998 руб. Между тем факт сдачи этого вина Полетаеву подтверждается тем, что при снятии остатков по магазину на 1/IV 1934 г. образовался излишек 38 ящ. из-под вина.

Таким образом сумма недостачи Одиноковым продуктов со склада не установлена.

При этих обстоятельствах надо считать, что обнаруженная на складе РПС недостача явилась следствием недостаточности внимания, уделяемого Одиноковым работе на складе РПС.

Уголовная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила переквалифицировать преступные действия Одинокова на ст. 111 УК и определить ему наказание и.-т. работ сроком на 1 год, с зачетом в порядке ст. 29 УК отбытого им срока лишения свободы.

**
*

Выездная сессия Днепропетровского областного суда признала виновным зав. Ново-Троицкой гострудсберкассой Аргунова Алексея Петровича в систематических хищениях совместно с другими осужденными по этому же делу служащими сберкассы 61 835 р. 03 к. и по закону 7/VIII приговорила к 10 годам лишения свободы.

Приговор Днепропетровского областного суда по этому делу в части осуждения Аргунова был оставлен в силе определением кассационной коллегии Верхсуда УССР.

Доказанность участия Аргунова в указанном хищении областной суд обосновал тем, что Аргунов после того, как бухгалтер сберкассы Грохоцкий был изобличен в хищении денег из сберкассы, не принимал никаких мер к устранению его от работы в сберкассе и дал ему тем самым возможность совершать дальнейшие хищения, а, с другой стороны, что своим примером неправильного расходования государственных средств Аргунов толкал работников сберкассы на совершение преступлений.

Материалами как предварительного, так и судебного следствия установлено, что прямые

хищения денег из Ново-Троицкой Гострудсберкассы в размере 54 893 р. 95 к. совершены были осужденными по настоящему делу Грохольским, Хомяковым и Пильником. Никакого участия в указанных хищениях, как это видно из находящегося в деле акта ревизии Ново-Троицкой сберкассы и из показаний осужденных по настоящему делу б. работников сберкассы Бобанского, Грохольского, Хомякова и Пильника, обвиняемый Аргунов не принимал.

Помимо указанного хищения 54 883 р. 95 к., актом той же ревизии установлено было незаконное получение с разрешения Аргунова рядом работников сберкассы, в том числе и самим Аргуновым, из сумм, предназначенных для премирования сельсоветов за проведение кампании по подписке на заем и из других фондов вознаграждения за особую работу по приписной сберкассе, за работу по проведению подписки на заем, компенсации за неиспользованный отпуск и т. п. всего в размере 6951 р. 08 к.

Не отрицая факта получения и раздачи работникам сберкассы указанной суммы без соответствующего оформления этих выдач, Аргунов как на предварительном, так и на судебном следствии утверждал, что он корыстной цели не преследовал, так как часть этих денег, полученная им лично, была израсходована на ремонт помещения сберкассы, на поездки по делам службы в Геническ, и только 280 руб. он получил лично для себя как компенсацию за неиспользованный отпуск.

Указанное объяснение Аргунова ничем ни на предварительном, ни на судебном следствии опровергнуто не было.

Никаких данных, устанавливающих участие Аргунова в прямом хищении денежных сумм из Ново-Троицкой гострудсберкассы в материалах дела нет.

Неувольнение Грохольского тотчас после обнаружения первого случая хищения последним из сберкассы Аргунов объяснил соответствующим распоряжением управления гострудсберкассы, которое по его, Аргунова, представлению отказалось уволить Грохольского впредь до приискания ему заместителя, каковое объяснение ни на предварительном, ни на судебном следствии проверено не было.

О преступлении, совершенном осужденным Пильником, сообщено было народному следователю самим Аргуновым (л. д. 43), а потому нет никаких оснований к утверждению, что последний укрывал совершаемые в Ново-Троицкой сберкассе злоупотребления.

Прокуратура Союза, считая, что деяние Аргунова неправильно квалифицировано облсудом по закону 7/VIII и должно расцениваться как злоупотребление им своим служебным положением по ст. 97 УК УССР, опротестовала приговор выездной сессии Днепропетровского областного суда.

Пленум Верхсуда УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, переквалифицировал деяние Аргунова с закона 7/VIII на ст.ст. 97 и 99 УК и определил ему меру наказания в 5 лет лишения свободы в и.-т. лагерь с поражением в правах на 3 года без конфискации имущества.

***

Нарсуд 2 участка Отрадненского р-на Северокавказского края приговорил по закону 7/VIII 1932 г. к 10 годам лишения свободы с конфискацией всего имущества: Лысенко И. Ф. председателя Подгорненского сельпо, Ермоленко Н. Д. заготовителя сельпо, Бугаева Т. Г. сырьевщика сельпо и Дьяконова А. И. зав. столовой сельпо.

Кассколлегия крайсуда приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза, считая, что закон 7/VIII 1932 г. в отношении всех осужденных был применен неправильно, опротестовала приговор суда по следующим основаниям:

Материалами дела установлено, что председателем Подгорненского сельпо осужденным Лысенко из фонда централизованных заготовок было незаконно отпущено сотрудникам сельпо и работавшим по договору с сельпо бондарям 2900 кг картофеля. Этот картофель, по распоряжению Лысенко, отпускался со склада сельпо Бугаевым. Несмотря на разбазаривание картофеля, установленный для сельпо план картофелезаготовок был все же перевыполнен.

Кроме того Лысенко через того же Бугаева производил также незаконный отпуск яиц из заготовительного фонда.

Вследствие преступной халатности Лысенко и заготовителя сельпо Ермоленко 2 га посевов кукурузы остались не прополотыми, и сельпо урожая с этой площади не получило. С остальных же 8 га урожай хотя и был собран, но не учтен и хранился без охраны в помещении бондарной мастерской. Часть кукурузы была переработана на муку, мука роздана сотрудникам сельпо, а часть кукурузы испорчена и употреблена на корм скоту. Из-за отсутствия учета урожая кукурузы установить, какое количество кукурузы было собрано и какое действительно израсходовано, не представилось возможным.

Что касается обнаруженных у осужденного Ермоленко 40 пуд. кукурузы, то по этому поводу материалами дела установлено следующее:

До поступления на работу в сельпо Ермоленко работал в заготпункте Утильсырье. У этого пункта также имелся посев кукурузы на площади в 4 га, причем в обработке этой площади под посев и в уборке урожая принимали участие работники заготовительного пункта. Собранный урожай кукурузы был поделен между ними и два воза получены Ермоленко. Никаких указаний о незаконных способах получения этой кукурузы в деле не имеется. Точно так же не имеется никаких оснований считать, что обнаруженная у Ермоленко кукуруза была им похищена из урожая кукурузы, принадлежащей сельпо.

В отношении осужденного по настоящему делу Дьяконова, заведующего столовой сельпо, установлено, что у него в столовой образовалась недостача по кассе в сумме 111 р. 52 к. и недостача продуктов на 156 р. 76 к.

Произведенным по этому поводу расследованием выяснено, что недостача по кассе произошла вследствие неправильной калькуляции себестоимости отпускаемых столовой обедов.

Что касается недостачи продуктов, то она произошла в результате хищения из подвала 45 кг мяса.

Кладовщик сельпо Рулев и бухгалтер Агулов высказали предположение, что хищение этого мяса произведено самим Лукьяновым, однако, достаточных доказательств в подтверждение этого предположения добыто не было.

Судебная коллегия по уголовным делам Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила переквалифицировать деяния Лысенко на ст. 109 УК, Ермоленко и Лукьянова на ст. 111 УК и Бугаева на ст. 17—109 УК, назначив меру наказания по два года лишения свободы каждому. Конфискацию имущества из приговора исключить.

**
*

Гр. Матузевич Ф. Ю. пом. зав. самодеятельной столовой № 11 была предана суду по обвинению в растрате 799 р. 07 к.

При рассмотрении этого дела суд вынес решение о производстве бухгалтерской экспертизы.

Экспертизой было установлено, что учет подотчетных сумм в столовой как выдаваемых зав. столовой Кузьминой, так и ее помощнице Матузевич велся на одном лицевом счете Кузьминой и лишь впоследствии на основе имевшихся у Матузевич документов был составлен ее отдельный счет.

В процессе экспертизы Матузевич представила расписку Кузьминой на 600 руб. и просила ее зачесть в погашение недостачи.

В результате экспертиза подтвердила наличие в столовой недостачи в 7999 р. 07 к. и установила, что из этой суммы только 115 р. 20 к. числятся за Матузевич, а 683 р. 87 к. числятся за Кузьминой. В связи с этим, помимо Матузевич, была предана суду и Кузьмина.

Эксперт-бухгалтер в судебное заседание не вызывался, и суд дело слушанием отложил, признав необходимым присутствие в суде эксперта.

В следующем заседании суд, хотя и нашел возможным слушать дело в отсутствии эксперта, но не смог вынести приговор, так как направил дело на доследование на предмет привлечения к уголовной ответственности бухгалтера столовой Коростелева. Основанием к этому послужили следующие соображения суда:

«... со стороны бухгалтера Коростелева имела место грубая халатность в ведении бухгалтерской отчетности по столовой; счета Кузьминой и Матузевич запутаны, благодаря чему они привлечены обе к уголовной ответственности, и кто из них произвел растрату установить не представляется возможным за кем какая сумма числится».

Несмотря на наличие такого рода соображений в отношении подсудимых Матузевич и Кузьминой, суд по привлечении Коростелева к уголовной ответственности по ст. 111 УК все же нашел возможным слушать дело по обвинению Матузевич и Кузьминой по ст. 116 УК.

4/VII 1934 г. нарсуд Бауманского р-на г. Москвы признал Коростелева виновным по ч. 2 ст. 112 УК, а Матузевич по ч. 1 ст. 116 УК и приговорил Коростелева к общественному порицанию, а Матузевич к 8 мес. и.-т. работам с взысканием в пользу столовой 799 р. 07 к., Кузьминой суд вынес оправдательный приговор.

Осуждение Матузевич по ст. 116 УК суд мотивировал тем, что первоначально сумма недостачи в столовой была установлена в размере 1002 руб., причем часть ее была покрыта за счет зарплаты Матузевич. На остаток в размере 799 руб. Матузевич было выдано обязательство о погашении.

Представленная Матузевич расписка на 600 руб., по мнению суда, «у ней не должна быть, так как ей не адресована» и Матузевич намеривалась использовать ее в целях сокрытия растраты.

Кассколлегия горсуда приговор нарсуда оставила в силе.

9/XII 1934 г. это дело, по протесту прокуратуры, рассматривалось президиумом горсуда.

Президиум констатировал, что «суд, при разборе дела, признав виновной Матузевич по ст. 116 УК, Кузьмину без достаточных оснований оправдал, мотивировав тем, что Матузевич старается свою вину сложить на Кузьмину, тогда как экспертиза точно выявила недостачу и у Матузевич и у Кузьминой».

Президиум горсуда отменил приговор и определение кассколлегии и передал дело на новое рассмотрение, обязав суд установить, действительно ли в данном случае имеет место растрата или недостача образовалась в результате запущенности бухгалтерии.

Кроме того горсуд обязал «точно проверить виновность Кузьминой, поскольку за ней числится недостача в 683 руб.».

28/XII 1934 г. нарсуд рассмотрел дело снова в отсутствии эксперта и допросил тех же свидетелей, которые допрашивались раньше.

Таким образом суд не выполнил указаний президиума горсуда и поэтому повторил ошибки, допущенные судом при первоначальном рассмотрении дела.

Суд вновь признал Матузевич виновной по ч. 1 ст. 116 УК, а Коростелева по ст. 112 УК и приговорил Матузевич к 8 мес. и.-т. работ с взысканием в пользу столовой 799 руб., Коростелева к общественному порицанию, а Кузьмину признал по суду оправданной.

Суд в подтверждение виновности Матузевич привел те же самые соображения, которые приводил суд при первоначальном рассмотрении дела, а именно, что Матузевич сама выдала обязательство о погашении остатка недостачи и что расписка на 600 руб. не может служить оправдательным документом.

Эти соображения не соответствуют обстоятельствам дела.

Основной причиной недостачи в столовой являлось хаотическое состояние отчетности, в чем единственным виновником являлся бухгалтер Коростелев, так как Кузьмина и Матузевич были несведущими в бухгалтерии.

По материалам дела не представляется возможным точно установить, у кого именно образовалась недостача — у Матузевич или у Кузьминой. В течение нескольких месяцев у Матузевич и Кузьминой был общий лицевой счет. И Матузевич и Кузьмина получали деньги в кассе столовой; брали их друг у друга, отчитывались документами самостоятельно и т. д. При этой системе неминуемо происходила путаница.

Что касается расписки на 600 руб., представленной Матузевич, то соображения суда о том, что эта расписка не могла попасть к Матузевич, являются неосновательными.

Между Матузевич и Кузьминой происходил обмен документами, так как они, помимо кассы, брали деньги и друг у друга.

При таком положении любая расписка могла оказаться и у Кузьминой и у Матузевич, причем установить, при каких обстоятельствах та или иная расписка передавалась, не представлялось возможным.

Из показаний свидетельницы Аксеновой — кассирши столовой видно, что расписку от имени Кузьминой на 600 руб. составила она, так как по просьбе управдома Клюева эта сумма была выдана ему в обмен на валютированные чеки за счет подотчетных сумм Кузьминой; потом расписка Кузьминой была возвращена, а взамен получены деньги.

Весьма возможно, что свою расписку Кузьмина вновь передала Матузевич, а от нее получила деньги.

Во всяком случае у суда не было достаточных оснований отнести 600 руб. на счет Матузевич или на счет Кузьминой, так как следует признать, что расписка на эту сумму является спорной.

Суд без всяких уже к тому оснований отнес на счет Матузевич 83 р. 76 к., которые были ошибочно сняты со счета Кузьминой.

В результате следует признать, что в связи с обнаружением в столовой № 11 недостачи в размере 799 р. 07 к. вопрос о ее возмещении подлежал разрешению в гражданском порядке путем предъявления иска к Матузевич и Кузьминой так как достаточных данных для того, чтобы считать эту недостачу растратой, у суда не имелось, точно так же не имелось оснований считать эту недостачу последствием халатного отношения Матузевич и Кузьминой к своим обязанностям, так как хаотическое состояние отчетности в столовой имело место по вине бухгалтера Коростелева, который и осужден за это по ч. 2 ст. 112 УК.

Таким образом осуждение Матузевич по ст. 116 УК являлось неправильным.

Судебная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор нарсуда в отношении Матузевич отменить и дело о ней в уголовном порядке в силу ст. 8 УК производством прекратить.

**
*

Нарсуд 12 участка Чечено-Ингушской автономной области приговорил гр. Товзуркаева Саида по закону 7/VIII к 10 годам лишения свободы.

Определением кассколлегии Чечено-Ингушского облсуда приговор нарсуда был утвержден.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение кассколлегии по следующим основаниям:

Основным преступлением, в котором был признан виновным б. заведующий центральным товарным складом Курговского сельпо Товзуркаев Саид, является неоприходование им полученных из Гудермесского сельпо по трем фактурам товаров на 26 266 руб. и присвоение вырученных от реализации этих товаров средств.

Как во время ревизии склада (показание на судебном следствии производившего ревизию Меренкова), так и на предварительном и судебном следствии обвиняемый Товзуркаев утверждал, что указанные товары были им получены без накладных непосредственно от б. председателя Курговского сельпо Гульматова, что деньги за них были им непосредственно вручены последнему и что соответствующие документы, устанавливающие уплату им Товзуркаевым, денег за полученные от Гульматова товары, находятся в следственном деле областного отдела НКВД по обвинению работников Курговского сельпо Шуйапова, Гульматова и Вахидова в различного рода злоупотреблениях по должности.

Несмотря на утверждение Товзуркаева о том, что указанное дело по обвинению работников Курговского сельпо возникло по его, Товзуркаева, заявлению, и несмотря на возбужденное им ходатайство о приостановлении слушания его дела до окончания следствия по этому делу, ходатайство Товзуркаева удовлетворено судом не было и дело это было разрешено без истребования и проверки тех оправдательных документов, на которые ссылался Товзуркаев.

Таким образом основное предъявленное Товзуркаеву обвинение как на предварительном, так и на судебном следствии осталось совершенно не расследованным.

Остальные обвинения, в которых был признан виновным Товзуркаев (незаконные наценки на товары, недостача и пр.), также являются недостаточно расследованными. Основаны они были, главным образом, на показаниях б. работников Курговского сельпо Гульматова, Вахидова и Шуайпова, которые по утверждению Товзуркаева, были им изобличены в различных злоупотреблениях и показания которых поэтому нуждаются в тщательной проверке, чего судом сделано не было.

По этим основаниям приговор нарсуда 12 участка Чечено-Ингушской автономной области не может быть оставлен в силе. При новом рассмотрении дела должно быть осмотрено находящееся в производстве органов НКВД дело о б. работниках Курговского сельпо Гульматове, Вахидове и Шуайпове для установления, по чьему сообщению возбуждено о них дело, в каких преступлениях они обвиняются, привлечены ли они к ответственности и имеются ли в деле документы, устанавливающие уплату Товзуркаевым 26 266 руб. за полученные им товары по трем фактурам.

Главным образом при дальнейшем производстве расследования должно быть объективно проверено путем осмотра в сельпо соответствующих документов утверждение Товзуркаева о том, что наценки на товар им самовольно не производились, и товары отпускались исключительно по той расценке, которая делалась в сельпо Гульматовым и др.

Президиум Чечено-Ингушского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда и определение кассколлегии отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Право-процесс-судоустройство в капиталистических странах

Польский уголовный процесс

До 1 августа 1929 г. на территории Польши действовали три УПК (австрийский — 1874 г. в бывших австрийских областях, германский — 1877 г. в бывших германских областях и российский — 1864 г. в областях, входивших ранее в состав б. Российской империи.

Польский УПК 1928 г. должен был положить конец этой множественности процессуального законодательства и стать единым для всей Польши. Однако этот «единый кодекс» вновь подвергся изменениям и в переработанном и дополненном виде вступил в силу в 1932 г.

Помимо УПК надо в дополнение к нему иметь в виду также: 1) закон 1924 г. о языке, на котором происходит судопроизводство; 2) закон 1927 г. о следственных судьях по делам исключительного значения; 3) закон 1927 г. о военном и исключительном положении; 4) закон 1928 г. об «ускоренном производстве».

Право возбуждения уголовного преследования принадлежит прокуратуре, суду, полиции и другим административным органам в пределах ведомственной компетенции.

Предварительное расследование имеет следующие формы: 1) дознание, 2) предварительное следствие.

Дознание производится прокуратурой, полицией по поручению прокуратуры и судом. Прокуратура обязана приступить к производству дознания как только ей станет известно о совершении преступления. Сами действия прокуратуры в порядке дознания могут производиться ею непосредственно, либо при помощи полиции, или судебных властей. В случаях необходимости обеспечить доказательства или ограничить дееспособность заподозренного прокуратура обязана обратиться к суду. Исключение допускается только при чрезвычайных обстоятельствах. Прокурор имеет право при производстве дознания выполнять судебные функции по допросу свидетелей без приведения к присяге, а также иные, если судья отсутствует. В этих случаях действия прокурора имеют силу судебных, а составленные прокурором протоколы — силу судебных протоколов. Суд действует в порядке дознания: по поручению прокуратуры или по своей инициативе. По представлению производящих дознание органов суд выполняет такие действия, на которые производящий дознание орган не правомочен (допрос подозреваемого, допрос с приведением к присяге, освидетельствование психического состояния заподозренного, производство обыска, задержание обвиняемого) или иные, о которых его просит орган дознания. По своей инициативе суд производит дознание только в тех случаях, когда отложение дознания грозит тяжкими последствиями. Действия эти могут быть произведены как следственным судьей, так и городским. Постановление о прекращении дознания может вынести только прокурор или суд. При прекращении дознания суд по представлению прокурора вправе в закрытом заседании вынести определение о применении мер воспитательных или «обеспечивающих». В этих случаях суд заслушивает заподозренного или его защитника.

Полиция вправе приступить к производству дознания как по своей инициативе, так и по поручению прокурора или суда. По поручению суда полиция действует по делам в порядке частного обвинения для принятия жалобы и обеспечения доказательств в пределах поручения, а также по преступлениям, которые подсудны городскому суду.

По предложению прокурора полиция производит либо все дознание целиком, либо выполняет отдельные действия в пределах предложения. По своей инициативе полиция вправе только принять меры к обеспечению сохранности следов преступления и доказательств.

Помогающим полиции или временно ее заменяющим органом являются представители гминной власти (староста, сотский).

Подозреваемый в процессе дознания не имеет никаких процессуальных прав. Он может оказаться даже неуведомленным о том, что против него производится дознание. Только при изъятии и обеспечении доказательств подозреваемый имеет право присутствовать. В то же самое время подозреваемый имеет право обратиться к защитнику. Допрос подозреваемого обязателен, если он подлежит задержанию. При допросе подозреваемый вправе сделать возражения по существу дознания. За разрешением на превенционный арест производящий дознание орган обязан обратиться в суд.

Прокурор на основании материалов дознания вправе направить дело в суд с обвинительным актом, войти с представлением о производстве предварительного следствия или прекратить дело производством. Направление дела в суд может иметь место со стороны прокурора даже без производства дознания «в случае необходимости».

Прекращенное прокурором дознание может быть возобновлено при наличии достаточных к тому оснований. Потерпевшему по делам частного обвинения принадлежит право подачи жалобы прокурору при апелляционном суде на прекращение дознания, постановление прокурора при апелляционном суде может быть обжаловано в апелляционный суд, определение которого является окончательным.

Дознание имеет целью добыть информационные материалы для обвинения (надлежит ли возбудить уголовное преследование или нет). Предварительное следствие имеет в виду установить для суда, является ли подозрение достаточно обоснованным для того, чтобы материалы поступили на судебное рассмотрение.

***

Предварительное следствие признается первой стадией уголовного процесса. Оно производится единоличным следственным судьей членом коллегиального суда первой инстанции, в большинстве случаев окружного суда.

Следственный судья приступает к производству предварительного следствия по делам, по которым оно обязательно по предложению прокурора или определению суда. Предложить следственному судье начать предварительное следствие имеют право также председатели окружного и апелляционного судов в порядке рассмотрения жалоб на постановления прокурора при апелляционном суде. Если предложение о производстве предварительного следствия сделано, по делу, по которому предварительное следствие по закону необязательно, вопрос о производстве этого предварительного следствия разрешается самим следственным судьей, а по жалобе на него — окружным судом. Следственный судья пользуется полной самостоятельностью при производстве предварительного следствия. Прокуратуре принадлежит право вносить свои предложения следственному судье и просматривать акты предварительного следствия. Обвиняемый должен быть обязательно допрошен в ходе предварительного следствия, хотя бы он и ранее был допрошен. Обвиняемый вправе приводить все обстоятельства, которые, по его мнению, служат к его защите, вправе не отвечать на задаваемые вопросы и не может быть незаконными способами понуждаем к даче показаний. По окончании предварительного следствия следственный судья обязан вновь допросить обвиняемого, ознакомить его с тяжестью собранных против него доказательств и представить обвиняемому возможность указать на доказательства его невиновности. Следственный судья обязан выяснить взаимоотношения обвиняемого по делу, независимо от его указаний. Обвиняемый вправе в ходе предварительного следствия заявлять ходатайства по существу дела и в случае отказа следственного судьи в удовлетворении этих ходатайств — обжаловать. Обвиняемому предоставляется право присутствовать при следственных действиях, которые имеют целью собирание доказательств. Защита допускается в ходе предварительного следствия, но ознакомление защитника с материалами предварительного следствия еще в ходе его может быть произведено только с разрешения следственного судьи.

Право прекратить предварительное следствие принадлежит следственному судье, но либо по представлению прокурора, либо с согласия прокурора. О прекращении дела в стадии предварительного следствия следственный судья извещает обвиняемого и потерпевшего. Постановление о прекращении дела может быть обжаловано в окружной суд. Дело, прекращенное в стадии предварительного следствия, может быть возобновлено только по вновь открывшимся обстоятельствам. Постановление об окончании предварительного следствия следственный судья направляет прокурору, которому принадлежит право вернуть следственное производство для доследования. С момента окончания предварительного следствия избрание или отмена мер пресечения принадлежит суду.

Польский УПК стремится ограничить категорию дел, по которым обязательно производство предварительного следствия.

***

Обвинительный акт составляется прокурором. Обвинительный акт вносится в тот суд, который должен вынести приговор. Формальные дефекты в содержании обвинительного акта не могут служить основанием к опротестованию обвинительного акта. Обвинительный акт вручается обвиняемому немедленно по представлении его прокурором в суд. Обвиняемому предоставляется право принести возражения против обвинительного акта. Возражение должно быть обязательно составлено и подписано защитником. Возражение не принимается после того, как обвинительный акт уже поступил на утверждение суда.

Польский УПК придерживается французско-австрийской системы в своем отношении к обвинительному акту. Суд первой инстанции может рассмотреть прежде всего и возражения обвиняемого и вправе приостановить вручение обвинительного акта, постановить о необходимости доследования или иного направления дела по усмотрению председателя. Прокурору предоставлено право опротестовать такое постановление суда. В исключительных случаях суд может постановить о необходимости составить новый обвинительный акт. Такое право принадлежит апелляционному суду при наличии жалобы на неправильный отказ в возбуждении уголовного преследования или прекращения дела в стадии дознания. В этом случае обвиняемый не имеет права принести возражения против обвинительного акта, а председательствующий не вправе со своей стороны опротестовать составление обвинительного акта.

Председательствующий руководит судебным следствием. Порядок представления доказательств устанавливается им же. Как правило, доказательства обвинения имеют первенство перед доказательствами, служащими в защиту обвиняемого. Подлежат рассмотрению все доказательства, если они допущены судом. При дознании обвиняемым своей вины суд вправе устранить рассмотрение доказательств и перейти к прениям сторон. Стороны в ходе процесса имеют право заявлять ходатайства о представлении новых доказательств, если эти доказательства могут иметь влияние на существо приговора.

***

В приговоре может быть вменено обвиняемому в вину только то деяние, которое описано в обвинительном акте, но правовая квалификация этого деяния может и не совпасть с квалификацией обвинительного акта. Исключение может иметь место только с согласия сторон. Изменение правовой квалификации может быть произведено только после разъяснения об этом обвиняемому с предоставлением ему возможности защиты. Если измененная квалификация угрожает более тяжким наказанием, то суд должен возобновить судебное следствие и предупредить стороны об изменении квалификации.

Применение предусмотренных ст.ст. 79—85 УК «обеспечивающих мер» и «мер воспитательных» определяется соответствующим судом. При прекращении дела в стадии дознания окружной суд вправе постановить о помещении подозреваемого психически больного или наркомана в лечебное учреждение, любого заподозренного в дом принудительного труда или рецидивиста в заведение для неисправимых.

Эти характерные для фашистского польского суда постановления, выражающиеся в назначе-

нии заключения на неопределенный срок «в меру необходимости», должны быть оформлены приговором.

В апелляционном порядке могут быть обжалованы приговоры судов городских и окружных по первой инстанции. Доказательства в апелляционном суде бывают двух категорий: бывшие уже в рассмотрении суда первой инстанции и новые. В отношении первых новое рассмотрение имеет место только в случаях, когда сторона оспаривает запись в протоколе судебного заседания или когда в протоколе отсутствуют такие обстоятельства, оценка которых может повлиять на вывод о вине. В отношении вторых суд должен установить, что доказательства эти действительно новые или что стороне не было известно о них во время рассмотрения дела в первой инстанции. Ходатайство прокурора о допущении новых доказательств подлежит безусловному удовлетворению. Апелляционный суд может оставить жалобу без рассмотрения за несоблюдением процессуальных норм, без удовлетворения при отсутствии оснований к отмене приговора или может передать дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, если первоначальное рассмотрение сопровождалось такими нарушениями, которые делают приговор недействительным.

При подаче кассационной жалобы сторона должна обязательно внести залог, который не подлежит возвращению в случае оставления кассационной жалобы без последствий. Кассационная жалоба должна быть обязательно составлена защитником и подписана последним. Верховный суд предварительно рассматривает вопрос, удовлетворяет ли кассационная жалоба формальным требованиям и в случае несоблюдения этих требований оставляет ее без рассмотрения.

Кассационное рассмотрение может происходить в отсутствие сторон, которые не уведомляются о дне слушания дела. Присутствующие стороны могут давать устные объяснения. Жалобщику предоставляется право последнего слова.

Доказательствами в кассационном суде служат только протоколы. Кассационный суд вправе изменить ошибочную квалификацию содеянного, если не требуется никаких новых процессуальных действий, обратить дело к новому рассмотрению и вынести оправдательный приговор. При новом рассмотрении в суде первой инстанции оно может иметь место только в другом составе судей. При новом рассмотрении суд первой инстанции связан правовыми указаниями кассационного суда, но может увеличить или уменьшить наказание вне зависимости от того, отменен ли приговор по жалобе осужденного или нет. Прокурору принадлежит право обжаловать любой приговор в целях единообразного применения и истолкования закона. Рассмотрение прокурорского протеста в этом случае происходит без участия осужденного.

Просьба о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам обязательно составляется и подписывается защитником. Подача ее никаким сроком не ограничена. По делам, рассмотренным городским судом, такие просьбы подаются в апелляционный суд, по всем остальным — в суд верховный. Просьба эта может быть отклонена судом или может повлечь отмену приговора с обязательным обращением дела к новому рассмотрению. Новое рассмотрение происходит на общих основаниях, и в случае отмены приговора в интересах обвиняемого суд обязан соблюсти...

Право помилования принадлежит президенту республики (ст. 47 конституции). Просьба о помиловании подается в суд первой инстанции, вынесший приговор. Этот суд может оставить просьбу о помиловании без движения, если считает, что осужденный не заслуживает помилования. В положительных случаях суд пересылает просьбу о помиловании со своим заключением в министерство юстиции через суд второй инстанции, который в свою очередь может оставить эту жалобу без движения. Судьба просьбы о помиловании разрешается судом в том же составе, который вынес приговор. Решение суда об отклонении просьбы о помиловании или об оставлении ее без движения обжалованию не подлежит.

***

Порядок рассмотрения дел в исключительных судах установлен законом от 19/III 1928 г. с изменениями, изложенными в ст. 24 УК.

Этот закон, «передающий ряд дел и в первую очередь политических, на рассмотрение исключительных судов обязывает предусмотренные УК репрессии в виде лишения свободы заменять смертной казнью. Нечего и говорить, что уголовный кодекс особо беспощадно подходит к государственным «преступлениям», к компартии и революционным выступлениям вообще. В эту сторону направлено основное острие закона польской буржуазии, уже неудовлетворяющейся **нормальными** методами подавления своих классовых врагов и вынужденной пускать в ход **чрезвычайные меры** репрессии, менее всего напоминающие меры правового характера»[1].

Исключительным судам подсудны не только исполнители, но и подстрекатели и пособники как оконченных преступлений, так и покушений на них. Предварительное следствие не производится. Срок дознания ограничен 90 днями с момента совершения преступления. Обвинительный акт должен быть составлен не позднее 21 дня с момента ареста обвиняемого. Прокурор вправе обратиться к следственному судье или в городской суд за выполнением отдельных следственных действий. Обвинительный акт может не содержать в себе обоснований и не подлежит оспариванию со стороны обвиняемого. Защита в исключительном суде обязательна. Рассмотрение дела заканчивается либо вынесением приговора, либо передачей дела по линии общей подсудности. Наказанием в основном является смертная казнь. Правила УК о смягчающих вину обстоятельствах не применяются. Приговор исключительного суда вступает в силу немедленно по оглашении и приводится в исполнение в течение 24 час. с момента оглашения.

***

[1] А. Я. Вышинский и В. С. Ундревич «Курс уголовного процесса», т I, стр. 267—268

Производство по делам с суммарной юрисдикцией имеет место в судах городских, в судах окружных (судья единолично) и по делам уголовно-административным. Предварительное следствие по этим делам не допускается, прокурор, как правило, не участвует в рассмотрении этих дел. Обвинение поддерживается полицейскими или представителями иных административных органов по делам их ведомств. Обвинительный акт не составляется, нет производства по преданию суду. Допрос свидетелей может быть произведен через городской суд по месту нахождения свидетелей.

Сюда же относится производство в порядке судебных приказов в пределах компетентных городских судов. Оно имеет место в случаях, не возбуждающих у суда сомнений, с применением наказания до 14 дней ареста. На судебные приказы может быть принесено возражение. Приказ, оставленный без возражения в течение 7 дней, считается правомочным приговором. Окружной суд (единоличный судья) рассматривает в порядке суммарной юрисдикции дела о проступках и нарушениях. На приговор окружного суда в этом порядке может быть подана апелляция, которую в апелляционном суде тоже рассматривает единоличный судья. Апелляционная жалоба может быть подана только на приговор, осуждающий к лишению свободы до двух лет или к штрафу.

В институте уголовной политики

Единый учет преступлений и наказаний

I всесоюзное совещание по уголовной статистике поручило Институту уголовной политики разработку проекта единого учета преступлений.

В исполнение этого поручения на заседании Института уголовной политики и секции ИССП Комакадемии 22/X 1935 г. проф. А. А. Герцензон сделал доклад о «Проблеме единого учета преступлений и наказаний». Докладчик особо ставит вопрос о «едином» и «единообразном» учете.

«По своей идее, — говорит докладчик, — единый учет преступлений предполагает такую организацию советской уголовной статистики, при которой ее отдельные звенья (статистика милиции, прокуратуры, суда, исправительно-трудовых органов), исходя из единых организационно-методологических предпосылок, увязаны в единой программе учетно-статистических показателей, обеспечивающих правильный учет единой по своему содержанию системы борьбы с преступлениями и, наконец, базируются на едином первичном учете «преступления» и «преступника».

Основой такого «единого» учета является единый учетный документ на преступление и преступника. Отличительным моментом этого единого учетного документа является его «динамичность»: этот документ следует за делом с момента его возникновения до завершения его выполнением приговора.

Это должно дать следующие результаты:

«1. Окончательно ликвидировать разрыв между статистической отчетностью органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений.

2. Уничтожить дублированный учет одних и тех же фактов в различных органах.

3. Рационализировать учет.

4. Обеспечить не только регистрацию одного определенного момента, но и динамический охват всего процесса борьбы с преступлениями.

5. Внедрить в отчетность единый, стандартный документ первичного учета взамен множественности этих документов в действующей отчетности».

По мере нахождения новых фактов по делу и по мере движения уголовного дела учетный документ должен пополняться новыми сведениями. В том органе, где находится данное дело, учетный документ используется и для оперативно-справочных целей, и для статистического отчета. При «единообразном» учете учетно-статистический документ на уголовное дело не следует за делом, а остается в том органе, который его составил, как это имеет место и в действующей отчетности. Отличием «единообразной» отчетности от ныне действующей является то, что при «единообразной» отчетности согласованы программы статистической отчетности в различных ведомствах, ведущих борьбу с преступлениями, и тем самым ликвидированы противоречия и неувязки в разнородных системах учета преступлений и наказаний.

Статистические данные такой «единообразной» отчетности позволят, как говорит докладчик, «ответить на основные запросы уголовной политики о количестве и характере выявленных преступлений, о числе и составе преступников и о степени реализации мер наказаний». Материалы единообразной отчетности могут быть систематизированы в виде сводной статистической таблицы показателей органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений и дадут, таким образом, «достаточно полную картину всего процесса борьбы с преступностью и позволят судить о результатах (а следовательно, в известной мере и об эффективности) практической уголовной политики». Сводная таблица «позволяет судить, хотя и неполностью, о согласованности работы отдель-

ных звеньев советской уголовной политики», и «дает возможность анализа уголовной политики по большому числу видов преступлений». Докладчик подчеркнул, что «введение в жизнь указанной таблицы, являющейся результатом согласования ведомственной отчетности, не разрешает еще полностью вопроса о ликвидации дефектов в учете и отчетности органов расследования, суда, исправительно-трудовых учреждений». Еще не устраняется дублированный учет дел в различных органах расследования, а при сопоставлении различных показателей необходимо помнить, что это сопоставление методологически не вполне правильно, так как показатели учитывают **различные** дела за один и тот же календарный отрезок времени. Решающим моментом для введения в жизнь «единообразной», т. е. согласованной системы ведомственной отчетности, докладчик считает то, что такая согласованная система «вплотную подводит нас к проблеме единого учета преступлений и наказаний, являясь в ее реализации первым организационным шагом». Конечной целью и «единообразного» и «единого» учета является представление регулярных отчетов директивным органам о динамике преступности и наказаний.

Согласование ведомственной отчетности охватывает, по мысли докладчика, не все, а лишь важнейшие показатели, следовательно, не все документы первичного учета и не все формы отчетности. Равным образом «единый» учет заменит собой не всю а лишь определенно выбранную часть ведомственной оперативной отчетности. В докладе дана и история вопроса о едином учете преступлений и обстоятельная характеристика действующей отчетности органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений.

В докладе А. А. Герцензона не только поставлена актуальнейшая проблема советской уголовной статистики, но и дано практическое преломление этой проблемы: разработан целый ряд практических организационных мероприятий по введению в жизнь как согласования ведомственной отчетности, так и единого учета преступлений и наказаний и даны проекты таблицы и самого первичного учетного документа.

Доклад вызвал громаднейший интерес всех присутствующих в том числе и практических работников. Самая идея единого учета была принята всеми присутствующими без всяких возражений. Отдельные же положения доклада, естественно, подверглись дискуссии. Почти всеми выступавшими в прениях отмечались организационные трудности проведения единого учета и необходимость широкого обсуждения вопроса представителями заинтересованных ведомств. Отмечалось значение единого учета для центрального учета судимости, для учета условного осуждения, для паспортизации. Особо отмечалась ценность единого учета, как системы учета, дающей возможность учитывать **результаты** работы органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений. Отмечалось в то же время, что в докладе не доработан вопрос об учете в исправительно-трудовых органах.

Все выступавшие признавали, что система единого учета полностью пригодна для оперативного руководства и ни в какой мере не усложнит, а, наоборот, улучшит действующую отчетность.

В заключительном слове докладчик указал, что вопрос о согласовании ведомственной отчетности и о введении единого учета достаточно назрел в ведомственных органах, интерес к вопросу имеется и потому целесообразно создать комиссию для детальной проработки проекта.

В результате заседания избрана комиссия, в которую должны войти и представители заинтересованных ведомств всех органов НКВД, Прокуратуры и Верхсуда Союза ССР, ИССП Комакадемии, Института уголовной политики и ЦУНХУ. В работу комиссии входит постановка вопроса на ведомственных оперативных совещаниях в целях обеспечения практической реализации реформы учета.

М. Авдеева.

Библиография

«ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ». Книга 1. Труды Института уголовной политики и секции уголовной политики ИССП Комакадемии. Гос. изд. «Советское законодательство», 1935 г., с. 208. Тираж 2200, цена 4 р. 40 к.

Изданием «Проблем уголовной политики» Институт уголовной политики и Институт советского строительства и права заполняют большой пробел, образовавшийся в нашей уголовно-правовой литературе за ряд последних лет.

В восстановительный период книжный рынок наводнялся откровенно-буржуазной или псевдомарксистской литературой по вопросам уголовной политики и права; специально юридические журналы нередко служили трибуной для буржуазных криминалистов (журналы «Советское право», «Право и жизнь», «Революционная законность», «Проблемы преступности» и т. д.).

Начиная, примерно, с 1927 г. на страницах органа Комакадемии «Революция права» эти буржуазно юридические высказывания подвергались жестокой критике, и через несколько лет было прекращено издание подобного рода сборников и журналов, посвященных исследованию отдельных проблем уголовной политики и права. В дальнейшем группа научных работников, сплотившаяся вокруг Коммунистической академии, а позднее также и вокруг Института уголовной политики, развернула большую

плодотворную работу в области исследования проблем уголовной политики и права. Наша уголовно-правовая литература обогатилась рядом ценных трудов, монографий, учебных пособий по вопросам уголовного права, исправительно-трудовой политики и т. д. Однако научные и практические работники довольно остро ощущали отсутствие такого издания, в котором бы более или менее систематически освещались не только общие, но и специальные вопросы теории и практики борьбы пролетарского государства с преступностью.

Нужно поэтому всячески приветствовать издание серии сборников «Проблемы уголовной политики», первая книга которых в настоящее время вышла в свет.

Первое, что должно быть отмечено в отношении этой книги, это единство отправных, методологических установок авторов содержательного и интересного сборника.

Если в издававшихся ранее «Проблемах преступности» (вышло 4 сборника и ряд специализированных сборников) редакция предоставляла авторам — буржуазным юристам возможность высказывания различных оттенков буржуазной уголовно-правовой мысли, и сборники представляли собой довольно любопытное зрелище — борьбы буржуазно-правовых школ в советских условиях, то рецензируемый сборник должен быть охарактеризован, как имеющий четкую и выдержанную в политическом и методологическом отношении физиономию. Работы, помещенные в сборнике, стоят на высоком теоретическом уровне, пронизаны марксо-ленинской методологией и практикой социалистического строительства, содержат богатый фактический материал, подвергнутый широким обобщениям. Содержание сборника следует признать в высшей степени актуальным: две статьи посвящены узловым проблемам реформы уголовного законодательства, несколько статей рассматривают проблему наказания, помещен большой обзор о преступности и репрессии в СССР, наконец, даны статьи, рассматривающие уголовную политику и право капиталистических государств. Сборник заканчивается обстоятельным отделом рецензий.

Вопросу реформы уголовного законодательства посвящена статья Н. В. Крыленко «Проект уголовного кодекса Союза ССР», представляющая собой переработку доклада автора на ту же тему. Автор, намечая предпосылки проекта УК, в сжатом изложении дает историю развития основных положений советского уголовного права. Особое внимание автор уделил критике проекта УК в редакции ИССП Комакадемии, в составлении которого он принимал в свое время активнейшее участие. Тов. Крыленко указывает на основные ошибки, которые в 1930 г. были допущены при составлении этого проекта: механическое противоставление задач подавления и воспитания, ликвидация дозировки в применении наказания, отказ от деления УК на общую и особенную часть, отказ от исчерпывающего перечня преступлений, недооценка задач охраны социалистической собственности и т. д. Впрочем, по вопросу о дозировке автор и ныне стоит на той точке зрения, что сохранение ее в УК является неправильным, своего рода «уступкой», хотя с другой стороны автор не может не признать значения дозировки при определении меры наказания, в котором он ныне уже усматривает не только «обезопашение» преступника, но и известное «стимулирование», угрозу, устрашение... Нам кажется, что в этой в высшей степени интересной и политически заостренной статье, автор уделил излишнее, хотя и понятное в связи с большой полемикой по данному делу, внимание проблеме дозировки, недостаточно подробно изложив самые принципы нового проекта УК. Вследствие этого последний проект УК СССР изложен несколько бледновато и слишком общо.

Так например, т. Крыленко, указывая на «основные требования дня» — на необходимость «коренного пересмотра всех составов и всех мер репрессии, исходя из принципа исчерпывающего, а не ориентировочного перечня этих составов в наиболее совершенной их редакции», подчеркивает следующие 4 требования, которым должен удовлетворять новый УК: гибкость, точность, суровость и принципиальность. Против этих требований, конечно, ничего нельзя возразить. Но вряд ли можно согласиться с тем, что эти четыре требования характеризуют новый УК, не говоря уже о том, что здесь совершенно не отражена проблема воспитания, как одна из важнейших задач, поставленных перед УК.

Статья т. Вышинского посвящена реформе Уголовно-процессуального кодекса. В сжатой форме дается изложение истории реформы УПК, которая, как подчеркивает автор, «представляет собой лишь один из актов целой цепи мероприятий правительства и партии, направленных на укрепление пролетарского государства, укрепление революционной законности и социалистического правосознания». Тов. Вышинский подчеркивает, что проблемы уголовного процесса становятся особенно актуальными в настоящее время, когда на очереди дня стоит задача изменения советской конституции, на основе дальнейшего развертывания советской демократии.

Проект УПК, составленный комиссией под редакцией т. Вышинского, исходит из идеи единого процесса, тем самым в корне отрицая попытки создания двух процессов.

Тов. Вышинский дает в своей статье развернутую аргументацию необходимости максимальной демократизации уголовного процесса, как выражения развития пролетарской демократии.

Противопоставляя уголовный процесс пролетарского государства процессу фашистского государства, возрождающего инквизиционные методы средневековья, автор указывает: «В совершенно противоположном направлении идет развитие... советского уголовного процесса, основной характер которого, вытекающий из принципов пролетарской демократии, требует обеспечения в суде широкой гласности, равенства сторон, полного контроля за их деятельностью со стороны суда и самодеятельности суда во всех вопросах, связанных с разрешением каждого данного конкретного дела». Тов. Вышинский далее указывает на конкретизацию этих основных политических предпосылок в самом проекте: широкое участие в процессе рабоче-колхозного актива, допущение открытого следствия, введение камер предания суду, участие в ряде случаев, в распорядительных заседаниях, обвиняемых и т. д. В заключение своей политически-заостренной и глубоко-со-

держательной статьи т. Вышинский подчеркивает, что новый проект сыграет сыръезнейшую роль в деле укрепления социалистической законности, в борьбе за окончательное превращение советского суда в школу дисциплины и самодисциплины трудящихся.

Большое место в сборнике занимает статья т. Волкова «Наказание в советском уголовном праве», представляющая собой, несомненно, наиболее интересную и содержательную работу, написанную по этому вопросу за ряд последних лет.

Указывая, что в работах Ленина—Сталина содержание уголовной репрессии раскрыто последовательно и исчерпывающе полно, т. Волков вместе с тем показывает, как наше уголовное законодательство и наша теоретическая мысль страдали в этом вопросе недостаточной четкостью. Автор ярко показывает то вредное влияние, которое оказала на развитие учения о наказании в нашей литературе и в нашем законодательстве теория «мер социальной защиты». С другой стороны, автор подчеркивает недостаточность формулировки «репрессия», принятой проектом УК 1931 г. в редакции ИССП, где механически противопоставлялись задачи подавления и воспитания, вследствие чего «проект не давал таким образом формулировки, которая представляла бы подавление и принудительное воспитание, сведенные воедино в правовом опосредствовании, т. е. не давал формулировки наказания».

Тов. Волков заостряет внимание на самом термине наказание, правильно подчеркивая что это вопрос не узко терминологический, а глубоко принципиальный.

Автор приводит ряд доказательств того, что термин наказание не является понятием, связанным исключительно с буржуазным уголовным правом, в частности с его классической школой. Наказание — термин, присущий любому классовому государству. Но каждое классовое государство вкладывает в этот термин свое содержание. Далее автор развивает ряд соображений, иллюстрирующих выдвигаемое им положение о том, что наказание, применяемое советским судом, неизбежно связано с причинением страдания (которое, однако, не является целью этого наказания — в противоположность буржуазному наказанию), с осуждением и порицанием преступника, с виной преступника (которая не рассматривается, однако, как выражение свободы воли), с дозировкой наказания (которая не является вместе с тем самоцелью).

В заключительной части своей в высшей степени интересной работы т. Волков показывает на большом конкретном материале классовую сущность наказания, применяемого советским судом и специфику советской уголовной политики, сочетающей элементы подавления и принудительного воспитания к дисциплине. Проблема наказания в советском уголовном праве, несомненно, благодаря работе т. Волкова, получила новое, интересное, основанное на глубоком изучении работ Ленина — Сталина, освещение. Нужно пожелать, чтобы автор углубил свою работу и выпустил ее отдельной монографией.

К статье т. Волкова примыкает по своему содержанию интересная, основанная на изучении большого конкретного материала, статья т. Авербах «Проблема закрепления перековки». В этой статье автор обобщает опыт работы НКВД в исправительно-трудовых лагерях. Тов. Авербах описывает грандиозную работу чекистов по перековке сознания бывших классовых врагов, профессиональных преступников, рецидивистов, глубоко разложившихся, деклассированных элементов. Автор указывает на необходимость уделить особое внимание закреплению «перековки». Наибольшие трудности в этом деле наблюдаются при индивидуальном освобождении заключенных, которые нередко предоставляются сами себе, и нередко случаи возвращения их на путь уголовщины. Необходимо максимальное внимание советской общественности к делу закрепления перековки.

Анализу конкретных форм преступности и репрессии в Советском союзе посвящена статья т. Шляпочникова «Преступность и репрессия в СССР». Рассматривая изменение форм классовой борьбы в Советском союзе за последние пять лет, автор, приводя богатый статистический материал, анализирует динамику преступности и формы преступлений за эти же годы. Автор последовательно рассматривает динамику основных видов преступлений, изменение преступности в городе и в деревне; особо выделен вопрос о борьбе с хищениями социалистической собственности, о борьбе с преступлениями в области хозполиткампании, о борьбе с должностными и хозяйственными преступлениями. Большое внимание в обзоре уделено борьбе с преступлениями, направленными на личность и имущество трудящихся.

В заключение т. Шляпочников рассматривает тенденцию развития уголовно-судебной политики в свете директивы 8 мая 1933 г., указывая на ряд дефектов в карательной политике судов.

В целом, содержательная статья т. Шляпочникова дает ясную, четкую картину состояния преступности в СССР, тенденции развития отдельных видов преступлений и их форм за ряд последних лет и характера уголовно-судебной репрессии.

Статья т. Шляпочникова в значительной мере заполняет тот пробел, который за последние годы образовался в освещении конкретных форм преступности, динамики преступности и уголовно-судебной репрессии. Такие обзоры крайне необходимы для обобщения практики борьбы с преступностью и нужно всячески приветствовать инициативу, проявленную т. Шляпочниковым в составлении подробного рода обзоров. Работа т. Шляпочникова, основанная на материалах, разработанных Институтом уголовной политики, несомненно выходит за рамки простого обзора, представляя собой самостоятельный научный интерес.

В связи с изучением динамики преступности, большое значение приобретает вопрос об уголовной статистике, которая относится к числу наименее разработанных в советской литературе проблем. Вопросам уголовной статистики было посвящено состоявшееся в 1934 г. 1 всесоюзное совещание по уголовной статистике. Статья т. Волкова «Уголовная статистика в связи с уголовной политикой», представляющая собой литературную обработку доклада на этом совещании, затрагивает узловые вопросы теории уголовной статистики, в частности, вопрос о соотношении между уголовной полити-

кой и уголовной статистикой и вопрос о методологических предпосылках советской уголовной статистики. Подвергая глубокой критике буржуазную теорию «факторов», т. Волков раскрывает основы марксо-ленинской методологии уголовной статистики.

Две следующие статьи посвящены исследованиям уголовного права Германии и Японии.

В статье т. Маньковского «Расовая теория уголовного права германского фашизма» дается развернутая критика расовой «теории» уголовного права, раскрывается ее классовая сущность и методологическая бесплодность. Автор анализирует установки не только «специалистов фашизма от уголовного права», но и «самих вождей» фашизма — Гитлера, Геринга в их высказываниях, относящихся к обоснованию пресловутой расовой теории.

Работа т. Маньковского, представляющая собой первую статью из намеченых им очерков, будет прочитана с большим интересом не только специалистами в области уголовного права, но и всеми теми, кто интересуется изучением звериной философии современного германского фашизма. Статья представляет интерес как одна из первых попыток изучения «новейших» теорий уголовного права в странах фашизма.

Статья т. Пионтковского «Уголовная политика Японии» представляет собой часть большой монографии автора на ту же тему и является первой попыткой марксистского освещения уголовной политики и уголовного права Японии. Автор удачно преодолел стоявшие перед ним трудности, дал глубокий анализ социально-политических особенностей японского империализма и ярко осветил уголовную политику и право Японии. Работа т. Пионтковского представляет собой исключительную политическую актуальность и должна быть рекомендована всем нашим научным работникам, учащимся и практическим деятелям юстиции.

«Проблемы уголовной политики» заканчиваются большим разделом критики и библиографии, в котором даны обстоятельные рецензии на «Курс уголовного процесса» т.т. Вышинского—Уидревича (автор рецензии т. Крыленко), на работу т. Крыленко «Ленин о суде» (автор тов. Пашуканис), на учебник т. Утевского «Советская исправительно-трудовая политика» (автор т. Тадевосян).

Таково содержание первой книги «Проблемы уголовной политики», отличающейся глубиной и разносторонностью содержания, актуальностью и политической заостренностью поставленных проблем. «Проблемы» с интересом будут прочитаны не только нашими научными работниками криминалистами, но в дальнейшем сделается настольной книгой активного работника юстиции, студента и преподавателя правового института.

Необходимо, чтобы последующие сборники были в большей степени обращены к нашей практической уголовной политике, чтобы они ставили и разрешали не только общие вопросы уголовного права, но и специальные вопросы изучения отдельных видов преступлений и мер борьбы с ними, не снижая, разумеется, теоретического уровня самих работ. Нужно, с другой стороны, пожелать, чтобы на страницах «Проблем» нашла достаточное отражение научная жизнь Института уголовной политики и секций уголовной политики ИССП Комакадемии.

«Проблемы» хорошо оформлены. Издательство «Советское законодательство» за последний год обратило серьезное внимание на оформление юридической литературы, и это нужно всячески приветствовать. Следует признать совершенно недостаточным крайне ограниченный тираж (2200 экз.), который явно не удовлетворяет массу читательского актива.

А. Герцензон.

А. А. Герцензон «Советская уголовная статистика». Учебное пособие для Институтов советского права и юридических курсов. «Советское законодательство» 1935 г., стр. 127. Цена 2 р. 25 к.

В нашей литературе впервые появляется учебник по советской уголовной статистике.

Автору пришлось самостоятельно строить систему учебника по советской уголовной статистике. Поэтому необходимо учесть при оценке данной работы, что она является первым опытом систематического освещения основных проблем советской уголовной статистики.

В учебнике дается анализ уголовной статистики капиталистических государств, основ советской уголовной статистики, теории советской уголовной статистики и состояния учета преступности в органах юстиции на современном этапе. Кроме того к учебнику приложена и программа по советской уголовной статистике. Как видно из перечисленных разделов, учебник охватывает значительное количество вопросов, имеющих большое теоретическое и практическое значение.

В первой главе учебника автор правильно отмечает огромное значение статистики в условиях социалистического строительства и в частности уголовной статистики для правильной организации всей системы уголовной репрессии.

Положительной стороной учебника является разоблачение фальши всей системы буржуазной уголовной статистики, пытающейся замаскировать классовую физиономию осужденных и классовый разрез уголовной репрессии в капиталистическом обществе. Ярким образцом этой фальши является применение методов математической статистики при учете судимости и репрессии. Автор вскрывает классовую природу установок «моральной» буржуазной статистики, показывая эклектизм ее методологии.

К сожалению, автор весьма кратко показывает влияние буржуазной, позитивистской методологии в разработке советской уголовной статистики, и отражение этого влияния в практике работы наших статистических органов.

Положительной стороной работы является освещение техники статистической отчетности в буржуазных странах и в СССР.

Но наряду с этими положительными сторонами учебника необходимо отметить и ряд недочетов, которые необходимо будет исправить в последующем издании.

Основной недочет учебника тот, что в нем крайне недостаточно разработаны методологические проблемы советской уголовной статистики. Это сразу бросается в глаза при анализе вопроса о содержании и методе уголовной статистики. Здесь подвергается, вполне заслуженно, критике теория факторов преступности в

буржуазной уголовной статистике. Но, к сожалению, отсутствует развернутая постановка вопроса о методологических основах советской уголовной статистики.

Можно, далее, указать также на ряд неряшливо сформулированных положений, которые могут повести к серьезным ошибкам. Например, на странице 35 мы читаем: «Если предпосылкой непользования данных уголовной статистики является всесторонний анализ классовой борьбы и ее форм, **то конкретной задачей уголовной статистики является исследование опосредствования этих форм классовой борьбы** на различных этапах социалистического строительства» (разрядка моя. — Б. М.).

Таким образом, уголовная статистика берет на себя задачу исследования опосредствования форм **классовой борьбы,** т. е. задачей уголовной статистики является не учет преступлений и наказаний, а изучение опосредствования классовой борьбы! Не слишком ли много берет на себя уголовная статистика? Не ясно ли, что этот тезис никак не увязывается со всей линией учебника, в котором неоднократно подчеркивается, что **«советская уголовная статистика не может претендовать на значение науки, самостоятельно вскрывающей и раскрывающей закономерности развития преступления и репрессии в пролетарском государстве»** (стр. 23). Поэтому и приходится предположить, что эти неувязки относятся за счет недостаточного внимания автора к некоторым формулировкам. В другом месте автор отмечает, что нужно весьма критически относиться к данным буржуазной уголовной статистики и особенно учитывать внесудебную репрессию. Это, конечно, правильно. Но в учебнике эта мысль сформулирована следующим образом: «Особо важную роль играет использование МОПР о белом терроре и классовой юстиции, позволяющих вскрыть процесс фашизации репрессии». Получается впечатление, что белый террор — это пока что только выражение процесса фашизации, и, таким образом, выпадает такая мелочь, что сейчас имеют место не только процессы фашизации в капиталистических странах, но и наличие в ряде государств озверелой фашистской диктатуры. Однако, несмотря на эти отдельные недочеты, учебник представляет весьма полезную работу и для преподавательской и для практической работы.

Совершенно очевидно, что на очереди дня стоит со всей остротой сейчас разработка ряда основных методологических проблем уголовной статистики. В качестве таких важнейших вопросов можно было бы отметить следующие: развернутое освещение методологии советской уголовной статистики, проблема изучения эффективности работы органов юстиции.

Теоретическая разработка этих проблем даст возможность во втором издании учебника глубоко развернуть основные методологические вопросы советской уголовной статистики.

Сталинский лозунг «кадры решают все» со всей остротой требует постановки и вопроса о подготовке кадров в области советской уголовной статистики. Общеизвестно исключительно тяжелое положение в этом отношении в аппарате органов юстиции, когда очень часто малограмотным работникам поручен статистический учет. Не говоря уже о том, что подчас мы сталкиваемся с исключительно формальным и безответственным отношением и судей и секретарей к заполнению важнейшего документа — статистической карточки на осужденного. Необходимо руководству органов юстиции приковать внимание судебных работников к серьезной постановке статистического учета. Необходимо провести также хоты бы краткосрочные курсы по переподготовке статистических работников в органах юстиции. Необходимо, наконец, приступить к созданию аспирантуры по уголовной статистике и к действительно серьезному развертыванию научно-исследовательской работы на этом участке теоретического фронта, недооценка которого еще весьма сильна и в настоящий момент.

Несомненно, работа т. Герцензона имеет важное значение и в том отношении, что она приковывает внимание судебных работников к вопросам советской уголовной статистики и дает толчек к марксистской разработке этих проблем.

Б. Маньковский.

Официальный отдел

О ВНЕПЛАНОВЫХ СТРОИТЕЛЬСТВАХ

Совет народных комиссаров Союза ССР постановлением 22/XII 1932 г. № 1893 — «О снятии финансирования и снабжения строительств, начатых без утверждения правительства» (прот. № 26) предложил «считать допущение такого внепланового строительства антигосударственным актом, а руководителей, допустивших его, привлекать к строжайшей ответственности с непременной отдачей под суд».

Контроль за недопустимостью внепланового строительства возложил постановлением СНК СССР 27/IV 1933 г. и 3/IX 1934 г. на соответствующие спецбанки.

Вопреки этим указаниям правительства и вопреки разъяснениям 35 и 42 пленумов Верхсуда Союза ССР, что расходование хозорганами оборотных средств на капитальное строительство является уголовно-наказуемым деянием, прокурорские органы на местах не уделяют должного внимания делам о допущении внепланового строительства и расходовании хозорганами оборотных средств на капитальное строительство и не ведут надлежащей борьбы с указанными нарушениями финансовой дисциплины.

Бывают даже случаи, когда спецбанки просят возбудить уголовное преследование против руководителей учреждений и организаций, до-

пустивших затрату оборотных средств на капитальное строительство, а органы прокуратуры в этом отказывают. Мотивировка таких отказов приводит к выводу, что прокурорские органы в самом факте внепланового вложения оборотных средств на капитальное строительство не усматривают состава преступления.

Так например, прокурор Пролетарского р-на г. Москвы Липов отказал московской конторе Всекобанка в возбуждении уголовного преследования против руководителей завода им. Сталина и орса этого завода за производство внеплановых затрат на капитальное строительство на сумму 1 337 000 руб., в три раза превышающую сумму, определенную по плану.

Помощник прокурора Западносибирского края Медведев, признавая, что сообщенный краевой конторой Всекобанка факт затраты Западносибирским мельтрестом оборотных средств на капитальное строительство подтвердился, тем не менее уголовное дело об этом производством прекратил «ввиду вынужденности затрат».

Расследование возбужденных спецбанками дел производится крайне медленно, и результаты расследования не сообщаются банком, несмотря даже на их запросы.

Западная областная контора Всекобанка, например, до настоящего времени не может, несмотря на неоднократные запросы, добиться от прокуроров Демидовского и Ржевского р-нов ответов о результатах сделанных ею в январе 1935 г. сообщений о допущенных хозорганами в нелимитных строительствах.

Должный надзор за прохождением в судах возбужденных дел об указанных нарушениях прокуратурой не осуществляется: дела, по которым судами вынесены оправдательные приговоры, в большинстве случаев прокуратурой не проверяются.

Обращая ваше внимание на совершенную недопустимость такого рода отношения прокурорских органов на местах к возбужденным спецбанками делами о внеплановом строительстве и о расходовании оборотных средств на капитальное строительство, Прокуратура Союза предлагает вам усилить надзор за соблюдением указаний правительства СССР по данному вопросу, не оставляя безнаказанным допущение внепланового строительства.

Действия лиц, виновных в допущении внепланового строительства и в расходовании оборотных средств на капитальное строительство надлежит квалифицировать по ст. 109 УК, а в исключительных случаях, когда такого рода нарушения носят незначительный характер или вызываются особыми условиями, — по ч. 2 ст. 112 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Зам. прокурора Союза ССР **Леплевский.**

13 ноября 1935 г.
№ 101/8.

О РАЗОВОМ СБОРЕ С КОЛХОЗНОЙ ТОРГОВЛИ

Постановлением ЦИК и СНК СССР 20/V 1932 г. «О колхозной торговле» для колхозов, колхозников и единоличников, торгующих продуктами своего сельского хозяйства, установлен единый по всему Союзу разовый сбор на покрытие расходов по содержанию рынков.

9/IV 1934 г. Наркомфин Союза ССР циркуляром № 218 предложил наркомфинам союзных республик издать подробные правила о порядке взимания разового сбора, предусмотрев, в частности, ставки разового сбора для «прочих» плательщиков, не предусмотренных постановлением ЦИК и СНК СССР 20/V 1932 г. Точных указаний о том, кто именно относится к категории «прочих», НКФ СССР не дали.

В настоящее время в Прокуратуру Союза ССР поступили сведения о том, что во многих местностях с перекупщиков и спекулянтов, проникающих на колхозные базары, взимается разовый сбор, установленный для «прочих» и что их преступная деятельность, таким образом, легализируется.

Прокуратура Союза ССР поручает вам срочно проверить существующий в вашей республике порядок взимания разового сбора, исходя из следующего:

Разовый сбор с колхозов, колхозников и трудящихся единоличников должен взиматься в порядке, установленном постановлением ЦИК и СНК СССР 20/V 1932 г. Разовый сбор с других категорий плательщиков может устанавливаться только на основании постановления правительства данной союзной республики (Положение о местных финансах). При этом должно быть предусмотрено, что взимание разового сбора может иметь место только с лиц, которым по закону предоставлено право торговли, а именно: а) с кустарей, продающих продукцию своего производства, б) с лиц, имеющих патенты на мелочную торговлю галантереей и другими предметами, разрешенными к торговле постановлением НКФ СССР 10/VI 1934 г., в) с трудящихся, продающих предметы собственного пользования или потребления.

В случае, если действующие в вашей республике правила взимания разового сбора противоречат указанному выше, установленному законодательством Союза ССР порядку, немедленно опротестуйте соответствующие постановления, которыми эти правила установлены.

Одновременно предложите органам прокуратуры на местах проверить практику взимания разового сбора местными финансовыми органами. Укажите им, что должностные лица, виновные в легализации перекупщиков и спекулянтов, путем приема от них разового сбора, должны привлекаться к уголовной ответственности как за пособничество спекуляции.

Об исполнении настоящих указаний сообщите.

Зам. прокурора Союза ССР **Г. Леплевский.**

16 ноября 1935 г.
№ 102/8.

Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР

за октябрь 1935 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1) Об образовании новых районов в Таджикской ССР — пост. ЦИК СССР 17/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 53, ст. 433).

2) О разделении Главного управления лесозаготовок, лесного хозяйства и сплава Урала, Сибири и Горьковского края на два главных управления — пост. ЦИК и СНК СССР 17/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 53, ст. 441).

3) Об упразднении Тарифного комитета при НКПС — пост. СНК СССР 4/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 54, ст. 443).

4) Об организации в системе Главного управления кино-фото-промышленности при СНК Союза ССР Всесоюзной строительной конторы Союзкинопромстрой пост. СНК СССР 1/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 54, ст. 446).

2. Военное и морское дело

5) О ношении формы и знаков различия, подобных или сходных со знаками Рабоче-крестьянской красной армии — пост. СНК СССР 14/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 51, ст. 425).

6) О переименовании Штаба Рабоче-крестьянской красной армии — пост. СНК СССР от 22/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 51, ст. 426).

7) О специальных званиях начальствующего состава Главного управления государственной безопасности НКВД Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 54, ст. 440).

8) Об изменении «Кодекса о льготах для военнослужащих и военнообязанных РККА и их семей» — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 55, ст. 448).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Земля и сельское хозяйство

9) О регулировании рыболовства и охране рыбных запасов — пост. СНК СССР от 25/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 53, ст. 420).

10) О распространении на свиноводческие хозяйства Наркомпищепрома постановления СНК Союза ССР от 5/VIII 1935 г. «Об улучшении работы свиноводческих совхозов системы Наркомсовхозов — пост. СНК СССР от 23/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 52, ст. 430).

11) О машинно-тракторных станциях и совхозах системы Наркомзема Союза ССР, отказывающихся от государственной дотации, — пост. СНК СССР от 1/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 53, ст. 435).

III. ФИНАНСЫ

12) О дополнении и изменении постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 27 июля 1934 года «О добровольном страховании» — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 51, ст. 423).

13) О работе Сельскохозяйственного банка — пост. СНК СССР 22/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 53, ст. 454).

14) О порядке принудительного списания с текущих счетов сельских советов сумм в погашение недоимок по взносам на социальное страхование — пост. СНК СССР 4/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 54, ст. 445).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

15) О снижении цен на хлеб и отмене карточной системы на мясо, рыбу, сахар, жиры и картофель — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 25/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 51, ст. 421).

16) О признании контрактационных договоров имеющими силу закона и об ответственности за нарушение этих договоров — пост. ЦИК и СНК СССР 21/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 51, ст. 422).

17) О переоценке остатка товаров на 1/X 1935 г. в связи с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) 25/IX 1935 г. «О снижении цен на хлеб и отмене карточной системы на мясо, рыбу, сахар, жиры и картофель» — пост. СНК СССР 27/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 51, ст. 424).

18) Об утверждении единых отпускных цен на изделия легкой промышленности — пост. СНК СССР 27/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 53, ст. 436).

19) О запрещении переброски продовольственных товаров из районов одного пояса в районы другого — пост. СТО 2/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 53, ст. 439).

20) О пересмотре норм естественной убыли на складах и при автогужевых и железнодорожных перевозках — пост. СНК СССР 4/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 54, ст. 444).

21) О снижении цен на хлеб, муку, зерно, крупу, макароны, мясо, рыбу, сахар, кондитерские изделия, жиры и картофель — пост. СТО 28/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 54, ст. 447).

V. КООПЕРАЦИЯ

22) О работе потребительской кооперации в деревне — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 29/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 52, ст. 427).

23) О реорганизации Центросоюза — пост. СНК СССР 29/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 52, ст. 428).

24) О выдаче долгосрочных ссуд на пополнение оборотных средств и на капитальное строительство из фонда долгосрочного кредитования кооперации инвалидов — пост. СНК СССР 22/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 52, ст. 429).

25) О порядке утверждения проектов и смет по капитальному строительству потребительской, промысловой, рыболовецкой и интегральной кооперации и кооперации инвалидов — пост. СНК СССР 9/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 55, ст. 450).

VI. КОММУНАЛЬНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ХОЗЯЙСТВО

26) Об утверждении «Правил о порядке застройки г. Москвы» — пост. СНК СССР 1/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 55, ст. 449-а).

27) Правила о порядке застройки г. Москвы — пост. СНК СССР 1/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 55, ст. 449-б).

VII. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

28) О предоставлении дополнительного отпуска лицам, проходящим обучение летному делу без отрыва от производства, — пост. СНК СССР 4/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 53, ст. 437).

VIII. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

29) О постановке учета естественного движения населения — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 21/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 53, ст. 432).

Приветствия, поступившие на имя прокурора Союза ССР т. А. Я. Вышинского

МОСКВА

В день своего общегородского собрания члены Московской коллегии защитников горячо приветствуют в вашем лице крупнейшего деятеля советской юстиции, лучшего друга советской юстиции, лучшего друга советской защиты, много потрудившегося над признанием и усилением ее роли в системе советского суда.

Московская коллегия защитников ясно сознает недостатки своей работы и приложит все усилия к тому, чтобы их исправить, и поднять качество защиты на уровень, достойный нашей великой родины и великой эпохи построения социализма.

ЧАРДЖУЙ

Коллектив работников Чарджуйской прокуратуры и суда шлет вам пламенный привет в день ознаменования XVIII годовщины Октября. Мы даем торжественное обещание еще больше стоять на страже Октября в деле борьбы с происками классового врага, на охране социалистической собственности и революционной законности.

Президиум
Сразмедов,
Барнашев,
Иванов.

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство Советское законодательство

Отв. редактор **А. Я. Вышинский**
Редколлегия: **Г. М. Леплевский, А. А. Сольц**
В. В. Сорокин, Л. М. Субоцкий, А. С. Шляпочников

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, вд. ЦИК, пом. 28.

Рукопись поступила в издательство 25/XI и 11/XII 1935 г. Сдано в производство 26/XI и 17/XII 1935 г. Подписано к печати 20/XII 1935 г. 4 п. л. 10,27 авт. листа; в одном бум. листе 193 680 печ. знаков

формат бум. 72×110. [illegible] п.; № 497.

Уполном. Главлита Б-13948 Заказ № 1525. Технический редактор А. Величко. Тираж 10 000

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», М. Дмитровка, 18.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1936 год

НА ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА „СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО“

СОБРАНИЕ
ЗАКОНОВ И РАСПОРЯЖЕНИЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР

Первый отдел

СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ И РАСПОРЯЖЕНИЙ

выходит отдельными изданиями на девяти языках: **армянском, белорусском, грузинском, русском, таджикском, туркменском тюркском, узбекском и украинском.**

В Собрании законов и распоряжений опубликовываются постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, ЦИК и СНК Союза ССР и СТО

ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Подписная цена: на 12 мес.—9 р. 60 к.
на 6 мес.—4 р. 80 к.
Цена отдельного номера 12 коп.

Выходит по мере поступления законодательных материалов с приложением по окончании года алфавитного указателя (80 номеров в год)

СОБРАНИЕ
ЗАКОНОВ И РАСПОРЯЖЕНИЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР

Второй отдел

Опубликовываются международные договоры, конвенции и соглашения, постановления о награждении орденами, уставы юридических лиц, утвержденные правительством Союза советских социалистических республик, и назначения личного состава высших правительственных учреждений Союза ССР.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Подписная цена: на 12 мес.—9 р.
на 6 мес.—4 р. 50 к.
Цена отдельного номера 25 коп.

Выходит по мере поступления законодательных материалов с приложением по окончании года алфавитного указателя (35 номеров в год)

СОБРАНИЕ
УЗАКОНЕНИЙ И РАСПОРЯЖЕНИЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР

Опубликовываются постановления Всероссийского центрального исполнительного комитета, Совета народных комиссаров и Экономического совета Российской социалистической федеративной советской республики

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Подписная цена: на 12 мес.—9 р.
на 6 мес.—4 р. 50 к.
Цена отдельного номера 15 коп.

Выходит по мере поступления законодательных материалов с приложением по окончании года алфавитного указателя (60 номеров в год)

СОКРАЩЕННОЕ СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ СОЮЗА ССР и РСФСР
ДЛЯ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ

Опубликовываются важнейшие акты правительства Союза ССР, ВЦИК, СНК и ЭКОСО РСФСР, имеющие отношение к деятельности сельсоветов, с приложением ведомственных материалов

ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

„Сокращенное собрание законов“

ОБЯЗАТЕЛЬНО К ПОЛУЧЕНИЮ ВСЕМИ СЕЛЬСОВЕТАМИ

Подписная цена: на 12 мес.—4 р. 80 к.
на 6 мес.—2 р. 40 к.
Цена отдельного номера 20 коп.

Выходит два раза в месяц

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ отделениями, магазинами, киосками, уполномоченными КОГИЗа и во всех почтовых пунктах СССР.

Подписку и деньги в издательство направлять не следует, издательство подписки не принимает и рассылки изданий не производит.

Цена 1 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Открыта подписка на 1936 год на журналы:

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

Орган Прокуратуры Союза ССР

ЖУРНАЛ освещает политику партии и правительства в деле укрепления социалистической законности и охраны общественной собственности по Союзу ССР от всяких покушений со стороны противообщественных элементов.

ЖУРНАЛ предназначается для работников органов прокуратуры, суда, милиции и уголовного розыска, исправительно-трудовых учреждений, работников исполкомов и сельсоветов, а также для учащихся правовых вузов и юридических курсов.

Подписная цена: на 12 мес.—12 руб., на 6 мес.—6 руб., на 3 мес.—3 руб.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 1 руб. ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ

СОВЕТСКАЯ ЮСТИЦИЯ

ОРГАН НКЮ РСФСР

освещает политику партии и правительства по укреплению социалистической законности Помещает руководящие статьи по вопросам судебной, прокурорской и следственной работы. Печатает руководящие материалы НКЮ, Верховного суда, Прокуратуры РСФСР и дает регулярно информацию о новом в деятельности НКЮ.

ЖУРНАЛ рассчитан на работников судебно-прокурорских органов, учащихся правовых вузов и юридических курсов.

Подписная цена: на 12 мес.—18 руб., на 6 мес.—9 р. на 3 мес.—4 руб. 50 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 50 коп. ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Орган Института советского строительства и права Комакадемии

(Советское государство)

ЖУРНАЛ освещает проблемы марксо-ленинского учения о государстве и праве, его применение в революционной борьбе мирового пролетариата и прежде всего в практике первого в мире государства пролетарской диктатуры.

ЖУРНАЛ рассчитан на научных работников, преподавателей, аспирантуру, руководящих работников советов, исполкомов, суда и прокуратуры.

Подписная цена: на 12 мес.—21 руб., на 6 мес.—10 р. 50 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 2 руб. 50 к. ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

АРБИТРАЖ

ОРГАН ГОСАРБИТРАЖА ПРИ СОВНАРКОМЕ СССР

ЖУРНАЛ освещает деятельность государственного и ведомственных арбитражей и печатает их решения по принципиальным и характерным спорам Уделяет большое внимание вопросам организации договорных связей, заключения и выполнения договоров, а также другим вопросам советского хозяйственного права.

ЖУРНАЛ рассчитан на работников государственного и ведомственных арбитражей, на хозяйственников и юрисконсультов предприятий и организаций.

Подписная цена: на 12 мес.—16 р 80 к., на 6 мес.—8 р. 40 к., на 3 мес.—4 р 20 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 70 коп. ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ

Подписка принимается отделениями, магазинами, киосками, уполномоченными Когиза и во всех почтовых пунктах СССР.

Подписку и деньги в издательство НЕ НАПРАВЛЯТЬ, так как издательство подписки не принимает и рассылки журналов не производит